

ДОМАШНІЙ БЫТЪ
РУССКАГО НАРОДА

въ XVI и XVII ст.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА ЗАВЪЛИНА

ТОМЪ ВТОРОЙ

МОСКВА.

Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.

1869.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ РУССКИХЪ ЦАРИЦЪ

въ XVI и XVII ст.

СОЧИНЕНІЕ Н. ЗАВЪЛІНА.

Царица Марья Нальбандовна Милославскихъ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и Коми., у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.

1869.

СОДЕРЖАНИЕ.

- ГЛАВА I. Женская личность в допетровском обществе.** Общія черты положенія женской личности въ допетровскомъ обществѣ. Сужденіе Ботошихина и сужденія изслѣдователей-идилликовъ 1—6. Существо вопроса 7. Каково было древнерусское общество 8. Его идеалы 8. коренное его начало 10. Родовой бытъ 11. Идиллія семейно-общиннаго быта 13. Смыслъ рода и смыслъ общины 16. Родовая идея есть идея родительской воли-опеки 28. Достоинствомъ личности было „отечество“ 33. Мѣстничество и вѣче суть выраженія древнерусской общественности 34. Существенный ея характеръ 37. Родовая идея—воспитательница русской личности 39. Домострой—школа личнаго развитія 39. Въ чемъ полагалась самостоятельность личности 57. Основныя черты характера русской личности: господарство воли и дѣтство воли 58. Общая характеристика допетровскаго общества 73.
- ГЛАВА II. Главныя черты женской личности в допетровское время.** Языческое время; княгиня Ольга 75. Вліяніе византійской культуры 83. Постнический идеалъ 91. Происхожденіе терема 94. Удаленіе женской личности отъ общества 98. Идеалъ постницы 104. Боярыня Морозова 105. Царевна Софья и значеніе царскаго дѣвчьяго терема въ концѣ XVII ст. 149.
- ГЛАВА III. Женская личность в положеніи царицы.** Особенности условія этого положенія 189. Причины, которыми вызваны такія условія 191. Государевы браки 209. Исторія государевыхъ невестъ 224. Прізваніе царицной личности 267.
- ГЛАВА IV. Обряды царицной жизни комнатной и выгодной.** Замкнутость царицнаго быта 285. Повседневное молитвенное правило 296. Молитва и милостыня, какъ общая стихія царицной жизни: богосольные выходы и выѣзды, повседневные и годовые 302. Приемы праздничные 341. Пріѣзды боярыни 346. Столы праздничные и семейные 353. Особые торжественные приемы 358. Приемы повседневные 365. Очеркъ комнатной повседневной царицной жизни 366. Выѣзды для гулянья 381.
- ГЛАВА V. Дворцовыя забавы, увеселенія и зрѣлища.** Общій обзоръ 388. Комнатныя забавы: дураки-шуты 407; бахары, допрачен, гусельники 424. Потѣшная палата: органы, цымбалы, скоморохи, потѣшный измѣць, металъники 432. Время царя Алексѣя 439. Верховное

- ниціе 443. Карлы 448. Потѣхи на дворцѣ: медвѣжья спектакли 453. Особыя зрѣлища: львы, слоны, олени, поедяки и др. 462. Комидійныя дѣйства 464. Первое устройство театра 469. Первые комидіи 471.
- ГЛАВА VI. Царицынъ дворовой чинъ.** Женскій чинъ: мамы и верховыя боярыни, ихъ честь и мѣсто 494. Казначей 505; учительницы, кормилицы, псаломщицы, свѣтныя боярышши 506; постельницы и комнатныя бабы 507. Мастерницы 508, портомои 509. Мужской чинъ приказный, крестовый, стольничій, походный, истопничій, мастерской 510. Царицына слобода Кисловка 520. Черты жизни и нравовъ младшаго чина дворовыхъ людей по сыскнымъ дѣламъ и челобитнымъ: дѣло о мышьякѣ 522. Приворотной корень обратити 529. Колдовство на царицынъ свѣдѣ 533. Посѣщное слово постельницѣ 543. Похвальба царицынѣмъ жалованнымъ челобитьемъ 546. Обманъ въ свадьбѣ царицынѣмъ жалованнымъ словомъ 549. Челобитье на поругательницу жену 553. Дѣло комнатной бабки 553. Царицынѣ дѣти боярскіе въ провожатыхъ за боярынею 556. Царевнина карлица въ гостяхъ 557. Дворцовая пропажа 559.
- ГЛАВА VII. Царицынѣ наряды, уборы и одежда.** Общій обзоръ 561. Головной уборъ: двѣичій волосной 577. Косникъ 578. Перевязка 579. Вѣнецъ 580. Коруна 582. Женскій: поддубрусникъ 583. Убрусь 584. Волосникъ 585. Чѣпекъ 586. Коруна, кива 587. Поднизъ 589. Рысы 591. Шляпа 593. Шапка 594. Каптуръ 600. Треухъ 602. Ларечная кузны: золото и саженье: монисто 603. Ожерелье 606. Серьги 608. Перстни 609. Обручи, запястья, зарукавья 611. Бузавки 613. Косметики 614. Фата 617. Одежды: сорочка 617. Тѣлогрѣя 620. Шубка 622. Лѣтникъ 624. Приволока 627. Распашница 629. Опашень 630. Кортель 631. Торлопъ 632. Ожерелье накладное 633. Рукавъ 634. Рукавки 634. Ширинка 636. Жезлъ царицынъ 638. Обувь: чулки 638. Башмаки, ичедыки 639. Чеботы 640. Сапоги 644. Мастерская Палата 644. Количество уборовъ и одеждъ 643. Остатки 646. Свѣтлица и ея рукодѣлья: общій обзоръ 647. Золотое шитье 655. Низанье 657. Знаменщики и знаменныя дѣла 658. Боярскія Свѣтлицы 659. Бѣлая Казна и Хамовное дѣло 661.
- МАТЕРІАЛЫ:** Крестоприводныя записи 3. Свадебныя прѣзды къ царю боярь 6. Царицынѣ походныя расходы 9. Розыски государевой казны у бывшей Царицы Шуйской 18. Описи платья и всякой казны времени царей Ѳедора Ив., Годунова и Шуйскаго 32. Записки верховому взносу и кроеню платья 58. Денежныя расходы Царицынѣй Мастерской Палаты 115. Общій счетъ прихода и расхода 131. Переписка дворецкаго и дяковъ 132. Записки товарнаго расхода, издѣльных и др. 150. Бѣлая казна: Хамовная слобода 160. Приходъ бѣлой казны 162. Расходъ 163. Записки кроельныхъ книгъ 166. Свѣтличныя знаменныя дѣла 169. Указатель предметовъ, упоминаемыхъ въ Матеріалахъ 174.

Описание рисунковъ.

- I. 1) Царица Марья Ильична шествуетъ въ монастырь къ панихидѣ. На ней убрусъ съ волосникомъ или шивкой, ожерелье жемчужное, ожерелье бобровое, шубка золотная накладная, въ рукахъ жезлъ и ширинка. 2) Стѣнные боярышни въ тѣлогрѣяхъ. 3) Крайчая Анна Михайловна Гельяминова, на ней убрусъ съ волосникомъ, бобровое ожерелье, лѣтникъ съ вошвами, въ рукѣ ширинка. 4) Верховая боярыня, несущая капунъ, кутью. На ней убрусъ съ волосникомъ, жемчужное и бобровое ожерелья, шубка накладная. 5) Верховая боярыня въ сопровожденіи. На ней убрусъ съ волосникомъ, тѣлогрѣя, въ рукѣ ширинка. 6) Стѣнная боярышня, несущая надъ царицею солнчики или зонты. На ней тѣлогрѣя. 7) Царица Евдокія кушаетъ во время своей свадьбы въ набушкѣ. На ней вѣнецъ, убрусъ, царская шубка—платно (сравн. № 9.)—8 и 10 боярыни въ каптурахъ, шубкахъ и тѣлогрѣяхъ.
- II. 1) Царица Марья Ил. шествуетъ въ большой праздникъ на богомолье въ церковь. На ней корона, убрусъ, ожерелья жемчужное и бобровое, шубка золотная накладная, въ рукѣ ширинка. 2) Дѣвица, несущая маленькаго царевича. На ней тѣлогрѣя. 3—5) Три старшихъ Царевны. На нихъ: вѣнцы, бобровыя ожерелья, золотныя шубки, въ рукахъ у старшей четка, у младшей ширинка. 6) Стѣнные боярышни, поддерживающія большой солнчики (балдахинъ). 7—8) Стѣнные боярышни въ предшествіи. На нихъ бобровыя ожерелья, тѣлогрѣи, въ рукахъ ширинки. 9—10) Крайчая и верховыя боярыни въ сопровожденіи. На нихъ: убрусы съ волосниками, бобровыя ожерелья, лѣтники съ вошвами, въ рукахъ ширинки. 11) Царица Евдокія царевною шествуетъ къ брачному вѣнцу. На ней: вѣнецъ съ убрусомъ и царская шубка—платно. Боярыни поддерживаютъ ее подъ руки. 12—13) Царица Евдокія царевною шествуетъ въ Грановитую Палату на брачное мѣсто. На ней: корона, тѣлогрѣя теплая, шубка. 14) Боярыня, несущая на блюдѣ икху. 15) Царица Евдокія въ своихъ хоромахъ, принимающая по случаю брака благословеніе Патріарха и поздравленіе отъ властей и бояръ. На ней: вѣнецъ съ убрусомъ, шубка—платно, въ рукѣ ширинка. 16) Царица Евдокія, входящая въ Успенскій соборъ къ брачному вѣнцу. На ней: кика, убрусъ, царская шубка—платно. 17) боярыни, сидяція за столомъ, въ каптурахъ и тѣлогрѣяхъ.
- III. 1) Убрусъ. 2) Жемчужное ожерелье. 3) Царица Евдокія, въ нарядѣ избранной невесты—царевны, ожидающая до времени въ своихъ хоромахъ выхода на свадебное мѣсто. На ней: вѣнецъ съ городы, тѣлогрѣя и шубка—платно. 4) Боярыни свахи. 5) Ца-

рица Евдокія, нареченная царвною, введена въ царскіе хоромы; на ней: вѣнецъ, тѣлогрѣя и шубка. 6) Дѣвицы боярышни, сопровождающія нареченную царвну. На нихъ: перевязки, тѣлогрѣя и шубки. 7) Нарядъ невѣсты нач. XVII ст.: кика, убрусъ, ожерелья жемчужное и бобровое, шубка — платно.

IV. 1) Вел. княгиня Елена Глинскихъ въ убрусъ, ожерельяхъ и въ шубкѣ — платнѣ. 2) Одежда XVI ст.: волосникъ, убрусъ, тѣлогрѣя. 3) Боярыни, сопровождающія в. к. Елену въ шляпахъ и убрусахъ. 4) Она же въ убрусахъ. 5) Шествіе великой няки Марыи Ив. во вдовьемъ старицкомъ нарядѣ. Сопровождающія ее: 6) женщины: убрусъ, распашница, тѣлогрѣя, башмаки. 7) Дѣвицы: шапка, ожерелье жемчужное, верхняя одежда — опашень.

V. Нарядъ женскій: 1) шапка, подзатылень, серьги, шубка. 2) Дворянка: шапка, тѣлогрѣя и верхняя одежда—шуба. 3) Шапка, убрусъ, серьги, ожерелья жемчужное и бобровое, тѣлогрѣя, чеботы. Нарядъ дѣвичій. 4) Шубка, чеботы. 5) Вѣнецъ, тѣлогрѣя.

VI. 1) Каптуръ, изъ подъ него видна часть ошивки. 2) Нарядъ дѣвичій: шапка, кика съ рясами, ожерелье, шапка и коса. 3) Убрусъ. 4) Шляпа, убрусъ, бобровое ожерелье. 5) Боярыня, подчивающая гостей: шапка, жемчужное ожерелье, лѣтничъ съ вошвами, въ рукахъ чарка. 6) Дѣвица въ сорочкѣ съ поясомъ. 7) Женщина въ нарядѣ XVI ст.: волосникъ съ убрусомъ, бобровое ожерелье, шубка, чеботы.

VII. 1) Ширинка. 2) Зимній нарядъ дѣвицъ дворянокъ: шапка лисья, тѣлогрѣя. 3) Дѣвичья повязка. 4) Нарядъ боярышень: шапка лисья, ожерелья жемчужное и бобровое, шубка. 5) Дѣвица посадская: шапка изъ медвѣжьего мѣха, шубка или сарафанъ. 6) Дѣвица въ сорочкѣ верхней и нижней съ поясомъ.

VIII. 1) Посадская дѣвица въ кикѣ и кафанѣ. 2) Дѣвичья повязка съ волоснымъ уборомъ въ двѣ косы. 3) Боярыня въ шапкѣ и въ опашнѣ. 4) Дѣвица въ сорочкѣ съ поясомъ. 5) Женщина посадская, въ охобнѣ, покрытая фатой.

ГЛАВА I.

ЖЕНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ ВЪ ДОПЕТРОВСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Общія черты положенія женской личности въ допетровскомъ обществѣ. Сужденіе Котошихина и сужденія изслѣдователей—идиалловъ. Коренное начало древнерусскаго общества. Родовой бытъ. Идиллія семейно-общиннаго быта. Смысль рода и смыслъ общины. Родовая идея есть идея родительской воли — опеки. Достоинство личности было «отечество». Истинничество и вѣче суть выраженія древнерусской общественности. Существенный ея характеръ. — Родовая идея — воспитательница русской личности. Домострой — школа личнаго развитія. Въ чемъ полагаемъ самостоятельность личности. — Основные черты характера русской личности. Государство воли и дѣтство воли. Общая характеристика допетровскаго общества.

Котошихинъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи „о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, рассказываетъ, что когда были московскіе послы на свадьбѣ у польскаго короля, то правили посольство и подносили свадебные дары отъ царя и отъ царицы особо королю и особо королевы. Править посольство значило исполнять его самолично предъ лицею потентата. Желая въ той же мѣрѣ отблагодарить московскаго царя, и польскій король посылалъ къ царю своихъ пословъ и велѣлъ посольство править и дары подносить отъ себя и отъ королевы, царю и царицѣ, тоже каждому особо, такъ какъ дѣлали наши послы въ Польшѣ. Этого, конечно требовало обычное вѣжество, обыкновенный этикетъ во взаимныхъ сношеніяхъ двухъ государей. Но, справивъ посольство и поднеся дары царю, польскіе послы, по московскому обычаю, не были допущены къ царицѣ. „А къ царицѣ посольства править и ее видѣть не допу-

ихъ иноземству и по высокому значенію ихъ рода, сама собою уже приобрѣтала въ глазахъ русскаго общества особенное, независимое положеніе, которое ни въ какомъ случаѣ не могло равнять ихъ съ *своими*, а потому и освобождало нѣкоторыя ихъ поступки отъ привычныхъ ограниченій женскаго быта. Но, воспитанныя въ обычаяхъ, дававшихъ большій просторъ женской личности, онѣ, однакожь, въ московскомъ дворцѣ, должны были жить такъ, какъ повелось изстари, т. е. должны были подчиниться тѣмъ понятіямъ и порядкамъ жизни, какіе повсемѣстно господствовали въ русской землѣ. А эти понятія почти были весьма *засторными* всякое обстоятельство, гдѣ женская личность приобрѣтала какой либо общественный смыслъ. Эти понятія признавали ея свободу и то въ извѣстной мѣрѣ, въ однихъ лишь семейныхъ отношеніяхъ и въ положеніяхъ исключительно семейнаго общежитія. Какъ скоро общежитіе принимало какую либо форму общественности и изъ домашней, семейной сферы переходило въ сферу жизни публичной, тогда и обнаруживалось, что женская личность не имѣетъ здѣсь своего мѣста, что безъ особеннаго *зазора* въ публичномъ общежитіи она не можетъ становиться рядомъ съ личностью мужчины. Извѣстная выработка идей и представленій въ этомъ направленіи привела вообще къ тому, что женская личность своимъ появленіемъ въ обществѣ нарушала какъбы цѣломудріе публичнаго общежитія, не говоря уже о томъ, что собственное ея цѣломудріе при такомъ подвигѣ, въ глазахъ вѣка, погибало окончательно. Одному мужчинѣ исключительно принадлежали интересы общественности. Онъ одинъ обладалъ правомъ жить въ обществѣ, жить общественно. Женщинѣ оставалась обязанность жить дома, жить семейно, быть человѣкомъ исключительно домашнимъ, и въ существенномъ смыслѣ быть вмѣстѣ съ домомъ и домочадцами только орудіемъ, средствомъ для жизни общественнаго человѣка—мужчины.

Въ одномъ только случаѣ самостоятельность женщины являлась законною и неоспоримою, въ томъ случаѣ, когда она становилась главою дома; а это могло произойти лишь при томъ обстоятельствѣ, когда, по смерти мужа, она оставалась *матерю* вдовою, т. е. вдовою—матерью сыновей. И мы видимъ, что *матеря* вдова въ древнемъ русскомъ обществѣ играетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мужскую роль; мы видимъ, что типъ этой личности приобрѣтаетъ сильныя самостоятельныя черты

и въ общественной жизни и въ историческихъ событіяхъ, а слѣдъ, и въ народной поэзіи, въ былинахъ и пѣсняхъ. Она пользуется и значительными юридическими правами.

Но матерая вдова всетаки была явленіемъ случайнымъ, въ некоторомъ смыслѣ исключительнымъ. Личность ея ни какъ не можетъ служить мѣрою самостоятельности женской личности вообще. Матерая вдова являлась случайнымъ представителемъ дома, семьи, которая стояла уже такъ связана на материкъ, т. е. на корню, ибо сыновья всегда придавали семьѣ именно это значеніе корня. Вдова бездѣтная, у которой не оставалось подъ ногами материка или корня, у которой со смертью мужа разрушалась и семья, такая вдова по убѣжденію вѣка равнялась въ своемъ значеніи съ сиротою, и въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи вмѣстѣ съ сиротами, убогими, калѣками и пр. и всѣми беззащитными личностями поступала подъ покровительство церкви, причислялась къ людямъ церковнымъ, *богатыльскимъ*, т. е. къ людямъ, забота объ участи которыхъ была *дѣломъ Божиимъ*, потому что не была дѣломъ общественнымъ. Вотъ почему вдова безъ сына почитаетъ себя тоже сиротою. Одно это можетъ уже свидѣтельствовать, что личность женщины не имѣла ни малѣйшей *общественной* самостоятельности и какъ скоро выдвѣялась изъ семьи, гдѣ только и сохраняла известную долю самостоятельности, то теряла и эту малую долю самостоятельнаго значенія и приравнивалась ко всѣмъ сиротствующимъ, совершенно беззащитнымъ въ общественномъ смыслѣ, такъ что по необходимости переходила подъ опеку церкви, подававшей ей руку вмѣсто общества, которое отрицало въ женскомъ достоинствѣ всякій смыслъ личности, имѣвшей какія либо общественныя, а не семейныя, только домашнія права.

Идиллики исторіи очень серьезно и съ подобающею ученостію, съ ссылками на лѣтописи и другіе источники, съ выписками подлинныхъ текстовъ, доказываютъ, что напр. „красота жены цѣнилась“: Святославъ женить сына Ярополка на плѣнницѣ гречанкѣ „красоты ради лица ея“; Ольга удивляетъ красотой лица греческаго императора; что „жена имѣла право на часть мужнина имѣнія; что всѣ заботы о дѣтяхъ возлагались на мать; что попеченія и заботы, которыя употребляла мать при воспитаніи дѣтей своихъ, давали ей въ народномъ воззрѣніи неоспоримое право на уваженіе послѣднихъ; что тѣсная связь матери съ дѣтьми не могла не оказывать вліянія на послѣднихъ;

характеръ матери явственно отражался и въ дѣтяхъ; что дѣвушку не стѣсняли въ ея дѣйствіяхъ (слѣдуютъ доказательства и подтвержденія о томъ, какъ дѣвнцы постригались въ монахини); что дочь дѣвицы имѣла участіе во всѣхъ событіяхъ своей семьи; что покидая семью родительскую, при выходѣ замужъ, дѣвушка однако не прерывала связи съ нею; что воспитанная въ общемъ кругу родной семьи, одинаково согрѣтая любовью отца и матери, русская женщина этого времени (до монголовъ), являясь женою, стоитъ нравственно на одномъ уровнѣ съ мужемъ. Въ этомъ лежитъ объясненіе тѣхъ отношеній, которыя возникаютъ между ними. Подружье — названіе жены въ книжномъ языкѣ, ладой зоветъ жена мужа въ языкѣ народномъ. Равна жена мужу въ законѣ: кто убьетъ жену — тотъ же судъ, какъ за мужа. (Здѣсь однакожъ законъ, Русская Правда, говоритъ вообще объ убійствѣ женщины, а не о женѣ мужа). Любите жену свою, учить дѣтей хорошій отецъ (Владиміръ Мономахъ, который тотчасъ же и прибавляетъ другое поученіе, пропускаемое авторомъ: *но не дайте имъ надъ собою власти*, что собственно значить: властвуйте надъ ними). Жена стоитъ рядомъ съ мужемъ, живетъ съ нимъ одною жизнію, раздѣляя радость и горе, сопутствуя ему всюду, участвуя въ самыхъ сокровенныхъ его думахъ. Мужъ видитъ въ ней лучшаго друга, спутника жизни, повѣряетъ ей все; что гдѣ бы ни былъ мужъ, мысль о женѣ не покидаетъ его; что жена была не стѣснена въ своей жизни, могла дѣйствовать свободно (доказательства: Верхуслава ведетъ переписку съ епископомъ Симономъ, принимаетъ большое участіе въ монахѣ Поликарпѣ, желая устроить его гдѣ либо епископомъ, вотъ и все); что жена могла имѣть свою собственную землю, села; жена независимо отъ мужа могла имѣть свою казну и т. д. ¹

Подобныя идилическія заключенія носятъ въ сознаніи многихъ изыскателей нашей старины; но въ сущности онѣ обнаруживаютъ только какое-то странное сомнѣніе во всемъ томъ, что составляетъ существо человѣка, будетъ ли онъ мужчина или женщина, и что никогда не подвергалось спору, въ чемъ ни одинъ разсудительный человѣкъ никогда и ни гдѣ не могъ

¹ Русская женщина въ до-монгольскій періодъ. Историческое изслѣдованіе Александра Добрякова. Спб. 1864. Стр. 32, 34, 35, 39, 57, 58, 62, 69, 77, 78 и мн. др.

сомнѣваться. Всѣ выводы, съ тѣмъ усердіемъ добытыя изъ летописей, житій, грамотъ и т. д. сводятся къ одному, что жена любила мужа, а мужъ любилъ жену; что мать любила дѣтей, а дѣти любили мать; что женщина, какъ членъ семьи, пользовалась семейными правами, пользовалась известными правами какъ человѣкъ вообще и какъ членъ семьи въ особенности. Ктоже могъ когда либо въ этомъ сомнѣваться. Исторія застаётъ древнюю Русь именно на той степени историческаго развитія, когда семья составляетъ единственный и непосредственный узелъ народной жизни, когда семья составляетъ существо, основу народнаго быта; когда, слѣдовательно, семейныя добродѣтели являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, естественнымъ продуктомъ жизни. Доказывать ученымъ образомъ, что мужъ любилъ жену, а мать любила дѣтей, все равно, что доказывать, что и въ старину жили также люди. Не въ томъ дѣло имѣла ли женщина чловѣкъ чловѣческія чувства, находилась ли въ чловѣческихъ отношеніяхъ къ отцу, къ мужу, къ дѣтямъ; вообще, не въ томъ дѣло, что именемъ женщины обозначался чловѣкъ женскаго пола; дѣло въ томъ пользовался ли женскій полъ общественными правами наравнѣ съ мужскимъ поломъ, т. е. въ равной половинѣ; была ли женская личность самостоятельна въ обществѣ именно этою своею женскою половиною; почиталась ли женская половина необходимою и самостоятельною половиною не семьи, а самого общества; или же эта половина въ сущности была только придаткомъ къ тому цѣлому, которое выражалось лишь одною личностью мужчины; вообще: была ли женская личность самостоятельна въ обществѣ сама по себѣ, какъ личность женщины, или же ея самостоятельность опредѣлялась только ея принадлежностью къ личности мужской, какъ напр. значеніемъ жены мужа, матери сына и т. п.

Вотъ вопросы, которые возникаютъ сами собою, когда намъ-рѣвеемся узнать, каково было положеніе женской личности въ допетровской Руси. Мы, однимъ словомъ, не должны смѣшивать понятій и свидѣтельствъ о правахъ женщины, какъ члена семьи, какія бы ни были эти права, нравственныя или юридическія, съ понятіями и свидѣтельствами о ея правахъ, какъ члена общества. Смѣшеніе, безразличіе этихъ понятій и производитъ путаницу въ нашихъ представленіяхъ о характерѣ и общественномъ положеніи древнерусской женщины.

Само собою разумеется, что въ этомъ случаѣ необходимо прежде всего узнать важнейшее обстоятельство, именно: признавало ли и могло ли признавать женщину своимъ членомъ древнерусское общество; а еще ближе, что такое было, каково было это самое общество, признавало ли оно вообще общественныя права личности, почитало ли оно личность общественною единицею, самостоятельнымъ цѣлымъ, которымъ держится само общество; ибо самостоятельность женской личности является лишь тамъ, гдѣ является самостоятельность человеческой личности вообще, гдѣ общество носить въ своемъ сознаниіи, а слѣд. и въ своемъ развитіи самую идею личности, идеалъ человеческого достоинства, независимо ни отъ какихъ частныхъ, случайныхъ бытовыхъ его опредѣленій.

Очень понятно, что русское допетровское общество въ своемъ взглядѣ на достоинство женской личности не могло стоять выше тѣхъ убѣжденій, которыя господствовали вообще въ средне-вѣковомъ европейскомъ обществѣ, которыя господствуютъ во всякомъ обществѣ младенчествуемъ. Точно также, какъ и вездѣ, на равной степени общественнаго развитія, русское общество опредѣляло нравственныя и общественныя права женской личности ветхимъ и по преимуществу восточнымъ сознаниемъ, что лицо женщины, каково бы ни было ея положеніе, не есть половина, а есть всетаки, въ отношеніи мужчины, — величина меньшая; что женщина, сравнительно съ мужчиною, есть малолѣтокъ, недоросль, членъ общества несовершеннолѣтній. Сама женская природа способствовала развитію такого убѣжденія.

Въ первую эпоху человеческой жизни въ понятіяхъ и представленіяхъ человѣка господствовалъ и управлялъ всею его дѣятельностью идеалъ богатыря, т. е. идеалъ собственной физической силы человѣка. Въ то время физическая сила была первою необходимостію для человѣка, а слѣд. первымъ, самымъ высшимъ, почти исключительнымъ его достоинствомъ. Въ то время, по естественнымъ причинамъ, человѣкъ вездѣ въ своей дѣятельности долженъ былъ богатырствовать, богатырски завоевывать себѣ положеніе и побѣждать природу больше силою плеча, чѣмъ силою ума. Богатырство было исходнымъ началомъ его жизни, оно же стало и высшимъ его идеаломъ. Подъ влияніемъ этого идеала и создались постепенно всѣ первобытныя воззрѣнія человѣка: въ его шкуру онъ мѣрилъ и всѣ свои первоначальныя отношенія, всѣ положенія своей жизни.

Очень понятно, что, по физиологическимъ особенностямъ своей природы, женская личность не могла приравняться къ этому идеалу, къ этой первоначальной и тогда единственной мѣрѣ человѣческаго достоинства. Правда, что въ богатырскій вѣкъ и она должна была носить въ себѣ нѣкоторыя богатырскія черты; но воплотиться богатыремъ ей было невозможно. Приванная природою къ рожденію дѣтей и ко всѣмъ тяжкимъ послѣдствіямъ этого дѣйствія природы, каково воспитаніе или собственно вскармливаніе ребенка и т. д., женщина однимъ этимъ дѣйствіемъ природы обрекалась уже на страдательную, вполне зависимую роль предъ личностью богатыря — мужчины, не говори уже о томъ, что самый ея организмъ, сравнительно слабый и нѣжный, никогда не могъ равнять ея физическія силы съ силами мужчины. Вотъ естественная причина, по которой богатырскія воззрѣнія первобытнаго человѣка очень легко могли воспитать въ его сознаніи мысль о великомъ различіи женскаго существа отъ мужскаго. Различіе въ физическихъ силахъ обоихъ половъ было слишкомъ очевидно, а между тѣмъ богатырскія силы, какъ мы сказали, были единою мѣрою человѣческаго достоинства, единою опѣнкою достоинства каждой личности. Такимъ образомъ сама природа женщины, вовсе не способная отвѣчать своею дѣятельностью первоначальнымъ идеаламъ человѣка, указывала женской личности мѣсто, которое въ отношеніи ея самостоятельности всегда колебалось, да и до сихъ поръ колеблется между мужиною и его дѣтьми.

Съ богатырской точки зрѣнія женщина — существо слабое, не только физически, но и нравственно и умственно. Она отличается дѣтскими чертами. Она даже и создана отъ кости самаго богатыря; она въ сущности его ребенокъ; поэтому зависимость, повиновеніе — вотъ ея идеалы, которыми она и воспитывается въ теченіи тысячелѣтій, т. е. во все то время, когда въ быту человѣческомъ долженъ былъ господствовать идеалъ богатырскій. Вообще достоинство женской личности на основаніи этихъ первоначальныхъ идей было возведено въ идеалъ милой жертвы, милой *хоты*, какъ выразилось Слово о полку Игоревомъ. Соответственно этому идеалу цѣнились и всѣ качества женской личности, вся такъ называемая женственность, какъ исключительная сила ея природы, понятая лишь такъ, какъ требовалъ именно этотъ идеалъ. Въ этомъ идеалѣ и выразился весь жанренный

смыслъ женской доли, весь смыслъ ея роли общественной, а стало быть и исторической.

Мы не должны также забывать, что эпоха богатырскаго идеала была вѣсть съ тѣмъ и эпохою идеала родительскаго, т. е. идеала родительской опеки, по которому всякая почему либо зависимая личность иначе не представлялась, какъ въ образѣ малолѣтства.

Естественно, что навсегда слабая и зависимая женская личность должна была навсегда же сохранить въ своемъ лицѣ образъ нескончаемаго малолѣтства, нескончаемаго дѣтства, ибо такова была сила первоначальныхъ богатырскихъ и патріархальныхъ убѣжденій человѣка.

Само собою разумѣется, что тѣже первоначальныя убѣжденія и идеалы управляли и нашимъ бытовымъ развитіемъ. У насъ по причинѣ нашей молодости они сохранились даже съ большею свѣжестью, чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ. Богатырскія идеи, какъ и идеи родительской опеки, у насъ живутъ еще до сихъ поръ, а въ допетровскую эпоху онѣ были въ полномъ цвѣтѣ.

Идеаль родительской опеки былъ основателемъ и устройте-лемъ всего нашего быта. По этому идеалу создано наше общество и государство. По этому идеалу наше общество представлялось совокупностью семьи или родни, такъ что его разряды или ступени, особенно низменные, иначе и не представлялись, какъ малолѣтними и постоянно обозначались именами родства, каковы были, *отроки, пасынки, дѣтскіе, молодь*. Самые низменные въ общественномъ смыслѣ именовались *сиротами*, т. е. людьми несчастными въ смыслѣ родства, а стало быть и въ общественномъ смыслѣ, каково было вообще неслужилое земледѣльческое и промышленное сословіе, необладавшее властнымъ положеніемъ въ обществѣ.

По идеалу родительской опеки, не только личность женщины, но и личность мужчины не имѣла никакого самостоятельнаго, независимаго значенія, по той причинѣ, что этотъ идеаль вообще не признавалъ, да и не могъ понять самой идеи личности. Онъ зналъ только идею рода, идею отчества, т. е. идею принадлежности лица извѣстному отцу или роду, идею полной зависимости лица отъ своего родства, вообще идею его дѣтства, а не идею его свободы и самостоятельности. Для него независимая личность получала смыслъ личности *зудимей*, какъ и называ-

ишь вольные люди, которые такъ сказать выпадали изъ родового круга, т. е. изъ круга известной зависимости или принадлежности къ тому или другому общественному разряду жизни.

Идея родовой зависимости построила по своему образу и всѣ эти общественные разряды, всякую другую зависимость, всѣ общественныя отношенія лица, весь общественный нашъ бытъ, такъ что древне-русское общество въ существенномъ и непосредственномъ смыслѣ есть собственно не общество, а родство, ибо его общее, его идея заключалась въ идеѣ рода, а не въ идеѣ независимой личности. Вотъ почему и древнiй нашъ бытъ очень основательно называется родовымъ бытомъ.

Но, говорить, у насъ не было родового быта, а былъ общинный бытъ, слѣд. и общественныя отношенія устроивались по другому, т. е. общинному началу; слѣд. не только мужчина, но и женщина пользовалась правами личности самостоятельной и независимой; ибо чтожъ такое община, какъ не совокупность болѣе или менѣе обособленныхъ, самостоятельныхъ, равноправныхъ и независимыхъ личностей. Дѣйствительно, понятiе объ общинѣ не допускаетъ иныхъ представлений въ отношенiи устройства общегитiя, въ отношенiи характера общественности; общее, значить равное для всѣхъ; община, значить равенство. Въ общинѣ, если она служитъ основой быта, невозможно представить себѣ какой либо иной порядокъ жизненныхъ отношенiй, какъ не порядокъ равенства, равноправности всѣхъ частей этого общаго цѣлаго. Все это такъ. Но одно необходимо помнить, именно: какую силу представляетъ каждая часть этого общаго цѣлаго, въ чемъ заключается существенный смыслъ каждой части; какого свойства эта единица, которая служитъ основой, носителемъ всего цѣлаго; носить ли въ себѣ эта часть, эта единица, смыслъ отдельной обособленной личности, независимой личности человека, самого по себѣ; или она изображаетъ совсѣмъ иное свойство, носить въ себѣ совсѣмъ иной смыслъ, именно, смыслъ человека не самого по себѣ, а какъ представителя или выразителя чего либо такого, въ чемъ его личность почитается за ничто, не имѣетъ ни малѣйшаго смысла и значенiя. Община, какъ равенство вообще, можетъ вмѣщать въ себѣ такiя составныя части, такiя единицы, которые хотя, по естественной необходимости, и будутъ лицами, но вовсе не будутъ представителями личности. Въ этомъ весь вопросъ. Наша древняя община была въ собственномъ смыслѣ общиною *родовою*, или еще

ближе общинноу хозяйствъ, домовъ, дворовъ, а не общинноу независимыхъ личностей. Чтобы уяснить себѣ справедливость такого заключенія, мы должны по необходимости остановиться на спорномъ вопросѣ о характерѣ и свойствахъ нашего древнѣйшаго быта. Въ настоящемъ случаѣ для насъ это необходимо по той причинѣ, что отъ уясненія этого вопроса вполне зависитъ уясненіе вопроса: что такое было древне-русское общество и каково было положеніе въ немъ женской личности?

Люди самыхъ противоположныхъ взглядовъ на существенный характеръ нашей допетровской исторіи будутъ, вѣроятно, согласны въ томъ, что въ древней русской жизни, домашней и общественной, съ особенною силою господствовало и управляло живнію отдѣльныхъ лицъ патріархальное родительское начало, что оно въ значительной степени господствуетъ даже и теперь. Иначе, конечно, и быть не могло, если непреложна та истина, что русская земля расплодился по преимуществу первобытною силою народненія, если *роды* были непосредственнымъ дѣятелемъ въ образованіи народной массы, если на самомъ дѣлѣ онъ былъ растительною органическою кѣлочкою, основою строенія каждаго племени и всего народа, если наконецъ сама *община*, являясь только совокупностью этихъ родовыхъ кѣлочекъ, совокупностью не отдѣльныхъ лицъ, а отдѣльныхъ хозяйствъ или дворовъ, въ которыхъ замкнулись отдѣльные роды или семьи. Мы пользуемся такимъ уподобленіемъ, предполагая яснѣе и нагляднѣе представить отношеніе такъ называемаго родового быта, къ быту, такъ называемому, общинному.

Такой естественный, почти физическій ходъ народной жизни существовалъ вездѣ. Въ другихъ странахъ онъ еще въ незапамятныя времена подвергся различнымъ колебаніямъ и стороннимъ вліяніямъ и потому очень рано утратилъ свой первобытный обликъ, не оставивъ по себѣ слишкомъ замѣтныхъ слѣдовъ. У насъ, въ нашей исторіи, въ нашей жизни, сравнительно очень молодой, наоборотъ, такіа слѣды можно наблюдать даже въ настоящую минуту.

Родовой бытъ, какъ жизненное историческое начало, для многихъ является предметомъ ошибочной, даже нелѣпой, и къ тому еще нѣмецкой теоріи; а потому, не рѣдко предметомъ голословныхъ отрицаній и даже остроумныхъ шутокъ. Намъ кажется что отрицатели и порицатели родового быта ведутъ споръ собственно о словахъ. Они упрекаютъ противниковъ въ неопредѣ-

личности будто бы понятій, заключающихся въ словахъ *родовой*; патриархальный и стараются опредѣлить эти слова, какъ говорится, научно, т. е. исключительно книжнымъ путемъ, болѣе въ духъ грамматическомъ, чѣмъ историческомъ, болѣе грамматическимъ именно смысломъ отрывочныхъ текстовъ, а не смысломъ самой жизни, развитой въ обществѣ составѣ древнихъ памятниковъ. Оттого они усердно ищутъ въ родовомъ бытѣ *учрежденія*, съ одной стороны — политическаго, каково напр. государственное устройство, съ другой — юридическаго, въ законахъ и нравахъ, и конечно ничего *учрежденнаго* въ этомъ смыслѣ не находятъ, вовсе забывая, что *родовой* бытъ не есть фактъ, а есть начало, стихія жизни, которая, какъ стихія, входитъ во всѣ факты, пронизываетъ ихъ, даетъ имъ свою окраску, формируетъ ихъ, но сама ни гдѣ въ особое учрежденіе не воплощается. Самое прилагательное: *родовой* — обозначаетъ только стихійное качество быта и вовсе не указываетъ какую либо учрежденную, т. е. законченную его форму. Точно также и существительное, *родъ*, вовсе не обозначаетъ какого либо учреждения, т. е. искусственной какой либо формы, выработанной развитіемъ общества. Это, напротивъ, непосредственная, естественная форма человеческой жизни, произведенная стихійною силою рожденія. Если же эта форма становится нормою, стихіею не только для домашнихъ, но и для общественныхъ отношеній народа, то, замѣчая повсюду ея присутствіе, изслѣдователь съ полною основательностію можетъ и весь народный бытъ обозначить именемъ этой стихіи, именемъ начала, которое движетъ всѣмъ этимъ бытомъ.

Однакоже отрицатели этого начала утверждаютъ, что „слово *родъ* значитъ собственно: *семья* и что поэтому у славянъ *родового* быта небыло, а была *семья* и *община*, что Русская земля есть изначала *наименѣе патриархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная* (именно общинная) земля“¹. По смыслу некоторыхъ летописныхъ и другихъ свидѣтельствъ слово *родъ* действительно обозначаетъ также и семью и даже семью въ тѣсномъ смыслѣ, на чемъ особенно, настаиваютъ защитники *семейной* и общинной теоріи. Но иначе не могло и быть, потому что семья служитъ составною частью или же зерномъ рода; понятіе о родѣ неизбежно заключаетъ въ себѣ и понятіе о семьѣ.

¹ Соч. К. С. Алексеева, ч. I. Стр. 92, 93, 124, и др.

Семья служитъ съ одной стороны, подъ видомъ старшей семьи, его коренемъ, его основой, а съ другой, выражаетъ, подъ видомъ младшихъ семей, его размноженіе, его развѣтвленіе; семья, однимъ словомъ, относится къ роду, какъ частное понятіе къ общему. Не мудрено, что въ текстахъ эти понятія очень часто переходятъ одно въ другое, мѣшаются, и доставляютъ легкую возможность подыскать доказательства, указывающія на тожество семьи и рода. Но что же изъ этого выходитъ? Что именно хотимъ мы опредѣлить называя народный бытъ *семейнымъ*? Не слишкомъ ли широко, пространно, не слишкомъ ли обще такое опредѣленіе? Люди всегда жили, теперь живутъ и всегда будутъ жить семейно. Это неизмѣнное условіе человѣческаго быта, которое въ отношеніи характеристика быта у извѣстнаго народа, на извѣстной степени его развитія, ничего доказывать не можетъ. Словомъ „*семейный*“ обозначается именно тотъ тѣсный, или, вѣрнѣе, частный смыслъ жизни, который навсегда останется въ быту человечества, какія бы формы и порядки ни принимало его развитіе; останется, какъ естественный, физиологическій законъ жизни. Намъ кажется, что, говоря фразу: „русская земля была наиболѣе семейная“, мы въ историческомъ смыслѣ ровно ничего не обозначаемъ. Другое дѣло, если мы, не взирая на обыкновенный жизненный смыслъ этого слова, создадимъ собственное понятіе о семьѣ, придадимъ ей свойства и качества, какихъ она никогда не имѣла, именно свойства и качества кроткой и мирной славянской домашней общины и назовемъ эту общину славянскою семьей, въ отличіе отъ обыкновенной семьи, отъ семьи вообще, тогда, конечно, мы откроемъ действительно характеристическія черты въ нашемъ древнемъ народномъ быту и по необходимости назовемъ его *семейнымъ*. Оно отчасти такъ и случилось въ защитникахъ семейно—общиннаго быта славянъ.

„Рода у древнихъ славянъ не было, говорятъ они, а была *семья*. Семья эта была семья въ тѣсномъ смыслѣ. Въ устройствѣ ея *кмы* и признака *родоначальническаго, патриархальнаго характера*. Напротивъ мы видимъ, что *вся члены ее не имѣютъ голоса въ вопросъ собственности*. Это назвать родовымъ устройствомъ невозможно. Если бы общество было построено на основѣ родоваго, патриархальнаго быта, такъ, чтобы въ его устройствѣ находилось отраженіе этого быта, мы могли бы признать родовой бытъ основнымъ элементомъ, существующимъ

въ народѣ (напримѣръ въ Китаѣ). Но когда предъ нами явленіе совершенно противоположное, когда не только общество, а даже семья построена подъ вліяніемъ общиннаго начала, какъ можемъ мы тутъ найти родовой бытъ?... Что же вообще была славянская семья? Она была семья; но какъ скоро вопросъ становится общественнымъ, какъ напр. вопросъ о владѣніи (на землю право имѣла вся община), то она, стороною къ этому вопросу, становилась сама *общиною*. Какъ скоро встрѣчается другой общественный вопросъ народнаго совѣщанія, вѣча, она опять становилась *общиною* и отъ нея шелъ представитель: или старшій, или избираемый ею (какъ въ „Судѣ Любуши“). Кто изъ дѣтей отдѣлился отъ семьи и жилъ отдѣльно, тотъ уже отрѣшался отъ семьи и не наследовалъ ей, — семья снималась въ числѣ. Съ другой стороны она могла расширяться по произволу, могла принимать въ свой составъ родившихся съ нею и даже постороннихъ, но въ этомъ случаѣ соединеніе дѣлалось относительно *свободнымъ*; собственность не принадлежала всѣмъ принятымъ (вспомнимъ выморочное наследство), но общинъ было *малозначително* *малочисленно*, во время котораго, въ распоряженіяхъ по нуждѣ, естественно имѣли голосъ не только члены самой семьи, но и всѣ и тѣ, кого она приняла въ составъ свой. Раздѣлъ же былъ всегда возможенъ, ибо постоянно дѣйствовала живая, свободная воля. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ семья являлась, какъ община, имѣли голосъ не только дѣти, не только семья собственно, но и другія лица, принятые въ семью. Но здѣсь является вопросъ: при такомъ общинномъ значеніи семьи въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ, гдѣ даже дѣти имѣли голосъ, не подрывается ли ея значеніе семейное, кровное? Нисколько, продолжаетъ семейная теорія. „*Семейное чувство* и *семейный бытъ* крѣпки были, крѣпки теперь и крѣпки будутъ у славянскихъ народовъ, пока они не утратятъ своей народности. На это доказательствъ такъ много, и прошедшихъ и современныхъ, что мы не считаемъ нужнымъ на нихъ указывать.... *Семейное начало*, конечно было твердо и въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ говоримъ, — и было твердо оно, какъ *начало чисто нравственное*; оно жило въ нравственной свободѣ, въ любви, въ духѣ чловѣка; оно было вполне чисто у славянъ, ибо съ нимъ не связывалась выгода, ибо оно не нуждалось въ житейскихъ подпорахъ. Да и кто мѣшалъ *семейной общинѣ* свободно и любовно исполнять волю отца? Изъ этого *областнаго* видимъ

мы, какъ свято и нравственно понята была славянская семья, какъ всякій расчетъ былъ удаленъ отъ святаго семейнаго чувства (!) Чисто нравственная, чисто духовная сила *семейнаго начала* (каково оно у славянъ) всего болѣе ручается за существованіе, глубину и вѣковѣчную прочность онаго. А *чувство семейное* и *семейное начало*, повторяемъ, глубоко и неразрывно соединено съ существомъ славянина“¹.

Вотъ основанія тѣхъ представленій о древнемъ нашемъ бытѣ, по которымъ этотъ бытъ именуется *семейно-общиннымъ*, и въ которыхъ сосредоточиваются всѣ доказательства и доводы его защитниковъ или отрицателей родоваго быта. Мы полагаемъ, что читатель замѣтитъ здѣсь несравненно болѣе теплой любви къ идеалу семейной общины у древняго славянина, чѣмъ основательнаго разъясненія существовавшей некогда живой дѣйствительности; несравненно болѣе фантази и стала быть поэзіи, чѣмъ, разсудительной, хотя бы и суровой, прозы, разъясняющей существо дѣла. А дѣло это въ томъ, что все, что ни сказано здѣсь о семьѣ-общинѣ, именно объ общинномъ ея значеніи и характерѣ, должно относиться прямымъ и непосредственнымъ образомъ къ понятію не о семьѣ собственно, а о *хозяйствѣ*, именно о *дворѣ*; такъ что если вмѣсто слова *семья*, мы поставимъ слово *дворъ*, хозяйство, по древнему *восточарство*, то получимъ совершенно правильное, вполне соответствующее дѣйствительности представленіе о томъ, что именно намъ вѣдалась вынести общинная теорія. Ей необходимо было доказать, что *семья* славянская была не семьей въ обыкновенномъ смыслѣ, а была въ сущности необыкновеннымъ явленіемъ, она была *семья-община*. Такому значенію семьи вполне соответствуетъ *дворъ*. Но почему семья, живущая во дворѣ, приобретаетъ это значеніе? Потому, что существо двора, его корень есть имущество, хозяйство-господарство; а хозяйство-господарство по естественной необходимости ведется, строится, наживается общими, совокупными усиліями, работами и заботами всѣхъ, живущихъ на этомъ хозяйствѣ; всѣ стало быть, вносить свою долю труда въ общій оборотъ хозяйства; всѣ стало быть, вѣдуть полное право и на свою долю пользованія общими хозяйскими имуществомъ. Изъ того же источника вытекаетъ и относительное равенство голосовъ въ общихъ дѣлахъ хозяй-

¹ Соч. К. С. Авдеева, I, стр. 22—23; сравн. также стр. 90 и 91.

ства-двора; непререкаемое право *думы*, непререкаемое право *представительства* въ общихъ совѣщаніяхъ. Однакожъ всѣ эти права въ сущности есть простые естественныя права семьи, по которымъ обыкновенно выходитъ, что отецъ обязанъ вскормить свое рожденіе, своихъ дѣтей, а взрослые дѣти обязаны помогать отцу-кормителю, чтобы точно также и сами кормиться отъ семейнаго хозяйства; что отецъ необходимо всегда совѣтуется съ возрастными дѣтьми и родичами, а возрастные дѣти и родичи всегда убѣждены, что безъ ихъ *думы* и согласія онъ никогда ничего не предприметъ по общему для всѣхъ дѣлу. Все это были и есть непосредственныя права рожденія. Самая собственность, дворъ-хозяйство, носила въ своемъ смыслѣ ту же идею кровнаго союза въ ея вещественномъ проявленіи, т. е. общемъ хозяйствѣ семьи. Дѣти, приобретаая своимъ рожденіемъ право быть дѣтьми своего отца, вмѣстѣ съ тѣмъ приобретали право пользоваться отцовскою, а по крови, стало быть, и своею собственностію; они и дѣлили ее, когда они, какъ кровь семьи, считали необходимымъ разойтись въ разныя стороны и зажить особою самостоятельною жизнью. Раздѣлялась кровь семьи, раздѣлялась и собственность семьи, какъ вещественное ея выраженіе.

Мы недумаемъ, чтобы къ идеалу такихъ отношеній могло удобно прилагаться понятіе объ общинѣ, а тѣмъ менѣе самое слово: община. Собственность, именно дворъ-хозяйство, придавала семьѣ лишь видъ общины. Эта община была только количествомъ родныхъ лицъ, жившихъ на одномъ хозяйствѣ. Внутри же, въ качествѣ союза этихъ лицъ, въ духѣ этой общины, жила создавшая ее идея кровнаго союза. По этой идеѣ и была построена внутренняя домашняя жизнь этой общины. Она въ полной силѣ господствовала внутри каждаго двора и ни подъ какимъ видомъ недопускала равенства лицъ, тамъ жившихъ, недопускала даже малѣйшей возможности такого равенства, самой мысли о немъ, что съ особенною силою и образностью выражалось всегда, напр. въ отношеніяхъ женатыхъ братьевъ, замужнихъ сестеръ, въ отношеніяхъ свекрови къ невесткѣ, въ отношеніяхъ золовокъ къ той же невесткѣ и т. п. Во дворѣ жила семья, слѣдовательно тамъ жило естественное раздѣленіе людей на отцовъ и дѣтей, на старшихъ и младшихъ по крови. Какая же тутъ можетъ существовать община, т. е. равенство лицъ, правъ. Родитель по естественнымъ причинамъ становился главою и властито-

внѣ своей семьи; въ его рукахъ сосредоточивалась патриархальная опека не только надъ дѣтьми, надъ своимъ рожденіемъ; но даже и надъ матерью этого рожденія, значеніе которой, какъ мы упоминали, всегда колебалось между значеніемъ главы семейства и значеніемъ его рожденія, т. е. его дѣтей. Прадѣ его лицомъ всѣ члены семьи были по самому существу дѣла малолѣтними. Не говоря о томъ, что сила его опеки и власти увеличивалась и развивалась пропорціонально бессилію или даже совершенному отсутствію опеки гражданской; въ собственномъ смыслѣ общественной, которую напрасно мы будемъ воображать въ обществѣ младенчествуемъ. Въ такомъ обществѣ, каковыя было и древне-русское, родительская опека означаетъ все то, чѣмъ обезпечивается свобода и нравственное и имущественное положеніе личности въ современномъ быту, всѣ эти государственныя, правительственныя, общественныя учрежденія и многочисленныя гражданскія охраны. Очень естественно, что по тойже самой причинѣ въ древне-русскомъ обществѣ родительское начало опеки выростало до разбѣровъ, теперь намъ мало даже и понятныхъ.

Мы совершенно согласны съ утвержденіемъ семейно-общинной теоріи, что древне-русская „семья была семья въ тѣсномъ смыслѣ“, но никакъ не можемъ согласиться съ другимъ ея утвержденіемъ, что въ устройствѣ этой семьи „нѣтъ и признака родоначальническаго патриархальнаго характера“, что вообще у „древнихъ славянъ не было рода“. Мы, напротивъ, и тамъ именно, гдѣ эта теорія видитъ *селью-общину*, видимъ только одинъ родъ, не видимъ даже и семьи въ ея прямомъ и тѣсномъ смыслѣ. Понятіе о семейной общинѣ возникло у этой теоріи изъ представленія о собственности, о дворѣ-хозяйствѣ, на которомъ всегда и жила семья-община. Положимъ что хозяйство заводилось и дворъ строился первоначально одною семьей, въ тѣсномъ смыслѣ семьей. Но такая семья никогда не оставалась замкнутою въ этомъ тѣсномъ смыслѣ; она тотчасъ развѣтвлялась и обыкновенно къ основному хозяйству самъ собою приростали другія новыя семьи: являлась община, пожалуй; но община родныхъ семей, община-*родня*, а въ простомъ смыслѣ являлся *родъ*. Семья, по просту, разрасталась въ родъ, т. е. въ кровную совокупность старшихъ и младшихъ семей, выросавшихъ на одномъ корню. Отецъ становился, уже дѣдомъ, прадедомъ, дѣти являлись уже внуками, правнуками. Этотъ

новый типъ быта, не злоупотребляя словами, мы не можемъ называть общедо, а такъ же и общиною. Нельзя воздвигать такъ цѣлую совокупность семей, совокупность *родовъ*, дѣтей *рода*, а не отца только; между вогорамми воздвигаютъ счеты и отношенія уже не семейныя, а именно *родовыя*. Самое имущество, дворъ, какъ корень матеріальнаго существованія семьи, приобретаетъ смыслъ имущества уже не семейнаго, а *родоваго*. Конечно, оно становится *общимъ* имуществомъ, но для кого? Лишь для одного кровнаго родства. Центръ тяготѣнія уходитъ уже къ роду, а не остается только въ семьѣ. Во дворѣ, на общеніи хозяйствъ живетъ уже родъ, а не семья. Въ дѣйствительности такъ и было въ древней Руси. Дворъ именно былъ средою *родоваго быта*, выразителемъ *родоваго устройства жизни*, былъ экономическимъ, хозяйственнымъ типомъ *рода*¹. Въ сѣверной, собственно въ Великой Руси и теперь часто встрѣчается, что во дворѣ живетъ цѣлый родъ, а въ древнее время этому способствовало множество причинъ, напр. самый наборъ данн съ двора, съ дыма, отъ плуга, отъ рала, слѣд. съ хозяйства или тоже съ двора, что, практически, должно было единить родство на одномъ мѣстѣ, принуждало жить къ одному дворѣ цѣлымъ племенемъ: „живяху кождо съ своимъ родомъ“. Нельзя же полагать, чтобы наши далекіе предки не могли, какъ говорится, двухъ пересчитать, т. е., помѣть, какъ легче платить дань, съ семьи только или съ цѣлаго рода, когда основой данн была не душа, а хозяйство. Такимъ образомъ выраженіе лѣтонисца: „живяху кождо съ своимъ родомъ“, мы почитаемъ типическимъ, какъ для цѣлаго племени, такъ и для каждой его первоначальной единицы, т. е. для двора, для единичнаго хозяйства. Въ отношеніи пользованія общими, т. е. родовымъ имуществомъ, на чемъ собственно и построена семейно-общинная теорія, мы скажемъ, что самымъ выразительнымъ типомъ этого пользованія былъ нашъ княжескій рюриковскій родъ, для котораго русская земля была такимъ же дворомъ-хозяйствомъ, какимъ былъ въ собственномъ смыслѣ дворъ-хозяйство для тогдашняго престянина. Періодъ княжескихъ междоусобій былъ собственно борьбою за это пользованіе общими имуществомъ, въ которой именно никакъ не

¹ Сравн. предсѣдуюшую статью г. Кавелина: *Мысли и замѣтки о Русской Исторіи*, въ *Восточнѣхъ Европѣ* 1886 г., томъ II.

могли помириться между собою стихіи или, пожалуй, взгляды, родовые и семейные; въ томъ состояла и самая борьба. Впоследствии семейные взгляды побороли, а на семейномъ началѣ выросла и личность, къ чему конечно стремилась вся наша исторія. — Какъ бы ни было, но назвать княжескій *родъ* общиною по случаю общаго владѣнія и пользованія имъ русскою землею мы никакъ не сможемъ. Переходя къ частнымъ типамъ такого владѣнія и пользованія, мы еще меньше имѣемъ возможности обывать ихъ общинами, ибо въ нихъ еще тѣснѣе слималась стихія рода, чему сильно способствовалъ типическій видъ собственности, дворъ-хозяйство. Это хозяйство было общинн., родовымъ; но кто собственно властвовалъ надъ этимъ хозяйствомъ, управлялъ имъ? Въ семьѣ управлялъ и властвовалъ родитель и тотъ же родитель властвовалъ и надъ родомъ. Община — родня, какъ совокупность живыхъ лицъ, само собою разумѣется, имѣла въ общихъ дѣлахъ хозяйства и голосъ и права; но это былъ голосъ и права дѣтей, членовъ кровнаго союза, а не свободныхъ лицъ, членовъ союза общиннаго. Полагаемъ, что здѣсь существуетъ великая разница. Семья, какъ мы сказали, разрасталась въ цѣлый родъ; она становилась пожалуй общиною семей, (хотя это общее представляло все одинъ и тотъ же типъ). Существенное же положеніе ея власти отъ этого нисколько не измѣнялось. Напротивъ, отъ размноженія семьи лицо родителя пріобрѣтало еще большее освященіе; онъ уже былъ не только отецъ, но и отецъ отцовъ, *родо-начальникъ*; затѣмъ все его *рожденіе* оставалось въ тѣхъ же естественныхъ отношеніяхъ дѣтства, малолѣтства къ *родо-начальнику* и въ отношеніяхъ старшинства и меньшинства между собою, смотря по восходящему или нисходящему порядку рожденія. Никакого равенства членовъ здѣсь быть не могло. Равенство или *общее* для всѣхъ было то, что всѣ были родня между собою, всѣ имѣли и голосъ и права родни, известныя права. О самостоятельной личности здѣсь нельзя и думать. Здѣсь лицо не само себя представляло, а являлось представителемъ известнаго старшинства или меньшинства по степенямъ рожденія. Самый *родо-начальникъ* вовсе не былъ представителемъ собственного лица, собственной своей личности, а представлялъ онъ лишь старшинство рожденія. Въ сущности это былъ олицетворенный родъ. Личное начало совсѣмъ изчезало въ идеѣ рода. Смутное представленіе объ этомъ именно отношеніи личности къ роду, о господствѣ

чего-то *общаго*, вмѣсто *личнаго*, и понудило семейно-общинную теорію вообразить здѣсь, вмѣсто рода, общину. Теперь очень трудно войти въ жизненный смыслъ понятій рода, въ эту родовую идею, трудно представить себѣ насколько въ самомъ дѣлѣ были крѣпки, совсѣмъ неразрывны эти узы рода и родства, вязавшія и путавшія личность на каждомъ шагу, во всѣхъ ея даже малѣйшихъ нравственныхъ движеніяхъ. Требовалось дѣйствительное, эпическое богатѣйство, чтобы вырваться изъ этихъ нравственныхъ узылицъ. Еслибъ эти узы были только семейныя, какъ должно называть ихъ по увѣренію отрицателей родового быта, тогда не объ чемъ было-бы и толковать. Въ характеристикѣ быта, какъ мы замѣтили, семейныя узы ничего не опредѣляютъ: онѣ въ такой же силѣ существуютъ и теперь, какъ существовали за нѣсколько вѣковъ и даже тысячелѣтій. Для личной жизни семейныя узы—необходимая нравственная сфера. Личность въ нихъ не пропадаетъ, хотя и остается нѣкоторое время пассивною въ лицѣ дѣтей. Другое дѣло именно узы рода и родства, т. е. распространение смысла и духа непосредственныхъ семейныхъ связей и отношеній на множество лицъ, составляющихъ уже не семью, а дѣльный родъ и въ иныхъ случаяхъ совсѣмъ постороннихъ старшей семьѣ, напр. въ лицѣ зятьевъ и невѣстокъ. Здѣсь личность совершенно теряется въ сплетеніяхъ родового старшинства и меньшинства и, подчиненная счетамъ этихъ сплетеній, никогда не пользуется самостоятельнымъ независимымъ положеніемъ. Такую связь людскихъ отношеній мы не можемъ называть только семейною, а тѣмъ еще меньше общинною. — Это связь въ прямомъ и точномъ смыслѣ родовая.

Такимъ образомъ, намъ кажется, что отрицатели и порицатели родового быта ведутъ споръ только о словахъ. Они говорятъ, что рода не было, а была *семья*, что было *семейное чувство*, *семейное начало* (жизни), какъ начало чисто нравственное, что *семейная община* любовно исполняла волю отца и т. д. Со всѣми такими утвержденіями мы согласны вполне. Семейное чувство, семейное начало жизни мы почитаемъ нравственною стихіею древнерусскаго быта, основою всѣхъ его жизненныхъ движеній. Мы только, желая вѣрнѣе и точнѣе обозначить свойства этого быта, именуемъ его не семейнымъ, а родовымъ, и въ той семьѣ, какую изобразила намъ общинная теорія, видимъ родъ, въ семейномъ чувствѣ — именно родовое чувство; въ се-

нейшей общины — родовую общину или общину родня. Семейство именуемъ семью въ тѣломъ, т. е. въ ея собственномъ, прямомъ смыслѣ; не почтено уместнымъ перенести этотъ смыслъ на новый своеобразный порядокъ жизни, для обозначенія котораго существуетъ свое, ему именно принадлежащее слово. Родъ есть семья семей, что, конечно, не одно и то же съ семьею въ обыкновенномъ смыслѣ. Оттого родъ есть въ тоже время и община съ правами невѣстнаго равенства и представительства, какия всегда неизменно принадлежали родня. Родовое чувство, родовое начало управлявшее нашими старымъ бытомъ, есть въ сущности родовая идея, которая была творцомъ нашего единства, нашей народной силы, творцомъ всѣхъ нашихъ народныхъ добродѣтелей и всѣхъ нашихъ народныхъ напастей, государственныхъ и общественныхъ.

Но была же, однако, община въ древней Руси? Дѣйствительно была и дворъ, этотъ неизбежный сосудъ родоваго быта, своею вѣншею стороною, тою стороною, что онъ есть собственность или часть общей земской собственности, является единицею общиннаго быта. Дворъ былъ жилищемъ для семьи-рода, онъ же былъ земскимъ имуществомъ, частью земли, на которой сидѣло племя; въ этомъ послѣднемъ своемъ значеніи онъ и является единицею новыхъ отношеній того же племени, онъ тягетъ къ общимъ дѣламъ земли.

Сидѣнье племени на одной землѣ, владѣнье угодьями этой земли, общее мило на защиту или въ дань, какое неизбежно явилось отъ сидѣнья-владѣнья на той землѣ, — все это само собою становилось общимъ дѣломъ земли и создавало общинную жизнь.

Въ общихъ земскихъ дѣлахъ кто же долженъ былъ принимать участіе въ общемъ тѣлѣ, какъ не хозяинъ земской же единичной собственности, единичнаго хозяйства, частнаго, особаго сидѣнья на землѣ, особаго пользованія ея угодьями? Дворъ былъ выразителемъ этой особности. А кто былъ выразителемъ двора? Конечно его хозяинъ, большой. Большимъ же былъ отецъ или *родо-начальникъ* и никто другой, т. е. въ собственномъ смыслѣ старшій, большой по крови. Такъ было и иначе быть не могло. Идея отца или родоначальника не умирала; въ однихъ только ея рукахъ соблюдалась власть во дворѣ хозяйствъ. Умирало лицо — т. е. отецъ, но идея была бессмертна: въ отца никто не вступалъ старшій, большой изъ оставшихся въ живыхъ. Этотъ старшій всегда и былъ выразителемъ жившаго во дворѣ

домовля; естественно, что она не могла быть и выражателем двора, как особаго земскаго имущества. Но что же собственно выражалъ онъ въ глазахъ земщины? Для нея выражалъ онъ только особое имущество, только дворъ, въ которомъ жила его рожденіе своимъ особымъ хозяйствомъ. Земская община, это общее сидѣніе на землѣ, мордець своихъ отнесеній ничего другаго не могла признавать, какъ ту же землю, т. е. недвижимое имущество, иначе подражание землею. Изъ этого корня выросло навѣстное равенство всѣхъ членовъ земщины. То есть какихъ же членовъ? Именно частныхъ, особнхъ владѣльцевъ земли, какими были не лица собственно, а дворы-хозяйства. Лицо здѣсь исчезало въ понятіи земской собственности, такъ какъ внутри двора оно исчезало въ смѣтеніяхъ кровной связи. Для земской общины нуженъ былъ лишь хозяинъ, представитель своего особаго имущества, но не представитель собственного лица. На особомъ хозяйствѣ могла жить одна семья, могли жить нѣсколько семей, цѣлый родъ, со многими домохозяевами; но для земской общины всѣ лица, жившіе при хозяйствѣ, т. е. жившіе на особомъ земскомъ хозяйствѣ, не имѣли значенія и никакого смысла. Для нея смыслъ заключался въ одномъ лишь хозяйствѣ этого хозяйства или въ тѣсномъ и непосредственномъ смыслѣ въ самомъ хозяйствѣ съ его представителемъ. Такимъ образомъ земская община, было ли то въ деревнѣ, въ городѣ, въ цѣлой области, являлась въ существенномъ своемъ смыслѣ общиною хозяйствъ, а не людей, именно общиною дворовъ, совокупностью хозяевъ домовладыкъ, какъ представителей частныхъ отдѣльныхъ хозяйствъ. Въ ней лицо разсматривалось лишь съ имущественной земской точки зрѣнія, съ точки зрѣнія владѣнія землею, сидѣнія на общей землѣ. Ясно, что здѣсь не было мѣста для нравственныхъ опредѣленій личности, для личности самой по себѣ, для свободной личности въ нравственномъ ея значеніи и смыслѣ, а слѣд. не было и нравственнаго равенства лицъ. Здѣсь существовало одно только имущественное равенство лицъ; здѣсь людей — хозяевъ, равняло лишь имущество, а не нравственное достоинство человека. Здѣсь не видѣлось даже пути для выработки личной нравственной, а вмѣстѣ съ нею юридической и политической свободы, по той причинѣ, что не личная свобода, а земское имущество составляло здѣсь почву для дѣйствій важнаго члена. Здѣсь наибольшее независимое положеніе, собственно не свободное, а своевольное, личность могла приобрести лишь

посредствомъ богатства, посредствомъ большого имущества, сравнительно съ другими, т. е. въ существенномъ смыслѣ здѣсь получало наибольшую свободу дѣйствій и относительную независимость одно лишь богатое имущество. Земская община въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи всегда и вырабатывала только аристократію богатства, всегда выделяла нѣсколько богатыхъ, а потому какъ бы аристократическихъ родовъ (опять таки не лицъ), которые обыкновенно и заправляли всѣми движеніями общины, определяли и выражали ходъ ея исторіи. Не личность своею нравственною и политическою свободою, своими нравственными и политическими правами давала смыслъ такой общинѣ, а богатъ своими имущественными средствами. Имущество было основою и главною цѣлью нашей древней общины, имущество же должно было преобладать въ ней и поработать себѣ всѣ другіе интересы. Оно должно было представлять и всегда представляло *думу* общины. Пластическое доказательство такого именно значенія нашей древней общины представляетъ знаменитая Новгородская община. Никто не станетъ сомнѣваться, что развитіе Новгорода, какъ общины, началось съ той же первоначальной вѣточки, какая создавала общину по всей землѣ, именно съ двора-хозяйства, съ общины деревенской. Уже въ незапамятные для исторіи времена эта община является политическою силою. Она же и начинаетъ нашу исторію призваніемъ варяговъ. Мы видимъ, что варяги понадобились именно для того, чтобы поборотъ зло, которое по неизбѣжнымъ общиннымъ же причинамъ народилось въ общинѣ. Исторія открывается тѣмъ, что жизнію общины владѣють и управляютъ *роды*: „и вѣста родъ на родъ“; что варяги призываются противъ этого владѣнья и управленья. Какіе же это *роды*? Да тѣже, которые владѣють и управляютъ Новгородской жизнію во всю послѣдующую исторію: *передки*, богатые и потому *знатные* роды. Исторія черезъ *шесть сотъ лѣтъ* оканчивается тѣмъ, что такіе же роды и по такимъ же причинамъ призываютъ новаго Рюрика—Московского государя. Что же выработано въ 600 лѣтъ? Все то же, что и въ остальной Русской землѣ. Выработано вотчинное право, котораго различіе заключалось лишь въ формѣ его политическаго представительства. Въ южной Руси это представительство выражалось въ цѣломъ княжескомъ родѣ; въ сѣверо-восточной стало выражаться въ одномъ лицѣ, государѣ-вотчинникѣ; въ Новгородѣ оно выражалось въ общинѣ-городѣ; вотчинникомъ былъ городъ, который въ этомъ

менно смыслъ и сталъ потомъ называть себя также *государемъ*. Въ сущности же вотчинникомъ были родовитые, знатные и богатые его дворы. Это повсюду было сверху; а внутри, въ глубинѣ жизненныхъ отношеній, все оставалось одинаковымъ. Смердь вездѣ оставался смердомъ; и вездѣ шла подземная борьба меньшихъ людей съ большими. Родъ, какъ нравственная сила, всюду господствовалъ и пригнеталъ личность. Свобода личности не была вовсе мыслима, ни въ вотчинѣ государственной, ни въ общинѣ народной, хотя бы и новгородской. Вершиною новгородской свободы было своеволие меньшинства (богатыхъ родовъ) или своеволие большинства, бѣдныхъ, меньшихъ родовъ, вообще своеволие силы. Между этими двумя видами общинной свободы и колебалась вся новгородская исторія, до своего конца. *Уравнителемъ* такихъ свободныхъ движеній жизни и въ народной общинѣ и у себя въ отчинѣ является все тотъ же рюрикъ, государь вотчинникъ, представитель личнаго начала, а слѣдовательно и будущій освободитель личности.

Въ самой Москвѣ, когда она устроилась окончательно въ государственную вотчину, мало по малу стало обнаруживаться тоже самовластіе большихъ родовъ надъ всею землею; но здѣсь оно встрѣтило кровавый отпоръ въ лицѣ Грознаго, безъ всякой помехи истреблявшаго этотъ ветхій духъ родоваго своеволія.

Такимъ образомъ наша древняя община ничегъ не выработала, да и не могла ничего выработать для нравственнаго и социальнаго освобожденія личности. Она ничего не выработала даже и для матеріальнаго ея освобожденія, ибо новгородская община, какъ община имущественная, вовсе не мыслила однаюжъ о равенствѣ, напр. о равномъ распредѣленіи земской собственности между всѣми членами общины. У ней, какъ и въ господарской вотчинѣ, земская собственность была раздѣлена слишкомъ неравномѣрно; у ней, какъ и въ господарской вотчинѣ, существовало только равенство правъ на землю, т. е. на пользование землею для каждаго плательщика даней, а это составляло первозданную стихію русской народной жизни по всей русской землѣ. Эта-то стихія и сохранила русскій народъ отъ всѣхъ историческихъ и всякихъ вражескихъ напастей; она же создавала и государство, именно какъ охрану и защиту отъ тѣхъ напастей.

Какъ бы ни было, но земская община, даже въ своемъ ро-
свопномъ дѣствѣ, въ политической своей формѣ, какою были

Новгородъ, Псковъ, Вятка, не въ силахъ была высвободить личность и создать для нея равенство правъ нравственныхъ и социальныхъ, въ чемъ заключается все существо дѣла. Бытъ народа мы называемъ *общиннымъ*, желая совсѣмъ устранить другое его опредѣленіе: *родовое*, какъ противрѣчащее нашему представленію о существѣ общинной идеи. Но чего же мы ищемъ въ этомъ опредѣленіи и что именно хотимъ въ немъ обновлять. Народный бытъ выражаетъ себя и реально, въ нравственныхъ формахъ; и не реально, одними идеями, которыми незамѣтно имъ движутъ, дѣйствуютъ въ немъ, и которыя всегда гдѣ-то скрываются отъ нашихъ глазъ; стало бытъ и характеръ народнаго быта можно опредѣлять реальными обозначеніями вѣрнѣе сказать *дѣловыми*, и идеальными, иначе нравственными. Бытъ земледѣльческій, военный, торговый, промышленный, казацкій, охотничій и т. д., все это будутъ обозначенія реальныя, дѣловыя, обозначенія *дѣла*, какимъ занимается народъ. Мы думаемъ, что и бытъ общинный есть неболѣе, какъ только общее, какъ бы материковое обозначеніе, однихъ лишь реальныхъ, дѣловыхъ отношеній народа. Община вообще значитъ связь людей на общемъ дѣлѣ; община земная означала связь людей по землѣ, собственно связь земли, — связь народа, какъ земли, т. е. какъ реальной сущности народныхъ отношеній. Другаго смысла община не могла имѣть, ибо зачаткомъ ея было всегда представленіе о человѣкѣ, въ его имущественномъ положеніи. Община выражала лишь связь имущественныхъ, слѣд. матеріальныхъ отношеній, неболѣе.

Ошибочное представленіе объ общинѣ заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что ее почитаютъ связью отношеній нравственныхъ, о чемъ она сама, какъ мы говорили, никогда не думала, да и до сихъ поръ не думаетъ. Между тѣмъ при опредѣленіи бытоваго начала важны лишь одни отношенія нравственныя, которыя всегда и составляютъ основной узелъ народной жизни и управляютъ ходомъ ея развитія. Народъ выражаетъ свой бытъ многими формами и одна изъ такихъ формъ есть община, какъ есть другая, существующая рядомъ съ нею, вотчина; какъ есть третья — семья, и т. н.; все это только формы. Но гдѣ же идея, общая всему быту, гдѣ нравственная сила управляющая всеми формами, гдѣ этотъ духъ, проникающій всякую форму и весь бытъ вообще? Общій характеръ народныхъ нравственныхъ связей и отношеній долженъ, по

какому мнѣнію, раскрывался ближе всего въ отношеніяхъ со-
общитія или общежитія, въ той сферѣ, которую мы теперь обо-
значимъ словомъ *общество*, общественность, т. е. въ сферѣ люд-
скихъ отношеній, независимо ни отъ какихъ частныхъ, случай-
ныхъ опредѣленій и формъ быта, обозначающихъ то или дру-
гое положеніе личности, и вовсе не обозначающихъ основной
силы или стижія личныя отношеній.

Какъ и на чемъ построены были отношенія общезитія — вотъ
существенный вопросъ и вотъ гдѣ настоящее мѣсто нашихъ
разсужденій объ общемъ характерѣ народнаго быта. Поте-
ннѣе и путаница нашихъ понятій о характерѣ нашего древ-
няго быта происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что мы
смѣшиваемъ идею общины съ идеей общества, вообще смѣши-
ваемъ понятія о формахъ быта съ понятіями о его началахъ.

Фундаментомъ общины, основнымъ ея камнемъ было не лицо,
не нравственная личность, а известная матеріальная доля того
матеріальнаго общаго, которое, какъ общая выгода, связывала
людей. Лицо въ этомъ случаѣ было только юридическимъ пред-
ставителемъ своей матеріальной доли, — и въ существенномъ
смыслѣ всегда разсматривалось съ точки зрѣнія чисто мате-
ріальной, съ точки зрѣнія годности или негодности для выра-
женія того матеріальнаго цѣлаго, котораго долю оно изобра-
жало. Во владѣніи землею — хорошій плательщикъ или пособникъ
общимъ земскимъ дѣламъ, напр. защитѣ отъ враговъ и т. п.;
въ торговлѣ — капиталъ, въ промышленности или въ ремеслѣ
умѣнье; словомъ сказать въ общинѣ, не исключая ни какую дру-
гую, никакую артель, — личность цѣнилась лишь со стороны
прямаго пособничества тому дѣлу, которое соединяло людей.
Нравственная сфера, какъ и нравственный смыслъ лица здѣсь
были въ сторонѣ, не были главною руководящею силою. Лицо
здѣсь имѣло земскій, торговый, промышленный смыслъ, но не
нравственный. Общество на оборотъ всю силу полагаетъ въ
нравственномъ смыслѣ человѣческой личности. Здѣсь фундамен-
томъ, основнымъ камнемъ лежитъ нравственное значеніе лич-
ности. И само собою разумѣется, что нравственная постройка
общества волюнъ зависитъ отъ того, какъ понимается это нрав-
ственное значеніе личности, т. е. въ чемъ оно заключается.
Извѣстно, что нравы общества съ теченіемъ времени измѣня-
ются, а вмѣстѣ съ ними измѣняется и возрѣніе на нравствен-
ный смыслъ личности. Можно сказать, что недавній вѣкъ, что

либо дѣлаетъ въ этомъ отношеніи, каждый вѣкъ выработываетъ какую либо долю общаго сознанія о существѣ нравственной личности человѣка, т. е. о существѣ человѣческаго достоинства. Какъ же понималъ и какъ сознавалъ это достоинство нашъ русскій древній вѣкъ? Каково было наше древнее общество, какова была наша древняя общественность, эта дѣйствующая нравственная сила народнаго развитія, эта нравственная система или нравственный складъ житейскихъ отношеній? Какая нравственная сила служила основаніемъ нашему древнему обществу; изъ какой органической клѣточки образовалось русское общество?

Мы уже говорили что органическою клѣточкою нашего допетровскаго общественнаго быта былъ родъ, что родительское, патриархальное начало управляло всѣмъ ходомъ нашей допетровской жизни.

Но что же такое было это родительское, патриархальное или родовое начало жизни? Это было начало или *стихія родительской опеки*, стихія *старшей воли*, идеаломъ которой было родовое старшинство. Это старшинство одно почиталось выше всякихъ другихъ достоинствъ человѣка, оно одно и было главнымъ, начальнымъ достоинствомъ человѣческой личности. Родительская опека съ идеаломъ родоваго старшинства существовали и существуютъ вездѣ, но не вездѣ они становились стихіею жизни. У насъ не только семья и родъ, что очень естественно и обыкновенно, держались крѣпко и твердо стихіею родительской опеки; но ею же держалось все общество, ею же строилось наше государство, ею выработалась и эта необычайная государственная плотность и стойкость народа.

Родительская опека была исключительною силою нашего развитія. Она проникала всюду и все подчиняла своимъ воззрѣніямъ. Это былъ нашъ нравственный и политическій бытовой воздухъ, которымъ мы жили, дышали, въ теченіи всей нашей исторіи. Это было начало началъ нашего развитія, такое крѣпкое начало, по которому русскій народъ даже и до сихъ поръ понимается и ведется, какъ малолѣтокъ, недоросль, требующій на всякомъ шагѣ, во всѣхъ его жизненныхъ стремленіяхъ и движеніяхъ, неусыпныхъ заботъ и попеченій родительскихъ.

Самою лучшею и наиболее вѣрною характеристикою основныхъ началъ народнаго быта всегда служить *власть*. Мы не говоримъ о власти въ ея тѣсномъ смыслѣ, о власти только по-

литической, государственной, верховной; мы говоримъ о власти, какъ о стихіи народнаго и именно общественнаго развитія; о власти, которою живетъ и держится не государственное устройство, а устройство и связь самаго общества, о власти, господствующей именно въ народномъ быту.

Власть, какъ извѣстно вырабатывается съ большимъ трудомъ и съ великими жертвами. Сама исторія каждаго народа есть ничто иное какъ выработка болѣе или менѣ правильной власти. Свойство и характеръ власти, дѣйствующей въ быту народа, обрисовываетъ свойства и характеръ самаго быта. Для уясненія характера и свойства не политической только, а вообще бытовой власти, необходимо выразумѣть: какъ сознаетъ себя въ обществѣ властный человѣкъ, не только тогда, когда онъ становится дѣятелемъ власти, но и въ томъ случаѣ, когда онъ является только членомъ общества; и потомъ, какъ понимаетъ себя въ томъ обществѣ человѣкъ безвластный, зависимый отъ власти.

Если общество сложилось путемъ завоеванія, слѣд. вообще путемъ наиболѣе сильнаго обособленія личности, то понятно, что и характеръ его власти будетъ совершенно иной, чѣмъ въ обществѣ, которое сложилось путемъ народнаго рожденія. Властные, общественныя и личныя, отношенія перваго будутъ стремиться опредѣлить себя юридически, разгородятъ себя, т. е. свои отношенія отчетливо и ясно, необходимыми правами и обязанностями, отчего и характеръ власти выразится опредѣленнѣе и рѣзче, а потому, быть можетъ, суровѣе и безпощаднѣе.

Въ такомъ обществѣ власть развивается и утверждаетъ себя идею права, идею закона или вѣрнѣе, идею строгой опредѣленности и разграниченности жизненныхъ отношеній. Въ этомъ заключается все ея существо. Само собою разумѣется, что такое начало власти прямымъ путемъ ведетъ къ выработкѣ болѣе точныхъ и болѣе опредѣлительныхъ понятій о независимой личности человѣка, выдвигаетъ *личность* на первый планъ, и въ исторіи, и въ повседневныхъ частныхъ дѣлахъ жизни. По этому то пути прошло развитіе западныхъ обществъ, съ самой ранней эпохи поставившихъ личность выше всякихъ другихъ опредѣленій.

Наше древнее общество, какъ мы упомянули, сложилось путемъ непосредственнаго распространенія рода, путемъ непосредственнаго народнаго рожденія, безъ участія какихъ либо пришлыхъ,

чуждых ему элементов. Варяжское завоеваніе распуталось въ нашемъ быту, какъ напая въ морѣ, почти не оставивъ слѣда. Своеобразная сила нашего быта была такъ велика, что самая реформа и можно сказать революція Нестра оказалась во многомъ совершенно безсильною. Естественно, что характеръ, существо и свойство нашей русской власти, исполнѣ должны были выразить существо самого быта. Существомъ нашего быта, единственнымъ и исполнѣ непосредственнымъ его источникомъ, единственною и непосредственною его силою былъ родъ. Поэтому наша древняя власть была власть по преимуществу родовая. Гдѣ бы и въ какой бы формѣ она не возникала, она вездѣ и всегда была властью отеческою со всеми своими свойствами, съ одной стороны, съ непоколебимою жестокостію безотчетнаго произвола, предъ лицами котораго не могло существовать даже и малѣйшихъ понятій о какомъ либо правѣ; а съ другой съ тою любовною родственностію въ отношеніяхъ, которая всегда ставила ее въ непосредственныя родственныя, братскія отношенія къ подвластной средѣ. Такими свойствами нашей власти и самого быта определяется и особенное своеобразие нашей исторіи. Въ западномъ обществѣ въ основу бытового развитія, а слѣдоват. и въ основу бытовой власти легли отношенія завоевателей, дружинниковъ или собственно право сильного, слѣд. право личное. Тамъ властныя отношенія и властный человѣкъ всегда, вездѣ и во всемъ руководились этою основною идеею своей жизни; властный человѣкъ всегда и вездѣ понималъ себя, чувствовалъ себя, какъ побѣдитель; подвластный понималъ и чувствовалъ себя, какъ побѣжденный. Оба чувствовали себя *чужими* другъ другу и на этой идеѣ устанавливали свои отношенія. Бытовымъ связью людей руководила тамъ по преимуществу право, законъ. У насъ, на оборотъ, всякое движеніе жнами, всякое бытовое отношеніе, и всю бытовую связь людей одухотворялъ смыслъ рода. Все наше общество по духу своей внутренней жизни представляло одну громадную совокупность *родни*, гдѣ не было и не могло быть членовъ, строго разграниченныхъ своими правами. По этому у насъ всѣ общественныя разряды людей или ихъ отношеній, напр. сословія, сливались можно сказать органически въ какую то общую, жизненно—цѣльную массу, такъ что трудно указать, гдѣ собственно начинается и гдѣ оканчивается тотъ или другой разрядъ. Все по своему духу сливалось въ одинъ жизненно—цѣльный организмъ рода. И такъ какъ родъ разгра-

значительность людей только по раздому, т. е. по степени энциклопедического старшинства, то очевидно, что въ этомъ организмѣ всѣ частями должны были распределять и различать свои отношенія только въ шару такого старшинства. Такъ наши старые предки и понимали себя, и разверстывали по этому смыслу всѣ свои бытовые отношенія. Старшiе, т. е. почему либо властные, идеализировали себя или свое общественное положеніе характеромъ отцовъ, свою власть характеромъ власти отеческой; младшіе, т. е. подвластные въ какомъ бы ни было смыслѣ, идеализировали свое положеніе характеромъ дѣтей, вообще малолѣтныхъ, несовершеннолѣтнихъ. Смыслъ такихъ именно, а не другихъ иудейскихъ отношеній высказывался всюду, во всѣхъ кружныхъ и желтыхъ обстоятельствахъ, во всѣхъ частныхъ и общихъ случаяхъ, съ внѣшнюю первою данною наивностью, которая очень наглядно обнаруживалась, какъ еще глубоко и широко лежали въ общественной почвѣ корни быта доисторическаго.

Если западный властный человекъ, въ средній вѣкъ своей исторіи, смотрѣлъ вездѣ побѣдителемъ, завоевателемъ, смотрѣлъ на подвластную среду, какъ на свое завоеваніе; то нашъ властный человекъ даже и до сихъ поръ смотритъ отцовъ — опекуновъ, смотритъ на подвластныхъ или вообще на меньшихъ, подчиненныхъ, какъ на малолѣтныхъ, несовершеннолѣтнихъ, недорослей въ общественномъ смыслѣ и иногда недумаетъ, какъ думать Петръ Великій, что онъ прежде всего только первый, передовой слуга обществу; а напротивъ, всегда убѣжденъ, подобно царю Алексѣю Михайловичу, что для управляемаго общества онъ отецъ — опекунъ, что его обязанности къ обществу, равно какъ и права, суть обязанности и права отеческія, опекунскія, а не гражданскія. Въ этомъ-то заключается все глубокое, коренное различіе нашего востока отъ европейскаго запада; отсюда и различіе исторіи, культуры, всей жизни, со всѣми ея понятіями и движеніями.

Строгое разграниченіе правъ побѣдителей и побѣжденныхъ на западѣ, это отчетливое пониманіе, чувствованіе себя чужими другъ другу, совершенное отсутствіе въ бытовыхъ общественныхъ отношеніяхъ понятій *родни*, поставило тамошнее общество, какъ говорится, на ноги; но вмѣстѣ съ тѣмъ повело къ выработкѣ такихъ же строгихъ, точныхъ и до мелочей отчетливыхъ опредѣленій равноправности и полноправности человѣческой лично-

сти вообще; повело къ учению и практическому водворенію идеи о правахъ человѣка, какъ человѣка, независимо отъ его случайныхъ, т. е. родовыхъ, политическихъ или общественныхъ опредѣленій; однимъ словомъ выдвинуло на первый планъ бытовыхъ отношеній достоинство человѣческой личности, эту неренную и неизмѣнную силу человѣческаго развитія. Къ той же цѣли мы должны были идти инымъ путемъ. Родовой духъ, управлявшій нашимъ развитіемъ, по свойству и характеру собственнаго своего начала, препятствовалъ строго и точно разпредѣлить или разграничить возникшіе у насъ права и бытовые отношенія; онъ сливалъ все въ одну нераздѣльную массу родства. Личность въ строгой опредѣленности своихъ правъ была для него явленіемъ совершенно непонятнымъ. Онъ понималъ личность только, какъ известное *рожденіе*, старшее, или младшее, но не болѣе какъ *рожденіе*. Для него личность служила только выразителемъ известнаго рода, отчества. Она опредѣлялась только правами родовыми, а не личными.

Державшееся родовымъ духомъ наше общество въ своемъ социальномъ развитіи ничего другаго не могло и выработать, какъ одно плотное, жизненно—связное единство. Такимъ образомъ, къ социальному единству мы шли черезъ *родъ*, въ то время, какъ западное общество шло къ нему же черезъ *личность*. Тамъ община явилась совокупностью независимыхъ другъ отъ друга, равноправныхъ личностей, у насъ совокупностью родни. Тамъ въ жизни господствовала идея личности, у насъ идея родни, иначе идея дѣтской зависимости.

Общество, если обозначимъ этимъ словомъ такъ называемый *свѣтъ* или по старому *міръ*, т. е. существо и складъ людскаго общенія, людской общительности и общественности, — сверху какъ и внизу, во всѣхъ своихъ сферахъ и видахъ, основой своихъ отношеній владеть всегда известное достоинство личности, известную *честь* лица, разумѣя въ этомъ совокупность личныхъ или другихъ какихъ качествъ, наиболѣе уважаемыхъ, и наиболѣе цѣнныхъ въ человѣкѣ. Словомъ сказать, всякое общество всегда живетъ идеаломъ хорошаго человѣка, понимая и рисуя этотъ идеалъ подъ условіемъ своего развитія, своего времени, своего гражданскаго положенія, своихъ началъ жизни. Западная средневѣковая личность испала такой идеалъ сама въ себя, въ своихъ собственныхъ доблестяхъ, въ высотѣ собственнаго своего достоинства, ставила цѣлью своихъ идеа-

лизадій самое себя, свою индивидуальность. Рыцарь не потому становился рыцаремъ, что его посвящали въ это званіе, а потому именно, что личными качествами и доблестями онъ вполне достоинъ былъ этого посвященія, воплощалъ собою идеаль достойнаго человѣка.

У насъ, наоборотъ, идеаль хорошаго, достойнаго человѣка личность искала не въ самой себѣ, а въ своемъ *отечествѣ*, въ своемъ родѣ, именно въ своемъ родовомъ старшинствѣ. По нашимъ старымъ понятіямъ человѣкъ почитался въ обществѣ достойнымъ не потому, что на самомъ дѣлѣ высокъ былъ своими нравственными или умственными качествами или какими заслугами и доблестями, а прежде и первѣе всего потому, что высокъ былъ своимъ родовымъ старшинствомъ, т. е. старшинствомъ своего рода или старшинствомъ въ своемъ родѣ. По крайней мѣрѣ такъ, а не иначе, думало объ этомъ общество, такъ понимала личное достоинство наша старая общественность. Мѣсто въ обществѣ человѣку указывали его родъ, его отечество, а не личные таланты или доблести.

Общественное значеніе личности лучше всего конечно характеризуется понятіями о личной чести. Рыцарская честь строго и щепотливо охраняла именно неприкосновенность личности, придавала личности высокій нравственный смыслъ и всегда была готова поддерживать этотъ смыслъ съ рѣшительностью Донъ Кихота. Честь рыцаря лежала въ идеѣ собственнаго его достоинства. Напротивъ, честь русской личности лежала въ идеѣ достоинства ея рода или ея отечества. Русская боярская честь, т. е. самая развитая и высокая по общественному положенію, съ такимъ же донкихотствомъ ставила личность подъ батоги (палки), кидала въ тюрьму, кидала подъ столъ за царскимъ обѣдомъ, подвергала ее жестокой царской опалѣ и все это дѣлала съ единымъ стремленіемъ охранить неприкосновенность своего рода или отечества ¹. Лицо здѣсь было только средствомъ, орудіемъ для охраненія и возвышенія представленій о чести рода.

Вообще въ нашемъ обществѣ, *отечество* личности, ея родовое *кровное* значеніе почиталось высшимъ ея достоинствомъ, существеннымъ достоинствомъ вообще человѣка. На понятіяхъ о та-

¹ Самое слово *честь* родственно съ словомъ отецъ и безъ сомнѣнія отъ него происходитъ. *Чтить* образовалось изъ *отчтить*, относиться къ человѣку, какъ къ отцу, воздавать человѣку уваженіе отеческое.

номъ только достоинствъ построилась вся наша старая общественность, которая въ существенномъ смыслѣ была лѣствицею родового, а по его идеаламъ и всякаго другаго старшинства, такъ что каждый членъ ея, на какую бы ступень не восходилъ, всегда и вездѣ становился выше однихъ, младшихъ, и ниже другихъ, старшихъ, по ступенямъ этой лѣствицы.

Самымъ определеннымъ и законченнымъ выраженіемъ нашей древней *общественности* служитъ известное *мѣстничество*, которое напрасно рассматриваютъ съ одной только официальной точки зрѣнія, какъ официальное какое то учрежденіе или установленіе въ родѣ табели о рангахъ. Официальный характеръ оно приобрѣло отъ официальной или собственно служебной среды, въ которой стало дѣйствовать и которую оно стремилось пересилить, подчинить собственнымъ своимъ искони—вѣчнымъ уставамъ и порядкамъ. Дѣйствительно, происхожденіе мѣстничества скрывается въ глубокой древности. Въ древній періодъ нашей исторіи оно не обнаруживало своихъ споровъ, стычекъ, и стало быть не обнаруживало какъ бы самого существованія потому, что въ то время оно было господствующею силою общественности, было святынею, непоколебимымъ, неизмѣннымъ и несомнѣннымъ жизненнымъ положеніемъ, которое оспаривать, съ которыми бороться не представлялось ни причинъ, ни случаевъ. Оно стало обнаруживать свое существованіе, т. е. свои движенія или споры, лишь съ той минуты, когда должно было вступить въ борьбу съ опаснымъ своимъ противникомъ — съ идеею государственности. Оно намъ и известно несравненно больше только стороною этой борьбы; т. е. своею отрицательною, а не положительною стороною. Положительную его сторону наука еще до сихъ поръ не успѣла привести въ должный порядокъ и выяснить.

Когда, въ замѣнъ родовыхъ, кровныхъ опредѣленій лица, въ замѣнъ родовыхъ достоинствъ личности, новорожденная государственность поставила служебныя ея достоинства, достоинства личной службы государю и его государству; — старая общественность ни какъ не могла понять этого новаго шага въ народномъ развитіи и встрѣтила враждебно эту новину жизни, боролась съ нею до послѣднихъ силъ и до послѣднихъ дней, даже и послѣ того, какъ мѣстническій уставъ официально былъ упраздненъ.

Само великое самодержавіе, истребляя на своемъ пути всѣ чуждые ему элементы, разрушая побѣдоносно устройство цѣ-

ныхъ и большихъ общинъ, упраздня цѣлыя княжества, изводи цѣлыя княжескіе и боярскіе роды, не находило однакожь достаточно силы обуздывать мѣстническіе счеты, не находило ни какой возможности разомъ покончить съ этими счетами и большею частью или подчинилось имъ или уклонилось отъ нихъ, обходя ихъ какими либо косвенными путями. И это понятно. Легко было побѣдить какой либо виѣшній, формальный строй жизни или упразднить значеніе и даже самое существованіе цѣлаго ея порядка; но совсѣмъ было невозможно одною лишь волею разорвать бытовой неконнивѣчный строй народной общественности. Здѣсь приходилось считаться не съ личностями только, не съ вольными городами или княжествами и знатными родами, а съ нравственнымъ складомъ народной жизни, который могъ уступить не личной волѣ самодержца, а только нравственному же складу, построенному на другихъ началахъ.

Достоинство личной службы, внесенное самодержавіемъ въ среду общественныхъ отношеній, и было такимъ новымъ нравственнымъ началомъ жизни, способнымъ измѣнить ея ветхую старину. Оно было зародышемъ той новой организациі общественныхъ убѣжденій и представленій, которая постепенно и послѣдовательно вела къ раскрытію и выясненію понятій о человѣческомъ достоинствѣ вообще, о достоинствѣ человека, какъ человека, помимо всякихъ другихъ опредѣленій его личности, и родовыхъ и даже служебныхъ, которыя явились на сцену этимъ родовымъ.

Намъ, быть можетъ, скажутъ, что силы нашей древней общественности лучше всего отыскивать въ вѣчѣ, въ этой самой осязательной формѣ русскаго древняго общества. Мы и не думаемъ отрицать такого именно значенія нашего вѣча. Но мы думаемъ, что мѣстничество, какъ порядокъ мѣсть, оно-то именно и есть выраженіе нашего древняго вѣча, вѣчеваго собранія съ виѣшной его стороны: оно-то и есть его реальная форма, т. е. форма собравшагося общества. Мѣстничество, какъ порядокъ мѣсть, служило выраженіемъ собравшейся государевой думы, а что такое была государева дума XVI и XVII ст., какъ не та же дружина, по крайней мѣрѣ по формѣ, если не по духу, ибо духъ ея въ это время, какъ мы знаемъ, отлетѣлъ уже навсегда. Въ исторіи форма всегда долго переживаетъ свою идею. Дружина, собиравшаяся съ княземъ на думу, собиралась собственно на вѣче. Дума и вѣче — синонимы въ смыслѣ совѣта, совѣщанія.

Мѣстническій распорядокъ мѣстъ былъ формою собравшагося общества дружины, или формою вѣчеваго собранія. Этотъ распорядокъ мѣстъ не зависѣлъ ни отъ чьей воли, даже и отъ воли великаго самодержца, наковъ былъ напр. Иванъ Грозный, который ничего не могъ подѣлать съ такою старою и крѣпкою формою русскаго быта. Чтобы разрушить ее, Грозному надо было сдѣлать то, что сдѣлалъ Петръ, т. е. совѣмъ смѣшавъ пашки; но въ то время Грозный и самъ еще не былъ готовъ для этого. Распорядокъ мѣстъ въ думѣ, какъ мы сказали, не зависѣлъ ни отъ чьей воли; онъ вполне зависѣлъ отъ самого *устава* жизни, т. е. отъ устава общественныхъ отношеній личности. Мѣстничество и было формою этихъ общественныхъ отношеній лица. Оно и указывало мѣсто для личности, когда она являлась въ обществѣ, являлась членомъ общественнаго союза.

Мы не знаемъ ни порядка, ни уставовъ, какъ собиралось знаменитое новгородское вѣче — этотъ высшій типъ всенародной, а не дружинной только думы. Исслѣдователи новгородской старины не даютъ намъ ничего яснаго, опредѣлительнаго въ этомъ отношеніи, отзываются тѣмъ, что нѣтъ объ этомъ подробныхъ свѣдѣній. Однакожъ необходимо знать: собиравшіеся на вѣче люди, какъ становились или какъ садились, или кто сидѣлъ и кто стоялъ, словомъ сказать, въ какомъ порядкѣ размѣщались собравшіеся вѣчники. Что какой либо распорядокъ былъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, особенно на вѣчахъ ежедневныхъ, обыкновенныхъ, а не бунтовыхъ; да и бунтовья вѣча, всетаки были совѣщаніемъ, думою, слѣд. не могли же происходить безъ всякаго порядка. Намъ кажется, что вѣчевой распорядокъ, размѣщеніе собравшихся вѣчниковъ-думцевъ вполне высказывается уставомъ вѣчевыхъ рѣшеній, а объ этомъ мы имѣемъ весьма положительное свидѣтельство еще отъ XII вѣка, отъ эпохи, когда вѣчевая сила господствовала по всей землѣ.

„Новгородцы бо изначала и Смоленяне и Кыяне и Полочане и вся власти (волости), якоже на думу на вѣча сходятся, на что же *старѣйшимъ* сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть.... Како намъ любо, такоже створимъ, говорили старые города Ростовъ и Суздадь о мезинномъ городѣ Володимирѣ: онъ есть пригородъ нашъ“. Вотъ основная идея древнихъ вѣчевыхъ рѣшеній. (Лавр. 160).

Если таково было существо вѣчевыхъ рѣшеній, то можно коняты, что по его же смыслу строилась и вся форма вѣчеваго

собрали, что въ думѣ на вѣчѣ первая честь должна была принадлежать старѣйшимъ; мѣсто же служило только выраженіемъ, обозначеніемъ этой чести. Стало быть первая честь и первое мѣсто по необходимости отдавалось старѣйшему. Умъ вѣка почиталъ это дѣло несомнѣннымъ и неизмѣннымъ, а потому не являлись и самые счеты о мѣстахъ, т. е. мѣстничество въ его собственномъ смыслѣ. Они, какъ сказано, стали являться тогда, когда родовое начало стало разлагаться, когда въ него стало вторгаться личное начало слуги государева, изъ котораго потомъ народился и слуга государству, какимъ и былъ первымъ Петръ Первый. Убѣжденіе вѣка тотчасъ же само разрѣшало сомнительные въ этомъ отношеніи случаи, что мы и видимъ въ томъ же Новгородѣ: въ 1211 г. посадникъ Твердиславъ уступаетъ свое мѣсто по своей волѣ *старѣйшему себѣ*, Дмитру Якуничу, пришедшему тогда изъ (Кіевской) Руси¹. Если все это было такъ, то вѣче и по духу своихъ совѣщаній и рѣшеній и по формѣ людскихъ отношеній походило на собравшуюся *родню*, которая совѣтуется о семейномъ дѣлѣ. Это была община ховяевъ, разумѣвшихъ себя больше родными, чѣмъ независимыми кругомъ другъ отъ друга и юридически опредѣленными личностями.

Оттого такая неопредѣленность, неясность вѣчевыхъ отношеній, оттого не существуетъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ актахъ никакихъ подробностей о вѣчевомъ порядкѣ жизни. Оттого новгородская душа не любитъ закона, связывающаго дѣятельность, какъ замѣчаетъ г. Костомаровъ (стр. 147, т. 2). Не зачѣмъ, было опредѣлять то, что искони было опредѣлено и существовало, какъ стихія жизни, было для всѣхъ ясно, всѣмъ извѣстно и понятно, какъ божій день. Житейскія отношенія *родни* опредѣляются сами собою и не требуютъ себѣ въ помощь юридическихъ какихъ либо обозначеній лица. Незачѣмъ было опредѣлять людскія отношенія, давать имъ законъ и порядокъ, ибо они опредѣлялись сами собою, т. е. силою родовой идеи, въ нихъ господствовавшей.

Итакъ, наше старое общезнатіе въ своихъ отношеніяхъ и даже въ своихъ формахъ строилось и руководилось родовою идеею, идеею родства; наше старое общество въ существѣ своемъ значило то, что значить слово родня; духъ нашей старой общественности былъ духъ родства, а не общества, ибо

¹ П. С. Р. Л. III, 31.

идея общества, идея общественная живет и развивается равенствомъ лицъ, равенствомъ правъ, равенствомъ достоинствъ; напротивъ, родовая идея живет и развивается понятіями старшинства, слѣд. понятіями неравенства, иѣстничества, вообще понятіями достоинствъ родовыхъ, а не личныхъ, видовыхъ. Въ ней господствуетъ одно лишь, такъ сказать, физическое равенство, равенство природы, т. е. равенство родни, которое и производитъ для нашихъ теперешнихъ глазъ оптической обманъ, именно въ разсужденіи равенства общественнаго, социальнаго. Древнее право представительства, право вѣча, право думы, суть одно естественное право родни, по которому она непреложно должна участвовать въ общихъ дѣлахъ своего рода. Самое вѣче по формѣ и по смыслу своихъ отправленій служило полнымъ выраженіемъ этого права. На вѣчѣ все дѣлалось и совершалось какъ то неопредѣленно, не правомѣрно, какъ то по родственному, по братски, полюбовно, а въ сущности все дѣлалось и совершалось подчиненіемъ разуму и волѣ старѣйшихъ: что старѣйшіи сдумаютъ, на томъ и пригороды, т. е. молодшіе, стануть.

Вотъ почему и земскіе соборы XVI и XVII вѣка являются въ полномъ смыслѣ только совѣщаніями родни, не носи въ своихъ формахъ ничего опредѣлительнаго, законнаго, правомѣрнаго, такими совѣщаніями, гдѣ съ полною откровенностью родственника возможно было высказывать все, что угодно; рѣзко обличать существующую неправду; прямо, открыто указывать злоупотребленія и вѣстѣ съ тѣмъ заявлять свои исключительно эгоистическіе интересы, вовсе не помышляя объ интересахъ общихъ; говорить обо всемъ и нечего не рѣшать, въ увѣренности, что рѣшеніе само собою явится мыслію и волею старѣйшей власти. Таковъ былъ смыслъ и характеръ нашего народнаго представительства въ теченіи всего древняго періода нашей исторіи и на вѣчахъ, и на соборахъ, и на мірскихъ сходкахъ: что старѣйшіи сдумаютъ, на томъ и меньшіи стануть. Для меньшихъ, рѣшать дѣла, согласно своему мнѣнію, существовало только одно право, право своей воли, которое разумѣется всегда и утверждалось усобицею.

Мы разсматривали отношенія родовой идеи къ обществу и общественности, и старались объяснить, что духъ нашего древня-

го общества и общественности былъ духъ родовой власти и оеки, что эта власть и оека была начальною, господствующею стихіею русской жизни вообще. Намъ необходимо остановиться теперь на дѣйствіяхъ этого духа въ личной жизни нашихъ предковъ: раскрыть по возможности, какъ его силами и вплиемъ воспитывалась и вырабатывалась для жизни русская личность.

Подобно тому, какъ древняя наша общественность нашла себѣ типическое выраженіе въ мѣстничествѣ, такъ и родовой власть, строившая эту общественность, вполне и типически выразила себя въ извѣстномъ Домостроѣ. Это памятникъ неоднѣннаго значенія для нашей исторіи, это цвѣтъ и плодъ, съ одной стороны, писанаго ученія, которое какъ разъ пришлось въ ростъ и въ мѣру нашему непосредственному бытовому развитію, нашимъ непосредственно созданнымъ своенароднымъ и своеобразнымъ идеаламъ жизни; съ другой стороны, это цвѣтъ и плодъ исконныхъ нравственныхъ и хозяйственныхъ уставовъ нашего быта. Домострой есть зеркало, въ которомъ мы наглядно можемъ изучать и раскрывать всѣ, такъ сказать, подземныя силы нашей исторической жизни. Это зеркало нашего древняго домашнего быта, зеркало нашего допетровскаго развитія, зеркало общества и общественности. Предъ этимъ зеркаломъ, то есть подъ его сильнѣйшимъ вплиемъ, совершилась постройка и нашего государства, которое въ своемъ существѣ и до сихъ поръ еще носитъ много тѣхъ же началъ и тѣхъ же положеній и опредѣленій жизни, какими исполненъ этотъ многовѣковой источникъ нашего развитія.

Извѣстно, что Домострой написанъ или, вѣрнѣе и точнѣе, записанъ, собранъ въ порядокъ, въ половинѣ XVI вѣка, благовѣщенскимъ попомъ Сильвестромъ, новгородцемъ по происхожденію. Дѣло, конечно не въ томъ, кто его записалъ, т. е. кто собралъ въ одно мѣсто живыя и писаныя ученія, существовавшія изъ-поконовъ вѣка, „како строити домъ“ и весь свой бытъ: священникъ Сильвестръ или другой кто — это все равно. Составитель былъ только редакторомъ этого памятника и если бы онъ что и прибавилъ свое, личное, то это свое такъ было обще для всѣхъ, что нѣтъ никакой возможности его указать. Здѣсь выражалась не личность, а все общество, почему и собирателемъ кодекса явился именно священникъ, какъ личность въ полномъ смыслѣ общественная. Поученіе и наказаніе „како жити

христианомъ“, изъ котораго возродился и развилъ свои положенія Домострой, искони было прямымъ дѣломъ духовныхъ отцовъ, иначе назвать — духовниковъ народа. Священникъ-духовникъ, особенно въ первое время, былъ единственнымъ, исключительнымъ источникомъ ученія и наказанія; къ нему обращались со всѣми житейскими недоразумѣнями, со всѣми вопросами, какіе только внушались благочестивою мыслью, какъ устроить свое спасеніе и эту временную погибельную жизнь. Оттого духовный отецъ становится какъ бы членомъ семьи и притомъ самымъ почетнымъ членомъ. Естественно, что весь нравственный строй дома опирался на его поученіе, естественно, что и сочиненіе писанаго нравственнаго устава домашней жизни являлось его прямою обязанностію, исполненіе которой для мірскаго человѣка, и по ученію церкви и по разумѣнію вѣка, было бы даже преосудительно, ибо поучать и наказывать духовно могъ только посвященный. Съ первыхъ самыхъ временъ по принятіи христовой вѣры духовные отцы уже упражнялись въ составленіи небольшихъ учительныхъ *словъ* съ упомянутымъ заглавіемъ, или съ другимъ заглавіемъ: *поученіе избрано отъ всѣхъ книгъ*. Эти слова и поученія сказывались въ церквахъ, распространялись въ спискахъ, наполняли особые сборники писаній: Златоструи, Златоусты, Измарагды и т. п., служившіе всегда настольными книгами въ каждомъ домѣ, желавшемъ ученія и назиданія. Почти всѣ такіе *слова* были заимствованы у отцовъ церкви, переведены или передѣланы, или же составлены *сборомъ* (избрано отъ всѣхъ книгъ) цѣлыхъ фразъ и рѣченій, пригодныхъ для назидательной цѣли. Въ этомъ отношеніи Домострой представляетъ для насъ новый интересъ: онъ является цѣлкомъ нашей старой книжной образованности, именно ея поучительной стихіи; онъ является, такъ сказать, цѣлкомъ ея общихъ мѣстъ, общихъ фразъ. Въ сущности, весь онъ есть общее мѣсто нравственной и хозяйской жизни.

Мы имѣли случай указать заимствованія Домостроя по преимуществу изъ словъ Іоанна Златоуста¹. Но не должно думать, что такіа заимствованія были простыя непосредственныя выписки изъ книгъ. Напротивъ, тексты, внесенные въ Домострой, иногда цѣлкомъ слово въ слово, были заучеными, ходячими

¹ Архивъ Историко-юридическихъ свидѣній, Н. Калачовъ, в. 2, статья: *Источенія изъ жизни Златоуста*.

рѣчами, присловьями въ устахъ духовныхъ учителей. Они усвоивались непрерывнымъ чтеніемъ и употребленіемъ на всякій пригодный случай; они по необходимости точно и вѣрно заучивались, ибо въ томъ заключалась и цѣль книжнаго ученія. Такимъ образомъ, если требовалось составить или сказать какое либо поученіе, то, не только слова, но и цѣлыя рѣчи изъ запаса памяти являлись сами собою, такъ что все дѣло писателя подобнымъ поученій заключалось лишь въ извѣстномъ расположеніи этихъ памятныхъ текстовъ соответственно его мысли и намѣренію. Можно вообще замѣтить, что всѣ старыя наши поученія, наказанія, слова, русскаго *сочиненія*, составлялись этимъ путемъ. Оттого въ каждомъ изъ нихъ легко встрѣтитъ или другія выраженія изъ поученій отцовъ церкви, не какъ приводимый текстъ, а какъ бы собственную рѣчь составителя, его заученныя словеса, о которыхъ онъ вовсе и не думаетъ, что это словеса чужихъ текстовъ; оттого такъ рѣдко встрѣчаемъ мы въ подобныхъ литературныхъ памятникахъ *свои слова*, ибо къ тому же говорить своими словами значило низводить писаніе съ его священной высоты и самое поученіе и наставленіе людей обращать въ простую пошлую бесѣду о вседневныхъ нуждахъ. Особый складъ и самый звукъ церковнаго слова долженъ былъ дѣйствовать, какъ и теперь дѣйствуетъ на души поучаемыхъ съ тою торжественностью чувства, которая всегда составляла существо религіознаго ученія и которая повтому всегда требовала неизмѣнности и неприкосновенности церковнаго слова. Такимъ образомъ Домострой по естественнымъ причинамъ явился, какъ мы упомянули, дѣвтомъ и сокомъ общихъ мѣстъ церковнаго ученія, направленнаго къ нравственному устройству дома. Это въ литературномъ смыслѣ. Въ практическомъ, жизненномъ смыслѣ, онъ явился точно также дѣвтомъ и сокомъ, такимъ же общимъ мѣстомъ русской нравственности, воздѣланной въ теченіи вѣковъ на почвѣ писанія и на почвѣ исконивѣчныхъ бытовыхъ идеаловъ.

Составъ Домостроя — все это поученіе и наказаніе „отецъ духовныхъ ко всѣмъ православнымъ христіаномъ“, выразился главнымъ образомъ въ пяти отдѣлахъ: 1) како вѣровать; 2) какъ царя чтити и вообще свѣтскую власть; 3) какъ чтити святительскій и вообще духовный чинъ или духовную власть; 4) како жити въ миру или наказъ о мирскомъ строеніи и 5) хозяйственный, экономическій наказъ о домовномъ строеніи.

Ктоже является центромъ всѣхъ этихъ поученій?

Бъ кому собственно обращается Домострой съ своими наказательными словами, кого онъ почитаетъ твердою опорой для своихъ назиданій, съ кѣмъ онъ собственно ведетъ рѣчь. Кто этотъ мы, кто этотъ *самъ*, къ которому Домострой относитъ свои рѣчи во второмъ лицѣ, въ то время, какъ назиданіе остальныхъ онъ выражаетъ преимущественно и почти вездѣ въ третьемъ лицѣ, а если иногда и во второмъ, то собирательно, какъ къ дѣтямъ, къ домохаддамъ. Кто этотъ *сосудъ избранный*, который долженъ не себя одного нести къ Богу, во многихъ, сознавая этихъ многихъ, какъ собственную влагу. сохраняя эту влагу наученіемъ и наказаніемъ, любовью и грозой, чтобы донести ее до угоднаго Богу назначенія, въ дѣлности наибольшаго нравственнаго совершенства.

Домострой именуетъ этотъ сосудъ *сосударемъ* дома, также *настолицамъ*, *большимъ*, прилагая ему, какъ нераздѣльную съ нимъ почву для его нравственной дѣятельности, жену, чадъ и домохаддовъ. Стало быть въ существенномъ смыслѣ Домострой признаетъ самостоятельную, лишь одну личность родителя—съ значеніемъ главы дома, т. е. съ значеніемъ государя или осподаря — хозяина и нравственно и имущественно большаго или настоящаго въ домѣ или во дворѣ. Мы уже упоминали, что таково именно было понятіе древняго вѣка вообще о достоинствѣ личности. Всѣ другія лица дома служили какъ бы необходимою обстановкой, необходимымъ придаткомъ этой *настолицей* личности.

Младенчествуящее общество очень высоко ставило личность родителя какъ основную силу родовой власти, которая служила прямымъ и ближайшимъ органомъ и для власти общественной. Вотъ почему и писаное ученіе возвысило эту власть въ лицѣ родителя до послѣдней крайности. Въ одномъ изъ краткихъ и древнѣйшихъ нашихъ домостроевъ (поученіе избрано отъ всѣхъ книгъ) оно заповѣдуетъ: „родителямъ, аще кто имать, да чтить яко Бога ¹, тѣми бо познахомъ свѣтъ сей; поклоняйтесь имъ за оутра и вечеръ, на ложа иди. Аще бо человекъ чтить родителя своя, то весь законъ свершилъ есть. И тогда сынъ *свободенъ* есть, егда спрячетъ кости родителя своя“. Та-

¹ Пословица: шагүй батька те Бога — буде тобі всюди дорога. Отець—як Бог. Українські прикази, прислів'я і таке інше. Спорудив М. Новиць

ниъ образомъ самостоятельное значеніе сына возможно было только по смерти родителя.

Непомѣрно возвышая и освящая въ лицѣ родителя домашнюю власть, писаное ученіе вмѣстѣ съ тѣмъ возлагало на главу дома и великую нравственную обязанность строить и охранять нравы дома, великую нравственную отвѣтственность во всемъ, чтобы ни совершилось въ домѣ, не только со стороны собственныхъ чадъ, но со стороны и всѣхъ чадъ дома, всѣхъ работающихъ дому. Глава дома несъ великую отвѣтственность, предъ Богомъ за это нравственное тѣло, называемое домомъ. Глава дома, въ дѣйствительности иначе и не сознавалъ своихъ отношеній къ домашней своей средѣ. Домъ въ своемъ нравственномъ составѣ былъ нераздѣльнымъ цѣлымъ, былъ на самомъ дѣлѣ однимъ нравственнымъ тѣломъ, всѣ члены котораго были исполнены совнанія, что они лишь служебные члены, и что всему начало въ этомъ тѣлѣ глава — домовладѣйка, государь этого господарства.

Тотъ же древній домострой поучаетъ: „рабы водите въ наказаніи, съ тихостію учаше добрымъ безпорочнымъ, и чтя ихъ, да негдѣ вкстать у притчи. Аще ли не послушаютъ, то раны разумѣючи, дати, яко и тѣ Божія созданіе суть, но вамъ даны суть Богомъ на службу.... а что суть у васъ рабы и рабыня, Богомъ даны вамъ на службу, тѣми пани достойно печися вамъ и душами ихъ, отъ зла возбраняти имъ и на покаяніе приводити; а къ церкви принужати, *вы бо есте мужени домовъ своихъ*; ащели кто безъ покаяніа умреть у васъ или не крещенъ, то вамъ отвѣтъ дати за душу ту предъ Богомъ....“¹

Другой, стольже, если не болѣе древній домострой поучаетъ такъ: „Чада моя милая! Еще вы глаголю: челядь свою кормите, якоже до сыти имъ, одѣвайте, обувайте. Аще ли не кормите, ни обуваете, а холопа твоего убьютъ у татбы или робу, те за кровь его тобѣ отвѣцати. Тѣмже набдите *сироты* своя во всемъ, и учите я на крещеніе и на покаяніе и на весь законъ Божій. *Ты бо еси, яко и апостолъ дому своему*, кажи (казни) грозою и ласкою. Аще не учишь, то отвѣтъ въздаси за то предъ Богомъ. И Авраамъ бо научи своихъ домочадецъ 300 и 18 всему добру закону и добру морову. Страхъ бо Бо-

¹ Книга глаголемая Златоустъ, недѣля 34, поученіе избранно отъ всѣхъ книгъ.

жій прилжше, не опечалать на старость тебе. Аще ли тебе не послушаютъ ни мало, то лозы на ны не щади, якоже Премудрость Божія глаголетъ до 4 или 6 ранъ, или за 12 ранъ. Аще ли рабъ и рабыни не слушаетъ, и по твоей воли не ходитъ, то загода (пригодно) лозы нанъ не щади до 6 ранъ и до 12. Аще ли велика вина, то и 20 ранъ. Аще ли велики велика вина, то 30 ранъ лозою, а болѣе 30 ранъ не великъ. Да аще тако кажете я (наказываете ихъ) и добръ одѣваеши и кормиши, то благъ даръ ириимеши отъ Бога“¹.

Эти поученія по всѣмъ признакамъ принадлежать къ ранней эпохѣ нашего христіанства, быть можетъ къ XI и, по крайней мѣрѣ, въ XII вѣку, т. е. вообще къ эпохѣ до-татарской. Само собою разумѣется, что начинающаяся церковь вмѣстѣ съ начинающимся обществомъ иначе не могла опредѣлить и устроить отношенія домашней семейной общины, которая и въ народномъ сознаниіи и въ сознаниіи самой церкви вся сливалась въ лицѣ своего домовладыки. Но причины, почему домовладыка долженъ былъ становиться игумномъ, апостоломъ дому своему существовали и въ послѣдующіе вѣка; поэтому Домострой XVI вѣка развиваетъ это ученіе, какъ несомнѣнный и непререкаемый догматъ нравственной жизни общества. Онъ отдѣляетъ для этого ученія особый „*наказъ*“ о мирскомъ строеніи, какъ жити православнымъ христіаномъ въ миру съ женами и съ дѣтьми и съ домочадцы и ихъ называть и учити и страхомъ спасати и гровою претити и во всякихъ дѣлахъ беречи, душевныхъ и тѣлесныхъ, чистымъ быти, и *во всемъ самому стражу маде ними быти* и о нихъ пещися, аки о своихъ удѣхъ“, утверждая жизненное, практическое значеніе и смыслъ этого наказа такимъ разсужденіемъ: „Господу рекшу: будета оба въ плоть едина. Апостолу рекшу: аще страдаетъ единъ удъ, то всѣ уды съ нимъ страдаютъ. Таковъ и ты, не о себѣ единомъ пещися, но о женѣ и о дѣтахъ своихъ и о прочихъ и о послѣднихъ домочадцѣхъ — вси бо есмы связаны единою вѣрою къ Богу; и съ добрыхъ симъ прилежаніемъ имѣй любовь ко всѣмъ въ Бозѣ живущимъ и око сердечное запрауще къ Богу и будеши *сосудъ избранъ*, не себѣ единаго несый къ Богу, но многи, и услышиши добрый рабе и вѣрный: буди въ радости Господа Бога своего“.

¹ Москвитиничъ, 1851, № 6, 128.

На этомъ-то наказѣ построена вся нравственная практическая философія нашего древняго вѣка. Этотъ наказъ составляетъ такъ сказать душу, основу и всѣхъ поученій Домостроя; онъ присутствуетъ въ немъ повсюду, почти во всякой строукѣ, гдѣ только дѣло касается поученія и назиданія.

Написавъ мамлѣ о томъ, „какъ избную порядню устроиши хорошо и чисто“, Домострой назидаетъ государыню-хозяйку: „Всего того и всякой порядни жена (чтобъ) смотрила и училиабъ слугъ и дѣтей добромъ и лихомъ: не иметъ слово, — ино ударить. И увидить мужъ, что не порядливо у жены и у слугъ... инобы уиѣлъ свою жену наказывати всякимъ рассуженіемъ, и учити. Аще внимаеть — любити и жаловати. Аще жена потому наученію и наказанію не живетъ... и слугъ не учить, ино достойтъ мужу жена своя наказывати и ползовати страхомъ на единъ; и понаказавъ и пожаловати и примолвити... И слуги и дѣти такоже, посмотри по винѣ и по дѣлу, наказывати и раны возлагати; да, наказавъ, пожаловати... А только жены или сына или дщери, слово или наказаніе неиметь, не слушаеть и не внимаеть и не боитца, и не творить того, какъ мужъ или отецъ или мати учить, — ино плетью постегать, по винѣ смотри. А побить не передъ людьми, на единъ: поучити да примолвити и пожаловати; а никакоже не гнѣватися, ни женѣ на мужа, ни мужу на жену. А про всяку вину по уху, ни по видѣнью не бити, ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ не колоть; ни какимъ желѣзнымъ или деревяннымъ не бити: кто съ сердца или съ кручины такъ бьетъ, — многи притчи отъ того бываютъ: слѣпота и глухота, и руку и ногу вывихнуть, и персть; и главоболіе и зубная болезнь; а у беременныхъ женъ и дѣтемъ повреженіе бываетъ во утробѣ. А плетью съ наказаніемъ бережно бити: и разумно и больно и страшно и здорово. А только велика вина и кручиновато дѣло и за великое и за страшное ослушаніе и небреженіе, — ино сойма рубашка плеткою вежливенько побить, за руки держа; по винѣ смотри, да, поучивъ, примолвити; а гнѣвъ бы не былъ; а люди бы того не вѣдали и не слыхали, жалоба бы о томъ небыла... а не кается и не плачется о грѣхъ своемъ и о винѣ, то уже наказаніе жестоко надобеть, что бы былъ виноватый въ винѣ, а правый — въ правдѣ; а всякому грѣху покаяніе... а поклонны головы и мечъ не сѣчетъ, а покорно слово кости не ломить“¹.

¹ Такъ, правильно, читается эта пословица въ нашемъ спискѣ Домо-

Домострой закрѣпляетъ свой наказъ слѣдующимъ обращеніемъ къ мужу или главѣ дома: „аще мужъ самъ того не творить, что въ сей памяти писано, и жены не учить, ни слугъ своихъ, и домъ свой не по Божѣ строить, и о своей душѣ не радить, и людей своихъ по сему писанію ни учить, и онъ самъ погубленъ въ семь вѣцъ и въ будущемъ и домъ свой погубить и прочихъ съ собою. Аще ли добрый мужъ о своемъ спасеніе радить, и жену и чадъ своихъ наказуетъ, также и домочадцевъ своихъ всякому страху Божию учить и законному христіанскому жителству, якоже есть писано, — и онъ купитъ со всѣми въ благоденствѣ по Божѣ жизнь свою препроводить и милость Божию получить“.

Въ другомъ мѣстѣ, въ „наказѣ мужу и женѣ и людямъ и дѣтемъ какъ глго быти имъ“, — Домострой укрѣпляетъ свое ученіе такою же грозой о великой отвѣтственности владыки дома предъ Владыкою міра и тѣмъ же милovanіемъ за доброе выполненіе его устава. „Аще ли небреженіемъ и нерадѣніемъ самъ, или жена мужнимъ ненаказаніемъ, согрѣшитъ или что зло сотворить, и вси домочадцы, мужи и жены и дѣти, господаревымъ (твоимъ) ненаказаніемъ, каковъ грѣхъ или что зло сотворять, или брань, или татьбу, или блудъ: всѣ вкупѣ по дѣламъ своимъ принуютъ, зло сотворшии муку вѣчную, а добросотворшии, (иже сущіе съ тобою вкупѣ — и которые съ тобою вкупѣ) богоугодно поживше, жизнь вѣчную наследуютъ въ царствіи небесномъ. А себѣ *большій злыиъ* примеша, понеже не о себѣ единомъ попеченіе имѣя къ Богу, но и сущихъ съ собою введе въ жизнь вѣчную“.

Таково было великое и высокое значенія господара дома, такова была великая и страшная его нравственная отвѣтственность предъ Богомъ, и именно за свой домъ. Онъ одинъ за всѣхъ долженъ былъ „отвѣтъ дати въ день страшнаго суда“, какъ говоритъ Домострой въ другомъ мѣстѣ. Эта священная обязанность и великая отвѣтственность сами собою уже давали владыкѣ дома самыя полныя, непрекословныя, самыя широкія права поступать въ домѣ единственно только по собственной волѣ, ставить началомъ всего домашняго нравственнаго и хозяйственнаго строя только свою волю. Практическая жизнь глав-

строя (XVIII в.). Въ изданіи Голохвастова: „повокорно слово востъ лонита“, стр. 68.

нынѣ образомъ это только хорошо и понимала въ ученіи Домостроя, по той особенно причинѣ, что Домострой ничего опредѣлительнаго не говоритъ о томъ, какова должна быть сама эта господарская воля. Онъ учитъ ее только не гнѣваться, исполнять свои наказанія сознательно, разумно, съ самообладаніемъ, безъ сердцовъ, и смягчать ихъ тотчасъ любовною привѣтливостію, пожалованіемъ: наказать да и пожаловати, поучить да приколвити. Но этимъ самымъ онъ въполнѣ и обрисовываетъ существо и свойство господарской воли. Онъ иначе ее не понимаетъ, какъ волю родителя, а родительская воля по его же убѣжденію, сама себѣ образецъ и сама себѣ наука. Въ ея отношеніяхъ къ подвластной средѣ ни какихъ опредѣленій быть не можетъ. Опредѣленія воли должны распространяться только въ этой подвластной родителю средѣ. Вотъ почему Домострой особенно и настаиваетъ, чтобы господарь жены, чады и домочадцевъ какъ возможно заботливѣе опредѣлялъ ихъ волю.

„Казни сына своего отъ юности его, и покоить ты на старость твою, и дасть красоту души твоей. И не ослабляй бѣи младенца: аще бо желомъ (лозою) біеши его, не умреть, но здравѣе будетъ; ты бо, бѣя его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Дщерь ли инаши, положи на нихъ грозу свою, соблюденія я отъ тѣлесныхъ, т. е. грѣховъ.... Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися.... И не дажь ему власти (воли) во юности, но сокруши ему ребра, донележе растеть, а ожесточивъ, не повинеть ти ся; и будетъ ти досажденіе, и богъзнь души, и тщета домови, погубель нѣзвѣию и укоривна отъ сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, предъ властелии платежъ и досада зла“.

Очень понятно, что отъ дѣтей, Домострой, по заповѣди Господней, требуетъ повинновенія и послушанія родителямъ во всеиъ. „Со страхомъ раболѣпно служите имъ, заключаетъ онъ свое наказаніе, да и сами отъ Бога мзду примете и жизнь вѣчную наследите, яко совершители его заповѣди“. Но этотъ наказъ дѣтямъ, какъ и самый приведенный выше наказъ отцу „како дѣти учити и страхомъ спасти“, въ духъ своемъ, какъ и на самомъ дѣлѣ, распространялся и ко всѣмъ живущимъ подъ властью домовладыки. Предъ его лицемъ всѣ были дѣтьми, не исключая и ихъ матери или его жены. Домочадцы же, т. е. слуги со всѣми своими семьями стояли ниже степеню и дѣтей господаря, ибо почитались чадами дома, чадами всего господарскаго семейства.

Такимъ образомъ поученіе: „казни сына своего“, какъ и поученіе о повиновеніи дѣтей, практически относилось ко всякому безъ исключенія члену господарскаго дома. Оно служило единственнымъ основаніемъ домашняго господарскаго быта. Такое же дѣтское послушаніе Домострой налагаетъ и на жену: „жены мужей своихъ вопрошаютъ о всякомъ благочиніи: како душа спасти, *Богу и мужу угодити* и домъ свой добре строити; и *во всемъ ему покоритися* и что мужъ наложитъ, то съ любовію пріимати (и со страхомъ внимати) и творити по его наказанію.... а повся бы дни у мужа жена спрашивалась и совѣтовала о всякомъ обиходѣ, и вспоминала, что надобеть. А въ гости ходити и къ себѣ звати: ссылаться съ кѣмъ велитъ мужъ...“ Домострой опредѣляетъ для жены даже и то, какъ и о чемъ съ гостями бесѣдовать. „И то въ себѣ внимати: у которой гостя услышитъ добрую пословицу: какъ *добрыя жены живутъ* и какъ порядию ведутъ, и какъ домъ строить, и какъ дѣти и служаки учать; и *какъ мужей своихъ слушаютъ* и какъ съ ними спрашиваются и *какъ повинуются имъ во всемъ*...“ Равновсїя отношеній между мужемъ и женою Домострой и не предчувствуетъ. Доля жены въ нравственномъ смыслѣ есть доля дѣтская. Она съ одной стороны первый изъ домохозяекъ, какъ первый и ближайшій слуга мужа, на обязанности котораго лежитъ весь домашній обиходъ. Съ другой стороны — она старшій изъ дѣтей, правая рука мужа.

Конечно, на самомъ дѣлѣ, положеніе жены могло быть и въ дѣйствительности бывало лучше чѣмъ то, какое рисуется ученіемъ Домостроя. Но лучшимъ это положеніе бывало уже по требованіямъ самой жизни, но ни какъ не по ученію Домостроя, которое, напротивъ, своими освященными, авторитетными рѣчами отдавало жену въ полную опеку мужа, слѣд. ставило ее не только въ дѣтскія, но и въ рабскія отношенія къ нему, и все это утверждало неопровержимымъ уставомъ добраго и богоугоднаго житія.

Мужъ, господарь дома, оставался такимъ образомъ единственнымъ лицомъ, самостоятельность котораго была несомнѣнна и ничѣмъ непрекаема. Въ этой одной только формѣ личность признавалась самостоятельною и обществомъ. На этомъ одномъ лицѣ утверждался и союзъ общегитія. Это одно лицо было, такъ сказать, цѣлымъ, полнымъ лицомъ. Все остальное имѣло значеніе не полноты, не окончанности, вообще значеніе дѣтства.

Такии-то ученіиа создадася и укрѣплася въ народномъ сознаниі идеаль родовой или родительской власти, что въ сущности одно и то же. Значеніе этого идеала въ древне-русской жизни, его вліаніе на народный умъ, на всѣ представленія народа о житейскихъ отношеніяхъ, были такъ сильны и велики, что самая оцѣнка даже историческихъ событій и подвиговъ разсматривалась по преимуществу съ точки зрѣнія того же идеала. Такъ, всякое проявленіе личной или общественной самостоятельности, всякое малѣйшее движеніе личной или общественной независимости тотчасъ же возбуждало нравственное осужденіе, какъ порокъ гордости, самонадѣянности, высокоумія. Конечно, это осужденіе всегда имѣло въ виду христіанскій идеаль смиренія, во имя котораго оно и распространило свои поученія о гордости; но самый идеаль смиренія могъ получить особенный смыслъ, самый работливый, только подъ сильнѣмъ вліаніемъ библейскаго идеала родовой власти, которая, какъ мы видѣли, смиреніе, покореніе возносила на высоту главнѣйшихъ добродѣтелей жизни, и именно для младшей ея среды, для младшей и въ домашнемъ и въ общественномъ значеніи.

„А гордыиъ Господь Богъ противится, а смиренныиъ даетъ благодать....“ — „Богъ бо не любитъ высокіа мысли наши, возносящася смиряетъ....“ Вотъ ученіе, которое проходитъ очень сильною чертою по всей нашей исторіи и особенно въ нашемъ бытовомъ развитіи. Литература, не только книжная, но и устная, непосредственная, чертитъ множество образовъ съ цѣлію утвердить эту истину, сдѣлать ее вполне осязательною и очевидною. Лѣтописцы пользуются каждымъ подходящимъ событійемъ или подходящимъ случаемъ; чтобы напомнить людямъ крайнюю очевидность этой истины. Пришелъ князь Ярославъ Святополчичь на Андрея къ городу Владимиру (южному): „разгордѣвшю, надѣяся на множество вой, и молвише такъ Андрееви и горожаномъ: то есть градъ мой; оже ся не отворите не выйдите съ поклономъ, то узрите, завтра приступлю къ граду и възму городъ“. Но на развѣздѣ подъ городомъ его убиваютъ измѣнически свои же два яха. Итакъ „умре Ярославъ, одинъ въ толпкой силѣ войска, за великую гордость его, понеже не имѣаше на Бога надежи, но надѣяся на множество вой. Видѣ что преодолѣ гордость.... прочее, дружино и братье, разуиѣйте по которомъ есть Богъ, по гордомъ-ли или по смиренномъ“. Новгородцы, напр., съ самаго ранняго времени, прославляются

гордыми за то, что вѣрно держатъ свою самостоятельность и независимость противъ княжескихъ притязаній. Случилось въ 1169 году, что войска Андрея Суздальскаго опустошили новгородскую область, хотя потомъ съ великимъ урономъ сами были отбиты отъ Новгорода. Лѣтописецъ пользуется случаемъ и разсуждаетъ: тамъ сихъ людей новгородскихъ наказалъ Богъ и спиритъ ихъ до вѣла.... за гордость ихъ навелъ на нихъ....“

Вообще именемъ гордости обозначалось всякое независимое или самостоятельное дѣяніе, гдѣ бы оно ни обнаружилось. Въ этомъ смыслѣ и московскій князь Симеонъ былъ прозванъ *гордымъ*.

Приводить новые тексты, въ которыхъ съ большею или меньшею силою развивается этотъ идеалъ смиренія, значить, касаться одного изъ самыхъ любимѣйшихъ мотивовъ нашей древней литературы, который проходитъ, какъ бы основною ея нитью черезъ всѣ вѣка и не только въ книжныхъ, замкнутыхъ, но и въ народныхъ, самобытныхъ произведеніяхъ. Изъ послѣднихъ, наилучшимъ и наиболее пластическимъ выразителемъ этого идеала служить извѣстная „повѣсть о Горѣ Злосчастіи“, въ которой живыми красками изображается *ослушаніе родительское*, вообще непослушаніе, непокореніе и не поклоненіе родителямъ, а, въ сущности, безнравственное, по тогдашнимъ понятіямъ, и самонадѣванное стремленіе личности *жить, какъ себѣ любо*. Это-то стремленіе къ самостоятельности и независимости приравнивается, и съ полнымъ основаніемъ съ точки зрѣнія родового идеала, къ дѣтской глупости. Повѣсть описываетъ жизнь молодца, оторвавшагося отъ роднаго корня, въ сущности, живнъ личности *гулящей*, и въ томъ смыслѣ, что она сбилась съ настоящей дороги, повела себя развратно; и въ томъ смыслѣ, что она хотѣла жить свободно, самостоятельно, независимо отъ родительской опеки, ибо, по понятіямъ вѣка, жить безъ опеки значило тоже, что жить гулящимъ путемъ, развратно.

Молодецъ, захотѣвшій жить, какъ ему любо, былъ въ то время „наглъ и глупъ; не въ полномъ разумѣ и не совершенъ разумомъ“. Только глупый и могъ рѣшиться скинуть съ себя родительскую опеку, хотябы и сознавалъ въ себѣ силу и возможность жить своимъ разумомъ. Глупо это было потому, что уму вѣка не представлялось и самой мысли о томъ, что личность можетъ существовать безъ опеки. Безъ опеки, она непременно должна

погибнуть. Эта идея и составляет главный мотив разсказа в повести „повѣсти“. Въ доказательство своей правды, она, эта идея, вначалѣ рисуесть самостоятельную жизнь добраго молодца завидными красками: онъ наживаетъ деньги, друзей; честь его, какъ рѣка течеть. „Другове къ молодцу прибывалися, родъ племени причиталися....“ Все у него есть, но нѣтъ у него главнаго, нѣтъ воли, а нѣтъ родительской воли — опеки онъ ушелъ, стало быть, потерялъ точку опоры и за это самое и долженъ быть наказанъ моею долею. Въ этомъ и заключается вся его вина — ослушаніе родительское. Повѣсть ничего другаго и не думаетъ изобразить, какъ одно назиданіе, что вышедшій изъ родительской воли молодецъ всегда падаетъ. Его другъ, названный братъ, заводить его въ избу кабацкую. Нехочется молодцу друга ослушаться; принимается онъ за питья за пьяныя и просыпается обобранымъ до нитки. Въ лохмотьяхъ, стало срамно молодцу появиться къ своему отцу и матери, и къ своему роду и племени, и къ своимъ прежнимъ милымъ друзьямъ. Пошелъ онъ на чужую сторону; попадаетъ на пиръ къ добрымъ людямъ, рассказываетъ свое *ослушаніе родительское*: „ослушался я отца своего и матери, благословеніе нѣтъ отъ нихъ миновалося; Господь Богъ на меня разгнѣвался.... *Отечество мое потерялося*, храбрость володецкая отъ меня миновалася!“ Онъ, такимъ образомъ, терять свое достоинство; въ собственныхъ глазахъ, онъ становится ничтожнымъ. Онъ проситъ добрыхъ людей научить, какъ жить на чужой сторонѣ, въ чужихъ людяхъ. Добрые люди, т. е. само общество, эта чужая сторона, поучаютъ его такъ: не буди ты спѣсивъ на чужой сторонѣ: покорися ты другу и недругу, поклонися ты стару и молоду, будь скромнѣе, нельстивъ и не лукавъ, смиреніе ко всѣмъ имѣй, съ кротостію держися истины съ правдою.... то тебѣ будетъ честь и хвала великая.... Таковы требованія жизни въ обществѣ, которое иначе не представлялось исполненному родовой идее уму, какъ *чужою* стороною.

На чужой сторонѣ сталъ жить молодецъ, умѣючи; отъ великаго разума наживалъ онъ живота (богатства) больше стараго. Словомъ сказать, самостоятельность его стала несомнѣнною. Онъ задумалъ жениться, срядилъ честный пиръ *отечествомъ* и *славею* и на пиру похвастался, что сталъ совсѣмъ независимъ, — наживалъ де я живота больше стараго. А всегда гнило слово похвальное, похвала живетъ человѣку пагуба! За эту

похвалу, а, въ сущности, за признаніе своей независимости и свободы, которое, по естественнымъ причинамъ, личность не могла не высказать, за это ей готовится пагуба, готовится кара въ образъ Гора-Злосчастія. Подслушало Горе-Злосчастіе хвастанье молодецкое, само говоритъ таково слово: не хвались ты, молодецъ, своимъ счастіемъ, не хвастай своимъ богатствомъ; бывали люди у меня, Гора, и мудрые тебя и до-сужае, и я ихъ, Горе, перемудрило: учинися имъ злосчастіе великое; до смерти со мною боролися; во зломъ злосчастіи позорилися....

Вотъ судьба, ожидавшая всякую личность, которая высвобождалась изъ родовой опеки, которая отрывалась отъ родоваго корня, которая теряла свое отечество. Это судьба ребенка — сироты, брошеннаго на произволъ случайностей. Такъ личность и понималась нашимъ древнимъ вѣкомъ, когда она устремлялась жить, какъ себѣ любо. Индивидуальной жизни, индивидуальных стремленій вовсе не существовало въ его сознаниі. Жизнь *рода*, а не личностью, жизнь въ круговой зависимости и въ круговой опекѣ — это жизнь правильная и счастливая. Жизнь, отдѣлившаяся отъ своего цѣлаго, естественно, жизнь неправильная, не обстоятельная; жизнь гора-злосчастія, котораго „гнѣздо и вотчина въ бражникахъ“. Въ дѣйствительности такъ, большею частію, и бывало. Оторвавшаяся отъ роднаго союза личность разумѣется, очень рѣдко могла выдержать борьбу съ случайностями самостоятельнаго жтѣя-бытѣя, ибо выходила она на эту борьбу, въ самомъ дѣлѣ, глухимъ, малымъ ребенкомъ, т. е. съ ребяческимъ воспитаніемъ своей воли. Поэтому, Горе-Злосчастіе и становится олицетвореніемъ личной свободы человека, живущаго на своихъ ногахъ, безъ всякой опеки. Образъ Гора-Злосчастія есть образъ свободной личности, начертанный нравственнымъ ученіемъ вѣка, въ назиданіе молодому поколѣнію. Отъ этой кары никуда нельзя было уйти. Горе-Злосчастіе неизмѣнно приводило молодца къ бражничеству, соблазняло его безответственною жизнью нагихъ-босыхъ и преслѣдовало его всюду.

Прожившійся молодецъ идетъ въ чужу дальну сторону, встрѣчаетъ на пути рѣку, а за перевозъ заплатитъ нечего. Съ тоски и съ голоду онъ хочетъ лучше въ рѣкѣ утопиться.

Поможи мое тѣло, быстра рѣка! Ино вѣйте, рыбы, мое тѣло бѣлое! Ино лутчи мнѣ жтѣя сего позорнаго! Уйду ли я у гора

злосчастнаго! Но воскликнуло Горе: стой ты, молодецъ, меня, Гора, не уйдешь никуда! А въ горѣ жить — некручинну быть! а кручинну въ горѣ погинути! Спянтуй, молодецъ, житіе свое первое; и какъ тебѣ отецъ говорилъ, и какъ тебѣ мати наказывала; оченъ тогда ты ихъ не послушалъ? Не захотѣлъ ты имъ покориться, постыдился имъ поклониться, а хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо... а кто родителей своихъ (на добро) ученія не слушаетъ, того выучу я, Горе злосчастное. Покорился молодецъ Горю нечистому, поклонился Горю до сыры земли.

Покорность и здѣсь награждается тѣмъ, что молодецъ перевозятъ даромъ черезъ рѣку. Добрые люди напоили, накормили его, сняли съ него одежду кабацкую и дали ему платье крестьянское, да и присоветовали ему идти на свою сторону, къ своимъ родителямъ, проститься (помириться) съ ними, взять отъ нихъ благословеніе родительское. Пошелъ молодецъ въ свою сторону; но горе напередъ зашло, вездѣ его встрѣчаетъ. Ты стой, не ушелъ добрый молодецъ! не на часъ я къ тебѣ горе злосчастное привязалось... Полетѣлъ молодецъ соколомъ, полетѣлъ сизымъ голубемъ, побѣжалъ молодецъ въ поле сѣрымъ волкомъ, сталъ въ полѣ ковыль-трава, пошелъ въ море рыбою; — вездѣ горе готовило ему напасть напрасной смерти. Наконецъ оно научаетъ молодца богато жить — убити и ограбить, т. е. сдѣлаться разбойникомъ. Но молодецъ вспоминаетъ *спасенный* путь и уходитъ въ монастырь, постригаться. Горе остается у святыхъ воротъ, къ молодцу впередъ не привяжетца“.

Въ этомъ подвигѣ молодца вполне и высказалась даже историческая правда, что единственнымъ исключительнымъ приближеніемъ для индивидуальной жизни былъ монастырь, къ которому, по этой причинѣ, всегда и стремилась, искавшая себя спасенія, аша допетровская личность.

Хотя мы и видимъ, что эта назидательная повѣсть олицетворяетъ свою кару Гора-Злосчастія, какъ бы исключительно за ослушаніе родительское; однако, необходимо помнить, что отношеніе родовой опеки къ свободѣ личности никогда иначе и не могло выразить своихъ положеній, какъ въ этой частной формѣ, которая, въ сущности, была общею формою всяческой опеки. Объ этомъ свидѣлствуетъ даже и сама повѣсть; избравши въ началѣ происхожденіе и общую характеристику человѣческаго рода, она обозначаетъ это свое введеніе къ повѣсти общею чертою: таково рожденіе человѣческое „отъ отца

и отъ матери“, т. е. таково происхожденіе и свойство человеческой природы.

„Ино зло племя человѣческо: вначалѣ пошло непокорливо; во отцову ученію зазорчиво; къ своей матери непокорливо, и къ совѣтному другу обманчиво. А се роди пошли слабы, добрубожливи ¹; а на безуміе обратилися и учили жить въ суетѣ.... А *прямое смиреніе отрикнули*. И за то на нихъ Господь Богъ разгнѣвался; положилъ ихъ въ напасти великія.... все смиряющъ насъ, наказуя и приводя насъ на спасенный путь“.

Такимъ образомъ, главнымъ мотивомъ повѣсти остается все тотъ же, общій во всей поучительной литературѣ, мотивъ смиренія, покоренія, послушанія, съ отрицаніемъ всякой непокорливости и гордости, именемъ которой, какъ мы замѣтили, обозначалось и все самостоятельное въ дѣйствіяхъ человеческой личности. Въ этомъ отношеніи повѣсть о Горѣ Злосчастія есть только поэтическое воспроизведеніе основныхъ ученій Домостроя.

Къ какимъ же практическимъ результатамъ приводили всѣ эти поученія и наказанія, какъ эта теорія являлась въ практикѣ, какую личность, съ какимъ характеромъ воспитывалъ и выпускалъ на общественную дѣятельность этотъ домашній, семейный строй жизни? Иначе сказать: какую личную *волю* приготавливалъ для общества нашъ древній Домострой?

Мы видимъ, что съ одной стороны, въ лицѣ старшаго, онъ воспитывалъ, утверждалъ и освящалъ самый безграничный произволъ, стало быть, полную необузданность воли. Съ другой стороны, въ лицѣ каждаго младшаго, онъ воспитывалъ, утверждалъ и освящалъ непрекословное покореніе и послушаніе, безграничное приниженіе личности, полное дѣтство и рабство воли. Между этими двумя крайностями, мы не видимъ ни какой середины.

Родительская опека, какъ единая нравственная сила, державшая весь строй нашего древняго общества, и помимо писаннаго ученія, по естественной причинѣ, должна была водворить въ умахъ непреложное убѣжденіе, что *воля старшаго есть законъ для младшихъ*. Это была сама сущность родительской власти,

¹ Добре-убожавши — убога.

вытекавшая изъ естественныхъ, непосредственныхъ отношеній отца къ своимъ дѣтямъ. Разумное начало, утверждавшее такія отношенія, основывалось на томъ фактѣ, что физически малолѣтній, въ дѣйствительности, не способенъ еще руководиться своею незрѣлою и потому глупою, неразумною волею. Ребенокъ иначе и не могъ обнаруживать свою волю, какъ только по дѣтски, неразумно; поэтому разумъ и воля старшаго, по необходимости, являлись здѣсь руководителями и опекунами малолѣтней воли. На этомъ утверждалось *семейное начало* жизни. Но тотъ же законъ распространялся дальше, шире, когда семья развивалась въ цѣлый *родъ*; а такъ какъ родъ представлялъ, въ сущности, только размножившуюся семью, то и начало его жизни и дѣйствій оставалось тоже. Какъ умножившаяся семья, *родъ* распространяетъ семейное начало жизни, родительскую опеку, на множество лицъ, которыя, съ его точки зрѣнія, въ нисходящей степени всѣ, въ дѣйствительности, оказываются малолѣтними, а потому и неразумными предъ восходящею степенью, непременно требующими руководства и опеки. Въ родовомъ разпорядкѣ лицъ физическое старшинство, какъ мы сказали, приобретаетъ уже смыслъ старшинства нравственнаго. Это-то нравственное старшинство, при дальнѣйшемъ развитіи родовыхъ понятій, становится господствующею силою племенной, а вслѣдъ за нею и общественной жизни, въ которой, по закону такого развитія, трудно было народиться представлению о томъ, что личность носить въ себѣ не родовой, подчиненный, а независимый, особый, единичный индивидуальный смыслъ. По родовымъ понятіямъ, совершеннолѣтіе личности наставало не вслѣдствіе ея физическаго и нравственнаго развитія, а только вслѣдствіе ея родоваго, а, по его идеалу, и всякаго другаго старшинства; или, говоря вообще, вслѣдствіе старшаго, властнаго положенія въ обществѣ, потому что бытовая власть, какъ мы говорили, была собственно властью отеческою, носила въ себѣ лишь одно существо, существо родительской опеки. Родичъ всегда оставался малолѣтнимъ къ восходящей линіи своего рода. Онъ физически выросталъ, но нравственно старики все еще почитали его малолѣткомъ и не выпускали изъ своей воли; и такое малолѣтство могло, въ извѣстныхъ родовыхъ обстоятельствахъ, продолжаться до его собственной глубокой старости. Это понятно; но менѣе понятно то, что тотъ же самый взглядъ на существо человѣческой личности неизмѣнно господствовалъ и въ общественномъ сознаніи,

въ порядкѣ и складѣ общественныхъ отношеній, во внутреннемъ, нравственномъ складѣ всего нашего древняго житія-бытїа. Практическій, жизненный смыслъ отеческой воли заключался, какъ мы видѣли, въ личномъ родительскомъ произволѣ, въ той, еще до сихъ поръ не умершей, и чуть не врожденной, нравственной аксиомѣ, что „мое дѣтище: хочу съ нашей жъ, хочу масло пахтаю“, какъ мыслить еще современный намъ родитель, и какъ мыслилъ XII вѣкъ въ лицѣ старшаго города, какъ мыслилъ потомъ дѣдъ Грознаго, в. в. Иванъ Васильевичъ, сказавшій Псковичамъ: „чи не воленъ язъ въ своемъ внуку и въ своихъ дѣтехъ? Ино кому хочю, тому дамъ княженство...“

Очевидно, что такая воля и для малолѣтнихъ, и особенно для малолѣтнихъ въ общественномъ смыслѣ, не могла имѣть ни какого другаго смысла, какъ смыслъ произвола, смыслъ простой грубой силы или насилїа, смыслъ обыкновенной физической силы, въ какой, подъ видомъ *ученїа*—битья, по преимуществу, и проявлялась эта воля старшаго или родительская воля. Но этотъ произволъ, въ глазахъ массы, освящался не только авторитетомъ своего происхожденїа, т. е. происхожденїа изъ непререкаемой власти родительской, но и ученїемъ церкви, которая утверждала и распространяла его, какъ единственную силу общественного союза. Въ убѣжденїяхъ массы этотъ произволъ, эта воля старшаго, построенная по своему идеалу и всю бытовую власть, являлась какою-то первою физической стихїею, въ родѣ огня, воды, предъ которою, по необходимости, должна была принимать всякая самостоятельность, а тѣмъ болѣе самостоятельность индивидуальной личности.

Малолѣтний, т. е. ребенокъ, отрокъ физически, равно какъ и ребенокъ, *отрокъ* общественно, чувствовалъ на каждомъ шагѣ силу этой воли—стихиі, и по необходимости ею одною воспитывался, воспитывалъ свои понятїа и свои стремленїа. Другихъ началъ, другихъ источниковъ для развитїа и образованїа собственной воли онъ не имѣлъ. Его со всѣхъ сторонъ охватывала среда произвольныхъ поступковъ, произвольныхъ дѣйствїй, которые представляли практическое только выполненїе дѣлаго нравственнаго ученїа объ авторитетной волѣ старшихъ. Въ этомъ ученїи онъ выяснилъ себѣ понятїе не о нравственной свободѣ человека вообще, на чемъ и должна бы создаваться воля; напротивъ онъ выяснилъ себѣ твердое убѣжденїе о подчиненїи такой свободы произволу старшихъ, какъ исключительныхъ, отъ рода и отъ

вѣка поставленныхъ, блюстителей нравственнаго закона. Онъ выяснилъ себѣ твердое убѣжденіе, что никто не долженъ имѣть воли (свободы) въ качествѣ человѣческой личности, а всякій долженъ обладать ею только въ качествѣ старшаго, въ качествѣ отца своихъ дѣтямъ, и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ всякаго властнаго положенія въ обществѣ. Воспитанный въ родительскомъ произволѣ, въ произволѣ старшихъ вообще, крѣпко убѣжденный, что этотъ произволъ, иначе родительская и родовая опека, есть священная воля самой нравственности, непоколебимая основа нравственной жизни; что этою только одною волею держится не только связь семьи, рода, но и связь всего общества, всей земли; — старый нашъ предокъ, вступая въ жизнь уже возрастнымъ, болѣе или менѣе сознательнымъ ея дѣтелемъ, ничего не могъ принести въ нее другаго, какъ тѣже самыя понятія и убѣжденія, какъ тотъ же основной смыслъ воли вообще и своей въ особенности, тотъ же произволъ, который представлялъ для него единственную и исключительную норму дѣйствій и дѣяній.

Дѣйствуя по такому умоначертанію, по такому развитію и складу своего права, онъ не могъ въ собственномъ сознаніи отдѣлать законнаго отъ беззаконнаго въ этомъ отношеніи, потому что здѣсь для него ясенъ былъ одинъ только законъ — воля или произволъ старшаго, стало быть, *своя воля*, когда онъ самъ дѣлался старшимъ, властнымъ, т. е. свободнымъ и самостоятельнымъ по его понятіямъ и представленіямъ. Истинныхъ понятій о нравственной свободѣ лица не могло существовать въ обществѣ, гдѣ родовой духъ съ такою силою пригнеталъ, давилъ личность, т. е. всякую человѣческую индивидуальность. Поэтому идея свободы понималась также матеріально, какъ и идея воли, и свобода значила собственно освобожденіе отъ чужой воли, а слѣдовательно пріобрѣтеніе своей воли; или въ сущности пріобрѣтеніе нравственной или матеріальной силы распоряжаться въ данныхъ обстоятельствахъ полнымъ хозяиномъ. Идея самостоятельности, нравственной независимости была нераздѣльна съ идеей самовластиа, а еще ближе, съ идеей самоволія и своеволія. Вотъ почему мы, люди другаго времени и другихъ понятій о законахъ нравственности, не имѣемъ права слишкомъ строго судить объ этомъ неизмѣримомъ и безграничномъ *своеволіи* и *самовластии*, которое такъ широко господствовало въ нашемъ допетровскомъ и петровскомъ обществѣ, и особенно мало имѣ-

емъ права осуждать за это отдѣльныя, а тѣмъ болѣе историческія личности, которыя всегда служатъ только болѣе или менѣе сильными выразителями идей и положеній жизни своего общества.

Своеволіе и самовластіе въ ту эпоху было нравственною свободою человѣка; въ этомъ крѣпко и глубоко былъ убѣжденъ весь міръ-народъ; оно являлось общимъ, основнымъ складомъ жизни. Это была общая норма отношеній между старшими и младшими, между властными и безвластными, между сильными и безсильными, между независимыми и зависимыми, и въ физическомъ, и въ нравственномъ, и въ служебномъ, и въ общественномъ, и въ политическомъ отношеніяхъ. Это былъ нравственный законъ жизни, выращенный ею же, самою жизнью, изъ почвы родового, патріархальнаго быта и отеческихъ поученій; законъ, которому противорѣчія, отрицанія являлись только въ средѣ государственныхъ, вообще гражданскихъ, социальныхъ, стремленій, постоянно, хотя и не всегда успѣшно, съ нимъ борющихся. Нужно было очень много времени для того, чтобъ этотъ законъ, въ борьбѣ съ государственными, т. е. социальными элементами, износилъ свои жизненные начала, сдѣлался дряхлымъ и ветхимъ, какимъ онъ представляется нашему сознанію только теперь, въ началѣ втораго тысячелѣтія нашей исторической жизни, все еще, время отъ времени, давая намъ иногда сильно чувствовать, что не совсѣмъ угасло его престарѣлое существованіе.

Само собою разумѣется, что историкъ, въ своихъ разысканіяхъ и размышленіяхъ о характерѣ многихъ событій нашей исторіи и особенно о характерѣ, дѣйствовавшихъ въ этихъ событіяхъ лицъ, не могъ не замѣтить, не могъ не почувствовать особенной, какъ бы основной черты, проходящей по всей нашей исторіи и неизмѣнно появляющейся въ каждомъ, сколько нибудь сильнымъ и наиболѣе выразительномъ ея дѣйствіи, особенно за послѣдніе два вѣка передъ реформою. Трудно было хорошо выиснить себѣ эту основную черту, найти ея истинный, жизненный смыслъ. Тому очень мѣшали наши взгляды, исполненные западныхъ идей, западныхъ представленій объ историческихъ дѣлахъ, развивавшихъ тамошнія народности. Западными идеями

ны по преимуществу измѣрили и собственное, историческое развитіе; дѣлали ему оцѣнку съ точки зрѣнія западныхъ представлений о свободѣ и рабствѣ, о правѣ и государствѣ, о социальной общинѣ, объ обществѣ и общественности, а главнымъ образомъ, о свободной и независимой личности. Отсюда: развившееся въ Москвѣ самодержавіе мы объясняли и до сихъ еще поръ объясняемъ татарскою идеею, которая будтобы въ немъ воплотилась и, какъ самое Батыево иго, беспощадно громила всѣ свободныя, самостоятельныя учрежденія совершенно свободной, будтобы „удѣльно-вѣчевой“ нашей старины. Западный чело-вѣкъ, исполненный идеею о правахъ независимой личности, иначе и не могъ смотрѣть на наше дѣло, какъ именно такими глазами. По его взгляду и мы такъ поняли основной законъ нашей исторіи и вслѣдствіе того подняли нашу семейную и вѣчевую общину до идеала, какой возможенъ только въ поэзіи. Древняя семья-община предстала намъ въ образѣ угнетенной невинности; между тѣмъ, она-то и была первою причиною этой татарской идеи, наилучшею почвою ея воспитанія и развитія. Самодержавіе въ своей самовластной формѣ XVI и XVII вѣка явилось роскошнымъ цвѣтомъ, плодомъ именно родовой культуры, которая заботливо воспитывала насъ съ самыхъ первыхъ временъ нашей исторіи. Не зная хорошо самихъ себя въ исторіи и во всемъ своемъ, даже современномъ быту, мы, по неизбежной причинѣ, должны были удалиться больше въ поэзію, чѣмъ идти къ здравому, чисто научному изслѣдованію. Мы и теперь все еще идеализируемъ нашу прошлую жизнь по плану иноземныхъ идей. Однако разработка нашей исторической науки всетаки подвигается впередъ и здравый реализмъ, который характеризуетъ ее въ послѣднее время, незамѣтно наводитъ насъ на иныя соображенія о дѣйствующихъ силахъ нашей исторіи.

Сводя счеты всей дѣятельности и дѣйствительности старой Руси до эпохи преобразования, историкъ ни какъ не могъ не почувствовать той основной черты въ нашихъ историческихъ характерахъ, о которой мы ведемъ рѣчь.

Онъ долженъ былъ замѣтить ея присутствіе повсюду и, слѣдя главнымъ образомъ за формами жизни, по естественной причинѣ, остановился на самой выразительной, законченной, поэтической ея формѣ, которую создалъ самъ народъ. Историкъ очень вѣрно охарактеризовалъ эту черту эпическими богатыр-

ствомъ. Богатырь, въ самомъ дѣлѣ, въ народныхъ поэтическихъ представленіяхъ, является образомъ самостоятельной, независимой, вполне свободной личности, какъ рисовалъ ее себѣ нашъ старый вѣкъ.

Указывая общее направленіе или общую силу дѣяній русскаго человѣка въ XVII ст.; историкъ говоритъ: „Быть русскаго народа до эпохи преобразованія вполне выражается въ его поэзіи; однихъ ея памятниковъ достаточно для вѣрной, общей оцѣнки этого быта.... Вслушавшись внимательно въ эту длинную и однообразную пѣсню русскаго народа, которую онъ заводитъ отъ Кіева и Царягорода, и ведетъ черезъ Волынь, Галичь, Черниговъ, Новгородъ, Москву къ Казани, Астрахани и Сибири, мы видимъ ясно, что это народъ, прожившій всею вѣкою въ одинаковыхъ историческихъ условіяхъ. Любимый образъ фантазіи пѣвцовъ это *богатырь-казакъ*, названія оцновначашія. Какъ въ X, такъ и въ XVII вѣкѣ русскій міръ былъ на украинѣ; какъ въ X, такъ и въ XVII вѣкѣ человѣкъ, которому было тѣсно въ язбѣ отцовской, у котораго *сила по осмолчкамъ осмолчиномъ переливалась, которому было грузно отъ осмушки, какъ отъ тлзелаго бремени*, отправлялся въ степь-поле, гдѣ ему легко найдти, на комъ попробовать свою силу молодецкую. Многое переиѣнилось въ государственномъ строю Россіи съ X до XVII вѣка, отъ временъ ласковаго Кіевского князя Владимира до временъ великаго царя Алексѣя Михайловича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержца, но удалцы по прежнему шли въ степь *моляковаты* (отъ *яоле*), на Дону образовалось большое военное братство удалыхъ *молямы* (опять отъ *яоле*), гдѣ каждому богатырю можно было набрать себѣ дружинну и идти на подвигъ. Такимъ образомъ для народа была возможность черезъ цѣлый рядъ вѣвовъ пѣть свою пѣсню на одинъ ладъ, потому что содержаніе ея было живо передъ его глазами: богатырь не умираетъ въ козакѣ, и наши древніи богатырскія пѣсни въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, суть пѣсни казакія, о казакахъ“.

Такимъ образомъ выходитъ, что допетровское русское общество со стороны общаго характера своихъ подвиговъ, дѣяній и былей, переживало еще древній, эпическій складъ быта. Богатырство, какъ известнѣйшій законъ личнаго характера, было исходнымъ началомъ личной дѣятельности, личнаго дѣла. Понятно, что образомъ богатырства можетъ быть обрисовано и

казачество, веселья, видное и въ полномъ смыслѣ эпическое явленіе нашей исторіи. Историкъ распространяетъ смыслъ богатырства и на всѣ другія, съ виду однородныя, явленія жизни. Онъ ставитъ его общему характеристическою чертою нравственной жизни общества, а слѣдовательно типическою чертою жизни отдѣльныхъ лицъ. Съ этою цѣлью онъ даетъ намъ эпическую характеристику богатыря, рисуетъ вообще *силмаю* человека, нашей старины: „Молодой человекъ чувствуетъ тяжкій грузъ силы, чувствуетъ тоску по степи, и говоритъ матери“: „Ай же ты, государыня, моя матушка! давай же прощеньице — благо-словеньице: поѣду я во далече — далече чисто поле, хочу разгонять бурушка косматого, хочу поразмять своего плеча богатырскаго, спробовать силы-удали молодецкія. *Доло ли мнѣ жить со лукомъ, во маломъ во ребячествѣ*, ходить мнѣ дома по улицѣ широкія, съ ребятами тѣшиться“? Пока молодой человекъ не вырвется въ чисто-поле, все онъ будетъ жить въ *глукомъ*, *накомъ* ребячествѣ: *отъ лукаго ребячества до возмужалости мнѣ переходнаго времени образованія!* Страшенъ бывалъ сильный человекъ, вырвавшійся прямо изъ *глукаго*, *малаго* ребячества на *полную волю*, въ чистое поле, и начавшій разинять свое плечо богатырское. Пѣсни превосходно изображаютъ намъ эту расходившуюся силу, которая не сдерживается ничѣмъ; эти поэтическія изображенія объясняютъ намъ не одно явленіе не только въ древней, но и въ новой нашей исторіи, которая не могла разомъ отрѣшиться отъ старыхъ условій. Илья Муромецъ, разсердившись, что его не позвали на пиръ, стрѣляетъ по божьимъ церквамъ, по чуднымъ крестамъ и отдаетъ золоченыя наковни кабацкой голи на пропивъ, хочетъ застрѣлить князя Владиміра съ княгиней. Когда Василій Буславъ расходился въ бою съ новгородцами, то не пощадилъ престнаго отца. Мать, чтобъ унять расходившагося богатыря, заходитъ сзади и падаетъ на плеча могучія; богатырь говоритъ ей: „ты старушка лукавая, толковая! умѣла унять мою силу великую, зайти догадалась позади меня. А ежелибъ ты зашла впереди меня, то не спустилъ бы тебѣ, государыни матушки, убилъ бы замѣсто мужа новгородскаго“.

Вотъ основныя черты того характера, который служитъ типическимъ выраженіемъ нашей допетровской жизни, который управляетъ этою жизнію во всѣхъ ея крупныхъ и мелкихъ дѣлахъ. Какъ ярко и живо въ этомъ изображеніи выясняется намъ ликъ и

самого Петра, этого послѣдняго богатыря нашей эпической древности и перваго выразителя всѣхъ сознательныхъ элементовъ русской личности. Какое кровное, самое ближайшее родство чувствуется въ этихъ герояхъ, стоящихъ по ту и по сю сторону нашей исторической жизни. Восень вѣковъ сливаются въ одинъ моментъ и обнаруживаютъ, что это люди не только одного и того же поколѣнія, но даже одной семьи. Историкъ далѣе еще больше уясняетъ намъ богатырскія черты старинной нашей личности. По поводу автобіографіи извѣстнаго протопопа Аввакума онъ говоритъ: „Важность памятника (автобіографіи) заключается въ томъ, что онъ лучше другихъ памятниковъ переноситъ насъ, въ Россію XVII вѣка, отъ которой мы отошли такъ далеко и явленія которой мы съ такимъ трудомъ понимаемъ, придавая историческимъ лицамъ XVII вѣка черты нашего времени, наши воззрѣнія и стремленія. Мы имѣли возможность узнать, что такое былъ сильный человѣкъ въ древней Россіи, какъ силы богатыря мало сдерживались, какъ онъ не были устроены и направлены *воспитаніемъ*, и *образованіемъ*, ибо плеть и палка одѣя не могутъ содѣйствовать этому устроенію и направленію, какъ богатырь вырывался изъ отцовскаго дома, изъ подъ отцовской плети и палки размять плечо богатырское, и что могло тутъ сдержать его? сама мать должна была заходить сзади, чтобъ унять расходившуюся силу. Подробности жизни Никона много уясняютъ намъ явленія этихъ богатырей среди общества, невыработавшаго нравственныхъ сдержекъ для хаотическихъ богатырскихъ силъ. До тѣхъ поръ, пока мы не перенесемъ въ XVII вѣкъ и не взглянемъ на Никона, какъ на богатыря въ патриаршей митрѣ и саккосѣ, до тѣхъ поръ это явленіе останется для насъ загадочнымъ, а Никонъ не перестанетъ изумлять насъ своею *силою* и *безсміемъ*. Въ соответствіи богатырю патриарху XVII вѣка выставляетъ намъ богатыря — протопопа, вслѣдствіе несдержанной *силы*, ставшаго заклятымъ врагомъ Никона и расколоучителемъ. Аввакумъ въ драгоцѣнномъ житіи своемъ является не одинъ, но окруженный цѣлою дружиною подобныхъ ему богатырей, которые расходились въ защиту дуперстнаго сложенія и двойной аллилуйи и *не могли найти себя удержку*; тутъже близко повзаконимся съ особаго рода богатырями — юродивыми, которымъ также грузно отъ *силумки*, какъ отъ тяжелаго бремени, и которые освобождаются отъ этого бремени тѣмъ, что ходятъ въ лютые

морозы босикомъ въ одной рубашкѣ: толпа, видя проявленіе такой силы, вполне вѣрять и подвигамъ Ильи Муромца и Добрыни Никитича, какъ разсказываются они въ сказкѣ и поются въ пѣснѣ⁴.

„Въ житіи Аввакума встрѣчаемъ мы и старыхъ своихъ знакомыхъ, воеводъ, такихъ охотниковъ давать чувствовать свою силу, встрѣчаемъ и Сибирскихъ воеводъ, этихъ русскихъ Кортесовъ и Пизарро, которые ходятъ на прински новыхъ земель и которые совершенно разнуздались въ далекой странѣ среди дикихъ звѣрей и дикихъ людей. Наконецъ встрѣчаемся и съ дикою силой толпы, которая такъ легко выражается въ насилиѣ⁵.

Итакъ, вотъ смыслъ того богатырства, которымъ по преимуществу характеризуется эпоха и люди. Это стало быть богатырство дикой, первозданной силы, неустроенной и необразованной воспитаніемъ, богатырство необузданной или разнузданной воли, отъ которой самому богатырю становится *грумо*, какъ отъ тяжелого бремени, — это богатырство первозданнаго своеволія и самовластия. Конечно, богатырство, въ этомъ распространеніи своего смысла и значенія, теряетъ уже свой истинный, поэтический типъ, весьма опредѣленно и законченно выразившійся въ народномъ эпосѣ. Въ отношеніи исторической дѣйствительности оно является натяжкой, едва не каррикатурой. Въ народномъ эпосѣ значеніе и даже происхожденіе этихъ богатырскихъ силъ очень понятно, — тамъ это небогѣе, какъ эпическое олицетвореніе силъ народнаго духа, олицетвореніе силъ и направленій всей жизни народа. Но, перенося эпическій смыслъ богатырства на мелкія и крупныя дѣла людей XVII вѣка, въ среду ежедневной дѣйствительности, мы уже имѣемъ дѣло не съ поэтической правдою, а съ правдою историческою, съ *правдивыми* историческимъ началомъ жизни и по необходимости должны спросить: откуда это начало, гдѣ его корень? Историкъ не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ; онъ даже и не ставитъ такого вопроса, полагая, вѣроятно, что для уясненія дѣла достаточно одной параллели эпическаго богатырства съ дѣйствительнымъ богатырствомъ нравственныхъ дѣлъ XVII вѣка. А вопросъ очень любопытенъ и очень важенъ. Въ немъ ключъ къ разясненію характера не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ событій нашей исторіи. Одною параллелью съ богатырствомъ эпическимъ объяснить его невозможно. Очевидно,

что корни историческаго богатства должны лежать въ той почвѣ, которая вообще именуется культурою народа, его нравственною и умственною выработкою или выправкою. Въ короткой характеристикѣ стариннаго обученія, историкъ мимоходомъ касается и этого вопроса, замѣчая, что „съ одной стороны древній, русскій человекъ начиналъ очень рано общественную дѣятельность, недоноскомъ относительно приготвленія, образованія, съ неокрѣпшими, духовными силами; съ другой стороны, онъ дѣлался самостоятельнымъ очень поздно, потому что вмѣсто широкой, нравственной опеки общества, онъ очень долго находился подъ узкою опекою рода, старыхъ родителей (старшихъ родственниковъ); но легко понять, какъ должна была дѣйствовать эта долгая опека на человека возмужалаго, который самъ былъ отцемъ семейства. Такимъ образомъ два обстоятельства вредно дѣйствовали на гражданское развитіе древняго русскаго человека: *отсутствіе образованія*, выпускавшее его ребенкомъ къ общественной дѣятельности, и продолжительная родовая опека, державшая его въ положеніи несовершеннолѣтняго, опека необходимая впрочемъ, потому что, вопервыхъ, онъ былъ дѣйствительно несовершеннолѣтень, а во вторыхъ, общество не могло дать ему нравственной опеки. Но легко понять, что продолжительная опека дѣлала его прежде всего робкимъ передъ всякою силою, что впрочемъ нисколько не исключало дѣтскаго своеволія и *самодурства*“¹.

Въ томъ-то и дѣло, что продолжительная опека прямо и непосредственно воспитывала это своеволіе и самодурство, которое и составляетъ сущность указаннаго историкомъ богатства уже не эпическаго, а историческаго, какъ мы замѣтили, которое правильнѣе будетъ назвать не богатствомъ, а господарствомъ. Въ томъ-то и дѣло, что *не отсутствіе образованія*, а именно, слишкомъ тяжелое присутствіе *извѣстнаго* образованія, выразителемъ котораго былъ Домострой съ своими родоначальниками и родителями, и не отсутствіе со стороны общества нравственной опеки, а именно до крайности великое и осязательное ея присутствіе, до крайности сильно выработавшіяся, извѣстныя, нравственныя сдержки всякой личной самостоятельности, — вотъ что именно воспитывало и развивало каждый личный характеръ и дѣлало его съ одной стороны *робкимъ*, ребенкомъ, дѣтятею, *предъ всякою*

¹ Исторія Россіи г. Соловьева, т. XIII, 162, 172—174, 206 и др.

силою, а съ другой самовольнымъ, своевольнымъ, т. е. самовластнымъ предъ всякимъ отсутствіемъ силы, предъ всякимъ ребенкомъ по силѣ. Совершенно справедливо, что личный характеръ выступалъ къ общественной дѣятельности совершеннымъ ребенкомъ. Духъ этого „глупаго малаго ребячества“ и былъ первою основою его нравовъ, а стало быть и первою основою его поступковъ и подвиговъ. Но не потому онъ выступалъ въ общество ребенкомъ, что не было отъ глупаго ребячества до возмужалости переходнаго времени образованія: образованіе, имѣя слишкомъ общій, неопредѣленный смыслъ, даже и до послѣдняго времени плохо устроиваетъ нашу волю, которая въ общей сложности всетаки дѣйствуетъ еще по дѣтски; — но главнымъ образомъ потому старый нашъ предокъ вступалъ въ общество и жилъ въ обществѣ ребенкомъ, что не имѣлъ и малѣйшихъ представленій о возмужалости воли, т. е. о нравственной самостоятельности лица, на чемъ конечно должно бы сосредоточиваться всякое образованіе, но что всегда маскируетъ или и совсѣмъ отстраняетъ, какъ великую напасть, образованіе, поддерживаемое патріархальными или родовыми идеями. Мы знаемъ, что напр. въ XVІІІ вѣкѣ было у насъ образованіе; однако оно даже въ образованныхъ личностяхъ нисколько не устраняло того эпическаго богатырскаго своеволія и самовластія, которое крѣпко еще держалось за старые русскіе корни и широко царствовало во всемъ быту. Мы вообще хотимъ сказать, что образованіе ничего не сможетъ сдѣлать, если вся общественная, и умственная, и нравственная культура питается противоположными ему началами. Тогда оно производитъ только печальные плоды и наиболѣе только жертвы умственныхъ и нравственныхъ несообразностей, какія всегда поражаетъ борьба просвѣщенія съ закоренѣлымъ невѣжествомъ.

Точно тоже мы должны сказать и о нравственной опеке общества. Если есть общество, то есть и опека и именно нравственная. Весь вопросъ въ томъ, на чемъ общество стоитъ въ своемъ воззрѣніи на нравственное, что общество почитаетъ нравственнымъ? Ибо по этому вопросу каждый вѣкъ имѣетъ свои особыя созерцанія и убѣжденія. Наше общество было сильно лишь родовыми идеями, отчего мы и называемъ его не обществомъ, а родствомъ. Существо нравственной идеи, которая была руководителемъ всѣхъ помысловъ и поступковъ стараго русскаго человѣка, когда онъ стремился взойти на высоту нравственной

жизни, заключалось въ томъ, чтобы во имя родового идеала сдерживать до принижения нравственную свободу и нравственную самостоятельность личности. Въ умственной культурѣ для этого существовалъ дѣльный нескончаемый рядъ представлений о господствѣ надъ жизнью человѣка невѣдомыхъ демоническихъ силъ, предъ которыми самостоятельность и свобода личности понижала въ полное сознаніе своего безсилія и ничтожества. Въ нравственной культурѣ существовала идея отеческой опеки, предъ которою точно также нравственная самостоятельность и свобода личности понижала въ полное сознаніе своего дѣтства, стало быть такогоче ничтожества. Полное всестороннее подчиненіе ума и воли этимъ началамъ было нравственностью вѣка. Но въ одномъ знаменательнѣе выражала эта нравственность? Полное отрицаніе самостоятельности нравственныхъ индивидуальныхъ силъ человѣка, полную его нравственную зависимость отъ постороннихъ силъ, передъ которыми онъ стоялъ безпомощнымъ ребенкомъ; словомъ сказать, полное и глубокое сознаніе своего безпомощнаго дѣтства, глупаго малаго ребячества, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ именно требовалась вѣра въ достоинство и нравственную высоту человѣческой природы, въ ея полную независимость ни отъ добрыхъ, ни отъ злыхъ разныхъ силъ, т. е. независимость отъ первозданныхъ языческихъ идей и идеаловъ жизни.

Общество или, точнѣе, пропитанный идеями всесторонней опеки надъ личностью, общественный умъ чутко и зорко сторожилъ всякое и малѣйшее отступленіе отъ сознанныхъ имъ началъ жизни и даже отъ самыхъ ихъ формъ. Дѣтство ума онъ охранялъ и укоренялъ тѣмъ, что обзывалъ всякое его движеніе страшнымъ въ то время словомъ: ересью, а всякую книгу, не входившую въ кругъ его созерцанія, еретическою. Дѣтство чувства и воли онъ охранялъ и укоренялъ неустаннымъ преслѣдованіемъ всякаго выраженія самостоятельности, почитая это гордостью, высокоуміемъ, самонадвинностью и т. п. нравственными грѣхами, и съ этой цѣлью широко развивалъ идею смиренія, а въ сущности идею повиновенія, безграничнаго приниженія личности во всевозможныхъ видахъ.

Такова была нравственная опека общества надъ личностью, состоявшая во имя нравственнаго совершенства, которое сводилось, какъ мы сказали, къ всестороннему отрицанію

природныхъ человѣческихъ требованій и природныхъ человѣческихъ достоинствъ личности.

Эта-то опека и создавала тотъ тяжелый, душный міръ, изъ котораго вырваться было возможно только съ силою богатыря. Она-то и производила богатырей необузданной воли; но не потому, что недоставало имъ переходнаго времени образованія, или нравственной опеки общества, а потому что слишкомъ эта воля была зануздана. Тутъ становился сильнымъ естественный законъ, что крайность вызываетъ другую крайность; отрицаніе самостоятельности человѣка въ природѣ его нравственныхъ дѣлъ, являлось отрицаніемъ въ немъ самомъ его человѣческихъ свойствъ и онъ, по неизбѣжной причинѣ, дѣлался звѣремъ своей воли, или говоря поэтически становился богатыремъ.

Для дѣйствій такой воли, конечно необходимъ былъ просторъ, необходимо было *поле*. Какъ только человѣкъ, послѣ 30 лѣтняго сидѣнья сиднемъ въ своемъ домѣ, т. е. въ домѣ, исполненномъ родительской и общественной опеки, выѣзжалъ въ поле, онъ богатырствовалъ, какъ Илья Муромецъ. Для однихъ, счастливыхъ, такимъ полемъ была власть, властное авторитетное положеніе въ обществѣ; для другихъ, угнетенныхъ и чѣмъ либо утѣсненныхъ, такимъ полемъ было дѣйствительное поле, степь, куда, какъ въ нравственную и социальную отдушину, уходило все, что чувствовало себя не по себѣ въ этомъ тѣсномъ и душномъ жилищѣ всяческой опеки. Отсюда разбойная жизнь по большимъ дорогамъ и рѣкамъ, особенно по Волгѣ-матушкѣ, отсюда украинное казачество, отсюда усиленіе бродяжничества, т. е. въ сущности исканіе независимости и самостоятельности для личности, которая немогла иначе, т. е. лучше, разумнѣе, законнѣе и возвышеннѣе, понимать и чувствовать эти блага своей человѣческой природы. Отсюда развитіе нашего раскола и этотъ широкій нигилизмъ разныхъ его согласій и толковъ. И все это обуславливается однимъ и тѣмъ же началомъ нашего развитія и всей нашей культуры, тою же непомѣрною отеческою опекою, въ какой постоянно находился и до сихъ поръ находится нашъ умъ и наша воля; тою же родовою идеею, которая была главною и непосредственною воспитательницею и нашихъ добродѣтелей, и нашихъ пороковъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться очень страннымъ: старинная родительская философія и житейская практика со стороны всяческой власти стояла на томъ, чтобъ *не давать воли*

малому, т. е. малому или меньшему во всѣхъ отношеніяхъ, и домашнихъ, и общественныхъ. Это было коренное, непоколебимое убѣжденіе вѣка въ его нравственной сферѣ, убѣжденіе, созданное развитіемъ и дѣлами самой жизни. Это было коренное, несомнѣнное начало, руководившее прежде всего воспитаніемъ дѣтей, слѣд. родительскою властью, а потомъ всякимъ начальствомъ, всякимъ управленіемъ въ житейской средѣ, начиная съ домовладычества и восходя до владычества въ какомъ либо воеводствѣ или намѣстничествѣ, или даже въ государствѣ. На этомъ началѣ крѣпко стоялъ смыслъ всякой власти, сколько бы ни была она мала или велика. Оно господствовало вездѣ и недопускало никакихъ другихъ понятій о подчиненныхъ, подвластныхъ, какъ только о дѣтяхъ, о малолѣтнихъ или о домоладцахъ, которыми *управлять* — значило *не давать имъ воли*. Сюда были направлены всѣ поученія, вся практическая философія того времени, вся *осесточь* практическихъ выполненій этой философіи.

Слѣдовало ожидать, что воля должна совсѣмъ утратить свою жизненную упругость, свою жизненную энергію. Внутри оно такъ и случилось. Восьми-вѣковой періодъ, жившій одною идеею успѣлъ окончательно подавить, заглушить волю; но за то, взаимнѣ воли, этотъ многовѣковой періодъ успѣлъ выростить самое безграничное своеволіе, отъ котораго старина ни какъ не могла отличить волю въ собственномъ смыслѣ. Вотъ почему въ нашей исторіи мы видимъ, что воля богатырствуетъ вездѣ, гдѣ только является *своею волею*. Мы видимъ, что волю бралъ всякій и вездѣ, гдѣ только являлась возможность и гдѣ не встрѣчалось другой, чужой воли, на столько сильной, чтобъ не давать забирать свою волю. Такимъ образомъ воля, какъ мы уже выше говорили, представлялась чѣмъ-то матеріальнымъ, вѣшнимъ, чѣмъ-то такимъ, что можно было давать и не давать, брать или не брать. Высокаго нравственнаго смысла человеческой свободы она не имѣла; она носила одинъ лишь смыслъ животный, выражалась въ животныхъ формахъ и требовала животныхъ средствъ для направленія и отправленія своихъ дѣйствій.

Въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ намѣренія останавливаться на перечисленіи всѣхъ видовъ богатырствованія, къ какому приводила, вырвавшаяся изъ удушливой опеки *своя воля* личности. Въ исторіи намъ знакомѣ всего богатырствованіе властнаго человѣка, которое всегда поддерживалось и под-

держивается обыкновенно положительными законами и учреждениями. Оно всегда за них и прячется, как за каменную стѣну. Исторія нашихъ властныхъ отношеній, даже до сихъ дней, исполнена такого богатырствованія. Здѣсь идея опеки находила себѣ положительное и весьма широкое выраженіе, ибо всякая власть сама по себѣ имѣла авторитетъ, смыслъ власти отеческой, вѣками освященный.

Должно вообще замѣтить, что если мы хорошенько всмотримся въ это богатырство необузданнаго самовластія, которымъ исполнена наша исторія, хорошенько вникнемъ въ непосредственныя и посредственныя причины этого всеобщаго жизненнаго явленія, то едва ли станемъ удивляться даже и такому типу нашего *самовластнаго* богатырства, каковымъ былъ Иванъ Грозный. Народъ ему и не удивлялся. Онъ вынесъ его, какъ страшную физическую грозу, съ чувствомъ страха, съ чувствомъ ежеминутной гибели, съ мыслью, что тутъ ничего не подѣлаешь, что это бушуетъ и все громитъ непобѣдимая первозданная стихія. Народъ потому и не удивлялся, что здѣсь на самомъ дѣлѣ бушевала первозданная стихія его быта; оттого бушевала, что воплотилась въ самые широкіе размѣры личной воли старшаго. Народъ, напротивъ, отнесся къ Грозному не только безъ всякой ненависти, но и съ большимъ сочувствіемъ, какъ къ эпическому богатырю — покорителю Татарскихъ царствъ и выводителю *изъмыны* изъ Русской земли. Очень понятно, что на сентиментальный взглядъ нашихъ отцовъ и на гуманный взглядъ нашихъ современниковъ такой разгулъ нашей первозданной стихіи, не только возмутителенъ, но и ни съ чѣмъ не сообразенъ и совсѣмъ непонятенъ; однакожъ въ свое время онъ былъ терпимъ, онъ былъ въ порядкѣ вещей, онъ былъ въ сущности только наиболѣе сильнымъ, вышуклымъ выраженіемъ той же нравственной богатырской, вполне эпической силы, которая руководила жизнію всей народной массы, которая проявляла себя повсюду.

Мы вообще напрасно думаемъ, что богатырство самовластія являлось характерною чертою только въ органахъ государственной, правительственной власти. Оно было существеннымъ характеромъ всякой власти, какъ въ домашнемъ, такъ и въ общественномъ и политическомъ быту. Самое существо власти, какъ мы уже говорили, иначе не представлялось, иначе не понималось, какъ подъ видомъ *само-властія*; самое существо

человѣческой свободы и представлялось и понималось, только подъ видомъ того же — *само-властія*.

Недаромъ Грозный явился вмѣстѣ съ Домостроемъ. Исторія выразила въ этихъ двухъ формахъ многовѣковые плоды русской жизни. Домострой былъ вполне законченнымъ *словомъ* ея нравственнаго и общественнаго идеала. Грозный былъ самымъ *дѣломъ* того же идеала, также вполне законченнымъ, послѣ котораго русская жизнь должна была идти уже по другому направлению, искать другаго идеала. Грозный окончилъ самый запутанный актъ русской драмы — исторіи. Онъ указалъ дорогу къ высвобожденію личности и обрисовалъ собою будущую личность освободителя личности Петра. Послѣ Грознаго старина опять было вздохнула въ лицѣ боярскаго царя Шуйскаго; но напрасно Шуйскій провозглашалъ возстановленіе вѣтхаго права боярскаго думы ограничивать волю самодержца — его голосъ не былъ ни кѣмъ услышанъ. Государево дѣло уже выпадало изъ боярскихъ рукъ и становилось дѣломъ всей земли. Земля требовала новой жизни, новыхъ силъ развитія, искала новыхъ идеаловъ.... Цѣлые сто лѣтъ прошли въ смутахъ и волненіяхъ. Земля двигалась изъ конца въ конецъ, двигалась въ самой глубинѣ своихъ убѣжденій и воззрѣній. Приближалось что-то невѣдомое *новое*.... Тѣмъ сильнѣе подымалось все *старое* и высказывалось въ самыхъ рѣзкихъ, послѣднихъ очертаніяхъ. Званный идеалъ наконецъ явился въ образѣ Петра, уже не перваго отца и перваго господари обществу, а перваго его слуги, перваго его неутомимаго работника. Это уже нашъ идеалъ и насъ отъ него отдѣляетъ только старая прапрадѣдовская форма самовластія, завѣщанная еще Грознымъ, которую Петръ по необходимости носилъ, потому что въ ней и родился, и оттого такъ ей и сочувствовалъ.

Итакъ, самовластіе было жизненнымъ началомъ стараго русскаго быта; оно было олицетвореніемъ родовой идеи, которая построила нашъ бытъ. Оно во имя этой идеи держало личность многіе вѣка въ нескончаемомъ дѣтствѣ, и во всякой крѣпости. Естественно, что по этому пути оно должно было выработать для личности условія самаго низменнаго, рабскаго приниженія предъ всякою властью.

Но какъ ни было широко рабское приниженіе личности подѣ тяжестью родовой самовластной идеи, всетаки это приниженіе не имѣло въ себѣ того характера, которымъ обозначается дѣй-

ствительное рабство, полное рабство азиатское, африканское, или даже юридически выработанное рабство западной Европы. Русское рабство, къ которому привело народъ, повторимъ еще, широкое, всестороннее развитіе въ жизни родовой идеи, никогда не было, да и быть не могло такимъ полнымъ, законченнымъ рабствомъ. Въ сущности, это было *дѣтство*, а не рабство. И если это дѣтство выражалось дѣйствительно въ унизительныхъ рабскихъ формахъ, то въ этомъ сказывалась только наивная первоизданная природа родовыхъ отношеній, возвышавшая непомѣрно родительскую власть, а по ея идеалу и всякую другую власть. Людскія отношенія кристаллизовались по одному и тому же вездѣ присутствовавшему идеалу отношеній семьи-рода, гдѣ старшая власть, даже и возрастныхъ, и стариковъ, и всѣхъ равняла съ малолѣтними, а потому равно отъ всѣхъ требовала къ себѣ отношеній дѣтства, а не равенства. Эти-то отношенія дѣтства, въ которыхъ въ нашемъ быту выражались людскія отношенія ко всякой предержавшей власти, представляются по естественной причинѣ формами рабства и даже самымъ рабствомъ, по той простой причинѣ, что здѣсь большіе, старики, вообще люди уже независимые и самостоятельные, являются по формѣ отношеній къ старшей ихъ власти совершенными дѣтьми. Ярче всего приниженіе русской личности выразилось въ пресловутомъ *челобитьѣ*, въ этомъ битьѣ головою до земли, безъ котораго невозможно было встрѣтить какую либо власть, и особенно очень старшую, т. е. господарскую, владѣющую, стало быть въ полномъ смыслѣ родительскую, напр. помѣщичью, воеводскую, а тѣмъ болѣе царскую. При всемъ томъ наше челобитье по существу своему являлось лишь первородною формою чести, какую должны были воздавать дѣти родителямъ. Другаго смысла оно въ себѣ не носило. Это была форма родоваго приличія, форма сыновняго почтенія къ родителю, которая распространилась и на общественныя отношенія, потому что все общество организовалось силою родоваго духа, вводившаго повсюду свои уставы и порядки, свой строй жизни. Отъ родоваго корня пошла наша внутренняя, нравственная жизнь, отъ этого корня произошли, народились и всѣ ея формы, не исключая даже и государственной. Вотъ почему въ нашемъ рабствѣ, въ его существѣ, постоянно скрывалось какое-то родственное благодушіе, смягчавшее даже и силу крѣпостныхъ отношеній, такъ что рабъ, и холопъ становились у насъ дѣтьми, чадами дома, рабскія и

холопскія формы отношеній всегда пріобрѣтали смыслъ отношеній дѣтскихъ, вообще отношеній малолѣтства къ возрастнымъ.

Особенно живую картину такихъ именно отношеній представляетъ напр. царскій отпускъ полковыхъ воеводъ въ походъ на польскаго короля, происходившій 23 апр. 1654 г., при царѣ Алексѣѣ. На отпускъ, какъ и на пріѣздъ къ государю, бояре и всѣ другія лица, которыя допускались видѣть его пресвѣтлыя очи, обыкновенно цѣловали его руку, что и называлось вообще: быть у государевой руки. Каждый, по порядку подхода къ государю, сначала поклонялся до земли, цѣловалъ руку, а затѣмъ отошедши, опять кланялся до земли. Въ настоящемъ случаѣ торжественный отпускъ совершался въ Успенскомъ соборѣ, послѣ молебна. Тутъ же всѣхъ полчанъ царь звалъ къ себѣ *алба ысть*. Столъ былъ въ Передней Избѣ. Послѣ стола, послѣ кубковъ и медовъ, двадцатипятилѣтній царь прощался съ полчанами и особенно съ главнымъ воеводою кн. Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ. „И царь паки звалъ бояръ и воеводъ къ рукъ. И бояре шли единъ за единымъ. И царь кн. А. Н. Трубецкаго своими царскими руками принялъ къ персемъ своимъ, главу его, для его чести и старѣйшинства, зане многими сѣдинами украшенъ и зѣло мужъ благоговѣинъ и нязченъ и мудръ въ божественномъ писаніи и предивенъ въ воинской одеждѣ и въ воинствѣ счастливъ и недругомъ страшень. И кн. А. Н. Трубецкой, видя такую *отеческую* премногую и прещедрую милость къ себѣ, *паки главою на землю ударяется*¹ *со слезами, до тридесать кратъ*“.

На прощаньи съ меньшими полчанами, дворянами и жильцами, государь угощалъ ихъ изъ своихъ рукъ бѣлымъ медомъ и говорилъ рѣчь, на которую они отвѣчали также рѣчью и поклонялись до *седми кратъ*.

Все это черты отношеній по преимуществу дѣтскихъ, отношеній меньшей родни, а не рабовъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ господствовало наиболѣе чувство родства — отечества и дѣтства, а вовсе не чувство рабства; господствовало чувство тѣсной, неразрывной родовой связности людей, а не чувство юридически выработанныхъ отношеній рабовъ къ господину.

¹ Очень примѣчательно, что въ подлинникѣ эта фраза: „главою на землю ударяется“, измѣнена собственноручною припискою царя слѣдующимъ образомъ: *поклоняется до земли. Столбцы Тайн. Прик. въ Госуд. Архивъ.*

Въ глубинѣ этихъ-то чисто родовыхъ отношеній и скрывается весь смыслъ нашей исторіи, нашей нравственной и общественной культуры.

Если мы согласимся, что таковы были бытовые нравственные силы, дѣйствовавшія въ нашемъ допетровскомъ обществѣ, то вопросъ: какое положеніе занимала въ этомъ обществѣ женская личность, уясняется самъ собой. Если идея личности совсѣмъ не была сознаваема, то могла ли существовать самая мысль о самостоятельномъ положеніи личности женской. По причинамъ, указаннымъ выше, эта личность почиталась малолѣтней по преимуществу, почиталась ребенкомъ, надъ которымъ была необходима самая полная опека. Въ началѣ главы мы замѣтили, что положеніе женской личности въ какомъ либо обществѣ всегда и вполне рисуется положеніе самого общества, т. е. состояніе его умственныхъ и нравственныхъ силъ, состояніе его образованности и гражданской свободы. По этому, какую правду сознающая и разсуждающая мысль говорить о женской личности въ данную эпоху, тою же правдою вполне должно характеризоваться и то общество. Строгая характеристика Котошихина, перенесенная съ женской личности на цѣлое древнерусское общество, очень вѣрно опредѣляетъ существенныя черты его положенія, его умственного и нравственного состоянія. Можно дознаться, выражаясь словами Котошихина, отчегобъ такому обществу быть гораздо разумнымъ и смѣлымъ, т. е. свободнымъ, когда грамотъ оно неученое (умственно неразвитое) и не обычай тому есть; когда, отъ младенческихъ лѣтъ и до старости, оно живетъ въ тайныхъ покояхъ, т. е. во всякой умственной и нравственной опекѣ и цензурѣ, и никого и ничего не видитъ, т. е. ничего не знаетъ oprичъ самыхъ ближнихъ, родственныхъ ученій и наказаній Домостроя. Можно дознаться, отчего такое общество породнымъ разумомъ простовато, на отговоры несмысленно и стыдливо, т. е. отчего оно неподвижно цѣлыя столѣтія, отчего въ немъ не дѣйствуетъ живая сила человѣческой свободы и нѣтъ въ немъ развязныхъ свободныхъ движеній ума и воли. Это общество, какъ берегло женскую личность отъ сторонняго глаза, отъ міра—свѣта, такъ оно берегло и само себя отъ всякаго умственного свѣта, въ не-

оплавленной боязни, что, какъ проникнетъ къ нему такой свѣтъ, то растлѣнными явятся всѣ основы его нравственности... Оно точно также жило за замками въ высочайшемъ терему, именно въ терему своихъ многовѣковыхъ, душевныхъ и тѣсныхъ воззрѣній на свободу личности вообще и на самую свободу въ особенности. Оно все крѣпче и крѣпче притворяло этотъ теремъ, все плотнѣе обгораживало его высокимъ тыномъ церковныхъ, государственныхъ, общественныхъ, домашнихъ запрещеній и разныхъ мнѣемъ, такъ что личность, вслѣдствіе напора самой исторіи, самой жизни, вырвавшаяся, наконецъ, изъ этого терема, ни чѣмъ другимъ не могла явиться, какъ полнѣйшимъ нигилистомъ, всестороннимъ отрицателемъ всего прожитаго, потому что въ этомъ прожитомъ она видѣла и знала только одну полицейскую опеку родовой власти и ни какихъ общечеловѣческихъ силъ развитія. Оттого и послѣдовалъ такой быстрый разрывъ общества съ своею стариною, которую оно очень скоро совсѣмъ забыло. Съ XVIII вѣка отрицаніе стало жизненною силою нашей общественной культуры. Мы отказались сами отъ себя, ибо ничего въ себѣ не чувствовали и не находили положительнаго, основнаго, съ чѣмъ бы возможно было познакомиться въ люди. Этотъ новый двигатель нашей жизни, съ особенною силою работавшій въ XVIII ст., еще продолжаетъ свое существованіе и до сихъ поръ. Онъ лучше всего и сочныхъ сторонъ выразился и пластически насъ изобразилъ въ нашей литературѣ. Къ нашему счастью, нынѣшнія реформы вносятъ въ нашу жизнь дѣйствительно положительныя основы развитія, которыя и не замедлятъ совсѣмъ упразднить уже въ высшей степени обветшавшее начало родовой самовластной опеки съ ея неизмѣннымъ спутникомъ — отрицаніемъ и всечуждымъ нигилизмомъ.

ГЛАВА II.

ГЛАВНЫЯ ЧЕРТЫ ЖЕНСКОЙ ЛИЧНОСТИ ВЪ ДОПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ.

Языческое время: княгиня Ольга. Вліяніе византійской культуры. Постыничскій идеалъ. Происхожденіе терема. Боярыня Морозова. Царевнн Соева и значеніе царскаго дѣвичьяго терема въ концѣ XVII ст.

На предѣлахъ нашей допетровской исторической жизни, по ту и по сю сторону, стоятъ двѣ очень замѣчательныя женскія личности, которыя въ дѣйствительности пользовались общественными правами, занимая высокое общественное положеніе. Одна почти начинается нашу историческую жизнь, по крайней мѣрѣ принадлежитъ къ первымъ лицамъ, дающимъ этой жизни начальное движеніе и направленіе; другая заканчиваетъ и такъ сказать замыкаетъ древній періодъ русской жизни. Одна, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ общественная личность, носитъ въ своей дѣятельности характеръ прямыхъ, положительныхъ условій жизни, является тѣмъ, чѣмъ должна быть русская женщина — язычница, является идеаломъ, которымъ народъ выразилъ свои представленія о достоинствѣ женской личности, въ какихъ именно чертахъ это достоинство наиболѣе казалось ему высокимъ и желаннымъ. Другая, напротивъ, является только отрицаніемъ положительныхъ условій жизни, является вовсе не тѣмъ, чѣмъ должна быть русская женщина — христіанка, по крайней мѣрѣ по ученію и по идеаламъ вѣка. Она является плодомъ жизненной смуты, плодомъ разлаганія положительныхъ жизненныхъ условій быта.

Мы говоримъ объ Ольгѣ — княгинѣ и Софѣ — царицѣ.

Несмотря на мужественный типъ Ольги — язычницы, который съ такою самостоятельностью открываетъ историческую жизнь русской женщины и тѣмъ самымъ какъ бы даетъ сильный образъ для послѣдующаго развитія этой самостоятельности, мы однакожъ не видимъ въ послѣдующей исторіи, чтобы русская женщина употребила себя въ пользу это богатое наследство. Семь сотъ слишкомъ лѣтъ, которые отдѣляютъ другъ отъ друга Ольгу и Софью, не представили ни одной личности, сколько нибудь равной имъ по значенію. Семь сотъ лѣтъ такимъ образомъ протекли безъ слѣда для развитія женской личности въ смыслѣ самостоятельнаго члена общественной, а не семейной только, жизни, такъ что и самостоятельность царицы Софьи, какъ упомянуто, явилась собственно отрицаніемъ тѣхъ положеній быта, какія были выработаны этимъ семисотлѣтнимъ періодомъ русской исторіи.

Лѣтописный образъ Ольги исполненъ эпическихъ народныхъ очертаній. Она предстаетъ намъ идеализированною и какъ матерая вдова, и какъ женщина вообще, и наконецъ, какъ женщина-христианка.

По смерти Игоря Ольга осталась вдовою съ сыномъ Святославомъ, стало быть, *матерю* вдовою. Въ тотъ вѣкъ она имѣла естественное, положительное и ни въ чемъ неоспоримое право *сидѣть на вдовьемъ столѣ*, какъ выражаются о такомъ правѣ даже позднѣйшіе юридическіе памятники, т. е. сидѣть на княженіи, управлять землею или по простому понятію управлять домомъ, владѣнемъ, имуществомъ умершаго князя, какии въ сущности и была для князей въ то время русская земля. Это былъ, по всему вѣроятію, очень старый обычай, общій для славянской земли, гораздо древнѣйшій, чѣмъ призваніе варяговъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ обычнымъ правомъ сидѣть на вдовьемъ столѣ, Ольга, по своему положенію, какъ вдова князя, и главное вдова матерая, получаетъ общественное политическое значеніе. Она въ дѣйствительности управляетъ землею, какъ князь. Она самолично съ маленькимъ сыномъ и дружиною идетъ мститъ Древлянамъ за смерть мужа и покоряетъ ихъ Кіеву окончательно, съ тою хитростью — мудростью (напр. истребленіе нарочитыхъ, лучшихъ, людей земли) какая употреблялась нѣсколько столѣтій спустя, при собираніи земель Московію. Она сама ходитъ по Древлянской землѣ, уставляя

уставы и уроки, т. е. законодательствуя, давая порядокъ въ опредѣленіи даней и оброковъ.

Вслѣдъ за тѣмъ она сама ходитъ по всей русской землѣ, точно также, уставляя дани и оброки, устроая землю, какъ самый дѣятельный и мудрый князь. Объ этихъ земскихъ ея походахъ и уставахъ память жила еще въ XI—XII столѣтіяхъ, т. е. спустя сто—двѣсти лѣтъ. Еще тогда по всей землѣ оставались ея *знамяня*, мѣста, погосты, ловища и перевѣсища. Это значитъ, что въ XI—XII столѣтіяхъ устройство земли во многомъ и по всему вѣроятію въ самомъ главномъ, въ оброкахъ и даняхъ, оставалось еще тоже самое, какое дано было Ольгою; оставались тѣже мѣста, погосты, становища, въ которыхъ со временъ Ольги утвердились мѣстные данничьи и судебные центры княжескаго управления. Изъ лѣтописнаго разсказа видно, что народъ очень дорожилъ памятью объ этой дѣйствительно замѣчательной личности, ибо еще послѣ нея сохранились во Псковѣ ея сани.

„Ловища и перевѣсища“ указываютъ также, что Ольга въ своихъ походахъ „дѣяла ловы“, т. е. охотилась, какъ добрый князь. Въ этомъ нельзя и сомнѣваться. Если она сама ходила воевать съ Древлянами, сама въ лѣсахъ и болотахъ новгородской области уставливая дани и погосты, то почемужъ ей не ходить и на охоту, тѣмъ болѣе, что охота въ то время, кромѣ обыкновеннаго потѣшенья, составляла очень важный промыслъ даже и для князей. Форма словъ: ловища, перевѣсища, становища, показываетъ, что это были мѣста, гдѣ происходила охота или бывали остановки въ походѣ, мѣста наиболѣе выгодныя для охоты или удобныя для остановки. Припомнимъ, что хожденіе за данью, какъ и на охоту, князья предпринимали всегда въ сопровожденіи дружины и челяди — слугъ, оттого и станъ этого полка или двора по необходимости оставлялъ по себѣ знамяня, т. е. память и слѣды своего устройства и пребыванія. Вообще ни одинъ князь не оставилъ по себѣ такой земской и доброй памяти, какъ мудрая Ольга. За ея земскимъ ликомъ быть можетъ, сокрылись и всѣ земскія заслуги мудраго Олега, съ народнымъ идеаломъ котораго такъ родственно сливается и ея народный идеалъ, даже самое имя. Наконецъ Ольга идетъ въ Греки, въ Царьградъ, идетъ такъ, какъ обыкновенно хаживали русскіе въ греческую столицу, т. е. съ куплею, по тор-

говымъ дѣламъ, ибо съ ней вмѣстѣ находится болѣе сорока купцовъ или гостей.

Уже одинъ этотъ походъ могъ бы служить достаточною характеристикой ея необыкновенной предприимчивости и мужества. Всякое дѣло она хочетъ и знаетъ, и дѣлать самолично. Это черта Петровская. Мы достоверно не знаемъ, какія именно прямыя цѣли влекли Ольгу въ Царьградъ, но видимо, главною цѣлью было христіанство, видимо, что она въ это время была уже христіанка въ своихъ мысляхъ и стремленіяхъ: въ походъ съ ней находился даже и христіанскій священникъ Григорій. Она пожелала самолично видѣть христіанскій торжественный обрядъ въ самомъ Царьградѣ и тамъ просвѣтить свое поганство новымъ ученіемъ; видѣть лицомъ къ лицу лучшую жизнь.

Такимъ образомъ, дѣятельность Ольги представляетъ намъ типическій образъ всей княжеской дѣятельности перваго вѣка, олицетворяетъ идею жизни этого вѣка. Ольга дѣлаетъ то, что дѣлали всѣ первые князья, воевавшіе и торговавшіе съ Царьградомъ, покорявшіе сосѣднія племена, уставлявшіе уставы, уроки и дани. Все это было обычнымъ княжескимъ дѣломъ въ то время. Необычайно только то, что Ольга, женщина, совершаетъ эти мужскія и мужественныя дѣла. Но казалось ли это необычнымъ для ея современниковъ? Мы полагаемъ, что общее убѣжденіе вѣка находило дѣяніи Ольги очень обыкновенными и весьма естественными. Въ сущности она ничего не дѣлаетъ такого, что могло бы противорѣчить ея положенію. Въ ея дѣяніяхъ ничего нѣтъ *зазорнаго* для ея положенія, какъ женщины вообще и какъ матерой вдовы въ особенности. Она исполняетъ то, что была обязана исполнить именно, какъ матерая вдова, наследница мужнина владѣнія, т. е. отомстить смерть мужа, потому что этого требовалъ обычай, требовала народная вѣра; ей было естественно устроить дани, уроки и оброки, вообще устроить землю, потому что неустройство именно даней, беспорядокъ, произволъ и насиліе въ ихъ собираніи привели къ тому, что мужъ былъ убитъ. Быть можетъ добрая народная память о ней потому такъ долго и сохранялась, что она привела въ порядокъ, въ ясность и опредѣленность эту важную статью княжескихъ отношеній къ землѣ. Она является только хорошею, умною, самостоятельною хозяйкою своего имущества, какою по понятіямъ старины должна быть каждая матерая вдова. Въ этомъ смыслѣ она и послужила идеаломъ для послѣдующаго

фактъ, самое дѣло жизни, которое все и оправдываетъ, въ которомъ и заключается все *ученіе* вѣка. Дѣло жизни даетъ личности неизмѣримо большую свободу, чѣмъ какая либо ея нравственная программа, ея *слово*.

Дѣло жизни прямо выдвигало женщину на богатырскіе подвиги. И вотъ народная былина рисуетъ намъ первобытную нашу женщину такую же удакою поленицею, такимъ же удалимъ богатыремъ, нисколько не смущаясь мыслию, что это для женщины зазорно, какъ потомъ стали учить премудрыя *слова* жизни. О мужествѣ русскихъ женщинъ въ языческую эпоху засвидѣтельствовали византійскіе лѣтописцы, которые рассказываютъ, что во время войны Святослава съ греками, послѣ одной весьма жестокой битвы, когда греки стали раздѣвать убитыхъ скиновъ, то нашли, между трупами, убитыхъ женщинъ, которыя въ мужескомъ одѣяніи мужескою храбростію съ римлянами (греками) сражались¹. Такимъ образомъ, народные идеалы рисовали въ сущности народную дѣйствительность. Такъ понималъ древній вѣкъ общественное положеніе женщины, такъ идеализировалъ онъ и личность Ольги. Но въ Ольгѣ древній вѣкъ идеализируетъ также и вообще женское существо, какъ оно ему тогда представлялось. Онъ идеализируетъ Ольгу мудрую—хитрою; она хитростью побѣдила не только Древлянъ, но перехитрила и самаго царя греческаго, который вздумалъ было взять ее себѣ въ жены. Таково въ глазахъ язычества свойство женской личности вообще. Хитрость въ томъ вѣкѣ являлась не только положительнымъ свойствомъ ума, но и вѣщею силою, приближавшею человека къ богамъ. Оттого всѣ женскіе типы изъ миѣической эпохи обладаютъ прежде всего именно этимъ свойствомъ ихъ существа. Такова, напр., и Февронія Муромская и типы народныхъ былинъ. Вообще языческой идеалъ присвоиваетъ женской личности существо миѣическое. Она обладаетъ даромъ гаданій, чарованій, даромъ пророчества; она знаетъ тайны естества и потому въ ея рукахъ по преимуществу хранится врачеванье отъ болѣзней, а слѣд. колдовство, вѣдовство, заговоры, заклинанія. Она въ близкихъ связяхъ съ миѣическими силами; въ ея рукахъ и добро, и зло этихъ силъ. Миѣическій змій становится сопутникомъ ея личности. На особенную высоту вѣщаго значенія ставитъ языческой идеалъ

¹ Бедринъ 2, 118.

вѣщую дѣву. Какъ ни скудны и какъ ни темны сохранившіяся свидѣтельства о такомъ значеніи дѣвичьей личности, но они всетаки и до сихъ поръ сохраняютъ ея вѣщія черты. Достаточно указать на святочные подблюдныя пѣсни, на нѣкоторыя заговоры и народные обряды. Мы не намѣрены входить по этому случаю въ подробности, ибо для насъ важно лишь то, какъ языческой вѣкъ идеализировалъ женское существо¹. Онъ видѣлъ въ этомъ существѣ мистическія, сверхъестественныя чарующія силы... Языческія идеализаціи коренились конечно на почвѣ дѣйствительности, а дѣйствительность здѣсь заключалась уже въ самой природѣ женскаго пола, въ дѣйствіяхъ этой природы на другой полъ. Эту-то природу язычество и олицетворяло въ поэтическихъ образахъ и въ мифахъ, которые какъ ни были многообразны, но все выговаривали одно, что въ женскомъ существѣ кроются непостижимыя демоническія силы. Чары красоты и любви были очень достаточны для того, чтобы возвысить идеалъ женщины до мистическаго существа и вырастить на этой почвѣ цѣлый культъ очарованій во всякихъ другихъ смыслахъ.

Все это должно было ставить женскую личность въ самостоятельное отношеніе къ языческому обществу, давать ей самостоятельное общественное значеніе. Но помимо вѣроятныхъ соображеній, есть весьма положительныя свидѣтельства, о томъ что идеальный характеръ русской женщины — язычницы, какъ онъ рисуется въ эпической народной поэзіи въ пѣсняхъ, въ обрядахъ, преданіяхъ, вполне соответствовалъ тогдашней дѣйствительности, т. е. что женщина пользовалась самостоятельнымъ положеніемъ въ обществѣ, что ея общественная доля уравнивалась съ долей мужчины.

Укажемъ важнѣйшее, именно языческіе браки, гдѣ свобода и самостоятельность женской личности является уже въ томъ обстоятельстве, что мужчины „умыкаху жены себѣ, съ нею же кто съвѣщашеся“. Бракъ, слѣд., зависѣлъ не столько отъ воли родителей, сколько отъ согласія самой невесты, хотя влѣдствіе родовыхъ отношеній общества необходимо было похищать невесту, ибо родъ даромъ ее не уступалъ. Общее свидѣтельство летописи утверждается еще болѣе нѣкоторыми частными случаями; напр. Полоцкая Рогнѣда отказывается идти за мужъ

¹ См. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, г. Леонасьева: т. 1 и 2.

за робичича — Владимира, когда отецъ предложилъ ей, за кого она хочетъ: за Ярополка или Владимира.

Свобода совѣщанія о бракѣ, свобода выбора свидѣтельствуется вообще, что въ языческое время положеніе женщины было волюнтарѣе, независимѣе, чѣмъ въ послѣдующіе вѣка. Къ этому веда, какъ мы замѣтили, самая непосредственность всего народнаго быта, самое дѣло жизни, хотя бы и крѣпко связанной родовыми, кровными началами ея развитія. Мы выше указали какое именно дѣло жизни должно было уравнивать женскую личность съ мужскою.

Если все такъ было, если личность женщины дѣйствительно, наравнѣ съ личностью мужчины, пользовалась, не домашними, семейными только, но и общественными правами, т. е. правами дѣлать дѣла мужскія, если даже и въ народномъ сознаніи вовсе не существовало понятій о раздѣльности общественныхъ дѣлъ на женскія и мужскія, и женщина могла даже по богатырски выѣзжать въ поле, богатырствовать съ врагомъ; если такія и подобныя женскія дѣла вовсе не принадлежали къ необычнымъ явленіямъ, а выражали только простой, естественный, самый обычный ходъ жизни; то и личность язычницы Ольги должна представляться намъ не какимъ либо исключительнымъ явленіемъ, а простымъ, естественнымъ, самымъ обычнымъ типомъ жизни. Въ чертахъ Ольги мы можемъ видѣть типъ русской женщины язычницы, выразившей въ себѣ ту весьма значительную долю свободныхъ дѣйствій, какая принадлежала по обычаю языческаго вѣка вообще женскому полу въ древнѣйшемъ Русскомъ обществѣ ¹.

Само собою разумѣется, что принятіе Христовой Вѣры должно было измѣнить положеніе вещей въ древней Руси, измѣнить характеръ ея жизненной дѣятельности, характеръ ея представителей и героевъ. Съ этого времени, подобно тому, какъ со времени преобразования, въ русское общество постепенно начинаютъ проникать и водворяться въ немъ новыя идеи жизни, дотогѣ невѣдомыя, новыя понятія и представленія о ея цѣляхъ и задачахъ. И умственный, и нравственный образъ русскаго человека начинаетъ мало по малу измѣняться. Св. Вѣра смиряетъ и смягчаетъ языческіе нравы и обычаи.

¹ О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго. Вит. Шульгина. Мѡск., 1850.

Но, естественно, что вместе съ благовѣстіемъ евангельскаго ученія, приносится къ намъ нашими учителями грѣками и ихъ литературная образованность, ихъ умственная и нравственная культура въ многочисленныхъ произведеніяхъ ихъ литературы, приносится и извѣстный, собственно византійскій складъ понятій о многихъ предметахъ жизни, и именно тотъ складъ понятій, какой въ ту эпоху господствовалъ въ умахъ византійскаго духовенства, находившагося, въ отношеніи своей проповѣди въ исключительномъ положеніи, въ слѣдствіе особеннаго воспитанія и развитія византійскаго общества. Существенною стихіею этого склада понятій, по тойже причинѣ, было всестороннее и безпощадное отрицаніе тлѣннаго или собственно растлѣннаго византійскаго міра, со всѣми его жизненными формами и оболоченіями, во многомъ напоминавшими еще языческую жизнь античной цивилизаціи, а еще болѣе жизнь растлѣннаго востока. То, что было такъ необходимо всѣми силами поднять противъ этого, дѣйствительно, въ полномъ составѣ растлѣннаго міра, это самое было поднято и противъ нашей, хотя тоже языческой, но ничѣмъ не цивилизованной, совсѣмъ дѣвственной, простодушной и непосредственной природы. Суровая, грубая, но чистая и прямая, эта природа вовсе не способна была даже и понять тѣхъ нравственныхъ утонченностей византійскаго развитія, какими по необходимости исполнены были литературные памятники Византіи, послужившіе для насъ и литературными образцами, и источниками образованія, источниками и умственной, и нравственной культуры. Дѣйствіе такого отношенія этой учительной литературы къ нашему обществу незамедленно обнаружиться. Сильнѣе, чѣмъ на мужчину, литературныя учительныя идеи стали дѣйствовать на женщину, т. е. вообще на домашній, такъ сказать, сидячій бытъ народа, и тою собственно стороною, которая изображала этотъ міръ — міромъ погибели и прославляла удаленіе отъ него. Былъ ли въ самомъ дѣлѣ древній русскій житейскій міръ, выросшій въ чистой непосредственности и дѣтской наивности, настолько погибеленъ, объ этомъ учительное слово конечно не могло разсуждать; ибо оно отрицало вообще существо житейскаго міра, а слѣд. и всякую его форму, хотя бы и чисто дѣтскую, виновную только въ томъ, что она невинна. По его воззрѣнію все мірское, житейское было *поганымъ*, было ли то дѣйствительное язычество, т. е. проявленія самого языческаго вѣрованія, или это былъ простой нравъ и обычай

жизни, простые явленія и дѣйствія вообще человѣческой нравственной природы.

Такое отрицаніе конечно служило великимъ и единственнымъ благомъ для растлѣнной византійской цивилизаціи. Тамъ отрицаніе само собою выросло, какъ единый путь къ спасенію. Тамъ оно было священнымъ дѣломъ каждого нравственного ума, ибо въ дѣйствительности велика была погибель тамошняго человѣчества, печально и окончившаго свою исторію. Но сила стольже цѣльнаго отрицанія на нашей непосредственной почвѣ, только что начинавшей жить, только что возродившейся для жизни и свѣта, — на такой почвѣ отрицаніе должно было произвести совсѣмъ иное дѣйствіе.

Отрицаніе житейскаго міра выразило свои идеалы главнымъ образомъ въ аскетизмъ. Въ томъ обществѣ на самомъ дѣлѣ иного пути для спасенія и не было. Въ томъ обществѣ потребенъ былъ аскетизмъ безпощадный и всесторонній. Онъ необходимъ былъ для ума, исполненнаго всевозможныхъ философскихъ вѣтровъ, всевозможныхъ отгѣнковъ ереси, ума, совсѣмъ заблудившагося въ софистическихъ извитіяхъ мысли, погибавшаго въ темной области совопрошеній и словопреній. Онъ еще необходимъ былъ для нрава, исполненнаго самыхъ разнообразныхъ восточныхъ пороковъ. копившихся цѣлое тысячелѣтіе, пороковъ непоумѣрной роскоши, непоумѣрнаго пресыщенія, непоумѣрной праздности, непоумѣрнаго униженія человѣческаго достоинства во всѣхъ видахъ и образахъ. Ясно, что только аскетическій идеалъ могъ хотя сколько нибудь обуздывать эти погибельныя стихіи общественнаго разложенія. Ясно, что только монашескій идеалъ и могъ стать исключительнымъ идеаломъ высоко-нравственной жизни. Но аскетизмъ, идя послѣдовательно, приводилъ къ отрицанію и такихъ силъ жизни, безъ которыхъ невозможно самое существованіе человѣческаго общества. Отрицая нескончаемые пороки ума, онъ отвергъ самую науку. И вотъ духъ этого отверженія вносится и къ намъ, въ молодое общество, умъ котораго не только не былъ зараженъ пороками празднаго и сварливаго умствованія, но обрѣтался еще въ полномъ дѣтствѣ и именно науки-то и требовалъ для своего здороваго развитія. Тоже должно сказать и о нравѣ. Не испорченность нрава, или старческаго его развратъ, а напротивъ его младенческое развитіе ставило въ этомъ отношеніи наше общество какъ бы въ параллель съ византійскимъ и давало легкую

и полную возможность отрицать его формы и порядки. Тамъ старость, дожившая до дѣтства, и потерявшая знаніе и сознаніе истинныхъ началъ жизни; здѣсь, настоящее дѣтство, еще не выросшее до пониманія этихъ началъ. Видимая форма той и другой стороны, конечно, заключалась въ крайнемъ рабствѣ и неподвижности ума, отчего безобразною являлась и самая жизнь общества.

Отвергая и отрицая наши младенческія формы жизни, аскетизмъ вмѣстѣ съ тѣмъ и здѣсь отвергъ цѣлую область эстетическихъ силъ народа, народную поэзію въ полномъ ея составѣ, не принеся въ замѣнъ того никакихъ общечеловѣческихъ началъ для эстетическаго воспитанія народныхъ нравовъ, безъ котораго всегда черствѣютъ, грубѣютъ и развращаются эти нравы, что осязательнѣе всего доказала между прочимъ и наша исторія.

Въ Византіи особенное вниманіе нравственныхъ умовъ обращало на себя поведеніе женщины; ея публичная роль, которую она легко себѣ присвоивала въ обществѣ, преданномъ сластолюбію и роскоши; ея, можно сказать, господство надъ этимъ обществомъ, чего, конечно, никакъ не могли выносить аскетическіе и особенно восточные умы. Въ самомъ дѣлѣ, византійская женщина прославляла себя даже на императорскомъ престолѣ такими дѣлами и дѣяніями, которыя требовали самаго безпощаднаго, суроваго осужденія. Поэтому въ литературѣ она становится предметомъ самыхъ жестокихъ и сильныхъ обличеній, рисовавшихъ ее пластически во всѣхъ чертахъ ея грѣховной жизни. Вырастаетъ образъ *злой*, вообще грѣховной, *жены*, типъ всякаго нравственнаго безобразія, или вѣрнѣе типъ аскетическаго омерзенія вообще къ женскому существу, какъ къ существу великаго, неисчерпаемаго соблазна для аскетической мысли. Могло ли и явиться что либо другое въ эпоху, когда аскетическая идея, вызванная и выращенная полнымъ растлѣніемъ общества, господствовала не только во всѣхъ нравственныхъ умахъ, но и въ самомъ вѣроученіи, выражалась въ каждомъ литературномъ памятникѣ, была, какъ мы сказали, единымъ путемъ спасенія въ виду общей гибели, и единою исходною точкою сознанія о нравственномъ совершенствѣ чловѣка.

Основная идея, въ которой главнымъ образомъ таилось начало всякихъ обвиненій, обличеній, даже поношеній женской личности въ образѣ злой жены, а вмѣстѣ съ тѣмъ таился и аске-

тичскій страхъ вообще предъ женскимъ существомъ, а стало быть и аскетическая неугасимая вражда противъ него, — основная идея всего этого заключалась въ убѣжденіи, что „отъ жены начало грѣху и тою всѣ умираемъ“. Словомъ сказать, и по библейскому, и по аскетическому воззрѣнію женская личность сама по себѣ уже являла образъ соблазнительнаго грѣха, отъ котораго надо было бѣжать, неоглядываясь, какъ отъ Содома и Гомора. Вотъ причина, почему въ ученіи, обращенномъ къ ея лицу, мы находимъ самое широкое отрицаніе всего того, въ чемъ сколько нибудь выражалась эта, по мнѣнію вѣка, обольстительная грѣховность.

Красота лица, вмѣстѣ съ красотою наряда, не говоря уже о кокетствѣ, которое называется вообще *лукавствомъ* и нисколько не различается отъ настоящаго лукавства, являлись для аскетическихъ умовъ самыми вопіющими предметами соблазна и грѣха и преслѣдовались съ ожесточеніемъ, свойственнымъ одному только аскетизму.

Такія-то идеи, которыми пропитана была литература Византіи, переносятся вмѣстѣ съ грамотностью и на нашу литературную почву и воспитываютъ умъ и нравъ нашего младенчествующаго общества. Поправляя и передѣлывая по этимъ идеямъ наши нравы, очищая ихъ отъ мнимыхъ грѣховъ непосредственнаго язычества, византійская литература переносятъ къ намъ, въ наши дѣтскіе умы и дѣйствительные, чисто византійскіе грѣхи, безчисленные грѣхи всяческаго суевѣрія и суесвятства, которые съ теченіемъ вѣковъ разрастаются у насъ въ тучную ниву и производятъ неисчислимые плоды, выражаются во многихъ жизненныхъ типахъ.

Принесенныя къ намъ литературныя, аскетическія и вообще восточныя, азіатскія представленія, совсѣмъ чуждыя, ни мало ни свойственныя нашей сѣверной природѣ, и физической, и нравственной, въ духъ своею клонились и стремились къ тому, чтобы поставить женскую личность въ самое невидное мѣсто общественной организаціи, чтобы вовсе отдалить ее изъ общества, какъ великую помѣху для нравственныхъ дѣлъ и дѣяній мужнины, какъ воплощенную человѣческую слабость и шатость ирава. Если духъ этихъ представленій не въ силахъ былъ совсѣмъ покорить своимъ цѣлямъ византійскую женщину, то ему, по многимъ причинамъ, очень легко было покорить себѣ умы и нравы нашей русской женщины. Его авторитетъ являл-

ся въ такой одеждѣ, которую простые, непосредственные умы и нравы, жаждавшіе вѣры, жаждавшіе свѣта и истины, должны были принять благоговѣнно. Восточная идея о великомъ неравенствѣ существа женскаго съ существомъ мужскимъ, о великомъ превосходствѣ мужскаго существа предъ женскимъ, осизательнѣе всего чувствовалась, напр., въ «физиологическомъ фактѣ», что для женщины наставали въ известное время дни очищенія. Эти-то дни и послужили быть можетъ началомъ для всѣхъ „восточныхъ“ представленій о существѣ женской личности. Эти дни становятся для женщины днями изгнанія... Въ эти дни она является существомъ нечистымъ, поганымъ... и въ представленіяхъ книжныхъ умниковъ вѣка возбуждаетъ вопросъ: а что если случится, плать женскій въ одежду вшити попу, можетъ ли онъ въ той одеждѣ служить? ¹ Вопросъ, конечно разрѣшается увѣреніемъ, что жена не погана; но тѣмъ не менѣе, простая, неизхитренная различными ученіями, мысль не можетъ отойти отъ убѣжденія, что всетаки въ женскомъ существѣ есть нѣчто поганое, ибо святость иначе свѣтлость, чистота всетаки воспрещаетъ ей многія дѣйствія, которыя открыты для мужскаго существа, воспрещаетъ ей, когда она бываетъ *скверна*, даже въ церковь лѣзти. Простой непосредственный умъ, не завитый въ нижныя утонченности, не можетъ иначе понять этого дѣла. Природная и потому всегда вѣрная послѣдовательность его соображеній, не можетъ вмѣстѣ въ себя тѣ вопіющія противорѣчія, какими всегда такъ богата книжная изворотливость. Непосредственный умъ опираетъ свои соображенія на самое дѣло, по которому и создаетъ свои убѣжденія и вѣрованія. Хитрое сплетеніе словъ для него мудрость недовѣдомая. Дѣло говоритъ ясно, что женское существо бываетъ погано и потому отвергается отъ общенія съ тѣмъ, что пребываетъ чистымъ и свѣтымъ — святымъ ². Какъ же послѣ того умнику-мужчинѣ не возымѣтъ понятія, высокаго о себѣ и низженнаго о женщинѣ.

Уже однихъ представленій о чистотѣ было достаточно, чтобы отдалить женскую личность отъ общенія съ свѣтомъ, т. е. съ

¹ Вопросы Кирьяна.

² Въ которомъ храмѣ (комнатѣ) мать дѣти родить, недостойнѣе влзати въ него по три дня; потомъ помыють всюду и молитву сотворять, которую творять надъ осевверившимся сосудомъ, и такъ влзати. (Вопросы Кирьяна).

обществомъ, отвергнуть въ ней смыслъ лица самостоятельнаго, полноправнаго, для жизни общественной.

Духъ восточныхъ представленій отдѣляетъ ей въ храмѣ на общественномъ богослуженіи особое мѣсто, *омуюю*. Тамъ она становится на лѣвой сторонѣ, иногда едва допускается только въ притворъ или на полати — хоры; скрывается отъ чистыхъ глазъ за занавѣсами. „Женскій убо полъ, стояху (въ Царьградѣ, въ церкви Св. Софіи) на полатяхъ за шидяными запонамъ и *лицъ ихъ и украшенія прелестнаго и жертвеннаго* никому же отъ народа видѣти...“

Женщина приобщается св. Тайнъ не изъ царскихъ а „изъ другихъ дверей, что противу жертвенника“ (Акты Ист. I, 18) съ той лѣвой стороны, гдѣ опредѣлено ей стоять. Невѣстою при вѣчаніи она получаетъ перстень желѣзный, въ то время, какъ жениху подають золотой. Женою, она должна покрыть свои волосы и до гроба носить этотъ покровъ. Даже случайно открытые волосы являли грѣхъ и срамъ неизобразимый. Народная культура обозначила свое пониманіе такого срама до сихъ поръ еще живущимъ выраженіемъ: *опростоволоситься*.

Вдовою она должна носить платье *смирныхъ, вдовыхъ* цвѣтовъ, т. е. темныхъ, траурныхъ, ибо „вдовья бѣда (доля) горчѣе всѣхъ людей“. Она на всю жизнь печальная сирота. Самыя матеріи, употребляемыя на одежду, получали наименованіе вдовьихъ, такъ напр. въ XVII ст. были въ продажѣ *тафты вдовы*.

„Пытайте ученья, которое говорятъ: женѣ не велю учити, ни владѣти мужемъ, но быти въ молчаніи и въ покореніи мужу своему. Адамъ прежде созданъ бысть, потомъ Ева сотворена, и Господь рече: азъ тя бехъ сотворилъ равно владычествовати съ мужемъ, но ты не умѣ(ла) равно господствовать, буди обладаема мужемъ, работающи ему въ послушаніи и въ покореніи вся дни живота твоего... Да будутъ жены *домодержецы*... да покоряются во всемъ своимъ мужемъ, и мужи да любятъ жены своя, и жены да послушаютъ во всемъ мужей своихъ, яко рабъ господина. Рабъ бо разрѣшится отъ работы отъ господскія, а женѣ нѣтъ разрѣшенья отъ мужа, но егда мужъ ея умретъ, тогда свободна есть законнаго посягнути... Глава есть мужеву Христоръ, — женѣ глава — мужъ. Нѣсть сотворенъ мужъ жены дѣля, но жена мужа дѣля, того дѣля имати власть мужъ надъ женою, а не жена надъ мужемъ. Не мози, сыну, возвести главы женскія выше мужни, али то Христу наругаешися.

Того ради не подобаетъ жены звати *госпожею*, но и гбо женѣ мужа звати господиномъ; да имя не хулитса въ васъ, но и паче славится. Кій властель подъ собою суца зоветъ господою, или кій господинъ зоветъ раба господиномъ, или кія госпожа зоветъ раба господиномъ, или кія госпожа зоветъ рабу госпожею? Не прельщайтеса во свѣтѣ семъ: имамъ бо великого свѣтилника Христа Бога нашего, главу надъ всѣми главами. Да не срамлянисте же мужскія главы, оли то Христа срамѣлъ есть. Рече: егда на земли ходихъ, плоть нося, тогда кто укорилъ мя или что хульно или крестное дерзновение, то тому прощу я; а иже нынѣ кто похулитъ, ли укоритъ, то и не прощенъ будетъ, ни въ сій вѣкъ, ни въ будущій“¹.

Въ этомъ текстѣ заключается вся философія восточныхъ воззрѣній на женскую личность вообще.

Само собою разумѣется, что вліяніе византійской культуры должно было подѣйствовать на самое устройство брака и мы видимъ, что, вмѣсто туземнаго языческаго брака, по обоюдному совѣщанію, „съ нею же кто свѣщеванеса“, возникаетъ, какъ положительный выводъ восточныхъ воззрѣній на женщину, бракъ малолѣтнихъ: являютса *десятилтніе* мужья (Святославъ Игоревичъ въ 1181 г.) и *восмилтніа* жены (Верхуслава, дочь Суздальскаго Всеволода, отданная за четырнадцатилѣтняго Ростислава, въ 1187 г.). На востокъ и въ Византіи совершеннолѣтіе для брачующихса полагалось для мужчинъ 14 лѣтъ (подобаетъ уношамъ въ *науъ* быти возрастомъ, 14 лѣтъ), для дѣвиць 12 лѣтъ; но обрученіе могло совершатса и раньше. Законъ воспрещалъ однакожъ обрученіе для отроковъ *мелче семи* лѣтъ возрастомъ, стало быть, бывало и то, что обручались чуть не младенцы. У насъ Верхуслава была повѣнчана восьми лѣтъ и бесомнѣніи это не былъ примѣръ единственный. Естественно, что такой бракъ становился исключительно дѣломъ родительской воли или вообще воли старшихъ родичей. Родовой духъ здѣсь долженъ былъ торжествовать. Онъ дѣйствительно въ своемъ смыслѣ и растолковалъ себѣ чуждое, нестройственное ни климату, ни понятіямъ страны, законоположеніе о возрастѣ обрученія, установивъ его днемъ самаго брака. Изъ византійскихъ законоположеній о бракѣ родовой духъ хорошо по-

¹ Рукописная Коричая: толкъ Козимъ Халкидонскаго, ако не подобаетъ женамъ госпожею звати.

ннѣ только одно, именно то, что женская личность отдается ему по закону въ полную опеку, какъ личность малолѣтняя. Съ этою идеею свою опеку надъ женщиною онъ передавалъ всецѣло и ея мужу, который, становясь мужемъ, по понятіямъ вѣка, становился уже и возрастнымъ, покрайней мѣрѣ въ отношеніи жены, не смотря на то, что ему самому было только 10—14 лѣтъ. Родовой духъ, воспользовавшись ученіемъ закона, обошелъ мимо различныя ограниченія родовой власти, существовавшія въ томъ же законѣ, и въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ разсматривалъ бракъ, какъ такое дѣло, которое никакъ не могло быть совершено безъ воли и опеки старшихъ, распространяя понятіе о дѣтствѣ молодыхъ и на всякаго въ дѣйствительности уже возрастнаго и потому *самовластнаго* распоряжаться собою, чего не отрицалъ и византійскій законъ. Непосредственность родовыхъ понятій освятилась такимъ образомъ писаннымъ и уже по этому одному только освященнымъ правиломъ — закономъ, и получила еще большую силу для своихъ дѣйствій и вліяній. Отсюда, изъ этого новаго жизненнаго положенія, сама собою выросла цѣлая группа новыхъ отношеній, совершенно измѣнившихъ судьбу женской личности. Она, какъ ребенокъ становится предметомъ самыхъ неустанныхъ заботъ, которыя естественнымъ образомъ и приводятъ ее въ *теремъ*, какъ въ такое мѣсто, гдѣ береженье неразумнаго дитяти вѣрнѣе и полнѣе достигаетъ своихъ цѣлей.

Съ какого именно времени вообще жены знатныхъ и богатыхъ людей стали скрываться въ удаленныхъ отъ людскаго глаза хоромехъ, съ какого именно времени является въ русской жизни этотъ *теремъ*, и какъ особая постройка, и какъ особая жизненная идея, сказать опредѣлительно мы не можемъ. По всему вѣроятію это началось съ перваго же вѣка по водвореніи въ нашей землѣ византійскихъ понятій и византійскихъ обычаевъ. Если бы теремъ, и не былъ принесенъ къ намъ прямо византійскими руками, какъ особая форма жизни, вмѣстѣ съ какою либо формою постройки, одежды, головного убора, и т. п., то во всякомъ случаѣ онъ самъ собою народился бы въ нашемъ обществѣ по той простой причинѣ, что была принесена изъ Византіи и водворена въ нашей землѣ его идея. Всякая идея неизмѣнно и неминуемо рождаетъ свой плодъ, создаетъ себѣ свою форму. Теремъ, покрайней мѣрѣ въ русской землѣ, былъ плодомъ постнической идеи, дѣйствіе которой, и въ

довольно сильныхъ чертахъ, обнаруживается въ нашемъ древнемъ обществѣ очень рано. Монашескій идеалъ въ княжескомъ родѣ является господствующимъ уже при внукахъ Св. Владиміра и первыми его подвижниками являются дѣвицы, дочери Всеволода и сестры Мономаха, Янка (Анна) и Евпраксія. Янка, *двоею суми*, постригается, собираетъ черноризицъ и пребываетъ съ ними по монастырскому чину, въ монастырѣ, который, безъ сомнѣнія, для нея же и устроенъ былъ ея отцомъ въ 1036 г. Черезъ три года, когда въ Кіевѣ умеръ митрополитъ, „иде Янка въ греки и приведе митрополита Іоана скопчину; его же выдавше людье, вси рекоша: это мертвецъ пришелъ“. Идеалъ княжны нашель себѣ живое олицетвореніе. Черезъ годъ Іоаннь померъ. Лѣтописецъ говоритъ, что былъ сей мужъ не книженъ, но умомъ простъ и просторѣкъ“¹.

Янка такимъ образомъ подаетъ благочестивый образецъ постричества и иночества для княжескихъ дочерей, указываетъ имъ путь подвижничества, самостоятельный и независимый отъ мірской жизни. За нею скоро слѣдуетъ ея сестра, Евпраксія, которая постригается въ Печерскомъ монастырѣ.

Въ послѣдующихъ поколѣніяхъ идеалы дѣвства и иночества распространяются въ женскомъ быту все больше и больше. Не смотря на то, что знаменитый братъ этихъ первыхъ иноиць-княженъ, Владиміръ Мономахъ, пишетъ своимъ дѣтямъ: не монашество спасетъ васъ, а добрыя дѣла, — его дочь Марица все-таки уходитъ въ монастырь (1146 г.). Къ этому же почти времени, немного поздиѣе, принадлежитъ и замѣчательное подвижничество Евфросиніи Полоцкой, которая устроила также монастырь и постригла двухъ своихъ сестеръ, родную Гориславу и двоюродную Звениславу, и двухъ племянницъ. Вообще съ XI вѣка „иноческій образъ“ становится высшею цѣлью жизни не только для женщинъ, княгинь и княженъ, которыя въ немъ одномъ находятъ себѣ настоящій путь жизни, но и для мужчинъ — князей, которымъ само духовенство толковало, что Богъ имъ велѣлъ такъ быть, правду дѣлать на этомъ свѣтѣ, въ правду судъ судить, т. е. оставаться князьями, ибо и безъ того велика и священна ихъ обязанность предъ Богомъ; и которые однакожъ всѣми силами стремились избавиться отъ суетнаго, мимо-

¹ П. С. Р. Д. I, 88, 89.

тевущаго и мятежнаго житія сего ¹, и постригались въ монахи и даже принимали схиму, по крайней мѣрѣ на склонѣ дней или же предъ самую смертью. Что же касается княгинь, то напр., въ одномъ московскомъ княжескомъ колѣнѣ, мы встрѣчаемъ изъ нихъ цѣлый рядъ инокинь, заслужившихъ даже соборной памяти: Ульяна, супруга Калиты; Александра — Марья, супруга Семена Ив.; Евдокія, супруга Донскаго; Софья, супруга Василья Дм.; Марья, супруга Темнаго ². То же находимъ и въ другихъ великокняжескихъ родахъ, Суздальскихъ, Тверскихъ, Рязанскихъ и т. д.

Какъ Анна Всеволодовна являлась образцомъ для южныхъ княгинь, такъ Марья, супруга Суздальскаго Всеволода Юрьевича, стала идеаломъ постнической жизни для княгинь сѣверной Руси. Она постриглась въ 1256 г., по случаю восьмилѣтней, вѣроятно немалочинной болѣзни, еще при жизни мужа. Со многими слезами провожали ее въ монастырь самъ князь, сытъ и дочь, епископъ, игуменъ — отецъ ея духовной и другія игуменьи, и всѣ чернецы, и всѣ бояре и боярыни, и черницы изъ всѣхъ монастырей, и всѣ горожане. Не можно было видѣть общей скорби, замѣчаетъ лѣтописецъ, потому что до всѣхъ была добра „преизлиха“. Съ дѣтства въ страхъ Божию любила правду, воздавая честь епископамъ, игуменамъ, чернецамъ, пресвитерамъ; „любяше черноризецъ и подаваше требованіе имъ“. Была нищелюбца, страннoлюбца, печальныхъ, скорбныхъ и больныхъ всѣхъ утѣшала и подавала имъ „требованіе“ ³. Своею добродѣтельною жизнью княгиня надолго оставила по себѣ святую память. Позднѣйшій лѣтописецъ, описывая благочестивыя подвиги Евдокии Донской, говоритъ между прочимъ: „постави на Москвѣ церковь камену зѣло чудну (Вознесенскій монастырь) и украси ю съсуды златыи и серебрянными... и сотворила паче всѣхъ княгинь великихъ, развѣ точю Марья княгини Всеволода, пже въ Володимирѣ...“

Лѣтописцы ни о какихъ другихъ женскихъ подвигахъ и не рассказываютъ, какъ о постриженіи, о построеніи монастырей и церквей, потому что въ ихъ глазахъ эти-то подвиги одни только и заслуживали и памяти, и подражанія.

¹ Исторія Рус. Церквн Е. Р. Ф. I, 238.

² Визліосе VI, 443 и дал.

³ П. С. Р. Л. I, 178.

Съ особенною приверженностію устремлялось къ иноческому идеалу честное вдовство, такъ что изъ вдовъ — княгинь и особенно бездѣтныхъ, почти каждая оканчивала свою жизнь инокинею, а часто и схимницею. Это становилось какъ бы закономъ для устройства вдовой жизни. „А княгини моя, говоритъ Володимиръ Васильевичъ Галицкій, по моемъ животѣ, оже воссочеть въ черницѣ пойти поидеть; аже не воссочеть ити, а како ей любо, мнѣ не воставши смотреть, что кто иметь чинити по моемъ животѣ“¹. Здѣсь князь вначалѣ указываетъ честному вдовству обыкновенный путь; но затѣмъ освобождаетъ княгиню, отдаетъ ей на свою волю идти и не идти въ монастырь, замѣчая, что не смотрѣть же ему, какъ будутъ жить послѣ его смерти. Еслибы вдова-княгиня была, по мнѣнію вѣка, совершенно свободна въ дѣйствіяхъ, то князь не сталъ бы и говорить о томъ, какъ ей нужно жить во вдовахъ.

Въ лѣтописяхъ читаемъ слѣдующее, вполне типическое сказаніе о такомъ обычномъ подвигѣ честнаго вдовства: въ 1365 г. „преставися князь (Нижегородскій) Андрей Константиновичъ въ чернцѣхъ и въ схимѣ“, которую принялъ въ несомнѣнной чашѣ кончины. „Княгиня же Василиса много плакаваше по князи своемъ; пребысть вдовою 4 лѣта; пострижена бысть отъ Діонисія архимандрита печерскаго и наречено бысть имя ей Теодора. — Бысть ей тогда отъ рожденія лѣтъ 40, и раздавала все имѣніе свое церквамъ и монастырямъ и нищимъ, а слугы своя и рабы и рабыни распустила на свободу, а сама нача жити въ монастырѣ у св. Зачатія, яже сама создала при князи своемъ; живище же въ молчаніи, тружаяся руководѣлемъ, постомъ, поклоны твоя, молитвами и слезами, стояніемъ ношнымъ и не спаніемъ; многожды и всю ночь безъ сна пребываше; овогда чрезъ день, овогда чрезъ два, иногда же и пять дней не ядше; въ мовню не хожаше, въ срачницѣ не хожаше, но власяницу на тѣлѣ своемъ ношаше; пива и меду не пьаше, на пирѣхъ и на свадьбахъ не бываше, изъ монастыря не исхожаше, злобы ни на кого же не держаше, ко всѣмъ любовь имѣяше. Таковое же доброе и чистое житѣе ея видѣвшіе, многи боярыни, жены и вдовицы и дѣвицы постригашася у ней, яко бысть ихъ числомъ и до девяносто, и вси общее житѣе живяху.

¹ П. С. Р. Л. 2, 215.

Княгиня же Василиса, поживши въ черницахъ восемь лѣтъ и поболѣвши нѣколько днѣй, преставися ко Господу“¹.

Мы увидимъ ниже, что тотъ же идеалъ жизни, буква въ букву, воплощался въ благочестивомъ вдовствѣ и въ концѣ XVII ст.

Само собою разумѣется, что онъ господствовалъ и въ частномъ не княжескомъ быту, особенно въ знатномъ и боярскомъ, который всегда пользовался матеріальною возможностью осуществлять постническую жизнь въ полной мѣрѣ. Московскій лѣтописецъ записалъ между прочимъ, что въ 1393 г. „преставися игуменья Алексіевская (Алексѣевского монастыря) Ульяна, отъ града Ярославля, дщи нѣкоего богата родителя и славна; сама же зѣло богобоязлива, чернечествовавши лѣтъ болѣ 30 и игуменья бывши 90 черницамъ, и общему житію женскому начальница сущи, и многимъ дѣвицамъ учительница бывши, и за премногую добродѣтель любима бысть отъ всѣхъ и почтена всюду....“²

Такъ высокъ и силенъ былъ идеалъ иночества и постничества въ нравственной жизни нашего древняго общества. Весьма естественно, что онъ, какъ идеалъ лучшей жизни, вносилъ свои стремленія, а съ ними и свои порядки и въ обыкновенную повседневную мірскую жизнь, устраивалъ эту жизнь по своимъ образцамъ и правиламъ.

Женская среда, какъ среда исключительно домашняя, еще сильнѣе должна была подчиняться уставамъ этого идеала. Женщина была *домодержица*; дѣятельность ея исключительно распространялась на устройство дома, даже ограничивалась только этимъ устройствомъ. Воплощая наилучшій идеалъ жизни въ дѣлахъ и отношеніяхъ дома, она, съ теченіемъ времени, мало по малу, незамѣтнымъ образомъ, одною лишь нравственною стихіею этого идеала, должна была изъ своего дома создать монастырь или нѣчто такое, что по своимъ нравственнымъ уставамъ очень напоминало чинъ жизни монастырской. Если древнѣйшій домострой, обращаясь къ мужчине — главѣ дома, указывалъ ему идеалъ игумена, говоря: вы есте игумени во своихъ домахъ: то здѣсь, вмѣстѣ съ указаніемъ домовнаго идеала, опредѣлялся только идеалъ повелѣвающей власти. Воплощеніе же этого идеала въ самой дѣйствительности, во всѣхъ его нрав-

¹ Карамз. V, пр. 4.

² Карамз. V, пр. 254.

ственныхъ и формальныхъ подробностяхъ всетаки главнымъ образомъ лежало на женщинѣ; ея мыслию, ея душою онъ приводился въ дѣло, ея постоянною заботою онъ неизмѣнно поддерживался. Мы, разумѣется, говоримъ здѣсь о женщинѣ не въ единичномъ какомъ либо смыслѣ, а говоримъ вообще о женской нравственной многовѣковой дѣятельности. Мы хотимъ сказать, что монастырскій устрой домашней жизни выработанъ многовѣковою нравственною дѣятельностью женской личности, конечно, при постоянномъ и непрестанномъ воздѣйствіи поученія, которое проповѣдовагъ исключительно только мужчина.

Что устройство домашней жизни, покрайней мѣрѣ въ достаточномъ, т. е. господарскомъ быту, имѣло дѣйствительно свои высшимъ идеаломъ устройство монастырское, это въ полной мѣрѣ подтверждаетъ Домострой XVI вѣка, записавшій лишь то, что искони существовало или искони должно было существовать, какъ наилучшій порядокъ и образецъ частной жизни.

По уставу Домостроя (глава XII), „по вся дни утре, вставъ, Богу молитися, и отпѣти заутрення и часы, а въ недѣлю (воскресенье) и въ праздникъ — молебень... и святымъ каждение. Въ вечерѣ — отпѣти вечерня, павечерница, полуношница, съ молчаніемъ и со вниманіемъ и съ кроткостояніемъ, и съ молитвою и съ поклоны. Пѣти внятно и единогласно. (Павечерница, и полуношница, и часы, въ дому своемъ всегда, по вся дни пѣти: то всякому христіанину Божій долгъ). Послѣ *правила* (т. е. послѣ этой вечерней службы) отнюдь, ни пити, ни ѣсти, ни молвы творити, всегда — всему тому наукъ... А ложася спати всякому христіанину по три поклона въ землю предъ Богомъ положить. А въ полунощи, всегда, тайно вставъ, со слезами прилежно къ Богу молитися, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшеніи...“ Въ другой главѣ, XIII, Домострой прибавляетъ: „а дома всегда павечерница и полуношница и часы пѣти; а кто прибавитъ *правила* своего ради спасенія, ино то на его воли: ино болѣ мзда отъ Бога... Всегда четки въ рукахъ держати и молитва Іисусова во устѣхъ непрестанно имѣти, и въ церкви и дома, и въ торгъ ходи, и стоя, и сѣдя, и на всякомъ мѣстѣ“.

„Въ домовномъ обиходѣ и вездѣ, всякому челоуѣку, государю или государыни, сыну, дщери, или служкѣ, мужеска полу и женска, стару и малу — всякое дѣло начати, или ѣсти, или пити, или ѣства варити, или печи — всякое руководіе и всякое мастер-

ство, — устройвъ себя, прже святымъ поклонятися трижды въ землю, или понуждѣ до пояса; кто умѣетъ (молитву) „Достойно“ проговорити да *благословяя у настоящаю*, да молитву Іисусову проговоря, да перекрестяся, молвя: „Господи благослови, Отче“ тоже, такъ начати всякое дѣло, ино тому Божія милость посильшествуетъ, ангелы невидимо помогаютъ, а бѣси отбѣгнутъ.... А дѣлати съ молитвою и съ доброю бесѣдою или съ молчаніемъ; а дѣлаючи что нибудь, начнется слово праздное или хульное, или съ роптаніемъ, или смѣхи, или кощуны, или скверныя и блудныя рѣчи, или пѣсни бѣсовскія и игры — отъ такова дѣла и отъ таковыя бесѣды, Божія милость отступитъ, ангелы отъидутъ скорбни и возрадуются нечествіи демони.... (гл. XIX). Егда трапезу предпоставляеши, вначалѣ священницы Отца и Сына и Святаго Духа прославляютъ, потомъ Богородицу; и Пречистой хлѣбъ вынимаютъ и, по отшествіи трапезы, Пречистыя хлѣбъ воздвизаютъ и отпѣвъ: „Достойно“, вкушаютъ и чашу Пречистыя піютъ....“ Это особый монастырскій обрядъ возношенія хлѣба въ честь Богородицы, который дѣйствительно совершался за обѣдомъ и въ царскомъ и въ боярскомъ быту. Мы не станемъ приводить новыя выписки, ибо всѣ наказы и поученія Домостроя сводятся къ одной цѣли, чтобы сдѣлать домашнюю жизнь непрестаннымъ моленіемъ, непрестаннымъ подвигомъ молчанія и отверженія отъ всякихъ мірскихъ удовольствій и веселостей, непрестаннымъ, чисто аскетическимъ отрицаніемъ всего того, чего сама жизнь отвергнуть не въ силахъ.

Такимъ образомъ, если благочестивый домъ древней Руси, т. е. самый лучшій домъ, во многомъ по своей жизни уподоблялся монастырю, то появленіе въ такомъ дому терема было простымъ, такъ сказать, естественнымъ условіемъ благочестивой жизни, по преимуществу для среды малолѣтнихъ, неразумныхъ, какими наравнѣ съ дѣтми почитались и взрослые дѣвчиды, да и вообще женщины. Словомъ сказать, появленіе терема было воплощеніемъ благочестивыхъ возрѣвій на женскую личность, какъ на соблазнъ міра, а потому онъ долженъ былъ явиться еще въ то время, когда такія возрѣвія достаточно уже укрѣпились въ обществѣ. Мы видѣли, что уже въ XI вѣкѣ стремленіе къ терему обнаружилась въ сестрахъ Мономаха. Они дѣвами приняли иноческій чинъ и такимъ образомъ засвидѣтельствовали, что и передъ тѣмъ ихъ жизнь была отдана идеаламъ постыничества и удаленія отъ міра.

Итакъ теремъ былъ произведеніемъ „древняго благочестія“, прямымъ и непосредственнымъ выводомъ всего нравственнаго поученія нашей древности. Само собою разумѣется, что вначалѣ, въ первые вѣка, онъ не могъ быть распространенъ въ такой силѣ, какъ это было въ XVI и XVII ст., т. е., что въ первые вѣка женщинѣ вообще было свободнѣе, чѣмъ въ вѣка послѣдующіе. Но какъ велика была эта свобода, мы не знаемъ. Можемъ догадываться, что она была незначительна, и въ обществѣ женщина всетаки не имѣла своего мѣста. Въ лицѣ жены или въ лицѣ матерой вдовы она имѣла мѣсто на пиру и на свадьбѣ; на свадьбѣ имѣла свое мѣсто и дѣвица. Но вотъ и всѣ ея свободные шаги. Другихъ свободныхъ и въ собственномъ смыслѣ общественныхъ ея движеній, общественныхъ ея отношеній, мы не примѣчаемъ, и лѣтописи, какъ и другіе памятники, не сказываютъ намъ ничего такого, почему возможно было бы заключать, что женская личность пользовалась между людьми значеніемъ самостоятельнаго и независимаго члена общественной дѣятельности. Ни одного событія, ни одного женскаго подвига, въ которомъ выразился бы такой именно смыслъ женскаго лица. Исключительными и единственными женскими подвигами являются подвиги любви къ иночеству, подвиги усердной и самой ревностной набожности во всѣхъ ея видахъ. „Ни на чтоже иное упражняшеса, но токмо о церковныхъ потребахъ и о милованіи укоренныхъ, маломощныхъ и всѣхъ бѣдующихъ“, говоритъ лѣтописецъ о княгинѣ Аннѣ, женѣ Рюрика Кіевскаго¹. Одними только этими подвигами и украшается женская личность въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. А это показываетъ, что исключительной формою женской и особенно дѣвичьей жизни во всѣ эти вѣка былъ непремѣнно теремъ, созданный иноческимъ же идеаломъ.

Сидитъ она за тридевять замками,
 Да сидитъ она за тридевять ключами,
 Чтобы и вѣтеръ не зѣвѣлъ, да и солнце не запекло,
 Да и добры молодцы, чтобъ не завидѣли....

Сидитъ Аеросня въ високомъ терему
 За тридесать замками булатными;
 А и буйные вѣтры не вихнуть на ее,
 А красное солнце не печеть лице....

¹ П. С. Р. Л. II, 153.

Дочь прекрасная Опракса королевична,
 Сидитъ она во теремъ въ златомъ верху;
 На ню красное солнышко не оппекеть,
 Буйные вѣтрушки не овзвѣютъ,
 Многіе люди не обглатятся.... ¹

Еще по уставу Ярослава Великаго, взятому съ византійскаго номоканона, женская личность, наравнѣ со всѣми церковными людьми, т. е. съ людьми, по особому смыслу своей житейской доли, выдѣленными отъ міра-общества ², отдается въ покровительство церковнаго суда, который, такимъ образомъ, является исключительнымъ, привилегированнымъ ея защитникомъ, охранителемъ и оберегателемъ ея чести, ея личнаго достоинства. Церковный судъ, какъ извѣстно, отдѣлилъ въ свою область всѣ дѣла домашней, семейной жизни, взялъ на свое попеченіе и въ свой непосредственный надзоръ *домъ*, какъ особую нравственную среду со всѣми ея движеніями. Вотъ почему и женщина, какъ человекъ по преимуществу домашній, отдѣлилась отъ суда общаго, мірскаго. Не вняжіи, а святительскій судъ преслѣдовалъ ея оскорбителя; стало быть, не общество, а церковь подавала ей руку защиты. Какъ было прежде, мы не знаемъ; но съ того времени, какъ началъ дѣйствовать такой номоканонъ, женская личность, по самому смыслу закона, уже отстранялась отъ міра-общества, являлась членомъ не свѣтскаго, общественнаго, а домашняго только міра, который въ добавокъ усиленно и неумоимо строился по монастырскому идеалу. Таково положеніе, указанное женщиной, безъ сомнѣнія еще въ первый вѣкъ, самую церковь. Идея этого положенія и была тою нравственною и въ полномъ смыслѣ органическою силою, которая, какъ изъ зародыша, развила изъ себя всѣ послѣдствія, т. е. всѣ идеальныя и матеріальныя формы женскаго быта, со всюю нравственною и даже умственною его выработкою.

¹ Былины: Кирѣевскій III, 64, 71; Рыбникова I, 187. — *Галитъся*-глядѣть, смотрѣть; волочитъся; также смѣяться, издѣваться. Област. Словарь.

² Какими были: вообще духовный и янческій чинъ и всѣ, которые работали церкви; затѣмъ общественныя сироты, которые жили, существовали, приращивались, кормились и питались церковью, т. е. вообще, люди, не имѣвшие въ міру-обществѣ самостоятельнаго значенія, не находившіе тамъ мѣста, не уходившіе отъ міра; нящіе, слѣпцы, хромцы, странники, вдовцы безцѣны и всякіе *изгои*, или сироты въ общественномъ смыслѣ.

Женщина постепенно удалилась от общества, и являлась въ немъ уже только въ силу нѣкоторыхъ жизненныхъ обстоятельствъ, требовавшихъ неминуемо ея присутствія или же дававшихъ ей самостоятельное вотчинное значеніе. Такъ, мы упоминали уже, что только *матеря* вдова пользовалась правомъ стоять въ извѣстныхъ случаяхъ наравнѣ съ мужчиною и занимать соответственное своему значенію мѣсто въ обществѣ. По крайней мѣрѣ, общество не смущалось присутствіемъ женщины, пріобрѣтавшей мужескія черты вслѣдствіе своего, хотя и вдовьяго, но тѣмъ не менѣе отческаго, или вѣрнѣе сказать вотчинническаго значенія. Такъ, мы встрѣчаемъ новгородку, боярыню Марю Борецкую, пирующую въ обществѣ мужчинъ, новгородскихъ бояръ¹. Мы видимъ также, что *матеря* вдовы — в. княгини, въ Москвѣ Евдокія, Софья; въ Твери Евдокія, Настасья, въ Рязани Анна, въ Суздаль Елена, и т. д., при малолѣтнихъ или молодыхъ сыновьяхъ получаютъ большое самостоятельное значеніе; онѣ сидятъ на *вдовьемъ столѣ*, т. е. на отчинномъ владѣннѣ своихъ мужей, слѣд. по необходимости являются дѣятелями общества, принимаютъ участіе въ мужскомъ обществѣ, сидятъ въ думѣ — совѣтѣ съ боярами, принимаютъ пословъ, имѣютъ даже *своихъ* особыхъ бояръ², и вообще своею личностью заступаютъ во многихъ случаяхъ мѣсто княжеской мужчиной личности. Это особенно обнаруживается въ XIV и XV ст., когда

¹ Описатель житія преп. Зосимы Соловецкаго рассказываетъ, что однажды преподобный былъ позванъ на пиръ къ боярынь Марѣ Борецкой, которая пожелала благословиться у него, потому что прежде ссорилась съ нимъ за бланоморскія свои земли. На пиру его встрѣтили съ радостью. Боярыня съ дочерью благословилась у него; «я посади его посреди пиршества». Преподобный по своему обычаю кушалъ мало и сидѣлъ молча. Взглянувъ на сидѣвшихъ бояръ, онъ изумился своему видѣнію: шесть мужей сидѣли предъ нимъ безъ головъ. Ваглянувъ въ другой и въ третій разъ, — предъ нимъ тоже видѣніе. Преподобный покачалъ головою, вздохнулъ, прослезился, оставилъ пищу и поникъ на землю. Сколько ни просили его продолжать трапезу, онъ оставался недвижимъ. По окончаніи стола и «по воздвиженіи святаго пречистаго хлѣба (Богородицы)», поклонившись и получивъ многія дары въ свой монастырь, преподобный удалился. Боярыня послѣ спрашивала его ученика Данила, отчего преподобный не сталъ участвовать въ пиршествѣ. Ученикъ рассказалъ ей о страшномъ видѣніи. Оно потомъ подтвердилось и событіемъ. В. К. Иванъ Вас., взявши Новгородъ, казнилъ Дмитрія Исакова (Борецкаго), Губу Селезнева, Кипріяна Араубьева и иныхъ трехъ, именно тѣхъ самыхъ бояръ, о которыхъ было видѣніе преподобному Зосимѣ.

² Напр. мать тверскихъ князей Евдокія. — Лѣт. Никон. IV, 297.

вотчинное начало въ княжескомъ быту совсѣмъ окрѣпло и всюду распространилось.

Нельзя, конечно, отвергать предположенія, что самостоятельность матерой вдовы, своими общественными отношеніями, могла бы современемъ выработать для женской личности покрайней мѣрѣ известную долю свободныхъ дѣйствій и вообще открыть двери терема. Но мы знаемъ, что княжеская вотчинность повела къ развитію самовластиа, а потомъ самодержавія и единодержавія. Въ борьбѣ за самовластіе, самъ мужчина принужденъ былъ держать себя съ осторожкою. Что же оставалось для женщины?

Ея затворничество становится уже рѣшительною необходимостью, какъ наилучшая мѣра безопасности отъ всякаго лиха. Она мало по малу лишается даже и той малой доли свободныхъ дѣйствій, какою обладала прежде.

Въ XV вѣкѣ в. княгиня еще принимаетъ къ себѣ иноземныхъ пословъ. Въ 1490 г. вех. кн. Софья Палеологъ въ своей средней повалушѣ принимаетъ цесарскаго посла Юрья Делатора. Этотъ случай можно было бы объяснить тѣмъ, что Софья сама была иноземка и потому не измѣнила своимъ обычаямъ. Но мы знаемъ, что такой обычай существовалъ и у нашихъ княгинь. Въ 1483 г. в. к. Иванъ Васильевичъ женилъ своего сына Ивана на Еленѣ Волошанкѣ и по этому случаю послалъ къ Тверскому в. к. Михаилу Борисовичу посла Петра Заболотскаго съ радостью, т. е. съ свадебными дарами: Михаилу мѣхъ вина, его матери, матерой вдовѣ, Настасьѣ Александровнѣ мѣхъ вина; его женѣ, Софьѣ мѣхъ вина и по два убрусца жемчугомъ сажены. Хотя въ лѣтописи и не говорится, что посолъ подносилъ дары в. княгинямъ лично; но это разумѣлось само собою. Вслѣдъ затѣмъ, тотъ же лѣтописецъ рассказываетъ, что, когда у новобрачныхъ супруговъ родился сынъ Дмитрій, в. князь опять послалъ въ Тверь съ поклономъ Владимира Елизарьева, но тверской князь не принялъ поклона и выслалъ его вонъ изъ избы, и „къ матери ему идти не велѣлъ, къ в. княгинѣ Настасьѣ“, слѣд. посолъ долженъ былъ къ ней идти, какъ велось въ обычаѣ. Въ 1502 г. в. князь посылалъ къ Аграфенѣ княгинѣ рязанской поклоны и слова, которыя посолъ по необходимости долженъ былъ передавать лично ¹.

¹ Тверская Лѣтопись, стр. 499. Карамз. V, пр. 563.

Такия посольства къ в. княгинямъ, особенно къ матерымъ вдовамъ, были обыкновеннымъ и даже неизбѣжнымъ дѣломъ въ княжескихъ отношеніяхъ до XVI в. Вотчинная независимость ставила въ независимое, самостоятельное положеніе и женскую личность. Ибо одна только вотчина, вообще собственность, и всякому лицу давала смыслъ самостоятельнаго члена въ общественномъ союзѣ. Но какъ скоро это положеніе, всетаки, случайное для женщины, сдѣлалось уже невозможнымъ при утвержденіи единодержавія и соединеніи всѣхъ отдѣльныхъ княжескихъ вотчинъ въ одно государство, то въ княжескомъ быту женщина осталась снова въ своемъ терему.

Развитіе ея общественныхъ правъ прекратилось, а домашняя жизнь стала еще тѣснѣе по причинамъ, которыя указаны нами выше. Теремъ сдѣлался не только монастыремъ, но и крѣпостью, которая защищала уже не отъ однихъ грѣховъ, но и отъ всякихъ лиходѣевъ и враговъ. Въ началѣ XVI вѣка затворничество женщинъ было дѣломъ окончательно уже рѣшеннымъ и не подлежащимъ никакому сомнѣнію и колебанію. Такъ напр., мы видимъ, что извѣстный Домострой, хотя и не даетъ Грѣшныхъ наставленій держать женъ и дочерей взаперти, но его молчаніе показываетъ, что этотъ обычай былъ такъ силенъ въ господарскомъ кругу, что не требовалъ уже особыхъ наставленій. Домострой и не предполагаетъ, чтобы жены, не говоря уже о дочеряхъ, могли ходить въ мужскія бесѣды. Онъ застаеъ жизнь терема ужъ въ полномъ цвѣту. Онъ даетъ только совѣты женъ, какъ вести себя въ гостяхъ, у другихъ женъ, какъ вести себя съ гостями дома, причемъ строго наказываетъ, „когда гости случатся, то питіе и ѣству и всякій обиходъ, приносятъ (въ комнату) одинъ человекъ *сверсткой*, кому приказано; а *мужески полъ* тутю, и рано и поздно, отнюдь, *никакоже, ни какими дѣлы, не былъ бы*, кромѣ того, кому приказано, *сверстному человеку*, что принести или о чемъ спроситься, или о чемъ ему приказать, и всего на немъ пытать: и безчинія и невѣжества; а иному никому тутю дѣла нѣтъ“.

„Состояніе женщинъ говоритъ Герберштейнъ (еще въ началѣ XVI вѣка) самое плачевное: женщина считается честною тогда только, когда живетъ дома взаперти и нигуда не выходитъ; напротивъ, если она позволяетъ видѣть себя чужимъ и постороннимъ людямъ, то ея поведеніе становится позорнымъ.... Весьма рѣдко позволяется имъ ходить въ храмъ, а еще рѣже

въ дружескія бесѣды, развѣ уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, когда онѣ не могутъ навлекать на себя подозрѣнія“.

Такою свободою, какъ мы видѣли, пользовались однѣ только *матеря вдовы*. Въ отношеніи дружескихъ бесѣдъ, Домострой между прочимъ замѣчаетъ: а въ гости ходити, и къ себѣ звать: ссылатца съ кѣмъ *великъ мужъ*.... По свидѣтельству Бухау, въ половинѣ XVI в., знатные люди не показывали своихъ женъ и дочерей не только постороннимъ людямъ, но даже братьямъ и другимъ близкимъ родственникамъ и въ церковь позволяли имъ выходить только во время говѣнья, чтобы приобщиться св. таинъ или иногда въ самые большіе праздники.

Только самыя дружелюбныя отношенія хозяина дома къ своимъ гостямъ растворяли иногда женскій теремъ и вызывали оттуда на показъ мужскому обществу его сокровище — хозяйку дома. Существовалъ обычай, по которому личность женщины и именно жены хозяина, а также жены его сына или замужней дочери, чествовалась съ какимъ то особымъ, точно языческимъ поклоненіемъ.

Этотъ обычай, по свидѣтельству Котошихина, заключался въ томъ, что, когда на праздникъ или въ другое время собиравсь гости и начинался обѣдъ или честной пиръ, хозяйка дома приказывала женѣ выйдти поздороваться съ гостями. Она приходила въ столовую комнату и становилась въ большомъ мѣстѣ, т. е. въ переднемъ углу; а гости стояли у дверей. Хозяйка кланялась гостямъ *малымъ обычаемъ*, т. е. до пояса, а гости ей кланялись *большимъ обычаемъ*, т. е. въ землю. Затѣмъ господинъ дома кланялся гостямъ большимъ же обычаемъ, въ землю, съ просьбою, чтобъ гости изволили его жену цѣловать. Гости просили хозяина, чтобъ напередъ онъ цѣловалъ свою жену. Тотъ уступалъ просьбѣ и цѣловалъ первый свою хозяйку; за нимъ всѣ гости, одинъ за другимъ, кланялись хозяйкѣ въ землю, подходили и цѣловали ее, а отошедъ, опять кланялись ей въ землю. Хозяйка отвѣчала каждому пояснымъ поклономъ, т. е. кланялась малымъ обычаемъ. Послѣ того, хозяйка подносила гостямъ по чаркѣ вина двойнаго или тройнаго съ земли, а хозяйка кланялась каждому (сколько тѣхъ гостей ни будетъ, всякому по поклону), до земли, проси-
мо выкушать. Но гости просили, чтобъ пили хозяева. Тогда хозяйка приказывала пить напередъ женѣ, потомъ пилъ самъ, затѣмъ обносилъ съ хозяйкой гостей, изъ которыхъ каждый кланялся хозяйкѣ до земли, пилъ вино и отдавши чарку, снова бла-

нялся до земли. Послѣ угощенія, поклонившись гостямъ, хозяйка уходила на свою половину, въ свою женскую бесѣду, къ своимъ гостямъ, къ женамъ гостей. — Въ самый обѣдъ, когда подавали круглые пироги, къ гостямъ выходили уже жены сыновей хозяина или замужнія его дочери или жены родственниковъ. И въ этомъ случаѣ обрядъ угощенія виномъ происходилъ точно также. По просьбѣ и при поклонахъ мужей, гости выходили изъ за стола къ дверямъ, кланялись женамъ, цѣловали ихъ, пили вино, опять поклонялись и садились по мѣстамъ; а жены удалялись на женскую половину.

Дочери-дѣвицы никогда на подобныя церемоніи не выходили и никогда мужчинамъ не показывались. Иностранцы свидѣтельства присовокупляютъ къ этому, что жены являлись угощать виномъ гостей только въ такомъ случаѣ, когда хозяинъ желалъ гостямъ оказать особенный почетъ и когда дорогіе гости настоятельно просили о томъ хозяина; что цѣловались не въ уста, а въ обѣ щѣки; что жены къ этому выходу богато наряжались и часто перемѣняли верхнее платье во время самой церемоніи; что они выходили уже по окончаніи стола и при томъ въ сопровожденіи двухъ или трехъ сѣнныхъ дѣвицъ, т. е. вѣроятно также замужнихъ женщинъ или вдовъ изъ служащихъ въ домъ боярскихъ боярынь; что, подавая гостю водку или вино, онѣ напередъ сами всегда пригубливали чарку.

Этотъ обрядъ, подтверждая самымъ дѣломъ всѣ рассказы о затворничествѣ русскихъ женщинъ, о раздѣльности древнерусскаго общества на особыя половины, мужскую и женскую; вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что личность замужней женщины, хозяйки дома, пріобрѣтала для дружескаго домашняго общества высокій смыслъ домо-держницы и олицетворяла своимъ появленіемъ и угощеніемъ самую высокую степень гостепріимства. Въ этомъ обрядѣ выразилась также чисто русская форма уваженія къ женской личности вообще, ибо земные поклоны, какъ мы уже замѣтили, были первою формою наиболѣе высокаго чествованія личности.

Итакъ затворничество женской личности, ея удаленіе отъ мужскаго общества явилось жизненнымъ выводомъ тѣхъ нравственныхъ началъ жизни, какія были положены въ нашъ бытъ восточными, византійскими, но не татарскими идеями. Не у татаръ мы заимствовали нашъ теремъ, а онъ сложился мало по малу самъ собою, ходомъ самой жизни, какъ реальная форма

тѣхъ представленій и ученій о женской личности, съ которыми мы познакомились еще въ самомъ началѣ нашей исторіи и которыя въ теченіи вѣковъ управляли воспитаніемъ, образованіемъ, всѣмъ развитіемъ русской женщины.

Съ одной стороны, представленіе о нескончаемомъ ея дѣтствѣ, хотя и выросшее изъ своеземныхъ родовыхъ опредѣленій, но вкорененное главнымъ образомъ ученіемъ пришедшей восточной культуры; съ другой стороны, вкорененное тою же культурою, представленіе о низменномъ достоинствѣ женскаго существа вообще, представленіе древнезміиннаго соблазна, который является какъ-бы прирожденнымъ качествомъ въ женской личности, — все это видѣтъ, невидимыми путями, самымъ духомъ этихъ представленій, помогло создать для женской личности положеніе, такъ выразительно описанное Котошихинимъ.

Когда старая наша жизнь должна была свести свои счеты, обнаружить, что именно ею сдѣлано въ теченіи вѣковъ, къ какимъ итогамъ пришли всѣ начала, положенныя въ ея бытовую почву, въ это время, т. е. въ концѣ XVII ст. и женская личность должна была выразить себя во всей полнотѣ, высказать все, что она могла сказать. Въ это время она дѣйствительно и высказываетъ все, чѣмъ было исполнено ея развитіе. Но разнообразныя типическія черты, въ какихъ обозначилась женская личность допетровской Руси, сплетаются въ одинъ идеальный образъ, который господствуетъ надъ всѣми остальными и служитъ, если не всегда основой, то всегда неизбѣжнымъ покровомъ каждаго женскаго характера. Это образъ *постницы*, образъ иноческаго благочестія въ міру, иноческой чистоты и строгости нрава, иноческаго освященія всѣхъ помышленій и всѣхъ поступковъ, всякаго движенія душевнаго и тѣлеснаго. Въ этомъ только образѣ познавалась нравственная красота женской личности.

Но, само собою разумѣется, какъ всегда бываетъ въ общественной культурѣ, идеаль становится очень часто только драпировкою личности и вовсе не обозначалъ того, что онъ долженъ былъ обозначать въ дѣйствительности. Въ сущности, это была лишь видѣнная форма достойной жизни, форма тогдашней образцовости, типъ изящныхъ нравовъ, по понятіямъ и представленіямъ вѣка; это былъ нравственный костюмъ, безъ котораго возможно было показываться въ обществѣ, предъ людьми. По ну очень часто въ такомъ костюмѣ являлись личности, вовсе

и не помышлявшія о нравственныхъ обязательствахъ, какія на нихъ налагалъ этотъ костюмъ, и жившія въ немъ, какъ себѣ любо. Но зато являлись перѣдко и такія личности, которыя съ неумолимою послѣдовательностію доводили задачу этого идеала до его желаннаго конца. Къ такимъ именно личностямъ принадлежитъ, напр., извѣстная постница боярыня Морозова, урожденная Соковнина, біографія которой послужитъ для насъ самымъ нагляднымъ и полнымъ изображеніемъ теремной жизни вообще, а въ особенности вдовьей жизни въ боярскомъ быту; изображеніемъ тѣхъ стремленій, въ которыхъ женская личность допетровской Руси полагала высшее достоинство и высшую красоту нравственной жизни.

Боярыня Федосья Прокопьевна Морозова была супругою Глѣба Ивановича Морозова, одного изъ первыхъ бояръ при царѣ Алексѣѣ Мих. Онъ былъ родной братъ знаменитаго царскаго дядьки, царскаго пѣстуна и кормильца Бориса Ивановича, котораго молодой государь почиталъ вмѣсто отца роднаго, и который одно время, въ первые годы Алексѣева царствованія, управлялъ государствомъ съ полною властью. Въ молодыхъ лѣтахъ оба брата были сверстниками царя Михаила, государева отца, были его спальниками, слѣд. домашними, комнатными, самыми приближенными людьми. Въ этомъ чинѣ они значатся уже съ 1614 г., т. е. почти съ перваго года его царствованія ¹.

Борисъ былъ пожалованъ въ бояре въ 1634 г. (генв. 6), вмѣстѣ съ назначеніемъ въ дядьки къ царевичу Алексѣю. Глѣбъ получилъ боярство въ 1637 г. дек. 25.

Возвышеніе старшаго брата поднимало, конечно, на приличное мѣсто и младшаго, челоуѣка по видимому ничѣмъ особенно не замѣчательнаго. На Федосьѣ Прокопьевнѣ Глѣбъ женился уже вторымъ бракомъ. Первая супруга его была Авдотья Алексѣевна (изъ чьего рода, неизвѣстно), на которой онъ женился еще въ 1619 г. генв. 18 ². Съ нею онъ жилъ болѣе 30 лѣтъ.

¹ А. О. П. №№ 717, 915, 946.

² Тогда, по старому обычаю, на другой день свадьбы, 19 генваря, новобрачные приказали во дворецъ къ царю Михаилу челоуѣмъ ударить и получили отъ государя и его матери, иноки Марѣи Ивановны «благословеніе» и подарки.

Царь «пожаловалъ стольника Глѣба Ивановича Морозова, какъ приказалъ

Въ генварѣ 1648 г., на свадьбѣ царя Алексѣя съ Милославскою, Авдотья Алексѣевна была посаженою матерью у государя, а самъ Морозовъ въ то время, вмѣстѣ съ царскимъ тестемъ Ильею Давид. Милославскимъ, оберегалъ сѣнникъ или спальню новобрачныхъ. Такіе свадебные чины ясно указываютъ, какимъ довѣріемъ и почетомъ пользовалась чета Морозовыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они же свидѣтельствуютъ, что Морозовъ, какъ и его жена, были тогда уже люди не совсѣмъ молодые. Неизвѣстно скороли послѣ того Морозовъ овдовѣлъ. Въ 1654 г. февр. 12, женою его была уже Ѳедосья Прокопьевна. Въ этотъ день она находилась въ числѣ *пріѣзжихъ* боярынъ, приглашенныхъ царцею къ родинному столу царевича Алексѣя Алексѣевича и занимала въ порядкѣ званыхъ пятое мѣсто, слѣд. одно изъ передовыхъ, разумѣется соотвѣтственно мѣсту своего мужа. Такимъ образомъ, замужство Морозовой относится ко времени между 1648 и 1654 гг.

Но боярыня Ѳедосья Прокопьевна не по мужѣ только была близка къ царскому Двору. По всему вѣроятію она и замужъ

на завтракъ своей свадьбы государю челомъ ударить, благословилъ его: образъ Живоначальныхъ Троицы, окладъ серебрянъ золоченъ басмянной, вѣнцы сканнны; да кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею на высокомъ стояницѣ, по кубку и по стоянцу ложечки короткія, подъ пузомъ у кубка на дрѣвѣ стоитъ мушкетъ литой въ правой рукѣ топоръ поднятъ въ верхъ; на кровлѣ у кубка подъ пузомъ и по стоянцу травки спускныя бѣлы; на кровлѣ травка съ напѣвны. Всю гривенка 40 золотникъ. (Взять съ поставца у погребново ключника у Ѳедора Красново). — Да 10 аршинъ бархату чернчатого, цѣна по рублю по 20 алт. аршинъ. 10 аршинъ отласу желтого, цѣна по рублю по 10 денегъ аршинъ; 10 аршинъ камки куштеру лазоревого, цѣна по рублю аршинъ. Сорокъ собелей, цѣна 25 рублей.

Отъ государыни и великой старицы иноки Мары Ивановны столярника Глѣбу Ивановичу Морозову благословеніе: образъ Бориса и Глѣба, обложенъ серебромъ, вѣнцы сканнны; 10 аршинъ отласу червчатого по рублю аршинъ; да сорокъ собелей цѣна 20 рублей.

Отъ государя царя и я. к. Михаила Ѳедоровича в. р. столярника Глѣба Ивановича Морозова женѣ Авдотьи Алексѣевнѣ благословеніа: образъ Спасова обложенъ серебромъ; 10 аршинъ камки куштеру червчатого, цѣна по рублю по 3 алт. по 2 денги аршинъ; 10 арш. камки адамашки лазоревой, цѣна по 25 алтынъ аршинъ. Сорокъ собелей, цѣна 20 рублей.

Отъ государыни Великія старицы иноки Мары Ивановны Глѣбовой женѣ Мары Авдотьи Алексѣевнѣ благословеніе: образъ Пречистыя Богородицы обложенъ серебромъ; 10 арш. камки адамашки желтой по 26 алт. по 4 д. — — — — —; да сорокъ хунницъ, цѣна 12 рублей. (Арх. Оп. Пал. № 909, годъ).

выдана изъ Дворца, отъ царицы, или покрайней мѣрѣ при особенномъ ея покровительствѣ. Она была дочь околыничаго Прокопья Федоровича Соковнина, человека очень близкаго и безсомнѣннаго родственника царицы Марьи Ильичны. Московскій дворянинъ П. Ф. Соковнинъ является при дворцѣ въ свадьбу царя Алексѣя съ Марьею Ильичною. Въ это время онъ вводится въ составъ свадебныхъ чиновъ и занимаетъ едва видное, предпоследнее мѣсто въ числѣ *сверстныхъ*, т. е. близкихъ или родственныхъ дворянъ, назначенныхъ идти для береженья за санями царской невѣсты. Тогда же и сынъ его Федоръ, стольникъ, находится также предпоследнимъ въ числѣ стольниковъ — повзжанъ. Другой сынъ, Алексѣй, вѣроятно еще малолѣтний, опредѣляется вскорѣ послѣ свадьбы, въ стольники къ самой царицѣ и занимаетъ послѣ Милославскаго, Голохвастовыхъ, Фед. Мих. Ртищева и Еропкина, тоже предпоследнее мѣсто ¹.

Черезъ мѣсяцъ послѣ царской свадьбы мы находимъ отца Прок. Соковнина уже во дворецкихъ у царицы ². Это значило, что онъ сидѣлъ за поставцемъ царицына стола, т. е. отпускалъ для ея особы ѣсты, — должность весьма важная и вліятельная въ домашнемъ обиходѣ царей. Черезъ три съ половиною мѣсяца, 1650 г. марта 17, въ именины царя, онъ жалуется въ околыничіе. Сынъ его Федоръ идетъ въ своихъ повышеніяхъ за нимъ слѣдомъ. Точно также, вѣроятно по старости или по болѣзни отца, онъ садится въ 1668 г. за царицынъ поставецъ и въ 1670 г. получаетъ думное дворянство; но въ томъ же году онъ теряетъ это званіе, вѣроятно по случаю царской опалы на сестру. Кромя двухъ братьевъ, Федосья Прокоп. имѣла еще сестру, младшую, Евдокію, которая была за князь Петромъ Семеновичемъ Урусовымъ, тоже весьма приближеннымъ къ царю человекомъ. Онъ былъ крайчимъ (съ 1639 г.), т. е. подавалъ государю за столомъ питья и ѣсты ³.

Изъ всего этого видно, что семейство Соковниныхъ принадлежало къ обществу домашнихъ людей царскаго дворца. Оно

¹ Дворц. Разр. т. III, 81, 83.— Арх. Оп. Пол. № 991, расходная записка 1648 г. марта 26. — Что касается Алексѣя Прокофьевича Соковнина, то навѣрно, что, бывши уже околыничимъ, въ 1697 г., онъ выѣзъ съ Цимлеромъ, поднималъ заговоръ на убійство Петра и за то былъ казненъ на Красной площади.

² Арх. Оп. Пол. № 990.

³ *Крайчій*, безсомнѣннаго отъ слова: *кроить*, рѣзать. Этому чину соответствуетъ теперешнее нѣмецкое названіе должности, *оберъ еоршнейдеръ*.

счумѣло воспользоваться своимъ положеніемъ, распространивъ свои родственныя связи и съ знатымъ боярствомъ, каковы были, напр., Морозовы.

Федосья Прокоп. вышла за мужъ 17 лѣтъ. Мы видѣли, что Глѣбъ Морозовъ былъ уже человѣкомъ пожилымъ, такъ что при вступленіи во второй бракъ на Соковниной онъ имѣлъ по крайней мѣрѣ лѣтъ 50. Неравенство лѣтъ не могло конечно остаться безъ вліянія на жизнь молодой боярыни. Мы не знаемъ обстоятельствъ ея замужней жизни, но имѣя въ виду общій складъ тогдашняго домашняго быта бояръ, можемъ предположить, что домъ такого степеннаго, богобоязненнаго и тихаго боярина, какимъ дѣйствительно былъ Глѣбъ Ивановичъ, скорѣе чѣмъ другіе, долженъ былъ служить наиболѣе полнымъ выраженіемъ идеаловъ Домостроя. Недаромъ Глѣбъ Ивановичъ былъ спальникомъ царя Михаила, недаромъ онъ назначенъ былъ оберегать и спальню новобрачнаго царя Алексѣя. Вмѣстѣ съ тѣмъ близость обоихъ супруговъ ко дворцу также способствовала, и очень много, къ устройству этого дома въ порядкѣ и въ духѣ чтимой старины; ибо въ дворцѣ упомянутые идеалы, особенно на женской половинѣ, являлись уже неизмѣнными установленіями благообразной и такъ сказать образцовой жизни. Всѣ поученія: како вѣровати и како жити богоугодно, во всѣхъ своихъ мелкихъ подробностяхъ соблюдались здѣсь съ неизмѣною строгостью.

Но важнѣе всего было то, что духовникомъ Федосьи Прокопьевны, какъ и ея сестры Евдокѣи, былъ знаменитый протопопъ Аввакумъ. Въ свое время онъ очень близокъ былъ къ царскому духовнику Стефану Вонифатьевичу. „Тогда (въ 1650-хъ годахъ) и я при духовникѣ въ тѣхъ же полатѣхъ шатался, яко въ безднѣ мнозѣ“, свидѣтельствуетъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій¹. Не мудрено, что многіе изъ приближенныхъ къ этимъ палатамъ, и въ томъ числѣ Соковнины, имѣли его духовнымъ отцомъ. Ясно также, какому духовному настроенію подчинялись въ то время умы дворцоваго общества.

Духовная дочь Аввакума, Федосья Прокопьевна, видимо была душа крѣпкая и вѣрующая и рано обнаружила свою привязанность къ добродѣтельной постнической жизни по тому идеалу, какой тогда господствовалъ въ умахъ, искавшихъ спасенія.

¹ Слово плачевно и отвѣтъ на крестоборную ересь.

Для нея не были чужды вопросы такой жизни и быть может за то самое ее очень любилъ знаменитый братъ ея мужа, Борисъ Ивановичъ Морозовъ. Сказаніе о ея жизни ¹ говоритъ, что Борисъ многіе часы проводилъ съ ней, бесѣдуя духовно, что, когда она приходила къ нему, самъ встрѣчалъ ее любезно и говаривалъ: „принди другъ мой духовный, поиди радость моя душевная“; а провожая послѣ бесѣды прибавлялъ: „насладился я паче меда и сота словесъ твоихъ душеполезныхъ“. Стало быть, боярыня еще въ молодую свою пору была уже достаточно знакома съ постническимъ уставомъ жизни, такъ что могла вести разумныя бесѣды съ однимъ изъ разумнѣйшихъ людей царскаго свѣдѣнія. Вообще все показываетъ, что она была настолько развита, хотя и односторонне, что вопросы жизни для нея не были вопросами только хозяйства или домашней порядки, а были вопросами духовныхъ стремленій найти самую правду жизни, что она вовсе не была способна сдѣлаться „подъ фарисейскимъ только видомъ постницею“, какихъ было довольно въ то время.

Необходимо замѣтить, что въ это самое время въ русскомъ обществѣ, въ его мыслящей или сколько нибудь знающей, начитанной средѣ, совершался великій, и нравственный, и социальный поворотъ отъ стараго Домостроя къ новинѣ Петровской, отъ востока къ западу. Имя этому повороту было: *Никонъ*; потому что Никонъ патріархъ смѣлою рукою формально коснулся наиболее завѣтнаго начала жизни, именно ея невѣжественнаго застоя. И прежде его думали и говорили тоже, какъ онъ потомъ сталъ дѣлать; не онъ первый и не онъ одинъ желалъ сдвинуться съ мѣста. Первымъ былъ въ этомъ случаѣ самъ государь. Но на Никона все должно было обрушиться по той причинѣ, что его починъ касался области, въ которой застой невѣжества былъ очевиднѣе и осозательнѣе, и при томъ всегда освящался авторитетомъ святѣйши, а потому давалъ широкія средства отстаивать его противъ малѣйшаго движенія умной новины, давалъ, кому это было нужно, широкія средства авторитетомъ Вѣры спутать и замѣшать понятія общества. И вотъ имя Никона явилось знаменіемъ времени, стало

¹ Мы пользовались спискомъ этого сказанія еще изъ библиотеки покойнаго И. Н. Царскаго, принадлежащей теперь гр. Уварову (по каталогу г. Строева № 474, прежній № 392) Г. Тихонравовъ ознакомилъ уже читателей съ этимъ сказаніемъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1865 г. № 9, по списку, ему принадлежащему.

ежеминутно повторяются въ домашнихъ бесѣдахъ, во всякихъ сборищахъ, въ тишинѣ домашней влѣтѣ и на шумныхъ стогнахъ града. Въ народѣ поднялось великое и многое *размышленіе* и соблазнъ, а въ иныхъ мѣстахъ и расколы. Судили и редили о томъ, гдѣ правда. Говорили: „вотъ поютъ, вмѣсто: благословенъ грядый, обрѣтохомъ вѣру истинную. И то ихъ нововводное пѣніе на великое поношеніе и укоризну російскому государствію и православной нашей вѣрѣ. Будто они никоніанцы обрѣли намъ истинную вѣру, а до сей поры мы и отцы наши и тѣ святые русскіе чудотворцы, отъ Владимірова крещенія лѣтъ 700 будучи, будто истинныя вѣры до нихъ не знали на землѣ?... Да они же имя Сыну Божію перемѣнили, печатаютъ по новому съ приложеніемъ излишней буквы Іисусъ; и тѣмъ учинили великій расколъ и смуту, и отъ иныхъ государствъ вѣчный поносъ и укоризну. Будто мы и отцы наши отъ Владимірова крещенія, толико лѣтъ будучи, имени Сыну Божію не знали.... Вѣдь, если и въ царскомъ имени кто сдѣлаетъ перемѣну (описку), такъ того казнятъ, какъ же дерзнуть нарушить имя Сына Божія“.

„Къ сему же и звоны церковные перемѣнили, звонятъ къ церковному пѣнію дрянью, аки на пожаръ гонятъ или всполохъ бьютъ; и тѣмъ велле поруганіе и православнымъ соблазнъ и возмущеніе; и въ уставахъ того, чтобъ дряннымъ обычаемъ по пожарному звонити, нигдѣ не указано“.

„Иноки ходятъ въ церковь Божію и по торгамъ безъ мантий, безобразно и безчинно, какъ иноземцы или кабацкіе пропойды; и тѣмъ своимъ безчиніемъ иночеству конечное творятъ поруганіе, какого и въ мирскихъ отнюдь не бываетъ; потому что, если и мирянинъ кто, отъ благоговѣйныхъ и честныхъ, такъ будетъ творить, что безъ верхняго одѣянія, въ фезяхъ и въ полукафтанахъ, въ церковь Божію или посреди торжища дерзнетъ войти, — не всѣ ли зрѣщія посмѣются ему и пьяницу суща или ума изступивша почтутъ быти. Если срамъ есть и безчестіе мирскимъ такъ творить, кольми паче инокомъ.... а они и прочее одѣяніе иноческое все перемѣнили и возлюбили иныхъ *земель* платья и обычаи ихъ и нравы. Вмѣсто рясокъ, носятъ *иноземные* широкіе кафтаны, а вмѣсто скуфей иноческихъ, носятъ черныя колпаки.... Также и вмѣсто клобуковъ возлагаютъ на главы своя странно некакое ихъ инообразное подобіе, *блѣзна* ради и душевныя пагубы: нельзя очи имѣть нпмало

непокровенными, паче же юнымъ и безбрачнымъ, до конца соблазнительно и стыдно. А прежде въ русской землѣ этого не бывало и странныхъ этихъ иноземскихъ обычаевъ вводить не смѣли....“

„Попущеніемъ Божиимъ умножися въ нашей Русской землѣ иконнаго письма неподобнаго.... Пишутъ Спасовъ образъ Емануила — лицо одутловато, уста червонныя, власы кудрявыя, руки и мышцы толстыя, персты надутые, также и у ногъ бедра толстыя и весь — яко нѣмчинъ, брюхатъ и толстъ учиненъ; лишь сабли-то при бедрѣхъ не писано.... А все то Никонъ врагъ умыслилъ: *будто живыя писать*. А устрояетъ все по фряжскому, сиричь по нѣмецкому.... Охъ! Охъ! бѣдная Русь! Чего тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ поступковъ и обычаевъ? А Миколѣ чудотворцу имя нѣмецкое — Николай! Въ нѣмцахъ нѣмчинъ былъ Николай, а во святыхъ нѣтъ нигдѣ Николая....“ Далѣе: перстосложеніе, аллилуія и очень многое, тому подобное — все это и подверглось великому народному размышленію и разсужденію, особенно между духовными отцами и ихъ дѣтьми. Не смотря однакожъ на разнообразіе предметовъ размышленія все дѣло сводилось къ одному концу: стоять ли за старое или идти за новымъ. Въ обществѣ произошло раздѣленіе, главною причиною котораго было крайнее невѣжество этого самаго общества, воспитаннаго въ самой тѣсной опецѣ, въ средѣ безчисленныхъ запрещеній, отреченій и анаемъ; у котораго отнята была наука, закрѣпощена мысль, которое, по этому, не имѣло способовъ само повѣрять дѣйствія своихъ руководителей и учителей и по необходимости шло за ними, какъ бы на привязи. Очень понятно, что въ такомъ обществѣ всякое наглое, самоувѣренное слово, а тѣмъ болѣе всякій фанатизмъ, даже фанатизмъ юродиваго долженъ былъ почитаться за возглашеніе самой истины.

Фанатизмъ всегда и является неизбежнымъ плодомъ умственной тѣсноты и умственной ограниченности. И въ самомъ дѣлѣ, очень трудно было въ это время Русскому человѣку узнать, на какой сторонѣ правда.

Въ самомъ дворцѣ умы колебались и многіе втайнѣ стояли, разумеется, за старое, за уставы Домостроя и помогали всѣми дворцовыми путями и средствами своимъ единомышленникамъ. Тамъ старое могло пріобрѣсти еще большую силу отъ того, что многіе, особенно близкіе, къ царицѣ, находили въ старыхъ

порядкахъ точку опоры для борьбы съ новыми людьми, которые нерѣдко переступали старымъ дорогу.

Само собою разумѣется, что старый уставъ жизни, ея бува, обрядъ, ни гдѣ не долженъ былъ имѣть такой силы, какъ именно на женской половинѣ дворца, которая долго и послѣ реформы сохраняла привязанность къ старымъ порядкамъ быта.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда обычнымъ путемъ шли лѣта замужества молодой и знатной боярыни. Богъ далъ супругамъ сына Ивана по ихъ молитвѣ и явленію чудотворца Сергія, какъ говоритъ сказаніе о жизни Морозовой, что достаточно свидѣтельствуетъ о благочестивой ея набожности. Но въ 1662 г. Глѣбъ Ивановичъ умираетъ и она остается вдовою. Случай рѣшительный въ жизни Морозовой. Съ этихъ поръ ея постыческое набожное настроеніе мыслей получаетъ широкій просторъ для своихъ дѣйствій, для стремленій къ завѣтнымъ идеаламъ. Должно полагать, что въ это время ей было не болѣе 30 лѣтъ, ибо всегѣ замужества едвали было лѣтъ 12; тогда и сынъ остался послѣ отца лѣтъ десяти.

Первые годы вдовства шли однаковъ обыкновеннымъ порядкомъ. Она жила, какъ слѣдуетъ большой и богатой боярынѣ, выѣзжала во дворецъ и къ роднымъ и знакомымъ съ подобающею боярскою обстановкою и держала свой домъ въ подобающемъ устройствѣ.

Объ этомъ времени ея вдовства пусть расскажетъ намъ самъ Аввакумъ, ея духовный отецъ и учитель. „Знаю, другъ мой милый, Феодосья Прокопьевна, пишетъ онъ къ ней въ одномъ изъ своихъ писемъ, жена ты была боярская, Глѣба Ивановича Морозова, вдова честная, въ Верху чина царева близъ царицы: въ дому твоёмъ тебѣ служило человекъ съ триста, крестьянъ у тебя было 8000, имѣнія въ твоёмъ дому было на 200 или на 250 тысячъ; друзей и сродниковъ въ Москвѣ множествомного; ѣздила ты къ нимъ въ каретѣ дорогой, украшенной мусією и серебромъ, на аргамакахъ многихъ, по 6 и 12 запрягали, съ гремичими цѣпами; за тобою слугъ, рабовъ и рабынь, шло человекъ по 100 и по 200, а иногда и 300, оберегая честь твою и здоровье. Предъ ними красота твоего лица сіяла, какъ древле во Израили вдовы Іюдифы, побѣдившей Навходносорова князя Оловерна. И знаменита была ты въ Москвѣ, какъ древняя Девора въ Израили, Есѣпръ, жена Артаксеркса“.

Но вдова по понятіямъ и убѣжденіямъ вѣна уже носила въ своемъ положеніи смыслъ монахини. Честное вдовство само собою уже приравнивалось къ обѣту иноческому. Поэтому вся жизнь вдовы со всею ея обстановкою естественнымъ и незамѣтнымъ путемъ преобразовывалась въ жизнь монастырскую. Также точно, естественнымъ и незамѣтнымъ путемъ, устроивалась и жизнь честнаго дѣвства, напр. жизнь царевенъ. Не первая и не послѣдняя была Феодосья Прокопьевна, устроившая свой домъ по монастырски. Таковъ былъ господствующій идеалъ для женской личности, свободной отъ супружества.

Боярыня строго исполняла правило церковное и келейное, не оставляла его и тогда, когда бывала въ Верху, у царицы или сестеръ государя, ибо и тамъ всѣ правила, т. е. извѣстныя церковныя службы, молитвы и моленія, тоже исполнялись строго. Утромъ послѣ *вразила* и книжнаго чтенія, обыкновенно святаго житія на тотъ день или поучительнаго слова, боярыня занималась домашними дѣлами, разсуждая домочадцевъ и деревенскія вретсыянскія нужды, заботясь объ исправленіи крестьянскомъ, иныхъ жезломъ наказуя, а иныхъ любовію и милостію привлекая на дѣло Господне. Это продолжалось до 9-го часу дня и больше, т. е. до полудня и больше, по нашему счету. Остальное время посвящалось добрымъ, богоугоднымъ дѣламъ, въ числѣ которыхъ, первое и самое важное мѣсто принадлежало дѣламъ милосердія. Въ тотъ вѣкъ добродѣтельному и благочестивому сердцу были, какъ воздухъ, необходимы нищіе, странныя, убогіе, калѣки, юродивыя, старцы и старицы. Добродѣтельное и благочестивое сердце не имѣло въ то время другаго, болѣе чтимаго, выхода на путь добрыхъ дѣлъ. Вотъ почему, въ то время каждый зажиточный, а тѣмъ болѣе богатый домъ собиралъ у себя эту братію не только въ извѣстныя, опредѣленные церковными обычаями, дни, но и давалъ ей въ своемъ домѣ мѣстожителство.

Составитель Домостроя поучаетъ: церковниковъ и нищихъ, и маломощныхъ и бѣдныхъ и скорбныхъ и *странныхъ* пришельцовъ, призывай въ домъ свой и по силѣ накорми и напои и согрѣй; и милостыню давай, и въ дому и въ торгу и на пути; тою бо очищаются грѣси, тѣ бо ходатаи Богу о грѣсѣхъ нашихъ. Чадо! любя мнишескій чинъ, и *странныя пришельцы* *всегда бы въ дому твоёмъ питались*, и въ монастыри съ мило-

стынею и съ кормлею приходи; и въ темницахъ и убогихъ и больныхъ посѣщай и милостыню по силѣ давай.

Федосья Прокопьевна въ дому своемъ держала пятерицу инокинь *измамныхъ*, и радовалась — зря въ ночи на правилѣ себя съ ними стоящую и на трапезѣ ихъ съ собою ядущихъ....“ А иныхъ въ дому своемъ гнойныхъ держала — Феодота Стефановича и прочихъ: имъ своими руками служила, язвы гнойныя измывала и въ уста ихъ пищу подавала.... Домъ ея былъ отворенъ юродивымъ и нищимъ и сиротамъ, которые „невозбранно въ ея дожищахъ обитали и съ нею ѣли съ одного блюда“¹.

Въ числѣ юродивыхъ, которые невозбранно приходили въ домъ къ Морозовой, были два ревнители древняго благочестія Феодоръ и Киприанъ. Феодоръ ходилъ въ одной рубашкѣ, мерзъ на морозѣ босой, въ день юродствовалъ, а ночь всю стоялъ на молитвѣ со слезами. Аввакумъ рассказываетъ о немъ: „много добрыхъ людей знаю, а не видалъ такого подвижника; зѣло у него во Христа вѣра горяча была.... не на басняхъ проходилъ подвигъ.... Пожилъ у меня съ полгода на Москвѣ, а мнѣ еще не моглося; въ задней комнатѣ двое насъ съ нимъ. И много часъ другой полежить, да и встанеть, тысячу поклоновъ отбросаетъ, да сядетъ на полу, а иное — стоя, часа съ три плачетъ. А я таки лежу, иное сплю, а иное не можется. Когда ужъ наплачется гораздо, тогда ко мнѣ приступитъ: „долго ли тебѣ, протопопъ, лежать того? образумься, вѣдь ты попъ: какъ сороба нѣтъ?... И мнѣ не можется, такъ меня подымаетъ, говоря! „встань, миленькой батюшко! Ну таки вытащитъ какъ нибудь меня.... сядя, мнѣ молитвы велитъ говорить, а онъ за меня поклоны владеть: то-то другъ мой сердечной былъ!“ За старовѣрство онъ отданъ

¹ По свидѣтельству Курбскаго, знаменитый Адашевъ десять нѣтъ прокаженныхъ въ дому своемъ, тайно питающе и обмывающе ихъ руками своими. (Кар. IX, пр. 20). Онъ же упоминаетъ о знатной вдовѣ Маріи, которая: „во святомъ вдовствѣ превозсіяюща, яко на преподобноиъ тѣлѣ ея возсати ей вериги тажкіе“ (IX, пр. 31). Подобныя подвиги и обѣты исполнила и боярыня Морозова. Татищевъ свидѣтельствуетъ, что дворъ царицы Прасковьи Феодоровны отъ набожности былъ осматривалъ на уродоу, юродовъ, *занжей* и *шалуновъ*: между многими такими былъ знатенъ Тимофей Архиповичъ, сумасбродный подъячій, котораго за святаго и пророка суетвѣрцы почитали.. Онъ меня не любилъ, прибавляетъ Татищевъ, за то, что я не былъ суетвѣрешъ и руки его не цѣловалъ. (Исторія Росс. I, 46). Стало бытъ, цѣлованіе руки принадлежало къ обыкновеннымъ знакамъ чествованія такихъ юродивыхъ.

былъ подь начало рязанскому архіепископу Иларіону, терпѣлъ тамъ муки и наконецъ бѣжалъ въ Москву. Объ этомъ побѣгѣ, облекая его, разумѣется, въ форму чуда, онъ разсказывалъ Аввакуму: былъ я на Рязани подь началомъ у архіепископа на дворѣ и зѣю онъ, Иларіонъ, мучилъ меня: рѣдкой день, коль плетыми не бьетъ, и скована въ желѣзахъ держалъ, принуждая къ новому антихристову таинству. И я уже изнемогъ. Въ нощи молился, плачу, говорю: Господи! аще не избавишь мя, осквернятъ меня и погибну; что тогда мнѣ сотворишь!... И вдругъ, батюшко, желѣза всѣ грянули съ меня и дверь, и отперлась, и отворилась сама. Я, Богу поклонясь, да и пошелъ. Къ воротамъ пришелъ, и ворота отворены. Я по большой дорогѣ къ Москвѣ напрямикъ.... Къ тебѣ спросится прибѣлъ: „туда ли мнѣ опять мучиться пойти или, платье вздѣвъ, жить на Москвѣ“. Протопопъ велѣлъ ему вздѣть платье и ухоронилъ его на время у себя. Послѣ его сослали на Мезень и тамъ будто бы повѣсили.

Объ отношеніяхъ этого юродиваго къ Морозовой узнаемъ нѣчто изъ письма къ ней Аввакума: „поминаешь ли Θεодора? пишетъ онъ къ ней. Не сердисься ли на него? Поминай Бога дя, не сердитуй! онъ не больно предъ вами виноватъ былъ. Обо всемъ мнѣ предъ смертію покойникъ писалъ: „Стала де ты скупа быть, не стала милостыни творить, и имъ на дорогу ничего не дала“. И съ Москвы отъ твоей изгони стѣхалъ, и кое что сказывалъ. Да уже Богъ васъ простить; нечево старова помянать. Меня не слушала, какъ говорилъ, а послѣ пеняешь мнѣ. Да что на тебя дивить? *У бабы волосы доми, а умъ коронокъ!* прости же меня, а тебя Богъ простить во всемъ“.

Другой юродивый, Кипріянь извѣстенъ былъ даже самому государю, слѣд. могъ бывать даже и въ царскомъ дворцѣ и тѣмъ болѣе, что во дворцѣ, въ числѣ „верховыхъ богомольцевъ“, находились также и юродивые. Кипріянь не разъ и государя молилъ о восстановленіи древняго благочестія; ходилъ по улицамъ и по торжищу, свободнымъ языкомъ обличая новины Никоновы. Подконецъ онъ былъ сосланъ въ Пустозерской острогъ и тамъ казненъ за свое упорство.

Идея юродства не была, конечно, самобытнымъ созданіемъ русской жизни. Она явилась, какъ неизбѣжное послѣдствіе тѣхъ культурныхъ началъ, какіе были принесены къ намъ изъ Византіи и которыя создали и постоянно создавали, произраждали множество соответствующихъ этому явленію жизни. Византіецъ

Кедринъ, объясняя себѣ юродство, говоритъ между прочимъ: „такъ повелѣлъ Богъ и Исая ходить нагу и необувенну: и Іереміа обложить чресленникъ о чреслѣхъ, и иногда возложить на выю клады и узы, и симъ образомъ проповѣдывать; и Осія повелѣлъ пояти жену блуженія и паки возлюбити жену любящую зло и любодѣйцу; и Іезекілю возлежать на десномъ боку четырехдесять и на лѣвомъ сто пядесять дней, и паки прокопаты стѣну и убѣжать и плѣненіе себѣ приписать и иногда мечъ изострить и имъ главу обрить и власы раздѣлить на четыре части. Но да не вся глаголю, смотритель и правитель словесъ повелѣлъ каждому изъ сихъ быть того ради да не повиующіися слову, возбуждятся зрѣлищемъ страннымъ и чуднымъ. Новость бо зрѣлища бываетъ довлѣтельнымъ ученія залогомъ“¹. Юродивый, такимъ образомъ, въ идеѣ своей, всегда носилъ смыслъ пророка, обличителя грѣховной жизни, обличителя всякой ея неправды. Самую выразительную силою его обличеній и былъ его подвигъ, всегда исполненный или крайняго динизма жизни или безграничнаго отверженія ея мирскихъ требованій, вообще подвигъ уродства жизни, что какъ необычайное и чудесное, одно только и могло возбуждать застоявшіеся, неподвижные умы вѣка.

Собирая около себя такое убогое общество, поучаясь его подвигами и словесами, Морозова и свой досугъ употребляла на руководѣльные труды также въ пользу нищихъ и убогихъ. Иногда руки ея „пряслицѣ касались“, садилась она за прялку, готовила нити и тѣми нитяти шила рубахи, и ввечеру, съ одною изъ старицъ, домочадицею Анною Амосовною, одѣвшись сама въ рубище, ходила по улицамъ и по стогнамъ града, по темницамъ и по богадѣльнямъ, и одѣляла рубахами нищихъ; раздавала имъ деньги, овому рубль, а иному 10, а индѣ 50 рублей и иѣшокъ сотной.

Монахъ Симонова монастыря, Трифоній, крѣпкій старовѣръ, происходившій также отъ благороднаго корени, указалъ ей благоговѣйную инокиню Меланію. Она призвала ее и, слышавъ ея словеса, очень возлюбила; избрала ее себѣ матерью, съ иноческимъ смиреніемъ отдалась ей подъ начало, сдѣлалась ея поелунницею, и до самой смерти ни въ чемъ не ослушалась ея заветній. Съ тою Меланіею они также по темницамъ тайно

¹Ирмива: Даяніа церк. и гражд. Часть I, 97.

ходили, пѣшими ногами, носили милостыню; обтекали чудотворныя мѣста, соборы, монастыри и церкви,нося жертвы, какъ достойно.

Все это было въ то время дѣломъ обыкновеннымъ, дѣломъ необходимымъ для благочестиваго и богобоязненнаго житія, все это вполнѣ согласовалось съ общими обычаями, съ общими потребностями нравственной, добродѣтельной жизни и особенно съ идеалами и стремленіями честнаго вдовства. Такъ именно добрая вдова жила въ теченіи всего стараго вѣка нашей исторіи. Но мы замѣтили, что время, въ какое жила Морозова, было особенное время: умы были въ размышленіи, наставлялъ конецъ старому вѣку, наставляло свѣту переставленіе; почва колебалась, нужно было искать спасенія, искать, гдѣ правда жизни. Оставаясь въ средѣ Домостроя, дыша его духомъ, Феодосія Пр. конечно не могла очень сочувствовать разнымъ новинамъ или въ сущности разнымъ обличеніямъ и исправленіямъ застарѣвшихъ и укоренившихся ошибокъ. Авторитетъ преданія былъ такъ великъ въ ея глазахъ, былъ такъ великъ въ глазахъ всѣхъ, кто хотѣлъ строгаго и точнаго исполненія преданныхъ уставовъ, что и одно прикосновеніе къ его буквѣ, даже къ одной четрѣ этой буквы, казалось своевольнымъ высокоуміемъ, опаснымъ вольнодумствомъ, противъ котораго, какъ противъ антихристовой напасти, слѣдовало бороться всѣми силами. Такъ были и воспитаны и настроены тогдашніе убѣжденные, размышляющіе и рассуждающіе умы. Но Морозова въ добавокъ имѣла руководителемъ извѣстнаго юродиваго — фанатика Аввакума и постоянную поддержку въ обществѣ своихъ старицъ, нищихъ и юродивыхъ, особенно матери Меланіи или Маланьи, безсомнѣнія такого же Аввакума, только въ женскомъ образѣ, слѣд. съ чертами болѣе мягкими; да видимо она не отвергалась въ своихъ мысляхъ и на женской половинѣ дворца.

Такимъ образомъ, ей очень трудно было увидать истинный путь къ правдѣ. Она по необходимости явилась защитницей старой лжи и, какъ натура крѣпкая и прямая, провела свою защиту до конца, безъ колебаній. Для женской личности потребовалось мужественное дѣло. Ни на какое другое дѣло эта личность не была приготовлена. Она была воспитана аскетическимъ идеаломъ; она и не задумалась отдаться ему вся. Здѣсь во всей полнотѣ обозначился только положительный выводъ ученій Домостроя, выразилась неумоляемая ихъ послѣдовательность.

Ревнуня за истину, которую въ понятномъ ослѣпленіи видѣть вовсе не могла, Морозова очень горячо принимала тогдашніе вопросы дня, — эти размышленія общества о перестановкѣ на новые старыхъ обычаевъ и привычныхъ порядковъ; и вездѣ, и у себя дома при гостяхъ, и на бесѣдахъ, гдѣ сама бывала, крѣпко отстаивала старину. „На бесѣдахъ Никоніанъ мужеска полу и женска безпрестанно обличая... вездѣ имъ являшеся, яко левъ лисицамъ“, говоритъ Аввакумъ. Прежде всего конечно обсужденіе этихъ вопросовъ открывалось между родственниками. Ѳеодосія Прокопьевна легко убѣдила въ своихъ мысляхъ родную сестру Евдокью, княгиню Урусову, жену царскаго кравчаго кн. Петра Семеновича, которая тоже сдѣлалась духовною дочерью Аввакума. Обѣ сестры жили какъ бы „во двою тѣлесѣхъ едина душа“, и Евдокья точно также отдалась въ повиновеніе и послушаніе матери Меланьи, умоляя ее чтобы попеклась о спасеніи ея души. Соковнины были въ родствѣ съ Ртищевыми; тѣ и другіе происходили изъ Лихвинскихъ городскихъ дворянъ, а въ это время стали близкими собесѣдниками двора. Царскій постельничій, а потомъ околничій Мих. Алекс. Ртищевъ, отецъ знаменитато Ѳед. Мих. Ртищива, приходился молодой вдовѣ дядею. Ртищевы стояли за Никона, покровительствовали кievскимъ ученымъ, т. е. вообще наукѣ. Они ближе были къ царю, который былъ исполненъ стремленій исправить и украсить жизнь по новымъ образцамъ. Соковнины стояли за Аввакума, за старое благочестіе, потому что были ближе къ царицѣ, въ быту которой знали только одни старые уставы и потому крѣпко за нихъ держались.

Мих. Ал. Ртищевъ вмѣстѣ съ дочерью Анною, двоюродною сестрою Морозовой, желая ее поколебать и на свой разумъ привести, много разъ начинали выхвалять Никона и его реформы. Отверзала уста Прокопьевна и говаривала: „поистинѣ, дядюшка, вы прельщены врагомъ, а потому и похваляете *римскія* ереси и ихъ начальника“. Тогда продолжалъ сѣдовласый старецъ: „о чадо Ѳеодосія! что ты это дѣлаешь, за чѣмъ отлучилась отъ насъ. Посмотри, вотъ наши дѣти: обѣ нихъ намъ надо заботиться и, смотря на нихъ, радоваться и ликовать, жить общею любовью. Оставь распрю, не прекословь ты великому государю и всѣмъ властямъ духовнымъ. Знаю, прельстилъ и погубилъ тебя злѣйшій врагъ, протопопъ (Аввакумъ). Не могу безъ ненависти и вспомнить о немъ. Сама ты его знаешь“.

Съ улыбкою сожалѣнія и тихимъ голосомъ отвѣчала Морозова: Нѣтъ, дядюшка, не такъ; не правду вы говорите, горькимъ сладкое называете; отецъ Аввакумъ истинный ученикъ Христовъ, потому что страдаетъ онъ за законъ Владыки своего; а потому, кто хочеть Богу угодить, долженъ послушать его учения⁴. Слова, имѣющіе глубокой историческій смыслъ. Вотъ, стало-быть, гдѣ должно искать главной причины ослѣпленія Морозовой, главнѣйшей причины ослѣпленія и помраченія многихъ, начиная отъ царскаго дворца и до убогихъ крестьянскихъ влѣтей. И какъ это совпадаетъ со всѣми идеалами, какими былъ исполненъ умъ того вѣка, какими было напитано воображеніе людей, сколько нибудь коснувшихся тогдашняго книжнаго ученія. Потому что онъ страдаетъ, потому что его гонять — вотъ мысль, которая и во всякую другую эпоху всегда возбуждаетъ доброе сердце въ сочувствію, а въ нашей старинѣ эта мысль по многимъ историческимъ, культурнымъ, умственнымъ и нравственнымъ, причинамъ всегда и неизмѣнно привлекала къ себѣ общее сочувствіе, которое, не входило въ тонкое разбирательство, за какое дѣло кто страдаетъ; но, видя страданіе, шло за нимъ; относилось съ милосердіемъ ко всякому страдающему. Оттого гонимые, особенно если еще замѣшивалась тутъ какая либо государственная или церковная тайна, всегда пріобрѣтали у насъ необъяснимый успѣхъ. Идеалы же Морозовой, доведенные ея фанатизмомъ до своихъ послѣднихъ выводовъ, должны были даже требовать именно этого послѣдняго акта ея аскетической жизни. Все было готово въ идеѣ: оставалось только воплотить эту идею, это *слово* жизни, въ самое *дѣло*.

Однажды Анна Михайловна Ртицева стала ей говорить: „Охъ сестрица, голубушка, съѣли тебя старицы бѣлевки¹, проглотили твою душу! Какъ птенца, отлучили тебя отъ насъ. Не только насъ ты презираешь, но и о сынѣ своемъ не радишь; одно у тебя чадо, а ты и на того не глядишь. Да еще какое чадо-то! Кто не подивится красотѣ его.... Подобало бы тебѣ и на соннаго-то на него любоваться; да поставить бы надъ красотою его свѣчи отъ чистѣйшаго воска, и не вѣмъ каковую лампаду возжечь, да и зрѣть доброты лица его и веселиться, что такое чадо драгое даровалъ тебѣ Богъ. Видь сколько разъ и

¹ Старицы изъ города Бѣлева, а можетъ быть ~~Бѣлевки~~-бѣлцы, ходившія въ бѣлецовскъ, мірсномъ платьѣ.

самъ государь, и съ царицею удивлялись красотѣ его, а ты его ни во что полагаешь и великому государю не повинешься. Ужь когданибудь за твое прекословіе придетъ на тебя и на домъ твой огнепальная ярость царева, и повелитъ домъ твой разграбити. Тогда и сама многія скорбя подымеши и сына своего сдѣлаешь нищимъ. А все будетъ твоимъ немилосердіемъ.

Морозова отвѣтила: „неправду ты говоришь. Не прельщена я, какъ ты говоришь, отъ бѣлевскихъ старицъ. Но по благодати Спасителя моего чту Бога Отца цѣлымъ умомъ; а Ивана я люблю и молю о немъ Бога беспрестанно и радѣю о полезныхъ ему, душевныхъ и тѣлесныхъ. Если же вы думаете, чтобы мнѣ изъ любви къ Ивану душу свою повредить, или своего жалѣючи, отступить благочестія и этой руки знаменной (перстосложенія), — то сохрани меня Сынъ Божій отъ этого неподобаго милowanія. Не хочу, не хочу, любя своего сына, себя губить, хотя онъ и одинъ у меня: но Христа люблю болѣе сына. Знайте, если вы умышляете сыномъ меня отвлекать отъ Христова пути, то ни какъ этого не сдѣлаете. Вотъ что прямо вамъ скажу! Если хотите, выведете моего сына Ивана на Пожаръ (площадь въ Китай городѣ, гдѣ казнили) и отдайте его на разтерзаніе псамъ, устрашая меня, чтобы отступила отъ вѣры... но не подумаю отступить благочестія, хотя бы и вадѣла красоту, псами разтерзанную. Я знаю одно: если до конца во Христовой вѣрѣ пребуду и сподоблюсь вкусить за это смерти, то никто не можетъ отнять у меня моего сына“.

Слышавши это, Ртищева ужаснулась, какъ грома, этихъ страшныхъ словъ и много дивилась такому *крѣпкому мужеству и непреложному разуму*, замѣчаетъ повѣствователь житія Морозовой.

Безъ всякаго сомнѣнія еще больше укрѣпилось ея мужество и совсѣмъ помрачился разумъ, когда (въ 1662 г.) въ Москвѣ снова явился изъ ссылки Аввакумъ. По его разказу, онъ былъ принятъ радушно. „Видятъ они, что я не соединяюсь съ ними, вотъ и приказалъ государь уговаривать меня Родиону Стрѣшневу, чтобы я молчалъ. И я потѣшилъ его: даръ, то есть, отъ Бога ученикъ и добренекъ до меня. Чайлъ, либо по маленьку справится. А се посулили мнѣ Симеонова дни съѣсть на Печномъ дворѣ, книги править; и я радъ сильно: мнѣ то надобно *лучше и духовнаго* чинства. Пожаловалъ (царь), ко мнѣ при-
10 рублей денегъ, царица 10 рублей денегъ; Лука,

духовникъ (царскій) 10 рублей же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублей же, а *друзище* наше Θεодоръ Ртищевъ (двоюродный братъ Морозовой), тотъ и 60 рублей казначею своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть; а про иныхъ нечего и сказывать! Всякъ тащить да несесть всячиною. У свѣта моей Θεодосіи Прокофьевны Морозовы *не выходил, жилъ во дворѣ*, понеже дочь мнѣ духовная; и сестра ея княгиня Евдокія Прокофьевна дочь же моя. Свѣты мои мученицы Христовы! А у Анны Петровны Милославскіи ¹, покойницы, всегда же въ дому былъ, и къ Θεодору Ртищеву браниться съ отступниками (кіевскими учеными) ходилъ, да такъ-то съ полгода жилъ“.

Если въ самомъ дѣлѣ таковы были отношенія многихъ знатныхъ москвичей къ Аввакуму, хотя, видимо, онъ много и прибавляетъ, то какимъ же образомъ Морозова могла отстать отъ своего духовнаго отца. Равнодушной она не была къ вопросамъ Вѣры, а прямое и непосредственное вліяніе на нее имѣлъ лишь одинъ Аввакумъ съ своими единомышленниками.

Естественно, что она все больше и больше укрѣплялась въ истинѣ своихъ размышленій и мнѣній и горячо ихъ защищала по бесѣдамъ, бессомнѣнія наученіемъ и словами самого Аввакума или матери Меланьи, обратила наконецъ на свои подвиги вниманіе царя. Была къ ней присылка по повелѣнію цареву, приходили испытывать ее Іоакимъ, чудовской архимандритъ и Петръ, соборный ключарь. Узнавъ ея крѣпкое мужество и непреложный разумъ, и готовность даже умереть за правду, государь повелѣлъ отписать у ней на свое имя половину вотчинъ. Но опала продолжалась, вѣроятно, не долго. Во дворцѣ у ней была сильная рука. 1 Октября 1666 года государь возвратилъ ей отписанныя вотчины „для прошенія государыни царицы Марьи Ильичны и для всемирныя радости рожденія царевича Ивана Алексѣевича“ ². Получивъ, послѣ такого искушенія, малую слабость, Морозова еще дѣятельнѣе предалась своимъ подвигамъ, „раздавала многую милостыню, многое имѣніе расточила немущимъ, многихъ съ правезу (за долги и другія высканія) выкупала, монастырямъ довольная подавая, пустыни-

¹ Вѣроятно это Анна Ильична Милославская, родная сестра царицы Марьи Ильичны и вдова боярина Бориса Из. Морозова. Она умерла 26 Сентября 1667 г.

² Тайнаго приказа записка о всякихъ дѣлахъ 175 г.

никовъ многихъ потребными удовлетворяя, прокаженныхъ въ дому своемъ упокоивая.... Чѣмъ больше тѣнили эту душу, тѣмъ глубже она уходила въ свои завѣтныя стремленія.

Федосья Прокопьевна начала мыслію „на большее прости- раться, т. е. болѣе и болѣе приближаться къ цѣли своего идеала, желая ангельскаго образа.... Она надѣла власяницу.... „подъ одѣяніемъ носаше на срачицѣ, устроена отъ скота власовъ бѣлыхъ, кратко рукава“ — и очень печалилась о томъ, когда этотъ ея подвигъ случайно былъ замѣченъ ея снохою, женою Бориса Морозова, Анною Ильичною Милославскою, родною сестрою царицы. Аввакумъ разсудилъ тогда ея печаль, что „не хотѣніемъ сотворилось, Богъ проститъ“.

Во дворцѣ, конечно, все знали, что дѣлается у Морозовой; хорошо знали образъ ея мыслей и всѣ ея рѣчи и подвиги; но въ первое время, когда еще тянулось дѣло Никона, она могла оставаться въ покоѣ, ибо, какъ видно, и для самого царя не- совсѣмъ еще было ясно, въ чемъ именно заключался настоя- щій смыслъ всей этой смуты умовъ. Морозова, наконецъ, при- ступила къ матери Меланьи, лобызая ея руки и поклоняясь на землю, и умоляя, чтобы облекла ее во иноческій чинъ. Разу- мная мать отказывала по многимъ причинамъ. Невозможно это- го въ дому утаить и если узнаютъ у царя, многимъ людямъ многія будутъ скорби по случаю розысковъ и допросовъ, кто постригъ. Если и въ дому можно утаиться, то приспѣетъ время сына бракомъ сочетать, тогда необходимо будетъ много забо- титься, хлопотать, уряжать свадебные чины, а инокамъ это дѣ- лать не въ лѣпоту. Наконецъ должно будетъ уже стать до кон- ца *мужески* и, откинувъ и малое это лицемѣріе и приличіе, совсѣмъ уже не ходить въ церковь. Морозова не оставляла своего намѣренія — „зѣло желаше насытною любовію иноче- скаго образа и житія“. Когда Аввакумовцы увидѣли, какъ твердо и неизмѣнно стоитъ въ своемъ желаніи ихъ вѣрная послушница, то рѣшились исполнить ея просьбу. Она была пострижена старовѣромъ, бывшимъ Тихвинскимъ игуменомъ Досифеемъ, наречена Теодорою и отдана въ послушаніе той же матери Меланьи. Стало быть совершился только торжествен- ный обрядъ того, что уже существовало на самомъ дѣлѣ... Формальное постриженіе только дальше подвинуло это дѣло. Прокопьевна, зря на себѣ иноческій чинъ, начала вдаваться большимъ подвигамъ, посту и молитвѣ и молчанію, а отъ до-

новныхъ дѣлъ ото всѣхъ начала уклоняться, сказывая себя больною, и всѣ судныя дѣла въ домѣ приказала вѣдать своимъ вѣрнымъ людямъ. По всему вѣроятію это событіе случилось въ то время, какъ умерла царица Марья Ильична (1669 г. мартъ), а съ ея смертію потеряла свой вѣсъ и значеніе и партія Милославскихъ съ ихъ родичами, вообще сочувствовавшая старовѣрству. 1 Сентября 1668 г. Морозова еще являлась во дворецъ на праздничный званый обѣдъ. Царица очень любила Морозову и очень была къ ней милостива да вѣроятно не совсѣмъ чуждалась и ея мыслей, — тѣмъ чувствительнѣе была эта потеря для Морозовой. Весьма понятно, что послѣ того дворецъ ей опостылѣлъ, ибо не осталось уже тамъ корней для поддержки стараго „благочестія“, а напротивъ съ каждымъ днемъ входило туда новое „благочестіе“. Въ Генварѣ 1671 года царь вступилъ во второй бракъ съ Натальею Кириловною Нарышкиныхъ.

Морозовой, по старшинству ея дворскаго положенія, слѣдовало въ свадебномъ чинѣ стоять во главѣ другихъ боярынь и титу царскую говорить. Она отказалась отъ этой чести, отговариваясь, что „ногами зѣло прискорбна, не могу ни ходити, ни стоять“. Царь повѣлъ причину ея отказа и прогнѣвался, отозвавшись: „Знаю, она загордилася!“ Морозова тоже очень хорошо знала, что царь это дѣло просто не покинетъ. Но она шла все дальше и дальше къ своимъ задушевнымъ идеаламъ и такъ далеко отошла отъ прежняго своего міра, что онъ сталъ ей казаться нечистымъ. Она не хотѣла идти во дворецъ за тѣмъ, что въ царскомъ титу приходилось ей наименовать государя благовѣрнымъ и руку его цѣловать, да нельзя было избыть и благословеній архіерейскихъ.... Она рѣшилась лучше страдать, чѣмъ съ ними сообщаться. Царь до времени оставилъ ее въ покоѣ и только осенью въ томъ же году послалъ къ ней договорить боярина Троекурова, котораго одинъ иноземецъ характеризуетъ такъ: „при дворѣ онъ играетъ пустую ролю и назначенъ болѣе для увеселенія царя, чѣмъ для совѣщаній въ государственныхъ дѣлахъ“. Вѣроятно, это былъ человѣкъ недалекій, но набожный. Въ бояре онъ пожалованъ въ 1673 г. Такимъ образомъ значеніе посла соотвѣтствовало самому предмету посольства. Спустя мѣсяць къ ней явился другой посолъ, болѣе ей близкій, кн. Петръ Урусовъ, царскій крайчій и мужъ ея сестры Евдокии. Этотъ принесъ ей выговоръ, чтобъ покорилась и приняла всѣ новонаданные ихъ законы; если же не

она и получала надобныя свѣдѣнія. Когда было узнано, что время приближается, Феодосья Прокопьевна разсталась съ своими старицами: „Матушки мои, время мое пришло“, — сказала она имъ — идите всѣ вы, можетъ быть Господь васъ гдѣ сохранитъ, а мнѣ благословите на Божіе дѣло и помолитесь обо мнѣ, чтобъ укрѣпилъ меня Господь *страдати* бесомнѣнія о имени Господни“. Тотъ же князь Урусовъ, который приходилъ къ Морозовой съ царскимъ выговоромъ, предупредилъ жену, что на бѣдную ея сестру скорби великія идутъ, государь неукротимымъ гнѣвомъ содержишь и рѣшаетъ на томъ, чтобъ скоро ее изъ дому изгнать. Не высказывая, вѣроятно изъ боязни, своего мнѣнія о царской волѣ, онъ однакожь прибавилъ: „Послушай, что я скажу тебѣ и внимай моимъ словамъ. Христосъ въ Евангеліи глаголетъ: предадутъ бо васъ на сонмы и на соборищахъ къ бьютъ васъ; предъ владыки же и цари ведены будете, мени ради, во свидѣтельство имъ. Глаголю же вамъ, другомъ своимъ, не убойтесь отъ убивающихъ тѣло и потомъ не могущихъ больше что сотворити. Слышишь, княгиня, самъ Христосъ глаголетъ! А ты внимай и памятуй“. Княгиня радовалась такимъ словамъ мужа¹ и на утро, когда онъ поѣхалъ во дворецъ, отпросилась у него опять къ сестрѣ. „Иди, да не оставайся тамъ долго, отвѣтилъ мужъ, я думаю, что сегодня же присылка къ

¹ Съ какою цѣлью говорилъ такъ князь Урусовъ, т. е. возбуждалъ ненависть женою, неизвестно. Но все можно думать. Можно думать, что онъ самъ тайно придерживался древняго благочестія, и не обнаруживалъ своихъ мыслей съ цѣлью сохранить за собою весьма вліятельное при дворѣ мѣсто трапчача, которое онъ и сохранялъ до самой смерти царя Алексѣя, а при Федорѣ былъ пожалованъ даже въ бояре. Но, въ такомъ случаѣ, за что же онъ подводилъ свою бѣдную жену подъ явную опалу. Собесѣдникъ царской Думы, онъ всегда могъ спасти жену, выгородить даже въ опасныхъ обстоятельствахъ, не говори уже о томъ, что она и не вышла бы изъ его воли, изъ его благоразумныхъ совѣтовъ. Они имѣли уже дѣтей. Мы увидимъ, что онъ несколько и не заботился выручить жену изъ бѣды. Все это заставляетъ полагать, что или слова Урусова сочинены писателемъ житія, или Урусовъ дѣйствовалъ такъ съ тайнымъ намѣреніемъ избавиться приличнымъ образомъ отъ нелюбимой жены, что въ боярскомъ быту иногда бывало. Азавуи въ своей автобіографіи говорятъ между прочимъ: а боярину ту Феодосью Морозову и совѣсьи разорали, и сына у нея уморили и ее мучать; и сестру ея Евдокію, бывше бабогана, и отъ дѣтей отлучили и съ мужемъ развели; и его князя Петра Урусова на другой женили, да что вѣдь дѣлать? мучай ихъ шиленькихъ мучать, небеснаго жениха достигнуть...”

ней будетъ“. Книгиня однакожь осталась у сестры до ночи. Онѣ вмѣстѣ ожидали „гостей“.

Во второй часъ ночи (т. е. по закатѣ солнца) отворились большія ворота на дворѣ Морозовой. Ужаснулась Федосья Прокопьевна, понявши, что идутъ ея мучители. Отъ страху ослабли ея ноги и она приклонилась на лавку. Книгиня подкрѣпила ее: „матушка, сестрица, держай. Съ нами Христось! не бойся, встань, положимъ начало“. Совершили онѣ семь поклоновъ приходныхъ, одна у другой благословились свидѣтельствовать „истину“. Морозова въ постельной своей комнатѣ легла на свой пуховикъ, близъ иконы Богородицы Федоровской. Книгиня ушла въ чуланъ, родъ алькова, устроенный въ той же спальнѣ для наставницы Меланіи, и тамъ легла на постель. Сестры видимо хотѣли показать, что онѣ собрались уже опочивать. Въ постельную съ великою будто бы гордостію, дерзко, вошелъ чудовскій архимандритъ Іоакимъ въ сопровожденіи думнаго дьяка Даріона Иванова и, увидѣвъ возлежащую Морозову, объявилъ ей, что посланъ отъ царя спросить ее; чтобъ встала и стоя или и сяди, если не можеть, дала бы отвѣтъ противу царскихъ повелѣнныхъ словъ. Морозова не встала. „Како крестившия и какъ молитву творишь? спросилъ ее архимандритъ. Морозова, сложа по своему персты, перекрестилась и произнесла молитву! „Тако я крещусь, такъ же и молюсь“. Второе: „старика Меланія, а ты ей въ дому своемъ имя нарекла: Александра, гдѣ она теперъ, сказывай скорѣе?“ Морозова отвѣчала: „по милости Божіей и молитвами родителей нашихъ, по силѣ нашей, въ убогомъ нашемъ дому ворота были отворены для странныхъ рабовъ Христовыхъ. Когда было время, были и Сидоры и Карпы и Меланія и Александры. Теперъ же никого нѣтъ изъ нихъ“. Думный дьякъ ступилъ въ чуланъ, но въ чуланѣ не было свѣта; разглядѣвъ тамъ человѣка, лежащаго на постели, онъ спросилъ: „Кто ты?“ „Я князь Петра жена, Урусова, отвѣчала сестра Морозовой. Дьякъ, вовсе не ожидая найти здѣсь такую знатную особу, испугался своей дерзости и тотчасъ выскочилъ изъ чулана. Удивленный архимандритъ воскликнулъ: „книгиня Евдокія Прокопьевна, князь Петра Урусова! Спроси ее, како крестится“. Дьякъ отказывался, объясняя, что они посланы только къ боярынь Федосьѣ Прокопьевнѣ. „Слушай меня, возразилъ архимандритъ, я тебѣ повелѣваю, спроси ее“. Дьякъ повинновался и далъ вопросъ. Лежа на постелѣ, облокотившись

на лѣвую руку, княгиня сложила персты: великій палецъ со двумя малыми, указательный же съ велико-среднимъ, противуши ихъ и показывая дьяку, произнесла молитву: „Такъ я вѣрую, сказала. — Неожиданная встрѣча княгини Урусовой и ея заявленіе своего старовѣрства заставили архимандрита тотчасъ же донести объ этомъ царю. Оставивъ у сестеръ дьяка, онъ поспѣшилъ во дворецъ. Царь сидѣлъ посреди бояръ въ Грановитой Палатѣ. Приблизился къ государю архимандритъ и пошепталъ ему на ухо, что не токмо боярыня стоитъ мужески, но и сестра ея княгиня Евдокія, обрѣтенная у нея въ дому, также ревнуетъ своей сестрѣ, и твоему повелѣнію сопротивляются крѣпко. Государь замѣтилъ, что княгиня „смиреньъ обычай имѣетъ и не гнушается нашей службы, а вотъ люта эта сумазбродна!“ Архимандритъ отвѣтилъ, что и княгиня не только уподобляется во всемъ сестрѣ своей старѣйшей, но и злѣе ея ругается надъ нами. „Если такъ, то возми и ту“, сказалъ государь. Князь Петръ тутъ же стоялъ и слышавъ царскія слова, будто бы опечалился, но помочь дѣлу не могъ. Архимандритъ возвратился въ домъ Морозовой, и приступилъ къ испытанію ея рабынь.

Сопровождавшій архимандрита черныи дьяконъ Іоасафъ указалъ особенно на двухъ, Ксецію Иванову и Анну Соболеву. Когда объ *укрѣпились* (въ перстосложеніи), ихъ поставили на (правую) сторону особо; прочіе всѣ убоялись и не пошли на сторону укрѣпившихся, остались ошуюю. Тогда архимандритъ обратился къ боярынямъ съ слѣдующею рѣчью: „Понеже неумѣла ты жить въ покореніи, но въ прекословіи своемъ утвердилась, а потому царское повелѣніе постигаетъ тебя, и изъ дому твоего ты изгоняешься. Полно тебѣ жить на высотѣ, сниди долу, встань и иди отсюда“. Морозова не трогалась, видимо она выдерживала роль, что больна ногами, ни стоять, ни ходить не можетъ. Ее посадили въ кресла и понесли изъ комнатъ. Сынъ Иванъ Глѣбовичъ провожалъ свою мать до средняго крыльца и поклонился ей въ слѣдъ. Она не видала его. Наложили на обонхъ сестеръ желѣза конскія и посадили ихъ въ людскія хоромы, въ подклѣтѣ, приказавъ людямъ беречь ихъ подъ стражею.

Черезъ два дня снова явился къ нимъ думный дьякъ Ларионъ Ивановъ, снялъ съ ногъ желѣза и велѣлъ идти, куда поведутъ. Морозова не захотѣла идти (пѣшкомъ); дьякъ велѣлъ нести ее. Слуги принесли сукна (носила), посадили и понесли

въ Чудовъ монастырь. Княгиня Евдокія была ведена за нею пѣшкой. Войдя въ одну изъ палатъ вселенскихъ (соборныхъ) и по обычаю образу Божию поклонившись, Морозова, сидѣвшимъ тамъ властямъ „сотворила мало и худо поклоненіе“. Въ палатѣ предсѣдалъ Павелъ, митрополитъ Крутицкій, знакомый уже намъ Іоакимъ архим. Чудовскій, думный дьякъ и иные. Она не захотѣла говорить предъ ними, стоя; сѣла на мѣсто и не вставала, не смотря на ихъ неоднократное требованіе. Митрополитъ началъ ее увѣщевать тихо и кротко, вспоминая честь ея и породу. „Все это натворили тебѣ, сказалъ онъ, старымъ и старымъ, тебя прельстившіе, съ которыми ты водилась и слушала ихъ ученія и довели тебя до этого поношенія, что приведена твоя честность на судище“. И красоту сына ея вспоминалъ, чтобъ пожалѣла его и своимъ прекословіемъ не причиняла бы раззореніе его дому. Противъ всѣхъ словъ она давала отвѣты: что истинному пути и благочестію навывла не отъ старцовъ и старицъ, а отъ истинныхъ рабовъ Божіихъ. „О сынъ же перестаньте мнѣ много говорить. Обѣщалась Христу, моему свѣту, и нехочу обѣщанія измѣнить да послѣдняго вздоха; ибо Христу живу, а не сыну“. Видя непреклонное ея мужество, и бесполезность кроткихъ увѣщаній, власти рѣшились ее пострадать. „Коротко тебя спрашиваемъ, сказали они ей: по тѣмъ служебникамъ, по которымъ государь царь причащается и благовѣрная царица и царевичи и царевны, ты причащались?“ „Нѣтъ не причащусь, потому что знаю, что царь по развращеннымъ Никонова изданія служебникамъ причащается“. — „Какъ же ты объ насъ обо всѣхъ думаешь, стало быть мы всѣ еретики?“ — „Ясно, что вы всѣ подобны Никону, врагу Божию, который своими ересями, какъ блевотиною наблевалъ, а вы теперь то скверненіе его подлизываете“.

Въ отвѣтъ ей сказали, что послѣ того она не Прокопьева дочь, а бѣсова дочь. Морозова защищалась, говоря, что проклинаетъ бѣса, что по благодати Господа, она, если и не достойна, всетаки, дочь Христа. Преніе продолжалось отъ 2 часа ночи и до десятаго, (считая отъ солнечнаго заката). Княгиня Урусова точно также „во всемъ мужество показала“. Ихъ тѣмъ же порядкомъ возвратили домой подъ стражу въ тотъ же людской подлѣтъ. Морозову опять несли на носилахъ. „Если насъ разлучатъ и заточатъ, сказала она княгинѣ, предугадывая ходъ дѣла, молю тебя, поминай меня убогую въ своихъ молитвахъ“.

Утромъ на другой день пришелъ думный дьякъ, принесъ цѣпи со стулами, и снявши съ ногъ желѣза, сталъ возлагать на шею имъ эти цѣпи. Морозова перекрестилась, подѣловала *огорле* цѣпи и сказала: „Слава тебѣ Господи, яко сподобилъ мя еси Павловы узы возложить на себя“. Дьякъ повелѣлъ посадить ее на дровни и везти конюху. Ее повезли черезъ Кремль.

Когда ее везли Кремлемъ, мимо Чудова монастыря, подъ царскіе переходы, она, полагая, что на переходахъ смотритъ царь на ея повязь, часто крестилась двуперстнымъ знаменіемъ, высоко поднимая руку и звеня цѣпью; показывая царю, что не только не стыдится своего поруганія, но и услаждается любовью Христовою и радуется своимъ узамъ.

Ее посадили на подворье Печерскаго монастыря подъ крѣпкой караулъ стрѣльцовъ.

Княгиню Евдокью, подобнымъ же образомъ обложивъ желѣзными „юзами“, отвели въ Алексѣевскій монастырь и отдали подъ крѣпкое начало съ повелѣніемъ водить ее въ церковь. Но она, противясь этому повелѣнію, такое *мужество* показала, что дивился весь царствующій градъ ея храбрости и тому, какъ доблестно сопротивлялась она волѣ мучительской. Доблестные подвиги ея заключались въ томъ, что она всѣми силами сопротивлялась, когда нужно было идти въ церковь. Приказано было волочить ее на рогожныхъ носилкахъ. Она и тутъ притворялась разслабленною, не могущею ни рукою, ни ногою двинуть и сама на носилки не ложилась. Старицы Алексѣевскаго монастыря, выводимыя изъ терпѣнія ея притворствомъ, даже дерзостно заушали ее, говоря; „горе намъ! что намъ дѣлать съ тобою; сами мы видимъ, что ты здорова и весело бесѣдуешь съ своимъ, а какъ мы придемъ звать тебя на молитву, ты внезапно, какъ мертвая, станешь; и должны мы трудиться, переворачивать тебя, какъ мертвое тѣло“, — „О старицы бѣдныя, давала имъ отвѣтъ княгиня, зачѣмъ напрасно трудитесь; развѣ я васъ заставляю; вы сами безумствуете, все шатаетесь. Я и сама плачу о васъ, погибающихъ. Какъ я пойду въ вашъ соборъ, когда тамъ у васъ поютъ не хваля Бога, но хули, и законы его попирая...“

Скрывшіяся старицы Морозовой, конечно, очень горевали обо всемъ, что случилось и плакали объ ней, какъ младенцы, разлученные съ матерью. Но скоро, съ небольшимъ черезъ недѣлю, онѣ нашли случай повидаться съ нею на заднемъ крыльцѣ по-

дворя, въ утаенномъ мѣстѣ, „еще ходити ту челоѡкомъ на облегченіе чреву“.

Сюда то пришла одна изъ старицъ, Елена. „Возлюбленная! сказала ей Морозова; ничто меня не опечалило такъ въ эти дни, какъ разлука съ вами. Ни отгнаніе изъ дому, ни царскій гнѣвъ, ни властелинское цстязаніе, ни юзы, ни стража, — все это мнѣ любезно о Христѣ. Но очень мнѣ прискорбно, что уже больше недѣли, незнаю-невѣдаю, гдѣ вы. Ради-Бога не покиньте меня, не уѣжайте изъ Москвы, останьтесь здѣсь. Небойтесь: Уповаю на Христа, покроетъ васъ. О родныхъ такъ не болѣваю, какъ о васъ. Все я могу перетерпѣть, только одной разлуки съ вами не могу перенести“.

Морозова чувствовала, что ей для укрѣпленія необходима была почва; а крѣпкою почвою для ея подвига были тѣже старицы, къ которымъ она такъ привыкла, и которые, оставаясь въ Москвѣ, могли во многомъ ей помочь. Нашли же они средство побесѣдовать съ ней.

Одна изъ нихъ Марья, дворянскаго роду Даниловыхъ ¹, еще во время первыхъ дѣйствій царскаго гнѣва, умыслила было бѣжать, но была поймана въ *Подонской странѣ* (на Дону), привезена обратно въ Москву, подверглась тому же испытанію и также крѣпко поревновала, похваляя предъ всѣми древнее благочестіе и отвергаясь принять новины. Ее посадили, окопавши, предъ стрѣлецкимъ приказомъ ².

Быть можетъ этотъ самый случай заставлялъ Морозову совѣтовать своимъ духовнымъ сестрамъ оставаться лучше въ Москвѣ, гдѣ гораздо легче было имъ скрываться отъ властей.

Между тѣмъ къ заключенной часто ѣздилъ для увѣщанія Іларіонъ митрополитъ рязанскій. Но бесполезны были всякія увѣщанія. Видя себя „желѣзы тяжкими обложено и неудобствомъ стула томиму“, она радовалась и объ одномъ только скорбѣла, о чемъ и писала къ наставницѣ своей матери Меланіи. „Увы мнѣ, мати моя! говорила она въ письмѣ. Неисполняю я дѣла мно-

¹ Марья Герасимовна жена Акинѣя Ивановича Данилова, стрѣлецкаго полковника.

² Марія же тамо сѣдючи и *буду* принимаше болѣе обою сестеръ; безстудніи воня пакости творяху ей невѣжествомъ; приходяху же къ ней и попы никоніанскіе, которые много ее смущали, укоряли раскольницею, принуждали креститься 3 персты, даже будто бы ломали ея персты, складывающе щепоть ..

ческаго! Какъ я могу теперь поклоны земныя власть! Охъ люто мнѣ грѣшницѣ! День смертный приближается, а я, унылая, въ лѣнноти пребываю! И ты, радость моя, вмѣсто поклоновъ земныхъ благослови мнѣ Павловы узы Христа ради поносити; да еще, если изволишь, благослови мнѣ масла коровья и молока и сыра и яицъ воздержаться, да не праздно мое иночество будетъ и день смертный да не похититъ меня не готову. Одно только постное масло повели мнѣ ѣсть“. Мать Меланія въ отвѣтъ подавала ей благословеніе на *страданіе*, и говорила: „стави доблестно, Господь да благословитъ тебя юзы, Его ради, носити; и поиди, какъ свѣча, отъ насъ къ Богу на жертву. О брашнахъ же, — все кушай, что прилучится“. Понятно, почему не могли дѣйствовать на страдальцу никакія увѣщанія. Она была отдѣлена отъ своихъ, была въ заточеніи, но на самомъ дѣлѣ она не разлучалась съ своею средою, она могла даже переписываться съ Меланіею. Ниже увидимъ, что не одни старицы поддерживали и разжигали своею помощію ея фанатизмъ. Хорошо понимали это и власти и всетаки вовремя не могли найдти прямую виновницу ея несчастія, эту Меланію. Такъ еще была сильна въ обществѣ приверженность къ древнему благочестію, которая одна только и могла такъ заботливо оберегать наиболѣе замѣтныхъ его представителей и проповѣдниковъ.

Само собою разумѣется, что много помогали Морозовой и ея братья. Къ нимъ-то и обратился царь, желая хорошо разузнать всѣ подробности дѣла и отыскать мать Меланію. Ѳедоръ Прокопьевичъ, лишившись со смертію царицы Маріи Ильичны важной должности ея дворецкаго, оставался еще думнымъ дворяниномъ и былъ въ повѣзанахъ на свадьбѣ царя съ Нарышкиною, въ 1671 г. — „Ты всѣ тайны своей сестры знаешь, скажи мнѣ, гдѣ Меланія?“ спросилъ его государь. Но пособникъ своей сестрѣ не далъ надобнаго отвѣта. Оба брата были удалены изъ Москвы, Ѳедоръ въ степь, въ Чугуевъ; Алексѣй на Рыбное, якобы на воеводство, а въ самомъ дѣлѣ, въ заточеніе, повѣствуетъ сказатель Ѳедосьяна житія. Ѳедоръ на своей волости столько обогатился, что и своихъ рублей тысячу прожилъ.

Сына Морозовой, отрока Глѣба Ивановича, государь берегъ, ибо въ это время онъ оставался единственнымъ представителемъ знатнаго и очень любимаго царемъ рода Морозовыхъ. Но отрокъ, разлученный съ матерью, отъ многой печали, заболѣлъ. Царь прислалъ къ нему лѣварей; а они такъ его увѣчиша,

сказываетъ составитель житія, что въ малыхъ дняхъ и гробу предаша. Сказать о смерти сына былъ посланъ къ несчастной матери священникъ „попъ никоніанскій“, который, желая по-дѣйствовать на заключенную страхомъ, отнесъ это событіе къ Божію наказанію за ея отвращеніе отъ истиннаго пути, и сказалъ ей текстъ 108 псалма: „еже положитеся дому ея пусты и живущаго не имѣти“. Премудрая разумница не внимала *и*зъ буести. Услыхавъ о смерти сына, пала на землю предъ образомъ, плача и рыдая, умиленнымъ гласомъ вѣщала: „увы мнѣ, чадо мое! погубили тебя отступники!“ И долго голосила надгробныя пѣсни, такъ что слышавшіе сами рыдали отъ жалости. „Помнишь ли, какъ бывало! писалъ къ ней впоследствии Аввакумъ, — уже некого чотками стегать и не на кого поглядѣть, какъ на лошадекъ поѣдетъ, и по головкѣ некого поглядить! Миленькой мой государь! Въ послѣднее увидѣлся съ нимъ, егда причастилъ его!“

Со смертію молодого Морозова дѣйствительно домъ ихъ запустѣлъ до конца. Имѣніе, вотчины, стада коней, было роздано боярамъ; а вещи, золотыя, серебряныя, жемчужныя и отъ дорогихъ камней были распроданы. Такъ говоритъ сказатель житія. Онъ же повѣствуетъ, что при этомъ въ одной палатѣ множество золота нашли, „заздано въ стѣнѣ“, — кладъ, спрятанный вѣроятно еще предками Морозовыхъ, что было въ обычаѣ въ старое, тревожное и опасное время. Крестьянинъ зарывалъ свои сокровища въ землю, бояринъ замуровывалъ ихъ въ каменныхъ стѣнахъ своего дома.

Однакожъ не все изъ имѣнія подверглось опальному расточенію. Одинъ вѣрный рабъ Морозовой, Иванъ, по ея повеленію, припряталъ нѣкія дорогія вещи у вѣрнаго человѣка, но былъ преданъ своею женою, былъ пытанъ и мученъ, огнемъ жженъ шесть разъ; но все перетерпѣлъ и наконецъ былъ соженъ въ Боровскѣ съ другими ревнителями древняго благочестія.

Послѣ того царь, какъ бы сжалился надъ заключенною и повелѣлъ отдать ей двухъ рабынь, чтобы послужили ей въ заключеніи, Анну Аммосову, а другую Стефаниду, прозываемую Гнѣва, которыя съ великою радостію пошли служить боярынь, потому что были ея единомышленницы. Княгиня, сестра Морозовой, не получила подобнаго облегченія въ своей участи; но за то Богъ послалъ ей честнѣйшую отъ рабынь, боярскую дочь Акулину, которая сама наложила на себя этотъ подвижъ,

пожелавъ служить ей, приходя и отходя, а впоследствии постриглась и наречена Анисія. Она тоже находилась подъ началомъ матери Меланіи и твердо укрѣплялась въ своихъ мысляхъ писаніями Аввакума, который умѣлъ цѣнить въ ней боярское происхожденіе, какъ важную авторитетную общественную опору, для большаго утвержденія и распространенія своихъ ученій.

Несчастныя ревнительницы древняго благочестія изъ такой знатной и высокой среды, конечно обращали на себя общее вниманіе. Особенно важно и дорого было ихъ ревнованіе для ихъ единомышленниковъ, которые находили въ ихъ подвигъ сильную точку опоры, сильный и яркій примѣръ при распространеніи своихъ заблужденій въ народъ, и потому естественно должны были всѣми средствами помогать ихъ подвигу, бодрствовать надъ ними со всѣхъ сторонъ. Видимо, что посредствомъ старицъ и служанокъ, несчастныя жертвы, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ этимъ темнымъ міромъ и получали отсюда непрестанныя „укрѣпленія“, стоять и страдать за правду, за *старое преданіе отеческое*, до конца. Этими-то путями Морозова успѣла въ своемъ заточеніи причаститься отъ странствующаго попа—инока Іова Льговскаго.

Этотъ Іовъ происхожденіемъ былъ изъ Литвы, отъ родителей шляхетскихъ рожденъ. Въ 1611 г., когда Филаретъ Нивитичъ, отецъ царя Михаила, тогда митрополитъ ростовскій, находился въ польскомъ плѣну, Іовъ, еще юноша, былъ имъ пріобрѣтенъ, жилъ потомъ при его кельѣ, облеченъ въ иноческій образъ и посвященъ во іерея, во время уже патриаршества Филарета. Потомъ онъ былъ отпущенъ на собственное жительство: гдѣ похочетъ, да соберетъ себѣ духовная чада и научить иноческой философіи. Съ тѣхъ поръ Іовъ сдѣлался скитальцемъ, основывая по временамъ монастыри, и въ томъ числѣ Льговъ (1669 г.)... Преходя, крясь по мѣстамъ, во время гоненій на старовѣрство, онъ поджонецъ удался къ Дону и при рѣкѣ Чирѣ основалъ новый монастырь, поставленіе котораго запечатлѣлъ своею смертію, проживъ больше ста лѣтъ¹. Этотъ-то скиталецъ, находясь тогда въ Москвѣ, и былъ проведенъ къ Морозовой.

Очень милостивъ былъ къ ней, караулившій ее стрѣлцкій голова. Она умолила его пустить къ ней старца, сказавшій,

¹ Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій въ пользу раскола. I, 269.

такъ: „былъ въ дому моемъ, въ одномъ изъ нашихъ селъ, нѣкій священникъ; была милость наша къ нему. Теперь, я слышала, онъ здѣсь; жаль мнѣ его, старика, позволю повидаться съ нимъ, если будетъ твоя милость къ нашему убожеству“. И вотъ пришелъ старецъ, бѣлецкимъ образомъ, т. е. переодѣвшись, подать ей безцѣнный бисеръ. Ювъ такъ былъ умиленъ ея страданіемъ, что послѣ не могъ безъ слезъ вспоминать объ этомъ.

Тѣми же путями Морозовой представился случай повидаться и съ сестрою. Однажды, когда, разумѣется, предварительно все было улажено, Урусова сказала своей начальницѣ, у которой жила въ кельѣ: „Госпожа! ты знаешь, какъ болитъ сердце матери о дѣтихъ; знаешь и то, что я оставила ихъ Христа ради. Пусти меня въ домъ мой; поцѣлую я ихъ и утѣшу и сама утѣшусь, и еще до вечера возвращусь сюда; никто не будетъ знать объ этомъ, только ты да я.... Теперь полдень, а игуменья въ гостяхъ и старицы разошлись, и людей на монастырѣ мало; а я фатою покрывшись, пройду, и никто не узнаетъ меня“. Сверхъ чаянія начальница отпустила ее. Велѣла ей только оставить образъ Богородицы, какъ бы въ залогъ того, что она воротится. „Знаю, какъ ты любишь образъ Владычицы нашея, оставь мнѣ его здѣсь и иди съ миромъ: Она Помощница возвратитъ тебѣ сюда“. Книжница вышла. На дорогѣ — навади бѣсъ нѣкихъ злыхъ чловѣкъ — ее сочли за бѣглую и хотѣли было взять. Она смѣло защитилась. Потомъ встрѣтилась, (безсомнѣнія, по уговору), съ Еленою, которая вѣроятно все это и устроила, и вмѣстѣ пошли на Печерское подворье. Дворница дала знать Морозовой объ ихъ приходѣ; та выслала рабу свою Анну, вмѣсто которой, въ обмѣнъ, возвратилась къ ней уже сестра-Урусова. На крыльцѣ мимо ногъ караульщика прошла, который подумалъ, что таже Анна идетъ. „И бесѣдоваша любезно мученица со исповѣдницею“. Но позавидовалъ дьяволъ; у караульныхъ стрѣльцовъ сдѣлалась тревога. Они догадывались, что дѣло не ладно. Голова, упрошенный Морозовою, успокоилъ ихъ, и велѣлъ только гостѣмъ ночевать: „я ночью выпущу ее тихонько“, объяснилъ заступникъ. Такимъ образомъ тревога послужила еще къ большей радости сестеръ. Всю ночь онѣ ликовали, бесѣдуячи. Къ свѣту Урусова ушла, а Елена опять проводила ее до монастыря.

Но гораздо важнѣе было то, что страдалицѣ неоставлялъ своими поученіями и ободреніями ихъ духовный отецъ—Аввакумъ. Время отъ времени, изъ своего далекаго заточенія, онъ присылалъ имъ посланія и всегда возвышалъ ихъ подвигъ въ превыспреннихъ изреченіяхъ. Такъ; провѣдавъ, о рассказанныхъ уже нами событіяхъ, онъ шлетъ къ нимъ письмо, въ которомъ спрашиваетъ Θεодосію, жива ли она: „Еще ли ты дышешь, или сожгли, или удавили тебя?“ и за тѣмъ восторгается ихъ подвигомъ, называетъ ихъ супругами нерасторженными, лавстаницами сладкоглаголивыми, маслинами, свѣтильниками предъ Богомъ на земли стояще! подобными Еноху и Иліи: *женскую немощь отложивше и мужескую мудрость воспріявше*, дѣвола побѣдиша, мучителей посрамиша; именуется ихъ свѣтилами великими, солнцемъ и луною Русской земли, двумя зарями, освѣщающими весь міръ на поднебеснѣй, красотою церкви, похвалою мучениковъ, радостью праведныхъ, веселіемъ святителей, вертоградомъ эдемскимъ и тому подобными вычурными и выспренними именами. „Невѣдаю какъ назвать“, восклицаетъ онъ въ заключеніе. „Умъ мой не обыметъ подвига вашего и страданія. Подумаю, да лише руками возмахну. Какъ такъ, государыни, изволили съ тагя высовія степени сступить и въ безчестіе вринутися? Воистину подобно сыну Вожію: отъ небесъ сступилъ, въ нищету нашу облечеса и волею пострадалъ“. Затѣмъ онъ уничтожаетъ себя, дабы еще сильнѣе выставить высоту подвига боярынь; вспоминаетъ о великой чести Морозовыхъ, печалится о смерти ея сына Ивана, утѣшаетъ ее, что такъ Богу надобно, а потомъ, напоминая о Феодорѣ юродивомъ, дѣлаетъ ей приведенное нами выше замѣчаніе о бабьемъ умѣ. „Мучьтесь за Христа хорошенько, не оглядывайся назадъ; спаси Богъ.... не стужите о бездѣлицахъ вѣка сего. И тово полно: побоярыга, надобе попасть въ небесное боярство....“

Въ этомъ же самомъ письмѣ дѣлаетъ особую приписку Θεодосѣ Прокопьевнѣ другой ревнитель стараго благочестія, пустынный обители Соловецкой, Епифаній, который по всему вѣроятію, также былъ ея наставникомъ во время пребыванія своего въ Москвѣ.

„О свѣты мои, новыя исповѣдницы Христовы! восклицаетъ онъ къ нимъ, — потерпимъ мало, да великая воспримемъ.... Свѣтъ моя государыня! люблю я правило ношное и старое пѣніе. А буде обленишься на ношное правило, тотъ день окаянной плоти

и ѣсть не давай: не игрушка душа, что плотскимъ покоемъ ее подавлять. Да переставай ты и медокъ попивать; намъ иногда случается и воды въ честь, да живемъ же. Али ты насъ тѣмъ лучше, что боярыня? Да одинако намъ Богъ распростре небо, еще же луна и солнце всѣмъ сіяють, такожде и вся прозябающая по повелѣнію владычню служатъ, тебѣ не больши и мнѣ не меньши; а честь прелетаетъ. Единъ честенъ тотъ, кто ночью возстаеъ на молитву, да медокъ перестанетъ, въ квасъ примѣшивая, пить.... Мнѣ мнится, облѣнилася ты на ночную молитву, того ради тебѣ такъ говорю съ веселіемъ (т. е. шутя, о медкѣ).... Дніе наши не радости, но плача суть.... и ты, государыня, плачи суетнаго житія своего и грѣховъ своихъ, понеже призывалъ тя Богъ въ домовое строеніе и разсуженіе; но и возвеселися, егда въ нощи, возставъ, совершиши 300 поклоновъ и 700 молитвъ, веселіемъ и радости духовныя и меня грѣшнаго помини тутъ.... Еще же глаголю: аще и вси добродѣтели сотворишь, рды душѣ своей: „ни что же-благо сотворишь, ниже начахъ добро творити“. Нощію возставай: не людемъ приказыи будить, но сама восприни отъ сна безъ лѣности и припади и поклонися сотворшему тя. А въ вечеру мѣру помни сидѣть; поклоны, егда метаніе на колѣну твориши, тогда главу въ прямъ держи; егда же великій (поклонъ) прилучится, тогда главою до земли; а нощію триста метаній на колѣну твори. Егда совершиши сто молитвъ, стоя, тогда: „слава и нынѣ, аллилуія“ и тутъ три поклоны великіе бываютъ....“ Дальше слѣдуютъ наставленія также о поклонахъ ¹.

Такими-то поученіями и Аввакумовскими льстивыми восхвавленіями постоянно ободрялись и укрѣплялись эти бѣдныя женщины. Съ авторитетомъ духовнаго отца и его сподвижниковъ конечно ни что не могло соперничать въ ихъ убѣжденіи.

Общество тогдашней Москвы также не могло оставить этой любопытной исторіи безъ вниманія. Многіе соболѣзновали несчастной судьбѣ сестеръ. Тотъ же Михаилъ Алексѣевичъ Ртищевъ ², уговаривавшій прежде Морозову, пріѣхалъ однажды къ княгинѣ Урусовой и, стоя у ея окна, съ умиленіемъ сказалъ:

¹ Письма напечатаны въ приложеніяхъ къ статьѣ, *Боярыня Морозова*, г. Тихонова; Русскій Вѣстникъ 1865 г. № 9.

² Въ статьѣ г. Тихонова сказано, что это былъ сынъ царя, Михаилъ Алексѣевичъ (стр. 30, 35); но у царя Алексѣя не было сына Михаила. Виограва Морозовой именуется здѣсь Ртищевъ, не обозначая фамиліи.

„удивляетъ меня ваше страданіе; лишь одно смущаетъ меня: не вѣдаю, что за истину ли терпите“. Этими словами вполне обрисовывается колебаніе тогдашнихъ умовъ, которымъ на самомъ дѣлѣ трудно было вынести себѣ настоящій смыслъ дѣла. Особенно же городъ былъ взволнованъ именно дѣяніями княгини Урусовой, о которыхъ говорено выше. На нашъ теперешній взглядъ, всѣ эти сцены, конечно, по меньшей мѣрѣ достойны сожалѣнія. Но въ вѣкъ всеобщаго суевѣрія и всяческаго суесвятства дѣло это казалось весьма серьезнымъ. Это была одна изъ формъ юродства, предъ которымъ тогдашніе умы останавливались съ уваженіемъ, и даже съ благоговѣйнымъ почтеніемъ, не взирая на вопіющія несообразности подобныхъ подвиговъ вообще съ нравственнымъ достоинствомъ чловѣка. У того вѣка было всемогущее слово: Христа ради, которое хотя и понятое самымъ матеріальнымъ смысломъ, всегда освящало и покрывало эти младенчествующія представленія о святости нравственныхъ подвиговъ чловѣка. Терпѣть, страдать, быть лжиму, уничтожать себя Христа ради, въ какихъ бы формахъ таія дѣянія ни обнаруживались, но если они почему либо освящались великою святynieю этого слова,—они всегда привлекали къ себѣ и умъ, и сердце народа, воспитаннаго въ духовной своей сферѣ аскетическими идеалами, вообще идеалами мученичества.

Множество вельможныхъ женъ и простыхъ людей стекалось въ Алексѣевскій монастырь смотрѣть, „нако влачаху княгиню на носилѣ“. Особенно вельможные удивлялись ей и соболѣзновали о ней, какъ о своей сродницѣ. Видя все это, склоняясь жалостію о страданіи такой вельможной женщины, а вмѣстѣ съ тѣмъ смущаясь, что „сіе влаченіе“ служитъ еще болѣе къ прославленію ея терпѣнія, умная игуменья монастыря обратилась къ патріарху Пятириму и рассказала, что у нихъ въ монастырѣ дѣлается и какова княгиня и за какую вину сидитъ. Съ именемъ княгини неразлучно припомнилось и имя Морозовой. „Я вспомню объ этомъ царю“, отвѣтилъ патріархъ. „Великій государь! говорилъ онъ потомъ царю, совѣтую тебѣ, боярыню ту Морозову, вдовиду—кабы ты изволилъ опять домъ ея отдать и на потребу ей дворовъ бы сотницу крестьянъ далъ, а княгиню тоже бы князю отдалъ; такъ бы дѣло-то приличіе было; потому что *женское изъ дѣло: много оны смислятъ*“. — Я бы давно это сдѣлалъ, отвѣтилъ государь; но не знаешь ты лютости этой жены. Нельзя тебѣ и рассказать, сколько она мнѣ наругалась

и теперь ругается. Кто мнѣ столько зла и великаго неудобства показалъ? Если не вѣришь моимъ словамъ, самъ испытай; призови и вопроси, тогда узнаешь ея крѣпость. Какъ начнешь ее испытывать, тогда вкусишь ея *прямосты*. А потомъ я исполню все, что повелитъ твое владычество: неослушаюся твоего слова“.

Видимо патріархъ, а вмѣстѣ и царь желали покончить это дѣло, смущавшее всю Москву. Опять во 2 часъ ночи взяли Морозову и съ юзами и, посадивши на дровни, повезли въ Чудовъ монастырь подъ охраной стрѣльцоваго сотника. Въ соборной палатѣ былъ патріархъ, митрополитъ Павелъ и иные власти и „отъ градскихъ начальникъ не мало“. Предстала Морозова, нося на выи оковы желѣзны. „Дивлюсь я, какъ ты возлюбила эту цѣпь и не хочешь съ нею разлучиться“, сказалъ ей патріархъ. Обрадованнымъ лицомъ и веселящимся сердцемъ отвѣтила она: „воистинну возлюбила, и не только просто люблю, но еще и не довольно насладилась вождеденнаго зрѣнія сихъ оковъ. Какъ могу не возлюбить ихъ! Такая я грѣшница и для Божіей благодати сподобилась видѣть на себѣ, а вмѣстѣ и носить Павловы узы, да еще за любовь Единороднаго Сына Божія“. Патріархъ сталъ увѣщевать ее, говоря, что бы оставила свое безуміе и нелѣпное начинаніе, пожалѣла бы себя, невозмущала бы своимъ противленіемъ царскую душу, и присоединилась бы къ церкви, исповѣдавшись и причастясь св. таинъ. — „Некому исповѣдаться я не отъ кого причаститься“, отвѣчала Морозова. Поповъ много на Москвѣ, сказалъ патріархъ. — „Много поповъ, но истиннаго нѣтъ“, возразила Морозова. — „Я самъ, на старости, потружусь о тебѣ, самъ тебя исповѣдаю и причащу, продолжалъ патріархъ. Морозова отреклась и отъ этой высокой чести, сказавши: „ты мнѣ говоришь: самъ, но я не понимаю, что ты говоришь. Чѣмъ ты отъ нихъ отличенъ, если творишь тоже, что и они. Когда ты былъ Крутицкимъ митрополитомъ, жилъ за одно съ отцами преданія нашей русской земли, и носилъ клобучекъ старый, тогда ты былъ намъ отчасти любовенъ; а теперь ты восхотѣлъ волю земнаго царя творить, а небеснаго царя и создателя своего презрѣлъ и возложилъ на себя рогатый клобучъ римскаго папы: и потому мы отвращаемся отъ тебя. И не утѣшай меня тѣмъ словомъ: я самъ! я не требую твоей службы“.

Во все время этой бесѣды Морозова не хотѣла стоять предъ властями; ее поддерживали сотникъ стрѣлцѣй и стрѣльцы; она висла у нихъ на рукахъ и въ такомъ положеніи говорила съ патріархомъ.

Все обнаруживало болѣзненное разстройство ея ума, — такъ по крайней мѣрѣ это понялъ патріархъ и рѣшился въ исцѣленіе помазать ее священнымъ масломъ, „да прійдетъ въ разумъ, се бо, якоже видимъ, умъ погубила“. Патріархъ облачился и готовился совершить помазаніе. Но Морозова, увидавши его на мѣреніе, встала на ноги и приготовилась „яко боредъ“. Митрополитъ хотѣлъ приподнять треуха на ея головѣ, дабы удобнѣе было помазать; но она отринула его руку и воскликнула: „отойди, зачѣмъ дерзашь неискусно, хочешь коснуться нашему лицу? нашъ чинъ можно тебѣ разумѣть“. Отринувши помазаніе, она вопила къ патріарху: „не губи меня грѣшницу отступнымъ своимъ масломъ! и позвяцавъ цѣпами, продолжала: „для чего эти оковы? я, грѣшница, цѣлый годъ ихъ ношу, именно потому, что не повинуюсь, не хочу присоединиться ни къ чему къ вашему. А ты весь мой недостойный трудъ однимъ часомъ хочешь погубить. Отступи, удались; не требую вашей святости никогда“.

Біографъ рассказываетъ, и конечно баснословитъ, что послѣ того ее назвали исчадіемъ ехиднинымъ, вражью дочерью, страдницею, что не для чего ей больше жить, на утро страдницу въ срубъ.... Будто бы затѣмъ повергли ее на землю, такъ что казалось голова ея раскочится; что поволокли ее по полатѣ, — чають, что желѣзнымъ ошейникомъ шею ей на двое перервутъ и главу ей съ плечъ сорвутъ; что по лестницѣ всѣ ступеньки она главою своею сочла“. На тѣхъ же дровняхъ ее привезли обратно на подворье въ 9 часу ночи.

Въ ту же ночь и тѣмъ же порядкомъ происходило увѣщаніе княгини Урусовой и Марьи Даниловой, при чемъ, по разсказу біографа, *трихраборница* княгиня, отрицаясь помазаніемъ масломъ, еще дивнѣйши сотвори. Увидя Патріарха идущаго къ ней съ масляною спицею, она мгновенно сняла съ своей головы покрывало, опростоволосилась и воскликнула: „о безстуднѣи и безуміи! что вы дѣлаете? не видите развѣ, какова я есть?“ т. е. въ какомъ срамномъ видѣ; и тѣмъ устыдила властей и миновала помазаніа.

На другой день, во 2 часъ ночи, онѣ всѣ три, вѣроятно порознь, были перевезены на ямской дворъ. На томъ дворѣ было собрано множество людей. Посадили ихъ въ избѣ темной и тѣсной, такъ что сначала, сидя по угламъ, въ темнотѣ, между множествомъ народа, онѣ и не знали, что находятся вмѣстѣ, въ одной избѣ. Онѣ догадывались, что привезли ихъ на пытку; но думали также, что можетъ быть хотятъ послать ихъ куда нибудь въ заточенье. Подконецъ Морозова поняла, что ихъ ожидаетъ непремѣнно пытка и провѣдавъ, что и родная ея двоюница находится тутъ же, а между тѣмъ невозможно бесѣдовать съ ними и укрѣпить ихъ на терпѣніе,—подала имъ знакъ, позвяцавши оковами и сказавши мысленно: „любезныя мои сострадаальницы! вотъ и я тутъ съ вами. Терпите, свѣты мои, мужески и обо мнѣ молитесь“. Книгинѣ она смогла даже и руку протянуть сквозь утѣсненіе людское, и жала ея руку весьма вѣрѣко, говоря: „терпи, мать моя, терпи“.

Ихъ начали пытать. У пытки присутствовали Кн. Иванъ Воротынский, Кн. Яковъ Одоевскій, Василій Вольтинскій. Въ первыхъ была приведена къ огню Марья Данилова: обнажили ее до пояса, руки назадъ завязали и подняли на стряску и, снемъ съ дыбы, бросили на землѣ. Потомъ повели княгиню. Увидавши, что треухъ ея покрытъ цвѣтною тканью, крикнули ей: зачѣмъ такъ дѣлаешь; ты въ опалѣ царской, а носишь цвѣтное? „Я предъ царемъ не согрѣшила“, отвѣчала княгиня. Покровъ съ треуха содрали и бросили ей одинъ исподъ (подкладку). Точно также и ее обнажили до пояса, подняли на стряску съ завязанными назадъ руками, и, снявши съ древа, вергоша на землѣ тутъ же, подлѣ Даниловой. На послѣдокъ привели къ огню и Морозову. Началъ говорить ей кн. Ворытинскій многая словеса: „Что это ты дѣлаешь, отъ славы въ безславіе пришла? подумай, кто ты и отъ какого рода! Все это приключилось тебѣ отъ того, что принимала въ домъ Клипріана и Федора юродивыхъ и прочихъ таковыхъ; ихъ ученія держалась, потому и царя прогнѣвала“.

Отвѣчала Морозова: „невелико наше благородіе тѣлесное и слава человѣческая суетна на землѣ; и все, о чемъ ты говорилъ,—все это тлѣнно и мимоходяще. Послушай, что я скажу тебѣ: помысли о Христѣ, кто Онъ и чей Сынъ и что сотвори; если не знаешь, я расскажу тебѣ: Онъ Господь нашъ, Сынъ Божій, оставившій небеса для нашего спасенія, и жившій во

плоти на землѣ всегда въ убожествѣ; послѣ распятъ былъ отъ жидовъ; такъ и мы всѣ отъ васъ мучимы. Тому ты не удивляешься; а наше мученіе есть уже ничто“.

Тогда власти повелѣли ее связать: „рукавами срачицы ея увиша поконецъ сосецъ и руки на опако завязавъ“, повѣсили на стряску. Она не умогла и укоряла „лукавое ихъ отступленіе“. За то держали еѣ на стряскѣ долго и висла съ полчаса и ремнемъ руки до жилъ протерли. Послѣ сняли ее и положили рядомъ съ сестрами. На снѣгу нагими спинами съ выломанными назадъ руками лежали они часа три. И инья казни имъ творили: „плаху мерзкую на перси клали и устрашанъ къ огню приносили, хотя жечь“. Данилову, кромѣ того, положили при ногахъ Морозовой и Урусовой, били въ пять плетей немилостиво, въ двѣ перемѣны, первое по хребту, второе—по чреву. Думный дьякъ примолвилъ при этомъ боярынямъ: если и вы не покаетесь, и вамъ тоже будетъ. Морозова, видя безчеловѣчіе и многія раны на Маріи, и кровь текущую, прослезилась и сказала дьяку: это ли христіанство, чтобы такъ человекъ мучить! ¹ Наконецъ въ десятомъ часу ночи развели ихъ по своимъ мѣстамъ.

На утро „сотвори царь сидѣніе думати о нихъ“, а на Болотѣ срубъ поставили, потому что въ думѣ предлагали Морозову предать сожженію, да бояре не потянули; а Долгорукій малыми словами, да многое у нихъ пресвѣкъ. Между тѣмъ боярыня готовилась уже къ смерти, три дня не ѣла хлѣба и воды не пила. А мати Меланія на Болотѣ у сруба была и пришедь въ тотъ же день къ боярынь, цѣловала язвы рукъ ея и говорила: „уже и домъ тебѣ готовъ, вельми добре и чинно устроенъ и соломою цѣлыми снопами уставленъ; уже отходишь ты къ желаемому Христу, а насъ сиротами оставляешь!“ Морозова благословила у ней. Мать съ рыданіями ушла отъ нея и направилась къ Урусовой. Тамъ, у окна стоя, смотря на княгиню и обливаясь слезами, она причитала: „гостыи вы у насъ любезныя! нынче или завтра вы пойдете ко Владыцѣ; но обаче идите симъ путемъ, не сомнѣваясь. Когда предстанете престолу

¹ Сказатель житія, между прочимъ, присовокупляетъ: Марія же по преставленіи бѣніи, полотенцо, вода по спинѣ своей, все смочила кровію и посла лавринеу своему (мужу). Въ третій же день со спини струпіе веліе спадоша, яко чешуя и просиша у нея мученицы и не хотѣ дати за смиреніе; послѣдствъ, принуждена, даде имъ и прочимъ...

Вседержителя, не забудьте и о насъ въ скорбяхъ нашихъ“. Но мы видѣли, что сожженіе, если оно и въ дѣйствительности предполагалось, не должно было совершиться, потому что бояре не потянули.

Черезъ три дня послѣ пытки царь присылалъ будтобы къ Морозовой стрѣльцоваго голову съ такими словами: „мати праведная Ѳедосья Прокопьевна, вторая ты Екатерина мученица! прошу тебя я самъ, послушай совѣта моего, хочу я тебя въ прежнюю твою честь возвести; дай мнѣ такое приличіе, ради людей; чтобъ видѣли, что не даромъ тебя взялъ,—не крестися тремя персты, но только, руку показавъ, поднеси на три тѣ перста. Мати праведная Ѳедосья Прокопьевна, вторая ты Екатерина мученица! послушай, я пришлю за тобою каптану свою дарскую (возокъ) и съ аргамаками своими, и придутъ многіе бояре и понесутъ тебя на головахъ своихъ. Послушай мати праведная! я самъ царь кланяюся главою моею, сдѣлай это“.

Конечно такое посольство есть чистая выдумка, но оно-то и показываетъ, что со стороны государя и властей употреблены были на самомъ дѣлѣ всѣ мягкія и кроткія шѣры, чтобы убѣдить Морозову и вывести ее изъ заблужденія. Однакожъ ничто не дѣйствовало и она постоянно отвергала всѣ предложенія покинуть свое безуміе. На счетъ каптаны и аргамаковъ она отвѣтила: поистинѣ эта честь мнѣ не велика. Было все это и мимо прошло, ѣзживала въ каптанахъ и въ каретахъ, на аргамакахъ и бахматахъ.... Вотъ, что для меня велико и поистинѣ дивно:—если сподоблюсь огнемъ сожженія, въ приготовленномъ вами срубѣ на Болотѣ. Это мнѣ преславно, ибо этой чести никогда еще не испытала....“

Ее перевезли въ Новодѣвичъ монастырь, подалше отъ города, чтобы отлучить ее отъ своихъ, и велѣли держать подъ крѣпкимъ началомъ и влачить къ церковнымъ службамъ. Въ этомъ случаѣ, подобно Урусовой и боярыня велие мужество показала и привлекала многихъ къ зрѣлищу своего терпѣнія.

Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ повторились тѣже сцены, что и въ Алексѣевскомъ. И сюда пріѣзжало любопытствовать, подъ видомъ мольбы, такое множество вельможныхъ женъ, что монастырь бывалъ заставленъ рыдванами и каретами. А кто былъ надобенъ и любезенъ Морозовой, изъ своихъ, и здѣсь нашелъ къ ней прямую свободную дорогу: прихождаху къ ней и утѣшаху страдальческое ея сердце.

Вскорѣ однакожь, чтобы и здѣсь прекратить вельможные приказы, царь повелѣлъ перевести ее снова въ Москву, въ слободу Хамовники, къ старостѣ на дворѣ; а тотъ ей обрадовался радостію великою, потому что, вѣроятно, былъ такой же ревнитель древняго благочестія. И наставница Меланія, и служительница Елена сюда ходили еще свободнѣе и ликовали сообща, со многими слезами.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что единомышленники Морозовой не переставали дѣйствовать за нее и во дворцѣ. Для нихъ очень важно было, если она, такая сановитая и извѣстная особа, запечатлѣтъ мученическую публичную смертію, каково напр. сожженіе въ срубѣ, свою преданность „старому православію“ древнему благочестію; не менѣе важно было и то, если она останется, хотя бы и опальною, но все таки знатною боярынею, которая такъ твердо стоитъ за это благочестіе. Тогда въ ея лицѣ и ея связями они всегда находили бы себѣ необходимую поддержку. Возвратить Морозовой ея старое положеніе, при дворцѣ и въ обществѣ, съ сохраненіемъ всего смысла ея новой роли, было, какъ можно полагать, не малую заботою всѣхъ ревнителей упомянутаго благочестія. Ихъ ходотайства проникли наконецъ въ теремъ царевенъ. Старшая сестра царя Алексѣя, царевна Ирина Михайловна начала по праву старшей сестры дѣлать царю о Морозовой. „Зачѣмъ, братецъ, не въ дѣпсоту творишь, говорила она, и вдову эту бѣдную помыкаешь съ мѣста на мѣсто. Не хорошо, братецъ. Достоинно было попомнить службу Борисову и брата его Глѣба (бояр. Морозовыхъ)“. Онъ же, зарыча гнѣвомъ великимъ, отвѣтилъ: „добро, сестрица, добро. Коли ты дятчишь объ ней, тотчасъ, тотчасъ, готово у меня ей мѣсто“. Хорошо понимая, вѣроятно, въ чемъ дѣло, онъ повелѣлъ перевести страдальцу въ Боровскъ въ жестокое заточенье. Ее посадили тамъ въ острогъ, въ земляную тюрьму. Но и здѣсь она встрѣтила одну изъ своихъ, инокиню Густину, за тоже страдавшую. Вскорѣ потомъ въ эту же тюрьму перевели и княгиню Урусову и Марью Данилову — и бысть имъ всѣмъ совершенная радость, которая могла поддерживаться еще и тѣмъ, что и въ этомъ жестокомъ заключеніи, они все таки постоянно сообщались съ своими. Мужъ Даниловой, Акинѣй помогалъ имъ тѣмъ, что стрѣльцкихъ сотниковъ, которые отправлялись изъ Москвы ихъ караулить, онъ зазывалъ прежде въ свой домъ и угощивалъ (и угощеніемъ и дарами), чтобы не свирѣпы были;

кромѣ того онъ посылавалъ въ Боровскъ своего племянника Родіона, который въ темницѣ бывалъ множицею. И другіе многіе тамъ бывали, какъ напр. Елена. И наставница Меланія не однажды посѣтила заключенныхъ. Сюда явилось къ нимъ и новое посланіе Аввакума, написанное даже по образцу посланій апостольскихъ. Изобразивъ преждебывшее красное, но тлѣнное житіе боярыни, онъ останавливается съ новыми восхваленіями на настоящемъ ея подвигѣ, перевозноситъ ихъ терпѣніе на пыть: „Что воздамъ вамъ, земніи ангели, небесніи челоувѣцы?“ снова называетъ ихъ выпренными именами, святыми, блаженными, мученицами, исповѣдницами, столпами непоколебимыми, каменіями драгими: акифомъ, измарагдомъ, асписомъ; трисіятельнымъ солнцемъ, немерцающими звѣздами и т. п.: и заключаетъ: „ну, госпожи мои, свѣты! Запечатлѣмъ мы кровію своею нашу православную христіанскую вѣру со Христомъ Богомъ нашимъ, Ему же слава во вѣки. Аминь“.

Вскорѣ лукавый позавидовалъ; начальники узнали обо всемъ и прислали указъ розыскать: кто къ нимъ ходитъ и какъ доходятъ. Памфила нѣкоего, боровитина, пытали, спрашивали гдѣ Родіонъ, а Памфилъ ничего не открылъ. Однажды лежа, а крови его текуще, онъ говорилъ своей женѣ: „Агрипина! Теперь хорошо стало, свободно, отнеси свѣтамъ тѣмъ поскорѣ луку печенаго рѣшето“. Вотъ какія были его вины. Памфила и съ женою послѣ сослали въ Смоленскъ.

Между тѣмъ Родіонъ съ стрѣлецкими сотниками не переставалъ помогать узникамъ, доставляя случаи видѣться съ своими. Часто онъ тосковали по наставницѣ. Морозова чувствуя скорый конецъ своему подвигу, писала къ ней: „умилосердися, посѣти въ останшное (время)!“ Просила ее взять съ собою и большаго брата, который составилъ и сказаніе о ея жизни.

Это было 11 генв. Они пришли въ 3 часъ ночи. Съ несказанною радостію встрѣтила ихъ Морозова, называла по этому случаю тюрьму свою „пресвѣтлою темницею“, а наставницу именовала равноапостольною и апостоломъ. Говорила: „зачѣмъ, свѣтъ моя, насъ птенцовъ своихъ надолго не посѣщаешь; невозможно намъ безъ твоего наказанія жизнь свою добре правити!“ и лобызала ея руку. Бесѣдовали они съ нею всю ту ночь. На разсвѣтъ братъ большой и Родіонъ ушли, а Меланія съ Еленою остались на весь день. На другой вечеръ мужчинъ опять долженъ былъ провести къ нимъ сотникъ; но сотникъ не при-

шелъ; это ихъ обезпокоило, однако въ полночь они нашли возможнымъ явиться въ тюрьму, гдѣ на прощаньи учительница сказывала поученіе. На этотъ разъ она дѣлала за что-то имъ упреки, просила исправиться; какія-то узы брани бѣсовской ихъ связали. Быть можетъ онѣ слабѣли уже въ своей настойчивости и помышляли о возвращеніи къ своему прежнему положенію. „Если не освободитесь отъ этихъ узъ, окончила наставница, то не помогутъ вамъ и ваши желѣзныя узы“. Когда говорила имъ наставница, Морозова держала ея лѣвую руку, а Урусова правую, и, плача, онѣ непрестанно лобызали эти руки.

Видя все это, самъ сказатель житія дивился ихъ разуму; особенно любви и терпѣнію боярыни Морозовой, какъ она смирялась, слушая поученіе; а *не повинна ли въ чемъ же, прибавляетъ онъ въ заключеніе.*

Такъ прошла зима. Но въ Москвѣ узнали это послабленіе стрѣлцаго караула: воскури дьяволъ бурю велию. На Оминой недѣлѣ былъ внезапно присланъ подъячій Павелъ. Съ великою свирѣпостію придя въ темницу, онъ обобралъ все у заключенныхъ, всякія потребности: и брашно-свѣдно, самое скудное, лишнія одежды, малыя книжицы, самыя иконы, писаны на малыхъ доскахъ, — все отнялъ. Былъ большой розыскъ между стрѣльцами о томъ, кто носилъ въ тюрьму потребное, кто допускалъ приходящихъ. Иные повинились, что и сами носили и приходящихъ пускали. И были сотникамъ бѣды великія. О Петровѣ дни былъ присланъ розыскивать дьякъ Кузмищевъ, который Іустину снегъ въ срубъ; а для боярынь устроилъ новую темницу, выкопавши ее въ землѣ еще глубже первой; Марью же Данилову перевелъ въ тюрьму, гдѣ злодѣи сидятъ.

Съ этого времени прерваны были ихъ сношенія съ единомышленниками и заключеніе ихъ въ дѣйствительности стало лютымъ и жестокимъ.

Онѣ сидѣли въ глубокой темницѣ, во тьмѣ несвѣтливой; страдали отъ задухи земныя; отъ спершагося земнаго пару дѣлалась имъ тошнота; сорочекъ ни перемѣнять, ни мыть было нельзя; въ верхней худой одеждѣ, которую нельзя было скинуть отъ холода, развелось множество насѣкомыхъ, недававшихъ имъ ни днемъ покою, ни ночью сна. Не оставлено было имъ даже и четокъ или лествицъ, взаимѣнь которыхъ онѣ навязали 50 узловъ изъ тридцати и по тьмѣ уздамъ, ~~въ~~ на перемѣнахъ, совершали свои изустныя молитвы. Давали имъ только пищу,

„премудрости учительницу, сирѣчь зѣло малу и скудную“: когда сухариковъ пять-шесть дадутъ, тогда воды не даютъ, пить; а когда пить дадутъ, тогда ѣсть не спрашивай.... Иногда яблоко одно или два подадутъ, иногда огурчиковъ малую часть; — но это дѣлали уже изъ жалости стрѣльцы, да и то тихонько другъ отъ друга.

Среди такихъ лишеній княгиня черезъ два съ половиною мѣсяца скончалась. Отъ великаго голода она совсѣмъ ослабѣла, не могла ни дѣпи носить, ни стула дѣпнаго двинуть; стоя, не въ силахъ была молиться и молилась, лежа или сидя. Предъ смертью она просила сестру отпустить ее по закону христіанскому. „Отпой мнѣ отходную: что ты знаешь, ты говори, а что я припомню, то я сама проговорю“. И обѣ они служили отходную одна надъ другой, мученица надъ мученицею, въ темной темницѣ, отпѣвала канонъ; узница надъ узницею изроняла слезы, одна въ дѣпи, возлежа и стоняше, другая въ дѣпи предъ стоя и рыдала.

Въ Москвѣ думали, что со смертію сестры, Морозова, быть можетъ, оставитъ свое безуміе и возвратится на путь истины. Съ этою мыслью послали къ ней инокъ—старца, увѣщевать ее. „Доблестный же адамантъ“, услышавъ намѣреніе инокъ, покачала головою и глубоко вздохнувъ, сказала ему: „о глубокое неразуміе, о великое помраченіе! какъ вы не поймете этого: когда я и въ дому своемъ была, живши во всякомъ покоѣ, и тогда не хотѣла пристать къ вашей лжи и нечестію, держалась вѣрно православія; не пожалѣла не только имѣнія, но не устрашилась пойти и на страданіе о имени Господни. Потомъ и въ началѣ моего подвига, когда меня заковали и многое уничтоженіе мнѣ показывали, я не отступала. Нынѣ ли, когда я вкусила столько сладкихъ подвиговъ, хотите меня отлучить отъ добраго и прекраснаго моего Владыки. Уже 4 года ношу эти желѣза, и радуюсь, и не перестаю лобызать эту цѣпь, поминая Павловы узы. Вслѣдъ за моей возлюбленной сестрой, я и сама готовлюсь скоро отойти туда. Отложите всю надежду отлучить меня отъ Христа. И не говорите мнѣ объ этомъ. Я готова умереть о имени Господни“.

Старецъ будто бы умилился и прослезился, назвалъ ихъ дѣждь блаженнымъ и просилъ, чтобы она „потщилась началу концы совершить“. На мѣсто умершей сестры къ ней перевели Марью Данилову. Послѣ того стала изнемогать и Федосья Про-

копьевна. Предъ концомъ призвала она одного изъ стрѣльцовъ и начала ему говорить: есть ли у тебя отецъ и мать? живы они или умерли? если живы, помолимся объ нихъ; если умерли, помянемъ ихъ. Умилосердись, рабъ Христовъ! Очень изнемогла я отъ голода и хочу ѣсть. Помилуй меня, дай мнѣ калачика. — Боюсь господа, отвѣтилъ воинъ. — Ну, хлѣбца. — Не смѣю. — Ну мало сухариковъ. — Не смѣю. — Ну принеси мнѣ яблоко или огурчиковъ. — Не смѣю, былъ отвѣтъ.

И скалала она: добро, чадо! Благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако! Если невозможно тебѣ это, то, прошу тебя, сотвори послѣднюю любовь: убогое это тѣло мое покройте рогожкою и положите меня подлѣ сестры, неразлучно.

Напослѣдовъ, чувствуя уже приближеніе своей смерти, она упросила воина вымыть ей грязную сорочку, сказавши: „вотъ хочеть Господь взять меня отъ этой жизни! Не подобаетъ мнѣ, чтобы это тѣло въ нечистой одеждѣ легло въ нѣдрахъ своей матери земли“. Скрывъ подъ полою, воинъ снесъ сорочку на рѣку и тамъ, моя водою это малое платно, лице же свое слезами омывалъ, помышляя о прежнемъ величествѣ боярыни и о теперешней ея нуждѣ, какъ Христа ради терпитъ, а къ нечестію приступить не хочеть и для того умираеть. А всѣмъ было извѣстно, что еслибы хотя мало съ ними сообщилась, то больше прежняго была бы прославлена!

Съ перваго на второе число ноября Морозова тихо скончалась въ своей темницѣ. Въ ту самую ночь мать Меланія, находившаяся гдѣ то въ пустынѣ, видѣла Фодосью Прокопьевну во снѣ, облеченную въ схиму и въ куколь, зѣло чуденъ, и сама она была свѣтла и радостна и въ веселости красовалась въ куколь, обзирая, всюду и руками вода по одеждамъ, удивляясь красотѣ своихъ ризъ. Непрестанно она лобызала образъ Спасовъ, стоявшій близъ нея и цѣловала кресты на схимѣ.

Покойницу по ея завѣщанію схоронили подлѣ сестры, обвивъ тѣло въ рогожу. Чрезъ мѣсяцъ скончалась и Марья Даниловна. До сихъ еще поръ памятно народу ихъ дѣло.

„П. М. Строевъ, посѣтившій Боровскъ въ 1820 году, видѣлъ на городицѣ у острога камень, къ которому Боровскіе жители имѣють особенное почтеніе, даже кланяются ему до земли¹, рассказывая, что подъ нимъ погребены двѣ княжны, сожжен-

¹ А имъ слыжали, что служивали надъ нимъ иногда и вѣнчики.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличается подвигъ Софьи — царевны. Но не должно думать, что ея подвигъ пролагалъ какой либо новый путь жизни, отрывалъ новую силу развитія. Напротивъ, онъ воплощалъ въ себѣ тѣже византійскія начала жизни, служилъ тѣмъ же византійскимъ идеаламъ, только въ другой сферѣ.

Время Софьи на самомъ дѣлѣ было византійскимъ временемъ въ нашей исторіи. Къ концу XVII ст. Московскій Дворъ на самомъ дѣлѣ представилъ зрѣлище Двора Византійскаго, а Москва уподобилась Константинополю, въ вѣка его общественныхъ и политическихъ смуть. Тогда и въ Москвѣ въ богатыхъ хоромахъ и въ бѣдныхъ избахъ, на улицахъ и площадяхъ, по всѣмъ стогнамъ града, раздавались горячіе толки и споры, сужденія и разсужденія о томъ, какъ вѣровать, какъ спасти себя; толковали и спорили о правой вѣрѣ, о старомъ благочестіи и о новомъ нечестіи; о томъ, какъ складывать персты, сколько разъ говорить аллилуія, сколько просфѣоръ употреблять въ служеніи, сколько концовъ должно имѣть изображеніе креста, какъ писать имя Иисусъ, каковы должны быть архіерейскіе клобуки и жезлы, какъ должно звонить на колокольняхъ и т. д. Доходили и до превыспреннихъ вопросовъ: начали даже св. Троицу четверить, отдѣляя особый престолъ, четвертый, для Спасителя. И точно также, какъ въ Византіи, повсюду слышались ярыя анафемы другъ другу. „Что се Господи будеты! восклицали иные въ недоумѣніи. Тамъ на Москвѣ клятвы всѣ власти налагаютъ на меня за старую вѣру... И здѣсь у насъ между собою стали клятвы, и свои други меня проклинаютъ, за несогласіе съ ними въ вѣрѣ же...“¹

Современникъ этой эпохи Симеонъ Полоцкій говоритъ между прочимъ: „не тако ли у насъ нынѣ дѣется: нынѣ разглагольствуютъ о богословіи мужіе, разглагольствуютъ и отроки, бесѣдуютъ въ дѣсахъ дивніи челоувѣцы, премираются на торжищахъ скотопродатели, да не сважу въ корчемницахъ пьяные. Напослѣдокъ и буія женишца (женщины) словопрѣніе дѣютъ безумное, мужемъ своимъ и церкви пререкающе...“²

Въ царскомъ дворцѣ копошились подземныя, тайныя козни, интриги, поднимались мгновенно и мгновенно падали и погибали

¹ Дьяконъ Федоръ въ письмѣ противъ Аввакума.

² Вечери душевная, Приб. л. 5—7.

ли люди; неистовствовали стрельцы въ самыхъ внутреннихъ конюшняхъ Дворца, совершая убійства у самого его крыльца; неистовствовали ревнители стараго благоческія въ самой Граноштой Палатѣ, веди съ патріархомъ торжественный публичный споръ о вѣрѣ, въ присутствіи царицы и царевенъ.... Словомъ сказать, въ это время византійская идея торжествовала въ Москвѣ со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ видахъ.

Къ довершенію изумительнаго подобія съ Византіей и въ Москвѣ въ образъ царя является постница дѣвица, и тутъ же съ нею является цѣлый рядъ дѣлъ и событій, съ полнѣйшимъ отпечаткомъ своихъ византійскихъ первообразовъ.

Византійская культура понятій и здѣсь выростила свой плодъ, царевну Союю, которая по идеалу византійскихъ женщинъ сѣлою рукою взялась дѣлать царское дѣло.

У царя Алексѣя Михайловича осталось большое семейство: три сестры, потомъ два сына и шесть дочерей отъ первой супруги, сынъ и двѣ дочери отъ второй, которая осталась вдовою. Въ сущности, вся эта семья распадалась на два рода, по происхожденію царницъ. Старшее племя принадлежало роду Милославскихъ, младшее -- роду Нарышкиныхъ. Старшее племя было сильнѣе и по своему составу, и по возрасту лицъ, и по числу, и по характеру приближенныхъ людей, обыкновенно все царскихъ родственниковъ, а также родственниковъ этимъ родственникамъ и т. д. Младшее племя было слабѣе, потому что по молодости положенія не успѣло еще пустить во дворцѣ и государствѣ такихъ широкихъ и глубокихъ корней, связей, на какихъ давно уже держался родъ Милославскихъ. На сторонѣ Милославскихъ, кромѣ того, было право старшинства; наследниками престола являлись двое сыновей Милославской, старшихъ по возрасту, Федоръ и Иванъ. Но и тотъ и другой были слабы здоровьемъ, а Иванъ былъ слабъ и умомъ. Такимъ образомъ право родового старшинства должно было уступить праву государственныхъ интересовъ и наследіе престола по необходимости клонилось на сторону Нарышкиныхъ, на сторону здороваго и умнаго ребенка, царевича Петра, у котораго къ тому же была жена и мать — царица Наталья, по смыслу своего положенія все таки старшая во всей царской оставшейся семьѣ, старшая своихъ царственнымъ вдовствомъ, не только въ своемъ, но и въ другомъ, чужомъ родѣ.

Къ несчастію это именно обстоятельство и послужило сѣменемъ нескончаемой вражды и ненависти между двумя родами. Для Милославскихъ царица Наталья Кириловна была уже тѣмъ ненавистна, что она была имъ мачиха, а мачиха въ родовомъ быту по естественной причинѣ всегда становилась какъ бы поперекъ дороги для дѣтей и родичей первой жены, всегда вносила остуду въ любовь отца къ старой семьѣ, по той причинѣ, что являлась представителемъ и естественнымъ покровителемъ своей новой семьи. Здѣсь къ источнику одной нераздѣльной семейной любви сходились два другъ другу чуждыхъ рода, которые вѣчно и боролись за свое право стоять ближе къ этому источнику. Около царскаго престола такимъ образомъ собралось въ это время достаточно обоюдной вражды и ненависти. Всталъ родъ на родъ и начались усобицы. По законному порядку царское наслѣдство получилъ старшій изъ сыновей Ѳеодоръ Милославскихъ. Подземныя, никѣмъ невидимыя силы дворскихъ интригъ тотчасъ и обнаружили свое дѣйствіе. Нарышкины подверглись гоненію, отъ нихъ отнятъ былъ самый сильный человекъ изъ родственниковъ, бояринъ Матвѣевъ. Царицу и съ малолѣтнимъ царевичемъ намѣревались даже совсѣмъ выселить изъ Кремля, т. е. изъ государева дворца.

Само собою разумѣется, что Ѳеодоръ упразднилъ бы значеніе и вліяніе и того и другаго рода, если бы царствовалъ долго, ибо въ такомъ случаѣ родъ его царицы, новый родъ, постепенно вытѣснилъ бы прежнихъ старыхъ дворскихъ родичей. Но онъ, какъ мы сказали, былъ слабъ здоровьемъ и умеръ преждевременно, оставивъ 15-лѣтнюю вдову, царицу Марфу Апраксиныхъ.

Наслѣдство по порядку старшинства должно было перейти къ царевичу Ивану Милославскихъ, слабому и здоровьемъ, и умомъ. Тогда уже не родъ Нарышкиныхъ, въ это время безсильный, а здравый разумъ боярства и дворянства опредѣлилъ быть на царствѣ царевичу Петру, а не Ивану, тѣмъ болѣе, что и самъ болѣзненный Иванъ съ охотою отказался царствовать.

Все это было обдуманно, конечно, не въ тотъ одинъ часъ, когда скончался царь Ѳеодоръ. Объ этомъ думали и гадали еще при его жизни, видя безнадежное его положеніе. Но такъ думала одна сторона, держа въ умѣ вмѣстѣ съ личными и общіе выгоды царства; другая сторона, родъ Милославскихъ думалъ иначе и также, предугадывая событія, готовился заранѣе защищать свои выгоды и права.

ченіе въ государствѣ, чего никогда не бывало и никогда не могло быть въ обыкновенное время, о чемъ невозможно было и подумать, о чемъ никогда не могли думать и сами царевны. Но такова сила историческихъ обстоятельствъ. Они дѣлають иной разъ чудеса. Государственная смута выдвигаетъ впередъ, на первое мѣсто именно то, что такъ заботливо и попечительно, съ такими авторитетными поученіями дѣлые вѣка пряталось назадъ, подалше отъ людскихъ глазъ. Государственная смута выдвигаетъ впередъ, на первое мѣсто, запрятаный въ глубинѣ двора дѣвичій теремъ, даетъ ему небывалый политическій смыслъ, успѣваетъ водворить этотъ смыслъ въ дѣвичьемъ умѣ, въ томъ именно умѣ, который никогда и ни въ какомъ случаѣ и не признавался за умъ, которому внимать было стыдомъ и посраменіемъ для всякаго мужчины, т. е. для ума настоящаго. „Да что на тебя дивить? У бабы волосы долги, да умъ коротокъ!“ писалъ Аввакумъ къ своей возлюбленной ученицѣ боярыни Морозовой. И вдругъ этотъ короткій умъ становится умомъ дѣлаго событія, нѣсколькихъ событій, умомъ всего государства. Какъ же не подивиться этому! Государственная смута создаетъ дѣвичьему терему положеніе, о какомъ никогда не могли мечтать всѣ Аввакумы нашей старины. И теремъ самъ чувствуетъ, что такое положеніе ему по плечу, что достаетъ у него силы удержать за собою это положеніе. Словомъ сказать, дѣвичій теремъ какъ бы въ отмщеніе за свое удаленіе отъ живой жизни перемудряетъ мудрость дѣлыхъ вѣковъ, выступаетъ на сцену исторіи и мутитъ царствомъ; производитъ въ государевомъ дворѣ революцію, становится заводчикомъ неслыханнаго кроворазлитія и въ 1682 г. во время стрѣлцкой казни бояръ, и въ 1698 г. во время царской и боярской казни стрѣльцовъ.

Въ теремѣ дочерей царя Алексѣя было шесть дѣвицъ, уже возрастныхъ, стало быть способныхъ придавать своему терему разумное и почтительное значеніе. Въ годъ смерти ихъ брата, царя Федора, когда теремъ явно выступилъ впередъ, старшей царевнѣ Евдокьи было уже 32 года, младшей Феодосіи 19 лѣтъ. Средній возрастъ принадлежалъ, по порядку старшинства, третьей царевнѣ Софьѣ; ей было около 25 лѣтъ. Второй по старшинству Марѣ было 29 лѣтъ, четвертой—Екатериной 23 года, пятой—Марьѣ 22 года. Все такія лѣта, которыя полны юношеской жизни, юношеской жажды. Естественно было встрѣтить въ эти лѣта и юношескую отвагу, готовность выр-

ваться изъ кѣтви на свободу, если не полную готовность, то неустойчивую мечту о томъ, что жизнь на волѣ была бы лучше монастырской жизни въ теремѣ. Вѣдь жили же люди свободно, такіе же православные, такіе же дѣвы, на пр. въ древнемъ Цареградѣ: такіе же дѣвы управляли тамъ государствомъ. Сестры царевны это знали. Они не могли этого не знать, потому что весь кругъ ихъ познаній, ихъ начитанности заключался именно только въ знакомствѣ съ византійскою исторіею и литературою. Уставъ каждодневной жизни требовалъ чтенія, какъ душеполезнаго подвига. Кромѣ поученій на каждый день, онѣ читали житія; и конечно житія св. женъ были для нихъ несравненно и назидательнѣе, и любопытнѣе другихъ житій. Здѣсь онѣ знакомились не только съ иноческими идеалами, но и вообще съ условиями, мотивами, формами, порядками и событіями византійской жизни. Въ это время онѣ должны были особенно хорошо знать византійскую исторію, ибо въ міру двигался расколъ, шли непрестанные толки и споры о вѣрѣ, которые очень часто утверждали свои положенія на этой исторіи. На каждомъ шагу приходилось если не читать, то слышать о томъ или другомъ событіи этой исторіи, о той или другой исторической личности. Припомнимъ, что въ 1682 г. царевны сами ходили разсуждать съ раскольниками о дѣлахъ вѣры въ Грановитую Палату. Знакомые терему люди, въ числѣ которыхъ находился, напр. такой знатокъ тогдашней книжности, какъ Сильвестръ Медвѣдевъ, не говоря уже о его учитель, Симеонъ Полоцкомъ, который, какъ увидимъ ниже, едва ли не былъ главнымъ просвѣтителемъ терема, — всегда съ роболѣпиемъ готовы были и указать и расказать все то, что было нужно, или что возбуждало особое любопытство. Съ большою вѣроятностью возможно полагать, что теремъ часто разсуждалъ о томъ, какъ жила и что дѣлавали когда-то въ Цареградѣ тамошніе цари и царицы. Подражаніе Цареграду обнаруживалось во многомъ. Отецъ царевенъ Алексѣй Михайловичъ, даже въ украшеніяхъ своего дворца прямо бралъ за образецъ дворецъ Цареградскій: и у него также, какъ у тамошнихъ царей, по сторонамъ трона, лежали рыкающіе львы¹. Все это было, конечно, вычитано въ *царствованияхъ* историческихъ книгахъ. Немудрено что, подражая формамъ быта, подражали и византійскимъ поступкамъ, тѣмъ болѣе,

¹ Док. бытъ царей т. I, стр. 150, 356.

что вся культура знанія или образованности шла оттудаже, вся выработка мысли и даже воображенія была построена по византійскимъ началамъ. Къ этому приводила вся наша старая книжность, чтеніе и ученіе.

Византійская литература и исторія воспитывала умы, оправдывая или обличая поступки и подвиги своими примѣрами, направляя самую жизнь къ своимъ идеаламъ. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ справлялись съ нею, какъ съ мудрою совѣтницею. Такимъ образомъ умы терема были по необходимости исполнены понятій и идеаловъ византійскихъ. При жизни отца, въ теремъ, конечно, господствовали одни только постническіе идеалы. Тѣже идеалы остались бы господствующими и при жизни брата, т. е. до конца, еслибъ этотъ братъ, царь Феодоръ, обладалъ прочнымъ здоровьемъ, былъ бы проченъ на царствѣ. Но именно болѣзненное и безнадежное состояніе его здоровья и было причиною, что идеалы терема устремились къ другимъ цѣлямъ. Болѣзнь царя подавала не малый поводъ и не однимъ царевнамъ размышлять о томъ, что будетъ съ царствомъ или иначе, что будетъ съ людьми приближенными, къ царскому родству Милославскихъ. Болѣзнию Феодора почва Милославскихъ колебалась. Единымъ прибѣжищемъ оставался цвѣтущій здоровьемъ и возрастомъ теремъ. Можно съ большою основательностью думать, что въ виду такихъ обстоятельствъ еще при жизни Феодора по терему стала ходить византійская мысль о возможности при слабомъ и неспособномъ братѣ править государствомъ способной сестрѣ. Мысль очень смѣлая для русской жизни, но она твердо опиралась на авторитетъ той же исторіи, которая укрѣпила въ этой русской жизни и самый идеалъ терема. При томъ знакомая исторія указывала превосходный образъ для подражанія, какъ нельзя лучше подходившій ко всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, сохранявшій въ своихъ чертахъ все то, чего требовали и умъ, и нравъ, и все благочестіе вѣка. Таковъ именно былъ образъ византійской царицы Пульхеріи.

Пульхерія была дочь императора Аркадія и Евдокіи, гонительницы Іоанна Златоуста. По смерти отца она осталась съ малолѣтнимъ братомъ Феодосіемъ и тремя сестрами. Въ первое время государствомъ управлялъ пѣстунъ царя-отрока, персіянинъ Антиохъ, который однакожъ по неизвѣстнымъ причинамъ вскорѣ былъ удаленъ и правительницею явилась Пульхерія, девятнадцатилѣтняя дѣвица, принявшая виѣсть съ тѣмъ и тѣ-

туль Августы. Она управляла имперією изящно, какъ свидѣтельствуя лѣтописцы, и воспитывала брата въ благочестіи и во всякихъ добродѣтеляхъ. Великая набожность и благочестіе были наилучшими украшеніями ея царственного сана.

Подражая идеаламъ иночества, она дала обѣтъ сохранить до конца дней свою дѣвственность, чему послѣдовали и ея сестры.

Царскій дворець такимъ образомъ сталъ уподобляться монастырю. Царевна строила церкви, богадѣльни, больницы, монастыри, опредѣляя имъ изъ царской казны пристойное и довольное содержаніе. Братъ Θεодосій, достигшій уже возраста, былъ мало способенъ къ царскимъ дѣламъ и постоянно нуждался въ опеку, а потому правленіе государствомъ оставалось въ рукахъ Пульхеріи почти во все время его долгаго царствованія. Она его женила на одной аѳинянкѣ Евдокіѣ. Наилучшая характеристика его царскихъ дѣлъ заключается въ слѣдующемъ анекдотѣ. Онъ имѣлъ обычай подписывать свои указы, не читавши, отъ чего, конечно, людямъ много бѣдъ бывало. Сестра много разъ вразумляла его, но напрасно. Чтобы нагляднѣе показать ему, къ чему ведетъ эта царская лѣнь и небрежность, она однажды подала ему для подписи указъ, въ которомъ царь отдавалъ сестрѣ въ рабство свою жену — царицу. Указъ, по обыкновенію, былъ подписанъ. Пульхерія взяла къ себѣ Евдокію, какъ рабу, „сребромъ купленную“. Царь оскорбился и зѣло вознегодовалъ на такое насиліе сестры. Но ему былъ поданъ имъ подписанный указъ. Съ тѣхъ поръ Θεодосій оставилъ свое безуміе, говорить лѣтописецъ.

Впослѣдствіи интриги евнуховъ, а можетъ быть и царицы Евдокіи успѣли посорить брата съ правительницею и она была изгнана изъ царскихъ чертоговъ; но это продолжалось не долго. Она снова возвратилась во дворець и управляла царствомъ до самой кончины брата. Послѣ Θεодосія царство уже по праву долгаго правительства принадлежало ей. Но въ то время, и въ Византіи еще не было обычая, чтобы женщина, а тѣмъ болѣе дѣвица, прямо заступала мѣсто и лицо императора. Опасаясь нарушеніемъ этого обычая возбудить толки и неудовольствіе въ народѣ и желая однакожь сохранить за собою царственное положеніе, Пульхерія избрала въ императоры, т. е. избрала себѣ въ мужа одного изъ бояръ, начальника императорской гвардіи, Маркіана, человѣка простаго, но весьма достойнаго, и благочестиваго. Она предложила ему императорскій

сань и свою руку подъ клятвою „соблюсти дѣвственную чистоту неосквернену“. Въ то время ей было уже 54 года. Такимъ образомъ до конца дней она осталась дѣвою непорочною.

Обстоятельства этой византийской исторіи во многомъ сходствовали, какъ упомянуто, съ обстоятельствами, въ которыхъ находилась въ описываемое время исторія Московская, и идеалъ царевны Пульхеріи долженъ былъ особенно привлекать умы московскихъ царевенъ, точно также посвящавшихъ дни свои благочестивымъ подвигамъ и иноческому безбрачію. Было очень много родственнаго въ положеніяхъ лицъ, отдаленныхъ другъ отъ друга слишкомъ на двѣнадцать вѣковъ. Здѣсь, на самомъ дѣлѣ, въ живыхъ подвигахъ и поступкахъ, высказывалась та великая истина, что сѣмена извѣстной умственной и нравственной культуры, въ какое бы время они не были положены въ почву народнаго развитія, рано ли, поздно ли, всегда должны вырастить свои плоды. Древнерусскій и собственно московскій теремъ былъ именно такимъ плодомъ. Его сѣмена конечно жили еще въ то время, когда и русскаго имени не слышалось на землѣ. Перенесенныя вѣтромъ цивилизаціи въ эту простую, непосредственную почву, которая именовалась Русскою землею, они медленно, но неизмѣнно росли, развивались и воспроизвели жизненные формы, во всемъ подобныя своимъ первообразамъ.

Примѣръ благочестивой Пульхеріи былъ силенъ именно по особенной нравственной чистотѣ, по особенному благочестію, какъ представлялся ей образъ лѣтописцами. Этимъ самымъ наиболѣе и оправдывалось подражаніе ему.

Когда стало всемъ извѣстно, что молодой царь долго непроживетъ, мысль воплотить на дѣлѣ исторію Пульхеріи должна была получить рѣшительное направленіе. Теремъ долженъ былъ показать всемъ, что онъ не только существуетъ, но и имѣетъ право присутствовать въ великую минуту государственнаго событія, что онъ не только членъ семьи, но и ревнитель государственнаго дѣла. Первый шагъ однакожъ былъ очень труденъ. Требовалась сильная и смѣлая дѣвичья рука, которая могла бы отпереть эти замкнутыя вѣками теремныя замки, отворить эти заржавѣвшія теремныя двери. Теремъ былъ силенъ своею ненавистью къ мачихѣ и ко всему ея роду; онъ воспитался въ дворской подземной борьбѣ, стало быть его герои, за исключеніемъ развѣ одной только старшей сестры Евдокіи, обладали достаточною энергіею и вовсе не походили на смирен-

ныхъ и кроткихъ монастырокъ, что они и доказали впоследствии. Но смѣлая для потаенныхъ подвиговъ, онѣ робѣли всенародныхъ очей, имъ страшно было выйти на площадь, страшно было откинуть свою постычскую фату и смѣлыми глазами взглянуть прямо въ лицо міру, мірскимъ дѣламъ. Между тѣмъ въ этомъ заключался весь смыслъ перваго подвига.

Страшно было потому, что убѣжденіе стараго вѣка почитало такой подвигъ великимъ позоромъ, великимъ соблазномъ и поношеніемъ, не только для царскаго дома, но и для всей Палаты, и для всего народа. Требовалось большаго и очень хитраго ума, чтобы не уронить самое дѣло и провести его до конца, нисколько не оскорбляя общественной совѣсти. Теремъ выставилъ именно такой умъ. Герой явился въ лицѣ средней царевны Софьи.

Теремъ началъ обнаруживать свои стремленія самымъ незамѣтнымъ образомъ. Онъ выразилъ непомерное горе о болѣзни брата — царя и безпрестанно посылалъ спрашивать о состояннн его здоровья, присовокупляя къ этому свои скорби о томъ, что не можетъ видѣть больнаго, помогать ему, служить у его постели; что въ такое время разлука съ любимымъ братомъ очень огорчаетъ и печалитъ сестеръ и особенно Софью, сильнѣе другихъ заявляющую о своей привязанности къ брату. Въ такое именно время и небыло ни малѣйшихъ основаній отказывать желанію сестры. Это было бы безчеловѣчно. Такимъ образомъ двери терема растворяются и Софья является у постели больнаго, ходитъ за нимъ, не отлучается отъ него ни на шагъ, сама подаетъ ему всѣ дѣла. Такой шагъ изъ терема, по крайней мѣрѣ съ виду не только никого не могъ смущать, но и возвышалъ добродѣтели царевны. Необыкновеннаго и необычнаго въ этомъ случаѣ было только то, что царевна по необходимости являлась предъ ближними боярами и всѣми ближними людьми, которые окружали больнаго.

Предсмертная болѣзнь Федора продолжалась недолго. 16 апрѣля 1682 г., въ день свѣтлаго Воскресенія, онъ еще совершалъ торжественный выходъ къ заутрени въ Успенскій Соборъ, а 27 числа къ вечеру его уже не стало. Погребеніе по обычаю того времени совершилось на другой же день. По такому же обычаю, принятому въ царскомъ дворцѣ, царскій гробъ всегда провожали только вдовствующая царица и государь наслѣдникъ. Остальные члены царскаго семейства прощались съ покойни-

комъ во дворцѣ и въ соборѣ на погребеніе никогда публично не выходили. На похоронахъ царя Алексѣя присутствовали только его сынъ Ѳеодоръ, наслѣдникъ царства, (котораго при этомъ, вѣроятно за болѣзнь, несли въ креслахъ комнатные столыники) и вдова умершаго царя, царица Наталья Кириловна, которую несли въ саняхъ дворяне.

Точно также на погребеніи царицы, бывалъ одинъ государь и изъ сыновей „объявленный“ наслѣдникъ престола. Такъ въ 1669 г. марта 3, за гробомъ царицы Марьи Ильичны шелъ только царь и царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, за годъ передъ тѣмъ всенародно объявленный наслѣдникомъ престола. Другіе царевичи Ѳеодоръ и Иванъ и всѣ царевны, сестры и дочери царя, не слѣдовали за гробомъ матери и оставались въ это время въ своихъ хоромахъ.

Покрайней мѣрѣ такъ объ этомъ свидѣлствуютъ современные разрядныя записки, вопреки словамъ Котошихина, который вообще говоритъ, что на провожаніи бывали всѣ члены царскаго семейства. Но такъ какъ это провожаніе было церемоніальнымъ всенароднымъ выходомъ, а на подобныхъ выходахъ по свидѣтельству тѣхъ же официальныхъ записокъ дѣти и всѣ семейные государя никогда не являлись, и только крайній случай царской смерти давалъ мѣсто въ такой церемоніи одной вдовствующей царицѣ, о чемъ тѣ записки всегда и упоминаютъ, то слова Котошихина можно объяснить лишь тѣмъ, что онъ не разумѣлъ здѣсь выхода публичнаго.

Вѣрно одно, что въ такихъ церемоніяхъ присутствовали только царь и царевичъ наслѣдникъ. Старый *чинъ* двора, чинъ всей публичной его жизни никого изъ домашняго міра не допускалъ на подобные публичные, официальные и церемоніальные выходы.

На погребеніи царя Ѳеодора долженъ былъ присутствовать избранный въ самый часъ его кончины десятилѣтній царь, Петръ Алексѣевичъ. По необходимой причинѣ, по случаю его малолѣтства, его сопровождала вдовствующая царица-мать, Наталья Кириловна. Пятнадцатилѣтнюю вдову умершаго царя, царицу Марю Матвѣевну Апраксиныхъ, несли въ саняхъ столыники, до Краснаго крыльца, а потомъ дворяне. Но рядомъ съ избраннымъ царемъ, также церемоніально, по царски, вышелъ на провожаніе и теремъ въ лицѣ царевны Софьи. Подвигъ былъ очень смѣлый и дерзкій, даже наглый, ниспровергавшій старыя обычаи и позорившій благочестивый *чинъ* жизни царскаго

дворца. Но для терема онъ былъ неизбѣжнымъ, настоятельно необходимымъ послѣдствіемъ всего того, что постоянно и давно тамъ готовилось. Царица Наталья Кириловна конечно не могла вынести такой новины, прямо, въ виду всего боярства и всего народа, издѣвавшейся надъ достоинствомъ ея особы, какъ и надъ достоинствомъ малолѣтнаго царя. Лицо дочери царевны, въ этомъ случаѣ, заслоняло своимъ царскимъ выходомъ лицо матери-вдовы. Кромѣ того, этотъ подвигъ Софьи обнаруживалъ въ полной мѣрѣ, какъ твердо и неуклонно она рѣшалась вести борьбу съ мачихою, идти къ своей властолюбивой цѣли. Когда гробъ поставили на уготованномъ мѣстѣ среди храма, говоритъ современная записка, царь съ матерью, поцѣловавъ мощи, изволилъ идти къ себѣ и у обѣдни и на отпѣваньи не былъ. До конца службы и церемоніи оставались только царица Марѳа и царевна Софья. Теремъ пришелъ въ смятеніе отъ такого поступка царицы Натальи и въ лицѣ старшаго поколѣнія, отъ тетокъ Анны и Татьяны, выслалъ ей поученіе, что брату такъ дѣлать негодится и не прилично. Нарушая самъ дѣдовскіе обычаи и старое приличіе, теремъ зорко сторожилъ за ихъ исполненіемъ на противной сторонѣ. Рассказываютъ, и это очень вѣрно, что Софья, провожая брата изъясняла свое горе страшнымъ воплемъ и, идя съ похоронъ, также вопила и причитала предъ народомъ, что „извели покойнаго брата злые люди“, остались мы теперь круглыми сиротами, нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, и ни какого заступника; брата нашего Ивана на царство не выбрали. Умплосердитесь надъ нами сиротами! если въ чемъ провинились мы предъ вами, отпустите насъ живыхъ въ чужіе земли, къ королямъ христіанскимъ...“¹. Все это было въ порядкѣ тогдашнихъ обычаевъ и вопить на похоронахъ съ причитаньями было прямымъ долгомъ всѣхъ горевавшихъ о покойникѣ. Это было надгробное слово покойнику, гдѣ обыкновенно выставлялись ярко всѣ его добродѣтели и все горе оставшихся по немъ родныхъ. Послѣ похоронъ двери терема затворились и онъ замолкъ. Но онъ умѣлъ пнымъ образомъ разговаривать съ народомъ и особенно со стрѣльцами, сила которыхъ была такъ ему надобна. По городу пошли слухи, одни возмутельнѣе другихъ. Между прочимъ тайкомъ рассказывали, что будтобы братъ царицы Натальи, Иванъ Ки-

¹ Исторія Россіи Соловьева, XIII, 339.

риловичъ Нарышкинъ, только что возвращенный во дворецъ изъ опалы, надѣвалъ на себя царскую порфиру, діадиму и корону, садился на тронъ, говорилъ, что ни къ кому царскій вѣнецъ такъ не пристанетъ, какъ къ нему, что въ этомъ положеніи застала его царица Марѳа и царица Софья; начали его упрекать за неслыханную дерзость, при царицѣ Иванѣ; что онъ, соскочивъ съ трона, кинулся на царицу, схватилъ его за горло и чуть не задушилъ ¹.

Подобными сплетнями теремъ очень долго мутилъ царство и вызвалъ наконецъ страшную, безчеловѣчную грозу Петра, порѣшившаго съ ними въ 1698 году. Мысль терема быстро росла, распространялась, наполняла умы стрѣльцовъ, охватила почти все слободское населеніе Москвы. Съ небольшимъ черезъ двѣ недѣли слово стало дѣломъ. 15 мая стрѣльцы во всемъ своемъ ополченіи съ коньями, бердышами, ружьями, пушками, стали у царскаго дворца предъ Краснымъ крыльцомъ и потребовали на расправу ненавистныхъ имъ, а главное ненавистныхъ и опасныхъ терему, бояръ и другихъ сановниковъ, особенно родство Нарышкиныхъ. Вышелъ на крыльцо малолѣтній царь Петръ съ матерью царицею, вышелъ царица Иванъ, изъ котораго и дѣло начиналось, будто онъ задушенъ Нарышкиными; вышелъ свѣтѣйшій патріархъ. Но не здѣсь находилась точка тяготѣнія стрѣльцовъ; не эти лица могли понятно говорить съ ними; не въ нимъ стрѣльцы и пришли хвалиться своею службою. Тамъ, внутри царскихъ хоромъ, находилась другая, невидимая власть, призвавшая ихъ на собственную защиту и дѣйствовавшая на нихъ, какъ бы электрическимъ токомъ. Передъ тою властью они пришли заявить свою службу и заявили ее чудовищнымъ кроворазлитіемъ. Имя той власти было—*царица*. Какъ еще недавно велико было слово *царь*, такъ теперь въ той же мѣрѣ стало великимъ слово *царица*. Оно теперь повѣлывало царствомъ, спасало и губило людей. Однимъ этимъ именемъ былъ спасенъ, напр., какъ чужой совсѣмъ человѣкъ, Датскій резидентъ въ то самое время, въ которое гибли на коняхъ сторонники Нарышкиныхъ. „Не трогайте. Это посланникъ. Онъ говорилъ съ *царицею*“, — кричали безпрестанно провожавшіе его стрѣльцы своимъ товарищамъ и тѣмъ вывели его изъ бѣды.

¹ Исторія царств. Петра, г. Устрялова, I, 31.

Понятно, что въ два или три недѣли поднять такимъ образомъ стрѣльцовъ было невозможно и нѣтъ сомнѣнiя, что теремъ при помощи хорошихъ пособниковъ, какимъ, напр., былъ Ив. Мих. Милославскiй, сочинялъ эту плачевную трагедiю въ теченiи всего царствованiя старшаго брата. Воплотивъ мысль терема въ дѣло, стрѣльцы на другой день пришли тоже съ оружиемъ уже не къ Красному крыльцу, а къ Постельному, находившемуся на внутреннемъ царскомъ дворѣ, т. е. пришли поближе къ терему являть ему свою службу. „И выходили къ нимъ говорить государыни царевны, чтобъ они, помня крестное цѣлованье, такъ къ нимъ въ домъ ихъ государевъ не приходили съ невѣжествомъ“. Хорошо было невѣжество! Иванъ Нарышкинъ, котораго требовали теперь стрѣльцы не былъ сысканъ въ это время и царевны упростили оставить дѣло до утра. На третiй день, 17 мая, стрѣльцы, по уговору, явились снова на Постельное крыльцо бесѣдовать съ теремомъ: и къ нимъ выходили говорить государыни царевны. Выдуманный царь Нарышкинъ былъ выданъ, пытанъ, изрубленъ на части и черепъ его взоткнутъ на копье.

На четвертый день, 18 мая, стрѣльцы явились безъ ружья, потому что оружиемъ все уже было сдѣлано, и били челомъ великому государю, т. е. десятилѣтнему Петру, для формальности и (на самомъ дѣлѣ) государынямъ царевнамъ, чтобъ Кирилу Нарышкина, царскаго дѣда, постричь. — 19 мая стрѣльцы выпросили заслуженныя деньги 240 т. и награду по 10 руб. на человека, да помитки побитыхъ бояръ. — 20-го били челомъ, чтобъ сослать въ ссылку Дыхачевыхъ, Языковыхъ и др., а главное, родъ всѣхъ Нарышкиныхъ.

Такъ постепенно, шагъ за шагомъ, теремъ очищалъ себя нѣсто и пролагалъ дорогу къ царственной власти, истребляя или удаляя враждебныхъ и потому опасныхъ для него людей. Стрѣльцы служили дѣйствительно очень усердно и стояли на грады.

23 мая они пришли на Красное крыльцо и черезъ боярина князя Хованскаго обѣщали царевнамъ, чтобъ въ Московскомъ государствѣ были два цари, царевичъ Иванъ, шагъ братъ старшiй, да будетъ цермъ; царь Петръ, братъ меньшiй, да будетъ меньшiй, вторъй. А кто не захочетъ такъ учинить, то будетъ опять нѣтъ не малый. Царевны указали собрать Душу и сдѣлать изъ Грановитой палаты помыслить объ этомъ

великомъ дѣлѣ. Собралась немедленно дума, говорили много, призвали патріарха съ чиновнымъ духовенствомъ и выборныхъ отъ дворянъ и слободъ, и опять „о томъ бысть многое глаголаніе“. Одни говорили, что двумъ царямъ въ одномъ государствѣ быть трудно; другіе, ораторы отъ терема, доказывали, что дѣло будетъ полезное во многихъ отношеніяхъ, приводили примѣры изъ исторіи, что по два царя бывали, во Египтѣ Фараонъ и Іосифъ, въ Греческомъ царствѣ Василій и Константинъ, также два брата Оморій и Аркадій, дѣти Θεодосія Великаго. Византійскія мысли подпирались конечно и византійскими примѣрами, хотя и не совсѣмъ складными. Въ виду стрѣлцкой угрозы: *кто не захочетъ* — конечно ни кто и не противорѣчилъ ораторамъ терема. Всѣ согласились и возвѣстили избраніе звономъ въ большой колоколъ и благодарственнымъ молебномъ, во время котораго оба царя стояли въ соборѣ на царскомъ мѣстѣ и слушали многогѣтіе.

24 мая царица Софья выборныхъ стрѣльцовъ призвала и службу ихъ похвалила, а впередъ де за ихъ службу милость будетъ. Однакожъ, новонареченный царь Иванъ вовсе не думалъ царствовать первымъ, главнымъ. Вѣроятно онъ высказывалъ это, вѣроятно съ нимъ соглашались и другіе члены царской семьи, особенно старшее племя терема, старшія царицы — тетки. Требовалось укрѣпить его мысли, убѣдить его въ необходимости царствовать совмѣстно съ братомъ, что лучше всего было совершить посредствомъ тѣхъ же стрѣльцовъ съ указаніемъ на волю самаго Провидѣнія.

25 мая стрѣльцы опять пришли во дворецъ и возвѣстили Хованскому наединѣ, что постельница царицы Марѣы Алексѣевны говорила, будтобы царь Иванъ Алек. болѣзнуетъ о своемъ государствѣ, что его выбрали; да и царицы о томъ сътуютъ, и потому они стрѣльцы хотятъ видѣть ихъ государския очи. Выбравъ по человѣку изъ полку, ихъ допустили въ царскія хоромы, гдѣ, въ присутствіи царицы, царь Иванъ пожаловалъ ихъ изъ рукъ. Царицы службу ихъ похвалили и спрашивали, зачѣмъ пришли? Стрѣльцы объявили о словахъ постельницы, вопрошая, по чьему наученію она то говорила. Царицы отвѣтили, что они съ ни съ какими словами не посылали нигуда. Стрѣльцы царицамъ извѣстили, чтобы въ ихъ государскихъ палатахъ никакого смятенія не было, и чтобы государь царь Иванъ на отеческомъ врозномъ государствовалъ

первенствомъ, а братъ его, чтобъ былъ вторымъ царемъ. Царевны тѣ слова слышали радостно и изволили говорить: „дай Боже смиреніе, а тому де быть можно“,—и стрѣльцовъ за тѣ рѣчи милостиво похвалили. Царь Иванъ тутъ же сказалъ: „желаніемъ, чтобъ быть первымъ царемъ, онъ не желаетъ; но въ томъ буди воля Божія; что Богъ восхочетъ, то и сотворитъ“. Царевны на эти слова прибавили: „въ томъ де воля Божія есть и впредь будетъ: а они де выборные не собою то говорятъ, но Богомъ они въ томъ наставляемы“.

Какъ скоро утвердилось первенство старшаго брата, то вмѣстѣ съ тѣмъ утвердилось и первенство царевенъ, единоутробныхъ сестеръ его, надъ ихъ мачихою Натальею Кириловною.

26 мая первенство Ивана утвердилось официальнымъ путемъ, соборне. Послѣ того очень естественно было, за малолѣтствомъ братьевъ, правленіе вручить царевнѣ Софьѣ, какъ наиболѣе способной представительницѣ первенства старшаго царя. Такъ рѣшено было общимъ голосомъ двора и по челобитью всего народнаго множества.

Царевна по рускому обычаю и приличію много отказывалась, а потомъ согласилась, и „ради государственнаго правленія“, указала боярамъ, окольниковымъ и думнымъ людямъ видѣть всегда свои государскія пресвѣтлыя очи и о всякихъ государственныхъ дѣлахъ докладывать себѣ и за тѣми дѣлами изволила она государыня сидѣть съ боярами въ палатѣ. И (29 мая) для совершеннаго въ правленіи утвержденія, и во всякихъ дѣлахъ постоянной крѣпости, въ указахъ съ именами братьевъ царей повелѣла писать и свое имя¹. Когда все устроилось и утвердилось, дворъ принесъ поздравленіе царевнѣ, конечно, вмѣстѣ и съ царемъ Иваномъ.

Теремъ восторжествовалъ. Царемъ стала дѣвица. Дѣвица, вмѣсто монастыря, попала на тронъ, вмѣсто схимы, облеклась въ порфиру. Царь-дѣвица становится государственнымъ, официальнымъ лицомъ; какъ царь является на публичныхъ церемониальныхъ выходахъ. А такъ какъ публичные церемониальные выходы царя совершались большею частію по случаю церковныхъ празднествъ и разныхъ годовыхъ церковныхъ торжествъ, то дѣвица и на этихъ празднествахъ и въ самомъ храмѣ, во время торжественной службы, или крестнаго хода,

¹ Собраніе Записокъ, Туманскаго, V, 203.

становится изъ мірскихъ первымъ человѣкомъ. Ей воздаютъ подобающія почести. Такіе небывалые подвиги въ публичной жизни московскаго двора начались было почти съ первыхъ же дней по воцареніи въ государствѣ терема. 11 іюня 1682 г. царь слѣдовало торжественно проводить образъ Знаменія Богородицы, посылаемый въ полки въ Казань. Цари вышли и рядомъ съ ними вышла и царица Софья. Безъ всякаго сомнѣнія малолѣтнихъ царей понудили выйти именно для того, чтобы возможно было выйти и царицѣ, показать себя царскимъ чиномъ всенародному множеству. 16 іюня, вѣроятно по случаю наступавшей коронаціи, оба царя, *царевны*, царица Наталья Кирилловна ходили всѣ пѣшкомъ на богомолье въ Новодѣвичій монастырь, что также было не совсѣмъ обыкновенно. Никогда небывало, чтобы царицѣ, т. е. теремъ, — шествовалъ *торжественно* пѣшкомъ по московскимъ улицамъ. А въ этомъ случаѣ теремъ-то и былъ главнымъ лицомъ выхода; ибо цари какъ малолѣтныя служили здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, только какъ бы царственной хоругвию въ торжественномъ выходѣ. Царица же сопровождала сына, отъ котораго въ подобныхъ обстоятельствахъ она никогда неотлучалась.

Но еще необычайнѣе поступилъ теремъ, когда онъ вышелъ въ Грановитую Палату спорить съ раскольниками о Вѣрѣ. Это было вскорѣ послѣ упомянутаго пѣшаго богомолья, именно 5 іюля. Событіе въ полной мѣрѣ византійское, какъ мы упомянули.

Въ Грановитой Палатѣ теремъ сѣлъ председателемъ собора, онъ сѣлъ на тронѣ. Для двухъ царей тогда было устроено два царскихъ мѣста. На этихъ двухъ царскихъ мѣстахъ возсѣли, на первомъ, старшее племя терема царица — тетка Татьяна Михайловна; на второмъ, младшее — царица Софья Алексѣевна. Между ними, промежъ царскихъ мѣстъ сѣдѣла самая старшая царица Анна Михайловна, какъ свидѣтельствуется очевидецъ, старовѣръ Савва Романовъ. Подъ ними на креслахъ съ правой стороны отъ царицы Татьяны сѣли царица Наталья Кирилловна, а потомъ царица Марья Алексѣевна; дальше стояли бояре; съ лѣвой стороны отъ царицы Софьи, въ переднемъ углу палаты, сѣдѣлъ на креслахъ же святѣйшій патріархъ и власти. Царица Софья стало быть заняла самое видное мѣсто въ палатѣ; оттого Савва, указывая это сѣдѣнье, начинаетъ порядокъ мѣстъ съ нея ¹. Казалось бы на первомъ мѣстѣ подобало си-

¹ Исторія царств. Петра, г. Устрялова I, 268.

дѣтъ матерой вдовѣ покойнаго царя Алексѣя, старшаго брата царицы Татьяны и отца царицы Софьи, при томъ эта вдова, носившая предъ царицами старшинство мужа, была вѣсть съ тѣмъ и мать царствующаго царя. Но въ государствѣ царствовалъ тогда теремъ, царствовали не цари, а царицы, оттого этотъ именно смыслъ тогдашней исторіи и обнаруживался повсюду, во всякомъ событіи. О царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ старовѣръ Савва говоритъ, что она будто бы три раза присылала къ нимъ, съ приказомъ, чтобъ ни въ соборную церковь, ни въ Грановитую на соборъ они не ходили, чтобъ былъ соборъ или на Лобномъ мѣстѣ, или въ Кремлѣ на площади, промежъ соборовъ. Они дѣйствительно и не хотѣли идти въ Грановитую палату; но патриархъ объяснилъ имъ, что „здесь де, въ Грановитой, будетъ царица и царицы, а тамъ (на площади) имъ быть *ззорно* предъ всѣмъ народомъ“, на что старовѣры отвѣчали: „царицамъ государынямъ до того дѣла нѣтъ, достоятъ тутъ царямъ быть, а не царицамъ“. Но съ тѣмъ же предложеніемъ вышелъ къ нимъ и князь Хованскій, увѣряя, что ничего особаго для нихъ старовѣровъ, не случится, что царицы государыни хотятъ тутъ же быти, а здесь (на площади) имъ быть збло *ззорно*.

Можно, однакожъ догадываться, что необычайные поступки терема производили не совсѣмъ хорошее впечатлѣніе въ народѣ. На томъ же самомъ соборѣ, когда оскорбленная царица Софья, сказавши въ угрозу: „пойдемъ изъ царства всѣ вонъ“, встала съ царскаго престола и съ иконою въ рукахъ отошла съ сажень прочь, а Палата выразила готовность умереть, головы свои положить за царствующій домъ, то иные стрѣльцы тутъ же возгласили: „пора государыня давно вамъ въ монастырь! Полно царствомъ-те мутить! Намъ бы здорово были цари государи, а безъ васъ пусто не будетъ“. И бысть ей *ззорно* великии и съ великими стыденіемъ сѣде на царское мѣсто, говоритъ Савва. Послѣ такихъ отзывовъ *ззорное* поведеніе терема, конечно, должно было вскорѣ присмирѣть. На это указываетъ по крайней мѣрѣ то обстоятельство, что по „умиреніи міра“, по окончаніи стрѣлечихъ смуть, почти цѣлые три года теремъ уже не выходилъ на улицу, нигдѣ не являлся предъ глазами всенароднаго множества. Его руководитель царица Софья, снова начала свои публичныя выходы, кажется не раньше 1685 г. Въ этомъ году генваря 15—21 она ѣздила съ царемъ Иваномъ

въ освященію большей церкви въ Воскресенскомъ монастырѣ, (Новый Іерусалимъ) на Истрѣ, а 5 іюля явилась съ царями въ Успенскій соборъ къ молебну, праздновать годовщину побѣды надъ раскольниками. Затѣмъ ея выходы годъ отъ году учащаются и въ послѣдній 1689 годъ становятся обыкновенными ¹.

Съ 1685 г. она постепенно, все больше и больше входитъ въ обрядную роль царя, т. е. принимаетъ публичные знаки подобающихъ царю почестей, даже явно требуетъ такихъ почестей; старается при всякомъ торжественномъ случаѣ занять первенствующее царское мѣсто; всегда выходитъ на церковныя праздничныя службы или вмѣстѣ съ братомъ, царемъ Иваномъ, или же съ обоими царями, если выходитъ и другой братъ, Петръ; — иногда шествуетъ въ одной каретѣ съ царемъ Иваномъ. Но нерѣдко она и одна, какъ царь, совершаетъ церемониальный открытый выходъ въ соборъ къ церковной службѣ, соблюдая въ точности всѣ обрядныя дѣйствія: принимаетъ отъ патріарха благословіе, знаменуется (молится) у мѣстныхъ иконъ и становится, хотя и на царицыномъ мѣстѣ, но съ открытыми запонами или занавѣсами, что и придаетъ этому женскому мѣсту значеніе уже мѣста царскаго. Даже и въ то время, когда въ соборъ идутъ царь Иванъ съ царицею и царевны, она, чтобы выдѣлиться отъ семьи, идетъ особо и входитъ въ церковь особыми и при томъ главными дверьми, западными, тогда, какъ тѣ входятъ обыкновенно южными, а царевны даже сѣверными ². На службѣ, напр. у панихиды, когда не требовалось стоять на царскихъ мѣстахъ, Софья всетаки становилась подлѣ царей, именно съ лѣвой стороны, въ то время какъ царица становилась обыкновенно вдали, за царицынымъ мѣстомъ. На панихидахъ патріархъ творитъ и ей поклонъ, на равнѣ съ царемъ. На праздничныхъ служеніяхъ патріархъ и архіереи кадятъ ее. Однажды она даже и гнѣвалась за то, что ее обошли съ кадильцомъ. Вотъ что записано между прочимъ въ уставѣ Успенскаго собора: Въ 1685 г. въ предпразднество Успенію Богородицы на всенощномъ: „царь былъ Іоаннъ Алексѣевичъ и царевна; выходъ былъ со звономъ.... Въ началѣ про-

¹ Въ этомъ году, царевна послала уже ко Вселенскимъ Патріархамъ просить, чтобы могла она носить царскую корону, т. е. короноваться, возлечь на себя царскій санъ. Туманскаго, Записки VI, 255.

² Введеніи, ч. X; 287; ч. XI, 164, 200, 256, 270, 424.

говору кадилъ царя, а послѣ патриарха, потомъ царевну по 3; и послѣ державу (царскую) потомъ посохъ (свицтръ) и начинаеть. И по началѣ кадитъ архіереевъ и всю церковь; и паки кадитъ образы и государя и патриарха: *царевны не кадилъ, за то была жена.* На „Господи воззвахъ“ — протодіакону указалъ кадитъ въ началѣ государя и себя, потомъ царевну и державу и посохъ и архіереевъ и, окадя всю церковь, паки образы царя и царевну и потомъ патриарха....“ Очень естественно, что соборный уставъ, могъ ошибаться въ своихъ порядкахъ по новостямъ и небывалости дѣла.

Во „многочтномъ поздравленіи“, въ *титлѣ* (титулѣ), архіепископъ *кличеть* царей и Софію въ одной статьѣ, вмѣстѣ, а потомъ царицъ и царевенъ, особо. Въ пятницу на первой недѣлѣ великаго поста въ соборѣ патриархъ по обычаю освящалъ коливо или *кутью*, которая въ это время освящалась уже на четырехъ блюдахъ, три государскихъ да четвертое патриаршее; изъ государскихъ два блюда назначались для двухъ царей и третье, особое, для Софіи.

Царевна являлась торжественно, по царски, и въ крестныхъ ходахъ, особенно въ монастыри Новодевичій и въ Донской; присутствовала по царски на освященіи новыхъ церквей; совершала торжественные отпуски войска въ походы, и встрѣчи изъ походовъ, сопровождая при этомъ полковыя иконы. Въ дни царскихъ именинъ она вмѣстѣ съ царемъ Иваномъ жаловала боярство и служилое дворянство, дьяковъ и гостей водкою, въ передней палатѣ ¹.

Само собою разумѣется, что во Дворцѣ теремъ царевенъ пользовался еще большею свободою. Здѣсь въ это время онѣ были полновластными хозяйками всего дома, свободно отворяли всѣ двери, даже свободно отпирала сундуки съ царскою казною и бралъ казны, сколько было надобно. Известно, что напр., въ 1685—1686 гг. изъ новгородскаго приказа царевны Софіи, Екатерины, Феодосіи брали деньги не одинъ разъ; для Софіи, отпущено однажды 2000 руб. ² Въ прежнее время царевны получали деньги на свои необходимыя надобности или изъ рукъ царицы или изъ рукъ государя; были, такъ сказать, въ дѣтской зависимости отъ отца и матери, или же отъ царя—брата и вообще

¹ Древн. Визл. X, 424; XI, 24. Дворц. Разряды IV, 397.

² Исторія Россіи, г. Соловьѣва XIV, пр. 190.

отъ хозяина дома. Большія деньги, въ родѣ тысячи, онѣ получали, и то только старшія царевны, въ какихъ либо чрезвычайныхъ случаяхъ, въ видѣ дара. Такъ, напр., по случаю смерти царицы Марьи Ильичны Милославскихъ, царь Алексѣй „велѣлъ поднести по приказу покойной царицы“ царевнамъ, своимъ сестрамъ, а ея золовкамъ, Ирину, Анну, Татьяну, по тысячѣ рублей ¹. Но при Софьи теремъ уже не затруднялся брать казну собственными руками. Была своя воля. Онѣ не затруднялся выбирать себѣ надобныя вещи и изъ царскихъ кладовыхъ. Въ расходныхъ запискахъ Оружейнаго приказа читаемъ слѣдующее: въ 1684 г. іюля 2, великая государыня благородная царевна Екатерина Алексѣевна изволила быть въ Оружейной Большой казнѣ; а за нею государынею были *стольники*: Александръ Ивановъ Милославской, Михайло Васильевъ Собакинъ, Антипа Ларионовъ Пятово; *дѣвѣцѣ*: Марья Ивановна Шеина, карлица Прасковья Иванова. И указала имъ къ себѣ государынѣ въ хоромы внести оружейной брони: карабинецъ варядной, саблю-полоса булатная, саблю такуюжъ; 2 лука турецкихъ, ножъ булатный, 2 ножа стальные“ ². Подобное оружие вносилось въ комнаты къ царевнамъ не одинъ разъ. Нельзя не думать, что онѣ брали оружейную царскую казну для подарковъ и въ награду своимъ приверженцамъ. Изъ приведенной записки мы видимъ также, какимъ образомъ царевны совершали свои дворцовые комнатные выходы; за ними слѣдовали *стольники* (*пажи*) и *дѣвѣцѣ*, а также и неизмѣнная сопутница карлица.

Въ 1685 г. царевны выстроили себѣ трехъ-этажныя каменные палаты и великолѣпно ихъ украсили живописью, о чемъ мы говорили въ первомъ томѣ этого сочиненія ³. Въ нижнемъ этажѣ этихъ палатъ устроена тогда особая палата, „гдѣ сидѣтъ съ бояры, слушать всякихъ дѣлъ“, т. е. устроена и въ дѣвичьемъ терему думная боярская комната. Въ этихъ палатахъ, въ числѣ разныхъ живописныхъ изображеній, находились также и

¹ Расх. Кв. Тайнаго приказа 7178 г. марта 10.

² Расходъ оружейной брони съ 13 іюня 1682 г. отпускаемой въ хоромы къ царямъ и царевнамъ, и вылаваемой по указу разнымъ лицамъ, при сидѣннхъ боярина и Оружейничаго Петра Вас. Шереметева. Столбцы Арх. Ор. Пал.

³ Для царицы Натальи Кирилловны съ сыномъ Петромъ тогда были выстроены хоромы деревянными. — Дом. бытъ царей т. I. 65, 134.

персоны благовѣрныхъ царевенъ, которые сначала изобразили было себя въ *порфирахъ*, но потомъ, вѣроятно одумались, вслѣдствіе какихъ либо дворскихъ толковъ, и велѣли написать вмѣсто порфиръ *шубки* съ кружевы обнизными и съ каменьями¹.

Очень понятно, что, когда теремъ сталъ владыкой царскаго дома, около него должна была собраться толпа искателей его милости и устроителей своего благополучія. Царевенъ, какъ подобало, окружила лестъ тогдашней учености и книжности въ лицѣ придворнаго *учителя* Симеона Полоцкаго и достойнаго его ученика Сильвестра Медвѣдева съ ихъ друзьями. Царевнамъ, какъ и въ прежнее время ихъ отцу, а потомъ брату, эти придворные стихотворцы писали *на виршахъ* поздравленія и привѣтствія, нѣчто въ родѣ одъ, въ которыхъ непомѣрно восхваляли ихъ высокія достоинства, дарованія и добродѣтели. Такія вирши писались каллиграфически на особыхъ разцвѣченныхъ красками листахъ и царевны помѣщали ихъ въ своихъ комнатахъ на стѣнахъ, въ рамкахъ, вмѣстѣ съ фрискими листами (эстампами). Мы видѣли уже (томъ I, стр. 170), что подобныя „поздравленія“ царевны Софьи и царевны Θεодосіи, висѣли въ комнатахъ у Софьи.

Должно замѣтить, что теремъ, еще при жизни брата царя Θεодора, вошелъ уже въ непосредственныя сношенія съ учеными и книжными людьми и именно съ Симеономъ Полоцкимъ, который и безъ того былъ очень близокъ царскому семейству. Вотъ что онъ пишетъ въ своемъ „врученіи“ или посвященія царевнѣ Софьѣ сочиненной имъ книги, катихизиса, подъ заглавіемъ „Вѣнецъ Вѣры“, которая однако послѣ заподозрѣна была въ неправославіи.

О благороднѣйшая царевна Софія,
Ищещи премудрости вышу небесныя.
По имени твоему (Софія—мудрость) жизнь твою ведеша:
Мудрая глаголеши, мудрая дѣеши....
Ты церковныя книги обыкла читати
И въ отеческихъ свитцѣхъ мудрости искати....

Затѣмъ Полоцкій объясняетъ, что царевна, узнавши о томъ, что сочиняется эта новая книга, „возжелала сама ее созерцати и еще въ черни бывшу (черновую) прилежно читати“; потомъ,

¹ Арх. Оп. Над. № 263.

убѣдившись, что книга и въ духовности полезна, велѣла устроить ее чисто, т. е. переписать набѣло, устроить ее въ книжный видъ, въ которомъ авторъ и подноситъ ее царевнѣ. Само собою разумѣется, что тутъ же авторъ вручаетъ и себя милостямъ царевны и по этому случаю восхваляетъ милосердіе, говоритъ, что оно елей и что елей мудрымъ дѣвамъ необходимъ бываетъ.

Мудрѣйшая ты въ дѣвахъ! убо подобаеъ
 Да свѣтлыиыиъ сердца ти свѣтлѣе сіяеиъ:
 Обилуя елеемъ милости изъ убогимъ,
 Сію спряжа доброту къ инымъ твоимъ многимъ.
 Но и сопряга еси, ибо сребро, злато, —
 Все обратила еси милостивизъ на то,
 Да нищимъ расточиши, ниокамъ даеши,
 Молитвъ о отцѣ твоемъ теплымъ требуеши.
 И азъ грѣшныи многожды сподобихся взати,
 Юже ты милостыню велѣ щедро дати...¹

Это поднесеніе книги происходило еще при жизни царя Федора, не позже 1678 года, ибо стихотвореніе внесено Полоцкимъ въ особый сборникъ, риемологіонъ — стихословъ, составленный въ этомъ году. Тогда Софья было около 20 лѣтъ; такъ рано она уже является начитанною и знакомою съ книжными людьми.

Ученикъ Полоцкаго Медвѣдевъ также не одинъ разъ восхвалялъ царевну подобными же виршами, которыя иногда бралъ цѣликомъ у своего учителя. Между прочимъ въ 1685 г. онъ написалъ *врученіе* премудрой царевнѣ привилегіи на академію, длинное посланіе о высокомъ значеніи науки, о необходимости водворить ее на Руси; о томъ, что сама мудрость — Софья царевна только и была способна совершить это великое дѣло.

Мудрости бо ти ния подадеса,
 Грекомъ Соєи мудрость наречеса:
 Тебѣ бо слычно науки начати,
 Яко премудрой оны совершати....

Далѣе авторъ говоритъ, что, какъ Ольга свѣтъ вѣры явила, такъ и царевна хочетъ явить Россіи свѣтъ науки; что она первая здѣсь мудра явилась; что предивно Господь ее избралъ пра-

¹ Лѣтопись Русской Литературы и Древности г. Тихохранова VI, 86.

вить царствомъ, которое отъ всѣхъ бѣдствій она хранить, какъ зеницу ока; что многіе прежде жили въ Россіи князи и цари, но ни одному Богъ не далъ дара „мудрость Россамъ показать“; и т. д.

Наконецъ ее возвеличили сопричислѣнъ семи даровъ Духа Святаго. Эти дары были описаны съ величайшею лестью въ особой книжкѣ: „Дары Духа Святаго“, съ приложеніемъ гравированнаго изображенія царей и царевны, и на другомъ листѣ кн. Голицына и иныхъ персонъ. Затѣмъ явился особый гравированный портретъ царевны съ аллегорическими изображеніями такихъ же даровъ, сирѣчь добродѣтелей. Въ книжкѣ описаны слѣдующіе дары: мудрость, разумъ, совѣтъ, крѣпость, благочестіе, видѣніе въ законѣ Господнемъ и страхъ Господень. На портретѣ изображены, вверху разумъ, по сторонамъ: благочестіе и цѣломудріе, щедрота и правда, великодушіе и *надежда божественная* (т. е. вѣроятно надежда устроить себя на царствѣ окончательно). Въ описаніи дара мудрости книжка говоритъ между прочимъ, что когда въ 1682 г. былъ мятежъ (стрѣлецкій), то ни кто не могъ его усмирить, а царевна могла бы еще въ началѣ его остановить, но не хотѣла противиться изволенію Божьему, прозрѣвая „якою кончиною оваа мятежъ имѣла утолиться; въ молитвахъ неусыпающихъ въ то время трудилася, просила у Бога милости въ его отпущеніи за грѣхи мирскія...“ Въ предисловіи говорится, что „никой весь вѣкъ свой трудится, дабы малую якую часть мудрости постигнулъ; но тебѣ — съ именемъ дана есть мудрость Духомъ Святымъ, ибо имя твое ничто иное не знаменуетъ, точію мудрость“; что еще въ царствованіе своего отца Алексѣя царевна прославилась во всемъ государствѣ, иные говорили о ней, что будетъ мудра паче всѣхъ мудрыхъ, иные — что своею мудростію на весь свѣтъ разширитъ Россійское государство, иные говорили, что она возвыситъ славу христіанскую, покоритъ гордость поганскую“. И правду всѣ говорили, прибавляетъ сочинитель, обращаясь къ царевнѣ: ты не только ихъ мысли исполнила, но и еще больше прославилась; и еслибъ кто древняго вѣка началъ чуда славить, первое бы явилось ему чудо, твоя мудрость и т. д.

Книжка издава въ Черниговѣ въ 1688 г.; особый портретъ печатанъ въ Москвѣ. Все это были затѣи втораго друга царевны, Шахловитаго, конечно, при ея одобреніи. Медвѣдевъ въ надписи къ портрету равняетъ ее Семирамидѣ, Елисаветѣ Британской, Пульхеріи.

Должно думать, что и другія сестры царевны принимали живое участіе въ сношеніяхъ и бесѣдахъ съ тогдашними учеными пінтами.

Мы уже замѣтили, что церковная начитанность была насущною потребностью того времени и особенно для терема, ставшаго во главѣ тогдашнихъ общественныхъ движеній, получившаго въ свои руки царскую власть и тѣмъ самымъ сосредоточившаго около себя, все то, что по своему образованію стояло тогда впереди. Общество книжныхъ людей, сблизившееся съ теремомъ, должно было по необходимости внести въ него свое вліяніе, поднять уровень его начитанности и образованности. Нельзя при томъ отрицать, что въ настоящемъ случаѣ, черезъ тѣхъ же ученыхъ, невидимымъ ни для кого путемъ дѣйствовало отчасти католическое іезуитское направленіе, которое въ этомъ теремѣ вѣроятно и надѣялось свить себѣ прочное и покойное гнѣздо. Для него особенно и было необходимо, чтобы теремъ въ дѣйствительности шелъ впереди общества по своему образованію, получавшему подъ вліяніемъ католичества особый складъ, какимъ на самомъ дѣлѣ и отличалось образованіе царевенъ, одобрявшихъ такіа книги, каковы напр. былъ катихизисъ Полоцкаго: „Вънедъ Вѣры“, заподозрѣнный, какъ мы упомянули въ неправославіи. Католическое направленіе мнѣній принималось царевнами, конечно, вполне безсознательно, но охотно по той причинѣ, что давало, большій и всетаки благочестивый просторъ для ихъ дѣйствій; по крайней мѣрѣ оно освобождало ихъ отъ излишне суровыхъ и строгихъ запрещеній стараго Домостроя.

Однакожъ домашняя свобода терема не простиралась дальше тѣхъ шаговъ, которые указывалъ тотъ же Домострой, и которые вполне одобряли особенно католическіа идеи. Другьями терема являются попы (у царевны Екатерины костромской поппъ Григорій Елисеевъ), дьяконы (у царевны Марѣи дьякопъ Иванъ Гавриловичъ), пѣвчіе, также разныя старцы и старицы, богомолицы, нищіе и т. п. Это было самое приличное и обыкновенное общество всякаго терема въ допетровскомъ быту. Въ царскомъ теремѣ оно приобрѣло даже и политическое значеніе, ибо посредствомъ этого общества теремъ владѣлъ народными умами, направлялъ эти умы къ своимъ цѣлямъ, очень долго шутилъ всѣмъ царствомъ. Теремъ въ извѣстные дни, на память родителей, давалъ по обычаю особые пиры этому об-

шеству, извѣстные въ официальныхъ запискахъ того времени подъ именемъ *кормки мимми*. Посредствомъ этой кормки и разныхъ другихъ обрядныхъ дѣйствій комнатной жизни заводились надобныя терему связи съ *міромъ*, съ свѣтомъ, съ свѣтскими, мірскими людьми. Здѣсь-то и гнѣздились всѣ интриги государственныя и домашнія, въ которыхъ теремъ показалъ себя великимъ искусникомъ. Черезъ вѣщихъ и старицъ онъ велъ переписку съ стрѣльцами, распускалъ по городу сплетни, мутилъ государствомъ, что внолнѣ было довано стрѣлецкимъ розыскомъ 1698 г. Вообще теремъ умѣлъ дѣло дѣлать и концы хоронить. Какъ воспитана была въ этомъ отношеніи его мысль, лучше всего видно изъ его наставленій своимъ агентамъ, которыя давалъ онъ во время стрѣлецкихъ розысковъ 1698 г.

Царевна Екатерина Алексѣевна, по случаю этихъ розысковъ, очень хлопотала о томъ, чтобы близкіе къ ней ея дворовые люди, которые были замѣшаны или могли быть замѣшаны въ этомъ дѣлѣ, не выболтали чего о ея сношеніяхъ съ упомянутымъ костромскимъ попомъ или съ *мимъ*, какъ она часто обозначаетъ эту личность, о ея перепискѣ съ *мимъ* и вообще обо всемъ томъ, что отырыть она очень страшилась. Съ этою цѣлью она написала бывшей своей постельницѣ Марьѣ Протопоповой самыя подробныя наставленія, какъ и что говорить взятымъ къ розыску людямъ. Эти наставленія очень любопытны: онѣ обнаруживаютъ значительную опытность царевнѣ въ веденіи своихъ потаенныхъ дѣлъ и вводятъ насъ въ кругъ мелочныхъ домашнихъ интересовъ терема. Слѣдствиемъ однакожъ было доказано, что „царевна не разъ посылала за попомъ на Кострому своихъ постельницъ, тайно принимала его въ своихъ хоромахъ, дарила ему деньги, дворцовую серебрянную посуду, находила случай переписываться съ нимъ, когда у комнатъ ея стоялъ караулъ, и утѣшалась въ своемъ заточеніи его предсказаніями. „Ничего не бойся, сказывалъ онъ ей чрезъ посланнаго, ничего тебѣ не сдѣлаютъ; я знаю по планетамъ, что будетъ, худо или добро“¹. Но участія царевны въ заговоръ не открыто.

Въ своихъ наставленіяхъ она писала слѣдующее: „Пожалуй, для Бога, матка моя, създи ты сего дня или утра съ матерью своею къ Соронику въ домъ, только ночью будетъ съ нею шѣдѣться, да и молвь ты тихонько съ Вахромеевною“², чтобъ

¹ Исторія Царств. Петра В. г. Устрялова III, 238.

² Дома Вахромеева содержалась подъ карауломъ у Соронина въ томъ,

мать твоя не вѣдала: такъ ей молвь: для де Бога не торопись, молись Богу. Будеть де тебя спросить: почему де ты *пома* знаешь? — Такъ бы молвила: какова попа? Буде скажутъ какова, такъ бы молвила: кто сказываетъ, что я его знаю? — Буде старица (попавшаяся на слѣдствіе) станетъ про меня что говорить, что будто ко мнѣ хаживала: одно бѣ крѣпко въ томъ стояла, что „не знаю, ни вѣдаю и не хаживала къ ней“. — А буде уже не возможно того не сказать ей, что *сид* не знаетъ, такъ бы только сказала (за нужду, буде старица въ чемъ уличить), что она гдѣ ее съ нимъ видала, такъ бы къ тому слову сказала: только изъ знакомства, что онъ прихаживалъ къ Марѣ Ивановнѣ¹ и бывалъ челомъ о скуѣѣ, такъ иное сама не выдетъ на лѣстницу, да меня высылала сказать ему, что скажетъ: добро, пошлю къ патриарту побить челомъ. А больше того не знаю ни чего, хотя уже умереть. Много бы словъ тѣхъ не плодила. — Буде и про то стануть спрашивать, что почто ты прежде сего вѣдила на Кострому? — Такъ бы сказала: вѣдила я въ монастырь въ Нерехту съ милостынею; въ тотъ годъ недородъ былъ хлѣбу: такъ де старица, бывалъ у царевны и гдѣ бывала постельница, такъ де она была челомъ, что съ голоду они пропадаютъ; такъ де царевна Софія послала денегъ на хлѣбъ.... Чтobъ не торопилась; буде спросить, такъ бы и сіе сказывала; а буде не спросятъ, такъ бы не говорила.... А про нынѣшнее буде спросить: почто ты вѣдила на Кострому? такъ бы сказала, что къ свекру и свекрови вѣдила видѣться. И про то буде спросить: вѣдаетъ ли царевна, что ты поѣхала? такъ бы сказала, что не вѣдала.... Буде спросятъ о томъ, прихаживала ль къ намъ коли? одно бы говорила, что не хаживала.... и про письма ни про какія поминать ей не вели, ни про *нее*. Хоть и спрашивать стануть про письма, что не нашивала ли какихъ писемъ? одно: что не нашивала, хоть умереть готова.— Буде и про то спросятъ: не теривала ли ты какихъ писемъ? — Нивкакъ, хоть умереть готова, что ничего не знаю, ни вѣдаю. Лучше, одна стертись, *пошикуй* Богомъ! Авось о этомъ и не спросятъ у нее. Ты ей *ростолкуй* хорошенько, только пошине; поговори ты съ *нею*: буде про сіе не стануть спрашивать, такъ бы и не заводила про сіе говорить сама“.

что она отъ царевны къ *располѣ* съ Верху письма нашивала и по того располу на Кострому вѣживала.

¹ Верховая боярыня Марья Ивановна Вѣтина (?).

„И мужъ бы ея Вахромеевой не сказывалъ того, что она къ намъ хаживала, и что мы вѣдаемъ, что они поѣхали къ Костромѣ; чтобъ въ одно слово говорили, что жена, тобъ и мужъ сказалъ. А какъ въ словахъ разобьются, такъ худо будетъ. И про тобъ не сказывалъ, что мужъ-отъ Вахромеевнищъ въ ту пору, какъ мы сидѣли заперты въ Верху лѣтася, такъ онъ отъ *пона* прихаживалъ съ словами къ Вахромеевнищ, и письмо одинова принесъ къ ней; чтобъ этого не сказалъ. Вѣдь нѣтъ этому свидѣтеля: только они два. Только мочно, мужу Вахромеевнину это молвь ты, чтобъ про сіе не поминалъ, ни про деньги, что съ ними къ попу послали денегъ 10 рублей; (будто) онъ давно просилъ, будто у него то заимовалъ. Ужъ ты вычитай хорошенько письма. Да только мошно, этакъ про все Вахромеевнищ молвь ты, какъ писано: буде о чемъ спросить, такъ бы этакой отвѣтъ давала; а буде не спросятъ о чемъ, такъ бы и не поминала. А хотя и про иное про што и спросятъ, такъ бы, нѣтъ доводчика, такъ можно въ томъ словѣ умереть“.

„Пуще всего, писемъ чтобъ не поминала.... Для Бога, ты этихъ словъ никому не сказывай, о чемъ писано, что съ ними говорить; не вѣрь ни въ чемъ, никому, ни родному. И Дарьѣ бы кто молвилъ, чтобъ не торопилась, чтобъ писемъ не поминала, что ко мнѣ писывали. Также бы, любо спросятъ про то: не выдавали попа въ Верху? такъ бы сказала, что одно, что хочу умереть, ни знаю, ни вѣдаю.... Буде и прото спросятъ; не хаживалъ ли кто къ намъ сюды бабъ и мужиковъ? крѣпкобъ говорили, что никакъ.... ни кто не хаживалъ.... Пожалуй, для Бога, прикажи всѣмъ имъ, которые сидятъ, какъ здѣсь писано, чтобъ ни себя, ни меня, ни людей не погубили. Молились бы Богу, да Пресвятой Богородицѣ, да Николаю чудотворцу; общались бы, что сдѣлать. Авось ли Господъ Богъ всѣхъ насъ избавитъ отъ бѣды сея! — Пошли ты по Толочанова, да распроси ты хорошенько про старицу и про то, что она доводитъ въ чемъ на *пона*, и на царицу, и на меня. Довѣдайся о всемъ, да отпиши. А какъ Василей на перемѣну придетъ въ четвергъ, такъ съ нимъ въ ту пору писемъ не посылай, осматриваютъ ихъ. Помилуй Богъ, какъ найдутъ.... Призови ты къ себѣ завтра Агафью Измайловскую.... Ты ей молвь: что де ты хоронишься? отъ чего? До тебя де и дѣла нѣтъ. А коли бы де и дѣло было, гдѣ де ухорониться отъ воли Божіей!... Ты молвь ей: помилуй де Богъ отъ того! А какъ бы де взяли,

такъ бы де вы, чаю, все выболтали: какъ хаживали, и какъ что, и какъ царевенъ видали. Не уморя де для Бога! хоть бы де взяли и вамъ бы де должно за нихъ, государынь, и умереть. Не поминай де ты и про то, что письма отъ Татьяны и отъ Дарьи нашивали. Въдъ де нѣтъ свидѣтели на то.... Ономедни съ нею посылала денегъ два рубли на подворье, зашто въ мѣшкѣ, *къ мему*. И про этобъ не сказывала: нѣту на это свидѣтелей; отнюдь бы не сказывала, что къ намъ хаживала.... Опять повидайся ты съ Яшкою.... Я велѣла къ тебѣ имъ захватъ. Разговорись съ нимъ, какъ его имали, въ чемъ? Да и про то молвь: помилуй де Богъ! Какъ бы стали растранивать, такъ бы де вы много наболтали. Вамъ бы де и умереть надобно за нихъ; въдъ де нѣтъ свидѣтелей прямыхъ. Будеть де и присылали про то: что какіе горшки важивали? такъ де (бы) сказали, что въ Верху варили *ходатая*; а про иное бъ и не поминали. Хотябъ де и спросили: что не важивалили де писемъ? такъ бы де сказали: хоть умереть въ томъ, что не знаемъ ничего, ни въдаемъ. А буде не спросятъ, такъ нечего и говорить ни про что, о чемъ не спрашиваютъ. Поговори имъ гораздо отъ меня про сіе: хоть бы умереть, а словъ бы не было: нѣтъ свидѣтеля. А для того про это пишу: ради всякаго времени. Иногда и не въ томъ попадутся, въ дѣлѣ, а про иное наболтають. И Дарья про то молвь, чтобъ не сказывали тѣхъ вракъ, что про старца Агафья ей сказывала и куды де она Васку посылала. О чемъ не спрашиваютъ, не вели того врать; о чемъ и спрашиваютъ, такъ въ чемъ нѣтъ свидѣтелей, такъ нечего и говорить. Чтобъ моего имени не поминали. И такъ намъ горько и безъ этого! “¹

Да, въ это время, въ это послѣднее время теремной жизни вообще, терему дѣйствительно было горько. Искоренія старыхъ друзей терема, стрѣльцовъ, Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ разрушалъ мало по малу и самое зданіе терема.

Извѣстно, что послѣ стрѣлецкаго розыска царевна Софья и Марфа были пострижены въ монахини, одна въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ и прежде содержалась, другая въ Успенскомъ дѣвичьемъ, въ Александровской Слободѣ. Предъ кельями Софьи по повелѣнію царя было повѣшено 195 человекъ стрѣльцовъ. У самыхъ оконъ висѣли трое съ челобитными въ рукахъ.

¹ Исторія царств. Петра В., III, 408.

Князю Ромодановскому царь далъ собственноручное наставленіе: кого пропускать въ Софѣ: „Сестрамъ, кромѣ свѣтлой недѣли и праздника Богородицына, который въ іюль живетъ (храмовой праздникъ монастыри), не ѣздить въ монастырь въ иные дни, кромѣ болязни (Софьиной). Со здоровьемъ (спрашивать о здоровѣ) посылать Степана Нарбекова или сына его, или Матюшкиныхъ; а иныхъ, и бабъ и дѣвокъ не посылать; а о прѣздѣ брать письмо у князя Федора Юрьевича (Ромодановскаго). А въ праздники, бывъ, не оставаться; а если останется, до другаго праздника не выѣзжать и не пускать. А *плечить въ монастырь не пускать*: поютъ и старицы хорошо, лишь бы вѣра была, а не такъ, что въ церкви поютъ: *стаси отъ бѣды*, а въ паперти деньги на убійство даютъ“.

Въ февралѣ 1700 года, приводя въ новый порядокъ расходы дворца, Петръ коснулся и кормки нищихъ. По расчетамъ оказалось, что царица Марѣя на помяновеніи покойнаго мужа, царя Федора, кормила въ 5 дней 300 нищихъ; столько же кормила царица Прасковья по мужъ, царь Иванъ; царица Татьяна Михайловна кормила въ 9 дней 200 человекъ, царица Евдокья Алексѣевна съ сестрами въ 7 дней 350 ч.; даже царица Наталья Алексѣевна кормила въ 4 дня 200 человекъ. Всего кормилось въ извѣстные дни помяновенія у 5 комнатъ 1371 ч., питья и запасовъ выходило въ годъ на 143 р. 26 ал. 3 денги. На подлинной вѣдомости объ этой статьѣ дворцоваго расхода Петръ собственноручно написалъ: „си денги раздать нищимъ по улицамъ, а въ Верхъ ихъ (нищихъ) не брать, для того, что *вытерки то колятъ*“¹.

Что именно сказано въ этой тайнописи, за неимѣніемъ ключа, мы объяснить не можемъ. Но этимъ указомъ окончательно и навсегда нищія отдалялись отъ дворцовыхъ комнатъ; старому домострою такимъ образомъ наносился самый чувствительный ударъ, ибо старый домострой всю добродѣтель свою полагалъ именно въ такихъ формахъ благочестія.

¹ У Туманскаго, Росс. Magazinъ, I, 421, напечатано: *витечки тамъ сколятъ*. Мы пользовались спискомъ этой разметной книги, относящимся къ началу XVIII ст.

Теремъ царствовалъ, конечно, по той только причинѣ, что на лицо не было царя: одинъ былъ неспособный, другой малъ возрастомъ. Какъ только выросъ и укрѣпился малолѣтний царь, тогда и окончилась воля царь-дѣвицы. Первая рѣшительная встрѣча двухъ соперниковъ, какъ и слѣдовало ожидать, произошла на церковномъ торжествѣ, ибо на этихъ торжествахъ царскій санъ и государева особа обозначались для всенародныхъ очей несравненно виднѣе; а слѣд. и несравненно виднѣе обнаруживалось зазорное совмѣстничество двухъ царственныхъ особъ. Софья очень хорошо понимала значеніе этихъ царскихъ выходовъ и не пропускала случая показаться народу въ царственномъ величіи. Выходы ея становились годъ отъ году чаще. Обыкновенно она выходила вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ и по всему вѣроятію даже и вынуждала его, постоянно больного, сопутствовать ей въ этихъ торжественныхъ шествіяхъ. Въ иное время, особенно въ послѣдній годъ, она и одна являлась на этихъ выходахъ. Царь Петръ появлялся на церковныя торжества изрѣдка, въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Онъ не тѣмъ былъ занятъ, да вѣроятно по возможности избѣгалъ и зазорнаго для себя совмѣстничества съ ненавистницею сестрою.... Но скрытая, подземная борьба обнаруживалась даже и въ этихъ богомольныхъ дѣйствахъ двухъ соперниковъ: царевна время отъ времени приказывала пѣть въ соборѣ канонъ: „многими содержимъ напастыи“, словами котораго желала выразить свое положеніе и отношеніе къ петровской партіи. Петръ въ послѣдніе года, 1688 и 1689, одинъ являлся въ соборъ къ „умовенію ногъ“, тоже, по всему вѣроятію, давая чувствовать своимъ присутствіемъ при этомъ церковномъ дѣйствѣ, какъ онъ понимаетъ свои къ ней отношенія.

Въ 1689 г. іюля 5, царевна праздновала годовщину о побѣдѣ на раскольщиковъ. Наканунѣ она одна слушала всюнощную на Троицкомъ подворьѣ, въ церкви Чуд. Сергія, а въ самый день съ царемъ Иваномъ выходила къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ и слушала благодарный молебень объ этой побѣдѣ съ прибавленіемъ упомянутаго канона „за прошеніе царевны“. 7 іюля вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ она праздновала въ соборѣ память Филиппа митрополита.

8 іюля, въ понедѣльникъ, слѣдовало праздновать явленію Казанской иконы Пресв. Богородицы съ крестнымъ ходомъ въ Казанскій соборъ въ память избавленія Москвы отъ Лиховъ,

въ 1612 г. Въ этотъ праздникъ цари поднимали въ крестный ходъ иконы и изъ своихъ Верховыхъ, дворцовыхъ церквей, отъ Спаса за Золотою рѣшеткою, за которыми шествовали торжественно сначала въ Благовѣщенскій, а потомъ въ Успенскій соборъ, а отсюда сопровождали крестный ходъ до Казанской церкви и слушали тамъ обѣдню. Царь Петръ пріѣхалъ къ празднику изъ села Коломенскаго. Надо замѣтить, что въ этомъ ходу царевна еще ни разу не участвовала въ прежнее время. Когда оба царя пошли съ Верху, изъ дворца, за образами, то и царевна въ тоже время принесла образъ „о Тебѣ радуется“, который, вѣроятно по особому обѣщанію, былъ поновленъ къ этому дню и украшенъ новымъ окладомъ¹. Нельзя было не выразить царевнѣ своего обрадованія, потому что въ это время съ торжествомъ побѣдителя приближался къ Москвѣ изъ Крымскаго похода кн. В. В. Голицынъ.

Съ именемъ Голицына для царевны соединилось на этотъ разъ много радостей. Онъ разгромилъ Перекопскаго царя; крайней мѣрѣ такъ онъ самъ писалъ о себѣ и прославлялъ и возвеличивалъ свой выдуманный подвигъ даже на всю Европу. Конечно, его успѣхъ возвеличивалъ личность правительницы, высоко ставилъ ея управленіе государствомъ; придавалъ ея лицу мужественныя самостоятельныя черты дѣятельнаго и счастливаго государя. Надо было употребить всѣ средства, чтобы поднять въ общественномъ мнѣніи этотъ крымскій подвигъ на самыя высокія ходули. Кн. Голицынъ и обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ великое умѣнье. Затѣмъ его присутствіе въ Москвѣ очень было необходимо по обстоятельствамъ царевниной борьбы съ братомъ Петромъ. Этимъ крымскимъ подвигомъ она и хотѣла усмирить невыгодную о себѣ молву со стороны братниной партіи; въ немъ она пріобрѣтала самое побѣдоносное и вполнѣ достойное оружіе противъ своихъ враговъ.

Но кромѣ политическихъ причинъ ея радости, существовала особая и главнѣйшая, сердечная, причина, которая должна была дѣйствовать еще живѣе. Голицынъ былъ другомъ царевны и ея наперсникомъ. Разлука съ нимъ уже давно ее томила. Она объ этомъ не разъ писала къ нему въ письмахъ, скрывааемыхъ отъ людей посредствомъ потаенной цифирной азбуки. Два такихъ письма, сохранившіеся счастливымъ случаемъ и открытые

¹ Древн. Визл. X, 362.

г. Устряловымъ, относятся именно къ тому времени, о которомъ мы говоримъ. Царевна поздравляетъ въ нихъ своего друга съ побѣдою, которую разумѣется приписываетъ милосердію Божию, и присовокупляетъ: „чево отъ вѣка не слыхано, ни отци наши повѣдаша намъ такова милосердія Божія; нехуже Израильскихъ людей, продолжаетъ она, извелъ насъ Богъ изъ земли Египетской, тогда чрезъ Моисея, нонѣ чрезъ тебя, душа моя.... Свѣтъ мой, братецъ, Васенька, здравствуй, батюшка мой, на многія лѣта и паки здравствуй Божією (милостію) и Пресвятыя Богородицы и твоимъ разумомъ и счастьемъ, побѣдивъ агаряны, подай тебѣ Господи и впредь враги побѣждати. А мнѣ, свѣтъ мой, вѣры не имѣется, что ты къ намъ возвратишься; тогда вѣры пойму, какъ увижу во объятіяхъ своихъ тебя, свѣта моего.... Свѣтъ мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многія лѣта!... Батюшка мой, радость моя, свѣтъ очей моихъ, мнѣ вѣры не имѣтда, сердце мое, что тебя, свѣтъ мой, видѣть. Великъ бы мнѣ день той былъ, когда ты, душа моя, ко мнѣ будешь. Еслибы мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила предъ собою“. И самъ Голицынъ видимо очень желалъ своего возвращенія въ Москву и потому просилъ друга—царевну, чтобъ она помолилась. На первый разъ царевна, кажется, не совсѣмъ такъ поняла его просьбу. „А что, свѣтъ мой, пишешь, чтобы я помолилась“, отвѣчаетъ царевна и присовокупляетъ въ сомнѣніи: „будто я, вѣрно, грѣшная предъ Богомъ и недостойна; однакоже дерзаю, надѣясь на его благоутробіе, если и грѣшная. Ей всегда того прошу, чтобы свѣта моего въ радости видѣть“. Въ другой разъ она писала: „что ты, батюшка мой пишешь о посылкѣ въ монастыри, все то исполнила, по всѣмъ монастырямъ бродила сама пѣша.... что пишешь, батюшка мой, чтобъ я помолилася: Богъ, свѣтъ мой, вѣдаетъ, какъ желаю тебя, душа моя, видѣть; и надѣюсь на милосердіе Божіе, велитъ мнѣ тебя видѣть, надежда моя.... А я, батюшка мой, здорова, твоими молитвами, и всѣ мы здоровы. Аще дастъ Богъ увижу тебя, свѣтъ мой, о всемъ своемъ житѣ скажу; а вы, свѣтъ мой, не стойте, подите помалу, и такъ вы утрудился. Чѣмъ вамъ платить за такую нужную службу, наипаче всѣхъ твои, свѣта моего, труды. Еслибъ ты такъ не трудился, никтобъ такъ не сдѣлалъ“.

Теперь весьма понятно съ какимъ особеннымъ желаніемъ царевна хотѣла присутствовать въ торжественномъ крестномъ

ходъ къ Казанской. Она праздновала побѣду надъ врагами и разными напастями во всѣхъ смыслахъ.

Дворцовый выходъ совершился въ полномъ составѣ. Въ Успенскомъ соборѣ цари и царевна приложились къ иконамъ и св. мощамъ при пѣніи многолѣтія, послѣ чего должно было идти за св. иконами и крестами въ церковь къ Казанской. Тогда, говорятъ, царь Петръ сказалъ сестрѣ, чтобъ она въ ходъ не ходила. Какъ она ему отвѣтила, мы не знаемъ. Но дѣло кончилось тѣмъ, что въ ходъ не пошелъ только самъ Петръ.

Царевна съ братомъ Иваномъ торжественно вышла за крестами изъ собора и сопровождала ихъ до мѣста; а Петръ проводилъ кресты только до Архангельскаго собора, вошелъ въ эту царскую усыпальницу, помолился у св. иконъ и у мощей благовѣрнаго царевича Димитрія и „изволилъ съ Москвы итти въ тоже вышеупомянутое село Коломенское“. Къ сожалѣнію въ дворцовой разрядной запискѣ объ этомъ событіи, въ оригинальномъ столбцѣ, послѣ этихъ самыхъ словъ слѣдуетъ утрата нѣсколькихъ листовъ¹, такъ что мы не знаемъ, въ чемъ заключались дальнѣйшія подробности ея повѣствованія, именно относительно царевны Софьи.

Но царевна продолжала свои выходы еще съ большею настойчивостью. 14 іюля она одна ходила ко всеобщей въ церковь св. Владиміра, что въ Садѣхъ, 15 іюля въ самый праздникъ св. Владиміра она одна изволила быть въ той же церкви на освященіи и у обѣдни. 18 іюля вечеромъ ходила въ село Покровское и вскорѣ возвратилась оттуда, вѣроятно по той причинѣ, что въ это время къ Москвѣ подошелъ съ полками кн. Голицынъ. На другой день 19 іюля происходила торжественная встрѣча побѣдоносному войску, при чемъ царевна уже безъ малѣйшаго зазора справила эту встрѣчу во всемъ подобно самому царю. Воеводамъ велѣно было впередъ себя отпустить къ Москвѣ св. крестъ и полковыя св. иконы, которыя были съ войсками въ походъ. Въ восьмомъ часу утра царевна изволила

¹ Дворц. разряды IV, 458. Замѣчательно, что въ подобныхъ актахъ, касающихся этой смутной эпохи, мы постоянно, и въ самыхъ важныхъ мѣстахъ, встрѣчаемъ такія же утраты. Такъ, напр. значительная часть предсмертнаго показанія Шавловичаго (Устряловъ, II, 77), тоже утратилась. Какъ будто по всемъ этимъ документамъ ходила какая-то одна рука, истребляющая все, что должно было выяснять и обнаруживать въ настоящемъ видѣ отношенія Софьи къ Петру и къ своимъ друзьямъ.

идти въ церковь Тихона (у Арбатскихъ воротъ); отслужила тамъ молебенъ и продолжала шествіе къ Серпуховскимъ воротамъ, у которыхъ за городомъ и встрѣтила св. иконы. Помолвившись и приложившись къ иконамъ, она „жаловала къ рукѣ“ бояръ и воеводъ, кн. Голицына съ товарищи, и изволила спросить ихъ о здоровьѣ. Отъ Серпуховскихъ воротъ за иконами она шла въ Кремль, въ сопровожденіи тѣхъ же походныхъ бояръ и воеводъ, а также и бояръ, окольныхчихъ, думныхъ людей, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дьяковъ, гостей и приказныхъ людей, которые сопутствовали ей на выходѣ. Впереди иконъ шли ратные люди: ротмистры, полковники, стольники, стряпчіе, лорутчики, хорунжіе, дворяне, жильцы и иныхъ чиновъ, по 5 и по 6 человекъ въ рядъ, въ саадакахъ и въ сабляхъ и съ инымъ оружіемъ. У дворца шествіе встрѣтилъ царь Иванъ; послѣ чего царевна прошла дальше, черезъ свой государской дворъ, въ соборную церковь, гдѣ патріархъ совершилъ благодарственный молебенъ, послѣ котораго царевна проводила полковую свитыню къ себѣ во дворецъ и тамъ ее оставила въ одной изъ верховыхъ церквей. Затѣмъ въ Передней палатѣ вмѣстѣ съ братомъ она торжественно жаловала къ рукѣ всѣхъ походныхъ воеводъ и дьяковъ, и всѣхъ начальныхъ ратныхъ людей, при чемъ боярамъ сказана была похвальная рѣчь.

23 іюля въ 6 часу утра царевна ходила къ обѣднѣ въ Ново-дѣвичій монастырь и служила тамъ торжественный молебенъ „Смоленской Божіей Матери о ихъ государскомъ многолѣтнемъ здравіи и о всякомъ благополученіи и воздавали хвалу о побѣдѣ враговъ, проклятыхъ агарянъ“. У молебна были кн. Голицынъ и всѣ воеводы и ратные начальные люди. Послѣ молебнаго пѣнія, царевна угощала воеводъ фряжскими винами, а ратныхъ людей водкою.

25 іюля, по случаю именинъ царевны Анны, она опять угощала въ Передней водкою все боярство и дворянство и полковыхъ людей.

Между тѣмъ развязка потаенной борьбы съ братомъ близилась къ концу. Софья вела уже рѣшительные переговоры съ стрѣльцами. 27 іюля, на праздникъ иконы Смоленской Богородицы Одигитрии (путеводительницы, крѣпкой помощницы) она ходила, по обычаю въ Ново-дѣвичій монастырь ко всенощной, окруженная пятисотными и пятидесятниками отъ всѣхъ стрѣleckихъ полковъ; по окончаніи службы, въ 4 часу ночи, подо-

завъ стрѣльцовъ, царевна жаловалась имъ на царю Наталію Кирилівну: „И такъ бѣда была, говорила Софья, да Богъ сохранилъ; а нынѣ опять бѣду зачинаетъ. Годны ли мы вамъ? Буде годны, вы за насъ стойте; а буде не годны, мы оставимъ государство“. Стрѣльцы отвѣчали: „воля ваша! Мы повелѣніе твое исполнять готовы; что велишь дѣлать, то и станемъ“. — „Ждите повѣстки“, сказала царевна. 4 августа ночью она переговаривалась съ стрѣльцами въ верхнихъ хоромахъ, у самаго терема, и говорила имъ: „Долголь намъ терпѣть? Ужъ житья нашего не стало отъ Бориса Голицына (кравчаго у Петра) да отъ Льва Нарышкина. Царя Петра они съ ума споили; брата Ивана ставятъ ни во что; комнату его дровами закидали; меня называютъ дѣвкою, какъ будто я не дочь царя Алексѣя Михайловича; князю Василью Васильевичу (Голицыну) хотятъ голову отрубить, а онъ добра много сдѣлалъ: польскій міръ учинилъ.... Радѣла я о всячинѣ, и они все изъ рукъ тащатъ. Можноль на васъ падѣяться? Надобныль мы вамъ? А буде не надобны, мы пойдемъ себѣ съ братомъ, гдѣ кельи искать“. Такой же разговоръ съ стрѣльцами по ночамъ у своего терема она вела во все это тревожное время ¹. Между тѣмъ Петръ еще 25 іюля передвинулся изъ Коломенскаго въ Преображенское; 4 августа отпраздновалъ въ Измайловѣ именины своей жены, царицы Евдокіи Лопухиныхъ, а въ полночь на 8 августа принужденъ былъ, спасаясь отъ убійства, внезапно ускакать въ Троицкій монастырь; „изволилъ идти для моленія въ Троицкій монастырь“, какъ отмѣчаетъ дворцовая разрядная записка.

Въ то самое время, какъ Петръ безъ оглядки торопился добраться скорѣе до монастыря, чтобы найдти себѣ за его стѣнами безопасное мѣсто, благочестивая царевна, окруженная стрѣльцами, слушала акафистъ ² въ церкви Казанской Богоматери, а вѣрнѣе упомянутый выше канонъ: „многими содержимъ напастями“. На самомъ же дѣлѣ подъ этимъ благочестивымъ обликомъ она вела рѣшительный заговоръ противъ брата и его семьи. Во дворцѣ и между стрѣльцами въ это время распространялся уже слухъ, что въ эту ночь придутъ изъ Преображенскаго потѣшныя конюхи и побьютъ царя Ивана и всѣхъ его сестеръ, слѣд. распространялся слухъ о нашествіи Петра

¹ Исторія царств. Петра, г. Устрялова, II, 51.

² Исторія царств. Петра В., II, 59.

на теремъ. 9 августа царевна съ братомъ Иваномъ служила панихиду въ Архангельскомъ соборѣ по своихъ государскихъ родителяхъ, а потомъ одна ходила и въ Вознесенскій монастырь и тамъ также служила панихиду у гробовъ царицъ. Приближались обстоятельства очень трудныя и опасныя; они-то и заставляли царевну обращаться къ памяти родителей, въ это не обыкновенное для подобныхъ моленій время. 11 августа вечеромъ она торжественно въ сопровожденіи боярства и дворянства, проводила изъ двора въ Донской монастырь чудотворную икону Донской Богоматери, которая сопутствовала полку въ крымскомъ походѣ и оставалась еще пока до дворца. Тамъ она слушала всенощную; а на другой день, 12 августа, ходила туда къ ранней обѣднѣ. 14 и 15 августа, по случаю празднованія Успенію совершены были обычные праздничные торжественные выходы въ Успенскій соборъ ко всенощной и къ обѣдни, въ соупутствіи бояръ, думныхъ и ближнихъ людей. 17 августа царевна ходила молиться въ Новодѣвичій монастырь. 18 и 19 числа совершила съ братомъ празднованіе Донской Богородицы съ обычнымъ крестнымъ ходомъ въ Донской монастырь.

26 августа вечеромъ она опять ходила молиться въ Новодѣвичій монастырь, оставалась тамъ всю ночь и воротилась въ Москву за часъ до свѣта. Всѣ эти благочестивыя ночныя бдѣнія совершались однакожь съ тою цѣлью, чтобы свободнѣе вести переговоры съ стрѣльцами, ибо стрѣльцы всегда непременно сопровождали царскую особу, особенно въ ночныхъ выходахъ.

Наконецъ, 29 августа, царевна сама уже рѣшилась отправиться въ Троицкій монастырь къ разгнѣванному брату Петру. За 2 часа до вечера она отслушала въ Успенскомъ соборѣ напутственный молебень; оттуда ходила молиться у родительскихъ гробовъ въ Архангельскій соборъ и въ Вознесенскій монастырь, молилась въ Чудовъ монастырь, на Троицкомъ подворьѣ и въ приходской церкви Вознесенія на Никитской. „И изъ той церкви изволила она великая государыня взять чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы Казанскія и быть въ соборной церкви Казанскія Богородицы, что въ Китаѣ (городѣ), а отъ той церкви, съ тою святою иконою, итти въ Троецкой Сергіевъ монастырь“. Ее сопровождали бояре, окольникіе, думные дворяне, стольники и стряпчіе. Извѣстно, что Петръ воротилъ ее изъ этого похода, грозя, что если пойдетъ, то „поступлено будетъ съ нею нечестно“. Она воротилась въ Москву 31 августа въ

7 часу ночи, по нашему счету во второмъ пополуночи, 1 сентября, съ рѣшимостью поднять на Петра все государство. Но черезъ недѣлю, 7 сентября, была сама отрѣшена отъ владѣнія царствомъ ¹.

Открывъ на-лицо всѣ ея замыслы, Петръ написалъ письмо къ старшему брату Ивану: „сестра наша царевна Софья Алексѣевна государствомъ нашимъ начала владѣть своею волею, и въ томъ владѣніи, что явилось особамъ нашимъ противное и народу тягость и *наше терпаніе*, о томъ тебѣ, государь, известно. А нынѣ злодѣи наши Федька Шанловитый съ товарищи... умышляли о убивствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровьемъ.... А теперъ, государь братецъ, настойтъ время нашимъ обоемъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли еси въ мѣру возраста своего, а третьему *ззорному лицу*, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужскими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не извольнемъ; на тобѣ и твоябѣ, государя, моего брата, воля склонилася, потому что учала она въ дѣла вступать и въ титлахъ писаться собою безъ нашего изволенія; къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хотѣла вѣнчаться. *Срамно*, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, *тому ззорному лицу* государствомъ владѣть мимо насъ!“

Этими словами Петра о ззорномъ лицѣ древній русскій вѣкъ высказывалъ свой приговоръ женской личности вообще и подвигу царевны въ особенности. Помимо всѣхъ преступныхъ замысловъ, этотъ подвигъ былъ самъ по себѣ ззоренъ и несовместимъ ни съ какимъ положительнымъ идеаломъ вѣка. Срамно было мужскимъ особамъ, въ общественномъ дѣлѣ, стоять рядомъ съ личностью дѣвицы, а еще болѣе: находиться въ ея обладаніи, въ ея волѣ. Не преступнымъ только являлось ея лицо, но и ззорнымъ, на что особенно и указываетъ оскорбленный Петръ. „Пора, государыня, давно вамъ въ монастырь!“ мыслилъ древній вѣкъ, въ лицѣ ея же пособниковъ стрѣльцовъ, опредѣляя тѣмъ истинное назначеніе для дѣвичьей личности, если она лишалась почему либо возможности пристроить свою судьбу къ личности мужской, какъ было именно въ царскомъ быту.

¹ Дворц. разр. IV, 482 и др.

Дѣвица-царевна, какъ и всякая честная вдова, слѣд. вообще женская личность, сама по себѣ, — по смыслу своего положенія въ обществѣ, была монастырка, постница, пустыяница. Въ этомъ заключалось ея истинное призваніе, т. е. въ этомъ состояла идея ея общественнаго положенія. Вотъ почему и домъ вдовы и терезъ дѣвицы мало по малу всегда неизмѣнно превращался въ монастырь. Другой образъ жизни также неизмѣнно ставилъ ея личность въ положеніе зазорное для общественныхъ глазъ. Другой образъ жизни, хотя бы самый скромный, но только самостоятельный, былъ уже отрицаніемъ постническаго идеала и являлся непростительнымъ нигилизмомъ. Въ существенномъ смыслѣ зазорнымъ нигилизмомъ являлось не худое поведение, а всякій признакъ независимаго, самостоятельнаго отношенія къ обществу, что осуждалось еще больше, и сильнѣе, чѣмъ худое поведение. Худое поведение судилъ Богъ, всегда милосердо отпущающій грѣхи. Самостоятельное поведение судило общество, никогда не прощающее явнаго отступничества отъ его идеаловъ. Поэтому житейскіе грѣхи можно было всегда прикрыть постническою мантиею, лишь бы не видало ихъ общество. Но грѣхъ личной независимости и самостоятельности прикрыть было не возможно; ни какой мантии для этого не существовало. Въ этомъ случаѣ была неизбѣжна и совершенно необходима прямая, открытая и притомъ богатырская, т. е. петровская борьба съ тѣмъ же обществомъ; борьба, недопускаящая ни какихъ сдѣлокъ, ни какихъ колебаній, уступокъ, ни какихъ мирныхъ переговоровъ. Быть можетъ у Софьи-царевны досталобы и ума и смѣлости выйти и на этотъ путь; но у ней не доставало главнаго: живой вѣры, что этотъ путь столько же святъ; живой вѣры въ ту истину, что общество спасается не постническимъ идеаломъ, а идеаломъ полной, всесторонней свободы. Она же не искала настоящей свободы, а искала лишь приличной формы, приличной по мнѣнію вѣка одежды для своего дѣвическаго своенолія; потому она вовсе не была способна съ рѣшимостью отступить отъ завѣтнаго постническаго идеала и стремилась устроить не общественную, но лишь свою личную свободу по его же византійскимъ образцамъ. Она способна была явить русскому міру только фарисейскій видъ того же постничества. А это были старые мѣхи, которые уже не годились для новаго вина, т. е. для новыхъ началъ развитія, какихъ неуклонно требовало русское общество, вся русская жизнь, во всемъ своемъ составѣ и

которыя способенъ былъ насадить и водворить только Петръ, стремившійся на прямой путь свободы гражданской и человѣческой.

Весьма понятно, чѣмъ должны были назаться Петру всѣ эти богомольные постническіе подвиги царевны и ея сестеръ, весь этотъ старый домострой жизни, прикрывавшій своими досточтимыми формами самыя растлѣныя нравственныя начала.... Очень понятно, почему постническій идеалъ сталъ для него съ этого времени особенно ненавистенъ, почему онъ относился къ нему съ самымъ полнѣйшимъ отрицаніемъ и почему въ послѣдующее время употреблялъ всякія средства, чтобы окончательно его уронить и осмѣять въ общественномъ мнѣніи, устроивая съ этою цѣлью потѣшныя дѣйства извѣстнаго князь-папы или Пресбургскаго патріарха и жестоко стѣвненія и преслѣдуя ревностныхъ поборниковъ сказаннаго идеала, всякихъ его выразителей и изобразителей, начиная отъ старцевъ — пустосвятовъ, юродивыхъ, нищихъ и т. д., и оканчивая крутыми старовѣрами, которые въ истинномъ смыслѣ были произведеніемъ Домостроя и потому такъ крѣпко и стояли за старое благочестіе.

Не добрую славу оставилъ по себѣ теремъ Софьи и въ народѣ. Правду или неправду старовѣры въ тихомолку говорили: „царевна Софья, была блудница и жила блудно съ боярами, да и другая царевна, сестра ея.... и бояре ходили къ нимъ и робять тѣ царевны носили и душили, и иныхъ на дому кормили....“ (Исторія Россіи, г. Соловьева, XVII, 227).

ГЛАВА III.

ЖЕНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ ВЪ ПОЛОЖЕНІИ ЦАРИЦЫ.

Особенныя условія этого положенія. Причины, которыми вызваны такія условія. Государевы браки. Исторія государевыхъ невѣстъ. Призваніе царицной личности.

Мы видѣли, что русскій допетровскій вѣкъ не признавалъ женскую личность самостоятельнымъ членомъ общества. Въ обществѣ у ней не было своего самостоятельнаго мѣста. Самостоятельное мѣсто она имѣла только въ семьѣ. Но и здѣсь смыслъ ея самостоятельности колебался между отцомъ семьи, ея мужемъ, и ея же дѣтьми, такъ что предъ лицомъ отца семьи, своего мужа, она была столько же зависимою, малолѣтною въ своихъ правахъ, какъ и всѣ его дѣти. Затѣмъ, внѣ семьи, женская личность совсѣмъ уже теряла свои самостоятельныя права и приравнялась къ общественнымъ сиротамъ, т. е. къ людямъ, которые никакими самостоятельными правами въ обществѣ не пользовались. Руку помощи ей подавала уже церковь, принимавшая подъ свою защиту всѣхъ сирыхъ и убогихъ. Церковь же, по необходимости, указывала женской личности лишь одинъ путь нравственно-самостоятельной жизни — монастырь. Это былъ въ дѣйствительности единственный путь не только для спасенія, но и для самостоятельнаго, сколько нибудь независимаго положенія въ общественной жизни. Оттого иноческій идеалъ становится для женской личности исключительнымъ и самымъ высшимъ идеаломъ существованія, ибо въ немъ одномъ только она и находитъ удовлетвореніе своимъ нравственнымъ

самостоятельнымъ стремленіямъ. Между семьею и монастыремъ нѣтъ ей въ обществѣ мѣста; помимо семьи и помимо монастыря нѣтъ ей въ обществѣ дѣла, нѣтъ подвиговъ, которые могли бы придавать ей жизни, хотя бы въ такой же мѣрѣ, самостоятельный, независимый смыслъ¹. Какъ скоро она останавливалась между этими двумя сферами предназначенной ей дѣятельности, стремясь найти для себя какую либо иную точку опоры въ общественной жизни, — она тотчасъ прибрѣтала смыслъ лица зазорнаго. Общество въ такихъ случаяхъ всегда приходило въ великое смущеніе: всякое общественно-самостоятельное положеніе женской личности оно почитало невыразимымъ срамомъ не столько даже для личности женщины, сколько именно для самого себя. Однажды (въ 1418 г.) случилось въ Новгородѣ, — о которомъ составлено понятіе, что тамъ женщина пользовалась болѣею свободою, чѣмъ гдѣ либо въ старой Руси; — народъ поднялся на боярина Данила Ивановича Божина и казнилъ его ранами близъ смерти, т. е. сталъ бить его чуть не до смерти. „Было же и это дивно, прибавляетъ тамошній лѣтописецъ, — или на укореніе богатымъ, обидящимъ убогій, или казнь дѣвола: — жена нѣкая, отвергнуши женскую немощь, взявши мужскую крѣпость, выскочивъ посреди совмища, дастъ ему (боярину) раны, укоряюща его, какъ неистова глаголющи: яко обидима есмь имъ“². Событіе, въ самомъ дѣлѣ, до чрезвычайности дивное по старымъ русскимъ понятіямъ, которое въ дѣйствительности имѣло смыслъ дьявольской казни, потому что исполнителемъ этой казни являлась женская личность, принимавшая на себя подвигъ совѣмъ ей несвойственный, не потому однакожъ несвойственный, что въ немъ унижалось достоинство женственныхъ нравовъ, а потому собственно, что здѣсь женщина являлась мужчиною, становилась поносителемъ мужской личности. Когда боярина били мужчины, — это было обычное дѣло; ничего тутъ не было чрезвычайнаго, дивнаго; но какъ скоро на него же поднялась рука женщины, — это становилось уже чудомъ и объяснить такой случай возможно было только казнью дѣвола, чрезвычайнымъ укореніемъ и поношеніемъ именно тѣхъ людей, которые слиш-

¹ Котошихины: А которые дѣвицы бываютъ увѣчны и стары, и замужъ ихъ звать за себя никто не хочетъ; и такихъ дѣвицъ отцы и матери поспрашиваютъ въ монастырѣхъ, безъ замужества.

² Ш. С. Р. Л. III. 136.

ношъ высоко себя ставили предъ людьми простыми, бѣдными. Женщина была обижена бояриномъ и, конечно, имѣла такое же право мстить ему свою обиду, какъ и всѣ мужчины, и при томъ въ такой же новгородской формѣ, потому что эта форма, побой, была, какъ бы сказать, самою натуральною формою народной расправы съ виновникомъ. Мы приводимъ этотъ мелкій случай, какъ черту общаго склада понятій о женской личности, по которому всякій ея общественно-свободный шагъ почитался дѣломъ въ высшей степени зазорнымъ. Какое поношеніе для мужчины могло равняться съ побоями отъ женщины. Это была на самомъ дѣлѣ казнь дьявола, выставленная лѣтописцемъ, какъ событіе поразительное.

Таковъ былъ общій смыслъ положенія женской личности въ нашемъ старомъ допетровскомъ обществѣ. Приступая къ разъясненію ея частнаго положенія и притомъ положенія высокопоставленнаго, именно положенія женской личности съ значеніемъ царицы, мы находимъ, что въ силу особенныхъ, исключительныхъ условій жизни, это положеніе становилось для нея еще стѣснительнѣе. Если въ общемъ быту народа личность женщины является жертвою семейнаго начала, то женщина — царица является жертвою уже не одного семейнаго начала, но сверхъ того и жертвою государственныхъ идей, которыя, хотя и возносятъ ея лицо на высоту недостижимую, но въ тоже время ограничиваютъ смыслъ ея доли исключительно значеніемъ родительницы, значеніемъ почвы, въ которой не долженъ изсягнуть корень государскаго рода. Государственные идеи вслѣдствіе такого значенія царицыной личности, ограждаютъ ее такими заботами о сохраненіи почвы рода, что въ нихъ эта личность совсѣмъ уже исчезаетъ для общества, какъ равно и для собственной своей самостоятельности. Чтобы указать причины, которыя способствовали поставить въ такое положеніе весь бытъ царицы, необходимо припомнить исторію московскаго самодержавія, внутреннюю, домашнюю исторію московскаго государя и его двора.

Мы уже говорили, что въ древнерусскомъ обществѣ понятіе о самостоятельности лица, о человѣческой свободѣ и независимости, было неразрывно съ понятіемъ о самовластіи; что идеалъ достойной личности былъ въ тоже время идеаломъ личности самовластной; что самостоятельность личности иначе не представлялась тогдашнему уму, какъ въ формѣ поступковъ и подвиговъ самовластныхъ. Естественно также, что въ понятіи о самовла-

стія лежало неразділиво и понятіе о единовластія, ибо само-властіе, по существу своей идеи, не могло терпѣть подлѣ себя соперника, или совмѣстника своей жизни; оно совсѣмъ исключало, совсѣмъ отвергало всякую сколько-нибудь равную себѣ силу. Въ этомъ именно смыслѣ именуется самовластцемъ земли и Ярославъ Великій, когда онъ остался подъ конецъ ея единовластителемъ; въ томъ же смыслѣ говорится и объ Андрѣе Боголюбскомъ, что онъ хотѣлъ быть самовластцемъ, т. е. полнымъ, ни отъ кого и ни отъ чего независимымъ господиномъ своего княжества.

Весьма естественно, что когда князья по идеалу Ярослава и Андрея сдѣлались самостоятельными въ своихъ княжескихъ вотчинахъ, они иначе и не могли понять свою самостоятельность, какъ только въ формѣ самовластія, которое вдобавокъ еще сильнѣе укрѣплялось сознаниемъ, что лицо князя есть лицо господина земли вообще, что князь не напрасно носить мечъ, а на казнь злымъ и въ защиту добрымъ. Извѣстно, что на этотъ путь княжескаго самовластія наша исторія явно стала выходить еще со второй половины XII вѣка. Извѣстно также, что шаги ея въ этомъ направленіи были ускорены татарскимъ разгромомъ. Съ этого времени совсѣмъ угасаетъ идея родовой власти, т. е. идея о живомъ единствѣ, о живой связи княжескаго рода, а стало быть о взаимной круговой зависимости князей другъ отъ друга. Незамѣтно, они все болѣе и болѣе становятся чужими другъ другу; съ тѣмъ вмѣстѣ гаснетъ и сознание о живомъ единствѣ Русской земли. Русская земля „разносится розно“, дробится на части и каждая часть начинаетъ жить особо, опрично, отдѣляя себя отъ общихъ интересовъ и заботливо преслѣдуя одни только свои особные, опричные интересы. Главною руководящею силою жизни въ княжескомъ быту становится господарство, т. е. отдѣльная вотчинная собственность. Она служитъ основою независимости, а стало быть и основою самовластія. Русская земля дѣлится между множествомъ самовластцевъ. Въ этомъ заключается форма политическаго ея быта и существо ея исторической жизни и дѣятельности.

Существомъ этой жизни была конечно борьба, кровавая борьба земскаго разрозненнаго самовластія, борьба опричныхъ княжествъ, опричныхъ господарствъ, за свою самостоятельность, т. е. на самомъ дѣлѣ за самостоятельность своего самовластія, ибо много понятія о самостоятельности, какъ мы сказали, въ

то время не было. Для самостоятельности съ этимъ смысломъ не было никакихъ границъ, не лежало въ ней ничего человѣчнаго, ничего нравственнаго, ничего даже политическаго, общаго. Это было простое буйство однихъ лишь своекорыстныхъ княжескихъ цѣлей. Поэтому и для достиженія такихъ цѣлей употреблялись всяческія средства безъ малѣйшаго разбора и безъ малѣйшей нравственной ихъ оцѣнки.

Русская земля была отдана на разстерзаніе книжескому произволу, который, какъ звѣрь, ждалъ всюду добычи, подстерегалъ ее, хваталъ ее при первой возможности, надѣясь лишь на одну силу, хитрость и всякое коварство, свойственное его хищной природѣ. „Рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же; и начаша про малое, се великое молвити, а сами на себя крамолу ковати.... Тогда сѣялись и выростали усобицы, погибала жизнь, въ книжихъ крамолахъ вѣки человѣкамъ сокращались. Тогда по русской землѣ рѣдко пахари покривявали, но часто граяли враны, дѣлаче себѣ трупы....“ Само собою разумѣется, что изъ такого положенія дѣлъ ничего другаго не могло выйдти, какъ именно то, что въ дѣйствительности и вышло. Ктонибудь одинъ, сильнѣйшій и хитрѣйшій, долженъ былъ одолѣть всѣхъ. На такомъ пути поставлена была вся жизнь Земли. Другаго выхода, другаго разрѣшенія задачи не видѣлось ни гдѣ и ни въ чемъ. Къ тому же Земля слишкомъ сильно чувствовала свое племенное и нравственное единство и вовсе не думала создавать изъ себя федерацію княжескихъ, а въ сущности помѣщичьихъ вотчинъ. Рознь жизни была не по ея уму. Въ этомъ умѣ жило святое слово *Русь*, которое всегда и взывало къ единству. Этотъ умъ Земли долженъ былъ наконецъ подняться и возсоздать въ новой формѣ то, что было начато давно уже, еще въ первые вѣка ея исторіи.

Собирателемъ разнесенной розни Земли или иначе сильнѣйшимъ и хитрѣйшимъ изъ самовластцевъ явился князь Московскій. Являлись и другіе: путь былъ открытъ не для него одного. Но Московскій осилилъ всѣхъ и осилилъ особенно по той причинѣ, что личное вотчинное свое дѣло, тотчасъ же освѣтилъ свѣтлымъ лучомъ общей земской политической цѣли. Онъ высоко поднялъ знамя единства *вселя Русм* и крѣпко держалъ его до конца своего подвига. Принимая на свои руки это дорогое наследство первыхъ вѣковъ русской исторіи, Московскій князь конечно долженъ былъ отвѣтить за все, долженъ былъ распла-

То, что ходило прежде по всей землѣ, собралось теперь въ одно мѣсто. Мелкіе и крупныя самовластцы земли собрались въ одинъ дворъ московскаго господара. Междоусобіе, ходившее по всей землѣ сосредоточилось теперь въ одномъ городѣ и по необходимости приняло другой видъ, взялось за другое оружіе.

Собираніе земли, къ концу XV вѣка, привлекло въ Москву много князей и княжескихъ бояръ — дружинниковъ, которые изъ независимыхъ, самовластныхъ вотчинниковъ сдѣлались, волею или неволею, слугами московскаго вотчинника, его холопами. Всѣ они однакожъ понимали московскаго князя, какъ насильника, какъ одного изъ такихъ же вотчинниковъ, который, какъ сильнѣйшій, ради своего несытства, угнетеніемъ и притѣсненіемъ, отнималъ и вотчины, а съ ними и свободу у другихъ, слабѣйшихъ, въ томъ только и виновныхъ, что не въ силахъ они были съ нимъ бороться и некуда имъ было уйти отъ его могущественной и жестокой руки. Всѣ они московское *государственное* дѣло понимали личнымъ дѣломъ московскаго князя, и почитали этого князя личнымъ себѣ врагомъ, простымъ грабителемъ. Не могъ, конечно, и московскій князь, особенно въ началѣ, сознавать, въ полной мѣрѣ и во всей чистотѣ, государственную, обще-земскую высоту своего призванія; и онъ точно также понималъ свою задачу не столько государственнымъ смысломъ, сколько смысломъ вотчинника, смысломъ личного владѣнья землею. Но по ходу исторіи въ его вотчинническомъ дѣлѣ воплощалось дѣло всей земли. Это самое, даже противъ его сознанія, увлекало всю его дѣятельность на свой путь, на которомъ смыслъ вотчинника съ жизненною постепенностью долженъ былъ претвориться въ смыслъ государя, уже не вотчинника, а главнаго и перваго слуги для всей земли. Но пока совершился такой выходъ исторіи, княжеская старина должна была по праву самой жизни прожить и отжить свой вѣкъ, такъ сказать, въ своемъ собственномъ тѣлѣ. Какъ извѣстно, въ этомъ тѣлѣ всѣ члены были равны своею круговою связностью. По крайней мѣрѣ въ немъ была еще жива крѣпкая память о такомъ равенствѣ. Московскій князь сталъ проводить новину, началъ всѣми силами выбиваться изъ этого равенства, а потому его борьба съ своими сверстниками по происхожденію и по старому дружинному праву по необходимости являлась только личной, въ полномъ смыслѣ такую же междоусобною борьбою, кака я прежде терзала всю землю, а теперь должна была терзать го-

сударевъ дворъ. Московскій князь выбивался изъ равенства отношеній, а остальные князья и дружинники, собранные въ его дворъ, добивались этого равенства, т. е. добивались сохранить уже одряхлѣвшую старину въ полной силѣ. Само собою разумѣется, что борцы не разбирали средствъ, не останавливались ни предъ какими средствами, чтобы сломить противника. Они жили въ такой вѣкъ, когда объ этомъ много и не думали. Всѣ они воспитаны были въ тѣхъ понятіяхъ, а главное въ самыхъ тѣхъ дѣлахъ, которые свидѣтельствовали, что существуетъ одно право для людскихъ отношеній, это — самовластное право сильного, и что это право принадлежитъ всякому, кто сдумаетъ имъ воспользоваться. И они употребили всяческія средства, чтобы дѣйствительно имъ пользоваться. Въ Москвѣ такимъ образомъ вгнѣзилось столько олигархическихъ началъ, столько олигархическихъ стремленій, что борьба съ ними должна была продолжиться на цѣлое столѣтіе. Она же должна была выростить свой страшный плодъ, этого неслыханнаго по кровавизитію бойца въ лицѣ Ивана Грознаго, который самъ же въ немногихъ словахъ, но вполне вѣрно и точно опредѣлилъ истинный смыслъ своей личности и своей исторіи. Онъ писалъ Курбскому: „Похищенъемъ, или ратью, или кровью сълъ я на государство? Я народился на царствѣ Божьимъ изволенъемъ; я взросъ на государствѣ... за себя я сталъ! Вы почали противъ меня больше стояти, да измѣнати; и я потому жесточайше почалъ противъ васъ стояти; я хотѣлъ васъ покорить въ свою волю...“¹. Курбскіе и братія, конечно, не могли понять этихъ рѣчей. Они готовили для русской жизни польскую форму государственной власти². А русскій земскій смыслъ никакъ не могъ понять польской формы, т. е. боярскаго владычества надъ землею и стало быть владычества боярскаго челиди (шляхты). „Здѣсь не Польша, есть и больше“, говаривалъ русскій земскій смыслъ, давая тѣмъ знать, что у него есть точка опоры, есть третье лицо, способное, рано ли, поздно ли, защитить его, стать на его сторону, т. е. въ сущности стать на сторону законнаго суда и справедливости. Вотъ изъ за чего и шла долгая, большею частью подземная борьба въ московскомъ дворцѣ, которая была

¹ Исторія отношеній между Русскими князьями, г. Соловьева, 684.

² Мысли и замѣты о русской исторіи, г. Кавелина. Вѣстникъ Европы 1866 г. т. II, 375.

московскимъ только продолженіемъ старой исторіи кievской, судальской, рязанской, тверской и т. д.

Бой на открытомъ полѣ былъ проигранъ. Бороться силою сильнаго, равную силою, было уже невозможно, не мыслимо. Въ Москвѣ, по необходимости представилось другое поле, на которомъ возможно было искать победы силою слабаго. На этомъ полѣ нерѣдко совершались удивительныя дѣла. Сила слабаго нерѣдко становилась не въ примѣръ страшнѣе открытой силы: Какаяжъ была эта сила? Это была сила вообще угнетенныхъ, поработенныхъ людей, потерявшихъ возможность вести открытую борьбу; сила тайныхъ заговоровъ и козней, сила предательства, доноса, клеветы, сила всякаго коварства, всякаго потаеннаго *миза*, и особенно сила лихаго зелья, т. е. порчи и отравы, которая, по суевѣрнымъ представленіямъ вѣка, являлась обыкновенно въ образѣ волшебства и чародѣйства. Эта послѣдняя сила сдѣлалась страшилищемъ, предъ которымъ трепетало все общество Москвы до послѣдняго человѣка, скольконибудь значимаго для подѣискателей чужой гибели. Отъ этой силы было мудро укрыться даже въ собственныхъ хоромахъ, даже въ самыхъ сокровенныхъ клѣткахъ этихъ хоромъ. Она была ежеминутно направляема противъ всякаго, забиравшаго въ свои руки какую либо власть, а тѣмъ больше власть государскую, дворовую. И само собою разумѣется, съ особенною энергіею, въ началѣ, она была направляема противъ главнаго и непосредственнаго представителя самовластной идеи, противъ главнаго выразителя самовластныхъ началъ жизни и главнаго виновника самовластныхъ дѣлъ, уничтожавшаго всякую возможность прямого, открытаго боя, всякое малѣйшее съ нимъ совмѣстничество. Тайная, скрытая, подземная вражда и ненависть къ побѣдившему самовластью, которое, къ тому же, непереставало оскорблять, унижать и всячески изводить противную себѣ среду, — эта-то вражда и поднимала всевозможные ковы на государя. Она зорко слѣдила за каждымъ шагомъ самовластителя, за каждымъ мелочнымъ происшествіемъ его домашней жизни, за каждымъ событіемъ въ его семействѣ. Собирался ли государь жениться, она портила его невесту и отнимала у него любимую женщину; она портила его супругу, его дѣтей. Разводился ли государь съ женою по случаю неплодія и женился на другой, она распространяла слухъ, что оставленная неплодная царица разрѣшалась отъ бремени наследникомъ. Умиралъ ли у госу-

двря сынъ, она распространила слухъ, что онъ живъ и удаленъ отъ царства лишь кознями близкихъ къ государю людей. Въ ѣству и питъе, въ платьѣ и во всякую обиходную вещь она клала или всегда была готова положить лихое зелье и коренья, и на смерть, и на потворство, или прилюбленъе, что равно было опасно. Конечно, по большой части, такія обстоятельства являлись одними только сплетнями, которыми обыкновенно боролись между собою мелкіе самовластцы изъ боярства, низвергая ими другъ друга съ высоты государскихъ милостей; но бывали и настоящія дѣла. Нельзя было вѣрить ни кому. Необходимо было беречься отъ людей всякаимъ жърами. Известно, что при в. к. Иванѣ Васильевичѣ, во время его домашней смуты съ сыномъ Василиемъ о наследіи престола, даже его супруга, гречанка Софья, прибѣгала къ ворожбѣ; и къ ней приходили „бабы съ зельемъ“, отчего и съ нею, съ своею женою, государъ долженъ былъ жить въ береженіи ¹.

Что дѣйствительно жизнь и здоровье московскаго государя часто находились въ опасности отъ козней потаенныхъ враговъ, на это указываетъ весь складъ дворовыхъ его порядковъ, получившихъ свое начало большею частію именно въ то время, какъ сдѣлался онъ самодержцемъ всея Руси. Эти-то дворовые порядки лучше всего и объясняютъ намъ, что московскій государъ, не смотря на свою великую власть и грозное свое могущество, грозное могущество даже одного своего слова, не смотря на эту непомерную силу сильнаго, чувствовалъ, что онъ не имѣетъ силы, чувствовалъ, что онъ находится въ постоянной, самой крѣпкой, тѣсной и тяжелой осадѣ отъ силы слабаго. Окончивъ съ полнымъ торжествомъ войны большими походами, войны открытыя, явныя для всей земли, онъ принужденъ теперь внутри своего двора вести инныя войны, безъ всякихъ шумныхъ и громкихъ походовъ, войны тихія, медленныя, никому неслышныя и неаримыя, и еще болѣе жесточенныя.

Чтобы понять всю силу этого нравственнаго растлѣнія, которое охватило все собравшееся въ Москвѣ общество самовластцевъ и олигарховъ, необходимо войти въ нравственный складъ тогдашнихъ убѣжденій; надо понять законъ, который вообще въ древнее время руководилъ всякою борьбою враговъ. По тогдашнимъ понятіямъ, защищать себя отъ врага, значило

¹ П. С. Р. Л. VI, 279.

самому первому нападать на него; такъ, какъ и побѣждать врага, значило совсѣмъ истреблять его. Къ тому же жизнь человѣческая цѣнилась въ то время очень дешево, несравненно дешевле всякихъ, даже эгоистическихъ цѣлей и стремленій; несравненно дешевле всякой, даже эгоистической необходимости. Какъ скоро цѣли и необходимости возвышались сколько нибудь до общихъ интересовъ, то понятіе о врагѣ низводилось до понятія о простой ненужной и вредной вещи, которую истреблять почиталось дѣломъ естественнымъ и обычнымъ. Мы знаемъ, что такія понятія существовали въ нашемъ обществѣ и особенно въ средѣ государственныхъ и олигархическихъ стремленій, очень долго. Когда, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, сынъ Ордына-Нащокина бѣжалъ тайно за границу, то самый гуманный изъ древнихъ нашихъ царей, послалъ къ несчастному отцу подъячаго съ такимъ наказомъ: „Аеонасю говорить, ятobb онъ объ отъѣздѣ сына своего не печалился и въ той печали его утѣшать всячески и великаго государя милостію обнадѣживать.... о сынъ своемъ промыслилъ бы всячески, ятobb его, поймавъ, привести къ нему; за это сулить и давать 5, 6 и 10 тысячъ рублей; а если его такимъ образомъ промыслилъ нельзя, и если Аеонасю надобно, то сына его ~~известн~~ ~~бы~~ ~~жалъ~~, потому что онъ отъ великаго государя къ отцу отпущенъ былъ со многими указами о дѣлахъ и съ вѣдомостями. О небытіи его на свѣтѣ говорить не прежде, какъ выслушавши отцовскія рѣчи, и говорить, примѣрившись къ нимъ. Сказать Аеонасю; вспомни, что больше этой бѣды впередъ уже не будетъ; больше этой бѣды на свѣтѣ не бываетъ“¹. Весьма понятно, что въ эпоху утвержденія самовластныхъ идей, въ эпоху безпощадной кровавой борьбы этихъ идей, подобныя убѣжденія принимались живѣе и воплощались въ дѣло безъ всякихъ оговорокъ и гуманныхъ соображеній. И такъ какъ открытой борьбы вести было уже нельзя, враги и съ той и съ другой стороны очень часто вели ее скрытными подземными путями.

Самая страшная и наиболѣе опасная сила невидимыхъ враговъ, отъ которой государю дѣйствительно пришлось сѣсть въ осаду, затвориться въ своихъ хоромахъ, какъ въ крѣпости, была, какъ мы упомянули, порча дикимъ зельемъ, отравы, а съ нею нераздѣльно всякое волшебство и чародѣйство.

¹ Г. Соловьева: Исторія Россіи, XI, 96.

Въ тотъ суевѣрный вѣкъ въ самомъ дѣлѣ трудно было отличить отраву отъ невиннаго вѣдовства и колдовства, зелье-корень вредное, отъ безвреднаго, ибо и то и другое являлось подъ однимъ покровомъ таинственныхъ суевѣрныхъ дѣйствій, въ обстановкѣ разныхъ волшебныхъ наговоровъ и заговоровъ, направленныхъ на челоуѣка съ различными цѣлями, даже съ цѣлью привлечь къ себѣ его любовь и милость; трудно было разобрать, гдѣ являлось пустое только суевѣріе и гдѣ оно несло въ дѣйствительности страшныя средства отравы. Между тѣмъ явныя всѣмъ дѣла, явная гибель нѣкоторыхъ лицъ, именно отъ лихаго зелья и порчи, указывали на одну только эту страшную силу чародѣйства. Вотъ почему пустая волшба и настоящая отрава становились одинаково опасными, возбуждали одинаковый страхъ вездѣ, гдѣ обнаруживались и малѣйшіе признаки лишь одного пустаго суевѣрія.

Чтобы оградить и защитить себя отъ этого *лиха*, государю было необходимо жить каждый часъ съ великими предосторожностями, необходимо было изъ своего дворца устроить въ дѣйствительности самую недоступную и неприступную крѣпость. Съ этою цѣлью и появились тѣ дворцовые порядки, обычаи и обряды, которые способствовали такому отдаленію государевой особы отъ его подданныхъ. Въ рукахъ суевѣровъ-друзей и суевѣровъ-враговъ питье, ѣда, платье, всякая послѣдняя мелочь домашняго обихода становились орудіемъ ихъ потаенныхъ козней. Необходимо, было уберечь себя отъ этихъ козней и не только отдать весь домашній обиходъ въ руки самыхъ испытанныхъ, вѣрныхъ и преданныхъ людей, но необходимо также было ежечасно испытывать эту вѣрность и преданность. Необходимо было, чтобы напр. питье, какъ и ѣства, прежде чѣмъ дойдутъ въ руки государя, постоянно испытывались всѣми подающими въ глазахъ принимающаго. Ключникъ долженъ былъ испытывать, ставя ѣству на столъ предъ дворецкимъ; дворецкій долженъ былъ испытывать, отдавая ее столънику, несть передъ государя; кравчій, принимая блюдо отъ столъника, долженъ былъ покушать въ глазахъ государя прежде, чѣмъ ставить къ нему на столъ. „А чашникъ, какъ поднесетъ пить государю, самъ отольетъ въ ковшъ и выпьетъ, потомъ поднесетъ къ государю“. Тоже самое происходило и со всѣми лѣкарствами, въ случаѣ государевой болѣзни. Опальный бояринъ Матвѣевъ писалъ къ царю Федору Алексѣевичу, выставяя свои

дворцовыя заслуги: „какого гѣнарства послѣ вашихъ государскихъ пріемовъ оставалось и тѣ лекарства при васъ великомъ государѣ, выпивалъ я, холопъ твой... принявъ у тебя, великаго государя, рюмку, и что въ ней останется, на ладонь вылью и выпью.... Вашъ государскій чинъ обдержить, когда вы составы докторскіе изволите принимать, и при васъ, вел. государяхъ, только чинъ исправляютъ, накушываютъ малѣйшую долю; а что я, холопъ твой, выпивалъ, и то угождая тебѣ, в. государю, и чаю, паче, что усугублю милость твою государскую къ себѣ“¹.

Такая же самая мелочная и усердная предосторожность являлась всюду, во всякомъ мелкомъ и пустомъ дѣлѣ, примѣры чему мы увидимъ ниже и отчасти уже видѣли въ 1 томѣ этого сочиненія, стр. 206—207, при описаніи постельной комнаты.

Словомъ сказать береженіе государственнаго здоровья, какъ и здоровья всѣхъ членовъ его семьи, отъ напастей волшбы и порчи, было ведено во всемъ дворцѣ до того осмотрительно и наблюдалось съ такимъ необычайнымъ вниманіемъ ко всякой сомнительной, а слѣд. и подозрительной мелочи, что въ этомъ отношеніи государевы хоромы становились совершенно неприступными. Это была крѣпость, защищенная самымъ надежнымъ и самымъ тяжелымъ нравственнымъ оружіемъ — подозрительностью, которая, какъ мы сказали, мало довѣряла даже самымъ вѣрнымъ и испытаннымъ людямъ. Само собою разумѣется, что для укрѣпленія этой крѣпости отъ напастей всякаго нравственнаго зла прежде всего требовалось укрѣпить всѣхъ защищавшихъ ее людей нравственною отвѣтственностью. Сколько бы ни были они вѣрны, надобно было эту вѣрность запечатлѣть святою присягою, крестнымъ цѣлованьемъ. Является надобность въ крестоцѣловальныхъ записяхъ, которыя сначала принимались на каждый частный, отдѣльный случай, а впослѣдствіи вошли въ одну общую государственную запись клятвы вообще на службу государю.

Если въ первое время борьбы самовластныхъ стремленій потребовались клятвенныя крестоцѣловальныя записи въ томъ, чтобы не отъѣхать, не убѣжать отъ государя, не измѣнить ему, то еще необходимѣе было требовать такихъ же клятвенныхъ записей отъ лицъ, служившихъ *во дворѣ* государя, служившихъ

¹ Исторія о невняномъ заточеніи Матвѣева, М. 1785, стр. 8 и 9.

прямо и непосредственно его лицу. Вотъ почему, мы думаемъ, что такія записи должны были появиться въ то самое время, какъ только московскій государь сталъ постепенно усаживаться въ своемъ дворцѣ, какъ въ крѣпости, отъ злыхъ потаенныхъ козней. Къ тому же и требованія подобныхъ записей не могли ограничиться общими словами, какъ было въ общихъ записяхъ, гдѣ въ общихъ выраженіяхъ „*мысли*“ никакого ни какъ не хотѣти, не мыслити, ни думати, ни дѣлати никакими дѣлы, ни которою хитростию“ — скрылись всѣ частныя подробности, всѣ роды и виды лихихъ дѣлъ. Здѣсь, напротивъ, эти роды и виды лихихъ дѣлъ необходимо было поименовать ясно и отчетливо, прямо указать на нихъ, прямо обозначить то, въ чемъ именно обнаруживалось лихое дѣло. Мы должны также имѣть въ виду, что въ записи клятвы вносились указанія на совершившіеся уже факты лихихъ дѣлъ, которые и приводились въ ней, какъ примѣры того, что въ дѣйствительности бывало. В. К. Василій, отецъ Грознаго, даже въ общую запись внесъ клятву: „о зельѣ о *лихомъ*, кто станетъ говорити, чтобы дати государю или его в. княгинѣ, или ихъ дѣтемъ, какое зелье *лихое*....“¹. Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное основаніе заключать, что въ частныхъ, такъ сказать, видовыхъ клятвенныхъ записяхъ, какими были всѣ записи дворовыхъ людей, сохранилось еще больше подробностей.

Къ сожалѣнію любопытный текстъ этихъ записей не дошелъ до насъ. Въ-первыя мы встрѣчаемъ подробныя обозначенія лихихъ дѣлъ только въ известной *подкрестной* записи Годунова. Въ ней лихіе дѣла обозначены слѣдующимъ образомъ: „также мнѣ надѣ государемъ своимъ, ц. и в. к. Борисомъ Федоровичемъ в. р., и надѣ царицею и в. к. Марьею, и надѣ ихъ дѣтми, надѣ царевичемъ Федоромъ и надѣ царевною Оксиньею, въ *пстап* и въ *питья*, ни въ *платъя*, ни въ *иномъ* ни въ чемъ лиха никакого не учинити и не *испортити*, и *зелья* лихого и *коренья* не давати, и не велѣти мнѣ никому зелья лихого и коренья давати; а кто мнѣ учнетъ.... давати, или мнѣ учнетъ кто говорити, чтобъ мнѣ надѣ государемъ.... и надѣ царицею, и надѣ ихъ дѣтми, какое лихо кто похочетъ учинити или кто похочетъ *портити*, и мнѣ того человѣка никакъ не слушати и зелья лихого и коренья у того человѣка не имати; да и людей

¹ С. Г. Г. № 163

своихъ съ *вѣдствомъ*, да и со всякимъ лихимъ зельемъ и съ кореньемъ не посылати, и *вѣдуновъ* и *вѣдуней* не добывати.... на государское.... на всякое лихо; также государя.... и его царяду.... и ихъ дѣтей, на *слѣду* всякимъ вѣдовскимъ мечтаниемъ не испортити, ни вѣдовствомъ по *вѣтру* никакого лиха не насылати и слѣду не выимати, ни которыми дѣлы, ни которою хитростию; а какъ государь.... и его царица.... и ихъ дѣти, куды пойдутъ или куды пойдутъ, и мнѣ слѣду волшебствомъ не выимати и всякимъ злымъ умышленьемъ и волшебствомъ не умышляти и не дѣлати ни которыми дѣлы.... а кто такое вѣдовское дѣло похочетъ мыслити или дѣлати, и язъ то свѣдаю, и мнѣ про того человека сказать государю.... а у кого увѣдаю или со стороны услышу.... кто про такое злое *дѣло* учнетъ думати и умышляти.... или кто похочетъ государя.... царицу.... и ихъ дѣтей, кореньемъ и лихимъ зельемъ и волшебствомъ испортити, и мнѣ того поймати и привести къ государю.... а не возмогу того поймати, и мнѣ про того сказать государю.... или его бояромъ, или ближнимъ людямъ, которому то *слово* донести до государя....“

Г. Соловьевъ перечисленіе въ этой записи особенныхъ видовъ зла, приписываетъ мелкодушію и подозрительности Годунова, присовокупляя, что: „еслибъ Годуновъ по своему нравственному характеру былъ въ уровень тому положенію, котораго добивался, то онъ не обнаружилъ бы такой мелочной подозрительности, какую видимъ въ присяжной записи и въ этомъ стремленіи связать своихъ недоброжелателей нравственными принудительными иѣрами....“ И далѣе: „Годуновъ.... явился на престолѣ бояриномъ и бояриномъ временъ Грознаго, неувереннымъ въ самомъ себѣ, подозрительнымъ, пугливымъ, неспособнымъ къ дѣйствіямъ прямымъ, открытымъ, привыкшимъ къ мелкой игрѣ въ крамолы и доносы, неузнвшимъ владѣть собою....“¹. Такимъ образомъ Годуновская записъ въ своихъ подробностяхъ доставляетъ историкю одну изъ тѣхъ красокъ, которыми онъ изображаетъ этотъ характеръ, обвиняя его въ мелочной подозрительности. Намъ кажется, что обвиненіе Годунова со стороны его записи въ мелкодушіи, въ мелочной подозрительности, неимѣетъ надлежащаго основанія. Въ этомъ съ такою же справедливостію мы должны обвинить поголовно всѣхъ царствовавшихъ самодерж-

¹ Исторія Россіи, VIII, 12, 17, 19.

идею до Петра, который первый стал выше всякаго мелководушя и всякой мелочной подозрительности, господствовавшей въ носовскомъ дворцѣ, приводившей въ ужасъ всѣ сердца и всѣ умы въ теченіи двухъ столѣтій, въ теченіи именно того времени, въ которое самовластная идея жила еще; такъ сказать, въ личномъ образѣ государя, не переходя еще во всеародный образъ государства, какъ выразилъ эту идею Петръ. Какъ скоро личное перешло въ общее, то сдѣлалось совершенно ненужными, лишними и всѣ дѣйствительно мелочныя заботы о сохраненіи лица. Но до этого времени самовластная идея, въ самовластной же олигархической средѣ, никакъ и не могла существовать, какъ охраняя себя самою зоркою и мелочною подозрительностію. Ея друзья были еще очень слабы и потому очень измѣчивы, а враги были очень сильны, сильны были всеобщіе нравственныя растлѣніе, кривоудіе, новаретво, маѣно, предательство и т. д. Годуновъ въ этомъ отношеніи поступалъ такъ, какъ поступали его предшественники и его преемники. Онъ ничего не сдѣлалъ особеннаго, въ чемъ можно было бы обвинить одну только его личность. Вся особенность его записи заключается въ поименованіи только нѣсколькихъ видовъ того *лица*, отъ котораго такъ берегли себя самодержцы. Но эта особенность объясняется тѣмъ, что въ текстъ общей, такъ сказать, государственной записи онъ внесъ, по всему вѣроятію, тексты записей частныхъ, по которымъ клялись *дворские* люди, служившіе у государева лица. Здѣсь вся его вина и все его мелководушье и особая подозрительность. Мы вообще полагаемъ, что текстъ годуновской записи не есть его сочиненіе, а есть сводъ записей прежде существовавшихъ, составленныхъ по крайней мѣрѣ еще при Грозномъ, хотя ихъ начало можно отнести и къ болѣе раннему времени. Необходимо однакожъ припомнить, что самъ Годуновъ находился въ особенномъ, исключительномъ положеніи, которое безъ всякаго сомнѣнія привело его къ этой особенности и въ составленіи общей подкрестной записи. Онъ имѣлъ неисчислимо больше враговъ, чѣмъ каждый изъ его предшественниковъ и преемниковъ. Онъ имѣлъ сильныхъ соперниковъ въ боярствѣ, въ родственникахъ царя Федора, слѣд. враговъ личныхъ. Было необходимо обуздать вражду „нравственными принудительными мѣрами“ т. е. крестнымъ цѣлованьемъ. Изъ записи Годунова мы видимъ, что зло порчи и отравы было сильно въ то время, а потому были необходимы и сильныя

нравственные мѣры противъ этого всенароднаго зла; единственною же нравственною мѣрою въ этомъ случаѣ была только присяга. Еслибъ запись Годунова служила въ самомъ дѣлѣ выраженіемъ одной только личной мелочной подозрительности и личнаго мелкодушія, — она не сохранила бы и слѣда въ домашнихъ порядкахъ царскаго двора. Мы, однакожъ, видимъ, что высказанныя въ ней требованія и даже самые виды лихихъ дѣлъ сохраняютъ свой жизненный смыслъ и у преемниковъ Годунова, изъ которыхъ даже и самого царя Алексѣя Мих. можно обвинить въ тѣхъ же годуновскихъ винахъ, т. е. въ мелочной подозрительности и стало быть въ мелкодушіи.

Но прежде, чѣмъ объяснять душевныя побужденія тѣхъ или другихъ историческихъ личностей, мы должны раскрыть нравственную сферу, въ которой они жили и дѣйствовали и которая, какъ сила необходимости, ставила каждую личность въ полную зависимость отъ своихъ положеній и опредѣленій. Мы упоминали, что волшебство, чародѣяніе не было, да и не могло быть отдѣлено въ своемъ значеніи отъ дѣйствительнаго лиходѣйства. Предки наши, люди вообще умные и практическіе, очень хорошо понимали, что значительная доля вѣдовскихъ дѣйствій безвредна. Они это знали по опыту; но они знали также по опыту, что волшебю портитъ людей, дѣлаетъ положительный вредъ ихъ здоровью; въ это они глубоко и искренно вѣровали не по одному только суевѣрію, а по опыту цѣлыхъ вѣковъ. Различить вредное лихое, отъ безвреднаго, вздорнаго, они не имѣли никакой возможности и по необходимости принуждены были съ самою мелочною подозрительностію, преслѣдовать всякій малѣйшій признакъ лихаго дѣйствія. Вообще вѣдовство, волшебство въ то время вовсе не были мечтою, какъ обыкновенно мы теперь ихъ понимаемъ. Въ ихъ образѣ, во всѣхъ наиболѣе важныхъ случаяхъ, являлась всегда дѣйствительная гибель, т. е. порча или самая отрава. Это были язвы, заражавшія весь народный организмъ, и дѣйствовавшія съ особою силою тамъ, гдѣ больше скоплялось нравственнаго зла. Суевѣрная, мистическая сторона волхвованія и чародѣйства была только оболочкою, подъ которою скрывалось большею частію настоящее *зло*. Отъ этого волхвованіе и возбуждало такой панической страхъ вездѣ, гдѣ только оно вскрывалось. И мелкая, и великая душа, равно приходили въ ужасъ, равно трепетали отъ его потаенныхъ дѣйствій и становились до крайности подозри-

тщательным, ибо дѣло касалось здоровья, самой жизни, и вовсе не представлялось четкой, когда люди взаимно изводились, умирали: отъ зелья и черенка.

«Вотъ почему инокъ-зелье и черенка и всякія лѣки дѣла волхва получали въ кѣсто даже въ княжескихъ дѣловальныхъ запискахъ на вѣрность государю, а волхвы и бабы-вороженки почитаются обвиненными злодѣи, наравнѣ съ свиророхами, таинниками и разбойниками.

Текстъ Годуновской подкрестной дѣловальной записки въ сокращеніи, относительно видовъ порчи, переходитъ въ записку Лисцинтрія и Шувалова; въ сокращеніи я по той еще причинѣ, что для этихъ царей не подробности требовались, а скорее составленіе записки, да и враги у нихъ были совсѣмъ иные, явные и открытые. Въ томъ же сокращеніи этотъ текстъ существуетъ въ запискахъ царей Михаила, Алексѣя и Федора. При Алексѣѣ въ общей записки говорится только, чтобъ *иже соударише здоревы со оселе оберемати и миланесе лиза или не лизалии*. Но за то въ частныхъ запискахъ сохраняются этотъ сокращенный текстъ съ некоторыми прибавками. Если въ этомъ сокращенномъ текстѣ мы не находимъ указанныхъ Годуновымъ *испольныхъ* видовъ порчи, то это нисколько не мѣняетъ сущности дѣла, т. е. неизмѣняетъ значенія мелочной подозрительности, въ которой былъ вообще грѣшенъ весь московскій дворъ, а не одинъ какой либо человѣкъ въ особенности, ибо въ дѣловальныхъ запискахъ для дворовыхъ людей, даже при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ, находятся подробности, которыхъ не касалась и записка Годунова, разумѣется, потому только, что дѣла была болѣе общій государственный характеръ. Мы не говоримъ уже о томъ, что сила годуновской записки во всей своей *испольности* явилась при наидонѣ магѣйшемъ случаѣ вѣдовства (магѣвства, которое открывалось во дворцѣ. На это указывали *вадлинныя* сыскныя дѣла о ворожеяхъ и поддуньяхъ, и о иныхъ подозрительныхъ дѣйствіяхъ дворовыхъ людей въ началѣ XVII ст., когда государева особа была уже совершенно безопасна отъ толпы *личныхъ* завистниковъ и соперниковъ, изъ которыхъ принужденъ былъ уберечь себя Годуновъ. Съ болѣею основательностью и справедливостью мы можемъ упрекнуть въ излишней мелочной подозрительности государей, царствовавшихъ по праву всеароднаго, *маге* и самаго искренняго избранія.

Извѣстна крестоцѣловальная запись времени царя Алексѣя Михайловича (1653 г.), въ которой, въ общемъ наложеніи присяги сказано только: „государское здоровье во всемъ оберегати, и никакого лиха не мыслити“; но зато въ особьхъ *примисляхъ*, по которымъ отдѣльно присягалъ каждый чинъ, указаны и особыя подробности, какими обозначалась должность этого чина.

Красчій присягалъ: „ничемъ государя въ ѣствѣ и въ питьѣ не испортити, и зелья и коренья лихова ни въ чемъ государю не дати, и съ стороны никому дати не велѣти, и лиха никакого надъ государемъ некоторыми дѣлы и некоторою хитростью не дѣлатъ; а будетъ я услышу отъ кого или свѣдаю какое дурно или какое злое умышленье или *порчу* на государя и мнѣ про то сказати государю...“ *Казначей*: „надъ государемъ, царицею и ихъ дѣтми никакова лиха не учинити, и зелья и коренья лихова въ платьѣ и въ иныхъ ни въ какихъ въ ихъ государскихъ чинѣхъ не положить...“ *Постельничій*: „въ ихъ государскомъ платьѣ, и въ постеляхъ, и въ изголовьяхъ, и въ подушкахъ, и въ одѣялахъ, и въ иныхъ во всякихъ государскихъ чинѣхъ никакова дурна не учинити, и зелья и коренья лихова ни въ чемъ не положить...“ *Ясельничій и конюшенный дьякъ*: „зелья и коренья лихова въ ихъ государскія сѣдла, въ узды, въ войлоки, въ рукавки, въ плети, въ морхи, въ наузы, въ кутазы, въ возки, въ сани, въ полсть въ санную, въ коверъ, въ попонку и во всякой ихъ государской въ конюшенной и въ конской нарядъ, и въ гриву, и въ хвостъ у аргамака, и у коня, и у мерина, и у иноходца, — самому не положить и никому конюшеннаго чину и съ стороны никомужъ положить не велѣти, и некотораго зла и волшебства надъ государемъ... не учинити... и всякого конского наряду отъ всякихъ чиновъ людей конюшеннаго приказу и отъ стороннихъ людей во всемъ беречи накрѣпко и въ конюшенной казні и въ нарядомъ стороннихъ людей не припущати...“ *Стрлиціе*: „въ платьѣ и въ полотенцѣ и во всякой стряпнѣ коренья лихова не положить...“ *Жильцы*: „ни въ чемъ государя не испортити и зелья и коренья лихова въ его хоромлахъ и въ палатахъ и нидѣ ни гдѣ не положить...“ *Дьяки казенные* (казеннаго двора): „въ государское платье, въ бархатахъ, камкахъ, въ золотѣ, серебрѣ, въ шелку и во всякой рухляди — зелья и коренья лихова не положить... и государя, царицу и ихъ дѣтей ни чѣмъ не испор-

тити...“ *Шатерничіе*: „подъ государскія мѣста (троны и кресла) и въ зголовья, и въ полавочники, и въ шатрахъ, и во всякихъ государскихъ чинѣхъ зелья и коренья лихова ни въ чемъ не положить...“¹.

Дворовые люди царицына чина, истопничій, дѣти боярскіе и пр., при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ, давали слѣдующую присягу:² „лиха ни котораго не хотѣти и не мыслити, и въ ѣствѣ, въ питьѣ, въ овощахъ, въ пряныхъ зельяхъ и въ платѣ, въ полотенцахъ, въ постеляхъ, въ сорочкахъ, въ портахъ, лиха никакова не наговаривати и не испортити отнюдь ни въ чемъ, никоторыми дѣлы...“

Верховія боярими: „лиха не учинити и не испортити, зелья лихова и коренья въ ѣствѣ и въ питьѣ не подати и ни въ какіе обиходы не класти и лихихъ волшебныхъ словъ не наговаривати... надъ платьемъ и надъ сорочками, надъ портами, надъ полотенцами, надъ постелями и надо всякимъ государскимъ обиходомъ лиха никотораго не чинити“.

Въ такихъ же почти выраженіяхъ давали присягу кормилицы царскихъ дѣтей, а вѣроятно и всѣ другія придворныя женщины, при чемъ всегда вставлялись и особыя рѣчи, соответствующія той или другой должности.

Эти записи и приписи отличаются отъ Годуновской только нѣкоторымъ обобщеніемъ лихихъ волшебныхъ дѣлъ и тѣмъ самымъ могутъ указывать, что Годуновская запись составлена такъ сказать, по горячимъ, еще живымъ слѣдамъ разнообразныхъ пріемовъ волшебства и порчи, а потому она и поименовываетъ самыя эти виды лихихъ дѣлъ. Какъ бы ни было, но всѣ эти клятвы служатъ для насъ только слабымъ отраженіемъ того несказаннаго зла, которое гнѣздилося въ московскомъ дворцѣ. Ихъ короткія слова не въ состояніи ввести насъ въ этотъ міръ ежеминутнаго страха и трепета, въ этотъ міръ до крайности чужихъ и до крайности мелкихъ подозрѣній, которыя лежали тяжелымъ гнетомъ надъ всѣмъ населеніемъ дворца, вынуждали его обитателей зорко подсматривать другъ за другомъ; развивали ябедничество, наушничество, доносъ; раздѣляли общество всѣми пороками мелкаго коварства и предательства. Пустое дѣло, пустое слово тотчасъ являлось государственнымъ преступле-

¹ Миллера: Извѣстіе о Дворянахъ Россійскихъ, Спб. 1790, стр. 238—264.

² См. Матеріалы, № 1.

ниемъ возбуждало страшные розыски, немилосердыя пытки и всегда оканчивалось, если не полною гибелью, то полнымъ разореніемъ виновныхъ, ссылкой и подобными житейскими несчастьями. Государева особа охранялась не народною любовью, а ужасомъ доноса, розыска, пытки, ужасомъ знаменитаго *слова* и *дѣла*, котораго настоящій смыслъ родился именно въ дворцовыхъ покояхъ и оттуда уже распространился на всю землю. Все это были неизбежныя послѣдствія той ожесточенной борьбы самовластныхъ и олигархическихъ стремленій, которая вращалась въ московскомъ дворцѣ со времени соединенія всей земли въ одно самодержавіе.

Когда вопросъ о неограниченномъ самовластіи или, что одно и тоже, о неограниченной самостоятельности московскаго государя былъ рѣшенъ окончательно; когда его личность совсѣмъ и уже навсегда выдѣлилась изъ среды родовыхъ и дружинныхъ опредѣленій и облеклась небывалою до того времени самовластною и самодержавною волею, равно для всѣхъ *грознаю*, не выключая и его родныхъ братьевъ, дядей и другихъ ближнихъ родственниковъ и свойственниковъ; когда, такимъ образомъ, даже и самыя права родства были упразднены во имя правъ личности, т. е., на первое время, во имя только самовластной или самостоятельной идеи государства, представителемъ которой явилась одна только личность государя въ государяхъ, большаго, великаго государя, сознававшаго теперь всю русскую землю не совокупностью различныхъ господарствъ, а единымъ, своимъ собственнымъ господарствомъ, своею неотъемлемою вотчиною; — когда все это совершилось, то всѣ, независимые прежде самовластцы, князья-родичи и думцы-дружинники, по необходимости должны были выразумѣть, что положеніе ихъ въ государевой вотчинѣ есть положеніе домочадцевъ, слугъ, а по просту — положеніе холоповъ. Они передъ государемъ и называютъ себя уже холопами. Даже пожилой дядя государевъ, Андрей Ивановичъ Старицкій, передъ малолѣтнимъ своимъ племянникомъ, государемъ Иваномъ (Грознымъ) именуется себя холопомъ. Такъ переставились старые обычаи. Въ этомъ-то словѣ *холопъ* заключился теперь весь смыслъ отношеній боярскихъ къ особѣ государя и другъ къ другу. Старое начало болѣе или менѣе независи-

мых дружинныхъ или родовыхъ отношеній стало постепенно перерабатываться въ новое начало отношеній холопскихъ, во всей полнотѣ извѣстнаго нравственнаго склада и характера такихъ отношеній. Самовластныя, олигархическія стремленія боярства нашли себѣ, по необходимости, другой путь. Отъѣзжать, поднимать междоусобную войну съ государемъ, мутить землю, разносить землю розно, теперь было уже невозможно. Теперь по необходимости, онѣ должны были сосредоточиться около одной цѣли, около той цѣли, чтобы войти въ особую близость къ государю, въ особую его милость и его же милостью забрать его власть въ свои руки. Особая милость господина всегда давала холопу и особое самостоятельное, т. е. самовластное значеніе. Въ стремленіяхъ къ такой цѣли необыкновенно важнымъ дѣломъ для холоповъ-олигарховъ становилась государева женитьба, посредствомъ которой можно было вступить, съ государемъ въ родство и въ свойство, слѣд. приобрести его милость самымъ легкимъ способомъ, безъ всякихъ особенныхъ заслугъ или талантовъ. Милость же государя въ такихъ обстоятельствахъ ставила человѣка на первое мѣсто и въ управленіи государствомъ.

Необходимо помнить, что наше государство произошло не изъ сліянія какихъ либо самостоятельныхъ, независимыхъ другъ отъ друга земскихъ силъ, а произошло прямо и непосредственно изъ „вотчины“; почему и самое управленіе государствомъ было построено на личномъ, чисто вотчинническомъ, прямо помѣщичьемъ началѣ. Оно не было дѣломъ общимъ, отъ всей земли, оно было дѣломъ собственника, было дѣломъ *дворовымъ*, дѣломъ его дворовыхъ людей, изъ которыхъ всегда и составлялось такъ называемое правительство. Государствомъ управляли не государственныя, т. е. народныя земскія силы, а управляли имъ силы государева двора, которыя, скрытно, всегда первенствовали и въ боярской думѣ. Разумѣется, при вотчинномъ значеніи управленія другаго положенія вещей и быть не могло. И государствомъ, какъ и самимъ государемъ, въ такомъ случаѣ, всегда управлялъ какой либо одинъ родъ, одна партія особенно близкихъ къ государю, его домашнихъ людей. А такими людьми по весьма понятнымъ причинамъ очень часто являлись его родственники по женѣ — царицѣ. Вотъ почему государева женитьба приобретала для всего Двора, для всего правящаго общества Москвы великій, самый жизненный смыслъ.

Государева невѣста, восходя на степень великой государыни царицы, тотъ-часъ же вводила за собою въ близость къ государю своихъ родичей и родственниковъ, которые очень скоро, становились, если не въ боярской думѣ, то на самокъ дѣлѣ, людьми сильными, вліятельными, становились временщиками; ибо въ иной формѣ, по духу вотчиннаго управленія, не могла и выразиться приближенная къ государю власть. Новые временщики, само собою разумѣется, должны были вытѣснить изъ дворца, удалить отъ государскихъ милостей старыхъ друзей государя, прежнихъ временщиковъ. Такимъ образомъ, было о чемъ подумать людямъ, стоявшимъ подлѣ государевой особы. Конечно, такіа думы съ большею силою поднимались въ то время, когда былъ введенъ обычай выбирать государю невѣсту изъ всѣхъ дѣвицъ служилаго, въ собственномъ смыслѣ господарскаго сословія, которое впоследствии должно было оставить за собою одно только, соответственное этому самому смыслу, имя дворянъ.

Въ эпоху дружинныхъ отношеній в. князья женились на княжнахъ своего же рода, на дочеряхъ удѣльныхъ князей, иногда на иноземкахъ, также княжескаго рода; а также и на дочеряхъ знатныхъ дружинниковъ бояръ, и даже на дочеряхъ новгородскихъ посадниковъ. Тогда браки руководились именно дружинными отношеніями родовъ, отношеніями равенства.

Но когда московскій в. князь сталъ самовластнымъ, самодержавнымъ государемъ всея Руси и всѣ удѣльные князья, вмѣстѣ съ дружинниками боярами сдѣлались его холопами, то представилось великое затрудненіе относительно его женитьбы и даже браковъ его сыновей и дочерей. Старое юридическое понятіе, что „по рабѣ холопъ“ не дозволяло уже брака съ подданными, съ своими слугами, холопами. Сверхъ того это противорѣчило всѣмъ помысламъ московскаго государя, стремившагося выдѣлить свою особу именно изъ среды, которая все еще полна была притязаніями своей равноправности съ нимъ, т. е. изъ княжеской и боярской среды.

Въ первое время господарскія стремленія в. князя были удовлетворены вполнѣ: онъ женился вторымъ бракомъ уже на греческой царевнѣ (Софѣѣ). Этотъ бракъ придалъ особенно высокій, прямо царственный смыслъ особѣ государя и своимъ примѣромъ требовалъ и на будущее время соответственныхъ ему по значенію брачныхъ связей, по крайней мѣрѣ для государевыхъ

сыновей, наследниковъ престола. Иванъ Васильевичъ успѣлъ женить (въ 1482 г.) своего старшаго сына на дочери Молдавскаго воеводы и господари, православнаго по вѣрѣ, а дочь Елену въ 1495 г. выдалъ за Литовскаго короля и в. князя Александра. Затѣмъ московскій государь много хлопоталъ о томъ, чтобы поженить и другихъ своихъ сыновей на иноземкахъ изъ владѣтельныхъ родовъ. Съ этой цѣлью онъ велъ переговоры съ дочерью Еленою, которая, живя въ Литвѣ, имѣла способы узнать, гдѣ за границею есть невѣсты для ея братьевъ. „Сынъ мой Василій, а твой братъ, говорилъ онъ дочери, и мои дѣти, Юрій и Дмитрей, а твои братья, далъ Богъ, того досрости, что ихъ пригоже женити, гдѣ будетъ пригоже; и ты бы, дочка, отвѣдала: у которыхъ государей греческаго закона, или римскаго закону, будутъ дочери, гдѣ бы пригоже мнѣ сына своего Василя женити; или у которыхъ и не у великихъ государей будутъ дочери или у государскихъ дѣтей, которыя будутъ на государствѣ.... гдѣ взвѣдаешь и ты намъ пришли сказать съ нашими бояры“. В. князь указывалъ, нѣтъ ли невѣсть въ Венгріи у деспотовъ Сербскихъ, ибо то были православные; искалъ невѣсть въ Германіи у Маркграбя Бранборскаго, присватывался за Датскую королевичну; но всѣ старанія и хлопоты были напрасны. Было много причинъ, по которымъ такіе браки становились дѣломъ до чрезвычайности затруднительнымъ и уладить его было почти совсѣмъ невозможно. Великою помѣхою служило вопервыхъ различіе вѣры, а главное то, что Европа еще очень мало была знакома съ Московскимъ Государствомъ, которое представлялось ей дивою пустынею, населенною чуть не кочевыми варварами, въ родѣ гунновъ или татаръ.

Оставалось покориться необходимости и выбирать себѣ невѣсту изъ подданныхъ. Но какъ же слѣдовало поступить въ этомъ важномъ дѣлѣ, чтобы устранить силу семейныхъ преданій, старыхъ отношеній, указывавшихъ всетаки на невѣсть изъ знатныхъ княжескихъ и боирскихъ родовъ, которые, хотя и сравнялись именемъ холоповъ со всѣми подданными, но все еще сохраняли свое высшее значеніе въ государствѣ и родниться съ ними по этой причинѣ было гораздо соотвѣтственнѣе, прямѣе, согласнѣе съ обычаемъ и со всѣмъ складомъ тогдашнихъ понятій о родовой чести, недопускавшей вообще большаго неравенства въ бракахъ.

Не желая посредствомъ брака съ какимъ либо изъ знатныхъ родовъ возвышать его значеніе, искусственно создавать въ немъ

совмѣстника себѣ, совмѣстника своему самодержавному роду, государь принужденъ былъ вывести этотъ вопросъ изъ сферы прежнихъ дружинныхъ княжескихъ, т. е. частныхъ отношеній, въ сферу отношеній общихъ, чисто государственныхъ; онъ принужденъ былъ опереться на массу и установить выборъ невѣсты общій, такъ сказать всенародный, безъ всякаго лицепріятія въ пользу какихъ либо преданій или личныхъ отношеній и связей, а руководясь только непосредственными примыми достоинствами невѣсты, какъ женщины доброй, „ростомъ, красотою и разумомъ исполненной“, къ какому бы малому роду она ни принадлежала.

В. князь Иванъ Васильевичъ выбралъ невѣсту для своего наслѣдника, сына Василья, изъ тысячи пятисотъ дѣвицъ, вызванныхъ на смотрины отъ помѣщиковъ или служилыхъ людей всей земли.

Этимъ дѣйствіемъ была порвана одна изъ послѣднихъ нитей, еще связывавшихъ государя съ княжескою и боярскою средою. Оно выводило его отношенія къ этой средѣ на полную свободу. Домашнее личное государево дѣло становилось въ этомъ случаѣ дѣломъ общимъ, всенароднымъ, общественнымъ, въ полномъ смыслѣ государственнымъ, что, конечно, въ понятіяхъ народа еще болѣе возвышало личность государя, обобщало ее, ставило эту личность выше всѣхъ въ русской землѣ. Государь женился и выбиралъ себѣ невѣсту не изъ привилегированной среды княжескихъ родовъ, какъ бывало въ то время, когда онъ находился въ равенствѣ съ этою средою, самъ принадлежалъ къ этой же средѣ, т. е. къ тому же княжескому роду, былъ однимъ изъ многихъ, — теперь, представляя собою уже особый царскій самодержавный родъ и не находя невѣсты въ совмѣстномъ себѣ такомъ же царскомъ или княжескомъ владѣтельномъ родѣ, онъ бралъ ее всенародно изъ семьи всего служебнаго сословія. Теперь уже только этотъ общій земскій родъ могъ соответствовать роду великаго государя, соответствовать новому царственному значенію московскаго государя, какъ государя всея Руси.

Но если такой смыслъ могла имѣть женитьба самаго государя, или его наслѣдника и вообще государевыхъ сыновей, то въ отношеніи замужества дочерей дѣло получало совершенно обратный смыслъ. Государь, вступая въ бракъ съ невѣстою, избранною всенародно, изъ всей служилой среды, не могъ тѣмъ узнать своего царственного достоинства, напротивъ онъ воз-

вышалъ свою личность придавая ей общенародное значеніе, ибо кто же, кромѣ государя, имѣлъ право всенародно избирать себя невѣсту. Но выдавая дочь за кого либо изъ подданныхъ, хотя бы и самыхъ вельможныхъ и знатныхъ, онъ возвышалъ тѣмъ личность этого подданнаго до несоответственнаго ей государскаго достоинства, и вмѣстѣ съ тѣмъ унижалъ собственный царственный родъ до значенія своего слуги. Все это сильно противорѣчило здравому государственному смыслу, которымъ всегда отличались московскіе в. князья и вотъ почему для государевыхъ дочерей брачное состояніе потомъ совѣмъ закрылось: они были принесены въ жертву государственной необходимости. Въ XVII ст. Котошихинъ слѣдующимъ образомъ объяснялъ этотъ печальный исходъ государственной предосторожности:

Сестры царскія пле и дочери, царевны, имѣя свои особые покои розные, живутъ, какъ пустынницы, „мало зриху людей и ихъ люди; но всегда въ молитвѣ и въ постѣ пребываху и лица свои слезами омываху, понеже удовольствие имѣяи царственное, не имѣяи бо себѣ удовольствія такого, какъ отъ Всемогущаго Бога вдано человѣкомъ совокуплятися и плодъ творити А государства своего за князей и за бояръ замужь выдавати ихъ не повелось, потому что князи и бояре ихъ есть холопи и въ челобитвѣ своемъ пишутся холопыми. И то поставлено въ вѣчный позоръ, ежели за раба выдать госпожу. А иныхъ государствъ за королевичей и за князей давати не повелось, для того, что не одной вѣры и вѣры своей оставитъ не хотять, то ставятъ своей вѣрѣ въ поруганіе. Да и для того, что иныхъ государствъ языка и политики незнають, п отъ тогобъ имъ было въ стыдъ“.

Мы упомянули, что в. к. Василью Ивановичу невѣста была избрана изъ 1500 дѣвиць. Такъ свидѣтельствуетъ современникъ Василія, Герберштейнъ. „Съ общаго совѣта, говоритъ онъ, были собраны въ одно мѣсто дочери *бояръ*, числомъ 1500, для того, чтобы князь выбралъ изъ нихъ супругу по желанію“. Онъ объясняетъ также, что такой, общенародный, выборъ невѣсты сдѣланъ былъ по совѣту великокняжескаго казначея, грека Юрья Малаго (Траханіота), который былъ самымъ приближеннымъ лицомъ у в. князя и надѣялся будтобы, что Василій возметъ себя въ супруги его дочь. Но хитрые замыслы не удалсь и в. князь избралъ въ невѣсты Соломаниду Сабурову, дочь незначи-

тельнаго дворянина Юрья Конст. Сабурова. Все это могло быть такъ, какъ рассказываетъ Герберштейнъ о прояскахъ придворнаго грека. Но недолжно думать, что установленіе всенароднаго избранія государевой невѣсты произошло именно изъ этого частнаго, случайнаго обстоятельства, каковымъ представляется замыселъ государева казначея. Оно, какъ мы говорили, явилось дѣломъ государственной необходимости и должно было, на общемъ совѣтѣ, утвердиться какими либо, тоже государственными примѣрами. Только подобные примѣры и могли дѣйствовать наиболѣе убѣдительно на государеву думу, какъ и на самого государя. Грекъ Юрій, безсомнѣнія очень хорошо помнившій византійскую старину, выставилъ, по всему вѣроятію, готовый и вполнѣ достойный образецъ для подражанія Московскому государю, это — древній обычай византійской имперіи, гдѣ для молодыхъ императоровъ точно также невѣсты избирались со всей земли. Точно такъ, напр., императрица Ирина выбрала невѣсту для своего сына Константина, съ которыми она царствовала вмѣстѣ. Подробный рассказъ объ этомъ событіи находимъ въ старинномъ житіи св. Филарета Милостиваго¹, которое вообще очень любопытно и въ археологическомъ отношеніи по изображенію византійскаго быта въ концѣ VIII столѣтія. Многія черты этого быта носятъ въ себѣ вполнѣ родственное сходство съ нашимъ бытомъ XVI и XVII ст., и тѣмъ показываютъ, что онѣ нѣкогда служили образцами для нашей культуры. Вотъ что повѣствуетъ это житіе объ избраніи царской невѣсты.

Посланы были смотрѣть для царя невѣсту нарочитые мужи по всей землѣ греческой, отъ востока до запада, отъ юга до сѣвера. Пытаніе всюду творяху, они пришли между прочимъ въ страну Понтійскую, въ среду земли Волагонскія, въ весь, глаголемую Амнія. Здѣсь царевы послы остановились на отдыхъ въ домѣ св. Филарета, у котораго, кромѣ дѣтей, были еще и три внучки дѣвѣцы. Послѣ шара, чудомъ устроеннаго, ибо въ это время св. старецъ, проживъ уже все свое великое богатство на милостыню, находился въ бѣдности, послы спросили: естьли у него подружіе — супруга-хозяйка. Получивъ утвердительный отвѣтъ, они сказали старцу: да увидеть теперь сюда подружіе твое, яко да лобзаеть насъ. Она жъ, призвана, вижде. Увидавши ее, красну и добротю сіяющую, хотя уже въ старости сушу,

¹ По списку XVI вѣка изъ нашего собранія рукописей.

послы спросили: естли у нихъ дщери и внучки невѣсты? Старики отвѣчали, что есть, три дочери замужемъ, а три внучки уже невѣсты. Послы объявили, что желаютъ видѣть отроковицъ, ибо изыскиваютъ царю невѣсту, „такъ заповѣдано бысть, да не утаится отъ насъ въ греческой землѣ ни една дѣвица, ея же мы не увидимъ“. Старецъ, упокоивая гостей, попросилъ отложить смотрины до утра. Когда, утрожь, послы стали требовать: да приведутъ юныя госпожи на среду, да видимъ ихъ, — старецъ отвѣтилъ имъ, что, по обычаю, у нихъ мало выходятъ къ гостямъ даже и жены, а дѣвицы николиже исходятъ отъ худыхъ храминъ своихъ; если хотите, прибавилъ онъ, незлобно послушайте насъ: вшедше во *внутреннюю храмину*, сами посмотрите ихъ. Послы согласились и пошли смотрѣть дѣвицъ въ ихъ теремъ. Тамъ три невѣсты въ сопровожденіи своей матери встрѣтили ихъ съ подобающею почестью. Послы обрадовались, увиди доброту дѣвицъ и преизлишнюю красоту ихъ лицъ; потомъ же мѣру цареву имуще, по всему, идѣже ею пытающе, искаху, и сію взявше, мѣряху, и обрѣтоша ровну на первой внучкѣ блаженнаго старца; баше бо та возрастомъ вышши двоихъ сестръ своихъ, именовъ Марья; и сію, часа того, царицу и госпожу си нарекоша. Посемъ же, безчисленнаго веселія исполнившись, поимши вси три отроковицъ со отцемъ и съ матерью и со блаженнымъ дѣдомъ и бабою и со всѣмъ родомъ и племенемъ ихъ, числомъ тридесять съ ними всихъ ихъ... избрашаже и иныхъ юныхъ дѣвицъ отъ иныхъ мѣстъ, числомъ десять ихъ, въ нихъ же бѣ и Геронтея нѣкоего дщи, и та дображъ видѣніемъ... Всихъ сихъ ведяхуть ко царю въ полату его“. Марія въ это время обратилась къ своимъ подругамъ съ слѣдующими словами: „госпожи мои и сестры! Послушайте моего худаго разума совѣта: изъ всѣхъ насъ царь выберетъ одну. Согласимся такъ: кого изъ насъ изберець царь въ царицы, да не покинеть она на своей царской высотѣ и прочихъ своихъ сверстницъ по выбору. И да будетъ намъ всѣмъ общая радость“. Между тѣмъ Геронтева дочь возносиалась своими достоинствами: умомъ, красотой, богатствомъ, благородіемъ и увѣряла, что непременно будетъ обручена царю. Она и была первою введена на испытаніе къ цареву наперснику Ставрокію. Но гордая не была избрана. **Подавъ ей даванія (дары), ее отпустили во свояси. Исполнися Соломоне слово: „Господь гордымъ противляется, смиреннымъ же дастъ благодать“.**

Потомъ ввели на смотрины Марію съ дѣдомъ и съ бабою, со отцомъ и съ матерью, съ сестрами и со всѣмъ родомъ и племенемъ. Царь Константинъ и царица Ирина и наперсникъ Ставрокій удивились образу ихъ и украшенію и устроенію, и въ той часъ чистодѣпную Марію обручилъ себѣ царь, и велечудною сватьбою взялъ за себя, ... Вторую сестру царь отдалъ за одного изъ своихъ вельможъ, патрикія саномъ; третью же послалъ, умиренія ради, къ Лоуговарду (Лонгобарду) Аргусію именемъ, со многими дарами, и та убо царицею бысть за нимъ. Прочихъ дѣвицъ, одаривъ, роздалъ за мужъ за великихъ вельможъ, по моленію царицы Марьи, еже рече: ей же дастъ Богъ, да помянетъ (не оставитъ) прочихъ. За тѣмъ весь родъ и племя Маріи отъ стараго и до младенца, царь одарилъ всякимъ имѣніемъ и стяжаньемъ, богатымъ одѣяніемъ, златомъ, каменіемъ честнымъ, драгимъ бисеромъ, домами великими и славными...¹

Такъ иногда совершались выборы невѣстъ у царей византійскихъ, такъ по необходимости они стали совершаться и у московскихъ государей, слѣдовавшихъ во многомъ своимъ первообразамъ по устройству государственныхъ и царскихъ домашнихъ порядковъ.

О томъ же первомъ бракѣ в. к. Василія, совершенномъ по всенародному избранію невѣсты, свидѣлствуютъ кромѣ Герберштейна, и другіе иностранцы, тоже современники Василія. Повесть Іовій обозначаетъ это избраніе уже какъ бы общимъ установленіемъ, давнымъ обычаемъ. „Московскіе государи, говоритъ онъ, желая вступить въ бракъ, повелѣваютъ избрать изъ всего царства дѣвицъ, отличающихся красотой и добродѣтелию и представить ихъ ко двору. Здѣсь поручаютъ ихъ освидѣтельствовать надежнымъ сановникамъ и вѣрнымъ боярынямъ, такъ что самыя сокровенныя части тѣла не остаются безъ подробнаго разсмотрѣнія. Наконецъ, послѣ долгаго и мучительнаго ожиданія родителей, та, которая понравится царю, объявляется достойною брачнаго съ нимъ соединенія. Прочія же соперницы ея по красотѣ, стыдливости и скромности, нерѣдко въ

¹ Кедринъ свидѣлствуетъ, что этотъ бракъ цари Константія былъ совершенъ противъ его воли, по желанію матери его, царицы Ирины. Впоследствии Константинъ, по наважденію же матери, удалилъ свою супругу въ монастырь и женился на Θεодотѣ, служительницѣ Ирины. Кедринъ называетъ также первую его супругу Марию, а не Марію.

тотъ же самый день, по милости царя, обручаются съ боярами и военными сановниками. Такимъ образомъ московскіе государи, презирая знаменитые царскіе роды, подобно оттоманскимъ султанами, возводятъ на брачное ложе дѣвицъ большею частію низкаго и незнатнаго происхожденія, но отличающихся тѣлесною красотою“.

Францискъ-да-Колло рассказываетъ слѣдующее: „в. к. Василій, вздумавъ жениться (это было еще при его отцѣ), обнаруговалъ во всемъ государствѣ, чтобы для него выбрали самыхъ прекраснѣйшихъ дѣвицъ, знатныхъ и незнатныхъ, безъ всякаго различія. Привезли ихъ въ Москву болѣе пятисотъ: изъ нихъ выбралъ 300, изъ трехъ сотъ 200, послѣ 100, наконецъ только десять, осмотрѣнныхъ повивальными бабками; изъ сихъ десяти Василій избралъ себѣ невѣсту и женился на ней (на Соломоніи): однакожъ не имѣлъ удовольствія быть отцемъ, и потому не весьма уважалъ супругу, такъ что я, находясь въ Москвѣ, долженъ былъ ходатайствовать о свободѣ брата ея, сидѣвшаго въ темницѣ за легкую вину“¹. Противорѣчіе сказаній Герберштейна и Франциска-да-Колло о 1500 и 500 дѣвицахъ весьма согласимо съ истиной, ибо цифра 1500 могла обозначать все число дѣвицъ-невѣстъ, которыя были написаны въ выборъ, соответственно тѣмъ качествамъ, какія требовались для государевой невѣсты.

Съ порядкомъ предварительнаго выбора, по разнымъ мѣстностямъ, насъ знакомятъ отчасти самыя грамоты, которыя въ это время разсылались ко всемъ помѣщикамъ или служилымъ людямъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ областные и другіе города посылали довѣренныхъ людей изъ окольничихъ или изъ дворянъ съ дьяками, которые заодно съ мѣстною властью, съ намѣстникомъ или воеводою, и должны были пересмотрѣть всѣхъ дѣвицъ назначеннаго округа. Между тѣмъ по всему округу, во всѣ помѣстья пересылалась государева грамота съ наказомъ везти дочерей въ городъ для смотра. Помѣщики собирались съ невѣстами и затѣмъ избранныхъ везли уже въ Москву. Для многихъ, вѣроятно по бѣдности, этотъ мѣстный сѣвздъ былъ дѣломъ не совсѣмъ легкимъ и потому иные не спяшккомъ торопились исполнить царскій наказъ. По случаю первой женитьбы царя Ивана Васильевича зпмою 1546—1547 года, были разосланы

¹ Карамз. VII, пр. 402.

слѣдующія грамоты, текстъ которыхъ для удобства въ чтеніи мы нѣсколько поновляемъ.

„Отъ великаго князя Ивана Васильевича всея Руси въ нашу отчину въ Великій Новгородъ, въ Бѣжицкую Пятину, отъ Новгорода верстъ за сто и за полтора ста и за двѣсти, княземъ и дѣтямъ боярскимъ. Послалъ я въ свою отчину въ Великій Новгородъ окольникяго своего Ивана Дмитріевича Шеина, а велѣлъ боярамъ своимъ и намѣстникамъ князю Ю. М. Булгакову да Василью Дмитріевичу да окольникему своему Ивану смотрити у васъ дочерей дѣвокъ, — намъ невѣсты. И какъ къ вамъ эта наша грамота придетъ, и у которыхъ у васъ будутъ дочери дѣвки, и выѣтъ съ ними часа того ѣхали въ Великій Новгородъ; а дочерей бы у себя дѣвокъ однолично не таили, повезли бы часа того не мѣшая. А который изъ васъ дочь дѣвку у себя утаитъ и къ боярамъ нашимъ... не повезетъ, и тому отъ меня быть въ великой опалѣ и въ казни. А грамоту посылайте межъ себя сами, не издержавъ ни часа“. Другая: „въ Вязму и въ Дорогобужъ княземъ и дѣтемъ боярскимъ дворовымъ и городовымъ. Писалъ къ намъ князь Ив. Сем. Мецецкой да дворцовой дьякъ Гаврило Шенюкъ, что къ вамъ послали наши грамоты, да п свои грамоты къ вамъ посылали, чтобъ по нашему слову вы къ нимъ ѣхали съ дочерьми своими, а велѣлъ я имъ смотрити у васъ дочерей, себѣ невѣсты. И вы де п къ нимъ не ѣдете и дочерей своихъ не везете, а нашихъ грамотъ не слушаете. И вы то чините не гораздо, что нашихъ грамотъ не слушаете. И выѣтъ однолично часа того повѣхали съ дочерьми своими ко князю Ив. Сем. Мецецкому да къ дьяку. А которой изъ васъ къ нимъ съ дочерьми своими часа того не повѣдетъ, и тому отъ меня быти въ великой опалѣ и въ казни. А грамоту посылайте межъ себя сами, не издержавъ ни часу¹.

Черезъ мѣсяць послѣ написанія этой послѣдней грамоты отъ 4 января 1547 г., царь уже повѣнчался съ Анастасією Романовой, избранной, стало-быть, также изъ множества дѣвицъ.

Должно полагать, что лицамъ, которые пересматривали невѣсть на мѣстѣ, давался какой либо наказъ, словесный, а всего вѣрнѣе писанный, съ подробнымъ обозначеніемъ тѣхъ добрыхъ качествъ, какія требовались для невѣсты государевой вообще и пожеланію жениха въ особенности. Безсомнѣнія не-

¹ С. Г. Г. II, № 34 и 35.

тотъ же самый день, по милости царя, обручаются съ боярами и военными сановниками. Такимъ образомъ московскіе государи, презиравъ знаменитые царскіе роды, подобно оттоманскимъ султанами, возводятъ на брачное ложе дѣвицъ большаго частію низкаго и незначнаго происхожденія, но отличающихся тѣлесною красотою⁴.

Францискъ-да-Колло рассказываетъ слѣдующее: „в. к. Василій, вздумавъ жениться (это было еще при его отцѣ), обнаруговалъ во всемъ государствѣ, чтобы для него выбрали самыхъ прекраснѣйшихъ дѣвицъ, знатныхъ и незначныхъ, безъ всякаго различія. Привезли ихъ въ Москву болѣе пятисотъ: изъ нихъ выбрали 300, изъ трехъ сотъ 200, послѣ 100, наконецъ только десять, осмотрѣнныхъ повивальными бабками; изъ сихъ десяти Василій избралъ себѣ невѣсту и женился на ней (на Соломоніи): однакожъ не имѣлъ удовольствія быть отцемъ, и потому не весьма уважалъ супругу, такъ что и, находясь въ Москвѣ, долженъ былъ ходатайствовать о свободѣ брата ея, сидѣвшаго въ темницѣ за легкую вину“¹. Противорѣчіе сказаній Герберштейна и Франциска-да-Колло о 1500 и 500 дѣвицахъ весьма согласимо съ истиной, ибо цифра 1500 могла обозначать все число дѣвицъ-невѣстъ, которыя были написаны въ выборѣ, соотвѣтственно тѣмъ качествамъ, какія требовались для государевой невѣсты.

Съ порядкомъ предварительнаго выбора, по разнымъ мѣстностямъ, насъ знакомятъ отчасти самыя грамоты, которыя въ это время разсылались ко всемъ помѣщикамъ или служилымъ людямъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ областныя и другіе города посылали довѣренныхъ людей изъ окольныхчихъ или изъ дворянъ съ дѣнками, которые заодно съ мѣстною властью, съ намѣстникомъ или воеводою, и должны были пересмотрѣть всѣхъ дѣвицъ назначеннаго округа. Между тѣмъ по всему округу, во всѣ помѣстья пересылалась государева грамота съ наказомъ везти дочерей въ городъ для смотра. Помѣщики собирались съ невѣстами и затѣмъ избранныхъ везли уже въ Москву. Для многихъ, вѣроятно по бѣдности, этотъ мѣстный сѣздъ былъ дѣломъ не совсемъ легкимъ и потому иные не слишкомъ торопились исполнять царскій наказъ. По случаю первой женитьбы царя Ивана Васильевича зпмоу 1546—1547 года, были разсланы

¹ Карамз. VII, пр. 402.

слѣдующія грамоты, текстъ которыхъ для удобства въ чтеніи мы нѣсколько поновляемъ.

„Отъ великаго князя Ивана Васильевича всеи Руси въ нашу отчину въ Великій Новгородъ, въ Бѣжицкую Пятину, отъ Новгорода верстъ за сто и за полтораста и за двѣсти, княземъ и дѣтямъ боярскимъ. Послалъ я въ свою отчину въ Великій Новгородъ окольникяго своего Ивана Дмитріевича Шеина, а велѣлъ боярамъ своимъ и намѣстникамъ князю Ю. М. Булгакову да Василью Дмитріевичу да окольникему своему Ивану смотрити у васъ дочерей дѣвокъ, — намъ невѣсты. И какъ къ вамъ эта наша грамота придетъ, и у которыхъ у васъ будутъ дочери дѣвки, и выѣтъ съ ними часа того ѣхали въ Великій Новгородъ; а дочерей бы у себя дѣвокъ одиночно не таили, повезли бы часа того не мѣшкая. А который изъ васъ дочь дѣвку у себя утаитъ и къ боярамъ нашимъ... не повезетъ, и тому отъ меня быть въ великой опалѣ и въ казни. А грамоту посылайте межъ себя сами, не издержавъ ни часа“. Другая: „въ Вязму и въ Дорогобужъ княземъ и дѣтемъ боярскимъ дворовымъ и городовымъ. Писалъ къ намъ князь Ив. Сем. Мезецкой да дворцовой дьякъ Гаврило Шенюкъ, что къ вамъ послали наши грамоты, да и свои грамоты къ вамъ посылали, чтобъ по нашему слову вы къ нимъ ѣхали съ дочерьми своими, а велѣлъ я имъ смотрити у васъ дочерей, себѣ невѣсты. И вы де и къ нимъ не ѣдете и дочерей своихъ не везете, а нашихъ грамотъ не слушаете. И вы то чините не гораздо, что нашихъ грамотъ не слушаете. И выѣтъ одиночно часа того повѣхали съ дочерьми своими ко князю Ив. Сем. Мезецкому да къ дьяку. А которой изъ васъ къ нимъ съ дочерьми своими часа того не повѣдетъ, и тому отъ меня быти въ великой опалѣ и въ казни. А грамоту посылайте межъ себя сами, не издержавъ ни часу¹.

Черезъ мѣсяцъ послѣ написанія этой послѣдней грамоты отъ 4 января 1547 г., царь уже повѣнчался съ Анастасією Романовой, избранной, стало-быть, также изъ множества дѣвицъ.

Должно полагать, что лицамъ, которые пересматривали невѣсть на мѣстѣ, давался какой либо наказъ, словесный, а всего вѣрнѣе писанный, съ подробнымъ обозначеніемъ тѣхъ добрыхъ качествъ, какія требовались для невѣсты государевой вообще и пожеланію жениха въ особенности. Безсомнѣнія не-

¹ С. Г. Г. II, № 34 и 35.

наловажное мѣсто занимала здѣсь и *мѣра* возраста или роста, съ которою вѣдши осматривать невѣсты въ Византіи. За тѣмъ, послѣ смотря всѣ избранныя первыя красавицы области вносились въ особую роспись съ назначеніемъ пріѣхать въ извѣстный срокъ въ Москву, гдѣ имъ готовился новый смотръ, еще болѣе разборчивый, уже во дворцѣ при помощи самыхъ близкихъ людей государя. Наконецъ, избранныя изъ избранныхъ являлись на смотрины къ самому жениху, который и указывалъ себѣ невѣсту, также послѣ многого „испытанія“. Впрочемъ, надо думать, что женихъ участвовалъ въ разборѣ всѣхъ невѣстъ, которые были привозимы въ Москву, ибо сюда, какъ мы замѣтили, съѣзжались уже избранныя, первыя красавицы областей. О царѣ Иванѣ Васильевичѣ повѣствуютъ, что для избранія третьей супруги, къ нему „изъ всѣхъ городовъ свезли невѣсты въ Александрову Слободу, и знатныхъ и не знатныхъ, числомъ болѣе двухъ тысячъ. Каждую представляли ему особенно. (Испытанію о двѣцахъ многу бывшу надолѣ, говорить самъ государь). Сперва онъ выбралъ 24, а послѣ 12, коихъ надлежало осмотрѣть доктору и бабкамъ; долго сравнивалъ ихъ въ красотѣ, въ пріятностяхъ, въ умѣ; наконецъ предпочелъ всѣмъ Марю Васильевну Собакину, дочь купца новгородскаго, въ тоже время избравъ невѣсту и для старшаго царевича, Евдокію Богдановну Сабурову“. Касательно избранія невѣсты царемъ Иваномъ Васильевичемъ, его современникъ, иностранецъ Гейденштейнъ рассказываетъ, „что изъ всей Россіи собираемыя царскія невѣсты живутъ обыкновенно въ одномъ большомъ домѣ; что въ каждой комнатѣ стоитъ 12 кроватей и тронъ; что царь, провождаемый только однимъ старцемъ, входя въ комнату, садится на тронъ; что невѣсты одна за другою становятся передъ нимъ на колѣни, и бросивъ къ его ногамъ платокъ златотканый съ жемчугомъ (ширинку), удаляются...“¹

Коллинсъ, современникъ царя Алексѣя, говоритъ, что когда дѣло рѣшалось, то самъ царь подавалъ избранной платокъ и кольцо; эти-то брачныя знаки, въ дѣйствительности, быть можетъ и означали актъ избранія.

Свадебные разряды свидѣлствуютъ, что подобныя же общіе выборы невѣстъ, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, происходили и при женитьбѣ его братьевъ.

¹ Карамз. IX, 110, и пр. 554.

Въ 1547 г. сент. 18, приговорилъ государь брата своего кн. Юрья Васильевича женити; и ходилъ государь съ нимъ къ Макарію митрополиту, чтобы кн. Юрья женитися благословилъ; и велѣлъ боярамъ и княземъ дочери, дѣвки привезти на свой царской дворъ; и какъ дѣвки свезли и царь и князь Юрья дѣвокъ смотрѣли; и полюбилъ кн. Юрья княжну Дмитріеву дочь Федоровича Палицага, княжну Ульяну. Въ 1549 г. сент. 1, приговорилъ государь женить брата своего князь Володимера Андреевича, удѣльнаго; и приговорилъ *протисать* у бояръ и князей дочерей дѣвокъ и по времени ихъ пересмотрѣть; и тогда свадьбу, государь, отложилъ для своего походу къ Казани; а приговорилъ смотрѣть послѣ Казанскаго дѣла. И мая 24 смотрѣлъ царь и князь Володимеръ дѣвокъ, и полюбилъ дѣвку Авдотью Александрову дочь Михайловича Нагова ¹.

Послѣ избранія, царскую невѣсту торжественно вводили въ царскіе особые хоромы, гдѣ ей жить, и оставляли до времени свадьбы на попеченіи дворовыхъ боярынь и постельницъ, женъ вѣрныхъ и богобоязливыхъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто тотчасъ же занимали ближайшія родныя избранной невѣсты, обыкновенно ея родная мать или тетки и другія родственницы. Введеніе невѣсты въ царскіе терема сопровождалось обрядомъ ея царственнаго освященія. Здѣсь съ молитвою нареченія на нее возлагали царскій дѣвичій вѣнецъ, нарекали ее *царевною*, нарекали ей и новое царское имя. Вслѣдъ за тѣмъ дворовые люди „царицына чина“ цѣловали крестъ новой государынѣ. По исполненіи обряда нареченія новой царицы разсылались по церковному вѣдомству въ Москвѣ и во всѣ епископства грамоты съ наказомъ, что бы о здравіи новонареченной царицы Бога молили, т. е. поминали ея имя на ектеніяхъ вмѣстѣ съ именемъ государя.

Съ этой минуты личность государевой невѣсты приобрѣтала полное царственное значеніе и совсѣмъ выдѣлялась изъ среды подданныхъ и изъ среды своего родства, такъ что даже и отецъ ея не смѣлъ уже называть ее своею дочерью, а родственники не смѣли именовать ее себѣ родною. Но, само собою разумѣется, что такія отношенія царицына родства существовали какъ бы только въ идеѣ, въ отвлеченіи, въ идеальныхъ представленіяхъ о недостигаемой высотѣ царскаго сана, о недостига-

¹ Видл. XIII, 36, 46.

ею его освященію, къ которому такъ близко становилась избранная дѣвица. На самомъ же дѣлѣ родство царицы, хотя и теряло право, для государственнаго приличія, именовать ее своею родною, хотя и не осмѣливалось иначе называть ее, какъ великою государынею царицею, — но все таки, по своему вліянію оставалось ея родствомъ и всегда быстро восходило на степень самыхъ близкихъ людей къ государю, быстро возвышалось до значенія всемогущихъ временщиковъ. По большей части ея-то родство и управляло государствомъ во всѣхъ внутреннихъ, такъ сказать, домашнихъ государственныхъ дѣлахъ. „А жалуетъ царь по царицѣ своей, говоритъ Котошихинъ, отца ея, а своего тестя, и *родъ* ихъ, съ никакіе степени возведетъ на высокую, и кто чѣмъ не достанетъ, сподобляетъ своею царскою казною, а иныхъ разсылаетъ для покормленія по воеводствамъ въ города, и на Москвѣ въ приказы, и даетъ помѣстья и вотчины; и они тѣми помѣстьями и вотчинами и воеводствами и приказнымъ сидѣньемъ, побогатѣютъ“.

Таково было беззащитное вотчинное управленіе государствомъ, по которому въ силу общихъ и неколебимыхъ, освященныхъ вѣками убѣжденій, родство и въ царскомъ, какъ и въ частномъ правительственномъ быту всегда пріобрѣтало первое право пользоваться властью своего родича, а стало быть и всѣми выгодами его высокаго общественнаго положенія. Это было на самомъ дѣлѣ непререкаемое право всѣхъ родичей, ибо по идеямъ родоваго быта они всегда и пріобрѣтали и теряли, возвышались и падали, за одно съ своимъ родомъ. Отдѣльная отъ рода личность не была мыслима въ то время; она слѣвалась съ родомъ въ органическое цѣлое, а потому не могла даже и понять какой либо раздѣльности интересовъ и выгодъ въ кругу родовой связи. Возвышавшійся гдѣ бы ни было родичъ всегда оставался въ кровномъ убѣжденіи, что за собою должно возвышать прежде всего свое родство, что это — дѣло естественное; а родство всегда тоже почитало своимъ естественнымъ родовымъ правомъ не только ожидать, а и требовать себѣ всѣхъ выгодъ, пріобрѣтаемыхъ въ обществѣ его родичемъ. Такой именно порядокъ идей господствовалъ въ средѣ всѣхъ житейскихъ общественныхъ связей и всякихъ властныхъ, государственныхъ отношеній.

Государевы невѣсты очень нерѣдко избирались изъ бѣдныхъ и простыхъ дворянскихъ родовъ, а потому и возвышеніе ихъ

родства выпадало на долю самымъ незначительнымъ людямъ. Коллинсъ рассказываетъ, что отецъ царицы Марьи Ильичны Милославскихъ, Илья Даниловичъ, происходилъ изъ незнатнаго и бѣднаго дворянскаго рода и прежде служилъ кравчимъ у посольскаго дьяка Ивана Грамотина. Дочь его, будущая царица хаживала въ лѣсъ по грибы и продавала ихъ на рынкѣ. О царицѣ Евдокии Лукьяновнѣ Стрѣшневыхъ, супругѣ Михаила, ея же постельницы говаривали: „не дорога де она государыня; знали онѣ ее, коли она хаживала въ жолтикахъ (простыхъ чеботахъ); нынѣ де ее государыню Богъ возвеличилъ!“ О царицѣ Натальѣ Кириловнѣ Шакловитой, предлагавшей ея *примать*, т. е. погубить, говорилъ царевнѣ Софьѣ: „извѣстно тебѣ, государыня, каковъ ея родъ и какова въ Смоленскѣ была: въ лѣптахъ ходила!“

Весьма понятно послѣ того, съ какою завистью и ненавистью встрѣчали во дворцѣ родство новой царицы, съ какимъ опасеніемъ смотрѣли на новыхъ людей, ея родичей, всѣ лица, находившіяся въ близости и въ милости у государя, сидѣвшія, прочно въ своихъ пригрѣтыхъ гнѣздахъ по разнымъ частямъ дворцоваго и вообще приказнаго управленія. Выборъ государевой невѣсты подымалъ въ дворовой средѣ столько страстей, столько тайныхъ козней и всяческихъ интригъ, что это государево дѣло рѣдко проходило безъ какихъ либо болѣе или менѣе важныхъ и тревожныхъ событій въ его домашней жизни.

Избранная невѣста, вступая во дворецъ царевною. среди радостей и полнаго счастья, неизобразимаго для простой дѣвицы и особенно для ея родныхъ, вовсе не предчувствовала, что именно съ этой минуты участь ея держится на одномъ волоскѣ, что именно съ этой минуты ея личность становится игрищемъ самыхъ коварныхъ, низкихъ и своекорыстныхъ замысловъ. Тѣже самые люди, которые съ дворскимъ раболѣпіемъ служили ей, съ дворскимъ раболѣпіемъ заискивали ея особаго расположенія, земно кланялись ей, какъ новонареченной царицѣ; тѣже самые люди, которые такъ были близки ея царственному жениху, такъ были любимы имъ и, казалось, такъ добродушно и искренно радѣли о его счастьи и стало быть о счастьи избранной имъ супруги, — эти то самые люди и являлись, въ тайныхъ своихъ замыслахъ, первыми и можно сказать единственными ея врагами.

Недоступный, замкнутый царскій теремъ съ его просторною и прохладною жизнію, въ смыслъ всякаго изобилія и великолѣпія, всяческаго раболѣпства и ласкательства, являлся на дѣлѣ самымъ открытымъ мѣстомъ для дѣйствій потаенныхъ враговъ, и самымъ тѣснымъ и опаснымъ мѣстомъ для жизни. Простое легкое нездоровье было достаточно для того, чтобы враги воспользовались этимъ обстоятельствомъ и облекли его въ дѣло величайшей важности и величайшей опасности даже для здоровья самого государя, всегда обвиняя при этомъ и родство невесты, будто оно нарочно скрываетъ какую либо неизлѣчимуя ея болѣзнь, разумѣется для того, чтобы не лишиться ожидаемаго высокаго благополучія вступить въ близость къ государю. Враги употребляли большія старанія чѣмъ либо въ дѣйствительности испортить здоровье царевны-невесты и такимъ образомъ лишитъ ее царской любви, выселитъ изъ дворца и тогда новый выборъ государевой супруги направить согласно своимъ потаеннымъ цѣлямъ.

Съ подробностями такихъ печальныхъ событій въ государственной жизни лучше всего познакомитъ насъ исторія царскихъ невестъ.

Скорбь разлуки съ избранною невестою, именно вслѣдствіе дворскихъ интригъ, долженъ былъ испытать изъ царей первый Иванъ Васильевичъ Грозный. Со многими и долгими испытаніемъ (въ 1572 г.) онъ избралъ въ супруги дѣвицу Марфу Васильевну Собакину. Она была испорчена еще въ невестахъ и скончалась съ небольшимъ черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы, совершенной царемъ вопреки обычному предубѣжденію и страху за собственное здоровье. Объ этомъ засвидѣтельствовалъ самъ царь, когда просилъ соборнаго разрѣшенія вступить потомъ въ четвертый бракъ на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовскихъ: „ненавидѣй добра врагъ, воздвиге *ближнихъ* многихъ людей враждовати на царицу Марфу, еще въ дѣвицахъ сущу, точію имя царское возложено на нее, и тако ей *отраву злую училиша*. Благовѣрный же царь и в. к., положи на Божіе всецѣдрое существо упованіе, либо изцѣлветъ, поя за себя дѣвицу Марфу, и только была за нимъ двѣ недѣли и преставися. И понеже дѣвства не разрѣшилъ третьяго брака, царь и в. к. о таковыхъ много оскорбися и хотѣ обещися во иноческое“¹. Подозрѣніе

¹ Визл. XIII, 105

въ порчѣ пало на родство прежнихъ царицъ, Анастасіи Романовыхъ и Марьи Черкасскихъ. Былъ розыскъ и были казни, по Карамзину являя эпоха душегубства, въ которую погибъ, въ числѣ другихъ, кн. Мих. Темрюковичъ Черкасскій, братъ царицы Марьи. Къ сожалѣнію дѣло объ этомъ розыскѣ, со множествомъ разныхъ другихъ дѣлъ, весьма важныхъ для исторіи Ивана Грознаго, до насъ не дошло, и потому мы не имѣемъ никакихъ основаній дѣлать рѣшительныя заключенія ни о той, ни о другой сторонѣ.

Болѣе подробностей о подобныхъ событіяхъ царской жизни сохранилъ намъ XVII вѣкъ. Такъ, слѣдственное дѣло о болѣзни первой невѣсты цари Михаила Феодоровича, Марьи Хлоповой, довольно близко знакомитъ насъ съ характеромъ дворскихъ отношеній въ этихъ обстоятельствахъ и вообще съ подробностями домашней жизни избранныхъ государевыхъ невѣстъ. По вступленіи на царство, шестнадцатилѣтній Михаилъ Феодоровичъ, юноша кроткій и тихій, благоувѣтливый и покорный, какъ отзывается о немъ лѣтописецъ, до возвращенія изъ плѣна своего отца, Филарета Никитича, находился въ полной опекѣ матери, великой старицы инокини Марьи Ивановны. Въ первое время близкими къ нему людьми явились конечно его родственники, какъ всегда и бывало. Да и кому же, кромѣ родства, вѣрнѣе и безопаснѣе было поручить береженіе молодого государя, особенно вскорѣ послѣ общихъ, всенародныхъ смуть, въ виду бывшихъ постоянныхъ измѣнъ, и даже убійствъ, отъ которыхъ не могли спастись государи-предшественники. Безсомнѣнія по совѣту родственниковъ и по назначенію Марьи Ивановны ближайшія и самыя важныя дворовыя должности при Михаилѣ отданы были въ 1613-г. двумъ его двоюроднымъ братьямъ, Борису и Михаилу Салтыковымъ. Первый назначенъ дворецкимъ, второй — крайчимъ. Близость къ молодому, неопытному и покорному государю очень скоро возвысила ихъ до значенія самовластныхъ и самоуправныхъ временщиковъ. Хозяиничая своевольно и безответственно во дворцѣ, они давали чувствовать свою власть и въ общихъ дѣлахъ государства, такъ что многіе съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда изъ плѣна царскаго отца Филарета Никитича, который одинъ только своею отцовскою властью могъ остановить это боярское своевоіе, всегда поднимавшееся во время малолѣтства или неспособности государей.

Недоступный, замкнутый царскій теремъ съ его просторною и прохладною жизнію, въ смыслъ всякаго избытка и великолѣпія, всяческаго раболѣпства и ласкательства, являлся на дѣлѣ самымъ открытымъ мѣстомъ для дѣйствій потаенныхъ враговъ, и самымъ тѣснымъ и опаснымъ мѣстомъ для жизни. Простое легкое нездоровье было достаточно для того, чтобы враги воспользовались этимъ обстоятельствомъ и облекли его въ дѣло величайшей важности и величайшей опасности даже для здоровья самого государя, всегда обвиняя при этомъ и родство невѣсты, будто оно нарочно скрываетъ какую либо неизлѣчимую ея болѣзнь, разумѣется для того, чтобы не лишиться ожидаемаго высокаго благополучія вступить въ близость къ государю. Враги употребляли большія старанія чѣмъ либо въ дѣйствительности испортить здоровье царевны-невѣсты и такимъ образомъ лишить ее царской любви, выселить изъ дворца и тогда новый выборъ государевой супруги направить согласно своимъ потаеннымъ цѣлямъ.

Съ подробностями такихъ печальныхъ событій въ государственной жизни лучше всего познакомить насъ исторія царскихъ невѣстъ.

Скорбь разлуки съ избранною невѣстою, именно вслѣдствіе дворскихъ интригъ, долженъ былъ испытать изъ царей первый Иванъ Васильевичъ Грозный. Со многими и долгими испытаніемъ (въ 1572 г.) онъ избралъ въ супруги дѣвицу Марфу Васильевну Собакину. Она была испорчена еще въ невѣстахъ и скончалась съ небольшимъ черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы, совершенной царемъ вопреки обычному предубѣжденію и страху за собственное здоровье. Объ этомъ засвидѣтельствовалъ самъ царь, когда просилъ соборнаго разрѣшенія вступить потомъ въ четвертый бракъ на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовскихъ: „ненавидяй добра врагъ, воздвиге *ближнихъ* многихъ людей враждовати на царицу Марфу, еще въ дѣвицахъ сущу, точію имя царское возложено на нее, и тако ей *отраву злую* учиниша. Благовѣрный же царь и в. к., положи на Божіе всещедрое существо упованіе, либо изцѣлветъ, поя за себя дѣвицу Марфу, и только была за нимъ двѣ недѣли и преставися. И понеже дѣвства не разрѣшилъ третьяго брака, царь и в. к. о таковыхъ много оскорбися и хотѣ облещися во иноческое“¹. Подозрѣніе

¹ Визл. XIII, 105

въ порчѣ пало на родство прежнихъ царицъ, Анастасіи Романовыхъ и Марьи Черкасскихъ. Былъ розыскъ и были казни, по Карамзину являя эпоха душегубства, въ которую погибъ, въ числѣ другихъ, кн. Мих. Темрюковичъ Черкасскій, братъ царицы Марьи. Къ сожалѣнію дѣло объ этомъ розыскѣ, со множествомъ разныхъ другихъ дѣлъ, весьма важныхъ для исторіи Ивана Грознаго, до насъ не дошло, и потому мы не имѣемъ никакихъ основаній дѣлать рѣшительныя заключенія ни о той, ни о другой сторонѣ.

Болѣе подробностей о подобныхъ событіяхъ царской жизни сохранилъ намъ XVII вѣкъ. Такъ, слѣдственное дѣло о болѣзни первой невѣсты царя Михаила Феодоровича, Марьи Хлоповой, довольно близко знакомитъ насъ съ характеромъ дворскихъ отношеній въ этихъ обстоятельствахъ и вообще съ подробностями домашней жизни избранныхъ государевыхъ невѣстъ. По вступленіи на царство, шестнадцатилѣтній Михаилъ Феодоровичъ, юноша кроткій и тихій, благоувѣтливый и покорный, какъ отзывается о немъ лѣтописецъ, до возвращенія изъ плѣна своего отца, Филарета Никитича, находился въ полной опекѣ матери, великой старицы инокини Марыи Ивановны. Въ первое время близкими къ нему людьми явились конечно его родственники, какъ всегда и бывало. Да и кому же, кромѣ родства, вѣрнѣе и безопаснѣе было поручить береженіе молодого государя, особенно вскорѣ послѣ общихъ, всенародныхъ смутъ, въ виду бывшихъ постоянныхъ измѣнъ, и даже убійствъ, отъ которыхъ не могли спастись государя-предшественники. Безоснованія по совѣту родственниковъ и по назначенію Марыи Ивановны ближайшія и самыя важныя дворковыя должности при Михаилѣ отданы были въ 1613-г. двумъ его двоюроднымъ братьямъ, Борису и Михаилу Салтыковымъ. Первый назначенъ дворецкимъ, второй — крайчимъ. Близость къ молодому, неопытному и покорному государю очень скоро возвысила ихъ до значенія самовластныхъ и самоуправныхъ временщиковъ. Хозяйничая своевольно и безответственно во дворцѣ, они давали чувствовать свою власть и въ общихъ дѣлахъ государства, такъ что многіе съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда изъ плѣна царскаго отца Филарета Никитича, который одинъ только своею отцовскою властью могъ остановить это боярское своеволие, всегда поднимавшееся во время калолѣтства или неспособности государей.

Вотъ что разсказываетъ правдивый современникъ объ этихъ первыхъ годахъ Михайлова царствованія. „Бѣ же царь младъ.... и не бѣ ему еще толка разума, еже управлять землею, но боголюбивая его мати, инока великая старица Марѳа, прави подѣ нимъ и поддержая царство *со своимъ родомъ*.... Но и сему.... царю.... не безъ мятѣжа сотвори державу врагъ діаволъ древній, *возыся какъ гладущихъ на мздоиманіе*“, которые царя ни во что же вѣнчаша и небоящися его, понеже дѣтескъ сый.... всю землю Русскую раздѣлившя по своей воли, яко и его царская села себѣ поимаша....“ Почти тоже самое разсказываютъ и иностранцы современники ¹.

Послѣ вѣнчанія царскимъ вѣнцомъ, 11 іюля 1613 г., слѣдовало подумать и о вѣнчаніи брачнымъ вѣнцомъ, какъ водилось изстарѣ. Неизвѣстно однакожъ, тогда ли начались объ этомъ государевы заботы. Только въ 1616 г., когда царю былъ уже 20-й годъ, мать благословила его на это доброе дѣло, которое было желательно и для всей земли, испытавшей столько бѣдъ и потому вполнѣ желавшей, чтобы новый царскій родъ неколебимо утвердился на престолахъ.

Для *обиранья* невѣсты къ его государственной радости, по установившемуся обычаю, были, вѣроятно, собраны во дворецъ всѣ тогдашнія красавицы, дочери дворянъ и вообще служилаго помѣщичьяго сословія. Царь выбралъ въ невѣсты Марью Ивановну Хлопову, дочь московскаго дворянина. Какъ только дѣло было рѣшено, государь велѣлъ позвать къ себѣ ея родныхъ: отца, мать и всѣхъ, кто былъ на лицо, все родство. Это-то родство и было всегда ненавистно старымъ временщикамъ. Здѣсь являлись соперники, незнатные, небогатые, но сильные впоследствии, вліятельные по свойству съ царицей, съ которыми впоследствии трудно было ладить, отъ которыхъ нельзя было ждать добра, ибо и они тоже всегда почитали себя принятыми и самыми ближайшими кандидатами въ такіе же временщики. По этимъ причинамъ, старые любимцы государя должны были употреблять всѣ усилія, чтобы направить выборъ царской невѣсты соответственно своимъ личнымъ цѣлямъ. Для нихъ, напр., очень важно было, чтобы близкіе родные и все

¹ Записки о Россіи XVII в. по донесеніямъ голландскихъ резидентовъ. Вѣстникъ Европы, 1868, кн. 1.

родство будущей царицы не было слишкомъ значительно по своимъ личнымъ достоинствамъ или заслугамъ.

Родныхъ Хлоповой позвали въ Верхъ, въ Рождеству на Сѣни, т. е. на царицыну половину дворца. Здѣсь вышли къ нимъ Борисъ да Михайло Салтыковы, первые люди во дворцѣ, и велили имъ тутъ подождать до государева указа. Затѣмъ позвали ихъ къ государю въ хоромы, въ Переднюю. Тамъ сказалъ имъ государь самъ, что онъ „произволилъ взять себѣ для сочетанья законнаго брака Иванову дочь Марью, и ихъ родственницу, и онибѣ ему служили и были при немъ близко“. — Родные будущей царицы ударили челомъ государю, благодаря за неизреченное жалованье. Съ этой минуты они были при государѣ *близко*; они становились своими людьми государю, могли свободно ходить во дворецъ къ нареченной невѣстѣ.

Государеву невѣсту помѣстили у государя въ верхнихъ хоромахъ, въ теремахъ; нарекли ее *царицею*, а имя ей дали *Настасья*, очень вѣроятно — въ память царской бабки Анастасьи Романовны, первой супруги Грознаго. „И молитва нареченію ей была и чины у ней уставили по государскому чину, т. е. честь и береженье къ ней держали, какъ къ самой царицѣ; и дворовые люди крестъ ей цѣловали, и на Москвѣ, и во всѣхъ епископьяхъ Бога за нее молили, т. е. поминали на ектеньяхъ“.

Въ Верху, въ хоромахъ, при нареченной царицѣ жила Марья Милюкова, одна изъ придворныхъ сѣнныхъ боярынь; также мать царицы и ея бабка, Федора Желябужская. Родственники сначала приходили челомъ ударити временемъ, потомъ ходили къ ней по вся дни и вѣдали съ государемъ на богомолье къ Троицѣ, когда онъ отправился туда вмѣстѣ съ матерью и невѣстою молить Бога о благополучномъ сочетаньи бракомъ. Это было 16 мая 1616 г. Все происходило по заведенному искони обычному порядку; все шло благополучно, безъ всякой помѣхи; невѣста чувствовала себя во всемъ здоровою, кушала царскія сладкія яства, безсомнѣнія веселилась новою жизнію и ожидаемымъ счастьемъ, которое должно было возвысить и весь ея родъ. Такъ прошло около мѣсяца. 9 іюня „государыня царица и великая княгиня Настасья Ивановна всея Русіи государыни и великой старицѣ иночь Марей Ивановицѣ на новоселье челомъ ударила: два сорока соболей, одинъ 30 р., другой 25 р.“ Вѣроятно свекровь въ это время построила себѣ въ Вознесенскомъ монастырѣ новые хоромы.

Изъ родныхъ царевны замѣтно выдвинулся ея дядя Гаврила Васильевичъ Хлоповъ, повидимому человѣкъ очень неглупый, бывалый, стойкій и прямой. Очень понятно, что онъ-то особенно и не могъ понравиться Салтыковымъ. Однажды ходилъ государь въ Оружейную Палату и смотрѣлъ оружейную казну. Оружейною Палатою, гдѣ выдѣлывалась всякое царское оружіе, завѣдывалъ тогда Михайла Салтыковъ, исполнявшій, кромѣ должности кравчаго, и должность оружничаго, которая также всегда поручалась близкому и довѣренному человѣку. Поднесли къ государю турецкую саблю и начали хвалить. Салтыковъ, какъ полный хозяинъ царскаго оружейнаго заведенія, а слѣд. и знатокъ дѣла, выхваляя своихъ мастеровъ, сталъ говорить, что и на Москвѣ, т. е. въ Оружейной Палатѣ, государевы мастера такую саблю сдѣлаютъ. Государь передалъ смотрѣть саблю въ руки Гаврилѣ Хлопову, спрашивая его: какъ онъ думаетъ, сдѣлаютъ ли такую саблю въ Оружейной Палатѣ? Осмотрѣвъ саблю, Хлоповъ отвѣтилъ: „пожалуй сдѣлаютъ, только, думаю, не такую, какъ эта“. Могъ ли Салтыковъ, оружничій, перенести хладнокровно такое противорѣчіе своему отзыву, а можетъ быть и хвастовству. Разсерженный, онъ вырвалъ у Хлопова саблю, примолвивъ, что говорить онъ, незнакомчи¹. Зналъ ли Хлоповъ дѣйствительно толкъ въ этомъ дѣлѣ или выразилъ только простое сомнѣніе умнаго и бывалаго человѣка, но неуступилъ оружничему, побранился съ нимъ и „поговорилъ съ Салтыковыми гораздо въ разговоръ“. Все это дѣлалось при самомъ царѣ и все это напоминаетъ поведеніе олигарховъ во время молодости дѣдушки Михаила, царя Ивана Васильевича Грознаго. Съ тѣхъ поръ Салтыковы невзлюбили Хлоповыхъ, а это почти рѣшало участь царской невѣсты.

¹ Когда это было, неизвѣстно. Въ расходныхъ дворцовыхъ запискахъ значится, что 10 мая въ Оружейный Приказъ изъ домовой государевой казны была отпущена «сабля булатная тевриская (теврискій выковъ) ножны хозъ черной, оковы булатныя, цѣна 5 р.» Быть можетъ это та самая сабля, которую похвалялъ государь. Въ Оружейной Палатѣ сохраняется булатная сабля прорывная съ богатой золотой насѣчкой и съ русскою подписью латинскими, т. е. польскими буквами: «сей тесакъ сдѣланъ повелѣніемъ государя царя и в. к. Михаила Феодоровича всея Руси въ пятое лѣто (1617 г.) государства его мѣсяца... по приказу крайчево и оружничево Михаила Михайловича Салтыкова, дѣлалъ мастеръ Nial Proswit». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта сабля сдѣлана по приказанію Салтыкова въ подтвержденіе своихъ словъ, что и въ Москвѣ сдѣлаютъ саблю не хуже турецкой.

Бороться съ такими сильными и вліятельными людьми было невозможно людямъ, еще только приближавшимся къ довѣрію государя. Недѣля двѣ спустя послѣ того, какъ дядя невѣсты поговорилъ гораздо въ разговоръ съ оруженничимъ, Мих. Салтыковымъ, нареченная царица начала понемогати, появилась болѣзнь, „рвало и ломало нутрь и опухль была... а была ей блевота не вдругъ, сперва было дни съ три и съ четыре, да перестало, а послѣ того спустя съ недѣлю опять почала блевать“. Родные думали, что это случилось отъ сладкихъ ядей, потому что „ѣдала сласти, и они ей говорили, чтобъ сластей кушала не много, и оттого та болѣзнь блевота почала быть въ ней меньше“. Само собою разумѣется, что какъ только Хлопова заболѣла, отецъ и бабка ея тотчасъ доложили о томъ государю и государынѣ старицѣ Марѣ Ивановнѣ. Государь сейчасъ же велѣлъ дохтурамъ болѣзни ея смотрити. Но леченіе по необходимости должно было идти чрезъ посредство крайчаго Михайла Салтыкова, которому, какъ крайчему и лицу самому довѣренному, государь, естественно довѣрилъ и лѣченіе своей невѣсты.

Въ первое время Салтыковъ призывалъ доктора Валентина Бильса. Докторъ, болѣзни нареченной царицы, своимъ докторствомъ смотрѣлъ; по его отзыву она въ то время была больна тѣмъ: „желудокъ у нея въ тѣпоры былъ безсиленъ и не варилъ и селезенка опухла. Та болѣзнь, замѣтилъ онъ, бываетъ отъ желудка, какъ желудокъ бываетъ вѣтрянъ; а какъ желудокъ будетъ здоровъ и то все минуется, да отъ той болѣзни и въ почкахъ бываетъ болѣзнь и блевота; онъ такія болѣзни лѣчивалъ и многимъ пособлялъ, а *плоду и чадородію* отъ того поруки не бываетъ...“ Бильсъ прописалъ лѣкарство, которое по порядку тогдаже было записано въ книгахъ, въ аптекарской палатѣ, и передано въ руки отцу невѣсты, Ивану Хлопову. Въ другой разъ лѣкарство было прописано, спустя недѣлю. Лѣкарство по тогдашнимъ понятіямъ вообще было дѣломъ весьма подозрительнымъ и опаснымъ, а при настоящихъ обстоятельствахъ оно могло казаться на самомъ дѣлѣ отравою. Отецъ невѣсты зорко наблюдалъ за Салтыковыми. Подозрительность его не оставляла безъ вниманія и малѣйшаго случая, сколько нибудь сомнительнаго въ поведеніи бояръ. „Межь себя они *шептали*.... и пришедъ Михайло Салтыковъ, велѣлъ ему взяти изъ аптеки склянницу съ водкою и отнести къ дочери его Марѣ, а сказали, что она отъ того будетъ больше кушать“. Онъ взялъ у Бильса

скляницу и отдалъ въ хоромы Марьѣ Милуковой, невѣстною боярыньѣ. Но въ хоромѣхъ, вѣроятно по общему совѣту, держали себя крѣпко отъ подобныхъ водокъ и не употребляли ихъ. Въмѣсто сомнительной воды, тамъ больной давали *пити воду святую съ мощей*, а имали крестъ (съ мощами) у Волинскихъ, который вѣроятно славился изцѣленіями. Давали также камень *безудъ*. И оттого ей далъ Богъ изцѣленье, изцѣлыла и полегчело вскорѣ; и послѣ того болѣзнь не поминалася.

Это было врачеванье настоящее, которое предписывалось старымъ благочестіемъ и оправдывалось общимъ убѣжденіемъ народа въ его непререкаемой помощи. Докторское врачеванье по тому же убѣжденію все еще имѣло видъ врачеванья бѣсовскаго, имѣло видъ волхвованія, зелейничества, которое было грѣхомъ. Домострой писалъ: „аще Богъ пошлетъ на кого болѣзнь или какую скорбь, ино врачеватися Божіею милостію, да слезами, да молитвою, да постомъ, да милостынею къ нищимъ, да истиннымъ покаяніемъ. Да благодареніе и прощеніе и милосердіе и нелицемѣрная любовь ко всякому, аще кого чѣмъ пріобидѣлъ, отдать сугубо и на предъ не обидѣти. Да отцовъ духовныхъ и всякъ чинъ священнической и мнишескій подвижати на моленіе Богу; и молебны пѣти и *вода святити съ честныхъ крестовъ и со святыхъ мощей и съ чудотворныхъ образовъ, и масломъ свящатися*; да по чудотворнымъ по святымъ мѣстамъ общеватися и, приходяще молитися, со всякою чистою совѣстію; тѣмъ цѣлыа всякимъ различнымъ недугомъ отъ Бога получитьи...“ Домострой толковалъ, что всякіе тяжкіе различные недуги суть наказаніе гнѣва Божія; поэтому кто „оставя Бога, и милости и прощенія грѣховъ отъ него нетребуя, призываетъ къ себѣ чародѣевъ, кудесниковъ, волхвовъ и всякихъ мечетниковъ и зелейниковъ, и съ кореньемъ, отъ которыхъ ожидаетъ душегубной и временной помощи, тотъ уготовляетъ себя діаволу, во дно адово, во вѣки мучитися“.

Конечно, если всякая болѣзнь носила въ себѣ смыслъ Божьяго гнѣва, Божьяго наказанія за премногіе грѣхи, то и ея врачеваніе должно было призывать одну лишь Божію помощь, должно было обращаться къ одной лишь святыньѣ и къ дѣламъ покаянія. Человѣческая помощь здѣсь ничего не значила, а тѣмъ менѣе — помощь докторская, которую и вообще весьма трудно было отдѣлать отъ обыкновеннаго знахарства, отреченнаго и проклятаго всіми соборами. Вотъ почему во всѣхъ важныхъ

случаяхъ, не только въ домашнемъ ежедневномъ быту, но и въ быту всенародномъ, всегда съ молитвою прибѣгали къ чудотворной силѣ святой воды, освященной съ животворящаго креста съ мощами. Такъ, въ 1647 г. февр. 26, царю Алексѣю Михайловичу были челомъ жители города Карпова: „по твоему государеву указу твой новый городъ Карповъ поставленъ, а мы, холопи твои, въ Карповъ изъ разныхъ городовъ сведены на вѣчное житье съ женишками и съ дѣтишками и дворюшки себя построили; и за грѣхъ нашъ, въ Карповѣ напала на насъ болѣзнь и скорбя полевая (степная), и вода въ Карповѣ нездоровая: многіе отъ тѣхъ болѣзней и скорбей помирають, и цѣлебнаго животворящаго креста Господня съ мощами святыхъ въ Карповѣ нѣтъ; водъ священіе бываетъ крестомъ Христовымъ безъ мощей. Вели, государь, прислать въ Карповъ для нашихъ скорбей и болѣзней животворящій крестъ Господень съ мощами святыми на освященіе водъ и на утвержденіе и на изцѣлѣніе намъ, чтобъ намъ отъ тѣхъ полевыхъ болѣзней и скорбей напрасною смертью не помереть“. Государь велѣлъ имъ принести животворящій крестъ изъ Хотмышка, куда эта святыня, вѣроятно по такому же челобитью была отправлена въ 1646 г. съ наказомъ: „тотъ животворящій крестъ для освященія воды и изцѣлѣнія всякихъ болѣзней и скорбей воеводамъ изъ Хотмышка отпустить въ города безъ задержанія“. По такимъ же причинамъ, въ 1649 г., государь послалъ изъ Москвы животворящій крестъ съ мощами въ Курскъ, гдѣ многіе люди нападными болѣзнями и страхованіями болѣзновали и помирали. Государь наказывалъ встрѣтить святыню съ крестнымъ ходомъ, служить молебень, святить воду; „и тою святою водою городъ и по городу нарядъ (пушечный) и всякія крѣпости, и всякихъ чиновъ людей, и лошадей, и всякую животину кропить не по одинъ день; и въ другіе украинные города отпустить на просвѣщеніе и изцѣленіе больнымъ, съ великою съ подобающею честію“¹. Мы увидимъ, что въ царскомъ быту животворящимъ крестомъ всегда благословлялись новобрачные, а равно и новорожденные младенцы съ тою, безсомнѣнія, вѣрою, чтобы эта святыня служила имъ на изцѣленіе и сохраненіе отъ всякихъ недуговъ.

Весьма понятно, что въ настоящемъ случаѣ для государевой невѣсты святая вода съ животворящаго креста была наиболѣе

¹ Описаніе госуд. Архива, П. Иванова, 300. Полн. Собр. Зап. т. I, № 2.

желаннымъ врачеваніемъ. Докторское искусство являлось здѣсь, по мѣстнымъ, дворцовымъ обстоятельствамъ въ самомъ подворительномъ видѣ. Чтобы предохранить больную отъ отравы ей давали еще камень *безуи*, который, по тогдашнимъ понятіямъ, служилъ самымъ вѣрнымъ средствомъ не только отъ всякой отравы, но и отъ всякихъ болѣзней. Известно, что патриархъ Никонъ, въ своей ссылке, жаловался, что его было отравили: „крутицкій митрополитъ да чудовской архимандритъ прислали дьякона Θεодосія со многимъ чаровствомъ меня отравить и онъ было отравилъ, едва Господь помиловалъ, безуемъ камнемъ и индроговымъ пескомъ отпился“¹.

¹ Безуи или безоаръ, камень, находящійся во внутренности нѣкоторыхъ животныхъ, а также камень ископаемый. Въ средніе вѣка ему приписывали, какъ мы замѣтили, дѣлѣбную силу отъ всевозможныхъ ядовъ и болѣзней. Такое понятіе о немъ сложилось, конечно, на востокѣ, почему восточные безуи и цѣнились всегда выше другихъ, по цѣнамъ неимовернымъ, ибо вообще эти камни очень рѣдки. Въ старинныхъ нашихъ лечебникахъ, разумеется переводныхъ, о камнѣ Безуи сказывается слѣдующее: „безоаръ камень привозятъ изъ Индіи, а кой привозятъ изъ восточной Индіи и тотъ есть сильнѣе, а цвѣтомъ сѣръ, а иной чернъ, а мелокъ; а сказываютъ, что находятъ его при берегу морскомъ, а родится сказываютъ въ сердцѣ у оленя, а иные сказываютъ — у змѣи въ желчи“. Далѣе лечебникъ говоритъ, что всѣ мудрецы описуютъ, что безоаръ начальное мѣсто имѣетъ между всѣми лѣкарствами, которыя помогаютъ отъ оокорковъ и отъ упойства, скрываетъ отъ порчи лѣхихъ людей... изъять его сильнѣе. Серапионъ мудрецъ пишетъ, что принимать его надо тертый, вѣсомъ противъ 12 зеренъ ячменныхъ, подогрѣвъ съ реинскимъ или съ бѣлымъ французскимъ виномъ, «а какъ его кто выпьетъ и легъ бы на постелю окутався платьемъ, чтобы вспотѣть. — Въ моровое повѣтріе тотъ камень тоже внутрь принимать и при себѣ его носить». — «Аще кто тотъ камень вставитъ въ перстень и почуветъ въ себѣ порчу и вложитъ во уста, сосалъ бы его, тогда отъ порчи избавляетъ».

Около времени избранія Хлоповой въ невесты государю, 1616 г. марта 21, выгнаны въ государеву казну, на казенной дворъ, у ярославца Назарья Чистово «три камня безуи, въ одномъ вѣсу 9 золотниковъ 2 денги, въ другомъ — 8 зол. съ полузолотникомъ, въ третьемъ — 6 зол., съ четью, и всего въ трехъ каменехъ вѣсу 24 золотника безъ денги, а денегъ за нихъ довелось было дати 245 рублей (выданы изъ Денежнаго приказа). Арх. Ор. Пал. № 1063. — Въ 1625 г. кызылбашскій Аббасъ Шахъ прислалъ государю въ поминкахъ камень безуи оправленъ въ золотъ съ яхонтикой и изумрудцы, вѣсу совсѣмъ 7¼ золотн. цѣна 14 р. 17 алт. 4 д. Въ 1626 г. купленъ у казанца Ив. Истомина камень безуи большой вѣсу 17½ золотн. въ 15 р. — Въ 1676 г. марта 7 велѣно было сдѣлать государю въ серебряной палатѣ чашку съ кровлею гладкую на поддонѣ, съ подписью государева имени, а въ чашкѣ и въ кровлѣ вставить по *безуи* восточному, и позво-

Между тѣмъ Салтыковъ, оставивъ доктора Бильса, можетъ быть по той причинѣ, что не надѣялся найдти въ немъ пособника своимъ замысламъ, обратился къ лѣкарю Балсырю, т. е. степению ниже въ медицинскихъ познаніяхъ, который отвѣтилъ ему, что онъ мимо дохтура лѣчить неумѣетъ, тое болѣзнь знаютъ дохтуры. Однакожъ онъ осмотрѣлъ больную и свидѣтельствовалъ, что „было у ней въ тѣ поры въ очахъ желтовато, а словоеть желтая болѣзнь, и что лѣчить ее можно и порухи отъ тое болѣзни чадородію небываетъ, да и жолтииа въ очахъ (у ней) была невеликая. И прежь того онъ такіе болѣзни лѣчивалъ и пособлялъ“. Да не того хотѣлъ кравчій Салтыковъ, онъ хотѣлъ чтобы невѣста была больна неизлѣчимо, чтобъ она была къ государственной радости не прочна. Однимъ словомъ, онъ искалъ причины удалить ее изъ двorca со всѣми родными. Съ этой мыслью онъ спросилъ Балсыря, „будетъ ли она имъ государыня?“ Тотъ отвѣчалъ — почему ему то видать, то не его дѣло. Лѣкаря Балсыря, послѣ того, какъ и доктора Бильса, къ больной не зывали и лѣкарства у нихъ не спрашивали. Мы видѣли, какииъ лѣкарствомъ пользовали больную, и отъ какиихъ лѣкарствъ она излѣвилъа. Но въ то время, какъ въ верхнихъ хоромахъ больную излѣвлили св. водою съ чудотвори. креста, Салтыковъ рассказывалъ государю, что „дохтуры болѣзни ея смотрили и говорили, что въ ней болѣзнь великая, излѣчить ее неможно и живота (жизни) ей долгаго не чаять; что такую болѣзнью была больна на Угличѣ женка и жила всего съ годъ и умерла; и дохтуръ сказываетъ, что Марья излѣчить нельзя“.

Трудно было молодому царю узнать правду въ этомъ дѣлѣ. Трудно было не повѣрить двоюроднымъ своимъ братьямъ, которые были такими близкими и преданными ему людьми. Тѣмъ еще болѣе трудно было узнать истину, что Салтыковы успѣли возстановить противъ Хлоповыхъ, а стало быть и противъ государевой невѣсты, его мать, великую старицу Марфу Ивановну, на которую они дѣйствовали вѣроятно наговорами и сплетнями чрезъ свою мать, старицу Евникію, жившую тоже въ Вознесенскомъ монастырѣ. Видно, что монастырь съ своими инокинями служилъ имъ самую твердою и прочною

тить сплошь. Въсу въ ней вышло 1 е. 59 зол. Апрѣля 4 она подана въ хоромы. Чашка сдлана постоянно болѣвшему царю Федору Ал.

опорою въ ихъ самовластныхъ дѣйствіяхъ. „Врагъ же діаволь научи нѣкоторымъ сродичамъ, царевѣ матери племянникомъ, *остудити* царевѣ матери царицу, нѣкоторымъ чародѣйствомъ ненависть возложиша и разлучиша ю отъ царя и послаша въ затокъ“¹.

Дѣйствуя и въ монастырѣ и предъ лицомъ государя съ самою коварною скрытною, они безъ сомнѣнія первые же предложили рѣшить это дѣло соборне, т. е. въ думѣ, по разсужденію всѣхъ бояръ, ибо вопросъ былъ дѣйствительно очень важенъ, по крайней мѣрѣ лично для царя. Послѣ освященія царскимъ именемъ, послѣ крестнаго цѣлованья, послѣ всенародныхъ моленій о здравіи, было не совсѣмъ легко нареченную невѣсту—царевну *сослать съ Верху*, т. е. изъ дворца. Необходимо было подумать и разсудить дѣло съ осторожностью. Назначенъ былъ соборъ, думное сидѣнье, на которомъ дядя невѣсты Гаврило Хлоповъ билъ челомъ и заявилъ „чтобъ еще не поспѣшили сводить (ее) съ Верху, потому что въ ней болѣзнь объявилась невеликая, отъ сладкихъ ядей, да и та ужъ минуется“. Но его рѣчи были напрасны, ибо причина заключалась не въ болѣзни, а въ *остудѣннѣ* къ невѣстѣ и ея родству великой старицы Марѣи. Соборъ рѣшилъ, что невѣста къ государевой радости непрочна. Нареченную царевну *сослали съ Верху*. Спустя два дня послѣ того, ея болѣзнь было вспомнута, но скоро прошла и за тѣмъ она оставалась совсѣмъ здоровою, живя на подворьѣ у своей бабки, Федоры Желябужской. Черезъ 10 дней послѣ ссылки съ Верху, ее отправили изъ Москвы въ ссылку въ Тобольскъ съ бабкою и теткою и съ двумя дядьями, все Желябужскими, такъ что невѣста разлучена была даже съ своими ближайшими родными, отцомъ и матерью. Отцу тогда же дано было воеводство на Вологдѣ, гдѣ онъ находился до 1619 года, когда ему велѣно было ѣхать въ деревню². Молодой государь поверженъ былъ этимъ событіемъ въ печаль и скорбь великую.

„Спце же учиниша благочестивому царю, нанесоша ему печаль и скорбь велию; онъ же беззлюбивый благодарнѣ терпяше сія и невосхотѣ иныя поняти, дондеже Литовскій король отпусти отца его, митрополита Филарета на Русь“.

¹ П. С. Р. Л. V, 65.

² Дворц. Разр. I, 238, 418.

Шесть недѣль, проведенные женихомъ въ смотринахъ на свою обрученную невѣсту, въ бесѣдахъ съ нею, вообще въ близости къ ней, не могли пройти безслѣдно для очень еще молодого и благоувѣтливаго царя. Изъ многихъ обстоятельствъ этого событія замѣтно, что государь очень полюбилъ свою невѣсту. Официальные акты, которые остаются почти единственными источниками нашихъ свѣдѣній о дѣлѣ, не должны были, конечно, раскрывать юношескихъ чувствъ государя, но они, особенно удара на то, что Хлопова жила въ Верху не малое время, что нарекли ее царицею и молитва нареченію ей была, и чины у ней были по государскому чину, и крестъ ей цаловали и Бога за нее молили всѣмъ государствомъ, объясняютъ тѣмъ самымъ, что дѣло и въ официальной средѣ доведено было до тѣхъ границъ, отъ которыхъ не легко возвращаться. Но что же оставалось дѣлать предъ суровою истиною, открытою кравчимъ Салтыковымъ, засвидѣтельствованную семейнымъ соборомъ, что нареченная царица къ государевой радости непрочно по своей неизлѣчимой болѣзни? Царь покорился. „Онъ же беззлобивый благодарнъ терпяше сія и не восхотѣ иныя полаты, дондеже Литовскій король отпусти отца его митрополита Филарета на Русь“. Въ этомъ только и могъ выразиться смиренный протестъ покорнаго своей матери сына, который едвали хорошо вѣрилъ и своимъ роднымъ и всему семейному собору, что невѣста въ дѣйствительности была ему непрочно. Невѣсту сослали съ Верху, какъ можно полагать, судя по нѣкоторымъ отмѣткамъ дворцовыхъ расходовъ или въ концѣ іюня, или въ началѣ іюля. Во второй половинѣ іюня, видимо, все еще готовились къ свадьбѣ. 17—28 іюня готовили выгздыя брачныя сани для невѣсты, обивали ихъ алтабасомъ по серебряной землѣ шолкъ зеленъ, червчатъ, багровъ съ золотомъ и кизылбаскимъ червчатымъ бархатомъ, на хлопчатой бумагѣ; шили въ нихъ подушки изъ бархату по серебряной землѣ шолкъ алъ, устраивали и обивали скамейку, дѣлали подъ ноги *миндеръ* или тюеякъ изъ червчатаго сафьяна и т. д. Въ мастерской палатѣ еще 26 іюня шили государю брачную обычную одежду, русскую шубу на соболяхъ и терликъ, при чемъ было употреблено два мѣха соболей, цѣною въ 250 р. — Въ это же самое время готовился къ своей собственной свадьбѣ и Михайла Салтыковъ. Разлучивъ царя съ любимою невѣстою, онъ самъ спокойно обвѣнчался 14 іюля на своей избранной невѣстѣ и на третій

день свадьбы, іюля 16, прїѣзжалъ къ государю, какъ новобрачный, челомъ ударить. Государь благословилъ его образомъ и одарилъ кубкомъ, бархатомъ, атласомъ, соболями. 17 іюля государь точно также благословилъ образомъ и одарилъ и молодую Салтыкову, Парасковью Ивановну. Мать государева, инова Марѳа Ивановна тоже благословила молодыхъ образами и одарила камкою и соболями. Борисъ Салтыковъ женился еще въ 1615 г. 5 ноября¹.

Прошло около трехъ лѣтъ, самыхъ тяжелыхъ даже и для политическаго положенія государя. Въ 1618 г. къ Москвѣ подступалъ польскій королевичъ Владиславъ, 'отыскивая царства, такъ какъ ему еще прежде Михаила Москва дала присягу. „Бысть тогда на всѣхъ страхъ и трепеть и ужась, нашествіи ради поганыхъ, и шатость бѣ велія въ людехъ, другъ друга боящися и чаяху измѣны... и царю съ матерью велія скорбь бѣ и туга....“ Судьба избраннаго всенародно царя подвергалась большой опасности именно отъ предполагаемой шатости и измѣны въ людяхъ. Но эта шатость отжила уже свой вѣкъ; Москвичи стали крѣпко за своего молодого царя и отбили королевича отъ стѣнъ столицы. Заключенъ былъ хотя и худой, но необходимый миръ, который возвращалъ намъ оставшихся въ Литвѣ плѣнниковъ, а въ числѣ ихъ государева отца Филарета Никитича. 14 іюня 1619 г. прибылъ наконецъ въ Москву Филаретъ Никитичъ. Черезъ 10 дней, 24 іюня, онъ торжественно былъ поставленъ въ патріархи. Съ этого времени управленіе земскими, государственными и домашними государевыми дѣлами переходитъ въ руки отца. Скоро становится замѣтнымъ, что вліяніе матери или, вѣрнѣе сказать, вліяніе старицъ Вознесенскаго монастыря, гдѣ жила Марѳа Ивановна, ослабѣваетъ. Какъ только была почувствована мужская, строгая и болѣе справедливая рука въ управленіи, какъ только возстановлены были сила и значеніе царской власти, дѣла приняли другой ходъ. Временщики Салтыковы со всѣмъ своимъ родствомъ постепенно теряютъ свое самовластное значеніе. Все, что было ими тѣснимо становится на ноги. Въ самомъ государѣ просыпается старое чувство къ его сосланной невѣстѣ.

¹ См. въ Матеріалахъ записки о *верхнемъ относіи* 7124 г. О новобрачныхъ прїѣздахъ къ государю Салтыковыхъ см. Матеріалы № 2.

Черезъ два мѣсяца послѣ поставленія отца въ патриархи, отпраздновавши съ нимъ Успеневъ день, праздникъ церковный и собственно патриаршій, молодой государь въ первое же воскресенье, августа 22, отправился вмѣстѣ съ матерью на Унжу, молиться, къ Макарію Желтоводскому чудотворцу. Походъ на богомолье въ этотъ далекій край былъ предпринятъ, вѣроятно, по обѣщанью въ благодарность за избавленіе отъ плѣна Филарета Никитича, а вмѣстѣ и за избавленіе Москвы отъ нашествія королевича Владислава, ибо св. Макарій прославлялся чудесами избавленія отъ плѣна городовъ и людей. По дорогѣ на Унжу государь былъ „у чудотворцевъ Переславскихъ и у Ростовскихъ и у Ярославскихъ и у пречистой Богородицы Ѳеодоровской на Костромѣ“, въ день праздника которой послѣдовало его избраніе не царство. При такомъ настроеніи богомольныхъ мыслей, невозможно было не вспомнить и о другомъ плѣнѣ, тяжесть котораго быть можетъ не менѣе была чувствуема молодымъ государемъ. Въ томъ же августѣ, быть можетъ въ тѣ же самые дни, когда отправился государь на богомолье, посланъ былъ въ Сибирь гонецъ съ грамотами къ воеводамъ, въ Тобольскъ и на Верхотурье, въ которыхъ наказывалось, чтобы „Ивана Желябовскаго съ матерью (бабкою невѣсты) и съ женою и съ братомъ и съ *племянницею*, подъ именемъ которой глухо разумѣлась невѣста, изъ Тобольскаго города перевести на Верхотурье, а въ Верхотурь дать имъ для житья дворъ, и кормовые деньги, бакѣ по 2 алт. на день, а всѣмъ другимъ, въ томъ числѣ и племянницѣ, по 10 денегъ, и безъ указа нѣкуда ихъ съ Верхотурья не отпускать¹. Содержаніе грамоты показываетъ, что она писана еще подъ вліяніемъ Салтыковыхъ и Марѣи Ивановны: главное лицо—невѣста, не называется даже по имени, освобождается изъ Тобольска лишь Иванъ Желябовской съ родными. Къ тому же времени должно отнести и отпущекъ изъ Вологды съ воеводства, въ деревню отца невѣсты, Ивана Хлопова.

Государь возвратился съ богомолья 2 ноября; вѣроятно не раньше этого времени переѣхала изъ Тобольска въ Верхотурье и его заточенная невѣста, ибо грамота объ этомъ получена была въ Верхотурьи только 29 сентября, а въ Тобольскѣ стало быть еще позже. Мы не знаемъ, что слѣдовало за этимъ пере-

¹ Акты Истор. III, № 80.

движеніемъ ссыльныхъ, какія сношенія они имѣли съ Москвою. Приведемъ только нѣсколько свидѣтельствъ характеризующихъ образъ жизни царя въ теченіи слѣдовавшаго за тѣмъ 1620 г. Въ генварѣ государь ходилъ *пѣшкомъ на лося* въ Черкизово, по какому случаю отложенъ былъ до другаго дня даже приемъ шведскаго посланника. 5 мая государь ходилъ по обѣщанію молиться къ Николѣ на Угрѣшу *пѣшкомъ*, съ матерью и въ сопровожденіи всего двора. Это былъ новый подвигъ благодарной молитвы за избавленіе изъ плѣна отца. Вскорѣ такой же походъ *пѣшкомъ* и съ тою же мыслью былъ совершенъ къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь и также виѣсть съ матерью и со всѣмъ боярствомъ, съ дворовыми и приказными людьми. 12 іюля въ свои именины царь давалъ праздничный столъ въ Золотой Палатѣ, а послѣ стола послалъ по боярѣ и по окольничихъ по всѣхъ и по думныхъ дворянъ и задалъ имъ пиръ, пировали у государя въ Передней избѣ. Въ сентябрѣ опять обычный походъ къ Троицѣ также съ матерью, по обѣщанію ¹.

Замѣчательно, что въ близости у государя съ этого времени является, виѣсто Бориса Салтыкова, бояринъ князь Ив. Борисовичъ Черкасскій, который ѣдетъ отъ государя къ его отцу „о здоровьѣ спросити“, что прежде поручалось обыкновенно Салтыкову. Эта переѣзна въ отношеніяхъ къ Салтыкову подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что кн. Черкасскій вскорѣ смѣняетъ его въ исполненіи одного домашняго дѣла, которое всегда поручалось самымъ близкимъ и испытаннымъ людямъ, кому вполне можно было вѣрить. Борисъ Салтыковъ обыкновенно *снималъ* или, какъ тогда еще выражались, *легчилъ* государю *волоски*, т. е. по просту стригъ ему волосы, большею частію передъ праздниками Рождества Христова и Свѣтлаго Воскресенія. Это продолжалось до 1620 г.; съ 1621 г. этимъ дѣломъ занимается уже бояринъ кн. Ив. Бор. Черкасскій, котораго потомъ въ 1640 г. смѣняетъ Борисъ Александр. Репнинъ ².

¹ Дв. Разр. I, 435, 452, 454.

² Арх. Оп. Пал. №№ 726, 916, 968. Царю Алексѣю Михайловичу волосы *лехчилъ*, спускалъ волосы, въ первое время стрѣлецъ, пятидесятникъ Головленкова приказу. Семенъ Ерофеевъ, а впоследствии сокольникъ Михаилъ Ерофеевъ, быть можетъ сынъ перваго, который получалъ за это лехченіе государевыхъ власовъ по 15, а иной разъ и по 20 р. — При царѣ Михаилѣ бояре за тоже самое получали по портищу (10 арш.) ламки, отласу или другой подобной матеріи. Царю Федору Алексѣевичу *лехчилъ* волосы тотъ же

Въ томъ же 1620 году на святкахъ опять поднимается дѣло о заточенной невѣстѣ. 30 декабря пишутъ на Верхотурье къ воеводамъ грамоту, въ которой наказываютъ: „пожаловали есмь, для отца нашего в. г. свят. патріарха Филарета Никитича Моск. и всеа Русіи *Настасью Хлопову*, велѣли еѣ съ бабкою и съ дядьями, съ Иваномъ да съ Александромъ Желябужскими, отпустить изъ Сибири съ Верхотурья въ Нижней Новгородъ“. Велѣно отпустить на подводахъ, корму дать по прежнему указу, что дано въ Верхотурьѣ, смѣтя во сколько недѣль можно доѣхать до Нижняго; „да и пристава бы съ ними для береженья послать, сына боярскаго добраго, чтобъ проводилъ онъ ихъ до мѣста, а дорогою ѣдучи держалъ бы къ нимъ береженье, а какъ въ Нижній прїѣдетъ, отдалъ бы ихъ боярину воеводѣ... и быть имъ въ Нижнемъ до государева указу... а котораго числа *Настасью Хлопову* съ бабкою и съ дядьями съ Верхотурья отпустить и кого пристава съ ними пошлютъ, о томъ бы отписали къ Москвѣ...“ Эту грамоту привезъ на Верхотурье 4 февр. 1621 г. человекъ Ивана Хлопова (отца невѣсты) Минитка Васильевъ ¹.

Грамота при обыкновенномъ своемъ дѣловомъ тонѣ, указываетъ однакожъ на значительную перемѣну домашнихъ государевыхъ отношений. Въ ней наказывается отпустить изъ Сибири уже не Ивана Желябужскаго съ родными и *племянницею*, какъ въ первой грамотѣ, а именуется непосредственно первый предметъ государевой заботливости, первое лицо всей этой драмы, для котораго собственно и терпѣли ссылку и опалу всѣ остальные. И мало того, что личность невѣсты поставлена во главѣ, ей возвращено и принадлежавшее ей царское имя: *Настасья*. Это-то имя лучше всего и свидѣтельствуетъ, что государь вопреки желаніямъ матери, не покидалъ мысли о бракѣ съ своею нареченною царицею.

Повидимому смиренный и покорный сынъ, хотя и не смѣлъ выйдти изъ воли матери, но, поддерживаемый отцомъ, велъ тихую, смиренную и однакожъ настойчивую борьбу съ тѣми подземными интригами, которыя успѣли остудить сердце матери къ его возлюбленной невѣстѣ, успѣли возбудить даже ненависть

Михаило Ерофеевъ, пожалованный уже въ дьякв. Арх. Ор. Пал. № 988, 819, 400, 245.

¹ Акты Истор. III, № 91.

будущей свекрови и къ невѣстѣ, и ко всему ея родству. Онъ тянулъ дѣло, ожидая переменъ въ мысляхъ матери. Между тѣмъ время шло и настояла даже государственная надобность въ его женитьбѣ. Пронеслась мысль, которую приписываютъ государеву отцу, о женитьбѣ на литовской королевичѣ, въ видахъ государственной выгоды отъ этого брака, что будетъ прочный миръ съ Литвою, что возвратятся уступленные туда города и земли. Но Михаилъ отказался отъ этого брака, да вѣроятно, и самъ отецъ хорошо понималъ, что тогдашнія натянутыя отношенія къ Польшѣ не могли произвести ничего хорошаго и прочнаго. Однакожъ мысль о женитьбѣ на иноземной княжнѣ или королевичѣ утвердилась на нѣкоторое время въ царскомъ семействѣ. Въ 1621 г., въ сентябрѣ, безъ малаго черезъ годъ по освобожденіи Хлоповой изъ Сибири, былъ посланъ посолъ въ Датскіе нѣмцы, къ королю Христіану, сватать его племянницу Доротею Августу, дочь Голштейнъ-Готторпскаго герцога Іоанна Адольфа¹. Но король не принялъ лично пословъ, сказался больнымъ, а посолъ не захотѣлъ пословать и объясняться съ одними ближними королевскими людьми. Сватовство, такимъ образомъ, даже и не было начато. Лѣтопись рассказываетъ, что король отказалъ будтобы по слѣдующей причинѣ: прежде, братъ мой ѣздилъ къ вамъ въ Русь, при царѣ Борисѣ, который хотѣлъ отдать за него свою дочь Ксенію, и пріѣхавъ въ Москву, часу не жилъ тамъ, *отравую* уморили его; также и теперь дочь мою уморите.

Прошелъ еще годъ. Въ генварѣ 1623 года послали къ шведскому королю Густаву Адольфу, сватать княжну Екатерину, сестру курфюрста бранденбургскаго Георга, шурина королю. Здѣсь сватовство окончилось такою же неудачею, по той причинѣ, что княжна не захотѣла креститься въ православную вѣру, не захотѣла промѣнить свою вѣру на санъ царицы.

Послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ высватать царю кого либо изъ иноземныхъ княженъ оставалось, сохраняя давній обычай, найдти невѣсту изъ прирожденныхъ русскихъ, изъ подданныхъ. Когда отецъ и мать стали говорить объ этомъ сыну, онъ отказался отъ этого предложенія; онъ сказалъ: „сочетался я бракомъ по закону Божію и по преданію св. апостолъ и св. отецъ; обручена мнѣ царица; кромѣ ея не хочу взять иную“.

¹ Дворц. Разр. I, 488. Берха, царствованіе Михаила 133.

Нельзя было слишкомъ противорѣчить такому желанію государя, ибо это желаніе покрывалось законнымъ освященіемъ его нареченной невѣсты, а противъ святости исполненнаго закона трудно было стоять даже и родительской, ничѣмъ неодолимой воли. Вотъ почему быть можетъ и отецъ, какъ патріархъ, становится на сторону сына, или собственно на сторону освященной уже законности его желанія. Отду объяснили однакожъ, что нареченная царица испорчена, неплодна и больна; между тѣмъ „въ слуху носилось“, отъ многихъ людей, что она во всемъ здорова и не была больна съ тѣхъ поръ, какъ вышла изъ дворца. Сдѣлалось необходимымъ изслѣдовать дѣло, раскрыть истину. 15 сентября 1623 г., слишкомъ черезъ семь лѣтъ со времени царскаго обрученія съ невѣстой, патріархъ, поговори съ сыномъ, рѣшился разяснить это дѣло окончательно. Позваны были въ государеву *комнату* (кабинетъ) ближніе бояре: Ив. Никит. Романовъ, кн. Ив. Борис. Черкасской, Фед. Ив. Шереметевъ. Въ ихъ присутствіи государь самъ лично допросилъ дохтура Валентина Бильса, видалъ ли онъ Хлопову, смотривалъ ли ея болѣзнь, какаа была болѣзнь, можноль было вылѣчить, а толькобъ болѣзнь излѣчилась, то отъ той болѣзни не произошло ли бы какой помѣшки *чадородію*? Затѣмъ допросилъ лѣкаря Балсыря. Они оба утвердили, что болѣзнь была невеликая, излѣчить было можно, что плоду и чадородію отъ того порухи не бываетъ. Послѣ того государь спрашивалъ околичаго Мнх. Салтыкова, почему онъ тогда сказывалъ, что по дохтурскому осмотру болѣзнь въ Марьѣ была великая и долгой жизни отъ ней ожидать было нельзя? Салтыковъ недалъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ, а рассказалъ только, какъ шло лѣченье и что самъ онъ Михайло къ Марьѣ съ лѣкарствомъ не ходилъ. Когда открылись разнорѣчія, Салтыковъ былъ поставленъ съ докторомъ и лѣкаремъ „съ очей на очи“. Лѣкарь уличалъ Салтыкова, что онъ между прочимъ спрашивалъ его, лѣкаря: „будетъ ли имъ *Марья Хлопова государыня или кѣтъ*? Салтыковъ отпирался, объясняя, что спрашивалъ у нихъ по государеву и по государынину великія старицы иноки Маремъ Ивановны приказу, нѣтъ ли въ Марьѣ какія порчи?

Сентября 19 патріархъ и государь виѣсть спрашивали отца Марьи, Ивана Хлопова, а на другой день ея дядю Гаврилу Хлопова, который съ большею, чѣмъ отецъ, откровенностью и подробностью объяснилъ, что какъ было, присовокупивъ въ

заключеніе, что если онъ сказываетъ ложно, и онъ въ томъ у государя милости не просить. — Изъ его разсказа мы и привели изложенныя выше подробности этого дѣла. Въ тотъ же день, 20 сент., патриархъ распросилъ духовника царевны, Никитскаго монастыря священника Сергѣя Петрова, который объяснилъ, что знаетъ Хлопову, что она бывала у него въ исповѣданьи не одиновою за шесть лѣтъ до ея взятія на государевъ дворъ, что болѣзни въ ней никакой невидалъ, а какъ была больна въ Верху и онъ у ней былъ и ее исповѣдывалъ; а какъ сослана съ Верху и жила на дворѣ у бабки и онъ передъ ея отъѣздомъ (изъ Москвы) у ней былъ же и ее исповѣдывалъ и она была здорова, а послѣ того про болѣзнь ея не слыхалъ, да и нынѣ слышалъ, что будто она въ Нижнемъ здорова.

21 сентября государи велѣли ѣхать въ Нижній для распросу и смьку Марьины здоровья и болѣзни боярину Фед. Ив. Шереметеву, Чудовскому архимандриту Юсѣфу, ясельничему Богдану Матв. Глѣбову и дьяку Ивану Михайлову. Вместе съ ними по указу государей отправился и отецъ царевны Иванъ Хлоповъ. А для разсмотрѣнья Марьины болѣзни посланы съ ними дохтуры, Артемій Дій, Валентинъ Бильсъ и лѣкаръ Балсырь. Государи велѣли боярину съ товарищи распросить саму Марью Хлопову, что—вотъ она была взята въ Верхъ, что свазывалъ государю кравчій Михайло Салтыковъ, что она Марья была больна великою болѣзнію, и излѣчить было ее не мочно и живота ей долгого не чаять, и для того она отъ государя съ Верху сведена, — и онабъ сказала вправду, какою болѣзнію она была больна, когда та болѣзнь у ней объявилась, прежде или тутъ, будучи на государевъ дворѣ; и нѣтъ ли въ ней нынѣ какой болѣзни, — и говорить ей велѣли накрѣико, чтобъ она болѣзни своей не таила ни коими мѣрами.... а будетъ Марья Хлопова болѣзнь въ себѣ какую нибуду утайтъ, а послѣ про то сыщется, а она, хоти и будетъ за государемъ, а болѣзнь ея объявится, и ей то мочно самой знать, что государь любити ее не учнетъ, и отъ в. г. свят. патриарха Филарета Никитича быти ей за то въ великомъ духовномъ запрещеніи: п онабъ болѣзни своей не таила и тѣмъ на весь родъ свой не навела государскія опалы и казни“.

О томъ же главномъ дѣлѣ, именно о болѣзни, есть ли въ Марьѣ какая болѣзнь, велѣно распросить и ея родныхъ, бабу, отца и дядей, съ великимъ подкрѣпленьемъ: бабѣ, что она, если

улантъ, наведетъ на себя и на весь родъ свой государскую опалу; отцу и дядьямъ, что если правды не скажутъ, быти имъ за то отъ государя казненнымъ смертию. Вообще боярину съ товарищи велѣно смотрити и примѣчать во всякихъ мѣрахъ, а дохтурамъ смотрити ихъ дохтурскими науками, дѣйствительно ли Марья во всемъ здорова? Если же по распросу, по сыску и по дохтурскому осмотру, Марья во всемъ здорова, то велѣно съ отпискою о томъ пріѣхать къ Москвѣ чудовскому архимандриту, а боярину съ товарищи побыти въ Нижнемъ до государева указу и къ Марьѣ велѣно держати честь и береженье во всемъ, и деньги и запасы всякіе на ея обиходъ давати, чтобъ ей скудости и недостатка ни въ чемъ небыло. А будетъ Марья Хлопова больна какою болѣзнию, а снажутъ дохтуры, что ее излѣчить мочно, и о томъ велѣно отписать къ государю, а самимъ побыти въ Нижнемъ до указу. А будетъ Марья больна, а излѣчить ее не мочно, и боярину съ товарищи велѣно ѣхать къ Москвѣ. А будетъ Марья сама про себя и ея родные скажутъ, что она здорова, а дохтуры скажутъ, что она больна и не прочна и за лѣкарство иматися не учнутъ, и боярину съ товарищи ѣхать къ Москвѣ, а у Марьи останися отцу ей и дядьямъ. — А кормъ ей передъ прежнимъ велѣно давати вдвое. Сверхъ того велѣно прислать въ Москву Марьиного отца духовнаго, который былъ духовникомъ у ней въ Нижнемъ.

Духовникъ пріѣхалъ въ Москву 11 октября и рассказалъ патриарху, что духовную свою дочь Марью Хлопову исповѣдывалъ и причащалъ многожды, что болѣзни въ ней не видалъ ни которыя; да и кромѣ исповѣданья бывалъ онъ у Марьи многожды, и ходилъ къ ней по вся недѣли (по воскресеньямъ), а болѣзни въ ней не видалъ, и про то не слыхалъ, и думаетъ, что она здорова во всемъ.

Октября 16 бояринъ съ товарищи прислали государямъ списокъ тому всему, какъ у нихъ дѣло дѣлалось, т. е. какъ было и къ чему привело ихъ изслѣдованіе; а послѣ того пріѣхалъ къ государямъ чудовской архимандритъ съ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что *Марья Хлопова во всемъ здорова*. Въ распросѣ сама Хлопова говорила: „какъ она была у отца и у матери и у бабки, и у ней болѣзни ни какия не бывало; да и на государевѣ дворѣ будучи, была здорова шесть недѣль; а послѣ того появилась болѣзнь, рвало, и ломало нутрь, и опухъ была, а часть того, что *то ей учинилась отъ суетности ея*; и была та

болѣзнь у ней дважды по двѣ недѣли, и послѣ того давали ей пити воду святую съ мощей, и отъ того испѣлыла и полегчело вскорѣ; и послѣ того спустя два дня, какъ сведена съ государева двора, та болѣзнь у ней поминавалась, и отъ тѣхъ мѣстъ не поминавалась и по ся мѣста, и нынѣ во всемъ здорова“. Отецъ Марьи объяснилъ, „что дочь заболѣла на государевѣ дворѣ, а какими обычай болѣзнь учинилась, того онъ не вѣдаетъ; а все то отъ Михайла да отъ Бориса Салтыковыхъ, межъ себя они шептали...“ Доктуры, смотрѣвши Марьино здоровья и болѣзни своими дохтурскими науками, заявили, что во всемъ здорова и чадородію помѣшки въ ней не чають. Лѣкаръ заявилъ, что передъ прежнимъ она здорова, очи чисты и болѣзни въ ней не чають“.

Такимъ образомъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно и къ радости государя. Исполняя царское повелѣніе, бояринъ Фед. Ив. Шереметевъ послалъ Марьѣ Хлоповой денегъ 300 рублей и запасы хлѣбныя и медвяныя, чтобъ ей ни въ чемъ скудости не было, а самъ остался въ Нижнемъ ждать государева указа.

Въ Москвѣ во дворцѣ, это изслѣдованіе произавело сильное впечатлѣніе. Обманъ Салтыковыхъ былъ раскрытъ во всей очевидности. Оскорбленный государь не помѣшкалъ своею опалю. Не прошло недѣли со дня полученія боярскаго донесенія и пріѣзда чудовскаго архимандрита, какъ назначенъ былъ, 24 октября 1623 г., въ Посольской палатѣ соборъ царской думы, на которомъ, послѣ обсужденія дѣла, думный дякъ Иванъ Грамотинъ прочелъ Салтыковымъ слѣдующій государевъ указъ: „Борисъ да Михайло Салтыковы! — Государь ц. и в. к. Михайло Феодоровичъ в. р. и отецъ его государевъ в. г. свят. патріархъ Филаретъ Никитичъ моск. и в. р. велѣли вамъ сказати неправды и измѣну вашу: вѣдомо всѣмъ людямъ московскаго государства, какая къ вамъ была государская милость и жалованье и учинены есте по государской милости въ чести и въ приближеньи не по вашему достоинству, паче всѣхъ братья своей, и помѣстья и вотчинами пожалованы многими, чего ни за кѣмъ нѣтъ; и въ прошломъ во 124 году взята была ко государю на дворъ, для сочетанія государскаго законнаго брака, Марья Иванова дочь Хлопова и жила въ Верху не малое время и нарекли ее царицею и молитва нареченію ей была и чины у ней были по государскому чину и дворовые люди крестъ ей цѣловали, и на Москвѣ и во всѣхъ епископьяхъ Бога за нее

могли, а отецъ ея и родство, Хлоповы и Желябужскіе, были при государѣ близко. И вы, побраняся съ Гавриломъ Хлоповымъ съ товарищи, для своей недружбы, любити ихъ всѣхъ не почали для того, чтобъ вамъ быти однимъ при государѣ; и вашею смутою почала быти Марья Хлопова больна; и ты, Михайло, сказахъ государю, что сказывалъ тебѣ лѣварь Балсырь, что будто Марья больна великою болѣзнію и налѣчити ее не мочно.... и ты то солгалъ для своей недружбы, того тебѣ лѣварь неговаривалъ, и лѣчити Марью Хлопову дохтуры хотѣли.... И ты, Михайло, государю сказывалъ не то, что тебѣ дохтуры говорили, и лѣчити Марью не велѣлъ, и съ Верху она сослана не по правдѣ, по вашему Борисову и Михайлову наносу, безъ праведнаго сыску, и письма тому, какъ то дѣлалось, нѣтъ ничего; и государскоѣ радости и женитвѣ учинили помѣшку. И то все дѣлали измѣною, забывъ государево крестное цѣлованье и государскую великую милость. А государская милость была къ вамъ и къ матери вашей не по вашей мѣрѣ, и пожалованы были честию и приближеньемъ, паче всѣхъ, братья своей; и вы то все поставили ни во что, и ходили не за государевымъ здоровьемъ; только и дѣлали, что лише себя богатели, и дома свои и племя свое полнили и земли крали и во всякихъ дѣлѣхъ дѣлали неправду и промышляли тѣмъ, чтобъ вамъ при государскоѣ милости, кромѣ себя, никого не видѣти, а добродѣтели и службы ко государю не показали. А какъ нынѣ сыскивали и спрашивали и смотрели Марьяна здоровья и болѣзни, и по сыску и по дохтурскому разсмотрю, Марья Иванова дочь Хлопова здорова во всемъ и болѣзни въ ней нѣтъ ни которыя, и напередъ сего въ ней болѣзни большой не бывало, и за то ваше воровство годни были есте казни. И государь.... и отецъ его государевъ.... патриархъ Филаретъ Никитичъ большаго наказанья учинити надъ вами не вѣлѣли, а велѣли васъ послать по деревнямъ съ приставы и съ женами вашими, а мать вашу велѣли послать въ Суздаль въ Покровскій монастырь, а при государѣ вамъ быти и государевыхъ очей видѣти не пригоже, а помѣстья ваши и вотчины велѣлъ государь отписать и взять на себя государя“.

На другой день, 25 октября опальные были высланы изъ Москвы въ свои дальныя вотчины, Борисъ на Вологду въ братнину вотчину; Михайло въ его Галицкую вотчину. „А людей съ ними указалъ государь отпустить по 4 человекъ мужиковъ, да же-

помъ и двѣмъ по 3 человѣка, а съ матерью ихъ съ старицею Блжжннею велейницу черницу да 2 человѣка да малой да жена да двѣ дѣвки...“¹. Однакожъ чиновъ съ нихъ не сняли и только удалили отъ очей государя. Борисъ былъ бояриномъ, а Михайло въ этомъ же году еще 7 генв. пожалованъ изъ кравчихъ въ окольничіе.

Такъ окончилось *время* Салтыковыхъ, одно изъ событій, которыми такъ полна Московская дворская исторія и которое можетъ служить самою вѣрною и лучшею характеристикю тогдашнихъ внутреннихъ правительственныхъ отношеній. Послѣ, конечно, опальные были возвращены. Это случилось, въ годъ смерти Филарета Никитича, который вывелъ наружу ихъ лукавыя козни, и въ одно время съ возвышеніемъ въ бояре и въ дядьки къ царевичу Алексію Бориса Морозова, который, напротивъ, по всему вѣроятію держалъ руку Салтыковыхъ. По прежнему они стали очень близкими людьми къ государю и весьма часто бывали у его стола. Въ 1641 г. Михайло Салтыковъ получилъ даже и боярство². Лѣтописецъ рассказываетъ, что Салтыковы повинились: „яко сего ради тако сотворихомъ, понеже намъ удаленымъ быти царева лица и сана своего лишитися“. Вотъ та основная, дѣйствующая мысль, которою исключительно жило все дворское общество въ царскій періодъ нашей исторіи. Мысль эта господствовала во всѣхъ дворскихъ умахъ, потому болѣе, что всегда находила поддержку, подкрѣпленіе и такъ сказать оживленіе своимъ стремленіемъ въ самомъ царѣ, въ его царской волѣ, во всемъ порядкѣ и во всемъ устройствѣ царскаго управленія землею, управленія собственно вотчиннаго, господарскаго или помѣщичьяго, которому могъ нанести рѣшительный ударъ только Великій Петръ, мужественно стряхнувшій съ себя эту старую форму государственнаго быта и воздвигнувшій государственное зданіе на другихъ, болѣе справедливыхъ и широкихъ основаніяхъ. Въ старину временщикъ представлялъ существенный типъ управленія не только въ царскомъ дворцѣ и стало быть во главѣ управленія всѣмъ государствомъ, но и во дворѣ областнаго воеводы, т. е. въ управленіи областью, и всюду, гдѣ ни появлялась управляющая власть, ибо въ самомъ существѣ этой власти въ ту эпоху ле-

¹ С. Г. Г. III, № 63, 64.

² Дв. Разр. II, 354, 650.

жала единая идея, господарская идея — самовластіе, самоволіе, которое всегда и дѣлало *время* всякому ловкому служителю этой идеи.

Такимъ образомъ опала, наконецъ, поразила государевыхъ враговъ, которые принесли ему столько горя, заставивши его цѣлые восемь лѣтъ ожидать брачной жизни съ своею возлюбленною нареченною царевною. Теперь наставала пора государственной радости и веселья.... Дѣло о женитьбѣ на Хлоповой было давно рѣшено между отцомъ и сыномъ, иначе они не подняли бы и слѣдствія о здоровьи царевны и именно о ея здоровьи въ настоящую минуту, когда настала даже государственная необходимость въ государевомъ бракѣ. Розыскъ объ этомъ здоровьи произведенъ былъ не для того, чтобы сломить Салтыковыхъ, а именно для того, чтобы достоверно узнать прочна ли царевна къ государственной радости.

Но если сломлены были враги этой радости, если они въ тотъ же часъ были удалены отъ государевыхъ очей, то послѣдствія ихъ происковъ и интригъ оставались еще въ полной силѣ. Въ Вознесенскомъ монастырѣ они успѣли водворить такую ненависть къ будущей царицѣ, что мать государева, великая старица Марѳа Ивановна, клятвами себя закляла, что не быть ей въ царствѣ предъ сыномъ, если Хлопова будетъ у царя царицею. Что тутъ было дѣлать, какъ поступить? Выборъ былъ однакожь ясный. Промѣнять родную мать и притомъ великую старицу на невѣсту было невозможно. Это противорѣчило бы всѣмъ нравственнымъ положеніямъ тогдашняго быта; благословеніе родителей утверждало дома чадъ, а родительская клятва искореняла ихъ. Родительская клятва въ народныхъ представленіяхъ была облечена въ такой страшный мифическій образъ, предъ которымъ ни въ какомъ случаѣ не было возможности стоять твердыми ногами.

Царь смирился, презрѣлъ себя Бога ради, не захотѣлъ разлучиться съ матерью, склонился предъ ея любовью, не захотѣлъ оскорбить и раздражить человеческое существо матери и самъ, все терпя, отказался отъ нареченной невѣсты. Это было сдѣлано, по свидѣтельству лѣтописца, даже вопреки желанію и многими укоризнамъ со стороны отца, благословлявшаго этотъ бракъ и хотѣвшаго вѣнчать государя на Хлоповой. Но очень понятно, что и отецъ не могъ сильно настаивать; безсомнѣнія онъ ограничилъ свое желаніе сдѣлать счастливымъ сына лишь

едини совѣтани. Въ томъ только есть очевидная правда, что онъ стоялъ за сына.

Спустя недѣлю послѣ ссылки Салтыковыхъ, 4-го ноября, въ Нижній послана къ Шереметеву съ товарищи грамота, въ которой государь высылалъ боярина тотчасъ въ Москву, — „а Ивану Хлопову сказать, что ны дочь его Марью взять за себя неавляди“. Ивану приказано вѣсть въ свою вотчину на Коломну, а Марья Хлоповой съ бабкою и дядьями жить по прежнему въ Нижнемъ, а коряк давати ей передъ прежнимъ вдвое.

Развѣчанная царевна шла въ Нижнемъ до своей кончины. Ей по государеву указу отданъ былъ на житье дворъ Кузны Минина, вѣттый въ казану, какъ выморочный, послѣ его смерти.

Царевна Настасья Ивановна скончалась въ мартѣ 1633 года, черезъ десять почти лѣтъ послѣ рѣшительнаго отказа ей въ супружествѣ съ царемъ, въ то время, когда государь былъ уже женатъ на второй супругѣ Евдокии Стрѣшневой.

Дворъ Кузны Минина, послѣ ея смерти снова сталъ выморочнымъ и былъ отданъ государемъ боярину кн. Ив. Бор. Черкасскому съ братомъ, которые выпросили его на прѣздѣ изъ вотчинъ людей ихъ и крестьянамъ¹.

Великая старица Марья Ивановна, не соглашаясь на женитьбу сына съ Хлоповой, бесомнѣнн въ тайнѣ готовила ему невѣсту по своему выбору. Однакожъ прошелъ еще почти цѣлый годъ, когда государь склонился на увѣщанія матери и по ея назначенію избралъ себѣ въ невѣсты княжну Марью Владиміровну Долгорукову, дочь боярина кн. Владиміра Тимофѣевича Долгорукова, одного изъ старыхъ родовитыхъ бояръ. Лѣтописецъ упоминаетъ, что государь не желалъ этого брака и согласился на него, только изъ послушанія матери „аще и не хотя, но матере не преслушавъ, поятъ вторую царицу Марью“.

И смотрите же, что Богъ дѣлаетъ „сотворшимъ по насилію!“ присовокупляетъ лѣтописатель. Въ первый день *веселія*, говоритъ онъ, т. е. въ день свадьбы, 19 сентября 1624 г., была великая радость, а на второй день царица „*обратеса испорчена*“. Грѣхъ ради нашихъ, отъ начала *сразъ нашъ дѣволъ*, не хотя добра роду христіанскому, научи, врагъ, челоуѣка своимъ дѣвольскимъ наущеніемъ и ухищреніемъ, испортиша царицу Марью

¹ Акты арх. экск. III, № 218.

Владиміровну; и бысть государыня больна и бысть скорбь (болѣзнь) ея велія зѣло, и тогожь года въ самое Крещеніе, 6 января 1625 года, предаде свою праведную душу.... и погребена со многими плачемъ въ Вознесенскомъ монастырѣ съ прочими царицами“.

Кто былъ виновникомъ этого новаго несчастія для государя, кто былъ строителемъ этой новой жертвы дворскихъ боярскихъ интригъ и козней, намъ не извѣстно¹. „А все то зло сотворилось отъ злыхъ чаровниковъ и звѣрообразныхъ челоувѣкъ, воскликаеть современникъ этого событія, которые нехотятъ видѣть христіанскаго покою и тишины, гнушаются своего государя, гордятся, въ послушаніи и въ покореніи ему быть не хотятъ и отнюдь его не боятся, потому что очень милостивъ онъ, любить и милуетъ *изъ*, все даетъ имъ, что ни просятъ, а *оми* только своевольничаютъ“. Кто же эти они? Это все бояре по сказанію современника, который описывая первые годы Михайлова царствованія имѣлъ полное право воскликнуть: „Тяково-то попеченіе боярско о землѣ Русской!“

Дѣйствительно, чѣмъ ближе мы будемъ знакомиться въ исторіи съ этимъ попеченіемъ, тѣмъ яснѣе и понятнѣе будетъ раскрываться намъ и личность Грознаго, а также и эта необычайная народная вѣра въ царя, какъ въ истиннаго и единственнаго, хотя и слишкомъ далекаго своего защитника, слишкомъ далекаго по той причинѣ, что между нимъ и народомъ всегда высилась та же недоступная боярская гора, обросшая непроходимымъ лѣсомъ боярскихъ же клеветовъ въ образѣ всякой приказной и прикащичьей строки.

Мы тогда хорошо поймемъ и отзывъ свободаго голландца о первыхъ годахъ царствованія, Михайла, который въ 1614 г.

¹ Въ свадебной разрядной запискѣ мы встрѣчаемъ слѣдующее: у постели новобрачныхъ въ чинѣ постельничихъ изъ подлѣту были назначены боярши Феод. Ив. Шереметьевъ съ женою Мареею Петровною и отецъ новобрачной Влад. Гим. Долгорукой съ женою, а ея матерью, Мареею Васильевною. Постельничіе бояре стали также по пути къ подлѣту атласы. Долгоругой при этомъ былъ челоувъ государю на боярина Феод. Ив. Шереметьева *на дружбу*, а съ нимъ былъ, какъ отиъчаетъ записка, указывая тѣмъ, что челоубитье было не по поводу мѣсты, а только по недружбѣ. Такимъ образомъ, недружба гнѣздилась уже подлѣ самой брачной постели и безсоннія была немаловажна, если вызвала даже и заявленіе со стороны Долгорукова. Дв. Разр. I, 634, 1221.

писалъ своей республикѣ: „царь этотъ будетъ имѣть счастливое и блистательное царствование, если только Всемогущій откроетъ ему глаза и поможетъ ему выколоть дурную траву во дворѣ и неправду своихъ приближенныхъ.... всѣ приближенные царя — несвѣдущіе юноши; ловкіе же и дѣловые приказные — алчные волки; всѣ безъ различія грабятъ и разоряютъ народъ. Никто не доводитъ правды до царя.... Но я надѣюсь, что Богъ откроетъ глаза юному царю, какъ то было съ прежнимъ царемъ (Грознымъ), ибо такой царь нуженъ Россіи, или она пропадетъ; народъ этотъ благоденствуетъ только подъ дланью своего владыки и только въ рабствѣ онъ богатъ и счастливъ. Вотъ почему все пойдетъ хорошо тогда лишь, когда царь по локти будетъ сидѣть въ крови“. Приговоръ жестокъ, какъ справедливо замѣчаетъ издатель этой голландской переписки ¹, не менѣе справедливо объясняющій, что здѣсь должно разумѣть не народъ собственно, а только народъ приказный, а мы скажемъ: только народъ властителей, къ которому, конечно, принадлежали прежде всего бояре, а за ними уже и приказные, какъ ихъ же орудія въ управленіи и попеченіи о землѣ. Если къ такому жестокому убѣжденію приходилъ свободный и практический голландецъ, пользовавшійся неизмѣримо лучшимъ политическимъ устройствомъ, то весьма понятно, что тогоже убѣжденія крѣпко держался въ своей жизни и исторіи и нашъ русскій народъ, народъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. вся закрѣпощенная безвластная среда. Мы даже думаемъ, что въ сужденіи голландца выразилась не собственная его мысль, а мысль тогдашнихъ умныхъ и опытныхъ русскихъ людей, именно изъ народа, съ которыми торговый голландецъ по необходимости былъ въ тѣсномъ знакомствѣ, выразилось, однимъ словомъ тогдашнее общественное мнѣніе о дворскихъ событіяхъ.

Слишкомъ черезъ два года, 29 января 1626 г. царь избралъ себѣ вторую супругу Евдокью Лукьяновну Стрешневу, дочь незнатнаго дворянина, съ которою и обвѣчался 5 февраля. Только за три дня передъ тѣмъ ее ввели въ царскія хоромы и нарекли царевною. Эта женитьба совершилась благополучно; безъ сомнѣнія были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы устранить всякія напасти отъ звѣрообразныхъ человѣкъ. Но мы сейчасъ увидимъ, что отъ этихъ звѣрообразныхъ человѣкъ

¹ Вѣстникъ Европы, январь 1868 г. 236, 238.

не было возможности забавиться, они являлись тамъ, гдѣ по-видимому труднѣ всего было ихъ встрѣтить.

Царь Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ также очень молодымъ человѣкомъ, по семнадцатому году. Естественно, что управленіе должно было сосредоточиться въ рукахъ его дядьки ближняго боярина Бориса Ивановича Морозова, бывшаго въ молодыхъ лѣтахъ, какъ мы уже говорили, спальникомъ у государева отца, слѣд. близкимъ и любимымъ человѣкомъ. Царь Алексѣй питалъ къ нему сыновнія чувства, ибо Морозовъ на самомъ дѣлѣ замѣнялъ ему отца. Эти отношенія должны были произвести обыкновенное въ дворской жизни явленіе, которое повторялось всегда, при каждомъ государѣ, какъ только, по какой бы то ни было причинѣ, ослабѣвала его власть, его непосредственное личное участіе въ дѣлахъ управленія. Борисъ явился такимъ же временщикомъ, какими были Салтыковы при Михаилѣ, Годуновъ при Феодорѣ и т. д. Однакожъ, бывши дядькою, руководя по отечески шестнадцатилѣтнимъ царемъ, онъ могъ спокойно самовластвовать лишь до тѣхъ поръ, пока не было людей, которые стали бы къ царю въ такую же близость. При его всемогуществѣ, конечно, и не могли явиться во дворцѣ такіе люди, ибо всѣ углы дворца заселялись въ это время самыми зоркими глазами и самыми чуткими ушами приверженцевъ временщика, его созданій, его пособниковъ и милостивцевъ. Но существовало одно обстоятельство, которое всегда способно было прервать эту незримую, но тѣмъ не менѣе очень связную и потому очень твердую сѣть вліянія на государеву особу. Это обстоятельство, какъ мы указывали, заключалось въ женитьбѣ государя, вводившей въ государеву близость, вмѣстѣ съ его супругою, много лицъ, которыя тотчасъ же являлись сильными соперниками всякому постороннему самовластію. Это было обстоятельство самое опасное для каждаго временщика и потому съ его стороны въ этомъ случаѣ употреблялись всевозможныя мѣры, что бы разстроить свадьбу, если она дѣйствительно была опасна въ этомъ смыслѣ, и направить выборъ невѣсты согласно своимъ личнымъ интересамъ, т. е. сохраненію своего положенія при государѣ.

Такимъ образомъ для Морозова настала весьма опасная минута, когда государь задумалъ жениться. По обычаю собраны были дѣвицы невѣсты. Изъ 200 дѣвицъ, съѣхавшихся въ Москву, въ выборъ самому государю были представлены только

шесть. Государь страстно полюбилъ одну изъ нихъ, Евгенію Федоровну Всеволожскую, дочь Касимовскаго помѣщика Рава-Федора Всеволожскаго, которой по обычаю и вручилъ ширинку и кольцо, какъ знаки обрученія съ нею. Но Морозовъ имѣлъ въ виду другую невесту для государя, которая по всему вѣроятію была также въ числѣ избранныхъ. Это была одна изъ двухъ сестеръ Милославскихъ. Одну изъ нихъ онъ прочилъ за государя, на другой думалъ самъ жениться, быть можетъ съ цѣлю укрѣпить свои отношенія къ государю этою новою связью родства, которая вмѣстѣ съ тѣмъ закрѣпляла и его прежнюю близость къ особѣ государя, ибо онъ становясь родственникомъ и Милославскихъ, имъ же самимъ возводимыхъ на высокую степень близости къ государю людей, и самому государю, — по естественнымъ причинамъ удерживалъ за собою свое прежнее господствующее положеніе въ отношеніи всего родства Милославскихъ, всетаки опасныхъ для него кандидатовъ во временщики. Советивъ устранить силу вліянія на государя этихъ новыхъ людей онъ не имѣлъ никакой возможности: слишкомъ велика была ихъ близость къ государю. Поэтому, чтобы сохранить старое свое положеніе временщика — дядьки отъ наплыва новыхъ временщиковъ, онъ избираетъ самое вѣрное средство, вступаетъ съ ними въ родство, становится для нихъ своимъ человѣкомъ, а главное дѣлается создателемъ ихъ необыкновеннаго благополучія и возвышенія, что, конечно, еще болѣе, увеличиваетъ его значеніе и въ ихъ глазахъ.

Морозовъ дѣйствовалъ очень тонко и искусно. На его сторонѣ былъ даже и духовникъ молодого царя, лицо очень вліятельное въ извѣстныхъ случаяхъ.

По обычному порядку Всеволожскую ввели въ царскіе хоромы. Слѣдовало одѣть ее въ царскую одежду, возложить на нее вѣнецъ и наречь царевною. Все это было совершено, но при этомъ было что-то такое устроено съ ея головнымъ уборомъ или съ уборомъ ея волосъ, что, когда она явилась предъ своимъ женихомъ — государемъ въ царскомъ нарядѣ, ей сдѣлалось дурно, она упала въ обморокъ. Того только и желали звѣрообразные человѣки. Они объяснили, что у ней падающая болѣзнь, что слѣд. къ государевой радости она непрочно. Современники этой новой несчастной жертвы дворскихъ интригъ рассказываютъ разное объ обстоятельствахъ дѣла. Въ письмѣ одного шведскаго агента, отъ 1 марта 1647 г., жившаго

тогда въ Москвѣ, объяснено, что „14 февраля ¹ его царскому величеству представлены были во дворцѣ въ большой залѣ 6 дѣвицъ, выбранныхъ изъ 200 другихъ, назначенными для того вельможами, и даръ избралъ себѣ въ супруги дочь незнатнаго боярина Федора Всеволожскаго. Когда дѣвица услышала объ этомъ, то отъ великаго страха и радости упала въ обморокъ. Великій князь и вельможи заключили изъ того, что она подвержена падучей болѣзни; ее отослали на 3 версты отъ Москвы къ одному боярину, чтобы узнать, что съ нею будетъ; между тѣмъ родители ея, которые поклялись, что она прежде была совершенно здорова, взяты подъ стражу. Если эта дѣвица опять получитъ ту же болѣзнь, то родители и друзья ихъ должны отвѣчать за то, и будутъ сосланы въ ссылку. Нѣкоторые думаютъ, что великій князь послѣ пасхи женится на другой“ ².

Въ этихъ послѣднихъ словахъ есть намекъ на то, что участь Всеволожскихъ предугадывалась заранѣе, что многія знали о тайныхъ козняхъ существовавшихъ во дворцѣ. Эти-то козни раскрываетъ другой современникъ событія, Самуилъ Коллинсъ. Онъ упоминаетъ объ этомъ происшествіи въ двухъ мѣстахъ своего сочиненія и видимо описываетъ его по слухамъ и по разговорамъ знакомыхъ ему людей. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что „духовникъ царскій ³ хотѣлъ, чтобы царь женился на другой дѣвицѣ, у которой была еще меньшая сестра“, что когда на Всеволожскую возложили царскій вѣнецъ, то заговоръ былъ исполненъ: „женщины такъ крѣпко завязали *волосы* на ея головѣ, что она упала въ обморокъ, а ея враги разгласили, что у ней падучая болѣзнь“. Въ другомъ мѣстѣ Коллинсъ говоритъ, что когда Всеволожская, получивши отъ государя платокъ и кольцо, „явилась предъ нимъ въ царской одеждѣ, Борисъ (Морозовъ) приказалъ такъ крѣпко завязать ей вѣнецъ на ея головѣ, что она упала въ обморокъ. Тотчасъ объявили, что у ней падучая болѣзнь.... Ея стараго отца обвинили въ измѣнѣ, рассказываетъ далѣе Коллинсъ, за то, что онъ представилъ свою дочь на избраніе больную; послѣ мучительной пытки онъ былъ

¹ Число обозначено безъ сомнѣнія по новому стилю; по старому выходитъ 4 февраля, что, какъ увидимъ, будетъ вѣроятнѣе.

² Сав. Архивъ 1822 г. № 2, стр. 152.

³ Известный Степанъ Воиновичъ, благовѣщенскій протопопъ. Арх. Ор. Пал. № 991.

сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ; а семья осталась въ немилости“.

Все это могло быть, а ссылка дѣйствительно состоялась, какъ увидимъ ниже. Невѣрно только другое свидѣтельство Коллинса, что отецъ съ горы умеръ на дорогѣ. Онъ умеръ на воеводствѣ въ Сибирскомъ городѣ Тюмени.

Русскій современникъ событій, Котошихинъ, складываетъ всю вину вообще на боярство, на ближнихъ людей, которые прочли за государя своихъ дочерей, и рассказываетъ, что царь „свѣдавъ у нѣкотораго своего ближняго человѣка дочь, дѣвицу добру, ростомъ и красотою и разумомъ исполнену, велѣлъ взяти къ себѣ на дворъ, и отдать въ береженіе къ сестрамъ своимъ царевнамъ; и честь надъ нею велѣлъ держати, яко и надъ сестрами своими царевнами, доколѣ будетъ веселіе и радость“. За тѣмъ слѣдуетъ обычное въ такихъ печальныхъ случаяхъ слово: „И искони въ Россійской землѣ лукавый дьяволъ всѣмъ плевелы свои, если человѣкъ, хотя мало прійдетъ въ славу и честь и въ богатство, не могутъ не возненавидѣти. У нѣкоторыхъ бояръ и ближнихъ людей дочери были, а царю объ нихъ къ женитьбѣ ни объ одной мысли не пришла: и тѣхъ дѣвицъ матеря и сестры, которые жили у царевенъ (при дворѣ), завидуя о томъ, умыслили учинить надъ тою обранною царевною, чтобъ извести, для того, надѣялись, что по ней возметъ царь дочь за себя котораго иного великаго боярина или ближняго человѣка; и скоро то и сотворили, *упоиша ея отравами*“.

Изъ всѣхъ этихъ разнорѣчивыхъ свидѣтельствъ ясно одно, что злополучная невѣста, нареченная уже царевною, была подобно Жлоповой сослана изъ дворца. Царь былъ очень опечаленъ этимъ событіемъ; отъ горя многія дни онъ *лишено бывъ ади*, ничего не ѣлъ, и „послѣ того не мыслилъ ни о какихъ высокородныхъ дѣвицахъ, понеже позналъ о томъ, что то учинилося по ненависти и зависти“. Такъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, долженъ былъ объяснять ему это событіе возлюбленный его дядька Борисъ Морозовъ.

Царевна сослана была изъ дворца въ началѣ февраля. 12 февраля государь пожаловалъ ей весь изготовленный къ свадьбѣ постельный уборъ: пуховикъ въ камчатной червчатой наволокъ, зголовье или подушку, коверъ подъ постелю, сафьянную колодку или постельную скамейку, и богатое одѣяло, сшитое еще 16 дек. 1646 г. изъ кызылбашской золотной камки на соболяхъ

съ горностаينوю опушкою. Въ отиѣтѣ, по случаю отдачи этихъ предметовъ, сказано: „по государеву указу отдано *ссылкой* больной дѣвицѣ Еуфимѣ Рафовой дочери Всеволоцкаго“ ¹.

Февраля 15 „ходилъ государь на медвѣдя“ безсомнѣнія побуждаемый Морозовымъ развлечь свое горе. Охота, которой Алексѣй Михайловичъ въ первое время отдавался со страстью, была въ рукахъ Морозова однимъ изъ вѣрныхъ средствъ отвлекать молодого царя вообще отъ всякихъ дѣльныхъ занятій. Въ эту, какъ и въ предыдущую зиму государь довольно часто хаживалъ на медвѣдей, волковъ, лисицъ; а въ эти дни, 21 февраля опять гдѣ-то *осочмили* медвѣдя, т. е. дѣлали *осмы* или облану, а 22-го числа, въ понедѣльникъ на масленицѣ, государь тѣшилсѣ дикими медвѣдьми въ городѣ, на своей псарнѣ ².

Въ запискахъ, относящихся къ Сибирской Исторіи ³, отмѣчено между прочимъ, что „въ 1647 г. присланъ *за оталу* въ Сибирь на Тюмень, Руфъ Родіоновъ сынъ Всеволодской съ сыномъ его Андреемъ и съ дочерью Евоніею Феодоровною, и съ женою Настасьею.“

Между тѣмъ производилось вѣроятно разслѣдованіе этого дѣла, по которому открытъ и настоящій явный виновникъ *порчи* крестьянинъ боярина Никиты Ивановича Романова Мишка Ивановъ. 10 апрѣля 1647 г., „за *чародѣйство* и за *космой разводъ* и за *маговоръ*, что обѣвился въ Рафовъ дѣлѣ Всеволоцкаго“, крестьянина послали въ Кпріловъ монастырь подъ крѣпкое начало, велѣли отдать его тамъ старцу добру и крѣпкожителю... велѣли его держать подъ крѣпкимъ началомъ съ великимъ береженьемъ... Подъ началъ, подъ строгій монастырскій присмотръ, такого рода преступниковъ посылали обыкновенно съ тою дѣлюю, чтобъ они немогли чего нибудь распространить смутнаго въ народѣ. Рука Морозова и здѣсь должна быть замѣтна. Дѣло было нечистое и преступникъ, вмѣсто простой ссылки въ отдаленный городъ, какъ обыкновенно наказывались колдуны, посылается въ великое береженье въ пріятельскій Морозову монастырь, гдѣ и самъ временщикъ потомъ оберегался отъ народной ярости, послѣ московской смуты 1649 года.

Мѣсяца черезъ два послѣ этого ссылается на Вологду одинъ изъ близкихъ людей къ государю, его дядя по матери, кравчій

¹ Арх. Ор. Пал. № 134.

² Дворц. Разр. III, 56. — Арх. Ор. Пал. № 1067.

³ Вивл. III, 174, 176, 182.

Сем. Лук. Стрѣшневъ, по извѣту въ волшебствѣ. Мы не знаемъ, относится ли этотъ случай также къ дѣлу Всеволожскаго, хотя по времени онъ совпадаетъ съ нимъ, но можемъ догадываться, что и здѣсь видится рука всемогущаго временщика Морозова, который по свидѣтельству Олеарія очищалъ себя мсто, удаляя ближайшихъ къ государю людей, особенно его родственниковъ, дабы не могли они пользоваться противодѣйствующимъ для него вліяніемъ на государи. Арт. Серг. Матвѣевъ прямо говоритъ, что извѣтъ на Стрѣшнева о волшебѣ „былъ составной и наученой, устроенный завистию и ненавистию, на отлученіе его отъ государя“¹. Быть можетъ Стрѣшневъ былъ только очистительною жертвою всего этого несчастнаго и горестнаго для государя событія: надо же было отыскать непосредственнаго виновника и тѣмъ отвлечь отъ себя даже и малѣйшее подозрѣніе, и при томъ надо было отыскать такого виновника, который, что бѣльмо на глазу, служилъ большою помѣхою въ самовластныхъ дѣйствіяхъ Морозова, какимъ въ дѣйствительности могъ быть кравчій Стрѣшневъ, представитель еще сильнаго государственнаго родства, родства государевой матери.

Черезъ два года участь несчастнаго Всеволожскаго и его семьи была облегчена. Въ 1649 г. съ Тюмени изъ опалы, онъ пожалованъ на воеводство въ Верхотурье, отсюда въ 1650 г., ему опять велѣно быть въ Тюмень до государева указа. По пріѣздѣ въ Тюмень онъ померъ, въ 1652 г.; а послѣ того пришелъ государевъ указъ, чтобы быть ему въ Тюмени воеводою. По другому извѣстію въ 1652 г. онъ жилъ еще въ Верхотурьѣ, откуда ему назначено было воеводство въ Яранскъ, стало быть почти на подороги ближе къ Москвѣ; но повидимому испугались этой близости ссыльныхъ къ Москвѣ; въ маѣ послана грамота: воротить его въ Тобольскъ, тотчасъ, если онъ не выѣзжалъ еще съ Верхотурья, а въ противномъ случаѣ велѣно было его догнать и воротить въ Тобольскъ, еслибъ даже онъ пріѣхалъ съ Верхотурья въ самый Яранскъ. Видно, что и въ Сибири онъ былъ игралищемъ борьбы между добрыми стремленіями государя и враждебнымъ вліяніемъ Морозова² Сибирскія Записки упоминаютъ, что Всеволожскій умеръ на Тюмени и съ

¹ Исторія о невинномъ заточеніи бояр. А. С. Матвѣева, стр. 162. Дворц. Разр. III, стр. 63, 64.

² Визаіюв. III, стр. 174, 178, 182. Аяты Истор. IV, № 59.

дочерью; между тѣмъ сохранилась грамота отъ 17 июля 1653 г. къ Касимовскому воеводѣ Ивану Литвинову, въ которой раскрывается, что Рафову жену Всеволоцкаго и дѣтей ея, сына Андрея и дочь (невѣсту царя) и съ людьми велѣно было отпустить съ Тюмени въ Касимовъ и быти ей и съ дѣтьми и съ людьми въ Касимовскомъ уѣздѣ въ дальней ихъ деревнѣ; а изъ деревни ихъ къ Москвѣ и никуда отпущати невелѣно, безъ государева указа ¹. Коллинсъ, писавшій свои записки около 1660 года, говоритъ, что царская развѣчанная невѣста еще была жива въ это время, что со времени высылки ея изъ дворца ни кто за ней не зналъ ни какихъ припадковъ, что у ней было много жениховъ изъ высшаго сословія, но она всѣмъ отказывала, и берегла платокъ и кольцо — памятники ея обрученія съ царемъ, что царь давалъ ей ежегодное содержаніе, чтобы загладить оскорбленіе ея отца и семейства. Она, говорятъ, и теперь еще сохранила необыкновенную красоту, замѣчаетъ Коллинсъ ². — Но дѣло было сдѣлано и воротить счастья было не возможно.

Опечаленный государь отложилъ свою женитьбу на цѣлый годъ, который со стороны Морозова былъ употребленъ на то, чтобы внушить государю и укрѣпить въ немъ мысль о бракѣ съ одною изъ Милославскихъ. „Этотъ хитрый вельможа, говоритъ Олеарій, зналъ очень хорошо, что великому князю пора уже жениться и потому задумалъ предложить ему въ жены дочь одного боярина, на сестрѣ которой онъ самъ намѣревался жениться. Тогда между камеръ-юнкерами великаго князя былъ нѣкто по имени Илья Даниловичъ Милославскій (московскій дворянинъ), имѣвшій двухъ прекрасныхъ дочерей, но ни одного сына. Милославскій часто посѣщалъ Морозова (игравшаго тогда при дворѣ главную роль, *factotum*, какъ обыкновенно о немъ говорили) и охотно во всемъ помогалъ ему, вслѣдствіе чего пользовался у него большою милостію; онъ имѣлъ всегда свободный къ нему доступъ уже и потому, что исполнялъ во всемъ его волю, не говоря о томъ, что у него были прекрасныя дочери. Однажды воспользовавшись удобнымъ случаемъ, Морозовъ началъ выхвалять государю красоту дочерей Милославскаго и возбудилъ въ немъ охоту видѣть ихъ. Обѣ сестры какъ бы для

¹ С. Г. Гр. и Д. III, № 155.

² Чтенія въ Общ. Ист. и Др. 1846, № 1.

посѣщенія, приглашены были къ сестрамъ великаго князя (паревнамъ). Тутъ видѣлъ ихъ государь и влюбился въ старшую изъ нихъ. Котошихинъ рассказываетъ, что „случилось царю быть въ Успенскомъ соборѣ на молитвѣ и узрѣ нѣкотораго московскаго дворянина Ильи Милославскаго двѣ дочери въ церкви стоять на молитвѣ. Царь послалъ за дворовыми боярынями и велѣлъ имъ изъ тѣхъ двѣицъ, одну, мнѣйшую взяти къ себѣ въ Верхъ; а какъ пѣніе совершилось и въ то время даръ пришелъ въ свои хоромы, тоѣ двѣицы смотрилъ и возлюбилъ и нарекъ царевною и въ соблюденіе отдалъ сестрамъ своимъ...“ Свадьба на этотъ разъ была сыграна безъ помѣхи, потому что приняты были всѣ мѣры, чтобы избѣжать колдовства и порчи, которыя приносили столько безпокойства государю и столько страха и смуты во дворецъ. Олеарій и Коллинсъ говорятъ, что вѣчаніе и празднество совершились чуть не въ тайнѣ, безъ всякой пышности и великолѣпія, именно изъ боязни, чтобы не околдовали жениха съ невѣстою. Напротивъ, празднество по обычаю было пышно и торжественно; сдѣланы только нѣкоторыя отмѣны противъ прежняго, которыя быть можетъ и дали поводъ говорить, что свадьба совершилась скромно. „На прежнихъ государскихъ радостяхъ бывало, въ то время, какъ государь пойдетъ въ мыленку, во весь день до вечера и въ ночи, на дворцѣ играли въ сурны и въ трубы и билл по накромя; а нынѣ государь, на своей радости, накромя и трубамъ бити не извоилъ. А велѣлъ государь во свои государскіе столы, вмѣсто трубъ и органовъ и всякихъ свадебныхъ потѣхъ, пѣти своимъ государевымъ пѣвчимъ дьякамъ, всѣмъ станицамъ, перемѣняясь, строчные и демественные большіе стихи, изъ праздниковъ и изъ тріодей драгія вещи, со всякимъ благочиніемъ. И по его государеву мудрому и благочестному разсмотрѣнію бысть тишина и радость и благочиніе велие, яко и всѣмъ ту сущимъ дивитися...“

Въ отцово мѣсто у государя былъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, съ такимъ успѣхомъ устроившій этотъ царевъ бракъ. Черезъ десять дней онъ сталъ сверхъ того своякомъ государю, женившись уже вторымъ бракомъ на другой сестрѣ Милославской, Аниѣ Ильичнѣ. 27 генваря онъ явился къ государю челомъ ударить на *завтра* своей свадьбы, причемъ, по старому обычаю былъ благословленъ отъ государя образомъ

и пожалованъ дарами. Первый его бракъ совершенъ еще 5 іюля 1617 года ¹.

Второй бракъ Алексѣя Михайловича, на Натальѣ Кириловнѣ Нарышкиной, также не обошелся безъ смуты, хотя и не имѣвшей никакихъ особенныхъ послѣдствій. Съ небольшимъ черезъ восемь мѣсяцовъ послѣ смерти Марьи Ильичны Милославской, осенью 1669 года, государь снова приступилъ къ выбору себѣ невѣсты. Для этого собраны были въ Москву тогдашнія красавицы — дѣвицы, дочери, сестры и племянницы боярскаго и дворянскаго сословія. Смотръ продолжался съ ноября 1669 г. по май 1670 г. Невѣсты жили, вѣроятно, гдѣ либо въ кремлевскихъ дворцовыхъ хороммахъ; но нѣкоторыя оставались на житьѣ и у частныхъ лицъ, должно быть у своихъ родственниковъ. Въ извѣстные дни ихъ привозили къ государю во дворецъ въ выборъ, и послѣ смотра отправляли по своимъ мѣстамъ; иныхъ, какъ видится, отправляли прямо по домамъ, другихъ, наиболѣе нравившихся государю, оставляли для вторичнаго смотра. Сохранился списокъ дѣвицъ, которыя призывались на эти смотрины ².

178 (1669) г., ноября въ 28 день, по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца указу, дѣвицы, которыя были въ пріѣздѣ въ выборъ и въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ, и имъ роспись.

Тогожъ числа Ивлева дочь Голохвастова Оксинья. Смирнова дочь Демскаго Марѣа. Васильева дочь Векентьева Каптелина,

¹ См. записки объ этихъ новобрачныхъ пріѣздахъ къ государю въ матеріалахъ № 2. — Коллинсъ рассказываетъ, что Морозовъ, женившись на Аннѣ Милославской «думалъ, что такимъ образомъ прочно основалъ свое счастье. Однакожъ Анна была ни въ чемъ не совѣснѣ довольна, потому что онъ былъ старый вдовецъ (какъ и его братъ, Глѣбъ, женившись на Соковинной), а она здоровая молодая смуглянка; и вмѣсто дѣтей, у нихъ родилась ревность, которая произвела кожаную плеть въ палецъ толщины. Это въ Россіи случается часто между вельможными супругами, когда ихъ любовь безразсудна, или водка слишкомъ шумитъ въ головѣ. Одинъ англичанинъ, Вильямъ Барнсли, сосланъ въ Сибирь по внушенію Бориса, который подозрѣвалъ его въ слишкомъ короткомъ знакомствѣ съ своимъ домомъ». Читенія Общ. Ист. и Древн. 1846 г. № 1.

² Напечатанъ г. Пекарскимъ въ V томѣ Извѣстій Археологическаго Слб. Общества.

живетъ у головы московскихъ стрѣльцовъ у Ивана Жидовинова. Анна Кабылина, живетъ у головы московскихъ стрѣльцовъ у Ивана Мещеринова. Марѳа Аурѣлева, живетъ у головы московскихъ стрѣльцовъ, у Юрья Лутохина. Лвова дочь Ляпунова Овдотья.

Ноября въ 30 день. Князь Григорьева дочь Долгорукого княжна Анна. Ивановна дочь Полева Аграѣвна. Печатника Алмаза Ивановича внуки Анна да Настасья. Григорьева дочь Вердеревскаго Анна. Тимоѣева дочь Дубровскаго Анна.

Декабря въ 4 день. Княжъ Михайловы дочери Гагарина, княжна Анна, княжна Марѳа. Аверкиева дочь Болтина Аграѣвна. Тихонова дочь Зыкова Овдотья.

Декабря въ 12 день. Князь Юрьева дочь Сонцова княжна Марья, Павлова дочь Леонтьева Парасковья. Викулина дочь Изволскаго Татьяна. Михайлова дочь Карамышева Василиса. Матвѣева дочь Мусина Пушкина Парасковья.

Декабря въ 17 день. Андрѣева дочь Дашкова. Соломонида Редрикова. Захарьева дочь Красникова.

Декабря въ 20 день. Алексѣева дочь Еропкина Настасья. Елизарьевы дочери Уварова Домна да Овдотья. Истопничева Иванова дочь Протопопова Ѳедора. Романовы дочери Бунина Олга да Овдотья.

Декабря въ 29 день. Тимоѣева дочь Клопочева Овдотья. 1670 г. Января въ 3 день. Лаврентьева дочь Капустина Анисья. Андрѣева дочь Коренева Анна, живетъ у вотьчима своего у Якима Жолобова.

Февраля въ 1 день. Думнаго дворянина Замятни Ѳедоровича Леонтьева дочь Овдотья. Ивана Ѳедорова сына Нашокпина дочь Марья. Кирилова дочь Нарышкина Наталья. Андрѣева дочь Незанова Дарья.

Февраля въ 11 день. Ѳедорова дочь Еропкина Анна. Иванова дочь Мотовилова Марѳа.

Февраля въ 27 день. Васильева дочь Колычова Марѳа. Ильина дочь Поливанова Марья. Иванова дочь Ростопчина Оѳимья. Ильина дочь Морева Ирина. Васильевы дочери Толстого Настасья да Агаѣя.

Марта въ 11 день. Ѳролова дочь Снявина Ѳедосья. Ѳедорова дочь Смердова Варвара.

Марта въ 12 день. Борисовы дочери Толстого Матрена да Марья. Елизарьева дочь Чевкина Анна.

Марта въ 17 день. Богданова дочь Жедринскова Анна. Васильева дочь Загрянсково Мареа.

Апрѣля въ 5 день. Изъ Великаго Новагорода: Никитина дочь Овцына Анна, живетъ у головы московскихъ стрѣльцовъ, у Юрья Лутохина. Петрова дочь Одинцова Пелагѣя, живетъ у Григорья Аладина. Тимофѣева дочь Сатина Федосья, живетъ у Григорья Баяшева. Изъ Суздаля: Петрова дочь Полтева Дарья. Съ Костромы: Богданова дочь Поздѣева Оеимья, живетъ у дяди своего Матвѣя Поздѣева. Васильева дочь Апраксина Марья. Съ Резани: Борисова дочь Колемина Овдотья. Назарьева дочь Колемина Оксинья.

Апрѣля въ 1 день. Елисеѣва дочь Житова Овдотья. Изъ Володимера: Нестерова дочь Языкова Хомякова Марья, живетъ у путнаго ключника у Михайла Лихачева. Изъ Новагорода: Петра дочь Скобелцына Оеимья. Съ Костромы: Пантелеева дочь Симонова Марья, живетъ у Володимера Асланова.

Апрѣля въ 13 день. Артемьева дочь Рчинова Дарья. Княжъ Степановы дочери Хотѣтовскаго княжна Настасья, княжна Ульяна, княжна Анисья.

Апрѣля въ 17 день. Изъ Вознесенскаго дѣвича монастыря Иванова дочь *Бѣллева Овдотья*. Привезъ дядя ея родной Иванъ Шехиревъ, да бабка ея Ивановская посестрѣя Егакора старѣица Ираида. Артемьева дочь Линева Овдотья.

Послѣ этихъ смотринъ начались вторичныя смотры. Видимо, что государь еще не рѣшался, кого избрать себѣ въ царицы. Такой вторичный смотръ происходилъ 18 числа апрѣля, послѣ чего, въ ночи, дѣвѣицы, взятыя тогда въ Верхъ въ другой разъ, были отпущены по домамъ. А послѣ ихъ, тогда ли, ночью же, или на другой день, неизвѣстно, была взята въ Верхъ для вторичнаго смотра племянница нѣкоего Ивана Шихирева дочь Ивана Бѣльева. Въ то время, какъ она находилась у государя, вѣроятно видѣтъ съ другими дѣвѣицами, въ числѣ которыхъ была и Наталья Кириловна, 22 апрѣля во дворцѣ объявились два подметные письма, за сургучемъ; одно было найдено постельнымъ истопникомъ передъ Грановитою Палатою въ сѣняхъ, другое тѣмъ же истопникомъ усмотрѣно прилѣпленнымъ у сѣнныхъ дверей Шатерной Палаты, что ходятъ на постельное крыльцо. Въ тотъ же день, 22 апрѣля, письма были представлены шатерничими боярину и дворецкому Б. М. Хитрову, а онъ тотчасъ же поднесъ ихъ государю.

Что было въ этихъ письмахъ, неизвѣстно, но „такова *воровства*, и при прежнихъ государяхъ не бывало, чтобы такіе воровскіе письма подметывать въ ихъ государскихъ хоромахъ, а писаны непристойные...“ (конца недостаетъ). Подозрѣніе однакожь пало на Ивана Шихирева, вѣроятно по той причинѣ, что въ письмахъ что нибудь высказывалось, если не въ пользу его племянницы, то быть можетъ во вредъ ея соперницы или, правильнѣе, совѣстницы, Нарышкиной. Бѣдный Шихиревъ могъ попасть въ бѣду уже по одному только сплетенію этихъ обстоятельствъ. Видимо, что интрига была ведена съ другой стороны, главнымъ образомъ противъ Матвѣева, родственника Нарышкиной, который, государевымъ бракомъ на ней, долженъ былъ приобрести еще большее вліяніе во дворцѣ. Несчастный Шихиревъ являлся только отводомъ царской грозы отъ настоящихъ виновниковъ дѣла.

Его взяли, обыскали и къ тому еще нашли у него на дворѣ какія-то травы. Государь поручилъ распросить его боярамъ. Онъ объяснилъ, что „воровскихъ подметныхъ писемъ не писалъ и писать никому не веливалъ и въ сѣняхъ передъ Грановитою и передъ Шатерною не подметывалъ“. Но тутъ же открылось, что онъ очень хлопоталъ о своей племянницѣ дабы устроить ее невѣстою государю и даже хвасталъ о томъ, что будто бы она взята въ Верхъ, а она еще не была взята. На распросѣ 23 апрѣля Шихиревъ рассказывалъ: „на святой недѣлѣ въ субботу или на еоминной въ понедѣльникъ, того онъ не упомнить, приходилъ къ нему въ гости отставленный за старостию рейтаръ Вологжанинъ Александръ Александровъ и сидѣлъ у него съ четверть часа; и позвалъ его, Ивана, къ себѣ въ гости; и онъ поѣхалъ къ нему на лошади, а Александръ пошелъ напередъ пѣшъ. И у него онъ, Иванъ, ѣлъ и говорилъ съ нимъ въ разговорѣ, что великій государь пожаловалъ племянницу его, указалъ взять въ Верхъ, а въ то де время она въ Верхъ была не взята. А какъ ее въ Верхъ взяли и онъ Иванъ, послѣ того видѣлся съ нимъ Александромъ въ Чудовомъ монастырѣ и ему про то сказывалъ“. Спросили и рейтара, который объяснилъ: „на свѣтлой недѣлѣ звалъ его Иванъ къ себѣ послѣ обѣда вина пить; и онъ ходилъ, а вина и иного никакого питья у него не былъ, потому что хмѣльново не пьетъ. А сидѣлъ съ четверть часа. Да въ тоже время приходили къ Ивану въ избу выходецъ изъ полону Смольянинъ Елизарій Во-

рошцовъ съ племянникомъ и сидѣли тутъ же. И Иванъ Шихиревъ сказывалъ имъ, что указалъ в. государь взять въ Верхъ для смотру племянницу его, дочь Ивана Бѣляева, и онъ де о томъ молить Бога. И онъ Александръ позвалъ ихъ къ себѣ въ гости; и у него ѣли и пили; а рѣчей никакихъ про племянницу свою и ни про что не говаривалъ; а послѣ увидѣлся онъ съ нимъ въ Чудовѣ м. на паперти, и Иванъ ему говорилъ, что племянница его въ Верхъ взята и чтобъ де онъ помолился Господу Богу, чтобъ надъ нею учинилось доброе дѣло.

Между тѣмъ бояринъ Хитрово извѣщалъ государю, что „приходилъ къ нему на дворъ дохтуръ Стефанъ (фонъ Гадень?) и сказывалъ: тому де дни съ три съѣхался съ нимъ на Тверской улицѣ у мучнаго ряду Иванъ Шихиревъ и говорилъ ему, что взята де въ Верхъ племянница его для выбору и возили де ея на дворъ къ боярину Б. М. Хитрово и бояринъ де смотрѣлъ у ней рукъ и сказалъ, что руки худы. А смотришь де ты ихъ, дохтуръ Стефанъ; а племянница де его человекъ беззаступной, и какъ де станешь смотреть рукъ и ты де выступи. И онъ Стефанъ ему отказывалъ, что его къ такому дѣлу не призываютъ, да и племянницы его онъ не знаетъ“. Шихиревъ объяснилъ: „какъ станешь смотреть рукъ и она де перстомъ за руку придавить, потому ее и узнаешь. И сего де числа у благовѣщенскаго протопопа Андрея Савиновича о томъ говорилъ же, что *племянница его въ Верхъ взята, а Нарышкина свезена....*“

Противъ этого Шихиревъ рассказалъ: „билъ онъ челомъ архимандриту чудовскому, чтобъ архимандритъ его племянницу объявилъ, т. е. представилъ къ выбору. И возили ее на дворъ къ боярину Богдану Матвѣвичу. И сказалъ архимандритъ, что бояринъ ее смотрѣлъ и говорилъ ему, что у ней руки худы. А смотрѣлъ де дохтуръ Данило, жидъ. И съѣхався (онъ Шихиревъ), ему Данилу говорилъ, что человекъ (она) беззаступной и если станеть смотрѣть и она перстомъ за руку придавить. И севодня ему Данилу (онъ Шихиревъ) говорилъ, что племянница взята въ Верхъ, а Нарышкина свезена; а говорилъ ему тѣ слова съ проста, что онъ, Данило, знакомъ“.

Весьма понятны, усердныя хлопоты Шихирева, чтобъ парцею была его племянница. Ясно также, что выборъ останавливался между его племянницею и Нарышкиною, которая для многихъ царедворцевъ была особенно неудобна по своему родству съ Матвѣевымъ. Чтобы разстроить этотъ бракъ, нена-

вистяжки Матвѣва, какъ онъ самъ потомъ свидѣтельствовалъ, составили эти подметные письма, въ которыхъ быть можетъ высказывали что либо невыгодное и для избираемой невѣсты. Но злодѣи были невидимы, а налицо представлялось только обстоятельство Шихирева, для котораго выборъ Нарышкиной, разумѣется, также былъ вовсе не желаемъ. Когожъ другаго возможно было явно заподозрить въ составленіи подметныхъ писемъ? Несчастнаго привели даже и къ пыткѣ.

Въ застѣннѣ онъ спрашиванъ на крѣпко и подниманъ и къ огню приношенъ, а въ роспросѣ у пытки и у огня говорилъ прежніе рѣчи... подметныхъ писемъ не писывалъ и никому писать не велывалъ и не подметывалъ. Пытка, кажется, была повторена. А было ему 13 ударовъ и огнемъ жженъ, а съ пытки и съ огня говорилъ прежніе рѣчи..., а которыя *травы* выняты у него на дворѣ, толченая и не толченая, и тѣ де травы дали ему на Вологдѣ, нынѣ въ великой постѣ, а сказывали ему, что тѣ травы (оказался звѣробой) *уразныя*, а велѣли ему тѣ травы пить въ винѣ и въ пивѣ отъ убою, потому что онъ раненъ...

24 Апрѣля стали разыскивать почеркъ руни этихъ писемъ. Государь велѣлъ оказать дякамъ и подьячимъ всѣхъ тогдашнихъ приказовъ изъ одного письма двѣ строки, а изъ другаго письма подпись; и взять у нихъ сказки на письмѣ о томъ, кто письма писалъ, т. е. чей почеркъ можно въ нихъ узнать. Выбранныя двѣ строки заключали въ себѣ слѣдующіе: 1) „достоинно поднести царю или ближнему челоуѣку, не смотря; 2) радъ бы я самъ объявилъ и у него писма вынелъ и къ инымъ великимъ дѣламъ“. Подпись была: „Артемошка“, вѣроятно намекавшая на Артамона Сергѣевича Матвѣва, родственника Нарышкиной. Такимъ способомъ собраны были почерки всѣхъ приказныхъ, служившихъ тогда въ Москвѣ. Сходство почерка падало на иныхъ подьячихъ, напр. на Бориска Мыкошкина, о которомъ товарищъ говорилъ: „я его письмо видалъ, какъ онъ писывалъ на-бѣло, не борясь, съ береженьемъ, и на-скоро, мелко и разметисто“. Но полнаго сходства не оказывалось ни у кого. О нѣкоторыхъ почеркахъ замѣчали: „изъ всего писма иныя *ести, омы*, почеркомъ понаходятъ, а все, чтобы впрямъ было одно письмо, не сходится“.

Наконецъ, 26 апрѣля, воровскіе письма были оказаны на Постельномъ крыльцѣ всему служилому сословію, при чемъ пуб-

лично сказанъ были слѣдующій государевъ указъ: „и вамъ бы, памятуя Господа Бога и святую соборную и апостольскую церковь и его государево крестное цѣлованье, осмотра тѣхъ воровскихъ писемъ признакъ всякими мѣрами, кто гдѣ такіе воровскіе письма видалъ или кто подметывалъ, сыскивали бы про то всякими мѣрами. И кто изъ васъ про такое воровское письмо провѣдаетъ и ему в. государю извѣститъ и того вора обличить или гдѣ, свѣдавъ его, поймавъ, приведетъ, и в. государь пожалуетъ его своимъ государевымъ жалованьемъ. А буде про того вора не провѣдаете и государю не извѣстите, и отъ него в. государя за то вамъ быть въ великой опалѣ и въ конечномъ въ самомъ разореньѣ безо всякаго милосердія и пошады“. Очень трудно было открыть и обозначить этого вора, потому что, безъ всякаго сомнѣнія, онъ скрывался въ самыхъ царскихъ палатахъ, въ какой либо изъ личностей, заставлявшихъ въ самой царской думѣ. Мелкое дворянство отзывалось на всѣ эти безпокойные и тягостные для неповинныхъ людей розыски слѣдующимъ образомъ. Нѣкто Петръ Кокоревъ говорилъ: „лучшебъ они дѣвицъ своихъ въ воду пересажали, нежели ихъ въ Верхъ къ смотру привозили!“ Государь, по этому случаю, велѣлъ, въ прибавку къ своему указу, объявить на Постельномъ крыльцѣ: „а непристойныхъ словъ такихъ, какъ Петръ Кокоревъ говорилъ, не говорить, что дѣвицъ своихъ дѣвокъ къ смотру привозили напрасно, лучшебъ ихъ въ воду пересажали, а не въ Верхъ привозили“.

Какъ и чѣмъ окончилось это дѣло, намъ неизвѣстно¹; но повсему вѣроятію объ этомъ же дѣлѣ говоритъ и Арт. Серг. Матвѣевъ въ своей третьей челобитной къ царю Федору Алексѣевичу, въ которой между прочимъ пишетъ: „а и я, холопъ твой, отъ ненавидящихъ и завидящихъ при отцѣ твоемъ государѣ не много не пострадалъ: также вору, составя письмо воровское подметное, кинули въ грановитыхъ сѣняхъ и въ проходныхъ, и хотѣли учинить Божіей волѣ и отца твоего государева намѣренію къ супружеству второму браку препону, а

¹ Неполные отрывки этого дѣла, которыми мы пользовались, хранятся въ в. госуд. Архивѣ Мин. Ив. Д., въ числѣ столбцовъ Тайнаго Приказа. Въ описи дѣлъ Тайнаго Приказа 1713 г. значится «столпъ», а въ немъ дѣло смысловое про воровскіе подметные письма и распросные рачи Ивана Шихирева и иныхъ и сказки за руками московскихъ разныхъ чиновъ людей 178 г. Сп. Записки отд. Рус. и Слав. Археол. Т. II стр. 21.

написали въ письмѣ *коренья*.... въ то время завидящїи мнѣ всячески умышляли чѣмъ бы отлучить отъ вашей государскїя милости....“

Эта препона ко второму браку царя Алексѣя, на Нарышкиной, ограничилась однакожь тѣмъ только, что свадьба должна была совершиться мѣсяцевъ девять спустя послѣ избранїя невѣсты, именно 22 января 1671 года.

Должно полагать, что это была уже послѣдняя препона въ избранїи царскїхъ невѣстъ, ибо съ этого времени мы не встрѣчаемъ никакихъ свѣдѣній о какихъ либо помѣшкахъ царскому браку.

О первомъ бракѣ царя Федора Алексѣевича современники свидѣтельствуютъ, что для избранїя невѣсты онъ, по обыкновенїю приказалъ собрать всѣхъ предестїнѣйшихъ дѣвицъ своего царства, что ему предлагали многихъ княженъ знатнаго произхожденїя, но онъ выбралъ незнатную дѣвицу Агафію Семеновну Грушецкую, что бракосочетанїе происходило безъ всякаго великолѣпїя и царской дворъ оставался нѣсколько дней недоступнымъ ¹. Въ расходныхъ дворцовыхъ запискахъ этого времени находимъ имена избранныхъ невѣстъ, которымъ послѣ государь выдалъ подарки: „14 августа 1680 г. великаго государя жалованья дано дѣвицамъ, которыя были въ выборѣ въ прошломъ въ 188 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ.

По зарбаву серебряному, да по отласу, да по камкѣ, мѣрою по 10 аршинъ: Боярина князь Фед. Фед. Куракина двумъ дочерямъ, княжѣ Аннѣ Фед., да княжѣ Марѣ Федор. Боярина Ивана Богдановича Хитрово дочери Василїсѣ Ивановнѣ. Окольничаго кн. Данила Степановича Великаго — Гагина. Отвозилъ Думный дворянинъ Никита Ивановичъ Акпѣвовъ.

По объяри мѣрою по 5 арш., по камкѣ мѣрою по 10 арш.: Стольничковъ: князь Никиты княжъ Иванова сына Ростовскаго. (Взялъ Василїй Фокїнъ Грушецкой). Князь Семена Княжъ Юрьева сына Звенигородскаго дочери. Федора Иванова сына Головленкова дочери. Петра Андреева сына Измайлова дочери. Ивана Поликарпова сына Полтева дочери. Михайла Тимофеева сына Измайлова (дочери). Онофрей Денисьева дочери. Отвозилъ къ нимъ дьякъ Корнила Петровъ.

Объяри по 5 аршинъ, камки по 10 аршинъ: князь Алексѣя княжъ Юрьева сына Звенигородскаго дочери его княжѣ (про-

¹ Берха, Царств. Федора Алекс., 84.

бѣлъ). Викулы Ѳедорова сына Извольскаго дочери ево. Исая (проб.) Квашнина дочери ево. Петра Иванова сына Вердеревскаго дочери ево. Князь Семена князь Иванова сына Лвова дочери ево княжѣ. Князь Володимира князь (проб.) сына Волконскаго дочери ево княжѣ. Алексѣя (проб.) Кирѣевскаго дочери ево. Отвозилъ дьякъ Ѳедоръ Казанцевъ.

И всего имъ государева жалованья дано четыре зарбава цѣна имъ 101 рубль; отласовъ сорокъ аршинъ; объярей 70 арш.; камокъ 180 аршинъ¹.

Изъ исторіи царскихъ невѣсть уже достаточно обнаруживается, что страхъ порчи долженъ былъ преслѣдовать личность царицы каждую минуту и на всякомъ мѣстѣ. Онъ отравлялъ ея счастливые дни излишними и въ большинствѣ случаевъ пустыми, но тѣмъ не менѣе очень тягостными подозрѣніями. Въ ея домашнемъ быту порча являлась всемогущимъ страшилищемъ, изъ власти котораго невозможно было освободиться, не смотря ни на какія предосторожности и строгости, которыми съ такою заботливостію старались оградить себя отъ этого лиха. Но кромѣ порчи для царицы существовало еще страшилище, отравлявшее ея жизнь, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, быть можетъ еще въ большей степени. Имя этому новому страшилищу было „неплодіе“.

Существо женской личности, возводимой изъ ничтожества на высокую степень царскаго сана, заключалось, по понятіямъ времени, въ одномъ неизмѣнномъ ея призваніи, въ *чадородіи*. Царица должна была выполнить это существенное свое призваніе, для цѣлей котораго она и выбиралась съ великою осмотрительностію изъ цѣлой толпы красавиць. Она должна была дать наследника царю и царству. Въ этомъ заключался главный, основной смыслъ ея царственнаго положенія. Никакого другаго смысла въ ея личности не признавали и не сознавали государственныя стремленія, государственныя положенія жизни, для которыхъ, поэтому личность царицы являлась полною жертвою. Но должно замѣтить, что не одни государственныя стремленія опредѣляли такимъ образомъ идею женской личности. На томъ стояли и стремленія родовыя. Здѣсь государственныя цѣли воплѣ

¹ Арх. Ор. Пал. № 536.

совпадали съ цѣлны родовыи, по той причинѣ, что государство, созданное родовой идеею, держалось тою же формою жизни, какою держался и родъ. Въ русскомъ древнемъ обществѣ, какъ мы уже говорили, женская личность возвышалась, когда своими плодомъ чрева доставляла, такъ сказать, растительное движеніе роду, когда дѣлалась основою его дальнѣйшаго развитія именно въ лицѣ наследника роду, придавая тѣмъ самымъ, въ образѣ *матерей* вдовы, даже общественный смыслъ и общественное значеніе своей слабой личности. На оборотъ, она принималась до сироты, до лица безправнаго, она теряла настоящій смыслъ своего существованія, если не надбѣлялъ ее Богъ плодомъ чрева, въ которомъ воплощался бы корень рода. Безчадіе вообще было несчастіемъ и даже въ общественномъ мнѣніи почиталось не малымъ заворомъ для женской личности; но и чады женскаго пола не приносили родителямъ и особенно отцу, полнаго счастья. Чады женскаго пола всетаки упразднили существованіе рода; не ими продолжался родъ; выходя замужъ, они терялись въ чужихъ родахъ; съ ними погибало даже имя рода. Только мужской полъ былъ корнемъ рода, поддержкою, опорой родителей, представителемъ ихъ общественнаго значенія, ихъ имущественнаго и нравственнаго достоянія. Вотъ почему, въ старое время, мужья очень нелюбовно смотрѣли на своихъ женъ, когда не было у нихъ чадородія мужескаго пола. Тогда несчастныя жены обращались къ единому утѣшенію, къ усердной молитвѣ. Съ великимъ плачемъ и рыданіемъ до иступленія ума, какъ говорятъ различныя сказанія о такихъ обстоятельствахъ, онѣ молились дома и въ церквахъ, да подастъ имъ Господь „прийти чадо мужескаго полу“. Очень часто и мужья раздѣляютъ съ ними эту сердечную скорбь, непрестанно молясь вмѣстѣ съ ними, предпринимая обѣтныя путешествія по монастырямъ къ св. угодникамъ и чудотворцамъ. Являются многія примѣры чудесныхъ дѣйствій усердной и умиленной молитвы.... Мать Александра Каргопольскаго Фотинія, оскорбляемая дряхлымъ мужемъ за безчадіе, который говаривалъ ей, что стало быть есть въ ней „зазоръ нѣкій, рекше грѣхъ“, усердно и много разъ молится о рожденіи сына въ Кириллоблзоверскомъ монастырѣ, сподобляется святаго видѣнія, по которому и исполняется ея благочестивое моленіе. Такимъ же образомъ исполняется моленіе о дарованіи сына и матери преп. Александра Свирскаго Василіисъ, молившейся о томъ въ Введенскомъ Остров-

скомъ монастырѣ. Молитвою Александра Свирскаго даруетъ Богъ чадо мужеска пола нѣкоему боярину Тимоѣю Апрельу, который приходилъ къ нему съ великимъ моленіемъ и рассказывая свою скорбь, помянулъ, „что ради безчадія жена моя носима была и оскорбляема мною, многожды же и біема отъ меня бываше“. Въ другой разъ „человѣкъ нѣкій отъ града Корельскаго именемъ Іаковъ“, — притекаетъ со слезами ко гробу св. Александра, прося, да подастъ Богъ его молитвами плодъ чрева мужеска полу и отъ единого прикосновенія къ ракъ преподобнаго познаетъ въ себѣ силу упованія и надежды, что его молитва будетъ услышана. Черезъ годъ у него рождается отроча мужеска полу.

Эти сказанія могутъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ, въ какой степени было всегда сильно желаніе родителей имѣть наследника мужскаго пола.

Благочестивые люди прибѣгали къ молитвѣ, уповали на милость Божію. Но много разъ случалось, что мужъ бесплодную жену уговаривалъ обыкновенно идти въ монастырь, и даже насильно постригалъ ее въ монахини, а самъ женился на другой. Само собою разумѣется, что все это дѣлалось въ высшихъ, въ знатныхъ или же въ богатыхъ слояхъ общества, гдѣ поддержка и продолженіе рода были во многихъ отношеніяхъ задачею жизни.

Если такъ было въ частномъ быту, то на царскомъ престолѣ этотъ вопросъ становился въ дѣйствительности однимъ изъ важнѣйшихъ, особенно въ московскую эпоху нашей исторіи, когда изъ многихъ княжествъ возникло единое царство съ единымъ самодержавнымъ государемъ во главѣ всей земли, съ единымъ идеаломъ освященной самодержавной власти; когда сверхъ того эта власть признается наследственной въ одномъ лишь царственномъ колѣнѣ. Понятно, какое значеніе получали въ царской семьѣ заботы о наследникѣ мужскаго пола; понятно, почему и личность царицы приносилась всецѣло въ жертву этой государственной идеѣ. Наследникъ мужеска пола является здѣсь не только корнемъ рода, но и корнемъ государства. Домашняя исторія московскихъ государей представляетъ много подробностей о тѣхъ скорбяхъ и заботахъ о мужскомъ наследствѣ, въ какихъ нерѣдко проходили цѣлые годы ихъ брачной жизни.

Вторая супруга в. к. Ивана Васильевича, Софья Фоминишна Палеологъ, вступила съ нимъ въ бракъ въ ноябрѣ 1473 года.

Само собою разумѣется, она очень желала укрѣпить на Московскомъ престолѣ свое племя. Хотя у в. князя и былъ уже наследникъ государству, сынъ первой его жены, Марья Тверской, Иванъ, называемый въ отличіе отъ отца Молодымъ, но для Софьи очень важно было имѣть и своего наследника, если не государству, такъ собственному хозяйству, наследника собственной независимости и самостоятельности, чего черезъ дочерей достигнуть было невозможно.

Между тѣмъ въ первые годы Богъ давалъ этому браку однахъ только дочерей, которыхъ въ 1476 г. было уже три: Елена, Феодосія и опять Елена; затѣмъ цѣлый годъ прошелъ бездѣтно.

Великій князь съ супругою стали много скорбѣть объ этомъ, молились Богу, „дабы даровалъ имъ сынове родити въ наследіе царствію своему“. Великая княгиня по благому совѣту мужа не помедлила совершить обѣтное путешествіе къ Чудотворцу Сергію, въ Троицкій монастырь, пѣшкомъ, усердно моля „о чадородіи сыновъ“. Подъ монастырскимъ селомъ Клементьевымъ, когда великая княгиня, продолжала оттуда путь къ самой обители, и шла въ удоліе, т. е. въ долину, лежащую подъ самыми монастыремъ, она внезапно узрѣла святоликина инока, шедшаго ей на встрѣчу и „имуща въ руцѣ отроча млада, мужескъ полъ, котораго внезапно и вверже въ нѣдра великой княгини, и затѣмъ невидимъ бысть“. Княгиня вострепетала отъ такого чуднаго видѣнія, стала изнемогать и къ землѣ преклоняться. Сопровождавшія ее боярыни бросились къ ней на помощь въ ужасѣ, не понимая, что могло съ ней случиться. Она съшла, ощупывала руками въ своей пазухѣ „вверженнаго отрочати“ и не нашла его. „Уразумѣ быти посъщенію великаго Чудотворца Сергія“, — встала и съ великою надеждою продолжала свой путь въ монастырь. Тамъ она провела всѣ дни въ униженной и многой молитвѣ, братію любочестными брашны учредила, и съ радостію возвратилась въ Москву. „И отъ того чудеснаго времени зачатся во чревѣ ея богодарованный наследникъ русскому царствію“. 25 марта 1479 г. родился ей благомыдежный сынъ великій князь Василій — Гавріилъ, который и ирещенъ былъ въ Троицкомъ же монастырѣ у чудотворныхъ мощей Преподобнаго Сергія. Эту повѣсть объявилъ впоследствии митрополитъ Іоасафъ, который слышалъ ее изъ устъ самого

чудомъ рожденнаго великаго князя Василя. Послѣ того Софья имѣла еще нѣсколькихъ сыновей ¹.

Первый бракъ того же самаго Василя на Соломанидѣ Юрьевнѣ Сабуровой, избранной какъ выше сказано изъ множества дѣвицъ, былъ очень несчастливъ именно по бездѣтству великой княгини. Онъ совершился въ началѣ сентября 1505 г., когда в. князю было уже 26 лѣтъ. По тогдашнемъ обычаямъ это былъ самый поздній бракъ. И вотъ прошли двадцать лѣтъ, Богъ не благословлялъ дѣтми этого супружества. Ни молитвы, ни обѣты, ни богомольныя путешествія по монастырямъ не были благословлены роженіемъ чада. Не помогло и волхвованіе, къ которому не разъ тайно обращалась великая княгиня, чувствуя свое безвыходное горе, спасая себя, свое положеніе, возстановляя любовь мужа, которая годъ отъ году все больше охлаждала. Была великая причина этой не любви мужа къ своей неплодной супругѣ — небыло прямого наследника царству, которое по смерти Василя должно было перейти въ руки его братьевъ, неумѣвшихъ, по его словамъ и своихъ удѣловъ управить. Было, слѣд. о чемъ подумать и поскорбѣть. Естественнымъ путемъ должна была придти мысль о разводѣ съ неплодною женою и бракѣ съ другою, божею счастливою супругою. Однажды, въ великой кручинѣ о своей неплодной супругѣ, ѣхалъ в. князь на богомолье ли или для потѣхи ², на охоту, и увидѣвши на деревѣ птичье гнѣздо, горько заплакалъ. „Сотвори плачь и рыданіе велико: о горе мнѣ бездѣтному! Кому и себя уподоблю! къ кому могу приравнять себя! Вотъ птицы небесныя — и онѣ плодовиты! и звѣри земныя — и тѣ плодовиты! и вода плодовита: она играетъ волнами, въ ней плещутся и веселятся рыбы! Господи! и къ этой землѣ я не могу приравнять себя, — она приноситъ плоды на всякое время!“

Этотъ плачь близокъ уже былъ къ рѣшенію дѣла. Возвратившись осенью изъ путешествія, государь началъ думать съ своими боярами о великой княгинѣ, что неплодна, и съ плачемъ говорилъ имъ: „кому по мнѣ царствовать въ Русской землѣ? братьямъ ли оставлю, но братья и своихъ удѣловъ не

¹ Книга Степенная II, стр. 136.

² Въ лѣтописи сказано: поѣхалъ въ *объѣздъ*, а *объѣздомъ* назывались по преимуществу богомольные походы въ Троицкій и другіе отдаленные монастыри.

когда митрополитъ въ монастырѣ совершалъ ея постриженіе; никакъ не хотѣла надѣвать кукуль; вырвала его изъ рукъ митрополита, бросила на землю и топтала ногами. Иванъ Шигона, одинъ изъ самыхъ приближенныхъ людей государя, въ негодованіи на такую дерзость, сталъ ее жестоко бранить и ударилъ даже плетью, сказавши: Какъ ты смѣешь сопротивляться волѣ государя и медлить исполненіемъ его приказанія?— А тебѣ кто далъ право бить меня?— восклицала Соломонія.— Я исполняю государево повелѣніе, отвѣтилъ Шигона.— Тогда въ несказанной скорби несчастная объявила предъ всѣми, что ее постригаютъ насильно, что нѣтъ ея желанія идти въ монастырь и молила Бога отомстить за ея обиду.

Ее постригли съ пшениемъ Софьи, въ Москвѣ, въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ; постригалъ не митрополитъ, а игумень Никольскаго Стараго монастыря Давидъ. Послѣ ее отправили въ Суздальскій Покровскій монастырь, гдѣ она и оставалась до кончины. В. князь надѣлилъ ее, послѣ своей женитьбы, особою вотчиною, селомъ Вышеславскимъ съ деревнями и со всѣми угодыми ¹.

Причиною развода, какъ указано лѣтописцемъ, не было исключительно одно только неплодіе. Его облекли въ немощь, въ болѣзнь, о которой былъ даже розыскъ, «слѣдственное дѣло. Въ числѣ разныхъ бумагъ царскаго архива, при Иванѣ Грозномъ, сохранилась „*списки*“: сказка Юрья Малова и Степаниды Резанки и Ивана Юрьева сына Сабурова и Машки Корѣленки (вѣроятно колдуньи) и пухихъ, про немочь великія княгини Соломониды“ ². Изъ этого дѣла до насъ дошелъ отрывокъ, именно сказка Ивана Сабурова, брата Соломоніи, весьма живо характеризующая и личность и безвыходное положеніе несчастной царицы. Сабуровъ 23 ноября 1525 г. разсказалъ слѣдующее: говорила мнѣ великая княгиня: есть жонка, Стефанидою зовутъ, Рязанка; а нынѣ на Москвѣ; и ты ее добудь, да ко мнѣ пришли. Я отыскалъ Стефаниду, зазвалъ сначала къ себѣ на дворъ, и потомъ послалъ ее къ великой княгинѣ съ своею жонкою Настею; и та Стефанида была у великой княгини; и Настя сказывала мнѣ, что Стефанида *воду наговаривала* и *смачивала* ея великую княгиню; да и смотрѣла ее на брюхѣ и сказывала, что

¹ Караяз. VII, стр. 280.

² Акты Арх. Эксп. I, 339.

у великой княгини дѣти не быть. А послѣ того пришелъ я къ великой княгини и она мнѣ сказывала: присылаешь ты ко мнѣ Степану и она у меня смотрѣла, сказала, что у меня дѣти не быть; наговаривала мнѣ воду и смачиваться велѣла для того, чтобъ князь великій меня любилъ; наговаривала воду въ рукомойникъ и велѣла мнѣ смачиваться тою водою; а когда понесутъ къ великому князю сорочку и порты и чехолъ и она мнѣ велѣла изъ рукомойника тою водою, смочивъ руку, да хватывать сорочку, порты и чехолъ и всякое другое бѣлье. — Мы ханжвали къ великой княгини, прибавилъ Сабуровъ, за всякимъ государевымъ бѣльемъ, и в. княгиня, развернувъ сорочку или другое бѣлье в. князя, да изъ того рукомойника и смачивала то платье. — Сабуровъ еще рассказалъ случай: „говорила мнѣ великая княгиня: сказали мнѣ про одну черницу, что она дѣти знаетъ, (а сама безъ носа); и ты мнѣ добудь ту черницу. Розыскалъ я и эту черницу; пришла она ко мнѣ во дворъ и наговаривала, не помню, масло, не помню, медъ прѣсной, да и посылала къ великой княгини съ Настею и велѣла ей тѣмъ тереться для тогожъ, чтобъ ее князь великій любилъ да и для дѣтей. Послѣ того я и самъ былъ у в. княгини; она мнѣ сказывала: приносила мнѣ отъ черницы Настя, и я тѣмъ терлась“. Да что мнѣ о говорить, примолвилъ Сабуровъ, мнѣ того не вспомнить, сколько ко мнѣ о тѣхъ дѣлахъ жовокъ и мужиковъ прихаживало“¹.

Это была другая, тайная сторона дѣйствій, желаній и исканій царя, дабы излѣчить немощь своего неплодія. По суевѣрію вѣка заботы помочь себѣ знахарствомъ, волшебю шли рядомъ съ усердными молитвами, обѣтными богомольями, вкладами по монастырямъ и церквамъ, переплетались, такъ сказать, съ благочестивыми подвигами, вызываемыми одною и тою же цѣлью получить силу чадородія и тѣмъ привлечь любовь государя.

Должно замѣтить, что въ тотъ вѣкъ знахарство и волшебя или вѣдовство, какъ область реальныхъ практическихъ, хотя бы и младенческихъ знаній о разныхъ сплахъ естества и тайнахъ природы, не смотря на то, что были отречены и прокляты, всегда и повсемѣстно были принимаемы, какъ обычное врачество матеріальное, вещественное, которое невозможно было миновать людямъ, искавшимъ вещественной же помощи въ сво-

¹ Акты Истор. I, 192.

ихъ недугахъ, тѣлесныхъ и сердечныхъ. Вѣдуны и вѣдьмы прежде всего были лѣкаря и лѣкарки, — врачи. Они сами такъ понимали свою спеціальность, такъ понималъ ее и народъ. Но это было врачество мірское, знаніе отреченное, противное врачеству духовному по той причинѣ, что оно утверждало свои дѣйствія тайнами сего міра, уклонялось отъ дѣйствій, благословенныхъ и указанныхъ церковью, ставило самочинно въ противность тайнамъ благословеннымъ свои грѣховныя, бѣсовскія тайны. Вмѣсто словъ молитвы оно ставило слова заговора или наговора и усердно вѣровало съ силу этихъ словъ; вмѣсто благословенныхъ и освященныхъ дѣйствій, (см. выше стр. 230, 231), оно ставило дѣйствія нечестивыя и усердно ожидало отъ нихъ помощи. Но какъ бы ни было, подъ этою мистическою оболочкою оно хранило дѣйствительныя познанія естества, которыя дѣйствительно въ иныхъ случаяхъ врачевали, изцѣляли недуги и тѣмъ всегда оживляли и поддерживали народное вѣрованіе въ особенныя силы вѣдовства. Оттого въ народныхъ понятіяхъ естественное врачество не было отдѣляемо отъ волшебства и врачи не только по профессіи, но даже и именемъ не различались отъ волхвовъ. Такъ одно поучительное слово касательно волшбы запрещаетъ „къ врачамъ ходити“, т. е. къ волхвамъ, которыхъ русскій писецъ XVI в. отождествилъ съ врачами и на оборотъ ¹. Самое слово: *вѣдовство*, *знахарство*, должно показывать, что въ основѣ волхвованія лежала идея реальныхъ знаній о природѣ, прикрытыхъ лишь мистическою оболочкою, суевѣріемъ, которыми прикрывалось въ тѣ вѣка всякое знаніе и вообще наука. Вотъ почему, не смотря на гоненія со стороны врачества освященнаго, не смотря на сожженія волхвовъ и вѣщихъ женокъ, мірское отреченное волшебство оставалось все таки великою силою въ жизни народа и къ нему въ трудныхъ и безвыходныхъ обстоятельствахъ по необходимости прибѣгалъ всякій, искавшій себѣ помощи, не исключая даже и гонителей.

Послѣ развода съ Соломонією Василій избралъ себѣ въ вѣсты княжну Елену Глинскихъ, дочь умершаго пововыѣзжаго князя Василія Львовича Темнаго-Глинскаго, изъ рода знатнаго, но иноземнаго, литовскаго, который измѣнивъ литовскому королю, вскорѣ измѣнилъ было и Москвѣ въ лицѣ своего головы,

¹ Лѣтопись занятій Археограе. Комиссіи 1864 г., стр. 84.

роднаго дяди избранной невѣсты, князя Михаила Львовича. Невѣстно, какъ происходило избраніе государевой невѣсты; но вѣроятно обычнымъ же порядкомъ, т. е. повсемѣстнымъ собраніемъ всѣхъ тогдашнихъ красавицъ, изъ которыхъ больше всѣхъ полюбилась княжна Елена, жившая у матери, вдовы Анны. Надо замѣтить, что несчастный дядя невѣсты, Михаилъ Глинскій, былъ воспитанъ въ Германіи, долго тамъ жилъ, находясь въ службѣ у герцога Саксонскаго Албрехта и у императора Максимилиана въ Италіи, прославился военными заслугами и былъ преданъ нѣмецкимъ обычаямъ, которыхъ безсомнѣнія держались и его братья, Иванъ и Василій, отецъ невѣсты. Такимъ образомъ и Елена была воспитана въ средѣ богѣе или менѣе иноземной, въ обычаяхъ, которые быть можетъ многимъ и къ лучшему отличали невѣсту отъ ея сверстницъ и соперницъ, что и должно было остановить на ней выборъ государя ¹.

О *свадебникахъ*, такъ назывался въ народѣ рождественскій масоѣдъ, 28 генваря 1526 г., Василій обвѣнчался съ новою супругою— „оженися, яко гѣпо бѣ царемъ женитися“, т. е. съ подобающимъ царскому сану торжествомъ и веселіемъ. Во время свадьбы извѣстный впоследствии наперсникъ Елены, молодой князь Иванъ Федоровичъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій находился вмѣстѣ съ своимъ отцомъ кн. Федоромъ Васильевичемъ въ числѣ самыхъ довѣренныхъ и приближенныхъ къ государю свадебныхъ чиновъ. Отецъ его по свадебному разряду занялъ тогда очень важную должность конюшаго: ему „велѣно быти у государева коня и ѣздити весь столъ и вси ночь кругъ подъята (спальни новобрачныхъ) съ саблею голою или съ мечемъ“. Сынъ находился въ числѣ дѣтей боярскихъ четвертымъ у брачной постели, вмѣстѣ съ дворовыми боярынями, вдовами ближнихъ бояръ Челяднинныхъ, Еленою и Аграфеною. Последняя была ему сестра, и потомъ была избрана въ мамы къ новорожденному малюткѣ Грозному. Сверхъ того ему тогда же было назначено: „колпакъ держати у великаго князя и спати у постели и въ мыльиѣ мытися съ великимъ княземъ“, что обыкновенно поручалось самымъ приближеннымъ, такъ сказать домашнимъ, комнатнымъ людямъ. Такимъ образомъ сердечная связь Елены съ Овчиною, какъ его обыкновенно называли,

¹ Баран. И. Г. Р. т. VII, 11, 84.

объясняется давнишнимъ приближеніемъ его семейства къ государевой комнатѣ, и особенно черезъ Аграфену Челяднину, его сестру, которая была за мужемъ за Васильемъ Андреевичемъ Челяднинымъ, государевымъ дворецкимъ († 1518 г.) братомъ государева конюшаго Ивана Челяднина и сыномъ тоже государева конюшаго, Андрея Челяднина, который былъ въ этомъ чину еще при отцѣ в. князя Василія. Знатный чинъ конюшаго давался только самымъ близкимъ, любимымъ и заслуженнымъ людямъ. Незадолго передъ кончиною великаго князя и Овчина получилъ званіе конюшаго.

Враги великаго князя, неодобрявшіе его второй бракъ, тотчасъ же распустили молву, что бывшая супруга, теперь монахиня, Соломонія, беременна и скоро разрѣшится. Герберштейнъ рассказываетъ, что „этотъ слухъ подтверждали двѣ боярыни, жены близкихъ къ государю людей, именно вдова казначея Юрья Молово Траханіота (Варвара) и жена постельничаго Якова Мансурова ¹. Онѣ говорили, что слышали отъ самой Соломоніи о ея беременности и близкихъ родахъ. Великій князь очень смутился этою молвою, удалилъ изъ дворца обѣихъ боярынь, а вдову Траханіота приказалъ даже высѣчь за то, что она раньше не донесла ему объ этомъ. Онъ послалъ въ монастырь къ Соломоніи разузнать дѣло на мѣстѣ своихъ дьяковъ Третьяка Ракова и Меншого Путятина. Чѣмъ окончилось изслѣдованіе, намъ неизвѣстно. Герберштейнъ, продолжая свой рассказъ, говоритъ что въ его бытность въ Москвѣ выдавали за истину, что Соломонія родила сына, именемъ Юрья, и никому его не показывала. Когда къ ней явились посланные узнать истину, она, будтобы, сказала имъ: вы недостойны того, чтобы глаза ваши видѣли ребенка; а вотъ когда онъ облечется въ свое величіе (станетъ царемъ), то отомститъ за оскорбленіе матери². Нѣкоторые рѣшительно невѣрили, что Соломонія дѣйствительно родила. И такимъ образомъ этотъ слухъ остался сомнительнымъ, замѣчаетъ Герберштейнъ. Во всякомъ случаѣ сказка очень любопытна. Она характеризуетъ стремленіе бо-

¹ Юрій Траханіотъ умеръ въ 1513 г., а Мансуровъ пожалованъ въ постельничіе въ 1514 г., умеръ въ 1520 г. Такъ отмѣчено въ спискѣ бояръ (Вивл. XX, 17, 20). Между тѣмъ имя Якова Мансурова является въ свадебномъ разрядѣ при бракосочетаніи в. князя съ Еленою въ 1526 г., гдѣ ему назначено за саньми в. княгини идти и ходити въ хоромѣхъ и у платья в. княгини. Вивл. XIII, 16.

ярской и вообще дворской среды и на самомъ дѣлѣ есть крамольная попытка внести смуту и въ государеву семью и въ государство, первая попытка поставить самозванца, которая, какъ порожденіе деспотизма и самовластія олигарховъ — правителей въ послѣдствіи развилась органически въ самыхъ широкихъ размѣрахъ — и возражалась мгновенно, при всякомъ смутномъ государственномъ обстоятельстве.

Вступивъ во вторичный бракъ единственно только съ политическою цѣлью дать государству наследника, великій князь освятилъ этотъ бракъ въ самомъ началѣ молитвою о чадородіи. Черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, 4 марта, назначая въ Новгородѣ архіепископомъ своего любимца, архимандрита Можайскаго монастыря Макарія, Василій, поручилъ ему, какъ пріѣдетъ на паству, „въ октеньяхъ молити Бога и Пречистую Богоматерь и чудотворцевъ, о себѣ и о своей княгинѣ Еленѣ, чтобы Господь Богъ далъ имъ плодъ чрева ихъ“, о чемъ дѣйствительно и молились по всей епархіи въ церквахъ и монастыряхъ ¹.

Въ концѣ года великій князь совершилъ богомольный походъ въ Тихвинъ, къ Тихвинской Богоматери, куда пріѣхалъ вмѣстѣ съ владыкою Макаріемъ, 24 декабря, въ навечеріе праздника Рождества Христова, пробылъ тамъ три дня и три ночи, молился „о здравіи и о спасеніи и чтобы ему Господь Богъ даровалъ плодъ чрева.... великую вѣру и умильное моленіе показалъ во всемигостивому Спасу и Пречистой Богородицѣ и къ Ихъ Угодникамъ; побазалъ многую милость къ печальнымъ людямъ, которыя въ его государевой опалѣ были, многія монастыри милостынями удоволилъ“.... ²

Но прошло и еще почти два года, а Господь не благословлялъ дѣтьми и этого брака. Осенью 1528 г. Великій князь проживъ до Филипповскихъ заговѣвъ въ Новой Александровой слободѣ, предпринялъ оттуда новый богомольный походъ по монастырямъ, къ чудотворцамъ, вмѣстѣ съ великою княгинею; былъ въ монастыряхъ: Переяславскихъ, Ростовскихъ, Ярославскихъ, на Бѣломъ озерѣ въ Кирилловѣ монастырѣ, на Кубенскомъ озерѣ, въ Спасо-Каменномъ монастырѣ, вездѣ милостыню великую давалъ и потѣшеніе по монастырямъ и въ городѣ посылалъ; а велѣлъ молитися о чадородіи, чтобы далъ Богъ *отродь*

¹ И. С. Р. Л. IV, 296. Акты Истор. I, 532.

² И. С. Р. Л. VI, 283.

у него былъ. Въ Переяславѣ основывалъ тогда свой монастырь препод. Даніилъ, ученикъ Пафнутія Боровскаго. Посѣтивъ св. старца „паче мимошедшихъ лѣтъ простиралъ къ нему свою любовь: близъ себѣ сѣдѣти повелѣваше; для него освобождалъ повинныхъ отъ смерти; завѣщалъ поставить въ монастырѣ каменную церковь во имя св. Троицы, для чего и запасъ къ церковному зданію послалъ.... И бывши у преподобнаго въ монастырѣ — братскаго хлѣба изволилъ вкусити, такожде и отъ кваса монастырскаго пія, бѣ бо квасъ вельми преспростъ.... но радостнаго умиленія исполнялся самодержецъ, и какъ нѣкою надеждою огражденъ, возвращался въ свой царскій домъ. Иногда же посылалъ въ монастырь къ преподобному Даніилу и повелѣвалъ къ себѣ принести хлѣба и квасу братскаго, также и къ царицѣ своей, и вкушалъ съ вѣрою. И сладостно и полезно вмѣняшеса имъ.... Вел. князь, по словамъ любимца его Макарія, „не умалиалъ подвига въ молитвѣ, не сомнѣвался отъ долгаго времени своего безчадства, не унывалъ съ прилежаніемъ просить, не переставалъ расточать богатство нищимъ, путешествуя по монастырямъ, воздвигая церкви, украшая св. иконы, монаховъ любезно упокоивая, всѣхъ на молитву подвизая, совершая богомольные походы по далечайшимъ пустынямъ, даже пѣшкомъ, вмѣстѣ съ великою княгинею и съ боярами; всегда на Бога упованіе возлагая, вѣрою утверждаясь, надеждою веселясь.... желаше бо по премногу отъ плода чрева его посадити на своемъ престолѣ въ наслѣдіе роду своему....”¹

Такимъ образомъ четыре съ половиною года протекли въ непрестанныхъ моленіяхъ, въ непрестанныхъ подвигахъ благочестія и милосердія. Въ послѣднее время съ особенною вѣрою супруги прибѣгали въ своихъ молитвахъ къ препод. Пафнутію Боровскому. Молитва была услышана: Господь вынулъ стенаніямъ и слезамъ супруговъ и „разверзе союзъ неплодства ихъ“. 25 августа 1530 г. была великая неизреченная радость вел. князю и вел. княгинѣ и всему московскому государству: въ этотъ день Богъ даровалъ государю сына Ивана, *молитвенный плодъ*, столько времени и съ такою горячностью ожидаемый не только родителями, но и всѣми друзьями государя и государства. Въ 1584 г. рязанскій епископъ Леонидъ свидѣтельствовалъ предъ царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ, какъ о дѣлѣ всѣмъ извѣстномъ,

¹ Степ. кн. II, 205.

что „по прошенію и по моленію преподобнаго Пафнутія чудотворца далъ Богъ наследника царству и многожеланнаго сына отцу. (А. И. I, № 216). Это утверждается еще и тѣмъ, что восприемниками отъ купѣли новорожденнаго царевича были избраны ученики преп. Пафнутія, Данилъ Переяславскій и Кассіянъ, по добродѣтели прозванный Босымъ, собесѣдникъ преп. Іосифу Волоколамскому. Крещеніе происходило въ Троицесергіевомъ монастырѣ, у мощей преп. Сергія, общаго учителя и наставника, гдѣ Данилъ своими руками носилъ младенца во время литургии и къ причастію св. Таинъ. Благочестивое и богомольное настроеніе мыслей указало, что рожденіе царственнаго младенца не было просто, какъ инымъ случается. Оно примѣтило, что „когда отроча во чревѣ матерни растяше, то печаль отъ сердца чловѣкамъ отступаше; когда отроча во чревѣ матерни двигалось — то стремленіе иноплемленной рати на царство низлагалось. (Здѣсь разумѣется, вѣроятно, удачный походъ на Казань, весною тогоже года ¹). Разсказывали также, что в. княгиня во время своей беременности, яко бысть близъ роженія, спросила одного юродиваго Дементія, кого она родить. Онъ, юродствуя, отвѣчалъ: родится Тить — широкій умъ. Она еще больше стала молиться, чтобъ исполнилась ея надежда. За девять дней до роженія, въ Успеневъ день, служили іереи обядню, вовсе не вѣдая, что в. княгиня уже непрадна. Когда на ектеиніи среди обычныхъ моленій о царь и о его царицъ, слѣдовало произнести, *еже подати имъ плодъ чрева*, — одинъ клирикъ внезапно, яко спомъ объять, возгласилъ: *и о благородномъ чадѣ ихъ*“ и въ изумленіи оглядывалъ другихъ служащихъ, желая знать о имени царскаго отрока; затѣмъ, опомнившисъ, произнесъ уже обычныя слова ². Богодарованному отроку наречено имя: Иванъ, „еже есть усъиновеніе Честныя Главы“, сказано въ лѣтописи, обозначававшей день памяти Крестителя.

Ни одному царскому роженію не придавали такого великаго значенія и особеннаго смысла, какъ этому роженію будущаго грознаго царя. Лѣтописцы записали, что будто бы въ часъ его роженія по всей Русской землѣ внезапно былъ страшный громъ, блистала молнія, какъ бы основаніе земли поколебалось; — послѣ узнали, что въ тотъ часъ родился государь Иванъ Васильевичъ.

¹ Степ. кн. II, 209.

² Степ. кн. II, 237.

Черезъ два года съ небольшимъ, 30 октября 1532 года, родился у Елены другой сынъ Юрій, воспріемникомъ котораго тоже былъ Даніилъ Переяславскій. За тѣмъ, 3 декабря 1533 г., великій князь скончался, оставивъ по себѣ двухъ малолѣтнихъ наслѣдниковъ.

Царь Иванъ Васильевичъ женился первымъ бракомъ на Анастасіи Романовой, на семнадцатомъ году, 3 февраля 1547 г. Богъ не благословилъ ихъ дѣтьми въ первые два года супружества. По благочестивому примѣру отцовъ, молодые супруги стали усердно молиться о своемъ неплодіи.

21 іюня 1548 г. (когда прошло уже 16 мѣсяцевъ, а наслѣдника у царицы небыло), въ послѣднюю недѣлю Петрова поста, государь со многымъ желаніемъ и съ великою вѣрою совершаетъ обѣтное богомолье къ Троицѣ пѣшкомъ съ царицею и съ братомъ. Съ тоюже по всему вѣроятію мыслью о чадородіи и царица особливо предпринимаетъ, 14 сент., новое богомолье къ Троицѣ, также пѣшкомъ, по общанію. Черезъ недѣлю, за нею выѣхалъ въ монастырь и самъ государь. Спустя годъ послѣ этого обѣтнаго богомолья, 10 авг. 1549 г., у супруговъ родилась дочь Анна. Государь такъ былъ обрадованъ рожденіемъ дѣтяти, что тогдаже въ Новодѣвичьемъ монастырѣ заложилъ обѣтный храмъ во имя Іоакима и Анны; слушалъ тамъ всенощную и заутреню и на утро другаго дня, 18 августа, освятивъ этотъ обыденный храмъ, крестилъ въ немъ новорожденную дочь. Черезъ годъ, однакожъ, младенецъ скончался. Другая дочь, Марья, родившаяся 17 марта 1551 г., также скончалась младенцемъ. На слѣдующій годъ (1552) 11 октяб. родился сынъ Дмитрій въ то самое время, какъ царь окончилъ такъ счастливо завоеваніе Казанскаго Царства. Радость его о роженіи наслѣдника была неизреченна. Связывая значеніе *казанскаго взятъя* съ побѣдою надъ Мамаемъ, онъ далъ сыну имя въ память прародителя Дмитрія Ивановича Донскаго, перваго побѣдителя Татаръ. По пріѣздѣ изъ похода въ Москву государь вмѣстѣ съ царицею возилъ новорожденнаго въ Троицкій монастырь къ крещенію. Потомъ, весной слѣдующаго года царь повезъ съ собою младенца даже въ Кирілловъ монастырь, на Бѣлоозеро, когда отправился туда молиться вмѣстѣ съ царицею, по случаю своего выздоровленія отъ болѣзни. Но къ великой горести родителей, младенецъ скончался на возвратномъ ихъ пути въ Москву, въ іюнь 1553 г.

Царь и царица зельною печалію объаты быша и сугубо скорбише, понеже немоще ни единого чада. Снова предпринимають они богомольный походъ по чудотворцамъ, молятся въ Ростовѣ у великаго святителя Леонтія, прося у Бога чадородія въ наслѣдіе своему царству; молятся въ Переяславлѣ у гроба преподобнаго Никиты и у честныхъ его веригъ; молятъ со слезами св. Никиту, какъ благонадежнаго ходатая къ Богу. Молитвами угодника Бо́гъ отнялъ скорбь отъ ихъ сердца. Тогожь дни придоша въ градъ Переяславль и въ царскомъ дому своемъ обрадованно почиша. И ту царица зача во чревѣ своемъ. И оттуду придоша въ царствующій градъ Москву, веселящеся, благодаряще Бога. Егда же пріспѣ время, родися имъ благодарованный сынъ (1554 г. марта 28) и нареченъ бысть отчимъ именемъ царевичъ Иванъ. Потомъ родися царю царевна Евдокия, 1556 февр. 26, и царевичъ Феодоръ, 1557 мая 11. Царевна на третьемъ году скончалась (въ юнѣ 1558 г.); сыновья же, какъ извѣстно, достигли совершеннаго возраста. Но видимо ихъ здоровье сохранено надолго молитвами и заступленіемъ тогоже Угодника Божія преподобнаго Никиты. Однажды, когда царевичъ Иванъ былъ уже по второму году, царица по обыковенію отдыхала, а царевичъ у кормилицы сидѣлъ на колыняхъ. Внезапно кормилица слышитъ позади себя, на лавкѣ, воду kloкочущую въ оловянномъ сосудѣ. Кормилица въ испугѣ вскочила съ царевичемъ, подумавши, что сосудъ *проутлился* т. е. протекъ; а въ сосудѣ сохранялась вода, взятая изъ кладезя святаго Никиты. Тутъ была пріставница мама царевича Фотинья. Она тотчасъ приняла къ себѣ царевича на руки, взяла потомъ сосудъ, и „паки возгремѣ вода въ сосудѣ“ въ рукѣ Фотиньи, такъ что даже сама собою открылась крышка и кипящая вода потекла изъ сосуда, исходя *двумя источниками* (быть можетъ намекъ на двухъ сыновей царя). Благоразумная Фотинья, разумѣя, что это благодать Божія, принимала рукою кипящую воду и возливала ее на главу и на лице и на все тѣло царевича, приговаривая: „буди сіе Божіе милосердіе на многолѣтное здравіе и радость благороднымъ твоимъ родителямъ и тебѣ государю и всему вашему царству“. Проснулась и сама царица. **Рассказали** ей все, какъ было. Взяла она сосудъ въ свои руки и **паки** **воскипѣ** вода и возливашеся на руцѣ ея». Царица **благодатную** ту воду возлила на свое лице и на перси. Умыла **темъ** тою водою и всѣ живущіе тамъ (во дворцѣ): видѣша бла-

годать Божию, дивляхуся, славяще Бога и великаго въ чудесѣхъ Никиту. Возвѣщено же бысть чудо сіе и великому государю ¹. Подтверженіемъ этому сказанію можетъ служить то обстоятельство, что спустя 2 года по роженіи царевича Ивана, 1 сент. 1556 г. царь съ царицею и съ сыномъ, предпринявъ обычный походъ къ Троицѣ, проѣхалъ оттуда въ Переяславль къ Никитѣ чудотворцу и повелѣлъ игумену общину содѣлати и велий монастырь соградиша.... Извѣстно, что въ XVII ст., въ числѣ домовыхъ, сѣвныхъ храмовъ и престоловъ на царицыной половинѣ дворца, существовалъ и придѣлъ Никиты Переяславскаго, устроенный по всему вѣроятію еще при Грозномъ, въ особенное уваженіе къ покровительству св. угодника Никиты. Онъ находился въ храмѣ св. Лазаря, въ нижнемъ этажѣ сѣвной царицыной церкви Рождества Богородицы.

Въ одно время, какъ царь Иванъ Вас. вступалъ въ седьмой и послѣдній свой бракъ, онъ женилъ и младшаго своего сына Ѳедора на сестрѣ Бориса Годунова, Иринѣ Ѳедоровнѣ, весною 1580 года. Ѳедору въ это время было уже 23 года. Рассказываютъ, что отецъ рѣшился женить его по той причинѣ, что у старшаго его брата Ивана не было дѣтей, что слѣд. царскій родъ могъ остаться безъ наслѣдника. Простой умомъ и болѣзненный тѣломъ Ѳедоръ однакожъ не былъ способенъ укрѣпить на престолѣ царскій корень. Ирина же Ѳедоровна, подобно Соломоніи, испытала несчастіе бездѣтства, которое не повлекло за собою развода единственно только потому, что въ наслѣдники царства шелъ уже твердою стопою ея братъ Борисъ. Въ первые года этого брака и самъ Годуновъ очень заботился о чадородіи сестры, ибо тѣмъ только онъ и могъ твердо держаться у царскаго престола. Въ 1585 году онъ поручаетъ англичанину Горсею развѣдать у ученыхъ англійскихъ докторовъ о средствахъ „къ зачатію и нарожденію дѣтей“, и привести въ Москву „докторицу, искусную во врачеваніи женскихъ болѣзней и безчадія“. Горсей выспрашивалъ мнѣній и наставленій ученыхъ врачей оксфордскихъ, кембриджскихъ и лондонскихъ, и наконецъ просилъ королеву (Елизавету) отправить съ нимъ въ Россію опытную повивальную бабку. Повивальная бабка была приве-

¹ Исторія о казанскомъ царствѣ, Спб. 1791, 262.

Царь и царица зельною печалію объаты быша и сугубо скорбише, понеже немоще ни единого чада. Снова предпринимають они богомольный походъ по чудотворцамъ, молятся въ Ростовѣ у великаго святителя Леонтія, прося у Бога чадородія въ наслѣдіе своему царству; молятся въ Переяславѣ у гроба преподобнаго Никиты и у честныхъ его веригъ; молятъ со слезами св. Никиту, какъ благонадежнаго ходатая къ Богу. Молитвами угодника Бо́гъ отнялъ скорбь отъ ихъ сердца. Тогожъ дни придоша въ градъ Переяславъ и въ царскомъ дому своемъ обрадованно почиша. И ту царица зача во чревѣ своемъ. И оттуду придоша въ царствующій градъ Москву, веселящеся, благодаряще Бога. Егда же приспѣ время, родился имъ благодарованный сынъ (1554 г. марта 28) и нареченъ бысть отчимъ именемъ царевичъ Иванъ. Потомъ родился царю царица Евдокия, 1556 февр. 26, и царевичъ Феодоръ, 1557 мая 11. Царица на третьемъ году скончалась (въ юнѣ 1558 г.); сыновья же, какъ извѣстно, достигли совершеннаго возраста. Но видимо ихъ здоровье сохранено надолго молитвами и заступленіемъ тогоже Угодника Божія преподобнаго Никиты. Однажды, когда царевичъ Иванъ былъ уже по второму году, царица по обыкновенію отдыхала, а царевичъ у кормилицы сидѣлъ на когѣняхъ. Внезапно кормилица слышитъ позади себя, на лавкѣ, воду клокочущую въ оловянномъ сосудѣ. Кормилица въ испугѣ вскочила съ царевичемъ, подумавши, что сосудъ *проутлился* т. е. протекъ; а въ сосудѣ сохранялась вода, взятая изъ кладезя святаго Никиты. Тутъ была приставница мама царевича Фотинья. Она тотчасъ приняла къ себѣ царевича на руки, взяла потомъ сосудъ, и „паки возгремѣ вода въ сосудѣ“ въ рукѣ Фотиньи, такъ что даже сама собою открылась крышка и кипящая вода потекла изъ сосуда, исходя *двумя источниками* (быть можетъ намекъ на двухъ сыновей царя). Благоразумная Фотинья, разумѣя, что это благодать Божія, принимала рукою кипящую воду и возливала ее на главу и на лице и на все тѣло царевича, приговаривая: „буди сіе Божіе милосердіе на многолѣтнее здравіе и радость благороднымъ твоимъ родителямъ и тебѣ государю и всему вашему царству“. Проснулась и сама царица. Рассказали ей все, какъ было. Взяла она сосудъ въ свои руки и «паки воскипѣ вода и возливашеся на руцѣ ея». Царица благодатную ту воду возлила на свое лице и на перси. Умывались тою водою и всѣ живущіе тамъ (во дворцѣ): видѣша бла-

годать Божию, дивляхуся, славяще Бога и великаго въ чудесѣхъ Никиту. Возвѣщено же бысть чудо сіе и великому государю ¹. Подтверженіемъ этому сказанію можетъ служить то обстоятельство, что спустя 2 года по роженіи царевича Ивана, 1 сент. 1556 г. царь съ царицею и съ сыномъ, предпринявъ обычный походъ къ Троицѣ, проѣхалъ оттуда въ Переяславль къ Никитѣ чудотворцу и повелѣлъ игумену общину содѣлати и велій монастырь соградиша.... Извѣстно, что въ XVII ст., въ числѣ домовыхъ, сѣяныхъ храмовъ и престоловъ на царицыной половинѣ дворца, существовалъ и придѣлъ Никиты Переяславскаго, устроенный по всему вѣроятію еще при Грозномъ, въ особенное уваженіе къ покровительству св. угодника Никиты. Онъ находился въ храмѣ св. Лазаря, въ нижнемъ этажѣ сѣнной царицыной церкви Рождества Богородицы.

Въ одно время, какъ царь Иванъ Вас. вступалъ въ седьмой и послѣдній свой бракъ, онъ женилъ и младшаго своего сына Федора на сестрѣ Бориса Годунова, Иринѣ Федоровнѣ, весною 1580 года. Федору въ это время было уже 23 года. Рассказываютъ, что отецъ рѣшился женить его по той причинѣ, что у старшаго его брата Ивана не было дѣтей, что слѣд. царскій родъ могъ остаться безъ наслѣдника. Простой умомъ и болѣзненный тѣломъ Федоръ однакожъ не былъ способенъ укрѣпить на престолѣ царскій корень. Ирина же Федоровна, подобно Соломоніи, испытала несчастіе бездѣтства, которое не повлекло за собою развода единственно только потому, что въ наслѣдники царства шель уже твердою стопкою ея братъ Борисъ. Въ первые года этого брака и самъ Годуновъ очень заботился о чадородіи сестры, ибо тѣмъ только онъ и могъ твердо держаться у царскаго престола. Въ 1585 году онъ поручаетъ англичанину Горсею развѣдать у ученыхъ англійскихъ докторовъ о средствахъ „къ зачатію и нарожденію дѣтей“, и привести въ Москву „докторицу, искусную во врачеваніи женскихъ болѣзней и безчадіа“. Горсей выпрашивалъ миѣній и наставленій ученыхъ врачей оксфордскихъ, кембриджскихъ и лондонскихъ, и наконецъ просилъ королеву (Елизавету) отправить съ нимъ въ Россію опытную повивальную бабку. Повивальная бабка была приве-

¹ Исторія о казанскомъ царствѣ, Спб. 1791, 262.

жена въ 1586 г. ¹ Но она не только не была допущена къ царицѣ, но даже и не привезена въ Москву. Ее задержали въ Вологдѣ; тамъ она, какъ сосланная, жила цѣлый годъ и потомъ уже отпущена въ Англію. Возвратившись на родину, бабка подала въ московское торговое англійское общество просьбу на Горсея, въ которой требовала съ общества проторей 100 фунтовъ стерлинговъ, объяснивъ притомъ, что Горсей обманулъ королеву, сказавъ будтобы царица Ирина при выѣздѣ его изъ Россіи была въ пятомъ мѣсяцѣ своей беременности, между тѣмъ какъ ее въ теченіе цѣлаго года и не потребовали къ царицѣ.

Обманывалъ ли въ самомъ дѣлѣ Горсей королеву или, чему трудно повѣрить, бабка выписывалась Годуновымъ лишь для того, что царица Ирина „со времени своего супружества часто бывала беременна“, — дѣло темное, какъ и многое множество дѣлъ тогдашняго вѣка. Извѣстно, что Горсей былъ самымъ преданнымъ услужникомъ Годунова, который за то и оказывалъ ему необычайныя ласки и милости ².

Горсея послѣ обвинили, и даже хотѣли повѣсить, за то между прочимъ, что привезя въ Россію повивальную бабку для царицы, онъ тѣмъ оскорбилъ честь царицы. Но повидимому все оскорбленіе состояло лишь въ томъ, что этому дѣлу королева по недоразумѣнію дала излишнюю гласность.

Заботы Годунова о чадородіи царицы — сестры, въ первое время ея брака, являлись насущною необходимостью для сохраненія и укрѣпленія его положенія при царскомъ лицѣ. Онѣ тѣмъ болѣе были необходимы, что по нѣкоторымъ, весьма вѣроятнымъ сказаніямъ, царь Иванъ Васильевичъ оставилъ завѣщаніе, что если Ирина, черезъ два года (послѣ его смерти) не будетъ матерью, то Федору развестись съ нею и жениться на другой. Сверхъ того не желалъ и народъ бездѣтнаго царскаго супружества. Дѣйствительно, года черезъ два или три по вступленіи на царство Федора, составилъ заговоръ противъ самовластнаго временщика. Митрополитъ Діонсій, бояре Шуйскіе и ихъ сторонники, а также гости и всѣ люди купеческіе

¹ Въ то же время вмѣстѣ съ Горсеемъ выѣхалъ вторично въ Москву и англійскій докторъ Робертъ Якобъ, котораго рекомендовала царицѣ Ирина сама королева, какъ весьма искуснаго врача и особенно знающаго женскія всякія болѣзни и родильныя болѣзни *всякія лучше и милгъ* *свѣд.* Истор. медіц. I, 298, 405.

² Отеч. Зап. 1859, сент. Сказанія англичанина Герсея о Россіи.

сошлись на совѣтъ и рукописаніемъ утвердили бить челомъ государю, чтобъ онъ „чадородіа ради второй бракъ принялъ, а первую свою царицу Ирину Фед. отпустилъ бы въ иноческій чинъ“¹. Общимъ совѣтомъ была избрана бездѣтному государю и невѣста, сестра боярина князя Фед. Ив. Мстиславскаго, княжна Ирина Ивановна. Годуновъ скоро успѣлъ разсвѣять вмѣстѣ съ людьми и самую память объ этомъ предпріятіи. Невѣсту тайно увезли изъ дому и постригли въ монахини². Между тѣмъ царица продолжала молиться о чадородіи. Въ 1589 г. послѣ торжества поставленія перваго въ Москвѣ патріарха Іова, Константинопольскій патріархъ Іеремія, вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ, былъ приглашенъ и въ палату къ царицѣ, благословить ее. Когда совершилась эта церемонія, то на средину палаты вышелъ почтенныхъ лѣтъ бояринъ и возгласилъ патріарху, чтобъ онъ помолился о здравіи и благополучіи царя и царицы и просилъ бы Господа Бога о дарованіи имъ наследника. Съ тою же просьбою обратился старецъ и ко всѣмъ спутникамъ патріарха, которые всѣ громкимъ голосомъ стали молить Бога о исполненіи желанія царицы. Вслѣдъ за тѣмъ и сама царица „съ большимъ чувствомъ и со слезами просила духовенство молиться усердіе Господу о дарованіи ей наследника. Всѣ плакали, ибо очень были тронуты этою мольбою царицы и возсылали еще разъ самыя усердныя моленія, заключивъ ихъ словами: Пошли ей, Всемогущій Господи, то, что для нея самое важное, а именно, наследника ея царству“³. Наконецъ въ Іюнѣ 1592 г. царица разрѣшилась дочерью Феодосіею, которая вскорѣ и скончалась. Въ 1595 г. царь Федоръ померъ безъ наследника. Съ нимъ прекратился и родъ царя Ивана Васильевича, московскій царскій родъ, обезсплѣвшій и совсѣмъ угасшій въ борьбѣ съ боярскими родами, которымъ съ этой минуты открылся желанный путь къ царскому престолу.

¹ Кар. X. 46, пр. 147.

² Старица княжна Ирина Ивановна Мстиславская при царѣ Михаилѣ жила вмѣстѣ съ его матерью Мареею Ивановною въ Вознесенскомъ монастырѣ и пользовалась большимъ уваженіемъ при дворѣ, являясь на торжественныя пиры къ столамъ царицы Евдокьи Лукьяновны.

³ Чтенія Общ. Н. и Д. 1863, 2, стр. 252.

Въ XVII ст., въ родѣ Романовыхъ, царицы, къ ихъ счастью, не испытали особенныхъ печалей неплотія. Но заботы о чадехъ мужеска пола не покидали и ихъ. Кюдинскъ рассказываетъ слухъ, что еслибы супруга Алексѣя, царица Марья Ильична Милославскихъ, не развѣшилась, послѣ 4 дочерей, вторымъ царевичемъ Ѳеодоромъ, то и она была бы пострижена въ монастырь. Такъ, вѣроятно, соображало общественное мнѣніе въ то время, хорошо помнившее прежнія событія въ царской семьѣ.

Вторая супруга царя Михаила, Евдокья Лукьяновна Стрѣшневыхъ, послѣ не совсѣмъ благополучныхъ родовъ царевичемъ Василиемъ, который вскорѣ померъ, въ теченіи шести лѣтъ (1639—1645 г.), до самой смерти царя, оставалась безчадною. Царица, по свидѣтельству современниковъ, съ того времени „была передъ прежнимъ скорбна и межъ супругами въ ихъ государскомъ здоровьѣ и въ любви стало не по прежнему“.... Супруги молились и великую вѣру показали къ препод. Александру Чудотворцу Свирскому, коего св. мощи были обрѣтены въ теченіе тѣхъ же лѣтъ, въ 1641 году. Царь въ 1643 г. устроилъ для мощей Чудотворца богатую серебряную раку, а царица „устроила швеннымъ художествомъ своими руками, со благородными своими чады (дочерьми), цвѣтныхъ синеть на плащаницѣ образъ св. Живоначальныя Троицы и преподобнаго отца Александра, и украсила золотомъ и серебромъ и бисеромъ (жемчугомъ) со драгимъ каменіемъ, и повелѣла положить на многочудесныя мощи преподобнаго“....

ГЛАВА IV.

ОБРЯДЪ ЦАРИЦЫНОЙ ЖИЗНИ, КОМНАТНОЙ И ВЫХОДНОЙ.

Зажнутасть царицына быта. Повседневное молитвенное правило. Молитва и милостыня, какъ общая стихія царицыной жизни. Богомольные выходы и выѣзды, повседневные и годовые. Приемы праздничные. Пріѣзжія боярыни. Столы праздничные. Столы семейные. Особые торжественные приемы иноземныхъ царицъ и высшихъ духовныхъ властей. Приемы повседневные. Очеркъ комнатной повседневной царицыной жизни. Выѣзды для гулянья.

— Ни одна государыня въ Европѣ, говоритъ Рейтенфельсъ; современникъ царя Алексѣя, не пользуется такимъ уваженіемъ подданныхъ, какъ русская. Русскіе не смѣютъ не только говорить свободно о своей царицѣ, но даже и смотрѣть ей прямо въ лице. Когда она ѣдетъ по городу или загородъ, то экипажъ всегда бываетъ закрытъ, чтобы никто не выдалъ ее. Оттого она ѣздитъ обыкновенно очень рано поутру или ввечеру. Царица ходитъ въ церковь домовую, а въ другія очень рѣдко; общественныхъ собраній совѣтъ не посѣщаетъ. Русскіе такъ привыкли къ скромному образу жизни своихъ государынь, что когда нынѣшняя царица (Наталья Кириловна Нарышкиныхъ), прѣзжая первый разъ среди народа, нѣсколько открыла окно кареты, они не могли надивиться такому смѣлому поступку. Впрочемъ, когда ей объяснили это дѣло, она съ примѣрнымъ благоразуміемъ охотно уступила мнѣнію народа, освященному древностію.

— Русскія царицы проводятъ жизнь въ своихъ покояхъ, въ кругу благородныхъ дѣвицъ и дамъ, такъ уединенно, что ни одинъ мущина, кромѣ слугъ, не можетъ ни видѣть ихъ, ни го-

ворить съ ними; даже и почетнѣйшія дамы (боярыни) не всегда имѣютъ къ нимъ доступъ. Съ царемъ садятся за столъ рѣдко. (Царь обѣдаетъ обыкновенно одинъ, а ужинаетъ по большой части вмѣстѣ съ царицею.) Всѣ занятія и развлечения ихъ состоятъ въ вышиваніи и уборахъ. Нынѣшняя царица Наталья, хотя отечественные обычаи сохраняетъ ненарушимо, однакожъ, будучи одарена сильнымъ умомъ и характеромъ возвышеннымъ, не стѣсняетъ себя мелочами и ведетъ жизнь нѣсколько свободнѣе и веселѣе. Мы два раза видѣли ее въ Москвѣ, когда она была еще дѣвцею. Это женщина въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, росту величаваго, съ черными глазами на выкатъ, лице имѣетъ пріятное, ротъ круглый, чело высокое, во всѣхъ членахъ тѣла изящную соразмѣрность, голосъ звонкій и пріятный и манеры самые граціозныя“.

Мейербергъ, бывшій въ Москвѣ лѣтъ десять прежде, при царицѣ Марьѣ Ильичнѣ Милославскихъ, рассказываетъ, что „за столомъ государя никогда не являлись ни его супруга, ни сынъ, (Алексѣй Алексѣевичъ), которому тогда было уже десять лѣтъ, ни сестры, ни дочери его. Уваженіе къ симъ особамъ столь велико, что онѣ никому не показываются. Изъ тысячи придворныхъ едвали найдется одинъ, который можетъ похвалиться, что онъ видѣлъ царицу или кого либо изъ сестеръ и дочерей государя. Даже и врачъ никогда не могъ ихъ видѣть. Когда, однажды, по случаю болѣзни царицы, необходимо было призвать врача, то прежде чѣмъ ввести его въ комнату къ больной, завѣсили плотно всѣ окна, чтобъ ничего не было видно, а когда нужно было пощупать у ней пульсъ, то руку ея окутали тонкимъ покровомъ, дабы медикъ не могъ коснуться тѣла. Царица и царевны выѣзжаютъ въ каретахъ или въ саняхъ (смотря по временамъ года), всегда плотно и со всѣхъ сторонъ закрытыхъ; въ церковь онѣ выходятъ по особой галлерей, со всѣхъ сторонъ совершенно закрытой. Русскіе такъ благоговѣютъ предъ своею царицею, прибавляетъ Лизекъ, что не смѣютъ на нее смотрѣть, и когдѣ ея царское величество садится въ карету или выходитъ изъ нея, то они падаютъ ницъ на землю.

Особое благоговѣніе и уваженіе народа къ царицѣ, которымъ иностранцы объясняли эту чрезмѣрную недоступность къ ихъ особѣ, объясняется очень просто тѣмъ обстоятельствомъ, что всякій, кто позволилъ бы себѣ какой либо поступокъ, хотя мало и вовсе неумышленно нарушавшій требованія такой недо-

ступности, тотчасъ подвергался всѣмъ строгостямъ дворской подозрительности, а слѣд. и всѣмъ возможностямъ попасть въ самую страшную бѣду. Ни для кого не проходила даромъ даже нечаянная встрѣча съ царицею: тотчасъ начинались розыски и допросы, не было ли какого злаго умысла. Такъ, однажды, 26 апрѣля 1674 г. во внутреннихъ переходахъ дворца случилась какая то встрѣча стольниковъ съ экипажемъ царицы, ѣхавшей на богомолье въ Вознесенскій монастырь. Началось дѣло, розыскъ и допросы. Къ сожалѣнію до насъ дошли только отрывки этого дѣла, именно нѣсколько допросовъ, изъ которыхъ однакожь не видно, въ чемъ собственно были виновны стольники.

182 года апрѣля въ 26 день стольникъ Иванъ Васильевъ сынъ Дашковъ допрашиванъ, а въ допросѣ сказалъ: какъ великая государыня царица шла съ дворца въ Вознесенскій монастырь и въ тѣ поры Василій Ѳедоровъ сынъ Полтевъ шелъ передъ колымагою государыни царицы низомъ, а какъ онъ шолъ, въ вороталь или черезъ Красное крыльцо, того онъ не видалъ. Иванъ Ивановъ сынъ Бутурлинъ сказалъ: какъ великая государыня царица шла съ дворца въ Вознесенскій монастырь, и какъ она великая государыня будетъ, идучи съ дворца, въ воротѣхъ, и въ тѣ поры онъ Иванъ его Василья (Полтева) великія государыни царицы за колымагою видѣлъ, а въ вороталь онъ Василей за колымагою шолъ или черезъ Красное крыльцо, того онъ не видалъ. Стольникъ Михайло Ивановъ сынъ Прончищевъ сказалъ: шолъ онъ за великою государынею царицею Наталією Кириловною отъ мовные лѣстницы дворцомъ и для де посвѣщенія обѣжалъ онъ на Постельное крыльцо лѣстницею, гдѣ стрѣльцы стоятъ, для того, что его обмарали и обрызгали грязью. И обѣжавъ, встрѣтилъ великую государыню царицу подъ переходами, что подъ садомъ. И въ той моей винѣ воля его великаго государя, виновать предъ Богомъ и передъ великимъ государемъ; а передо мною и за мною бѣжали многіе стольники: князь Ѳедоръ Вяземскій, Михайло Бунаковъ, Михайло Собаклинъ, а инымъ стольникамъ пмянъ не упомянуть, потому бѣжали скоро“.

Вѣроятно за свою вину стольники изъ чину были отставлены, но вскорѣ, чрезъ три дня послѣ допросовъ, прощены: апрѣля въ 29 день государь пожаловалъ, велѣлъ имъ быть по прежнему. Указъ великаго государя сказалъ Иванъ Кириловичъ Наумовъ Авраму Лопухину“.

Котошихинъ сказываетъ, что если царицѣ случится куда ѣхать, то кареты или ваптаны (зимніе возки) бывають закрыты камкою персидскою, какъ ѣдутъ Москвою, или селами и деревнями. Во время пѣшихъ выходовъ около нихъ во всѣ стороны носили суконныя поды, чтобъ люди ихъ зрѣть не могли. Въ церкви онѣ стояли въ особыхъ *мстахъ*, завѣшанныя легкою тафтою; да и въ церкви, въ это время, кромѣ церковниковъ бояръ и ближнихъ людей, пные люди не бывали. Только одни церковники, въ необходимыхъ случаяхъ, видали государыню. Самые необходимые, по уставамъ церкви, выходы и выѣзды, напр. въ кремлевскіе церкви и монастыри совершалась большею частію или раннимъ утромъ или по ночамъ, что наблюдалось также и при вѣздахъ въ монастыри во время отдаленныхъ богомольныхъ походовъ.

Въ 1572 г. мая 31 царь Иванъ Васильевичъ, приѣхавъ съ царевичами и царицею Анною (Колтовскихъ) въ Новгородъ, остановился на ночлегъ въ монастырѣ у Спаса на Хутинь. Онъ вѣхалъ въ монастырь часа за три предъ заходомъ солнца, и послѣ обычныхъ церковныхъ встрѣчъ обѣдалъ тамъ въ игуменской кельѣ, въ *вышкѣ*, со всѣмъ своимъ дворомъ, съ Новгород. владыкою и со всею монастырскою братіею. Царица приѣхала въ монастырь въ первомъ часу ночи (послѣ солнечнаго заката). Для ея двора было занято 8 особыхъ келій, „стоять княгинямъ и боярынямъ“; кельи были на этотъ случай загорожены съ монастыря досками. При отъѣздѣ изъ Новгорода царица Анна ходила молиться въ соборъ Софій Премудрости Божіей, и прикладывалась къ мощамъ Ивана да Никиты Новгород. чудотворцевъ. Выходъ этотъ совершенъ былъ однакожъ *ночью*, въ субботу 16 августа ¹.

Это свидѣтельство объ одной изъ первыхъ царицъ мы можемъ пополнить подобнымъ же свидѣтельствомъ о богомольныхъ выѣздахъ последней царицы, Евдокіи Лопухинныхъ, которая находилась въ заточеніи, въ Покровскомъ Суздальскомъ монастырѣ, иногда выѣзжала оттуда, тайно, на богомолье въ монастырь Козьмы Ичронскаго чудотворца (Влад. губ.) Вотъ что разсказывала на допросѣ объ этихъ приѣздахъ игуменъ Ичронскаго монастыря Симонъ: „Напередъ приѣзжали слуги Покровскаго монастыря и очищали кельи, гдѣ царица стояла; отбирали у по-

¹ И. С. Р. Л. III, 174.

номарей церковные ключи и сказывали монахамъ, чтобъ изъ келій на время царицына пріѣзда невыходили. Царица въѣзжала въ монастырь въ каретѣ за стеклами, послѣ полуденъ; ѣхала прямо къ соборной церкви и входила въ церковь *ограждена красными сукнами, скрытно*. Игуменъ и монахи никогда ее не видали. Она слушала вечерню, а послѣ подъѣзжала къ кельямъ, въ которыхъ ставала, въ каретѣ жъ закрыта, и въ кельи вступала ограждена сукнами. — Въ ночное время входила въ церковь и отправляла всенощное пѣніе (заутреню) и литургію, а бывало ли молебное пѣніе, того ни игуменъ, ни монахи не знали, потому что въ церкви въ то время не были, никого близко къ церкви не подпускали. Службы отправляли пріѣзжіе съ царицею попы, а на крыльцѣ шли пріѣзжія жъ съ нею монахиня. Послѣ обѣдни игумена и братью въ трапезной церкви царица кормила своимъ привознымъ столомъ, пища была: рыба, питье — медъ. Потчивали служители царицы. Послѣ стола, когда монахи шли изъ трапезы домой, по кельямъ, тѣ служители указывали имъ, чтобъ они кланялись за столъ царицѣ къ ея кельямъ и она кланялась по трижды въ землю и поклоняся, расходились по кельямъ. Въ той же трапезѣ дѣлилъ и деньгами, игумену давали по гривнѣ, братьямъ по 6 денегъ. Игуменъ на пріѣздѣ царицы въ навечеріи подходилъ къ ней съ хлѣбомъ и стоялъ у крыльца; и по докладу дневальныхъ, тутъ всегда стоявшихъ, пускали его въ сѣни, а въ сѣняхъ по приказу царицы принимали у него хлѣбъ монахини. А въ другой пріѣздъ пущень былъ предъ нею царицу, и она его спрашивала: какою казною построенъ въ томъ монастырѣ иконостасъ? и онъ донесъ, что строенъ мірскимъ подаяніемъ и келейными своимъ деньгами. Царица его поблагодарила и отпустила немедленно, а у руки ея онъ игуменъ не былъ. При выѣздѣ царицы изъ монастыря игуменъ съ монахами выходили за ея каретою, за монастырь и въ слѣдъ ея кланялись ей царицѣ по трижды въ землю и поклоняся, возвращались въ монастырь¹.

Хотя это свидѣтельство относится уже къ началу XVIII вѣка (оно взято изъ дѣла 1721 г.), тѣмъ не менѣе оно служитъ точною характеристикою всѣхъ тѣхъ подробностей и обстоятельствъ, при которыхъ обыкновенно въ теченіи XVI и XVII ст. совершались монастырскія богомолья царицъ. Царица Евдокія, оста-

¹ Временникъ М. Общ. Ист. в Др. книга 24.

валась до конца дней представительницею, а сначала и поборницею старинныхъ привычекъ, старинныхъ обрядовъ и порядковъ быта. Очень естественно, что она сохраняла эти порядки даже и въ то время, когда они были въ царскомъ быту отвергнуты и совсѣмъ забыты.

Но, само собою разумѣется, что скрываясь отъ глазъ народа, отъ всякихъ общественныхъ, публичныхъ собраній, вообще отъ людскихъ глазъ, царица, какъ и всѣ другія знатныя женщины, не лишала себя любопытства и удовольствія смотрѣть на публичныя дѣйства и собранія, каковы были торжественныя церковныя дѣйства и крестные ходы, торжественныя встрѣчи иноземныхъ пословъ, торжественныя обѣды за царскимъ столомъ и т. п. На церковныя торжественныя дѣйства, совершаемыя обыкновенно въ Кремлѣ, она смотрѣла, потаенно, изъ оконъ Грановитой палаты вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ. Туда патріархъ обращалъ къ ней крестное осѣненіе и благословеніе. Такъ. 28 марта 1675 г., совершивъ обрядъ шествія на осляти и возвратившись къ собору, патріархъ, сѣдши съ осляти, благословилъ крестомъ государя и потомъ осѣнилъ крестомъ ко Грановитой палатѣ царицу, царевичей и царевенъ и напоследокъ, кромѣ того, осѣнилъ руками ¹. Есть также свидѣтельство, что царица сматривала изъ окна своего терема и торжество государева вѣнчанія на царство. Когда коронавался царь Федоръ Ивановичъ, его супруга Ирина (Годуновыхъ), по свидѣтельству Горсея, сидѣла въ своемъ теремѣ у окна на престолѣ, въ великолѣпной одеждѣ, съ вѣнцомъ на главѣ; кругомъ ея стояли боярыни; народъ, увидавъ ее, здравствовалъ ей ². Этотъ теремъ въ то время, по всему вѣроятію, стоялъ надъ сводами царицыной Золотой палаты, гдѣ теперь соборъ Спаса, и такимъ образомъ наличною стороною выходилъ на площадь къ большимъ соборамъ, такъ что изъ оконъ всегда можно было видѣть совершаемыя тамъ церемоніи. Тотъ же Горсей рассказываетъ еще, что когда были привезены имъ изъ Англіи разные подарки царю и въ томъ числѣ заморскія животныя, которыхъ привели и поставили для смотра передъ дворцомъ, именно особой породы бѣлый съ черными пятнами быкъ, лягавыя и борзыя собаки и два льва въ клеткахъ, — то изъ оконъ дворца на эти дѣлонины смотрѣла вмѣстѣ съ царемъ и царица Ирина.

¹ Временникъ, кн. 24. стр. 77.

² Сказанія Горсея, От. Зап. 1859 сентябрь, 124.

Приемы пословъ и другихъ лицъ, а равно и торжественныя столованья въ Грановитой палатѣ царица сматривала изъ особой палатки, нарочно для того и устроенной надъ входными дверями этой палаты (т. I стр. 228). Посольскіе въѣзды она сматривала изъ палаты надъ Воскресенскими воротами, въ которые обыкновенно направлялись такія шествія во второй половинѣ XVII ст. Для этого палаты всегда убирались сукномъ. Царица проходила сюда по кремлевской и китагородской (уже сломанной) стѣнѣ. Да и вообще должно полагать, что всѣ подобныя публичныя дѣйства такъ устроивались и такъ располагались, что царица изъ какого либо удобнаго мѣста всегда могла потаенно ихъ видѣть.

Лизекъ рассказываетъ, что именно съ такою цѣлью государь назначилъ приемъ ихъ посольства въ 1675 г. въ Коломенскомъ дворцѣ. „Царицѣ очень хотѣлось видѣть эту церемонію, говоритъ Лизекъ, но какъ ея любопытство не могло быть удовлетворено, еслибъ мы представлялись царю въ Палатѣ, для аудіенцій назначенной, потому что тамъ не было мѣста, съ котораго она моглабы смотрѣть, не бывъ сама видимою, то царь позволилъ дать аудіенцію въ Коломенскомъ замкѣ, отстоящемъ отъ Москвы на одну нѣмецкую милю, увѣривъ напередъ (а это было необходимо по посольскому этикету), что отъ этого не произойдетъ для пословъ никакого неприличія“. Посольство, по назначенію, отправилось церемониальнымъ шествіемъ. „Царица завидѣла насъ издали, продолжаетъ Лизекъ, и чтобы доставить ей удовольствіе смотрѣть на насъ какъ можно долѣе, прислала ѣздовой, за которыми мы своротили съ дороги и поѣхали дальнимъ путемъ по открытому полю“. Посольство остановилось на отдыхъ передъ дворцомъ, потомъ торжественно вступило въ царскіе хоромы. Изъ оконъ приемной комнаты смотрѣлъ и самъ государь съ старшимъ сыномъ. Посольство было справлено съ обычными церемоніями. „Царица, находясь въ смежной комнатѣ, заключаетъ Лизекъ, видѣла всю аудіенцію съ постели (быть можетъ съ особо устроеннаго рундука или помоста), чрезъ отверстіе притворенной двери, не бывъ сама видимою; но ее открылъ маленькій князь, младшій сынъ (царевичъ Петръ), отворивъ дверь, прежде нежели мы вышли изъ аудіенцъ-залы“.

Когда, года за три передъ этимъ временемъ, открыты были въ первый разъ въ Москвѣ „комедійныя дѣйства“ или теат-

реальныя представленія, то царица точно также смотрѣла изъ уютно, съвозъ рѣшотки своей ложи. „Во время представленія, говоритъ Рейтенфельсъ, царь сидѣлъ передъ стеною на скамейкѣ; а для царицы съ дѣтьми было устроено мѣсто, родъ ложи, изъ которой они смотрѣли изъ за рѣшотки или, правильнѣе сказать, сквозь щели досокъ“.

Такимъ образомъ для царицы, равно какъ и для всего царскаго семейства, всякое зрѣлище бывало доступно. Ни она и ни ея семья со всѣмъ дворовымъ женскимъ чиномъ не лишались удовольствія поглядѣть на то, что творится между мужскимъ чиномъ, какъ этотъ чинъ справляетъ свои торжества и увеселенія публично, на глазахъ всего народа. Словомъ сказать, публичная жизнь не была закрыта отъ ихъ очей. Заботливо скрывались только онѣ сами отъ очей публики и отъ всякаго общественнаго „дѣйства“. — Но время и обстоятельства, вообще движеніе той же общественной жизни брали свое и въ силу этого движенія, царь Алексѣй видимо, хотя быть можетъ неосознательно, стремился раскрыть вѣковыя „запаны и завѣсы“, скрывавшіе его царицу, видимо желалъ передѣлать вѣковыя рѣшотки, сквозь которыя смотрѣла его царица на человѣческой міръ; онъ, какъ и во всемъ, передовой человѣкъ своего великаго сына, передовой человѣкъ великой реформы, мало по малу стремился вмѣсто рѣшотокъ устроить открытое окно.

Такъ, царица Марья Ильична Милославскихъ, первая его супруга, уже присутствуетъ на торжественныхъ дѣйствахъ по случаю отпуски войскъ на польскаго короля въ 1654 г. Когда, апрѣля 23, совершалось отпускнуе молебствіе на рать идущимъ, она слушала литургію въ Успенскомъ соборѣ среди всего синклита и всѣхъ чиновъ: „а стояла на своемъ мѣстѣ, а полъзую сторбну царицына мѣста стояли боярскія и прочія честныя жены“.... Послѣ литургіи, когда происходила церемонія отпуски воеводъ, — она стояла также на своемъ мѣстѣ за *запаною*.... Во время литургіи быть можетъ запана была открыта.... По окончанія службы патріархъ подходилъ къ ней и благословилъ просвирую. Затѣмъ во время пребыванія въ Москвѣ вселенскихъ патріарховъ, Паисія и Макарія, царица не одинъ разъ выходила вмѣстѣ съ государемъ и дѣтьми, въ соборы и другія церкви слушать ихъ торжественное служеніе. Но запана еще не открывалась. Царица даже въ своей домовой церкви Рождества Богородицы слушивала литургію патріаршей службы хотя

и вѣстѣ съ государемъ, но все еще въ притворѣ¹, уединенно даже отъ набраннаго святительскаго и домашняго общества. Такую строгость въ исполненіи стародавнихъ обычаевъ мы должны приписать въ этомъ случаѣ самой царицѣ, ея благочестивой и богомольной застѣчивости, поддерживаемой, безъ сомнѣнія, ея родствомъ, въ средѣ котораго было не мало приверженцевъ и поклонниковъ стараго Домостроя. Самъ государь, какъ мы упомянули, былъ очень склоненъ открыть запану, устроенную этимъ Домостроемъ, — и вотъ почему его вторая царица, Наталья Кириловна Нарышкиныхъ, является совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Воспитанная подъ вліяніемъ Артамона Матвѣева, въ средѣ родства, чуждаго застарѣлыхъ предразсудковъ, она не обнаруживаетъ въ своей жизни старовѣрческой привязанности къ уставамъ Домостроя и ведетъ себя съ бѣдшею свободою, конечно не безъ согласія и не безъ сочувствія своего супруга. На первомъ же какомъ-то торжественномъ выѣздѣ посреди народа она „нѣсколько открываетъ окно кареты“, какъ повѣствуетъ Рейтенфельсъ (1671—1672). Смѣлый поступокъ произвелъ смущеніе въ людяхъ: не могли надивиться такому подвигу. Когда ей объяснили въ чемъ дѣло, т. е. чего требовалъ старый Домострой, она съ примѣрнымъ благоразуміемъ уступила, но не надолго. Вскорѣ она выѣзжаетъ уже въ каретѣ „открытой, по причинѣ присутствія пословъ, въ знакъ особенной милости, какъ отмѣчаетъ Лизекъ, описывая торжественный же выѣздъ къ Троицѣ въ 1675 г. Въ тоже время она не одинъ разъ выѣзжаетъ въ подмосковные дворцы въ одной каретѣ съ царемъ, стало быть уже непременно въ открытой каретѣ и стало быть руководителемъ такихъ подвиговъ является самъ же государь. Затѣмъ, справляя свои именины, она принимаетъ лично все боярство, чего не бывало, и раздастъ имъ изъ собственныхъ рукъ именинные пироги, чего также допрежде не водилось.

Шагъ за шагомъ, еще нѣсколько лѣтъ и народъ мало по малу привыкъ бы къ открытой жизни своихъ царицъ. Но въ началѣ слѣдующаго 1676 года царь Алексѣй скончался. Направляемый имъ ко многимъ новинамъ порядокъ царской жизни долженъ былъ на нѣкоторое время замѣшаться. Сынъ царя Феодоръ по любви къ новинамъ вполне достойный своего отца,

¹ Доп. къ Актамъ Ист. V, 135.

царствуетъ недолго; при немъ новины царской жизни не успѣваютъ, такъ сказать, войти въ колею: а потомъ настаютъ дворскія и семейныя смуты, среди которыхъ не возможно было и думать о чемъ либо правильномъ и прочномъ. Царица Наталья, оставшаяся безъ всякой поддержки, сиротою-вдовою, удаляется со сцены въ свои вдовьи хоромы. Съ нею удаляются, а вскорѣ и вовсе погибаютъ, люди новаго порядка, Артамонъ Матвѣевъ и родство дарицы, совсѣмъ отличное по своему характеру отъ родства Милославскихъ, которые крѣпко держались за корни всего стараго. Конечно, царица Софья раскрываетъ женскую и даже дѣвичью фату, но къ сожалѣнію она играетъ не свою роль; она играетъ роль царя и подъ видомъ только царя, рѣшается вести свои публичныя выходы открыто. Ея подвигъ все таки становится и въ общественномъ мнѣніи зазорнымъ, по той особенно причинѣ, что въ немъ господствуютъ не европейскія, а византійскія, неискреннія, лицемерныя идеи, съ которыми можно было идти назадъ, но идти дальше было уже не возможно. Между тѣмъ и исторія, и жизнь настоятельно требовали отвѣта на вопросъ, созрѣвшій съ органическою послѣдовательностію: быть или не быть византійскимъ началамъ, и прямо склонялись къ тому, что быть началамъ европейскимъ. Народныя передовыя инстинкты прозрѣвали истинный и прямой путь и къ нравственной и къ гражданской свободѣ и разомъ круто поворотили на новую дорогу съ этого застарѣлаго и засореннаго византійскаго дуги, которому остались вѣрными одни только задніе люди, всякіе старовѣры во всякихъ смыслахъ.

Мы уже сказали выше, что нравственнымъ идеаломъ домашняго устройства въ допетровскомъ быту было устройство, во многомъ подражавшее монастырю, что лучшей древнерусскій домъ въ этомъ отношеніи, былъ домъ, наиболее приближавшійся къ такому идеалу. Замкнутость царицына быта, и особенно быта царицы, конечно еще больше способствовали водворенію въ ихъ хорамахъ монастырской жизни. *Молитва и милость* — вотъ исключительная, единственная и достойная стихія этой жизни, руководившая не только помышленіями, но и всѣми поступками и подвигами ея дѣтелей. Кельеиное, т. е. домовное, и церковное *правило* и подвиги милосердія, — вотъ въ чемъ за-

ключалось главное, коренное и неизмѣнное *дѣло* этой жизни. Само собою разумѣется, что молитва и милостыня, — какъ основныя начала богоугодной и спасительной жизни, являясь *дѣломъ*, по необходимости должны были облекаться въ одежду своего вѣка, т. е. принимать формы той культуры или выработки понятій и представлений, какая господствовала въ допетровскомъ быту. Неясны будутъ черты описываемаго быта, если мы остановимся на однихъ лишь словахъ и не постараемся опредѣлить ихъ смыслъ чертами самого *дѣла*. Начала жизни пребываютъ одни и тѣже, оттого и называются онѣ началами; но *дѣла*, совершаемыя во имя началъ, бываютъ различны, потому что всегда вполнѣ зависятъ отъ различныхъ бытовыхъ условій вѣка. Такъ точно и *дѣла* молитвы, какъ и *дѣла* милосердія въ каждый вѣкъ имѣютъ свой особый обликъ. Благочестіе каждаго вѣка имѣетъ свои особыя черты, тому вѣку только свойственныя, которыми оно и различается, больше или меньше, отъ благой чести другихъ вѣковъ.

Чтобы обозначить вѣрную и точную чертою благочестивое *правило* жизни XVI и XVII вѣка, которому и царицы въ своемъ быту слѣдовали неизмѣнно, приведемъ поученіе составителя Домостроя XVI вѣка. Въ этомъ поученіи заключается не одинъ только идеалъ нравственной чистоты и нравственной высоты, къ какому долженъ былъ на всякій день стремиться каждый истинно вѣрующій человекъ; въ немъ вмѣстѣ съ тѣмъ типически обозначается и вся дѣйствительность такой жизни, рисуются типическія черты повседневнаго домашняго быта въ его наилучшемъ нравственномъ устройствѣ, тѣ черты, съ которыми мы постоянно встрѣчаемся въ этомъ описаніи домашняго быта царяцъ и которыя раскрываются здѣсь самыми *дѣлами* и подвигами и при томъ по достовѣрнымъ указаніямъ *дѣловыхъ* же дѣячпхъ записокъ.

И ты чадо — твори *добрыя дѣла*: имѣй, чадо, великую вѣру къ Богу: все упованіе возлагай на Господа; ни ктоже, надѣясь на Христа, не погибнетъ. Прибѣгай всегда съ вѣрою ко святымъ Божиимъ церквамъ: *заутрени* не просыпай; *обѣдни* не прогуливай; *вечерни* не погрѣши и не пропивай; *навечерница* и *полунощница* и *часы* въ дому своемъ всегда, по вся дни, пѣти: то всякому христіанину *Божій домъ*. Аще возможно, по времени, прибавить *правила*: на твоёмъ произволеніи — большую милость отъ Бога обрящещи. А въ церкви Божіи и дому, на

правиль и на всякомъ моленіи, стояти со страхомъ, Богови молитися и со вниманіемъ слушати, отнюдь въ тѣ поры ни о чемъ не бесѣдовати, ни обзиратися, развѣ ли кія нужда. А говорити *правило келейное* и *церковное* единогласно, чисто, а не вдвое.... Священническій чинъ и иноческій почитай: тѣ бо суть Божіи слуги, тѣми очищаемся отъ грѣховъ, тѣ имѣють дерзновение молитися Господу о грѣсѣхъ нашихъ, и Бога милостива сотворятъ. Повинуйся чадо отцу духовному и всякому священническому чину, во всякомъ духовномъ наказаніи. Въ домъ свой ихъ призывай молитися о здравіи (всѣхъ)... и воду бы святяги съ животворящаго креста и со святыхъ мощей и съ чудотворныхъ образовъ; аще болѣзни ради, за здравіе, и масломъ свящаютъ. И въ церквахъ Божіихъ такоже твори; приходи съ милостынею и съ приношеніемъ, за здравіе, и *по родителехъ* преставльшихся *память твори*, со всякою чистотою: и самъ воспоминаюень будеши отъ Бога. — *Церковниковъ* и *мищихъ*, и маломожныхъ, и бѣдныхъ, и скорбныхъ и *странныхъ* пришельцовъ *призывай* въ домъ свой, и по силѣ накорми и напои и согрѣй; и милостыню давай, отъ своихъ праведныхъ трудовъ, и въ дому, и въ торгу, и на пути: тою бо очищаются грѣси, тѣ бо ходатаи Богу о грѣсѣхъ нашихъ.... Чадо люби мнишескій чинъ, и странниіи пришельцы всегда бы въ дому твоёмъ питались; и въ монастыри съ милостынею и съ кормлею приходи; и въ темницахъ и убогихъ и больныхъ посѣти и милостыню по силѣ давай.

Все здѣсь сказанное есть какъ бы перечень или оглавленіе тѣхъ самыхъ дѣлъ и дѣйствій, а слѣд. и помысленій, какими была исполнена домашняя жизнь царицы со всѣмъ ея повседневнымъ обрядомъ. Все это до точности было выполняемо каждый день и круглый годъ, смотря по тому, чего и когда требовалъ уставъ житія и уставъ церковный. Каждый день неизмѣнно совершалось домовное *правило*, молитвы и поклоны, чтеніе и пѣніе у *крестовъ* въ крестовой или моделной комнатѣ, куда въ свое время приходили для службы читать, конархаты и пѣть крестовый священникъ и крестовые дьяки, 4 или 5 человекъ. Царица слушала правило обыкновенно въ особо устроенномъ мѣстѣ, сокрытая тафтянымъ или камчатнымъ занавомъ или завѣсомъ, который протягивался вдоль или поперекъ комнаты и отдѣлялъ крестовый причтъ отъ ея помѣщенія. Крестовая молитва или келейное правило заключалось, какъ упомянуто, въ чтеніи и пѣніи определенныхъ уставомъ на каждый день молитвъ, псалмовъ, каноновъ,

пѣсней, съ опредѣленнымъ же числомъ поклоновъ при каждомъ моленіи. Каждый день, такимъ образомъ, утромъ и вечеромъ, совершалось чтеніе и пѣніе часослова и псалтыря съ присовокупленіемъ опредѣленныхъ или особо назначаемыхъ каноновъ и акафистовъ и особыхъ молитвъ.

Въ праздничные и въ иные чтимые дни, когда не было выходу въ церковь, царица у крестовъ же всегда служила молебень и окроплялась св. водою, привозимую изъ монастырей и церквей, отъ праздниковъ.

На каждый день читалось также особое поучительное *слово* изъ сборника именуемаго „Златоустомъ“¹. Особенно богомысленно и благочестиво проводились дни постовъ и кануны праздниковъ. Тогда и правило прибавлялось, т. е. прибавлялись особыя моленія и молитвы, поклоны, каноны и акафисты. Въ эти дни читались и житія святыхъ, коихъ праздничная память тогда творилась. Впрочемъ чтеніе житій и всегда составляло достойное богомысленное упражненіе на всякій день. Оттого знаніе священной и церковной исторіи въ тогдашнемъ грамотномъ обществѣ было распространено несравненно больше, чѣмъ всякое другое знаніе. Въ совокупности съ знаніемъ церковнаго догмата или устава, это была исключительная, единственная наука того времени, или то самое, что мы разумѣемъ теперь подъ словомъ образованность. Въ ней сосредоточивались, ею управлялись и направлялись не только нравственные, какъ подобало, но и всѣ умственные интересы вѣка, а тѣмъ болѣе въ быту женщинъ, замкнутыхъ въ своихъ теремахъ, лишенныхъ участія даже мыслію и словомъ въ дѣлахъ общественныхъ. Въ ихъ-то средѣ и преобладалъ по преимуществу интересъ монастырскій во всѣхъ его подробностяхъ. Здѣсь не государственной важности дѣло или событіе призывало умы ко вниманію и размышленію; здѣсь по своимъ впечатлѣніямъ и дѣйствіямъ выше всякаго мірскаго дѣла и событія возносилось дѣло вѣры, событіе вѣры, проявляемое ли въ новыхъ явленіяхъ чудотворныхъ иконъ, или въ новыхъ чудотвореніяхъ, подаваемыхъ св. угодниками, къ кото-

¹ Въ Архивѣ Оружейной Палаты хранится такая книга, „*златоустая*“, вторая половина этого сборника, начинающаяся со 131 главы, или „съ четверга послѣ Всѣхъ Святыхъ, первая недѣля“, съ отмѣткою внизу первыхъ трехъ листовъ: *государыни царицы хоромная*. См. наши замѣтки объ этой книгѣ въ Архивѣ Историко-юридическихъ свѣдѣній, г. Калачева, кн. 2, половины 2, отд. VI, 45.

рыи при вгали въ чаяніи спасительныхъ изцѣленій грѣшной души и тѣла. Здѣсь интересъ мысли сосредоточивался болѣе всего на богоугодномъ подвижничествѣ праведника или далекаго пустынника, сокровеннаго затворника, о прославленныхъ, святыхъ дѣлахъ котораго неистощались рассказы и поученія, достигавшіе сюда изъ самыхъ отдаленныхъ, глухихъ и незнаемыхъ пустыней и монастырей. Здѣсь любопытствующій умъ устремлялся лишь къ святымъ чудотворнымъ мѣстамъ и къ св. угодникамъ, дабы еще болѣе укрѣпить свою вѣру въ ихъ несомнѣнную помощь въ скорбяхъ и печаляхъ жизни.

Такъ, царица Евдокія Лузьяновна въ 1634 году 26 февраля посылаетъ въ Новгородъ къ бывшему своему духовнику протопопу Максиму, грамоту съ слѣдующимъ наказомъ: „какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тыбѣ, досмотря подлинно, отписалъ къ намъ, сколько въ Новгородѣ и въ новгородскихъ мѣстахъ чудотворныхъ мѣстъ, и въ коемъ мѣстѣ и который чудотворецъ какими чудесы отъ Бога просвѣщенъ; тобѣ тебѣ все являно велѣти написать, а написавъ, отписать, и тому всему писмо прислати къ намъ къ Москвѣ, вскорѣ“.

Протопопъ описываетъ ей кратко чудотворныя мѣста новгородской области, „въ которыхъ прославилъ Богъ угодниковъ своихъ многоразличными чудесы и въ коемъ мѣстѣ которой чудотворецъ лежитъ“, и присовокупляетъ: „а которой, государыня, чудотворецъ какими чудесы отъ Бога просвѣщенъ и тѣ чудеса ихъ подлинно объявлены въ писаніи житіи ихъ; и будетъ, государыня повелишь списати тѣхъ чудотворцовъ житія съ чудесами ихъ подлинно и язъ, государыня, тотчасъ велю списати съ житьями и чудеса тѣхъ новгородскихъ чудотворцовъ, которымъ житья и чудеса у васъ, государей, несыщутца“. Между прочими св. мѣстами протопопъ тогда указалъ, что отъ Новгорода 300 верстъ водянымъ путемъ, по Волхову и Ладожскому озеру, вверхъ по рѣкѣ Свири, существуетъ обитель живоначальная Троицы, Александрова пустыня. А чудотворца Александра Свирскаго мощи лежатъ внѣ монастыря, въ деревянномъ храмѣ, въ рошѣ, идѣже и прочая братія погребаютца. Просвѣщенъ отъ Бога въ чудесѣхъ при животѣ и по смерти и донинѣ подаетъ многія исцѣленія съ вѣрою приходящимъ“. Спустя съ небольшимъ семь лѣтъ, послѣ этой переписки, св. мощи Преп. Александра были обрѣтены нетлѣнными и мы видѣли, что царица и со всею семьею показала особую вѣру и усердіе

къ новоявленному угоднику Божию. Чудесное рожденіе преподобнаго и благословенный даръ сподоблять чадородіе мужскимъ поломъ устремляли къ св. угоднику молитвы царицы съ великою и несомнѣнною надеждою. Царица въ это время испытывала точно такоеже положеніе, какъ и блаженная мать Александра, Василисса.

Житіе рассказываетъ о родителяхъ его слѣдующее: „родишася има сыны и дщери, ихъ же и божественнымъ крещеніемъ просвѣтивше и благимъ нравамъ научивше, о Господѣ веселишася. И многу же времени мимошедшу и небысть има чадородія. И сего ради блаженная Василисса поносила бѣ и оскорбляема бываше мужемъ своимъ. Въ скорби же и жалости величѣ объма сущема о сихъ; и въ вожделеніи мнозѣ быше душа ихъ о прижитіи чада. Вѣрная же и благонравная супруга отвергнуши отъ себѣ печаль свою и вшедши въ ложницу свою и обношь ставша на молитвѣ, руцѣ свои воздѣвши, ко Всемогущему Богу со слезами глаголюще: „Владыко Господи Боже Вседержителю! послушавый древле рабу свою Авраама и Сарры и прочихъ праведникъ; тѣмъ же и чадородія подати изволилъ еси твоимъ челоуколюбіемъ, вѣрво просящимъ и молящимтися. Дажь намъ по твоей благодсти прижитіе чада мужеска полу, иже будетъ утѣшеніе души нашей и наслѣдникъ нашего достоянія и спожительства и жезлъ старости нашей, на него же руцѣ возложше, почіеве!“ Послѣ блаженная долго молилась въ ближней церкви того мѣста, въ Введенскомъ монастырѣ; удостоилась нѣкоего Божіего явленія, возвѣстившаго о рожденіи преподобнаго сына. Царица Евдокія Лукьяновна, какъ мы упомянули, хотя и имѣла уже дѣтей, но по смерти царевича Василія оставалась безчадною и во время явленія св. мощей преп. чудотворца Свирскаго усердно молилась о дарованіи чада.

Такимъ образомъ дѣла и событія въ жизни царицъ, т. е. въ домашней государевой жизни всегда неразрывно связывались съ важнѣйшими событіями въ исторіи монастырской. Оттого монастырь, въ общемъ его смыслѣ, является какъ бы членомъ семейнаго царскаго союза, принимаетъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ радостяхъ, а равно во всѣхъ скорбяхъ и печаляхъ государева дома. Безъ монастырскаго благословенія въ государевомъ домѣ не начинается ни какого дѣла, никакого предпріятія; безъ его назиданія и нравственнаго охраненія не совершается ни одного шага въ жизни этого дома. Словомъ ска-

затѣ, государевъ домъ живеть съ монастыремъ одною жизнію, думаетъ одною мыслию, говоритъ однимъ языкомъ, т. е. руководится одними и тѣми же понятіями, представленіями и стремленіями. Въ государевомъ домѣ конецъ жизни верѣдко освящается иноческимъ постриженіемъ.... Иванъ Грозный свой частный быть въ Александровой Слободѣ устраиваетъ положительно по монастырски и также оканчиваетъ иноческимъ постриженіемъ.... Все это свидѣтельствуеть, что монастырь являлся тогда сильнымъ двигателемъ и сильнымъ руководителемъ жизни, и не только въ частномъ быту, который совсѣмъ былъ подчиненъ его идеаламъ, но и въ быту государственномъ, ибо и само государство въ своемъ внутреннемъ развитіи большею частію слѣдовало указаніямъ того же монастырскаго идеала, внося въ общую, государственную жизнь аскетическія начала, благословляемыя лишь для жизни личной, каково было напр. отрицаніе самыхъ основъ науки и искусства въ ограниченіяхъ и всяческихъ стѣсненіяхъ ума и поэтическаго народнаго творчества. Но само собою разумѣется, что частная, личная жизнь, по многимъ историческимъ причинамъ, находила въ монастырскомъ идеалѣ единый путь жизни доброй, правильной, единый путь спасенія; оттого монастырское *правило* стало *правиломъ* вообще всякой доброй домашней жизни; богомольный монастырскаго подвиговъ сталъ исключительно добрымъ и богоугоднымъ подвигомъ частнаго быта.

Совершивъ богомольное утреннее *правило* у „крестовъ“, въ своей комнатѣ, государыня выходила къ обѣднѣ въ одну изъ домашнихъ „верховыхъ“ „сѣнныхъ“ церквей, обыкновенно, въ XVI в., къ Рождеству Богородицы, или въ XVII в., въ церковь Екатерины Вмч., къ лику которой царицы особенно усердствовали въ упованіи освобожденія отъ труднаго разрѣшенія отъ бремени. Надо, однакожь, замѣтить, что и эти, такъ сказать, домашніе выходы въ церковь не были слишкомъ часты, какъ можно было бы предполагать, судя по общей набожности въ царскомъ дворцѣ. Женское дѣло встрѣчало множество причинъ, которыя не всегда позволяли слушать церковную службу. Самый Домострой освобождаетъ женщину, какъ и домохозяевъ, отъ повседневныхъ выходовъ къ церковному пѣнію, заповѣдая исполнять это только мужчинамъ хозяевамъ. „А женамъ ходити къ церкви

Божія, какъ вмѣстимо, на произволеніе, по совѣту съ мужемъ.... А женамъ и домочадцамъ, (ходить къ вечерни, къ заутрени и къ обѣдни) какъ вмѣстимо, по разсужденію: въ недѣлю (воскресенье) и въ праздники, и во святыя дни“.

Такимъ образомъ царица дѣлала свои выходы въ церковь къ божественной службѣ только по вмѣстимымъ днямъ, когда позволяло ей здоровье и разныя другія обстоятельства ея домашней жизни. По такимъ же вмѣстимымъ днямъ она совершала и праздничные выходы, которые поэтому не всегда дѣлались въ тотъ самый день, въ какой случалось празднованіе, но иногда раньше, накануне, иногда позже, даже нѣсколькими днями. Вообще въ ея выходахъ не существовало той правильности, съ какою въ теченіи всего года совершалъ свои моленія государь, всегда очень строго наблюдавшій уставный кругъ церковныхъ служеній и празднествъ.

Молебные выходы государя, представителя государства, являлись собою по преимуществу образъ всенародной молитвы, носили въ себѣ смыслъ общественный, выражали молитву о цѣлехъ и дѣлахъ всего народа, всего царства. Царская молитва спасала царство. Благоденствіе царства, или бѣдствіе царства — вотъ молитвенныя мысли, которыми всегда руководились государевы молебные выходы. Благочестіе царя служило всегда выразителемъ благочестія всенароднаго; оттого съ такою непреклонностью цари соблюдали весь кругъ церковныхъ всенародныхъ моленій; оттого эти моленія и совершались царемъ торжественно съ царственною обстановкою, въ какой подобало являться молящемуся царству. Словомъ сказать, молитва царя была олицетвореніемъ молитвы самого царства, руководилась богомольною и благочестивою мыслию всенароднаго множества, отвѣчала благочестивымъ и набожнымъ цѣлямъ всего народа. Напротивъ того, молитвенная мысль царицы сосредоточивалась главнымъ образомъ въ цѣлехъ и дѣлахъ собственной царской семьи, была выразителемъ внутренней, сокровенной жизни царскаго дома, отвѣчала благочестивымъ и набожнымъ цѣлямъ семейнаго государева быта. По этому богомольными выходами царицы, какъ и особеннымъ усердіемъ ея въ домашней, крестовой, молитвѣ и всѣми подвигами набожности, выходившими изъ обычнаго круга, управляли по преимуществу событія или различныя чрезвычайныя обстоятельства ея домашней семейной жизни, каковы были, напр., родины, собственныя болѣзни и немощи.

болѣзни государя—мужа или кого либо изъ дѣтей, и т. п. Мы уже видѣли, какія усердныя молитвы возсылались царскою семьєю о разрѣшеніи неплодія и о дарованіи наследства въ чадахъ мужскаго пола. Точно также и носимый плодъ всегда освящался особыми молебными подвигами. Приближалось время родинъ, царица служила дома, въ сѣнныхъ церквахъ, задравные обѣтныя молебны, посылала служить молебны своего Дворецкаго въ храмы, почему либо особо чтимыя въ такихъ обстоятельствахъ; ходила сама молиться въ эти храмы, раздавала нищимъ и бѣднымъ щедрую задравную милостыню; совершала иной разъ, сверхъ обычнаго осеняго или весеняго похода къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, еще особый обѣтный походъ къ угоднику, чудотворцу Сергію, великому отцу и заступнику и крѣпкому молитвеннику и скорому помощнику и кормителю всѣхъ царей російскихъ.

Болѣзни дѣтей, особенно новорожденныхъ и особенно царевичей—это великое горе царской семьи, по естественной причинѣ, всегда направляла молитвенную мысль царицы къ самымъ усерднымъ подвигамъ набожности. Задравныя молебны, задравная милостыня были самымъ обыкновеннымъ дѣломъ въ этихъ случаяхъ. Но въ трудныхъ обстоятельствахъ царицы нерѣдко обращались съ молитвами къ чудотворцамъ и угодникамъ, прославленнымъ святою помощію и даромъ исцѣленій въ известныхъ младенческихъ скорбяхъ и болѣзняхъ. Такъ, онѣ прибѣгали и въ трудныхъ и опасныхъ случаяхъ рожденія, и въ опасныхъ безнадежныхъ случаяхъ дѣтской болѣзни къ заступничеству св. Онуфрія Великаго, прославленнаго спасеніемъ отъ скоропостижной смерти. Молебная мысль царской семьи устроила даже особый придѣльный престолъ св. Онуфрію въ домовой царичьей церкви Вмч. Егатеряны, которая, какъ мы упоминали, также была устроена для особыхъ молитвъ св. Великомученицѣ, посылавшей облегченіе въ трудныхъ родахъ. Въ другой домовой церкви, на сѣняхъ у царцы, въ соборѣ Рождества Богородицы, находился придѣльный престолъ во имя св. Никиты Столпника Переяславскаго, молитвою котораго былъ рожденъ у царя Ивана Васильевича царевичъ Иванъ и святынею его чудотворцею воды сохраненъ въ младенческомъ здравіи. Помни такія чудотворенія святаго, царицы очень часто прибѣгали къ его молитвенной помощи. Нерѣдко царицы прибѣгали съ молитвою и къ св. Никитѣ Мученику, подававшему исцѣленія отъ младен-

ческой богѣзни „родимца“ (дѣтскихъ припадковъ). Особенно онѣ усердствовали его храму, что за Язуою (на Вшивой горѣ) куда и посылали обыкновенно служить молебны.

Немало моленій царица совершала и въ храмѣ Зачатія св. Анны, „егда зачатъ святую Богородицу“, который находился въ углу Китай города, у городской стѣны и стоялъ рядомъ съ церковью св. Николая чуд., къ молитвамъ котораго именно въ этомъ храмѣ царицы прибѣгали очень часто. Этотъ Никольскій храмъ и построенъ былъ по царскому общанію, вѣроятно по случаю рожденія въ 1627 г. царевны Ирины, въ честь тезоименитаго ангела которой здѣсь же былъ устроенъ придѣлъ во имя св. Ирины.

Въ болѣзняхъ и скорбяхъ домашнихъ царицы нерѣдко подымали въ свои комнаты чудотворныя иконы изъ соборовъ, монастырей и церквей, служили молебны съ водоосвященіемъ въ упованіи изцѣленія и освобожденія отъ напастей. Съ особенною вѣрою была всегда чтима вообще св. вода съ чудотворныхъ крестовъ и со св. мощей, также изъ св. источниковъ, прославленныхъ чудотвореніями. Царицы посылали въ отдаленныя монастыри за этою благодатною святынею, а по обычаю и духовенство всегда привозило къ нимъ праздничную священную воду, которая сохранялась въ особыхъ вощанкахъ, восковыхъ сосудахъ, и употреблялась на изцѣлвніе душевныхъ и тѣлесныхъ недуговъ. Въ сказаніи о Христофоровой Корежемской пустыни (27 верстъ отъ Сольвычегодска) сохранено слѣдующее свидѣтельство о первой царицѣ Анастасіи Романовыхъ, которое можетъ служить общею чертою богомольной жизни царицъ.

Однажды, послѣ Казанскаго взятія и богомольнаго путешествія съ царемъ въ Кирилловъ монастырь, царица Анастасія „впаде въ скорбь великую ¹ ово чадородія ради своего, ово болѣзни ради своихъ благородныхъ чадъ, а ино лишенія ради по преставленіи къ Богу отшедшихъ прежнихъ своихъ чадъ, якоже бо изперва реченно Господемъ къ прабабѣ нашей Евѣ: ты бо въ болѣзни своей родиши чада своя и оттолѣ всяка жена, раждающи чада своя, бываше въ велицей скорби и болѣзни“.... Царица и съ благовѣрнымъ своимъ царемъ усердно и безпрестанно молилась — „имуще вѣру несумнѣнну и любовь велице-

¹ По свидѣтельству Карамзина царица занемогла въ первый разъ осенью 1559 года. Христофорова пустынь основана около 1555 г.

нѣру, и по многимъ обителямъ и по пустынямъ въ Божіимъ церквамъ велию милостію творяше непрестанно. И елико они въ Богу молящися, толико и Богъ своею милостію на нихъ призраетъ и чудеса свои благовѣрнаго дара и съ благовѣрною царицею удивляетъ и прославляетъ, ово отъ иконъ чудотворныхъ своего божественнаго подобія, ово же отъ Пречистыя своея Богоматери образа, а ино отъ мощей и отъ гробовъ своихъ угодинокъ и чудотворцовъ, и ино отъ священныхъ водъ своихъ благодатныхъ тѣлесемъ здравіе и душамъ спасеніе подавающе милостію и щедротами и челоуѣколюбіемъ своимъ, божественнымъ источникомъ источающе неоскудно“.... Въ это время въ далекой Сольвычегодской странѣ основывалася преподобнымъ Христофоромъ пустыня во имя чудотворной иконы Божіей Матери Одигитріи.... И Богъ восхотѣ то пустынное мѣсто прославити: яви два источника, источающіи неоскудно на здравіе тѣлесемъ, наипаче на спасеніе душамъ челоуѣчскимъ благодатную воду....

„Благовѣрною же царицѣ Анастасіи въ царскомъ своемъ дому во одну отъ ночей почивающую въ тонцѣ снѣ отъ скорби великія; и видѣ во снѣ жену преславную сущу и преукрашенную въ велицей славъ, глаголюще ей тако: „царице Анастасіе! аще ми призываеши на помощь въ Богу Господу Иисусу Христу сыну моему и хоцещи отъ сея скорби спасеніе получитьи и здрава быти, повели вскорѣ послати въ пустыню Пречистыя Богородицы. идѣже стоитъ чудотворный образъ честнаго и славнаго ея одигитрія. словеть же, начала ради. та пустыня Христофорова. Мѣсто бо то еще пусто и не бѣ славио и людемъ мало свѣдущимъ. Но токмо ты не ослушайся, повели итти тамо, да принесуть оттуду Богомъ дарованныя благодатныя моея воды. еже преславно отъ камня истекаетъ. Да аще получиши сію воду у себѣ, велие спасеніе приѣмши и здрава будеши“. Царица же отъ сна возбуждися и повѣда благовѣрному царю Іоанну Васильевичу таково страшно видѣніе и чудныхъ глаголь изреченіе о таковой благодати. Царь, слыша отъ царицы таково страшно и преславно повѣданіе, умилно слезы отъ очію смекко испущаше и ни мало сумнящися, но пакы всю свою печаль возложи на Бога и на Пречистую Богородицу.... ни како не разсуждая о судьбахъ Божіихъ, но паче уповая на милость Господню и на заступленіе и помощь Пречистыя Богородицы. Вскорѣ набираетъ царскихъ чиновниковъ, служащихъ ему, и въ

пустыню ко Пречистой Богородицѣ посылаетъ, да тамо дальняго ради пути молебная пѣнія къ Пречистой Богородицѣ сотворять и благодатныя воды освятятъ и въ его царскій домъ да привезутъ“. Но въ то самое время преподобный Христофоръ „или нѣкимъ Божиимъ откровеніемъ или своимъ умышленіемъ“ уже готовился идти къ царствующему граду Москвѣ, къ царю и къ царицѣ, съ животворящимъ крестомъ господнимъ и со святою водою благодатною, ея же воды благовѣрная царица желаетъ.... Онъ уже приближался къ Москвѣ, когда посланные только собирались ѣхать въ пустыню. Царица между тѣмъ „второе преславное видѣніе видѣ во снѣ и слышаще глаголемая сице: „царице Анастасіе! что спасенію своему медлиши, послы скоро во срѣтеніе честнаго и животворящаго креста Господня и той благодатной св. воды, ею же здрава будеши“.

Посланные встрѣтили преподобнаго на пути „и съ радостію его взяша съ собою и ведоша въ домъ царскій и о семъ повѣдала царю и царицѣ.... И взяша царь старца Христофора съ честнымъ и животворящимъ крестомъ господнимъ и со святою водою во свои царскіе палаты и начаша пѣти молебень Спасу Господу нашему Іисусу Христу и Пречистой его Богоматери Владычицѣ нашей Богородицѣ, честнаго и славнаго ея одигитрія. И молящися царь и царица о державѣ своего царства, о мирѣ и тишинѣ, и о устроеніи плодовъ земныхъ, и о своемъ душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи. И по отпустѣ молебнаго пѣнія царь знаменался честнымъ крестомъ и святою водою (ея же Христофоръ старецъ отъ Пречистой Богородицы изъ пустыни принесе), самъ царь окропился и царицу повелѣлъ такожде крестомъ благословити и святою водою окропити.... и по семъ тоя святыхъ благодатныхъ воды царица пила во освященіе души и на здравіе тѣлеси. И въ той часъ отъ одержавшая ей скорби и болѣзни царица бысть здрава и никакоже очути въ себѣ никою же болѣзани. И сбысться Господемъ реченное во святыхъ Евангеліи: всякъ, иже съ вѣрою чесо просий у мене, приимлетъ и спасеніе улучитъ“....

Дабы ознакомиться, не съ сокровенною исторіею богомольныхъ подвиговъ въ царицыномъ быту, что за немѣнимъ потребныхъ матеріаловъ для насъ и невозможно, а по крайней мѣрѣ съ внѣшними дѣйствіями ея благочестія, мы представляемъ здѣсь обзорніе богомольныхъ выходовъ и другихъ молитвенныхъ подвиговъ царицы Евдокии Лукьяновны Стрѣшневыхъ,

второй супруги царя Михаила, составленное по официальнымъ расходнымъ запискамъ, которыя до сихъ поръ служатъ для насъ единственными, почти исключительными, но за то вполне достоверными руководителями къ раскрытію вообще домашнихъ дѣяній нашихъ предковъ.

Къ сожалѣнію и въ этомъ случаѣ наши свѣдѣнія не всегда и даже очень рѣдко бываютъ полны. Такъ за первые два года богомольные выходы царицы Евдокіи намъ неизвѣстны. Оставшіяся записки относятся уже къ 1628 году.

Въ 1628 г. февраля 21, въ четвергъ на масляницѣ, царица Евдокія (беременная царевною Пелагеею) идетъ молиться вмѣстѣ съ свекровью, великою старицею инокою Маркою Ивановною, въ село Рубцово-Покровское; служить тамъ во всѣхъ храмахъ задравные молебны и жалуетъ причту на молебенъ въ соборъ Покрова рубль, въ придѣлы къ Сергію чуд. да къ Дмитрію царевичу, а также въ теплый храмъ Николы чуд., по полтинѣ. Ъдучи изъ Покровскаго назадъ, подаетъ на Покровкѣ въ больницу нищимъ на милостыню тоже полтину. — Въ свой ангель, 1 марта, царица слушаетъ въ домовой Евдокіинской церкви заутреню, обѣдню и молебенъ и жалуетъ на молебенъ евдокіинскимъ попомъ на весь соборъ 2 р., крестовымъ своимъ дьякамъ — полтину. — 9 марта въ Екатерининской церкви приобщается маленькая царевна Ирина и жалуетъ отъ себя царицыну духовнику, протопопу Максиму, который совершалъ службу, рубль; попомъ екатерининскимъ 5 алт., крестовымъ дьякамъ 5 алт. — 18 марта царица поднимаетъ къ себѣ въ хоромы изъ приходской церкви чудотворный образъ Антипія Великаго, цѣлителя зубной боли, быть можетъ по случаю труднаго вырѣзыванья зубковъ у маленькой царевны Ирины, слушаетъ молебенъ и жалуетъ антипьевскимъ попомъ 2 р. Между тѣмъ приближается время родиль. 25 марта царица слушаетъ обѣдню и молебенъ у Рождества Богородицы на сѣняхъ и жалуетъ Рождественскому протопопу съ братьею на молебенъ полтину, крестовымъ — 2 гривны. — 27 марта она идетъ молиться къ Спасу на Новое, на родовое кладбище Романовыхъ, поминать родителей панахидою и идучи въ монастырь подаетъ милостыню на Покровкѣ въ богадѣльни рубль, на дорогѣ нищимъ въ четырехъ мѣстахъ 18 алт., а потомъ на возвратномъ пути нищимъ же черноризцамъ и черноризцамъ и мірскимъ всякимъ людямъ 86 чел., по 6 денегъ человѣку, т. е. по 3 коп. Такой выходъ

къ памяти родителей царицы совершали всегда предъ наступленіемъ родинъ. — 30 марта въ хоромахъ царицы пѣли молебень и воду святили, какъ она государыня сѣла на мѣсто. При этомъ на 6 челов. крестовыхъ дьяковъ царица пожаловала полтину. Намъ неизвѣстно, что значить это выраженіе: „сѣла на мѣсто“; можно догадываться, что то были какія либо приготовленія къ родинамъ же. Однакожь недѣли черезъ двѣ, именно 13 апрѣля въ Свѣтлое Воскресенье царица выходитъ къ обѣдни и слушаетъ молебень въ Вознесенскомъ монастырѣ у преподобнаго Михаила Малеина, тезоименитаго ангела царю, ея мужу. Черезъ четыре дня, 17 апрѣля царица разрѣшилась отъ бремени царевною Пелагеею.

По прошествіи установленныхъ для матерняго очищенія срока дней, мая 26, царица слушаетъ обѣдню и молебень, *беретъ молитву*, въ домовомъ соборѣ у Рождества Богородицы въ преддверіи, какъ требовалъ уставъ и обычай, т. е. въ особой комнатѣ, устроенной отдѣльно отъ церкви съ западной стороны. Обѣдню въ это время служилъ съ рождественскимъ протопопомъ ея духовникъ благовѣщенскій протопопъ Максимъ, которому царица пожаловала на молебень 2 р., рождественскому рубль, крестовымъ 20 алт. (60-коп). Въ тотъ же день царица ходила въ Вознесенскій монастырь, служила тамъ молебень у преп. Михаила Малеина и пожаловала попамъ 2 р.

Черезъ день, 28 мая, царица слушаетъ обѣдню и молебень у своего ангела, въ Евдокѣинской церкви, на снѣгахъ, гдѣ въ тоже время и приобщаетъ св. тайнъ новорожденнаго младенца царевну Пелагеею. Здѣсь службу совершаетъ духовникъ свекрови Марѣи Ивановны, черныи священникъ; онъ же приобщаетъ и царевну. Царица жалуетъ ему полтину, крестовымъ, на 6 челов., полполтины. Новорожденная царевна, какъ извѣстно, не прожила и года, скончалась на десятомъ мѣсяцѣ. Вѣроятно по случаю болѣзни младенца, царица чаще, чѣмъ въ прежнее время, выходитъ молиться у Рождества Богородицы (гдѣ былъ и престолъ Никиты Переяславскаго) слушаетъ обѣдню, служить задравные молебны, при чемъ церковную службу совершаетъ нерѣдко царицынъ духовникъ или духовникъ ея свекрови.

4 Іюля наканунѣ чуд. Сергіевой памяти царица идетъ молиться въ село Рубцово и служитъ тамъ молебны Покрову, (дано 2 р.) Сергію чуд., Дмитрію царевичу, Николѣ чуд. (дано по рублю). На возвратномъ пути подаетъ въ богадѣльню

на Покровъ нищимъ полтину. 10 июля посылаетъ на молебень въ Николь чуд. Явленному, на Арбатъ, 2 р. ² при чемъ деньги отвозить и слѣд. слушаетъ обѣдню молебень родной отецъ царицы, Лукьянъ Степ. Стрѣшневъ. 12 июля, въ государевы именины, царица раждаетъ заздравную милостыню разныхъ городовъ дѣтямъ боярскимъ и бѣдымъ всякимъ людямъ 4 р. 10 д. Августа 15, въ Успеневъ день, царица съ двумя маленькими царевнами, Ирину и Пелагею, слушаетъ обѣдню у Рождества Богородицы. — 29 августа слушаетъ обѣдню въ Евдокѣинской церкви и приобщаетъ новорожденную царевну Пелагею. — 1 сентября слушаетъ обѣдню въ Екатерининской церкви и приобщаетъ старшую царевну Ирину. И тамъ и здѣсь службу совершаетъ духовникъ икона Маремъ Ивановны. — 2 сентября царица идетъ молиться въ Рубцово и служить тамъ молебень у четырехъ престоловъ. — Сентября 14 слушаетъ обѣдню въ Евдокѣинской церкви на сѣняхъ и приобщаетъ царевну Пелагею; 1 октября слушаетъ обѣдню у Рождества Богородицы и опять приобщаетъ царевну Пелагею. — 5 октября тамъ же слушаетъ обѣдню и приобщаетъ царевну Ирину. — 19 октября снова за обѣдню у Рождества Богородицы приобщаетъ царевну Пелагею. — 20 окт., въ праздникъ Казанской Богородицы, царевна Пелагея опять причащается за обѣдню у Ануфрія Великаго, при чемъ ялуется духовнику Маремъ Ивановны, который ее причащалъ, на молебень 10 алт. Столь частое и особенно послѣднее причащеніе у Ануфрія свидѣтельствуетъ, что здоровье новорожденной царевны было не надежно.

Въ Дмитровскую родительскую субботу, 25 октября, царица исполняя обычай, посылаетъ „по родителямъ на панахиды“ въ монастырь къ Спасу на Новое 1½ руб., и на сѣни къ Рождеству Богородицы 2 гривны; въ Екатерининскую и въ Евдокѣинскую церкви по гривнѣ къ престолу. — 3 ноября, на память св. Геор-

¹ Явленная икона Николая чудотворца на Арбатѣ прославлялась въ это время чудотвореніями. Вся Москва стекалась туда на молебны и икона, подававшая вѣрующимъ многія изцѣленія вскорѣ получила въ народѣ именованіе *новой иконы*, т. е. новой изцѣлительницы, въ отличіе отъ *старой иконы*, тоже явленной иконы св. Николая, въ церкви близъ Каменнаго московскаго моста, именуемой, въ XVII ст. у Всесвятскихъ воротъ и „что въ Башмаковѣ“, по фамиліи строителя, Башмакова. Теперь эта церковь известна болѣе подъ именемъ Похвалы Богородицы.

гя царица съ царевною Ириною идетъ молиться къ празднику, въ церковь св. Георгія, что у Фроловскихъ (Спасскихъ) воротъ и жалуетъ на молебень отъ себя рубль, да отъ царевны — полтину. Въ Николинъ день, 6 декабря, царица подымаетъ въ свою домовую Екатерининскую церковь чудотворную икону Николы Явленскаго изъ за Арбатскихъ воротъ, слушаетъ обѣдню и молебень и жалуетъ на молебень въ приходъ 3 руб., своему духовнику рубль, екатерининскимъ попамъ полполтины, крестовымъ 6 алт. 4 д., или 20 копѣекъ. — 19 декабря слушаетъ обѣдню въ Екатерининской церкви и приобщаетъ царевну Пелагею. — 6 янв. 1629 г. царевна снова приобщается въ Екатерининской же церкви, гдѣ престолъ Ануфрія великаго. На другой день 7 января царица посылаетъ своего дворецкаго Фед. Ст. Стрешнева служить молебень къ Никитѣ мученику за Язу, жалуя на молебень полтину да на свѣчи гривну; а дома въ тотъ же день, у Рождества Богородицы слушаетъ обѣдню и молебень и снова причащаетъ младенца Пелагею. — 25 генваря девятимѣсячная царевна скончалась.

Въ это время сама царица была уже на сносяхъ царевичемъ Алексѣемъ. 2 февраля она еще могла отпраздновать Срѣтенію въ Екатерининской церкви; за тѣмъ мы уже не видимъ ее на богомольныхъ выходахъ. 14 февраля идетъ молиться въ село Рубцово къ Покрову маленькая царевна Ирина съ бабушкой, великою старицею инокою Марею Ивановною, вѣроятно по общанію о благополучныхъ родинахъ матери. На молебень было отпущено 2 р. — 12 марта послѣдовало благополучное рожденіе царевича Алексѣя Михайловича. По случаю сорокадневнаго очищенія царица въ свѣтлый праздникъ, 5 апрѣля, невыходила къ церковной службѣ, а слушала только молебень у себя въ хоромахъ и пожаловала рождественскому протопопу съ дякономъ и крестовымъ, на всѣхъ, рубль. По истеченіи шести недѣль царица ходила молиться въ Рубцово къ Покрову и пожаловала „проѣзжіе милостыни“ въ богадѣльную избу нищимъ полтину. — 23 мая по случаю троицкой родительской субботы ходила поминать родителей къ Спасу на Новое, причемъ на заздравный молебень пожалова архимандриту съ братьею рубль. Мая 29 царица подымала къ себѣ въ хоромы образъ чудотворца Антипія, слушала молебень, который пѣли Екатерининскіе попы. Быть можетъ въ это время она была не совсѣмъ здорова, ибо послѣ того мы не видимъ ее на богомольѣ почти цѣ-

мый мѣсяцъ. Съ 16 іюня и по 4 іюля она путешествуетъ на богомолье къ Сергію чудотворцу въ Троицкій монастырь вмѣстѣ съ царемъ, по обѣщанію, *въшкомъ*, въ благодарность о дарованіи наслѣдника. — 5 іюля приобщаетъ новорожденнаго царевича въ Екатерининской церкви. — 1 августа идетъ съ царевичемъ въ Рубцово, слушаетъ обѣдню и заздравный молебенъ у Покрова, жалуетъ покровскимъ попамъ 2 р.; раздаетъ поручно заздравную милостыню разныхъ городовъ безпомѣстнымъ дѣтямъ боярскимъ, 54 челов., по гривнѣ. На возвратномъ пути подаетъ полтину въ Покровскую богадѣльню и заходитъ въ Вознесенскій монастырь, гдѣ въ церкви Георгія Стратотерпца слушаетъ молебенъ, жалуетъ егорьевскимъ попамъ 2 р. — 18 октября въ Екатерининской церкви причащаетъ царевича, а 20 или быть можетъ въ тотъ же самый день ¹ посылаетъ съ своимъ Дворецкимъ рубль на заздравный молебенъ къ Ивану Предтечи въ монастырь. 23 числа опять посылаетъ туда же на молебенъ полтину.

Въ 1630 году лѣтомъ опять приближалось время родинъ (царевны Анны). 8 іюня царица празднуетъ въ Екатерининской церкви Кириллу бѣлозерскому, слушаетъ обѣдню и молебенъ, быть можетъ молится о плодѣ чрева мужеска полу. 17 іюля послѣдовало роженіе царевны Анны. Какъ видно, родинны сопровождались болѣзнию и самой матери и новорожденнаго ребенка. Черезъ двѣ недѣли царица посылаетъ на молебны къ Ивану Предтечи въ монастырь на Кулишкахъ, къ Никитѣ Муч. за Язу, къ Николѣ Явленскому на Арбатъ, по рублю въ церковь, да въ богадѣльню на Кулишкахъ же милостыни нищимъ 6 алт. 4 д. Къ молебнамъ ѣздилъ дворецкій царицы, ея дядя Фед. Ст. Стрѣшневъ. — 16 сентября тотъ же дворецкій Стрѣшневъ ѣдетъ опять служить молебенъ къ Никитѣ мученику за Язу, по случаю его храмоваго праздника, 13 сент., и даетъ причту полтину. 20—30 сент. царица совершаетъ обыкновенный осенній Троицкій походъ къ чуд. Сергію. Октября 24 слушаетъ обѣдню и молебенъ въ Екатерининской церкви, гдѣ духовникъ причащаетъ царевича Алексѣя. Въ тотъ же день царица посылаетъ къ Антипію чуд. на молебенъ 2 р. — 26 числа въ иконномъ

¹ Расходныя денежныя записки царицыной мастерской палаты, откуда заимствуемъ всѣ эти свѣдѣнія, нерѣдко обозначаютъ выдачу денегъ и на другой день по совершеніи молебнаго подвига царицы.

ряду у торговаго человѣка къ царицѣ въ хоромы вышывиваютъ образъ св. Вмч. Парасковен, нареченной Пятницы, за 13 алт. 2 д.

Должно думать, что всю эту осень, а отчасти и зиму царица была нездорова. Въ ноябрѣ она почти совсѣмъ не выходила къ церковной службѣ. Въ Николинъ день, 6 декабря, царица подымала къ себѣ въ хоромы чудотворную икону Николы Явленнаго съ Арбата и слушала молебенъ, причемъ никольскимъ попомъ пожаловала 3 р. Декабря 13 царица снова подымаетъ въ хоромы тотъ же чудотворный образъ и жалуетъ попомъ 2 р. Въ тотъ же день она подымаетъ изъ Вознесенскаго монастыря чудотворный Спасовъ Нерукотворенный образъ и жалуетъ за молебенъ чернымъ попомъ 2 р. Между тѣмъ маленькая царевна Ирина съ бабушкою идетъ молиться въ село Рубцово и раздаетъ милостыню 18 чел. дѣтямъ боярскимъ по полугривнѣ.

Что царица въ эти дни дѣйствительно была нездорова, на это указываетъ выдача 2 рублей *рожешницъ* (13 дек.), которая пускала ей кровь рожками¹. На другой день 14 декабря царица подымала въ свои хоромы образа изъ сѣнной своей церкви Рождества Богородицы, иконы Богоматери Владимірской да Тихона чудотворца, и у ней государыни въ хоромѣхъ пѣли молебны. 16 Декабря она посылаетъ къ Ивану Предтечи въ монастырь на молебенъ полтину и въ богадѣленную избу милостыню. Къ молебну ѣздилъ дворецкій. Въ тотъ же день она слушаетъ молебны въ Екатерининской и въ Евдокѣинской домо-

¹ Кровопусканіе было, кажется, необходимымъ лѣченьемъ у царицы Евдокіи Лук. Въ обыкновенныхъ случаяхъ это исполняла рожешница, пускавшая рожковую руду посредствомъ рожковъ; она же называлась и *рудометницею*. Въ 1634 г. рудометницею царицы была нѣкая Зиновка (Зиновія), получившая въ этомъ году жалованья 10 руб., хлѣба по 20 четей ржи и овса и 10 подоть мяса. Но въ важныхъ случаяхъ царица *легчилась, жильную отворгла*, при помощи нѣмецкихъ докторовъ. Въ 1632 г. февр. 22 это исполнила дохтуръ Артемій, лѣкаръ Кляусъ. Въ 1637 г. апр. 20 отворяла царицѣ *модьянную жильную* кровь дохтуръ Венделинусъ Сибилитъ, аптекаръ Андрей, лѣкаръ Кляусъ съ переводчикомъ Захаріемъ Захарьевымъ. Въ 1641 г. іюня 10 тоже исполняли тотъ же Венделинусъ, лѣкаръ Вилимъ Краморъ съ переводчикомъ Захаріемъ; а въ 1643 г. іюня 26 — дохтуры Арتمانъ Граманъ, Яганусъ Бѣлово, лѣкаръ Вилимъ Краморъ съ переводчикомъ Васильемъ Александровымъ. За свои труды нѣмцы получали довольно значительную награду, докторъ — серебряный кубокъ, бархатъ, камку и сорокъ соболей, всего рублей на 80; лѣкаръ — серебряный ковшъ, камку и сорокъ соболей, всего рублей на 40. А. О. П. № 945, 961, 971, 979.

выхъ церквахъ. 19 числа дворецкій снова ѣдетъ къ молебну къ Никитѣ мученику за Язу. 20 декабря царица посылаетъ въ тюрьму 2 коробки (сундуки) съ отставными простынями для раздачи заключеннымъ тюремнымъ сидѣльцамъ.

Видимо, что дѣти, царевичъ Алексѣй и новорожденная царевна Анна, недомогали, на что указываетъ молитва къ Никитѣ Мученику—дѣлителью отъ младенческой болѣзни родница, какъ упомянуто; а сверхъ того на это указываетъ и довольно частое приобщеніе ихъ. Царевичъ приобщается въ праздникъ Рождества Христова, 25 декабря, въ церкви Рождества Богородицы. 6 генв. 1631 г. онъ снова приобщается въ той же церкви, а царевна Анна въ Екатерининской, гдѣ слушаетъ обѣдню и сама царица. 20 генв. въ той же Екатерининской церкви царица снова слушаетъ обѣдню и причащаетъ обоихъ дѣтей. На Свѣтлое Воскресенье, 10 апрѣля, въ Екатерининской же церкви царица вмѣстѣ съ царемъ и со всѣми троици дѣтьми слушаетъ раннюю обѣдню и служитъ молебенъ. 26 числа она опять подымается къ себѣ въ хоромы чудотворную икону Никола Явленнаго съ Арбата и служитъ молебенъ. Въ тотъ же день царевна Анна причащается въ Екатерининской церкви. На Вознесенье, 19 мая царевичъ и царевна Анна причащаются въ той же Екатерининской церкви. Въ Троицынъ день, мая 29, царевичъ причащается въ Рождественской церкви. Іюня 3 царевна Анна приобщается въ Евдокѣинской церкви. Іюня 4 царица идетъ вмѣстѣ съ царемъ молиться къ Зачатію св. Богородицы да къ Николѣ Чудотворцу, что въ Китаѣ городѣ, у Стѣны. На дорогѣ для ихъ многолѣтнаго здравія они раздаютъ милостыню безпомѣстнымъ дѣтямъ боярскимъ и вдовамъ и всякимъ бѣднымъ людямъ (роздано 2 р. 12 алтынъ). На другой день, іюня 5, царица одна идетъ въ Ивановскій монастырь, что на Кулишкахъ, и на дорогѣ роздаетъ нищимъ 16 ал. 4 д. Іюня 12, на праздникъ Онуфрія Великаго, а потомъ въ Воскресенье 19 іюня обоихъ дѣтей снова причащаютъ. 29 Іюня въ Петровъ день причащается одна царевна Анна; въ тотъ же день царица посылаетъ на молебенъ въ с. Рубцово, въ церковь царевича Дмитрія, 2 рубли. Іюля 5, на память Сергія, причащаетъ царевича, а 12 іюля на праздникъ Миханля Малеева, въ именины царя, причащаетъ царевну Анну. Іюля 24 идетъ молиться къ Спасу на Новое, поминаючи родителей (Романовыхъ) и роздаетъ тамъ милостыни слишкомъ 8 р. Наконецъ, наканунѣ самыхъ родинъ, 18 авгу-

ста, она снова идетъ къ Зачатию и для своего многолѣтнаго здоровья раздаетъ ручной милостыни 3 рубли. 19 числа родилась царевна Марѳа. 21 августа, по случаю благополучнаго разрѣшенія отъ бремени, царица служитъ молебны въ трехъ своихъ домовыхъ церквахъ. Послѣ сорокадневнаго очищенія совершаетъ походъ къ Троицѣ, 6 — 23 октября. Въ ноябрѣ, 7-го причащаетъ царевну Анну въ Екатерининской церкви, а 27 у Рождества Богородицы царевну Марѳу.

Декабря 4, *въ ночи*, царица идетъ молиться къ Николѣ Явленному на Арбатъ. Нищіе, конечно, объ этомъ знаютъ и собираются во множествѣ на *монастырь* этого приходскаго храма. Дьякъ Сурьянинъ Торокановъ раздаетъ имъ царицину милостыню, всюю 2 р. 16 ал. 2 д. Декабря 14 царица снова идетъ молиться къ Зачатию да къ Николѣ Чудотворцу, въ Китай городѣ, подъ горою, въ углу; причемъ жалуетъ Вознесенскаго монастыря отставной старицѣ Ираидѣ нѣмкѣ на милостыню 2 р. ¹ да нищимъ роздаетъ по ручно 26 алт. 4 д. Декабря 18 молится въ Чудовомъ монастырѣ и также раздаетъ у монастыря милостыню, рубль 15 ал. 2 д.

Новорожденная царевна Марѳа также прожила недолго, съ небольшимъ годъ. Въ 1632 г. мая 27 царица приобщала ребенка въ Евдокѣинской церкви, потомъ приобщала его тамъ же 13 сентября, на празднигъ Никиты Мученика, изцѣлявшаго дѣтей отъ припадковъ родимца. Но 21 сент. царевна скончалась. Потеря дѣтей конечно была великимъ горемъ для царицы. Не малымъ горемъ было и то, что рождались все царевны. Тѣмъ сильнѣе и внимательнѣе были заботы матери о маленькомъ царевичѣ Алексѣѣ, единомъ наследникѣ царства. Видимо, что онъ обладалъ хорошимъ здоровьемъ, но это самое и заставляло родителей освящать его здоровье молитвою и милостынею, дабы сохранить въ немъ наследника царству. Съ такими молитвенными мыслями царица, обыкновенно на именины царевича, раздавала бѣднымъ и нищимъ щедрую заздравную милостыню. Такъ въ этомъ году, 28 марта записано, что „для многолѣтнаго здравія царевича Алексѣя было роздано у дворца разныхъ городовъ бѣднымъ безпомѣстнымъ дѣтямъ боярскимъ и вдовамъ и черноризицамъ на платѣ 20 р. 20 алт.

¹ Старица „Ираидица“ въ своей челобитной объясняла царицѣ: „ссылаютъ меня въ Сибирь, что я передъ игуменьей въ словѣ спростовала, а прокормиться мнѣ до Сибири не чѣмъ“.

4 д.; да Вас. Ив. Стрешневъ роздалъ бѣднымъ всякимъ людямъ поручно 29 р. 12 ал. 4 д. Мы уже видѣли обычный размѣръ милостыннаго подаванія царицы и можемъ судить, что розданная въ это время сумма, 50 р., довольно значительна.

Изъ обычныхъ выходовъ царицы въ теченіи этого года замѣтимъ, что на праздникъ Свѣтлаго Воскресенья 1-го апрѣля вся царская семья: царь съ царицею, царевичъ и три царевны слушали въ Екатерининской церкви раннюю обѣдню и молебень и на молебень пожаловали попомъ 3 р. — Осенью, по случаю кончины новорожденной царевны Мары, сент. 21, царица не могла совершить обыкновенный походъ къ Троицѣ. Она предпринимаетъ это богомольное путешествіе 14—19 февраля 1633 года, уже беременная царевичемъ Иваномъ. Затѣмъ 3 марта въ сыропустное Воскресенье посылаетъ на Кулишки въ богадѣльни нищимъ сту человекамъ по алтыну милостыни; на именные царевича Алексѣя для его многолѣтнаго здравія роздаетъ милостыню безимѣстнымъ дѣтямъ боярскимъ и *едовамъ болрынымъ* 89 чел. по двѣ гривны; да ихъ вдовымъ дѣтямъ, 71 чел. по 6 д.; черноризцамъ безимѣстнымъ 23 ч. по гривнѣ; торговымъ бѣднымъ людямъ 3 ч. по гривнѣ. Въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенья, 21 апрѣля, опять вся царская семья слушаетъ въ Екатерининской же церкви раннюю обѣдню съ молебномъ и выдаетъ попомъ 3 р. Во вторникъ на святой, 23 апр., царица слушаетъ обѣдню въ Екатерининской церкви и посылаетъ милостыню разслабленному старцу Маркелу, который лежитъ на Ильинскомъ мосту, 16 ал. 4 д. Тутъ же на мосту посланный сынъ боярскій роздаетъ другимъ нищимъ, 10 чел., по 2 деньги. 1 июня Богъ далъ царевича Ивана. Ребенокъ, какъ видно, родился болѣзненный. Съ небольшимъ черезъ недѣлю, 10 июня, царица посылаетъ служить молебень Муч. Увару, въ придѣлѣ церкви Іоанна Предтечи, у Аргамачьихъ Коюшенъ. Къ св. Мученику прибѣгали съ молитвою объ изцѣленіи дѣтскихъ недуговъ. Іюля 4 она посылаетъ въ Казань къ Новоявленному образу Казанской Богородицы на молебень 5 р. Іюля 28 пріобщаетъ новорожденного у Рождества Богородицы. Сентября 13, на праздникъ Никиты Мученика, еще причащаетъ младенца въ той же церкви. Тамъ же младенецъ причащается и еще ноября 4 и 21, на Введеніевъ день. Въ Николинъ день, 6 декабря, царица идетъ молиться къ Николаю чуд. и роздаетъ на дорогѣ нищимъ, которые лежатъ по мостамъ, рубль 15 алт. 4 д.

Въ 1634 г. апрѣля 24 въ Свѣтлый праздникъ оба царевича слушаютъ обѣдню въ Екатерининской церкви. Въ тотъ же день раздается милостыня, поручно, 3 р. Мая 17 царица посылаетъ служить молебенъ въ монастырь къ Ивану Предтечи, на Кулишки. 24 числа празднуетъ у Рождества Богородицы въ придѣлѣ Никитѣ Столпнику чуд. Переяславскому. Между тѣмъ приближалось время родинъ и потому богомольные выходы царицы становились замѣтнѣе. Юля 14 она ходила молиться въ Новодѣвичій монастырь и роздала по дорогѣ нищимъ рубль. 16 юля выѣстъ съ царемъ пошла въ Никольскій объѣздъ, молиться къ Николѣ чуд. на Угрѣшу, оттуда заходила въ Рубцово. 4 августа ходила въ Успенскій соборъ да къ Рождеству и къ Воскресенію Христову подъ колоколы (на Ивановской колокольнѣ). 12-го числа ходила въ Вознесенскій монастырь. въ соборъ къ Покрову Богородицы да къ Василью Блаженному, на Кирилловское подворье, къ Николѣ Гостунскому, причемъ роздано милостыни 5 р. съ полтиною. Сентября 15 родилась царевна Софья. Послѣ шести недѣль, въ началѣ ноября, царица ходила молиться въ Рубцово. Такъ какъ осенній походъ къ Троицѣ совершить было не возможно, то царица выѣстъ съ царемъ ходила туда молиться уже зимою слѣдующаго года, 18—28 генваря 1635 года. Новорожденная царевна тоже нажется была слаба здоровьемъ. Царица причащаетъ ее на маслянницѣ, 3 февр., и на первой недѣли великаго поста, 12 февр. Марта 15, посылаетъ служить молебенъ въ монастырь Ивана Предтечи, и въ тотъ же день идетъ молиться въ Алексѣевскій монастырь, справляя канунъ именинъ царевича Алексѣя. — 6 и 12 апрѣля снова причащаетъ новорожденную, что совершается и 8 мая. Между тѣмъ, 5 мая, на именины царевны Ирины, царица раздаетъ для ихъ государскаго многолѣтнаго здоровья заздравную милостыню 59 чел. дѣтямъ боярскимъ и женамъ ихъ и дѣтямъ и всякимъ служилымъ людямъ, а также гуменямъ, рядовымъ черницамъ и всякимъ бѣднымъ людямъ, по ихъ челобитнымъ, 24 р. 28 ал. 2 д.; да на Дворцѣ безъ челобитныхъ такимъ же бѣднымъ поручно 10 р. 5 ал. Мая 20 царица идетъ молиться въ Чудовъ монастырь, а потомъ 29 числа въ село Рубцово, къ Покрову. 2 юля слушаетъ обѣдню съ молебномъ у Онуфрія Великаго, въ придѣлѣ Екатерининской церкви, причемъ службу совершаетъ наемный попъ, которому на молебенъ дано 5 алт. Замѣчательно, что у Онуфрія Вел. почти всегда служилъ священникъ наемный, между тѣмъ, какъ было

достаточно и своихъ придворныхъ. По всему вѣроятію здѣсь дѣйствовала какая либо особая набожная мысль относительно здоровья дѣтей, изъ которыхъ царевичъ Иванъ и царица Софья часто недомогали. Августа 3 царица съ своими царскими чадами идетъ молиться въ Ивановскій монастырь да къ Василию Блаженному, раздавая милостыню 4 р. 11 ал. 4 д. — 19 августа царица идетъ на богомолье въ Новодѣвичій монастырь и раздастъ тамъ и по дорогѣ заздравную милостыню 16 р. 7 ал. 4 д.

Между тѣмъ царица уже беременна (царевною Татьяною). Въ сентябрѣ, 21—26, она совершаетъ вмѣстѣ съ царемъ обычный походъ къ Сергію чудотворцу; въ ноябрѣ 13—22 также вмѣстѣ съ царемъ выѣзжаетъ въ село Рубцово, гдѣ 18 числа въ церкви Покрова слушаетъ обѣдню съ молебномъ и раздастъ 43 челов. нищимъ по гривнѣ. Декабря 4 идетъ молиться съ своими государскими чадами въ Ивановской и въ Знаменскій монастыри. Декабря 15 идетъ молиться къ Спасу на Новое, поминая родителей. 20 декабря идетъ молиться къ Николѣ Явленному на Арбатъ.

5 января 1636 г. послѣдовало рожденіе царевны Татьяны. Послѣ шести недѣль царица совершаетъ обычные выходы на масляницѣ, въ Успенскій соборъ 24 февр., въ монастыри Вознесенскій и къ Спасу на Новое прощаться съ родителями. — 16 марта, накануне именинъ царевича Алексѣя молится въ Алексѣевскомъ монастырѣ и раздастъ заздравной милостыни рубль 22 ал. 4 д. Въ самый праздникъ раздастъ 2 р. 20 ал., на другой день, 18 марта, — 7 р. 12 ал. 4 д. Мая 5 идетъ молиться къ Николѣ да къ Зачатию, въ Китай-городѣ, въ углу, и раздастъ заздравной милостыни 2 р. 15 ал. 2 д. Въ Николинъ день, 9 мая снова молится въ томъ же храмѣ и раздастъ милостыни 2 р. 4 ал. 2 д. Мая 24 празднуетъ Никитѣ Переяславскому. 20 іюня скончалась маленькая царевна Софья. Во всѣ сорочины каждый день царица раздавала по ней милостыню на поминованіе. Осенью, сентября 21—29, царица вмѣстѣ съ царемъ путешествуетъ по обыкновенію къ Троицѣ. За тѣмъ, будучи уже беременною, въ ноябрѣ 2—19, ѣдетъ вмѣстѣ съ царемъ къ Николѣ на Угрѣшу. На возвратномъ пути молится у родителей въ Новоспаскомъ монастырѣ и въ Рубцовѣ у Покрова. Проѣздомъ подаетъ въ Андроньевскій монастырь проѣзжія милостыни на молебенъ 3 р. Вѣроятно по случаю труднаго плодоношенія, почти накануне родинъ. 5 февр. 1637 г. въ Екатерининской церкви у

Онуфрія Великаго, хранителя отъ скоропостижной смерти, служить обѣдню. 9 февраля Богъ даетъ царевну Евдокію, которая на другой день, 10 числа скончалась. Марта 3 царица посылаетъ въ Калугу въ монастырь св. Лаврентія на церковное строеніе 50 р., да къ Николѣ Гостунскому въ Бѣлевской уѣздъ колоколъ въ 89 р. Послѣ шести недѣль, марта 26, выходитъ молиться въ Успенской соборъ. Наканунѣ именинъ царевны Ирины, мая 4 молится въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Мая 9 въ Чудовъ монастырѣ, 11 опять въ Новодѣвичьемъ и въ Алексѣевскомъ монастыряхъ. Въ послѣднемъ также находился храмъ Зачатія. 23—30 мая путешествуетъ въ Рубцово, гдѣ 28 числа слушаетъ обѣдню съ молебномъ у царевича Димитрія. Осенью, сент. 21, царица идетъ къ Троицѣ вмѣстѣ съ царемъ, а 30 числа вмѣстѣ же въ село Покровское, вѣроятно праздновать Покрову, 1 октября, гдѣ и остается по 8 число того же мѣсяца. Черезъ мѣсяць, ноября 4—13, опять вмѣстѣ съ царемъ, царица снова путешествуетъ къ Троицѣ, что прямо уже показываетъ, что это былъ походъ по обѣщанію. Надо замѣтить, что въ это время ждали на Москву нашествія Крымскаго хана и укрѣпляли городъ. Но и въ семьѣ было не совсѣмъ благополучно. Болѣлъ младшій царевичъ Иванъ. Царица еще 3 ноября служила молебенъ Іоанну Бѣлоградскому, тезоименитому его ангелу, въ честь котораго устроены былъ и особый престолъ у Спаса, противъ царевичевыхъ хоромъ. 17 генваря 1638 г. совершается служба у Онуфрія Великаго наемнымъ священникомъ, что свидѣтельствуется, что царевичъ былъ очень нездоровъ. 13 марта царица посылаетъ въ Суздаль къ Вавилѣ затворнику паникадило въ 10 р., а мая 24 тудаже три колокола, цѣною во 109 р. 20 алт. Въ томъ же мартѣ, 20 ч. посылаетъ служить молебны къ Ивану Предтечи въ монастырь (2 р.), къ Пятницѣ на Рву (полтину). Мая 12 посылаетъ во Псковъ къ Богородицѣ въ Печерскій монастырь за святыней, т. е. за святою водою и просфорою. 20 мая посылаетъ снять списокъ съ чудотворной иконы Казанской Богоматери въ Вязниковскую слободку, Владим. уѣзду, Ярополческой волости. Августа 9 и потомъ 11 опять совершается служба у Онуфрія Великаго. 28 числа идетъ молиться въ Рубцово къ Покрову, 29 молится тамъ у Николы, 31 раздастъ заздравную милостыню. 10 сентября снова совершается служба у Онуфрія Великаго. Есть извѣстіе, что съ этого времени царица стала недомогать и быти печальна. Она была уже беременна. Молебны

Онуерію Великому, указывая на опасную болѣзнь дѣтей, могутъ также указывать и на печальное состояніе мыслей царицы. Быть можетъ по случаю ея болѣзни не состоялся въ свое время и обычный сентябрскій походъ къ Троицѣ. Она пошла туда на богомолье октября 4 вмѣстѣ съ царемъ и безъ сомнѣнія по общанію. Отъ Троицы они ѣздили молиться въ Переяславль Залѣскій въ Никитскій монастырь, къ чуд. Никитѣ Столпнику, а оттуда заѣзжали въ Александрову слободу. Въ этомъ богомольномъ походѣ прошелъ весь мѣсяць. Царица возвратилась въ Москву 30 числа.

О зимнихъ выходахъ царицы свѣдѣнія наши скудны. Знаемъ только, что ее постигло вскорѣ великое горе: 10 января 1639 г. царевичъ Иванъ скончался. Между тѣмъ еще въ половинѣ ноября во дворцѣ между мастерицами открылось *вѣдовское дѣло*, по которому обнаружилось, что надъ царицею колдовали, сыпали на ея слѣдъ вѣдовской рубашечный пепель, о чемъ подробности мы помѣщаемъ ниже. Дѣло это въ то время и особенно для беременной царицы, имѣло самое прискорбное значеніе. Мы уже говорили, что колдовство, порча были невыразимымъ страшилищемъ для царской семьи. Очень естественно, что розыски о вѣдовствѣ мастерицъ не прошли безъ вліянія на состояніе здоровья царицы. 14 марта она родила царевича Василя больнаго, который 25 марта скончался. Потеря двухъ сыновей была дѣйствительно несказаннымъ горемъ и для матери и для отца, лишившагося двухъ наслѣдниковъ своего царствующаго дома. Съ этой поры, по свидѣтельству упомянутаго розыскаго дѣла о вѣдовствѣ, царица была передъ прежнимъ сворбна и межъ ихъ государей въ ихъ государскомъ здоровьѣ и въ любви стало не попржнему....

Еще наканунѣ смерти царевича, марта 23, царица посылала служить молебны за многолѣтнее здоровье всей своей семьи къ Покрову, что на Рву, 2 р. да въ его придѣлы: къ Васплю Блаженному и Ивану Милостивому, а также къ Вмч. Парасковей Пятницѣ, по рублю. Такіе молебны за государское многолѣтнее здоровье время отъ времени возобновлялись въ теченіе всего этого года. Августа 16 царица посылала на молебны въ Знаменской монастырь, что на государевѣ старомъ дворѣ 3 р., въ Ивановскій монастырь 2 р., къ Никитѣ Мученику за Язуу рубль, къ Пятницѣ Марковской полтину. Декабря 23 она посылаетъ снова на молебны въ Знаменскій и Ивановскій

монастыри и къ Василью Блаженному по рублю, къ Пятницѣ Марковской полтину. Между тѣмъ, въ сентябрѣ, царица совершаетъ обычный походъ въ Сергіевъ монастырь вмѣстѣ съ супругомъ — царемъ.

Съ этого года и до своей кончины царица оставалась безчадною и какъ видно постоянно недомогаля.

Въ 1640 г. 8 марта она вмѣстѣ съ государемъ ходила молиться къ Троицѣ, по особому обѣщанію, ибо походъ былъ предпринятъ не въ обычное время. Затѣмъ въ остальное время, кромѣ обычныхъ повседневныхъ и праздничныхъ выходовъ, царица нерѣдко служитъ молебны за свое здоровье или посылаетъ деньги служить заздравные же молебны и по временамъ раздастъ заздравную милостыню. 19 авг. посылаетъ въ Ивановскій монастырь попамъ на молебенъ за государское многолѣтнее здоровье полтину; сент. 14, въ Воздвиженскій монастырь за свое многолѣтнее здоровье на молебенъ 2 р.; сент. 20—26 въ Коломенскомъ, по случаю новоселья въ новыхъ хоромѣхъ, раздастъ милостыни больше 10 р.; сент. 25 спасскому протопопу на Сѣняхъ даетъ на молебенъ за свое здоровье 2 р. — Окт. 5, царевны Анна и Татьяна слушаютъ также обѣдню и молебенъ за свое здоровье въ Екатерининской церкви, а царевна Ирина посылаетъ служить молебенъ за многолѣтнее здоровье къ Покрову на Покровку, да подаетъ въ богадѣльни на Покровку и на Тверскую и въ тюрьмы, всего 3 р. — Окт. 10 царица посылаетъ на молебенъ къ Богородицѣ Одигитріи въ Вознесенскій монастырь 2 р. Въ 1641 г. авг. 7 приказываетъ купить шубу баранью (40 алтынъ) нищему старцу Юшкѣ Артемьеву, который лежитъ подъ переходами на Никольскомъ (кремлевскомъ) мосту. 13 ноября тому же *лежелькѣ* царевна Ирина жалуетъ на шапку 6 алт. 4 д. — Дек. 28 царица посылаетъ на молебенъ въ Тихвинъ монастырь къ Пречистой Богородицѣ. Окт. 6 царица жалуетъ полтину къ Лаврентію чудотворцу, въ Калугу, и рубль въ Мещовскѣ въ Егорьевскій монастырь, на панихиды ¹.

¹ Георгіевъ Мѣшовскій монастырь царица Евдокія Стрѣшневыхъ устраивала „по родителямъ ея, кои въ томъ монастырѣ погребены, дѣдъ ея родной Степанъ Андреевичъ, да прадѣдъ Андрей Васильевичъ и прочіе ея родители Стрѣшневы“. Въ томъ монастырѣ были построены двѣ церкви каменные, соборная во имя Рождества Богородицы, да теплая во имя Страстотерца Георгія, въ двухъ этажѣхъ. Въ июль 1691 г.

Въ 1642 г. февр. 8, жалуетъ за свое здоровье рубль затворнику Никону въ Троицесергіевомъ монастырь; 12 февр. слушаетъ молебны на Сѣняхъ у Спаса и Рождества Богородицы и къ Спасу даетъ на свѣчи гривну; 22 числа раздаетъ милостыни 6 р.; мая 10 слушаетъ обѣдню и молебенъ у Никиты Столпника въ придѣлѣ у Рождества Богородицы на Сѣняхъ и за свое здоровье на молебенъ жалуетъ 3 алт. 2 денги. Въ лѣтніе мѣсяцы служитъ въ верховыхъ церквахъ нерѣдко молебны также за свое здоровье. Авг. 20 посылаетъ на молебенъ за свое здоровье къ Николѣ Зарайскому. Сент. 18 идетъ молиться къ Спасу на Новое и раздаетъ милостыню за свое здоровье. Сент. 26 подаетъ уродивой старицѣ Ивановскаго монастыря Аниѣ 16 алт. 4 д. Окт. 1 на праздникъ Покрова въ своихъ хоромахъ „поить и кормить“ нищихъ и всякихъ бѣдныхъ людей и раздаетъ имъ милостыни по рукамъ 3 р.; раздавалъ столыникъ Вас. Голохвастовъ. Тогда же служитъ молебны въ Успенскомъ соборѣ, въ Вознесенскомъ и Чудовомъ монастыряхъ и у Спаса на сѣняхъ. Окт. 14, идетъ молиться къ Николѣ на Угрѣшу.

Въ 1643 г. марта 17 для ангела царевича Алексѣя раздаетъ милостыни 10 р.; мая 5 на ангелъ царевны Ирины раздаетъ милостыни тоже 10 р. и жалуетъ старцамъ Чудова монастыря больнишному, хлѣбному на чернецкое платье по рублю; юля 25, для ангела царевны Анны раздаетъ милостыни 10 р.; — сент. 5, изъ Калуги Лаврентьева монастыря *веремнику* старцу Магарію жалуетъ на шубу 1½ р., да ему же на милостыню полтину; сент. 10 идетъ въ Покровское; 11 сент. идетъ молиться въ Ивановской и въ Даниловской монастыри и раздаетъ тамъ милостыню для многолѣтнаго здоровья; — сент. 21 и по 14 окт. идетъ вмѣстѣ съ царемъ молиться къ Троицѣ, также въ Александрову слободу, въ село Кліны, въ Юрьевъ Повольскій; ноября 24 на праздникъ Вмч. Екатерины раздаетъ милостыни 7 р.

Въ 1644 г. марта 1, на свой ангелъ, раздаетъ милостыни 13 р. 32 ал. 4 д.; — марта 17, на ангелъ царевича Алексѣя

игуменъ Серафимъ съ братьею, припоминая царямъ о строительницѣ монастыря, ихъ бабушкѣ, просили на этомъ основаніи пожаловать имъ изъ царской казны, за ихъ скрустію, лампы, паникадила, покровы, воздухи и др. утварь, въ верхнюю теплую церковь св. Георгія. А. О. П.

раздаетъ милостыни 5 р. 30 алт. 4 д.; мая 5, на ангелъ царевны Ирины, іюля 25, на ангелъ царевны Анны, по 10 р.; — мая 20 жалуетъ полтину крестовому попу думнаго дьяка Мих. Данилова, для того, что онъ попь приносилъ въ Верхъ образъ Богородицы для молебства; — іюля 29, идетъ молиться къ Троицѣ и подаетъ къ Николѣ Великорѣцкому на молебенъ 8 алт.; — авг. 29 посылаетъ въ Коломенское къ Усѣкновенію главы Іоанна Предтечи на молебенъ полтину; — сент. 27 въ Старомъ Никольскомъ монастырѣ, что за Иконнымъ рядомъ, служитъ молебенъ за государево здоровье и жалуетъ игумену 3 алт. 2 д. и т. д.

Въ 1645 г. іюля 13 царь Михаилъ скончался. Не долго пережила его и царица Евдоія; она скончалась съ небольшимъ черезъ мѣсяць, 18 августа ¹.

Повседневные богомольные выходы царицы въ верховыя церкви были совершаемы запросто, безъ особой оффиціальной обстановки, съ какою почти всегда выходилъ самъ государь, сопровождаемый обыкновенно приѣзжавшими для присутствія въ Думѣ боярами и другими чинами, которые обязаны бывали являться во дворець каждый день. Царицу въ такихъ выходахъ сопровождали только ея комнатные люди, ближайшія дворовыя боярыни, крайчая, казначея, двѣ-три верховыя боярыни и столько же постельницъ, носившихъ подножіе (родъ ковра) и другія, необходимыя при выходѣ вещи. Праздничные выходы совершались разумѣется торжественнѣе, съ большимъ числомъ дворовыхъ людей, а также и въ сопровожденіи приѣзжихъ боярынь, а быть можетъ и всего комнатнаго чина. Безсомнѣнія при этомъ соблюдался и какой либо церемоніальный порядокъ шествія, младшіе чины, дѣвицы боярышни, постельницы, шли впереди по парно, старшіе позади. По всему вѣроятію и здѣсь чинъ выхода придерживался подобныхъ же порядковъ, какіе были въ обычаѣ на половинѣ государя. Любопытныя изображенія такихъ пѣшнихъ царицыныхъ выходовъ сохранены въ

¹ Изъ числа оставшихся послѣ царицы ея чину дворовыхъ боярынь княгиня Марья Хованская сослана съ Москвы, а портомоя (прачка) Пелагея Давыдова сослана въ Сибирь, быть можетъ по случаю какихъ либо непорядковъ, прешедшихъ при кончинѣ царицы.

рисункахъ въ путешествіи Мейерберга, съ которыхъ сдѣланы мы помѣщаемъ въ концѣ книги. (См. рис. I и II).

Перый рисунокъ показывается, по словамъ Мейерберга, „какъ книга образомъ царица по сокрытой галлерей изъ дворца ежедневно шествуетъ въ женскій монастырь Вознесенія Господня, для алчванія тамъ молитвы (панскиды) въ память умершаго. Передъ нею носятъ въ серебряномъ позолоченномъ сосудѣ ситомъ, называемую кумма, состоящую изъ меду, пшеницы, смолы и сахара, которую ставятъ на кофлу для испушенія граховъ. Потому сіе кумманье предоставляется священникамъ и церковнослужителямъ“. Впереди идетъ боярыня съ кутьею, за нею крайчая, потомъ четыре дѣвцы — боярышни съ ослопными восковыми свѣчами, для освѣщенія пути, за ними — сама царица съ посохомъ въ рукѣ, въ сопровожденіи двухъ боярышекъ, изъ которыхъ одна несетъ надъ царицею круглый солнечникъ (зонтъ). Шествіе включаетъ дворовая боярыня. Свѣчи были носимы только зимою, когда выходъ совершался раннимъ утромъ или вечеромъ. Въ иныхъ случаяхъ закигали и носили по шесту и болѣе свѣчъ, вѣроятно въ соотвѣтствіе болѣе значительнаго для молитвы дня. Солнечникъ выносился въ обыкновенные воскресные и праздничные дни; но употреблялся ли онъ собственно для защиты отъ солнца или выносился только для бѣльшаго парада, — неизвѣстно. Должно думать, что онъ служилъ и вообще для украшенія обстановки выхода.

Въ большіе праздники царица выходила въ царскомъ нарядѣ, т. е. въ коронѣ, а царевны въ вѣнцахъ, подъ большимъ солнечникомъ въ родѣ бадахины, который поддерживали по угламъ за сохи или рукоятки четыре боярышни. Такое шествіе изображено на II рисункѣ. Оно отрывается дѣвцами боярышнями, идущими по парно, младшіе впереди. Затѣмъ подъ бадахиномъ, который поддерживаютъ тоже боярышни, самыя младшія возрастомъ, впереди шествуютъ царевны; за ними мама несетъ на рукахъ десятилѣтняго царевича, потомъ идетъ сама царица; ее сопровождаютъ крайчая и двѣ боярыни. Мейербергъ замѣчаетъ, что царскихъ дѣтей, даже довольно возрастныхъ, всегда носили на рукахъ ихъ мамы. Въ настоящемъ случаѣ, мама несетъ, какъ упомянуто, десятилѣтняго царевича Алексія Алекс. — Надо полагать, что Мейербергъ снялъ свои рисунки уже съ готоваго современнаго изображенія царицыныхъ выходовъ. На это указываетъ самѣй характеръ поста-

ровни и начертанія фигуръ, напоминающій рисунки иконописцевъ. Видѣть самолично выходъ царицы, а тѣмъ болѣе рисовать его съ натуры онъ не могъ ни въ какомъ случаѣ.

Не менѣе любопытныя подробности о подобныхъ же пѣсняхъ выходахъ вообще знатной женщины въ старое время, мы находимъ и въ народныхъ пѣсняхъ — былинахъ, изъ которыхъ въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны пѣсни о Дюкѣ Степановичѣ, княженецкомъ боярскомъ сынѣ. Въ одной изъ нихъ Дюкъ Степановичъ объясняя княженецкое обхожденіе говорятъ князю Владиміру:

Какъ у моей государыни матушки,
Честной вдовы Мамелы Тимоеевны:
Пойдетъ она отъ церкви отъ соборнія,
Впереди идутъ лопатники (чистятъ дорогу лопатами),
За лопатниками идутъ метельщики (метутъ),
За метельщиками идутъ суконщики,
Разстилаютъ сукна одинцовыя.
Мою матушку, честну вдову Мамелеу Тимоеевну
Ведутъ подъ руки тридцать дѣвицъ со дѣвицею;
Вся она обвѣшана бархатомъ,
Чтобы не запекло ее солнце красное,
Не напала роса утренняя...

Или: Подъ руку ведутъ тридцать дѣвицъ
И по другую тридцать дѣвицъ;
Надъ ней несутъ подсолнечники,
Чтобы отъ краснаго солнца не запеклось ея лицо бѣлое;
Впереди стелютъ сукна одинцовыя,
Сзади сукна убираютъ.
У ней надѣто платье цвѣтное,
На платьѣ подведена луна подмебесная,
Пекетъ красное солнышко
И свѣтитъ свѣтель мѣсяць,
Разсыпаются частыя мелкія звѣздочки ¹.

Въ этой послѣдней пѣсни Дюковой матушки предшествуютъ четыре старо-матерья старухи, ея служебныя женщины: халуѣница, рукомойница, постельница, колашница, изъ которыхъ первую ведутъ подъ руку 5 дѣвицъ, подъ другую 5 дѣвицъ; вторую по 10 дѣвицъ; третью—по 15, четвертую—по 20. Добрыня Никитичъ, желая встрѣтить Дюкову матушку, каждой

¹ Такъ описывается золотая ткань, изъ которой шито платье. Мы увидимъ, что ткани съ изображеніемъ звѣздъ, мѣсяцевъ, и солнца не были рѣдкостью въ XVII ст.

и , прислужницъ здраствовалъ, думая, что это и есть шка и получалъ отвѣтъ, что Дюкова матушка пове- . Все это черты, очень вѣрно и точно рисующія скую дѣйствительность княжескаго или вообще зна- , а слѣд. еще въ большей мѣрѣ дѣйствительность чаго.

Само . ю разумѣется, что выѣзды царицъ по своей обстановкѣ были еще церемониальнѣе, потому что тогда экипажъ царицы сопровождали, кромѣ женскаго чина и мужчины, какъ увидимъ ниже. Притомъ и составъ женскаго чина значительно увеличивался, особенно если походъ или выѣздъ былъ дальнѣй, замосковский, куда требовалось подымать и большее число служащихъ дворовыхъ людей и всякіе запасные возки. Очевидцы такихъ выѣздовъ описываютъ ихъ слѣдующимъ образомъ. Въ 1602 г. въ Москву пріѣхалъ принцъ Датскій Іоаннъ — женихъ царевны Ксеніи Борисовны Годуновыхъ. Описатель его путешествія говоритъ, что когда они представлялись въ первый разъ царю Борису, то въ Кремлѣ никто (изъ нихъ) не видалъ ни царицъ, ни царевенъ, ни даже комнатныхъ женщинъ; тоже не видалъ ихъ и пріѣхавшій женихъ—принцъ. Это могло произойти отъ того, объясняетъ описатель, что онѣ стояли въ потаенномъ мѣстѣ и смотрѣли скрытно на пріѣздъ и отъѣздъ принца. 6 октября царская семья выѣзжала на богомолье въ монастырь, должно быть въ Новодѣвичій. Шествіе было въ слѣдующемъ порядкѣ. „Сначала ѣхали впереди до 600 всадниковъ, по трое въ рядъ.... Нѣкоторые изъ передовыхъ были одѣты въ золотую парчу въ видѣ брони. Потомъ вели 25 хорошо убранныхъ коней, на коихъ попоны были леопардовыя шкуры и золотыя и серебряныя парчи. Дальше ѣхала крытая краснымъ сукномъ вызолоченная пустая коляска (царевича Федора), воелъ которой въ нѣсколько рядовъ слѣдовали всадники, все молодые люди. Затѣмъ ѣхалъ самъ царь въ крытой бархатомъ коляскѣ, запряженной въ шесть бѣлыхъ коней. По сторонамъ шли бояре. Тутъ бѣжала большая толпа людей, челобитчиковъ, державшихъ просьбы и кричавшихъ въ слѣдъ государю. Просьбы принимались и складывались въ красный ящикъ, который несли за царемъ. За этимъ поводомъ ѣхалъ царевичъ верхомъ; его сопровождали и коня вели также бояре.

¹ Рыбн. II, 143, 175.

Съ полчаса послѣ отъѣзда царя слѣдовалъ выѣздъ царицы. Напередъ вели хорошо одѣтые конюхи 40 прекрасныхъ коней. За ними ѣхала царица, въ пышной коляскѣ запряженной въ 10 красивыхъ бѣлыхъ лошадей и такой просторной, что въ ней трое могли сидѣть рядомъ. Потомъ ѣхала царица въ подобной же коляскѣ въ 8 лошадей, совсѣмъ закрытой, такъ что ничего не было въ ней видно. Всѣ горничныя женщины ѣхали верхомъ, какъ мужчины. На головахъ у нихъ были бѣлоснѣжныя шляпы, подбитыя тѣлеснаго цвѣта тафтой, съ желтыми шелковыми лентами, съ золотыми пуговками и кистями, ниспадавшими на плеча. Лица ихъ были покрыты бѣлыми покрывалами до самого рта; онѣ были въ длинныхъ платьяхъ и въ желтыхъ сапогахъ. Каждая ѣхала на бѣлой лошади, одна возлѣ другой (попарно). Всѣхъ ихъ было 24. Около царицына поѣзда шло 300 человекъ хорошо одѣтыхъ стрѣльцовъ, съ бѣлыми посохами, батогами, въ рукахъ. За поѣздомъ ѣхали старики, по три въ рядъ, большею частію съ сѣдыми бородами (это дѣти боярскіе царицына чина). Шествіе заключали бояре и за ними толпа народа. Такимъ образомъ въ поѣздѣ царя и царицы было до 500 лошадей. При возвратномъ шествіи впереди царя ѣхало до 900 человекъ верхомъ, а потомъ самъ царь и возлѣ него царица, тоже верхами, и притомъ такъ, что лошадь царицы шла на шагъ впереди царской. Было уже темно, когда прѣехала царица съ царицею, а потому возлѣ нихъ несли до 40 свѣчь (восковыхъ, ослонныхъ). Ихъ сопровождала большая толпа бояръ и очень много стрѣльцовъ¹.

О женскомъ конномъ поѣздѣ, сопровождавшемъ на выѣздахъ царицу, свидѣтельствуетъ другой очевидецъ такого выѣзда, Оларій. Онъ говоритъ, что когда царь съ семействомъ возвращался съ богомолья, то за царицею и царицею „ѣхали тогда 36 дѣвицъ и прислужницъ, въ алыхъ юбкахъ и бѣлыхъ шляпахъ, съ коихъ висѣли длинные алые снурки, ниспадавшіе по спинѣ; онѣ имѣли на шеѣ бѣлыя покрывала; всѣ были весьма замѣтно нарядны, и ѣхали верхомъ, сидя на лошадяхъ, какъ мужчины“. Но мы уже упоминали, что подобныя, болѣе пышныя и церемоніальныя выѣзды совершались только во время далекихъ походовъ, напр. къ Троицъ и въ другія отдаленныя мѣста. Въ городскихъ московскихъ выѣздахъ экипажъ царицы

¹ Чтенія Об. Ист. и Др. 1867, IV.

былъ сопровождалъ только мужскимъ чиномъ изъ близкихъ ей людей, изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ ей чина.

Годовые богомольные выходы и выѣзды царица выѣзжали главнымъ образомъ совершеніемъ памяти усопшихъ родителей, т. е. вообще родства. Поэтому важнѣйшее мѣсто въ ряду дней, освящаемыхъ молитвою и милостынею, были дни поминовеній и особенно *родительскія* субботы, Мясопустная, Троицкая и Дмитровская. Томе значеніе имѣла и *радуница* (вторникъ Ожениной недѣли), или вообще христосованье съ родителями на Святой.

Въ эти дни царица хаживала на богомолье въ кремлевскій Вознесенскій монастырь, который былъ усыпальницею царскихъ родителей женскаго пола, и въ Новоспасскій монастырь, въ которомъ находились гробы родителей Дома Романовыхъ. Это были главные мѣста, гдѣ царица, помняючи родителей, служила непременно панихиды, а иногда слушала и обядню. Иной разъ, царица обходила въ эти дни и другія святыни Кремля, именно Успенскій соборъ — усыпальницу Московскихъ святителей, Архангельскій соборъ — усыпальницу царскихъ родителей мужскаго пола, Чудовъ монастырь, Троицкое и Кирилловское подворья. Точно также и загородные выходы направлялись иной разъ, кроме Новоспасскаго, и въ дѣвичьи монастыри, Ивановскій, Зачатейскій, Алексѣевскій и Новодевичій.

Монастыри и подворья посѣщались въ это время съ цѣлю раздать монашествующей братіи и особенно сестрамъ за упокойную милостыню, на поминъ души усопшихъ родителей. На масляницѣ царица ходила въ эти храмы и монастыри прощаться, а на Святой христосываться.

Въ обыкновенныхъ выходахъ, очень рѣдко пѣшкомъ, а большею частію въ экипажѣ, царицу всегда сопровождали дворовыя боярыни, дворовыя дѣвицы боярышши, и служащія женщины младшаго чина, казначей, постельницы. Если она выходила съ дѣтьми, то въ такомъ случаѣ первое мѣсто въ числѣ боярынь занимали мамы. Для обереганья такой выходъ сопровождали царицыны дѣти боярскіе. Когда выходу по чему либо давали большую торжественность, то съ царицею выѣзжали и боярыни *армазскія*. Такъ въ 1626 г. февр. 17, въ пятницу на масляницѣ выѣзжала въ Вознесенскій монастырь новобрачная царица Евдогья Лукьяновна Стрѣшневыхъ. Она ѣхала въ саняхъ, противъ нея сидѣли боярыни: вдова м. Фед. Ив. Мстиславскаго

княгиня Орина Ивановна ¹, и жена б. Ив. Никит. Романова
 Анна Федоровна. За царицею въ саняхъ ѿхали: вдова Ив. Ив.
 Юдунова боярыня Орина Никитична, жена кн. Ив. Борис.
 Черкаскаго княгиня Авдотья Васильевна, жена Фед. Ив. Ше-
 шетева боярыня Марья Петровна, жена кн. Юрья Еншееви-
 ча Сулешева княгиня Марья Михайловна, жена кн. Бор. Мих.
 Якова княгиня Настасья Никитична, вдова Ив. Филии. Стрѣ-
 шнева; жена Лук. Степ. Стрѣшнева Анна Константиновна, род-
 ная мать царицы; жена Вас. Ив. Стрѣшнева Орина Прокофье-
 на, вдова кн. Вас. Ром. Пронскаго княгиня Марья и дворовая
 боярыня Федора Заболодская. Противъ боярынь сидѣли по двѣ
 охотельницы; у саней у боярынь шли по два сына боярскихъ
 арицыныхъ да люди ихъ (боярынь).

Въ 1675 г. февр. 13, въ субботу масленицы на первомъ часу
 ии, т. е. на разсвѣтѣ, ходила царица Наталья Кирилловна по
 монастырямъ, въ Вознесенскій, въ Чудовъ, въ соборъ къ Архан-
 гелу Михаилу. А за нею государынею были: ея отецъ б. Кир.
 Юсуехт. Нарышкинъ да думные дворяне: ловчій Аѳанасій Ив.
 Матюшкинъ, Авр. Никит. Лопухинъ; ближніе люди и столъни-
 ки, родные ея братья, Иванъ и Аѳанасій Нарышкины; Вас. Фед.
 а Ив. Ѳом. Нарышкины. Да за нею же государынею были ма-
 ны и прѣѣзжія боярыни: мать царицы Анна Левонтьевна; тетка,
 жена Фед. Пол. Нарышкина, Авдотья Петровна; невѣстка, жена
 Ив. Кир. Нарышкина Прасковья Алексѣевна, да верховныя бояры-
 ни и назначенныя. Царица выѣзжала въ это время со всею семьєю,
 съ двумя младшими царевичами Иваномъ и Петромъ, при ко-
 торыхъ находился дядька кн. П. И. Проазоровской и царевичевы
 тольщики, пажи; съ царевнами *большими* и *меньшими*, при ко-
 торыхъ находились окольн. Ив. Фед. Стрѣшневъ, столън. Ив.
 Ив. Матюшкинъ, Бор. Гавр. Юшковъ, да дяки и столъники. А
 поканѣсть ходила царица по монастырямъ, Кремль былъ за-
 пертъ и никого не пускали; по всѣмъ воротамъ стоялъ стрѣлечній
 караулъ. Кремль отперли уже въ третьемъ часу дня, когда ца-
 рица возвратилась въ свои хоромы.

Въ томъ же году апр. 11, въ Воскресенье на святой недѣлѣ,
 въ день Мирносицъ, царица ходила христосынаваться по мона-

¹ Михайловна, какъ значится въ запискѣ о пожалованіи кн. Ѳ. И.
 Гетиславскаго по случаю его свадебнаго прѣѣзда къ царю въ 1616 г.
 окт. 21. Арх. Ор. П. № 903. Двор. Разр. I, 786—9.

стыряиъ, въ Чудовъ, Вознесенскій и въ Архангельскій соборъ; а за нею были бояре: отецъ ея Нарышкинъ: и Матвѣевъ Арт. Серг.; думн. двор. Лопухинъ и родные ея братья, Нарышкины; да царицыны стольники и дьяки. Изъ боярынь ее сопровождали родная мать Анна Левонтьевна да невѣстка Прасковья Алексѣевна Нарышкины и всѣ верховныя боярыни. А какъ была царица въ монастыряхъ и жаловала къ рукѣ игуменей съ сестрами, да протопопа Архангельскаго, да ключарей да священниковъ къ рукѣ и ее государыню держали подъ руки, подъ правую мать Анна Левонт., подъ лѣвую невѣстка Прасковья Алекс. Въ Вознесенскомъ монастырѣ на этотъ случай собрались и боярыни пріѣзжія разныхъ чиновъ, которыхъ царица также жаловала къ рукѣ. Потомъ повелѣла спросить Вознесенскую игуменю съ сестрами *о спасеніи*, а пріѣзжихъ боярынь *о здоровьѣ*. Этотъ церемонный спросъ передавала мать царицы, Анна Левонтьевна.

Въ тотъ же день царица ходила и въ загородные монастыри, въ Новодевичій, въ Зачатейскій и въ Страстной съ маленькими царевичемъ Петромъ и съ царевнами. Колымага была большая, запряженная въ 12 санниковъ (лошадей) цвѣтныхъ. Въ колымагѣ съ нею сидѣли мамы, родная мать, невѣстка, да боярыня Матрена Васильевна Блохина и кормилицы. А сидѣла царица съ царевичами Иваномъ и Петромъ да съ меньшими царевнами. Изъ мужчинъ царицу сопровождали Нарышкинъ отецъ, Матвѣевъ и Лопухинъ съ царицыными стольниками и нѣсколькими дворянами московскими, по списку. Впереди царицы шелъ и старшій царевичъ Федоръ Ал. въ своей каретѣ, запряженной въ 6 лошадей; съ царевичемъ сидѣли дядьки, а за каретою ѣхали ближніе люди. Въ особыхъ колымагахъ ѣхали царевны большія и царевны меньшія, сопровождаемыя также ближними людьми и дворянами московскими. Напередъ всего поѣзда шелъ стрелянный стрѣлецкій полкъ. подъ предводительствомъ головы. И въ этихъ монастыряхъ царица жаловала игуменей съ сестрами и собравшихся для такого случая разныхъ чиновъ боярынь, къ рукѣ: причемъ подъ руки ее держали также ближнія боярыни. Точно также и здѣсь былъ церемонный спросъ монахинь о спасеніи, а боярынь о здоровьѣ, объявленный матерью царицы, Анною Левонтьевною. По обыкновенію во время такихъ выѣздовъ отъ государя всегда пріѣзжали къ царицѣ, къ царевичамъ и царевнамъ ближніе люди со *здоровьемъ*, т. е. спросить

благополучно ли совершаютъ они свое богомолье. Точно также и царица отъ себя посылавала къ государю, когда онъ выѣзжалъ на подобныя богомолья и вообще за городъ, т. е. за кремлевскія стѣны. Иной разъ царица совершала такое богомолье вмѣстѣ съ государемъ. Такъ, въ томъ же 1675 г., въ Троицынъ день, мая 23, ходилъ государь съ царицею въ соборъ Архангельскій, въ монастыри Вознесенскій и Чудовъ и на Троицкое подворье. Ихъ сопровождали тѣже лица, которыя обыкновенно находились на выходахъ царицы, Нарышкинъ отецъ, Матвѣевъ и Нарышкины, братья царицы. Кремль былъ запертъ и никого не пускали до окончанія царскаго богомолья; самый выходъ безъ сомнѣнiя былъ совершенъ раннимъ утромъ.

Такіе же выѣзды по монастырямъ совершались и осенью по случаю субботы Дмитровской. Въ 1674 г. октября 24 царица Наталья Кирилловна ходила съ царевичами меньшими и съ царевнами въ Успенскій и Архангельскій соборы, въ Вознесенскій и въ Чудовъ монастыри, на Троицкое и на Кирилловское подворья и къ Николѣ Гостунскому. Съ нею были мамы: княгиня Голицына Ульяна Васильевна, Шереметева Ульяна Петровна, княгиня Лобанова-Ростовская Анна Никифоровна, Шереметева Настасья Ѳедоровна, кн. Ромодановская Прасковья Ивановна, мать царицы Анна Левонтьевна, невѣстка — Прасковья Алексѣевна Нарышкины; да верховныя боярыни: Анна Петровна Хитрово, кн. Анна Андр. Мещерская, Матрена Вас. Блохина, Марья Андр. Мартюхина, кн. Агафья Ухтомская, Марья Борис. Давыдова и иныя верховныя боярыни, да казначей Пелагея Ивашкина, также Карташова, Скрипина и иныя казначей. Изъ мужчинъ царю и дѣтей сопровождали тѣже ближніе люди: Нарышкинъ отецъ, Матвѣевъ, Стрѣшневъ, Матюшкины, Лопухинъ, дядька царевича Ивана кн. Прозоровскій, и двое братьевъ царицы. Кремль на время выхода точно также былъ запертъ ¹.

Впрочемъ главнымъ и неизмѣннымъ спутникомъ такихъ богомольныхъ выходовъ царицы во всякое время была милостыня, о которой и сообщаютъ намъ свидѣтельства расходныя денежные записки. Такъ въ 1632 г. февр. 6 (понедѣльникъ масляницы) царица Евдокія Лукьяновна ходила молиться къ Спасу на Новое да къ Знаменію Богородицы (что у стараго двора Рома-

¹ Дворц. Газр. III, 1086, 1235.

новыиъ) да въ Вознесенскій монастырь; и въ Спасскомъ монастырь роздано нищимъ поручно милостыни 2 р. 3 ал. 2 д., да изъ Сибири Тобольскаго города прїазшей старицѣ Каптелинѣ полполтныи; да по челобитнымъ бѣднымъ дѣтямъ боярскимъ и вдовамъ и черноризницамъ рубль. Въ субботу масляницы есвр. 11 царица ходила въ Новодевичій монастырь и на дорогѣ роздано нищимъ поручно 27 алт. 4 д.; старицѣ Евникинѣ на келью 5 р. Въ 1634 г. есвр. 16 на масляное заговѣнье царица Евдокія ходила изблиться въ монастырь къ Спасу на Новое и, идучи, пожаловала въ богадѣленную избу, что на Кулишвахъ, нищимъ прошеіе милостыни полтину; да на Ильинскимъ крестѣ старцу Марзелу рубль; да дорогою идучи поручно роздано нищимъ рубль 15 алт. Въ 1635 г. есвр. 2. (понедеальникъ масляницы) царица ходила въ монастыри къ Спасу на Новое и въ Вознесенскій, и на Кирилловское подворье, причемъ нищимъ роздано рубль 1 алт. 2 д. Февр. 4 въ среду ходила въ Новодевичій монастырь и пожаловала въ монастырь крылошанинѣ старицѣ Елинархѣ Темирязевѣ 2 р., да безмѣстной старицѣ Ирандѣ на платѣ рубль; да по ея приказу на милостыню роздано по дорогѣ нищимъ и всякимъ бѣднымъ людямъ 1 р. 19 алт. 4 д.

Когда не было вмѣстимаго дня и совершить выходъ самой царицѣ было невозможно, въ такомъ случаѣ она посылала деньги на установленную панихиду. Такъ была справлена Дмитровская суббота въ 1628 г. окт. 25, см. стр. 310. Въ 1631 г. мая 27 царица Евдокія велѣла послать въ Новоспаскій монастырь „для вселенной Троицкой субботы по родителехъ на панихиду 2 р., въ Вознесенской монастырь по царевнѣ Пелагїѣ на панихиду рубль“. Въ 1632 г. мая 13, тоже по случаю Троицкой субботы послала къ Спасу на Новое по государскихъ родителехъ на панихиду рубль.

Кромѣ того царицы неизмѣнно, если бывали вмѣстимые дни, хаживали *править панихиды* по усопшимъ въ дни ихъ кончины. Такъ царица Евдокія въ 1634 г. января 27, ходила къ Спасу на Новое править панихиду по своей свекрови иногѣ Марѣ Ивановнѣ, причемъ дорогою и въ монастырь роздано ея нищимъ 2 р. 18 ал. Большешю частію эти выходы дѣлались въ Вознесенскій монастырь, ибо тамъ покоилось усопшее царское женское когѣно.

Церковное поминовеніе усопшихъ сопровождалось всегда покорномъ духовнаго чина, который творилъ память и совершалъ

службу. Мы видѣли, т. I, 230, что во дворцѣ для такихъ покорновъ существовала даже особая палата, панихидная или сборная. Въ монастыряхъ гдѣ покоились родители, также всегда происходилъ такой покорнъ на всю братію или въ дѣвичьихъ на всѣхъ сестеръ; причеиъ раздавалась братіи и сестрамъ денежная ручная милостыня. Независимо отъ этихъ собственно церковныхъ покорновъ, въ самомъ дворцѣ происходили покорны на нищихъ, которые собирались въ царскіе хоромы на каждую *память*, т. е. въ каждое число, въ которое справлялось поминовение по усопшемъ, именно въ день кончины, въ день именинъ, и въ другіе подобные дни, см. выше стр. 178.

Чтобы дать вообще понятіе о томъ, съ какииъ богомольныиъ усердіемъ и съ какою милостинною щедростію совершались въ царскомъ быту поминки по усопшимъ, какъ вообще *строили* душу покойника и творили память о немъ, уважемъ на поминовение, справленное царемъ Алексѣемъ по умершей своей супругѣ царицѣ Маріѣ Ильичнѣ. Она скончалась въ 1669 г. марта въ 3 день, въ среду второй недѣли великаго поста, въ отдачу (на исходѣ) часовъ дневныхъ т. е. въ 6 часовъ вечера. На другой же день 4 марта совершенно было и погребеніе. Не будемъ говорить о томъ, какія суммы розданы изъ Приказа Большаго Дворца высшимъ духовнымъ властямъ, которые были на погребеніи: двумъ патриархамъ, двумъ митрополитамъ, епископу, архимандритамъ, игуменамъ и т. д. Мы уважемъ здѣсь только расходы, такъ сказать кабинетныя, изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ, откуда въ тотъ же день роздано нищимъ, которые въ числѣ 103 чел. шли за гробомъ, по рублю.

На *третини*, т. е. на третій день по кончинѣ (6 марта) въ деревянныхъ царицыныхъ хоромахъ, гдѣ она жила и скончалась, кормлено нищихъ 30 человекъ и роздано имъ милостыни по рублю. Въ тотъ же день ввечеру на Аптекарскомъ дворѣ ¹

¹ Аптекарскій Дворъ, Новый, построенъ былъ царемъ Алексѣемъ, и находился на Воздвиженнѣ, подлѣ Воздвиженскаго монастыря, гдѣ теперь зданіе Казенной Палаты. Это былъ собственно дворцовый запасный дворъ, на которомъ сохранялись всякіе хлѣбныя и столовыя запасы и питье и производилось *водочное сиденье* и *вишняя дегонка*, пиво-варенье, также дѣлали морсы, *ставили* постли и виноградъ и арбузныя колосы и т. п. Онъ состоялъ въ вѣдѣніи приказа Тайныхъ дѣлъ, а съ 1676 г. поступилъ въ приказъ большаго Дворца. Здѣсь же, при царѣ Алексѣѣ, подлѣ надворномъ сокольникѣ Зотѣ Полозовѣ происходила

кормлено нищихъ 81 чел., въ тотъ же день кормлены тѣ же, терле шилъ въ дробомъ, при чемъ роздано 10 чел. по палаткѣ 20 и по 25 ч., а 51 ч. по 2 гривны. 9 марта государь былъ у стеновой и изъ своихъ рукъ позволилъ жаловать для поминовения по дарствъ на сорочоусты въ сбербы, большіе и дворцовыя, и во всея кремлевскія и нѣкоторыя другія церкви, всего роздалъ 651 р. 16 алт. Въ тотъ же день на Ангеларскомъ дворѣ кормлены раненыя и вышедшіе изъ плону стрельцы 72 ч.; роздано имъ по рублю.

На десятомъ, въ девятый день, 13 марта, послѣ заутрени царь жаловалъ на красномъ крыльцѣ нищихъ милостынею, а роздано 16 р. 13 ал. 2 д. Давидкимъ правлены въ Чудовѣ, т. е. тамъ служилъ панхиду, причемъ царь роздалъ архимандриту съ братьями 448 р. Марта 20 царь ходилъ въ давичьи монастыри, въ Алексѣевскій, Зачаговскій и Никитскій, и въ богородскія и раздавалъ тамъ на поминовение милостыню; а во дворцѣ въ тѣхъ же деревянныхъ царичьихъ хоромахъ кормилъ нищихъ, которымъ роздано 36 р.

24 марта, по дню Благовѣщенья, государь разослалъ во всея монастыри московскія, городскія и загородныя и важнѣйшіе изъ подмосковныхъ: 360 осетровъ (длиною отъ 2 до 1½ арш., цѣною по рублю), 50 бѣлугъ (дл. отъ 3 до 2½ ар., цѣною по 2 р.), 30 тешъ соленыхъ бѣлужныхъ. Въ тотъ же день для поминовения послано въ Троицкій монастырь 504 р., въ Саввинъ 260 р. 17 ал. 2 д. — 25 марта государь изъ своихъ рукъ роздалъ крестовымъ и пѣвчимъ дьякамъ, которые на мѣстѣ (въ хоромахъ) и на гробу царицы псалтырь говорили; а также и всемъ комнатнымъ крестовымъ у царицы, царевичей и царевенъ за псалтырь, который вѣроятно они говорили по комна-

всегда поминая, а также праздничная кормка пѣвчихъ и другихъ чиновъ, а главное нищихъ, для чего на дворѣ построена была особая палата длиною, по Шуйскому переулку, слышкомъ 10 саж., поперегъ 7 саж., съ 14 большими окнами, съ двумя поставцами, одинъ въ 3 саж., другой въ 1½ саж., и въ 1 арш. шириною, у нихъ по 2 ступени шириною по 1 арш. Вокругъ поставцовъ стояло 30 столовъ разной величины, отъ 3 до 5 арш., а при нихъ 60 скамей. Въ палатѣ была печь большая съ козломъ и съ каменницею для большаго тепла. Сокольникъ Зотъ Полозовъ здѣсь раздавалъ всегда и денежную милостыню по назначенію государя. Такъ, напр. въ теченіи 1665—1666 года ему выдано изъ Тайнаго Приказа на кормлю и на милостыню, въ разныхъ мѣсяцахъ, 665 р. Нищихъ бывало чаебать по 300 и 600 ч.

тамъ, всего 39 ч., за псалтырь 336 р.¹, да за вынось и за погребенье, 43 ч., 133 р. 13 ал. 2 д. Въ тотъ же день изъ своихъ государскихъ же рукъ роздалъ верховнымъ богомольцамъ и немущимъ, 13 ч., по 5 р. — 27 марта въ субботу пятой недѣли поста государь кормилъ въ деревянныхъ хоромахъ царицы нищихъ, роздано 32 р. — 28 марта, въ воскресенье, опять тамъ же кормлено 32 чел. нищихъ, при чемъ милостыню имъ раздавалъ царевичъ Алексѣй, по рублю человѣку. Апрѣля 1, въ день именинъ покойной царицы Марьи государь приказалъ выдать 3 р. дьячку отъ царицыной Евдокѣинской церкви на Сѣняхъ, Ивану Архипову, за псалтырь, что онъ въ той церкви говорилъ за великаго государя въ великій постъ. Тогда же въ ночи государь ходилъ въ богадѣльни и въ тюрьмы и роздалъ въ Кулижской и Покровской богадѣльняхъ 200 ч. по рублю; на Тюремномъ дворѣ 811 ч. по рублю; на Земскомъ (въ тюрьмахъ же) 875 ч. по рублю, и т. д. Всего роздано въ этотъ выходъ и по дорогѣ нищимъ 2418 р. 31 ал. 2 д. Въѣсть съ тѣмъ для поминовенія царицы государь повелѣлъ колодниковъ и тюремныхъ сидѣльцовъ освободить, а истцовы искы и пошлины за нихъ заплатить, всего на 807 р. 21 ал. 1 д. Апрѣля противъ 3 числа въ ночи государь ходилъ въ дѣвичьи монастыри Георгіевскій, Страстной и Моисеевскій, да къ священнику Никитѣ, и къ разслабленному Зиновію, что у него на дворѣ, и роздалъ изъ своихъ рукъ, для поминовенія по царицѣ, игуменьямъ по 2 р. старицамъ 386 ч. по рублю, священнику 50 р., разслабленному и казненымъ и нищимъ, которые были собраны къ нему священнику на дворѣ, и дорогою нищимъ и вдовамъ, безсчетно 109 р.: всего роздано въ этотъ выходъ 600 р. 13 ал. 2 д. Апрѣля 3 въ субботу Лазарева Воскресенья въ деревянныхъ царицыныхъ хоромахъ кормлено 75 ч.: роздано по рублю. Апрѣля 4 на Аптекарскомъ дворѣ роздано нищимъ 100 ч. по гривнѣ, да имъ же куплено калачей и пр. корма на 3 р. Во 2 часу ночи въ хоромахъ царицы кормлено 61 ч. нищихъ, роздано по рублю. Апрѣля 7, къ празднику Свѣтлаго Христова Воскресенья и для поминовенія царицы въ соборы и въ придѣлы церковному причту разсланы говяжья стяги. Апр. 8

¹ Въ 1637 году генв. 28 царица Евдокія выдала сорокъ рублей къ Спасу на Новое псалтырникамъ, которые говорили псалтырь четыре четьредесятницы по инокъ Марѣѣ Ивановѣ.

розданы по монастырямъ купленная рыба и масло коровье — для поминовенія, а на Аптекарской дворъ на кормку нищихъ куплено куръ индѣйскихъ, гусей, утокъ на 126 р.

Апрѣля 11 въ Свѣтлый день въ хоромахъ царицы кормлено 73 ч. нищихъ, дано по рублю. Послѣ вечерни государь ходилъ въ Вознесенскій монастырь въ гробу царицы, а оттуда въ каменной застѣнокъ, что у Спасскихъ воротъ и жаловалъ тамъ безсчетно изъ своихъ рукъ раненыхъ рейтаръ и солдатъ и нищихъ: роздано 200 р. 20 алт. Въ понедѣльникъ 12 окт. въ хоромахъ царицы кормлено 76 ч. нищихъ, дано по полтинѣ. И каждый день, во всю недѣлю, въ тѣхъ же хоромахъ кормлены нишіе въ такомъ же почти количествѣ съ раздачею имъ милостыни по полтинѣ человѣку.

По истеченіи первой четырехдесятницы государь, апр. 20, указалъ править другую четырехдесятницу, т. е. другіе сорочины и на раздачу милостыни повелѣлъ выдать головѣ стрѣльцкому Авраму Лопухину 1000 р. Въ хоромахъ царицы кормлено 72 ч. нищихъ, и роздано одному рубль, прочимъ по полтинѣ. Въ стрѣльцкихъ слободахъ вдовамъ и сиротамъ роздано 176 р. 18 алт. 4 д. Тогда же государь указалъ раздавать на Аптекарскомъ дворѣ, во время кормки, нищимъ на другую четырехдесятницу, въ которые дни было погребеніе, третины, девятины, полусорочины и сорочины, на день 130 челов., по полуполтинѣ. Въ придѣльные дворцовыя церкви наняты тогда священники служить латургію и панихиды, пѣть по царицѣ въ годъ по вся дни; а въ другую четырехдесятницу съ того числа (20 апр.) по вся дни ввечеру пѣть панихиды, а какъ четырехдесятница отойдетъ и имъ пѣть въ недѣлѣ по три панихиды, противъ вторника, четверга, субботы.

На другой день, 21 апр., во всѣ московскія церкви розданы деньги на сорокоусты. Въ царицыныхъ хоромахъ за обѣдомъ кормлено 52 ч. нищихъ, роздано имъ по полтинѣ; потомъ ввечеру кормлено 80 ч., дано по стольку же. Апр. 27 въ другую четырехдесятницу, на девятины, тамъ же кормлено нищихъ за обѣдомъ 60 ч., за ужиномъ 12 чел.; дано по полтинѣ. На Аптекарскомъ дворѣ велѣно кормить въ эту четырехдесятницу на девятины, на полусорочины и на сорочины нищихъ по 130 человѣкъ въ день, на что дано 21 р. 10 алт. — Мая 1 государь велѣлъ окупить колодниковъ, которые сидятъ по приказамъ и стоять на правесахъ въ долгахъ и искахъ; на выкупъ издержано

416 р. 11 ал. 2 д. — Мая 2 въ воскресенье за два часа до вечера въ хоромахъ царицы кормлено 72 ч. нищихъ, дано по полуполтинѣ. На полусорочины другой четыредесятницы, 8 мая, государь послѣ всенощнаго ходилъ къ панихидѣ въ Вознесенскій монастырь и роздалъ дорогою нищимъ безсчетно 17 р. 13 ал. Въ хоромахъ царицы въ тотъ же день кормлено нищихъ 72 ч. — Мая 10 государь былъ въ селѣ Островѣ и въ саду изъ своихъ рукъ роздалъ нищимъ, 68 ч., по полуполтинѣ. Изъ села Острова онъ ходилъ къ панихидѣ въ Николаевскій монастырь на Угрѣшѣ и пожаловалъ на сорокоустъ 10 р., на панихиду 4 р., да ручной милостыни игумену и братіи и на монастырѣ нищимъ роздано 4 р. 8 ал. 2 д. — Мая 16 и 24 въ хоромахъ царицы кормлено нищихъ 72 ч., дано каждому по полуполтинѣ. 28 мая послѣ вечерняго пѣнія кормлено передъ столовою въ сѣняхъ нищихъ тоже 72 ч., причемъ милостынею ихъ жаловалъ изъ своихъ рукъ царевичъ Алексѣй. Юни 5 государь послалъ для поминовенія въ Кіевъ въ Печерскій монастырь 20 пудъ масла деревяннаго (по 3 р. 5 алт. за пудъ), 10 пудъ ладону блага самаго добраго (по 12 р. 50 к.), да 50 пудъ воску.

1 Сентября государь опять кормилъ нищихъ 30 чел. для поминовенія по царицѣ въ Передней и роздалъ имъ изъ своихъ рукъ по полтинѣ. 8 числа кормлены нищіе 84 чел. въ Золотой царицыной палатѣ: имъ роздалъ государь изъ своихъ рукъ одному 2½ р., а прочимъ по полтинѣ. Это было въ день Рождества Богородицы, въ годовой праздникъ на Сѣняхъ царицы, по главному престолу Рождественской церкви. По этому случаю и кормка нищихъ происходила съ бѣльшимъ торжествомъ въ Золотой пріемной палатѣ царицѣ. 18 сент. въ Троицкомъ богомольномъ походѣ царь для поминовенія роздалъ изъ своихъ рукъ архимандриту Троицкаго монастыря и братіи 1822 р. Октября 22, по случаю Дмитровской субботы, для поминовенія царицы царь снова кормилъ въ Передней и въ Комнатѣ 60 чел. нищихъ и роздалъ имъ изъ своихъ рукъ по полтинѣ. Ноября 28 такимъ же образомъ кормлены нищіе 72 ч. въ царицыной Золотой палатѣ, дано изъ своихъ рукъ по полтинѣ. 23 декабря государь разослалъ въ монастыри къ празднику Рождества Христова для поминовенія рыбу, масло, 763 ведра меду кислаго, 181 четверть крупъ гречневыхъ.

Въ праздникъ Рождества Христова, 25 дек., государь кормилъ нищихъ 80 ч. въ Золотой царицыной палатѣ и роздалъ изъ сво-

ихъ рукъ по рублю каждому. Такое же количество нищихъ и въ той же палатѣ для поминовенія царицы кормлено въ неопустную родительскую субботу 5 февр. 1670 г. Въ этомъ году по случаю годовщины, 4 марта, на Ильинскомъ крестѣ куплено 2000 вагачей двуденжныхъ для роздачи нищимъ и колодникамъ въ тюрьмы, а богадѣннымъ роздана денежная милостыня; таковая милостыня разослана въ монастыри. 5 марта для помину царицы кормлены на тюремномъ дворѣ всѣ колодники, а въ ея Золотой палатѣ нищія 120 ч., которымъ дано изъ своихъ рукъ по полтинѣ. Тамъ же кормлены съ раздачею милостыни 121 ч. марта 19. Марта 25 въ день Благовѣщенія государь кормитъ въ царицыной Золотой 30 ч. священниковъ, которые служатъ по ней государынѣ годовую службу, да нищихъ 60 ч., и роздалъ изъ своихъ рукъ, пошамъ по 2 р., и по портищу (куску) матеріи — дорогъ персидскихъ, а нищимъ по полуполтинѣ. 3 апр. въ Свѣтлое Воскресенье кормлены нищія 30 ч. въ Золотой царицыной, дано изъ своихъ рукъ по полтинѣ. Такіе же столы были справлены въ той же палатѣ 7 и 8 числа. 12 числа тамъ же кормлено 120 чел. Въ тотъ же день куплено 15 пироговъ-большихъ, по 23 ал. 2 д. за пироги, которые и развезены въ богадѣльни и въ тюрьмы. Мая 21 въ Золотой царицы кормлено нищихъ 90 чел. съ раздачею изъ своихъ рукъ по полуполтинѣ. Мая 28 тамже кормлены 33 ч. священниковъ, которые служатъ по царицѣ годовую службу, дано по 2 р. и по портищу сукна. Сверхъ того покормъ нищихъ по тѣмъ же днямъ происходилъ и на Аптекарскомъ дворѣ, а иной разъ кормили и колодниковъ на тюремномъ дворѣ и въ разбойномъ приказѣ, какъ было 5 марта и 6 апрѣля. Не говоримъ о другихъ не столь значительныхъ милостынныхъ подаваніяхъ.

Вообще годовщина памяти справлялась постоянно и неизмѣнно каждый годъ и церковною службою, и раздачею милостыни и между прочимъ всенародною раздачею нищимъ колачей или хлѣбовъ. Въ 1674 г. государь указалъ раздать по царицѣ Марьѣ марта 3 дня (памяти) преставленія, а марта 4 дня погребенія по двуденжному хлѣбу на милостыню, по Приказамъ колодникамъ, въ тюрьмы тюремнымъ сидѣльцамъ, въ богадѣльни нищимъ, да по улицамъ нищимъ особо 1000 человекамъ. Всего въ первый день было роздано 2884 хлѣба, въ томъ числѣ въ 28 приказахъ 471, въ тюрьмахъ 933, въ двѣнадцати богадѣль-

няхъ 480 и на 16 улицахъ 1000. Хлѣбы развозили на извозчицкихъ телегахъ ¹.

Тоже самое, если и не съ такою щедростью происходило въ подобныхъ случаяхъ и на царичьей половинѣ. Такъ въ 1634, когда скончался патриархъ Филаретъ Никитичъ, по немъ въ теченіи сорочинъ каждый день раздавалась нищимъ милостыня отъ царицы. Раздавалъ на дворцѣ по рукамъ царицынъ дворецкій Фед. Степ. Стрешневъ. 10 октября на девятины роздано такимъ образомъ 3 р., въ остальные дни по рублю и въ самые сорочины, т. е. въ послѣдній день 2 р. Въ 1636 г. съ 20 іюня, когда скончалась маленькая царевна Софья Мих., по ней во всѣ сорочины, каждый день раздавалась изъ хоромъ царицы милостыня нищимъ, причемъ самая высшая цифра въ день была около 8 р., а меньшая 20 алтынъ.

Все это была поминная милостыня только комнатная, свое-ручная, и потому болѣе или менѣе тайная. Приказная или оффиціальная раздача на поминъ души духовному чину и нищимъ простиралась всегда до огромной цифры, особенно, если поминки справлялись по самомъ государѣ. По свидѣтельству Котошихина на царское погребеніе выходило, на Москвѣ и въ городахъ, близко того, что на годъ собиралось казны или дохода со всего государства. На поминовеніе царицы выходило противъ царскаго въ половину; на поминовеніе царевича противъ царичьина малымъ чѣмъ съ убавкою, а на поминки царевны противъ царскаго въ четвертую долю. — Кромѣ денежной раздачи всегда также справлялись по установленнымъ днямъ панихидные кормы.

Изъ богомольныхъ, также годовыхъ походовъ по далекимъ замосковнымъ монастырямъ, о которыхъ мы отчасти уже упоминали выше, особенно былъ соблюдаемъ походъ Троицкій къ чудотворцу Сергію, куда царица какъ и государь, ходила творить чудотворцеву память каждый годъ обыкновенно осенью, освящая богомольемъ день его преставленія 25 сентября. Выше мы также видѣли, что если по какому либо обстоятельству этотъ осенній походъ совершить было нельзя, царица хаживала туда и въ другое время, чаще весною и даже зимою, почи-

¹ Расх. книги приказа Тайныхъ Дѣлъ 177 и 178 г. въ архивѣ Моск. Дворц. конторы.

тая неизвѣннымъ благочестивымъ обѣтомъ молиться у чудотворца въ монастырѣ ежегодно. Въ иные года Троицкія походы она совершала и по два раза, напр, въ 1548 г. въ іюнѣ и сентябрѣ; въ 1637 г. въ сентябрѣ и потомъ въ ноябрѣ.

Само собою разумѣется, что милостыня сопровождала каждый богомольный шагъ царицы и особенно въ этихъ отдаленныхъ походахъ, предпринимаемыхъ обыкновенно по обѣщанію. При богомольномъ настроеніи мыслей и при великомъ множествѣ нищихъ, дѣйствительно, нельзя было въ то время и шагу сдѣлать безъ подавлія, которое въ мелкихъ раздачахъ ограничилось обыкновенно однимъ алтыномъ на человѣка.

Объ этомъ подробнѣе рассказываютъ намъ расходныя записки такихъ походовъ, которыя мы помѣщаемъ въ отдѣлѣ матеріаловъ. Вообще царицны богомольныя и другіе походы изъ Москвы своими расходными записками раскрываютъ особенную простоту отношеній царицы къ населенію вообще, деревенскую простоту и непосредственность ея быта. Дорогою идучи, она нерѣдко потѣшала своихъ маленькихъ дѣтей, царевичей и царевенъ, покупкою имъ игрушекъ и разныхъ гостинцевъ, какіе бывали на торгу и какими обыкновенно потѣшались простой народъ.

Она покупала имъ въ возокъ: калачики пшеничные сдобные и тертые, яблоки садовые и рѣзань, ягоды, орѣхи, морковь и рѣпу и т. п. гостинцы, кромѣ различныхъ игрушекъ.

По дорогѣ крестьянки, попадая съ попами выходили къ ней на встрѣчу изъ деревень и подносили, кто что могъ, у кого что было: хлѣбъ — соль, калачи, пироги, ягоды, клюкву, квасъ, пиво, брагу, сотовой медъ, пряники разныхъ видовъ, сыръ, блины, рѣпу и т. п., за что получали небольшую награду алтына по два, по гривнѣ, по полтинѣ, по рублю и больше, смотря по обстоятельствамъ и лицамъ.

Касательно другихъ годовыхъ выходовъ, мы уже знаемъ, что царица не присутствовала публично при торжественныхъ праздничныхъ служеніяхъ церкви, ни при совершеніи церковныхъ торжественныхъ обрядовъ, на которые неизмѣнно всегда выходилъ одинъ только государь и объявленный царству наслѣдникъ — царевичъ. Но и въ своемъ удаленіи отъ публичной жизни царица тоже слѣдовала нѣкоторымъ обычаямъ и обрядамъ, какіе для непремѣннаго исполненія освящены были церковнымъ благословеніемъ. Такъ 1 августа, въ день торжествен-

наго церковнаго освященія воды, когда государь погружался самъ въ іордань на Москвѣ рѣкѣ подѣ Симоновымъ монастыремъ (т. I, 343), и царица совершала такое же погруженіе во іордань, при царѣ Михаилѣ обыкновенно въ селѣ Рубцовѣ, на прудахъ. Въ 1629 г. іюля 31 для этой цѣли изъ царицыной Бѣлой Казны отпущено было въ свѣтлицу на простыни іерданскія въ село Рубцово пять полотень тверскихъ. Въ царицыной казнѣ сохранялась: „коробья новгородская, а въ ней простыни, которыя были на іердани, какъ омочалась во іердани государыня царица Евдокія Лукьяновна“.

Изъ описанія царскихъ выходовъ и приемовъ мы уже видѣли (т. I, глава III и IV), что торжественные приемы у царицы какъ самого государя, такъ патріарха, и высшаго духовнаго и свѣтскаго чина, ограничивались немногими днями большихъ годовыхъ праздниковъ, каковы были праздниѣ Рождества Христова, одинъ изъ прощенныхъ дней масленицы и Свѣтлый день, а также какими либо особыми торжественными случаями, семейными (свадьба, родины, крестины) и церковными (поставленіе святителей).

Такіе приемы происходили обыкновенно въ царицыной Золотой палатѣ. Намъ неизвѣстно, въ какомъ порядкѣ окружалъ ее въ это время ея дворовый чинъ или штатъ; но можемъ полагать, что порядокъ былъ обычный, какой соблюдался и въ палатахъ государя. Такъ безъ всякаго сомнѣнія младшіе женскіе чины царицы стояли деремонно и сидѣли въ сѣняхъ передъ палатою, а въ палатѣ пріѣзжія боярыни сидѣли, подобно какъ и бояре у государя, на лавкахъ, по сторонамъ царицына мѣста. У самаго мѣста, подлѣ царицы стояли боярыни изъ самыхъ близкихъ къ царицѣ особъ, какъ напр. родная ея мать, тетка, сестра... Къ великому сожалѣнію выходныя книги царидѣ, въ которыхъ могли быть записаны подобные чиновные приемы, не сохранились, но судя по нѣкоторымъ указаніямъ существовали ¹ да и должны были существовать, какъ обычныя

¹ Въ 1650 г. февр. 11 переплетчикъ Ст. Андреевъ переплеталъ три книги изъ царицыной мастерской палаты: *выходную*, *приходную* и *расходную* 156 и 157 (1648—1649) годовъ, за что и за прикладъ получилъ 13 алт. 2 денги. — А. О. П. № 806.

заниси отдѣльнаго придворнаго вѣдомства царицыной мастерской палаты.

И въ этомъ случаѣ дополнительною чертою можетъ послужить разсказъ пѣсни — былины о приѣмѣ богатырей у Дюковой матушки.

„Вошли они въ палату бѣлокаменну,
Они Господу Богу поклоулися,
Крестъ они клали по писанному,
Поклонъ-то вели по учекому,
На вѣс на три-на-четыре на сторонки покланялися.
Честной вдовѣ (Дюковой матушкѣ) въ особину:
Здравствуешь честна вдова Настасья Васильевна,
Дюкова Степанова матушка!
Говоритъ она таковы слова:
Не есть я Дюкова матушка,
А есть я Дюкова *рукамошница*.
Вошли они въ другой покой,
Опять именько покланяются“.

Здравствуютъ и получаютъ отвѣтъ, что это Дюковая *портюшница*; въ третьемъ повоѣ также имъ отвѣтила Дюковая *стольница*. Проводили, наконецъ, ихъ красныя дѣвушки ко Дюковой матушкѣ; покланяются они и удивляются... ¹

На Рождествѣ и на Свѣтлой недѣлѣ патриархъ съ духовными властями приходилъ въ царцѣ и въ большимъ царевнамъ „славить Христа“. Вмѣстѣ съ тѣмъ на свѣтлой недѣлѣ онъ и духовенство подносили государынѣ и царевнамъ благословенные образы и кресты и обычные великоденскіе дары, въ числѣ которыхъ самое видное мѣсто занимали, какъ извѣстно, *золотые* (иностранные червонцы).

Въ тотъ же самый день царица принимала у себя и государевъ свѣтскій чинъ, приходившій челомъ ударить и здравствовать съ праздникомъ. Такъ было въ Свѣтлый день 7 апрѣля 1667 г., когда вмѣстѣ съ патриархомъ и духовными властями царица въ присутствіи государя принимала бояръ, окольничихъ, думныхъ людей и спальниковъ, т. е. ближнихъ людей. Въ 1668 г. марта 24, во вторникъ ² на Святой царица въ присутствіи государя и объявленнаго царевича Алексѣя Алексѣевича при-

¹ Рыбн. I, 294.

² По другому свидѣтельству въ пятницу. См. Выходы царей и Дочелн. къ Атамъ Историч. т. V, 124.

нимала въ своей Золотой палатѣ Вселенскихъ и московскаго патріарховъ, властей и бояръ.

Въ 1665 году марта 26, въ самый день Пасхи, царица по случаю послѣднихъ дней беременности царевичемъ Симеономъ не могла совершить этого торжественнаго приѣма и потому въ ея же Золотой палатѣ справлялъ приѣмъ свѣтскаго мужскаго чина одиннадцатилѣтній царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, еще не объявленный народу и на этотъ только случай, какъ бы представляя лицо матери царицы, явившійся въ первый разъ предъ царскимъ синклитомъ, разумѣется въ присутствіи самого государя. Царевичъ въ то время жаловалъ къ рукъ бояръ, окольниковъ, думныхъ людей и спальниковъ. Это было самое великое жалованье какое только могъ государь оказать своему боярству въ великій день Свѣтлаго праздника. Въ 1675 г. подобный приѣмъ былъ назначенъ, также въ самый день Пасхи, 4 апрѣля, но по какому-то случаю отмѣненъ и происходилъ на другой день только у государя. Въ составленной для этого приѣма запискѣ, ему назначался слѣдующій порядокъ: „Апрѣля въ 4 день были у в. государя и у г. царицы свѣтѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Росіи да власти съ образы: Павелъ, митроп. Сарскій и Подонскій; Филаретъ, митроп. Нижегородской и Алаторскій; Мисайло, митроп. Бѣлогородскій и Обоянскій; Варсунофій, архіеп. Смоленскій и Дорогобужскій; Юсифъ, архіеп. Коломенскій и Коширскій; Іоакимъ, епископъ Сербословенскій и Оршанскій; да архимандриты: Чудовской, Новоспаскскій, Симоновскій, Андроньевскій, Петропавловскій, Богоявленскій; да игумены: Знаменскій, Здвиженскій, Златоустовскій, Стрѣтенскій, Новинскій; да протопопъ большаго (Успенскаго) собора Кондратъ, да ключари да протодьяконъ. Тогожь числа были у в. государя и у в. государыни царицы въ ея Золотой палатѣ челомъ ударить: царевичи Сибирской Алексѣй Алексѣевичъ, Касимовскій Михаилъ Васильевичъ и бояре, окольникіе, думные дворяне, думные дьяки, крайчій, постельничій, стряпчій съ ключомъ и ближніе люди. И жаловала государыня царица, при немъ в. государѣ, къ рукъ свѣтѣйш. Іоакима патріарха да властей, да царевичевъ, да бояръ, и проч. А были за г. царицею и стояли въ Золотой палатѣ верховныя боярыни (также родная мать и неvěстка царицы). А г. царицу держала подъ руку, какъ жаловала къ рукъ, ея мать боярыня Анна Левонтьевна Нарышкина. Да у г. царицы были въ тѣ

поры въ прѣздѣ-жъ 15 боярынь разныхъ чиновъ. Да передъ в. государемъ и передъ г. царицею стояли бояре: отецъ царицы Кир. Пол. Нарышкинъ да Арт. Серг. Матвѣевъ. А шапку и колпакъ и посохъ в. государя держали въ тѣ поры ближніе люди, 2 человека, по перебивкамъ. А образы указавъ в. государь принимать у патриарха и у властей, которыми благославляли г. царицу, и у архимандритовъ бояремъ отцу царицы Нарышкину и Матвѣеву и принявши отдавать уставщику Фомѣ Никитову. Незавѣстно, приходилъ ли съ поздравленіемъ къ царицѣ свѣтскій мужской чинъ, кромѣ Свѣтлаго дня, и въ другіе праздники. Кажется это былъ только одинъ день, въ который растворялись двери женскаго терена ради самого церковнаго торжества, именно ради его особеннаго смысла.

Въ прощенные дни масленицы, именно въ сыропустное воскресенье, приходилъ къ царицѣ „прощаться“ патриархъ со властью, напр. 3 марта 1633 г., 4 февр. 1649 г.

Необходимо замѣтить, что пришествіе патриарха почти всегда сопровождалось и пришествіемъ самого государя, да ехвали и случался какой либо торжественный пріемъ у царицы мужскаго чина не въ присутствіи государя. Само собою разумѣется, что въ это же время приходили къ царицѣ прощаться и наиболѣе близкіе къ ней люди изъ мужчинъ, т. е. родной отецъ, братья, и др. Въ 1675 г. февр. 14, въ сыропустное Воскресенье царица Наталья Кирилловна принимала у себя и жаловала къ рукѣ: Нарышкина своего отца, Матвѣева, думн. двор. Лопухина и братьевъ; также свою мать, тетку, невѣстку, и весь свой дворовый чинъ: мамъ, вѣрховыхъ боярынь, казначей, постельницъ, мастерицъ.

Въ тѣже дни происходили и особенные торжественные пріемы у царицы женскаго чина, именно прѣзжихъ боярынь, которыя, на Рождествѣ вмѣстѣ съ поздравленіемъ подносили ей и царевнамъ *перепечи* (т. I, стр. 310), на масленицѣ собирались къ ней прощаться, а на святой христосоваться, при чемъ также подносили перепечи¹. Въ это время прощаться и христосо-

¹ 173 г. марта 26 на праздникъ Свѣтлова Христова Воскресенія г-ня царица и в. к. Марья Ильичи и г-нямъ ц-намъ Большимъ и Меньшимъ ударили челомъ боярыни перепечами: Касимовскаго царевича жена 30 перепечь; Сибирскаго царевича большаго 30; меньшаго 30; бояр. Бор. Ив. Морозова жена, вдова Анна Ильична 36; бояр. И. Д. Милославскаго 36; бояр. кн. Ив. Петр. Пронскаго 30; бояр. кн. Ив. Алекс. Вороты-

атся съ прѣзжими боярынями приходилъ къ царицѣ и самъ осударь ¹.

Само собою разумѣется, что дворовый домашній чинъ царицы удостоивался государева лицеарвія еще прежде назначенныхъ торжественныхъ пріемовъ, т. е. въ то же время, какъ осударь приходилъ къ самой царицѣ. Такъ въ 1675 г. въ самый день Пасхи, апрѣля 4, „пришедши великій государь отъ бѣдни изъ соборной церкви къ себѣ въ Верхъ въ хоромы государыни царицы, жаловалъ къ рукѣ и яйцы: мамъ, да боярыню Анну Левонтьевну Нарышкину, мать царицы, съ дочерью Авдотьей Кириловною, сестрою царицы, и съ невесткою Грасковью Алексѣевною Нарышкиною, женою Ив. Кир., да ерховыхъ боярынь царицы и царевенъ, и крайчихъ и казначей всѣхъ, и постельницъ всѣхъ же“.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на святой царица и большія царевны принимали всѣхъ своихъ дворовыхъ людей до самого младшаго чина. Объ этомъ мы можемъ заключать по поводу такого пріема у царевны Ирины Михайловны, къ которой, какъ къ своей помѣщицѣ, въ 1675 г. на святой недѣлѣ „приходили къ образы изъ села Покровскаго протопопъ Покровской съ соборомъ: да за образы же приходилъ Покровской приващикъ шѣсть съ протопопомъ, и старосты и лучшіе крестьяне. И государыня царевна пожаловала ихъ, велѣла кормить протопопа съ соборомъ и приващика со крестьяны доволи (сколько стаетъ воли) и поить“.

Справляя храмовые праздники у себя на сѣняхъ, въ своихъ ерховыхъ церквахъ, въ которыхъ нерѣдко въ присутствіи осударя служилъ литургію и самъ патріархъ, царица, безсомнѣнія, послѣ службы принимала его въ своихъ хоромыхъ, въ одно

наго 30; бояр. Ив. Вас. Морозова 30; бояр. Вас. Вас. Бутурлина 30; бояр. Ив. Андр. Милославскаго жена, вдова 30 пер.; бояр. Глаба Ив. Морозова жена, вдова 30 пер.; бояр. Мих. Мих. Салтыкова 30; бояр. Петра Гих. Салтыкова 30; бояр. Вас. Ив. Стрешнева 30; бояр. кн. Фед. Юр. Своростинина 30; бояр. кн. Фед. Никитича Одоевскаго жена, вдова кн. Софья Ивановна 30 пер.; стол. кн. Юр. Ив. Ромодановскаго жена 36 пер.; ст. Никиты Иван. Шереметева жена Авдотья Федоровна 30 перепечь.

¹ На святой: 22 апр. 1648 г., 24 апр. (въ пятницу) 1663 г. и на ялницѣ: 2 февр. въ пятницу 1649 г., 8 февр. въ субботу 1651 г., 27 февр. въ пятницу 1652 г., 18 февр. въ пятницу 1653 г.

время съ государемъ. Особенно чтимъ ею былъ храмовой праздникъ ея соборной церкви Рождества Богородицы, 8 сентября, праздникъ такъ называемаго въ народѣ бабьяго гѣта. Въ этотъ день послѣ молебна царицѣ подносила была патриархомъ св. вода черезъ патриаршаго подьяка, которому царица по обычаю всегда жаловала за это 16 алт. 4 д.

Должно упомянуть также о приемахъ духовнаго чина, изъ городовъ, монастырей и пустынь, который прїѣзжалъ съ праздничною св. водою и съ крестомъ по случаю своихъ храмовыхъ праздниковъ.

На первой недѣлѣ великаго поста къ царицѣ приходили стряпчіе изъ нѣкоторыхъ, вѣроятно, особо жалуемыхъ монастырей и подносили ей, равно и всѣмъ царевнамъ по хлѣбу, по кружкѣ квасу и по блюду капусты, каждой особѣ отъ каждаго монастыря (т. I, стр. 322). Приемъ дѣлался на внутреннемъ царскомъ дворѣ, у постельныхъ хоромъ, на каменной гѣстицѣ, что у мастерской палаты (въ нижнемъ этажѣ теремнаго зданія). Но не можемъ сказать опредѣлительно, сама ли царица выходила на крыльцо или же подношеніе происходило, что вѣроятнѣе, черезъ ея дворецкаго или дьяка и дворовыхъ боярынь. Отчасти мы и выше видѣли (стр. 279), что монастырскому хлѣбу и квасу, какъ нѣкоей благостынѣ, придавалось особое значеніе и этотъ благословенный монастырскій даръ принимался всегда съ особымъ благочестіемъ.

Обыкновенные праздничные приемы у царицы, разумѣется одного только женскаго чина, происходили въ дни годовыхъ большихъ праздниковъ: на Рождество Христово, на Великѣ-день, въ Преображеніе, 6 августа; въ день Рождества Богородицы 8 сентября; также въ одинъ изъ прощенныхъ дней масляницы и въ дни царскихъ именинъ, празднованіе которыхъ, по случаю постовъ или другихъ какихъ обстоятельствъ переносилось иногда на другіе дни, болѣе удобные для совершенія торжества и пиршества. Въ эти дни къ царицѣ во дворецъ собирались *прїѣзжія боярыни* и прїѣзжали всегда по особому зву и по списку, составляемому предварительно царицынымъ дворецкимъ. Звать боярынь ходили обыкновенно боярскіе дѣти царицына чина, получая всегда отъ нихъ обычное *званіе*, день-

гами, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ, на родины и крестины, подарками, болѣе или менѣе дорогими, смотря по богатству или по особой радости этому зву и угодливости самой боярыни.

Такъ какъ по старому и очень древнему обычаю каждый подобный пріемъ во дворцѣ всегда сопровождался обѣдомъ, то и у царицы въ тѣже дни каждый разъ давались боярынямъ обычные столы. Извѣстія о такихъ столахъ у царицы заносились даже въ государеву разрядную книгу, по той причинѣ, что и здѣсь, между боярынями, встрѣчались лица *разрядныя*, которыя имѣли право (и никогда его не покидали) тягаться между собою разрядами, разумѣется, соответственно разрядной и родовой чести своихъ мужей. Въ официальные разрядныя записки вносились однакожъ имена только тѣхъ боярынъ, которыя пользовались правомъ считаться между собою по разрядамъ. Объ остальныхъ разряды вовсе не упоминаютъ. Они даже и вовсе не упоминали никакихъ именъ, когда боярынямъ бывалъ указъ: „сидѣть безъ мѣстъ“, и ограничивались отмѣткою: „у царицы былъ столъ, а у стола были боярыни пріѣзжія и сидѣли всѣ безъ мѣстъ“. Но это однакожъ вовсе не значило, чтобы собиравшіяся на обѣдъ боярыни садились за столъ безъ старшинства. Для нихъ у царицы повидимому строго наблюдался свой особый порядокъ сидѣнья, который вполнѣ опредѣлялся значеніемъ всего чина пріѣзжихъ боярынъ. Этотъ чинъ заключалъ въ себѣ главнымъ образомъ *родство* государево или царицыно, т. е. ихъ родственницъ по мужьямъ или по урожденію. Только одни родственныя лица и пользовались правомъ пріѣзда къ царицѣ по назначенію въ извѣстные праздничные или торжественные дни. Не родственныя боярыни, хотя бы жены, дочери или вдовы первыхъ чиновъ, не приглашались во дворецъ къ царицынымъ столамъ и могли представляться царицѣ только на ея богомольныхъ выходахъ, напр. въ соборахъ, въ монастыряхъ, когда она выходила туда на святой христосоваться, на масленицѣ прощаться, и т. п., какъ мы это видѣли, въ описаніи выходовъ царицы Натальи Кирилловны.

Такимъ образомъ, если официальный пріѣздъ боярынъ къ царицѣ, приглашеніе къ ея столу основывались на родствѣ ихъ съ царскимъ домомъ, то тѣмъ же родствомъ, какъ мы упомянули, опредѣлялись и ихъ мѣста за столомъ. Степень близости по родству къ особѣ государя или къ государынѣ и указывала каждой боярынѣ это мѣсто и при томъ родственницы самого

царя садилась разумѣется всегда выше родственницъ царицы, даже выше ея родной матери, самаго ближайшаго къ ней лица, занимавшаго во всѣхъ другихъ случаяхъ первое мѣсто. Мать государыни за столомъ дочери царицы получала обыкновенное рядовое мѣсто въ родственномъ старшинствѣ боярынь, покрайней мѣрѣ такъ это значитъ въ спискахъ, по которымъ назначался ихъ *зовъ* или *пріѣздъ*.

По этимъ спискамъ, напр. за столомъ царицы Евдокии Лукьяновны Стрѣшневыхъ по родственному старшинству съ царемъ всегда первенствовала боярыня Ульяна Ѳеодоровна Романова, жена боярина Ив. Никит. Романова, государева роднаго дяди, между тѣмъ, какъ мать царицы занимала седьмое мѣсто (1633 г. іюля 12). Точно также боярыни, которыя вели счеты о своихъ мѣстахъ по разрядамъ, въ то же время сидѣли: Черкасская второю, Шереметева третью, а Головина девятою.

Въ государскихъ разрядахъ тѣ же столы писаны только съ именами боярынь, великихъ по разрядамъ. Въ нихъ въ этотъ разъ Черкасская была первою, Шереметева второю, а Головина третью; объ остальныхъ вовсе не упомянуто. Здѣсь, въ разрядахъ первенствовала уже не Романова, а Мстиславская, и когда не было Мстиславской, Шуйская; когда не было Шуйской, Черкасская, за нею Шереметева, Трубецкая, Головина, Салтыковы. Однажды, 1634 іюля 12, въ разрядную записку была внесена послѣднею послѣ Черкасской и Шереметевой и мать царицы, Анна Стрѣшнева. Для Стрѣшневыхъ это могло быть находкою.

На обѣдахъ царицы Марьи Ильичны Милославскихъ въ первое время первенствовала сестра ея Анна Ильична Морозова по той причинѣ, что Морозовъ былъ дядька царя Алексѣя, почитаемый имъ вмѣсто отца роднаго. Мать царицы, супруга Ильи Даниловича Милославскаго, Катерина Ѳеодоровна, занимала второе мѣсто, когда бывала только съ Морозовою, а въ числѣ другихъ боярынь, рядовое, смотря по старшинству государева родства.

Приводимъ общіе сводные списки пріѣзжихъ боярынь, которыя въ теченіи XVII ст., у трехъ царицъ, пользовались правомъ пріѣзда во дворецъ къ столамъ, получали именинные пироги и принимали отъ царицы почетныя посольства *со здоровьемъ* по случаю ея родинъ. Порядокъ, въ какомъ по спискамъ боярыни слѣдуютъ одна за другою, приблизительно указываетъ

и ихъ мѣстное старшинство, которое въ частныхъ спискахъ довольно часто переменялось. При имени каждой включено и имя ея мужа, такъ какъ очень часто боярыни обозначаются только именами своихъ мужей.

Пріѣзжія боярыни царицы Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневыхъ.

- Бнягиня *Мстиславская*, жена Фед. Ив., Орина Михайловна, съ 1617 г.
Романова, Ив. Никит., Ульяна Федоровна, съ дочерью Прасковьею.
Годунова, Ив. Ив., Орина Никитична.
 Кн. *Черкасская*, Ив. Борис., Авдотья Васильевна, дочь боярина Василья
 Петр. Морозова, съ 1622 г.
 Кн. *Черкасская*, Дм. Мамстрюк., Олена Алексѣевна.
 Кн. *Черкасская*, Якова Буденетов., сноха жена Ив. Борис. Черкаскаго.
Шереметева, Фед. Ив., Марья Петровна, съ 1616 г.
Лыкова, Бориса Мих., Настасья Никитична съ двумя дочерьми (одна
 Марья Борисовна).
 Кн. *Шуйская*, Ив. Ив., Марѳа Васильевна и Авдотья Васильевна.
Шеина, Мих. Борис., Марья Михайловна съ снохою.
Шеина, Ив. Мих., Марья Борисовна, дочь Б. М. Лыкова, съ 1630 г.
 Кн. *Трубецкая*, Дм. Тимоев., Анна Васильевна, съ 1618 г.
 Кн. *Голицына*, Ив. Андр., Софья Андревна, съ 1617 г.
 Кн. *Голицына*, Андр. Вас.
 Кн. *Сулешева*, Вас. Еншеевича.
 Кн. *Сулешева*, Юрья Еншеевича, Марья (Марѳа) Михайловна, съ 1616 г.
 Кн. *Сицкая*, Алексѣя Юр., Авдотья Дмитриевна.
Салтыкова, Бориса Мих., Марья Ивановна, съ 1615 г.
Салтыкова, Мих. Мих., Прасковья Ивановна.
 Кн. *Воротынская*, Алексѣя Ив., Марѳа Ивановна, дочь Ив. Никит. Ро-
 шанова, съ 1635 г.
 Бнягиня *Воротынская* Катерина.
 Кн. *Сатыева*, Сем. Андр. — Кн. *Сатыева*, Андр. Андр.
Бутурлина, Мих. Мать.
Головина, Сем. Вас., Ульяна Федоровна.
Годунова, Сем. Вас., Анна. — *Годунова*, Никиты Вас., Анна Ивановна.
Морозова, Ив. Вас., Степанида Семеновна.
Морозова, Глѣба Ив., Авдотья Алексѣевна.
 Кн. *Одоевская*, Якова Никит., Анна Михайловна.
 Кн. *Пронская*, Вас. Роман., Марья Ивановна.
Михалкова, Конст. Ив., Орина Аврашевна съ матерью.
Собакина, Никиф. Серг.
Стрѣшнев, Лукьяна Степановича, Анна Константиновна, родная мать
 царицы, съ дочерью Федосьею Лукьяновною, которая вышла потомъ
 за Матюшкина.

Стрѣшневъ, Вас. Ив., Орѣна Прокопьевна, потомъ Авдотья Андреевна. —
Стрѣшневъ, Сем. Лукьян. — *Стрѣшневъ*, Ив. Филин., Ульяна Ильична,
 съ спохом. — *Стрѣшневъ*, Степ. Фед. — *Стрѣшневъ*, Ив. Фед. Вольшаго. —
Стрѣшневъ, Ив. Фед. Меншого. — *Стрѣшневъ*, Ильн. — *Стрѣшневъ*,
 Матвѣя. — *Стрѣшневъ*, Максимъ. — *Стрѣшневъ*, Левонтия, съ спохом.
Измайлова, Григорья. — Кн. *Шажоская*, Никиты. — *Колмыкина*, Богдана.
Юшкова, Петра. — *Юшкова*, Пимина. — *Пакина*, Никиты. — *Дасидова*, Павла.
 Кн. *Львова*, Ив. Петр.
Матюшкина, Ив. Павл., Федосья Лукьяновна, сестра царицы.
 Кн. *Хворостилина*, Федора.
 Кн. *Лобанова-Ростовская*, Никиты Ив., Анна Никеевровна, впоследствии
 мама царевичем Софьи Алекс.
Головастова, Гева, Матрена.
Плещеева, Бориса, Марья. — *Плещеева*, чашника 1616 г., Ив. Аeon. —
Плещеева, Аeon. Ив.
Чичерина, Прасковья съ дочерью.
Щербачова, Аграфена.

Прѣзжія боярѣи царицы Марьи Ильичны Милославскихъ.

Внигина Ласиловская, жена Касимовскаго царевича Василья Ерусла-
 новича, Марья Никеевровна.
 Кн. *Сибирская*, жена Сибирскаго царевича П. А., Настасья Васильевна.
 Кн. *Сибирская*, жена Сибирскаго царевича А. А., Настасья Васильевна.
Морозова, Бориса Ив., Анна Ильична, родная сестра царицы.
 Кн. *Черкасская*, Як. Еуд., Авдотья Семеновна съ дочерью княжню Анною.
 Кн. *Одесская*, Никиты Ив., Авдотья Федоровна.
Морозова, Глѣба Ив., Федосья Прокопьевна.
Лыкова, Бориса Мих., Настасья Никитична.
 Кн. *Трубецкая*, Дмитр. Тим. Анна Васильевна.
 Кн. *Трубецкая*, Алексѣя Никит., Катерина Ивановна.
Морозова, Ив. Вас., Степанида Семеновна.
Милославская, Ильн. Даниловича, Катерина Федоровна, родная мать
 царицы, и потомъ вторая его супруга, Аксиныя Ивановна.
 Кн. *Хворостилина*, Фед. Юрьев., Елена Борисовна.
 Кн. *Пронская*, Ив. Петр., Настасья Дмитрѣевна.
 Кн. *Одесская*, Фед. Никит., Софья Ивановна.
 Кн. *Салтыкова*, Мих. Мих., Парасковья Ивановна.
Пушкина, Григорья Гавр., Ульяна Осиповна.
Бутурлина, Вас. Вас., Настасья Григорьевна.
 Кн. *Темкина-Ростовская*, Мих. Мих., Марья Ивановна.
 Кн. *Урусова*, Сем. Андр., Федосья Борисовна.
Стрѣшневъ, Вас. Ив., Авдотья Андреевна.
Дамырева, Ив. Мих., Арѣна Григорьевна.
Милославская, Ив. Андр., Аграфена Никитична и потомъ Анна Петровна.
 Кн. *Долгорукова*, Петра Алексѣев., Аксиныя Прокопьевна.

Кн. *Хилкова*, Фед. Андр., Аграфена Богдановна.
Салтыкова, Петра Мих., Елена Васильевна.
Ртищева, Фед. Мих., Аксинья Матвѣевна.
Бронкина, Вас. Мих., Аграфена Тимоѣевна, а потомъ Марья Самойловна.
 Кн. *Львова*, Вас. Петр., Марья Никитична.
Милославская, Ив. Мих., Александра Кузична. — *Милославская*, Ив. Богд.
 Кн. *Воротынская*, Ив. Алексѣев., Марья Федоровна.
 Кн. *Одоевская*, Якова Никит., Анна Михайловна.
Ртищева, Меншого, Фед. Мих., Ульяна Степановна.
 Кн. *Ромодановская*, Юрья Ив., Анясья Ивановна.
Морозова, Мих. Ив., Прасковья Алексѣевна, а потомъ Домна Семеновна.
 Кн. *Одоевская*, Юрья Мих.
 Кн. *Троескурова*, Ив. Борис., Анна Семеновна.
 Кн. *Львова*, Мих., Екатерина.
 Кн. *Куракина*, Фед. Фед., Аксинья.
Шереметева, Вас., Офимья. — *Шереметева*, Никиты Ив., Авдотья Федоровна.
 Кн. *Лобанова-Ростовская*, Никиты Ив., Анна.
Гологвастова, Іева Демяд., Матрена. — *Гологвастова*, Вас. Яков., Анна.
Соковина, Фед. Прокоп., Анна Степановна.

Къ столамъ царицъ Евдокѣи Стрѣшневыхъ и Маріи Милославскихъ всегда также, наравнѣ съ боярынями, приглашались и старицы-монахини трехъ московскихъ дѣвичьихъ монастырей, Вознесенскаго, Новодѣвичьего и Алексѣевского. Должно съ большою вѣроятностію полагать, что эти старицы были тоже жены, вдовы или дочери бояръ, нерѣдко очень родовитыхъ, а главное родственницы царскому дому. Все это вмѣстѣ, и бывшая знатность, и родство, и иноческій чинъ, столь уважаемый во дворцѣ, служило достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы и присутствіе инокинь за царицынами праздничными столами стало дѣломъ обычнымъ и необходимымъ. Изъ каждаго изъ трехъ монастырей къ столу всегда приглашались игуменья, веларь или казначей и *соборныя* старицы, а сверхъ того и избранныя старицы, вѣроятно свойственницы царскому дому. У царицы Евдокѣи, кромѣ чиновныхъ старицъ монастыря, бывали княжна Ирина Мстиславская, Александра Шереметева, двѣ Морозовыхъ, Анна и Елена; Сундулея Кочергина съ ученицею, старицы: Ромодановская, Коркодинова, Благинина, Вѣра Стрѣшнева; 8 старицъ инокини Марѣи Ивановны. Всего за столами въ одинъ разъ бывало до 12 старицъ.

Тѣмъ же порядкомъ старицы призывались и къ столамъ царицы Маріи, у которой, кромѣ чиновныхъ, бывали Морозовы, Шереметева, княгиня Сицкая, княгиня Куракина и др.

**Прѣзжія боярыни царицы Наталія Кирилловны
Нарышкиныхъ.**

- Грузинская царица Елена Левонтьевна.*
 Кн. *Сибирская*, царевича кн. Алексѣя Алексѣевича, Настасья Васильевна.
 Кн. *Касимовская*, царевича Вас. Арасланъев., Марья Никеевна.
 Кн. *Касимовская*, царевича Михаила Вас., Анна Григорьевна.
 Кн. *Пронская*, Ив. Петр., Акинья Васильевна.
 Кн. *Одесская*, Фед. Никит., Софья Ивановна.
Бутурлина, Вас. Вас., Настасья Григорьевна.
 Кн. *Урюсова*, Семена Андр., Федосья Борисовна.
 Кн. *Хеоростимкина*, Фед. Юрьев., Елена (Анна?) Борисовна.
 Кн. *Одесская*, Якова Никит., Анна Михайловна.
 Кн. *Ворошицкая*, Ив. Алексѣев., Настасья Львовна.
 Кн. *Куркина*, Фед. Фед., Авдотья Андреевна.
Нарышкина, Кнр. Полуехт., Анна Левонтьевна.
Салтыкова, Петра Мих., Елена Васильевна.
Хитрова, Богд. Матв., Марья Ивановна.
Милославская, Ив. Богд., Дарья Прохоровна.
Милославская, Ив. Мих., Александра Кузминична.
 Кн. *Хилкова*, Фед. Андр., Федора Богдановна.
Нарышкина, Фед. Полуехт., Авдотья Петровна.
 Кн. *Волковская*, Фед. Фед., Пелагея Ивановна.
Глишова, Фед. Мих., Акинья Матвѣевна.
Хитрова, Ив. Богд., Агулина Аеонасьевна.
Матюшкина, Аеон. Ив., Татьяна Ивановна.
Морозова, Мих. Ив., Домна Семеновна.
 Кн. *Одесская*, Юрья Мих., Авдотья Федоровна.
 Кн. *Голыцина*, Бориса Алексѣв., Марья Федоровна.
 Кн. *Трокурова*, Ив. Борис., Анна Семеновна.
 Кн. *Одесская*, Вас. Фед., Агулина Федоровна.
Шереметева, Никит. Ив., Домна Парфентьевна.
 Кн. *Прозоровская*, Петра Ив., Анна Федоровна.
 Кн. *Хилкова*, Фед. Фед., Авдотья Федоровна.
 Кн. *Шербатова*, Андр. Дмитр., Акинья Борисовна.
Матюшкина, Петра Ив., Анна Ивановна.
Головастова, Ива Демид., Матрена Алексѣевна.
Головастова, Ивана Демид., Авдотья Алексѣевна.
Нарышкина, Ив. Кнр., Прасковья Алексѣевна.
 Кн. *Мещерская*, Вас. Давр., Авдотья Васильевна.
 Кн. *Хилкова*, Яковъ Вас., Анна Ларивоновна.
Шереметева, Петра Вас., Татьяна Аеонасьевна.
Измайлова, Матвѣя Петр., Федосья Андреевна.
Камникова, Ив. Богд., Федора Ивановна.
Бутурлина, Фед. Петр., Прасковья Кондратьевна.
Зюкина, Бориса Григор., Орина Борисовна.
Тарбѣева, Гряг. Фед., Пелагея Васильевна.

Царицны столы давались обыкновенно въ ея Золотой палатѣ, иногда въ ея Столовой или въ Передней. Обрядъ столованья бывалъ такой же, какъ и за царскими столами, только столовыя должности здѣсь занимали большею частію женщины и дѣти. Точно также для самой царицы накрывался особый столъ, а для боярынь одинъ или два по сторонамъ, у стѣнъ палаты. У ея стола стояла всегда боярыня кравчая и съ нею другая боярыня въ помощь. Онѣ принимали и подавали ѣствы. Но за торжественными столами должности кравчихъ исполняли ближайшія къ царицѣ лица изъ мужчинъ. Такъ за столами царицы Наталіи Кириловны, кромѣ боярынь, у стола стояли и принимали ѣствы и ставили передъ нею великую государыню ея отецъ Кир. Пол. Нарышкинъ и Арт. Серг. Матвѣевъ. За поставцемъ царицы сидѣлъ и распоряжался отпускомъ кушанья ея дворецкій, а съ нимъ путные ключники и стряпчие со всѣхъ столовыхъ дворцовъ. Къ столу-блюда и чаши приносили и ѣсть ставили и пить носили царицны столыяники, малолѣтныя дворянскіе дѣти, меньшіе возрастомъ. Они же носили напитки и кушанья и въ другіе столы боярынямъ; средніе возрастомъ столыничали особамъ болѣе почетнымъ, постарше — остальнымъ боярынямъ. — Въ столы смотрѣли, т. е. потчивали боярынь дворовыя боярыни меньшихъ чиновъ ¹.

Изъ духовныхъ лицъ за столомъ царицы присутствовалъ вѣроятно или ея духовникъ, или крестовый ея священникъ, такъ какъ и здѣсь совершался тоже обычный чинъ возношенія хлѣба Пресвятыя Богородицы и отправлялась „чаша Пречистыя“ ².

Въ обыкновенные дни, когда небыло праздничныхъ или другихъ какихъ торжественныхъ столовъ, которые по обычаю призывали государя дѣлать трапезу и пировать въ кругу боярства и всѣхъ другихъ чиновъ, онъ всегда кушалъ вмѣстѣ съ царицею. Нѣтъ никакого основанія полагать, какъ иные даже утверждаютъ, что государь кушалъ большею частію одинъ порознь съ супругою. Ихъ могли разлучать лишь упомянутыя торжества, на которыхъ женщина вообще не присутствовала, и еще уставленные церковью дни поста и молитвы. Въ такіе дни на обѣихъ половинахъ царскаго дворца уставъ церкви соблюдался очень строго. Но и объ этихъ дняхъ мы не можемъ

¹ Дворц. Разр. III, 892, 894, 1054, 1072.

² См. въ Матеріалахъ записки хороминому вносу 134 г. февр. 12.

ничего сказать опредѣлительнаго, порознь или вмѣстѣ было кушанье, ибо свидѣтельствъ о повседневной ихъ жизни встрѣчаемъ вообще очень мало, а о повседневныхъ столахъ и вовсе ихъ не имѣемъ. Знаемъ только, что повседневные столы бывали иногда въ комнатахъ государя, иногда въ хоромахъ царицы. И въ томъ и въ другомъ случаѣ они не были открыты для боярскаго и дворскаго общества. Котошихинъ свидѣтельству-етъ, что когда случится царицѣ кушать въ покояхъ его царскихъ съ нимъ вмѣстѣ, а которому боярину, окольничему, думному человѣку случится придти съ какими дѣломъ на докладъ, и они сами входятъ безъ указу не смѣютъ, развѣ велитъ царь, или ожидаютъ, когда онъ откушаетъ. Также какъ царь кушаетъ у царицы и въ то время бояре и ближніе люди бываютъ немногіе, человѣка два и много три, именно самые близкія лица по родству, напр. отецъ царицы, или дядька государевъ. Столовые должности въ это время были занимаемы обычными столовыми людьми государя и царицы: у государя стоялъ его кравчій, у царицы ея боярыня кравчая; стольничали обыкновенно царицыны стольники. Присутствовали ли за этими домашними столами и другіе члены царской семьи, неизвѣстно; но по всему вѣроятію эти столы отличались семейнымъ характеромъ и потому покрайней мѣрѣ въ извѣстные дни здѣсь бывали также и дѣти, царевичи и царевны, особенно возрастные и разумѣется по преимуществу царицынъ родъ. Иногда государь праздновалъ дѣтскіе именины общимъ обѣдомъ; такъ въ 1633 г. іюля 25 въ именины трехлѣтней царевны Анны онъ кушалъ въ царицыныхъ хоромахъ. Такіе обѣды, вѣроятно, справлялись въ каждый семейный праздникъ, когда небыло столовъ чиновныхъ. Въ 1667 г. по случаю всенароднаго объявленія царевича Алексѣя Алексѣевича и стало быть по случаю самого великаго торжества для самой царицы, родительницы наслѣдника, государь, на другой день, 2 сент., справилъ семейный столъ въ Верхней комнатѣ или въ терему и кушалъ вмѣстѣ съ царицею, съ объявленнымъ наслѣдникомъ Алексѣемъ и съ малолѣтними царевичами Федоромъ (5 лѣтъ), Семіономъ (2 лѣтъ) и Иваномъ (1 года). — Нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь же присутствовали и остальные члены семьи, покрайней мѣрѣ возрастные царевны, ибо официальные записки, всегда упоминая только объ официальныхъ же личностяхъ, напр. о малолѣтнихъ царевичахъ, и о самой царицѣ, принявшей въ этомъ случаѣ, какъ

бы оофициальное положеніе, по обыкновенію также всегда умалчиваютъ о лицахъ частныхъ, какими бывали вообще женщины, а за этимъ обѣдомъ и царевны.

Должно упомянуть, что и отъ царицына стола, подобно тому, какъ и отъ стола государева, всегда разсылались обычныя *подачи*, всѣмъ близкимъ людямъ, родственникамъ изъ мужчинъ, пріѣзжимъ боярынямъ и вообще каждому лицу, которому желали тѣмъ выразить особое вниманіе и расположеніе, и преимущественно, конечно, высшимъ духовнымъ властямъ, патриарху, митрополитамъ. Такъ, когда Никонъ, еще новгородскій митрополитъ, пріѣхалъ въ 1651 г. дек. 21 въ Москву, чтобы потомъ отправиться въ Соловки для перенесенія мощей св. Филиппа, то въ тотъ же самый день царица и особо царевны прислали къ нему „съ столомъ, съ романеєю и съ ѣствою“. Затѣмъ такая присылка съ подачею, съ романеєю и съ ѣствою, отъ царицы, а также иногда и отъ царевенъ повторялась декабря 27, 29, въ 1652 г. января 8, 10, 12, 26, 30, февраля 18, 20, 24, 25, 26, 29 и однажды 25 февр. и отъ обѣда и отъ вечерняго кушанья, т. е. отъ ужина; и даже въ тотъ день февр. 26, когда онъ обѣдалъ у государя въ именины царевны Евдокіи Ал. — Потомъ, лѣтомъ, когда онъ воротился изъ Соловокъ, перенесъ въ Москву св. мощи, на другой же день по его пріѣздѣ, 7 іюля, царица прислала ему питье въ пяти кубкахъ, 9 числа подачи съ романеєю и съ ѣствы, что повторилось 11, 14, 16, 18, 20 и 24 чиселъ тогоже мѣсяца съ присылками и отъ царевенъ ¹.

Приемы, сколько вѣбудъ равныхъ по значенію и положенію лицъ происходили у царицы почти тѣмъ же порядкомъ, какъ и у государя приемы иноземныхъ пословъ, вселенскихъ патриарховъ и иноземныхъ особъ царскаго достоинства. Только у царицы *чиновныя* должности исполняли вмѣсто мужчинъ тоже женщины боярыни.

Въ 1536 г. въ Генварѣ у вдовствующей правительницы великой княгини Елены Васильевны (Глинскихъ) была на пріѣздѣ Шиг-алеева царица Фатма Салтанъ. Великая княгиня велѣла ее встрѣтить, у саней, Аграфенъ, женѣ Ивана Волынскаго да съ нею молодымъ боярынямъ. Какъ царица вошла среди лѣстницы и тутъ ее встрѣтили боярыня Аграфена Челяднина, жена

¹ Временникъ, кн. 13.

Вас. Андр. Челяднина, а съ нею также молодыя боярыни. Какъ вошла царица въ сѣни передъ палату, что у Лавара Святаго, и великая государыня пожаловала и почтила царицу, встрѣтила ее сама въ сѣняхъ передъ палатою и съ нею *каршесалась* и пошла съ нею въ палату. Войдя въ палату, онѣ устали на мѣста. Царицу посадили съ лѣвой руки отъ великой княгини. Въ то же время вошелъ въ палату и маленькій государь Иванъ Васильевичъ. Царица противъ его встала и съ мѣста своего оступила. Вел. князь молвилъ царицѣ: *табуи салами!* и съ нею *каршесался*, а потомъ сѣлъ на своемъ мѣстѣ, у матери съ лѣвой же руки и справа отъ царицы. По обѣ стороны у него стояли бояре, а у вел. княгини матери стояли боярыни: княгиня Настасья, племянница отца государева, жена кн. Оед. Мих. Мстиславскаго; Елена Челяднина, жена Ивана Андреевича, Аграфена Челяднина, жена Василья Андреевича, Аграфена Волинская, и многія многія боярыни.

И для того дни Фатма Салтанъ царица у вел. государыни въ той же палатѣ. А за столомъ у вел. княгини сидѣла царица съ правой руки въ углѣ; а съ лѣвой руки у вел. княгини сидѣла въ лѣвѣ княгиня Настасья Мстиславская, а подъ нею сидѣла княгиня Марѳа Бѣльская, подъ нею Аграфена Волинская и многія боярыни; а другія боярыни въ скамьѣ сидѣли. А въ кравчихъ былъ у вел. государыни Ив. Ив. Челяднинъ, а у царицы былъ кравчій кн. Вас. Репинъ; а стольники и чашники всѣ у вел. княгини за столомъ были.

А послѣ стола вел. государыня подала чашу царицѣ, да туто ее и дарила, да и отпустила ее на подворье и велѣла боярынямъ проводить ее по тому же, какъ ее встрѣчали.

Слишкомъ черезъ сто лѣтъ подобный же приѣмъ случился у царицы Марьи Ильичны (Милославскихъ), также въ генварѣ. 8 числа 1654 г. царица Марья Ильична принимала въ своей Золотой палатѣ¹ Грузинскую царицу Елену Левонтьевну, въ присутствіи государя. А ѣхали съ царицею съ двора въ городъ княгиня Анисья Вас. Хилкова—жена окольникчаго Ивана Андреевича, Марья Корнильевна Волинская—жена стольника, да жена Анонасыя Осипова Прончищева. По указу государыни Грузин-

¹ Въ разрядной книгѣ записано, что приѣмъ былъ въ столовой изъ по царскіе выходы обозначаютъ Золотую палату (Выходы царей 705).

скую царицу встрѣчали; первая встрѣча у каптаны: княгиня Авдотья Андреевна Куракина—жена боярина кн. Фед. Фед.; княгиня Настасья Ивановна Ромодановская—жена окольного Григорья Григорьевича. Вторая встрѣча на крыльцѣ: княгиня Марья Борисовна Куракина—жена боярина кн. Григорья Семеновича; княгиня Анисья Ивановна Ромодановская—жена стольника князь Юрья Ивановича. Третья встрѣча въ сѣняхъ: княгиня Катерина Ивановна Трубецкая—жена боярина кн. Алексѣя Никитича, княгиня Настасья Ивановна Ромодановская — жена стольника кн. Феофора Григорьевича.

Въ тотъ же день былъ столъ у царицы по Передней ¹, была Грузинская царица Елена и боярыни, которыя ее встрѣчали: княгиня Трубецкая Катерина Ив., Куракина Марья Борисовна, Хилкова Анисья Вас., сидѣвшія, какъ почетнѣйшія, въ лавкѣ. А въ скамьѣ сидѣли: княгиня Куракина Авдотья Андр., Ромодановская, Анисья Ив.; Ромодановская, Настасья Ив.; Волынская Марья Корнил. и Прончищева, все тѣже встрѣчницы. Послѣ стола по обычаю, вѣдали потчивать Грузинскую царицу на домъ: жены бояръ княгини Трубецкая Катерина Ив., Куракина Марья Борисовна.

Такой же приѣмъ царицы Грузинской Елены повторился, вѣроятно, не одинъ разъ и между прочимъ 8 мая 1660 года. Въ это время у царицы приставы были жены стольн. кн. Фед. Андр. Хилкова и Ив. Аѳон. Прончищева; — первая встрѣча: жены стольниковъ: кн. Андр. Ив. Хилкова и Якова Сем. Волынскаго; — другая встрѣча: жены, стольника кн. Вас. Ив. Хилкова да окольного Вас. Сем. Волынскаго; третья большая встрѣча: жены боярина кн. Фед. Фед. Куракина да окольного Мих. Сем. Волынскаго. За столомъ были тѣже боярыни, а потчивала Грузинскую царицу жена стольн. кн. Петра Сем. Большого Прозоровскаго.

Потомъ царица Грузинская принималась уже какъ первенствующая и почетнѣйшая изъ пріѣзжихъ боярынь, почему и со звомъ къ ней хаживалъ царицынъ истопничій, начальнѣйшій челоувѣкъ передъ боярскими дѣтьми царицына чина, которые обыкновенно ходили со звомъ къ боярынямъ.

¹ По другой запискѣ и приѣмъ и столъ былъ въ царицыной Золотой палатѣ, но должно быть такъ только предполагалось. Дв. Разр. III, 395.

Въ описанныхъ приѣздахъ, кромѣ немногихъ пріѣзжихъ боярынь, участвуютъ, какъ приставы и встрѣчницы, и другія боярыни, небывавшія у царицы въ пріѣздѣ, напр. нянгини Хилковы и Волыскія. По всему вѣроятію въ подобныхъ офеціальныхъ случаяхъ выборомъ боярынь руководить уже мѣстническій счетъ, и самый столъ царицы принималъ, по этой причинѣ, тоже офеціальное значеніе, отличное отъ столовъ обычныхъ, въ собственномъ смыслѣ дворовыхъ, къ которымъ собирались боярыни, только пріѣзжія царицына двора, между тѣмъ какъ другія боярыни, приставы и встрѣчницы, являлись здѣсь пріѣзжими боярынями государева двора вообще.

По старому обычаю новопоставляемые святители, патріархи, митрополиты, архіепископы, епископы, на другой или на третій день своего посвященія, приходили къ государю и къ царицѣ съ благословеніемъ и съ дарами. Этотъ торжественный пріемъ совершался большею частію въ царицыной Золотой палатѣ. Епископъ Елассонскій Арсеній, присутствовавшій при такомъ пріемѣ съ Константинопольскимъ патріархомъ Іереміемъ, въ январѣ 1589 г., когда былъ поставленъ въ Москвѣ первый патріархъ Іовъ, оставилъ подробное описаніе церемоніи, которое для насъ можетъ служить достаточною характеристикой и другихъ подобныхъ пріемовъ. Послѣ своего поставленія вновь избранный патріархъ Іовъ, по обычаю давалъ обѣдъ государю и высокому гостю, вселенскому патріарху и всему пріѣзжему греческому духовенству. Въ тотъ же день назначенъ былъ новопоставленному Іову пріемъ съ дарами у государя и у царицы Ирины Ѳедоровны (Годуновыхъ), супруги царя Ѳедора Ивановича. Предъ самымъ обѣдомъ, говоритъ Арсеній, когда послѣ обычныхъ встрѣчныхъ церемоній, всѣ сидѣли по мѣстамъ, оба патріарха получили приглашеніе явиться во дворецъ къ государю и тотчасъ туда отправились. Когда они вошли въ царскую палату, государь, сидѣвшій тамъ съ боярами, всталъ съ трона, благословился у Константинопольскаго патріарха и потомъ всѣ сѣли по мѣстамъ. Тогда казначей сталъ являть государю патріаршіе дары; благословеніе—образъ Богородицы, чеканный обложенъ золотомъ, съ яхонты, пелена атласная сажена жемчугомъ; даровъ: кубокъ двойной серебряный, бархатъ, камни, сорокъ соболей и 10 золотыхъ угорскихъ. Такіе же дары

были принесены и для царицы. Тутъ выступилъ на средину палаты бояринъ, присланный отъ царицы. Обнаживъ голову, онъ съ низкимъ поклономъ и громкимъ голосомъ изложилъ ей просьбу патріархамъ, чтобы они пришли ее благословить. Государь тотчасъ всталъ и отправился съ патріархомъ и со всѣмъ духовенствомъ въ покои своей супруги. Сперва шелъ государь, за нимъ оба патріарха, потомъ духовныя власти по чину и весь царскій синклитъ. Въ хоромахъ царицы всѣ шествующіе, исключая и государя, должны были подождать во второй комнатѣ, т. е. въ передней палатѣ. Здѣсь находилось множество женщинъ и дѣвицъ, служившихъ царицѣ. Всѣ онѣ отъ головы до ногъ были одѣты въ бѣлое подобное снѣгу платье безо всякаго украшенія или убранства.

Въ этой палатѣ гости видѣли образа св. угодниковъ въ богатыхъ окладахъ, осыпанныхъ драгоценными каменьями. Немного погодя отворилась золотая дверь и отъ имени царицы другой бояринъ пригласилъ патріарховъ войти со всѣмъ соборомъ. Тогда вошли только государь, патріархи съ провожавшими ихъ епископами, братъ царицы, Борисъ Годуновъ, и бѣже никого.

„Тихо поднялась царица съ своего престола при видѣ патріарховъ и встрѣтила ихъ посреди палаты, смиренно прося благословенія. Вселенскій святитель осѣнивъ ее молитвенно большимъ крестомъ, воззвалъ: „Радуйся благовѣрная и боголюбивая въ царицахъ Ирина, востока и запада и всея Руси, украшеніе сѣверныхъ странъ и утвержденіе вѣры православной!“ Затѣмъ патріархъ московскій, митрополиты, архіепископы, епископы, каждый по чину, благословляли царицу и говорили ей подобныя же привѣтственные рѣчи.

Она также отвѣтила рѣчью вселенскому патріарху: „Великій господинъ, святѣйшій Іеремія цареградскій и вселенскій, старѣйшій между патріархами! многое благодареніе приношу святынь твоей за подвигъ, какой подъялъ на пути странствія въ нашу державу, дабы и намъ даровать утѣшеніе видѣть священную главу твою, уважаемую паче всѣхъ въ христіанствѣ православномъ, отъ коей и мы воспріяли благодать нынѣ и за сіе воздаемъ хвалу Всемогущему Богу и Пресвятой Его Матери и всѣмъ святымъ, молитвами коихъ сподобились такой неизрѣченной радости. Воистину ничто не могло быть честиѣе и достохвальнѣе пришествія твоего, которое принесло столь великое

украшеніе церкви Россійской, ибо отнынь, возвеличеніемъ достоинства ея митрополитовъ въ санъ патриаршій, умножилась слава всего царства по вселенной. Сего искони усердно желали прародители наши, христіолюбивые государи, великіе князья и цари, и не сподобились видѣть исполненія своихъ благочестивыхъ желаній; и нынь, на сей ихъ вождѣлвный конецъ, чрезъ многіе подвиги дальнаго странствія, привелъ во дни нашей державы твою святыню Всепогущій Богъ“. Послѣ такой рѣчи, прекрасной и складной по отъыву Арсенія, царица, отступивъ нѣсколько, стала подлѣ своего мѣста, между своимъ супругомъ царемъ Феодоромъ, стоявшимъ справа, и роднымъ братомъ, бояриномъ Годуновымъ, стоявшимъ слѣва. Поодаль, стояли боярины всѣ въ бѣломъ одѣяніи съ скрещенными на груди руками и потупивъ глаза въ землю. Царица позвала одну изъ нихъ, взяла изъ ея рукъ драгоценную золотую чашу, украшенную превосходными агатами, которая была наполнена жемчугомъ (въ ней было 6000 жемчужинъ), и поднеса ея патриарху, просила его принять этотъ даръ. Потомъ она сѣла на царское мѣсто, а за нею присѣли и всѣ гости.

Арсеній говоритъ, что на царицу нельзя было смотрѣть безъ удивленія, такъ великолѣпенъ и прекрасенъ былъ вообще ея царскій нарядъ. „На головѣ она имѣла ослѣпительнаго блеска корону, которая составлена была искусно изъ драгоценныхъ каменьевъ и жемчугами была раздѣлена на 12 равныхъ башенокъ, по числу 12 апостоловъ“. Это былъ собственно: „вънецъ съ *городы*“, т. е. съ зубцами. „Въ коронѣ находилось множество карбунгуловъ, алмазовъ, топазовъ и круглыхъ жемчуговъ (гурмыдкихъ); а кругомъ она была унизана большими аметистами и сафирами. Кромѣ того съ обѣихъ сторонъ ниспадали тройныя длинныя цѣпи (рясы), которыя были составлены изъ столь драгоценныхъ каменьевъ и покрыты круглыми, столь большими и блестящими изумрудами, что ихъ достоинство и цѣнность были выше всякой оцѣнки. Чужестранцы почувствовали въ себѣ родъ *тихаю ужаса* при видѣ такой пышности и великолѣпія. Одежда государыни, рукава которой достигали пальцевъ, была сдѣлана съ рѣдкимъ искусствомъ изъ толстой шелковой матеріи съ многими изящными украшеніями. Она (по крайнѣ) была искусно усажена драгоценными жемчугами и посреди украшеній блистали превосходные драгоценныя каменья и яркіе карбунгулы. Сверхъ этой одежды на царицѣ была мантия, другая,

съ долгими рукавами, весьма тонкой матеріи, хотя съ виду очень простая и безыскусственная, но на самомъ дѣлѣ чрезвычайна дорогая и замѣчательная по множеству сапфировъ, алмазовъ и драгоценныхъ камней всякаго рода, которыми она была покрыта (по краямъ).

Такою же пышностью отличались башмаки, цѣпь (монисто) и діадема (ожерелье) царицы. Арсеній восклицаетъ при этомъ, что еслибы у него было и десять языковъ, то онъ все таки не могъ бы рассказать о всѣхъ видѣнныхъ имъ богатствахъ у царицы. „И все это, присовокупляетъ онъ, видѣли мы собственными глазами. Малѣйшей части этого великолѣпія достаточно было бы для украшенія десяти государей“.

„Не менѣе сильное впечатлѣніе произвело на пноземцовъ и великолѣпное убранство палаты, сводъ которой, казалось, былъ облитъ золотомъ, украшенъ драгоценными изображеніями и сдѣланъ до того искуснымъ образомъ, что въ немъ былъ какой-то чудный отголосокъ (звонко отзывался въ немъ тихія слова). На немъ видны были многія роскошныя украшенія, деревья, виноградныя кисти, родосскія ягоды и разнаго рода птицы. Посрединѣ (свода) находился левъ который въ пасти держалъ кольцо свитаго змѣя, отъ котораго спускались внизъ многіе художественно сдѣланные и богато украшенные подсвѣчники. Стѣны кругомъ украшены были драгоценною мусією (иконописью, стѣнописью) съ изображеніемъ дѣяній святыхъ и ликовъ ангельскихъ, мучениковъ, іерарховъ, а надъ великолѣпнымъ престоломъ (мѣстомъ царицы) ярко горѣла камнями драгими большая икона Пречистой Дѣвы съ Предвѣчнымъ младенцемъ на рукахъ и вокругъ ея лики св. угодниковъ, въ златыхъ вѣнцахъ, по воимъ разсыпаны жемчугъ и яхонты и сапфиры“. Полъ былъ устланъ персидскими коврами, ткаными шелкомъ и золотомъ, на которыхъ искусно были изображены охотники и звѣри всякаго рода.

Такъ какъ царица просила патріарха дать благословеніе служившимъ при ней женщинамъ и дѣвицамъ, то всѣ онѣ, одна за другою, благоговѣнно подходили къ патріарху, принимали отъ него благословеніе, цаловали у него руку и подносили ему каждая въ даръ по прекрасной ширинкѣ (вѣроятно собственнаго вышиванья). Тогда были явлены царицѣ дары новопоставленнаго патріарха Іова.

Послѣ того, по мановенію государя, выступилъ впередъ на средину палаты величавый почтенныхъ лѣтъ бояринъ (Дмитрій Ивановичъ Годуновъ) и явилъ обонимъ патриархамъ новые дары отъ царицы: каждому по серебряному кубку и бархату черному, по двѣ камки, по двѣ объяри и по два атласа, по сороку соболей и по 100 р. денегъ. Являя дары, онъ сказалъ патриарху: „Великій господинъ, святѣйшій Іеремія цареградскій и вселенскій! Се тебѣ милостивое жалованье царское, да молишь усердно Господа за великую государыню царицу и великую княгиню Ирину и за многолѣтіе великаго государя и о ихъ чадородіи“. Патриархъ благословилъ царицу и отвѣтствовалъ слѣдующею рѣчью: „Господь Богъ да будетъ съ тобою и всѣ святые! Всемогущій Богъ, раздѣлившій Черное море и приведшій Израиля по суку, источившій изъ камене воду, напоившій его и приведшій его въ землю обитованную; Богъ, иже Архангелу Гавріилу повелѣ Непорочной Дѣвѣ Маріи благовѣстити зачатіе, той Препоблагословенной Дѣвѣ, юже достойно есть называть сосудомъ, въ немъ же хранися манна, (называть) святою горою и несгараемою купиною, въ нейже по рождествѣ своемъ живаше Христосъ, искупившій племя адамле изъ ада,— сей Богъ да пошлетъ на мя гладъ и нищету, дондеже дастъ тебѣ достойный царскаго наслѣдія плодъ“.

Такимъ же образомъ были явлены дары московскому патриарху, греческому митрополиту Іерофею монемвасійскому и архіепископу Арсенію елассонскому, описателю этой церемоніи. Точно также и къ нимъ была обращена просьба молить Бога о здравіи царицы и государя и о дарованіи имъ наслѣдника. Всѣ громкимъ голосомъ молили Бога объ исполненіи этого желанія.

Когда церемонія даровъ совершилась, царица, печальная о своемъ неплодіи, снова обратилась къ патриарху и прочему духовенству съ скорбною рѣчью, усерднѣе молить Бога о дарованіи ей и царству наслѣдника. Вздохнувъ изъ глубины сердца и съ горькими слезами она говорила: „О великій господинъ, святѣйшій Іеремія вселенскій, отецъ отцовъ, и ты, святѣйшій Іовъ патриархъ московскій и всея Руси, и вы всѣ, преосвященные митрополиты, архіепископы и епископы и весь освященный соборъ! Бога Всемогущаго блаженные служители, сподобившіеся большой милости и благодати у Господа и Его Пречистой Матери и всѣхъ святыхъ отъ вѣка угодившихъ Богу,

и къ нимъ непрестанно возсылающіе молитвы! — Молю васъ и заклинаю, изъ глубины души моей и съ стенаніемъ сокрушеннаго сердца, всѣми силами усердно молитѣ Господа за великаго государя и за меня, меньшую изъ дочерей вашихъ, дабы благопріятно внялъ молитву вашу и даровалъ намъ чадородіе, и благословеннаго наследника сего великаго царства, владимірскаго и московскаго и всея Россіи“. Горестная рѣчь царицы растрогала всѣхъ предстоявшихъ; всѣ плавали и единодушно молили объ исполненіи ея желанія. Патріархи же со всѣмъ соборомъ единодушно возгласили: „Богъ надъ всѣми сущій и Его небесная Матерь и великій Предтеча и всѣ святые, да призрять слезы твои, благовѣрная царица, и наши о тебѣ стенанія и да исполнятъ желанія твоего сердца. Творецъ всяческихъ, на все призирающей милостивымъ окомъ, исполнившій всѣми благами земными сіе великое царство, да даруетъ ему и наследника свыше всѣхъ сихъ благъ“.

Государь и царица проводили патріарховъ до золотой двери и приняли отъ нихъ еще благословеніе ¹.

Въ 1642 г. приемъ новопоставленнаго патріарха Іосіа происходилъ подобнымъ же порядкомъ. 14 апр., на свѣтлой недѣлѣ въ четвергъ, государь назначилъ ему быть у себя въ Золотой палатѣ. Съ утра, въ другомъ часу дня, къ патріарху съѣхались духовныя власти. Онъ вышелъ къ нимъ изъ келій въ крестовую палату „и дожидались отъ государя по себя присылки въ крестовой палатѣ“. Когда прислана была отъ государя вѣсть, то совершивъ обычныя молитвы, патріархъ въ сопровожденіи властей отправился во дворецъ. Впереди шелъ соборный ключарь, несъ на блюдѣ животворящій крестъ Господень со святою водою. Во дворцѣ предъ Золотою Палатою государь встрѣтилъ патріарха отъ дверей съ сажень, принялъ отъ него благословеніе и шествовалъ въ палату, на царское мѣсто, а за нимъ патріархъ со властями. Вошедъ въ палату, патріархъ пѣлъ „Христосъ воскресъ“ трижды и говорилъ, вмѣсто Достойно есть, Свѣтися и прочее по чину, и благословилъ царя крестомъ животворящимъ и кропилъ его святою водою, а также и царскую шапку. Государь велѣлъ патріарху и властямъ сѣсти по чину. А посидѣвъ мало, пошелъ государь къ царицѣ, а патрі-

¹ Чтенія О. И. и Д., 1863, кн. 2 IV, 249—252, Ж. М. Н. Пр. ч. XXV, II, 22. — Спб. Вѣстникъ 1778. 7. 2. 174—177.

архъ со властими пошелъ за нимъ же. А государыня царица и в. к. Евдокія Лукьяновна была у себя въ подмисной палатѣ, сидѣла на своемъ царицынѣ мѣстѣ на подушкѣ золотой. Съ государемъ вошли въ палату бояре князь Алексѣй Мих. Львовъ, Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ (отецъ царицы), окольничій Федоръ Степановичъ (ея дядя и дворецкій), да Василій Ивановичъ Стрѣшневъ.

Войдя въ палату патріархъ по чину пѣлъ Христосъ воскресе, говорилъ, вмѣсто Достойно, Свѣтися и пр., потомъ крошилъ царицу святою водою, поздравлялъ ей государынѣ и поднесъ дары: кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею; два атласа золотныхъ двойныхъ, отласъ гладкой червленъ, камку куутерь, камку одамашку, два сорока соболей, да сто золотыхъ. Такіе же дары, только въ меньшемъ размѣрѣ, патріархъ поднесъ царевичу Алексѣю, (50 золотыхъ) и тремъ царевнамъ Иринѣ, Аннѣ, Татьянѣ (по 30 золотыхъ). Обыкновенно случалось, что новопоставленный святитель по своему недостатку вовсе не могъ поднести такіе богатые дары; но старыи обычай былъ такъ крѣпокъ, что ему никогда не измѣнили и необходимые дары выдавались на этотъ случай изъ царской казны, куда послѣ церемоніи опять и возвращались. „А вносили всѣ тѣ дары, сказано въ запискѣ о настоящемъ приѣмѣ патріарха, изъ государевы казны съ Казеннаго Двора и отнесены опять на Казенный же Дворъ“.

Если иногда святитель приносилъ и собственные дары, то большею частію по совершеніи обряда они также ему возвращались, а онъ во всякомъ случаѣ получалъ отъ царскаго семейства взаимные дары, которыми его по обычаю дарили отвѣтно. Такъ и въ этотъ день новый патріархъ получилъ отъ царицы, царевича и царевенъ: по кубку серебряному, по атласу, отъ царицы двойной по серебряной землѣ, отъ царевича просто двойной, отъ царевенъ по гладкому лазоревому: по камнѣ куутерь, отъ царицы багровой, а отъ прочихъ по лазоревой, и по сороку соболей. „А назадъ тѣ дары у патріарха не взяты. А пожаловавъ, государыня царица и царевичъ и царевны патріарха отпустили къ себѣ“¹.

Такимъ же образомъ царица и царевны принимали у себя патріарха, когда поселялись на новоселье въ новыхъ хоронахъ. Патріархъ при этомъ благословлялъ ихъ иконою и подносилъ

¹ Визисіонна VI, 256.

хлѣбъ и соль въ серебряной солонкѣ, а также и дары: обычные сорокъ соборей и кусокъ золотой или шелковой ткани. Впрочемъ дары, большею частію, съ благодарнымъ отказомъ, принимаемы небыли и возвращались снова въ патриарскую домовую казну. Впоследствии патриархъ приходилъ благословлять такое новоселье только съ иконою и съ хлѣбомъ и солью.

Повседневные, комнатные приемы у царицы равно какъ у большихъ царевенъ ограничивались, разумѣется, только лицами женскаго пола или родственными, самыми близкими, свойственными людьми изъ мужчинъ.

Котошихинъ рассказываетъ, однакожъ, что бояре, думные и ближніе люди и ихъ дѣти, въ дни своего рожденія (собственно именинъ) прѣзжали обыкновенно челомъ ударить царицѣ и подносили ей свои *именинные калачи*, потомъ ходили съ именинными колачами къ царевичамъ и къ царевнамъ. Царица въ своей передней комнатѣ принимала ихъ лично, спрашивала о здоровьѣ, поздравляла именинника и приказывала принять отъ него именинный калачъ. Причемъ именинникъ получалъ иной разъ что либо въ подарокъ. Такъ, напр., въ 1644 г. апр. 30, сыну князя Никиты Ив. Одоевскаго, Якову, за то, что онъ поднесъ государышѣ свои именинные пироги, царица пожаловала два куска полотна, одно двойное, другое тройное. Безсомнѣнія точно такимъ же порядкомъ принимали именинниковъ и большіе царевичи, всенародно объявленные. Могло также быть, что и маленькіе царевичи принимали лично своихъ сверстниковъ по возрасту, маленькихъ именинниковъ, дѣтей бояръ, думныхъ и ближнихъ людей. Но едвали допускались къ нимъ посторонніе старшіе именинники, кромѣ ихъ приставниковъ и приближенныхъ по родству людей. О приемѣ бояръ у царевенъ Котошихинъ замѣчаетъ: „а у царевенъ у самихъ (именинники) не бывають, кромѣ свойственныхъ бояръ“. Стало быть здѣсь приемъ былъ заочный. Можно полагать, что и царица точно также принимала заочно всѣхъ бояръ и другихъ сановниковъ, которые не были ей близки по родству или по службѣ. Вообще указаніе Котошихина должно относиться по преимуществу лишь къ *ближнимъ* людямъ, вышедшимъ, и въ бояре и въ думу, изъ царскихъ комнатъ, изъ домашнихъ государевыхъ людей.

Само собою разумѣется, что подобнаго исключенія не было для лицъ женскаго пола. Боярскія жены и дочери высшаго, т. е.

всего думнаго и ближняго чина, пользовались всегда личнымъ приѣмомъ царицы и царевенъ. Въ дни своихъ именинъ онѣ представлялись государынѣ и царевнамъ съ своими именинными лалачами; ихъ также спрашивали о здоровьѣ, поздравляли и пожелывали принять подносимый лалачъ — именинникъ.

Какъ въ эти праздничные, такъ и въ обыкновенные пріѣзды къ царицѣ за какимъ либо дѣломъ по ея вызову или съ собственною просьбою, боярыни пріѣзжали зимою въ каптанахъ (крытыхъ вознахъ), а лѣтомъ въ колымагахъ и рыдванахъ. „А пріѣзжаючи къ царицыну двору, изъ колымагъ и каптанъ, онѣ выходили у воротъ ¹, а на дворъ не вѣзжали и приходя къ царицынымъ или къ царевнинымъ покоямъ, посылали боярынь сказать о своемъ пріѣздѣ царицѣ или царевнамъ“. Безсомнѣнія прежде онѣ посылали своихъ боярскихъ боярынь объявить о своемъ пріѣздѣ дворовой боярынь, которая уже и докладывала объ этомъ царицѣ. Такимъ же образомъ шелъ докладъ и царевнамъ черезъ ихъ комнатныхъ боярынь. Пришедъ къ царицѣ или къ царевнамъ, боярыни кланялись имъ въ землю, челомъ били; затѣмъ государыни ихъ спрашивали о здоровьѣ. Послѣ этой обычной формы приѣма, спрашивали и о дѣлѣ, зачѣмъ пріѣхали.

Въ иныхъ случаяхъ царица принимала даже и крестьянокъ, покрайней мѣрѣ своихъ же дворовыхъ вотчинъ. Такъ, въ 1635 г. мая 29, къ царицѣ Евдокѣ Лутьяновнѣ въ селѣ Рубцовѣ (Покровскомъ) приходили челомъ ударить *съ пирогомъ* села Рубцова рыбной слободки крестьянки, семь человекъ, при чемъ царица пожаловала имъ по полтинѣ.

При обзорѣннй повседневной комнатной жизни царицъ мы должны намѣтить только общія главныя черты съ помощью прямыхъ и положительныхъ свидѣтельствъ, предоставляя самому читателю рисовать себѣ живую и болѣе или менѣе полную картину такой жизни изъ тѣхъ, во множествѣ разбѣянныхъ въ этой же книгѣ мелкихъ черточекъ, какія онъ самъ можетъ прослѣдить, если употребить на это необходимое вниманіе. Въ послѣдующихъ главахъ и особенно въ отдѣлѣ матеріаловъ онъ

¹ У Куретныхъ дворцовыхъ воротъ, взадн царицыныхъ хоромъ, откуда и выходили во дворецъ по свѣтличной лѣстницѣ, находившейся подлѣ этихъ воротъ.

найдеть многія, хотя еще и сырыя краски для воспроизведенія подобной картины. Съ своей стороны мы огрѣничиваемъ себя только одною черною работою и въ настоящемъ случаѣ уязвляемъ лишь основныя положенія такой жизни.

Послѣ обычнаго утренняго моленія у крестовъ, къ царицѣ приходилъ отъ государя ближній человекъ спросить о здоровьѣ, какъ почивала? Такой спросъ происходилъ однакожъ чрезъ комнатныхъ боярынь. Одна изъ нихъ, по преимуществу крайчая, принимала посланнаго и докладывала объ этомъ царицѣ, передавая тѣмъ же путемъ и ея отвѣтъ. Да и всѣ другія сношенія царствующихъ супруговъ всегда происходили посредствомъ такихъ же „обсылокъ“, чрезъ боярынь со стороны царицы и чрезъ ближнихъ людей со стороны государя. Весьма понятно, что эти обсылки ввѣрялись людямъ самымъ приближеннымъ и испытаннымъ или долгою службою, или особыми родственными отношеніями. — Обсылки, однакожъ, происходили только въ тѣ дни, когда супруги почивали особо. Тогда, послѣ обсылки, государь и самъ приходилъ къ царицѣ здороваться и такъ какъ эти дни бывали перѣдко богомольные, постные или праздничные, то супруги выходили вмѣстѣ къ заутрени или къ равней обѣднѣ въ одну изъ сѣнныхъ церквей. Когда же царицѣ не вмѣстимо было идти въ церковь, то царь приходилъ съ нею здороваться, отслушавъ одинъ церковную службу.

Въ повседневной царицыной жизни, какъ это было и вездѣ, утро, т. е. все время до обѣда, посвящалось, конечно разнаго рода занятіямъ. Здѣсь важнѣйшимъ каждодневнымъ предметомъ для размышленій, обсужденій и заботъ были женскія рукодѣлія, заготовленіе разнообразныхъ частей наряда и различной церковной „круты“ или одежды. Вся такая рукодѣльная дѣятельность царицыной жизни сосредоточивалась главнымъ образомъ въ Свѣтлицѣ, обзорнѣе которой мы помѣщаемъ ниже. Это было отдѣльное и обширное рукодѣльное заведеніе, исполнявшее всякія подобныя работы, даже и на половину государя. Немало требовалось времени только для того, чтобы пересмотрѣть вносимый для шитья и другихъ рукодѣлій различный узорочный товаръ, разныя дорогія и легкія ткани, шелки, золото и серебро, жемчуга, камни и т. п., а вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрѣть, полюбоваться издѣліями мастерицъ, предметами своего или дѣтскаго убора и наряда; указать, чего желается, что нужно, какъ исправить, передѣлать, или какъ пополнить работу. Если самъ

государь проводилъ много времени въ осмотръ работъ своей Оружейной Палаты, иконописныхъ, живописныхъ, рѣзныхъ костаныхъ и деревянныхъ, золотыхъ и серебряныхъ, и собственно оружейныхъ, то еще больше времени проводила и царица въ осмотръ работъ своей Свѣтлицы. Здѣсь такой осмотръ имѣлъ еще большее значеніе по той причинѣ, что царица была сама руководяницею тѣхъ же самыхъ предметовъ. Она нерѣдко по общанію сама вышивала шелками, золотомъ и серебромъ и низала жемчугомъ и камнями какую либо утварь въ домовыя свои церкви, въ соборы или въ монастыри въ особо чтимыя угодивамъ. Точно также она сама работала и нѣкоторые предметы изъ платья государю, и дѣтямъ, напр. ожерелья или воротники къ сорочкамъ и кафтанамъ, какъ и самыя сорочки, обыкновенно вышиваемыя шелками и золотомъ, также ширинки или платки, полотенца и т. п. Дѣтямъ у царицы въ хоромахъ шились даже куклы, для чего отпускались туда нерѣдко доскутки и остатки разныхъ дорогихъ и легкихъ шелковыхъ и золотныхъ тканей. Мы не упоминаемъ о дѣтскомъ бѣльѣ, которое большею частію тоже по всему вѣроятію изготовлялось въ комнатахъ царицы, особенно для маленькихъ дѣтей.

Мы увидимъ ниже, что такъ называемую *бѣлую самовскую* или полотняную *казну* заготовляли по годовому окладу нѣсколько особыхъ слободъ. Все это заготовленіе вѣдѣтъ съ мастерами и мастерицами находилось въ завѣдываніи царицына Приказа мастерской палаты. Обыкновенно царицы сами пересматривали доставляемыя полотна, скатерти, убрusy, пряжу и т. п. предметы льнянаго дѣла, сами сортировали ихъ, иное оставляя для собственнаго употребленія, иное назначая для даровъ и даже на продажу, что залежалось или не слишкомъ чисто было сдѣлано. Такъ въ 1631 г. мая 3 царица была въ своей казнѣ въ мастерской палатѣ и велѣла передъ собою выбрать на продажу 27 столбцовъ (кусковъ, свернутыхъ столбцомъ) скатертныхъ задѣйчатыхъ, 24 столбца хлопчатыхъ, 34 столбца тверскихъ, 30 полотенъ двойныхъ гладкихъ лежалыхъ и не лежалыхъ, 8 полотенъ двойныхъ полосатыхъ, 32 полотна тройныхъ полосатыхъ, 20 полотенъ тверскихъ; а выбравъ, велѣла ихъ оцѣнить, а оцѣня, продать. Всего такимъ образомъ оцѣнено торговыми людьми на 101 р. 8 алт., а продано сверхъ оцѣнки съ прибылью на 51 р. 6 алт. 2 денги. — Въ 1632 г. сент. 6, царица была въ своей казнѣ и взяла 2 утиральника полосатые, убрusy

ное полотенцо, полотно основное, 5 полотень тройныхъ гладкихъ, 15 полотень тверскихъ, 30 пологъ убрусныхъ. Въ 1633 г. генв. 21 царица была въ своей казнѣ и пожаловала Фед. Ст. Стрѣшневу (своему дядѣ и дворецкому) полотно двойное да полотно тройное гладкіе; да отставныхъ столбець сватертный, да полотно тройное; да дьяку Сурьянину Тороканову полотно тройное гладкое; да царица выбрала въ своей казнѣ на продажу по оцѣнѣ на 90 р. 10 алт., а денегъ взято продажу, а не по оцѣнѣ, 126 р. 28 алт. 2 д. — Въ 1640 г. окт. 8 царица смотрѣла своей Брейтовской казны, т. е. привезенной изъ села Брейтова, и оставила у себя въ хоромѣхъ 50 пологъ убрусныхъ; и т. д.

Иной разъ такимъ же образомъ царица пересматривала свой гардеробъ, назначая поношенное или залежавшееся въ отставку, именно „въ отдачу“, т. е. въ даръ кому либо изъ своихъ родственницъ или изъ своихъ комнатныхъ, а также на перешивку дѣтямъ. — Родственницъ своихъ царица одѣвала по большей части, если не съ собственнаго плеча, то всегда изъ своей казны и изъ своей мастерской палаты готовымъ платьемъ, постройка котораго, безсомнѣнія, происходила при ея же непосредственныхъ хлопотахъ и заботахъ. Мелкія свидѣтельства всему этому мы найдемъ въ отдѣлѣ матеріаловъ, въ запискахъ *верховнаго звѣнса*.

Въ извѣстное время царица принимала доклады о разныхъ дѣлахъ по вѣдомству своего Постельнаго Приказа и своего дворцоваго обихода отъ дворецкаго или отъ дьяка, а большою частью чрезъ своихъ дворовыхъ боярынь и преимущественно отъ боярыни крайчей. Главныя дѣла касались хозяйскаго и служебнаго устройства различныхъ частей царицына обихода и всего ея чина. Она утверждала, конечно не безъ совѣта съ государемъ, опредѣленіе и увольненіе всѣхъ служителей своего двора; *приказывала* тѣ или другіе расходы, выдачи, раздачи, покупки, посылки, подачи и т. п. По всему вѣроятію ея же рѣшеніямъ подчинялась и ея *судимая* или *судная* палата, гдѣ судился ея царицынъ чинъ, когда его дѣла касались какихъ либо дворцовыхъ случаевъ и обстоятельствъ, особенно по отношенію къ какимъ либо безпорядкамъ, производимымъ во дворцѣ или, еще важнѣе, къ посягательству нанести безпокойство государеву семейству, какой либо вредъ его здоровью или чѣмъ либо оскорбить его. Подобныхъ дѣлъ случалось не мало вслѣдствіе не-

нмовѣрной дворцовой подозрительности и частыхъ визитовъ къ доносцовъ.

Впрочемъ въ дневномъ дѣлѣ у царицы преобладали не столько дѣла милосердія, сколько помощи бѣднымъ, нуждающимся. Какъ видно, съ какою щедростью раздавалась была царичею милостыня нищимъ во время богомольныхъ выходцовъ и вообще во время богомольныхъ дней. Но и кромѣ нищихъ, известное бѣдныхъ людей, преимущественно меншицы жѣ, и тѣмъ самымъ образомъ имъ служило только сословію пользовались не столько особымъ челоуитыма'о своихъ нуждахъ и приурочивая эту подачу челоуитныхъ болышею частію къ правдичнымъ и особенно въ женскимъ парскимъ днннн. По всему вѣроятію челоуитныя читались самой царицѣ. Въ нихъ вдовы и сироты разсказывали свою горькую нужду и бѣдственное положеніе: кто по сиротству шелъ въ монастырь и просилъ на „постриганье“; кто просилъ извѣщать, что „судомъ Божиимъ, государыня, нѣтъ у меня нѣ отца, ни матери, вступиться въ бѣдность мою никому“; кто просилъ окупить съ правому: „стою я бѣдная въ нагреснѣ въ 5 рубльхъ на правомъ (въ долгу), а окупить мнѣ нечѣмъ“; кто писалъ: „сговорила я дочеришку свою замужъ, а выдать мнѣ на срокъ послѣ Крещенья въ первое воскресенье, а выдать мнѣ нечѣмъ; или; „а дѣтишки мои часовники повыучили, а псалтыри купить не чѣмъ, прикажи на псалтыри дати, чѣмъ тебѣ, государыня, Богъ извѣститъ“; или: „мужа моего убили на вашей службѣ подъ Каширою, у Троицы на Бѣлахъ Пескахъ, за васъ государей голову положилъ и кровь пролилъ. Пожалуй меня, бѣдную вдову, за мужа моего службу и за кровь, вели меня постричь въ свое богомолье, въ Вознесенскій монастырь; а я стара и увѣчна и скитаюсь межъ дворъ; чтобъ я, бѣдная волочась межъ дворъ, не погибла; а я, государыня, нага и боса“. Очень часто челоуитчики изъясняли только, что скитаются межъ дворъ, помираютъ голодною смертію, въ конецъ погибаютъ, а поить и кормить, и одѣть и обуть не кому, роду и племени нѣтъ, помощника себѣ никого неимѣютъ, окромѣ Бога и „тебя великой государыни“. Иной разъ въ челоуитной какой либо вдовы излагалось нѣчто въ родѣ послужнаго списка, разсказывались подвиги и служба мужа. Въ 1642, фев. 16 царицѣ была подана между прочими слѣдующая челоуитная: „Государыня царицѣ и великой княгинѣ Евдокѣ Лукьяновѣ бьетъ

челомъ бѣдная и беспомочная вдова, древняя и скорбная, тверитина Камышниковъ женишко Рудакова Марьяца: служилъ мужъ мой прежнимъ государемъ и вамъ государемъ въ сотникахъ въ стрѣльцкихъ всякіе ваши государевы службы, въ датскихъ и въ свитцкихъ нѣмцахъ и въ Стекольнѣ былъ три года и вышелъ къ Москвѣ; а послѣ того былъ на Низу въ Астрахани съ головою съ Темиремъ Засѣдчимъ и на Колугѣ городъ ставилъ, и былъ на вышей государевѣ службѣ четыре года; и какъ завоевались на Сиверѣ и въ сиверскомъ Новгородѣ въ осаду сидѣлъ съ Михайломъ Шейнымъ; и какъ подъ Москвою въ таборѣ стояли воровскіе люди, а мужъ мой въ ту пору на Дѣдиловѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ, и хотѣли съ башни скинуть, и онъ ушелъ къ вамъ государемъ къ Москвѣ, а вору креста не цѣловалъ; и какъ подъ Москвою въ Тушинѣ стояли литовскіе люди и мужа моего выбрали въ полкъ къ боярину къ князю Михаилу Васильевичу Шуйскому Скопину, и его взяли въ полонъ; и въ полону былъ три мѣсяца, въ день ровъ копалъ, а на ночь къ колку прикованъ; и изъ полону ушелъ. А какъ ходили съ обозомъ на воровскіе люди, и мужа моего выбрали въ обозъ съ сотнею, и въ обозѣ его изранили, положили двѣнадцать ранъ; и какъ пошелъ подъ Царево Займище бояринъ князь Дмитрій, и мужа моего послали тутже съ сотнею, и его взяли въ полонъ, и былъ въ полону два мѣсяца; и изъ полону ушелъ къ Москвѣ изъ Можайска. *И какъ литовскіе люди Москву разорили и мужъ мой ушелъ въ Симоновъ монастырь и его убили на дѣлѣ Литовскіе люди; а вору креста не цѣловалъ. И съ тѣхъ мѣсть и по ся мѣсть, послѣ мужа своего 30 лѣтъ скитаюсь межъ дворъ, помираю голодною смертью, нага и боса, помираю голодною смертью; а которые и были у меня сродичи и тѣ всѣ побиты на вашей государевой службѣ подъ Смоленскомъ; надѣяться не на кого. Г. царица и в. к. Евдокья Лукьяновна! пожалуй меня бѣдную, драхлую, скорбную, увѣчную, для своего государскаго многолѣтняго здравія, за службу, за кровь и за осадное сидѣнье и за полонское терпѣнье мужа моего и для моей бѣдности и скорби; вели, государыня, мнѣ дати на одешенку, какъ тебѣ, государыня, Богъ извѣститъ. Государыня, царица смилуйся пожалуй! Помѣта: 150 г. февр. 16, дать полтина*.

Помѣту обыкновенно клалъ дьякъ. Полтина была жалованьемъ среднимъ; большею частью назначалась гривна, а иногда алтыны, одинъ, два и больше. Въ особенно уважительныхъ слу-

чашъ царица жаловала и рубли. Само собою разувѣется, что не всѣ эти выдачи назначались самою царицею. Должно полагать, что вообще ихъ разрѣшалъ ея дворецкій или дьякъ, представляя царицѣ только общій докладъ и обращая ея вниманіе только на какіе либо исключительные и заслуживающіе особаго милосердія случаи.

Былъ еще въ царицыномъ быту особый кругъ заботъ, которому также отдавалось достаточно времени, занятій и соображеній. Для своего двороваго и въ особенности для своего двороваго женскаго чина, какъ и для всѣхъ своихъ многочисленныхъ родичей, царица являлась сердобольною, попечительною матерью, которая должна была устроить жизнь и судьбу каждаго изъ своихъ домочадцовъ. Таковы были требованія давняго обычая, ставшаго закономъ жизни. По этому закону, какъ извѣстно, каждый домовладыка, почиталъ своею прямою обязанностию заботиться о чадахъ дома, какъ о собственныхъ дѣтяхъ, малыхъ воспитать и научить, а главныхъ сочетать бракомъ, дѣвицъ повыдать за мужъ, молодыхъ поженить. Такъ какъ царскій бытъ въ своихъ основахъ и общихъ началахъ ничѣмъ не отличался отъ обыкновеннаго вотчинначескаго или помѣщичьяго быта, то и здѣсь очень естественно встрѣтить обычныя попеченія о своихъ домочадцахъ, какія прилагалъ каждый помѣщикъ о своихъ крѣпостныхъ. Вотъ почему всѣ дѣвицы, всякаго чина, жившія во дворѣ царицы, всегда изъ двора же были выдаваемы за мужъ за добрыхъ дворовыхъ же или стороннихъ людей по одобренію самой царицы. Въ расходныхъ запискахъ ея Постельнаго Приказа нерѣдко встрѣчаются свидѣтельства или о постройкѣ свадебнаго наряда для „верховыхъ дѣвокъ“, или о выдачѣ имъ на свадьбу денегъ. Есть указаніе, что царица сама дѣлала смотрины невѣстъ, для кого либо изъ дворовыхъ жениховъ, а стало быть уже непременно сама же смотрѣла и жениховъ для дворовыхъ дѣвицъ, разувѣется при соблюденіи необходимыхъ условій своего замнутаго быта, т. е. всегда потаенно и скрытно. Въ 1653 году былъ такой случай: отставленный дворцовой сторожъ Иванъ Девуля пришелъ въ Вознесенскій монастырь къ одной изъ старицъ, именно къ келарю, и просилъ, чтобъ она „у себя въ монастырѣ поискала дѣвки, которая бѣ была лѣтна, хотя и увѣчна и нага и боса, а жениха, сказалъ, ты сама знаешь, зовуть Фроломъ, Мининъ, мадоументъ“. Затѣмъ онъ просилъ о невѣствѣ и у другихъ мона-

стырскихъ женщинъ. Невѣста вскорѣ была указана, сиротинка, жившая въ кельѣ у старицы Аѳросиньи. Желая устроить свадьбу, и не надѣясь, вѣроятно, выманить у старицы невѣсту для своего Фрола, Деуля схитрилъ и обманулъ ее слѣдующимъ образомъ. Онъ пришелъ къ ней будто именемъ царицы, сказалъ царицыно жалованное слово, что по челобитью царицѣ отъ ея царицына крестовата дьячка, хочетъ этотъ дьячокъ тоѣ дѣвкѣ замужъ взять; прибавивъ, что государыня напередъ тоѣ дѣвкѣ досмотрится, а для того провести ея мимо государыни въ такое то число, въ 5 часу дни, а государыня де будетъ въ то время гулять въ Царя-борисовской палатѣ; и ту дѣвкѣ провести по улицѣ мимо той палаты. Старица отказывалась, говорила, что у дѣвкѣ замужъ и мысли нѣтъ и не хочетъ, что она нага и боса и платья ничего нѣтъ. Деуля объяснялъ, что платье все пожалуетъ государыня царица; и полотно, и все дастъ съ Верху для ради своего крестовата дьяка.

Въ назначенный день Деуля вмѣстѣ съ избранною свахою, явился въ келью къ старицѣ за невѣстою, чтобъ вести ее къ смотрѣнью предъ государыню, мимо Царя-борисовской палаты, и принесъ съ собою для невѣсты доброе платье. Старица, не познавъ ихъ лукавства и обману, нарядивъ дѣвкѣ къ смотрѣнью, отпустила съ ними. А они отвели невѣсту прямо въ церковь и тамъ обвѣнчали ее съ Фроломъ. Само собою разумѣется, что обмануть подобнымъ образомъ возможно было лишь въ такомъ случаѣ, когда всѣмъ было извѣстно, что во дворцѣ у царицы такіе смотрины и такія сватовства — дѣло обычное, бывающее. Небывалому дѣлу никто бы и не повѣрилъ. Здѣсь же именемъ царицы совершался обманъ, даже предъ лицомъ игумена, какъ о томъ жаловалась впоследствии самой же царицѣ старица Евѳросинья. Подробнѣе этотъ случай расказанъ въ подлинномъ дѣлѣ, которое мы приводимъ ниже.

Во дворцѣ, при хоромахъ царицы жило много дѣвочекъ — сиротинокъ, которыя попадали туда разумѣется при посредствѣ верховныхъ боярынь или по какимъ либо случаямъ избирались и прямо самою царицею. Изъ такихъ случаевъ особенно часто встрѣчалось крещенье въ православную вѣру иноземокъ. Царица всегда принимала самое усердное участіе въ этихъ событіяхъ, щедро награждала новокрещенныхъ и послѣ всегда имъ покровительствовала; дѣтей же и именно сиротъ почти всегда принимала въ свои хоромы. Но случалось, что дѣвочки поступали

къ ней и отъ живыхъ родителей. Такъ въ 1635 г. была крещена въ Верхъ, отъ отца и отъ матери, дѣвочка иносемка еврейской породы, крещена и воспитана во дворцѣ, а потомъ выдана съ Верху же замужъ за пѣвчаго дьяка.

Царица часто крестила нѣмокъ, татарокъ, камиичей, армянокъ; неизвѣстно только бывала ли она сама восприемницею этихъ новокрещенныхъ или отдавала кому изъ верховныхъ бояръ; но крещеными изъ дворца всегда изъ царицыной казны выдавалось платье и деньги. Такъ были крещены въ сент. 1652 г. нѣмка Ульяна съ дочерью, симицкая жена, вѣроятно жена какого либо нѣнца-каменера, ибо именемъ вымышленна назывались у насъ инженеры. Въ томъ же мѣсяцѣ престилась нѣмка Авдотья Александрова, жена полковника Лесля. Ей куплено: крестъ золотой вѣсомъ 4 золотника за 5 р., цѣпочка серебр. вызолоченная вѣсомъ 14 зол. за 3 р., башмаки бѣлые сафьянные, ичетыги червчатые — за 21 алт. 4 д. Въ октябрѣ крещена нѣмка Авдотья Томасова жена, которой куплено: крестъ золотой 2½ р., цѣпочка серебр. вызолоч. 12 золотн. 2 р. 28 алт. 2 д., — башмаки бѣлые, ичетыги желтые сафьянные за 22 ал., ошивка кружевная 16 ал. 4 д. — Въ ноябрѣ въ Варсонофьевскомъ монастырѣ крещены татарки три вдовы, четвертая мужня жена. Имъ куплены кресты, одинъ серебряный позолоченный 3 зол. за 11 ал., три серебр. бѣлыхъ по 3 зол. за 24 алт. Тогда же крещена дѣвка татарка, которой куплена тѣлогрѣя киндячная на песдовомъ мѣху, рубашка женская и сапоги барановые красные. Въ это же время тремъ новокрещенымъ татарченкамъ куплено три кафтана кушачные червчатые на зайцахъ съ мишурными нашивками за 4 р. 15 алт. Въ февралѣ 1653 г. въ Вознесенскомъ монастырѣ крещена дѣвка самоядка, которой тогда куплены сапоги желтые сафьянные и чулки бѣлые за 23 ал. 2 д.

При царицѣ Евдокиѣ Лукьяновнѣ одна изъ новокрещенныхъ нѣмокъ, дѣвка Авдотья Капитонова, находилась даже въ собственной комнатѣ царицы, была ею очень любима и исполняла всѣ комнатныя ближайшія ей порученія и привязанія. Замѣчательно, что черезъ 18 дней послѣ кончины царицы она была выслана изъ дворца въ свое помѣстье, вѣроятно, прежде ей пожалованное. 5 сентября 1645 г. государь указалъ сослать съ Москвы въ Нижній Новгородъ дѣвку Авдотью Капитонову да сестру ея вдову Авдотью же съ дѣтьми на своихъ государевыхъ

подводахъ, а изъ Нижняго указалъ государь ихъ сослать въ Нижегородскій уѣздъ въ ихъ помѣстье деревню Лѣтною до своего государева указу. Для береженья съ ними посланъ сынъ боярскій. Въ городѣ велѣно ихъ принять воеводѣ, а принявъ сослать въ деревню и изъ деревни никуда выѣзжать имъ до государева указу не велѣть, въ обидахъ отъ всѣхъ людей оберегать и въ обиду людей ихъ, и крестьянъ никому не давать; а будетъ кто изъ дворянъ или изъ дѣтей боярскихъ на той дѣвкѣ Авдотѣ жениться похочетъ и тоѣ дѣвкѣ велѣть выдать замужъ сестрѣ ея вдовѣ Авдотѣ, изъ воли, безо всякаго опасенья, а что у дѣвки государева жалованья помѣстья и вотчины и тѣмъ помѣстьемъ и вотчинами государь пожалуетъ жениха ея“. Можно полагать, что она была крестницею самой царицы или самого государя.

Очень естественно, что еще большія заботы царица полагала объ устройствѣ судьбы своихъ бѣдныхъ родственницъ, которыя, дѣвками, жили обыкновенно въ Верху на ея попеченіи. Онѣ составляли особую степень верховыхъ царицыныхъ чиновъ подъ именемъ верховыхъ дѣвицъ боярышенъ. Въ этотъ чинъ царица опредѣляла по большей части сиротъ своего родства, а иногда брала дѣвицъ и у родителей, по бѣдности неимѣвшихъ средства дать имъ воспитаніе, а главнымъ образомъ не имѣвшихъ средствъ выдать ихъ за мужъ. Такимъ дѣвицамъ царицынъ Верхъ всегда являлся надежною опорой и заботливымъ покровителемъ. До возраста онѣ стольничали у малолѣтнихъ царевенъ, служили имъ въ ихъ дѣтскихъ играхъ и жили въ ихъ же комнатахъ. На возрастѣ царица выдавала ихъ за мужъ за добрыхъ людей, въ которыхъ, конечно, недостатка никогда не было, ибо женитьба на верховой боярышнѣ всегда сопровождалась значительными выгодами для жениха и въ отношеніи приданого и въ отношеніи службы. „А иныхъ дѣвицъ и вдовъ, небогатыхъ, говоритъ Котошихинъ, царица и царевны отъ себя съ двора выдаютъ за мужъ за стольниковъ, за стряпчихъ и за дворянъ, и за дялковъ и жильцовъ, своимъ государскимъ надѣленіемъ, также и вотчины даютъ многіе или на вотчины деньгами изъ царскіе казны, да ихъ же отпускаютъ по воеводствамъ, и тѣ люди воеводствами побогатѣютъ“.

Однакожь, чтобы такое приданое, какъ и сама невеста дѣйствительно попадали въ руки доброму человѣку, необходимо было наводить объ избираемыхъ женихахъ надлежащія справки,

необходимо было подробно узнавать ихъ житье-бытье, что для всему вѣроятію и дѣлалось чрезъ варювыя и приданныя боярынь, а равно и чрезъ ближнихъ людей государя, причѣмъ при посредствѣ тѣхъ же боярынь. Царь также соединялся, еще принимая особенное участіе въ судьбѣ своихъ верховныхъ боярынь, дарина и самолично досматривала ихъ жениховъ-сватановъ и ли для того невидимо, какъ подобало въ дарининомъ быту.

Въ дѣлкахъ случаяхъ дѣлать подобныя справки и досмотры было не трудно, и именно относительно людей, которые по службе часто бывали во дворцѣ, какъ напр. стольники, стражи, жильцы. Въ томъ же въ хоромахъ дарина и вообще во дворцѣ всегда очень хорошо было извѣстно житье-бытье, каждаго изъ бояръ, и каждаго изъ значительныхъ дворянъ, но той простой причинѣ, что царь съ царицею были по своимъ отношеніямъ по всей службѣ средѣ приемы вѣтчинниками домоглазными и почитали все боярское и вообще дворянское общество Москвы за одну семью своихъ домощадцевъ. Въ этой средѣ царь замечалъ тоже, что старинный помѣщикъ въ средѣ своихъ дворянскихъ, о чемъ мы уже отчасти говорили въ I томѣ. — Очень естественно, что особенно важныя и видныя домашнія дѣла каждаго члена этой среды всегда были на виду и въ царскомъ дворцѣ, гдѣ съ родительскимъ попеченіемъ и усерднымъ опекунствомъ непрестанно наблюдали за всѣми дѣйствіями своихъ домощадцевъ. Во дворцѣ бывало извѣстно все, что говорили на площади, на пирахъ, даже въ отдаленныхъ походахъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ своей перепискѣ самъ царь Алексѣй Михайловичъ. И само собою разумѣется, что раскрытіе домашнихъ дѣлъ служилого и приближеннаго общества всего любопытнѣе было для домашней же среды дворца, т. е. для женской среды, гдѣ собирались жены мужей, матери дѣтей, сестры братьевъ и т. д. Это закрытое въ своихъ термахъ общество, никому невидимое во дворцѣ, становилось по временамъ даже политическою силою, которая своимъ подземнымъ вліяніемъ давала извѣстное направленіе государевымъ поступкамъ и дѣламъ, возводило людей на высоту царскихъ милостей, а стало быть и управленія, или низвергало ихъ съ этой высоты, поддерживало падающихъ или помогало имъ въ паденіи. Исторія этого общества нѣма, по той причинѣ, что ея героями бывали все люди не писанные, жившіе въ покореніи, въ монастырскомъ постыженіи и молчаніи, но она весьма значительна и любопытна

по несомнѣнному присутствію ея скрытыхъ дѣяній во многихъ государстве нныхъ дѣлахъ. Какъ исторія по преимуществу домашняя, она и раскрыться можетъ только при всестороннемъ разслѣдованіи домашнихъ же дѣлъ государя и народа.

Котошихинъ, отмѣчая подобную черту дворскихъ отношеній, говоритъ между прочимъ, что боярскія и вообще ближнихъ людей жены, вдовы и дочери — дѣвицы пріѣзжали часто во дворецъ къ царицѣ, царевнамъ и къ царевичамъ ходатайствовать о своихъ мужьяхъ и дѣтяхъ, о своихъ братьяхъ и родственникахъ и всегда успѣвали въ этомъ, всегда находили у царской семьи надобную помощь и защиту во всякомъ дѣлѣ. „Царь тѣ дѣла дѣлаетъ, о которыхъ бываетъ такое челобитье, хотябъ которой князь или бояринъ или иныхъ большихъ и меньшихъ чиновъ человекъ въ какой бѣдѣ ни былъ, о чемъ бы ни билъ челомъ, еслибъ кто и къ смерти былъ приговоренъ и, по прошенію своей семьи можетъ царь все доброе учинити и чинить; и такихъ дѣлъ множество бываетъ, что царица, и царевичи, и царевны, многихъ людей отъ напрасныхъ и не отъ напрасныхъ бѣдъ и смертей освобождаютъ, а иныхъ въ честь возвышаютъ и въ богатство приводятъ“.

Бывало у царицъ и царевенъ не мало занятій, хлопотъ и заботъ, и по вотчинному своему хозяйству, которое въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ селахъ принадлежало имъ какъ бы въ собственность, составляя ихъ особую комнатную статью хозяйскаго дѣла.

Въ первой половинѣ XVII ст. такою домашнею вотчиною было село Рубцово—Покровское (нынѣ Покровская улица), а во второй половинѣ того же столѣтія — село Измайлово. Рубцово, вѣроятно, было стариною вотчиною Романовыхъ и потому въ первые года царствованія Михаила оно принадлежало его матери иноки Марѣ Ивановѣ, а отъ нее потомъ перешло въ исключительную собственность къ царевнѣ Иринѣ Мих., которая и была его полною хозяйкою—вотчинницею. Впрочемъ сначала, за ея малолѣтствомъ, такою хозяйкою—вотчинницею была мать ея, сама царица Евдокія Лужьян. Селомъ управлялъ прикащикъ, въ 1632 Микифоръ Васильевъ, и управлялъ, видно, какъ слѣдовало старинному прикащику, такъ что въ это время старосты и крестьяне били на него челомъ, что дѣлаетъ имъ

обиды и налоги многіе и во всемъ ихъ стѣсняетъ. И это было въ Москвѣ, подъ крыломъ и на глазахъ самой царицы. Рѣшено было *сыскамъ* о немъ въ селѣ попами и дьяконами, т. е. допросить ихъ по священству, справедлива ли была жалоба крестьянъ. Вотчинное хозяйство села состояло изъ обыкновенныхъ хозяйскихъ статей, которыя вѣдали дворовые люди, получавшіе годовое окладное жалованье: мельникъ 6 р., другой мельникъ за сыпка 3 р.; два садовника по 5 р.; два рыбника—по 3 р. три коровника по 2 р.; 2 конюха по $1\frac{1}{2}$ р., съ 1632 г. по 2 р., а потомъ и по 3 р.; гусятникъ—рубль, съ 1632 г. 2 р.; дворникъ или сторожъ вотчиннаго двора—2 р.; а потомъ 3 р. Мѣсячины имъ шло на мѣсяць: мужу съ женою по чети ржи, въ мясные дни по части мяса, въ постные дни по звену рыбы. По праздникамъ бывало указное питье. При Михаилѣ Фед. Рубцово—Покровское было любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ царской семьи и потому на устройство тамошняго хозяйства были употреблены тогда не малыя заботы. Въ 1632 г. печатнаго дѣла мастеръ Онисѣмъ устроилъ тамъ пруды, а въ 1635 г. разведены сады, которые въ 1641 г. снова строилъ нѣмецъ дохтуръ Венделинусъ Сибилицъ. Хозяйство, время отъ времени, пополнялось также необходимыми статьями, какія требовались для его улучшения. Такъ, въ сентябрѣ 1634 г. куплены въ табунѣ 4 кобылицы ногайскія за 21 р., царевны Ирины на обиходъ, и посланы на конюшню въ село Рубцово.

Со времени царя Алексѣя Покровское было оставлено въ исключительномъ владѣніи царевны Ирины ¹. Впослѣдствіи въ той же сторонѣ царь устроилъ для себя особое вотчинное хозяйство и дачу въ Измайловѣ, гдѣ всѣ статьи хозяйства, и пруды, и сады, явились несравненно въ лучшемъ и обширнѣйшемъ видѣ и заведены были при помощи разнаго рода нѣмецкихъ мастеровъ. Царица завѣдывала здѣсь всѣми женскими работами, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимало льняное дѣло.

Кромѣ этихъ двухъ вотчинныхъ хозяйствъ были еще весьма значительныя по преимуществу садовыя хозяйства въ селахъ Коломенскомъ и Воробьевѣ, которыя тоже служили увеселительными дачами для царской семьи. Само собою разумѣется, что сады доставляли не мало прохлады или удовольствія въ замкнутой

¹ Въ началѣ XVIII ст. оно точно также находилось въ собственномъ владѣніи цесаревны Елисаветы Петровны.

жизни царицъ и царевенъ, какъ и всего ихъ женскаго чина. Въ Коломенскомъ и безсомнѣнія и въ другихъ сельскихъ царскихъ дворцахъ хоромы царевенъ, именно ихъ терема выходили окнами прямо въ садъ, въ густоту зеленыхъ деревьевъ, изъ которыхъ, по вкусамъ вѣка, больше другихъ любимы были деревья плодовые, груши, яблони, вишни.

Былъ въ царскомъ дворцѣ стародавній обычай посылать близкимъ знакомымъ и уважаемымъ людямъ изъ своихъ садовъ и огородовъ на каждый годъ, въ свое время, новое *слатье* или *новъ*, т. е. созрѣвшіе вновь садовые плоды и овощи, ягоды, дыни, арбузы, огурцы, рѣдьку и т. п., а также и другія, вновь появившіяся потребности, напр. сельди переславскія, когда было время ихъ привоза. Все это разсылалось изъ дворца приближенному боярству, дворянству и особенно наиболѣе чтимому духовенству, патриарху, митрополитамъ, епископамъ, архимандритамъ, даже строителямъ монастырей, кто жилъ къ Москвѣ. Такъ 20 іюля 1652 г. царевна Татьяна Мих. поспѣшила послать Нивону, тогда еще новгородскому митрополиту, новую дыню и новую вишню. На другой день ему прислала вишни и царица Марья Ильична. На третій день 22 іюля царица прислала ему дыню и другія новыя ягоды. Такимъ образомъ и садовое дѣло, въ дѣтнее время, доставляло царицѣ и царевнамъ не мало занятій и развлеченій и заботъ о томъ, чтобы пораньше другихъ собрать свою новъ и разослать ее любимымъ и уважаемымъ людямъ.

Послѣобѣденное время, особенно въ праздничные дни, равно какъ и долгіе осенніе и зимніе вечера отдавались разумѣется разнаго рода домашнимъ, комнатнымъ утѣхамъ и увеселеніямъ. Для этой дѣли во дворцѣ существовала даже Потѣшная Палата, нѣчто въ родѣ особаго, собственно потѣшнаго отдѣленія съ дѣльнымъ обществомъ разнаго рода потѣшниковъ. Обзорѣнію Потѣшной Палаты или домашнихъ дворцовыхъ увеселеній мы отдѣляемъ особую статью, а здѣсь упомянемъ въ общихъ чертахъ, какаго рода забавы были обыкновенны въ комнатахъ царицы. Можно навѣрное полагать, что ея забавы были „народны“ и сообразовались съ народнымъ же порядкомъ увеселеній. Такъ напр. ко святой царицамъ всегда устраивалась качель, и именно веревочная, обшитаемая по веревкамъ бархатомъ или атласомъ, съ сѣдалкою, обтянутую по хлопчатой бумагѣ тоже бархатомъ.

Такъ въ апрѣлѣ 1629 года царичъ Евдокиѣ Стрѣшневыхъ была устроена въ Переднихъ Сѣняхъ качель, обшитая сукномъ багредомъ червчатыхъ, а поверхъ сукна бархатомъ червчатыхъ гладкимъ. Когда не было увеселенія, качель покрывали полотнященъ сукна, для чего на эту качель было отпущено 3 арш. сукна червчатого же. Въ 1649 г. дек. 12, царевичъ Акишъ Мих. (20 лѣтъ) обшиваны качельными веревки бархатомъ червчатыхъ, пошло 3 ар. 2 вер. Въ 1686 г. въ апрѣлѣ въ хоромы къ царичѣ Прасковѣ Федоровѣ было изготовлено три качели да киндери, т. е. тюелькѣ или матрацъ, тоже вѣроятно для качихъ либо игръ или для постели подъ качель. Брюничъ, бывшій въ Москвѣ въ петровское уже время, рассказываетъ, что однажды онъ обѣдалъ въ деревнѣ у боярина Стрѣшнева: „послѣ обѣда, который былъ весьма вкусенъ и пышенъ, насъ ввели въ обширную залу, въ коей къ потолку были приделаны досчатые качели на веревкахъ. Это здѣсь любимое упражненіе: хозяйка дома сѣла на одну доску и велѣла двумъ милостивымъ прислужникамъ себя качать. Она, качаясь, взяла на руки ребенка и пѣла весьма ладно съ своими служанками какую-то національную пѣсню, извиняясь впрочемъ весьма много передъ нами, что нѣтъ музыкантовъ, за которыми бы она не преминула послать въ городъ, еслибы знала о нашемъ посѣщеніи“¹.

На масляницѣ во дворцѣ устроивались скатныя горы, на которыхъ если и не сама царица, то всегда увеселялись царевны съ верховыми боярышнями.

На Рождествѣ, по всему вѣроятію, увеселялись святочными играми, такъ какъ на Троицкой недѣлѣ хороводами и т. д.

Для такихъ игръ при царицыныхъ, равно и при царевниныхъ хоромехъ существовали обширныя сѣни, въ загородныхъ дворцахъ холодныя, а въ московскомъ теплыя. Это можемъ видѣть на планахъ Коломенскаго дворца. Въ числѣ сѣнныхъ дѣвицъ находились и *ирицы*, вѣроятно исполнявшія эти народныя игры. Въ описи казны времени Годунова и Шуйскаго упомянуты „восемь подволокъ, камчатныхъ и тафтяныхъ разныхъ цвѣтовъ—дѣваны на игрицъ“. Это были приволоки, верхнее женское платье въ родѣ накидокъ или мантилій.

Для повседневной забавы служили дурки, шутихи, также *сѣные* игрецы — домрачей, которые подъ звуки домры воспѣвали

старинны и былинны, народныя стихи и пѣсни. Относительно разныхъ игръ имѣемъ нѣсколько указаній, что царицы играли въ карты. Такъ въ 1637 г. окт. 12, куплено въ овощномъ ряду полдюжины картъ за 5 алтынъ 2 денги, которыя взяты къ царицѣ въ хоромы, принялъ стольникъ Василій Голохвастовъ. Въ 1641 г. окт. 11, тоже въ овощномъ ряду куплены двои карты, по алтыну, которыя принялъ къ царицѣ въ хоромы Ив. Оед. Стрѣшневъ.

Впрочемъ болѣе полныя подробности о томъ, какія игры, забавы, увеселенія и зрѣлища доставляли удовольствіе царскому семейству, читатели найдутъ въ слѣдующей главѣ и потомъ въ описаніи игръ дѣтскихъ, которыя вообще могутъ указывать и на обычныя игры возрастныхъ.

Здѣсь необходимо упомянуть и о выѣздахъ царицы для гулянья. Простыя небогомольныя выѣзды и походы царицъ совершались болѣею частію лѣтомъ, когда онѣ выѣзжали въ загородныя дворцы пользоваться удовольствіями деревенской жизни. Осенью и зимою такіе выѣзды предпринимались очень рѣдко и съ одною цѣлью, когда царица выѣзжала вмѣстѣ съ государемъ на какую либо потѣху. Такъ въ 1674 г. 25 октября царь Алексѣй Мих. со всѣмъ семействомъ выѣхалъ на житье въ свое любимое село Преображенское, гдѣ въ то время была устроена новая потѣха — театръ и даны были *комидійныя дѣйства*: Юдишь, Есфирь и др. Государь по обычаю отправился туда торжественнымъ шествіемъ въ одной каретѣ съ царевичемъ Федоромъ и въ сопровожденіи боярства и всякаго походнаго чина. Послѣ него шла государыня царица съ царевичами и царевнами въ слѣдующемъ порядкѣ: на передѣ ѣхалъ въ своей каретѣ царевичъ Иванъ Алекс.; съ нимъ въ каретѣ сидѣлъ дядька кн. Прозоровской; за каретою ѣхали его царевичевы стольники и Ив. Кир. Нарышкинъ. Затѣмъ ѣхала царица въ колымагѣ въ 12 возниковъ (лошадей) цвѣтныхъ, съ царицею сидѣли: маленькій царевичъ Петръ, меньшія царевны, да мамы, да царицына мать и невѣстка. За колымагаю по сторонамъ и позади шли царицыны стольники (пажи), да 40 человекъ дворянъ, а впереди ихъ, по сторонамъ колымаги, бояре — отецъ царицы и Матвѣевъ.

Потомъ слѣдовала колымага большихъ царевенъ, запряженная также въ 12 возниковъ цвѣтныхъ. Съ царевнами сидѣли дворовыя боярыни, а впереди шелъ цѣпъ ихъ дворецкій П. И.

Матюшинъ, около волымаги или дворяне 30 человекъ. Далѣе — волымага меньшихъ царевенъ, сидѣвшихъ съ верховными боярынями; впереди ихъ шелъ пѣши ихъ дворецкій Б. Г. Юшковъ, а около 30 человекъ дворянъ; волымага была запряжена тоже въ 12 возниковъ цвѣтныхъ. За ѣтихъ поѣздомъ ѣхали въ волымагахъ верховныя боярыни, казначей, карлики, постельницы; а всѣхъ шло 30 волымагъ; подлѣ волымагъ ѣхали царицыны дѣти боярскіе по два человека, по списку.

Всѣ царицыны поѣздъ охраняли стрѣльцы: впереди открывалъ шестіе стремянный полкъ подлѣ начальствомъ стрѣлцаго головы, а по сторонамъ около экипажей шли съ ружьемъ стрѣльцы рядоваго полка.

7 декабря ходилъ государь изъ села Преображенскаго съ царицею съ царевичами и царевнами, всѣмъ домоу, въ село Измайлово тѣшиться и всякого строенья смотрѣть; и кушанье раннее (обѣдъ) было у государя въ Измайловѣ.

На другой день, декабря 8, ходилъ государь изъ села Преображенскаго также всѣмъ домоу тѣшиться въ село Алексѣевское; тамъ же и кушанье раннее было. Декабря 9 государь ходилъ съ царевичемъ Федоромъ въ село Островъ, а потомъ 13 числа одинъ въ село Соколово тѣшиться. Между тѣмъ въ тотъ же день царица со всѣмъ домоу возвратилась изъ Преображенскаго въ Москву. Напередъ царицы шелъ царевичъ Федоръ въ избушкѣ (зимнемъ возкѣ), запряженной въ 6 возниковъ темносѣрыхъ; съ нимъ сидѣли дядьки: бояр. кн. Ѡ. Ѡ. Куракинъ, окольн. И. Б. Хитрово; царевича сопровождали бояре, окольничій, думный дворянинъ — ловчій, ближніе люди, его царевичевы стольники, походные стольники, а около всего поѣзда шли пѣши стрѣльцы съ батожьемъ. Потомъ шла царица въ каптанѣ въ 12 возниковъ цвѣтныхъ; съ нею сидѣли ея мать и невѣстка и боярыня М. В. Блохина. Впереди ѣхалъ стремянный полкъ подлѣ начальствомъ головы, капитану сопровождали бояре Нарышкинъ и Матвѣевъ, кн. Прозоровскій, ясельничей Вышеславцевъ, царицыны стольники, царевича Ивана стольники да дворяне. Большія и меньшія царевны ѣхали также въ двухъ каптанахъ, въ 12 лошадей каждая. Съ большими царевнами сидѣли въ каптанѣ верховныя боярыни да казначей; съ меньшими — мамы да казначей. Ихъ поѣзды сопровождали: дворецкій А. Н. Лопухинъ у царевенъ большихъ, и дворецкій Б. Г. Юшковъ у меньшихъ, а съ ними дворяне. По обѣ стороны

всего царыца поѣзда шли стрѣльцы съ батожьемъ для береженья. За поѣздомъ ѣхали боярыни верховья, назначен, карлицы, постельницы, капитанъ съ пятьдесятъ, оберегаемыя боярскими дѣтьми царыца чина.

На слѣдующій годъ весною, 24 мая 1675 г., государь со всѣмъ домокомъ выѣхалъ на лѣтнее житье на Воробьевы горы, для чего еще за мѣсяцъ прежде, 19 апрѣля, туда нарочно былъ посланъ стольникъ кн. Троекуровъ, а указано ему пересмотрѣть всякаго строенія въ тамошнемъ дворцѣ, а гдѣ худо, построить все вновь къ государеву пришествію. Выѣздъ царыцы съ дѣтьми происходилъ точно въ такомъ же порядкѣ, какой описанъ выше, при выѣздѣ въ Преображенское. Тѣже колымаги въ 12 лошадей, тѣже почти окружающія лица, тѣже 30 колымагъ съ боярынями и другими придворными чиновницами.

19 іюня государь ходилъ съ Воробьевской горы въ село Преображенское со всѣмъ государскимъ домокомъ. „А сидѣлъ государь въ одной каретѣ съ царыцею, да съ царевичами Ѳеодоромъ и Петромъ. За каретою ѣхали тестъ государевъ К. П. Нарышкинъ, дядька кн. Прозоровской и стольники, братья царыцы, все Нарышкины. Карета была запряжена въ 6 лошадей карихъ. Впередъ этого государева поѣзда и всего шествія ѣхалъ стрѣлецкій полуголова стремяннаго полка, а за нимъ впередъ же государя везли государеву постельку, т. е. всякую постельную казну подъ охраненіемъ ближняго человека Ив. Демид. Голохвастова и наплечныхъ мастеровъ (портныхъ). Въ другой каретѣ ѣхали большія царевны, Ирина Михайл. съ сестрами, а съ нею сидѣли мамы и боярыни и кормилицы. Въ каретѣ было 6 возниковъ гнѣдыхъ. Передъ каретою ѣхали стольники и ближніе люди всѣ, да царевичевы Ѳеодора стольники да етольники площадные всѣ, а за каретою ѣхали бояре, окольнічіе, думные дворяне и думные дьяки. Въ третьей каретѣ ѣхали царевны меньшія, Евдокія Алексѣевна съ сестрами, а съ ними сидѣли мамы, да боярыни и кормилицы. Въ каретѣ было 6 возниковъ темносѣрыхъ. За каретою ѣхалъ А. Н. Лопухинъ. — Въ четвертой каретѣ въ 6 лошадей буланыхъ, шелъ царевичъ Иванъ Алекс., а съ нимъ сидѣли царевны да боярыни. За каретою ѣхалъ П. Ив. Матюшкинъ.

На другой день 20 іюня, государь изъ Преображенскаго ѣздилъ къ обѣднѣ въ село Покровское и возвратившись послѣ кушанья, ходилъ изъ Преображенскаго тѣшиться въ село Измай-

лово въ царицею, царевичами и царевнами. Въ Преображенскомъ остались только царевичъ Иванъ, да двѣ маленькихъ царевны: Наталья и Феодора. Въ первой каретѣ шелъ государь съ царевичами Феодоромъ и Петромъ. Въ другой каретѣ царица съ меньшими царевнами, окруженная братьями Нарышкиными. Въ третьей каретѣ — царевна Ирина съ сестрами и царевна Евдокія съ сестрами. Далѣе въ трехъ колымагахъ ѣхали мамы, да въ трехъ колымагахъ боярыни, назначен, кормилицы. Кареты были запряжены каждая въ 6 лошадей, а колымаги парю; впереди поѣзда ѣхали бояре и всѣ другіе чины, сопровождавшіе государя, а позади за колымагами царицыны дѣти боярскіе. Съ потѣхи возвратились въ Преображенское въ 3 часу ночи, т. е. часовъ въ 11 вечера.

23 іюня изъ села Преображенскаго царица со всѣмъ домою, кромѣ государя, ходила къ обѣднѣ въ село Покровское, въ каретахъ. А шли три кареты: въ первой на 6 саврасыхъ лошадяхъ шелъ царевичъ Феодоръ съ дядькою, ок. И. Б. Хитрово. Въ другой каретѣ на 6 темносѣрыхъ лошадяхъ шла царица, сидѣвшая съ своею матерью и невѣсткою и дворовою боярынею Блохиною. Карету сопровождалъ царицынъ отецъ, и А. Н. Лопухинъ, а позади ѣхали въ колымагахъ дворовыя боярыни. Въ третьей каретѣ на 6 лошадяхъ карихъ шли царевны Ирина съ сестрами, да Евдокія съ сестрами, а съ ними сидѣли мамы. За ними ѣхали въ колымагахъ верховыя боярыни и назначен. Карету сопровождали ближніе люди Матюшкинъ и Юшковъ. Поѣздъ оберегали стрѣльцы.

26 іюня ходилъ государь изъ Преображенскаго опять въ село Измайлово съ царицею, царевичемъ Феодоромъ и съ большими царевнами. Въ эту поѣздку государь сидѣлъ въ одной каретѣ съ царицею и съ царевичемъ. Карета была запряжена въ 6 саврасыхъ лошадей. Въ другой каретѣ въ 6 лошадей гнѣдыхъ, шли царевна Ирина да царевна Евдокія, каждая съ сестрами, а за ними въ колымагахъ ѣхали мамы, верховыя боярыни и назначен. Поѣздъ сопровождали ближніе люди и оберегали стрѣльцы стреляннаго полка подъ начальствомъ головы. Тогда и кушанье было у великаго государя въ селѣ Измайловѣ, *въ роцѣ*.

28 іюня, пошелъ государь, послѣ кушанья, изъ Преображенскаго на Воробьеву гору со всѣмъ домою, праздновать именины царевича Петра. Впереди всего поѣзда ѣхалъ стрѣлецкій ~~полковникъ~~ *полковникъ* Лутохинъ съ стреляннымъ полкомъ; затѣмъ слѣдовали

бояре и другіе чины, ближніе люди и походные стольники. Потомъ ѣхалъ въ своей каретѣ маленькій царевичъ Петръ, а съ нимъ въ каретѣ сидѣли его бабушка Анна Лев. Нарышкина съ дочерью Авдотьею Кирилловною, тетка Прасковья Нарышкина да боярыня Матрена Левонтьева. Карету сопровождали его дѣдъ Кир. Пол. Нарышкинъ, Арт. Серг. Матвѣевъ, стольникъ Ив. Фом. Нарышкинъ и стольникъ царевича Ив. Ив. Головинъ. Въ государевой каретѣ съ государемъ сидѣла царица, царевичъ Феодоръ, царевна Феодосія. Въ другой каретѣ ѣхала царевна Ирина съ сестрами, въ третьей—царевичъ Иванъ съ сестрами, а съ ними сидѣли мамы: кн. Прасковья Ив. Ромодановская, кн. Анна Лев. Львова, боярыня Пел. Ивашкина да кормилицы. Государеву карету сопровождалъ дядька царевича Феодора ок. И. Б. Хитрово, ближніе люди Матюшкинъ и И. К. Нарышкинъ и царевичевы стольники. Царевнины кареты сопровождали тоже ближніе люди, дворецкіе Лопухинъ и Юшковъ. Около всего поѣзда шли стрѣльцы стремяннаго полка 100 ч. За царевниними каретами ѣхали прежде всего мамы: въ первой колымагѣ: Ульяна Петр. да Настасья Фед. Шереметевы: во 2-й кн. Лобанова Ростовская, а съ нею крайчая царевенъ большихъ Марья Андр. Мартюхина; въ 3—дворовыя боярыни Анна Мещерская, Ахсинья Мертвая; въ 4 Плещеева, Анна Супонева; въ 5 Анна Хитрова, Наталья Соловцова. За камиными колымагами ѣхали назначенъ государя, царицы, царевичей и царевенъ въ семи колымагахъ, по двѣ въ каждой по порядку старшинства. Въ 8 колымагѣ ѣхали карлицы царицы и царевенъ; въ 9—комнатныя бабки царицы, царевичевы и царевенъ; въ 10-й мастерицы. Затѣмъ слѣдовало 40 колымагъ, а въ нихъ сидѣли постельницы царицыны, царевичей и царевенъ. Кареты были запряжены, каждая въ 6 лошадей, а колымаги—парою. Колымаги оберегали дѣти боярскіе царицына чина, по два человекъ, да стрѣльцы, также по два человекъ.

Въ поѣздѣ слѣдовала также государева постельва со всякою постельною казною, которую сопровождалъ вмѣсто постельничаго ближній человекъ и въ комнатѣ у крюка Петръ Сав. Хитрово, а съ нимъ страпцій, дьякъ мастерской палаты, комнатные топчики, сторожи, наплечные мастера (портные); передъ постелькою ѣхалъ сотникъ стремяннаго полка, и съ нимъ 20 человекъ стрѣльцовъ.

Въ это время ангелу царевича Петра государь праздновалъ съ особымъ торжествомъ. Наканунѣ онъ послалъ думнаго дворянина къ патриарху Іоанну звать его въ походъ на Воробьеву гору на обѣдъ, къ празднику и къ столу, со властью, и указалъ для того выслать туда шатерничихъ съ столовыми шатрами и столами тотчасъ, не мѣшкая. Въ день праздника 29 іюня послѣ заутрени патриархъ шествовалъ на Воробьеву гору въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди ѣхали патриаршіе дѣти боярскіе, потомъ слѣдовала рязница съ соборнымъ протопопомъ, протодьякономъ, рязничихъ и пѣвчихъ. Самъ патриархъ ѣхалъ въ каретѣ, въ сопровожденіи своего боярина, дьяковъ и своихъ стольниковъ.

Къ обѣдѣ государь ходилъ въ Донской монастырь, гдѣ службу совершалъ патриархъ съ пріѣхавшимъ туда духовенствомъ. Пришедъ отъ обѣдни, государь жаловалъ боярство и дворъ именными пирогами, а потомъ давалъ патриарху со всемъ духовенствомъ и боярству обѣдъ въ шатрахъ. Въ то же время на своей половинѣ и царица жаловала именными пирогами свой дворовый чинъ.

1 іюля съ Воробьевой горы государь выѣзжалъ подъ Дѣвичій монастырь на потѣху, „тѣшился тамъ въ лугахъ и на водахъ съ соколами и съ кречетами и съ ястребы, и съ государынею царицею и съ царевичами Ѳеодоромъ и Петромъ, въ каретахъ“. Эту поѣздку сопровождали отецъ царицы Нарышкинъ, дядька царевича Ѳеодора, Ів. Хитрово, да стольники и ближніе люди и для обереганья стрѣлецкій голова Полтевъ съ своимъ полкомъ.

14 іюля съ Воробьевой горы, государь переѣхалъ со всемъ домомъ въ село Коломенское. Оттуда 23 іюли онъ ходилъ тѣшиться въ село Соколово съ царицею и царевичемъ Ѳеодоромъ, а сидѣли они съ государемъ въ одной каретѣ, запряженной въ 6 лошадей гнѣдыхъ. Карету сопровождали и ѣхали впередъ бояринъ И. Б. Милославскій, ок. кн. Долгорукой, думный дьякъ, ближніе люди и стольники походные; за каретою ѣхали братья царицы Иванъ да Аѳонасій Нарышкины, съ сумою — ближній человекъ А. С. Шейнъ да стольникъ царевича кн. М. Я. Черкасскій. Въ Соколовѣ жаловалъ государь погребомъ стольниковъ походныхъ и сокольниковъ и слугъ боярскихъ и стрѣльцовъ, т. е. угощалъ ихъ виномъ, медами и пивомъ съ своего погреба. А изъ Соколова идучи въ Коломенское, заходилъ государь и

съ царицею и царевичемъ къ Николѣ на Угрѣшу и слушалъ вечерню и молебень.

26 іюля государь снова со всѣмъ домомъ переѣхалъ изъ села Коломенскаго на Воробьеву гору; 26 августа онъ праздновалъ тамъ именины царицы Натальи Кирилловны и царевны Натальи Алекс.; слушалъ вмѣстѣ съ именинницами и со всѣмъ домомъ обѣдню въ полотняной походной церкви въ присутствіи всего боярства и всѣхъ чиновъ, которые нарочно были вызваны къ этому дню изъ Москвы.

Послѣ обѣдни, въ государевыхъ хоромахъ, царица изъ собственныхъ рукъ жаловала своими именинными пирогами всѣхъ ближнихъ комнатныхъ и не комнатныхъ бояръ, окольныхчихъ, также думныхъ дворнягъ, думныхъ дьяковъ и ближнихъ столыльниковъ; „а какъ государыня жаловала пирогами и въ тѣ поры сидѣлъ самъ государь да съ нимъ же царевичъ Ѳедоръ“. Такая раздача самою царицею именинныхъ пироговъ была не совсѣмъ обычнымъ дѣломъ въ государевомъ дворцѣ.

ГЛАВА V.

ДВОРЦОВЫЯ ЗАБАВЫ, УВЕСЕЛЕНІЯ И ЗРѢЛИЩА.

Общій обзоръ. Комнатныя забавы: дураки-шуты, бахары, докраски, гусельники. Потѣшная палата: органы, цмбалам, скопорохи, потѣшныи гѣнецъ, италъинни. Время царя Алексѣя. Верховныи лицѣ. Барам. Потѣхи на дворцѣ: медвѣжьи спентаилл; особыи зрѣлища: львы, слоны, олони; иодники и др. Комидійныи дѣйства. Первое устройство театра. Церамя комедіи.

Вникая въ основныи стихіи стараго русскаго быта, нельзя не признать той истины, что руководящимъ началомъ нашей образованности въ допетровское время была византійская идея аскетизма. Какъ образъ наилучшей, наиболѣе добродѣтельной жизни, эта идея вездѣ и всегда возвышала свой учительный перстъ, направляя каждый шагъ и каждую мысль челоувѣка къ своимъ дѣлямъ. Міръ русской мысли, міръ русскаго чувства былъ всесторонне закрѣпощенъ этому строгому оберегателью жизни; лишень воли, прирожденной всякому живому существу, лишень всѣхъ живыхъ движеній развитія и совершенствованія. Суровый дидаскалъ дѣлые вѣка твердилъ одно: онъ отрицалъ, отвергалъ мірское удовольствіе, т. е. всю совокупность поэтическихъ стремленій челоувѣческой природы, и со стороны ума, и со стороны чувства. Онъ оторнулъ такимъ образомъ «цѣлую область челоувѣчныхъ эстетическихъ созерцаній, обширѣйшую область поэтическаго и эстетическаго творчества, которымъ обыкновенно живетъ, держится и управляется повседневное общежитіе челоувѣка, которымъ образуются и устрояются его нравы и обычаи, именно въ челоувѣчномъ, а не въ

одномъ животномъ только смыслъ, какъ неизмѣнно всегда выходитъ, когда притѣсняются и поработаются силы духовныя. Человѣчность общежитія вполне и непосредственно зависитъ отъ степени свободы, и умственной, и нравственной, какая достается на долю народнаго развитія; развратъ общежитія является всегда послѣдствіемъ угнетенія человѣческой природы, и именно послѣдствіемъ угнетенія ея духовныхъ и потому, самыхъ жизненныхъ началъ, каковы всѣ эстетическіе интересы чувства и философскіе интересы ума. Философскіе интересы ума питаются наукою, или иначе полною свободою знанія; эстетическіе интересы чувства питаются искусствомъ, или иначе полною свободою творящей силы человѣка, въ чемъ бы она не выразилась: въ мелочахъ наряда, въ домашней обстановкѣ, въ какой либо забавѣ и увеселеніи, въ пѣснѣ, сказкѣ, побасенихъ, или въ созданіяхъ, которыя исключительно и спеціально присвоиваются области искусства. Древнерусское общежитіе изъ своей первобытной непосредственности попало прямо подъ бичеваніе византійской аскетической идеи, отвергавшей на всѣхъ путяхъ и свободу знанія и свободу творчества. Поставленное съ разу въ тѣсные и суровые предѣлы аскетическихъ требованій, древнерусское общество лишилось возможности продолжать развитіе своего первоначальнаго, безсознательнаго быта путемъ собственной самостоятельности, путемъ собственнаго свободнаго творчества. Взамѣнъ младенческихъ пеленокъ, которыя, при естественномъ ходѣ развитія, свалились бы сами собою, оно было перевязано по рукамъ и по ногамъ узами — веригами иной культуры, вовсе несообразной съ его младенческой природой. Оно получило талантъ и вмѣстѣ съ нимъ строгій наказъ зарыть его въ землю, дабы сохранить въ цѣлости. Прошли столѣтія въ этомъ усердномъ зарываніи полученнаго таланта, и молодая жизнь постоянно оставалась съ тѣми же своими первоначальными языческими началами и формами, которыя отъ времени, теряя прирожденный имъ смыслъ наивной непосредственности, еще больше дичали. Лучшія силы человѣческаго развитія были не только запрещены, но даже и прокляты. Міръ свободной науки былъ проклятъ, какъ міръ ереси и невѣрія, такъ что малѣйшая самостоятельность или независимость мышленія стала возбуждать страхъ всеобщаго потрясенія вѣры и нравственности и самого государства. Міръ свободнаго творчества былъ проклятъ какъ міръ соблазна. Поэзія во всѣхъ своихъ видахъ была изгнана

изъ общежитія, какъ грѣховная стихія, способствующая только олицетворять дьявола и „иже съ нимъ“. Такоюже грѣховною стихіею являлось свободное художественное творчество во всѣхъ родахъ искусства. Въ той самой сферѣ, гдѣ искусство, по рѣшительной необходимости должно было водвориться, ему, разъ навсегда, были начертаны извѣстные цѣли и даже самыя формы, отъ которыхъ нельзя было отходить ни на шагъ, и которыя такимъ образомъ низводили художественное творчество на степень ремесла, какъ напр. низведена была живопись до иконописной прориси или трафаретки. Старина такъ и понимала искусство, какъ ремесло, какъ силу работающую дневнымъ только человѣческимъ полезностямъ и потребностямъ. Въ этомъ ея идеи совершенно совпадали съ идеями нѣкоторыхъ теперешнихъ мыслителей; заодно съ ними, она отрицала въ искусствѣ свободную и вполне независимую силу, которая вынашиваетъ свои созданія не для полезности текущаго дня, а свободно, какъ сама жизнь, какъ сама природа, выражаетъ ими или олицетворяетъ въ нихъ тайны задушевныхъ эстетическихъ думъ и созерцаній, и отдѣльнаго человѣка, и цѣлаго общества. Старина, конечно, не могла и мыслить о томъ, что въ сферѣ искусства, и только въ этой сферѣ, человѣкъ является существомъ вполне свободнымъ, не орудіемъ какой либо дневной полезности и необходимости, а самостоятельно творящею силою міровой жизни, гдѣ пользы или интересы дня теряются, какъ ничтожныя крупинки, въ пользахъ и интересахъ цѣлой эпохи. Мысль о такой самостоятельности и свободѣ человѣка была бы вопіющимъ противорѣчіемъ ея крѣпкимъ идеямъ о нескончаемомъ его рабствѣ и ученичествѣ, на которыхъ держалось все ея существо. Поэтому ей невозможно было даже и понять, что стѣсненіе свободнаго творчества въ человѣкѣ поведетъ прямо къ приниженію его нравственной природы до побужденій и инстинктовъ животнаго, къ чему въ дѣйствительности и пришло подконецъ нравственное состояніе нашего допетровскаго общества. Жизнь этого общества, исполненная одного лишь отрицанія, лишенная философскихъ и поэтическихъ созерцаній и идеализацій, стала въ общемъ навлонъ уподобляться жизни стада, гдѣ первое и исключительное побужденіе — *кормъ* въ животномъ смыслѣ, для самаго стада, и *кормленіе* въ воеводскомъ смыслѣ, для пастуховъ; а затѣмъ тяжелое умственное лежаніе на боку и медленное, нескончаемое пережевыванье двухъ—трехъ повятій или

двухъ—трехъ идей, какими былъ ограниченъ общественный кругозоръ жизни. Природа, стѣсненная въ своихъ естественныхъ, нормальныхъ и разумныхъ стремленіяхъ и движеніяхъ, приняла иное направленіе и выросла, ибо не могла не вырастить, стремленія и движенія ненормальные и неразумныя, извращенныя, которыя явились какъ бы возмездіемъ, за то, что нарушенъ былъ правильный законъ ея развитія. Нищета стѣсненной и загнанной мысли, нищета умозрѣнія разнуздывала животное чувство и удержать его въ человѣчныхъ предѣлахъ не было возможно ни поученіями, ни наказаніями, ибо и тѣ, и другія лишь отрицали силу природы, а не полагали въ нее добраго сѣмени умственного развитія, которое одно только способно держать въ границахъ животнаго человѣка. Печаленъ отзывъ очевидцевъ—иностранцевъ о нашемъ старомъ обществѣ. „Нисколько не заботясь объ изученіи достохвальныхъ наукъ, говорить Оларій, не выказывая рѣшительно никакого желанія ознакомиться съ славными достопамятными дѣлами своихъ предковъ, не стараясь узнать что либо о состояніи иностранныхъ земель, русскіе, весьма естественно, въ собраніяхъ своихъ почти никогда не заводятъ рѣчи объ этихъ предметахъ. Всѣ рѣчи и разговоры ихъ не выходятъ изъ круга обыкновенныхъ житейскихъ дѣлъ. Такъ обыкновенно ведутъ они рѣчь о сладострастіи, о гнусныхъ порокахъ, о прелюбодвѣніяхъ, совершенныхъ частью ими, а частью и другими; тутъ же передаются разнаго рода постыдныя сказки и тотъ, который можетъ наилучшимъ образомъ свернословить и отпустить разныя пошлыя шутки, выражая ихъ самыми наглыми тѣлодвиженіями, считается у нихъ пріятнѣйшимъ въ обществѣ... Невозможно вообразить до какой степени предаются они чисто животнымъ побужденіямъ... Пьянству они преданы сильнѣе всякаго другаго народа въ свѣтѣ. Наполнивши себя виномъ чрезъ мѣру, они, подобно, неукротимымъ дикимъ звѣрямъ, готовы бываютъ на все, къ чему побуждаютъ ихъ необузданныя страсти. Порокъ этотъ—пьянство до такой степени распространенъ въ народѣ, что ему предаются всѣ сословія, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, богатые и бѣдные, мужчины и женщины, и если иногда увидишь тамъ и сямъ пьяныхъ, валяющихся въ грязи на улицѣ, то это считается дѣломъ самымъ обыкновеннымъ“, и т. д.

Въ этомъ случаѣ, конечно, мы должны винить не людей, а тѣ начала, которыя управляли ихъ жизнію, именно начала всеоб-

ней и всегда крутой утробной и нравственной описи, господствовавшей надъ обществомъ и постоянно державшей его въ глумомъ рабствѣ, въ отрицаніи всѣхъ качествъ и дѣятельностей человека, исполненнаго возраста и мужественныхъ силъ жизни. Въ такомъ ходѣ нашего общественнаго развитія выразилась та непреложная истина, что обществомъ, для его блага, не можно управлять законъ свойственный лишь потребностямъ и благу личности единичной; что напротивъ всякая единичная исключительная воля, ставшая для общества закономъ, всегда и неизвѣнно приводитъ общественную жизнь къ нравственному разлаганію. Аскетическая идея, какъ идея чисто личная, эгоистическая, а потому вполне способная устроить во благо личный бытъ, вовсе не была способна устроить во благо бытъ общества, бытъ цѣлой народности.

Возможное для произвола единицы, не бываетъ возможнымъ для доброй воли цѣлаго общества; общество въ сущности есть общая природа той же частности — единицы, общая человеческая природа, которую не въ силахъ ограничить, своими исключительными стремленіями никакая отдѣльная часть — личность, и которая не въ силахъ даже и сама себя ограничить. Общая природа человека, нося въ себѣ не личные только, а міровые законы развитія, рано ли, поздно ли, всегда выбьется на свободу, на свой прямой путь, изъ всякихъ личныхъ, т. е. временныхъ и случайныхъ тенетъ и стѣсненій.

Аскетическая идея отрицала сферу мірскаго удовольствія, всякаго удовольствія, которое служило міру, т. е. утѣхамъ мірской жизни, для большинства и безъ постнической идеи всегда наиболѣе горькой и трудной. Но удовольствіе какъ и трудъ, если при извѣстныхъ условіяхъ и при извѣстномъ настроеніи понятій обходимо въ личной жизни, то въ общей жизни они являются насущною потребностью, вполне и безусловно необходимою, безъ которой не возможна сама жизнь общества, т. е. развитіе и совершенствованіе общей природы человека. Отнимать у человека мірское удовольствіе — значитъ самого его отнимать у общества и слѣд. лишать его высшаго блага въ его жизни и высшей цѣли его существованія, ибо для человека высшее благо — жить въ обществѣ и высшая цѣль — жить для общества.

1. Какъ сказать, что аскетическая идея отвергала лишь удовольствія развратныя, грубо-животныя. Это такъ; но вмѣстѣ

она отвергала мірское удовольствіе и безразлично въ самой его идеѣ; самую мысль о какомъ либо удовольствіи она почитала уже грѣхомъ и всегда грозила за то страхомъ будущаго наказанія.

Народная музыка, пѣсни, пляска, сказка, какая либо игра и т. п., въ нашемъ древнемъ быту съ перваго же времени, какъ только раздалось учительное слово, были отвергнуты, какъ дѣйства идолослуженія. Аскетическая проповѣдь возглашалась не исключительно только противъ разврата, какой въ иныхъ случаяхъ сопровождалъ эти дѣйства, напротивъ эти то самыя, въ сущности невинныя, удовольствія она и почитала развратомъ, бѣсовскимъ угодіемъ, лестью дьявола. Она безразлично ставила ихъ на ряду со всякими дѣйствительно развратными дѣйствіями и грѣхами и, поселяя омерзение къ грѣшной жизни, рисовала эту жизнь именно чертами мірскихъ утѣхъ.

Домострой, преподавая наставленіе, какъ духовне устраивать трапезу, столъ, обѣдъ или пиръ, пишетъ между прочимъ: „если начнутъ смрадныя и скаредныя рѣчи и блудныя; или срамословіе и смѣхотвореніе и всякое глумленіе; или гусли и всякое гуденіе и плясаніе и плесканіе и скаканіе и всякія игры и пѣсни бѣсовскія, — тогда, якоже дымъ отгонитъ пчелы, такоже отыдутъ и ангелы Божіи отъ той трапезы и смрадныя бесѣды, и возрадуются бѣси... да такоже безчинствуютъ, кто зерню и шахматы и всякими играми бѣсовскими тѣшатся“.... Или дальше: „А кто безстрашенъ и безчиненъ, страху Божію не имѣетъ и воли Божіи не творитъ и закону христіанскаго и отческаго преданія не хранитъ и всяко скаредіе творитъ и всякіе богомерзкіе дѣла: блудъ, нечистоту, сквернословіе и срамословіе, пѣсни бѣсовскіе, плясаніе, скаканіе, гуденіе, бубны, трубы, сопѣли, медвѣды и птицы и собаки ловчіи; творящая конская уристанія... (Такоже и кормяще и храняще медвѣды или нѣкая псы, и птицы ловчіи, на глумленіе и на ловленіе и на прельщеніе простѣйшихъ человѣковъ....)“ Дальше: „или чародѣйствуетъ и волхвуетъ и отраву чинитъ; или ловы творитъ съ собаками и со птицами и съ медвѣдами; и всякое дьявольское угодіе творитъ, и скоморохи и ихъ дѣла, плясаніе и сопѣли, пѣсни бѣсовскія любя; и зерню, и шахматы и тавлеи (играя) — прямо, всѣ вкупѣ, будутъ во адѣ, а здѣ(сь) прокляти“....

Повторяя не одинъ разъ свои запрещенія, Домострой представляетъ только слѣпокъ общихъ мѣстъ изъ старѣйшихъ, самыхъ первыхъ поученій, которыя были принесены изъ Византіи и обличали нѣкогда язычество византійскаго же общества, гдѣ музыка, пѣсня, пляска, „бубенное плесканіе, свирѣльные звуци, гусли, мусикія, комическая и сатирская и козлиа лица“ (маски) и т. п., являлись на самомъ дѣлѣ служителями языческихъ боговъ, — „иже бѣсятся, жруще матери бѣсовствѣй Аферодитѣ богинѣ... еже творяхуть на праздникѣ Діонисовѣ“, — такъ что нельзя было и отдѣлять ихъ вообще отъ идолослуженія. Но, съ той поры, вмѣстѣ съ идолослуженіемъ упомянутыя поученія стали отвергать и вообще мірскія игры и утѣхи, постоянно обзывая ихъ идольскою службою. „Не подобаетъ христіанамъ въ пирахъ и на свадьбахъ бѣсовскихъ игръ играти, то не бравъ наричется, но идолослуженіе, иже есть плясба, гудба, пѣсни бѣсовскія (*вар.* пѣсни мірскія) сопѣли, бубны, и вся жертва идольска, иже молятся провлятымъ богамъ...¹ — Каждый праздникъ, сопровождаемый обыкновеннымъ для народа весельемъ, принималъ уже смыслъ еллинскаго пиროванія, ставился обычаемъ еллинской прелестіи. Нѣкоторыми, впрочемъ, византійскими правилами были отвержены даже народные пиры — братчины, именно какъ складчины для общаго веселья. Но такое запрещеніе осталось въ Русской землѣ безъ послѣдствій, ибо совсѣмъ уже разрушало весь старый нашъ бытовой строй, вынимало, такъ сказать, самую душу народныхъ обычаевъ. Всякое мірское удовольствіе, забава и увеселеніе сдѣлалось, такимъ образомъ, грѣхомъ идолослуженія, сѣтями дьявола, которыми вѣрующія души отвлекались отъ Бога. Поэтому въ поученіихъ при всякомъ удобномъ случаѣ напоминалось, сколь великъ такой грѣхъ и какъ нужно всегда его беречься.

Въ числѣ мытарствъ или испытаній души въ злыхъ дѣлахъ, между другими грѣхами поставлено было въ седьмомъ мытарствѣ и „длсаніе на пиру“ на свадьбахъ, въ чавечерницахъ, и на игрищахъ, и на улицахъ, рядомъ съ бусловіемъ, срамословіемъ и безстудными словесами, подъ которыми должно разумѣть также всякія поэтическія народныя словеса; а въ 15 мытарствѣ уже прямо указывается особое злое грѣховное дѣло,

¹ Латинскимъ Русской Литер. и Древн., изд. Н. Тихонравовымъ, т. IV. **Словъ и поученій противъ язычества.**

еже *басни бають* и въ гусли гудуть, наравнѣ съ блудодѣянїемъ и со всякою ересью, именовъ которой обозначены и суевѣрныя примѣты и ворожба ¹. Учительное слово нерѣдко живыми образами рисовало сатанинскую погибель отъ мірскаго увеселенья. Извѣстно довольно распространенное въ старой книжности сказаніе св. Нифонта о пѣсняхъ мірскихъ и о *русальяхъ* (игращахъ), которое назидательно представило, какъ однажды демонъ, князь бѣсовскій, шелъ мимо Божьяго храма, съ 12 бѣсами, которые стали завидовать церковному пѣнію и уворить своего князя, что оттого, что тамъ славятъ Христа, ихъ сила и слава сокрушилась; какъ демонъ успокоивалъ ихъ, говоря, что въ малъ часъ то пѣніе минуется, и люди начнутъ славить ихъ, бѣсовъ, мірскими пѣснями и плясанїемъ; какъ потомъ послѣ обѣдни „иде человекъ съ сопѣльми и по немъ многъ народъ идуща, ови съ гусльми, ови плещуще пояху, ови же пляшуща“; какъ бѣсы во очью этому радовались радостью великою и всѣхъ тѣхъ, „иже кто идяше во слѣдъ сопущихъ, единемъ ужемъ (веревкою) связавше, влачаху; какъ они льстили другихъ на пѣсни и на плясанье и на игранье; какъ нѣкто, мужъ святъ, зря изъ своей палаты, повелѣ предъ собою плясати — играти и вземъ сребреницу вдасть сопѣльнику; какъ бѣсы послали эту сребреницу отцу своему сатанѣ въ бездну; какъ онъ возрадовался этому пагубному дару особенно потому, что онъ былъ отъ христіанъ, повелѣвая понуждати ихъ на игры и на плясанія и на иное, еже есть имъ въ любовь... Все это было видѣно душевными очами и написано на пользу дабы бѣжать проклятыхъ игръ бѣсовскихъ, пачеже удаляться плясанія, да не со дьяволомъ осужденнымъ быть въ вѣчный огонь. Подобныя образныя представленія конечно дѣйствовали еще съ большею силою на убѣжденія людей, чѣмъ простыя слова запрещенія.

Съ теченїемъ времени поученія съ этою идеею шли дальше, разсматривали подробности всѣ виды мірскихъ утѣхъ и осудили окончательно все, что сколько нибудь выражало удовольствїе, утѣху, забаву, увеселеніе. Еще въ первыхъ поученїяхъ и запрещенїяхъ *шпильмань* (шпынь, насмѣшникъ) ревше *глумець, плясець, гудецъ, свирльникъ, скожраць*, какъ и вся *шпильманская мудрость, смѣхотворная хитрость, скожрашкоє дѣло*, прїобрѣли

¹ Памятн. Рос. Слов. XII в. 94.

скими христіанами, точно также въ нашемъ быту не могла имѣть никакого языческаго смысла; но тѣмъ не менѣе отвергалась, какъ предметъ идолослуженія. Объ ней писали: „Аще кто отъ влирикъ или колугъръ играетъ *шахматы* или лѣви (кости), да извержетъ сана; ащель дьякъ (причетникъ) или простецъ (мірянинъ) да примуть опитемью 2 лѣта о хлѣбѣ и о водѣ, одиюю днемъ, а поклона на день 200; понеже игра та отъ беззаконныхъ халдей: жрецы бо идольскіе тою игрою пророчествовашеть о побѣдѣ ко царю отъ идолъ, да то есть прельщенье сотоннио“. Очень не рѣдко именно такими соображеніями, вовсе не приложимыми къ древнему русскому быту, и руководились первые наши наставники въ правилахъ и уставахъ житія. Конечно, всякій предметъ народной забавы и утѣхи носилъ въ себѣ въ какое-то время языческія черты или просто служилъ язычеству; но такъ было по той причинѣ, что въ какое-то время вся жизнь человѣка была язычествомъ, поэтому, не только какая либо игра, но и всѣ предметы повседневнаго быта, вся домашняя утварь, начиная съ печнаго горшка, тоже приносились на службу тому же язычеству. Аскетическая идея въ своихъ отрицаніяхъ и отверженіяхъ вовсе не различала языческихъ идей отъ вещественныхъ предметовъ или отъ простыхъ порядковъ жизни и стремилась все сравнять и привести въ одинъ образъ и въ одну мѣру, въ одно положеніе.

Общество должно было устроиться, какъ монастырь, какъ пустынножителство, водворить повсюду обѣтъ молчанія, обѣтъ непрестанной молитвы, отдаваясь лишь работѣ дня, необходимымъ житейскимъ трудамъ и занятіямъ. Отъ жизни отнимался одинъ изъ существенныхъ элементовъ ея развитія, отнималась цѣлая область ея повтическихъ стремленій, которыя конечно не приводили же къ одному только разврату, но содержали въ себѣ, какъ и всегда содержатъ, источникъ жизненной силы и для нравственнаго совершенствованія. Было необходимо только отличить этотъ добрый источникъ отъ того зла, какимъ онъ не всегда же и окружался. Но, вѣрная своему началу, аскетическая идея не должна была дѣлать подобныхъ различій. Позвія въ ея глазахъ была вообще сирадомъ и скаредіемъ грѣховной жизни, поэтому именемъ бѣсовской пѣсни, басни, кощунствъ, глумленія, она безразлично обозначаетъ всякій памятникъ народнаго словеснаго творчества, равно какъ и всякую игру бѣсовскимъ угодіемъ, безчиніемъ, безсрашіемъ; все это были дѣла бѣсовскія,

обычай трелитыхъ еллинъ, грѣховныя уже потому, что исходятли изъ грѣховнаго источника, изъ области свободнаго чувства, управляемой, какъ доказывали, исключительно дьяволомъ. Въ сущности аскетическая идея, отрицала все то, что въ своей живой совокупности имѣетъ свое великое имя. Она отрицала народность, русскую своеобразную культуру, не съ одной языческой стороны, но и со всѣхъ сторонъ свободнаго независимаго развитія народныхъ дарованій и народныхъ умственныхъ силъ. Она отрицала живую русскую народность во имя одной исключительной формы византійскаго, а по преимуществу восточнаго, быта.

Само собою разумѣется, что господство аскетической идеи должно было поддерживаться и всегда поддерживалось монастырнѣ, изъ котораго постоянно и оглашалась гроза суровыхъ обличеній и запрещеній. Мѣрская власть, пребывавшая сама въ той же мѣрской жизни, никогда, сама по себѣ, не доходила до аскетическихъ умозрѣній и не поднимала гоненій на свою же мѣрскую общественность. Она по необходимости становилась только покорною исполнительницею правилъ и предписаній, исходившихъ изъ уединенныхъ и отверженныхъ отъ жизни келлій. Изъ этихъ то богомольныхъ и благочестивыхъ обиталищъ и разносилось обличительное слово, напоминавшее время отъ времени мѣрскимъ людямъ о жизни праведной. Лишь отсюда и мѣрская власть получала усердные воззванія дѣйствовать противъ мѣрскихъ увеселеній, какъ подобало ея грозной державѣ. Такимъ образомъ запрещенія мѣрскихъ утѣхъ сначала восстанавливались путемъ частныхъ, такъ сказать личныхъ проповѣдей, со стороны только наиболѣе усердныхъ подвижниковъ монастырскаго житія и впоследствии уже, едвали не со времени изданія Стоглава, были приняты, какъ общее постановленіе, т. е. вошли въ кругъ правительственныхъ дѣйствій. Еще въ началѣ XVI ст. правительство, т. е. общая власть, стоитъ какъ бы въ сторонѣ отъ этого дѣла, и потому, напр., въ 1505 г. игуменъ Елизарова монастыря Панфилай частнымъ путемъ обращается къ градскимъ властямъ Пскова, прося ихъ державу унять беззаконныя игрища, какія происходили тамъ по случаю праздника Рождества Іоанна Предтечи, 24 июня. Онъ пишетъ: **Онце бо еще есть останокъ неприявни въ градѣ семь, и зѣло же престала здѣ еще леть идолская, кумірское празнованіе, оеть и веселіе сатанинское, въ немъ же есть ликованіе и**

величаніє діаволу и красованіє бѣсомъ его въ людѣхъ сихъ, не свѣдущихъ истинны.... Егда бо приходитъ велій праздникъ день Рождества Предтечева, и тогда, во святую ту ночь, мало не весь градъ взмѣтется и взбѣется, бубны и сопѣли, и гуденіемъ струннымъ и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ, и того ради двинется, яко въ поруганіє и въ безчестіє Рождеству Предтечеву, и въ посмѣхъ и въ поруганіє и въ укоризну дни его; вѣстучитъ бо градъ Сей и возгремятъ въ немъ людіє.... стучать бубны и гласъ сопѣлій и гудуть струны. Женамъ же и дѣвамъ плесканіє и плясаніє, и главамъ ихъ поживаніє, устамъ ихъ непріязненъ вличъ и вопль, всескверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніє, и ногамъ ихъ скаканіє и топтаніє; ту же есть мужемъ же и отрокомъ великое прелщеніє и паденіє; но яко на женское и дѣвическое шатаніє блудно и възрѣніє, такоже и женамъ мужатымъ, беззаконное оскверненіє, тоже и дѣвамъ растлѣніє.... Тако ли есть христіаномъ православнымъ вѣра и чинъ? И сіа ли есть христіанская лѣпота и законъ?... Господь мои, благочестивыи мужи, властии сущіи, грозная держава града сего! восклицаетъ игуменъ. „Уймите, храбрскимъ мужествомъ вашимъ отъ такого начинанія идолакаго служенія богозданный народъ сей“. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя монастырскія частныя воззванія къ державнымъ градскимъ властямъ начались въ одно время съ распространеніемъ монастырской жизни. За долго до общихъ правительственныхъ запрещеній, онѣ уже тяготѣли надъ обществомъ, какъ правительственный же законъ.

Поученія дѣйствовали на общество воспитательно и, само собою разумѣется, что по ихъ идеямъ воспитывался по необходимости и идеаль достойнаго человѣка, а слѣд. и идеаль достойнаго общества, изящныхъ его нравовъ и изящныхъ порядковъ жизни. Общество, если и не могло совсѣмъ удалить отъ себя мірскія утѣхи, то все-таки оно получило къ нимъ омерзеніє грѣха и въ силу такого возрѣнія, музыку, пѣсню, пляску, басню и т. п. оно осуждало на изгнаніє изъ среды хорошихъ, чистыхъ нравовъ, оно, по естественной причинѣ, стало даже съ гордостью выситъсь передъ ними, стало ихъ презирать, низвело ихъ такимъ образомъ до степени скоморошества или до низменныхъ и по необходимости грязныхъ занятій поденщика и продавца всякихъ увеселеній и утѣхъ, а слѣд. до дѣйствительнаго разврата. Невинная забава и утѣха въ глазахъ достойнаго человѣка явилась или дѣломъ ре-

бичества или дѣломъ скоророха, отъявленнаго негодника и безстыдника, неимѣющаго и малѣйшаго сознанія о добромъ и честномъ нравѣ. Возвышенныя, честныя нравы общества мыслили о забавѣ, напр. о танцахъ, слѣдующимъ образомъ: „что за охота ходить по избѣ, искать ничего не потерявъ, притворяться сумасшедшимъ и смѣяться скоророхомъ? Человѣкъ честный (достойный, нравственный) долженъ сидѣть на своемъ мѣстѣ и только забавляться кривляньями шума, а не самъ быть шутомъ, для забавы другаго....“¹ Такъ мыслили въ XVI и XVII ст., въ эпоху, когда изъ ученій Домостроя образовалась уже крѣпкая практическая философія. Здѣсь мы встрѣчаемся съ понятіями не о грѣхѣ только, не о бѣсовскомъ только угодиі, а уже съ высокопоборіемъ степеннаго, чиннаго и благочестиваго права, съ извѣстною выработкою приличія, которая почитала такую веселость безобразіемъ и исплаженіемъ нравственнаго лица.

Ученія Домостроя отъ первыхъ еще вѣковъ былъ главною и исключительною причиною того, что совсѣмъ умолила и народная литература, скоро умолила вѣщія пѣсни баяновъ, воодушевлявшія первыхъ нашихъ удалыхъ и храбрыхъ князей и готовившія родному языку лучшую будущность, чѣмъ та, какую онъ приобрѣлъ отъ книжнаго высокопарнаго, но сухаго и безжизненнаго слова. Въ XI вѣкѣ мы еще видимъ около князей пѣснотворцевъ, вѣщными перстами на живыхъ струнахъ, прославляющихъ княжескія доблести, поющихъ славу временамъ и старымъ и молодымъ, поющихъ славу народности, исполненной свѣжихъ здоровыхъ силъ и юношеской отваги. Но въ одинъ отъ дней приходитъ къ князю Святославу Ярославичу преп. Θεодосій Печерскій и видитъ: сидитъ князь, а предъ нимъ многіе играютъ, „овы гусльные гласы испушающе, другіе же органичные гласы поюще, инымъ замарныя писки гласящемъ, и тако всѣмъ играющемъ и веселящемся, якоже *обычай есть предъ княземъ*“. Блаженный съль вскрай князя, поникъ долу и сказалъ: то будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ! Князь умилился словамъ преподобнаго, прослезился и повелѣлъ играющимъ перестать. Съ тѣхъ поръ, если когда и начиналась такая игра, то, слышавъ приходъ блаженнаго, князь всегда повелѣвалъ переставать своимъ пѣвцамъ. XI вѣкѣ жилъ еще полною силою народнаго творчества и мало сознавалъ, что вѣщія пѣсня баяна

¹ Миславичъ, 62.

есть бѣсовское угодіе, есть идольская служба. На это указываютъ даже и самое посѣщеніе кн. Святослава преп. инокомъ во время веселаго пѣснотворства, которое было остановлено не въ тотъ же часъ, какъ пришелъ св. инокъ, а лишь послѣ его умирительнаго поученія; было остановлено лишь изъ особенной любви къ нему и продолжалось по обычаю въ его отсутствіе. Жившій въ томъ же вѣкѣ, послѣ Θεодосія, митрополитъ Іоаннъ, мужъ хитрый кнѣгамъ и ученью, точно также въ своихъ наставленіяхъ, не мнитъ нарушить обычай мірскаго устава и запрещаетъ только мнѣхамъ и іерейскому чину присутствовать лишь на такихъ пирахъ, гдѣ начиналось играніе, плясаніе, гуденіе. Онъ совѣтуетъ или отнюдь отмигаться тѣхъ пировъ, т. е. не ходить на нихъ, или же, какъ начнется играніе, бѣсовское пѣніе, блудное глумленіе. вставать и уходить, да не оскверняютъ себѣ чувства видѣніемъ и слышаніемъ, по отеческому повѣленію; отходить въ то время, если будетъ соблазнъ великъ и вражда не смирена, ибо можно подумать, что считаешь эти игры и самъ въ нихъ участвуешь. Но то, что вначалѣ предписывалось только иноческому и іерейскому чину, впоследствии стало обязательнымъ и для всего мірскаго чина, стало грѣхомъ для всѣхъ мірянъ, а потому чрезъ сто лѣтъ, въ концѣ XII вѣка, объ этихъ вѣщяхъ пѣсняхъ поминается уже какъ о старыхъ, едва памятныхъ словесахъ. Пѣвецъ Игоря едвали не былъ послѣднимъ баяномъ нашей древности, послѣднимъ творцемъ пѣсни, сложенной старыми словесами, или народною поэтическою рѣчью, которую онъ видимо отличаетъ отъ новыхъ словесъ, отъ словесъ входившей тогда въ господство церковной книжности, осудившей старыя словеса или народную рѣчь, а вмѣстѣ съ ней и поэтическое народное творчество, на вѣчное безвозвратное изгнаніе. Въ послѣдующіе вѣка эти старыя словеса, какъ вообще народная поэтическая рѣчь, обзывались уже словесами грѣховнаго глумленія, бѣсовскими пѣснями. Книжное перо уже страшилось изобразить такое слово на бумагѣ, дабы не совершить тѣмъ угодія дьяволу и не уронить въ грязь високаго и святаго достоинства книжной рѣчи. Писаное слово, принеся святое ученіе, само по себѣ стало разсматриваться какъ святыня и простой умъ въ недоумѣніи вопрошалъ еще въ XII в. „нѣстьли въ томъ грѣха, аже по грамотамъ ходити ногами, аже кто изрѣзавъ помечеть, а слова будутъ знати!“¹

¹ Памяти. Рос. Слов XII в. 187.

Понятно, что при такомъ умствованіи невозможны были никакія списки пѣсенъ и всякихъ другихъ памятниковъ народной рѣчи.

Осужденныя проклятію, отверженныя для писанаго слова, эти пѣсни все больше и больше замирали, исчезали, а съ тѣмъ вмѣстѣ понижалась и творческая поэтическая сила народа. Черезъ два—три столѣтія эта сила уже не была способна достойнымъ образомъ воспѣть великія событія народной жизни и, изображая напр. Мамаево побоище, обращалась за поэтическимъ образомъ, какъ и за поэтическою рѣчью все къ тѣмъ же старымъ пѣсеннымъ словесамъ. Таково было вліяніе старой книжности, таковы были послѣдствія ея ученій. Общество было лишено литературнаго своенароднаго развитія, сильныя проблески котораго, такъ замѣтны даже въ лѣтописи XI и XII столѣтій, когда аскетическая идея еще только начинала свой подвигъ. Послѣ того съ распространеніемъ господства этой идеи и лѣтопись постепенно понижаетъ свой независимый голосъ, теряетъ самостоятельность лѣтописи, какъ повѣсти время и лѣтъ и становится лишь орудіемъ поученія, средствомъ прославлять и оправдывать дѣла Божіи, какъ и дѣла государевы; поэтому становится или поучительнымъ словомъ (Степенная книга) или дьячимъ изложеніемъ дѣла (лѣтописи XV и XVI ст.). Такимъ образомъ и литературная производительность общества сохраняетъ только эти двѣ формы словеснаго творчества, поученіе, въ видѣ слова, сказанія, житія, что все равно; или юридическій актъ, дьячью записку изъ дѣла. Пѣсня — повѣсть, былина, старина, а тѣмъ болѣе сказка и простая пѣсня являются недостойными писанаго слова. потому что вращаются уже въ презрѣнной средѣ бѣсовскихъ угодниковъ. Недостойными являются и всѣ виды мірскихъ веселостей, обыкновенно всегда сопровождаемые пѣсеннымъ же поэтическимъ словомъ. Степенный старческий чинъ жизни утверждаетъ и оправдываетъ лишь одно веселье, — предпоставленную трапезу, мѣрное питіе, и разумѣется строго и беспощадно преслѣдуетъ питіе не въ мѣру, пьянственную напасть. Но общество, въ которомъ были заглушены всѣ умственные и поэтическіе стремленія и инстинкты, у котораго были отняты или по крайней мѣрѣ сильно заподозрѣны въ грѣхѣ, всѣ обычныя средства веселости, такому обществу совсѣмъ не было возможности устоять на мѣрѣ въ единственной узаконенной веселости, въ питіи. По его понятію именно въ пьянствѣ и заключалось

истинное веселіе. И въ этомъ оно было совершенно справедливо, ибо чтожъ другое могло наполнить пустоту его жизни и мысли, украсить его отдыхъ, удовлетворить природной потребности вознаграждать мѣру труда, мѣрою удовольствія. Честный пиръ потому и былъ честенъ и веселъ, что всѣ тутъ напивались; веселье именно въ томъ и разумѣлось, чтобъ быть пьянымъ: гости не веселы, слѣд. не пьяны и быть нѣвеселъ и теперъ даже значить быть умѣренно пьянымъ.

Судя по многочисленнымъ изображеніямъ этого порока, которыми исполнены старинныя поученія, веселье тогда уже являлось пьянственной напастью, когда человѣкъ допивался, какъ говорится, до положенія ризъ. „И что есть, братъе, скаредиѣ пьянчиваго! Съдѣть бо забывый вся и умъ си погубле, яко неистовъ, и не чюется, что творя. Да то ли, братъе, *веселье* и таколи, братъе, въ законъ и во славу Божию есть?... Не чюя ничто, аки мертвъ лежитъ и аще ему что глаголеши, не отвѣщаетъ.... Слыны бо въ немъ согнѣвшесе смрадомъ воняють, и рыганіе, аки скотиное. Помысли убо, како убогая та душа, аки въ ямѣ въ темнѣ, въ тѣлѣ томъ грязить. Аще же и возстанеть, мнѣшесе изспався, то и еше не здравъ есть, облакъ пьянственный еше мутится ему предъ очима и омрачаетъ... Братіе трезвы будъте, ибо супостатъ вашъ дѣволъ ищетъ пьяныхъ, да пожретъ. О горе! какъ пьянымъ ухорониться, а лежаще, аки мертвымъ! А отъ Бога отбѣгшимъ пьянства ради; и удалшимся отъ Духа Святаго, смрада ради пьянаго; а слова Божія неимущимъ во устѣхъ своихъ, гнидія ради пьянственнаго; ангелу хранителю отбѣгшу пьянства ради и плачущися, а бѣсомъ веселящимся о пѣницахъ и радующесе, приносятъ жертву ко дѣволу отъ пѣницы. Дѣволъ же радуяся глаголетъ: яко николи же тако радуяся и веселюся о жертвахъ поганныхъ человѣкъ, якоже о пьянствѣ христіанъ; всякія бо дѣла моего хотѣнія суть во пѣницахъ; мои суть пѣяны, а трезвы Божія... Оставайтесь братія окаянна пьянства. А питіе бо законно, и въ славу Божию, яко на веселіе намъ Богъ далъ. И то въ подобно время. Еже бо ни отнюдь не быти, (то) не отреченно есть питіе святыми отцы; но сиде вѣщаше: да не упиваетеся въ пьянство. Мнози бо невѣгласи глаголють, яко то праздникъ честный есть, да пѣемъ и веселимся! Уразумеите и сами безумніи, что сіе глаголете, яко оставляете праздники Божія и дѣволу угожаете....“ Домострой XVI вѣка, изобразивши всѣ не

практическія и невыгодныя стороны пьянственной напасти, отъѣзжаетъ: „не реку непити: не буди то! Но реку не упиватися въ пьянство злое. Я дара Божія (вина) не похуюлю, но похуюлю тѣхъ, которые пьютъ безъ воздержанія. Сказано: пейте мало вина веселія ради, а не пьянства ради, ибо пьяницы царствія Божія не наслѣдуютъ“. Но ради какогоже веселья слѣдовало пить? Если въ немъ самомъ, въ одномъ только питіи содержалось веселье, то гдѣже были эти границы, отдѣлявшія веселье отъ пьянства? Питіе, разумѣется, возбуждало къ веселости, которая и должна была удовлетворяться мірскими средствами веселья. Питіе служило наилучшимъ украшеніемъ всякой трапезы и особенно праздничной; какъ даръ Божій оно благословлялось; оно было веселіемъ, удовольствіемъ тѣлеснаго чувства. Но такимъ же веселіемъ, удовольствіемъ нравственнаго чувства была пѣсня, музыка, пляска, вообще игра, равно какъ и сказка—небылица, повѣсть, загадка и т. п., т. е. вообще мірская литература и мірская забава. Положимъ, что во всемъ этомъ въ первое время слишкомъ ярко и слишкомъ прямо отражалось древнее язычество; но запрещенія, одно за другимъ слѣдовали и притомъ еще съ болѣею строгостью даже и въ то время, когда и храмы и идола были разрушены и народъ, предаваясь такимъ веселостямъ, уже не вѣдалъ самъ, что творилъ, а удовлетворялъ только своей человѣческой потребности веселиться послѣ работы. Положимъ, что эти веселости онъ нерѣдко сопровождалъ буйствомъ и грязнымъ развратомъ; но тѣмъ же самымъ по преимуществу сопровождалось и неумѣренное питіе; оно-то и было основою всякихъ неистовствъ, до которыхъ доходило иной разъ мірское веселье. Оставалось оберегать это веселье именно только отъ пьянственной напасти; оставалось веселью дать тоже мѣсто въ законѣ, каковымъ пользовалось собственно питіе, т. е. не отрицая мірскихъ веселостей въ существѣ, проклинать лишь ихъ языческія или же вообще грубыя, грязно-развратныя, буйныя формы или виды, наравнѣ съ пьянствомъ, какъ съ развратнымъ и грязнымъ видомъ питія. Отвергая всѣ формы мірской веселости, пѣсню, музыку, пляску, учительная философія должна была особенно помогать распространенію въ обществѣ именно одной только пьянственной напасти. Мірская трапеза начиналась степеннымъ питіемъ, а оканчивалась всегда неистовымъ пьянствомъ, по той простой причинѣ, что за отсутствіемъ болѣе тонкихъ формъ удовольствія, оно по необходимости

становилось единственнымъ исключительнымъ удовольствіемъ и весельемъ. Такимъ образомъ пьянственную напасть, какъ потребность веселья, могли остановить не обличенія, а свободное развитіе умственныхъ и эстетическихъ потребностей общества, свободное развитіе его поэтическаго творчества, какъ особенно въ литературѣ, такъ и вообще въ остальной области искусства. Если человѣческое удовольствіе, и слѣд. въ обширномъ понятіи вся область поэзіи находилась подъ осужденіемъ и проклятіемъ, то человѣку ничего другаго не оставалось, какъ предаваться веселью пьянства, и стало быть предаваться не простому веселью, а именно тѣмъ оргіямъ, которыя и подавали главный поводъ изгонять изъ общественной среды всякія удовольствія. Духовныя интересы были ограничены, тѣмъ безграничѣе пробуждались инстинкты животныя. Въ этомъ обнаруживалъ только свою силу неизмѣнный законъ человѣческой нравственной природы. Гоненія и стѣсненія привели общество только еще къ большому огрубѣнію, низвели его до степени прямого животнаго, гдѣ терялось уже сознаніе о нравственномъ и безнравственномъ и гдѣ развратъ происходилъ не столько отъ развращенія права, сколько изъ потери этого сознанія. По такой же неизмѣнности и неразрушимости законовъ общественной жизни всѣ усердныя поученія объ изгнаніи изъ человѣческаго міра прирожденныхъ ему общественныхъ утѣхъ и удовольствій, всѣ безпощадныя ихъ обличенія, даже всѣ правительственныя мѣры, время отъ времени поднимаемыя противъ народныхъ увеселеній, оказались безсильными. Многое, дѣйствительно, угасло, исчезло, многое исказилось, потеряло всякій смыслъ не только языческій, но даже и поэтическій; но многое оставалось еще въ первобытной свѣжести даже въ дни петровской реформы, и сохранилось до нашего времени, хотя и въ обломкахъ.

Мы знаемъ, что въ домашнемъ быту государева дворца съ большимъ усердіемъ читались всѣ сказанныя поученія; знаемъ также, что церковный и особенно иноческій чинъ не переставалъ обличать всякія мірскія игрища и веселости и постоянно увѣщевалъ беречися пустошныхъ бесѣдъ и смѣхотворенія неподобнаго, плясанія, скаканія, гудѣнія, пѣсенъ бѣсовскихъ, скomoroxовъ съ ихъ дѣлами, вообще всякихъ мірскихъ забавъ, къ

была поражена наружностью органовъ и клавикордовъ, которые были раззолочены и украшены финифтью и восхищалась гармонією звуковъ этихъ музыкальныхъ орудій, никогда ея невиданныхъ и неслыханныхъ. Тысячи народа толпились около дворца, чтобы ихъ послушать⁴. Органы однакожь въ московскомъ дворцѣ не были такою рѣдкостью, какъ можно было бы заключить изъ словъ Горсея. Мы видѣли (т. I, стр. 173), что часы съ музыкою въ XVI ст. уже украшали этотъ дворецъ, и забавляли царское семейство своею чудною игрою. Въ отношеніи же органовъ упомянемъ, что еще при Иванѣ III, въ 1490 г. въ Москву вызванъ былъ въ числѣ прочихъ художниковъ и *органный игрецъ* капланъ бѣлыхъ чернецовъ Августинова закона Иванъ Спаситель¹. Если необходимъ былъ органный игрецъ, то само собою разумѣется, что органы уже стояли во дворцѣ, или же быть можетъ въ то же время были привезены виѣстѣ съ игредомъ.

Объ органахъ и другихъ музыкальныхъ инструментахъ, составлявшихъ принадлежность царской Потѣшной Палаты, мы будемъ говорить послѣ, а теперь перейдемъ къ обзорѣнью утѣхъ комнатныхъ и такъ сказать кабинетныхъ.

Самымъ виднымъ, наиболѣе выдающимся предметомъ комнатной забавы былъ дуракъ, шутъ. Это былъ, если можно такъ выразиться, источникъ постоянного спектакля, постоянной всенедельной утѣхи для всѣхъ комнатныхъ дворцовыхъ людей. Писаніе обозначало эту сторону домашнихъ увеселеній именемъ глумленія, кощунанія, шпильманской мудрости, а самыхъ дураковъ и шутовъ обозначало шпильманами, глумотворцами, смѣхотворцами, сквернословцами и т. п. именами. Такимъ образомъ штатная обязанность дурака заключалась въ томъ, чтобы возбуждать веселость, смѣхъ. Онъ достигалъ этой цѣли или пошлыми, или острыми, слишкомъ умными или слишкомъ глупыми, но всегда необычайными словами и такими же поступками. Конечно самый грязный цинизмъ здѣсь не только былъ умѣстенъ, но и заслуживалъ общаго одобренія. Въ этомъ, какъ нельзя лучше обрисовывались вкусы общежитія, представлявшаго съ лицевой стороны благочестивую степенность и чинность, постыческую

¹ Неправильное чтеніе лѣтописи, по которому этотъ игрецъ выходилъ *ирекомъ Арианнаголемъ*, раскрыто кн. Оболенскимъ во *Временникѣ Истор. Общества*, кн. 16, смѣсь стр. 21 и сл.

выработку поведения, а внутри исполненного неудержимых побуждений животного чувства, затѣмъ, что велико было въ этомъ обществѣ пониженіе мысли, а съ нею и всѣхъ изящныхъ, поэтическихъ и эстетическихъ инстинктовъ. Циничское и скандальное правилось, и очень правилось, потому, что духовное чувство совѣсти не было воспитано, а было только связано, какъ ребенка пеленками, разными, чисто внѣшними, механическими *правилами* и запрещеніями, которыя скорѣе всего служили лишь прямыми указателями на сладость грѣха, т. е. въ собственномъ смыслѣ на сладость свободныхъ отношеній человѣка къ своей природѣ. Постнической обликъ обществѣ съ дѣйствительною застѣнчивостію, но съ большою радостью готовъ былъ выслушивать все, что потаенно отъ него сохранялось. лишь бы обличеніе этого потаеннаго происходило изъ устъ человѣка, въ нѣкоторомъ смыслѣ потеряннаго, лишь бы сохранялась та-кимъ образомъ стройность постническаго порядка жизни, ибо потерянный для этого порядка человѣкъ, никакъ не могъ, конечно, служить его разорителемъ. На то и существовалъ въ домѣ дуракъ, чтобы олицетворять дурацкія, а въ сущности вольныя движенія жизни, или вообще волю, свободу, независимость жизни; чтобы ровную, однообразную при томъ постнически однообразную домашнюю жизнь выбивать изъ ея тѣсной колеи, изъ ея постнической неволи.

Необходимость въ домашнемъ дуракѣ являлась сама собою, именно по той причинѣ, что жизнь общества уже слишкомъ стѣснилась, окрѣпла, одеревенѣла отъ этого многого *правила*, слишкомъ одомостроилась, такъ что дуракъ, въ иносказательномъ смыслѣ, былъ какъ бы проводникомъ свободнаго, свѣжаго воздуха въ спертую и удушливую атмосферу повседневнаго быта, замкнутаго всевозможными уставами и правилами. Это былъ естественный продуктъ умственного и нравственнаго застоя жизни. Какъ скоро жизнь стала освобождаться, выходить на волю, то постепенно стали уходить со сцены и дураки; и теперь трудно даже и представить себѣ, что такое былъ дуракъ на самомъ дѣлѣ?

Должно полагать, что одни изъ нихъ бывали въ дѣйствительности идиоты, умственные уроды, помѣшанные, безумные, со-держимые въ домахъ какъ рѣдкость, какъ игра природы, *забавная* наравнѣ съ варликами, говорящими попугаями или арапами, обезьянами и разными другими чудами и дивами, какихъ

не всякій видалъ. Понятій о чудовищномъ униженіи въ этомъ случаѣ человѣческаго достоинства, въ старомъ обществѣ не существовало. На это не указывали и поученія домоостроевъ, отвергавшія только формы безнравственной жизни, а не самыя ея корни, т. е. извращенныя, безчеловѣчныя идеи. Человѣкъ уродъ, какъ невиданный звѣрокъ, становился посмѣшищемъ для обыкновеннаго человѣка, становился его забавою, игрушкою. Брюинъ, замѣчая вообще о нашихъ допетровскихъ увеселеніяхъ говоритъ между прочимъ, что „Русскіе веселятся съ какимъ-то звѣрскимъ довольствомъ зрѣлищемъ людей умалишенныхъ и и разныхъ калѣкъ и уродовъ, особенно когда оныя находятся въ опьянѣломъ положеніи“¹.

Съ такимъ же значеніемъ, какъ умственный уродъ, особенно цѣпился и дуракъ-шутъ, умный острякъ, замысловатый глумл-творецъ и смѣхотворецъ. Онъ носилъ имя дурака потому, что всякое глумленіе, смѣхотвореніе вообще признавалось степеннымъ и чиннымъ обществомъ чѣмъ-то въ родѣ ребячества и глупости. потому что своими словами и дѣлами онъ слишкомъ уродливо выдвигался изъ умнаго уровня на какомъ стояла тогдашняя порядочность поведенія. Въ этомъ отношеніи и очень умныя, какъ и очень глупыя слова и дѣла имѣли равный смыслъ дурачества, почему всегда и прощались какъ дурачество. на которое не стоило обращать умнаго, разсудительнаго вниманія. Дуракъ, какъ и юродивый становились иной разъ суровыми и неумолимыми обличителями лжи, коварства, лицемерія и всякихъ другихъ личныхъ и общественныхъ пороковъ, надъ которыми они издѣвались съ полнымъ и самымъ свободнымъ цинизмомъ, находя всегдашнее оправданіе для своихъ безцензурныхъ дѣйствій въ томъ же уродливомъ смыслѣ своей жизненной роли. Это была сатира, комедія, та сторона литературы, которая въ развивающемся обществѣ составляетъ прирожденную силу и за неимѣніемъ письменности, печатнаго слова, обнаруживаетъ свои стремленія устнымъ словомъ, сценическимъ и циническимъ представленіемъ, а въ обычномъ смыслѣ дурачествомъ, ибо, какъ мы замѣтили, все смѣшное и комическое было дѣломъ однихъ только дураковъ. Такимъ образомъ другой разрядъ дураковъ, именно дураки-шуты, бывали вообще люди не глупые, что подтверждаютъ даже и историческія свидѣтельства. *Шутъ*

¹ От. Зап. 1830, СХХV.

Гаврила, въ 1537 г., счумѣлъ спасти себя отъ московской государевой опалы, измѣнивъ своему личному государю, удѣльному старицкому князю Андрею Ивановичу. Онъ бѣжалъ отъ него въ Москву въ то время, какъ несчастный князь долженъ былъ попасть въ московскія сѣти и окончить свой вѣкъ „въ нужѣ страдальческою смертію“. Шутъ спасалъ свою жизнь и вѣрно понималъ, что дѣло его князя было проиграно безвозвратно¹. — Изъ этого свидѣтельства мы видимъ, что въ началѣ XVI ст. шуты принадлежать къ необходимымъ домашнимъ людямъ.

Маяштейнъ, описывая придворный бытъ императрицы Анны Ивановны, замѣчаетъ между прочимъ, что „по древнѣйшему въ Россіи установленному обычаю, каждый частный человекъ, получающій хорошіе доходы имѣлъ при себѣ покрайней мѣрѣ одного шута. Изъ сего можно судить, что въ нихъ не было недостатка и при дворѣ“, т. е. еще къ началу XVIII ст., ибо въ это время старая русская жизнь держалась еще очень крѣпко и была только снаружи заставлена разными нѣмецкими декораціями, такъ что Анна Ивановна по своему воспитанію, образованію и особенно по своимъ вкусамъ вполне принадлежитъ не XVIII, а XVII столѣтію и въ этомъ отношеніи XVIII ст., въ смыслѣ новой эпохи, должно начинаться собственно съ Елисаветы Петровны. По той же причинѣ и Петръ I, какъ говоритъ Манштейнъ, отиѣнно жаловалъ шутовъ; при немъ часто ихъ бывало человекъ до 12 и болѣе. Петръ былъ родной сынъ и прямой наследникъ XVII ст., а потому и нельзя, чтобы въ его нравственныхъ чертахъ не сохранилось родового сходства съ своимъ родителемъ; къ тому же шуты и всякое шутовство ему очень были нужны не столько по домашнимъ, сколько по политическимъ причинамъ. Съ ними вмѣстѣ онъ велъ борьбу съ старымъ порядкомъ жизни, публично его осмѣивалъ, составлялъ на него дѣлые сатирическіе спектакли...

Шутовъ и шутовство особенно также любилъ и царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Одною изъ главныхъ утѣхъ его, говоритъ Карамзинъ, были многочисленныя шуты, коимъ надлежало смѣшать царя прежде и послѣ убійствъ и которые иногда платили жизнью за острое слово. Между ими славился князь Осипъ Гвоздевъ, имѣя знатный санъ придворный. Однажды, недоволь-

¹ Карамз. VIII, пр. 16.

ный какую-то шуткою, царь вылилъ на него мису горячихъ шей; бѣдный смѣхотворецъ вопилъ, хотѣлъ бѣжать: Иоаннъ ударилъ его ножемъ.... обливаясь кровью, Гвоздевъ упалъ безъ памяти. Немедленно призвали доктора Арнольфа. Изпѣли слугу моего добраго, сказалъ царь: „я поигралъ съ нимъ неосторожно“. „Такъ неосторожно (отвѣчалъ Арнольфъ), что развѣ Богъ и твое царское величество можетъ воскресить умершаго: въ немъ уже нѣтъ дыханія“. Царь махнулъ рукою, назвалъ мертваго шута псомъ и продолжалъ веселиться“. Въ сопровожденіи шутовъ царь дѣлалъ даже церемоніальные поѣзды. Одинъ итальянецъ, бывшій въ Москвѣ въ 1570 г., рассказываетъ между прочимъ: „царь вѣзжалъ при насъ въ Москву.... впереди ѣхали 3000 стрѣльцовъ, за стрѣльцами шутъ его на быкъ, а другой въ золотой одеждѣ, затѣмъ самъ государь“.... Однажды, издѣваясь надъ поляками въ лицо ихъ посольству, онъ схватилъ соболью шапку съ одного изъ ихъ дворянъ, надѣлъ ее на своего шута и заставилъ его кланяться по польски. Когда тотъ отвѣчалъ, что неумѣетъ, то царь сталъ учить его, самъ кланялся и смѣялся. Быть можетъ особенное расположеніе Грознаго къ шутамъ и шутовству условливалось отчасти, подобно какъ и при Петрѣ, причинами замаскированной борьбы съ положеніями своего времени или съ своими личными врагами. Такъ, онъ заставилъ везти къ Москвѣ собранныхъ въ Новгородской области медвѣдей одного опальнаго архимандрита ¹.

На пирахъ Грознаго являлись шутниками и его любимцы изъ опричниковъ — дворянъ, каковъ былъ, напр., Василій Грязной. Когда, въ 1572 г., онъ, вблизи Крыма, на степномъ развѣздѣ, взятъ былъ въ плѣнъ и писалъ о томъ государю, царь отвѣчалъ ему: „что писалъ еси, что по грѣхамъ взяли тебя въ полонъ: ино было, Васюшка, безъ пути середь крымскихъ улусовъ не заѣзжати; а ужъ заѣхано, ино было не по объѣзному спати. Ты чаялъ, что въ объѣздѣ пріѣхалъ съ собаками за зайцы.... али ты чаялъ, что таковожъ въ Крыму, какъ у меня, стоячи за кушаньемъ, шутити? Крымцы такъ не спятъ, какъ вы, да васъ дрончонъ (нѣженогъ) умѣютъ ловити.... А что сказываешься великой (знатный) человекъ, ино что по грѣхомъ моимъ учинилось, и намъ того какъ утайти. — Что отца на-

¹ П. С. О. Л. III, 167. Въ такомъ смыслѣ, кажется, должно понимать указанный здѣсь текстъ лѣтописи.

шего и наши бояре намъ учили пзвняти, и мы васъ страдниковъ приближали, хотичи отъ васъ службы и правды. А помянулъ бы ты свое величество и отца своего въ Олексий: ино таковы и въ станицахъ вживали; а ты въ станицѣ у Пянинскаго былъ, мало что не въ охотникахъ съ собаками.... И мы того незазираемъ, что ты у насъ въ приближеньѣ былъ, и мы для приближенья твоего тысячи двѣ рублей дадимъ; а доселѣва такіе по 50 рублей бывали“. Въ своемъ отвѣтѣ Грязной писалъ между прочимъ, что „заецъ не укуситъ ни одное собаки, а онъ укусилъ 6 человекъ до смерти да 22 ранилъ; что было въ Крыму собакъ измѣнниковъ, онъ всѣхъ перекусалъ и т. д. Да еще хочу у Владыки Христа нашего, чтобъ шутити за столомъ у тебя (т. е. возвратити въ Москву). Мы холопи Бога молимъ, чтобъ намъ за Бога и за тебя голова положить, то наша и надежа.... А язъ холопъ твой не у браги увѣчь добылъ, ни съ печи убилъ“.

Вообще такой шутиливый, сатирической тонъ и такіе шутильвые разговоры были, кажется, характерною чертою въ письмахъ Грознаго, а слѣд. и въ его отношеніяхъ къ окружающимъ. Припомнимъ его переписку съ Шведскимъ королемъ, его посланіе въ Кирилловъ монастырь.... Очень естественно, что шуты при немъ были въ большомъ ходу.

Сынъ его, царь Ѳедоръ, также всегда забавлялся шутами и карликами, мужскаго и женскаго пола, которые кувыркались передъ нимъ и пѣли пѣсни. Маскѣвичъ говоритъ, что вообще шуты представляли самую обычную утѣху для нашихъ предковъ, увеселяли ихъ плясками, кривляясь, какъ скоморохи на канатѣ, и пѣснями, большею частію весьма безстыдными. Даже Тушинскій царикъ имѣлъ при себѣ шута, Петра Киселева, съ которымъ и побѣждалъ потомъ изъ Тушина.

Молодаго царя Михаила Ѳедоровича, въ первое время (съ 1613 г.) потѣшалъ *дуракъ Мосля*, также Мосѣй (Моисей), а въ хоромахъ у матери царя, великой старицы иноки Марѣы Ивановны, въ Вознесенскомъ монастырѣ, жила *дура Манка* (Марья). Въ 1616 г. марта 28, *пятнадцатъ* человекъ портныхъ шили цѣлый день „государевымъ потѣшникамъ“ дураку Мосѣю однорядку въ покрояхъ, а дурѣ Манкѣ лѣтнякъ въ сорочкахъ ¹.

¹ Покроми, обрззки сукна по кромкѣ, изъ которыхъ, отъ суконъ разныхъ цвѣтовъ, и шили это дурацкое платье. *Сорочкою* назывался

Должно полагать, что эта одежда готовилась на спѣхъ, быть можетъ ко дню Свѣтлаго Воскресенья, которое въ томъ году приходилось 31 марта. Въ 1618 г. апр. 4, слѣд. также къ Свѣтлomu дню (5 апр.), государь пожаловалъ дураку Мосѣю однорядку суконную въ разныхъ цвѣтахъ, съ мишурнымъ кованымъ круживомъ, съ шелковыми завязками и образцами (родъ запонъ съ петлями); кафтанъ суконный изъ остатковъ разными цвѣты съ такими же образцами и кружевомъ и съ оловянными пуговицами; а дуркѣ Манкѣ дано государева жалованья шубка киндячная въ трехъ цвѣтахъ съ оловянными пуговицами. Въ 1622 г. марта 18, дуркѣ шита шапка изъ червчатой камки съ мишурнымъ круживомъ. Въ 1624 г. сент. 15 скроенъ лѣтникъ въ желтыхъ дорогахъ гиланскихъ съ бархательными вошвами и съ бобровою опушкою. Въ 1627 г. іюня 9 дуркѣ Манкѣ шить опашень въ два цвѣта, изъ червчатого и желтого сукна, съ мишурнымъ круживомъ и оловянными пуговицами и къ нему ожерелье накладное — медвѣдокъ молодой.

Въ 1620 г. въ товарищи къ дураку Мосягѣ прибылъ новый дуракъ Симонка, которому 12 іюля государь велѣлъ шить кафтанъ — терликъ. Затѣмъ въ 1624 г. прибыли еще два дурака, Исачка и Ивашка. Въ 1628 г. у государя является еще новый дуракъ Семейка. Въ 1634 г. упоминается дуракъ *Шамыра*, а въ 1636 г. появляется еще дуракъ Сергѣй. Шамыра быть можетъ только прозвище тогоже Сергѣя или одного изъ упомянутыхъ прежде.

Обыкновенный, можно сказать мундирный, нарядъ всѣхъ этихъ царскихъ дураковъ былъ слѣдующій: однорядка татарскаго покроя, изъ червленнаго (краснаго) сукна съ татарскими завязками, кафтанъ крашенинный лазаревый, опояска изъ покрови червленнаго или зеленаго сукна; шапка черкасская (малороссійская) суконная зеленая съ лисьимъ околомъ, или колпакъ валеный съ нашивкою; сапоги красные, телятинные, бѣлье — рубашка и порты холщевые. Такой нарядъ по большей части они получали къ Святой. Спали на войлокахъ, одѣвались бараньими (овчинными) одѣвальными шубами.

оберточный конецъ сукна, или его обертка изъ другой ткани, на которой бывали тканья и даже писанныя разцвѣченныя изображенія фабричныхъ знаковъ, буквъ, гербовъ и т. п. Изъ писаныхъ суконныхъ сорочекъ шить былъ лѣтникъ дуркѣ Манкѣ 27 марта 1619 года.

Иногда кому либо из дураков шилось и болѣе богатое платье въ другихъ цвѣтахъ. Такъ въ 1629 г. іюня 16 государь приказалъ шить дураку Ивашу однорядку — сукно аглицкое вишнево, кафтанъ — дороги глянскія жолты, на хлопчатой бумагѣ съ атласнымъ лазоревымъ золотнымъ ожерельемъ; еерези изъ лазореваго киндяку, шапку — сукно багрець съ соболью опушкою. Въ 1636 г. апр. 16, государь приказалъ шить тремъ дуракамъ Симону, Исаку, Сергѣю по однорядкѣ, одна брусничная, другая рудожелтан, третья серебряной цвѣтъ, съ круживами и завязками татарскими; кафтаны крашенинные, сапоги телятинные. По случаю какой либо особой потѣхи, въ которой должны были участвовать и дураки, имъ шилось и особое платье, изготовленіемъ котораго занимался уже главный потѣшникъ въ Потѣшной Палатѣ нѣмчинъ Иванъ Семеновъ. Въ 1634 г. дек. 11 для государевы потѣхи дуракамъ на платье было отпущено этому потѣшнику 10 арш. сукна аглицкаго червленнаго да 5 арш. зеленаго. Разные мелочные предметы ихъ наряда и вообще ихъ содержанія, большею частію покупались въ городскихъ рядахъ. Въ 1634 г. въ ноябрѣ дуракъ Шамыра женился; свадьбу играли въ селѣ Рубцовѣ—Повровскомъ и безсомнѣнія не безъ особыхъ потѣшныхъ затѣй. Мы знаемъ только, что ноября 2, въ Рубцово на дуракову Шамырину свадьбу послано изъ царицыной казны 6 полотенъ тройныхъ гладкихъ да 3 полотна тверскихъ, а ноября 6 ему съ невѣстою куплены въ серебряномъ ряду крестъ серебряной золоченый, да 2 перстня серебряныхъ, одинъ ручками, за все рубль; а въ селѣ Рубцовѣ куплено свѣчъ на свадьбу на 4 ал. 2 д.

Судя по одному извѣстію, дураки царя Михаила Фед. принадлежали къ разряду идіотовъ. Такъ въ 1632 году 25 марта, въ недѣлю двѣтную, по государеву именному приказу эти дураки были отведены въ монастыри, на-страстную недѣлю поститься: въ Богоявленскій монастырь, что у дворца (Троицкое подворье) -- дуракъ Мосейка; въ Аеонасьевскій монастырь, что у Фроловскихъ воротъ (Кирилловское подворье), дураки Исакъ да Симанко. Такая забота, вѣроятно, была бы излишнею въ отношеніи дурака-шута.

Въ хоромахъ царицы Евдокіи Лукьяновны жили для потѣхи дурки: Орья (Орютка, Оринка), Дунька-татарка, Дунька-нѣмка, Палагейка, которую въ 1640 г. привезъ изъ Пскова околицей Василій Ив. Стрешневъ; Манка (Марья) дѣвка и еще Манка

шутиха слѣпая баба. Эта послѣдняя была взята въ хоромы царицы въ 1632 г. у боярина кн. Ив. Борис. Черкаскаго. Въ томъ году апрѣл. 28 ей купленъ въ рядахъ слѣдующій нарядъ: шапка женская камчатная лазоревая съ пухомъ (околомъ); опашень вдовской черной суконный, тѣлогрѣя киндячная лазоревая на зайцахъ; сапоги женскіе барановые красные, всего на 5 руб. 24 ал. 2 д. Въ 1634 г. апр. 29 ей сдѣлана потѣшная шапка изъ червчатой да изъ желтой камки съ бобровымъ околомъ. Іюля 16 куплена ей шляпа валеная бѣлая. Въ 1636 г. марта 31, этой *шутихѣ*, жонкѣ Манѣ *слѣпой*, сдѣланъ сарафанъ крашенинный лазоревой, да *сукня* изъ червленаго сукна съ шелковою нашивкою и съ оловянными пуговицами. Октября 29 куплено ей на нарядъ 16 нитей бисеру бѣлаго, причемъ въ запискѣ она названа *дуркою*. Ноября 12 куплено еще 6 нитей бѣлаго бисеру и два листа мѣди *шумихи* на потѣшную куклу, на низанье. Наконецъ въ 1637 г. марта 10 эта баба слѣпая была отправлена въ подмосковное село Ильинское съ царицынымъ боярскимъ сыномъ, причемъ заплачено за провозъ 10 алт. Дурка Палагейка также оставалась не долго въ хоромехъ царицы. Постоянно потѣшали царицу только четыре дурки: Манка, Орька и двѣ Дуньки, татарка и нѣмка. Въ разное время, смотря по надобности, имъ изготовлялись различные предметы ихъ обыкновенной одежды изъ царицыной казны: тафьи, треухи, телогрѣи, сарафаны, сапоги барановые, телятинные, воловые, большею частію красные, иногда зеленые, такіе же башмаки и т. п.

У царевны Ирины была также дурка Катеринка (1643—1654 г.). Въ 1643 г. мая 12 ей куплена за 11 алт. женская *сорока* шитая золотомъ.

Къ числу придворныхъ дурокъ мы можемъ отнести и старицу Марѳу уродливую, которая жила въ Вознесенскомъ монастырѣ и также называлась иногда и дуркою. Вѣроятно она бывала часто и во дворцѣ. Покрайней мѣрѣ изъ дворца на равнѣ со всѣми другими подобными лицами, она получала свою одежду и все содержаніе. Въ запискахъ ея имя появляется съ 1624 г. Въ этомъ году, сент. 15, ей скроена шуба теплая изъ нѣмецкой черной тафты на бѣльемъ мѣху съ бобровою опушкою; въ 1629 г. апр. 4 ей сшита ряса изъ нѣмецкой таусинной камки; 1630 г. окт. 31 сдѣлана шуба крашенинная лазоревая на заячьемъ мѣху съ бобровою опушкою; въ 1631 г. мая 31 ей сдѣ-

ланъ сарафанъ крашенный лазоревый; іюля 18, наметка чернеческая; ноября 8 опять сарафанъ крашенный лазоревый; дек. 24 въ монатейномъ ряду кушенъ опостольникъ старицкой. Смотри по надобности подобныя предметы ея наряда въ разное время изготовлялись во дворцѣ или покупались въ городскихъ рядахъ. Въ 1640 г. генв. 19 старица Марѳа уродливая скончалась; на помпновеніе по ней царица роздала въ церкви, богадѣльни и нищимъ 100 р.

О шутахъ и дуракахъ, состоявшихъ при дворѣ царя Алексѣя Мих., наши свѣдѣнія очень скудны. Можно полагать, что дурачин потѣха при благочестивой царицѣ Марѣ Ильичнѣ если не были совсѣмъ оставлены, то стояли далеко на заднемъ планѣ. У государевой сестры царевны Ирины Мих. жила еще въ это время дурка Катеринка. У царицы Натальи Кирилловны встречаемъ въ 1674 г. двухъ дуръ дѣвокъ Аксинью и Авдотью, которымъ 24 іюня скроены двѣ тѣлогрѣи да лѣтникъ изъ выбойки на холстинной подкладкѣ, съ бобровою опушкою: у лѣтника вошвы камка китайская—эмѣи; выбойки и холстины пошло по 50 арш. При царѣ Фѳодорѣ Ал. въ 1679 г. дураки Петръ и Семенъ живутъ у верховыхъ богомольцовъ. Въ томъ же году въ декабрѣ взятъ былъ во дворецъ изъ Переяславля новый дуракъ, Фѳодоръ, который вѣроятно тоже помѣщенъ былъ у верховыхъ нищихъ. Въ 1682 г. упоминается дуракъ Тарасъ, которому генв. 8 сдѣланъ кафтанъ суконный на овчинѣ и прочее платье.

При Петрѣ, въ 1700 г., въ дворцовомъ штатѣ состояли два шута, Яковъ Тургеневъ и Филатъ Шанскій, получавшіе жалованья по 50 р. У императрицы Анны Ивановны было шесть шутовъ, два иностранца Коста и Педрило и четверо русскихъ, князь Голицынъ, князь Волконскій, Апраксинъ и Балакиревъ. „Способъ, какъ государыня забавлялась сими людьми, говоритъ Манштейнъ, былъ чрезвычайно страненъ. Иногда она приказывала имъ всѣмъ становиться къ стѣнѣ, кромѣ одного, который билъ ихъ по поджилкамъ и чрезъ то принуждалъ ихъ упасть на землю (Это было представленіе стариннаго праважа). Часто заставляли ихъ производить между собою драку и они таскали другъ друга за волосы и царапались даже до крови. Государыня и весь ея дворъ, утѣшаясь симъ зрѣлищемъ, помирали со смѣху“. Какъ памятенъ въ этихъ забавахъ еще древній, допетровскій вѣкъ русской жизни! И эти шуты, хотя и не глупые

люди, носятъ въ своей роли все тотъ же принадлежащій имъ по штату смыслъ дураковъ-идіотовъ. Манштейнъ рассказываетъ, что Педрилло собралъ 10 т. рублей посредствомъ слѣдующаго дурацкаго спектакля. Однажды Биронъ шута обозвалъ его, что онъ женатъ на козѣ. Шутъ воспользовался шуткою временщика, подтвердилъ ее и объявилъ, что какъ скоро его жена разрѣшится отъ бремени, то онъ осмѣливается просить императрицу со всѣмъ дворомъ въ гости въ нему на родину, въ надеждѣ, что высокіе гости по старому русскому обычаю не придутъ въ родильницѣ съ пустыми руками и будутъ власть что либо на зубокъ для новорожденнаго и онъ такимъ образомъ соберетъ денежную сумму, необходимую для воспитанія ребенка. Въ назначенный день кладутъ его на театрѣ въ постель съ козю. Занавѣсъ поднимается и спектакль начался тѣмъ, что первая же императрица поднесла ему родинный подарокъ и сама назначила сколько каждый изъ придворныхъ долженъ былъ дать шутовской родильницѣ. Такіе или подобные домашніе спектакли разыгрывались. безсомнѣнья, и въ допетровскомъ придворномъ быту. Свадьба дурака Шамыры при Михаилѣ Ѳед. необходимо происходила со всѣми порядками и обрядами, со всѣмъ свадебнымъ чиномъ, какой по старому. Домострою требовалось выполнить. Такимъ образомъ петровскія шутовскія свадьбы шутовъ Тургенева, Шанскаго и князь-напѣ, Зотова и Бутурлина, равно какъ и свадьба шута Голицына или, какъ его обыкновенно звали, князь Квасина, происходившая при Аннѣ Ивановнѣ въ Ледяномъ домѣ, не были изобрѣтеніемъ только петровскаго времени, а представляли обычное старинное шутовское увеселеніе, облекавшее въ смѣхъ свои же обычные старинные порядки и разныя чины жизни.

Вообще должно замѣтить, что шутовство, иронія, сатира, комическое или каррикатурное представленіе всего чиннаго, степеннаго и важнаго въ жизни, составляли въ нашемъ допетровскомъ обществѣ какъ бы особую стихію веселости. Но, разумѣется, этотъ старый допетровскій смѣхъ надъ жизнью не заключалъ въ себѣ никакой высшей дѣли и высшей идеи. Онъ являлся простымъ кощуннымъ смѣхомъ надъ тѣми или другими порядками и правилами быта, являлся простою игрою тогдашняго ума, воспитаннаго во всякомъ отрицаніи и потому вообще ума кощуннаго. Никакого чистаго идеала впереди у него не было: никакой борьбы во имя такого идеала онъ не проводилъ.

Это было на самомъ дѣлѣ наивное, бессознательное, или же отчасти лукавое глумленіе жизни, выражавшее лишь другую крайнюю сторону того же, глубокаго и широкаго ея отрицанія, на которомъ духовне она развивалась въ теченіи столѣтій. Вотъ почему кощунное шутовство такъ было любимо нашимъ старымъ обществомъ и представляло въ его удовольствіяхъ такую необходимую и совершенно неизбѣжную статью веселости. Когда многовѣковое отряданіе, на которомъ росла наша старая умственная и нравственная культура, выразилось подконецъ, въ силу неотразимыхъ законовъ жизненной послѣдовательности, беспощаднымъ и всестороннимъ петровскимъ отрицаніемъ самой этой культуры, когда впереди указаны были новые идеалы жизни, тогда и старый *дурацкій смѣхъ* тотчасъ же получалъ смыслъ, даже политическій, и сослужилъ преобразователю великую службу въ перестановкѣ на новую всей старой выработкой понятій и представленій общества. При Петрѣ въ глубинѣ этого смѣха уже лежали идеи преобразованія, идеи борьбы съ ветхими порядками. Сознательная мысль этого петровскаго смѣха вскорѣ переходитъ въ соотвѣтственной литературной формѣ, въ сатиру драматическую и дидактическую (интерлюдія, интермедія, сатиры Кантемира), т. е. обнаруживаетъ стремленіе возвести его на степень художественнаго созданія. Но за то во дворцѣ Анны Ивановны шутовской смѣхъ является запоздалымъ гостемъ XVII ст. и обнаруживаетъ только особенную живучесть старыхъ началъ и старыхъ порядковъ быта, всегда очень медленно принимающаго въ себя новыя идеи.

Само собою разумѣется, что народное слово, еслибъ пользовалось въ письменности тѣми же правами, какъ и книжное слово, должно было оставить намъ довольно значительную литературу по этому отдѣлу стариннаго шутовства и всякаго глумленія, т. е. вообще по отдѣлу вольнаго смѣха, не стѣсненнаго никакою предвзятою поучительною или моральною указкою, который отъ простой души смѣялся надъ умными дѣлами жизни, облекая ихъ въ шутовской дурацкій нарядъ. Богатство такой литературы условливалось особенною склонностью къ ироніи, къ шутовству всего нашего стараго общества. Нѣтъ сомнѣнія, что случайно уцѣлѣвшіе обрывки этой литературы представляютъ весьма малую долю того, что устно, частію письменно и даже печатно ходило въ народѣ.

Изъ числа сохранившихся памятниковъ, мы можемъ отдѣлить цѣлый особый ихъ разрядъ, который будетъ свидѣтельствовать объ особенной наклонности допетровскаго общества къ шутливымъ рѣчамъ и къ шутливымъ изображеніямъ разныхъ положеній старой жизни. Къ этому разряду мы отнесли бы все лубочныя картинки съ шутовскими рѣчами и шутовскими изображеніями. Онѣ очень знаменательны въ томъ смыслѣ, что въ нихъ народная письменность сама собою добралась до печатнаго слова и могла бы заявить себя множествомъ своеобразныхъ произведеній, еслибъ и на этомъ пути не встрѣтилась съ запрещеніями и гоненіями, которыя ее преслѣдовали, начиная отъ патріарха Іоакима, запретившаго продавать листы съ иконными изображеніями, и окончивая нашими днями, когда въ Москвѣ были уничтожены ея послѣднія печатныя доски по распоряженію гражданской власти. Между тѣмъ въ половинѣ XVII ст., по свидѣтельству Кильбургера, лубочныя картины или *листы деревянной печати* печатались свободно и въ большомъ количествѣ, и въ Москвѣ, и въ Кіевѣ. Извѣстно, что такими картинками украшались стѣны и въ дворцовыхъ покояхъ и въ хоромахъ у частныхъ людей. Продавались онѣ въ Москвѣ въ первой половинѣ XVII ст. въ Овощномъ ряду, а въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII ст. на Спасскомъ мосту, у Спасскихъ кремлевскихъ воротъ, слѣд. на самомъ бойкомъ мѣстѣ по многоядству, по цѣнѣ всѣмъ доступной, по деньгѣ, по копейкѣ и по 2 копейки.

Эти листы сдѣлались теперь величайшею рѣдкостью ¹. Принадлежащіе имъ тексты нерѣдко заключаютъ въ себѣ именно тотъ духъ наивнаго и беззащитнаго шутовства, не всегда удобнаго для печати, которымъ долженъ былъ отличаться народный невоспитанный смѣхъ въ старое время. Онѣ въ выборѣ предметовъ для своихъ изображеній, мало стѣснялся какими либо рамками позволеннаго или приличнаго и подвергалъ глу-

¹ Они описаны покойнымъ И. М. Снегиревымъ, но безъ приведенія всѣхъ подлинныхъ текстовъ. Намъ извѣстно, что самое полное и обстоятельное описаніе такихъ листовъ съ полными текстами давно уже составлено Д. А. Ровинскимъ въ его Исторіи русской гравюры, которая, къ великому сожалѣнію, до сихъ поръ остается въ рукописи. Нѣкоторые списки лубочныхъ текстовъ и вообще старинныя шутовскія статьи были наданы особо книжкою съ заглавіемъ: Старичокъ Вельчакъ, рассказывающій давнія Московскія были.

мленію всякій предметъ, доставлявшій необходимую пищу его остроумію. Таковы, напр. его глумотворныя статьи: Списание съ челобитной Калызина монастыря, хожденіе Савы Большой Славы, съ смѣшнымъ икосомъ; Повѣсть, а также и Сказаніе о куръ и лисицъ и т. п.

Необходимую формою для шутовской или сатирической литературы служила всегда *вирша* или рѣма, такъ что шутить, острить значило между прочимъ и то, чтобы подбирать въ своей рѣчи пригожіи складъ или пригожую рѣму. Древнѣйшимъ нашимъ стихотворцемъ и сатирикомъ мы по всей справедливости должны признавать князя Ивана Хворостинина, который въ началѣ XVII ст. прославился своимъ еретичествомъ, а быть можетъ главнымъ образомъ своими „многими укоризнами и хульными словами въ письмахъ про всякихъ людей Московскаго государства“, тѣмъ особенно, „что гордостью и безмѣрствомъ своимъ въ разумъ себѣ въ версту не поставилъ никого и тѣмъ своимъ бездѣльнымъ мнѣніемъ и гордостью всѣхъ людей московскаго государства и *родителей* своихъ, отъ кого онъ родился, обезчестилъ и положилъ на всѣхъ людей московскаго государства хулу и неразумье“. Онъ говорилъ въ разговорахъ, что будто на Москвѣ людей нѣтъ, все людъ глупой и жити ему не съ гѣмъ и хотѣлъ, чтобъ государь отпустилъ его въ Римъ или въ Литву.... а въ *книжкахъ своего слова* писалъ про всякихъ людей московскаго государства многія укоризны, что будто московскій народъ кланяются святымъ иконамъ по подписи, хотя и не прямой образъ; а которой образъ написанъ хотя и прямо, а не подписанъ и тѣмъ не кланяются; да московскіежъ люди *сѣютъ землю рожью, а живутъ будто все ложью* и приобщенія ему нѣтъ съ ними никотораго; и составлялъ иныя многія укоризненныя слова, *писаны на виршь*: и то знатно, что такіе слова говорилъ и писалъ гордостью и безмѣрствомъ своимъ.... У него же въ письмѣ было сыскано: написано государеву (царя Михаила Фед.) именованье не по достоинству — *деспотомъ русскимъ, а деспота* слово греческою рѣчью владыка или владѣтель, а не царь и самодержецъ; а онъ, князь Иванъ, не иноземецъ, и такъ было про государское именованье писать не пристойно, т. е. умалять государевъ титулъ и государеву достоинство, сводить его съ недосыгаемой высоты самодержца къ простому деспоту, къ простому владѣтелю.

Вся эта исторія съ княземъ Хворостининимъ представляетъ самую характерную и типическую черту нашей старины, имен-

но въ отношеніи ея понятій о независимомъ литературномъ призваніи кого либо изъ ея современниковъ. Еслибъ Хворостининъ находился въ званіи дурака-шута, старина простила бы ему его литературные грѣхи. За дерзкое слово онъ вытерпѣлъ бы нѣсколько батоговъ, его поучили бы тоже какимъ либо потѣшнымъ, хотя и жестокимъ способомъ, и тѣмъ бы все окончилось. Но князь не былъ шуткомъ, поэтому его сатирическія многія укоризны тогдашнему московскому обществу иначе и не могли быть поняты, какъ измѣнными ругательными поношеніями честныхъ людей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что князь лично никого не упоминалъ, а писалъ вообще, какъ истинный сатирикъ: въ противномъ случаѣ онъ пострадалъ бы и по суду за чье либо безчестіе. Таково было положеніе литератора въ нашемъ древнемъ обществѣ, т. е. положеніе всякаго самостоятельнаго званія или самостоятельной и независимой мысли. Сатирика, а къ таму же еретика, который поколебался мыслию и сомнѣвался въ воскресеніи мертвыхъ, сослали подъ началъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, съ крѣпкимъ наказомъ, чтобъ, кромѣ церковныхъ, безъ которыхъ быть нельзя, иныхъ бы книгъ никакихъ у него не было, для того, что *„высокоуміемъ вознесся и высокословія возжелавъ, да не впадетъ въ берегъ погибели, какъ и другіе самомнителіи, о истинѣ погрѣшившіе и самомыніемъ погибшіе“*¹.

Какъ бы нибыло, но для насъ въ настоящемъ случаѣ любопытно то, что писаное слово на виршь или рямованное слово было употребительно еще въ первые годы XVII ст. Оно-то, по нашему мнѣнію, и составляло главнѣйшую стихію стариннаго шутовства, и пользовалось наиболѣе широкими правами гражданства лишь въ устахъ шутовъ дураковъ, въ устахъ потѣшниковъ, какъ въ царскомъ дворцѣ, такъ и въ боярскихъ хоромахъ. Въ обыкновенномъ быту, т. е. въ устахъ рядоваго человека, не штатнаго потѣшника, смѣхотворныя шутовскія рѣчи иной разъ приводили къ суду и, разумѣется, даромъ съ рукъ не сходили, доставляя хорошія выгоды сутяжникамъ и всякой приказной строгѣ. Такъ въ 1733 г. въ Духовную Дикастерію была подана на Высочайшее имя слѣдующая жалоба служителемъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капитана поручика Сергѣя Автам. Головина Алексѣемъ Граниковскимъ. „Сего іюня

--

¹ А. А. Э. III, 212. С. Г. Г. III, 331.

17 дня настоящаго 733 года, писалъ этотъ служитель, случился бытъ у меня нижайшаго въ домъ Чюсти, и безъ призыву моего пришелъ ко мнѣ въ домъ мой, церкви Николая чудотворца, что на Хлыновѣ, викарій попъ Василей и принесъ съ собою некакую *проказу*, росписъ смѣхотворную, якобы кому надлежитъ къ женитбѣ, у которой онъ попъ своею рукою и подписался, я тѣмъ при гостяхъ учинилъ мнѣ нижайшему не малой вѣроу и безчестье, понеже оные гости вѣдѣли меня нижайшаго въ непостоянство; а я нижайшій о той росписи и не свѣдомъ, и гдѣ онъ попъ тое росписъ взялъ и кто писалъ, не знаю, только узналъ подъ тою росписью рука его попава, отчего я весьма опасенъ; а оное неточію бѣ попу, но и мірянину того дѣлать не пристойно; а онъ попъ чинитъ въ томъ соблазнъ не малой, а мнѣ нижайшему нанесъ безчестье, а для подлиннаго безсомнительнаго разспительства со онаго смѣхотворнаго якобы приданаго реэстра, которое за рукою его поповою, при семъ приобщью точную копію. Всемилостивѣйшая Государыня Императрица! прошу Вашего Императорскаго Величества да повелитъ державство Ваше сіе мое прошеніе съ приобщеніемъ съ смѣхотворнаго реэстра копію, принявъ, записать, а онаго поца, сыскавъ, въ томъ реэстрѣ и въ безчестьи меня нижайшаго, допроситъ и по проаведеніи дѣла по слѣдъ Вашего Императорскаго Величества указовъ и правилъ Святыхъ Отецъ учинить ему попу, чему онъ будетъ достоинъ, а за безчестье мое по Уложенію на немъ взыскавъ, отдать мнѣ нижайшему, дабы впредь оной попъ, ходя по домамъ, такихъ проказъ и незаконныхъ поступокъ чинить пересталъ“.

„Росписъ о приданомъ: вначалѣ восемь дворовъ крестьянскихъ, промежъ Лебедини, на Старой Рязани, недоѣзжая Казани, гдѣ пьяныхъ вязали, межъ неба и земли, поверхъ лѣсу и воды; да 8 дворовъ бобыльскихъ, въ нихъ полтора человекъ съ четвертью, 3 человекъ дѣловыхъ людей, 4 человекъ въ бѣгахъ да 2 человекъ въ бѣдахъ, одинъ въ тюрьмѣ, а другой въ водѣ; да въ тѣхъ же дворехъ стоитъ горница о трехъ углахъ, надъ жилимъ подлѣтомъ.... третій московской дворъ загородной на Воронцовскомъ полѣ, позади Тверской дороги. Во оноиъ дворѣ хороннаго строенія: два столба вбиты въ землю, третьимъ покрыто.... — Да съ тѣхъ же дворовъ сходитца на всякой годъ насыпнаго хлѣба восемь анбаровъ безъ заднихъ стѣнъ; въ оноиъ анбарѣ 10 окороковъ капусты, 8 полтей тараканьихъ да

8 стяговъ комарьихъ, 4 пуда каменнаго масла. Да въ тѣхъ же дворехъ сдѣлано: конюшня, въ ней 4 журавля стоялыхъ, одинъ конь гнѣдъ, а шерсти на немъ нѣтъ, передомъ сѣчетъ, а задомъ волочетъ: да 2 кошки дойныхъ, 8 ульевъ недѣланныхъ пчель, а кто меду изопьетъ.... 2 ворона гончихъ, 8 сафьяновъ турецкихъ; 2 пустоши поверхъ лѣсу и воды. Да съ тѣхъ же дворовъ сходитя на всякой годъ всякаго запасу по 40 шестовъ собачьихъ хвостовъ, да по 40 кадушекъ соленыхъ лягушекъ, киса штей, да заходъ сукарей да дубовой чекмень рубцовъ, да маленькая поточка молочка да овинъ киселя; а какъ хозяинъ станеть ѣсть, такъ не зачѣмъ сѣсть, жена въ столъ, а мужъ подь столъ; жена не ѣла, а мужъ не обѣдалъ“.

„Да о приданомъ платьѣ: шуба соболя, а другая сомовья, крыто сосновою корою, кора снимана въ межень, въ Филипповъ постъ, подыма хвостъ. Три опашня сукна мимозеленаго, драно по три напаста локоть; да однорядка не тѣмъ цвѣтомъ, калита вязовыхъ лыкъ, драно на Брынскомъ лѣсу, въ шестомъ часу; крашенинные сапоги, ежевая шапка.... 400 зеренъ зеленаго жемчугу, да ожерелье пристяжное въ три молота стегано, серпуховскаго дѣла; 7 кокошниковъ шитые заяузнымъ золотомъ.... 8 перстней желѣзныхъ золоченые укладомъ, каменьа въ нихъ лалы, на Неглинной брамы; тѣлогрѣя мимовамчатая, круживо берестеное, 300 искръ изъ Москвы рѣки браны.... И всего приданаго будетъ на 300 пусто, на 500 ни кола. А у записи сидѣли с. Еремей да женихъ Тимофей, котъ да кошка да п. Тимошка, да сторожъ Филимошка. А записъ писали въ сѣрую субботу, въ рябой четвертокъ, въ соловую пятницу; тому честь и слава, а попу каравай сала, да обратина пива, прочитальщику чарка вина, а слушальщикамъ бадья меду да 100 рублей въ мощну; а вторые добрые люди, сидя при бесѣдѣ и вышеписанной росписи не слушали тѣмъ всѣмъ по головнѣ....“

Не смотря на то, что дѣло относится къ третьему десятилѣттю XVIII вѣка, эта роспись носить на себѣ всѣ признаки XVII ст., когда, вѣроятно, она и была составлена, а въ это время ходила уже въ спискахъ. Мы приводимъ ее какъ болѣе или менѣе подходящую характеристику шутовскихъ смѣхотворныхъ рѣчей, какими шуты-дураки потѣшали нѣкогда своихъ слушателей. Мы видѣли, что шутовскія статьи являлись на письмѣ и въ XVII ст.; но всѣ подобныя памятники, не имѣя дѣловаго канцелярскаго значенія, быстро исчезали съ самою жизнію ста-

раго общества и только немногіе изъ нихъ попали въ общій литературный оборотъ, переходя въ какіе либо сборники или въ разрядъ листовъ деревянной печати. Не говоримъ о литературѣ скомороховъ, которая по особенному свойству своихъ произведеній должна была исчезать постоянно вмѣстѣ съ живымъ словомъ этихъ потѣшняковъ. Случайно записанныя, эти промазденія уже въ романтическое время нашего вѣка, даже въ рукахъ ученыхъ издателей, тоже были отвергнуты за „пренебреженіе умѣренностью и правилами благопристойности, а также и за насмѣшливый тонъ“; какъ былъ отвергнутъ ими и знаменитый стихъ о голубиной книгѣ, неприличный будто бы по смѣшенію духовныхъ вещей съ простонароднымъ разсказомъ ¹.

Одною изъ любимыхъ русскихъ комнатныхъ утѣхъ въ долгіе осенніе и зимніе вечера и особенно для грядущихъ ко сну была сказка и по всему вѣроятію не въ специальномъ ея значеніи, какое опредѣлила ей наука, а вообще въ значеніи всякой повѣсти, какъ небылицы, такъ и дѣйствительной были, оставленной только поэтическими образами и сказываемой поэтическимъ словомъ. Предки очень любили поминать прошлыя событія, и берегли „память“ о дѣлахъ минувшихъ. Лучшимъ доказательствомъ и лучшимъ выраженіемъ ихъ любви и уваженія къ памяти о прошломъ служатъ лѣтописи, разумѣется первоначальныя, когда народныя литературныя начала не были еще стѣснены односторонними книжными вліяніями. Съ какою заботливостью первые лѣтописцы стараются изобразить не свои личныя фантазіи и умствованія, а самое *дѣло жизни*; съ какою правдою стараются они описать событіе, становясь всегда въ сторону отъ своихъ личныхъ стремленій или тутъ же ихъ и объясняя, какъ такое же дѣло жизни, достойное памяти потомства, съ цѣлію возстановить одну правду. Все это обнаруживаетъ здоровое и полное силъ литературное направленіе. Любовь и особое вниманіе къ памяти о минувшихъ дѣлахъ и людяхъ проходятъ черезъ всю нашу исторію и впоследствии получаютъ только иное направленіе, когда память о дѣлахъ люд-

¹ К. Калайдовичъ, въ предисловіи къ Древнимъ Россійскимъ стихотвореніямъ, М. 1818.

сихъ смѣняется памятью о дѣлахъ Божьихъ, сказаніями о чудотвореніяхъ, о богоугодныхъ людяхъ, о подвижникахъ жизни иноческой. Письменная литература отдается по преимуществу этому направленію; но за-то словесная устная остается вѣрно своему первоначальному призванію и очень долго, даже до нашихъ дней, безъ средства письма, сохраняетъ въ памяти народа, конечно уже не историческую, лѣтописную, а только поэтическую правду о людяхъ и событіяхъ. Она лучше помнитъ народныхъ героевъ и вѣрнѣе изображаетъ истину ихъ жизни, чѣмъ литература письменная, впоследствии совсѣмъ утратившая въ своихъ изображеніяхъ жизненное чутье, если можно такъ выразиться. На томъ основаніи, что устное слово столь долго и при великомъ множествѣ самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, умѣло сберечь память о герояхъ народной исторіи, каковы бы ни были ихъ дѣла, мы имѣемъ полное и во всѣхъ отношеніяхъ основательное право заключать, что въ то время, когда обстоятельства не были еще столько неблагоприятны, устное слово работало во всей силѣ и представляло, не смотря на гоненія со стороны писанаго слова, живую область народнаго творчества, гдѣ русскій человѣкъ всегда находилъ истинное удовлетвореніе эстетическимъ потребностямъ своей мысли и чувства. Очень естественно, поэтому, что сказочникъ, *бахарь*, какъ и *домрачей* и *гусельникъ* — гуслиарь, смѣнившіе древнихъ пѣвцовъ и баяновъ, сдѣлались, какъ теперь книга, домашнею необходимостью, безъ которой не полна была бы жизнь всякаго, кому не чужды были человѣческія удовольствія. Ихъ могло вытѣснить, какъ и въ дѣйствительности вытѣснило, только писанное, т. е. печатное слово, и то тогда только, когда съ половины XVIII ст. и оно поставило себѣ цѣлью творчество художественное. У старозавѣтныхъ людей и въ началѣ нашего столѣтія бахарь-сказочникъ бывалъ еще необходимымъ членомъ домашняго препровожденія времени. Такимъ образомъ стараго бахаря, домрачей и гусельника мы должны разсматривать, какъ представителей художественной литературы, свойственной потребностямъ и вкусамъ вѣка. Это были поэты, если и не творцы, за то хранители народнаго поэтическаго творчества. Но не можемъ сказать, что они не были и творцами, ибо есть положительныя свидѣтельства, что народная мысль не только свято хранила поэтическую память о минувшемъ, но съ живостію воспринимала и поэтическіе образы современныхъ событій. Въ этомъ

отношеніи для насъ неоцѣнныя пѣсни, записанныя у одного англичанина въ 1619 г. Онѣ воспѣваютъ событіе, только что совершившееся въ томъ году, пріѣздъ въ Москву изъ плѣна государева отца Филарета Никитича; онѣ поютъ смерть недавняго народнаго героя Скопина Шуйскаго (1610 г.); онѣ поютъ участь царевны Ксеніи Годуновой, участь вполне достойную поэтической памяти; онѣ поютъ *весмовую* службу и набѣгъ крымскаго царя, для береженья отъ котораго назначались служба и въ этомъ 1619 г. марта 12. Имѣя въ виду эти пѣсни и случайность ихъ записи, мы можемъ основательно полагать, что это только незначительныя крохи того, чѣмъ обладало наше старинное пѣснотворство; что не было событія и жизненнаго народнаго дѣла, которое небыло бы пропѣто, прожито не одною матеріальною нуждою, но и поэтическимъ чувствомъ; что поэтическое народное чувство было очень впечатлительно и отзывалось на всякій звукъ жизни, и что, слѣд., въ настоящее время, собранныя нами старинныя пѣсни представляютъ весьма незначительную часть того богатаго наслѣдства, каковое имѣлъ народъ скоплялъ намъ въ теченіи вѣковъ въ своемъ пѣсенномъ творчествѣ. Онѣ до сихъ поръ въ устахъ сохранили напр. пѣсенную память о томъ, какъ „царь сослалъ цариду въ монастырь“. Эта пѣсня по всему вѣроятію слѣдѣтъ про царицу Евдокію Лопухинныхъ, супругу Петра; но по содержанію, или лучше сказать по поэтическому образу царицыной участи она можетъ быть отнесена и къ Соломоніи Сабуровыхъ, т. е. почти за 200 лѣтъ раньше Петровскаго времени. Народъ пропѣлъ и сохранилъ въ устахъ и горькую участь молодой царицы — вдовы, безсომнѣнія Марѣи Матвѣевны Апраксиныхъ, едва успѣвшей вступить въ бракъ и оставшейся послѣ царя Федора сиротою въ 15 лѣтнемъ возрастѣ¹.

Стало быть народъ никогда не былъ безучастнымъ свидѣтелемъ событій своей исторіи и не только событій государственныхъ, общенародныхъ, но и государевыхъ, домашнихъ. Именно эти пѣсни о царевнѣ Ксеніи и о царицахъ, равно какъ и о домашнихъ отношеніяхъ Грознаго, лучше всего и подтверждаютъ ту истину, что народное поэтическое творчество вовсе не было такъ бѣдно, какъ оно представляется теперешнему наблюдателю. Мы должны много сожалѣть о вліяніи той аскетской мысли, по

¹ Биръевскій, вып. VI, 202, 207.

которой мірская пѣсня получила значеніе грѣха и благочестивое книжное перо не осмѣливалось начертить ее на бумагѣ и передать писанную на память потомству; по которой на томъ же основаніи во имя святости и подъ покровомъ словъ писанія, взаимныя народныхъ пѣсень, распространялись самыя темныя апокрифическія басни, содержавшія въ себѣ дѣйствительныя ереси, и пригомъ, по происхожденію, совсѣмъ намъ чужія. Записать на бумагу пѣсню еще возможно было въ концѣ XII вѣка, какъ это сдѣлалъ творецъ Слова о Полку Игоревомъ, но и онъ уже, или его позднѣйшій переписчикъ не посмѣлъ назвать этотъ рассказъ прямымъ именемъ — пѣснію; онъ озаглавилъ его *словомъ*, т. е. придалъ ему значеніе обычной въ то время книжно-литературной формы — т. е. слова книжноучительнаго, или книжно-повѣствовательнаго. Въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ писать на бумагѣ пѣсни, значило кощунствовать, развратничать, прямо обречать свою душу адской безднѣ, а свое земное существованіе вести по меньшей мѣрѣ подъ батоги, а за тѣмъ *подъ началъ*, т. е. къ монастырскому строгому и суровому исправленію: сидѣть на цѣпи, работать всякую трудную монастырскую работу и непрестанно замаливать свой неразумный грѣхъ. Страшно было совершить такое преступленіе особенно потому, что одному грѣху обыкновенно всегда приписывали и всякіе другіе грѣхи, ему сродственные и свойственные. Точно также, какъ человѣкъ не былъ мыслимъ безъ своего рода и всегда и терялъ и пріобрѣталъ, возвышался и подвергался опалѣ и гоненію за одно съ своимъ родомъ; такъ и грѣхъ писанія, какъ грѣхъ мысли, коль скоро выходилъ изъ круга понятій книжности, тотчасъ подвергался осужденію и гоненію за одно со всѣмъ своимъ родомъ своевольной или независимой и самостоятельной мысли. Поэтому записанныя пустошныя рѣчи и пѣсни равнялись еретичеству, невѣрію, и грамотныя тетради не церковнаго да и не дѣловаго содержанія были непременно заподозрѣваемы, какъ тетради еретическія, богопротивныя, кощунныя; а былины съ ихъ мнѣйскими образами прямо бы осуждены были на сожженіе. Книжное слово зорко и неустанно берегло свою чистоту и тотчасъ изгоняло изъ своей сферы не только памятники явно богомерзскіе, но и простую живую народную рѣчь, которая всегда способна была высокую книжную фразу низвести въ грязь просторѣчія, или отверженнаго шутовства. Вообще старая книжность была на-

шимъ строгимъ и суровымъ дидакаломъ, строгимъ и суровымъ классицизмомъ, который презиралъ и почиталъ подлымъ, низменнымъ и низкимъ все романтическое, т. е. народное, и постоянно стремился изгнать изъ своей сферы не только духъ этого романтизма, но и самыя его формы. Вотъ почему никакой Котошихинъ и не осмѣливался записать старыя наши былины, повѣсти и пѣсни, и никакой бояринъ, а тѣмъ больше самъ государь не могъ и подумать о томъ, чтобы собрать въ книгу народныя пѣснопѣвья. Вотъ почему и Слово о Полку Игоревомъ не могло распространиться въ достаточномъ количествѣ списковъ, хотя книжность знала о его существованіи и тайкомъ воспользовалась имъ, сочинивъ по его образцу и его же рѣчами одно изъ своихъ повѣствованій о Донской битвѣ. Должно замѣтить, что отвергая народное слово, книжность, гдѣ было ей нужно, всетаки пользовалась пѣснями, какъ необходимымъ матеріаломъ. Она нерѣдко по нимъ составляла свои лѣтописныя статьи, свои историческія повѣсти и сказанья въ родѣ повѣданія о Мамаевомъ Полюшѣ; она вносила пѣсни въ хронографы (напр. пѣсню о Скопинѣ), она по всему вѣроятію по такимъ же пѣснямъ въ XVI—XVII ст. составляла свои сказанья о зачатіи Москвы-города и т. п. Но пользуясь поэтическимъ матеріаломъ отъ нашихъ древнихъ баяновъ, отъ старинныхъ бахарей, домрачеевъ и гусельниковъ, она только искажала ихъ пѣсни, стирала живые ихъ образы, всегда усердно передѣлывала ихъ народную складную рѣчь на свое книжное сухое и чопорное слово. Подражая народному поэтическому слову, книжность иной разъ доводила свою фантазію до образовъ неимоверно грубыхъ и чудовищныхъ. Таковы, напр., ея подражанія народнымъ загадкамъ, эти „богословскіе вопросы и отвѣты“, гдѣ, по образцу игривой двусмысленности загадокъ народного слова, облакались въ диническія загадки священные предметы, напр.: Что есть четыре орлы едино яйцо снесли... Что есть волъ корову роди... Кто есть внукъ, рѣче бабъ... Что есть отрокъ, рѣче: дѣвица, дѣвица... и т. п. Словомъ сказать, пригнетеніе народной поэзіи, ея отверженіе отъ писанаго слова, низвело и самую книжность до пошлыхъ и циническихъ литературныхъ приемовъ, въ которыхъ обнаруживалось только всеобщее помраченіе ума и всеобщее огрубленіе и огрязненіе чувства. Между тѣмъ для народной поэзіи, чтобы вывести ее изъ предѣловъ первобытной непосредственности, и именно изъ предѣловъ всего грубаго, циническаго,

сальнаго и грязнаго, для народной поэзіи въ этомъ ея положеніи только и недоставало свободной письменности. Только свободная письменность могла очистить, возвысить, облагородить народное словесное творчество, поднять его изъ грубой матеріальной среды на высоту созданій идеальныхъ, художественныхъ въ полномъ смыслѣ. Писаное слово есть зеркало, въ которомъ народное сознание успѣло бы повѣрить себя, высмотрѣть свои безобразныя формы, еслибъ такія и накопились въ немъ; успѣло бы произнести надъ ними достойное осужденіе и выйти на чистый возвышенный путь. Устное слово этого сдѣлать не могло уже по той причинѣ, что оно все таки жило въ загоиъ и въ презрѣніи, какъ орудіе отверженной потѣхи, а главное потому, что было неумовимо для сознательной повѣрки и его грѣхи или цинической развратъ всегда терли общій смыслъ и оставались грѣхами и развратомъ самаго связателя или пѣвца, той личности, которая являлась выразителемъ этого слова. Для сознательной повѣрки или критики, для силы очищенія отъ грѣховъ цинизма и разврата въ рукахъ народа не было точки опоры, для всѣхъ общей точки, какую способна была представить только свободная письменность.

Какъ бы ни было, но многое насъ убѣждаетъ, что въ эпоху о которой ведемъ рѣчь, народная поэзія жила еще довольно полною жизнію и устное поэтическое слово постоянно оглашало и дворцовыя палаты, и хоромы боярѣ, и народныя празднества и игрища, что пѣвцы и сказатели были людьми необходимыми въ тогдашней и общественной и домашней жизни. Извѣстно, что царь Иванъ Васильевичъ не могъ даже и засыпать безъ бахарей. Нѣмцы, описывая его монашескую жизнь въ Александровой Слободѣ, говорятъ между прочимъ, что послѣ вечерняго богослуженія, царь уходилъ въ свою спальню, гдѣ его дожидались трое слѣпыхъ старцевъ; когда онъ ложился въ постель одинъ изъ старцевъ начиналъ говорить сказки и небылицы и когда уставалъ, то его смѣнялъ другой, и т. д. Царь отъ того скорѣе и ярѣче засыпалъ. Мы полагаемъ, что это была общая привычка старинныхъ русскихъ людей и царь Иванъ Васильевичъ является въ этомъ отношеніи только сыномъ своего вѣка. Онъ точно также любилъ и *веселья*, т. е. скомороховъ, любилъ медвѣжью травлю и тому подобныя удовольствія, которыя хотя и были гонимы, но тѣмъ не менѣе представляли обычный репертуаръ царскаго и народнаго уве-

Съ бахарами рядомъ по своему занятію стояли въ Потѣшной Палатѣ домрачей. Мы видѣли, что бахарь Богданъ Путята отиѣченъ также и домрачеемъ. По всему вѣроятію занятія бахаря и домрачей очень часто соединялись въ одномъ лицѣ, ибо бахарь былъ повѣствователь, сказочникъ, а домрачей меннезингеръ, пѣсельникъ, воспѣвавшій дѣянья прежнихъ людей, т. е. былины и старины про богатырей, и вмѣстѣ съ тѣмъ и духовные стихи. Домрачеемъ онъ назывался по имени музыкальнаго инструмента, на которомъ подыгрывалъ свой пѣсенный ладъ, и который у славянъ западной Европы употребляется и теперь съ именемъ *момры*; это была *домра*, струнный инструментъ, на которомъ играли пальцами, какъ на гитарѣ. Очень вѣроятно, что это имя мандоры, образовавшееся отъ перестановки звуковъ, къ которой такъ расположенъ русскій языкъ, особенно въ отношеніи словъ иностранныхъ, какъ напр. и изъ другаго слова: маскара, образовалось наше скоморохъ или скомрахъ.

Послѣ домрачей Путяты, когда государь въ 1626 г. женился, на свадьбѣ его тѣшили домрачей Андрюшка Федоровъ да Васька Степановъ. Затѣмъ въ Потѣшной Палатѣ являются уже домрачей *слыые*. Такъ было необходимо, если эти потѣшники должны были увеселять и молодую царицу, не только въ Потѣшной Палатѣ, но, какъ вѣроятно, и въ ея хоромахъ. Что дѣйствительно они главнымъ образомъ воспѣвали свои пѣсни на царицыной половинѣ, на это указываютъ награды имъ отъ лица государыни и довольно частая выдача имъ изъ царицыной казны денегъ на домерныя струны. Такъ 9 іюня 1632 г. царица Евдокія Лукьян. жалуетъ рубль потѣшнику домрачею Гаврилку слѣпому, а *слынымъ ирещамъ* домрачеемъ Якову (онъ же Янка, Якушъ, Якунка, 1635—1643 г.) Лукьяну Никиѳорову (онъ же Лука, Лукашъ, 1635—1639 г.), Науму и Петру приказываетъ въ разное время выдавать по гривнѣ и по двѣ гривны на домерныя струны. Государь неоднократно жаловалъ ихъ платьемъ. Напр. въ 1635 г. мая 31 Науму Слѣпому сдѣлано: однорядка, ферези, кафтанъ, шапка и сапоги, всего на 7 р. 30 к. Августа 29 такое же платье сшито Слѣпымъ Якову и Петру.

Такими же пѣвцами народныхъ пѣсенъ были *гусельники*. Но неизвѣстно, находились ли они при дворцѣ постоянно, подобно домрачеемъ, или только призывались временно, какъ напр. въ 1626 г. по случаю царской свадьбы тѣшили царя гусельники:

селенія, до самыхъ дней реформы, а у народа отчасти и до нашихъ дней (медвѣжья травля). Царь Иванъ Васильевичъ собиралъ веселыхъ п медвѣдей по всей землѣ. Въ 1571 г. съ этою цѣлью прѣвѣжалъ въ Новгородъ нѣкій Субота Осетръ, вѣрно царскій потѣшникъ, и въ Новгородѣ и по всѣмъ городамъ и волостямъ новгородской области бралъ на государя веселыхъ людей да и медвѣди описывалъ на государя, у кого скажутъ. Субота занимался этимъ дѣломъ все лѣто съ весны, и 21 сентября поѣхалъ на подводахъ къ Москвѣ съ собранными скоморохами, и медвѣдей повезли съ собою на подводахъ къ Москвѣ. — Можно полагать, что и въ другихъ областяхъ бывали подобныя же сборы скомороховъ, въ числѣ которыхъ пѣвцы - гуслиры непремѣнно занимали самое видное мѣсто. Остается не одинъ разъ сожалѣть, что царскіе архивы погорѣли и мы вообще не имѣемъ достаточныхъ подробностей объ этой, какъ и о многихъ другихъ статьяхъ тогдашняго быта. Встрѣчается извѣстіе, что у царя Василья Шуйскаго былъ бахарь Иванъ.

У царя Михаила мы находимъ тѣже старыя русскія комматныя утѣхи. Его увеселяютъ бахары, домрачел, гусельники. Въ первые года ему *баютъ басни* бахары Климъ Орефинъ, Петръ Сапоговъ, Богданъ Путята или Путятинъ. Царь каждый годъ жалуетъ имъ платье; такъ 9 февр. 1614 года *государевъ бахарь* Климъ Орефинъ получилъ 4 арш. сукна англійскаго зеленого, кафтанъ зеңденинный темнозеленый, однорядку суконную вишневою. Въ томъ же году мая 7 выдано государева жалованья другому *государеву бахарю*, Петрушкѣ Тарасьеву Сапогову 4 арш. сукна англійскаго вишневаго, кафтанъ-зеңденъ лазорева, сапоги телятинные, причемъ и Климъ Орефинъ, названный Орефьевымъ тоже получилъ телятинные сапоги. Въ 1617 г. мая 6 тремъ бахарямъ Петрушкѣ, Богдашку и Климашкѣ пожаловано по 4 арш. сукна настраѣлю лазореваго, да по 5 арш. сукна лятчины червчатой. Въ 1618 г. апрѣля 15 государь пожаловалъ *домрачел* Богдана Путятина да бахарей Петра Сапогова и Клима Орефьева по 4 арш. сукна лазореваго. Въ 1620 г. апр. 29 такое же жалованье получили бахарь Климъ и домрачелъ Путята; въ 1622 г. марта 27 бахарь Богданъ Путятинъ получаетъ опять такое же сукно. Всѣ эти пожалованія произведены по „именному приказу“, слѣд. въ награду за потѣшенье.

Съ бахарями рядомъ по своему занятію стояли въ Потѣшной Палатѣ домрачей. Мы видѣли, что бахарь Богданъ Путята отмѣченъ также и домрачеемъ. По всему вѣроятію занятія бахаря и домрачей очень часто соединялись въ одномъ лицѣ, ибо бахарь былъ повѣствователь, сказочникъ, а домрачей меннезингеръ, пѣсельникъ, воспѣвавшій дѣянья прежнихъ людей, т. е. былины и старины про богатырей, и вмѣстѣ съ тѣмъ и духовные стихи. Домрачеемъ онъ назывался по имени музыкальнаго инструмента, на которомъ подыгрывалъ свой пѣсенный ладъ, и который у славянъ западной Европы употребляется и теперь съ именемъ *момры*; это была *домра*, струнный инструментъ, на которомъ играли пальцами, какъ на гитарѣ. Очень вѣроятно, что это имя мандоры, образовавшееся отъ перестановки звуковъ, къ которой такъ расположенъ русскій языкъ, особенно въ отношеніи словъ иностранныхъ, какъ напр. и изъ другаго слова: маскара, образовалось наше скоморохъ или скомрахъ.

Послѣ домрачей Путяты, когда государь въ 1626 г. женился, на свадьбѣ его тѣшили домрачей Андрюшка Федоровъ да Васька Степановъ. Затѣмъ въ Потѣшной Палатѣ являются уже домрачей *слѣные*. Такъ было необходимо, если эти потѣшники должны были увеселять и молодую царицу, не только въ Потѣшной Палатѣ, но, какъ вѣроятно, и въ ея хоромашъ. Что дѣйствительно они главнымъ образомъ воспѣвали свои пѣсни на царицыной половинѣ, на это указываютъ награды имъ отъ лица государыни и довольно частая выдача имъ изъ царицыной казны денегъ на домерныя струны. Такъ 9 іюня 1632 г. царица Евдокія Лукьян. жалуетъ рубль потѣшнику домрачею Гаврилку слѣпому, а *слѣнымъ ирещамъ* домрачеемъ Якову (онъ же Янка, Якушъ, Якунка, 1635—1643 г.) Лукьяну Никифорову (онъ же Лука, Лукашъ, 1635—1639 г.), Науму и Петру приказываетъ въ разное время выдавать по гривнѣ и по двѣ гривны на домерныя струны. Государь неоднократно жаловалъ ихъ платьемъ. Напр. въ 1635 г. мая 31 Науму Слѣпому сдѣлано: однорядка, фезези, кафтанъ, шапка и сапоги, всего на 7 р. 30 к. Августа 29 такое же платье сшито Слѣпымъ Якову и Петру.

Таковыми же пѣвцами народныхъ пѣсенъ были *гусельники*. Но неизвѣстно, находились ли они при дворцѣ постоянно, подобно домрачеемъ, или только призывались временно, какъ напр. въ 1626 г. по случаю царской свадьбы тѣшили царя гусельники:

Узда и Богдашка Власьевъ. Въ 1629 г. іюля 18 государь жалуетъ гусельнику Любиму Иванову полный нарядъ платья: однорядку, кафтанъ, фезези, штаны, шапку, колпакъ и сапоги всего на 16 р. 38 к., сумма довольно значительная, вдвое бѣдшая противъ такого же жалованья домрачеямъ, которая должна обозначить и мѣру утѣхи, какую доставилъ государю этотъ гусельникъ.

Къ числу *веселыхъ* принадлежали также и *скрыточники*, изъ которыхъ Богдашка Оватьевъ, Ивашка Ивановъ, Овашка, да нѣмчинъ новокрещеный Арманка тѣшили государя на свадьбѣ въ 1626 г.; но въ послѣдующее время свѣдѣній объ нихъ не встрѣчается и намъ неизвѣстно состояли ли при Потѣшной Палатѣ музыканты этого рода.

Иногда въ Потѣшной Палатѣ появлялись и другіе потѣшники, о которыхъ неизвѣстно, чѣмъ они забавляли государя. Такъ въ 1638 г. на святкахъ былъ взятъ съ Тулы крестьянинъ Іевка Григорьевъ, которому дек. 30 сдѣланъ суконный лазоревый кафтанъ.

Музыка конечно была одною изъ первыхъ статей государевой домашней комнатной потѣхи, а особенно на женской половинѣ, увеселенія которой ограничивались по преимуществу только домашними утѣхами. Заморскіе органы, какъ и всякія другія, русскія, статьи старинныхъ дворцовыхъ увеселеній, были по всему вѣроятію и въ то время помѣщены въ одной изъ дворцовыхъ палатъ, которая по этой причинѣ и должна была называться *потѣшною палатою*. Хотя встрѣтившееся намъ свидѣтельство о существованіи Потѣшной Палаты относится ко времени Годунова и Шуйскаго, однако возможно безъ ошибки полагать, что она существовала и въ началѣ XVI ст., существовала безъ всякаго сомнѣнія, какъ отдѣльное помѣщеніе для потѣхъ и въ болѣе раннее время, если не съ названіемъ палаты, то съ названіемъ какой либо потѣшной хоромны. Въ годъ вступленія на царство Михаила, въ 1613 г. ноября 10, устроены были также и *потѣшныя хоромы*; тогда въ нихъ было отпущено къ четыремъ дверямъ да къ семи окнамъ на обивку красное сукно. Въ первой половинѣ XVII ст. Потѣшная Палата занимала нѣсколько отдѣльныхъ комнатъ въ старомъ зда-

ни дворца, гдѣ находилась и царицына Золотая Палата и надъ которымъ потомъ выстроены были каменные покои теремнаго дворца (т. I, стр. 60, 72, 176), послѣ чего она именовалась иногда *потѣшнымъ подклѣткомъ*, ибо находилась уже въ подклѣтномъ этажѣ терема. Въ этомъ помѣщеніи и сосредоточены были тогда почти всѣ дворцовыя комнатныя забавы, начиная съ органовъ и оканчивая бахарями, домрачеями, варлами и попугаями. Здѣсь хранилась и всякая потѣшная утварь и рухлядь, т. е. платье, разныя вещи и разныя музыкальныя и другіе потѣшныя стременты. При палатѣ находились особые сторожа, носившіе названіе *потѣшныхъ сторожей* и получавшіе соотвѣтственное своей службѣ жалованье. Она представляла въ нѣкоторомъ отношеніи какъ бы особое вѣдомство, къ которому принадлежали всѣ потѣшники и всѣ лица, имѣвшіе во дворцѣ потѣшное значеніе. Потѣшные сторожа были наблюдателями и такъ сказать надзирателями всего этого потѣшнаго чина, ибо черезъ нихъ производились всякія хозяйственныя его дѣла. Главное завѣдываніе надъ Потѣшною Палатою принадлежало царскому постельничему, а впоследствии перешло въ Приказъ Тайныхъ дѣлъ, такъ что въ палатѣ и въ этомъ приказѣ находились одни и тѣже сторожа, 4 человека.

Въ XVII ст., съ первыхъ же лѣтъ царствованія Михаила Фед., органы и цымбалы составляли уже необходимую принадлежность дворцовой Потѣшной Палаты (т. I, стр. 176), при которой находились и постоянныя игрецы на этихъ инструментахъ, цымбальники и органные мастера. Подъ именемъ цымбалъ должно разумѣть по всему вѣроятію старинный нѣмецкій народный инструментъ (гакебретъ), грубое подражаніе фортепьянамъ, въ родѣ русскихъ гуслей, съ металлическими струнами, на которомъ играли, ударяя по струнамъ двумя деревянными молоточками, обтянутыми сукномъ. Тѣмъ же именемъ могли обозначаться и клавишныя или клавикорды, старинныя фортепьяны, такъ что цымбальникъ могъ обозначать и цымбалиста или пианиста. Въ 1614 г. цымбальникомъ Потѣшной Палаты былъ Томпло Михайловъ *Блосовъ*, котораго и самое прозваніе указываетъ, что это былъ артистъ своего дѣла. Послѣ него упоминаются цымбальники Мелентій Степановъ (1626—1632 г.) и Андрей Андреевъ (1631 г.). Они, безсомнѣнія, устроивали не одну игру на цымбалахъ, но завѣдывали и органною игрою. Органная игра видимо очень нравилась домашнему государеву обществу

и потому были приняты мѣры устроить ее еще лучше, для чего и вызваны были, конечно, нѣмцы. Въ 1630 г. октября 14, выѣхали къ государю послужить ремесломъ своимъ органаго дѣла мастера, а главнымъ образомъ мастера часовыхъ дѣлъ, Ансъ Лунъ да Мелхартъ Лунъ; а привезли они съ собою изъ голандской земли *стремелныя* на органное дѣло, и тотъ они стремятъ на Москвѣ додѣляли и около того стремянта станокъ сдѣлали съ рѣзью и раздѣлили краскою и золотомъ; и на томъ стремянтѣ сдѣлали соловья и кукушку съ ихъ голоса; а какъ играютъ тѣ органы и обѣ птицы поютъ собою безъ человѣчскихъ рукъ. За то мудрое дѣло государь пожаловалъ имъ изъ своей казны 2676 рублей, вѣроятно по оцѣнкѣ матерiаловъ и работы. Но кромѣ того, когда работа была окончена и государь того ихъ дѣла смотрѣлъ и игры слушалъ дважды, имъ дано было по сороку соболей да въ стола мѣсто, т. е. вмѣсто приглашенiя къ царскому столу, кормъ и питье, что было очень почетною наградою. Въ 1637 г. Ансъ или Яганъ Лунъ померъ, а братъ его въ 1638 г. былъ отпущенъ въ свою землю по собственному желанiю, при чемъ ему дано 100 р. денегъ, сорокъ соболей въ 40 р. и шесть подводъ. Государь приказалъ ему, чтобъ онъ опять возвратился въ Москву и вывезъ бы съ собою двухъ часовыхъ мастеровъ съ условiемъ научить въ Москвѣ учениковъ ¹. Нѣмцы Луневы также выучили къ своимъ органамъ мастера изъ московскихъ. Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что эти нѣмцы въ теченiи восьми лѣтъ своей службы при царскомъ дворцѣ устроили музыкальную потѣшную статью самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Кромѣ большихъ органовъ, которые были сдѣланы еще въ первый годъ ихъ службы, и стояли, въ Грановитой Палатѣ, они вѣроятно устроили нѣсколько подобныхъ же инструментовъ въ меньшемъ размѣрѣ и для Потѣшной Палаты. Такимъ образомъ съ этого времени нѣмецкая органная игра является уже не случайною гостею въ царскомъ дворцѣ, а становится вседневною потѣхою въ домашнемъ быту государя, служить постояннымъ увеселенiемъ для его семейства, для царицы и для дѣтей и для всѣхъ ея комнатныхъ людей. Къ сожалѣнiю ничего нельзя сказать, какiя пѣсни разыгрывались на этихъ органахъ и были ли поставлены на нихъ и русскiя пѣсни. Впослѣдствiи органное дѣло стало обыкновеннымъ

¹ Временникъ, кн. 16, Слѣзь, 23. Арх. Ор. Пал. Расх. кн. № 756.

дѣломъ и для московскихъ дворцовыхъ мастеровъ, такъ что государь посылалъ уже органы, какъ диковину, въ подарокъ къ персидскому шаху. Въ первый разъ органы московской работы были туда посланы въ маѣ 1662 г.; они описаны такимъ образомъ: „органы большіе въ деревѣ черномъ нѣмецкомъ съ рѣзью о трехъ голосахъ, четвертый голосъ заводной самоигральной; а въ нихъ 18 ящичковъ, а на ящикахъ и на органахъ 38 травокъ (зачеркн. личинъ мѣдныхъ) позолоченыхъ. У 2 затворовъ 4 петли (железные) позолочены; 2 замки мѣдные позолочены. Напередѣ органовъ большихъ и среднихъ и меньшихъ 27 трубъ оловянныхъ, около трубъ 2 рѣшотки рѣзные вызолочены; по сторонамъ органъ 2 крыла рѣзные вызолочены; подъ органами 2 дѣвки стоячіе деревянные рѣзные вызолочены; 4 скобы (железные) приемные съ пробоями и съ гайками вызолочены; 4 шурупы приемные отъ голосовъ (мѣдные) позолочены; поверху органовъ часы боевые, съ лица доска золочена, указъ посеребренъ; поверху часовъ яблоко (мѣдное) половина позолочена; кругъ часовъ по мѣстамъ рѣзь вызолочена; 5 ключей железныхъ золоченыхъ; позади (органы) оклеены краснымъ сукномъ“.

Очень понятно, что въ царской Потѣшной Палатѣ музыкальные инструменты, цымбалы, органы и т. п. существовали не для одного лишь гуденья, а представляли необходимую и весьма важную статью и для другихъ разнообразныхъ увеселеній. При ихъ посредствѣ устраивалось вѣроятно всякое *скомрашное* дѣло и всякая *смѣхотворная хитрость* разными *вѣселями* людьми или *скоморохами* въ исключительномъ смыслѣ, какъ творцами походячихъ народныхъ спектаклей, начиная съ кукольных комедій и оканчивая небольшими сценическими представленіями, какія впоследствии стали обозначаться иноземными именами, интермедій, интерлюдій. Извѣстно, что кукольная комедія и въ старину принадлежала къ числу потѣхъ общенародныхъ, обычныхъ, и нѣтъ сомнѣнія, что ея происхожденіе относится къ очень давнимъ временамъ. „Виѣсть съ вожатыми медвѣдей, замѣчаетъ Оларій; у русскихъ можно встрѣтить и комедіантовъ, которые, между прочимъ, представляютъ разныя шутки посредствомъ куколъ; для этого устраиваютъ они изъ холста, обязаннаго вокругъ тѣла, родъ сцены, помѣщающейся надъ ихъ головами, на которой куклы представляютъ разнаго рода фарсы. Съ такими подвижными театрами ходятъ русскіе комедіанты по улицамъ“.

представляли одно изъ любимѣйшихъ увеселеній, поэтому въ Потѣшной Палатѣ, судя по нѣкоторымъ, хотя и скуднымъ, свидѣтельствамъ, шли постоянныя представленія даже нѣмецкихъ фигляровъ, балансеровъ, фокусниковъ и т. п., которые непремѣнно разыгрывали и какія либо дѣйства, арлекинады небольшія шуточные пьески, на что вообще хитры были странствующіе нѣмецкіе и польскіе артисты, стоявшіе конечно въ этомъ отношеніи выше нашихъ скомороховъ. Такимъ артистомъ былъ, какъ кажется, полякъ Юшка Проскура, которому въ 1626 г. февр. 28, государь приказалъ сшить особое платье, бархатную черную чугу съ серебряною нашивкою, атласный алый кафтанъ съ золоченою нашивкою и суконные красные (багрецовые) штаны съ мѣдными застежками (40 гивадъ), всего слишкомъ на 15 руб. — деньги большія и пожалованіе сдѣлано вѣроятно за увеселенія, какими потѣшалъ этотъ Проскура государевъ дворъ во время царской свадьбы (съ 5 февраля). Онъ завѣдывалъ органною потѣхою. Въ 1629 г. является уже настоящій канатный плясунъ, потѣшникъ нѣмчина Иванъ Семеновъ Лодыгинъ, вѣрно перекрещенецъ. Іюня 16 ему шьютъ также особое потѣшничье платье: темносинюю суконную епанчу и темновишневыи суконный зипунъ. Онъ также состоитъ при Потѣшной Палатѣ (болѣе 10 лѣтъ) и постоянно увеселяетъ царское семейство всякими потѣхами. Время отъ времени для такихъ потѣхъ онъ получаетъ изъ царской казны готовое платье или же весь матеріалъ, изъ котораго онъ самъ уже готовилъ себѣ костюмъ, какъ было надобно. Такъ въ 1630 г. сент. 21 ему шить юмурлукъ, особаго покроя кафтанъ, суконный темновишневыи, цѣною около 6 р. Въ 1632 г. окт. 16 ему изготовляютъ потѣшничье нѣмецкое платье: *плащъ, кабатъ, пукши*, роскошно обшитое мишурнымъ кружевомъ, цѣною болѣе 13 р., также сапоги нѣмецкіе бѣлые и шляпу черную съ мишурною *исткою*. Какими именно потѣхамъ онъ забавлялъ царское семейство мы не знаемъ; но не только въ дворцовой кремлевской Потѣшной Палатѣ, — онъ давалъ иногда свои представленія и въ загородныхъ дворцахъ, именно въ любимой тогдашней царской дачѣ, въ селѣ Покровскомъ — Рубцовѣ. Такъ въ 1635 г. мая 29, вмѣстѣ съ такимъ же потѣшникомъ нѣмчиномъ Юрьемъ Войнь-Брантомъ онъ гѣшилъ тамъ государя и шестилѣтняго царевича Алексѣя Мих. Въ томъ же году и тамъ же (7 сентября) онъ опять гѣшилъ государеву семью всякими по-

тѣхами. Въ это время упоминается и еще нѣмчинъ-потѣшникъ *Ермисъ*, которому выдаютъ (7 мая) для потѣшнаго дѣла 4 арш. тафты винницей зеленой да аршинъ тафты рудожелтой и (13 мая) на шитье на нѣмецкое платье шолку зеленого да желтаго по 5 зол. Повидимому этотъ Ермисъ или Юрмисъ тотъ же Юрій Воинъ-Брантъ, дѣйствовавшій на потѣхѣ 29 мая. Надо замѣтить также, что къ этому дню сшито было нѣмецкое платье три *юны*, три *пукши*, три шапки и тремъ молодымъ накрачеямъ царевича Алексѣя, которые, слѣд., также дѣйствовали на потѣхѣ.

Въ числѣ упомянутыхъ всякихъ потѣхъ было и танцованье по канатамъ. По обычному правилу Московскаго Двора требовать отъ каждаго завѣщаго искусника нѣмца, чтобы онъ выучилъ учениковъ своему художеству, и потѣшникъ Иванъ Семеновъ тоже училъ русскихъ людей своей бѣсовской мудрости. Въ 1637 г. іюня 27 государь пожаловалъ ему 10 арш. камки двоеличной шелкъ алъ-желтъ, цѣною въ 9 р., да за сукно деньгами 6 р., „за то что онъ выучилъ по канатамъ ходить и танцовать и всякимъ потѣхамъ, чему онъ самъ умѣетъ, пять человекъ да по барабанамъ выучилъ бить 24 человекъ⁴. Его ученики *метальники* и *накрачи* забавляли съ тѣхъ поръ царевича Алексѣя и находились въ его штатѣ. Для потѣхъ имъ тоже изготовлялось нѣмецкое платье, какъ напр. тремъ накрачеямъ, о чемъ мы сказали выше. Въ 1638 г. іюня 26 царевичевымъ метальникамъ Макарку да Ивашку Андреевымъ сшиты двѣ *курты* да двой штаны изъ краснаго (червленаго) сукна, а вмѣсто шапокъ, *аракчины* (ермолки), тоже изъ сукна-багреца. Въ томъ же году сент. 12 потѣшникамъ Ивану Семенову съ товарищи для государевыхъ потѣхъ на потѣшное платье было отпущено изъ царской казны 10 арш. камки зеленой мелкотравной, 5 арш. тафты зеленой, 1 арш. тафты рудожелтой, 1 арш. тафты алой, 10 арш. сукна червленаго, 5 арш. зеленого, 1½ арш. бѣлаго да желтаго, и деньгами на 11½ арш. холста, на 10 арш. стамеду, на 156 арш. снурковъ шелковыхъ, на 36 портищъ пуговицъ нѣмецкихъ шолковыхъ, на 33 зол. шолку сканаго, 9 р. 27 ал. 4 д. Все взялъ самъ потѣшникъ Лодыгинъ, вѣроятно готовившій въ это время какія либо новыя увеселенія для государя. Должно полагать, что въ этихъ нѣмецкихъ потѣхахъ участвовали и женщины, ибо въ 1635 г. генваря 9 и 31 по именному приказу царицы Евдокьи Лук. для потѣхи

были сшиты четыре портища нѣмецкаго женскаго платья, изъ коихъ на два употреблень бархатъ, тафта, сукно и золотное круживо, а на другія два бархатъ, мухоаръ и мпшурное круживо. 31 мая къ тому же или уже къ другому потѣшному нѣмецкому платью куплено 37 золотныхъ пугвицъ.

Потѣшникъ Иванъ Семеновъ видимо былъ артистъ на всѣ руки; онъ тѣшилъ государя и соколами и въ домашнихъ забавахъ возился съ государевыми дураками или шутами. 19 марта 1632 г. онъ подалъ царю слѣдующую челобитную: „государю царю и в. к. Михаилу Фѣдоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Ивашка Семеновъ сынъ Лодыгинъ: въ нынѣшнемъ, царь, во 140 (1631) годѣ до зпняго Николина дни пожаловалъ ты, государь, меня холопа своего, какъ я холопъ твой тебя, государя, тѣшилъ и г. царевича князя Алексѣя Мих. соколами; рехся ты, государь, пожаловать мнѣ холопу своему шубу; и я холопъ твой съ тѣхъ мѣстъ и по сю пору, ожидаючи твоего государева жалованья къ себѣ, не бивалъ челомъ. Милосердый государь! пожалуй меня холопа своего въ тѣ мѣсто къ Свѣтлому Воскресенью фerezцами да кафтаномъ. А дураки, государь, тѣша тебя, государя, изодрали на мнѣ однорядку да шапку; и однорядочка у меня, холопа твоего къ Свѣтлому Воскресенью съ пугвицы серебряными — твое царское жалованье — есть. Царь государь смилуйся!“ На челобитной отмѣчено: государь пожаловалъ, велѣлъ дать фerezы — дороги гиланскія, кафтанъ — тафту виницейку да шапку, въ приказъ (т. е. сверхъ годоваго оклада, по которому вѣроятно потѣшникъ получалъ и годовое платье).

Дальнѣйшая исторія нѣмецкихъ потѣхъ у царя Михаила Фѣдомъ неизвѣстна. Можно догадываться, что къ концу его царствованія онѣ едва ли и совсѣмъ не прекратились, или по крайней мѣрѣ были очень рѣдки вслѣдствіе разныхъ домашнихъ причинъ тогдашняго царскаго быта. Царь съ царицею прожили уже молодые годы и стали оба часто недомогать, а потомъ и со стороны духовной власти были подняты, какъ увидимъ, старыя поученія о душевной погибели отъ всякихъ бѣсовскихъ потѣхъ. Потѣшникъ Иванъ Семеновъ сходитъ со сцены, по крайней мѣрѣ его имени уже не поминается въ это время; остается потѣшникъ Иванъ Ермисъ, который въ 1642 г. апр 3 получаетъ отъ государя 10 арш. камки, 5 арш. сукна и сорокъ

соболей „за трубничье ученье“, которому онъ могъ обучать вовсе не съ потѣшною цѣлью однихъ военныхъ людей.

Въ первые 20 лѣтъ царствованія Алексѣя Михайловича точно также почти вовсе не упоминается о потѣхахъ этого рода. Знаемъ только, что во время моровой язвы, опустошавшей Москву въ 1654 г., когда оставленный дворецъ былъ пустъ и зимою того года „отъ Грановитой къ переградѣ и на постельномъ и на красномъ крыльцѣ, и за переградю къ мастерской палатѣ и отъ Стрѣтеня и къ набережнымъ хоромамъ и на дворцахъ“, т. е. повсюду лежали сугробы самые большіе и пройти было невозможно, — въ это время у государя въ Верху, во дворцѣ, въ потѣшномъ подклѣтѣ оставался какой то князь Ямъ (вѣрно потѣшное прозванье, быть можетъ тотъ же Иванъ Семеновъ), и карла съ царскими попугаями, которыхъ онъ съумѣлъ сберечь до возвращенія царя въ Москву.

Видимо, что молодой царь мало былъ расположенъ къ утѣхамъ домашней Потѣшной Палаты. Его въ первые годы исключительно занимала охота псовая и соколиная, медвѣжьи бои, медвѣжьи и волчьи осои, походы на лосей и вообще на лѣснаго и полевого всякаго звѣря. Отвлекать такимъ образомъ молодого царя по дальше отъ государственныхъ дѣлъ было также въ видахъ боярина Морозова, его дядьки и соправителя, тогдашняго временщика. Кромѣ того въ первые же годы царь обнаружилъ стремленіе обновить распущенную жизнь, внести въ нее строй и порядокъ, обнаружилъ, словомъ сказать, стремленіе къ реформѣ, хотя еще вовсе и не сознавалъ, въ чемъ она должна состоять, чтобы принести народу дѣйствительное благо. Былъ возстановленъ идеалъ хорошей жизни по старому Домострою. Стремленіямъ царя тотчасъ отвѣтила духовная власть, которая въ эту эпоху находилась подъ вліяніемъ многихъ старовѣровъ и изувѣровъ и закладывала вмѣстѣ съ ними по поводу исправленія и новаго изданія церковныхъ книгъ основаніе для раскола.

Вспомнаны были нѣкоторыя рѣшенія Стоглава и поученія его роднаго брата — Домостроя объ искорененіи бѣсовскихъ мірскихъ игръ, сатанинскихъ пѣсенъ и позорищъ, вообще о томъ, чтобы живымъ мірскимъ людямъ устроить свое житіе по старческому началу, т. е. въ домахъ, на улицахъ и въ поляхъ пѣсенъ не пѣть, по вечерамъ на позорища не сходиться, не плясать, руками не плескать, въ ладони не бить, т. е. въ хоровады не играть, и игры не слушать; на свадьбахъ пѣсенъ не

пѣть и не играть глумотворцамъ, органикамъ, смѣхотворцамъ, гусельникамъ, пѣсельникамъ; на святкахъ въ бѣсовское соннище не сходиться, игръ бѣсовскихъ не играть, пѣсенъ не пѣть, загадокъ не загадывать, сказки не сказывать, празднословіемъ, смѣхотвореніемъ и кошуваніемъ, такими помраченными и беззаконными дѣлами душъ своихъ не губить, личины (хари, маски) и платье скomorошеское на себя не накладывать, олова и воску не лить; зернью, въ карты и въ шахматы не играть; на святой на доскахъ не свакать, на качеляхъ не качаться; скomorохономъ не быть; съ гуслими, съ бубнами, сурнами, домрами, волынками, гудками не ходить; медвѣдей не водить, съ собаками не плясать; кулачныхъ боевъ не дѣлать, въ лодыги (въ бабни) не играть; не говоря уже о ворожбѣ, чародѣйствѣ и вообще о мірскомъ суевѣріи.

Всѣ эти народныя общественныя и домашнія удовольствія, всю эту мірскую радость девятнадцатилѣтній государь, внушаемый по всему вѣроятію патріархомъ Іосифомъ, и поддерживаемый въ томъ своимъ дядькою Морозовымъ, рѣшился искоренить во всей землѣ. Въ 1646 г. по всѣмъ городамъ разосланы были царскія грамоты съ крѣпкимъ подтвержденіемъ читать ихъ въ соборахъ по воскресеньямъ и по торжкамъ въ городахъ, въ волостяхъ, въ станахъ, погостахъ, не по однойжды всѣмъ въ слухъ ¹. Въ этихъ грамотахъ, царь, жалѣя о православныхъ крестьянахъ, подробно и строго наказывалъ всему православному міру унять отъ неистовства и всякое мятежное бѣсовское дѣйство, глумленіе и скomorошество со всякими бѣсовскими играми прекратить, такъ что по грамотѣ вся земля должна была превратиться въ одинъ огромный, безмолвный монастырь съ монашескимъ житіемъ и старческимъ поведеніемъ. Ослушниковъ на первый и второй разъ велѣно бить батогами, а въ третій или четвертый ссылать въ ссылку въ украинныя города, а гусли, домры, сурны, гудки, маски и всѣ музыкальныя, гудебныя бѣсовскіе сосуды велѣно отбирать, ломать и жечь безъ остатку. Скomorоховъ же на первый разъ бить батогами, въ другой кнутомъ и брать пѣню по 5 руб. съ человѣка. Такія же грамоты разосланы были повсюду и отъ митрополитовъ, которые грозили ослушникамъ наказаніемъ безъ пощады и отлуче-

¹ Описаніе Госуд. архива, г. Иванова, 296. Акты истор. IV, № 35. Акты А. Э. IV, № 59, 98.

ніемъ отъ церкви Божіей (1657 г.). Замѣчательно, что охота (псовая, ловчія птицы), столь любимая царемъ, хотя также отвергнутая отеческими поученіями, какъ видѣли выше, была въ этихъ грамотахъ обойдена молчаніемъ. Такое аскетическое нашествіе на народныя домашнія и общественныя игры и всякія веселости, не счумѣвшее сдѣлать различія между оргіею и обыкновеннымъ увеселеніемъ, нѣсколько времени дѣйствительно торжествовало. Олеарій рассказываетъ объ этомъ времени слѣдующее: „Дѣла, въ особенности же на пирѣхъ русскіе очень любятъ музыку и уважаютъ это искусство. Нынѣшній патріархъ (Иосифъ?), замѣтивъ, что они начинаютъ злоупотреблять ею, распѣвая разнаго рода скандальныя пѣсни по кабакамъ, шинкамъ и на улицахъ, приказалъ сначала разбивать находимые въ такихъ мѣстахъ инструменты и также у всѣхъ тѣхъ, кои попадались съ ними на улицахъ, а потомъ совершенно запретилъ инструментальную музыку. По его приказанію немедленно собрали всѣ инструменты, какіе только можно было найти, въ Москву, нагрузили ими пять возовъ, свезли все это за Москву рѣку (на Болото—мѣсто казни преступниковъ) и сожгли. Только однимъ нѣмцамъ позволено было у себя въ домахъ заниматься музыкою, да еще боярину Никитѣ Ивановичу, другу нѣмцевъ, который держитъ у себя *позитивъ* (*positiv*, маленькій органъ) и разнаго рода другіе инструменты, такъ какъ патріархъ ему одному только не можетъ запретить этого удовольствія“. Читая рассказъ Олеарія, сначала можно было бы подумать, что патріархъ напалъ только на развратныя оргіи народа которымъ музыка служила подспорьемъ и потому запретилъ тамъ музыкальные инструменты. Такъ, безсомнѣнія Олеарію объясняли дѣло благочестивые современники. Но вскорѣ изъ его же словъ мы узнаемъ, что не оргіи были причиною такого запрещенія, а бѣсовство самыхъ инструментовъ, этихъ отреченныхъ церковью гудебныхъ сосудовъ, которые сами по себѣ изгонялись изъ міра, какъ сатанинскій соблазнитель благочестивыхъ душъ. Торжество старческихъ ученій объ этихъ сатанинскихъ прелестяхъ сего міра воодушевило и молодого царя, который вообще былъ очень приверженъ къ авторитету священства и монашества. Играя свою первую свадьбу, въ томъ же 1648 году, онъ устроилъ такъ: на прежнихъ государскихъ радостяхъ бывало, что въ то время, какъ государь пойдетъ въ мыленку, во весь день до вечера и въ ночи на дворцѣ играли

въ сурны, и въ трубы и бляи по накрамъ.... Мы знаемъ, что на свадьбѣ его отца Михаила Фед. въ Грановитой Палатѣ стояли и играли варганы и дымбалы и сверхъ того гостей увеселяли такъ называемые *веселые*, по просту скоморохи, гусельники, домрачеп и даже скрыпотчики. „А нынѣ в. государь на своей государевой радости, накромъ и трубамъ быти не наволить; а велѣлъ государь во свои государскіе столы, вмѣсто трубъ и органовъ и *всякихъ свадебныхъ потѣлъ*, пѣти пѣвчимъ дѣлать всѣмъ станцамъ (хорамъ), перемѣняясь, *строчные* и демественные большіе стихи изъ праздниковъ и изъ тріодей драгія вещи со всякимъ благочиніемъ. И по его государеву мудрому и благочестному разсмотрѣнію *бысть тишина* и радость и благочиніе велие, яко и всѣмъ тутъ бывшимъ дивитися и возсылати славу превеликому въ Троицѣ славимому Богу, и хвалити и удивлятися о премудромъ его царскаго величества разумъ и благочиніи“. Убѣжденіи царя въ этомъ отношеніи были довольно тверды и онъ долго не пзмѣнялъ тѣхъ распоряженій, какія сдѣланы были его грамотами. Покрайней мѣрѣ, спустя почти 29 лѣтъ, въ его Приказъ Тайныхъ дѣлъ поступали на приходъ *лемил денимъ съ качелей*, которыхъ, напр. въ 1665 г. апр. 29, слѣд. за все время святой недѣли, когда именно и начались на качеляхъ, было собрано въ Суздаль и на посадѣ со всякихъ чиновъ людей 121 р. 5 алт.

Въ сущности въ этомъ постыдномъ поворотѣ общественной жизни обнаруживался иной ея поворотъ, неудержимый поворотъ къ петровской реформѣ. Здѣсь высказывалась главнымъ образомъ настоятельная потребность всенароднаго нравственнаго очищенія, такая же потребность, каковая была заявлена ровно за сто лѣтъ предъ тѣмъ, изданіемъ Стоглава и Домостроя. Но какъ тогда, такъ и въ эту минуту руководители народной потребности смотрѣли не впередъ, а назадъ, стремились найти источникъ нравственнаго обновленія на старомъ, уже пройденномъ пути, въ старыхъ преданіяхъ, въ старыхъ отеческихъ обычаяхъ и поученіяхъ. Отсюда и въ настоящую эпоху, въ половинѣ XVII ст., новое торжество тогоже Стоглава и тогоже Домостроя, т. е. торжество старой вѣры въ смыслѣ старой культуры, стараго развитія, старой нравственной выработки. Но съ этимъ торжествомъ для старой культуры наставалъ уже послѣдній часъ, ибо въ немъ, при его помощи, для выросшаго государства, съ большею ясностію предстали односторон-

нія начала старой жизни; лучшимъ людямъ вѣва при новой постановкѣ Домостроя стало несравненно виднѣе, осязательнѣе, что съ такими началами, если и необходимо жить всякому человеку, то государству съ ними жить невозможно. Оно должно было неизмѣнно и преждевременно погибнуть. Лучшие люди усматривали новый путь и по немногу направляли туда свои шаги. Въ такихъ попыткахъ прошла вторая половина XVII ст. Между тѣмъ приверженцы Домостроя и его культуры оставались на старомъ и всѣ силы употребляли остановить движеніе къ новинѣ. Отсюда распаденіе русскаго общества, *расколъ*, церковный и нравственный, общественный, котораго исторія еще не совсѣмъ прожита и до нашихъ дней. Если уже не форма, то духъ стараго Домостроя еще господствуетъ и теперь. Онъ вселился только въ новую европейскую форму и этой формой производитъ въ иныхъ случаяхъ лишь оптической обманъ, выставляя на показъ новыя общечеловѣческія идеи и порядки и въ тоже время съ особенною заботливостію и всѣми силами удерживая жизнь въ старыхъ началахъ малаго глупаго ребячества.

Такимъ образомъ обычныя при царѣ Михаилѣ домашнія утѣхи дворцовой Потѣшной Палаты при его сынѣ были оставлены. Молодой царь промѣнялъ ихъ на отъѣзжее поле, на псовую и особенно на соколиную охоту, которая замѣняла для него всѣ роды другихъ увеселеній. Въ Потѣшной Палатѣ онъ не покинулъ лишь одной утѣхи, именно бахарей, но вѣрный тѣмъ мыслямъ, которыя отвергали бахарство, какъ бѣсовское угодіе и которыя заставили его всенародно запретить эту утѣху наравнѣ со всѣми другими, онъ придалъ дворцовымъ бахарямъ иной смыслъ, соответственный стариннымъ отеческимъ ученіямъ. Въ государевыхъ потѣшныхъ хоромахъ вмѣсто бахарей съ этой поры живутъ уже *нищіе*, называемые верховыми, т. е. придворными нищими, а впослѣдствіи, съ 1660 г., а быть можетъ и раньше, получившіе оффиціальное названіе *богомольцовъ*, *верховыхъ богомольцовъ*. Англичанинъ Коллинсъ (1659—1666 г.) между прочимъ говоритъ, что царь содержитъ во дворцѣ стариковъ, имѣющихъ по 100 лѣтъ отъ роду и очень любитъ слушать ихъ рассказы о старинѣ. Названіе этихъ стариковъ верховыми нищими, богомольцами, даетъ намъ основаніе заключать, что это были убогіе пѣвцы, вальки переходящіе, какъ искони обозначалъ ихъ народъ. Въ старину слово *нищій* было синонимомъ слову пѣвецъ, ибо нищенствовать, просить мило-

стыню значило воспринять о милостынь. Иностранцы — очевидцы единогласно свидетельствуют, что нищие, какъ увѣчные, такъ и простые колодники (тюремные сидѣльцы), всегда пѣли, когда просили милостыни. Коллинсъ при этомъ рассказываетъ, что когда царскій тесть, Илья Милославскій, былъ посланникомъ въ Голландію, то голландцы хотѣли угостить его самой лучшей инструментальной и вокальной музыкой, какая была въ Голландіи и спросили потомъ, какъ она ему понравилась: „очень хороша! отвѣчалъ онъ: точно также поютъ наши нищие, когда просятъ милостыни“. Не знаю, что именно играли ему, прибавляетъ Коллинсъ, удивляясь такому сравненію и замѣчая вообще о грубости русской музыки и русскихъ пѣвцовъ. Какъ бы ни было, но старинные наши нищие составляли особый разрядъ пѣвцовъ, отличный отъ пѣвцовъ домрачевъ и гусельниковъ тѣмъ, что нищие пѣли свои пѣсни только отъ божественнаго, пѣли такъ называемые духовные *стихи*, что требовалось ихъ прямымъ занятіемъ и ихъ ролью въ обществѣ. Разрядъ такихъ пѣвцовъ, конечно моложе гусельниковъ. Они появились въ одно время съ распространеніемъ Христовой Вѣры и заимствовали содержание своихъ пѣсенъ, какъ и самые пѣвцы, отъ церкви; они долгое время почитались людьми церковными, даже и жили при церквахъ, такъ сказать у церковныхъ дверей, изъ которыхъ доносились къ нимъ основные мотивы ихъ пѣсеннаго творчества. Въ послѣдующее время съ усиленнымъ развитіемъ ученій Домостроя они изъ церковныхъ людей становятся людьми необходимыми въ общественной организаціи, безъ которыхъ невозможно идти путемъ спасенія; они становятся стольже необходимыми благочестивому обществу, какъ и самый церковный чинъ; поэтому число ихъ увеличивается неизменно и они сидятъ, лежатъ не только у дверей храма, но и повсюду на торжищахъ, на путяхъ, особенно на перекрестныхъ многонародныхъ мѣстахъ, каковы городскіе ворота, мосты и т. п.; они, какъ мы видѣли, живутъ въ каждомъ благочестивомъ достаточномъ домѣ, какъ всегдашніе его усердные богомольцы и вѣрныя орудія для добрыхъ богоугодныхъ и богобоязненныхъ дѣлъ. Очень естественно, что въ то время (въ половинѣ XVII вѣка), когда ученія Домостроя стремились стать на послѣднюю свою высоту, и царскій дворецъ долженъ былъ растворить свои двери для постоянного пребыванія въ немъ этихъ убогихъ пѣвцовъ, различныхъ калѣвъ переходящихъ, т. е. калѣвъ странниковъ. Благоче-

стивый царь Алексѣй Михайловичъ еще маленькимъ пятилѣтнимъ ребенкомъ слушалъ пѣсни нищихъ старцевъ, воспѣвавшихъ ему о Лазарѣ. Юношею вступивъ на престолъ, онъ строго слѣдуетъ правиламъ домостроевскаго благочинія, отмечаетъ домашнія утѣхи прежняго времени и взаимнѣ домрачеевъ и гусельниковъ поселяетъ въ своемъ дворцѣ нищихъ съ ихъ духовными стихами.

Вотъ такія-то пѣсни и рассказы, вмѣстѣ съ историческими былинами и повѣстями, вообще пѣснопѣнія и сказанія о герояхъ дѣйствительной исторіи или о герояхъ благочестиваго подвижничества должны были теперь исключительно одни только занимать государя. Гудебные сосуды, т. е. музыкальные инструменты въ родѣ домры также были оставлены; объ нихъ вовсе не поминается въ тѣхъ расходахъ, которые шли на этихъ нищихъ. Знаемъ только, что сначала въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ они жили въ потѣшныхъ хоромахъ, и ходили за ними потѣшные сторожи. Это то и показываетъ, что своею ролью они замѣнили прежнихъ бахарей и домрачеевъ, перемѣнивъ и мірское содержаніе пѣсенъ и сказаній на церковное. Въ 1656 г. мая 13 этимъ „нищимъ, что живутъ у государя въ потѣшныхъ хоромахъ, Антипѣ съ товарищи“ выдано государева жалованья 12 р. — При царѣ Алексѣѣ въ разное время, смотря по надобности, въ потѣшныя хоромы нищимъ изготовлялись кожаныя барановыя тюфяки и подушки и носильное платье: рубашки, порты, чулки. Въ 1660 г. іюня 21 были куплены имъ двои чулки, взаимнѣ другихъ, коихъ „они не взяли, потому, показались имъ худы“. Любопытная замѣтка объясняющая отношеніе государевыхъ нищихъ къ его дворцовому хозяйству. Обыкновенный ихъ нарядъ составляли кафтаны и рясы, теплые стамедные на овчинѣ, или холодные дорогильные, киндячные, кумачные, крашенинные, вообще изъ недорогихъ матерій и большею частію *смирныхъ*, т. е. темныхъ цвѣтовъ; также овчинныя *кошули* (легкія шубы), шапки суконныя съ бобровымъ пухомъ или съ собольимъ небольшимъ околomъ; дорогильные кушаки, шелковые пояса, сафьянные зеленые или лазоревые башмаки и простые сапоги; на рубахи, порты, простыни, платки, полотенца давался имъ холстъ, иногда полотно. Спали они на кожаныхъ тюфягахъ, набитыхъ оленью шерстью, на подушкахъ изъ гусинаго перья или изъ пуха, крытыхъ киндикомъ или кожей; покрывались одѣялами киндячными, стегаными

на хлопчатой бумагѣ, или же одѣвальными овчинными шубами. Весь такой нарядъ они получали черезъ два года въ третій, готовый платьемъ или матеріаломъ, а нерѣдко и деньгами. Но впоследствии, когда ихъ роль стала терять свой смыслъ и значеніе, дворцовое хозяйство стало ихъ забывать; въ 1689 г. они били челомъ, что носятъ платье уже шестой годъ, всѣ обносились. На разные мелкіе, необходимые для нихъ расходы, имъ также выдавались деньги изъ царской казны. Такъ, въ 1666 г. марта 22, богомольцамъ пяти человекамъ, во время ихъ говѣнья, выдано изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ по полтинѣ, чтобъ „отдать тѣ деньги отцамъ своимъ духовнымъ отъ поповлемя“, т. е. за исповѣдь. На тотъ же предметъ выдано пол-полтины и жившему при нихъ карлику Тимоѣею Семенову. Такая же выдача повторилась и въ 1668 г. марта 18.

При царѣ Алексѣѣ (1666—1676 г.) они получали годоваго жалованья на рубахи, порты, сапоги и на мытье бѣлья и платья по 4 р. съ полтиною, на каждого. Когда умиралъ кто либо изъ нихъ, то царь собственными деньгами очень щедрою рукою „строилъ душу“ покойнаго. Такъ въ 1665 г. мая 19 по указу государя выдано изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ, иначе изъ его кабинета, на погребеніе богомольца Давыда: за отпѣваніе архитандриту Новоспасскому 5 р., Успенскаго собора протопопу 3 р., дьякону 1½ р., 2 чернымъ священникамъ по 1½ р., 2 бѣлымъ по 1 р.; отцу духовному 2 р., 2 чернымъ дьяконамъ по 40 алт., 2 бѣлымъ по 20 алт.; уставщику пѣвчихъ Ѳеодору Коверину 1½ р.; государевымъ пѣвчимъ первой станицѣ 6 р., другой станицѣ 5 р., да которые не пѣли 2 челов. по полтинѣ. Отпѣванье происходило всегда на Троицкомъ Сергіевомъ подворьѣ, а потому дано его строителю 2 р., рядовой братьѣ, которые были на отпѣваньи, 8 челов. по 1 р., а которые небыли, 7 чел. по 10 алт. Пономарямъ, дьячкамъ и трудникамъ за копанье могилы 1 р; на гробъ и на выносъ 3 р. Кромѣ того раздавалась милостыня на помянъ души. Такъ въ 1670 г. мая 18, по нищемъ Павлѣ Алексѣевѣ роздано колодникамъ на тюремномъ дворѣ 941 челов. и въ Земскомъ Приказѣ 54 челов. по 6 денегъ; да на Никольскомъ мосту нищимъ 5 алт., всего 30 р.

На отпѣваніи всегда присутствовалъ и самъ государь и послѣ отпѣванья раздавалъ духовенству поминальныя деньги. Верховныхъ нищихъ хоронили въ Екатерининской рошѣ (нынѣ

Екатерпинская пустынь, 25 вер. отъ Москвы); на погребеніе государь жаловалъ туда 5 р.

Въ первое время, когда эти верховые нищіе имѣли еще значеніе бахарей и жили въ потѣшныхъ хоромахъ, число ихъ было невелико, кажется, неболѣе пяти человѣкъ. Вотъ ихъ имена за 1665 г.: Никифоръ Андреевъ, Мелетій Васильевъ, Иванъ Никоновъ, Евдокимъ Ивановъ, Венедихтъ Тимофеевъ. Въ 1668 г. ихъ было уже 13 человѣкъ. Вскорѣ по смерти царицы Маріи Ильичны къ тому прибавилось еще трое; въ 1670 г. ихъ числится 20; въ 1676 г. — 14 чел.: въ 1677 г. — 13 чел.; въ 1685 г. — 33 чел., а въ 1689 г. — 35 чел. — Впрочемъ, вѣрнаго, штатнаго ихъ числа мы не имѣли возможности открыть. Какія были поводы увеличивать ихъ число, намъ тоже неизвѣстно: но можно предполагать, что это дѣлалось по какимъ либо благочестивымъ соображеніямъ царской семьи. Такъ число 13 появляется въ то время, когда наследнику престола царевичу Алексѣю Алексѣевичу исполнилось 13 лѣтъ ¹. Трое къ тому причислены почти въ день смерти царицы.

Съ увеличеніемъ ихъ числа, изъ нихъ уже прямо образовалось нѣчто въ родѣ придворной богадѣльни, по этому и ихъ содержаніе приведено было во всѣхъ частяхъ въ годовой штатный порядокъ. Сверхъ того имъ выстроена была даже особая баня внѣ Кремля, у Боровицкихъ воротъ. Какъ скоро это общество царскихъ бахарей получило такое благочестивое значеніе, то, конечно, въ него избирались и поступали старики уже не съ достоинствами бахаря, а по преимуществу люди убогіе. Дѣйствительно въ числѣ ихъ мы находимъ: расслабленныхъ, нѣмыхъ, глухихъ, слѣпыхъ, горбатыхъ, безрукихъ, безногихъ; такъ обозначаются они при своихъ именахъ въ видѣ прозвищъ. Между прочимъ одинъ изъ нихъ Еуфимъ безногій въ 1675 г. учился иконному письму, за что и былъ пожалованъ кафтаномъ ². Другой — Полуехтъ Никифоровъ безрукій выучился

¹ Припомнимъ, что при дворѣ шотландскихъ королей въ XVI и XVII ст. тоже находились королевскіе могольщики (King's Bedesman), которые, получая отъ двора милостыню и содержаніе, должны были за то молиться о благоденствіи короля и государства. Число ихъ равнялось числу лѣтъ, прожитыхъ королею; поэтому каждый годъ, въ день рожденія государя, прибавлялся къ штатному, числу новый богомолецъ. Они носили пожалованные синіе плащи, отчего назывались также Синими плащами. Предисловіе къ Антикварію Вальтера Скотта.

² Книга памятная деньгамъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ подъячаго Фед. Шаповаловаго 184 г.

писать иконы устами и до сих поръ еще сохраняются иконы его письма, одна даже съ подписью: „лѣта 7191 сентября въ 3 день писалъ сей образъ изографъ Полиевктъ Никпоровъ, отъ роженія рукъ немѣлъ и писалъ устами“¹.

При царѣ Ѳеодорѣ Ал. верховые богомольцы живутъ уже въ особыхъ хоромахъ подлѣ царскаго каменнаго терема. Но старое ихъ значеніе государевыхъ бахарей все еще сохранилось и въ это время, и очень вѣроятно, если не все, то нѣкоторые изъ нихъ все еще потѣшали государя своими разсказами. Въ нѣкоторомъ смыслѣ потѣшное ихъ значеніе обнаруживается въ томъ, что у нихъ живутъ царскіе *дураки*; въ 1679 г. у нихъ жили дураки: Петръ, Семенъ² и кажется Ѳеодоръ, вывезенный тогда изъ Переяславля. Дураки, какъ извѣстно, носили оффиціальное значеніе государевыхъ потѣшниковъ.

Къ концу XVII ст. и на женской половинѣ дворца при комнатахъ царицы и царевнъ появились такія же свои лица *верховыя богомольцы*, вдовы старухи и дѣвицы. Они жили въ подлѣткахъ у царицы Прасковьи Ѳеодоровны, у царевны Екатерины Алексѣевны и у царевнъ *малышкѣ*, подлѣ ихъ хоромъ. Здѣсь безъ сомнѣнія онѣ исполняли должность *бахарокъ* или свазочницъ. Въ 1687 г. у царевны Екатерины Алексѣевны живутъ въ ея верхней комнатѣ богомолицы, одна старуха и семь дѣвицъ, въ томъ числѣ одна слѣпая, которымъ царевна 28 окт. сшила новыя рясы и тѣлогреби. Въ 1674 г. у царевны Марыи Алексѣевны жила *дѣвочка безмолая*.

Намъ слѣдуетъ упомянуть еще о карликахъ. Карлы и карлицы по своему значенію принадлежали тоже къ необходимымъ

¹ Исторія Русскихъ Школъ иконописанія, г. Ровинскаго, стр. 167. Его училъ извѣстный въ свое время жалованный иконописецъ Оружейной Палаты Никита Павловецъ. Въ 1674 г. авг. 29, онъ купилъ своему ученику: 6 ставушечекъ нѣмецкихъ, 2 размѣрца нѣмецкихъ (циркули) и дубовый приголовашекъ, окованный желѣзомъ, всего на 2 р. 8 алл. Въ запискѣ при этомъ обозначено, что „по указу в. государя тѣ ставушечки и размѣрцы и приголовашекъ взялъ къ в. государю въ Верху онъ же Никита ученику своему Полиехту, котораго онъ учитъ по иному указу въ Верху иконному своему художеству“. А. О. П.

² Въ 1679 г. ноября 6 куплены сапоги телятинные за 16 ал. 4 д. и отданы дураку Петру, который живетъ у нищихъ въ Верху. Ноября 27, дураку Семену, который живетъ у нищихъ, куплена шапка суконная съ соболемъ. Столбцы А. О. П.

членамъ дворцоваго потѣшнаго общества. Вмѣстѣ съ арапами, ихъ держали, какъ живую рѣдкость, какъ игру природы, необычайную, несообразную и потому возбуждавшую особенное любопытство, наивное подвигленіе и ребяческій наивный смѣхъ. Подобными предметами красилось тогдашнее тщеславіе, обличавшее тѣмъ свои грубые и нечеловѣчные вкусы. Поэтому карликъ являлся всегда сопутникомъ царской и боярской жизни, т. е. вообще жизни богатой, широкой и просторной, которая въ его фигурѣ находила особую красоту для своей роскошной обстановки. И здѣсь, какъ въ отношеніи дураковъ, высказывались тѣже низменные понятія о человѣческомъ достоинствѣ, которое низводилось до степени простой повседневной частію потѣшной обстановки быта. Какъ живыя куклы, карлики, имѣя декоративное придворное значеніе, очень часто служили также и для потѣхи, вмѣстѣ съ шутами. Флетчеръ говоритъ, что царь Ѳеодоръ Ів. вечернее время до ужина проводилъ съ царицею въ увеселеніяхъ, на которыхъ шуты и карлы, мужскаго и женскаго пола, кувыркались передъ нимъ и пѣли пѣсни и это была самая любимая его забава между обѣдомъ и ужиномъ.

О томъ, что иногда бывало въ хоромахъ царскихъ и боярскихъ въ допетровской Руси, мы можемъ судить также по нѣкоторымъ чертамъ княжескаго литовско-русскаго быта, который во многомъ и долго сохранялъ культуру старинной Руси, кievской и галицкой, а слѣд. по прямому наслѣдству и московской, ибо московская бытовая культура была только наиболее полнымъ развитіемъ общей русскаго княжескаго культуры. Англичанинъ Горсей, при царѣ Ѳеодорѣ Ів., попалъ въ Вильнѣ на обѣдъ къ литовскому князю Христофору Радзивиллу, и описываетъ его слѣдующимъ образомъ: „обѣдъ начался при звукѣ трубъ и при рокотаніи барабановъ. Послѣ первыхъ кушаній явились *шуты* и *поэты* для увеселенія гостей; потомъ толпа разряженныхъ *карловъ* и *карлицъ* вошла въ залу, при пѣніи, сопровождаемомъ заунывными звуками свирѣлей“. Радзивиллъ сравнивалъ Горсею эту музыку съ кимвалами Давида и колокольчиками Аарона. Послѣ обѣда Горсей смотрѣлъ разныя странныя потѣхи со львами, съ медвѣдями и быками. Все это, даже кушанья, именно, сдѣланныя изъ сахарнаго тѣста подобія львовъ, еднороговъ, парящихъ орловъ, лебедей и пр. — столько же обрисовываетъ какъ литовско-русскій, такъ и московско-русскій дворцовый бытъ.

У царя Михаила Фед., еще въ первые годы царствованія мы встрѣчаемъ карлика Ивашку Григорьева, съ 1616 г.: а у матери царя, великой старицы иноки Марѣы Ив., карлицу Аѳимью, 1619 г.¹ Затѣмъ упоминаются: Васька Григорьевъ, 1622 г.; Гришка Михайловъ Ключаревъ, 1625 г.; Петрушка Хомяковъ, съ 1625 г., котораго въ 1632 г. женили Федька Игнатьевъ, 1630 г.; Фялька Игнатьевъ, 1631 г.; Степанин, Стенька Наумовъ, 1631 г.; Демка Софоновъ и Сидорка, 1632 г.; Сенька, 1633 г.; Зяновка, Зинка Павловъ, 1634 г.; Ивашка Тимоѣевъ, Стенька Ивановъ, Овонька Семеновъ, Михайка Павловъ, жившіе въ хоромахъ у царевнча Алексѣя Мих., 1638—1640 г.; Ивашка Псковитинъ, карла Потѣшной Палаты, 1640 г.; быть можетъ тотъ же Тимоѣевъ: Ивашка Федотовъ, 1643 г.

Въ комнатахъ царицы Евдокіи Лук. жили карлицы: дѣвка Анютка, 1627 г.; Офушка, 1629 г.; Софья, 1630 г.; Федорка съ 1632 г.; Марeutка, 1633 г.; Соболяка, Парашка, Анютка Быкъ, 1642—1648 г.; Манка, 1644 г. Въ комнатахъ у царевны Ирины Катька и Палагейка, 1642 г.; у царевны Анны Мих. — Оекла, Оеколка 1648—1653 г.; у маленькой царевны Евдокіи Ал. — Акилина, Прасковья, съ 1651 г.; Аксинья, 1652 г.

При царѣ Алексѣѣ Мих. упоминаются: Ивашка да Ортюшка, 1648 г.; Иванъ Федотовъ Горбунъ, 1654 г. Карлы у царевича Алексѣя Алексѣевича: Иванъ Зуевъ, 1660 г.; Тимошка Маленькій, 1661 г.; Петръ Семеновъ. 1664 г.: Карпъ Рѣткинъ, 1664 г.; Дмитрій Верхоцѣнскій, 1668 г.; Петръ Бисеревъ, 1669 г. — У царевича Федора Ал.: Карпъ Рѣткинъ, Петръ Бисеревъ, 1672—1686 г.; Климъ Андреевъ, 1668 г.; Ивашка Юдинъ, 1671—1690 г.: Янка Ивановъ Ветчинка и Ветчинкинъ, 1671—1686 г.; Василий Хомяковъ, 1674—1686 г.; Петрушка Шимшинъ, Петръ Гавриловъ, Петрушка Клопокъ. 1674—1686 г. — У царевича Ивана Ал.: Дмитрій Верхоцѣнскій, 1677—1690 г. — У царевича Петра Ал. съ перваго времени его возраста: Ниянта Гавриловъ Комаръ (умре 1690 г.), Ивашка Комаръ и Климка Комаръ; Ивашка и Емелька, Спиридонъ, Игнатій и Михайла — Кондратьевы: Васька Родіоновъ, а также и другіе изъ поименованныхъ ниже. Должно замѣтить, что эти карлики у маленькаго Петра составляли его первое потѣшное общество. Въ 1684 г.

¹ Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, обозначаются тѣ года, при которыхъ имена встрѣчаются въ документахъ.

для потѣхи имъ были сшты нѣмецкіе кафтаны и нѣмецкіе платна. Въ 1685 г. апр. 30 карла Никита Комаръ на 5 телѣгахъ перевезъ въ село Преображенское *всякіе хоромные потѣхи и ружье*, а іюля 1 ему же Комару да Спиридону, Ивану и Игнатью Кондратьевымъ выдано по полтинѣ на починку потѣшнаго ружья или оружія.

Въ 1686 г. и позднѣе упоминаются: Антипа Ларіоновъ Пытово, обозначенный даже комнатнымъ стольникомъ; Матвѣй Филипповъ, Алексѣй Ивановскій, Емельянъ Хомякъ и Хомяковъ, Романъ Васильевъ, Яковъ Ильинъ, Ермолай Мишуковъ, Михайло Щеголевъ, Никита и Спиридонъ Муратовы, Денисъ и Ѳедоръ Еремеевы, Артемій и Василій Ѳедоровы, Лука Тимоѣевъ, Никифоръ Нагаецъ и др. Вѣроятно, въ числѣ этихъ именъ, есть нѣкоторые изъ упомянутыхъ прежде.

У царицы Натальи Кир. въ 1672 г. показано карлицъ 14 челов., а въ 1673 г. 22 челов., но въ томъ же числѣ, быть можетъ, должно считать и двѣицъ боярышенъ.

Карлики и карлицы ходили въ обыкновенномъ тогдашнемъ нарядѣ, но всегда свѣтлаго цвѣта, преимущественно лазореваго и червчатаго, также зеленаго и желтаго. Тѣ и другіи носили красные или желтые сапоги. Карламъ сверхъ того иногда шили курты и епанчи и нѣмецкіе кафтаны, а вмѣсто шапокъ, араччины — ермолки.

Въ хоромахъ особенная комнатная должность ихъ заключалась, кажется въ томъ, чтобы ходить за попугаями, а слѣдъ: исполнять и другія подобныя заботы. Когда, при царѣ Алексѣѣ, во время мора, весь дворъ выѣхалъ изъ Москвы и во дворцѣ; въ Потѣшной Палатѣ остался жить карла Ивашка, ему были отданы на сохраненіе и всѣ комнатные попугаи. Въ 1659 г. онъ рассказывалъ объ этомъ въ слѣдующей челобитной, поданной царю съ просьбою вознаградить его расходы: „бьетъ челомъ холопишко твой Ивашко карла: какъ ты, государь, пошелъ на другую службу и государыня царица пошла съ Москвы въ походъ, и мнѣ холопишку твоему выдали отъ г. царицы изъ хоромъ четырехъ попугаевъ, а пятаго стараго; и'азъ тѣхъ попугаевъ кормилъ; а про то мое терпѣніе и кормленіе твоихъ государевыхъ птицъ вѣдомо истопнику Александру Боркову, потому, государь, что онъ Александръ меня на всякъ день навѣщалъ и твоихъ государевыхъ птицъ осматривалъ и о птицахъ мнѣ приказывалъ, велѣлъ кормить: и я въ 20 недѣль

скормилъ, покупаячи съ торгу, 8 ф. миндальныхъ ядеръ: да имъ же на всякъ день покупалъ колачей по двѣ денги и самъ, съ торгунъ покупаячи, вѣлъ, потому, государь, что мнѣ съ *Низу* тогда съ *Хлѣбнаго* и съ *Кормоваго* дворца твоего государева корму указнаго не было; а кормъ птицамъ и мнѣ покупалъ Дементей сторожъ, что у тебя, государя въ комнату пожаловалъ; а 20 недѣль и до вашего государскаго пришествія кормилъ (я) тѣхъ поугаевъ и отдалъ здравыхъ. Милосердый государь (титулъ) пожалуй меня холопишка своего своимъ государевымъ жалованіемъ за птичей кормъ и за мое терпѣніе, какъ тебѣ в. г. обо мнѣ убогомъ Богъ извѣститъ. Царь государь смилуйся! *момъта*: 167 г. марта 31 государева жалованья дать ему въ приказъ 10 руб.; приказалъ записать и денги дать стряпчей съ ключемъ Фед. Алекс. Полтевъ.

Вмѣстѣ съ карликами, такое же потѣшное и декоративное придворное значеніе имѣли *арапы*. У царя Михаила, еще въ молодыхъ его лѣтахъ, въ 1614 г., жилъ, вмѣстѣ съ дуракомъ Мосягою, *арапъ Мурамка*, которому генв. 12 были куплены за 9 алт. какіе то особые сапоги *армачки*. Въ 1616 г. упоминается другой арапокъ Давыдъ Салтановъ, которому іюля 5 государь пожаловалъ однорядку червчатую съ мишурнымъ круживомъ и образцами и съ завязками, а въ 1618 г. февр. 8, такую-же однорядку и арачкинъ бархатный (ермолку). У царицы Евдокіи жила въ 1630 г. арапка Степанида, которая потомъ отдана была въ Свѣтлицу въ ученицы, вѣроятно по достиженіи возраста. Въ 1632 г. въ ноябрѣ былъ крещенъ въ православную вѣру арапъ Берекеть; поступилъ ли онъ потомъ во дворецъ, неизвѣстно. Въ 1668 г. у царя Алексѣя живетъ арапъ Савелій, который тогда былъ отданъ учиться грамотѣ подьячему Земскаго Приказа Васькѣ Коверину. Черезъ годъ подьячій, прося награды за ученье, писалъ въ своей челобитной государю, что „онъ Савелій часовникъ и псалтырь у него выучилъ, и выучась, давно отшелъ, а за ученье ничего не давано“. Упомянемъ также, что при Петрѣ, во дворцѣ находились три арапа: Тоюсъ, Сѣкъ, Аврамъ.

Подъ стать арапамъ и арапкамъ нерѣдко являлись при дворѣ маленькіе *калмыченки* и *калмычки*, обыкновенно привозимые плѣнкомъ. Последнія, какъ мы говорили, окрещенныя въ православную вѣру, воспитывались до возраста въ хоромахъ царицы, потомъ обучались руководѣлю въ царицыной Свѣтлицѣ и выда-

вались изъ дворца замужъ. На государевой половинѣ, особенно при комнатахъ царевичей воспитывались тогоже рода мальчики: у царя Федора Ал.; въ 1679 г., жили два калмыченка, Петрушка Аверкиевъ и Ромашка Васильевъ.

Другія дворцовыя увеселенія, которыя не входили въ кругъ увеселеній Потѣшной Палаты, заключались въ разныхъ зрѣлищахъ. Изъ нихъ первое, самое старое и обычное — была *медвѣжья потѣха*. Если дуракъ былъ необходимымъ и самымъ обычнымъ предметомъ домашней утѣхи, то въ такой же мѣрѣ необходимымъ и самымъ обычнымъ предметомъ общественной утѣхи былъ медвѣдь. Онъ, выученый и нашколенный различнымъ людскимъ ухваткамъ и людскому поведенію, бродилъ съ свопми поводырями по всей русской землѣ, изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, потѣшая и забавляя добрыхъ людей каррикатурнымъ, а отчасти и сатирическимъ представленіемъ ихъ же нравовъ и обычаевъ. Во дворцѣ, конечно, собиралось все самое замысловатое и самое искусное въ этомъ родѣ. Мы упоминали, что при царѣ Иванѣ Грозномъ, медвѣди на государеву потѣху отыскивались по всемъ областямъ и лучшіе отбирались, разумѣется, силою въ силу царскаго указа. Это, однако, не было исключительнымъ дѣломъ грознаго владыки; это было простымъ обычаемъ царскаго Двора, вмѣстѣ со многими другими такими же обычными порядками царской жизни, которые иногда, какъ особые исключительныя краски, идутъ не совсѣмъ справедливо на изображеніе только личности Грознаго. Есть грамота о томъ же (1619 г.) молодого царя Михаила, только вступившаго на престолъ. Успокоивая и устроивая разшатавшееся и раззоренное царство, молодой государь немало заботился и объ устройствѣ своей дворцовой жизни, разумѣется, по старымъ уставамъ и порядкамъ. Такимъ образомъ небыла забыта и медвѣжья потѣха. Чтобъ собрать вновь для этой потѣхи медвѣдей и собакъ, государь послалъ на сѣверъ, въ медвѣжью сторону, слѣдующую грамоту: Отъ царя и в. к. Михаила Федоровича всеа русіи въ Галичь губному старостѣ Петру Перелешину. По нашему указу посланы съ Москвы въ Галичь и въ Галитцкіе пригороды на Чюхлomu, къ Солнгалитцкой,

въ Судай, на Унжу, въ Кологривъ, въ Пароевьевъ ¹, и тѣхъ городовъ въ уѣзды ловчево пути охотники Богданъ Опочининъ да Наумъ Усовъ да конные псаря Петръ Молчановъ, Олееръ Ворасинъ, Костянтинъ Олтуфьевъ, въ наши дворцовыя села и въ княженецкіе и въ дворянскіе, и дѣтей боярскихъ и всякихъ людей въ помѣстья и въ вотчины, и въ патриарши и въ митрополичіи и во владычьи и въ монастырскіе вотчины; и въ тѣ волости, которые вѣдаютъ на обиходъ матери нашіе государыни великой старцы иноки Марфы Ивановны; а велѣно имъ въ Галичъ и въ галицкихъ пригородахъ, на осадѣ и въ уѣздахъ и у всякихъ людей имать на нашу псарню собаки борзые и гончіе и меделянскіе и медвѣди. И какъ къ вамъ ея наша грамота придетъ, а ловчево пути охотники Богданъ Опочининъ съ товарищи въ Галичъ и въ галицкіе пригороды придетъ и вы имъ давали (бы) на ослушниковъ стрѣльцовъ и пушкарей и расылщиковъ, сколько челоуѣкъ пригоужь; и кормъ тѣмъ собакамъ и медвѣдемъ и провожатыхъ, и подъ медвѣди и подъ меделянскіе собаки подводы, велѣли давать отъ города до города, и кормъ собакамъ и медвѣдямъ велѣли давать, чѣмъ имъ мочно сытимиъ быть, отъ города до городажъ; а поводчиковъ за медвѣди, гдѣ возмутъ медвѣди, велѣли давать до Москвы. А прочетъ сю нашу грамоту и списавъ съ нея противень слово въ слово, оставливалѣбъ есте у себя; а сю нашу грамоту отсылалибъ есте въ галицкіе пригороды къ привазнымъ людемъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7127 года марта въ 14 день.

Такъ собиралось по всей землѣ все, что только надобилось для государева двора, такъ собирались всякіе художники (напр. иконописцы), ремесленники и разные искусные мастера, когда ихъ искусство и работа требовались для государева обихода. Государь былъ вотчинникомъ своей земли и потому, какъ вотчинникъ-помѣщикъ, почиталъ свою собственность всякій надобный ему предметъ.

Въ Москвѣ для медвѣжьей, какъ и вообще для звѣриной потѣхи и охоты былъ устроенъ обширный псаренный дворъ, гдѣ

¹ На Чухлому Пятому Свиныну, къ Солигалицкой городовому приказнику Федору Мичурину, въ Пароевьевъ Семену Дмитріевичу Опухтину, на Унжу Ивану Яковлевичу Блохину, въ Судай да въ Кологривъ судскими дѣловальниками.

кромѣ медвѣдей содержались и другіе звѣри и разнаго рода охотничьи собаки. Медвѣди, постоянно жившіе во дворѣ, вѣроятно ученые, назывались *дворными*; другіе были *юмчіе*, также *сступные*, *спускные* и наконецъ *дикіе*, которыхъ поставляли на потѣху прямо изъ лѣсу. Зимомъ 1664 г. привезены были изъ Мезени даже и *бѣлые* медвѣди. Медвѣжья потѣха была разнообразна, но вся она распредѣлялась собственно на три статьи: медвѣжья травля, медвѣжий бой и медвѣжья комедія, если правильно будетъ такъ назвать медвѣжьи представленія съ поводчиками, т. е. съ неизмѣнною его сопутницею ряженою возою. Должно полагать, что всѣ эти три статьи входили въ составъ, вѣрдаго зрѣлища медвѣжьей потѣхи, которое могло начинаться комедіею или драмою—травлею и оканчиваться трагедіею—боемъ или единоборствомъ. Во всякомъ случаѣ это былъ довольно разнообразный и очень занимательный спектакль для тогдашняго общества, вполне замѣнявшій ему наши театральныя зрѣлища. Медвѣжьи увеселенія давались обыкновенно въ Кремлѣ *на дворцѣ*, т. е. гдѣ либо на нижнемъ подѣ горою или на заднемъ государевомъ дворѣ, на особо устроенномъ для того мѣстѣ. Въ XVII ст. нерѣдко они давались и на старомъ Цареворисовскомъ дворѣ, близъ палатъ патріарха. Иногда государь тѣшилса на псаренномъ дворѣ на старомъ Ваганьковѣ, гдѣ теперь публичный Музей и на Новомъ Ваганьковѣ, на Трехъ Горахъ. Кромѣ того эта потѣха справлялась временемъ и въ загородныхъ дворцахъ, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ довольно часто въ Покровскомъ Рубцовѣ, въ Хорошовѣ, въ Танинскомъ. На масляной недѣлѣ эта государева потѣха устраивалась обыкновенно на Москвѣ рѣкѣ для всенароднаго зрѣлища и увеселенія. Такъ въ 1675 г. февр. 13 былъ указъ ловчему Матюшкину „со всею потѣхою быть готову, противъ прежняго, на Москвѣ рѣкѣ съ медвѣди съ гонцами и которыхъ колоть рогатинами и съ вилами ходить охотникамъ и псарямъ; и съ волки и съ лисицы и съ собаки борзыми и съ меделянскими; а узавано ему быть готову послѣ ранняго кушавья совѣмъ и ждать его великаго государя указу“. Потѣхи однакожъ въ то число почему-то не было. По разсказу Рейтенфельса однажды въ субботу на масляницѣ на Москвѣ рѣкѣ на льду была травля бѣлыхъ самоѣдскихъ медвѣдей британами и другимъ собаками страшныхъ породъ. Эта сцена порядочно позабавила, потому что и медвѣди и собаки не могли крѣпко держаться на ногахъ и скользили по льду“. Во

дворцъ медвѣжій спектакль давался во всякое время года, но, разумѣется, чаще осенью и зимою, чѣмъ лѣтомъ, и при томъ здѣсь представлялись только комедіи и трагедіи, травля же происходила чаще всего на псарномъ дворѣ и только по праздникамъ.

Въ 1585 г. фев. 20 у дая Федора Ивановича такая комедія началась тѣмъ, что нѣкій Федоръ Пучокъ Молвениновъ привелъ на потѣхъ государю „медвѣдя съ хлѣбомъ да съ солью въ саадакъ“, т. е. вооруженнаго лукомъ и стрѣлами; и потомъ „спустилъ“ своего ученаго медвѣдя на бой съ дикимъ медвѣдемъ. Спектакль вѣроятно очень полюбился государю, потому что поводчикъ получилъ довольно значительную награду: каму добрую въ 5 р., зубъ костоманскую въ 3 р., сукно доброе въ 2 р.: да человекъ его получилъ суконце въ 4 гривны¹. Известно, что медвѣдники — поводчики забавляли публику и своимъ присказами и приговорками, которыя объясняли медвѣжьи дѣйства и служили какъ бы текстомъ къ этому медвѣжьему балету. Вѣрно и здѣсь старинный шуточный ироническій умъ русскаго человека не ходилъ въ карманъ за словомъ, и беззащитно и остроумно выставлялъ всякія смѣшныя стороны тогдашней жизни. О томъ, что когда-то представляли ученые медвѣди, мы можемъ составить понятіе изъ одного газетнаго объявленія, относящагося къ половинѣ XVIII ст. Оно тѣмъ болѣе теперь любопытно, что медвѣдники по распоряженію правительства вмѣстѣ съ послѣдними учеными медвѣдями должны скоро совсѣмъ исчезнуть изъ деревенскаго общества. Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1771 г. отъ 8 іюля было напечатано: *Для извѣстія*: Города Курмыша Нижегородской губерніи крестьяне привели въ здѣшней городъ двухъ большихъ медвѣдей, а особливо одного отъменной величины, которыхъ они искусствомъ своимъ сдѣлали столь ручными и послушными, что многія вещи, къ немалому удивленію зрителей, по ихъ приказанію исполняютъ, а именно: 1) вставши на дыбы присутствующимъ въ землю кланяются, и до тѣхъ поръ не встаютъ, пока имъ приказано не будетъ; 2) показываютъ, какъ хмѣль вьется; 3) на заднихъ ногахъ танцуютъ; 4) подражаютъ судьямъ, какъ они сидятъ за судейскимъ столомъ;

¹ Дополн. къ Ахтамъ Истор. I, № 131. Обыкновенная награда даже за медвѣжій бой, т. е. за то, что бойца медвѣдь възъ или ободрагъ, — бывала въ это время — сукно доброе цѣною въ 2 рубля.

5) натягиваютъ и стрѣляютъ, употребляя палку, будто бы изъ лука; 6) борются; 7) вставши на заднія ноги и воткнувши между оныхъ палку вѣдятъ такъ, какъ малые ребята; 8) берутъ палку на плечо, и съ оною маршируютъ, подражая учащимся ружьемъ солдатамъ; 9) задними ногами перебрасываются черезъ цѣпь; 10) ходятъ какъ карлы и престарѣлыя, и какъ хромыя ногу таскаютъ; 11) какъ леженка безъ рукъ и безъ ногъ лежатъ и одну голову показываетъ; 12) какъ сельскія дѣвки смотрятся въ зеркало и прикрываются отъ своихъ жениховъ; 13) какъ малыя ребята горохъ крадутъ и ползаютъ, гдѣ сухо, на брюхѣ, а гдѣ мокро, на колѣняхъ, выкравши же валяются; 14) показываетъ, какъ мать дѣтей родныхъ холитъ, и какъ мачиха пасынковъ убираетъ; 15) какъ жена милова мужа приголубливаетъ; 16) порохъ изъ глазу вычищаютъ съ удивительною бережливостію; 17) съ небольшою осторожностію и табакъ у хозяина изъ за губы вынимаютъ; 18) какъ теща зятя подчивала, блины пекла и угорѣвши повалилась; 19) допускаютъ каждаго на себя садиться и вѣдятъ безъ малѣйшаго супротивленія; 20) кто похочетъ, подають тотчасъ лапу; 21) подають шляпу хозяину, и барабанъ, когда козой играетъ; 22) кто поднесетъ пиво или вино съ учтивостію принимаютъ и выпивши посуду назадъ отдавая кланяются. Хозяинъ при каждомъ изъ выше помянутыхъ дѣйствій сказываетъ замысловатыя и смѣшныя приговорки, которыя тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ больше сельской простоты въ себѣ заключаютъ. Не столько бы вещь сія была смотрѣнія достойна, ежелибъ сія дикіе и въ прочемъ необуздаемые звѣри были лишены тѣхъ природныхъ своихъ орудій. коими они людямъ страхъ и вредъ наносятъ; напротиву того не обрублены у нихъ лапы, также и зубы не выбиты, какъ то обыкновенно при таковыхъ случаяхъ бываетъ. Все вышѣпомянутое показывано быть имѣетъ въ праздничные дни въ карусельномъ мѣстѣ противу церкви Николая чудотворца по полудни въ 6 часу. Первые мѣста по 25 коп., вторыя по 15 коп., а послѣднія по 5 коп. съ человѣка. Смотрители впускаемы будутъ за заплату наличныхъ денегъ“.

Для насъ неоднѣнно были бы дороги исполненныя сельской простоты эти замысловатыя и смѣшныя приговорки, еслибъ онѣ дошли къ намъ прямо отъ того медвѣди въ саадакъ, которымъ потѣшался царь Федоръ Ивановичъ. Но что говорить о старинѣ, когда и современный намъ медвѣдь, сохраняющій

еще довольно старого, скоро совсѣмъ уйдетъ со сцены, никому не рассказавши своей любопытной исторіи.

Медвѣжій бой представлялъ также самое обычное зрѣлище во дворцѣ, которое такъ и называлось *дворцовой потѣхой* и устраивалось, конечно, не исключительно для одного только государя, или для одного мужскаго чина, но вѣроятно и для всѣхъ любопытныхъ и изъ женскаго чина. На этомъ зрѣлищѣ бывали даже малолѣтныя дѣти; напр. въ 1634 г., въ субботу на масленицѣ пѣшій царь Герасимъ Степановъ тѣшилъ пятилѣтняго царевича Алексѣя Мих. дворовыми медвѣдами и на той потѣхѣ медвѣди на немъ царь кастанъ изодрали. Это зрѣлище было самымъ любимымъ и у самаго добраго и богомольнаго царя Федора Ивановича. Именно по поводу его потѣхъ Флетчеръ описываетъ подробно и это зрѣлище.... „Бой съ медвѣдемъ, говоритъ онъ, происходитъ слѣдующимъ образомъ: въ кругъ, обнесенный стѣною, ставятъ человѣка, который долженъ возиться съ медвѣдемъ какъ умѣетъ, потому что бѣжать некуда. Когда спустятъ медвѣда, то онъ прямо идетъ на своего противника съ отверстою пастью. Если человѣкъ съ перваго раза дастъ промахъ и подпуститъ къ себѣ медвѣда, то подвергается большой опасности; но какъ дикій медвѣдъ весьма свирѣпъ, то это свойство даетъ перевѣсъ надъ нимъ охотнику. Нападая на человѣка медвѣдъ поднимается обыкновенно на заднія лапы и идетъ къ нему съ ревомъ и разинутую пастью. Въ это время если охотникъ успѣетъ всадить ему рогатину въ грудь между двумя передними лапами (въ чемъ, обыкновенно, успѣваетъ) и утвердить другой конецъ ея у ноги такъ, чтобы держать его по направленію къ рылу медвѣда, то, обыкновенно, съ одного разу спибааетъ его. Но часто случается, что охотникъ даетъ промахъ и тогда лютой звѣрь или убиваетъ или раздираетъ его зубами и когтями на части. Если охотникъ хорошо выдержитъ бой съ медвѣдемъ, его ведутъ къ царскому погребу, гдѣ онъ напивается до пьяна въ честь государя, и въ этомъ вся его награда за то, что онъ жертвовалъ жизнію для потѣхи царской“. Напротивъ, мы имѣемъ официальные свидѣтельства отъ того же времени, что бойцы всегда получали въ награду портище хорошаго сунна на кастанъ, цѣною въ 2 р.; это было обычнымъ государевымъ жалованьемъ за такую потѣху не только въ XVI, но и въ теченіи всего XVII ст. Въ особенныхъ случаяхъ бойцы получали и большую награду. Разумѣется и

эта награда по нашимъ понятіямъ не соотвѣтствуетъ подвигу. Но должно замѣтить, что подвигъ ходить одному на дикаго медвѣдя въ то время едвали почитался дѣломъ необычайнымъ, рѣдкимъ; судя по множеству такихъ случаевъ, на одной только царской потѣхѣ, онъ былъ простымъ рядовымъ явленіемъ охотничьей жизни, а потому и цѣнился въ мѣру своей такъ сказать повседневной цѣнности. Большею частью бойцы принадлежали къ дворцовому же государеву чину и состояли въ вѣдомствѣ конюшеннаго двора при „Ловчемъ пути“ или при царской охотѣ. Это были псовники, конные и пѣшіе псаря и собственно *охотники*, или ловцы звѣрей — первые люди Ловчаго пути. Изъ нихъ при царѣ Михаилѣ особенно знаменитъ былъ пѣшій псарь Кондратій Корчминъ. Въ 1616 г. въ ноябрѣ на большой потѣхѣ на дворцѣ вмѣстѣ съ семью товарищами, такими же псарями, на немъ медвѣди изодрали зпунъ; а въ декабрѣ на потѣхѣ его медвѣдъ измялъ и платье на немъ ободралъ. Черезъ годъ, 1618 г. въ январѣ, онъ опять потѣшалъ царя медвѣжьимъ боемъ; въ февралѣ 1620 г. опять на потѣхѣ бился съ медвѣдемъ. Въ томъ же году сентября 11-го вмѣстѣ съ товарищемъ, тоже псаремъ, Сенькою Омельиновымъ, тѣшилъ государя на Старомъ Царевѣборисовѣ дворѣ дворными медвѣди-гонцами. На этой потѣхѣ медвѣдъ ему изъѣлъ руку, а товарищу его Сенькѣ изъѣлъ голову. Въ январѣ слѣдующаго 1621 г. онъ снова на потѣхѣ съ четырьмя товарищами — псарями; всѣ онѣ бились съ дикими медвѣдями вилами. Въ февралѣ тогоже года, на мясной недѣлѣ въ среду, какъ государь тѣшился гончими и дикими медвѣди, былъ на потѣхѣ и Корчминъ въ девятеромъ съ товарищами; медвѣди драли на нихъ кафтаны. Въ 1622 г. февр. 28, на масляной недѣлѣ въ четверкъ, Корчминъ опять съ братомъ Иваномъ и тремя товарищами псарями былъ на потѣхѣ, бился съ дикими медвѣди вилами. Въ іюнѣ 1625 г. онъ тѣшилъ царя тоюже потѣхою въ селѣ Рубцовѣ. Въ ноябрѣ 1626 г. бился съ дикимъ медвѣдемъ вилами и медвѣдя вилами поставилъ, да онъ же въ селѣ Рубцовѣ предъ государемъ на потѣхѣ медвѣдя убилъ рогатиною, за что и получилъ награду съ прибавкою, 5 арш. тафты и 4 арш. сукна. Такимъ образомъ Корчминъ увеселяетъ государя, т. е. ходитъ на медвѣдя въ теченіи десяти лѣтъ, а быть можетъ и больше, ибо мы не имѣемъ полныхъ погодныхъ записокъ объ этой потѣхѣ.

Другой герой медвѣжьей потѣхи, конный псарь Алексѣй Меркульевъ, ходитъ на медвѣдя въ продолженіи двадцати лѣтъ слишкомъ. Въ 1631 г. въ ноябрѣ онъ получаетъ обычное жалованье, портяще сукна въ 2 р., за то что на потѣхѣ его медвѣдь драгъ. Въ 1632 г. февраля 9, на потѣхѣ онъ бился съ дикимъ медвѣдемъ вилами добро, какъ и товарищъ его Петръ Молчановъ. Въ 1635 г. въ ноябрѣ самъ-четвертъ съ товарищами онъ опять бился съ дикими медвѣдями добро, въ селѣ Рубцовѣ. Въ 1636 г. февр. 28, на масляницѣ на дворцѣ опять въ двоємъ съ товарищемъ бился вилами добро. Въ 1646 г. вмѣстѣ съ другими онъ бился на медвѣжьей потѣхѣ въ с. Павловскомъ и въ с. Покровскомъ. Въ февралѣ 1647 г. онъ со многими другими бился съ дикими медвѣдями на Псареннымъ дворѣ. Затѣмъ упоминается въ чинѣ псарей въ 1631 г. Въ это время онъ названъ уже охотникомъ. Третій псарь Петръ Молчановъ стѣпвалъ на потѣхѣ больше тридцати лѣтъ 1620—1651 г., четвертый Осипъ Молчановъ около 25 лѣтъ.

Не поразу также хаживали на медвѣдя на государевой потѣхѣ и многіе другіе товарищи Корчинна, Меркулева и Молчановыхъ, напр. Сенька Омеляновъ, 1620—1626 г.; Ивашка Санинъ, 1620—1626 г.; Аѳонасій Дмитріевъ, 1616—1620 г.; Олферъ Вараксинъ 1620; Марко Юрьевъ, 1621—1627 г.; Степанъ Ябединъ, который въ февралѣ 1620 и 1621 г. передъ государемъ кололъ дикаго медвѣдя рогатиною, а въ 1622 г. декабря 31 на потѣхѣ медвѣдь изодралъ на немъ платье; охотникъ Еремей Теряевъ, 1646—1650 г.; Семень Головцынъ 1646—1648 г.; Тимофей Невѣровъ въ 1649 г. и т. д.

Все это показываетъ, что служители царскаго *Ловчаго пути*, охотники, псаря, псовники едвали не всѣ были истыми героями медвѣжьего поля, и почитали для себя весьма обычнымъ дѣломъ выходить по надобности и на государеву потѣху. Изъ нѣкоторыхъ указаній видно, что подвигъ медвѣжьего поля становился достояніемъ цѣлаго рода; таковы были псаря Молчановы при царѣ Михаилѣ, упомянутые выше Петръ и Осипъ, послѣдній если не сынъ, то вѣроятно, братъ перваго, передавшіе въ наслѣдство свою силу и отвагу и своимъ дѣтямъ, изъ которыхъ при царѣ Алексѣѣ были извѣстны сыновья Осипа, Матвѣй да Иванъ, 1646—1651 г.; также Михайло, Любимъ, Ѡадей, тоже родичи, если не дѣти первыхъ. Славна была и семья Озорныхъ: отецъ Богданъ Озорной потѣшалъ царя Миха-

ила, съ 1621 г., а сыновья Никифоръ и Яковъ царя Алексѣя, съ 1647, и т. п. Нерѣдко сыновья ходили на бой за одно съ отцами. Такъ въ 1646 г. человекъ боярина Б. И. Морозова, Иванъ Брылкинъ съ сыномъ Аеонаською имались съ медвѣдемъ въ селѣ Павловскомъ 31 генв.; потомъ блись съ медвѣдемъ въ январѣ 1648 г.

Это свидѣтельство указываетъ также, что на дворцовую потѣху вызывались или призывались иной разъ охотники и изъ другихъ сословій или чиновъ. Въ декабрь 1614 г. царя потѣшали трое стрѣльцовъ, въ томъ числѣ Семька Федоровъ; у нихъ на потѣхѣ медвѣдъ изодралъ настаны. Въ мартѣ 1618 г. на потѣхѣ драгъ медвѣдъ задворнаго конюха Ив. Столешникова. Въ 1615—1619 г. въ царскихъ потѣхахъ участвовалъ человекъ боярина Ѳ. И. Мстиславскаго, Матвѣй Паховъ, поставлявшій на государеву псарню къ потѣхѣ дикихъ медвѣдей. Въ ноябрѣ 1627 г. въ Тонинскомъ на потѣхѣ медвѣдъ драгъ истопника Илью Севрюкова. Въ 1622 г. генв. 2, на потѣхѣ на дворцѣ постельный сторожъ Петрушка Мекотинъ передъ государемъ дворныхъ медвѣдей дразнилъ и съ дикимъ медвѣдемъ бился вилами и его дикій медвѣдъ ѣлъ. Въ 1626 г. на святкахъ и въ 1627 г. на масляницѣ тотъ же Мекотинъ выходилъ на бой вилами съ дикими же медвѣдами и въ оба раза остался невредимъ. Въ 1623 г. февр. 18, на масляницѣ во вторникъ на дворцѣ на государевѣ потѣхѣ бился съ дикимъ медвѣдемъ, Канинскіе земли Самоѣдинъ Семейка. Въ октябрь 1626 г. бился съ дикимъ медвѣдемъ вилами постельный истопникъ Панка Гигишинъ въ селѣ Покровскомъ. Въ 1628, въ субботу на масляницѣ на государевой потѣхѣ на дворцѣ тѣшилъ государя, бился съ дикимъ медвѣдемъ князь Иванъ Гундуровъ, за что и получилъ 9 арш. камки адаманки лазоревой (на 2 р. 75 к.). Въ октябрь 1631 г. въ Покровскомъ на потѣхѣ гончій медвѣдъ драгъ подклучника Тимофея Федотьева. Тогда же и тамъ же тѣшилъ государя и человекъ боярина кн. И. Б. Черкаскаго Андр. Слѣпой, которому выдано въ награду по 4 арш. тафты и сукна, всего на 8 р., тогда какъ обыкновенная награда бывала въ 2 р. Быть можетъ онъ не прозвищемъ только, а на самомъ дѣлѣ былъ слѣпой, тогда потѣха, конечно представляла еще больше занимательнаго. Въ томъ же октябрѣ стряпчій конюхъ Степанъ Карповъ тѣшилъ государя въ селѣ Тонинскомъ, билъ въ барабанъ и медвѣди дразнилъ и медвѣдъ его драгъ.

Въ февраль 1632 г. на потѣхъ медвѣдь драгъ сына боярскаго Галлченина Ѳедора Сытина, который получилъ за потѣху сукно на однорядку, дороги глянскія на фезези, да на кафтанъ и на приклады къ платью деньгами 5½ р. всего на весь нарядъ 14 р. Въ томъ же году на масляной медвѣдь драгъ на потѣхъ *жмилца* Борися Ушакова, которому дано на платье больше 6 р. Въ ноябрь 1634 г. потѣшалъ государя яноземець птичій стрѣлокъ Исакъ Быковской — какъ государь тѣшилъ медвѣдемъ гонцомъ п его Исая медвѣдь изломалъ п платье на немъ изодралъ. Въ декабрь въ селѣ Рубцовѣ бился съ дякимъ медвѣдемъ вилами человекъ б. кн. Б. И. Черкаскаго Гаврила Жуковъ. — Въ январь 1636 г. на дворцѣ бился съ медвѣдемъ стрѣлецъ Гавр. Савельевъ, п медвѣдь его драгъ и кафтанъ изодралъ и голову испробилъ. — Въ ноябрь того же года въ селѣ Покровскомъ бился черкашеничъ (малороссъ) Лукашъ Григорьевъ п медвѣдь гонецъ изодралъ на немъ зипунъ да помялъ руку. — Въ маѣ 1637 г. *жмилецъ* Алексѣй Зеленой въ селѣ Рубцовѣ боролся съ дворнымъ медвѣдемъ п получилъ за то 4 арш. сукна на 4 р., да на шапку 2 р. Въ сентябрь 1641 г. упомянутый выше конюхъ Степанъ Карповъ снова тѣшилъ государя въ селѣ Коломенскомъ медвѣдями гонцами, передъ тѣми медвѣди бѣгалъ, п платье на немъ однорядку п штаны медвѣди изодрали. Конечно, то былъ счастливый бой, когда оканчивался только драньемъ платья; но иногда, какъ мы и выше видѣли, бойцы подвергались разнымъ увѣчьямъ, что обыкновенно обозначалось: медвѣдь его ѣлъ. Такъ въ январь 1619 г. дикій медвѣдь ѣлъ коннаго псаля Петрушку, прозвище Горностаѣ. Въ январь же 1626 г. былъ изувѣченъ охотникъ Алексѣй Титовъ — на дворцѣ дикой медвѣдь ѣлъ его за голову п зубы выломалъ. Въ декабрь 1636 г. въ с. Рубцовѣ медвѣдь гонецъ изломалъ псовника Вас. Усова п платье на немъ ободралъ.

Изъ этого перечня медвѣжьихъ боевъ видимъ, что ихъ героями нерѣдко бывали жильцы, т. е. люди средняго дворянства, не говоря уже о дѣтяхъ боярскихъ, подклучникахъ и другихъ придворныхъ чиновникахъ, принадлежавшихъ къ дворянству мелкой сошки.

Была еще потѣха львиная. Мы видѣли, что львы были привезены въ Москву еще при царѣ Ѳедорѣ Ив. Быть можетъ съ того времени устроенъ и особый львиный дворъ, находившійся у Китайгородской стѣны, гдѣ теперь губернскаѣ присут-

ственные мѣста. Можно догадываться, что такъ называемая *Яма* (долговая тюрьма) есть именно старое помѣщеніе львовъ или старинный львиный дворъ. При царѣ Михаилѣ въ 1619 году (февр. 8) какой то рязанецъ Гришка Ивановъ вышелъ къ государю съ звѣремъ со львомъ изъ Кизылбашъ, т. е. изъ Персіи; онъ или самъ его привезъ или только сопутствовалъ привезенному оттуда льву, неизвестно. Этому льву ноября 3 отпущено на ошейникъ 4½ арш. зеленыхъ суконныхъ покроей. Одно смотрѣнье на такого рѣдкаго звѣря уже доставляло не малую потѣху для государя и его семейства, какъ и для всего общества Москвы. Но левъ участвовалъ иногда и на обыкновенной медвѣжьей потѣхѣ. Въ 1648 г. февр. 29 на государевой потѣхѣ на царенномъ дворѣ былъ со львомъ звѣремъ ловчачо пути звѣровщикъ Сила Зерцаловъ, и на той потѣхѣ дикой медвѣдь на немъ однорядку изодралъ.

При царѣ Михаилѣ въ Москвѣ появилась и другая рѣдкая потѣха—приведены были слоны. Въ 1625 г. іюня 12 въ селѣ Рубцовѣ—Покровскомъ тѣшили государя на слонѣхъ слоновщикъ Чанъ Ибраимовъ и Фотулъ Мамутовъ. Въ 1626 г. окт. 31 вѣроятно тотъ же слоновщикъ арапъ Тчанъ и въ томъ же селѣ опять тѣшилъ государя слонѣмъ.

Съ сѣвера нерѣдко самоѣды пригоняли въ Москву оленей, которые также потѣшали царское семейство. Въ 1617 г. олени были пригнаны изъ Кольскаго острогу; въ 1620 г. съ оленями пріѣхала изъ Кольскаго же острогу Канинская и Тиунская Самоѣды; въ 1643 г. дек. 16 съ живыми оленями пріѣзжалъ Мезенскій самоѣдинъ Вахъ Пургинъ. Можно полагать, что пригонъ оленей былъ чѣмъ-то въ родѣ обычной дани, или обычныхъ даровъ государю отъ самоѣдскаго населенія. Въ 1666 г. самоѣды, которые были присланы съ Кевроли и съ Мезени съ государевыми оленями, Тренка Иншинъ, Былка Марчиковъ, Ядовгъ Соболюковъ, Обленисковъ Нодекирповъ, Якушка Облесовъ, на сырной недѣлѣ по указу в. государя ѣздили на оленяхъ на дворцѣ.

Упомянемъ о нѣкоторыхъ особенныхъ зрѣлищахъ, какія изрѣдка служили также увеселеніемъ для государева семейства. Въ 1633 г. іюля 18 поручикъ Анцъ Зандерсонъ и золотого дѣла мастеръ Яковъ Гастъ тѣшили государя на дворцѣ долгою пиквою да прапоромъ и шпагами *поединкомъ*, за что были хорошо награждены, первый, вѣроятно побѣдитель, получилъ 10 арш. камки и сорокъ соболей; второй сорокъ соболей.

Въ 1634 г. осенью (ноября 23) стрѣлецъ Петрушка Иване-городецъ тѣшилъ государя въ селѣ Рубцовѣ, носилъ на зубахъ бревно. Въ 1645 г. марта 28 царицынъ свѣнной сторожъ Микула Остафьевъ тѣшилъ государя и царевича, — бился съ дуракомъ Исаемъ, за что по приказу царевича (Алексія Мих.) ему выдано 4 арш. сукна въ 2 р.

Наконецъ при царѣ Алексѣево дворцѣ явились зрѣлища театральныя. Изгоняя отовсюду скомороховъ и скоморошество, это наше родное или на своей родной почвѣ выращенное проповѣданіе народной веселости, изгоняя кощунныя смѣхи и разныя глумотворныя спектакли этихъ веселыхъ людей, наша старина, противъ всякаго чаянія со стороны древнихъ домостроевъ, совсѣмъ неожиданно попала на комедійное дѣйство, въ сонмъ такого же глумотворенія, только иначе, по царски, устроеннаго, притомъ по происхожденію нѣмецкаго. которому, слѣдовательно, было какъ-то позволительнѣе явиться передъ глазами стараго благочестія. Нѣмцы дѣйствовали свои дѣйства изъ библіи. Казалось, это было дѣломъ невозможнымъ для понятій старины. Но такова была сила общаго движенія нашей жизни, увлекавшая насъ все ближе и ближе къ европейскому міру. ко всѣмъ сатанинскимъ прелестямъ и обаяніямъ, отъ которыхъ столь долго оберегали древнюю Русь ея добродушные домостроп. Невозможное, отверженное въ одномъ видѣ, являлось возможнымъ и признаннымъ въ другомъ; и въ то самое время, когда шли горячіе споры даже только о буквахъ Писанія, на дворцовой сценѣ дѣйствовали комически библію. Однакожь, дѣло не показалось особенно чудовищнымъ, главнымъ образомъ именно потому, что тутъ дѣйствовали нѣмцы, значить люди чужіе, иновѣрные, тоже отверженные. Самому русскому какъ-то неестественно было начать такое небывалое дѣло. Да и какъ было осмѣлится: чтобы сказали и чтобы надѣлали тогда нововводителю крѣпкія власти Домостроя.

Въ силу постояннаго и неутомимаго отрицанія, господствовавшего въ нашей старой жизни, отрицанія всѣхъ свободныхъ, самостоятельныхъ и самобытныхъ движеній жизни, говоря разумѣется лишь о сферѣ мысли и о сферѣ искусства, — ничто, конечно, общечеловѣческое, не должно было развиваться въ ней изъ самобытныхъ источниковъ; ничто не должно было органически

пройти всѣ степени возраста съ зародыша до возмужалости. Страшная изувѣрная опека мысли, какъ и не менѣе страшная, изувѣрная опека чувства, вообще нрава, обычая, опека воли, держала русское общество цѣлые вѣка въ томъ старовѣрческомъ умственномъ и нравственномъ гнетѣ, въ которомъ не возможны были никакіе свободные самостоятельные шаги впередъ. Такіе шаги могли являться отъ всякаго другаго, только не отъ воспитанника и ученика Домостроевъ. Поэтому самую свободу такихъ шаговъ мы должны были пріобрѣтать у нѣмцовъ, выписывать изъ-за границы; для русскихъ убѣжденій она была развратомъ и потому на русской землѣ могла являться только въ иноземномъ образѣ, который служилъ оправданіемъ всякому явленію, выходящему изъ круга домостроевскихъ понятій, или изъ уровня извѣстной изменности и тѣсноты старинныхъ представленій вообще о свободныхъ и независимыхъ положеніяхъ жизни.

Такъ, въ старое время, у насъ находились въ рукахъ всѣ средства для того, чтобы простымъ, естественнымъ путемъ дойти до своенародной обработки театральнаго зрѣлища. Въ народѣ „скомрашиное дѣло“ процвѣтало, въ народѣ жили походячія кукольныя комедіи; дураки-шуты господствовали своими играми во всякомъ зажиточномъ домѣ, самый медвѣдь являлся актеромъ; не говоримъ о разныхъ бытовыхъ чинныхъ дѣйствахъ, гдѣ всякій сколько нибудь важный шагъ превращался въ спектакль, въ зрѣлище. Словомъ сказать, народъ былъ очень расположенъ къ сценическому искусству и въ своей жизни имѣлъ весьма достаточные матеріалы для его устройства по собственному плану, по крайней мѣрѣ по собственному характеру. Недоставало одного, свободы дѣйствія, свободы литературнаго слова, хотя бы и не полной, но только освященной закономъ, чтобъ не казалась эта свобода грѣхомъ и беззаконіемъ. Какъ можетъ что либо правильно вырастать и развиваться, если это что-либо находится подъ вліяніемъ сознанія, что самое его существованіе есть грѣхъ и беззаконіе; а именно такимъ сознаніемъ и бичевалось старинное наше сценическое дѣло въ народѣ. Оно поэтому и оставалось все время безъ движенія, въ своей первой порѣ, безъ руководящей мысли, которую среди поденнаго изменнаго и презираемаго труда, конечно, выработать не могло. Вотъ почему мы должны были принять комедію, какъ называлось тогда вообще драматическое пред-

изъ рукъ нѣмцовъ. Мы такимъ же путемъ должны
 у нѣмцовъ и живопись, талантъ который какъ
 амъ въ руки, такъ и оставался не тронутымъ цѣлые
 отданъ онъ былъ съ строжайшимъ запрещеніемъ
 зго въ свободной и независимой обработѣ. Византія
 въ этомъ отношеніи духъ политѣйшаго и всесто-
 янаго отрицанія всякихъ свободныхъ дѣйствій въ ходѣ народ-
 ной культуры. Она завѣщала намъ именно борьбу съ свободою
 , вызывая эту свободу однимъ общимъ, весьма страшнымъ
 , Опасаясь ереси, мы, малолѣтние и потому
 не , съ особеннымъ усердіемъ и зарывали
 на всѣхъ путяхъ. Учителя послѣ и сами
 , это усердіе; но здѣсь виноватымъ
 , уже народный умъ, неумолимо послѣ-
 ный въ своихъ выводахъ, которые онъ по необходи-
 мости и довелъ до своей крайности, до послѣдней черты, т. е.
 членовъ, приготовившихъ и вызвавшихъ петровскую ре-
 у, или петровское освобожденіе народныхъ силъ отъ ихъ
 мощенія. Бывовы были великія послѣдствія этого осво-
 женія; когда сидѣвшій тридцать лѣтъ сиднемъ русскій бога-
 тырь наконецъ всталъ, порасправилъ члены и началъ дѣйстви-
 вать, — объ этомъ тотчасъ же стала рассказывать русская
 исторія; неперестаетъ рассказывать и до сего дня, дождавшись
 новаго великаго послѣдствія той же свободы.

Въ половинѣ XVII ст. во дворцѣ, какъ и во всемъ высшемъ
 обществѣ Москвы хорошо было извѣстно, что такое *комедія*
 и какъ весело потѣшаются ею въ далекихъ земляхъ Европы и
 даже въ близкой Польшѣ. Въ 1635 г. московскіе послы были
 на такой потѣхѣ у польскаго короля, а потѣха была: какъ при-
 ходилъ къ Іерусалиму ассирійскаго царя воевода Алафернъ, и
 какъ Юдиѣ спасла Іерусалимъ¹. Въ другой разъ въ 1637 г.,
 наши послы отказались было идти въ такую комедію, потому
 что былъ тамъ папскій легатъ, а они съ нимъ вмѣстѣ, въ ра-
 венствѣ, сидѣть не хотѣли. Послы, возвращаясь въ Москву,
 конечно, въ подробности рассказывали и объясняли, въ чемъ
 состояли эти комидійныя дѣйства. При царѣ Алексѣѣ одни раз-
 сказывали дворянина Лихачова и его товарищей о своемъ Флорен-
 тинскимъ посольствѣ 1660 г. должны были приводить въ не-

¹ Исторія Россіи, г. Соловьева, IX, 248.

сказанное изумленіе и подивленіе всѣхъ, кому только удавалось ихъ послушать; а первымъ изъ такихъ любопытныхъ былъ самъ царь Алексѣй, впечатлительный и пытливый, который нисколько не былъ чуждъ интересамъ европейскаго быта. Ребенкомъ, онъ самъ уже хаживалъ въ нѣмецкомъ платьѣ и къ нѣмцамъ, полезнымъ для отечества, всегда былъ милостивъ и щедръ.

Во Флоренціи посланникъ Дихачовъ пробылъ слишкомъ мѣсяць; видѣлъ тамъ европейскую жизнь лицомъ къ лицу со всякими ея диковинами и дивами, видѣлъ великолѣпныя палаты, роскошныя сады, фонтаны, гдѣ безпрестанно вода прыгаетъ на дробныя капли, а къ солнцу, что камень хрусталь; осмотрѣлъ тамъ все; по потѣшнымъ дворамъ и по палатамъ вѣдѣлъ 8 дней, въ садахъ пробылъ цѣлую недѣлю; а въ садахъ красота и благоуханіе ароматное; а красоту въ садахъ нельзя описать; да и вообще сознавался, что „никого описать неумѣть, потому, что чего не видалъ, тому и въ умъ непрійдетъ. Удивлялся тамошнимъ жарамъ великимъ: каково тамъ о Крещеньи, у насъ на Руси таково и о Ивановѣ дни. Вообще провелъ тамъ время совершенно по европейски и очень весело: былъ на публичномъ рыцарскомъ игрищѣ въ мячъ, былъ даже на балу у Флоренскаго князя, гдѣ было собрано большихъ думныхъ людей съ женами съ 400 челов., и ночь всю танцовали, самъ князь и сынъ и братья и княгиня. Представлялся не разъ княгинѣ и на послѣдяхъ — торжественно, въ присутствіи дѣвицъ и сѣнныхъ боярынь, которыхъ было ста съ два. По просьбѣ княгини для подарка ея новобрачной невѣсткѣ сдѣлалъ ей по русскому обычаю двѣ шубки, одна подъ камкою, другая подъ тафтою, у одной исподъ горностаиной, а у другой бѣлій; и вѣдѣла княгиня на себя и дивилася, что урядно выдѣлали. Замѣтилъ, что тамошнія женщины ходятъ — сосцы голы и на головахъ нѣтъ ничего; между тѣмъ, какъ русскія женщины закутывали себя и почитали великимъ стыдомъ и грѣхомъ опростоволоситься, т. е. вообще носить волосы открытыми.

Къ довершенію многочисленныхъ удовольствій, какія почти каждый день долженъ былъ испытывать нашъ посланникъ, его три раза приглашали въ театръ, въ комедію. Объ одной комедіи онъ оставилъ небольшую записку, въ которой говоритъ: „объявились палаты, и бывъ палата и въ низъ уйдетъ; и того было шесть перемѣнъ. Да въ тѣхъ же палатахъ объявилось море колеблемо волнами, въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди

вздять; и въ верху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди; и почали облака и съ людьми на низъ опущаться; подхватя съ земли человека подъ руки, опять въ верхъ же пошли; а тѣ люди которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялися въ верхъ, затѣмъ, на небо. Да спушчался съ неба же на облакъ съдъ чело-вѣкъ въ каретѣ; да противъ его въ другой каретѣ—прекрасная дѣвица; а аргамачки (кони) подъ каретами, какъ быть живы, ногами подрягиваютъ. А князь сказагь, что одно солнце, а другое мѣсяцъ.—А въ иной перемѣнѣ, въ палатѣ, объявилоса поле, полно костей человѣческихъ; и враны прилетѣли и почали клевать кости. Да море же объявилоса въ палатѣ, а на морѣ корабли небольшіе и люди въ нихъ плаваютъ.—А въ иной пе-ремѣнѣ объявилоса чело-вѣкъ съ 50 въ летахъ, и почали сабля-ми и шпагами рубитиса, и изъ пищалей стрѣляти, и чело-вѣка съ три какъ будто и убили. И многіе предивныя молодцы и дѣвицы выходятъ изъ-за занавѣса въ золотѣ и танцуютъ. И многія диковинки дѣлали. Да вышедъ малый, почалъ пропашъ ѣсть, и много ему хлѣбовъ пшеничныхъ опрѣсочныхъ давали, а накормить его не могли“.

Кромѣ удивленія, изумленія, восторженной похвалы, послан-никъ не высказываетъ никакого сужденія обо всѣхъ этихъ за-морскихъ диковинкахъ, не высказываетъ о нихъ своей русской мысли, т. е. насколько все это погубительно съ точки зрѣнія древняго благочестія. Онъ ставитъ только факты и свое про-стодушное изумленіе предъ ними, полное дѣтской наивности. Конечно его описаніе, какъ и самъ онъ говорилъ, представля-ло только весьма блѣдный очеркъ того, что онъ видѣлъ на са-момъ дѣлѣ. Зато, нѣтъ сомнѣнія, его рассказы были полны, изобразительны и возбуждали большое любопытство въ моло-домъ царѣ Алексѣѣ, который по своему уму и по своимъ на-клонностямъ не могъ, слушая ихъ, оставаться съ однимъ только подивленіемъ. Мы не говоримъ о другихъ подобныхъ разсказахъ другихъ путешественниковъ или знакомыхъ царю иностранцевъ, каковъ напр. былъ Ив. Гебдонъ, игравшій весьма значительную роль по части знакомства съ западомъ. Извѣстно, что вскорѣ, по возвращеніи въ Москву Лихачова, въ шестидесятыхъ же годахъ XVII ст., царь принялся устраи-вать въ своихъ загородныхъ дачахъ роскошныя дворцы (въ Коломенскомъ) и роскошныя сады (въ Измайловѣ) со вся-кими европейскими затѣями. Не могла остаться совсѣмъ по-

кинутою и мысль о театрѣ. Конечно, для исполненія такой мысли требовалось прежде всего живое сочувствіе со стороны семьи; именно отъ самой царицы; но, кажется, первая супруга царя, Марья Ильична, не совсѣмъ благоволила къ подобнымъ иноземнымъ затѣямъ. Другое дѣло дворцы и сады, какъ бы они не были роскошны и великолѣпны; объ нихъ никакого запрещенія въ старомъ Домостроѣ небыло. Напротивъ тамъ очень выхвалялась заботливость о хорошемъ хозяйствѣ. Но театральное зрѣлище, по понятіямъ старины все-таки было угодіемъ соблазнительнымъ и погибельнымъ. И надо было, чтобы мысль о немъ совершила должный оборотъ, прожила въ умахъ извѣстное время, когда все въ ней дикое сдѣлалось бы только диковиннымъ. Такое время настало вмѣстѣ со вторымъ бракомъ государя на Нарышкиной. Рассказываютъ (Берхъ), что молодая царица была очень веселаго нрава и весьма охотно предавалась разнымъ увеселеніямъ, а потому царь, страстно ее любившій, старался доставлять ей всевозможныя удовольствія. Матвѣевъ, ея воспитатель, остался руководителемъ и ея увеселеній. Театръ былъ открытъ и на немъ поставлена пьеса, объяснявшая въ лицахъ даже соотвѣтственное новой царицѣ положеніе, т. е. пьеса съ намеками на современные событія царскаго дворца.

Первыя представленія такъ называемыхъ *комидій* явились у насъ въ 1672 г., черезъ годъ послѣ государева брака съ Нарышкиной. Любопытно также, что годъ рожденія въ Москвѣ театра совпалъ съ годомъ рожденія великаго преобразователя нашей жизни, Петра. Въ это время въ Москву прибыли странствующие нѣмецкіе актеры. Какъ они прибыли, неизвѣстно; но безъ особаго дозволенія или даже и вызова они пріѣхать не могли, потому что для иноземцевъ всюду существовали тогда самыя крѣпкія заставы и сторожи въ лицѣ пограничныхъ воеводъ, которые были обязаны задерживать такихъ путешественниковъ и тотчасъ давать знать въ Москву о ихъ прибытіи. Быть можетъ вызову этихъ актеровъ способствовалъ извѣстный Матвѣевъ, который потомъ и завѣдывалъ всѣмъ ходомъ и устройствомъ этого небывалаго дѣла въ царскомъ дворцѣ. И такъ въ 1672 году странствующая нѣмецкая труппа, вѣрно не очень большая, подъ управленіемъ магистра Ягана Готерида Грегорн находилась уже въ Москвѣ. Рейтенфельсъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ слѣдующее: „въ послѣдніе годы царь (Алексѣй

Мих.) позволялъ прибывшимъ въ Москву странствующимъ актерамъ показывать свое искусство и представлять исторію Ассуира и Эсеири, написанную *комически*“. Затѣмъ онъ объясняетъ, какъ вообще началось это невиданное въ Москвѣ дѣло. „Узнавши, что при дворахъ другихъ европейскихъ государей въ употребленіи разныя игры, танцы и прочія удовольствія для пріятнаго препровожденія времени, царь нечаянно приказалъ, чтобы все это было представлено въ какой-то французской пляскѣ. По краткости назначеннаго семидневнаго срока, сладили дѣло, какъ могли. Въ другомъ мѣстѣ, прежде представленія слѣдовало бы извиниться, что не все въ должномъ порядкѣ; но тутъ это было бы совершенно лишнее: костюмы, новостъ сцены, величественное слово: *иностранное* и стройность неслыханной музыки, весьма естественно, сдѣлали самое счастливое для актеровъ впечатлѣніе на русскихъ, доставили имъ полное удовольствіе и заслужили удивленіе. Сперва царь не хотѣлъ, чтобы тутъ была музыка, какъ вещь новая и нѣкоторымъ образомъ языческая; но когда ему сказали, что безъ музыки точно также невозможно танцовать, какъ и безъ ногъ, то онъ предоставилъ все на волю самихъ артистовъ. Во время представленія царь сидѣлъ передъ сценою на скамейкѣ; для царя съ дѣтьми былъ устроенъ родъ ложи. изъ которой они смотрѣли изъ-за рѣшетки или, правильнѣе сказать, черезъ щели досокъ; а вельможи (больше небыло никого) стояли на самой сценѣ. Орфей, прежде нежели началъ пляску между двухъ подвижныхъ пирамидъ, пропѣлъ похвальные стихи царю“. Это было въ субботу на масленицѣ. Въ тотъ же день царь увеселялся на Москвѣ рѣвъ медвѣжьей потѣхою, а ввечеру смотрѣлъ фейерверки.

Мы можемъ принимать этотъ рассказъ Рейтенфельса за извѣстіе о первомъ театральномъ представленіи въ московскомъ дворцѣ, въ чемъ повидому нельзя и сомнѣваться, ибо комдія была изготовлена на спѣхъ въ одну недѣлю, т. е. въ теченіи той же масленицы, когда обыкновенно позволялись всякаго рода зрѣлища и даже всякаго рода разгулъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду послѣдующія дѣйствія царя относительно устройства этихъ зрѣлищъ, мы относимъ описанный спектакль именно къ масленицѣ 1672 г., когда суббота этой недѣли приходилась 17 февраля. Съ этого дня и должна начинаться исторія нашего театра.

Потѣха, какъ говоритъ Рейтенфельсъ, очень понравилась, и нѣтъ сомнѣнiя, что тогда же актеры были оставлены для устройства новыхъ представленiй. Наступившiй за тѣмъ великiй постъ, святая и весеннее время, въ которое царь потѣшался обыкновенно соколиною охотою, не были удобны для представленiя комедiй. Между тѣмъ мая 30 государь былъ неизрѣченно обрадованъ роженiемъ сына, царевича Петра—будущаго преобразователя. Для Нарышкиной, какъ и для всѣхъ ея родныхъ и приближенныхъ, а стало быть и для Матвѣева—это было торжество дѣйствительно неизрѣченное. Въ тотъ же день главные изъ нихъ получили повышенiя въ чинахъ и Матвѣевъ вмѣстѣ съ отцомъ царицы пожалованъ въ окольничiе. 2 iюня, въ воскресенье, въ самое заговѣнье на Петровъ постъ, въ Золотой царицыной палатѣ, государь давалъ боярству и дьякамъ родинное пиршество, простое, не чиновное, безъ зову и безъ мѣстъ, т. е. съ устраненiемъ старыхъ чиновныхъ порядковъ столованья. Можно думать, что за этимъ, такъ сказать, кабинетнымъ пиршествомъ, на общемъ веселiи, между разговорами о разныхъ веселостяхъ было вспомнито и о нѣмецкой комедiи и тутъ же рѣшено устроить комедiю во дворцѣ постоянную. И въ дѣйствительности, на третiй же день, какъ только отошло пиршество съ неизбѣжнымъ похмѣльемъ, iюня 4 государь „указалъ иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедiю, а на комедiи дѣйствовать *изъ библiи кнгу Эсфирь* и для того дѣйства устроить хоромину вновь“. Вновь здѣсь вовсе не значить, что была старая такая хоромина, взамѣнъ которой строилась эта новая. Слово это означаетъ постройку новой особой хоромины, назначаемой исключительно для комедiальныхъ только дѣйствiй. Очень замѣчательенъ самый выборъ пьесы, ибо исторiя Эсепри нѣкоторыми сторонами и особенно общимъ своимъ смысломъ указывала на исторiю государева брака съ Нарышкиною. Смыслъ этой исторiи заключается въ томъ, чтобы показать, какъ Богъ низвергаетъ сильныхъ, возвышаетъ униженныхъ и разстроиваетъ всѣ козни враговъ.

Однажды персидскiй царь Ассуйръ (Артаксерксъ Долгорукий) во время веселыхъ роскошныхъ пировъ, разгоряченный виномъ, такъ увлекся общимъ ликованьемъ и разгуломъ, что повелѣлъ привести на пиръ свою царицу, чтобы показать ее, какъ красавицу, своимъ собесѣдникамъ. Царица, по восточному обычаю, почитая недостойнымъ для себя и уничительнымъ вообще для

женской чести явиться среди веселаго мужскаго собранія, отказалась исполнить волю царя-супруга. Оскорбленный публичнымъ непослушаніемъ супруги, Ассуйръ рѣшился развестись съ ней и отдалъ это дѣло на обсужденіе верховнаго совѣта. Царская Дума представляла, что поступокъ царицы подаетъ поводъ и всѣмъ другимъ женамъ неслушаться своихъ мужей, а потому и одобряла намѣреніе царя удалить отъ себя царицу. Вскорѣ былъ обнародованъ объ этомъ и указъ царя; царь было и раскаялся, что строго осудилъ супругу, но было уже поздно, ибо однажды утвержденный указъ по тамошнимъ законамъ почитался неизмѣннымъ. Тогда вельможи предложили ему собрать изъ всего царства всѣхъ прекрасныхъ дѣвицъ и изъ нихъ выбрать себѣ супругу. Невѣсты были собраны и въ числѣ ихъ чудная красавица іудейка Едисса (шарта). Ее представилъ ко двору одинъ изъ привратниковъ, ея дядя, Мардохей, у котораго по смерти родителей она воспитывалась вмѣсто дочери. На нее и упалъ царскій выборъ. Тогда ей дали новое имя Есфирь (сокровенная). Царь возложилъ на нее вѣнецъ и провозгласилъ своею супругою. Въ это время любимцемъ и временщикомъ у царя былъ нѣкто Аманъ, до того возвеличенный, что по приказанію царя предъ нимъ всѣ должны были преклонять колѣна, когда его встрѣчали. Мардохей, почитая это идолопоклонствомъ, не исполнялъ царскаго повелѣнія и не кланялся гордому временщику. Аманъ разгнѣвался и рѣшился отомстить. Онъ началъ клеветать на Іудеевъ, привелъ ихъ у царя въ немилость и выпросилъ повелѣніе истребить въ одинъ день всѣхъ Іудеевъ во всемъ царствѣ. Назначенъ былъ уже и день. Іудеи трепетали, молились. Мардохей заклиналъ царицу спасти ихъ, умолилъ царя объ отиѣннѣ указа. Есфирь приняла на себя этотъ подвигъ и достигла цѣли. Своимъ поведеніемъ она такъ умплостила царя, что тотъ обѣщалъ ей исполнить все, чего она ни пожелаетъ. На первый разъ она пожелала только одно, чтобы царь вмѣстѣ съ Аманомъ пришелъ къ ней на пиръ. На пиру, очарованный супругою, Ассуйръ снова даетъ обѣщаніе исполнять всѣ ея желанія. Есфирь опять проситъ одного, пожаловать къ ней на пиръ съ Аманомъ и на другой день. Аманъ радуется такому благоволенію и еще больше возвышаетъ свою гордость. Одно не даетъ ему покоя—это не покореніе Мардохея, который и съ мѣста предъ нимъ не встаетъ, въ то время, какъ всѣ повергаются на землю при одномъ появленіи времен-

щика. Въ несказанномъ гнѣвѣ, онъ готовитъ іудеянину висѣлицу. Но Богъ хранитъ своего раба. Царь случайно вспоминаетъ заслуги Мардохея и хочетъ его наградить. Онъ спрашиваетъ Амана: какой почести заслуживаетъ человѣкъ, котораго царь желаетъ наградить? Аманъ принялъ это на свой счетъ и предложилъ царю, что такого человѣка надо облечь въ царскую одежду, возложить на него вѣнецъ, посадить на царскаго коня и провести торжественно по всему городу. Ассуйръ одобрилъ предложеніе и повелѣлъ Аману же все это исполнить для почести Мардохею. Временщикъ никакъ не ожидалъ такой развязки, но долженъ былъ покориться. Послѣ церемоніи онъ былъ позванъ на условленный пиръ къ царицѣ, на которомъ Есѣиръ получаетъ отъ царя опять тоже обѣщаніе: исполнить все, чего она захочетъ. Тогда царица рассказываетъ своему супругу о замыслахъ Амана въ его же присутствіи. Дѣло кончается тѣмъ, что Аманъ былъ повѣшенъ на той же самой висѣлицѣ, которую готовилъ Мардохею, а всѣ враги Іудеевъ по всему царству были истреблены. Мардохей сталъ любимцемъ царя и заступилъ мѣсто Амана ¹.

Особенный драматизмъ всей этой исторіи давалъ легкую возможность составить изъ ея содержанія очень занимательную пьесу для „дѣйства“, которую, быть можетъ и сочинилъ придворный учитель Симеонъ Полоцкій, если она тогда же не была переведена съ нѣмецкой или польской уже готовой комедіи. Сколько было тутъ понятнаго, даже родственнаго для тогдашней дворцовой публики и въ положеніи лицъ, и въ ихъ обстановкѣ, и въ ихъ стремленіяхъ.

Если мы припомнимъ исторію царскаго брака на Нарышкиной, стр. 261—265, то увидимъ, что исторія о Есѣири давала довольно намековъ на современныя дворскія отношенія, что роль Есѣири походила на роль царицы Натальи, во время ея избранія въ невѣсты; такъ какъ роль Мардохея на роль ея родственника и воспитателя Матвѣева. Кто указывалъ на Амана, неизвѣстно, но Матвѣевъ прямо могъ думать о Богданѣ Хитрово, царскомъ дворецкомъ и тогдашнемъ любимцѣ царя Алексѣя, какъ это рассказывается записками о такихъ отношеніяхъ его сына, Андрея Матвѣева. Очень понятно, сколько и сама царица Наталья интересовалась представленіемъ такой комедіи.

¹ Библейско-біографическій словарь. Сби. 1849.

Комедийная хоромина была построена по указу государя въ селѣ Преображенскомъ, разумеется на государевомъ дворцѣ, въ которомъ такимъ образомъ полагался первый камень преобразования нашей общественной жизни. Преображенскій дворецъ, теперь къ сожалѣнію уже не существующій, достоинъ вѣчной памяти за то именно, что въ немъ зачинались почти всѣ общественныя наши реформы, начиная съ мелочей, съ бритья бородъ, и восходя до преобразования войска. Постройка этого перваго театра была произведена со всѣмъ нарядомъ на счетъ двухъ приказовъ Володимірской и Галицкой Четей, которыми тогда управлялъ Артамонъ Матвѣевъ; стало быть онъ и былъ главнымъ и непосредственнымъ двигателемъ этого дѣла, которое во дворцѣ быть можетъ не всѣми и одобрялось, а потому и исполнялось вдали отъ дворцовыхъ расходовъ. Сохранилась записка о дѣсномъ матеріалѣ, который былъ употребленъ на постройку этой комедийной хоромины. Въ дѣло пошло на стѣны 542 бревна въ 4 саж. длиною, что даетъ поводъ заключать, что пространство хоромины было не меньше 30 арш. въ квадратъ при вышинѣ въ 6 арш. На переводныя пошло 25 деревь по 10 саж. длины и 50 деревь семисаженныхъ. На полы и потолки—493 доски; для стропилъ 50 деревь семи-саженныхъ и 300 деревь въ 4 саж. Въ кровли и на внутреннюю отдѣлку 4220 тесницъ. Для дверей и окошекъ 28 колодъ. Внутри устроены рундуки, полки (мѣста амфитеатромъ), лавки и подмости въ ямахъ, т. е. на сценѣ, для рамъ и декораций. Передъ хороминою былъ устроенъ обширный рундукъ, т. е. помость съ входными ступенями. Кругомъ она была огорожена заборомъ съ створчатыми воротами. На всякіе дѣсные запасы вышло больше 1000 руб.—Изъ дворца было отпущено довольно значительное количество червчатаго (краснаго) и зеленаго сукна на уборку новопостроенной хоромины. Октября 27 выдано въ комедийную хоромину въ Преображенское на обивку стѣнъ и на мосты (полы) суконъ анбурскихъ половинками, три половинки червчатыхъ, двѣ половинки зеленыхъ да половинка сукна лятчины ¹.

¹ Въ половинкѣ сукна считалось длины отъ 20 и до 40 арш.; шириною сукно бывало въ 2 арш. съ вершиками и безъ вершиковъ. См. кн. Арх. Ор. Пал. № 390. Подробности постройки этой хоромины сообщены намъ Н. С. Тихонравовымъ въ выпискѣхъ изъ расходныхъ книгъ Владимірской и Галицкой Четей. См. его же Лѣт. Рус. Лѣт. кн. V, 28.

Изъ этого указанія видно, что въ концѣ октября хоромина, совсѣмъ уже выстроенная, убиралась или наряжалась на чисто. Кромѣ внутренней уборки сукнами и коврами, для представленій построено было всякое *потѣшное платье* и написаны *рамы перспективнаго* письма, т. е. декораціи. Безсомнѣнія помянутое дѣйство Есфири въ теченіи ноября до заговѣнъ, т. е. до 14 числа, давалось не одинъ разъ. Играли быть можетъ и другія какія либо небольшія піесы, напр. интермедіи и т. п. нѣчто въ родѣ теперешнихъ водевилей.

Затѣмъ въ наступившій постъ царь конечно не могъ смотрѣть подобныхъ зрѣлищъ и потому представленія начинаются опять въ мясоѣдъ уже въ генварѣ 1673 года. На время поста театральныя уборы, ковры, сукна и всякое потѣшное платье, были вывезены изъ хоромины и сложены въ палату на кремлевскомъ дворѣ боярина Милославскаго, который послѣ его смерти еще въ 1668 году поступилъ въ число дворцовыхъ зданій, хотя все еще по старой памяти именовался дворомъ Милославскаго. Это такъ называемый потѣшный дворецъ или теперь Комендантскій домъ. Повидимому комедіи очень полюбились царю Алексію, а особенно, быть можетъ, молодой царицѣ. Новый сезонъ примѣчательнѣе тѣмъ, что на этотъ разъ для театра было устроено новое помѣщеніе въ Кремлевскомъ дворцѣ, въ особой *комидійной палатѣ*.

Дѣйствительно, ѣздить зимою въ Преображенскій театръ было далеко и по многимъ причинамъ весьма неудобно. Надо было подниматься всѣмъ дворомъ, со всѣмъ семействомъ ѣхать ночью по сугробамъ сокольничьяго поля, обременять такимъ выѣздомъ весь дворовый чинъ, не говоря уже о состояніи здоровья, а также и о гостяхъ, для которыхъ эта далекая ночная потѣха была бы тоже не совсѣмъ пріятна, тѣмъ болѣе, что приглашеніе къ ней всегда являлось въ формѣ повелѣнія, которое, хочешь не хочешь—надо было исполнить. Такимъ образомъ зимній сезонъ требовалъ театральнаго помѣщенія въ городскихъ дворцовыхъ зданіяхъ, въ Кремлѣ. Распоряженія о театрѣ начались 22 генваря, въ день бракосочетанія съ царицею, который вѣроятно царь хотѣлъ провести весело. Онъ тогда приказалъ „надѣ аптекою, что на дворцѣ, въ палатахъ, построить какъ быть комидійному дѣйству“.

Нѣтъ сомнѣнія, что или самъ государь или царица думали, что такое дѣло можно сдѣлать скоро, въ одинъ день, чтобъ къ

вечеру было и готово. Когда, быть может, объяснилось, что такъ скоро невозможно устроить театръ, въ тотъ же день, 22 генв., былъ отданъ другой приказъ: „хранившіяся въ Кремлѣ театральныя вещи перевезти въ село Преображенское и тамъ комидійную хоромину нарядить по прежнему, чтобъ къ комидійному дѣйству генвара къ 23 числу все было готово“. Тотчасъ перевезли все надобное на 8 подводахъ и къ наряду купили гвоздя двостеснаго и одностеснаго и луженаго, также ремня, скобъ, крючья, проволоки желѣзной. Неизвѣстно только, состоялся ли въ назначенное число этотъ преображенскій спектакль. Должно полагать, что онъ былъ отиженъ, ибо въ тотъ же день, 23 генв., государь даетъ повторительный указъ, чтобы „надъ приказомъ Аптекарскіе палаты въ полатахъ построить и нарядить, какъ быть комидійному дѣйству“, и изъ преобразенской комидійной хоромны перевезти декораціи, рамы перспективнаго писма, въ Москву въ упомянутыя палаты надъ аптекою, которыя тогдаже и перевезены.

Надо было очень спѣшить, потому что до масляницы оставалась съ небольшимъ недѣля. Постройка комидіи была поручена стрѣльцкому сотнику Данилу Кобылину изъ полка полковника Бухвостова. Изъ стрѣльцовъ же назначены и плотники, 20 челов., а для поспѣшенья велѣно взять и больше, почему и прибавлено еще 5 челов. Они работали пять дней, съ 25 генвара по 29 и даже по ночамъ, для чего куплено 100 свѣчь салныхъ большихъ за 15 алт. — Какъ все было построено, неизвѣстно. Знаемъ только, что палата была постлана войлоками (47 штукъ), а по нимъ коврами; двери и стѣны обиты также коврами и сукнами; къ связямъ въ сводѣ были привязаны брусья, къ которымъ сукна прибиты; сцену отдѣлялъ особый брусъ съ перилами, на которомъ положены двѣ полстѣки; было устроено три завѣса на толстой желѣзной проволокъ и на мѣдныхъ кольцахъ, которыхъ къ новому завѣсу употреблено 60 штукъ; куплено 10 деревянныхъ подсвѣчниковъ которые были утверждены на досвахъ; куплены также двѣ дубовыя большія скамьи, а изъ Преображенскаго перевезено и особое мѣсто, быть можетъ государево; кромѣ того выкрашены голубцомъ какіе-то четыре балты. При перевозкѣ изъ Преображенскаго рамъ—декорацій, 36 штукъ, оказалось, что большія и середнія рамы въ двери новой комидійной палаты не прошли, почему были перетерты, т. е. разрѣзаны и построены сдвижны-

ми съ придѣлкою 100 задвижекъ и 200 скобъ желѣзныхъ. Этѣ декорациі писалъ и установливалъ живописецъ Петръ Гавриловъ Энглесъ.

Между тѣмъ въ Новошмецкой слободѣ магистръ Яганъ Готфридъ училъ актеровъ къ комидійному дѣйству, дѣтей изъ новомѣщанской слободы (теперь улицы Мѣщанскія), для чего Матвѣевъ 22 генваря приказалъ ему въ эту школу отпустить 2 саж. дровъ съ малороссійскаго двора (улица Маросейка).

Неизвѣстно, въ какой день начались представленія въ новой театральной палатѣ, но вѣроятно уже на масляницѣ, начавшейся со 2 февраля. Кажется комидія дана была два раза, ибо въ это время въ два дни перевезено изъ Шмецкой Слободы до дворца 60 человекъ дѣтей, которые участвовали въ комидійномъ дѣйствѣ; привозили по 30 ч. въ день; это число и должно обозначать всю труппу, бывавшую на представленіи. Кромѣ того въ комидіи дѣйствовали и актеры—нѣмцы, Тимошей Гасенкрухъ съ товарищи, названные играцами. Оркестръ тоже состоялъ изъ нѣмцовъ—музыкантовъ и управлялся полковникомъ Николаемъ Фанстаденомъ. Всѣ эти нѣмцы были привозимы во дворецъ три раза и слѣд. играли одинъ, третій разъ, какія либо свои игры, безъ актеровъ-дѣтей. Съ наступленіемъ великаго поста театръ былъ оставленъ, и возобновился уже весною, послѣ Троицына дня, въ селѣ Преображенскомъ. На другой день этого праздника, мая 19, царь со всѣмъ домою переѣхалъ туда на лѣтнее житѣе. 22 числа Матвѣевъ приказываетъ „изъ кремлевскихъ палатъ, что на дворецѣ надъ аптекою органы и рамы перспективнаго письма и что есть, какъ было наряжено для комидійнаго дѣйства, все перевезть въ село Преображенское, въ комидійные хоромы и тѣ хоромы нарядить противъ прежняго“. Опять на 15 подводахъ повезены были 32 рамы декораций, 9 ковровъ, сунна, скамьи, органы; опять семь человекъ плотниковъ съ мастеромъ перспективнаго письма Энглесомъ уставляли рамы и устраивали все, что было надобно. Сколько разъ давались въ это время представленія, неизвѣстно. Но недѣли черезъ три, 16 іюня, у магистера Ягана Готфрида началось новое ученѣе комидійнаго дѣйства; вновь выбрано было въ комедіанты 26 человекъ мѣщанскихъ дѣтей, которые и отвезены къ нему въ школу въ Шмецкую слободу на 5 подводахъ. Къ осени готовилась новая комедія, о младшемъ Товиі. 6 октября по царскому указу Матвѣевъ приказалъ выдать „ма-

гистру ко исправленію комедіи на платьѣ ангеловъ и на молодого Товію и на одѣяніе его спутъшественниковъ“ 30 рублей изъ доходовъ Приказа Галицкой Четы. 7 октября Готеридъ деньги получилъ, на строеніе комедіи, какъ онъ упомянулъ въ росписѣ. 9 октября изъ дворца отпущено въ Преображенское въ комедійную хоромину на обивку стѣнъ 216; арш. суконъ анбурскихъ червчатыхъ. Между тѣмъ еще съ 5 октября государь со всѣмъ домою отправился на богомолье къ Троицѣ, нѣсколько повдѣе обычнаго сентябрскаго похода, по той причинѣ, что 22 августа въ пятницу шестаго часа въ 3 чети даровалъ Богъ государю дочь царевну Наталью Адевсѣвну и до истечения срока родиннаго времени царицѣ подняться въ походъ было нельзя. Съ богомолья государь возвратился 26 октября прямо въ Преображенское, гдѣ со всей семьей и оставался до филипповскихъ заговѣвъ, т. е. до 14 ноября. Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, 2 ноября, ввечеру государь ходилъ въ комидію, смотреть дѣйства, какъ нѣмцы дѣйствовали ¹. „Вѣроятно, до 14 ноября комидійное зрѣлище повторилось не одинъ разъ. Потому въ рождественскій мясоѣдъ слѣдующаго 1674 года мы находимъ комедію опять въ Кремлевскомъ дворцѣ, откуда на масляницѣ во вторникъ 24 февр. она снова перевозится въ Преображенское. Въ этотъ день Матвѣевъ приказываетъ по повелѣнію государя: изъ палатъ (кремлевскихъ), что построены надъ алтекою для комидійнаго дѣйства, рамы, ковры, сунна, стулы и всякой нарядъ и органы перевезти для комидійнаго жъ дѣйства въ село Преображенское въ комидійныя хоромы, наскоро“.

Въ тотъ же день восемнадцать подводъ повезли въ Преображенское весь этотъ театральнй нарядъ, служившій такимъ образомъ убранствомъ и для кремлевскаго театра въ каменныхъ палатахъ и для деревяннаго театра въ преображенскомъ дворцѣ. Туда же тотчасъ вызваны были изъ Москвы придворный органистъ Симонъ Гутовскій, съ учениками, а изъ новонѣмецкой слободы игрецъ *Тимофей Гасенкрухъ* съ товарищами и музыканты, которые всѣ и привезены были на 8 подводахъ. Между тѣмъ тогдаже для комидіи былъ купленъ столъ дубовый за 20 копѣ-

¹ Выходы царей, 563. Указываемая книга выходовъ 7182 г. здѣсь неправильно обозначена 7181 годомъ, отчего и мы прежде ошибочно относили этотъ выходъ въ комидію къ 1672 году. Срав. Дв. Разр. III, 908 и др.

екъ. Въ пятницу на масляной 27 февраля комидія была перевезена на 16 подводкахъ со всѣмъ нарядомъ и съ органами опять въ кремлевскія палаты *для комидійнаго же дѣйства*, которое по всему вѣроятію въ тотъ же день и представлялось. Съ окончаніемъ масляницы былъ закрытъ и театръ.

Что было въ весенній мясоѣдъ, намъ неизвѣстно. Осенью, въ сентябрь, государь справлялъ двѣ семейныя радости: 1 сентября всенародно съ подобающимъ торжествомъ объявлялъ сына царевича Феодора Ал. наслѣдникомъ царства, а съ 4 числа праздновалъ новое рожденіе царевны Феодоры. Пиръ по случаю объявленія царевича продолжался въ теченіи сентября, 1, 6, 17 чиселъ; потомъ былъ совершенъ обычный походъ къ Троицѣ. Празднованіе родинъ началось съ 1 окт. когда былъ данъ родинный столъ; затѣмъ 4 окт. новорожденную царевну крестили, а 8 былъ крестинный столъ. Въ эти дни для увеселенія дворцоваго общества на дворцѣ была поставлена старинная музыкальная потѣха, которую въ молодости во время первой своей свадьбы царь Алексѣй было отвергъ, какъ бѣсовское угодіе. Снова явились трубачи, наврачені, сурначи, литаврщики, набатчики, которые принадлежали собственно къ военнымъ хорамъ, и быть можетъ по особенной торжественности или громозвучности своей музыки потребованы на этотъ разъ и для увеселенія дворца. Затѣмъ развеселившійся государь 21 октября созвалъ къ себѣ въ потѣшныя хоромы на вечернее кушанье все боярство съ нѣкоторыми дьяками и даже съ своимъ духовникомъ и угостилъ гостей на славу, водками, ренскимъ, романею и всякими разными питіями: пожаловалъ ихъ своею государскою иждивою, напоилъ ихъ всѣхъ пьяныхъ. Во время пира, который продолжался почти до 6 часовъ другаго дня, изволилъ государь себя тѣшить всякими игры, и его тѣшили и въ органы играли, а игралъ въ органы нѣмчинъ; и въ сурну и въ трубы трубили и въ суренки играли и по накрамъ и по литаврамъ били—во вся. Пиръ былъ въ полномъ смыслѣ предшественникомъ пировъ петровскихъ. Само собою разумѣется, что не одною же музыкою потѣшался государь; вѣроятно ее сопровождали и другія всякія игры. Послѣ этихъ кремлевскихъ увеселеній, справивъ подобающимъ чиномъ родительскую Дмитровскую субботу поминовенія умершихъ, государь на другой день, 25 окт., выѣхалъ со всѣмъ домою въ село Преображенское и оставался тамъ до 13 декабря, потѣшаясь время отъ времени соколиною

охотою, комидіями и выѣздами въ близъ лежащіе загородные дворцы, въ Измайлово, въ Алексѣевское (см. выше стр. 381).

Нѣмецкія комидійныя потѣхи даны были на преображенскомъ театрѣ три раза во время мясоѣда. Въ первый разъ была „комидія какъ Олаверна царица царю голову отсѣкла, т. е. Юдиѣ, та самая, которую наши послы въ 1634 г. смотрѣли во дворцѣ у польскаго короля; — тѣшили в. государя иноземцы и на органахъ играли нѣмцы да люди дворовые боярина Артем. Серг. Матвѣева. Съ государемъ были въ комидіи бояре, окольнічіе думные дворяне, думные дьяки, ближніе люди всѣ, и стольники и стряпчие. А которыхъ бояръ окольнічихъ, думныхъ дворянъ и ближнихъ людей не было въ походѣ, т. е. въ Преображенскомъ, и за ними были посланы нарочные съ указомъ быть непременно въ Преображенскомъ, т. е. въ театрѣ.

Другая комидія была Есепрь: *какъ Артаксерксъ велѣлъ повесить Амана по царичьему челобитью и по Мардохемику наученью*. Въ комидіи съ государемъ была царица, царевичи и царевны — все семейство, а также бояре, окольнічіе, думные дворяне, думные дьяки, ближніе люди; стольники и *всякія чиновыя люди*. Тѣшили государя и публику нѣмцы же да люди боярина Матвѣева — и въ органы играли и на фіоляхъ и въ страменты и танцовали.

На заговѣнье ноября 14, была снова потѣха, а тѣшили в. государя иноземцы, нѣмцы да люди боярина А. С. Матвѣева, на органахъ, и на фіоляхъ и на страментахъ и танцовали и всякими потѣхами разными (тѣшили).

Въ зимній мясоѣдъ 1675 г. въ четверкъ на масляницѣ, 11 февраля, была комидія, вѣроятно въ Кремлѣ. Тѣшили в. государя тѣже дѣйствующія лица, иноземцы да люди б. Матвѣева, всякими разными играми; началась комидія въ пятомъ часу ночи или въ десятомъ по нашему счету, *отошла* комидія до свѣта за три часа, слѣд. въ пятомъ часу по полуночи и продолжалась, стало быть около семи часовъ. Весенній мясоѣдъ и все лѣто государь со всѣмъ домою прожилъ на Воробьевыхъ горахъ; оттуда перешелъ въ с. Коломенское и потомъ уже 9 ноября въ Преображенское, гдѣ и жилъ по 15 декабря, изрѣдка дѣлая выѣзды въ Москву. Быть можетъ между 9 и 14 ноября въ окончаніе мясоѣда и дана была какая либо комедія по примѣру предыдущаго года.

Подтвержденіе этому находимъ у Лизека, который пишетъ слѣдующее: чрезъ нѣсколько дней послѣ нашего отъѣзда (7 но-

ября, если принять русскій стиль), нѣмецкіе комедіанты имѣли представлять комедію, которая, какъ они увѣрили, доставитъ большое удовольствіе царю, если только въ ней будетъ участвовать одинъ изъ нашихъ слугъ. Это былъ балансеръ, заслужившій своими шутковскими и ловкими дѣйствіями всеобщее удивленіе, особенно русскихъ, которые единогласно рѣшили, что онъ чародѣй и морочитъ добрыхъ людей бѣсовскою силою. Въ самомъ дѣлѣ, надъ его фокусами нужно было призадуматься. Напримѣръ: онъ перекреститъ нѣсколько разъ ножи, и они сами собою поднимаютъ вѣяніи и деньги. Какъ мы ни присматривались къ его шуткамъ, но никакъ не могли отгадать причины странныхъ явленій. Нѣмцы и нѣкоторые изъ русскихъ просили пословъ (цесарскихъ) оставить его въ Москвѣ, пока онъ покажетъ свое искусство царю и царицѣ; но желаніе ихъ не было исполнено. По отъѣздѣ нашемъ, слухъ дошелъ до царя, и онъ тотчасъ послалъ въ слѣдъ за нами генерала Меназюса, бывшаго нѣкогда посломъ въ Вѣнѣ и Римѣ съ переводчикомъ, чтобы воротить въ Москву нашего слугу—фокусника. На третій день они догнали насъ въ почтовыхъ саняхъ, и объяснивъ желаніе царя, просили отпустить сказаннаго слугу, и увѣрили, что царь одаритъ его щедро и тотчасъ отпустить назадъ. Послы предоставили ему на волю. Онъ воротился въ Москву, въ царскихъ палатахъ два раза показывалъ свои фокусы и удивилъ царя и царицу. Къ намъ онъ примкнулъ въ Вистервицѣ въ Моравіи, промотавши все, что подарилъ царь⁴.

Въ зимній мясодѣ 1676 года царь заболѣлъ и 30 генваря скончался. Театральныя представленія должны были остановиться на долгое время.... Вскорѣ и главный директоръ этого перваго театра бояринъ Матвѣевъ въ томъ же году подвергся царской опалѣ и наконецъ ссылки. Потерявъ такую важную опору нѣмецкая труппа удалилась вѣроятно во свояси. Люди Матвѣева также частію были разсланы по деревнямъ или же поступили къ новымъ помѣщикамъ. Такимъ образомъ только что возникшая комедія упразднилась сама собою. Но если зрѣлища, въ теченіи четырехъ лѣтъ утѣшавшія государя и дворъ, прекратились, то все таки они не могли пройти безъ слѣда собственно для народа, поврайней мѣрѣ для московскаго общества, въ низменныхъ его слояхъ, откуда по большей части выбирались актеры и статисты для царскихъ комедій. Зрѣлища прекратились, но осталась мысль, что онѣ позволительны, что въ нихъ

нѣтъ особаго грѣха, какъ учили люди Стоглава и Домостроя, ибо и самъ великій государь со всѣмъ своимъ государскимъ до-
момъ, со всею боярскою Палатою и даже съ людьми всякаго
чина свободно потѣшались комедіями, интермедіями и всякими
подобными играми и своимъ присутствіемъ на этихъ играхъ
какъ бы освящали ихъ гражданство въ ряду всѣхъ другихъ
неотреченныхъ народныхъ увеселеній; оставалась однимъ сло-
вомъ мысль, что можно продолжать такіа зрѣлища собственны-
ми средствами. Съ этого времени нѣмецкая комедія свила такъ
сказать гнѣздо въ московскомъ обществѣ. Такимъ гнѣздомъ
были ея ученики, молодежь изъ мѣщанства и подьячества.

Какъ только, еще въ 1672 году, магистръ Яганъ Готфридъ
Грегори получилъ приназаніе поставить на Преображенской
сценѣ книгу Есфирь, то безсомнѣнія тогда же и образовалась
театральная школа. Ученики или актеры, какъ мы видѣли, на-
браны были изъ мѣщанскихъ, а отчасти и изъ подьяческихъ дѣ-
тей; изъ мѣщанскихъ Новомищанской слободы потому, что эта сло-
бода была вновь населена большею честию выходцами изъ за-
паднаго края, которые повтому и на комедіи смотрѣли другими
глазами, болѣе свободными, чѣмъ коренные москвичи, кровные
дѣти стараго Домостроя, т. е. окрѣпшей во всякихъ запреще-
ніяхъ древнерусской культуры. Въ коренныхъ москвичихъ про-
изошло бы отъ такихъ выборовъ великое мнѣніе и смущеніе, а
потомъ пожалуй и возмущеніе, ибо къ тому все готовилось въ
виду борьбы старовѣрства съ разными новинами. Должно быть
ученики набирались и во всякое время, смотря по тому, сколько
новыхъ актеровъ или статистовъ требовала поставляемая вновь
пьеса. Впрочемъ постоянное число ихъ въ первое время дохо-
дило кажется только до 30 человекъ. Положеніе этихъ малень-
кихъ актеровъ было вообще незавидно. Они сначала не полу-
чали за свое ученье даже кормовыхъ денегъ. Въ 1673 г. одинъ
изъ нихъ подьячишка Васка Мешалкинъ съ товарищами ¹ по-
дали государю челобитную, въ которой объясняли: „отослалъ
насъ (въ іюнь съ 16 числа 1673 г.), холопей твоихъ, въ нѣмец-
кую слободу, для наученія комедійнаго дѣла къ магистру къ
Ягану Готфрету, а корму намъ ничего неучинено; и нынѣ мы,

¹ Изъ числа товарищей—комедіантовъ еще извѣстны по роспискамъ
въ полученіи денегъ: Лука Степановъ, Тимошка Максимовъ, Родка Ива-
новъ, Николай Ивановъ.

по вся дни жодя къ нему магистру и учася у него, платишкомъ ободрались и сапожишками обносились, а пить-ѣсть нечего и помираемъ мы голодною смертію. Милосердый государь! вели намъ поденной кормъ учинить, чтобъ будучи у того комедійнаго дѣла, голодною смертію не умереть⁴. По этой челобитной велѣно имъ выдать кормовыя деньги съ 16 іюня, какъ они поступили въ ученье, по грошу въ день человѣку, т. е. по 4. деньги, съ разрѣшеніемъ выдавать по стольку же во все время, покажѣтъ въ ученьи побудуть, но однакожъ *съ свидѣтельствомъ*, т. е. съ аттестаціею магистра объ ихъ успѣхахъ и стараніи¹.

Успѣхи и стараніе этой малолѣтней русской труппы засвидѣтельствованы самими пьесами, которыя она время отъ времени представляла государю. Изъ случайныхъ замѣтокъ въ современныхъ дворцовыхъ запискахъ мы уже знаемъ, что на дворцовой сценѣ даны были комедіи: 1) Есѣиръ, 2) Юдифъ, 3) Товія младшій. Но репертуаръ этимъ не ограничился. Сохранилось въ рукописяхъ еще нѣсколько комедій, игранныхъ въ то же время, о чемъ положительно говорятъ ихъ *прологи* или предисловцы, и эпилоги, которыми всегда открывалось и закрывалось дѣйство, и которые обыкновенно восхваляютъ царя Алексѣя. Таковы: 4) малая *прохладная* комедія о Іосифѣ, т. е. о презрѣнной добродѣтели и сердечной чистотѣ; 5) малая комедія Баязетъ; 6) о Навуходносорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ, въ печи сожженныхъ. Затѣмъ къ тому же времени должно отнести: 7) комедію о Блудномъ сынѣ; напечатана въ Москвѣ въ 1685 г. съ картинками, по образцу лубочныхъ сказокъ; 8) исторію о царѣ Давидѣ и о сынѣ его Соломонѣ премудромъ, составленную по книгѣ царствъ, а быть можетъ и по изложенію хронографа; 9) Алексѣй, человѣкъ Божій, діалогъ въ честь царя Алексѣя. „Представленъ въ знаменіе вѣрнаго подданства чрезъ шляхетскую молодъ студентскую въ коллегіуму кіево-могилянскому на публичномъ діалогѣ“. Напечатана, въ Кіевѣ 1674 г., февраля 22.

Комедіи 6 и 7, писаны стихами и принадлежатъ перу Симеона Полоцкаго. Много вѣроятнаго, что и первыя 5 комедій переведены, а иныя быть можетъ передѣланы или и составлены имъ же. Онъ былъ придворнымъ учителемъ, риторомъ и пѣитомъ, и знаткомъ иностранной, именно свѣтской и особенно польской литера-

¹ Врем. 24, 7, Лѣт. Рус. Литер. V 30.

туры, откуда легче всего было черпать по крайней мѣрѣ образцы для первыхъ драматическихъ или какъ тогда говорили комидійныхъ сочиненій. Другому не кому было и поручить такого новаго дѣла. Упоминается еще о комедіи Темиръ-Аксаково дѣйство, которая была въ Верху у государя, но была ли поставлена на сцену неизвѣстно, какъ замѣчаетъ г. Соловьевъ (Исторія XII, 171). По всему вѣроятію это та самая комедія, которая названа Баязетомъ. По свидѣтельству г. Пепарскаго, она „написана въ 4 дѣйствіяхъ, въ которыхъ есть всѣ театральные эффекты и ужасы, сраженія, убійства и т. п.“ Дѣло идетъ между Баязетомъ и Тамерланомъ, союзникомъ Палеолога, и слѣд. защитникомъ христіанъ. Въ лицѣ Баязета выведена самонадѣянная гордыня. „На сценѣ происходитъ сраженіе; Тамерланъ остается побѣдителемъ и явится въ битвѣ на конѣ, къ нему приводятъ побѣжденнаго Баязета въ кѣткѣ, гдѣ онъ и разбиваетъ себя голову. Въ пьесѣ есть шутовскія сцены; шутъ называется по голландски Пикель-Гарингомъ; помѣщены также и веселыя пѣсни“¹.

Комедія Юднѣъ, библейскій сюжетъ которой достаточно извѣстенъ, принадлежитъ къ числу переводныхъ и нѣтъ сомнѣнія къ числу первыхъ, представленныхъ при царѣ Алексѣѣ. ибо въ ней проходитъ тотъ же драматическій мотивъ, что и въ Есфирі. Она заключается торжествомъ утѣсненныхъ и уничтоженныхъ Іудеевъ, выставившихъ на стѣнахъ своего города главу высокоумнаго Олоферна и провозгласившихъ всенародно: „Здѣ виситъ яростная глава того учителя, знаменующе, яко Господь Богъ гордымъ противляется, смиреннымъ же даетъ благодать“. Комедія сочинена въ семи *дѣйствахъ*, а дѣйства распределены на *сѣны*, явленія, всего 29 сѣней и одно *междосѣніе*, послѣ третьяго дѣйства. Все первое дѣйство, 4 сѣни, происходитъ у Ассиріянъ, готовящихся наказать Іудеевъ за непокорность. Второе — въ 3 сѣняхъ, печаль и сѣтованія Іудеевъ, самохвальство Олоферна и радость его солдатъ, что началась война и имъ стало жить хорошо и привольно, да и прибыточно, потому что грабежъ, разбой — военное дѣло. Третье, 5 сѣней съ междосѣніемъ, идетъ въ перемежку, то у Іудеевъ, пребывающихъ въ страхѣ и въ печали; то у Олоферна, продолжающаго возноситься и презирать даже благоразумные совѣты одного изъ своихъ воеводъ.

¹ Наука и Литература при Петрѣ, I, 407.

Въ томъ же порядкѣ идутъ и 3 сѣни четвертаго дѣйства, въ концѣ котораго является Юдиѳъ. Пятое дѣйство, въ 5 сѣняхъ, идетъ также въ перемежку между сценами печали и молитвы у Іудеевъ и сценами солдатскаго пира въ станѣ ассиріянъ, и солдатскаго плѣна, т. е. вообще солдатскими сценами, грубыми, цинически шутливыми. Шестое дѣйство, 5 сѣней, продолжаетъ перемежку сценъ Юдиѳи и Олоферна и оканчивается, для остановки въ интересномъ мѣстѣ, шутливою казью у Іудеевъ плѣннаго солдата. Точно также идетъ и седьмое дѣйство, то у Олоферна, то у Юдиѳи, оканчиваясь ея торжествомъ.

Все дѣйствующее общество главнымъ образомъ является въ трехъ видахъ. Одни, царь Навуходоносоръ, а затѣмъ главное лицо Олофернъ съ воеводами изображаютъ непохвальною гордыню, высокомеріе и самовосхваленіе; для большаго блеска этихъ качествъ введенъ Ахіоръ, мужъ правды и благоразумія, за что потомъ и страдаетъ. Другіе — Іудей, первосвященникъ, старѣйшины и пр., изображаютъ печаль угнетенія, смиреніе и надежду на милосердіе Божіе; третьи — ассирійскіе солдаты, равно и служанка Юдиѳи представляютъ грубые, своекорыстные и циническіе интересы престопаго и солдатства. Поэтому въ этомъ послѣднемъ видѣ сосредоточивается и все комическое этой комедіи или собственно драмы, т. е. все шутовское, ибо такъ комическое въ то время понималось. Нельзя сказать, чтобы представленная здѣсь характеристика солдатства рисовала только польское войско; здѣсь общими чертами обозначено солдатство, какимъ оно было въ XVII ст. во всей Европѣ, даже и съ подсмѣиваніемъ надъ жидами по поводу свиного мяса. Вообще во всей комедіи ничего не видно особенно польскаго, какъ и особенно нѣмецкаго за исключеніемъ названій чиновъ: гетманъ, войсковоу маршалокъ, поручикъ, ротмистръ, бурмистръ, которые могутъ указывать лишь на западно-русское происхожденіе переводчика, какъ и выраженія: укусь-вкусъ, ходи брате; но онъ же называетъ палача мейстеръ-никелемъ, а храмы языческіе мечетями. Затѣмъ остается столькоже намековъ на старыя русскія нравы и русскія бытовыя положенія; подарокъ переводится поминкомъ, офицеры — сотниками. Когда передъ висѣлицею прощается съ жизнью солдатъ, шутъ Сусавимъ, то говоритъ между прочимъ: „Простите вы благородныя сродники мои изъ пятерыхъ чиновъ: ярышки, чуры, трубочистники, брениа возники и благородвыя чины духовныя, иже

при церкви просящею милостынею питаются“. Должно полагать, что комедія нѣкогда принадлежала общеевропейской средневѣковой литературѣ откуда перешла въ Польшу, а потомъ и въ Москву. Нѣтъ сомнѣнн, что переводчикомъ былъ Симеонъ Полоцкнй.

Цвѣты остроумнаго и смѣшнаго заключаются въ томъ, что тотъ же Сусанимъ, когда ему лисьиимъ хвостомъ, вмѣсто меча, отрубили будто бы голову, въ испугъ думаетъ, что дѣйствительно умеръ; опомнившись, рассказываетъ, какъ мнитса ему, что „животь его отступилъ изъ внутреннихъ потроховъ въ правую ногу, а изъ ноги въ гортань и правымъ ухомъ вышла душа“, потомъ, приходя въ себя, собираетъ раскиданное вокругъ платье; токмо не знаетъ, гдѣ его глава, вездѣ ищетъ главы своея и затѣмъ обращается къ публикѣ, прося отдать ему голову, если кто изъ любви и прнятства скрылъ ее, и т. д. Когда Юдифь, совершила свой подвигъ и отдавая служанкѣ Абръ голову Олоферна, торопитъ ее спѣшно идти, бѣжать скорѣе, та заключаетъ самое дѣйство слѣдующимъ замѣчаннемъ: „что же тотъ убогнй человекъ снажетъ, егда пробудится, а Юдифь съ главою его ушла?“

Комическое болѣе тонко проведено въ этой послѣдней 3 сѣнн VII дѣйства въ разговорахъ между Олоферномъ и Юдифью, гдѣ замысловато поставлена игра двухъ стремленнй: распаленный виномъ Олофернъ изясняется предъ Юдифью въ любви; та даетъ отвѣты согласня, утверждающне главнымъ образомъ ея завѣтную рѣшимость лишить его жизни. Сѣнь открывается вздравнымъ кубкомъ Олоферна въ честь Навуходносора. Въ это время появляется Юдифь. *Одифь*. Велеможный Олофернъ! Зри, какая сѣмо приходитъ пресвѣтлая звѣзда. *Олофернъ*. Истинно богння нѣкая еврейская та наречнся можетъ. (Вагавъ просить или сапоги, или саблю, хочеть бѣжать или главы лишиться). *Олофернъ*. Что глаголеши глулче?

Вагавъ. Азъ мнѣ тому достойно быти, да глава ему отсѣчена будетъ, иже отъ таковы прекрасавнцы бѣжалъ или устрашилса ея.

Олофернъ. Кому бѣжати или устрашнтса? Никако. Но прнятствую, да сея ноци главу свою на лонѣ ея держу.

Юдифь. Милостивый господине! Богъ сіе желанне твое исполннт можетъ.

Олофернъ. О! саднса побѣднтельница храбростн моея, обладательница сердца моего! Саднса возгѣ мене, да яса и пѣши со

мною, веселящихся; ибо яко ты едина мое непобѣдимое великодушіе обладала еси, тако имаша милость мою сама ни чрезъ кого же иного совершенно употребляти.

Юдифь. Ей, господине мой! азъ возвеселюся усердственно; никогда же еще такой чести воспріяхъ (Здѣ она оглядывается и говоритъ:), Абра! дай ми ѣству, юже про мене уготовила еси. (Здѣ тихо говоритъ:) Да не отходиже прочь ни пяди; слышишь ли?

Абра (даетъ ей ѣству и молитъ:) Гдѣ мнѣ отходить, собачи бы мнѣ забли.

Олофернъ. О вы мои воины! пію же къ вамъ про здравіе сея красавицы, яже впредь еще аспріемъ заступленіе быти имать.

Сисера. Ей истинно Навуходоносоръ великій нарицается богъ Юпитеръ, ты же Олофернъ еси Марсъ; чѣмъ же ассирійское небо возможеть лучше украшено быти яко сицевымъ прекраснымъ солнцемъ?

Вааазъ. Тогда же азъ Меркуріемъ буду, понеже сію богиню Венусъ къ Марсу привелъ есмь.

Абра (говоритъ отай:). Азъ же хотя малою планетою буду у печи.

Всѣ пьютъ за здравіе прекрасной Олоферна. Юдифь проситъ не называть ее такъ, потому что она только раба Олоферна. Олофернъ объясняетъ ей, что она уже не раба его, а повелительница, ибо прехрабрѣе его учинилась; онъ еще не единожды не приступалъ къ городу, а она, презрядная гражданко, уже Олоферновымъ сердцемъ обладаетъ.

Юдифь. Ей востину! Когда бы, милости твоя сердце въ владѣніи своемъ имѣла, тобы почитала, яко весь свѣтъ себѣ въ свойство получихъ.

Олофернъ. Къ сицевому полученію бови ты сея ноши сподобять.

Юдифь. Благоволеніе Божіе съ надеждою моею да исполнится.

Олофернъ. Не зриши ли, прекрасная богиня! яко сила красоты твоя мя уже отчасти преодолюваетъ; смотрю на ты, но уже и видѣти не могу, хошу же говорити, но языкомъ (Здѣ онъ говоритъ яко пьяный) больши прорещи не могу.... Хошу, хошу, но немогу же; не тако отъ вина, яко отъ силы красоты твоя азъ низпадаю....

По этому отрывку можно судить и о свойствахъ языка комедіи, неизмовѣрно тяжелаго и большею частію темнаго, осо-

бенно въ разглагольствіяхъ и разсужденіяхъ, которыми до чрезвычайности растягивается и замедляется ходъ пьесы. Въ видахъ придать ей нѣкоторое оживленіе, сверхъ шутовскихъ сценъ, внесено и нѣсколько пѣсень. Такъ послѣ 3 дѣйства, въ междоуствіи поютъ злѣе жалобно каждый свой стихъ пѣвныя цари; въ 5 дѣйствѣ, сѣнь 2, поютъ веселую пѣсню пирующіе солдаты; а въ концѣ пьесы поютъ торжествующую пѣсню освобожденные Іудея. Пѣснь солдатъ отличается даже нѣкоторою легкостью стиха. Оривъ поетъ:

О братья наша!
Не печальтесь,
Ниже скорбите,
Но веселитесь.

Кто вѣсть, кто наъ насъ утра въ живыхъ будетъ?

Смѣло держайте,
Пока живете;
Не сомнѣвайтесь,
Но веселитесь,

До конхъ вѣсть сердце въ галъ живеть.

Вообще должно замѣтить, что тяжесть мудрыхъ правоучительныхъ и разсудительныхъ разглагольствій, какими всегда наполнялись комедіи, хорошо чувствовалась ихъ составителями или переводчиками и потому необходимою принадлежностью тогдашняго зрѣлища являлась всегда интермедія, нѣчто подобное теперешнему фарсу или дивертисменту. Такъ сочинитель комедіи о Блудномъ сынѣ въ ея прологѣ говоритъ, что раздѣлилъ пьесу на 6 частей и послѣ каждой части, нѣчто примѣсихомъ, утѣхи ради, потому что все стужаетъ (надѣдаетъ), что едино безъ времѣнъ бываетъ¹. Примѣсилъ же онъ къ комедіи пѣніе, играніе на органахъ и intermedium.

О комедіи Алексѣя Божій человекъ, мы упоминаемъ послѣ всѣхъ другихъ по той причинѣ, что очень сомнѣваемся была ли она представлена, „въ присутствіи Алексѣя Михайловича при Московскомъ дворѣ“¹. На это не находимъ доказательствъ ни въ самой пьесѣ, ни въ извѣстіяхъ о первыхъ нашихъ театральныхъ зрѣлищахъ. Вѣрно только то, что она играна студентами въ Кіевѣ въ 1673 году, „въ знаменіе вѣрнаго подданства, и въ честь царю Алексѣю“. Въ сущности это было вос-

¹ Лѣтп. Р. Литер. г. Тихонравова, V, 33, срав. Наука и Литер. г. Пекарскаго I, 394.

хваленіе и прославленіе Московскаго царя. Въ Москвѣ же играть эту пьесу не было достаточныхъ поводовъ и едва ли бы царь Алексѣй согласился поставить на сцену своей комедійной хоромины личность своего тезоименитаго ангела, котораго житіе читалось благоговѣнно только на царскихъ именинныхъ трапезахъ. Комедія неудобна была для Москвы и особенно для царскаго дворца даже и по языку, испещренному не только южнорусскими, но во многихъ мѣстахъ и польскими реченіями. Еслибъ она была играна въ Москвѣ, то непременно ее передѣляли бы на московскую рѣчь, разумѣется книжную, какою отличаются всѣ остальные комедіи. Однимъ словомъ въ Москвѣ она была бы наряжена въ московскій костюмъ и самыя сцены были бы названы не *нахожденіями*, а *спѣхами*, какъ онѣ назывались даже и въ послѣдующее, уже петровское время.

Намъ кажется, что одною изъ первыхъ комедій, представленнхъ въ Москвѣ, въ присутствіи государя, была комедія *Баязетъ*. Въ ея эпилогѣ актеры говорятъ царю слѣдующее: „Какъ древле пали всѣ снопы предъ единымъ снопомъ Іосифа, влкаясь, такъ и мы падаемъ на землю предъ царскимъ вашимъ величествомъ. Но что можетъ значить нашъ поклонъ предъ величествомъ и милосердіемъ вашимъ? Однакожъ, какъ нѣкогда великій Александръ, царь Македонскій, сосудъ студеной воды принималъ въ даръ отъ одного изъ рабовъ своихъ, предпочти оный другимъ золотымъ жертвамъ, такъ и мы, уповая на преевысокую милость в. ц. в., припадаемъ паки смиренно къ подножію вашего престола, униженно моляще, да благоволятъ в. ц. в. „сію малую и вскорѣ сотворенную комедію отъ насъ, яко еще неискусныхъ и несмышленныхъ отрочатъ всемирно-ство воспріяти“. Такъ могли говорить только тѣ Русскіе ученики — комедіанты, съ которыми ставилъ комедіи магистръ Яганъ. Въ другой комедіи о Іосифѣ они тоже засвидѣтельствовали свою работу, объясняя, что *паки* (опять) *малую*, прохладную о презрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ комедію въ дѣйствіи о Іосифѣ въ пречестные очи (царя) предпоставити умыслили и не отчаеваются, что обычная милость государя окажетъ свое благоизволеніе и къ этому *дѣтскому дѣйствию* ихъ (во всемирномъ пресмотрѣніи дѣтскаго дѣйствія нашего проводите оное благоизволите). Есть намекъ объ отрочествѣ артистовъ и въ *осалобной комедіи* о грѣхопаденіи Адама и Евы, гдѣ они именуютъ себя *человѣческими отрочами*: и смиренно

молятъ царя о прощеніи, что *мыль* при потѣшныхъ радостныхъ, комедіяхъ и едину малую *жалобную комедію*, т. е. о Адамѣ и Еввѣ, примѣшали. Радостными комедіями безсомнѣнія названы тѣ, гдѣ торжествуетъ добродѣтель, т. е. вѣра, въ Бога, смиреніе и т. д. Каковы напр. Есѣирь, Юдифь, Товія, Баязеть. Въ паденіи Адама, въ торжествѣ грѣха, конечно, кромѣ жалости, никакой радости быть не можетъ, вотъ почему она и отличена отъ другихъ комедій именемъ *жалобной*.

Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, продолжались ли театральныя зрѣлища при царѣ Ѳеодорѣ Ал. и въ правленіе царевны Софіи. Можно полагать, что въ осенній мясоѣдъ 1679 г., когда молодой царь неоднократно выѣзжалъ въ Преображенское, тамъ въ ряду обычныхъ веселостей могли быть представляемы и комедіи. Вообще же время Ѳеодора, какъ особенно время Софіи, не было благопріятно для подобныхъ утѣхъ. Еще по смерти царя Алексѣя царская семья разрознилась, раздѣлилась на двѣ враждебныя стороны, посреди ея шла постоянная темная смута и ненависть; притомъ, именно та сторона (Нарышкины), которая наиболѣе благопріятствовала европейскимъ новинамъ, съ каждымъ днемъ все больше теряла свою силу и власть; другая сторона, забиравшая эту власть въ свои руки, въ лицѣ своихъ дѣятелей числяла очень многихъ ревнителей стараго благочестія да и сама стремилась утвердить свое значеніе на особомъ уваженіи къ его порядкамъ и формамъ. Правила же стараго благочестія совсѣмъ отвергали не только упомянутыя утѣхи, но и малѣйшее отступленіе отъ укрѣпившихся обычаевъ. Все это мало способствовало тому, чтобы во дворцѣ поддерживались Алексѣевскія нѣмецкія потѣхи — комедіи, какъ увеселенія общія, общественныя для дворца.

Однакожь достаточно распространилось, и утвердилось, какъ фактъ, мнѣніе, что „въ теремахъ просвѣщенной европейскимъ ученіемъ царевны Софіи Ал. представляли не только духовныя трагедіи, написанныя другими, но и собственныя ея сочиненія и переводы; что она сама въ представленіи участвовала съ приближенными боярышнями и царедворцами“. Мнѣ известно по семейнымъ преданіямъ, писалъ кн. А. Шаховской, что прабабка моя Татьяна Ивановна Арсеньева, боярышня царевны Софіи Алексѣевны, представляла лицо Екатерины Мученицы въ трагедіи, написанной самой царевной (такъ она сказывала своей дочери, а моей бабкѣ), и что Петръ Великій, бывая всегда при

театральныхъ зрѣлищахъ въ теремахъ своей сестры, прозвалъ Татьяну Ивановну „Екатериной мученицей — большіе глаза“. При этомъ авторъ говоритъ еще, что представленія въ теремахъ завелись въ 1690 году и что Дмитревскій полагалъ, что Мольеровъ „Врачъ по неволѣ“ если и не переведенъ самую царевною, Софією, то вѣрно игранъ въ ея теремахъ ¹. Знающему читателю очень замѣтны рассказанныя здѣсь несообразности. Въ сожалѣнію, писатели о театрѣ, вообще мало знакомые съ своею исторією, повторяли и даже распространяли краткое, но ошибочное указаніе Штелина, который въ своемъ „извѣстїи о театральныхъ въ Россїи представленїяхъ“, написалъ между прочимъ такъ: „царевна Софія съ благородными дѣвицами и мужчинами играла также въ комедїяхъ“ ². Замѣтка вѣрная въ отношенїи царевны, только не Софія, а Наталья Алексѣевна, тоже сестры Петра, о которой во времена Штелина стало быть успѣли уже совсѣмъ забыть и помнили только одну царевну Софію, оставившую по себѣ историческую память, которой повтому и присвоивали все, чѣмъ замѣчательна была какая либо царевна. Наталья Алексѣевна (+ 1716) дѣйствительно была страстная любительница театра и не мудрено, что комедїи давались у ней даже въ ея хоромахъ съ 1690 г., когда ей было уже 17 лѣтъ. Вѣроятное однакожь, что онѣ ставились на старомъ Преображенскомъ театрѣ. Вѣрно также, что она сама сочиняла разныя комедїантскїя дѣйства, ибо Бассевичъ прямо свидѣтельствуетъ, что „Принцесса Наталья, младшая и любимая сестра Императора, говорятъ, сочинила не задолга до своей смерти, двѣ пьесы, расположенныя по очень умному плану и въ которыхъ были подробности не лишеныя красоты, но недостатокъ въ актергахъ помѣшалъ представить ихъ на сценѣ“. Другой иностранецъ Веберъ рассказываетъ, что „Наталья Алекс. (уже въ Петербургѣ) заставляла играть драматическія пьесы, которыя смотрѣть волеяъ былъ всякій“ ³. Для помѣщенїя театра избрали огромный пустой домъ, гдѣ устроили партеръ и ложи. 10 актеровъ и актрисъ были природные русскїе, невидавшіе

¹ Дѣтопись русскаго театра въ Репертуарѣ 1840 г.

² С. Петербургскїй Вѣстникъ 1779. Іюль.

³ Ходилъ въ эти комедїи и великій братъ ея Петръ. Въ его Походномъ Журналѣ записано, что 1715 февр. 26, по прибытїи въ Петербургъ въ 3 часу пополудни, государь въ 6 изволилъ пойти въ царевнѣ Натальѣ въ комедїю.

ничего кромѣ Россіи, а потому можно вообразить себѣ ихъ искусство. Великая княжна и сама сочиняла по русски трагедіи и комедіи, заимствуя для нихъ сюжеты изъ библіи или изъ обыкновенныхъ всеневныхъ приключеній. Роль арлекина (непремѣнное лицо) поручена была одному оберъ-офицеру, и онъ вмѣшивался съ своими шутками туда и сюда въ продолженіи представленія; потомъ выходилъ ораторъ и разсказывалъ о содержаніи и ходѣ пьесы, а наконецъ слѣдовала и самая пьеса, гдѣ была изображена неудачность возстаній и всегда несчастный конецъ ихъ. Въ этой пьесѣ, такъ объясняли Веберу современники, было выведено на сцену одно изъ послѣднихъ стрѣлечихъ возмущеній¹. Г. Пекарскій, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, открылъ и самую пьесу, это — *Стеванатокосъ*, гдѣ аллегорически представленъ заговоръ Шахловитаго, со вставною эпизода (IV дѣйствіе) изъ старой комедіи — Эсэпри. Послѣ смерти царевны осталось довольно комедіантскихъ письменныхъ книгъ, составлявшихъ дѣлую библіотеку, таковы: о Георгіѣ и Плакидѣ, тетрадь о страданіи Ксенофонта и Маріи, тетради Крисанфа и Даріи, Адріана и Наталіи, Іюліана, Евставія Плакиды, Павла и Іюліаніи, Искупленіе челоуѣка отъ паденія его, Повѣсти о цесарѣ Римскомъ Оттѣ¹. Такимъ образомъ театральнй репертуаръ царевны Наталіи носилъ въ себѣ еще идеи XVII ст., держался около церковной княжности, а потому вмѣстѣ съ характеристикю самого спектакля, сдѣланною очевидцемъ Веберомъ, даетъ довольно опредѣленное понятіе о томъ, какъ составлялось и какъ велось комидійное дѣйство и при царѣ Алексѣѣ. Затѣмъ согласимся, что все разсказываемое въ разныхъ исторіяхъ нашего театра о царевнѣ Софіѣ, должно относиться къ царевнѣ Наталіи, ибо современныхъ извѣстій объ артистическихъ предпріятіяхъ царевны Софіи, какъ и вообще о дворцовыхъ театральнхъ зрѣлищахъ въ ея время мы куда неимѣемъ.

Замѣтимъ встати, что при Петрѣ, во время свадьбы шута Филата Шанскаго, въ 1702 г., комедія дана была уже въ Грановитой Палатѣ, куда 26 генваря къ строенію будущей *диолни* съ Казеннаго двора отпущено на 20 персонъ тафты разныхъ цвѣтовъ 200 арш. да на завѣсъ тафты лазоревой 50 арш.; а февр. 10 въ Оружейной Палатѣ велѣно изготовить къ комедіи: 12 киризовъ

¹ Наука и Литература при Петрѣ, г. Пекарскаго, I, 391—447.

(кирасы) и латъ съ шапки, 15 пансырей съ мисюрки, 12 сабель. Новое названіе *diologia* очень вѣрно опредѣляло цѣлый отдѣлъ пьесъ въ тогдашнемъ репертуарѣ, въ которыхъ не было никакого драматическаго дѣйствія, а были только разговоры аллегорическихъ лицъ съ цѣлію изъяснить какую либо общую нравственную или политическую мысль, съ цѣлію указать неисповѣдимыя пути Божьяго Промысла въ жизни человѣковъ или же оправдать дѣла государевы и осмѣять его враговъ — приверженцевъ старовѣрства и невѣжества.

ГЛАВА VI.

ЦАРИЦЫНЪ ДВОРОВЫЙ ЧИНЪ.

Женскій чинъ: Мамы и верховны боярыни, ихъ честь и мѣсто. Казначел. Постельницы. Комнатныя бабы. Мастерницы. Портонов. Мужской чинъ: приказный, крестовый, стольничій, походный, истопничій, мастерской. Царицына слобода Кисловка. Черты жизни и нравовъ младшаго чина дворовыхъ людей по смысльнымъ дѣламъ и челобитнымъ.

Дворовой чинъ или придворный штатъ царицы состоялъ, въ ближайшей службѣ, по преимуществу изъ женщинъ. Первое мѣсто въ женскомъ чину принадлежало боярынямъ, которыя именовались *дворовыми* или *верховыми*, а между ними первое мѣсто занимали боярыни *мамы* малолѣтнихъ царевичей и царевенъ. Старшинство мамъ соответствовало старшинству возраста царскихъ дѣтей, а потомъ старшинству мужскаго племени предъ женскимъ. Мамы царевичей, хотя бы и самыхъ меньшихъ по возрасту въ цѣлой семьѣ, были всегда выше мамъ даже и старшихъ возрастомъ царевенъ. Въ мамы избирались пожилыя, опытныя и, главное, самыя приближенныя къ царицѣ или къ государю вдовы, большею частію изъ ихъ же родственницъ. Мамою царя Ивана Васильевича была вдова Аграфѣна Челяднина, жена государева дворецкаго. Челяднины въ то время занимали самыя первыя по приближенію должности почти сразу въ теченіи двадцати лѣтъ (1496—1518 г.) передъ рожденіемъ Грознаго. Отецъ и братъ дворецкаго были конюшими. Первому царевичу изъ рода Романовыхъ Алексію Михайловичу (род. 1629 г.) въ мамы была избрана его бабушка

по отцѣ, Орина Никитична Годунова, сестра Филарета Никитича и жена окольного Ивана Ивановича Годунова, мужа добраго и благочестиваго по отзыву иностранцевъ, который, служа царю Василью Шуйскому, погибъ въ Калугѣ отъ втораго Лжедмитрія въ 1610 г., „скончася мученически, но къ совѣтникамъ самозванца не приложися“.

Мама получали годоваго жалованья болѣе чѣмъ вдвое прочихъ дворовыхъ боярынь. Во второй половинѣ XVII ст. ихъ окладъ простирался отъ 50 и до 100 р. Столовыхъ или кормовыхъ денегъ онѣ не получали, затѣмъ что, живя во дворцѣ, пользовались всѣмъ дворцовымъ содержаніемъ. Исполнивъ свою прямую службу, мамы обыкновенно уходили въ монастырь; но при царевнахъ иногда онѣ оставались и послѣ ихъ возраста, завѣдуя по прежнему всѣми ихъ дѣлами и всѣмъ ихъ обиходомъ. Мама царевны Софьи Алекс., княгиня Анна Никифоровна Лобанова-Ростовская оставалась мамою въ дворцовомъ штатѣ до своего постриженія въ монастырь. Она скончалась въ Новодивичьемъ монастырѣ, въ 1709 г., схимонахиней. При дворѣ, сначала въ числѣ пріѣзжихъ боярынь, она находилась болѣе 60 лѣтъ.

Въ чинѣ дворовыхъ боярынь избирались обыкновенно вдовы по большей части изъ царицына родства или же по заслугамъ изъ придворныхъ женщинъ меньшаго чина, преимущественно изъ казначей, а иногда и изъ кормилицъ, разумѣется послѣ долгой и испытанной службы. Такъ извѣстная Анна Петровна Хитрово появляется въ первое время, въ 1630 году, казначеей у царевны Ирины Мих. Въ февралѣ 1646 года, по случаю разбора всего царицына чина умершей царицы Евдокии Лук., она была отставлена; при чемъ отмѣчено: по ея челобитью отпушена постричься. Но отмѣтка была зачеркнута и показывала только, что Хитрая, вышла изъ двора по собственному желанію. Спустя нѣсколько лѣтъ, именно въ 1658 году, она была пожалована прямо въ дворовыя боярыни и съ этого времени постепенно приобретаетъ вліятельное и первенствующее положеніе между боярынь. Она особенно возвышается назначеніемъ въ мамы къ царевичу Федору Ал. — Когда царевичъ достигаетъ возраста и по смерти старшаго брата Алексѣя становится самъ старшимъ въ семействѣ и объявляется наследникамъ престола, его мама, по естественной причинѣ, является тоже старшею и первую въ дво-

ровомъ женскомъ чину. Она приближается даже и къ новой царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ. Въ 1672 г. за родиннымъ столомъ царевича Петра она стоитъ у ней въ кравчихъ, что повторяется и въ 1674 г. на родинномъ и потомъ на крестинномъ пиру царевны Феодоры. По смерти царя Алексѣя, у царя Феодора, своего воспитанника, Хитрая становится ближайшимъ человекомъ, а по частымъ болѣзнямъ молодого царя и необходимымъ лицомъ въ его комнату. Затѣмъ у новыхъ царицъ, у двухъ супруговъ царя Феодора, Агаѣи Сем. Грушецкихъ и потомъ у Марѣи Матв. Апраксиныхъ она является полною хозяйкою и тоже исполняетъ важную должность кравчей, но не ради только торжественныхъ столовъ, какъ у царицы Натальи, а повседневно. Должно полагать, что она введена во дворъ и въ комнату къ царевичу Феодору своимъ родственникомъ, любимцемъ царя Алексѣя и его дворецкимъ Богд. Матв. Хитрово, при помощи котораго она постоянно и высилась. Въ чиновныхъ спискахъ ея имя, уже на второмъ мѣстѣ, упоминается еще въ 1698 г.

Находившись такое долгое время, около 70 лѣтъ, въ царицыныхъ хоромахъ, зная насквозь весь царскій домашній обиходъ, всѣ тайныя нити дворскихъ отношеній, эта женщина, всегдашняя приверженица роду Милославскихъ, умѣла такъ, себя держать, что невредимою прошла чрезъ всѣ дворскія смуты конца XVII ст., хотя, какъ говорятъ, была одною изъ начальныхъ причинъ семейной вражды между Милославскими и Нарышкиными, потому что была лютою враждебницею царицы Натальи Кирилловны и всего рода Нарышкиныхъ. Подъ фарисейскимъ только видомъ постница, пустой лицемѣрной бабьей святости только устами полная, Хитрая, по прозванію и по истинѣ хитрая видомъ, нравомъ и самымъ дѣломъ, она ушничествомъ и ложнымъ наговоромъ, быть можетъ больше чѣмъ другіе другими средствами, успѣла родовую вражду въ царскомъ домѣ довести до извѣстной печальной стрѣлкой трагедіи. Такъ, покрайней мѣрѣ, писалъ о ней сынъ погибшаго въ этой трагедіи боярина Матвѣева, Андрей Матвѣевъ.

Дворовыя боярыни утверждались въ своемъ званіи особымъ царскимъ указомъ. Соблюдался ли при этомъ обрядъ сказыванья имъ ихъ боярства, неизвѣстно; но вѣроятно царицынъ дворецкій или царицынъ дьякъ привозглашали имъ царскій указъ въ присутствіи царицы и прочихъ боярынь. Этотъ указъ

вносился иногда даже въ записныя разрядныя книги, въ которыхъ напр. читаемъ: 1675 г. іюля 6, „позаповалъ в. государь въ *верховыя* боярыни стольника Федорову жену Григорьева сына Кокорева *вдову* Марью Иванову' дочь, а по отцѣ Акифьевыхъ. А указано ей быть, по указу в. государя въ *святлицу* у мастерицъ и указано ей вѣдать мастерицъ всѣхъ“¹. Такимъ образомъ изъ верховыхъ боярынь нѣкоторымъ поручалось всегда какое либо особое завѣдываніе въ обиходѣ царицына быта. Одна, главнѣйшая боярыня, была *красчею*, находилась постоянно при царицѣ и была, такъ сказать, ея правою рукою во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ ея обихода. Другая завѣдывала вообще царицыною казною и называлась боярыней — *казначеей*, третья была *святличная*, завѣдывала всѣми руководльями женскаго царицына чина, четвертая — боярыня — *постельница*, въ вѣдомствѣ которой состоялъ весь постельный обиходъ царицы, въ томъ числѣ и портомойное дѣло; пятая была боярыня — *судья*, разсуждавшая разныя дѣла царицына дворцоваго женскаго чина, относительно исполненія придворныхъ обязанностей, споровъ и ссоръ между тѣми же женскимъ чиномъ, особенно руководльнымъ и постельнымъ. Сверхъ того боярынею же называлась и *приказная* Хамовнаго двора, на которомъ изготовлялась всякая бѣлая казна, полотно, скатерти и т. п. Этотъ дворъ находился въ слободѣ Кудашовѣ, отъ чего и боярыня, завѣдывавшая хамовнымъ дѣломъ называлось *Кадашевскою боярынею*. Она впрочемъ не принадлежала къ чину дворовыхъ боярынь, а равнялась по должности казначеямъ.

Верховыя боярыни получали годовое денежное жалованье, смотря по своему достоинству и по значенію ихъ занятій. Въ XVII ст. оно не превышало 50 р. въ годъ, а въ меньшей степени, въ началѣ столѣтія, доходило даже и до 10 р. Впрочемъ средній и обыкновенный ихъ окладъ бывалъ въ 25 р. Кормовыхъ денегъ онѣ не получали, потому что кормы, подачи и питье для нихъ выдавались изъ дворца.

Въ началѣ царствованія Михаила Федоров., когда онъ собирався жениться на Марьѣ Влад. Долгорукихъ, а царицынымъ дворомъ правила его мать инока Марѣя Ив., дворовыми боярынями были (1624 г. сент. 15) двѣ вдовы княгини Долгорукихъ, Татьяна Степановна и Прасковья, изъ которыхъ первая полу-

¹ Дворц. Разр. III, 1515.

чала годоваго жалованья 30 р., вторая 28 р. Вѣроятно онѣ назначены были служить во дворѣ молодою царицею, какъ близкія ея родственницы. Третьею боярынею была Марья Юрьевна Головина, получавшая 10 р. Въ 1625 году мая 28, на мѣсто Долгорукихъ, которыя по смерти царицы удалились въ монастырь, именно въ Вознесенскій, къ иноку Марѣю Иванову, по ея же указу велѣно жить въ Верху вдовамъ же Катерию Бутурлиной съ жалованьемъ по 30 р., и княгиню Овдотью Коркодинову съ жалованьемъ по 25 р., причѣмъ Головиной назначено по 20 р. Передъ свадьбою царя на Стрѣшневой, въ 1625 г. боярынями были тѣже Бутурлина и Коркодинова; вновь поступили: Ѳеодора Заболоцкая (жалов. 25 р.), вдова Соломонида Васильчикова (жалов. 23 р.) Быть можетъ послѣдняя поступила на мѣсто Головиной, имени которой съ тѣхъ поръ мы не встрѣчаемъ въ запискахъ.

Приводимъ списки боярынь, состоявшихъ въ царицыномъ чинѣ въ теченіи XVII ст.

У царицы Евдокии Лукьяновны *мамы*: Царевича Алексѣя — Орша Никитична *Годунова*, жена Ивана Ив.; Ульяна Степ. *Собакина*, жена Сергѣя Степан. Царевича Ивана — Анна Конст. *Стрѣшлева*. Царевны Ирины — княгиня Марья Ив. *Хованская*, жена Ивана Ѳед. Царевны Анны — кн. Ульяна Вас. *Троекурова*, жена Романа Ѳеодор. Царевны Татьяны — кн. Марья Ив. *Пронская*, жена Василья Романов.

Боярыни: *Собакина* Ульяна Степ. крайчая 1626 г., а потомъ *мама*. *Бутурлина* Катерина Ив., жена Василья Матв.; Кн. *Мезецкая* Соломонида Петровна, крайчая; Кн. *Коркодинова* Авдотья Ѳеодоровна, Свѣтличная. *Васильчикова* Соломонида. *Заболотская* Ѳеодора, постельница. *Травина* Анна Борисовна. *Пушкина* Анна. *Колычова* Анна Андреевна, жена Ивана Ѳеодор.; *Скобелыцина* Татьяна; Кн. *Одоевская* Анна Ив., жена боярина Ивана Ивановича; Кн. *Туренина* Марья Елизарьевна, жена Василья Ивановича.

У царицы Марьи Ильичны *мамы царевичей*: Дмитрія — Катерина Ѳед. *Милославская*. Алексѣя — кн. Арина Григор. *Катырева-Ростовская*, Кн. Анна Андр. *Мещерская*. Ѳеодора — кн. Прасковья Борисов. *Куракина*, Анна Петровна *Хитрая*. Смеона — кн. Авдотья Мих. *Хованская*, Аксинья Алексѣев. *Кологривова*, Кн. Ульяна Ив. *Голицына*, Ивана — кн. Анна Фирсовна *Ухтомская*, съ 1667 г. — *Мамы царевичев*: Евдокиа — Кн. Ѳетинья Володиміров. *Суцкая*, съ 28 дек. 1651 г.; Кн. Аксинья *Хилкова*; Пелагей Ив. *Ивашкина*. Ц. Марья — Ульяна Петр. *Шереметева*, умре 4 апр. 1676 г. Ц. Софья — кн. Анна Никиф. *Лобанова-Ростовская*, съ 1659 г. Ц. Екатерины — Настасья Ѳед. *Шереметева*; Аферосинья Демяд. *Зубова*; Анисья Юрьевна *Лодыженская*. Ц. Марья — Дарья Тим. *Смайлева*, съ 1660 г.; Марья Ив. *Ильина*. Ц. Ѳеодосія — Зиновія Степ. *Головина*; Дарья Сидична *Мясново*, съ 22 мар. 1666 г.

Боярыни: *Милославская* Матрена Сем., съ 30 мар. 1648 г.; *Вельяминова* Анна Мих., урожденная Ртищева, съ 30 мар. 1648 г., крайчая. Кн. *Коркодинова* Авдотья Фед.; *Еропкина* Аксинья Григор., съ 30 мар. 1648 г. *Давыдова* Домна Сем., изъ казначей, съ 14 апр. 1648 г.; *Нарбекова* Наталья Ал.; Кн. *Мещерская* Анна Андр., съ 1663 г., жена князя Лаврентья. *Вельяминова* Устинья Ив.; *Хитрая* Анна Петровна вдова Степана Тарасова Хитрово; *Кологривова* Аксинья Ив.; *Плещеева* Анна Семеновна; *Колычова* Анна Егупьевна; Кн. *Горчакова* Агаея Роман., съ 1667 г.; Кн. *Волконская* Домна Никит.; Кн. *Хилкова* Анна Матв.

У царевен: Кн. *Пронская* Марья Ив.; *Собаккина* Ульяна Степ.; *Травина* Анна Борис.; Кн. *Шеткина* Ульяна Мих. (Тимов.); *Толстова* Дарья Ив., съ 1663 г.; *Мартюгина* Марья Андр., крайчая у царевенъ большихъ, съ 1659 г.; *Супонева* Анна Матв., съ 1667 г.; *Ивашкина* Пелагея Иван., съ 1667 г.; *Зубова* Афросинья Демид., крайчая царевенъ меньшихъ.

У царицы Натальи Кирилловны при жизни царя Алексѣя мамы: Царевича Петра — Матрена Романовна *Леонтьева*, Кн. Ульяна Ивановна *Голыцина*. Царевенъ: Наталья — кн. Прасковья Ив. *Ромодановская*. Теодоры — кн. Анна Львовна *Львова*, жена столбн. кн. Андрея Ив.

Мамы дѣтей отъ Милославской: *Шереметьева* Ульяна Петр.; Кн. *Лобанова* Анна Никит.; *Шереметьева* Настасья Фед.

Боярыни: *Хитрая* Анна Петр.; Кн. *Мещерская* Анна Андр.; *Леонтьева* Матрена Роман.; *Вельяминова* Анна Мих.; Кн. *Горчакова* Агаея Ром. *Блохина* Матрена Вас., изъ казначей съ 1672 г. на мѣсто Еропкиной. Кн. *Волконская* Домна Никит.; *Соловцова* Анна Степ.; *Давыдова* Марья Борис. съ 1672 г. на мѣсто Вельяминовой Устиньи; Кн. *Ухтомская* Анна Фирсовна; *Плещеева* Федора Ив.; *Толстова* Дарья Ив.; *Мартюгина* Марья Андр.; *Супонева* Анна Матв.; *Ивашкина* Пелагея Ив.; *Мертваго* Аксинья Алексѣевна, съ 1672 г. на мѣсто Зубовой, крайчая у царевенъ меньшихъ. *Ильина* Марья Ив.; *Мясная* Дарья Сялична.

Чинъ боярынь за 1680—1682 г. *Мама* кн. Анна Никит. *Лобанова*, *Деворова*: *Грушецкая* Марья Матв. у царицы Агаеи Сем.; *Хитрая* Анна Петр. боярыня у царицъ Агаеи Сем. и Марѣи Матв.; Кн. *Мещерская* Анна Андреевна; Кн. *Ухтомская* Анна Фирсовна, была послѣ у царицы Прасковьи Фед., умре 20 мар. 1688 г.; Кн. *Горчакова* Агаеи Ром. боярыня, у царицы Агаеи Сем., а послѣ у царицы Прасковьи Фед.; *Плещеева* Федора Ив., царицы Агаеи Сем.; *Вельяминова* Арина Фед., Свѣтличная, царицы Агаеи Сем.; *Свилюкина* Авд. Ив., царицы Агаеи Сем.; *Орлова* Офимья Ларион.; *Полтвева* Анна Ив. царицы Агаеи Сем. *Неглова* Федосья Ив. изъ казначей царевича Федора, у царицы Агаеи Сем., потомъ пострижена въ 1688 г.; *Толстова* Дарья Ив.; *Мартюгина* Марья Андр., у большихъ царевенъ; *Супонева* Анна Матв., у большихъ царевенъ, умре 1688 г.; *Ивашкина* Пелагея Ив., у меньшихъ царевенъ; *Мертваго* Аксинья Ал., у меньшихъ царевенъ. *Ильина* Марья Ив.; *Мясново* Дарья Сял.; *Лодыженская* Анисья Юр., въ 1678 г. у царевенъ меньшихъ; Кн. *Шаховская* Марѣя Тимое.

Царицы Натальи за 1680 г.: Мама кн. Прасковья Ив. *Ромодановская*.
Боярыни: Левонтьева Матрена Ром.; *Блохина* Матрена Вас.; *Бокорева* На-
 стасья Ив., свѣтличная; кн. *Волконская* Домна Никит.

Чинъ боярынь въ 1691 г. и за послѣдніе годы XVII ст. Мамы: кн.
 А. Н. *Лобанова-Ростовская*; Марья Мих. *Салтыкова*; Анна Львовна *Собаки-*
на. Боярыни: А. П. *Хитрово*, кн. А. Р. *Горчакова*; *Фустова* Татьяна
 Ив., изъ казначей, умре 1695 г.; кн. А. А. *Мещерская*; Ѳ. И. *Плещеева*;
 А. Ѳ. *Вельяминова*; Ѳ. И. *Цельова*; Д. И. *Толстова*, умре въ 1698 г.;
 М. А. *Мартюгина*; П. И. *Наашкина*; А. А. *Мертвал*; М. И. *Ильина*;
 Д. С. *Мясная*; А. Ю. *Лодыженская*; *Измайлова* Анна Андр.; *Лодыженская*
 Авдотья Ив., у царицы Марем; *Нелединская* Дарья Лук., у царицы
 Марем; *Татищева* Прасковья Осип.; *Водорацкая* Ульяна Мих. у царицы
 Прасковьи Ѳед.; *Мотовилова* Мавра Вас.; *Болкина* Марев Ив.; *Дурная*
 Аферосинья Павл., изъ казначей, съ 1685 г.; *Цанова* Татьяна Ив.; *Кар-*
тамова Соломонида Сав., изъ казначей, съ 1685 г.; *Петрова* Авдотья
 Осип., съ 1695 г. изъ кормилицъ, у царицы Прасковьи Ѳед.; *Копцева*
 Ульяна Ив., изъ казначей; Кн. *Мещерская* Авдотья Вас.; *Заболоцкая*
 Алекснья Петр.; *Левунова* Елена Григор., умре 1698 г.; *Гординова* Авдо-
 тья Данил., изъ казначей; *Тарбеева* Прасковья Матв., умре 1697 г.
 Кн. *Волконская* Марья Ив.; Кн. *Барятинская* Аграфена Ѳед. съ 1695 г., у
 царицы Прасковьи Ѳед.; *Бутурлина* Татьяна Сем., у царевны Прас-
 ковьи Ив. мама съ окт. 1695 г.

Царицы Натальи: Мама кн. Прасковья Ив. *Ромодановская*; Кн. *Вол-*
конская Домна Никит.; *Ордина Нащокина* Прасковья Борисов., послѣ у
 царевны Наталіи; *Чылачова* Матрена Гавр.; *Ланатина* Авдотья Поли-
 харп.; *Толстая* Авдотья Ѳедот.; *Магова* Лукерья Сем.; Кн. *Угтолская*
 Лукерья Гавр. жена окольного кн. Ивана Юрьев., кормилица царев-
 ны Наталіи, а съ 19 іюля 1694 г. ея боярыня, на мѣсто умершей кн.
 Волконской.

Царицы Евдокіи Лопухинь: *Чирикова* Авдотья Авр.; *Лопухина* На-
 талья Осип.; *Доложирова* Акулина Вас., изъ казначей. *Царевича* Алек-
 сѣя *Петр.* Мала Прасковья Алексѣевна *Нарышкина*; боярыня Авдотья
 Сем. *Нестерова*, изъ казначей.

Честь и мѣсто и на царицыной, половинѣ государева двор-
 ца между женщинами соблюдались съ тою же заботливостью,
 поддерживались и охранялись съ тою же ревностью, какъ и на
 половинѣ государевой, между мужчинами. Честь и мѣсто даже
 дворовыхъ боярынь ставились въ *случай*, когда тягались между
 собою мѣстники—бояре и другіе разрядные люди. Такъ въ 1576
 году Васюкъ Зюзинъ, искавшій своего мѣста передъ Ѳедоромъ
 Нагимъ, ставилъ въ случай между прочимъ и слѣдующее обсто-
 ятельство: „да жила, господине, писалъ онъ боярину—судья,
 Петрова мать Шетнева (его родни) Ѳетинья у государя на съ-
 нѣхъ, и какова была съ Оленою Плещеевою въ государевой

милости, *во чти* (въ чести) и *во мѣстьхъ*,—въ томъ у государя въ милости и о сыску челомъ бью⁴.

Въ 1627 году точно также Вас. Пушкинъ, тягавшійся о мѣстахъ съ Андр. Плещеевымъ, подалъ между прочимъ случай, что въ 1547 г. когда царь Иванъ Васильевичъ понялъ въ бракъ царицу Настасью Романовну, то у царицыныхъ саней были Някиѣ. Хвоцинской да Ив. Ив. Плещеевъ, а жена Ив. Плещеева мать Смерда Плещеева, который являлся здѣсь основою спора, была у царицы Настасьи въ Верху и приказано ей было у портомой, а приносила она бѣлое платье (чисто бѣлье) къ боярынямъ, которымъ надъ нею у бѣлаго платья приказано, къ княгинѣ Волконской да къ Оксинѣ Губиной.

Пушкинъ этимъ доказывалъ, что Волконская была больше жены Ив. Плещеева, что больше ее была даже и Аксинья Губина, такъ какъ больше Ив. Плещеева былъ Хвоцинскій, а на Хвоцинскаго и Губина ему Пушкину и случаевъ добыть не умѣть, потому что они молодые дѣти боярскіе. Словомъ сказать, Пушкинъ по этому случаю считалъ себя выше Плещеева многими мѣсты. Если такимъ образомъ честь и мѣсто дворовыхъ боярынь шло, какъ говорится, тоже, какъ всякое лыко, въ строку при мѣстническихъ счетахъ, то имъ естественно было поднимать такіе счеты и при ихъ назначеніи во дворъ царицы, гдѣ онѣ никакъ не хотѣли занимать должность меньшую противъ своихъ мѣстницъ или совмѣстницъ. По поводу одного такого назначенія возбуждено было очень большое счетное судное дѣло между знаменитымъ кн. Дмитр. Мих. Пожарскимъ и кн. Борисомъ Михаил. Лыковымъ.

Въ 1602 г., при царѣ Борисѣ Годуновѣ, велѣно быть у царицы Марьи Григорьевны въ дворовыхъ боярыняхъ Княгинѣ Марьѣ Лыковой, матери Бориса Лыкова, а у царевны Ксеніи Борисовны княгинѣ Марьѣ Пожарской—матери Дмитрія Михайловича. Пожарскій сталъ бить челомъ Царю Борису и писалъ въ челобитной, что по царской милости и по своему отечеству, его матери, княгинѣ Марьѣ, быть меньше княгини Лыковой не вмѣстно, а можно его матери больше быть княгини Лыковой многими мѣсты и государь бы его пожаловалъ велѣлъ ему съ кн. Мих. Лыковымъ въ отечествѣ дати судъ и счетъ. Пожарскій считалъ себя даже больше отца Борисова Михайлы, потому и просилъ считаться съ нимъ, а не съ сыномъ. Однако государь приказалъ боярамъ: въ отечествѣ его судить и раз-

ряды сыскать съ Борисомъ Лыковымъ. Бояре спросили: почему матери его кн. Марья меньше быть кн. Борисовой матери не можно? Пожарскій привелъ множество случаевъ о чести и мѣстахъ своего рода и ни одного о чести и мѣстахъ дворовыхъ боярынь, какъ можно было бы ожидать отъ этого спора: ясно, что счеты о женскихъ мѣстахъ возникали не сами по себѣ, не были особыми самостоятельными придворными счетами, и вполне зависѣли отъ общихъ мѣстническихъ счетовъ, въ которыхъ женское мѣсто точно также, какъ и мужское, становилось *случаемъ*, находкою.

Споръ и судъ не былъ вершёнъ при царѣ Борисѣ и возобновился слишкомъ черезъ 6 лѣтъ уже при царѣ Васильѣ Шуйскомъ и при томъ со стороны Бориса Лыкова, который объяснилъ, почему и судъ не былъ оконченъ. Въ своей челобитной царю Шуйскому онъ писалъ: „А прежь сего, при царѣ Борисѣ въ 1602 и въ 1603 годахъ кн. Дмитрій Пожарской доводилъ мѣ меня Бориска ему царю Борису многіе затѣйные доводы, что будто и, сходясь съ Голицыными да съ кн. Борисомъ Татевымъ, про него царя Бориса разсужаю и умышляю всякое зло. А мать его князь Дмитриева княгиня Марья въ тѣхъ поры доводила царицѣ Марья на мать мою, что будто, мать моя съѣзжаючись съ княгинею Василья Ѳеодоровича Шуйскаго—Скопина Оленою и будто ся разсуждаютъ про нее царицу Марью и про царевну Оксѣнью злыми словесы. И за тѣ затѣйные доводы и за иная многая лгавья царь Борисъ и царица Марья на мать мою и на меня наложили опалу, учали въ томъ гнѣвъ держати безъ сыску, и матери моей не велѣли безъ указу отъ себя съ дворишка съѣзжать (выѣзжать изъ своего дома). И въ тѣ поры тотъ кн. Дм. Пожарскій *не по своему отечеству и не по стычку*, тѣша его царя Бориса, билъ челомъ на меня въ отечествѣ о судѣ, и царь Борисъ его кн. Дмитрія за тѣ затѣйные доводы и за многая лгавья жалуючи, а меня, по своему тайному гнѣву, позоря и казня, вмѣсто смертныя казни (какъ бы на смертную казнь) велѣлъ мнѣ въ неволю (неволею) отвѣчать ему кн. Дмитрію въ отечествѣ. И кн. Дмитрій на судѣ говорилъ и разряды подавалъ Стародубскихъ и Рязоловскихъ князей, будто они больше бывали моихъ родителей Оболенскихъ князей. А самъ онъ къ тѣмъ Стародубскимъ и Рязоловскимъ во многимъ князьямъ причиталъ отца своего и себя по родословцу лѣсвицею, и ставилъ отца своего,

въ лѣсвицѣ, больше многихъ (тѣхъ) князей, а своихъ ближнихъ родителей, Пожарскихъ князей, которые бывали въ родовыхъ прикащикахъ и у иныхъ (подобныхъ) дѣлъ, за ихъ худобю ни въ какихъ случаяхъ не подавалъ и потому своему умыслу и по тѣмъ своимъ затѣйнымъ доводамъ хочетъ больше быть меня лѣсвицею родословіемъ, а не отечествомъ, т. е. ближними родители, и не по разрядамъ. И послѣ того суда я многожды царю Борису бивалъ челомъ о вершени того суда и царь Борисъ, не жалючи меня за тѣ его кн. Дмитриевы и его матеря затѣйные доводы, того суда вершить не велѣлъ, а велѣлъ меня для своей доуки послать на службу въ Бѣлгородъ и тотъ судъ и по ся мѣста не вершенъ; а нынѣ кн. Пожарской по тому суду меня съ собою въ ровенствѣ ставитъ“. Вообще тяжбу Пожарскаго Лыковъ объяснялъ придворными интригами и случай между ихъ матерями, который подавалъ поводъ тягаться съ нимъ Пожарскому не почиталъ настоящею мѣстническою стычкою. — Какъ бы ни было, но подобные случаи признавались въ мѣстничествѣ тоже опасными для родовой чести и въ извѣстныхъ обстоятельствахъ могли служить не малою потеркою и позоромъ всему роду, оттого мѣстники и были такъ чувствительны ко всякой мелочи въ своихъ мѣстническихъ счетахъ.

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, 1627—1630 г., къ его супругѣ царицѣ Евдокиѣ Лукьяновнѣ была опредѣлена въ Верхъ въ дворовыя боярыни княгиня Ульяна Васильевна Троекурова, жена Романа Ѳед. Троекурова, и учинена во всемъ царскомъ жаловань равною съ боярынею Катериною Ивановною Бутурлиною, женою Василья Матв. Бутурлина. Въ этотъ разъ Троекурова самолично подала государю челобитную и объясняла, что ей съ Катериною Бутурлиною въ равенствѣ быть не можно: „по вашей государской милости, по нашему отечеству, правдѣ родной Вас. Бутурлина и его дѣды и дѣдъ его родной и дядя большой вездѣ въ *пятихъ* и въ *шестихъ* товарищахъ (бывали) съ дядею моимъ да съ отцомъ въ вашихъ государскихъ разрядахъ“. Въ доказательство она стала перечислять случаи и въ заключеніе просила: „милосердый государь, пожалуй меня рабу свою, невели мнѣ быть въ ровенствѣ съ Бутурлиною, и вели по своимъ разрядамъ на Бутурлина въ нашемъ отечествѣ свою царскую боронь учинить, чтобъ родству нашему тѣмъ впередъ позорнымъ отъ Бутурлиныхъ не быть. Царь го-

сударь смилуйся!“ Рѣшено было противъ указанныхъ случаевъ вывести справя изъ разрядовъ; но чѣмъ окончилось дѣло, неизвѣстно. Знаемъ только, что въ спискахъ дворовыхъ боярынь Троекурова ставилась выше Бутурлиной.

Въ февралѣ 1623 года царь Михаилъ Фед. женилъ царевича Михайла Кайбуловича на дочери Григорья Ляпунова, Марьѣ, а на свадьбѣ указалъ быть въ сидячихъ боярахъ: Ив. Плещееву, и князьямъ Роману да Никитѣ Гагаринымъ, а въ сидячихъ боярыняхъ ихъ женамъ: Настасьѣ Семеновнѣ Плещеевой и княгинямъ Катеринѣ Матвѣевнѣ и Марьѣ Михайловнѣ Гагаринымъ. По случаю же болѣзни Плещеевой велѣно быть ей дочери, по мужу Вельяминовой. Гагарины тотчасъ заявили, что по росписи имъ назначено быть меньше Плещеева, что теперь они хотя садятся подъ нимъ, но впредь станутъ бить челомъ государю; а женамъ ихъ меньше Вельяминовой никакъ быть нельзя. Между тѣмъ Вельяминова не сама себя представляла въ сидячихъ боярыняхъ, а представляла только свою мать, почему на свадьбѣ ее и называли не собственнымъ ей именемъ, а именемъ матери, Ивановою женою Плещеева; она только занимала мѣсто матери. Гагарины же не хотѣли сидѣть именно подъ Вельяминовой, какъ очень молодой передъ ними. Однако изъ Разряда велѣно было князей посадить сильно на назначенныхъ мѣстахъ; „да изъ Разряда же прѣзжалъ разрядный дьякъ, а велѣлъ княгинѣ Гагариныхъ посадить (стало быть также сильно) подъ Вельяминовою. Вообще велѣно сидѣть по росписи, гдѣ кому указано, а кому до кого будетъ дѣло и они впредь государю бей челомъ.... И они по росписи сидѣли, и послѣ свадьбы Гагарины никто не билъ челомъ.

Подобныя столкновенія даже и между женщинами во дворцѣ были дѣломъ обычнымъ и неизбѣжнымъ по самому существу мѣстническихъ отношеній, ибо во дворцѣ честь и мѣсто никогда не были мечтою. Здѣсь извѣстная мѣстническая потеря чести и мѣста всегда сопровождалась потерей и многихъ служебныхъ весьма существенныхъ выгодъ, и не для одного лица, а для всѣхъ его родичей. Можно было о чемъ подумать и похлопотать, можно было вытерпѣть и батоги, и тюрьму и опалу, и всякія личныя униженія, лишь бы сохранить то мѣсто, съ которымъ пріобрѣталась, а иначе вовсе терялась извѣстная служебная ступень, а съ нею всѣ существенныя блага, именно денежныя и помѣстные оклады.

Но честь и мѣсто, какъ понятіе о достоинствѣ лица, глубоко коренилось въ нравахъ всего народа, отъ дворца до людскихъ помѣщичьихъ избъ, во всякомъ домѣ, гдѣ собирались люди, и особенно во всякомъ домѣ, гдѣ встрѣчалось какое либо служебное господарское раздѣленіе людей, гдѣ былъ дворъ въ смыслѣ дворовыхъ людей. Вотъ напр. что писалъ въ 1681 г. изъ Москвы вѣкій дворецкій къ своему помѣщику (Андрею Безобразову): „а что, государь, написано въ памяти (твоей), чтобъ бабъ развестъ по избамамъ, и бабы, государь, ни которая не слушаетъ, все лиша бранятца межъ себя, и меня, холопа твоего, не слушаютъ, лаютъ; и ихъ развестъ безъ твоего де государскаго указа нельзя, все большіе и старые. Приходилъ я, холопъ твой, многожды въ избу и имъ говорилъ, чтобъ *измѣстили* Марью Чеглокову, дали мѣста; и онѣ не даютъ, никто не хочетъ *ниже сидѣть*“....¹

Послѣ верховыхъ боярынь, вторая степень женскихъ царидынныхъ чиновъ принадлежала *казначеймъ*, на рукахъ которыхъ сохранялась всякая казна, всѣ уборы, вещи, деньги, различные матеріи и т. п. Онѣ вели приходъ и расходъ этой казны, а по тому должно полагать, что по своимъ обязанностямъ онѣ необходимо были грамотницами. Это подтверждается еще и тѣмъ, что инныя казначеи исполняли вмѣстѣ и должность комнатныхъ псаломщицъ, комнатныхъ чтидъ или читальщицъ. Казначеи находились при каждой комнатѣ особо, т. е. у казны царицыной, у казны каждаго царевича и каждой царевны. Такимъ образомъ ихъ штатное число опредѣлялось числомъ членовъ царской семьи. Впрочемъ у самой царицы обыкновенно бывало по двѣ казначеи. Годоваго жалованья онѣ получали по 8 р., да кормовыхъ по 6 денегъ или по 3 копейки на день.

Послѣ казначей слѣдовала *ларешница*, у которой на рукахъ были комнатныя ларцы, и которая собственно была второю казначеею у царицы, ибо эта должность состояла только при комнатахъ одной царицы, а у другихъ членовъ царской семьи ларцами завѣдывали тѣже казначеи. Послѣ долгой и испытанной службы казначеи нерѣдко жаловались въ санъ верховыхъ боярынь.

¹ Русскій Истор. Сборникъ, V, 3; II, 268—272. Временникъ VI, 15; XIV, 25, 105; IX, 57. Дворц. Разр. I, 538; Вивл XIII, 128.

ромъ равенствѣ съ казначеями были еще слѣдующи-
 чинъ. 1) *учительницы* малолѣтныхъ царевенъ грамотѣ,
 какъ въ иногда называли въ томъ же смыслѣ *мастери-*
 Въ сельницахъ были: *мастерица* Марья, учившая ца-
 ру яну Мих.; Авдотья Пыпина, Варвара Лгова, Федора
 олова, учившія царевенъ съ 1675 по 1691 г.

Кормилицы царевичей и царевенъ. Изъ кормилицъ по-
 ь поступали, съ уменьшеніемъ чина и значенія, въ постель-
 ы или въ комнатныя бабки, а съ возвышеніемъ — даже въ
 ковыя боярыни. Впрочемъ государева кормилица оставалась
 своимъ чину до смерти и получала, въ видѣ пенсіи, всѣ
 и оклады. На такомъ положеніи оставались кормилицы царя
 всѣя, старица Анисья Ивановна, и царя Федора Ал., Анна
 юнна и пр. По окладу жалованья и учительницы-мастери-
 и кормилицы равнялись казначеямъ.

Псаломщицы, получавшія жалованья по 6 руб. въ годъ,
 ыхъ по 6 д. Впрочемъ эту должность исполнили обыкновен-
 значенъ, какъ штатныя грамотницы. Такъ у царевны Татъя-
 Ихъ псаломщицею была ея казначея Василиса Пытово, всту-
 шая въ дворцовую службу въ 1646 г. казначеей къ царев-
 --- Иринѣ. Въ 1690 г. она умерла и на ея мѣсто опредѣлена
 псаломщицею Татьяна Мартынова.

Подъ казначеями въ чину стояли *боярышни дѣвицы*, *спяныя боя-*
рышни, жившія въ комнатахъ царицы и царевенъ для разныхъ
 услугъ. Это была третья степень царицына дворцоваго чина. У
 царевенъ, онѣ стольничали и какъ сверстницы жили для игръ и
 забавъ и вообще для собесѣдничества, по этому и штатное число
 ихъ не было ограничено. Онѣ избирались изъ дворянскаго сословія;
 но по преимуществу попадали въ Верхъ по отношеніямъ ца-
 рицына родства или родства верховыхъ боярынь. Котошихинъ
 говорятъ: „а котораго боярина или окольного и думнаго и
 ближняго человека, дочь дѣвица, или вдова, понадобится цар-
 цѣ или царевнамъ, для житья взяти къ себѣ въ домъ, и имъ
 то вольно, кромѣ самыхъ большихъ бояръ дочерей“. Дѣйстви-
 тельно царцѣ вольно было брать къ себѣ въ комнаты, кого
 она похочетъ. Но мы уже видѣли, какъ Дворъ опасался людей
 мало извѣстныхъ, не сверстныхъ и не родственныхъ, на ко-
 торыхъ не могъ вполне полагаться во всемъ; поэтому, какъ
 въ дворовыя боярыни, такъ и въ боярышни дѣвицы, избирались
 лишь тѣ, которыя вообще бывали близки царцѣ по свойству

и родству или по старинной испытанной дружбѣ и службѣ. Родовитыхъ и знатныхъ именъ въ этихъ чинахъ и особенно въ чинѣ боярышень вообще не встрѣчается. Должно думать, что здѣсь всегда набирался только особый родственный и свойственный царицѣ кружокъ, вовсе недоступный для другихъ, хотя и знатныхъ, но мало ей извѣстныхъ личностей.

Бояршни дѣвицы, живя постоянно въ комнатахъ царицы и царевенъ, на всемъ готовомъ содержаніи, конечно, не нуждались и въ отдѣльномъ чиновномъ годовомъ жалованьи. Все, что было имъ нужно, жаловала царица. Но въ концѣ XVII ст. и онѣ стали получать окладное жалованье, старшія по 7 р. въ годъ, младшія по 5 р. и самыя меньшія въ чину по 3 р.

Къ тому же чину дѣвицъ-боярышень принадлежали и *карлицы*, которыхъ занятія также не были опредѣлены особою какою либо должностію. Жалованья онѣ получали въ рядѣ съ меньшими боярышнями, рубля по 3 и по 5 р. Число дѣвицъ боярышень вмѣстѣ съ карлицами бывало, какъ мы сказали, не одинаково. Въ 1682 г. ихъ было, получавшихъ по 7 р. — 11 человекъ; по 5 р. — 36 человекъ; по 3 р. — 4 человекъ. Въ 1691 г. получавшихъ по 7 р. — 12 ч.; по 5 р. — 38 ч.

Четвертую степень царицыныхъ чиновъ занимали *постельницы* и *комнатныя бабы*. Имя постельницъ обозначаетъ и ихъ должность; онѣ „постели постилали подъ царицу и подъ боярынь, и спали у царицы въ Верху по суточно, по перемѣнамъ; сидѣли у царицы въ сѣняхъ, поденно ¹; а жены дворовыхъ всякихъ чиновъ людей, разумѣется меньшихъ степеней.

При каждой комнатѣ, какъ-то у царицы, у каждаго царевича и у каждой царевны находились свои особыя постельницы, число которыхъ не всегда было одинаково. У царицы ихъ бывало человекъ по 20 и по 25; въ 1683 г. у царицы Марѣи Матв. Апраксиныхъ ихъ было 30. У царевичей отъ 2 до 5; у царевенъ, старшихъ отъ 8 до 12, и больше; у младшихъ отъ 2 до 5 и больше. Окладнаго жалованья шло имъ въ годъ по 4 р., кормовыхъ, старшимъ по 6 денегъ, остальнымъ по 3 деньги на день.

Кромѣ постельницъ у царицы и у царевенъ при каждой комнатѣ, находились *комнатныя бабы*, по одной у каждой ца-

¹ Въ 1677 г. изготовлены „двѣ шубы песцовыя подъ стамедомъ, старья, постельницамъ, въ чемъ сидѣть у царицы въ сѣняхъ“.

ы и двѣ у царицы. Это были собственно лекаря и полагали во дворецъ изъ принимаемыхъ, или повивальныхъ охтъ, оставаясь здѣсь по всему вѣроятію, послѣ каждаго изъ прикомнатъ ребенка, котораго онѣ повивали или приали. Онѣ получали жалованья по $1\frac{1}{2}$ р. въ годъ, кормовыхъ лько же, сколько и постельницы; хлѣба по 6 четей ржи и овса. ятую степень занимали *мастерицы* и *ученицы*, *золотыя* и *мы*, т. е. золотошвей и бѣлошвей, „мужья жены и вдовы и шны, честныхъ и среднихъ чиновъ дворовыхъ людей, ко-вы дѣлають и шють золотомъ и серебромъ и шелками, съ енъемъ и съ жемчугомъ“. Число ихъ также какъ и постельтъ было не одинаково и увеличивалось постепенно, вмѣстѣ рожденіемъ царскаго семейства и распространеніемъ по-бностей и надобностей двора. Въ первой половинѣ XVII ст. доходило до 40 слишкомъ человекъ. Въ 1626 году золотъ мастерицъ было 15 ч., а бѣлыхъ 11 ч. Въ 1652 г. ихъ 59 ч. и 22 ученицы, въ 1691 г. — 87 чел. и съ ученицами. овое жалованье и кормовыя деньги назначались имъ не аково, смотря по мастерству и трудолюбію. Первостепен-я получали отъ 2 до 4 р., среднія по 1 р. и по $1\frac{1}{2}$ р., мень-шія, а равно и ученицы по полтинѣ. Въ 1627 г. мастерицы первой статьи получали 4 р., второй 3 р., третьей и четвертой $2\frac{1}{2}$ р., пятой 2 рубля въ годъ. Кормовыхъ старшія полу-чали по 5 и по 6 денегъ, среднія по 4, младшія по 3 и уче-ницы по 2 денги на день. Хлѣбнаго, ржи и овса, старшія по-лучали по 7 и 8 четей, среднія по 5 и 6, младшія по 3 и 4 чети. У кого было помѣстье, тѣмъ хлѣбнаго жалованья не да-вали. Число хорошихъ мастерицъ стояло въ разное время боль-шею частію на 30, отчего онѣ и назывались даже *тридцатни-цами*, такъ что попасть въ списокъ такихъ тридцатницъ зна-чало приобрѣсть настоящую степень мастерства. Мастерицы и ученицы были жены и дочери, дворовыхъ же государевыхъ людей, царицыныхъ дѣтей боярскихъ, сытнаго и кормоваго двора стряпчихъ, подъячичиковъ, конюховъ, подъячихъ, а иные и изъ городского дворянства. Когда въ 1680 г. произведена была повѣрка ихъ дворовой службы, то оказалось, что нѣкото-рыя служили въ Свѣтлицѣ лѣтъ по 50, напр. Катерина Теми-рева, Татьяна Перепечина, а Анна Лукьянова Маслова слу-жила 58 лѣтъ; другія 40, 36 лѣтъ, 33 года, 27, 25 и вообще слишкомъ по 20 лѣтъ.

Шестую и послѣднюю степень женскаго царичина чина занимали *портмои* или по Котошихину — *мошницы*, иначе прачки, „которые платье моютъ; жены дворовыхъ людей. А когда прилучится имъ мыть платье, говоритъ Котошихинъ, и то платье зимою и лѣтомъ возятъ на рѣку въ саняхъ, въ сундукъ, замкнувъ и запечатавъ, покрывъ краснымъ сунномъ; а затѣмъ платьемъ идетъ боярыня, для береженья“. Число ихъ въ началѣ XVII ст. было не велико, всего 8 челов.; оно увеличивалось съ нарожденіемъ царскаго семейства и въ концѣ столѣтія доходило до 30 челов. Въ 1682 г. ихъ было 24, въ 1691 г. — 28 чел. Жалованья онѣ получали по 3 р. въ годъ, кормовыхъ по 6 денегъ на день. Хлѣба, ржи по 10 четей безъ полуосмины, овса по 15 четей съ осминою.

Общее число царичина женскаго чина, какъ мы видѣли не было опредѣлено какимъ либо штатнымъ положеніемъ. Оно постоянно измѣнялось, смотря по дѣйствительной надобности въ людяхъ. Праздныхъ и только штатныхъ должностей не существовало. Очень немногія лица сохраняли свои мѣста лишь въ видѣ пенсіи и то въ исключительныхъ случаяхъ. Такъ мама царевны Софіи княгиня Лобанова-Ростовская очень долго оставалась на своемъ мѣстѣ и съ получаемымъ окладомъ, который былъ даже увеличенъ до 100 р. Но быть можетъ она несла при этомъ какую либо особую дворцовую обязанность. Она оставалась мамою и по удаленіи Софіи въ монастырь. Затѣмъ долго оставались на своихъ мѣстахъ кормилицы государей.

Число женскаго чина младшихъ степеней, начиная съ казначей, какъ и число боярынь, въ теченіи XVII ст. съ приращеніемъ царскаго семейства, постепенно увеличивалось. Въ 1620-хъ годахъ это число стояло около 60 чел.; въ тридцатыхъ годахъ оно простиралось не много за 100; въ 1630 г. было 102 чел., въ 1634 г. — 106; въ 1637 г. — 113; въ 1640 г. — 120; черезъ десять лѣтъ, въ 1650 г. — было 149 челов.; въ 1660 г. — 178; въ 1673 г. — 233 чел.; въ 1691 г. — 264.

Въ первое время всѣ младшія степени чина, начиная съ казначей получали кормъ изъ Дворца, какъ и боярыни; но съ 1 сент. 1626 г. имъ были назначены кормовыя деньги, отъ 6 до 2 денегъ въ день, смотря по чину и по старшинству въ своемъ чинѣ.

Женскія лица неслужебнаго чина, число которыхъ не было значительно и къ которымъ принадлежали дурки-шутихи, уро-

ия, осоломилцы, дѣвочки-сиротинки, калмычки, арапки и п. — упомянуты въ предыдущей главѣ. Этотъ чинъ пользовался готовымъ дворцовымъ содержаніемъ, получая все надобное и одежды и для своего личнаго обихода изъ царицыной казны.

Мужскій царицынъ чинъ можно распредѣлить на приказный, стовой, стольничій, походный, истопничій, и мастерской.

Приказный чинъ управлялъ всѣмъ вѣдомствомъ; онъ собственно и составлялъ *Постельный* (комнатный, кабинетный) *Приказъ государыни царицы*, иначе *Приказъ царицыной мастерской палаты*, что имѣло тотъ же смыслъ. Приказъ представляли собственно только два лица, царицынъ дворецкій, стоявшій во главѣ вѣдомства, и дьякъ. Царицынымъ дворецкимъ являлся обыкновенно близкій человѣкъ по родству, по свойству и по старой испытанной службѣ. Такъ у царицы Евдокіи ѡшневыхъ дворецкимъ былъ ея дядя Ѳед. Степ. Стрѣшневъ, же Вас. Ив. Стрѣшневъ. У царицы Марьи Милославскихъ первое время Прокопій Ѳед. Соковининъ, потомъ Вас. Мих. опкинъ, а въ послѣднее время сынъ перваго Ѳеодоръ Соковинъ. У царицы Натальи Нарышкиныхъ Аврамъ Никитичъ Лопухинъ.

Должность царицына дворецкаго по значенію равнялась званію окольниковаго, поэтому и лица, занимавшія ее постепенно изъ простыхъ дворянъ возводились въ думные дворяне, а на послѣдокъ въ окольниковичіе. Правою рукою дворецкаго и главною силою всего Приказа былъ дьякъ, на обязанности котораго лежала вся письменная часть вѣдомства и все дѣлопроизводство. Онъ велъ приходныя и расходныя книги, денежные и матеріальныя, и своею подписью утверждалъ расходъ; составлялъ описи и переписи всякой казны, чиновныя и всякіе другіе списки и росписи подвѣдомыхъ лицъ; производилъ и записывалъ сыскныя и распросныя дѣла и т. д.; словомъ сказать, это былъ главный секретарь царицы, производитель всякаго ея *приказа* и всякаго назначенія и распоряженія. Его жалованье равнялось съ жалованьемъ первыхъ боярынь — мамъ. Въ концѣ XVII ст., именно при царѣ Ѳеодорѣ въ чину находились два дьяка одинъ получалъ 80 р., другой 70.

Канцелярія дьяка состояла изъ двухъ или трехъ, а послѣдствіи и изъ пяти подьячихъ, изъ которыхъ старшіе получали

жалованья по 25 р., а младшіе по 20, слѣд. столько же, сколько и верховныя боярыни.

Такъ какъ дѣлъ представлялъ главный узелъ всякихъ дѣлъ Приказа, то Котошихинъ при обозначеніи, кѣмъ приказъ управляется, вовсе и не поминаетъ дворецкаго, а говоритъ только, что въ томъ приказѣ *сидитъ* дьякъ, а надсматриваетъ казначей-боярыня. Это указаніе должно понимать въ томъ смыслѣ, что дѣйствительно боярыня казначея, какъ правая рука царицы и главный органъ ея ежедневныхъ приказаній, являлась по необходимости и главною управительницею приказа во всемъ томъ, что касалось такъ сказать матеріальной и технической стороны вѣдомства, которое все таки было мастерскою палатою, т. е. учрежденіемъ для устройства всякихъ домашнихъ, комнатныхъ, постельныхъ царицыныхъ обиходовъ, при чемъ дворецкій, конечно, не могъ участвовать своею службою. Въ томъ приказѣ вѣдомо, говоритъ Котошихинъ, царицыно, и царевичей и царевенъ платье и мастеровые люди; вотъ именно эта сторона дѣла и находилась въ надзорѣ боярыни-казначей. Въ вѣденіи дворецкаго оставалась такъ сказать внѣшняя, наружная сторона дѣла, т. е. всѣ распоряженія, касавшіяся служебныхъ лицъ, разбирательство ихъ споровъ, судъ надъ ними и т. д., и потомъ всякое царицыно дѣло, производимое или устроиваемое внѣ хоромъ царицы, а также и всякія сношенія съ другими вѣдомствами.

Въ Приказѣ, кромѣ того, были вѣдомы Хамовныя слободы и села, въ Москвѣ — Кадашево, въ Твери — Константиновская, переведенная потомъ въ Москву же, и въ Ярославской сторонѣ села Брейтово и Чернасово, которыя выдѣлывали на царскій обиходъ полотно и всякую *блгую казну*. Всѣ эти люди, какъ и всѣ царицыны чины, судомъ и расправою въ истцовыхъ искахъ были вѣдомы исключительно въ приказѣ мастерской царицыной палаты.

Къ крестовому царицыну чину мы относимъ крестовыхъ дьяковъ, служба которыхъ намъ уже отчасти извѣстна (т. I стр. 199): они служили у *крестовъ* во время обычныхъ повседневныхъ моленій царской семьи, читали и пѣли, псалтырь говорили, конархали. Одинъ изъ нихъ, начальнѣйшій, именовался *установщикомъ*. Это по всему вѣроятію былъ знатокъ церковнаго устава и въ то же время регентъ; онъ управлялъ порядкомъ чте-

нія и пѣвнѣя. Число крестовыхъ дяковъ въ разное время было не одинаково. У царицы Евдокии Стрѣшневыхъ ихъ было всего 4 человека; у Марьи Милославскихъ въ 1654 г. — 6 чел. и у царевнѣ 5 чел. При царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ было 2 уставщика и 26 чел. крестовыхъ. Въ 1682 г. царицыныхъ дяковъ было 8 чел. и съ *уставщиками*, да кромѣ того у большихъ царевнѣ 8, у меньшихъ царевнѣ 9, у царевича Ивана Ал. 10 чел. — Жалованье они получали разное, вѣроятно по заслугамъ, по познанію и по способностямъ. Уставщикъ получалъ 25 р.; царицыны старшіе по 10 р., средніе по 7 р., младшіе по 5 р.; — у царевнѣ большихъ старшіе 25 и 20 р., средніе 12 и 13 р., младшіе 9 и 10 р.; — у царевнѣ меньшихъ старшіе 25 р. и 20 р., средніе отъ 11 до 16 р., младшіе 10 р. и 7 р.; — у царевича отъ 16 р. и до 4 р. Сверхъ того всѣ они получали *кормовыя* деньги, главные по 6 р., 1 статья по 4 р., 2 статьи по 3 р.; также *славленыя* или праздничныя рождественскія первой статьи по 2 р., второй по 1 р., и *причастныя*, на два поста на великій и успенскій, уставщикъ по 4 р., остальные по 2. Въ 1650-хъ годахъ за причастное сукно, на кастанъ, уставщикъ получалъ по 6 р., остальные по 3 р. и кромѣ того за годовыя сукна по 5 р. каждый.

Въ стольничемъ чинѣ состояли царицыны стольники, которые по своей должности по лѣтамъ и по положенію были отчасти тоже, что пажы. Въ стольники къ царицѣ, по словамъ Котошихина, — берутъ боярскихъ и окольных и ближнихъ людей дѣтей, лѣтъ по 10 ростомъ (возрастомъ); а какъ они будутъ лѣтъ 15 или 17 и они въ томъ чинѣ не бываютъ, а бываютъ въ царскій чинъ взяты, въ стольники иль (особенно близкіе) въ спальники. А бываетъ ихъ въ стольникахъ чело-вѣкъ 20^ю. Прямая должность ихъ обозначена самымъ ихъ званіемъ. Они стольничали за столомъ царицы и кромѣ того сопровождали ее въ выѣздахъ и походахъ. Какъ дѣтямъ имъ не было опредѣлено окладнаго жалованья, но за то ихъ должность проводила ихъ на лучшую дорогу на дѣйствительной службѣ въ государевомъ чинѣ. Хотя Котошихинъ и говоритъ, что это были дѣти бояръ и вообще первостепеннаго сословія въ государствѣ, однако, судя по фамиліямъ, изъ которыхъ избирались царицыны стольники, мы должны замѣтить, что всѣ эти фамиліи вовсе не принадлежали людямъ знатымъ. Это были во-

обще дворяне рядовые, мелкопомѣстные, нисколько не знатные и вступавшіе во дворець лишь по дворцовымъ же связямъ, особенно по свойству и родству съ царицею или съ приближенными къ ней людьми. Такъ напр. у царицы Евдокии Стрѣшневыхъ въ столѣнникахъ находимъ Сем. Лук. Стрѣшнева, Алексѣя Никит. Годунова, Ив. Ѳед. Стрѣшнева большаго, Ив. Ѳед. Стрѣшнева меншаго, Вас. Вас. Бутурлина, сынъ Вас. Матв.; Ив. Льв. Волкова, Якова Стрѣшнева, Анастасья Стрѣшнева, Як. Ив. Безобразова, кн. Ѳед. Ромодановскаго, сынъ Григорія Петр. — У царицы Натальи Кирилловны столѣнниками были тоже все родственники, Нарышкины: Левъ, Мартемьянъ, Ѳедоръ Кириловы, Кирила Алексѣевъ, Василій, Андрей, Семень Ѳедоровы и пр. У царицы Марьи Ильичны Милославскихъ находимъ въ столѣнникахъ въ первое время: Милославскаго Матв. Багдая., Голохвастовыхъ Кузьму и Ивана, Ртищева Ѳед. Мих., Соковнина Алексѣя Прок., сына ея дворецкаго Прокопья Ѳедоровича; Еропкина Ѳед., Траханиотова Александра Ив.; потомъ: Ртищева Луку Григ., Колычова Алексѣя Як., Потемкиныхъ Степана Петр. и Ѳедора Ив., Чичериныхъ Петра, Андрея и Артемья Яковлевыхъ, Ржевскаго Алексѣя Ив., Хитрово Петра Савел., Мартюхина Ивана Арт., Еропкина Ив. Ив., Кн. Елецкаго, Луговскаго, Нарбековыхъ, Блохина, Вельяминова, Сомова, Орлова, Прончищевыхъ, Панина, Соколова, Жданова, Кологривовыхъ, Лукина, Протасьева, Зиновьева, Собакиныхъ, кн. Львова, Кузьмина, Головина, Полтева, Свинына, Дашкова, Бутумова, кн. Вяземскаго Ѳед. Як., кн. Волконскаго Ив. Вас., кн. Мещерскаго Петра Ѳед., Мусяна Пушкина Ив. Алекс., Бутурлина Ив. Ив., кн. Козловскаго Ѳед. Григ., Зиѣва, кн. Долгорукова Влад. Дмитр.

Все это дѣти людей не совсѣмъ знатныхъ и извѣстныхъ въ то время. Напротивъ здѣсь видимъ довольно фамилій, которыя принадлежали дворовымъ боярынямъ, каковы Мещерскіе, Волконскіе, Нарбековы, Собакины, Вельяминовы, Мартюхины, Колычовы, Хитрово, Еропкины, Сомовы, Орловы, Блохины, Кологривовы, и т. д., такъ что составъ этихъ столѣнниковъ видимо наполнялся родствомъ и свойствомъ дворовыхъ царицыныхъ чиновъ. Затѣмъ еще у царицы Марья, т. е. въ то время, когда писалъ о дворѣ Котошихинъ, указавшій, что столѣнниковъ бывало человекъ 20, — мы находимъ ихъ гораздо больше. Къ концу XVII ст. число ихъ быстро возрастаетъ, особенно

съ того времени, когда въ государскомъ дворѣ явилось нѣсколько царицъ, собиравшихъ каждая около себя свой особый чинъ, и особенно быть можетъ по той причинѣ, когда молодой царь Петръ сталъ забирать своихъ сверстниковъ дворянъ къ себѣ на службу, въ свое потѣшное войско. Тогда всѣ тѣ, кто не желалъ, чтобы дѣти ихъ потѣшничали и стало быть по понятіямъ вѣка безобразничали въ Преображенскомъ, всѣ вообще лежебоки и бѣлыя руки старались уйти въ стольники къ царицамъ, гдѣ служба была женская и легкая. Въ 1686 г. у одной царицы Прасковьи Федоровны супруги царя Ивана Алексѣевича ея стольниковъ числилось уже 263 человекъ. изъ которыхъ въ то время по требованію въ Москву явилось только 62 чел., а 201 оказались въ нѣтехъ, жили по деревнямъ. Въ 1696 г. отъ царицы Евдокин Лопухиныхъ присланы были въ Разрядъ на смотръ для службы 76 чел. и послѣ смотру, за малолѣтствомъ были оставлены въ царицыномъ чинѣ по прежнему. Царицыны стольники, не получая никакихъ окладовъ, жалованы были только платьемъ, которое получали или готовымъ, или кусками тканей и деньгами на прикладъ. Въ 1653—4 годахъ они получали на холодное платье всего по оцѣнкѣ и съ деньгами рублей на 17 слишкомъ.

Къ походному чину относимъ царицыныхъ дѣтей боярскихъ.

Служба ихъ по словамъ Котошихина, была такова: посылаютъ ихъ боярами во всякіе посылки и вѣзятъ съ царицею въ походъ, и спятъ у царицы въ Верху, для сторожи и обереганія, въ низкихъ мѣстѣхъ, по суточно, по перемѣнамъ. Главнѣйшая надобность въ нихъ представлялась именно во время царицыныхъ походовъ, когда они оберегали поѣздъ на пути и оберегали царицынъ дворъ на станахъ. Штатное число ихъ полагалось, кажется, около 100 человекъ, но бывало больше и меньше. Всѣ онѣ кромѣ денежнаго годоваго жалованья, получали и *помѣстный окладъ*. Старшій денежный окладъ бывалъ въ 14 и 15 р.; къ нему помѣстнаго оклада назначалось отъ 400 до 500 четвертей или отъ 200 до 250 десятинъ. Средній окладъ былъ 10—13 р. денегъ и 300—350 четвертей помѣстья; младшій окладъ 7—9 р. и помѣстья 150—250 четвертей. Прибавка жалованья назначалась по заслугамъ, а большею частію по годамъ службы. Во дворѣ у царицы они служили обыкновенно по очереди по три мѣсяца въ году, перемѣняясь, а остальное

время жили въ своихъ помѣстьяхъ. Мѣсяцы ихъ дворовой службы назывались *жилыми* мѣсяцами, потому что въ то время они жили въ Москвѣ, или собственно при дворѣ.

Въ истопничемъ чину начальное мѣсто занималъ *истопничій*, который имѣлъ наблюденіе за чистотою и отопленіемъ хоромъ и за всѣмъ обиходомъ, какой только требовался для этой цѣли. Его вѣдомство сосредоточивалось въ *истопничей палатѣ* (т. I, стр. 185), гдѣ собирались подчиненные ему *мовные* и *сѣнные истопники* и *сторожи* и гдѣ сохранялась всякая истопничья казна, разные матеріалы и вещи.

Въ царицыномъ чину истопничій получалъ жалованья 30 р. и по порядку чиновъ слѣдовалъ за дьякомъ. Мовные истопники топили и готовили мыльни у царицы и у царевенъ, и получали жалованья по 9 р., Мовные сторожи работали у тѣхъ мыленъ за чистотою и сторожили; жалованья получали по 5 р. Въ 1682 г. истопниковъ было 2, а сторожей 4. Сѣнные истопники, которые палаты и хоромы топятъ и метутъ и у дверей для отворянія стоятъ, люди честные и пожалованные помѣстьями и вотчинами, а живутъ на Москвѣ, т. е. въ службѣ во дворцѣ, по полугоду. Сѣнные сторожи стерегли и оберегали на сѣняхъ, крыльдахъ, лѣстницахъ и на дворахъ. Первые получали жалованья по 7 р., а вторые по 3 р. Въ 1682 г. истопниковъ было у царицы 14 ч., у большихъ царевенъ 8 ч., у меньшихъ 17 ч.; сторожей у царицы 39 чел., у большихъ царевенъ 8 чел., у меньшихъ царевенъ 16 чел. Сторожи для своихъ занятій распределялись по разнымъ мѣстамъ и палатамъ: такъ въ 1646 г. въ мастерской палатѣ ихъ было 4 челов., у мастерицъ въ свѣтлицѣ 3 челов., въ портомойнѣ 4 челов., въ Казенной палатѣ 2 ч., и т. д. и также особо у хоромъ царицы, каждого царевича и каждой царевны, если тѣ хоромы были строены въ отдѣльности.

Мастерской чинъ состоялъ при царицыной мастерской палатѣ изъ разныхъ мастеровыхъ людей по заготовленію платья и разныхъ другихъ предметовъ постельнаго обихода. Это были портные мастера, между которыми старшее мѣсто занимали *закройщики*. Закройщиковъ бывало человекъ два, которые получали жалованья по 10 р., кормовыхъ по 5 денегъ на день. Рядовыхъ портныхъ бывало около 10 человекъ; затѣмъ чеботники, чело-

вѣкъ шесть; шапочникъ, каптурникъ, шляпочникъ, кружевникъ, бѣльничекъ, игольникъ, которые получали по 7 р. жалованья и по 3 денга кормовыхъ.

Въ руководяльномъ чинѣ кромѣ мастерицъ, при Свѣтлицѣ состояли: *знаменщики*, два человѣка, которые знаменали, т. е. рисовали потребныя для шитья рисунки иконъ, всякихъ изображеній и всякіе узоры, и *свѣтличный писецъ*, составлявшій рисунки надписей, тоже для вышиванья. Они получали жалованья по 15 р., кормовыхъ по 6 денегъ. При той же свѣтлицѣ для пяличныхъ и разныхъ другихъ подобныхъ дѣлъ находился свѣтличный *плотникъ*, собственно столяръ, получавшій 2 р. жалованья и по 6 денегъ на день кормовыхъ.

Какъ старшіе, такъ и младшіе дворовые царицны чины пополнились всегда лицами, состоявшими въ близкомъ или дальномъ родствѣ съ тѣми, которыя уже находились на службѣ. Родство съ тѣмъ или другимъ чиномъ всегда давало прямое право просить объ опредѣленіи въ этотъ чинъ. Въ этомъ дворовый порядокъ находилъ наиболѣе вѣрное ручательство при выборѣ служебныхъ лицъ, ибо родъ личности въ то время всегда представлялъ естественную круговую поруку за своего родича и если такая круговая порука состояла уже на службѣ, то тѣмъ легче и тѣмъ прямѣе была дорога для поступленія на эту службу новаго родича. Въ челобитныхъ прямо и выставлялось это обстоятельство, какъ основаніе просьбы. „Родители государь, мой, пишетъ одинъ боярскій сынъ, прося царя Алексѣя объ опредѣленіи въ царицынъ чинъ, *дядя и братья* у тебя, государя, во дворѣ, въ царицыныхъ дѣтехъ боярскихъ, въ сытникахъ и въ подклюшникахъ, а *мать* у тебя же, государя, во дворѣ, у государыни царевны Анны Мих. въ постельницахъ. Милосердый государь! пожалуй меня, холопа своего, вели мнѣ быть у государыни царицы въ дѣтехъ боярскихъ“.

Младшій мужской чинъ, сѣнные истопники и сторожи, портные и другіе мастера, въ первое время избирался изъ добрыхъ людей, вѣроятно, тоже по свойству и родству съ дворовыми чинами. Но, конечно, при такомъ порядкѣ, ручательство и одобреніе родственниковъ и свойственниковъ за доброе поведение избираемаго не всегда оправдывало ихъ выборъ и нередко во дворцѣ являлись большіе безобразники, которыхъ трудно было унять, остановить. Въ рукахъ дворцовой власти не было ника-

кого твердаго обезпеченія, что избранный, во все время своей службы, будетъ вести себя пристойно и благоправно во всѣхъ отношеніяхъ, поэтому и здѣсь впоследствии явилась необходимою единственная старинная мѣра охраны отъ всякихъ случайностей служебнаго зла и безпорядка, именно круговая порука. Это произошло по слѣдующему обстоятельству. Въ 1660 г. генваря 7, „великая государыня царица и в. к. Марія Ильична указала истопниковъ Пронку Пототуя да Мивитку Шайкина за ихъ многое безчинство и пьянство отставить и учинить жестокое наказанье, бить кнута. И тогожъ числа имъ чинено наказанье, вмѣсто кнута, биты батоги нещадно. Приказъ о томъ изъ хоромъ казначей Матрены Блохиной. А на ихъ мѣсто указала великая государыня взять вновь иныхъ истопниковъ съ записями и съ крѣпкими поруками. А впредь указала государыня имать въ истопники и въ сторожи вновь съ поручными крѣпкими съ записями, а безъ поручныхъ записей отнюдь неимать“.

Послѣ того, при опредѣленіи въ такія должности, всегда *уже* приносилась и поручная крѣпкая записка отъ людей, вполне ручавшихся за избраннаго, въ которой они писали: „поручились есми — въ томъ, что такому то быть по государеву указу въ такой то должности, служить вѣрно и государево здорье *опасать* и все памятовать, что ему чтено въ крестоприводныхъ статьяхъ; у государева дѣла не пить, не бражничать, никакимъ воровствомъ не воровать и съ воровскими съ *приличными* людьми не водиться, виномъ и табакомъ не торговать, карты и зерню не играть; и государскаго самому ничего не красть и для *покражеся* къ казнѣ воровскихъ людей не подвести и дурна никакого и хитрости надъ государевою казною не чинить; всего государскаго беречь съ великимъ радѣньемъ и съ опасеньемъ и подвоху надъ казною никакого не учинить; и что видячи надъ своею братьею какое дурно и о томъ начальнымъ людямъ извѣщать, и съ своею братіею днєвать и ночевать по очереди; и безъ указу никуда не съѣхать и взять жалованье, не заслужа не снєсть и не сбѣжать и отъ чину, не бивъ челомъ государыни, собою не отстать; а буде опредѣляемый что сдѣлаеть противъ свое этимъ статьямъ, то, писали поручики, на насъ поручикахъ пеня, а пени, что государь укажетъ, взять на томъ, кто насъ поручиковъ будетъ въ лицахъ, — наши поручиковы головы, вмѣсто его головы“.

Вообще дворцовое безчинство и особенно воровство наказывалось во всякомъ случаѣ довольно строго. Однажды, въ маѣ 1688 г. портной мастеръ царицына чина, Михайло Сергѣевъ, отрѣзалъ у двухъ царицыныхъ подножій (родъ ковровъ) нѣсколько соболей. Украденное онъ продалъ на Красной площади и денегъ взялъ всего двѣ гривны. Дворцовая подозрительность проснулась; поднялся розыскъ, допытывались съ какою цѣлью были отрѣзаны соболи, не мыслилъ ли воръ какого зла на государственное здоровье. Это нужно было знать тѣмъ болѣе, что подножья принадлежали царицѣ Натальѣ Нарышкиныхъ, а тогда, съ этой стороны, всего опасались отъ другаго царскаго рода Милославскихъ. Розыскъ, однакожъ, кромѣ простаго воровства, ничего не открылъ. За воровство портному была слѣдующая сказка: „Мишка Сергѣевъ! Будучи ты въ мастерской палатѣ въ портныхъ мастерахъ, своровалъ государственнаго достоянія, отъ дву подножій соболи обрѣзалъ, и въ томъ въ твоёмъ воровствѣ виновна, и за то твое воровство великая государыня благоверная царица и в. к. Наталія Кириловна указала бить кнутомъ и отъ чину отставить и впредь у государскихъ дѣлъ нигдѣ не быть“. — Въслѣдствіе этого указа, іюня 19, онъ бить кнутомъ передъ дворцомъ за Куретными вороты, дано 3⁰ ударовъ.

Обыкновенный способъ исправленія нравственности дворцовыхъ служителей и другихъ меньшихъ чиновъ состоялъ въ томъ, что ихъ отправляли, особенно за пьянство, *подъ началъ* въ монастырь, по большей части въ Москвѣ въ Покровскій, что на Убогихъ Домахъ, или въ одинъ изъ отдаленныхъ сѣверныхъ. Такъ въ мартѣ 1666 г. царицыны крестовые дѣяки, Михайла да Мартинъ Протопоповы, были сосланы подъ началъ первый въ Убогій Домъ, а другой на Вологду въ Каменный монастырь, съ наказомъ держать подъ крѣпкимъ началомъ, къ церковному пѣнію приходить и всякую работу работать. Эти крестовые могли быть сосланы и за раскольникчи мѣтніа.

Такому же подначальному монастырскому исправленію подвергались въ своихъ проступкахъ и лица женскаго чина. Ихъ ссылали подъ началъ обыкновенно въ Хотьковскій монастырь, а иногда и въ болѣе отдаленные монастыри: въ Успенскій во Владимірѣ, въ Суздальскій Покровскій. Въ 1658 г. авг. 4⁰ слана въ Хотьковскій монастырь комнатная Евгенія Шишкина, возвращенная оттуда на другой годъ въ маѣ. Въ 1694 г. іюня 17 сослана въ Володимірѣ одна постельница при слѣдующей

грамоть: „Въ Володимеръ въ Успенскій дѣвичь монастырь игуменьѣ Θεодосіи съ сестрами. Послана къ вамъ отъ насъ (государей) изъ комнаты царевны Маріи Алексѣвны подъ началъ постельница Ирина Протопопова за еѣ безчинство и пьянство; и вамъ бы еѣ дать подъ началъ въ келью старицѣ княжнѣ Максимилѣ Шеховской подъ крѣпкой началъ, и велѣть ей ходить къ церкви ко всякому пѣнію и въ кельѣ поклоны класть, какъ чинъ монастырской надлежитъ; и послѣ церковнаго пѣнія быть у монастырской всякой работы; и съ монастыря еѣ неспускать и хмѣльнова ничево не давать; а буде она въ чемъ не послушна будетъ и еѣ смирять, какъ чинъ монастырской надлежитъ“.

Монастыри, такимъ образомъ, въ старомъ нашемъ быту имѣли для правительства весьма важное значеніе, какъ мѣста исправленія всякихъ худыхъ нравовъ, худыхъ мыслей, всякаго самоубійствія, и даже въ случаяхъ, когда совсѣмъ кто либо лишился ума. Въ 1673 г. іюля 6 царю Алексѣю была челомъ нѣкая вдова Аниютка Фомина. Сынишка, государь, мой, Ивашка Степановъ, будучи при твоей царской милости великія государыни царицы и в. к. Натальи Кирилловны въ мастерской палатѣ въ портныхъ мастерахъ, и въ нынѣшнемъ, государь, во 181 году послѣ Свѣтлаго Христова Воскресенья за грѣхи мои залежалъ, и въ скорби своей по грѣхомъ во умѣ порушился, меня не слушаетъ и въ домишку всякое неистовство чинить и пугаетца и бѣгаетъ; а я бѣдная съ невѣсткою своею, а съ его женою людишка одинакіе, приберечь его и смирить некому, и неслушаетъ. Милосердый государь! Пожалуй меня бѣдную безпомощную рабу свою, вели, государь, его, сынишка моего Ивашка сослать подъ началъ въ монастырь ко Всемилоствому Спасу на Новое, по коихъ мѣстъ Господь Богъ во умѣ его утвердить, чтобъ мнѣ бѣдной отъ сынишка своего въ позорѣ не быть и емубъ сынишку моему впредь твоей царской милости неотбыть. Царь государь смилуйся пожалуй!“ Государь указалъ сослать его въ монастырь Покрова Богородицы, что на Убогихъ Дому съ наказомъ: „велѣть держать его подъ крѣпкимъ началомъ, и отдать его старцу воздержательному, и велѣть ему ходить къ вечерни и къ заутрени и къ литургіи по вся дни, а винабъ и пива и меду къ нему никто не приносить“.

Царицынъ младшій женскій и мужской чинъ именно постельницы, мастерицы, портномы, мастеровые люди, дѣти боярскіе

и пр. былъ поселенъ особою слободою, которая была расположена подлѣ Никитскаго дѣвичьяго монастыря, между улицами Никитскою и Смоленскою, нынѣ Воздвиженкою, и называлась *Кисловкою*. Это названіе и теперь сохраняется въ тамошнихъ переулкахъ. Отъ жившаго здѣсь царицына чина самая улица Никитская именовалась иногда Царицыною. По всему вѣроятію заселеніе Кисловки дворовыми людьми царицы относится еще ко временамъ великихъ князей, т. е. по крайней мѣрѣ къ концу XV вѣка, когда Кремль былъ перестроенъ и слободы по Неглинной переставлены на новыя мѣста. Слободская земля была государева и раздавалась подъ дворы, смотря по надобности, въ извѣстномъ размѣрѣ. Съ теченіемъ времени съ умноженіемъ населенія и съ переходомъ дворовъ отъ одного владѣльца къ другому, дворовая мѣра въ иныхъ случаяхъ дробилась, отрывалась на части, а иногда прирѣзывалась, получала большій размѣръ противъ настоящаго, что всегда между жителями возбуждало споры и ссоры. Каждый, особенно изъ вновь приходившихъ требовалъ для себя законной мѣры, жаловался на сосѣда въ неправильномъ владѣніи даже одною саженью. По тѣснотѣ помѣщенія конечно и одна сажень была дорога, а тѣмъ болѣе если и отъ этой малой мѣры зависѣло удобство или неудобство въ расположеніи разныхъ хозяйственныхъ построекъ. Къ тому же многіе изъ царицына чина жили въ разныхъ мѣстахъ по Москвѣ и просили помѣстить ихъ также въ Кисловкѣ, такъ какъ она была ближе ко дворцу, да и мѣсто было казенное, слѣд. для служащихъ по праву даровое. Для удовлетворенія такихъ челобитій, для прекращенія жалобъ и приведенія въ порядокъ этого дѣла въ ноябрѣ 1689 г. было указано учинить въ Кисловкѣ всѣ дворы по ровну, т. е. длинникъ улицы или переулка раздѣлить на равныя части и отмѣрить для каждаго двора поперекъ по воротамъ или 7 или 8 саж., соображаясь съ длиною улицы, или переулка, а на поддвора половину той и другой мѣры, т. е. 3½ и 4 саж. Въ это время въ Кисловкѣ была одна улица и пять переулковъ, въ томъ числѣ Тупой, Ивановской Кузюдемьянскій. Дворовъ было 115, мѣрою по наличной сторонѣ на 744 саженьяхъ. По новому размѣру учинено 181 дворъ по 4 саж. и 208 дворовъ по 3½ саж., при чемъ еще осталось въ разныхъ концахъ мелкою мѣрою 40½ саж. Такимъ образомъ число дворовъ было увеличено съ дѣлію испомѣстить всѣхъ желавшихъ и имѣвшихъ право здѣсь жить. Видимо, что время

отъ времени, смотря по приливу населенія, узаконенная мѣра дворовъ измѣнялась. Такъ въ 1692 г. эта мѣра была только въ 6 саж. на цѣлый дворъ и длиннику внутрь двора 10 саж. Длинникъ всегда зависѣлъ отъ ширины квартала или сплошныхъ дворовъ между двумя улицами, который и дѣлился по поламъ, такъ что въ иныхъ мѣстахъ онъ бывалъ и по 8 саж. Лишняя мѣра, которую по какому либо случаю кто завладѣлъ, всегда могла быть отрѣзана, какъ скоро явился челобитчикъ. По случаю отставки или смерти и вообще по случаю выбытія изъ чина, владѣлецъ двора свозилъ обыкновенно свои хоромы или продавалъ ихъ заступавшему ему мѣсто. Въ иныхъ случаяхъ дворовыя мѣста отдавались жильцамъ изъ оброку; платили съ поперечника по 3 ал. 2 деньги съ сажени.

Во внутреннемъ, такъ сказать домашнемъ устройствѣ слобода Кисловна отличалась отъ другихъ московскихъ слободъ тѣмъ, что въ ней не было старосты, ни сотскаго, ни десятскихъ, т. е. она вовсе не имѣла самостоятельнаго земскаго значенія, а имѣла значеніе дворовое, какъ совокупность людскихъ дворовыхъ избъ. Полное завѣдываніе мѣстомъ и жителями принадлежало Приказу царицыной мастерской палаты, откуда для ближайшаго надзора и управленія, главнымъ образомъ въ полицейскихъ дѣлахъ, назначался въ слободу и особый *прикащикъ* изъ боярскихъ дѣтей царицына чина. Иногда эта должность поручалась двоимъ. Прикащикамъ выдавалась *наказная память*, наказъ, что будучи имъ въ Кисловкѣ въ прикащикахъ надъ дѣтьми боярскими и надъ всякихъ чиновъ людьми, которые живутъ тамъ своими дворами, надсматривать, чтобъ они виномъ и табакомъ не торговали, и корчмы и никакого воровства не чинили, и прѣзжихъ и пришлыхъ всякихъ чиновъ людей не сродичей къ себѣ во дворы никого не принимали, и изъ дворовъ своихъ на улицу всякаго помету не метали; а ослушниковъ и винопродавцевъ, имая съ виномъ, и питуховъ и корчемниковъ и воровскихъ людей приводили бы въ приказъ царицыной мастерской палаты, къ дворецкому и къ дьякамъ. А буде ихъ оплошкою и нерадѣніемъ что объявится, и учинится в. государю вѣдомо мимо ихъ и имъ прикащикамъ за то быти въ опалѣ и въ жестокомъ наказаньи безовсягнѣ пощады. Такой наказъ данъ былъ въ 1670 г. апр. 27. Для береженья отъ воровскихъ людей въ слободѣ на четырехъ улицахъ было устроено въ 1632 г. четыре *рышотки*, а пятая улица съ переулкомъ

загорожены на глухо, для чего было куплено 201 бревно разной мѣры, длиною отъ 2½ до 4 саж. На каждую рѣшетку выходило около 40 такихъ бревенъ. Это были крѣпкіе заборы которыми слобода на выѣздахъ отгораживалось отъ чужихъ улицъ. Въ срединѣ для проѣзда устроивалась брусная рѣшетка, которая днемъ поднималась, а на ночь опускалась, задвигалась желѣзными засовами и запиралась замкомъ. У каждой рѣшетки была поставлена сторожевая изба, гдѣ постоянно жилъ *рѣшеточный сторожъ*, наблюдавшій вообще за слободскимъ уличнымъ порядкомъ своего участка. — Рѣшетки по своему мѣстоположенію получали и особыя названія: была рѣшетка *здвигемская*, выходившая къ Воздвиженскому монастырю на Смоленскую, выиѣ Воздвиженскую улицу, *микитская*, стоявшая подлѣ микитскаго монастыря, *ивановская* у церкви Іоанна Милостиваго.

Чтобы ознакомиться съ людьми, съ ихъ жизнію и нравами, воспользуемся нѣсколькими сыскными дѣлами и челобитными, въ которыхъ являются не въ воображаемомъ, а въ дѣйствительномъ свѣтѣ, и слова, т. е. мысли, и дѣла, или поступки древнихъ людей. Это самые достовѣрные свидѣтели стараго житабытья, дающіе всегда такія показанія, которые трудно и совсѣмъ невозможно передать въ образѣ какого либо научнаго счета, итога или вывода; но которые, однако скорѣе и прямѣе научныхъ вычисленій вводятъ читателя въ исчезнувшій міръ старинныхъ понятій, убѣжденій, представленій и дѣйствій, т. е. именно въ тотъ міръ, который исключительно именуется жизнію. Здѣсь мы приводимъ нѣсколько такихъ документовъ, обрѣсывающихъ отчасти дворцовый *Верхъ*, а по преимуществу дворцовый *Низъ*, т. е. младшую среду дворцовой службы и ея житейскихъ отношеній. Вотъ дѣло о *мышьякѣ*, принесенномъ неумышленно въ Свѣтлицу.

1630 года генваря въ 13 день государыни царицы и в. к. Евдокьи Лукьяновны словомъ приказала крайчая княгиня Соломанида Мезецкая, а велѣла дьяку Сурьянину Тороканову итти въ Свѣтлицу и спросити золотную мастерицу Онтоиду Григорьеву жену Чашникова, какое она государеву дѣло вѣдаетъ на мать свою на золотную жъ мастерицу на *Свѣтлицу*

Волкову, и она бѣ про то сказала въ правду, по государеву крестному цѣлованью; а что она Онтонида въ роспросѣ скажетъ и тѣ рѣчи записавъ, приказала государыни царица сказати себѣ государынѣ.

И того жѣ часу по приказу государыни дьякъ Сурьянинъ Торокановъ золотой мастерицы Онтониды Чашниковы роспрашивалъ. Мастерица въ роспросѣ сказала: въ нынѣшнемъ во 138 (1629) году декабря въ 21 день ввечеру пошла изъ Свѣтлицы къ себѣ на подворье сестра ея родная Марья Ярышкина и выронила въ Свѣтлицѣ платъ черной, и она тотъ платъ подняла, а въ немъ завязано въ узлу съ зерновую кость, невѣдомо что, съ одной стороны бѣло, а съ другой черно; и она де тотъ платъ положила у себя для того, какъ сестра ея спросить. И на завтрее декабря въ 22 день пришла въ Свѣтлицу сестра ея та жѣ Марья и учала говорить, что она вѣчоръ выронила платъ съ деньгами; и она де ей сказала, что тотъ ея платъ подняла она Онтонида, а тотъ де платъ безъ денегъ, а въ немъ заверчено въ узлу невѣдомо что; и учала передъ подругами своими, и она де Марья тотъ платъ у ней вырвала совсѣмъ и побѣжавъ на лѣстницу, бросила дѣтинѣ своему Овашѣ, а Овашка, взявъ тотъ платъ, пошелъ съ дворца; и она Онтонида учала ей говорить, для чего платъ вырывать, а въ немъ было завязано невѣдо что? И та сестра ея Марья передъ подругами своими говорила ей, что въ томъ плату былъ завязанъ мышьякъ, а послѣ сказала, что была сулема; а подруги ея въ тѣ поры были въ Свѣтлицѣ Катерина Ходина да дѣвви Полагѣя Волкова да Степанида Хлѣбникова; и Катерина учала ей Марьѣ говорить, что она дѣлаеть не гораздо, носить съ собою въ Верхъ мышьякъ. И та де сестра ея сказала, что тотъ мышьякъ приготовленъ былъ у ней на сверчковъ. И на завтрее де того, декабря въ 23 день, била челомъ на нее Онтониду въ Свѣтлицѣ боярынѣ княгинѣ Овдотьѣ Каркадиновѣ Окулина Волкова, что она Онтонида тѣмъ сестру свою, а ея дочь Марью клеветъ напрасно. Въ тотъ же день боярыня княгиня Овдотья Каркадинова сказывала про то государынѣ. И царица и в. к. Евдокья Лукьяновна присылала про то сыскивать въ Свѣтлицу Василья Ивановича Стрѣшнева. Вас. Ив. для того плата посылаъ къ матери ея къ Окулинѣ Волковѣ нарочно. И мать ея Окулина принесла тотъ платъ въ Свѣтлицу. Вас. Ив. Стрѣшневъ, смотря тотъ платъ, казалъ

ей Онтонидѣ. И она Онтонида, въ томъ плату смотря, сказала, что въ немъ завязано въ узлу не то, что напередъ того было; прежде того было въ немъ завязано съ зерновую кость съ одной стороны было, а съ другой черно; а послѣ въ томъ же плату заверчена соколя соль; а та сестра ея Марья, на кою она нынѣ извѣщаетъ, передъ подругами своими сказывала, что были въ томъ плату завязаны деньги; а послѣ она жъ сказала, что былъ завязанъ мышьякъ; а въ третьей сказала, что была сулема: а какъ ей тотъ платъ показали, и въ томъ де плату завязана соколя соль, а не мышьякъ и не сулема. И она де Онтонида объ томъ била челомъ Василью Ивановичу имино, что въ плату подменено, а заверчено не то, что было напередъ того завязано. И Василей Ивановичъ, взявъ тотъ платъ, запечаталъ и отнесъ его къ государынѣ въ монастырь. И послѣ того мать ея Окулина на нее Онтониду бранилась и хотѣла ее въ Свѣтлицѣ за сестру ея Марью, а за свою дочь, ушибити брусомъ.

Окулина, выслушавъ дочернины рѣчи, заприралась, сказала, что она сестру свою Марью тѣмъ клеветѣ напрасно, такого плата дочь ея у ней изъ рукъ не вырывала, а дала ей тотъ платъ она Окулина, а была въ немъ заверчена соколя соль, а не мышьякъ и не нице что, и та де сестра ея Марья, взявъ у ней тотъ платъ, отдала племянницѣ своей Полагѣ Волковѣ, и Полагей, взявъ у ней платъ, отдала дѣтнѣ ея Онашкѣ, а дѣтина, взявъ платъ, отнесъ къ себѣ. Полагѣ Волкова ставлена съ очей на очи, сказала, что тотъ платъ вынесши изъ Свѣтлицы, дала ей у дверей Марья Ярышкина и она, взявъ у ней платъ, кинула изъ сѣннаго окошка дѣтнѣ Онашкѣ. И золотная мастерица Онтонида била челомъ, а сказала, что та Полагѣ Волкова матери ея родная племянница и она по тѣткѣ своей кроетъ, и про то бѣ допросити другую мастерицу, которая въ тѣ поры тутъ же въ Свѣтлицѣ была, дѣвку Степаниду Хлѣбникову; она то вѣдаетъ, какъ сестра ея Марья тотъ платъ у ней вырвала, а не сама ей дала.

Дѣвка Степанида, спрашивана, сказала по государеву крестному цѣлованью: декабря въ 22 день бранилась сестра ея Марья въ Свѣтлицѣ съ нею съ Онтонидою, и Онтонида ей говорила: для чего она у ней вырываетъ платъ, а въ немъ заверченъ мышьякъ; и она ее за то бранила, а какъ у ней Окулины сестра ея Марья тотъ платъ изъ рукъ вырвала, и она того не видала, потому что шила государственное дѣло.

И мастерица Онтонида была челомъ, и на мать свою и на сестру говорила въ примѣръ, что мать ея Окулина ее Онтониду не любитъ и по сестрѣ ея, а по своей дочери, кроетъ; все де то подлинно въ тѣ поры видѣла и слышала золотная мастерица Катерина Ходина.

Катерина Ходина, спрашивана, сказала по государеву крестному цѣлованью: съ Окулиною де она Волковою въ побранкѣ, а на чомъ государю цѣловала крестъ и она скажетъ въ правду, хотя послѣ вели государь про то сыскать мимо ее: декабря въ 22 день пришла въ Свѣтлицу Окулинина дочь Марья Ярышкина и учала говорити сестрѣ своей Онтонидѣ Чашниковѣ, что она вѣчорѣ декабря въ 21 день въ Свѣтлицѣ выронила платъ съ деньгами; и Онтонида учала ей говорити, что она подняла платъ ея безъ денегъ, а въ немъ завязано невѣдомо что; и та сестра ея Марья сказала, что въ томъ плату завязанъ мышьякъ. И она Катерина учала ей говорити, что она то дѣлаетъ негораздо, носить съ собою въ Верхъ мышьякъ. И Марья сказала, что въ томъ плату завязана сулема, а она тое сулему приготовила на сверчки. И послѣ того Марья вырвала тотъ платъ у сестры своей у Онтониды изъ рукъ и понесла изъ Свѣтлицы вонъ, а Онтонида почала съ нею за то бранитца, что она платъ у ней вырвала: а въ томъ де плату завязано было походило на зерновую кость, а не мышьякъ и не сулема. А мать ея Окулина то видѣла жъ и вынѣ по дочери своей кроетъ; а племянница Полагѣя Волкова не скажетъ подлинно для того, что Окулина Волкова ей тетка родная.

Окулина Волкова противъ тѣхъ рѣчей во всемъ запиралась. Спустя слишкомя три мѣснца, апрѣля 30, государь приказалъ дьяку Сурьянину про то дѣло сыскати накрѣпко, дѣтину Онашку, поставя передъ собою съ золотными мастерицы съ очей на очи, распросить; да будетъ дѣтина противъ извѣстныхъ рѣчей въ чемъ учнетъ заширатца и государь велѣлъ про то дѣло его пытати; а въ что въ роспросѣ и съ пытки скажетъ, и государь про то дѣло велѣлъ сказати себѣ государю.

Маія 3 дьякъ Сурьянинъ послалъ по золотныхъ мастерицъ да по дѣтину царицыныхъ дѣтей боярскихъ, а велѣлъ имъ, взявъ ихъ по подворьямъ безвѣстно, держати всѣхъ порознь. Тогожъ часу дѣти боярскіе взявъ по подворьямъ золотныхъ мастерицъ да дѣтину, привели къ дворцу. И дьякъ Сурьянинъ дѣтину спрашивалъ. Дѣтина сказалъ: декабря въ 22 день при-

ходилъ онъ на дворецъ къ боярынѣ своей къ золотной мастерицѣ къ Марьѣ Ярышкинѣ и Марья де попросила у него платъ; въ чемъ завертѣтъ рыба; и онъ далъ ей платъ свой, а въ немъ въ узлу завязана была соколя соль, а тое де онъ соль пушалъ женѣ своей въ очи для того, что у ней очи больны. И на заутрѣ де того пришелъ онъ къ той же своей боярынѣ на дворецъ и ему тотъ платъ, вынесши на крыльцо, кинула Окулянина племянница дѣвка Пелагея Волкова; въ томъ де плату завязана была въ узлу тажъ соколя соль, а не кость и не мышьякъ и не сулема; а у боярыни своей у Марьи Ярышкиной плата никакова онъ неимывалъ, кинула ему съ крыльда платъ дѣвка Пелагея. Дьякъ Сурьянинъ спросилъ дѣтину, только ему тотъ платъ и соколя соль показати и онъ узнаеть ли? Онашка сказалъ, что узнаеть, да билъ челомъ, чтобъ ему показать. Потомъ, смотря плату, сказалъ, что платъ его, а узолъ, въ чемъ завязана соколя соль, не тотъ: прежней узолъ былъ поменьше. Дьякъ Сурьянинъ, развязавъ узолъ, казалъ ему соколю соль. Дѣтина, смотря соли, сказалъ, кабы де прежъ того была завязана та соль; а послѣ того учалъ мяться, а сказывалъ, что та, а иное не та; да смотря соли, постоявъ немного, сказалъ, что въ плату подлинно завязана была та соколя соль, а не иное что. Дьякъ Сурьянинъ, видя, что дѣтина почалъ въ рѣчахъ своихъ мяться, велѣлъ его приставомъ вести къ пыткѣ; а золотныхъ мастерицъ Окулину Волкову съ дочерями для подлиннаго сыску къ роспросу велѣлъ вести съ нимъ же вмѣстѣ. И приведчи къ пыткѣ, спрашивалъ ихъ порознь. Дѣтина, стоя у пытки, сказалъ прежніе свои рѣчи, что платъ его, и завязана была въ немъ та соколя соль, что ему казна, а не кость и не мышьякъ и не сулема.

Дьякъ для подлиннаго сыску казалъ золотной мастерицѣ Онтонидѣ Чашниковѣ платъ, въ чемъ заверчена соколя соль, тотъ ли платъ съ костью она видѣла. Онтонида, смотря платъ, сказала, что она его у сестры своей видѣла и его знаетъ, только въ немъ завязанъ былъ узолъ менши тово, а въ томъ узлу заверчена была кабы что кость, величиною съ зерновую кость, или кабы мышьякъ, а не соколя соль, то де подмѣнила сестра еѣ Марья. А соколя соли до сѣхъ мѣстъ въ плату отнюдь не было, а заверчена послѣ. И дѣтина противъ того говорилъ, что она сестру свою тѣмъ клеветъ, опричь де той соколя соли въ плату завязано кости и мышьяку и сулемы небывало; а

Онтонида на дѣтину говорила въ примѣръ, что отнюдь той соколя соли въ плату заверчено небывало, а подмѣнили они ту соль, завязавъ въ плату въ узолъ послѣ. Дьякъ Сурьянинъ, поставя съ Онтонидою съ очей на очи мать еѣ Окулину да сестру еѣ Марью, спрашивалъ и платъ и соколю соль имъ казалъ. Онѣ, смотря плата, сказали, что платъ дѣтины ихъ прямой; и въ немъ заверчена была въ узлу прямая соколя соль, а не кость и мышьякъ и не сулема, и нынѣ въ плату тажъ соколя соль, а не иное что.

Дьякъ пострадалъ дѣтину пыткою, но и у пытки дѣтина говорилъ тоже; между тѣмъ мастерица Онтонида говорила въ примѣръ, что соколя соли въ плату завязано въ узлу отнюдь небывало, а было иное, да и то подмѣнено послѣ. Дьякъ Сурьянинъ, видя межъ ихъ споръ, велѣлъ дѣтину пытати. Дѣтина съ первой пытки не сказывалъ ничего, а съ другой пытки повинился и сказалъ: въ томъ онъ передъ государемъ виноватъ, велѣли ему въ плату подмѣнити послѣ Тимофѣй Ярышкинъ да жена его Марья да теща его Акулина; а былъ въ плату завязанъ мышьякъ, а купилъ онъ тотъ мышьякъ въ Новгородѣ окармливать лисицы; и какъ привезъ къ Москвѣ, и тотъ мышьякъ заверченъ у него былъ въ тотъ платъ, и онъ пришедъ во дворецъ отдалъ платъ и съ узломъ завертѣти рыба боярыня своей Марьѣ Ярышкинѣ; и Марья, взявъ у него платъ, пошла въ Свѣтлицу; и какъ у ней тотъ платъ въ Свѣтлицѣ осмотрили я на завтрее кинула ему платъ изъ Свѣтлицы въ окно племянница Окулины Полагая. И тогожъ дни ввечеру пришла съ Верху боярыня его Марья Ярышкина и велѣла ему въ томъ плату перемѣнити, а завертѣти соколю соль, а которой въ плату завязанъ былъ мышьякъ и она его изъ плата вывязала и кинула. И дьякъ Сурьянинъ ставилъ съ дѣтиною у пытки Марью Ярышкину и мать ея Окулину и они въ томъ запирались, а сказали, что того ничего небывало и подмѣнивать они ему не вѣливали; тѣмъ онъ ихъ клеветъ, хотя отъ нихъ отойти изъ холопства. И дѣтина передъ ними пытанъ, съ пытки говорилъ прежнія жъ свои рѣчи, что и напередъ того сказывалъ. А Окулина съ дочерью запирались, что подмѣнивать ему мышьяка соколюю солю не вѣливали: а дѣтина съ нихъ неговорила. Дьякъ Сурьянинъ послѣ пытки отдалъ дѣтину и золотныхъ мастерицъ держати приставомъ по прежнему, а пыточные рѣчи сказывалъ государю. Государь указалъ золотную мастерицу

Онтониду Чашникову, которая въ томъ дѣлѣ на мать свою и на сестру извѣщала, освободить, а до своего указа въ Вверхъ ей ходить не велѣлъ. А матери ея и сестрѣ съ мужемъ велѣлъ сказать: только они вины свои, въ чемъ на нихъ говорилъ съ пытки ихъ человекъ, не принесутъ и государь ихъ велѣлъ въ томъ пытать. Мастерницы, выслушавъ рѣчи, повинились; а сказали: въ томъ де они передъ государемъ и передъ государынею виноваты, что прежь сего вины своей къ нимъ государемъ не принесли, боясь отъ нихъ государей опалы. Принесъ де къ ней Марья тотъ платъ дѣтина ихъ завертѣти рыбу проста; и въ тѣ поры въ плату завязанъ былъ у него мышьякъ; и она Марья, платъ взявъ у него и не розсмотря, въ Свѣтлицѣ выронила, а подняла его сестра ея родная Онтонида Чашникова и развязавъ узолъ, казала подругамъ своимъ. И въ тѣ поры то дѣло пошло въ огласку и она Марья, платъ вырвавъ у сестры своей, отдала дѣвкѣ Полагѣ; и та, взявъ у ней платъ, отдала дѣтницѣ; и Онашка платъ принесъ къ себѣ. И какъ у ней про тотъ платъ съ сестрою былъ шумъ и она Марья, пришедчи къ себѣ на подворье, смотрели того плату у дѣтины, что въ немъ въ узлу было завязано, и въ плату завязанъ мышьякъ; и она дѣтницѣ своему учала говорить, для чего онъ къ ней принесъ платъ съ мышьякомъ и нынѣ про него въ Верху учинился шумъ. И Онашка ей сказалъ, что принесъ къ ней платъ съ мышьякомъ, не вѣдая, проста; и она вывязавъ изъ плата мышьякъ, кинула, и ему заказала, чтобъ онъ впредь про тотъ мышьякъ никому не сказывалъ, а взяла у него соколю соль, что онъ пушаетъ женѣ своей въ очи, да въ то мѣсто завязала въ платъ ту соколю соль и ему приказала говорить, только учнуть спрашивать, сказывалъ бы, что въ плату была завязана соколя соль, а не мышьякъ. А мужъ ея и мать ея то свѣдали послѣ. И въ томъ де волекъ Богъ да государь и государыни, учинили они то дѣло, боясь, проста, а лихо во нихъ умышленья никакого не бывало. И дьякъ Сурьянинъ рѣчи ихъ сказалъ государю.

И государь указалъ, а велѣлъ золотныхъ мастерницъ да дѣтину ихъ вести къ пыткѣ, а приведчи въ пыткѣ, распросити ихъ накрѣпко и стращати всякими пригрозамы, такиль они тотъ платъ съ мышьякомъ взяли у дѣтины проста, и неумышленьемъ ли тотъ мышьякъ для каково злаго дѣла въ Верхъ возносили и прежь сего въ Верхъ мышьяку или сулемы ненашива-

лиль и т. д. — Мастерницы у пытки сказали, что они виноваты въ томъ, какъ велѣли мышьякъ исторопясь соколемю солюю замѣнить, а тотъ былъ у нихъ мышьякъ принесенъ въ Верхъ съ проста, а лихова у нихъ никакова умышленья не бывало. А дѣтина ихъ сказалъ, что мышьякъ принесъ къ нимъ въ Верхъ спроста, невѣдая, а на лихо дѣло того мышьяку къ нимъ не принашивалъ, и самъ онъ тѣмъ мышьякомъ и сулемюю никакова дурна не дѣлывалъ и людей не порчивалъ. И дьякъ Сурьянинъ велѣлъ того дѣтину стращать и поднять на пытку двожды, а пытать ево не велѣлъ. И тотъ дѣтина ни въ чемъ не виновился, а говорилъ преждіяжъ свои рѣчи.

Мая 5 государь для именинъ дщери своей царевны Ирины Михайловны золотныхъ мастерницъ Окулину Волкову да дочь ея Марью Ярышкину пожаловалъ, велѣлъ ихъ изъ за пристава свободить и велѣлъ имъ быти у своего государева дѣла въ Свѣтлицѣ въ мастерницахъ по прежнему; а человека ихъ Онашку изъ за пристава до своего государева указа свободять не велѣлъ. Онъ былъ освобожденъ іюня 3.

Приворотный корень обратный.

Въ 1635 году 30 генваря, одна изъ царицыныхъ золотныхъ мастерницъ, таже Антонида Чашникова, выронила нечаянно у мастерницъ въ палатѣ, т. е. въ Свѣтлицѣ, гдѣ всѣ онѣ работали, платокъ, а въ томъ плату „заверченъ корень невѣдомо какой“. Платокъ и съ корнемъ подняли двѣ бѣлыя мастерницы и тотчасъ же объявили, т. е. представили государынѣ. На другой день по государеву указу и по именному приказу царицы велѣно дьяку царицыной мастерской палаты Сурьянину Тороканову объ этомъ *сыскати на крѣпко*. Дьякъ тотчасъ началъ розыскъ распросомъ: гдѣ мастерица Чашникова тотъ корень взяла, или кто ей тотъ корень и для чего далъ и почему она съ нимъ ходитъ къ государю и къ государынѣ въ Верхъ, т. е. во дворецъ? Чашникова отвѣчала, что тотъ корень не лихой, а носитъ она его съ собою отъ сердечныя болѣзни, что сердцемъ больна. Само собою разумѣется, что такой отвѣтъ былъ недостаточенъ: царское слово *сыскати на крѣпко* требовало самага полнаго и строгаго изслѣдованія. Дьякъ сталъ спрашивать со всякою пригрозю: если она про тотъ корень, какой

онъ словеть, и гдѣ она его взяла, или кто ей далъ и для чего далъ, подлинно не скажетъ и государю въ томъ вины своей не принесетъ, то государь велѣлъ ее въ томъ пытать накрѣпко. Мастерница повинилась и сказала, что въ первомъ своемъ распросѣ не объявила про корень подлинно, блюдаясь отъ государя и отъ государыни опалы; а теперь про тотъ корень скажетъ подлинно: „Ходить де въ царицыну слободу, въ Кисловку, къ государевымъ мастерницамъ къ Авдотѣ Ярышкинѣ и къ инымъ, жонка, завуть ее Танькою; и она де той жонкѣ была челомъ, что до нее мужъ лихъ, и она ей дала тотъ корень, который она выронила въ Свѣтлицѣ; а велѣла ей тотъ корень положить на зеркальное стекло, да въ то зеркало смотрѣться и до нее де будетъ мужъ добръ. А живетъ та жонка, на Здвигенской улицѣ. Дьякъ тотчасъ велѣлъ жонку Таньку отыскать и привести предъ себя.

Когда посланные за ней дѣти боярскіе поставили ее къ допросу, она сказала, что завуть ее Танькою, а мужа у ней зовуть Гришка Плотникъ, а живутъ оны на Знаменкѣ на дворничествѣ, т. е. въ дворникахъ у дворянина Головачова. Потомъ жонка Татьяна, какъ нужно было ожидать во всемъ заперлась и отвѣтила, что она отнюдь въ царицыну слободу въ Кисловку ни къ кому не ходитъ и золотной мастерницы Антонины Чашниковой не знаетъ и иныхъ никакихъ мастерницъ не знаетъ и къ нимъ не ходитъ. Ихъ поставили съ очей на очи. Мастерница говорила, что она Танька въ Кисловку къ мастерницамъ ходитъ, что тамъ у ней съ нею и познать учинилась, что она была ей челомъ, что до нее мужъ лихъ, бьетъ и увѣчитъ и она, Танька, дала ей корень, а велѣла положить его на зеркальное стекло, да въ то зеркало смотрѣтца и до тебя де будетъ мужъ добръ.

Ворожея во всемъ запиралась, говорила, что мастерница тѣмъ ее клеветъ, что она ее и не знаетъ и коренья ей никакова не даывала. Да объ томъ у нихъ межъ себя было спору много. Дьякъ, видя ихъ споръ, началъ ихъ спрашивать, разводя порознь, со всякою пригрозю. Но ворожея стояла на своемъ. Дьякъ потомъ распрашивалъ ее на одинъ со многою пригрозю, объявилъ ей, что если не повинится, то будутъ ее пытать накрѣпко и огнемъ жечь. Пригроза пытки, подѣйствовала и ворожея призналась, однако въ томъ только, что дѣйствительно дала корень мастерницѣ отъ лихова мужа, чтобы ее мужъ лю-

билъ; но въ Кисловку ни къ кому не ходитъ, и ни кого тамъ не знаетъ. Тоже она говорила и на очной ставкѣ съ мастерицею, всячески запираясь, не смотря на улики, что въ царицыну слободу къ мастерицамъ не ходитъ и съ ними не знается. Тѣмъ и заключился предварительный допросъ. Записавъ рѣчи, дьякъ отдалъ подсудимыхъ держать приставамъ.

Черезъ пять дней, февраля 5, государь, слушавъ это дѣло, велѣлъ ѣхать къ пыткѣ окольничему Василью Ивановичу Стрѣшневу да дьяку Сурьянину Тороканову и про то дѣло сыскивать и мастерицу и жонку Таньку спрашивать на крѣпко. Въ первыхъ своихъ рѣчахъ Антонида сказала, что ей жонка Танька дала корень отъ сердечныхъ болѣзней, а потомъ сказала, что для того, чтобы до нея мужъ былъ добръ, слѣдовательно рѣчи свои рознила, потому и должна открыть все подлинно. Если она у той жонки взяла корень для лихова мужа, то, по своему воровству, ей доведось тотъ корень держать у себя на подворьѣ, а къ государю во дворецъ его носить не пригоже. А коли она тотъ корень принесла въ Верхъ и она для чего принесла и по какому умыслу; и его государя и царицу и ихъ царскихъ дѣтей портить не хотѣла и кто иной ее съ тѣмъ не засылалъ ли? Или она сама по какому умыслу тотъ корень въ Верхъ принесла и для чего принесла? А жонку Таньку спросить: сказываетъ она, что тотъ корень дала мастерица, для того чтобы до нее мужъ былъ добръ, и она бѣ сказала подлинно какой тотъ корень словоетъ, и гдѣ она его взяла и сколь давно она тѣмъ промышляетъ, и кому инымъ или ей, Антонидѣ, oprичъ того какіе коренья давали, и въ царицыну слободу въ Кисловку ходитъ ли, и съ мастерицами знается ли, и будетъ знается и почему у нихъ съ ними познать; и государя съ государынею и ихъ царскихъ дѣтей не порчивала ли, и инымъ кому портить невеливала ли, и коренья имъ не давала ли, и на то дѣло кто у ней самъ или засылкою не пытался ли? Вечеру окольничій Стрѣшневъ и дьякъ Торокановъ вѣзди къ пыткѣ и спрашивали ихъ, разводя порознь, по статьямъ.

У пытки мастерица говорила свои прежнія рѣчи, прибавивъ, что корень во дворецъ принесла просто, безъ всякаго умыслу и портить никого изъ государской семьи не хотѣла. — Не смотря на то ее велѣли попытать слегка, повторивъ тотъ же самый допросъ съ нѣкоторыми незначительными дополненіями. Такъ ли она надъ государемъ, царицею и царскими дѣтьми кореньемъ

или иною какою порчею не порчивала-ли, и засылки къ ней о томъ отъ верхнихъ боярынъ или отъ постельницъ или изъ иныхъ чиновъ отъ какихъ людей не бывало? Только одинъ ли корень она взяла у жонки, не брала ли чего и еще, и съ какими коренщицы не знается ли? Но прежній отвѣтъ былъ полученъ и съ пытки.

Богже подробностей рассказала у пытки ворожея и коренщица Танька; вотъ ея слова: родомъ она города Орла, бывала стрѣлецкая жена, да послѣ того овдовѣла и шла за бродящаго человѣка за Гришку Плотника. Оба они живутъ въ Москвѣ на дворничествѣ у Меншова Головачова. Въ нынѣшнѣмъ въ 1635 году генваря 27, прислала та мастерица Анюшица къ ней малова своего, чтобъ она у ней побывала, и какъ къ ней пришла и она ей говорила, чтобъ она ей сдѣлала, чтобъ ее мужъ любилъ; и она де дала ей корень, зовутъ его *брашми*, а велѣла ей тотъ корень положить на зеркальное стекло да въ то зеркало смотрѣтца. Въ остальномъ во всемъ она заперлась и ничего не прибавила во время пытки и при уливахъ на очной ставкѣ, даже тогда, когда ее стали жечь огнемъ ¹. Сказала только, что корень дала мастерицѣ не съ умышленья, по ея просьбѣ; и держала его у себя спроста. И государи и государыню и ихъ царскихъ дѣтей кореньемъ, и инымъ ничемъ не порчивала и портить не хачивала и засылки къ ней объ томъ отъ верхнихъ боярынъ и отъ постельницъ и отъ мастерицъ и изъ иныхъ чиновъ ни отъ какихъ людей не бывало, и въ царицыну она слободу къ мастерицамъ и къ инымъ ни къ кому не ходитъ и съ ними ся не зяветъ“. Тѣмъ и окончился этотъ розыскъ. О судьбѣ этихъ лицъ въ сыскномъ дѣлѣ

¹ Устроены, говоритъ Котошихинъ, для всякихъ воровъ пытки: сымутъ съ вора рубашку и руки его назади завяжутъ, подлѣ кисти, веревкою; обшита та веревка войлокомъ; и подымутъ его къ верху: учинено мѣсто, что и висѣлица (дыба), а ноги его свяжутъ ремнемъ; и одинъ человѣкъ палачъ вступитъ ему въ ноги, на ремень своею ногою и тѣмъ его отягиваетъ. И у того вора руки стануть прямо противъ головы его, а назъ суставовъ выдутъ вонъ; и потомъ сзади палачъ начнетъ бити по спинѣ кнутомъ изрѣдка, въ часъ боевой ударовъ бываетъ тридцать или сорокъ; и какъ ударитъ по которому мѣсту по спинѣ, и на спинѣ станеть такъ слово въ слово будто большой ремень вырванъ ножемъ мало не до костей И жгутъ огнемъ, свяжутъ руки и ноги и вложатъ межъ рукъ и межъ ногъ бревно, и подымутъ на огонь, стр. 91 и 92.

находимъ извѣстіе, что посланы въ Казань за опалу въ вѣдовскомъ дѣлѣ царицынъ сынъ боярскій Григорій Чашниковъ съ женою, да на Чаронду Гриша Плотникъ съ женою съ Танюкою и велѣно имъ жити и кормитца на Чарондѣ, а къ Москвѣ ихъ отпустить невелѣно, потому что та Гришина жена вѣдомая вѣдунья и съ пытки сама на себя въ вѣдовствѣ говорила.

Колдовство на царицынъ слѣдѣ.

1638 г. ноября 16 извѣщали государю мастерицы Марья Сновидова да Степанида Арапка и рассказывали: какъ былъ государь въ Троицкомъ осеннемъ объѣздѣ¹ и безъ него государя приходила въ Верхъ къ мастерицѣ Дарьѣ Ламановѣ невѣдомо какая жонка, а вѣдѣли то онѣ мастерицы да два сторожа, свѣтлицы да портомоѣной. Да она жъ Дарья, украдчи остатки государевыхъ дѣланныхъ скатертей, отдала тѣмъ сторожамъ невѣдомо для чего. Да какъ государь пришелъ изъ объѣзду и прѣхавъ изъ того объѣзда подруга ея мастерица Авдотья Ярышкина, шла въ Верхъ по каменной гѣстницѣ и она Дарья говорила ей, что сыпала песокъ на слѣдѣ государыни царицы Евдокии Лук.; и то слово слышала она Авдотья да свѣтличная писица Ненила Волонская, а отъ писицы слышала мастерица Анна Коробанова. Да какъ послѣ того царица шла по переходамъ мимо Свѣтлицы и въ тѣ поры онѣ извѣтчицы говорили ей Дарьѣ про свѣтличную пропажу государскихъ скатертей и она имъ сказала: толькобъ де мнѣ царицу уходить, а нынѣ де мнѣ дешево и слышали то слово золотныя мастерицы. Да она жъ Дарья, какъ государь былъ въ Троицкомъ объѣздѣ, ѣздила за Москву рѣку къ серпуховитину Ивану Соймонову ночевать; а прѣзжала къ нему покрыта государскимъ полотномъ, въ которыхъ полотнахъ дѣлаютъ государскимъ дѣтямъ сорочки, и она то полотно, ѣздя, изодрала. Вотъ какія свѣтличныя событія происходили на этотъ разъ въ отсутствіе государя и царицы. Надо было *сыскать* подлинно и обо всемъ распросить. Государь указалъ сдѣлать розыскъ тому же околыпчему Стрѣшневу и дьяку Сурьянину Торюканову.

¹ Государь съ царицею въ этотъ годъ ходили молиться къ Троицъ, въ Переяславль и въ Александрову Слободу съ 4 по 30 октября.

При первомъ распросѣ мастерица Дарья сказала, что пришла къ ней въ Верхъ золовка ея Матревна Бахирева и стояла съ нею у нижней Свѣтлицы, а потомъ она взяла ее къ себѣ въ верхнюю Свѣтлицу, потчивала медомъ и отпустила домой: остатки скатертей отдала сторожамъ потому, что они ни къ чему не пригодятся (три лоскута, по смѣтѣ всего съ поларшина); песку на слѣдъ царицы не сыпывала и слова говорила такія: толькобъ государыня ее пожаловала, а пныя ей не дороги, и къ Соймонову вочевать не ѣживала.

Мастерица Авдотья Ярышкина рассказала, какъ и изъ-за-чего началось дѣло. Какъ государь съ царицею пришли изъ тропцкаго объѣзда, она, бывъ въ Верху, пошла къ себѣ; какъ будетъ на крыльцѣ противъ полатни, гдѣ стоятъ на караулѣ, тутъ стояла мастерица Марья Сновидова съ сестрою Домною; и Домна приказываетъ мужу Марьяну, чтобъ онъ ея сестру, а свою жену поучилъ гораздо за то, что она покрала въ Свѣтлицѣ коробью у мастерицы Анны Коробановой, а она тоѣ свою сестру завтра въ Свѣтлицѣ передъ всѣми мастерицами выучить, чтобъ она впередъ не дуровала. Тогда мастерица Марья, оправдываясь, начала говорить: то де на насъ поносятъ мастерица Дарья Ламанова и только де она въ томъ на насъ посягаетъ, ино де и то будетъ наруже, какъ она на слѣдъ г. царицы сыпала песокъ. Услышавъ отъ нее то слово, Авдотья ударила ее Марью плѣтнымъ батогомъ въ голову: не ври де ты, жидовка! Какъ ты такое слово говоришь, отъ чего голова твоей пропасть! Потомъ на завтра, пришедъ въ Верхъ, она Авдотья сказывала то слово своимъ подругамъ; да слышала то слово и писица Ненила.

Иавѣтчицы Марья и Степанида показывали, что какъ царица шла съ переходовъ мимо Свѣтлицы и Дарья въ то время говорила: лишебъ мнѣ уходить царицу, а онѣ ей недороги. Еще сказывала имъ подруга ихъ тажъ Дарья: есть де у ней такая баба, что всему тому пособить, да и звала къ той бабѣ за Москву рѣку. Судьи поставили мастерицъ на очную ставку. Съ очей на очи Дарья Ламанова во всемъ запиралась; о царицѣ говорила по случаю пропажи, толькобъ государыня въ той пропажѣ ее пожаловала, а онѣ де ей всѣ недороги. Судьи объявили ей: если она вины своей не принесетъ и правды не скажетъ, то государь указалъ пытать ее накрѣпко и огнемъ жечь.

Постоявъ немного, она заплакала и учала виниться. Въ томъ словѣ, что будто на слѣдъ государыни сыпала песокъ — виновата; нѣчто будетъ то слово подругамъ своимъ она молвила со пьяна. Да и въ томъ она виновата, что за Москву рѣку къ Ивану Соймонову, покрывся государскимъ полотномъ, ночевать ѣздилъ и какъ прѣѣхала потомъ къ себѣ на подворье и мужъ сталъ ее спрашивать, куды она ѣздилъ и гдѣ ночевала? И она боясь мужа своего побой, сказала ему, что грѣшнымъ де обычаемъ прожгла она царевны Ирины Мих. сорочку и ѣздилъ за Москву рѣку прибирать къ той сорочкѣ новое полотно, вмѣсто прожженнаго, которымъ и была покрыта. Но о жонкѣ, которая приходила къ ней въ Свѣтлицу, она подтвердила только прежнія свои рѣчи. На другой же день, государь, слушавъ сего дѣла, велѣлъ мастерицъ и сторожей пытать: „какъ мастерица Дарья на слѣдъ государыни сыпала песокъ, какъ она Дарья звала съ собою за Москву рѣку Степаниду Арапку къ бабѣ, а говорила, надабе де государское сердце уходить, а инныя де ей подруги ея сошлись даромъ, и для-ль государскія порчи хотѣла итить къ бабѣ или для инова какова дѣла и кто съ нею въ томъ дѣлѣ и какіе люди въ думѣ были; и въ Верхъ къ ней Дарья въ Свѣтлицу та ли баба, которая живетъ за Москвою рѣкою, приходила или какая иная и для чего приходила?

У пытки Дарья повинилась: „въ томъ она передъ государемъ и передъ государынею виновата, что къ бабѣ, къ ворожеѣ подругу свою Степаниду Арапку за Москву рѣку звала, а тоѣ де бабу зовутъ Настасьицею, живетъ за Москвою рѣкою на вспольѣ; а спознала ее съ нею подруга ея золотная жъ мастерица Авдотья Ярышкина, для того, что она людей привораживаетъ, а у мужей къ женамъ сердце и ревность отымаешь; а наговариваетъ на соль и на мыло; да тоѣ соль дають мужьямъ въ ѣствѣ и въ питьѣ, а мыломъ умываютца; да и надъ мужемъ де она, Авдотья, своимъ тожъ дѣлала и у него къ себѣ серцо и умъ отняла: что она Авдотья ни дѣлаеть, а онъ ей въ томъ молчитъ. Да онажъ Авдотья воруетъ съ братьями своими двумя Соймоновыми и ея Дарьею братьямъ своимъ сводничаетъ, тому нынѣ четвертый годъ. И била челомъ, чтобъ поставить Авдотью съ нею съ очей на очи и распросить, по-потому что она про то дѣло, что ей Дарья давала баба колдунья подлинно вѣдаетъ. Да тажъ баба давала, наговариваючи,

золотной же мастерицѣ Аннѣ Тяпкинѣ, чтобъ мужъ ея Алексѣй Коробановъ добръ былъ до ея Анинныхъ дѣтей. — Стали пытати Дарью накрѣпко. Съ пытки она говорила, что вѣдила въ той бабѣ и пыталась для мужа, чтобъ ее мужъ любилъ, желала только приворожить мужа и что колдунья въ Свѣтлицу къ ней не приходила. Но когда велѣли пытати другую мастерицу, Марью Сновидову, утверждавшую протливное, и какъ ее учили разболочати — мастерица Дарья стала просити чтобъ ее не портити, присокупивъ, что какъ сыщутъ той бабу съ которою она спозналась чрезъ Авдотью Ярышкину, — тутъ все объявитца, а она ту бабу укажетъ, и гдѣ живетъ она дворъ знаетъ. Судьи тотчасъ послали за колдуньей. Привели жонку — колдунью. Въ роспросѣ она сказала, зовутъ ее Настасьицею, Иванова дочь, родомъ Черниговка, а мужъ у ней Литвинъ, зовутъ его Янкою Павловъ. На очной ставкѣ ее всѣ признали за ту именно бабу, которая приходила во дворецъ. Сама Дарья Ламанова сказала, что у ней та жонка въ Свѣтлицѣ была и медомъ она ее потчивала. Но Настасьица во всемъ запералась: мастерицѣ она ни кого не знаетъ и у нихъ въ Свѣтлицѣ не бывала. Судьи велѣли ее пытати накрѣпко и огнемъ жечь. И послыша то мастерица Дарья учела винитца и плакати, а той жонкѣ Насткѣ говорить, чтобъ повинилась. „Помнишь ты сама, говорила она ей, какъ мнѣ про тебя сказала мастерица Авдотья Ярышкина; и я по ея сказкѣ къ тебѣ пришла и воротъ черной своей рубашки, отодравъ, къ тебѣ принесла, да съ тѣмъ же воротомъ принесла къ тебѣ соль и мыло. И ты меня спросила, прямое ли имѣ Авдотья, и я сказала тебѣ, что прямое, и ты въ тѣ поры той моей рубашки воротъ на опостылъ у печи сожгла и на соль и на мыло наговорила, а какъ наговорила и ты велѣла мнѣ тотъ пепель сыпати на государственой слѣдъ, куда государь и государыня царица и ихъ царскія дѣти и ближніе люди ходятъ и тебѣ де въ томъ. отъ государя и отъ царицы кручины никакія не будетъ, а ближніе люди учнутъ любить. А мыломъ велѣла ты мнѣ умыватца съ мужемъ; а соль велѣла давати ему въ питьѣ и въ ѣствѣ, такъ де у мужа моего сердце и ревность отойдетъ и до меня будетъ добръ. Да и не одна я у тебя была, продолжала Дарья; приходили послѣ того со мноужъ къ тебѣ Васильева жена Колодница, Семенова жена Суровцова, и ты имъ, наговори, соль и мыло давала. Авдотья Ярышкина приходила къ тебѣ съ братьями своими Соймоновыми, да у теби и ночевали.

Не смотря на улики, сопровождаемая пыткой, ворожея запырлась. Мастерница же говорила, что именно отъ нее получила пепель и сыпала на слѣдъ государыни у свѣтлицы по крыльцу, гдѣ ходять на переходы, да у дверей проходной палаты, гдѣ ходять на тѣхъ переходы; а сыпала она тотъ пепель на царицынъ слѣдъ, какъ государь пришелъ изъ рубцовскаго объѣзду (въ концѣ августа). Стали пытать колдунью въ другой разъ и огнемъ жечь. Она не выдержала и повинилась, что мастерницамъ Дарьѣ Ломановѣ и ея подругамъ, которыхъ знаетъ а иныхъ и не знаетъ, сжегши женскихъ рубашекъ ворота, и наговоря соль и мыло, давала, и пепель велѣла сыпать на государственой слѣдъ, но не для лихова дѣла, а для того, какъ тотъ пепель государь и государыня перейдетъ, а чье въ тѣ поры будетъ челобитье и то дѣло сдѣлается; да отъ того бываетъ государская милость и ближніе люди къ нимъ будутъ добры. А соль и мыло она велѣла мастерницамъ давать мужьямъ своимъ, чтобъ до нихъ были добры.

Но этого было недостаточно. Предложенъ былъ новый вопросъ: сколь она давно тѣмъ промысломъ промышляетъ и отъ Польскаго и отъ Литовскаго короля къ мужу ея литвину Янкѣ присылка или заказъ, что ей государя или государыню испортить, былъ ли; и чѣмъ она и какими лихими дѣлами ихъ государей портила; и давненько она тому дѣлу, что мужей приворачивать, научилась, и кто ее тому училъ, и мужъ ея про то вѣдаетъ ли? На пытку и на огнѣ колдунья отвѣчала, что къ мужу ея къ литвину Янкѣ и къ ней изъ Литвы отъ короля для государскія порчи приказу и иного никакого заказа не бывало, и сама она ихъ государей не порчивала. Только она дала мастерницѣ Дарьѣ ворота женой рубашки пепель, а велѣла сыпать на государственой слѣдъ, чтобъ государь и царица и ближніе люди до нее были добры. А что она мужей приворачиваетъ, и она только и наговорныхъ словъ говорить: какъ люди смотрятца въ зеркало, такъ бы мужъ смотрѣлъ на жену да не насмотрѣлся: а мыло, сколь борзо смоецца, столь бы де скоро мужъ полюбилъ; а рубашка, какова на тѣлѣ бѣла, столь бы де мужъ былъ свѣтелъ; да и инья де она не лихія слова наговаривала, чтобъ государь и государыня жаловали, а ближніе люди любили; а мужъ ея про тотъ промыселъ не вѣдаетъ. А учила ее тому на Москвѣ жонка Манка, слыветъ Козлиха, а живетъ за Москвою рѣкою у Покрова.

Тотчасъ отыскали и Манку Козлиху и поставили ихъ съ очей на очи. Они, какъ и слѣдовало, завели споръ. Настасьяца сказывала, что ее ворожить учила она Манка, а Манка отрекалась, говорила, что неучивала. Стали пытаться. Почти тоже Манка сказала и съ пытки: ворожить не учивала, ворожбы не знаетъ, а только и знаетъ, что малыхъ дѣтей смываетъ да жабы, у кого прилучитца, во ртѣ уговариваетъ да горшки на брюха намываетъ, а опричь того и ничего не знаетъ. Между тѣмъ колдунья Настыка не переставала ее уличать и доказывать, что она ворожить выучилась у ней. Стали Манку пытать въ другой разъ накрѣпко и огнемъ жечь. Но колдунья не признавалась ни въ чемъ. Настыка, уличаючи ее, говорила, что она запирается, будто мастерица никого не знаетъ, она де и портомой знаетъ. Женится солдатъ у портомой, слыветъ Лидовской; и тотъ солдатъ съ портомоею къ ней Манкѣ приходилъ. Та отвѣтила, что приходилъ, но не для ворожбы.

Въ числѣ новыхъ уликъ ворожея Настасьяца сказала, что еще за годъ назадъ сынъ Манянинъ, привелъ къ ней Настыкѣ мастерицу Дарью Ламанову, которая съ тѣмъ дѣтнкою принесла къ ней наговаривать соль да мыло. И она Настыка ему сказала: для чего къ ней съ тою мастерицею мимо матери своей ходить; и тотъ отвѣтилъ, что мать его спитъ пьяна; и она Настыка, наговоря соль и мыло, для привороту, ей Дарьѣ дала. А наговаривала ту соль, отнимаючи ревность у мужей. На очной ставкѣ все это подтвердила и мастерица Дарья; но Манка Козлиха не признавалась ни въ чемъ и просила пытать Настыку, потому что она ее клевететъ. Настыка съ пытки говорила прежнія рѣчи. Тогда велѣли пытать Манку въ-третьи, накрѣпко и огнемъ жечь.

„И жонка Манка съ пытки повинилась, а сказала, что она сама ворожить и Настасьяцу ворожить учила. А ей Манкѣ тоѣ ворожбу оставила при смерти мать ея родная Оленка; а какъ матери ея настало, тому нынѣ еемой годъ; а ворожа, она, въ приворотѣ, на соль и на мыло и на зеркало наговаривала: какъ смотрятца въ зеркало да не насмотрятца, такъ бы мужъ на жену не насмотрѣлся; а соль: какъ тоѣ соль люди въ ѣствѣ любить, такъ бы мужъ жену любилъ; а на мыло наговаривала: сколь скоро мыло съ лица смоецца, столь бы скоро мужъ жену полюбилъ; а ворота рубашечные жегши приговаривала; какова бѣла рубашка на тѣдѣ, таковъ бы мужъ до жены былъ;

а жабу у кого прилчитца во ртѣ уговариваетъ: святой ангель хранитель умири и исцѣли, у того именемъ у кого прилчитца, болѣзнь сію. А инова она ничего лихова опричь того незнаеть и лихимъ словомъ не наговариваетъ. Да и не одна она тѣмъ ремесломъ промышляетъ, есть на Москвѣ и иныя бабы, которыя подлинно умѣють ворожить. Одна живетъ за Арбацкими вороты, зовуть ее Ульянкою, слѣпая; а двѣ живутъ за Московою рѣкою, одна въ Лужникахъ, а другая, зовуть Дунькою, въ Стрѣлецкой слободѣ.

Такимъ образомъ явились еще ворожеи, баба Улька, Дунка, да Фекица, всѣ слѣпыя. Судьи тотчасъ послали по тѣхъ бабъ. Когда ихъ поставили къ дѣлу, съ очей на очи съ Козляхою, то въ распросѣ онѣ сказали, что Манки незнають и сами не ворожатъ и съ ворожеями незнаютца. Но та утверждала, что „они сами ворожатъ и ворожиться къ нимъ изо многихъ дворовъ всякіе люди ходять“. Начали пытать нѣкрѣпко жонку Ульку, повторяя всѣ тѣ вопросы, на которыхъ главнымъ образомъ сосредоточивалось все дѣло, т. е. не пыталась ли портить государское здоровье и верховыхъ постельницъ и мастерицъ кого знаетъ? Съ пытки она сказала, что „только и знаетъ, что около малыхъ дѣтей ходить, кто поболить и она ихъ смываетъ, и жабы во ртѣ уговариваетъ да горшки на брюха наметываетъ, а наговорные слова у ней таковы: ангель хранитель утиши во младенцѣ семь, у кого объявитца болѣзнь сія, да наговоря на воду, дѣтей смываетъ. А жабы во ртѣ давить да тѣмижъ словы наговариваетъ“. Потомъ во время новой пытки и жения огнемъ она прибавила, что „не однимъ тѣмъ промышляетъ, есть де за нею и иной промыслъ: у которыхъ людей въ торговлѣ товаръ заляжетъ, и она тѣмъ торговымъ людемъ наговариваетъ на медъ, а велитъ имъ тѣмъ медомъ умываться, а сама приговариваетъ: какъ пчелы ярыл роятца да слетаютца, такъ-бы къ тѣмъ торговымъ людемъ для ихъ товаровъ купцы сходились. И отъ того наговору у тѣхъ торговыхъ людей на товары купцы бываютъ скорые. А какъ она мужей къ женамъ приворачивала, и она наговаривала на хлѣбъ съ солью, да на мыло; а наговариваючи тотъ хлѣбъ съ солью, велѣла женамъ ѣсть: какъ де хлѣбъ да соль люди любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ; а мыломъ велѣла умываться: сколько скоро мыло къ лицу прильнетъ, столь-бы скоро мужъ жену полюбилъ. А у кого лучитца сердечная болѣзнь или лихорадка или иная ка-

кая нутреная болѣзнь—и она тѣмъ людямъ, наговариваючи на вино да на чеснокъ да на уксусъ, давала; а въ приговорѣ наговаривала; утѣши самъ Христосъ въ томъ человекѣ болѣзнь сію, да Уваръ христовъ мученикъ, да Иванъ Креститель, да Михаилъ Архангелъ да Тихонъ святой и нныя божественныя слова, а не ляхія, — и отъ того тѣмъ людямъ бывала легость. Послѣ новыхъ пытокъ и женья Улька ничего въ рѣчахъ не прибавила.

Другая ворожея Дунька слѣпая объяснила съ пытки, что ворожбы и вѣдательства никакого не знаетъ, а только знаетъ, что малыхъ дѣтей отъ уроковъ смываетъ да жабы во ртѣ уговариваетъ. Да она-жъ на бруха, у кого что пропадетъ, смотритъ. А на кого скажутъ невѣрну и она, посмотри на сердце, узнаетъ, потому что у него сердце трепещетъ.

Третья, Фекица, съ пытки созналась только въ томъ, что грыжи людямъ уговариваетъ, — а наговариваетъ на громовую стрѣлку да на медвѣжьей ногу да съ той стрѣлки и съ ноги даетъ пить воду, а приговариваючи, говоритъ: какъ де ей старой жонкѣ дѣтей не раживать, такъ бы, у кого та грыжа, и болѣзния не были; да она-жъ, у кого случитца, на бруха горшки намываетъ. Несмотря на жестокия пытки и сженіе огнемъ, что повторялось нѣсколько разъ, всѣ эти жонки колдуньи ничего болѣе не открыли. Оставалось распросить оговоренныхъ мастерицъ. Авдотья Ярышкина ни въ чемъ не созналась и сказала, что Дарья ее тѣмъ всѣмъ клеветъ. Анна Тяпкина сказала, что въ прошломъ году Дарья привезла къ ней въ Свѣтлицу, пьяная. вина да въ бумажкѣ соли и велѣла ей то вино пить, а не сказала, что оно наговорное. Она Анна, боясь, что отъ Дарьи чинится въ Свѣтлицѣ пропажа, того вина не пила и его вылила, а соль разсыпала на землѣ; колдунья она не знаетъ и ничѣмъ на государское здоровье у ней не пыталась. Прасковья Суровцова сказала, что пыталась у колдуньи и наговореную соль брала, для того, чтобъ зять еѣ добръ былъ до ея дочери; а инымъ ничѣмъ не пыталась. Прасковья Колодича сказала, что пыталась у колдуньи, брала наговореную соль, по тому что мужъ ея до нея лихъ, и она ему давала ту соль, для того чтобъ до неѣ былъ добръ.

Дѣло по разнымъ обстоятельствамъ приостановилось почти на четыре мѣсяца. Въ теченіи этого времени, въ январѣ 1639 года, послѣ непродолжительной болѣзни, умеръ пятилѣтній ца-

ревичъ Иванъ Михайловичъ, а въ концѣ марта новорожденный царевичъ Василій Михайловичъ (стр. 320). Эти несчастныя для царицы событія не остались безъ вліянія и на ходъ разсматриваемаго дѣла. 1 апрѣля, слѣдовательно чрезъ нѣсколько дней по смерти новорожденнаго царевича, государь указалъ снова распросить и пытать накрѣпко и мастерицу и вѣдунью женку Настьку.

Содержаніе новыхъ допросовъ заключалось въ томъ, что такъ какъ мастерица Дашка, къ бабѣ ворожеѣ, которая людей привораживаетъ и у мужей къ женамъ серпо и ревность отымаешь, — ѣздила и пыталась у ней, чтобъ баба сдѣлала какъ бы до нее Дашки государь и государыня и ихъ государскія дѣти и ближніе люди были добры; и колдунья Настька, жегши ея Дашкинъ рубашечный воротъ, велѣла ей сыпать на государственой слѣдъ: какъ де государь и государыня перейдетъ тотъ слѣдъ, а чье въ тѣ поры будетъ челобитье и то дѣло сдѣлается; и она Дашка на слѣдъ царицы пепель сыпала, что все подтвердила съ пытки и сама колдунья; и послѣ того ихъ воровства, какъ мастерица на слѣдъ государыни сыпала вѣдовской рубашечный пепель, — государыня царица Евдокія Лукьяновна учала недомогать и быти печальна; да послѣ тогожъ вскорѣ грѣхъ учинился, государя царевича Ивана Михайловича не стало; а послѣ тожъ скорби вскорѣ государыня царица родила государя царевича Василія Михайловича больна, и послѣ еѣ государскихъ родинъ и того государя царевича Василія Михайловича не стало вскорѣжъ; и нынѣ государыня передъ прежнимъ скорбнаѣ и межъ ихъ государей въ ихъ государскомъ здоровьѣ и въ любви стало не по прежнему. И то знатно, кабы съ того времени, какъ она Дашка по вѣдовству жонки колдуньи Настьки Черниговки на слѣдъ государыни сыпала пепель и отъ того времени и до сихъ мѣстъ межъ ихъ государей скорбь и въ ихъ государскомъ здоровьѣ помѣшка. И онабъ мастерица Дашка и вѣдунья жонка Настька сказали про то подлинно въ правду, для чего она Дашка вѣдовской рубашечный пепель на слѣдъ государыни царицы сыпала; а та вѣдунья Настька что подлинно надъ тѣмъ пепеломъ наговаривала и на государственой слѣдъ сыпать велѣла: надъ государемъ и надъ государынею и надъ ихъ государскими дѣтми какое лихое дѣло неумышляли и ихъ государей не портили и дѣтей ихъ государскихъ у нихъ государей не отнимали и совѣтъ ихъ государственой межъ ихъ государей своею

ковскою рознью къ развращенью не дѣлали и дѣтямъ ихъ дарскимъ въ ихъ многолѣтномъ здоровьѣ тѣмъ своимъ вѣскимъ дѣломъ, порчею, лѣтъ не убавляли и иного ка- о зла имъ государямъ и ихъ дѣтямъ неумышляли и умы- что, не дѣлали, про тобъ про все сказали вправду.

При особенной пригрозѣ, при новыхъ пыткахъ и сженіи ог- ь, и мастерица и колдунья говорили тѣжъ рѣчи, что и на- едѣ того сказывали: именно, что одна сыпала, а другая ве- а ей сыпать пепель на слѣдъ государыни для того, чтобъ рица ее Дарью жаловала, а не для лихова дѣла.

Затѣмъ истязанія прекратились и колдунья Настасьицы вско- не стало — она умерла. Умерла также и другая колдунья ынка слѣпая; прочіе подсудимые были розданы приставамъ ь стражу, до окончанія дѣла.

Спусти мѣсяца четыре, въ августѣ тогоже года, это дѣло ить было поднято пыткою и допросомъ оговоренныхъ масте- ь. На Авдотью Ярышкину несчастная Дарья Ламанова по- ывала, что она ее спознала съ бабою ворожею, которая цей приворачиваетъ, а у мужей къ женамъ сердце и ревность ьмааетъ, что Авдотья тѣмъ ворожучи и мужа своего обшла, что хочеть; то воруетъ, а мужъ ей въ томъ молчить: что во- руетъ она съ братьями своими и ею Дашкою съ ними сводни- чала. На новомъ распросѣ мастерица Ярышкина во всемъ за- ыралась и говорила, что Дарья все затѣяла на нее по недруж- бѣ. Но съ пытки во всемъ повинилась. Къ колдуньѣ она ѣз- дить пыталась для того, что у ней на дочери была падучая болѣзань и еще для того, чтобъ ее любилъ мужъ и ни въ чемъ не возбранялъ и подругою своею Дарьею сводничала; но на го- сударей никакого зла неумышляла.

Прасковья Суровцова съ пытки же повинилась въ томъ толь- ко, что она дѣйствительно у колдуньи Настьки пыталась и наговорную соль и мыло и своей рубашки вѣрота женой пе- пель у ней брала, и тѣмъ мыломъ велѣла дочери своей умы- ваться, и соль и пепель сыпала въ питье, да давала пить зятю своему, чтобъ зять ее добръ былъ до ея дочери.

Прасковья Колодничка съ пытки призналась также въ одномъ, что ходила за Москву рѣку къ бабѣ Настькѣ, и мыло и бѣлила и соль наговорную у ней брала, и тѣмъ мыломъ умывалась и бѣлилами бѣлилась, а соль мужу своему давала въ ѣствѣ, для того, чтобъ мужъ до нее добръ былъ. И она, убѣясь, вышла

къ своему мужу, какъ онъ пришелъ во дворъ, и мужъ въ тѣ поры ее убилъ (зашибъ, прибилъ); и она видя, что въ томъ наговорномъ мылѣ и въ бѣвляхъ и въ соли помочи нѣтъ, взяла да и достальное мыло и соль разметала.

Въ сентябрѣ тогоже 1639 года вышелъ государевъ указъ: Дарью Ламанову съ мужемъ сослать въ Сибирской городъ на Пелымъ; Авдотью Ярышкину съ мужемъ, съ сыномъ и съ дочерью сослать въ Каргополь; а ихъ подругъ, другихъ мастерицъ, выслать изъ Двора и съ мужьями и впередъ въ царицыномъ чину не быть; колдуній разослать въ города: Манку Козлиху къ Соликамской, Дуньку слѣпую въ Кайгородъ, Оеклицу слѣпую съ мужемъ на Вятку. — Сторожей, свѣтличнаго и портормойнаго, бить бѣтоги и изъ Двора выслать; сына боярскаго Соймонова и подьячаго Якунина, вѣроятно по тому же дѣлу, бить кнутомъ.

Посмѣшное слово постельницъ.

Въ 1639 г. августа 5 приходитъ къ одному стрѣльцкому десятнику нѣкая полонянка Акулина Незнанова писать челобитье къ государю съ извѣтомъ на постельницу Любаву Волосатову, на ея дочь и на сына и на зятя, и сказывать про нихъ государево *дѣло*, про государя и про царицу посмѣшное *слово*. Стрѣлецъ тотчасъ написалъ и подалъ челобитье, прибавивъ, что „инова ему и писати нельзя, скажетъ все та иноземка полонянка сама у роспросу и на очной ставкѣ. 9 августа челобитная была уже въ комнатѣ у государя, гдѣ и рѣшено *сыскать*, и розыскъ порученъ царицыну дворецкому В. И. Стрѣшневу съ тѣмъ же дьякомъ, которые на другой день велѣли тотчасъ передъ собою поставить указанную полонянку. Акулина въ роспросѣ сказала: еще въ 1633 г., какъ родился (іюня 2) царевичъ Иванъ Мих. (умершій въ этомъ 1639 г. генв. 10) и въ тѣ поры, пришедъ съ государскихъ родинъ къ себѣ на подворье постельница Люба Волосатова съ дочерью Домною да съ сыномъ Иваномъ и съ зятемъ Ортемьемъ, говорили межъ себя въ разговорѣ: наряжу де я курку свою гречанку въ желтые сапоги да въ шубку да въ шапку и принажу (опредѣлю) ее въ Верхъ въ постельницы и она де будетъ таковажъ постельница жъ, какъ и государскія постельницы, кабы де у

ударя и у государыни живутъ въ Верху въ постельницахъ
 рыя жены; да и сама де царца не дорога, звали ее, коли
 ѣ хаживала въ жолтикахъ (въ желтыхъ сапогахъ), нынѣ де
 Богъ возвеличилъ! Акулина ссылагась, что тѣ слова слы-
 ши двѣ вдовы, которыя у нихъ въ тѣ поры на дворѣ были.
 ѣи велѣли тотъ же часъ поставить передъ собою и этихъ
 ѣвъ, которыя отъ постельницъ тѣ непригожія рѣчи слышали.
 ѣвы подтвердили, что такія рѣчи дѣйствительно слышали,
 ѣ разговорѣ отъ одной Любины дочери Домны, а она въ тѣ
 ѣры была не въ постельницахъ, а жила съ матерью.
 Судья велѣли поставить передъ собою постельницъ, мать и
 ѣчь. На распросѣ онѣ во всемъ запирались и говорили, что
 ѣгоняна и вдовы клепятъ ихъ, да въ томъ имались съ ни-
 ѣза пытку. Вдовы тоже просили постельницъ на пытку, ска-
 ѣвам, какъ де имъ тѣмъ дѣломъ клепать: что слышали, то и
 ѣазываютъ въ правду; да и объяснили, что одна изъ нихъ сы-
 ѣ Любину Ивану теща, а другая его женѣ большая родная
 ѣтра, а ему своячина, и имъ будучи съ ними межъ себя въ
 ѣюйствѣ такого великаго дѣла, какъ учало быть въ сыску,
 ѣтъ не можно. Постельницы учили вдовъ бранить и называли
 ѣ непригожими словами и корчемницами, что онѣ, воруючи
 продаютъ вино и инымъ всякимъ воровствомъ промышляютъ,
 а на нихъ постельницъ то затѣваютъ напрасно. Вдовы защи-
 ѣщались и, оправдываясь въ обвиненіи, ссылагались на Кадашев-
 ѣскую боярыню Анну Бегичеву, на всю Кадашевскую и Талмацкую
 ѣслободу и на все Зарѣчье, что онѣ воровствомъ никакимъ не
 ѣпромышляютъ, живутъ за Москвою рѣкою въ Талмацкой сло-
 ѣбодѣ и корчмы и винныя продажи у нихъ нѣтъ, а кормятца
 ѣсвоею прямою работою, прядутъ, покупаючи, ленъ и дѣлаютъ
 ѣполотна и берутъ убрusy, да что продадутъ, тѣмъ онѣ и пи-
 ѣтаются; то всѣмъ ихъ сосѣдямъ извѣстно. А что ихъ постель-
 ѣницы называютъ ворухами (въ извѣстномъ смыслѣ) и онѣ,
 ѣодна послѣ своего мужа вдовствуетъ сорокъ лѣтъ, а другая
 ѣтридцать лѣтъ и имъ воровствомъ никакимъ промышлять не
 ѣпригоже. Да учили вдовы бити челомъ словесно: называютъ
 ѣихъ постельницы ворухами, а та Домна, Любина дочь, сама
 ѣпрямая воруха; какъ она была за первымъ мужемъ и она и
 ѣтогда отъ мужа своего воровала съ Пашковыми и лежала послѣ
 ѣтого въ зельѣ, а лечилъ еѣ зелейнаго ряду торговой человекъ.
 ѣназываютъ его Короткимъ, а взялъ онъ за лечбу 3 р., и какъ

Домница излечилась и ея мать Люба промыслила тою своею дочерью въ постельницы.

Полонянка извѣтчица доводила также и на сына Любина Ивана, какъ онъ билъ однажды свою жену, сказывая, что воруется въ Верху съ верховыми людьми и когда она полонянка вступилась за нее, стала просить, чтобъ пощадилъ для ради государыни царицы, онъ Иванъ за то выбранилъ ее я съ царицею. Иванъ, конечно, отрекался отъ этого, говорилъ, что такихъ словъ не говаривалъ и жены своей не бивалъ. Полонянка уличаючи его, указала на свидѣтелей, которые сказали, что видѣли они и слышали, какъ Ивашка, встрѣтясь съ полонянкою Окулкою на дорогѣ, ей рукою махалъ и грозилъ: уходишься де ты, что на насъ доводишь; и въ Верху, пришедъ на лѣстницу къ роспросу, также грозилъ ей, чтобъ она на нихъ не доводила. Ивашко въ томъ во всемъ запирался. А полонянка, постоявъ немного, еще сказала, что она отъ постельницы Домны про царицу и не однѣ непригожія рѣчи слышала: сказывала ей Домна, что государыня царица Евдокья Лук. гдѣ найдетъ людскіе волосы и она, государыня, съ тѣмъ волосьемъ сучить свѣчки да ихъ жжетъ, а сказываетъ, что будто еѣ портятъ постельницы. И толькобъ она Акулина отъ Домны такихъ словъ не слыхала, и ей того затѣять не умѣтъ. Домна въ томъ во всемъ запиралась.

На другой день, 11 авг., по государеву указу судьи вѣдали къ пыткѣ. Тамъ послѣ очной ставки подсудимыя опять звали другъ друга на пытку. Сначала попытали слегка одну изъ вдовъ, которая подтвердила только прежнія свои рѣчи. Но постельница Домна съ пытки повинилась во всемъ, и сказала, что про государскій чинъ, что въ немъ живутъ недобрія жены постельницы, и что она нарядить курицу и пр. говорила. А про царицу говорила ли не пригожія рѣчи, того не упомянуть; въ тѣ поры поразилъ ее о землю недугъ и повалясь, лежала безгласна. Тутъ же, стоя у пытки, палачъ Васька подтвердилъ, что ту постельницу знаетъ и на ней та падухая болѣзнь давно. Спросили ея мать, которая, вѣроятно, не зная въ чемъ дѣло, начала было отрекаться, что падухой болѣзни на дочери не бывало, развѣ что учинилась надъ нею теперь. Палачъ доказывалъ, что мать жжетъ, что на Домнѣ давно падухая болѣзнь, какъ была она на одной свадьбѣ въ свахахъ и тогда та падухая болѣзнь на ней была. Мать по-

томъ учала въ рѣчи мяться. Судья велѣли ее разболочъ и хотѣли пытать. Тогда она сказала правду, что богванъ была. Ея сынъ Иваша въ своемъ непригожемъ словѣ про царицу былъ пытанъ наирѣцко; но съ пытки не винулся, а сказалъ, когда былъ жену и въ тѣ поры былъ пьянъ, что говорилъ, того не упомянуть. Половянка подтвердила его показаніе, что былъ пьянъ. На томъ розыскъ и остановился.

Черезъ вѣсколько времени, 15 сент. государь велѣлъ постельницю Любу съ дочерью и царицыныхъ дѣтей боярскихъ, ея сына и зятя, изъ царицына чину отставить, и изъ царицыной слободы, изъ Кисловки, выслать.

Похвальба царицыннхъ жалованнхъ челобитьемъ.

1651 г. ноября въ 6 день извѣщалъ государю Петръ Семеновъ сынь Хомяковъ на сокольника на Тимошку Григорова, а сказалъ: въ прошломъ въ 159-мъ году въ Коломенскомъ селѣ на Потѣшномъ дворѣ въ хоромахъ, передъ оспожиници говѣйны, говорилъ ему Петру сокольникъ Тимошка Григоровъ, одианъ на одианъ съ нимъ Петромъ: до брата де моего до Левонтыя Григорова государская милость, а крестьянинъ де ихъ похваляетца, ходячи по пирамъ: государыня де царица, жалуючи мать Левонтьеву, прислала челобитье съ человѣкомъ ихъ съ Трошкою; а какъ того крестьянина зовутъ, который такіе рѣчи говорилъ и онъ Тимошка тому крестьянину имя сказалъ, а онъ Петръ имя того крестьянина забылъ. Да онъ же сказывалъ ему Петру: намъ де къ родителямъ своимъ и выѣхать вельзя; говорятъ намъ, по дѣломъ де вы дураки, что васъ государь не жадуеть, какъ милость государская къ Левонтыю и государыни царицы къ матери его; царица де государыня къ матери Левонтьевѣ жаловала, приказывала челобитье.

И того же числа сокольникъ Тимошка Григоровъ роспрашиванъ. А въ роспросѣ сказалъ, что онъ такихъ рѣчей Петру Хомякову не говаривалъ, такіе де рѣчи Петръ Хомяковъ на него Тимошку затѣвалъ. А на очной ставкѣ Петръ Хомяковъ говорилъ на него Тимошку прежніе рѣчи, что онъ въ роспросѣ говорилъ. А Тимошка на очной ставкѣ запырался, а сказалъ, что онъ Петру такихъ рѣчей не говаривалъ. Да Тимошка жъ говорилъ: за што де онъ Петръ на него Тимошку въ ту пору

не извѣщалъ, какъ будто я ему сказывалъ, и то де знатно, что онъ Петръ на меня затѣлъ. И Петръ Хомяковъ сказалъ: не извѣщалъ государю на него въ ту пору потому, поблюлся де Левонтья, а къ Левонтью въ ту пору была государская милость, чего бѣ де онъ Левонтей на него Петра государю не сказалъ; а на него Петра государь въ ту пору былъ кручиноватъ. Да онъ же Петръ сказалъ: извѣщалъ онъ Петръ государю, что кречеть не кормленъ; и Левка его Петра излаелъ: кто де тебя спрашивалъ извѣщать государю; а какъ его Петра въ ту пору Левка лаелъ, и то слышалъ Митрошка совольникъ.

И Тимошка Григоровъ у пытки въ роспросѣ сперва говорилъ прежніе свои рѣчи, а постоявъ, винился: виноватъ де я передъ государемъ, Петру Хомякову такіе рѣчи говорилъ, что государыня царица Левонтьеву мать о здоровьѣ спросить велѣла; а сказывалъ ему такіе рѣчи дьячокъ Григорья Богослова коломенскова уѣзду села Восцы на рѣчкѣ Селижаркѣ Васка Артемьевъ. А онъ дьячокъ слышалъ отъ крестьянина деревни Алешкова, у Давыдки, а прозвище Волкъ, да отъ жонки тое жъ деревни отъ вдовы отъ Дуньки: государыня де царица боярыню нашу жалуетъ, челобитье приказываетъ, человекъ де нашъ Трошка Максимовъ шолъ дворцомъ и государыня де царица увидѣла мово человекъ и велѣла спросить съ Верху боярынь: живалъ де его боярыня, скажи де ей челобитье.

Декабря 13 по государеву указу посланъ стольникъ Алексѣй Мусинъ Пушкинъ для роспросу въ Коломенской уѣздъ въ село Восцы для церковнаго дьячка и для Даниловыхъ крестьянъ Григорова. — По прїѣздѣ на мѣсто декабря 18 стольникъ тотчасъ послалъ сотника Андрея Ромейкова по дьячка Васку и по крестьянъ по Давыдку, прозвище Волка, да по вдову Дуньку Казаринову да по дворовова человекъ по Тришку Максимова. И того жъ числа сотникъ привезъ крестьянъ, а Васку дьячка въ томъ селѣ, гдѣ онъ живетъ, неизвѣхали, выбѣжалъ съ двора съ женою и съ дѣтьми. И стольникъ Алексѣй Мусинъ Пушкинъ крестьянъ роспрашивалъ. Давыдко прозвище Волкъ въ роспросѣ сказалъ, что онъ не знаетъ не вѣдаетъ. И къ пыткѣ Давыдко привожонъ и онъ ни въ чемъ не винился жъ. Вдова Дунька Казаринова дочь въ роспросѣ сказала: говорилъ де ей дворовый человекъ Тришка такіе рѣчи, что государь жалуетъ боярина нашего Левонтья и боярыню нашу жалуетъ же, приказываетъ государыня царица ей челобитье; а говорилъ онъ Трошка такіе

156. напился, у дьячка на дворѣ, у Васки Артемьева, ры были онѣ у дьячка въ гостехъ въ прошломъ году въ родительскую субботу: а онѣ дьячекъ тѣмъ ли или не слышелъ и она того Дунька не упомянула жъ въ допросѣ сказала: прїѣзжалъ съ Москвы человекъ съ Янька Григорьевъ до присылки за три дни, какъ къ роспросу, съ вѣстью; а ночевалъ онѣ одну ночь, а не и повѣдалъ къ Москвѣ; а что въ грамоткѣ писано и она вѣдаетъ. А какъ прїѣхалъ по нихъ сотникъ Андрей Ромейковъ и она въ ту пору Дунька сидѣла въ комнатѣ у боярыни своей, прѣла пряжу и слышала она отъ жонокъ, говорили они въ хоромахъ: все де имъ дѣлается отъ своего жъ отъ Трошки Григорова, а которая жена говорила такіе рѣчи и она отъ того Дунька не упомянуть, потому что въ ту пору испужалась отъ боярыни своей и отъ бояръ никакихъ рѣчей она не слышала. Трошка Максимовъ въ роспросѣ ни въ чемъ не виновенъ и на очной ставкѣ съ Дунькою ставленъ и къ Дунькѣ и Трошкѣ и подыманъ и ни въ чемъ не виновна. Де-маша и Дунька снова роспрашиваны. И постоялъ Трошка виновна и говоритъ: прїѣхалъ де онѣ Трошка съ Москвы въ прошломъ во 159-мъ году, а въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ, того не упомянуть, и приходчи де онѣ въ хоромы къ боярыни своей и боярыня его стала спрашивать: здороволь сынъ мой живетъ Левонтей, и по прежнемуль къ нему государева милость и приказывала ли мнѣ государыня царица челобитье? И онѣ Трошка ей говоритъ: шоль де я дворцомъ мимо хоромъ государыни царицы и изъ хоромъ велѣла его государыня царица спросить боярынѣ: жива ль де твоя боярыня, скажи де ей отъ меня челобитье. А говоритъ онѣ такіе рѣчи боярынѣ своей съ хмѣлю; а затѣвелъ онѣ такіе рѣчи самъ, а ни отъ кого онѣ такихъ рѣчей не слышалъ; какъ по него Трошку прїѣхалъ сотникъ Андрей Ромейковъ и боярыня ему говорила, чтобъ онѣ ничего Трошка не сказывалъ; а вѣсть къ нему была ль съ Москвы или не была и онѣ того не вѣдаетъ. Да Трошка жъ въ роспросѣ сказалъ, что прїѣзжалъ человекъ ихъ Янька Григорьевъ съ Москвы до присылки сотника за три дня, какъ ихъ взял сотникъ, а съ вѣстью онѣ Янька прїѣзжалъ или не съ вѣстью, и онѣ того не вѣдаетъ, а ночевалъ де онѣ Янька одну ночь дома. — И того жъ числа сокольникъ Тимошка Григоровъ противъ вдовы Дунькиныхъ и Трошкиныхъ рѣчей роспраши-

ванъ, что онъ вѣсть подавалъ ли или нѣтъ? И онъ Тимошка въ роспросѣ винился и говорилъ писалъ де онъ грамотку и написавъ послалъ ее съ стрѣльцомъ къ брату своему къ Василью Григорову, что говорилъ на дьячка и на Артемья Бирева и на Даниловыхъ крестьянъ Григорова, а котораго приказу стрѣлецъ послалъ грамотку и онъ того не упомянуть; а писалъ онъ Тимошка грамотку до пытки.

Чѣмъ окончилось дѣло, неизвѣстно.

Обманъ въ свадьбѣ царицынымъ жалованнымъ словомъ.

1653 г. государынѣ благовѣрной царицѣ и в. к. Марьѣ Ильичнѣ всеа Русіи бьетъ челомъ изъ Вознесенскаго монастыря богомолица твоя старица Евросинья, твоего, государыня, царицына двору на Ивана Девулю да Вознесенскаго монастыря на бѣлицу на вдову Овдотью, что живетъ у старицы у Екатерины Солоховой. Жила у меня, богомолицы твоей, въ кельѣ сиротка, дѣвочка Макринка, и въ нынѣшнемъ государыня во 162 году октября въ 11 день приходъ ко мнѣ богомолицы твоей въ келью тотъ Иванъ Девуля и та вдова Овдотья, тоѣ моей дѣвки сватали за твоего государыня царицына крестоваго дьячка, а сказали мнѣ богомолицы твоей при старицѣ Маремьянѣ Красниковой да при вдовѣ протодьяконицѣ резанской при Овдотѣ твое, государыня, благовѣрной царицы и в. к. Марьи Ильичной всеа Русіи жалованное слово: по челобитью де твоего, государыня, царицына крестоваго дьячка тоѣ мою дѣвку за мужъ взять. А указала де ты, государыня, напередъ тоѣ моей дѣвки досмотритца, провести мимо тебя, государыню благовѣрную царицу, октября въ 13 день въ пятомъ часу дни; а ты де, государыня, благовѣрная царица будешь въ то время гулять въ Царя-Борисовой палатѣ; и та бы де моя дѣвка провести по улицѣ мимо тоѣ палату. И я богомолица твоя имъ отказывала, что у дѣвки замужъ мысли нѣтъ и не хочетъ, а се нага и боса, платья ничево нѣтъ. И онъ Иванъ сказалъ: платье де все пожалуетъ государыня благовѣрная царица и полотна съ Верху для ради своего крестоваго дьяка. И октября, государыня въ 13 день въ четвергъ въ четвертомъ часу дни пришли ко мнѣ въ келью тотъ Иванъ Девуля да съ нимъ же пришла, нарядясь, женщина, а сказала мнѣ и передъ игуменьей Александрой,

что она съ Верху отъ тебя государыня царицы в плечово мастерова жена, а пришла де по тоѣ мою дѣвку къ смотрѣнью передъ тебя государыню, провести мимо Царя-Борисову палату, и принесли на дѣвку съ собою доброе платье: и я богомолица твоя обрадовался твоей, государыня, благовѣрной царицы и в. к. Марьи Ильичной всеа Русіи жалованью и приарѣнью къ убогой сиротѣ, тоѣ свою дѣвку, не познавъ ихъ лукавства и обману, нарядивъ, къ смотрѣнью отпустила съ ними. И они, государыня, не ведя тоѣ моеѣ дѣвки мимо Царя-Борисову палату, отвели въ церковь Козмы и Домьяна, что у святыхъ Вознесенскихъ заднихъ воротъ, и изготови новобрашново и обвѣнчали, а обвѣнчавъ и отвели къ тому Ивану Девулю во дворъ, а не за твоего государыня, крестоваго дьячка, взяли и выдали; а я богомолица твоя про то послѣ свѣдала. И тотъ, государыня, новобрашной бродящей, за ково выдана, невѣдомой и незнаемой нашь каковой челоувѣкъ. А женився, государыня, нынѣ онъ и жить съ нею не хочетъ, посажена у Девули нага и боса, помираеть голодною смертью и велитъ ей мужъ пострятца. И то, государыня, они учинили, Иванъ Девуля и та вдова Овдотья и съ приходящею женщиною, умысли великою воровскою статьею, оманули твоимъ государыня, благовѣрной царицы жалованнымъ словомъ; тоѣ дѣвку у меня, будто передъ тебя государыню къ смотрѣнью за крестоваго дьячка, выманили и замужь выдали безвѣстно, одночасьемъ. А мы, государыня, тово новобрашново до тѣхъ мѣстъ и въ тѣ поры ни знали, ни вѣдали и въ рожей его не видали. А тѣ, государыня, Иванъ Девуля и вдова Овдотья, святая тоѣ дѣвки за твоего государыня царицына крестоваго дьячка, сказывали, что тотъ дьячокъ домомъ и прожитками челоувѣкъ полной и у тебя де государыни пожалованъ. Милосердая государыня благовѣрная царица и великая кнеиня Марья Ильична всеа Русіи, пожалуй меня, богомолицу свою и тоѣ бѣдную сироту, вели государыня противу сеѣ моеѣ челобитной про то воровство, про оманъ Иванъ Девуля и вдовы Овдотья и приходящей женщины съ платьемъ сыскать и свой, государыня, царской указъ учинить. Государыня благовѣрная царица смилуйся пожалуй!

И противъ сей челобитной отставленной сторожъ Ивашка Девуля роспрашиванъ, а въ роспросѣ сказалъ: въ нынѣшнемъ де во 162 году октября въ 11 день Вознесенскаго монастыря къ старецѣ Офросинѣ въ келью не прихаживалъ и дѣвки еѣ Ма-

критки государыни царицы за крестоваго дьяка не сватывалъ, и такихъ рѣчей ей Офросиньѣ не говаривалъ, что тое дѣвки напередъ посмотреть и провести тое дѣвку мимо Царя-Борисовской палаты, а государыня царица будетъ въ тѣ поры въ тѣхъ палатахъ; а въ тѣхъ де числѣхъ, которые писаны въ челобитной, приходилъ онъ Ивашка въ Вознесенской монастырь къ келарю, къ старицѣ, а какъ зовутъ, того онъ не упомянуть, и ей говорилъ, чтобъ она у себя въ монастырѣ искала дѣвки, котораябъ была лѣтна, хотя и увѣчна и нага и боса, а жениха де ты сама знаешь, что зовутъ Фроломъ Мининъ, малоумень; и келарь де ему Ивашку сказала, что она про него припамятовала, каковъ онъ, а невѣсты хотѣла поискать; а ему Ивашку велѣла у себя побывать инымъ временемъ. И онъ Ивашка отъ того келаря пошолъ къ себѣ домовъ и тутъ же де на монастырѣ попалась ему Ивашку на встрѣчу вдова Дунка Осипова дочь, что живетъ тогожъ монастыря у старицы у Катерины Солоховы; и онъ де Ивашка еѣ Дунки спросилъ томужъ Фролу про невѣсту; и она де Дунка ему Ивашку сказала про дѣвку Сухоруку, которая живетъ тогожъ монастыря у старицы у княжны Александры Голицыны и онъ де Ивашка пришелъ къ той старицѣ къ подклѣту и та дѣвка вышла къ нему изъ подклѣта сама и ему Ивашку отказала, что она замужъ нехочетъ, а хочетъ постритца; и онъ де Ивашка отшедши отъ той кельи и сталъ съ тоюжъ вдовою Дункою, и старица де Офросинья шла мимо ихъ и Дунка де учала ей Офросиньѣ говорить: у тебя де есть дѣвка сиротинка, а Ивашка де спрашиваетъ невѣсты. И та де старица Офросинья учала его Ивашка спрашивать, за коково де ты человѣка сватаешь? и онъ де Ивашка сталъ ей про Фрола рассказывать, что онъ Фролъ человѣкъ уродивой; и та де старица послала тоѣ вдову Дунку къ нему Ивашку на дворъ того Фрола смотрѣть и смотрѣвъ она Дунка его Фрола, пришли съ нимъ Ивашкомъ къ той старицѣ Офросиньѣ въ келью, и съ тою старицею онъ Ивашка за того Фрола тоѣ дѣвку и по рукамъ ударили; а повѣрила де она Офросинья слову вдовы Дунки; и на завтрее де того сватанья пришолъ онъ Ивашка къ той старицѣ Офросиньѣ по невѣсту съ отцомъ его Хроловымъ духовнымъ, а какъ того попа зовутъ, того онъ не вѣдаетъ; а служить де онъ у Кузмы Демьяна, что у Чудова монастыря у святыхъ воротъ; да съ свахою портного мастера съ Ларкиною женою. И взявъ тоѣ дѣвку, со Фроломъ

вѣнчали въ церквѣ Кузмы Демьяна. А противъ челобитной та-
кихъ рѣчей онъ Ивашка неговаривалъ и жонкѣ Дашкѣ напле-
чного мастера женою называтца онъ Ивашка не веливалъ.

А жонка Дунка въ распросѣ сказала: въ нынѣшнемъ де во
162 году, а въ которомъ числѣ, того она неупомнить, приходилъ
де къ нимъ въ монастырь Ивашка Деуля и спрашивалъ еѣ
Дунки, гдѣ она живетъ? и ему де Ивашку сказали, что живетъ
она у старицы Александры Мещениновы; и онъ де Ивашка къ
той кельѣ пришолъ; и она де Дунка къ нему Ивашку вышла,
и онъ Ивашка учалъ еѣ спрашивать про невѣсту, дѣвку сиро-
тинку лѣтъ въ сорокъ, а у него де Ивашка женихъ есть лѣтъ
въ сорокъ же, Фроломъ зовутъ Мпнинъ. И она Дунка сказала
ему Ивашку про невѣсту дѣвку Макритку, что живетъ у ста-
рицы Оѣросиньи, а та де старица Оѣросинья невѣдомо откуль
пришла къ нимъ тутъ же, и она Дунка учала ей Оѣросиньѣ
говорить, чтобъ она тоѣ дѣвку за Фрола выдала замужъ. И та
де старица послала къ нему Ивашку на дворъ того Фрола смо-
трѣтъ; и она де Дунка у него Ивашка на дворѣ была и Фрола
смотрѣла и про него той старицѣ Оѣросиньѣ сказала; а стари-
ца де съ тѣмъ Ивашкомъ за того Фрола замужъ тоѣ дѣвку и
по рукамъ ударила; а она Дунка за тоѣ дѣвку замужъ по ру-
камъ ни съ кѣмъ небивала. И на завтрее того дни была у нихъ
свадьба. А что де въ челобитной старицы Оѣросиньи написано,
того она ничево отъ Ивашка и отъ жонки Дашки такихъ
рѣчей неслыхала и какъ она называлась наплечного мастера
женою.

А жонка Дашка Сидорова дочь въ распросѣ сказала: порт-
ного мастера Ларкина жена Григорьева; была де она Даш-
ка по челобитью Фрола Минина у него Фрола на свадьбѣ въ
свахохъ и ходила въ Вознесенской монастырь къ невѣстѣ его
Фроловѣ съ платьемъ свадебнымъ; а были де съ нею въ мона-
стырь Ивашка Деуля да мужъ еѣ Ларка; а какъ де она при-
шла въ монастырь и еѣ де спросала Вознесенскаго монастыря
игуменья, чья де ты жена? и она де Дашка игуменъѣ сказала,
что она гулящева челоуѣка Ларкина жена, портного мастера,
а наплечного мастера женою она Дашка сама не называлась
и никто еѣ не научивалъ.

Челобитье на поругательницу жену.

1670 г. въ декабрѣ царицы Марья Ильичны чину сынъ боярской Никифоръ Скорятинъ билъ челомъ на жену свою Пелагею, а въ челобитной его написано: жалоба, государь, мнѣ на поругательницу на жену свою Пелагею: во 176 г. кусала она, жена моя, тѣло мое на плечахъ зубомъ, и щипками на рукахъ тѣло мое щипала и бороду драла; и я холопъ твой билъ челомъ тебѣ, в. государю, въ Приказѣ Мастерскіе Палаты и подалъ челобитную околыя. Васил. Мих. Еропкину. И противъ моего челобитья меня холопа твоего дьякъ Иванъ Взимковъ въ Приказѣ Маст. Пал. поругательство жены моей и зубнаго яденья на тѣлѣ моемъ досматривалъ, и въ томъ еѣ поругательствѣ женѣ никакого указу не учинено. И въ 178 г. она жена моя Пелагея, хотя меня холопа твоего топоромъ срубить, и я отъ еѣ топероваго сѣченья руками укрывался и посѣкла у меня правую руку по запястью и я отъ того еѣ топероваго посѣченія съ дворишка своего чуть живъ ушелъ и билъ челомъ въ Приказѣ Маст. Пал. стольнику Ѳедору Пракофьев. Соковнину; и стольн. Ѳ. П. Соковнинъ приказалъ посѣченную мою рану записать; и отъ той посѣченной моей руки я во вѣки увѣченъ. Да и впредь она жена моя хвалитца на меня всякимъ дурнымъ смертоубивствомъ и по твоему государеву указу посажена она поругательница жена моя за приставы; и она, сидя за приставы, хвалитца на меня и нынѣ всякимъ дурномъ смертнымъ убивствомъ. Милосердый государь! пожалуй меня, вели въ такомъ поругательствѣ и въ похвальбѣ еѣ женѣ моей свой царской указъ учинить и меня съ нею развестъ, чтобъ мнѣ отъ неѣ жены своей впредь напрасною смертию не умереть. *Помпта:* 179 дек. 19 велѣтъ противъ челобитья на патріарховъ дворъ послать память и съ памятью отослать Никифора Скорятина и съ женою его съ Полагеєю. (Посланы съ указомъ: учинить по прывидомъ св. апостолъ и св. отецъ, чего доведетца).

Дѣло комнатной бабки, укравшей горсть соли.

1671 г. августа въ 13 день по указу (в. государя царя) и в. к. Алексѣя Мих. (титулъ) государыни царицы и в. к. Наталіи Кириловны *комнатная бабка* Марфа Тимоѣева роспра-

шивана накрѣпко, а сказала: въ нынѣшнемъ де во 179 г. августа 11 дня, пришла она къ мыленкѣ государыни царицы, и передъ мыленкою де ходила и стряпала дохтурь Литовка, и принесла передъ мыленкою на серебряномъ блюдѣ грибы, и поставила на томъ же серебряномъ блюдѣ. А ей-де Марѣв до того времени грибовъ печоныхъ велии хотѣлось ѣсть. И она де украла передъ мыленкою въ сѣняхъ изъ стола соли изъ скородки, изъ которой про государыню царицу въ кушанье вынимаетъ дохтурь. И она де, изъ той соли взяла въ горсть тайно... къ грибамъ и хотѣла съ того серебряного блюда, которые принесены въ стряпню про государыню царицу, украсть грибъ и тою краденою солью тотъ краденый грибъ осолить и испечь тутъ же въ печи, гдѣ стряпають кушанье про государыню царицу. И въ то де время увидѣла дохтуриха, что она соль украла, стала ея въ сѣняхъ спрашивать, что у ней въ горсти? и она де Марѣва сказала ей, дохтурихѣ, что у ней въ горсти ничего нѣтъ. И отъ той дохтурихи пошла въ мыленку для того, чтобъ ей соль высыпать на землю, чтобъ ея не увидѣли. И какъ де она вошла въ мыленку и увидѣла, что въ мыленкѣ сидитъ Анна Леонтьевна, испужалась ея, и тоя соль подлѣ ушата въ мыленкѣ у дверей изъ руки высыпала на землю. А въ то-де время варили шти про государыню царицу. И высыпавъ соль, пошла тотчасъ назадъ изъ мыленки, и дохтуриха де ея спросила, что она носила въ мыленку? И она сказала, что ничего не носила. И пошла отъ мыленки къ портомойнѣ. И у портомойни де варила грибы государыни царевны и в. к. Евдокѣи Алексѣевны комнатная жъ Офросия. И она де, Марѣва, взяла грибъ и испекши съѣла, для того, что ей безмѣрно хотѣлось въ то время грибовъ ѣсть. И послѣ де того, на другой день въ субботу въ обѣдъ, пришли въ казенную Матрена Блохина и Марина Кишкина. И сказала ей, Марѣв, Марина, что де про ея Марѣино дѣло государынѣ царицѣ извѣстно. И она де учала бить челомъ Матренѣ Блохинѣ, чтобъ ея заступила. И Матрена де на неѣ закричала и велѣла ей Марѣв, ѣхать къ Москвѣ. И она де и поѣхала.

А нынѣшнего де августа 13 числа была она у обѣдни у себя въ приходѣ, въ Хамовникахъ у церкви Николая Чудотворца, и идучи де отъ обѣдни, сошлась съ сосѣдкою своею государыни царевны и в. к. Софія Алексѣевны съ постельницею съ Марѣвою Кузминой и говорила ей со слезами, что она безъ хитрости

впала въ бѣду. И Марѳа де спрашивала ея, въ какую бѣду? И она де ей рассказала, какъ она соль украдала и какъ хотѣла грибокъ украсть и испужався Анны Леонтьевны, тоъ соль высыпала на землю въ мыленкѣ подлѣ кади и чтобъ она, Марѳа, гдѣ ей мочно заступила. И Марѳа де ей сказала, чтобъ она уповала на Бога и на ихъ государскую милость, и на безхитростныя вины ихъ государское милостивое разсмотрѣнье. И пошла де она, Марѳа, къ себѣ на дворъ, потому что она живетъ въ Хамовной слободѣ, и мужъ у ней былъ тоъ слободы тяглець, а сынъ и нынѣ живетъ въ той слободѣ, а торгуетъ въ серебряномъ ряду. А родомъ де отецъ ея былъ сынъ боярской Карташовыхъ, а котораго городу того не упоминать. А сестра ей родная въ Верху у государыни Царицы въ портомояхъ, а мужъ у ней былъ стрѣтенскія сотни тяглець, Гришкоку звали. А иныхъ никого въ Верховомъ чину и въ государевъ дворѣ сродниковъ у ней нѣтъ.

Да она жъ сказала, что хотѣла она бить челомъ в. государю, чтобъ в. государь пожаловалъ велѣлъ ея отпустить въ монастырь, что она въ разумѣ проста, а *нынѣ де стало не попрежнему жестоко*, никто де ни о чемъ доложить не смѣетъ, развѣ де одна Матрена Блохина доложить о какомъ дѣлѣ доведетца. А она де Марѳа никуда въ дома не вхожа и въ деревняхъ у ней никого нигдѣ сродниковъ нѣтъ. А что де она соли украдала и грибокъ хотѣла украсть, и какъ ея спрашивали, что она въ горсти несетъ и она закиралась, и то де все учинила она безъ хитрости, для того, что де ей и напередъ сего грибы дохтуриха даывала, и она де въ мыленкѣ пекала. А она де Марѳа, про государыню царицу дѣлаетъ всегда кислые шти, а хитрости никакія за нею нѣтъ и не было, работаетъ имъ, государемъ, лѣтъ съ тринадцать.

И для подлиннаго розыску допрашивана государыни царевны и в. в. Софіи Алексѣевны постельница Марѳа Кузмина, что ей нынѣшняго числа говорила бабка Марѳа? И постельница Марѳа сказала противъ роспросу комнатныя бабки Марѳы: а родомъ она сказала Вяземка, посацкаго человекъ жена и *родители* всѣ у ней и нынѣ въ Вязмѣ на посадѣ, а иныхъ никого *родителей* нигдѣ нѣтъ.

И бабка Марѳа подымана на дыбу и висѣла, а сказала прежнія свои рѣчи. Она жъ и къ огню приношена и всячески стращена, а говорила тожъ, что и въ роспросѣ сказала. И послѣ

роспросу Марѣа Кузмина освобожена, а Марѣа Тимоѣева посажена на Житномъ дворѣ въ привазной избѣ за караулъ ¹.

Царицны дѣти боярскіе въ провожатыхъ за боярынею.

1673 г. апрѣля 10, въ Приказѣ мастерскіи палаты, по случаю внезапной смерти одного изъ царицныхъ дѣтей боярскихъ, слѣдовавшихъ въ проводахъ за боярынею, произведенъ былъ распросъ, отчего ему смерть приключилась? Тогда царицына чину сынъ боярскій Иванъ Тавлеевъ въ роспросѣ сказалъ: апрѣля въ 6 день ходили они, дѣти боярскіе, восемь человекъ съ дворца на дворъ къ околыничему къ Ивану Михайловичу Милославскому, провожали боярыню Оксинью Мертваго да дѣвку боярычню; а дѣтей боярскихъ было: Иванъ Кутузовъ, Илья Парской, Истома Брянцовъ, Иванъ Левашовъ, Григорій Мелеховъ, Яковъ Степановъ да умершій — Ѳедоръ Аменевъ. И тотъ Ѳедоръ съ дворца шелъ за колымагою пьянъ, да и у Ивана Михайловича пилъ вино двойное, и пиво и медъ. И съ двора околыничаго Ив. Мих. Милославскаго за тою колымагою пошли всѣ; а какъ онъ Ѳедоръ отъ колымаги отсталъ и кто его билъ ли и какъ ему смерть случилась, того Иванъ Тавлеевъ не вѣдаетъ, потому что всѣ дѣти боярскіе были пьяны. — Иванъ Кутузовъ сказалъ тѣжъ рѣчи, Истома Брянцевъ сказалъ тѣжъ рѣчи, Яковъ Степановъ сказалъ тѣжъ рѣчи. А въ томъ дѣ они всѣ шлютца на боярыню Оксинью Мертваго и на дѣвку боярычню и на постельницъ, которыя за боярынею были, какъ они съ двора околы. И. М. Милославскаго подлѣ той колымаги шли до самаго дворца, а отъ колымаги ни на часъ не отставывали и ни съ кѣмъ не бранивались. А пріѣхала де та боярыня на дворецъ и они за нею пришли въ четвертомъ часу ночи и проводя боярыню, пошли всѣ семь человекъ въ Кисловку вмѣстѣ, а про него Ѳедора чаели, что онъ отставъ, пошолъ домовъ. Послѣ того осматривали умершаго сына боярскаго Ѳедора Аменина, а по осмотру половина лба и носъ весь замерло багрово и на спинѣ да на лѣвомъ локтѣ багрово жъ.

¹ За сообщеніе въ спискѣ этого любопытнаго акта приносимъ искреннюю благодарность П. П. Пекарскому.

Царевнина карлица въ гостяхъ.

1677 г. генв. 7, царицы Наталиі Кириловны сѣнной сторожъ Ѳедка Степановъ, прозвище Бородавка, про прїѣздъ къ нему въ домъ карлицы дѣвки Овдотьи и про скорую смерть еѣ спрашивая, отчего ей та скорая смерть учинилась; а въ роспросѣ сказалъ: царевны Екатерины Ал. карлица дѣвка Овдотья прїѣхала къ нему въ полчаса ночи, да съ неюжъ прїѣхали Володимерова приказу Воробина стрѣлецъ Андрюшка Левонтъевъ да сестра еѣ родная Огашка, тогожъ приказу стрѣльца Васкина жена Рожи, а его де Ѳедки въ то время дома не было, а была въ то время дома жена его Окулка; а какъ онъ пришолъ домой въ часъ ночи и она карлица Овдотья съ женою его Окулкою были въ то время въ вышкѣ и изъ вышки сошли съ нимъ Ѳедкою въ избу, и олъ имъ поднесъ вина по достоканцу троецкому и ужинали вмѣстѣ, и поужинавъ легли спать часу въ девятомъ ночи; и проснулись они часу въ десятомъ ночи и увидѣли они тоѣ карлицу: лежитъ лицомъ къ подушкѣ мертва, а отъ чего ей та смерть случилась, того онъ не вѣдаетъ; а прежде сего въ гостяхъ она и сестра еѣ у него не бывали, а прїѣхали они къ нему впервые; да у него жъ былъ въ гостяхъ и ночевалъ стрѣтенскіи сотни тяглець Ефремко Оеонасьевъ, по знакомству. — Ѳедкина жена въ роспросѣ сказала: прїѣхала къ нимъ карлица дѣвка Овдотья за полчаса до ночи, да съ нею же прїѣхала сестра еѣ родная Огашка да стрѣлецъ Андрюшка Левонтъевъ; а прїѣхали къ нимъ они цѣли; а сказала она карлица, что была она у сестры своей родной Огашки; а мужа еѣ Окулкина въ то время дома не было, а гдѣ онъ былъ, того она не вѣдаетъ. И она имъ поднесла по достоканцу троецкому вина, а въ достоканцѣ будетъ чарка двѣ или три, и послѣ того водила она Окулка еѣ карлицу изъ избы въ вышку одну и тамъ ей поднесла тотъ же достоканецъ вина жъ; а мужъ еѣ пришолъ домой часу въ отдачи и ужинали вмѣстѣ, а за ужиномъ поднесли имъ по дваждъ достоканца; и отуживавъ стала она карлица говорить, чтобъ ей дали мѣсто, гдѣ ей спать. И они положили подушку на лавку и она тутъ и легла спать въ часъ ночи: а они сидѣли часу до пятого ночи и хотѣли еѣ разбудить, чтобы она съ ними жъ сидѣла и стали еѣ будить, и она де лежитъ мертва, лицомъ къ подушкѣ; а тоскованья у неѣ

чья жизнь не выдали; только у мертвой усмотрѣли, что рта у ней шла пѣна. — Стрѣтенскіе сотни тяглецъ Ефремко Янасьевъ въ роспросѣ сказалъ: былъ онъ въ гостяхъ у Фетки Одавни и къ нему пришелъ стрѣлецъ Андрюшка Левонтьевъ сказать ему Феткѣ, что будетъ къ нему въ гости карлица; и Фетка ходилъ для той карлицы покупать вина. И безъ Фетки та карлица къ нему пріѣхала да съ нею сестра еѣ пришла да стрѣлецъ Андрюшка Левонтьевъ; а была де въ томъ дома жена его Феткина Окулка; и поднесла имъ вина по достоканцу троецкому; а у Окулки въ то время было подпито; пошептала ей карлицѣ она Окулка на ухо и пошли изъ избы и помѣшавъ пришли опять въ избу; и Фетка въ то время поелъ съ ними жъ въ избу вмѣстѣ и сѣли ужинать; и та карлица ужинала и за ужиномъ пила вино тѣмъ же достоканцемъ и послѣ ужина легла она карлица спать и они всѣ пошла спать же. И часу въ пятомъ ночи стали еѣ будить и она лежала мертва и лежитъ лицомъ къ подушкѣ и лицо у ней пошло. — Володимерова приказу Воробина стрѣлецъ Андрюшка Левонтьевъ въ роспросѣ сказалъ: карлицы Овдотьяна сестра еѣ Огашка живетъ у отца его у Левки на дворѣ. И генваря 1 день въ понедѣльникъ пріѣхала къ ней Огашкѣ сестра еѣ карлица Овдотья и жила у нихъ генваря до 6 числа, а генваря въ 6-мъ числѣ за два часа до вечера поѣхала отъ нихъ та карлица съ сестрою своею Огашкою да съ нимъ Андрюшкою, не пивъ ни чего и не ѣтчи, и пріѣхала къ Феткѣ Бородавкѣ въ гости; а какъ она пріѣхали и Фетки въ то время дома не было, а была жена его Окулка, и знать, что у неѣ было подпито; и поднесла имъ по достоканцу вина и поднесши имъ вина по достоканцу и пошептала ей карлицѣ въ ухо, и карлица ей Окулкѣ говорила, что де мнѣ съ тобою дѣлать? и она Окулка ей сказала: что де заставятъ, то и дѣлай! и взяла еѣ въ вышку и были въ вышкѣ съ четь часа; и въ то время Фетка Бородавка пришелъ домой и прошолъ къ нимъ же въ вышку и бывъ у нихъ Фетка сошелъ въ избу; послѣ того вскорѣ и она Окулка и карлица сошли въ избу жъ и въ избѣ сѣли на лавкѣ; и въ то время подносили имъ пасынокъ его Феткинъ и жена его Окулка и онъ Фетка по достоканцу вина: и она карлица выпила у нихъ толко одинъ достоканецъ, а дву достоканцевъ не пила, а говорила: полно де пить вина и такъ де тошно; и объявилось, что хмѣль еѣ сталъ изнимать и сталъ языкъ мѣшатца; и сѣли они ужинать вмѣстѣ,

а какъ поставили студень и она взяла кусокъ мяса и не донесла до рта, уронила и стала сидѣчи дремать и дремать храпѣла и слюны у ней изо рта текли; и подлѣ еѣ положили подушку и она на тоѣ подушку повалилась безпамятно ничь; и лежавъ храпѣла, а послѣ вкала; а лежала она съ четъ часа и стали еѣ будить, чтобъ она вставъ съ ними сидѣла, а она лежитъ мертва; а какъ еѣ подняли и у ней лицо да правая рука поси-нѣло, а животь занесло высоко. Карлицына сестра Огашка въ роспросѣ сказала тѣжъ рѣчи, что и Андрюшка, толко въ рѣ-чахъ своихъ убавила, какъ де ей карлицѣ положили на лавку подушку и она карлица на тоѣ подушку не сама повалилась безпамятно, а положила еѣ карлицу на тоѣ подушку она Огашка.

1686 г. іюля противъ 28 числа въ церкви Пресв. Богородицы Похвалы у всенощнаго пропала церковная чарка серебряная съ житіемъ Іосифа Прекраснаго. 31 іюля указано крестовыхъ дяковъ и псаломщиковъ и пономарей, которые тогда были на всенощной, роспросить подлинно. Указъ о томъ былъ изъ хоромъ царевны Екатерины Алексѣевны. Одни сказали, что въ церкви были, но въ алтарь не входили и чарки не видали. Псаломщикъ Мих. Далматовъ сказалъ: у всенощнаго въ церквѣ онъ былъ, стоялъ на крылосѣ и во всенощное пѣніе изъ трапезы къ крылосу вынесла дѣвица Ирина щипцы мѣдныя, а велѣла вычистить пономарю, и онъ Михайло взявъ тѣ щипцы и вшедъ въ алтарь, спросилъ пономаря и въ алтарь де въ то время пономаря не было: и онъ вышедъ изъ алтаря тѣ щипцы сухомъ, которое прибито въ прйдѣлѣ Алексѣя Человѣка Божія, вычистилъ и вычистя, отдалъ той же дѣвицѣ Иринѣ; а чарки изъ алтаря онъ неимывалъ. Псаломщикъ Петръ Борисовъ сказалъ, что онъ у всенощнаго былъ на лѣвомъ крылосѣ и въ вечернее пѣніе пришла къ крылосу старица Аеонася Потемкина и велѣла ему послать пономаря Семена по священника по Дементіана и онъ Петръ того пономаря послалъ, а чарки изъ алтаря неимывалъ. Пономарь Ив. Артемьевъ сказалъ: у всенощнаго пѣнія въ церквѣ былъ онъ въ алтарѣ съ товарищемъ своимъ съ пономаремъ же съ Семеномъ Тимоѣевымъ, а седмица де по очереди была его Иванова: а пропавшая серебр., чарка стояла въ прйдѣлѣ Алексѣя Чел. Божія на горнемъ мѣстѣ.

Сем. Тимоѣевъ сказалъ: пришелъ онъ ко всеошному въ то время, какъ почали говорить на вечерни каюизму, и пришедъ въ олтарь, чарки не видалъ. И тогожь часа псаломщикъ Петръ Борисовъ послалъ его по священника по Дементіана и съ тѣмъ свящ. пришелъ онъ въ церковь на вечерни во время литіи; и на стиховіи онъ Семенъ вышелъ изъ церкви и стоялъ на паперти и послѣ того вышелъ къ нему товарищъ его Иванъ въ каюизму, какъ учали говорить, на утренне; и сидѣли на паперти до второй каюизмы и пили кислые шти, и пошелъ съ товарищемъ благовѣстити и звонить и пришедъ въ церковь послѣ звону той чарки онъ не хватился, а въ соборномъ олтарѣ въ то время были свящ. Дементіанъ да дьяконъ Борисъ; а какъ чарка пропала того онъ не вѣдаетъ; а хватился онъ той чарки тогожь числа передъ обѣднею, для изготовленья къ службѣ священнику воды; а кто чарку взялъ, того онъ не вѣдаетъ.

194 г. авг. 3 в. г. цари указали росиросить (ихъ всѣхъ) въ застѣнѣ съ большимъ пристрастіемъ на крѣпко, чтобъ они сказали правду, кто изъ нихъ чарку изъ церкви взялъ. Авг. 4 вкрестовые дьяки и псаломщики и пономари въ Кадашевѣ на Хамовномъ дворѣ въ застѣнѣ у пытки роспрашиваны съ большимъ пристрастіемъ накрѣпко и руки въ хомутъ кладены. Всѣ сказали прежнія свои рѣчи. Пономарь Ив. Артемьевъ прибавилъ: августа 2 приходилъ къ нимъ въ Истоппичую палату попъ Василій, который служилъ у церкви Похвалы іюля въ 28, и говорилъ ему Ивану и всѣмъ имъ: „за то де вамъ, для чего мнѣ заслуженныхъ денегъ не дали. да и впредь де мнѣ заслуженные деньги платить станете“. И онъ Иванъ учалъ ему попу говорить, чтобъ онъ чарку серебр., которая пропала изъ церкви, отдалъ. И тотъ попъ замолчалъ и молвилъ, что де у него чарки никакой нѣтъ и изъ палаты отъ нихъ вышелъ вонъ.

194 г. августа 5 в. государи указали: которые сидѣли въ Кадашевѣ на большомъ Хамовномъ дворѣ въ пропадой церковной чаркѣ, — свободить. Указъ о томъ изъ хоромъ царевны Екатерины Алексѣевны сказала боярышня Марья Ивановна Шелпа.

ГЛАВА VII.

ЦАРИЦЫНЫ НАРЯДЫ, УБОРЫ И ОДЕЖДА.

Общій обзоръ. Головной уборъ, дѣвичій и женскій. Золотые уборы или ларечная кузнь: золото, саженье, низанье. Одежды. Обувь. Мастерская Палата. Свѣтлица и ея рукодѣля. Бѣлая казна.

Иностранцы бывавшіе въ Москвѣ въ теченіи XVI и XVII ст. единогласно восхваляютъ красоту русскихъ женщинъ; иные (Лизекъ) присовокупляютъ, что красотѣ соответствовали и достоинства ума. Но за то всѣ очень неодобрительно говорятъ о разныхъ прикрасахъ женскаго лица, которыя были въ большомъ употребленіи и по ихъ замѣчанію только безобразили природную красоту. Одинъ итальянецъ (Барберини), видѣвшій нашихъ прабабокъ въ половинѣ XVI ст., отмѣчаетъ вообще, что русскія женщины чрезвычайно хороши собою, но употребляютъ бѣлила и румяна и при томъ такъ неискусно, что стыдъ и срамъ! О томъ же свидѣтельствуется Флетчеръ, говоря, что женщины, стараясь скрыть дурной цвѣтъ лица, бѣлятся и румянятся такъ много, что каждому это замѣтно; что этого не стараются и скрывать, ибо таковъ обычай; мужчинамъ это очень нравится и они радуются, когда ихъ жены и дочери изъ дурныхъ превращаются въ красивыя куклы. Изъ его словъ можно заключать, что всякія притиранья въ то время вовсе не имѣли значенія искусственныхъ средствъ поддѣлывать природу, натуру лица или своей красоты, а были, такъ сказать, необходимою одеждою лица, безъ которой невозможно было появиться въ обществѣ. „Что касается женщинъ, говоритъ Петрей (нач. XVII

т.), то онъ чрезвычайно красивы и бѣлы лицомъ, очень стройны, имѣютъ небольшія груди, большіе черные глаза, изящныя руки тонкіе пальцы, только безобразятъ себя часто тѣмъ, что не только лицо, но глаза, шею и руки красятъ разными красками, йолою, красною, синею и темною: черныя рѣсницы дѣлаютъ бѣлыми, бѣлыя опять черными или темными, и проводятъ ихъ галь грубо и толсто, что всякому это замѣтно. Такъ онъ украшаются особенно въ то время, когда ходятъ въ гости или въ церковь, т. е. вообще когда появляются въ общество. Олеарій въ половинѣ XVII ст. пишетъ между прочимъ, что „русскія женщины вообще средняго роста, стройны, изящнаго тѣлосложенія, красивы, но въ городахъ всѣ почти румянятся, притомъ чрезвычайно грубо и неискусно; при взглядѣ на нихъ можно подумать, что онѣ намазали себѣ лице мукой и потомъ кисточкой награсили себѣ щени. Онѣ красятъ себѣ также брови и рѣсницы черною, а иногда и коричневою краскою“. Дальше онъ говоритъ, подтверждая Флетчера, что это былъ неизмѣнный обычай, которому противиться не было никакой возможности. „Посѣщая своихъ близкихъ или являясь въ общество, женщины непременно должны быть нарумянены, не смотря на то что отъ природы онѣ гораздо красивѣе, чѣмъ въ румянахъ. Это исполняется или для того, объясняетъ авторъ, чтобы природная красота не брала перевѣса надъ искусственнымъ украшеніемъ. Стало быть, прибавимъ мы, это исполнялось для того, чтобы одѣтъ лице въ извѣстный образъ красоты, возможно ближе стать подѣ извѣстный, господствовавшій въ то время, ея типъ и идеалъ, какъ въ дѣйствительности и было, о чемъ скажемъ ниже. Въ доказательство своего заключенія авторъ приводитъ примѣръ. „Такъ, говоритъ онъ, во время нашего пребыванія въ Москвѣ, когда жена знатнаго вельможи князя Ивана Борисовича Черкаскаго, женщина прекрасной наружности, не хотѣла сначала румяниться, то тотчасъ же оговорена была прочими женами бояръ: зачѣмъ де она презираетъ обычай своей земли, что хочеть, видно, опозорить прочихъ подобныхъ ей! И чрезъ мужей своихъ онѣ до того довели дѣло, что отъ природы прекрасная женщина, должна была румяниться и такъ сказать уподобиться свѣчкѣ, зажженной при свѣтломъ солнечномъ сіяніи“. Такова была власть обычая, власть общественнаго мнѣнія, прибѣгавшаго по характеру вѣка, къ самымъ предосудительнымъ способамъ, чтобы заставить противника повиноваться.

Очень вѣроятно, что дѣло о бѣлилахъ и румянахъ Черкасской доходило до царя и что изъ хорошаго царя ея указано строго держаться въ этомъ отношеніи общаго уровня. Англичанинъ Коллинсъ, описывая такіе обычаи русскихъ женщинъ, замѣчаетъ, что „румяны ихъ похожи на тѣ краски, которыми мы (англичане) украшаемъ лѣтомъ трубы нашихъ домовъ, и которыя состоятъ изъ красной *вогры* и испанскихъ бѣлилъ (изъ висмута). Онѣ *чернятъ* свои *зубы* съ тѣмъ же намѣреніемъ, съ которымъ наши женщины носятъ *черныя мушки* на лицѣ (т. е. для приданія лицу большей бѣлизны или бѣлизнѣ лица большей выразительности). Зубы ихъ портятся отъ меркуріальныхъ бѣлилъ и потому онѣ превращаютъ необходимость въ украшеніе и называютъ красотою сущее безобразіе. Здѣсь любятъ низкіе лбы и продолговатые глаза, и для того стягиваютъ головные уборы такъ крѣпко, что послѣ не могутъ закрыть глазъ, также, какъ наши женщины не могутъ поднять рукъ и головы. Русскіе знаютъ тайну чернить самые бѣлки глазъ. Маленькія ножки и стройный станъ почитаются безобразіемъ. Красотою женщинъ они считаютъ толстоту. Худощавыя женщины почитаются нездоровыми и потому тѣ, которыя отъ природы не склонны къ толстотѣ, предаются всякаго рода экикурейству съ намѣреніемъ разтолстѣть: лежатъ цѣлый день въ постелѣ, пьютъ русскую водку, очень способствующую толстотѣ, потомъ спятъ, а потомъ опять пьютъ“. Женщины въ Московіи, прибавляетъ Корбъ (конецъ XVII ст.) имѣютъ ростъ стройный и лицо красивое, но врожденную красоту свою искажаютъ излишними румянами; станъ у нихъ также не всегда такъ соразмѣренъ и хорошъ, какъ у прочихъ европейнокъ, потому что женщины московскія носятъ широкое платье и ихъ тѣло, нигдѣ не стѣсняясь уборомъ, разрастается, какъ попало“. Путешественникамъ съ европейскаго Запада наша старая жизнь казалась вообще до чрезвычайности странною, нелѣпою, чудовищною, и они, какъ видимъ, каждый по своему, старались объяснить себѣ ту или другую сторону нашихъ бытовыхъ порядковъ. Относительно женскихъ прикрасъ, иностранцевъ главнымъ образомъ поражало, какъ нельзя не замѣтить, полнѣйшее отсутствіе и малѣйшаго даже искусства, малѣйшей утонченности въ употребленіи такихъ прикрасъ; ихъ поражала эта необыкновенная грубость мазанья и безъ того красиваго лица. Но существовали же какія либо причины, достаточныя для того, чтобы крѣпко держался

обычай незлпый обнчай. Намъ кажется, что первую изъ та-
ъ причинъ былъ своеобразный русскій идеалъ женской кра-
мы, а вторую — недостатокъ лучшихъ средствъ въ самыхъ
еріалахъ, ибо краски для притиранья употреблялись простыя
убны, особенно въ среднемъ городскомъ быту, какой больше
го и наблюдали завъзіе иноземцы. У русской красоты было

Бллое лицо какъ бы блгой снъгу,
Ягодицы (на щекахъ) какъ бы маковъ цвтъ,
Черныя брови какъ собоки,
Вудто колесомъ брови проведенн;
Ясныя очи какъ бы у сокола...
Она ростомъ-то высокая,
У ней кровь то въ лицъ словно бллого зайца,
А и ручки блленьки, пальчки тоненьки...
Ходитъ она словно лебедушка,
Глазомъ, глянетъ, словно свтъмй день...

Іе смотря на то, что эта послдняя черта русской красоты —
внглядъ словно свтъмй день, — переноситъ представленія о
і въ область идеаловъ поэтическихъ или романтическихъ,
нако въ общемъ ея типъ, какъ виднть, господствуютъ, представ-
ія самыя матеріальныя, господствуютъ сильныя, ръзко опре-
енныя краски безъ всякой поэтической, т. е. романтической
отживки, а такъ, какъ ими расписывались старинныя эстампы
деревянной губочной печати.

Въ приведенномъ изображеніи идеала женской красоты ма-
теріально обрисовываются и самыя средства, какими обыкно-
венное лицо могло достигать этого идеала. Близна лица упо-
доблялась бллому снъгу, — естественно было украшать его блли-
лами въ такой степени, что въ цвтъъ кожи не оставалось уже
ничего живаго, ибо и самый первообразъ не указывалъ ничего
живаго или поэтически и эстетически жизненнаго. Самое срав-
неніе: кровь-то въ лицъ словно бллого зайца, еще сильнѣе обо-
значаетъ тоже представленіе о снъгоподобной близнѣ лица.
Щеки — маковъ цвтъъ, или щечки — аленькій цвтъокъ, точно
также свое идеальное низводили слишкомъ прямо и непосред-
ственно къ простому матеріальному уподобленію красному цвтъку
мака. Маковъ цвтъъ долженъ былъ покрывать, какъ бы цвтъ-
токъ на самомъ дѣлѣ, только ягодицы щекъ; такимъ образомъ
снъгоподобная близна должна была довольно ръзко освѣщаться
яркимъ алымъ румянцемъ, который не разливался по всему
лицу, а горѣлъ лишь на ягодицахъ. Очень понятно, что при

такомъ сочетаніи на лицѣ бѣлаго и краснаго цвѣта, требовался и цвѣтъ волосъ на бровяхъ и рѣсницахъ наиболѣе опредѣленный, который бы какъ можно сильнѣе выдѣлялъ эту *писаную* красоту всего лица. Конечно для такой цѣли ничего немогло быть красивѣе черныхъ волосъ соболя, тонкихъ, мягкихъ, нѣжныхъ, блестящихъ. Оттого соболю становится исключительнымъ идеаломъ для характеристики бровей и черная соболина бровь, проведенная колесомъ, является необходимымъ символомъ красоты. Все это вмѣстѣ служило самою выгодною обстановкою именно для свѣтлости и ясности глазъ. Ясныя очи своимъ блескомъ, а вмѣстѣ и взглядомъ, указывали идеальнаго яснаго сокола, который, по всему вѣроятію, и яснымъ обозначался тоже за особую свѣтлость своихъ глазъ. Однакожъ для того, чтобы еще больше возвысить ясность, свѣтлость и блескъ очей, подрашивали не только рѣсницы подъ стать бровнямъ тоже черною краскою, сурьюмою, но пускали черную краску и въ самые глаза, особымъ составомъ изъ металлической сажи съ гуляфоною водою или розовою водою.

Такимъ образомъ Петрей могъ справедливо говорить, что у русскихъ женщинъ глаза черные, чего, конечно, въ дѣйствительности не было, но выходило такъ по украшеніямъ бровей, рѣсницъ и самыхъ бѣлковъ.

Черные брови и рѣсницы, какъ и черные глаза служили типомъ желаемой красоты, а потому и господствовали въ уборѣ красавицъ и тѣмъ болѣе, что сурмленіе доставляло болѣе легкую возможность уподобить прикрасу самой природѣ. Другое дѣло было, когда желали украсить волосы подъ цвѣтъ русыхъ или темно-русыхъ. Недостатокъ добраго матеріала или же неискусство въ составленіи краски тотчасъ обнаруживалось и волоса выходили коричневыми, какъ замѣчаетъ Олеарій. Чтоже касается украшенія рѣсницъ бѣлою краскою, о которомъ говоритъ Петрей, то, вѣроятнѣе всего, здѣсь лишь неискусно употреблялись бѣлилы или какая либо пудра, собственно для украшенія лица. Тоже должно сказать и о синемъ цвѣтѣ, который на лицѣ, на шеѣ и на рукахъ могъ происходить отъ плохихъ бѣлилъ или румянъ, оставившихъ по себѣ синеватые слѣды. Какъ бы ни было, но эпическій идеальнаго красоты, жившій съ незапамятныхъ временъ въ воображеніи народа, заставлялъ своими указаніями приближать къ нему всякій образъ красиваго лица. Онъ дол-

женъ былъ подчинять своему образу всѣ другія представленія о красотѣ, уравнивать ихъ по своимъ чертамъ.

Однакожь, въ сущности, основнымъ понятіемъ или основнымъ представленіемъ о красотѣ женскаго лица въ допетровской Руси было простое представленіе о физическомъ цвѣтущемъ здоровьѣ. Это, конечно, самая коренная идея красоты. Старина не только не уважала блѣдной и изнѣженно — слабой красоты, но почитала ту и другую болѣзненнымъ состояніемъ здоровья, если такъ бывало на самомъ дѣлѣ, или же относила эти болѣзненные по ея понятіямъ признаки прямо къ худому поведенію, къ разврату, которому и самое имя выводила изъ одного корня съ словомъ блѣдный. Въ этомъ она совершенно расходилась съ понятіями красавиць конца XVIII ст., а отчасти и нашей памяти, которыя употребляли всевозможные способы, *чтобы поглядѣть*. Рассказываютъ, что нѣкоторые изъ нихъ всякое утро принимали по 8 катышковъ бѣлой почтовой бумаги и безпрестанно носили подъ мышками *камѣору*; также кушали мѣлъ, пили укусъ и т. п.¹, стараясь достигнуть этой желанной цѣли. Старинныя допетровскія красавицы, напротивъ, употребляли всѣ усилія, чтобы казаться въ полномъ смыслѣ цвѣтущими красными и разцвѣчивали себя, какъ маковъ цвѣтъ. Идея романтической, сентиментальной красоты не была имъ извѣстна; онѣ еще были очень близки къ самымъ реальнымъ представленіямъ по этому предмету, къ древнѣйшему коренному значенію самого слова красота. Онѣ еще переживали эпическій возрастъ русскаго развитія, а потому и были такъ матеріальны въ своихъ понятіяхъ о красивомъ лицѣ.

Само собою разумѣется, что и въ ихъ время, какъ и во всякое время, уборы и наряды должны были служить тому же господствовавшему идеалу красоты. Головной уборъ, какъ и уборъ одежды, точно также ставилъ себѣ цѣлью придать лицу еще большую цвѣтнсть и вообще возвысить описанную красоту въ большей степени. Незмѣнныя части такого убора всегда стремились проавести необходимую гармонію и съ бѣлизною лица, съ алыми щеками и черными бровями для чего въ головномъ уборѣ одно изъ видныхъ мѣстъ занималъ *убрусъ*, повязка изъ тонкаго бѣлаго полотна съ золотымъ шить-

¹ Магазины общепольныхъ знаній съ просокупленіемъ моднаго журнала, часть II, Спб. 1795, стр. 271.

емъ и низаньемъ изъ жемчуга; золотныя кии украшались жемчугомъ въ такомъ видѣ, что жемчужныя нити окаймляли бѣлое лицо со всѣхъ сторонъ: лобъ украшала жемчужная кичная поднизь, стороны у щекъ жемчужныя нити рясы, шея красилась жемчужнымъ стоячимъ ожерельемъ или же жемчужною нитью, которая называлась *перломъ*. Припомнимъ, что и самое достоинство жемчуга заключалось въ особенной бѣлизнѣ и чистотѣ его блеска; желтаго жемчуга по свидѣтельству торговой книги XVI ст. никто не покупалъ на Руси. Среди жемчугу иногда блистали дорогіе каменья, большею частью лалы (алые, малиновые) и изумруды, цвѣтъ которыхъ подбирался съ тою же главною цѣлью придать лицу и глазамъ наибольшую цвѣтность, свѣтлость и выразительность. Само собою разумѣется, что общимъ фономъ для всѣхъ такихъ уборовъ служило непремѣнно золото, т. е. золотное тканье, шитье, плетенье, а также и золотая кузнь, кованье въ различныхъ видахъ. Безъ золота невозможно было устроить никакого убора; это былъ самый обычный, всеупотребительный матеріалъ для всякихъ уборовъ, какъ и для убора самого платья. Для алыхъ щекъ являлся господствующимъ особый цвѣтъ матерій, атласовъ, бархатовъ, камогъ и т. п., именно червчатый и алый. На шапкахъ этотъ цвѣтъ красился также жемчугомъ, что придавало не мало блеску притиранью лица, румянамъ и бѣлизамъ. Въ отношеніи бровей и рѣсницъ, ихъ цвѣтность усиливалась еще въ большей степени мѣховою, обыкновенно черною бобровою или соболиною опушкою шапки. Мѣхъ, особенно соболий и бобровый, принадлежалъ къ самымъ любимымъ и неизмѣннымъ уборамъ въ одеждѣ и нѣтъ сомнѣнія по той именно причинѣ, что вполне отвѣчалъ тогдашнимъ идеальнымъ представленіямъ вообще о женской красотѣ, служилъ самою изящною для нея и наиболѣе выразительною рамкою. Почти всѣ одежды, особенно выходныя, парадныя, какъ зимнія, такъ отчасти и лѣтнія окаймлялись бобровымъ пухомъ; а накладное брововое ожерелье, родъ пелерины, составляло самую видную часть женской одежды въ торжественныхъ случаяхъ и принадлежало къ царственнымъ уборамъ царицъ, и зимою и лѣтомъ. (См. рисунки на заглавномъ листѣ и въ концѣ книги I и II). При этомъ должно замѣтить, что бобровый мѣхъ для такихъ уборовъ всегда подкрашивался черненьемъ. Словомъ сказать русскія красавицы XVI и XVII ст. вовсе не были безучастны

красотъ своего наряда; онѣ вовсе не были такими, какими ихъ ютъ нѣкоторые наши изслѣдователи, говоря вообще что русскія женщины допетровскаго вѣка „не заботились ни объ изящнѣ оерны, ни о вкусѣ, ни о согласіи цвѣтовъ, лишь бы гѣло и пестрыло!... не имѣли понятія о томъ, чтобъ платье ло хорошо и т. д. Русскія красавицы, какъ и красавицы къ времянъ и народовъ, точно также очень много заботиь о томъ, чтобы нарядится ко вкусу, и нарядиться со вкусомъ изящества, какъ этотъ вкусъ и изящество сознавались въ время. Вкусъ и понятія изящнаго и красиваго по отнонію къ одеждѣ вопросъ весьма сложный и весьма спорный, гъ что не разобравши въ подробности всего дѣла, едвали лно выводить рѣшительныя заключенія. Необходимо прежде го раскрыть основы и всѣ условія, какія способствовали извѣстное время образованію того или другаго вида эстетичнхъ представленій и вкусовъ.

Уже давно рѣшено, что достоинство вкусовъ трудно оспариь и нельзя не согласиться, что вкусы, управляющіе повсеиными мелочами жизни, суть только выразители извѣстной ти въ развитіи эстетическихъ, а также и нравственныхъ идея и представленій у того или другаго народа. Въ дѣлѣ вкуса нравственные идеи имѣютъ даже преобладающее значеніе. Нравы же въ своихъ мелочахъ переходятъ, видоизмѣняются, какъ и все то, что именуемъ жизнію; а вѣсть съ ними переходятъ и видоизмѣняются и вкусы, чему самымъ выразительнымъ доказательствомъ служатъ наши моды, которыя такъ нравятся въ свое время и становятся потомъ такъ нелѣпы и смѣшны. Въ этомъ отношеніи съ такою же долею правды можно судить, упрекая въ отсутствіи вкуса, даже разсудка, обо всякой старой модѣ. Съ точки зрѣнія нашихъ модъ мы засудимъ конечно все, что съ ними не согласуется. Но старинное народное платье, которое было носимо не мѣсяцы или только годы, а цѣлыя столѣтія, всегда отличается несравненно въ меньшей степени разными нелѣпостями и неразуміемъ вкуса. Его покрой и характеръ убора устанавливается и обрабатывается подъ вліяніемъ самой культуры народа и потому въ немъ лежитъ всегда какая либо очень разумная основа, которая даетъ ему многія черты отвѣчающія вкусамъ всякаго времени, слѣд. вообще отвѣчающія закону изящнаго, не говоря уже о томъ, что ста-

ринное народное платье вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчаетъ всегда и климатическимъ условіямъ страны.

Изучая старинные русскіе вкусы въ женскомъ нарядѣ, мы встречаемся здѣсь съ предметами, которые навсегда останутся наилучшимъ уборомъ красоты, каковы напр. дорогіе мѣха, жемчугъ, золото и шелковыя ткани, атласы, бархаты. Особенностью этихъ вкусовъ, для нашихъ глазъ конечно, является излишняя пестрота или въ сущности цвѣтность наряда. Но яркая жизнь старины, даже въ нравственныхъ дѣлахъ, требовала всего яркаго и во всей внѣшней обстановкѣ. Она въ женскомъ нарядѣ, какъ видимъ, особенно предпочитала теплый, жаркій, живой колоритъ, что было совершенною необходимостью для обстановки живаго здороваго румянаго лица, которое почиталось высшимъ идеаломъ красоты. Романтическія тѣни, неземныя созданья, т. е. красоты — мечты, отвлеченности, въ родѣ античныхъ бѣломраморныхъ статуй, старинѣ были немыслимы. При томъ и античныя статуи, какъ доказываютъ, были тоже расписываемы красками для живства. Такимъ образомъ наша старина, предпочитая въ красотѣ тоже самое живство, ни сколько не отставала въ своихъ идеалахъ отъ всѣхъ другихъ своихъ товарищей по древности. Въ ней только быть можетъ ужъ слишкомъ долго сохранились самые первоначальные и первобытные вкусы по этому предмету. Въ уборахъ одежды она очень любила напр. сочетаніе цвѣтовъ, напоминавшее египетскую древность; лазоревое платье она окаямляла по подолу червчатою, алою или желтою тканью, желтый цвѣтъ ставила рядомъ съ зеленымъ или синимъ, голубымъ и т. п.

Все это обозначало только глубокую древность вкуса, но ни какъ не безвкусіе, ибо нерѣдко и самыя моды попадаютъ на тотъ же слѣдъ въ разныхъ прикрасахъ наряда.

За такое свойство или за такой характеръ нашихъ старинныхъ вкусовъ иные причисляютъ нашу старину къ разряду культуръ восточныхъ, азіатскихъ. Есть мнѣніе, что даже весь свой старинный костюмъ мы заимствовали у татаръ; да и на наши теперешніе глаза старинная русская женская одежда прямо является татарскою. Но обманчивое сходство объясняется только тѣмъ, что у теперешнихъ татаръ употребляются въ одеждахъ золотныя ткани, парчи, и мы забываемъ, что было время, когда вся Европа носила такія же ткани, что большею частію онѣ и привозились къ намъ изъ той же Европы.

Дѣйствительно, нашъ допетровскій костюмъ общимъ своимъ характеромъ приближаетъ насъ больше къ Азіи, чѣмъ къ Европѣ. Но это нисколько не доказываетъ, что онъ былъ когда-то заимствованъ у того или другаго азіатскаго народа. Напротивъ, это доказываетъ только его глубочайшую древность, недостижимую для исследователя, когда такой костюмъ былъ общимъ для многихъ народностей и азіатскихъ и европейскихъ, обитавшихъ въ той же климатической полосѣ. Самыя названія, напр. кафтанъ и др., сходныя съ татарскими, турецкими, сходны также и съ греческими (*καβαλιον*) и указываютъ только на одинъ общій источникъ ихъ происхожденія, разумѣется изъ Азіи, откуда идутъ и древніе народы и древніе языки. Нельзя думать, чтобы и наша народность, перенеся въ Европу свой древнѣйшій языкъ, не перенесла въ тоже время и костюма съ его названіями. Родились мы и были одѣты конечно въ незапамятное время, и происхожденіе нашего костюма, особенно въ главнѣйшихъ его чертаніяхъ, необходимо отыскивать въ той же странѣ, гдѣ образовался и нашъ древнѣйшій языкъ. Само собою разумѣется, что бывали и заимствованія; но онѣ всегда ограничивались лишь тѣми частями и формами, которыя являлись какъ бы знаками или выразителями новыхъ идей и стало быть новыхъ формъ развитія и жизни. Являлось особое сословіе военное; по необходимости оно усваивало себѣ и различные знаки своего особаго призванія и заимствовало ихъ оттуда, гдѣ находило ихъ уже въ полномъ употребленіи. Явилась идея княжескаго, а впоследствии царскаго достоинства, она точно также по необходимости брала свои знаки оттуда, гдѣ это достоинство было облечено уже въ полный его нарядъ. Такимъ образомъ немалая доля нашего стараго костюма была заимствована у византійскихъ грековъ и принадлежала въ свое время къ общимъ для всей Европы формамъ одежды, каковы именно и былъ царскій или княжескій нарядъ, сначала устроенный вездѣ по византійскимъ образцамъ, заимствованнымъ въ свою очередь у древнихъ царей востока. Потомъ мы остались на мѣстѣ, а европейская культура ушла дальше; мы такимъ образомъ и остались съ восточнымъ, азіатскимъ, а въ сущности съ самымъ древнѣйшимъ обликомъ во всемъ нашемъ развитіи. Вотъ почему тѣже европейцы, пріѣзжавшіе къ намъ, въ XVI и XVII ст., писали единогласно (Флетчеръ, Олеарій, Лизекъ), что русская одежда весьма сходна съ греческою.

Особенно значительно въ этомъ случаѣ свидѣтельство Оларія, который путешествовалъ и по татарскимъ землямъ въ Персію, слѣд. могъ основательно судить о сходствѣ русской одежды съ татарскою. На самомъ дѣлѣ, отъ татаръ мы могли заимствовать развѣ только нѣкоторыя незначительныя части нашего костюма, которыя всегда и обозначались въ названіяхъ *татарскими*, ибо, скажемъ опять, одѣты мы были за долго до появленія татаръ и во всякое время крѣпко держались своей старины, недопуская въ ней большихъ измѣненій. Скорѣе наоборотъ, татары должны были заимствовать отъ насъ нѣкоторыя наши кафтаны, ибо въ XVI и XVII ст. мы постоянно ихъ одѣвали своимъ платьемъ въ видѣ даровъ или поминковъ, замѣнившихъ ордынскую подать; точно также, какъ въ ту же эпоху мы постоянно одѣвали своимъ платьемъ и сибирскихъ инородцевъ, у которыхъ у женщинъ до сихъ поръ остаются въ употребленіи наши женскія красныя суковныя шубки XVII ст. Такъ точно въ свое время нашихъ первыхъ князей и дружинниковъ одѣвали своими даже царскими одеждами византійскіе императоры, о чемъ свидѣтельствуегь Константинъ Багрянородный, совѣтуя своему сыну Роману прекратить этотъ постыдный обычай и рассказывать варварамъ, что царскія одежды дѣлаются не человѣческими руками, что получены онѣ еще Константиномъ Великимъ отъ ангела съ небесъ, всегда хранятся въ Софійской церкви и кто изъ императоровъ станетъ ихъ носить въ обыкновенное, не торжественное время или дарить ими кого-либо, тотъ будетъ проклятъ. Если такая ложь требовалась для того, чтобы по возможности охранить передъ варварами достоинство царскаго наряда, не вводя его въ употребленіе между ними, то безсомнѣнія, прочіе, такъ сказать, рядовые богатые византійскіе одежды и уборы принадлежали къ самымъ обычнымъ подаркамъ для нашихъ варваровъ. Такимъ образомъ, наиболее богатый костюмъ первыхъ русскихъ князей и ихъ дружинниковъ, а слѣд. и ихъ женъ, долженъ былъ установиться по византійскимъ образцамъ и въ отношеніи своихъ видовъ нѣсколько отдѣлиться отъ костюма народнаго. Близкія сношенія съ Византіей естественно много способствовали тому, что всякія мелочи ея культуры легко и свободно переносились въ нашъ бытъ. Константинополь въ свое время былъ тѣмъ же Парижемъ не для одной русской земли. Богатая и роскошная обстановка его быта представлялась для всѣхъ окружавшихъ

въ образцовъ наиболѣе изящной, т. е. богатой жизни особ въ отношеніи костюма, который поэтому, если не гдѣ, то наиболѣе видными частями водворялся повсюду. отъ-то костюмъ, частію заимствованный у византійцевъ, а тѣмъ украшаемый въ подражаніе ихъ образцамъ, составилъ особый выборъ одеждъ, который исключительно употребленъ княжескими и боярскими, вообще знатыми и богатыми людьми допетровской Руси и былъ потомъ упраздненъ реформами Петра. Что съ древнѣйшаго времени оставалось въ немъ въ собственномъ смыслѣ народнаго или всенароднаго, то раниется и до сихъ поръ въ народѣ, а все сословное, причислявшееся княжеской и боярской культурѣ, совсѣмъ утратилось съ преобразованиемъ самой культуры по европейскимъ образцамъ.

Нельзя однако въ этомъ отношеніи забывать и вліянія на нашъ костюмъ со стороны сѣверной Европы, черезъ варяговъ, чь послѣдующее время чрезъ новгородскія торговыя связи. крайней мѣрѣ съ одеждами норманскими встрѣчается въ нихъ одеждахъ довольно сходнаго, частію въ общемъ, а такъ и въ частности.

Но румыны, бѣлилы, сурмилы, подкрашиваніе глазъ и прочее тому подобное, все это мы заимствовали съ востока, непременно у византійскихъ красавицъ и если не прежде; то по крайней мѣрѣ еще во времена Ольги, ибо при ней русскія женщины собственными очами могла любоваться красотой греческой обстановки. Въ ея путешествіи въ Царьградъ, сопутствовали ей 6 (или 16) родственницъ и 18 прислѣшницъ (женщинъ служебныхъ), обѣдавшихъ также, какъ и княгиня, въ царскихъ палатахъ и получившихъ царскіе дары ¹.

И нѣтъ сомнѣнія, что это былъ не первый, да и не послѣдній примѣръ пребыванія русскихъ женщинъ въ Константинополь. Оттуда же наши красавицы заимствовали, если не самую выку, то ея княжескую или царственную форму съ ея особыми украшеніями, именно *рясами*, длинными жемчужными прядями, ниспадавшими къ плечамъ по обѣимъ сторонамъ этого головного убора. Такія рясы были носимы въ Византіи, не только царицами, но и царями на царскихъ вѣнцахъ, какъ это видно на ихъ монетахъ и на другихъ древнихъ изображеніяхъ ви-

¹ Извѣстія Виз. Истор. III, 54, 55.

византийскихъ царей и царицъ. Точно такой же головной уборъ существовалъ еще раньше въ греческихъ черноморскихъ колоніяхъ, именно въ странѣ Киммерійскаго Босфора, гдѣ, на Таманскомъ полуостровѣ, въ древнемъ царствѣ Фанагорійскомъ, намъ случилось въ 1864 г. открыть подобный уборъ въ гробницѣ тамошней царицы или, какъ доказываютъ, жрицы богини Деметры (IV вѣка до Р. Х.)¹. Онъ состоялъ изъ золотой кики, золотого начельника въ видѣ волнистыхъ волосъ и золотыхъ же рядъ въ видѣ большихъ бляхъ съ сѣтчатыми длинными подвѣсками, тоже золотыми. Для насъ въ этомъ случаѣ очень важно лишь то, что форма убора и его составныя части имѣютъ много сходнаго съ такими же уборами русскими XVI и XVII ст., а это указываетъ вообще на глубокую древность нашего убора и можетъ отдалять его происхожденіе даже и за эпоху нашихъ сношеній съ Византіею.

Точно также одна изъ женскихъ одеждъ съ очень широкими и длинными рукавами, всегда роскошно украшаемыми золотымъ шитьемъ, именно лѣтникъ, по своему покрою тоже много напоминаетъ подобныя же одежды византийскія, въ которыхъ изображаются тамошніе цари и царицы. Первообразъ такой одежды (сагось) можно указать даже на изображеніяхъ въ катакомбахъ Рима, относимыхъ къ первымъ вѣкамъ христіанства, не говоря о сходныхъ изображеніяхъ послѣдующаго времени. Въ XIII в. Рубрукъ въѣздивъ обозначилъ, что русская одежда вообще сходствовала съ одеждою народовъ западной Европы. Мы не имѣемъ возможности удалиться въ подробныя сравнительныя розысканія по этому предмету и желаемъ только обозначить сходство нашего стариннаго костюма съ древнѣйшими образцами византийскими, а частію и съ средневѣковыми западноевропейскими. Мы ограничиваемъ свою задачу лишь посильнымъ объясненіемъ собственной древности, послѣ чего доступнѣе будутъ и сравнительныя изслѣдованія и выводы.

Какъ бы ни было, но Византія имѣла значительную долю вліянія именно на женскій нашъ костюмъ, покрайней мѣрѣ въ томъ его составѣ, который принадлежалъ верхнему народному слою древней Руси, княжескому и боярскому, или вообще, какъ мы говорили, знатной и богатой средѣ. Здѣсь это вліяніе

¹ См. Отчетъ Императорской Археологической Комиссіи за 1864 г. Спб. 1865.

и известною постыническою идеей, подчинившей своим даже и покрой женской одежды.

Въ постынице, на которомъ воспитывалось и означивало жизнь наше старинное жемское племя, смотрѣлъ вообще на юту, какъ на запрещенный плодъ и поучалъ убѣгать ея омыщеній, какъ великой грѣховной напасти. Онъ спряталъ въ теремъ, чтобы не смущался ея миръ, чтобы и она не льстилась красотою міра; онъ неутомимо слѣдилъ за нею, молчаливо каждый ея шагъ съ дѣлюю отстранить отъ нея и алчѣйшій соблазнъ убора и наряда или какого бы то ни было чарованья (кокетства) въ отношеніи умноженія ея прелестей. естественнымъ и впрочемъ исключительнымъ причинами, въ некоторую свободу въ уборѣ и нарядѣ съ дѣлюю возвысить красоту, благословлялъ только возрасту невѣстъ, которымъ по крайней мѣрѣ могли носить открытые волосы. Этими обогачалась и навѣстная доля женской свободы въ дѣвическомъ градѣ. Напротивъ замужняя женщина, по слову Апостола, обновившаяся подъ власть мужа, должна была навсегда спрятать свои волосы, ибо не мужъ отъ жены, а жена отъ мужа, не мужъ создаетъ для жены, а жена для мужа, посему и длинна женщина нить покрывало на головѣ, въ знакъ власти надъ нею ¹. Кроме того покрывало вообще обозначало стыдливость и цѣломудріе, поэтому для постыническихъ идей оно являлось необходимымъ и неизбѣжнымъ условіемъ и сохранить и выразить свою нравственную чистоту. Для женщины не было большаго срама и безчестья, какъ всенародно опростоволоситься, т. е. раскрыть свои волосы предъ глазами общества. Цѣломудренное значеніе покрывала распространилось и на покрой всей одежды, которая въ сущности представляла тотъ же постыническій покровъ для всего тѣла. Въ одеждѣ постыническія идеи заботливо старались совсѣмъ скрыть талию и весь женскій бюстъ и торсъ, разрѣшивъ употребленіе пояса лишь въ одеждахъ нижнихъ, домашнихъ, каковы были сорочки ² и устранивъ во всѣхъ верхнихъ выходныхъ одеждахъ даже и малую складку, какая могла способствовать хоть малой обрисовкѣ лебединой груди или вообще талии.

¹ Коринѣ. XI, 10.

² Тогдашнія сорочки, верхнія, соответствовали теперашнему *платью* въ его спеціальномъ значеніи.

Самый пояс на сорочках был носимъ, какъ символъ цѣломудрія и благочестія и вовсе не служилъ средствомъ придавать стану большую стройность и красоту. Появляться въ какихъ либо случаяхъ безъ пояса на сорочкѣ значило обнаруживать свой развратъ. Такъ могла поступать только молодая Марина Игнатьевна: она, призывая въ свой теремъ Змѣя Горыныча, высовывалась по-поясъ въ окно въ одной рубашкѣ безъ пояса. Такъ бѣгала по широкому двору Настасья Королевична, во единой рубашечкѣ безъ пояса, — когда спасала своего милаго Дуная. Вообще ходить распояской во всякомъ случаѣ почиталось грѣхомъ. Распоясаны были только однѣ верхня одежды съ тою цѣлью, какъ мы сказали, чтобы не обнаружить ни одною складкою какихъ либо частей тѣла. Всѣ такія одежды имѣли одинъ покрой той же сорочки, т. е. простаго полотнища, разставленного, гдѣ необходимо, клиньями, и у нѣкоторыхъ разрѣзаннаго спереди на полы, при чемъ воротъ у всѣхъ возвышался до самой шеи. Такимъ образомъ *лифъ* былъ совсѣмъ изгнанъ изъ покроя женскихъ одеждъ, а съ нимъ, конечно, была удалена и вся красота женскаго наряда, ибо лифъ въ одеждѣ есть непосредственный и существенный выразитель всего изящнаго одежды. Естественная потребность нравиться, быть красивою, изящною, т. е. естественная потребность изящнаго въ костюмѣ была ограничена, стѣснена, а потому видѣсто эстетическихъ духовныхъ идеальныхъ представленій о красотѣ явились представленія исключительно матеріальныя, представленія объ однихъ лишь физическихъ ея достоинствахъ. Просторно сидѣвшія и длинныя до пятъ платна по необходимости сводили понятія о красивой изящной фигурѣ на понятія о дородной фигурѣ, что на самомъ дѣлѣ почиталось однимъ изъ достоинствъ старинной женской красоты; такъ какъ другимъ ея достоинствомъ былъ высокій ростъ, которому тѣже длинныя платна безъ всякой кринолиновой пышности въ подолѣ придавали конечно еще большую высоту, и тѣмъ дорисовывали идеалъ красивой фигуры по стариннымъ понятіямъ.

Однакожъ необходимо замѣтить, что сужденія о нашемъ старинномъ женскомъ костюмѣ, именно объ отсутствіи въ немъ живописной красоты или вообще рисунка женской фигуры, не имѣютъ достаточныхъ основаній дѣлать объ этомъ рѣшительныя, окончательныя заключенія по той причинѣ, что нѣтъ у насъ передъ глазами, какъ говорится, живой натуры. Намъ из-

шую частію рисунки древнихъ одеждъ только ико-
 дѣ и въ платьѣ, какъ въ самыхъ фигурахъ и осо-
 бѣ захъ столько же натуры, сколько натуры вообще
 и древней иконописи. Иконописецъ даже страшился
 что либо натурально, а тѣмъ болѣе страшился изоб-
 раженіемъ женскую фигуру съ ея одеждою, дабы не
 и ли въ прелесть сатанинскую. Не говоримъ о томъ,
 какъ се не умѣлъ рисовать и особенно не удавались ему
 черты кривые, одушевленные. Символизмъ, условность его
 языка, рабски переводившаго одни только старые образы
 иконостаса были воспроизвести ни одной натуральной черты,
 ни въ платьѣ, ни въ нарядѣ. Желая обозначить пышность или
 богатство, онъ чертилъ совокупность извѣстныхъ линий
 и формъ усвоенныхъ и приспособленныхъ для этой
 цели (рис. V, 3, 4). Онъ не могъ размышлять не только о на-
 чинахъ вообще о школьной правильности рисунка въ теле-
 ченіи смысла, ибо у него были свои, чисто условныя, понятія объ
 правильности, отъ которыхъ онъ, какъ знающій и опыт-
 ный художникъ, никогда не отступалъ. Изъ всего этого выхо-
 дитъ, что иконописцы не только не оставили намъ изобра-
 женій, какъ они говорили, съ *эмме́сса*, но и на-
 рисованныя ими изображенія отъ руки они большею частію пе-
 редавали безъ всякихъ характерныхъ оттѣнковъ, плоско и стер-
 то, указывая лишь однѣ общія наиболѣе типичныя формы
 древняго костюма. Словомъ сказать извѣстныхъ иконописныхъ изоб-
 раженій мы получаемъ очень скудныя представленія о живой дѣй-
 ствительности стараго костюма, даже въ его общихъ формахъ,
 не говоря о полнотѣ разныхъ предметовъ наряда, а тѣмъ болѣе
 о разныхъ подробностяхъ, о которыхъ находимъ свѣдѣнія въ
 старинныхъ описяхъ и вовсе не находимъ ихъ въ оставшихся
 рисункахъ. Здѣсь старое русское художество не только ни чѣмъ
 не послужило старой дѣйствительности, но своими чисто ре-
 месленными, условными, рабскими приѣмами даже обезобразило
 ее въ нашихъ глазахъ до послѣдней степени. Совсѣмъ не то
 было на западѣ, отчего тамошній средневѣковой костюмъ пред-
 ставляется не только въ своей дѣйствительной, но во многомъ
 даже и преукрашенной красотѣ. Тамошніе художники, напротивъ,
 всегда идеализировали современную имъ дѣйствительность, не
 мертвою формою, а живою натурою; покрывали ее чертами не толь-
 ко правильнаго, но и изящнаго рисунка. Даже и въ древнее время,

при несовершенствѣ искусства, въ ихъ грубыхъ изображеніяхъ мы всетаки встрѣчаемся съ болѣе или менѣе правдивымъ и выразительнымъ живствомъ и въ постановкѣ фигуры и въ драпировкѣ одежды. Искусство всегда лучшей и вѣрнѣйшей выразитель жизни и всегда въ своихъ произведеніяхъ очень многое даетъ для правильнаго ея пониманія. Ложный путь, по которому слѣдовало наше древнее художество, не только отнялъ у него здоровыя силы, лишилъ совѣтъ развитія, но и намъ передалъ искаженныя представленія о прожитомъ нашемъ бытѣ, такъ что не объ одномъ костюмѣ, но о всей нашей исторіи мы теперь думаемъ не иначе, какъ о сухой безжизненной фориѣ. Придавая въ концѣ книги рисунки стараго женскаго костюма, мы должны замѣтить, что это только простые снимки изображеній, необходимыя для поясненія нашихъ описаній.

Переходя къ описанію допетровскаго женскаго наряда, мы въ настоящемъ случаѣ, ограничиваемся только предметами, которые входили въ составъ наряда царичъ и взрослыхъ царевенъ въ XVI и XVII ст. и касаемся общаго описанія одеждъ лишь настолько, чтобы объяснить частности, принадлежавшія собственно царскому быту. Это вообще предметъ очень drobный и мелочной и потому требуетъ разсмотрѣнія по крайней мѣрѣ по сословнымъ отдѣламъ, ибо въ каждомъ сословномъ кругу онъ представлялъ свои видоизмѣненія.

Само собою разумѣется, что царицынъ бытъ, какъ высшій порядокъ жизни, заключалъ въ себѣ и всѣ общія, т. е. основныя черты древнихъ нарядовъ и уборовъ. Такъ и въ царскомъ быту, какъ и во всенародномъ, взрослые дѣвицы носили волосы открытыми и распущенными по плечамъ, при чемъ въ достаточномъ и знатномъ быту, а слѣд. и въ царскомъ, волосы бывали завиты, какъ говоритъ Корбъ „съ великолѣпнымъ изяществомъ въ искусственныя кудри“. Это можно замѣтить и на современныхъ изображеніяхъ, рис. I, II, III, V.

Другой родъ волоснаго убора, столь же обыкновенный, даже и теперь въ простомъ быту, заключался въ томъ, что волосы заплетали въ одну косу или въ двѣ косы, которыя и ниспадали назадъ къ плечамъ и по спинѣ. При этомъ въ концы косъ влетались ленты или же бахрама, а иногда привѣшлялась зо-

или подвѣски. Это былъ *косникъ* или *накосникъ*.

VIII, 2, изображенъ такой уборъ въ двѣ косы съ нитями. Но здѣсь же мы видимъ, что вмѣстѣ съ косами остаются и распущенные по сторонамъ волосы. Дѣйствительно ли треблялся и въ этомъ видѣ волосной уборъ, сказать не можно; но знаемъ что, напр. при вѣнцахъ, корунахъ и никахъ вѣнь всегда подавался и косникъ, который составлялъ принадлежность этихъ уборовъ и описывался, какъ составная часть. Между тѣмъ царевны въ вѣнцахъ видимы тоже распущенными по сторонамъ волосами. Можно полагать, по сторонамъ оставлялись только пряди волосъ, завитыхъ въ локоны, ибо локоны были очень употребительны въ дѣтскомъ уборѣ и даже въ уборѣ замужнихъ женщинъ, именно царицъ, рис. I и II.

По свидѣтельству Болтина „косу заплетали сколь можно слабые, дабы была она шире, раздѣливъ волосы на множество прядей и перевивъ ихъ золотыми нитками“ (упомянемъ, что подблюдная святочная пѣсня поетъ: русу косу плетучи, шелкомъ перавиваючи, златомъ приплетаючи); а у богатыхъ на сѣнѣтки навивался жемчугъ. Потребно было искусство и привычка хорошо заплести косу и чтобъ она закрывала всю шею отъ самыхъ ушей и низвѣшиваясь по спинѣ, постепенно сужалася до самаго косника. Такимъ образомъ заплетенная коса представляла видъ рѣшотки искусно связанной ¹.

Косникъ или *накосникъ* состоялъ главнымъ образомъ изъ кисти шелковой, золотной или жемчужной, непременно съ золотной или жемчужною *ворворкою*, какъ называлась верхняя связка кисти, скрѣплявшая въ одномъ узлѣ ея нити и состоявшая обыкновенно изъ плетенья или вязанья, которое и представляло ворворку ². При устройствѣ косника эта ворворка или кистевая связка получала разнообразную форму, которая по этому и приобрѣтала отдѣльно названіе косника въ собственномъ смыслѣ. Въ богатомъ нарядѣ она дѣлалась даже изъ металла, изъ золотой или серебряной *цки*, дощечки или листа различной формы, къ которой и прикрѣплялась необходимая кисть. Иногда эта цка устраивалась съ тремя ворворками и двумя

¹ Примѣчанія на Деклерка т. I, 437.

² Отъ *вереть*, *врать*, *вирать*, сплетать, плести: „ворворки враны серебромъ; петли серебряны, концы обвираны золотомъ“. Срав. веревка, вервь, веретено, завереть лапти.

вистями; одна ворворка въ такомъ случаѣ помѣщалась вверху двухъ другихъ и служила для нихъ связью. Косникъ вплетался въ косу посредствомъ шнура и *пожилки* (Матер. стр. 113), которыя находились вверху основной ворворки.

Болтищъ описываетъ старинный косникъ „треугольникомъ въ два или три вершка шириною, сдѣланнымъ изъ картузной бумаги, обшитой шелковою тканью и унизанной въ узоръ жемчугомъ и каменьями; привязывался онъ къ концу косы однимъ угломъ“. Изъ предыдущихъ указаній также видно, что косникъ и въ видѣ кисти или какой либо цки дѣлался также треугольникомъ.

Для сохраненія въ порядкѣ выпадавшихъ по плечамъ волосъ, являлась необходимою *перевязка*, какую видимъ на рис. III, 6. Это въ обыкновенномъ повседневномъ употребленіи была простая шелковая или золотная не широкая лента. Само собою разумѣется, что она служила также и весьма красивымъ уборомъ для головы, выдѣляя своимъ цвѣтомъ, прибраннымъ въ лицу, или своими украшеніями изъ золота, жемчуга и дорогихъ камней, еще сильнѣе бѣлизну, румяность и вообще красоту лица и волосъ. Очень естественно также, что въ вырѣзкѣ по краямъ она получала разнообразную форму, какая наиболѣе нравилась. Такъ у царевны Татьяны М. (12 лѣтъ) была *перевязка* низаная съ городы; у царевны Анны М. (22 лѣтъ) упоминается *перевязочка* низаная жемчужная съ каменьями. Кромѣ того иногда налобная, передняя часть перевязки устроивалась съ большимъ богатствомъ въ видѣ какого либо узорочнаго узла или фигуры. Такой перевязкѣ присваивалось преимущественное названіе *чела*, *челки*, какъ особаго налобнаго украшенія. *Чело* упоминается еще въ духовной Калиты 1328 г. Въ числѣ даровъ дочери своей, князь Верейскій (1486 г.) упоминаетъ *челку*, низану великимъ жемчугомъ¹. Въ простонародномъ быту самая перевязка-лента носила названіе *начелка*, *начельника*, *очелка*, также *повязки* и *пдвзки*; такимъ образомъ съ именемъ перевязки соединяется смыслъ вообще головнаго начельнаго убора, который могъ имѣть весьма разнообразную форму.

Перевязка-лента обращалась въ особый уборъ съ именемъ чела или очелья и вообще повязки, когда устроивалась изъ болѣе или менѣе широкой каймы, огибавшей чело стоямя на реб-

С. Г. Г. т. I, № 21, 122.

ро, причемъ начальная часть дѣлалась обыкновенно шире или выше, въ родѣ кики, а концы сходили назадъ обрѣзами въ видѣ зубцовъ или постепенно (серповидно) уменьшались до ширины простой перевязочной тесьмы. Эти концы связывались назадъ широкими лентами, ниспадавшими внизъ по спинѣ въ видѣ лопастей, рис. VII, 3. -

Можно полагать, что подобная повязка въ XV вѣкѣ называлась *челою кичмыю*, ибо въ передней части она стояла на головѣ или возвышалась кичкою. Впрочемъ чело кичное могло въ дѣйствительности обозначать и одну только переднюю *шю* или доску самой кичи.

Повязка, устроенная сплошною, напр. жемчужною, каймою вокругъ головы, называлась *вѣлкомъ*. Особый видъ вѣнка, который дѣлался обыкновенно изъ металлической *шю* и прорѣзывался насквозь какимъ либо узоромъ съ городками или зубцами вверху, назывался *вѣлкомъ*. Вѣнду съ городы, т. е. съ острыми углами вокругъ, присвоено было царственное значеніе, ибо онъ и дѣланъ былъ по образцу древнѣйшихъ царскихъ вѣнцовъ, въ какихъ цари и царицы, особенно восточные изображались на монетахъ и др. памятникахъ. Такой вѣнецъ употреблялся у насъ исключительно въ дѣвичьемъ уборѣ, по той причинѣ, что его носили только на открытыхъ волосахъ. Нѣтъ сомнѣнія, какъ дѣвичій уборъ, онъ существовалъ еще въ древнемъ княжескомъ быту; удѣльный Верейскій князь Михайло Андреевичъ въ 1486 г. пожаловалъ далъ дочери своей (Марьѣ) „*вѣнецъ* царской съ городы да съ яхонты да съ лалы да съ зерны съ великими; другой *вѣнокъ* низанъ великимъ жемчугомъ“¹. Въ XVI и XVII ст. вѣнецъ составляетъ необходимый уборъ царевенъ съ малаго возраста и государевыхъ невѣстъ, когда онѣ нарекались царевнами. На рисункахъ II, III видимъ, что вѣнцы надѣвались безъ всякаго другаго убора, принадлежащаго къ тому же наряду, каковы были *расы*, *поднизъ*, *космики* или *накосмики*. Однакожъ въ описяхъ казны царевенъ эти принадлежности наряда описываются вмѣстѣ съ вѣнцомъ, какъ его составныя части, а потому должно заключить, что рисунки изображаютъ нарядъ не вполне. — Удѣльный князь Верейскій, отдалъ дочери (1486 г.) вмѣстѣ съ вѣнцомъ царскимъ между прочимъ и „*расы* съ яхонты да съ лалы, колтени

¹ С. Г. Г. т. I, № 122.

золоты съ яхонты“. Рисами, какъ увидимъ, назывались длинныя пряди изъ жемчугу, каменье съ серебряными кольцами и колтами, привѣшиваемыя по сторонамъ вѣнца. Поднизъ въ собственномъ смыслѣ была начальникомъ и прикладывалась къ вѣнцу съ передней, налобной его стороны въ видѣ перевязки или въ видѣ сѣтки съ жемчужными или золотыми висюльками по нижнему краю.

Свадебный вѣнецъ царицы Евдокии Лук., носимый ею, когда она наречена была невѣстою-царевною, и хранившійся потомъ въ ея казнѣ въ коробѣ новгородской за печатью ея свекрови иноки Марыи Ив., описанъ коротко: „вѣнецъ съ каменья и съ жемчуги“, съ отиѣткою, сдѣланною впоследствии, что въ 1629 г. іюля 5 „сеѣ коробью и съ вѣнцомъ отнесъ ко государю въ хоромы Фед. Ст. Стрѣшневъ“; и потомъ, что въ 1629 г. авг. 30, сеѣ коробью и вѣнецъ принесъ (въ казну) отъ государя изъ хоромъ В. И. Стрѣшневъ, а сказалъ, что съ того вѣнца снято съ городовъ для государева дѣла каменье да выпорото у вѣнца изъ *космика* 5 запонъ золоты съ каменья“.

Полный нарядъ вѣнца описанъ у малолѣтней царевны Ирины Мих. У ней былъ „вѣнецъ теремчатъ о десяти верхехъ дѣланъ по золотой цѣв травы прорѣзанные съ финифты съ розными, а въ вѣнцѣ въ нижнихъ теремахъ въ золотыхъ гнѣздехъ три яхонта червчеты гранены да три яхонта лазоревы да четыре изумруда гранены; да въ верхнихъ теремахъ въ золотыхъ же гнѣздехъ четыре яхонта червчеты да три яхонта лазоревы да три изумруда четвероугольны; около верхнихъ и нижнихъ теремовъ и на низу обизано жемчугомъ; по верхъ теремовъ на спняхъ десять зеренъ гурмыцкихъ. Подложенъ тастою червчатою. — *Поднизъ* по отласу по червчатому низана жемчугомъ большимъ и середнимъ; межъ жемчугу звѣздки золоты; у поднизи въ пяти репьяхъ жемчужныхъ 5 гнѣздъ золоты четвероугольны; а въ гнѣздѣхъ 3 яхонты червчеты да 2 изумруда; по сторонамъ у поднизи по репейку жемчужному, а въ нихъ 2 изумруда невелики; да межъ большихъ репьевъ 4 репья жемчужныхъ безъ каменья; у поднизи на привѣскахъ 31 зерно гурмыцкихъ на золотыхъ спняхъ. *Рясы* жемчужныя, у рясы колодочки и колца серебряны золочены съ финифтомъ съ червчетымъ; межъ рясы и по концомъ 6 яхонтовъ лазоревыхъ да 6 лаловъ. *Космики* по цѣв серебряной золоченой низанъ жемчугомъ репья;

осника низана жемчугомъ, кисть золота съ шолчатымъ“.

ь *теремчатъ* и что означаютъ здѣсь *терема*, опре-
азать не можемъ, ибо не знаемъ типической фи-
ашеніяхъ, которая носила названіе терема. Она
авлять родъ шатровыхъ башенокъ и вообще ви-
о это были тоже зубцы расположенные въ два яруса
пашенные въ перемежку яхонтами и изумрудами, а на
съ жемчужинами.

1636 г. генв. 24 па крестины царевны Татьяны, царь
илъ пожаловалъ дщери своей царевнѣ Иринѣ новый „въ-
золотъ съ города, по немъ травы золоты прорѣзаны съ
ы съ розышн; у вѣнца въ городѣхъ и межъ городовъ
въ да 109 лаловъ. *Накосникъ* по цѣбъ серебряной зо-
низанъ жемчугомъ большимъ, на концѣ у накосника
и урки обнизаны жемчугомъ; въ кистей мѣсто низано
ъ мелкимъ, по концамъ перепелы серебряны золоче-
подложенъ таетою желтою. Лагалище на вѣнцѣ деревяное
но кожею съ поталью“. Отмѣтка: 1641 г. генв. 14 отъ
вѣнца накосникъ отпорол боярыня княгиня Марья Хован-
ская и взяла къ царицѣ въ хоромы“, гдѣ вѣроятно былъ при-
шитъ къ вѣнцу другой „косникъ по цѣбъ серебряной золоченой
низанъ жемчугомъ, межъ жемчугу 4 изумруда да 2 яхонта
лазорева да 5 лаловъ; три ворворки да двѣ кисти жемчужные“.
Въ описи при этомъ отмѣчено: на вѣнцѣ одинъ городъ въ хо-
ромехъ сломленъ.

Въ 1635 г. авг. 4, теремчатый вѣнецъ съ поднизью и ря-
сами царица пожаловала царевнѣ Аннѣ, при чемъ къ вѣнцу
приложенъ былъ новый „косникъ цка серебряна золочена, вор-
ворка низана жемчугомъ, кисть шолкъ съ золотомъ“. А для
царевны Ирины тогдаже былъ купленъ вѣнецъ *литовскій* жем-
чужный за 430 р., изъ котораго въ царицыной мастерской па-
латѣ нѣмецкіе мастера устроили для царевны коруну и еще
двѣ коруны для царевенъ Анны и Софьи. Коруну назывался
вѣнецъ, подобный по устройству описаннымъ выше, но съ
прибавленіемъ къ нему круглой тульи, состоявшей иногда изъ
отдѣльныхъ огибей, которыя, какъ радіусы въ центрѣ, соеди-
нялись въ верху, на самой маковкѣ убора, гдѣ, именно въ видѣ
маковки, прикрѣплялся или дорогой большой камень или золо-
тая высокая запона, а у царей крестъ.

Коруна царевны Ирины описывается такъ: Коруна изъмечковое дѣло, дѣлана по цѣв серебряной золоченой низана жемчугомъ большими и середними, съ города: межъ жемчугу 24 репши золоты сѣнчаты съ финиоты съ лазоревымъ да съ бѣлымъ; подложена тафтою аюю. Да къ той же корунъ приложецъ у царицы въ хоромѣхъ прежній царевнинъ косникъ „отъ теремчатого вѣнца, подареннаго царевнѣ Аннѣ. Рисы къ корунъ были низаны жемчугомъ, промежъ жемчугу и по концамъ 10 яхонтовъ лазоревыхъ, да 8 лаловъ; колодки у рясы золоты, навожены чернью; въ колодкахъ 4 яхонта червчатыхъ да 2 изумруда да на спняхъ 18 зеренъ жемчужныхъ.

Точно также описана коруна и царевны Анны, но съ однимъ только косникомъ, переложенымъ къ корунъ отъ теремчатого вѣнца.

Подобная же коруна царевны Софьи, перешедшая по случаю ея смерти къ царевнѣ Татьянѣ, была также низана жемчугомъ съ города по цѣв серебряной золоченой, межъ жемчугу на корунъ репши золоты съ финиотомъ съ бѣлымъ да съ лазоревымъ, подложена тафтою аюю; лагалище коженое съ поталью.

Такимъ образомъ и вѣнецъ и даже коруна были носимы царевнами съ косникомъ и рясами, а вѣнецъ кромѣ того съ поднизью. Эти принадлежности убора составляли обычный всенародный нарядъ кичный, носимый замужними женщинами при никахъ, съ тою разницею, что вмѣсто косника или накосника, у кихъ женщины носили *задохъ* бархатный или соболій, покрывавшій затылокъ, и называемый въ простомъ народѣ подзатыльнемъ.

Замужнія женщины собирали свои волосы въ *подвубрусникъ*, родъ повойника или легкой шапочки изъ червчатой тафты или другой подобной ткани, напр. изъ дороговъ гилянскихъ, тоже червчатого цвѣта. Покрой подвубрусника намъ неизвѣстенъ; неизвѣстно, была ли это шапочка круглая въ родѣ тафьи или скуфьи, облегающая голову по ея овалу; или она состояла изъ окола, вѣничка, къ которому пришивался круглый *верехъ*. Неизвѣстно также стягивалась ли она около головы снуркомъ или надѣвалась просто, какъ шапка. Впрочемъ по всему вѣроятію это былъ обыкновенный повойникъ. Прямое назначеніе подвубрусника заключалось въ томъ, чтобы подобрать и спрятать

него послѣдній волосокъ, для чего съ затылочной стороны шея употреблялся еще подзатыльникъ, небольшой платъ таковой же ткани, закрывавшій затылокъ. Въ описяхъ частнаго имущества въ концѣ XVII ст. (1688—1695 г.), эти предмѣты обозначаются такъ: шесть подзубрусниковъ тафтяныхъ, съ подзатыльниками; или: десять подзубрусниковъ на оба уха съ подзатыльниками. — Судя по этимъ указаніямъ, можно думать, что подзатыльникъ употреблялся и отдѣльно, какъ особый дополнительный уборъ, и сшивался вѣсть, какъ составная часть убора.

Подзубрусникъ своимъ именемъ показываетъ, что онъ служилъ только принадлежностью, подставною частью другаго убора, который назывался *убрусомъ*. Это было тонкое полотняное полотенце (полотнище), уменьшительно называемое *полкомъ*, *полка* *убрусная*. Оно украшалось или браньемъ, или шитьемъ *бѣлымъ*, или вышивалось шелками съ золотомъ и серебромъ и по концамъ и на челѣ низалось жемчугомъ¹. Убрусъ свертывался, повивался² на головѣ красивымъ узломъ, для чего безсомнѣнія требовалось не малое умѣнье и навыкъ. Концы его, *застѣжки* виспадали съ пояски на сторону. Составляя такимъ образомъ, наиболее видную часть въ уборѣ, они всегда богато украшались золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и даже мелкими дробницами, т. е. разнообразными бляшками. Убрusy приваивались на головѣ въ своихъ складкахъ серебряными или золотыми булавками съ жемчужинами, корольками или же дорогими камнями. На рис. I, изображена въ такомъ убрусномъ уборѣ царица Марья Ильична и придворныя женщины. Кромѣ полотна, на убрусy употреблялись и шелковыя легкія ткани, напр. тафта, и при томъ цвѣтныя, особенно любимаго цвѣта червчатаго. Въ казнѣ царицы Шуйской сохранились 7 убрусцовъ тафтяныхъ по концамъ низаны жемчугомъ. Въ казнѣ царевны Ирины Мих. находимъ „два убруса тафта червчата, *застѣжки* низаны жемчугомъ, межъ жемчугу дробницы серебряны золочены, по нихъ рѣзаны травы“. Флетчеръ называетъ этотъ уборъ общимъ именемъ *шлынъ* и обозначаетъ его русское названіе *obrosa* (убрусъ), которое Карамзинъ (X, пр. 465) полагалъ

¹ „Убрусецъ (образной) тафта червчата, по концамъ и на челѣ низано жемчугомъ мелкимъ и шито золотомъ“. А. О. П. № 153.

² И рече Ярославъ дружинѣ: знаменайтеся, *повивайте* себя убрусомъ голову (1016 года). П. С. Р. Д. III, стр. 1.

объяснить *наурусою*, *наурузомъ* Но это послѣднее имя обозначало мужской головной нарядъ въ родѣ колпака съ полицами. Убрусные покровы въ простомъ быту назывались также *слусками* (Времен. кн. 25, стр. 167). Рисунки такихъ спусковъ и убрусной повязки см. IV, 1 и 4; VI, 3.

Убрусу, какъ чепчику, который повязывался на головѣ изъ убрусной полки, соответствовалъ другой уборъ, въ собственномъ смыслѣ чепчикъ или готовая особая шапочка въ этомъ родѣ. Это былъ *волосникъ*—головная сѣтка, вязаная или плетеная изъ волоченаго или пряденаго золота, или изъ серебра или изъ золота и серебра вѣсть. Она по большей части *ошивалась*, украшалась по вѣнду или околу отласною или тафтяною *ошивкою*, разныхъ цвѣтовъ, но преимущественно червчатого, алаго или бѣлаго цвѣта, которая богато вышивалась золотомъ канителью, унизывалась жемчугомъ въ видѣ запанъ, украшалась дорогими камнями и золот. или серебр. дробницами, т. е. металлическими запонками. Само собою разумѣется, что передняя часть украшалась богаче и узорочнѣе остальныхъ, а потому и приобрѣтала даже особое названіе *очелья*, которое иногда дѣлалось съ *подзоромъ*, т. е. съ каймою, болѣе или менѣе широкою, въ родѣ дѣвичьей повязки. Такъ какъ *ошивка* въ этомъ уборѣ составляла самую видную и богатую часть, то нерѣдко весь уборъ назывался однимъ именемъ — *ошивкою*, при которой подразумевался и волосникъ; и наоборотъ, если ошивка была простая шелковая, или золотная, незатѣйливая, то уборъ удерживалъ только имя волосника. Впрочемъ въ описяхъ имущества для точности ошивка обозначалась отдѣльно отъ волосника, который нерѣдко назывался и просто *сѣткою*. По способамъ вязанья и вышиванья *въ-цѣпки*, цѣпочками или *въ-кружки*, кружками, и ошивка и волосникъ назывались цѣпковыми, кружковыми. Ошивка, сверхъ того, по большей части украшалась *наворозами*, особыми борами, сборками, въ видѣ каймы, которыя служили вѣсть съ тѣмъ связью для всего убора, ибо устраивались перекрестно на теменѣ сѣтки или волосника и окаймляли уборъ или самую ошивку по околу головы. Здѣсь наворозы служили и задержкою, снуркомъ, посредствомъ котораго уборъ стягивался по головѣ ¹.

¹ Паворозы тоже, что пѣворъ, поворцы—веревки, конми связывается на возахъ сѣно, дрова; а также переметны, плетеницы на стогахъ,

Такимъ образомъ волосниковый уборъ составлялъ легкую шапочку, которая въ народномъ быту называлась *зборникомъ*¹, а въ Петровское время стала называться *чепцомъ*, по той причинѣ, что для ея изготовленія употреблялся преимущественно одинъ наиболѣе красивый способъ шитья шелками и золотомъ, именно *аз-чълъки*, *чълъковидъ*, или по старому прозванію *чълковидъ*, въ родѣ тамбурной работы. Въ XVIII ст. старинная форма убора стала измѣняться, прииравливаясь къ потребностямъ европейскаго костюма; въ послѣдствіи она получила самую разнообразную видоизмѣненіи, подчинившись прихотямъ моды; но старое русское имя сохранилось до нашего времени. Въ началѣ XVII ст. эту шапочку, волосникъ съ ошивкою и съ паворозами, или чепецъ, носили сверхъ убруса, какъ это видно на рисункѣ IV, 2. Въ послѣдующее время ее надѣвали и подъ убрусъ, выставляя только переднюю часть ошивки. Такой порядокъ въ употребленіи этихъ уборовъ могъ зависѣть отъ ихъ относительнаго другъ къ другу богатства. Болѣе дорогой и роскошный убрусъ бралъ верхъ и надѣвался на ошивку, такъ какъ и болѣе богатая и роскошная ошивка въ свой чередъ покрывала простой незатѣяливый или менѣе богатый убрусъ.

Въ началѣ XVII ст. ошивка, или особый ея видъ, назывался *шамшурою*. Въ переписномъ продажномъ спискѣ рухляди Никиты Строганова 1620 г. упомянуты между прочими вещами: Шамшура шита золотомъ по бѣлой землѣ, *очелье* шито золотомъ и серебромъ. Шамшура плетеная съ метлеками, *очелье* шито золотомъ. Волосникъ, паворозы. Подъубрусникъ. *Очелье* волосниковое².

служащая связкою стога. Слово, какъ и ворворка, отъ тогоже корня вереть, врать, вратъ—плести, сплестать. У Даля: паворозъ, паворозень—вадѣрка у мѣшка, кошеля; вдѣвка, затыжка, завязка, обора, гачникъ (т. е. вообще снурокъ, концы стягиваются что либо на петляхъ или на сборкахъ; могло обозначать и собственно *оборку*).

¹ По объясненію Акад. Словаря, *зборникъ* головной женскій уборъ, въ простомъ народѣ употребляемый, состоящій изъ начельника и верхушки, спереди съ сборами, а сзади стягивается шнуркомъ⁴. Онъ прямо называется также *волосникомъ*. См. Шевырева повѣдку въ Кирилл. Бѣлоз. монастырь I, 132.

² Въ областномъ словарѣ шамшура—холстинный чепецъ, носимый замужними женщинами подъ кокошникомъ (Арх. Перм.); также (кокошникъ, повойникъ (Сибир.) Метлякъ—бабочка, мотылекъ (Перм.).

Въ описяхъ частнаго имущества встрѣчаемъ слѣдующія описанія ошивокъ: 1643 г. — ошивка низаная волосникъ золотной, цѣна 10 р.; ошивка шита волоченымъ золотомъ волосникъ золотной, цѣна 4 р. — 1666 г. — ошивка низаная сѣтка золотная, другая ошивка дѣпковая сѣтка серебряная. 1674 г. — два волосника золотные, у одного ошивка жемчужная низаная съ камнемъ и съ зерны, другая золотная. 1677 г. — волосникъ золотной ошивка жемчужная съ запоны и съ каменьи; два волосника золотныхъ ошивки у нихъ жемчужные низаны въ одно зерно; пять волосниковъ золотныхъ и серебряныхъ съ разными ошивками. 1689 г. — ошивка канительная по бѣлому отласу, сѣтка серебро съ золотомъ.

Подобно тому какъ дѣвичій вѣнецъ имѣлъ значеніе какъ бы короны дѣвичества, такъ и *кика* была короною замужнихъ женщинъ или короною замужества, вѣнцомъ брачной жизни. Поэтому на свадьбахъ вмѣстѣ съ подубрусникомъ, подзатыльникомъ, убрусомъ и волосникомъ она принадлежитъ къ числу брачныхъ женскихъ регалій и занимаетъ среди ихъ первое мѣсто.

Въ царицыномъ быту рядомъ съ кикою появляется и царственная регалія, *коруна*, обозначающая царственное достоинство царицыной личности; но кика, какъ завѣтная и нерушимая старина, сохраняетъ и здѣсь свое первенствующее значеніе, по крайней мѣрѣ при свадебномъ обрядѣ, и даже въ описяхъ казны ставится на свое, первое, мѣсто. О царицыныхъ корунахъ мы имѣемъ мало свѣдѣній и находимъ упоминаніе объ нихъ только въ описи казны царицы Агаеи Сем. Тамъ въ первой главѣ описаны слѣд. наряды: „Кика 1 наряду во влагалищѣ бархатномъ за хоромною печатью. Кика 2 наряду во влагалищѣ бархатномъ за хоромною печатью“. Во второй главѣ значится: „Двѣ коруны низаны жемчугомъ съ каменьи, 1 да 2 нарядовъ, во влагалищахъ бархатныхъ за хоромною печатью. Коруна низана жемчугомъ съ каменьи 3 наряда, во влагалищѣ сафьянномъ за печатью хоромною. Коруна дѣлана въ цвѣтахъ живые репши шолки розныхъ цвѣтовъ обнизаны жемчугомъ, во влагалищѣ сафьянномъ“ (А. О. П. № 148).

Коруна отъ кики отличалась своею формою, именно коронною, кривою, тульею изъ огибей или изъ цѣлой цки, собранной какъ скулья надъ обычнымъ вѣнцомъ.

Обыкновенная и древнѣйшая форма кики представляла тулью въ родѣ обыкновеннаго картуза, т. е. состояла изъ *подзора*, какъ бы пояса, вышиною въ 3 или 4 вершка, облегавшаго вокругъ голову, и изъ круга, плоскаго или устроеннаго по овалу, который помѣщался на верху, т. е. на темени. Ширина или діаметръ этого круга, собственно кичной верхушки, всегда дѣлалась вершка на 1½ и на 2 больше ширины въ вѣнцѣ или въ лобной части кики, такъ что кича къ верху постепенно расширялась, а въ самомъ верху, гдѣ вшивался кругъ, устраивалась нѣсколько разваломъ, рис. III, 7; VI, 2; VIII, 1.

Таковую форму кики встрѣчаемъ еще у античныхъ грековъ, по крайней мѣрѣ въ ихъ черноморскихъ поселеніяхъ, не только на рисункахъ, но и въ самыхъ предметахъ, открытыхъ въ 1864 г. на Таманскомъ полуостровѣ, о чемъ говорили выше, стр. 573.

Тулья кики и съ верхомъ сшивалась изъ какой либо простой ткани на александрійской картузаной бумагѣ и проклеивалась рыбьимъ клеємъ, а затѣмъ покрывалась атласомъ или другою подобною тканью яркаго, обыкновенно червчатаго цвѣта; иногда она покрывалась золотомъ или серебряною *фкою*, *дскою*, т. е. тонкимъ листомъ изъ этого металла. Эта именно цѣла металлическая или золотая и атласная составляла *подзоръ* кики, т. е. ея поясъ, кайму. Есть указаніе, что кичный подзоръ дѣлался изъ *перны* или ворвани, тюленьей кожи, крашеной вѣроятно въ бѣлый цвѣтъ для бѣлыхъ кикъ. Въ казнѣ царицы Евдокіи Лук. хранились: двѣ ворвани, одна дѣланая, а другая недѣланая, черные; и тѣ ворвани пошли въ дѣло къ царицынымъ кикамъ“. По всему подзору или собственно по тульѣ ставились золотыя или серебряныя вызолоченныя запоны, репы различной формы, съ дорогими цвѣтными камнями, алмазами, яхонтами лазоревыми и червчатыми, изумрудами, жадами, бирюзами или достоканами (хрусталами), тавихъ же цвѣтовъ. Межъ запонъ по мѣстамъ ставились тоже камни отдѣльно въ металлическихъ гнѣздахъ, и вообще весь подзоръ убирался подобными драгоценностями въ видѣ какого либо роскошнаго узора.

Передняя налобная часть кичнаго подзора, разѹмѣется, убиралась съ большимъ богатствомъ и особою затѣйливостью относительно узора. Она нерѣдко устраивалась отдѣльно отъ кики и прикрѣплялась къ ней смотря по надобности. Какъ отдѣльная часть, она получила и особое названіе; въ старину ее называли *челомъ кичнымъ*, а въ концѣ XVII ст. *переденкою*. Въ

назвѣ В. К. Дмитрія Ив. († 1509) хранилось „чело личное золото съ яхонты и съ жемчуги и съ жемчужинами и съ плохимъ каменьемъ.

Конечно, во всемъ женскомъ нарядѣ и уборѣ кива сама по себѣ представляла подзоръ или такую часть, которая бросалась въ глаза, наиболѣе была видима; подзорный значитъ видный, также верхній, возвышенный, находящійся на видномъ мѣстѣ.

Кромѣ дорогихъ камней подзоръ особенно напередѣ убирался обыкновенно *пеллепками* или *переперками*, *переперами* и *живыми рещями*, т. е. металлическими, б. ч. серебряными. Булавками въ родѣ перышекъ, и другихъ подобныхъ фигуръ, которыя отъ движенія головы качались, дрожали и тѣмъ производили еще больше блеску во всемъ уборѣ. Подобнымъ образомъ были убраны кики къ свадьбѣ царицы Евдокии Лук. въ 1626 г. Тогда стараго государева двора серебряный мастеръ Давыдъ Омельяновъ дѣлалъ серебр. *ичу* къ царицыной кикѣ, *спни* къ гурмыцкимъ зернамъ, золотые *мльзда* къ каменьямъ, и на живые рещи 12 чашекъ золотыхъ, да 12 трубокъ; а въ мастерской полатѣ употреблено 4 золотника волоченаго серебра къ царицынымъ *кикамъ упляать пеллепки*. Уборка кикъ переперами идетъ изъ древности. Въ назвѣ в. в. Дмитрія Ив. († 1509) хранились „три переперы личныя серебряныя золочены съ яхонты и съ плохимъ каменьемъ; и 11 запонокъ съ переперы съ яхонты и съ лалы и съ жемчугомъ и съ плохимъ каменьемъ (С. Г. Г. I, № 147).

Внизу подзора или тульи, со стороны лобной части, привѣрщлялась *поднизь*, особая золотная вязанная сѣтка, низаная жемчугомъ со вставною по мѣстамъ жемчужныхъ же рещевъ съ каменьями или просто большихъ гурмыцкихъ жемчужинъ. Поднизь окаймлялась также гурмыцкими зернами. Въ нижней ея части, ниспадавшей по лбу, ставились въ привѣскѣ на спняхъ всегда самыя лучшія зерна, т. е. самыя крупныя и особенно круглыя или же отличавшіяся своею фигурою, *уродоватыя*. Кромѣ того нижняя кайма поднизи украшалась кайми либо томе жемчужными или металлическими фигурами, въ родѣ рещевъ, коронокъ, звѣздокъ и т. п., которыя при движеніи головы тряслись и блистали, какъ объ этомъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ и Таннеръ, видѣвшій, при своемъ вѣздѣ въ Москву между множествомъ народа и многихъ женщинъ, безъ милосердія набѣленныхъ и нарумяненныхъ: у нихъ у кикъ свѣшивались на лобъ серебряныя звѣздочки, которыя тряслись

Подзоръ надъ самую поднизью убирался также особою каймою либо фигуръ. На одной изъ кикъ царицы . такая кайма состояла изъ пяти птицъ, снѣзан- изъ смугла и утвержденныхъ на золотыхъ спняхъ (бу- х , шъ что онѣ вѣроятно выдавались изъ убора иѣ- | в едъ.

Части кики, въ нижней каймѣ подзора, прикрѣплялся лѣй платъ изъ чернаго бархата или изъ соболя. на | шлся одинъ цѣлый мѣхъ соболя, которымъ опредѣ- я лична этого плата.

Накомъ видѣ кроился этотъ задойъ, сказать утвердитель- не можемъ. Должно полагать, что платъ, дабы онъ способ- и малъ около шеп, долженъ былъ дѣлиться на лепести, в. емъ концъ онъ разрѣзался, вѣроятно, на 3 закру- ы доли, которыя и составляли лепести, одну въ срединѣ подхватили, а двѣ по сторонамъ. Бархатные и соболя и подмладывались обыкновенно такою. О такихъ таетя- ч лепестяхъ упоминается при изготовленіи бѣлыхъ кикъ ы Марьи Ил.; рисунокъ ихъ, вѣроятно, былъ подобенъ стимъ каптура, см. рис. II, 16.

Щына уборная казна не была однако слишкомъ богата киками. У царицы Евдокии Лук. было всего пять кикъ, изъ числа которыхъ одну перваго наряда царь Михаилъ подарилъ своей двухлѣтней дочери царевнѣ Иринѣ въ 1629 г. іюля 3 (по другому свидѣтельству ноября 3). Эта кика описана слѣд. образомъ: кика отласъ червчатъ на ней запоны золоты съ ка- меньемъ съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды; у поднизи зерна гурмыцкіе на золотыхъ спняхъ; назади бархатъ черной. Осталь- ныя: *Кика* отласъ червчатъ, на ней цка золота, по цкѣ въ репьяхъ камень въ гнѣздѣхъ яхонты лазоревы и черпчаты и изумруды, въ поднизи зерна гурмыцкіе на спняхъ, назади бархатъ черной. *Кика* отласъ червчатъ запоны золоты съ каменьемъ съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды, межъ запоны въ гнѣздѣхъ яхонты лазоревы червчаты и лалы. Въ поднизи репья низаны (жемчу- гомъ) съ каменья; по краемъ у поднизи зерна гурмыцкіе; а по кикѣ на спняхъ золотыхъ птицы (5 птицъ) низаны жемчугомъ; назади бархатъ черной. *Кика* бѣлая, у ней запоны золоты съ каменьемъ съ яхонты и съ лалы и съ изумруды и съ бирю- зами; назади соболя. *Кика* бѣлаяжъ, у ней цка серебрена зо- лочена; назади соболя.

У царицы Марьи Ил. находимъ 4 кики, тѣже самыя, которыя съ добавленіемъ одной перешли и къ царицѣ Натальѣ Кир. Вновь поступившая кика принадлежала царевнѣ Иринѣ Мих. и кажется была только богаче украшена и быть можетъ передѣлана изъ указанной выше, подаренной ей отцомъ. Она описывается такъ: кика — отгась червчатъ, на ней запоны золоты съ алмазы и съ яхонты червчатыми и съ лазоревыми и съ изумруды; въ одной запои орелъ одноглавой, въ немъ яхонтъ лазоревъ; въ поднизии ца золотая, по ней низано жемчугомъ живые репы съ каменьи; въ поднизии зерна гурмыцкіе на золотыхъ спняхъ; позади бархатъ черный (Бывала царевны Ирины Мих. и поставлена та кика еѣ государыни царевны въ казну, 1676 г.).

У царицы Агафьи Сем. было двѣ кивы, одна 1-го наряда, другая 2 наряда, которыя хранились въ бархатныхъ влагаллицахъ за хоромною печатью, а потому подробно и не описаны.

Переходя по наслѣдству отъ одной царицы къ другой, кивы, разумѣется, возобновлялись и переправлялись, особенно въ тѣхъ частяхъ, напр. задкахъ, которыя могли быть занашиваемы.

У кикъ былъ еще уборъ, составлявшій необходимую ихъ принадлежность, это были *рясы*, длинныя пряди изъ жемчугу въ перемежку съ дорогими камнями и съ золотыми пронизками (бусами различной формы и работы). Пряди бывали двойныя, тройныя, четверныя и т. д., отчего и рясы назывались *тройными*, *четверными* и т. п. Пряди утверждались въ верхней частн въ золотыя же колодки или лапки съ кольцами, посредствомъ которыхъ рясы привѣшивались къ кикѣ по сторонамъ, надъ висками, и слѣд. ниспадали выпѣзъ къ плечамъ, или на грудь. Иногда промежъ жемчугу помѣщались, вмѣсто пронизокъ-бусъ, тоже колодки или лапки съ дорогими камнями, также орлики и другія фигурки изъ золота ¹. У царицы Евдо-

¹ Нѣтъ сомнѣнія, что слово *рясы* одного значенія съ *рясами*, рѣсницами, т. е. въ отношеніи какого либо убора, украшенія оно обозначало вообще что либо сходное съ бахрамою, прядями, кистями, мохрами, также сборками, зубчиками и т. п. Южная пѣсня, обращаясь къ дубу, говорить: листья твои *рясы*; рясою въ Тульской губ. называются съмена березы; ряски — изодранное платье, отрпье, лохмотье, мохры; онъ весь въ *ряскахъ*, ряса на *ряскѣ*, говорятъ въ Вологодской губ. Отсюда понятенъ и старинный способъ низанья жемчугомъ въ *ряскую*, *рясою*, *ряскою*, въ отличіе отъ низанья въ одно зерно. Въ старинныхъ кичныхъ уборахъ *рясами*, какъ мы видѣли, назывались длинныя жемчужныя пряди, по всему вѣроятію въ единичномъ смыслѣ *рясы*, какъ только

кии Лук. въ 1626—1627 гг. было четверо ичныхъ рясъ: *Расы* жемчужные, а въ нихъ промешъ жемчюгу и по концамъ 16 яхонтовъ лазоревыхъ да 8 лаловъ, да промешъ жемчюгушъ и каменя 16 провинокъ золоты репейчаты прорѣзаны съ финиеты съ розными; по сторонамъ у провинокъ въ гнѣздѣхъ искорки яхонтовые да изумрудные. У рясъ колодки и колца золоты съ финиеты съ розными, около колодокъ веревочки низаны жемчюгомъ, у колодокъ въ гнѣздѣхъ 4 алмаза да 4 яхонта червчатыхъ гранены да два изумруда. *Расы* жемчужные, а въ нихъ промешъ жемчюгу и по концомъ 24 яхонты лазоревыхъ да 8 провинокъ золоты съ чернью; по сторонамъ у провинокъ въ гнѣздѣхъ искорки яхонтовые да изумрудные; у рясъ колодки и колца золоты съ чернью, въ колодкахъ четыре алмазы гранены да четыре яхонты червчатыхъ да 2 изумруда, да у колодокъ же 24 зерна невелики на спинахъ золотыхъ (Отиѣтва: 143 г. авг. 14, съ рясъ царица пожаловала дщери своей царевнѣ Иривѣ М.). — *Расы* жемчужные, промешъ рясъ и по концомъ 18 колодокъ золоты съ чернью, у колодокъ по сторонамъ искорки яхонтовые да изумрудные; у рясъ колодки золоты съ чернью на три грани, въ колодкахъ 8 яхонтиковъ червчатыхъ да 2 искорки яхонтовыхъ лазоревыхъ да два изумруда; поверхъ колодокъ 2 провиски съ колцы золоты, въ провискахъ искорочки яхонтовые да изумрудные. (И 136 г. ноября въ 8 д. съ рясъ государыни царица и в. к. Евд. Лук. приложила къ чудотворному образу къ Знаменію Пречистыя Богородицы, что у государева Старова двора). *Расы* жемчужные, а въ нихъ промешъ жемчюгу и по концомъ орлики золоты, въ орликахъ искорки лаловые да бирюзки. (И 135 г. апрѣля въ 23 д. съ рясъ государыни царица и в. к. Евд. Лук. приложила къ чудотворному образу Пречистыя Богородицы Владимирскіе, что стоитъ въ соборной церкви Рожества Преч. Богородицы на снѣгъхъ).

снизанной пряди, нити. Въ областномъ же быту значеніе этого слова распространено: *Раски* значитъ 1) жемчугъ или бусы, вынизанные на шелку и поставленные *сборами*. 2) Привѣска жемчужная, пришиваемая къ кокошнику у женщинъ и къ вѣнцу у дѣвицъ для украшенія лба (Твер.), или жемчужная рѣшетка, сѣтка, пришиваемая къ передней части кокошника или вѣнца (Псков.), что въ другихъ мѣстахъ и въ допетровскомъ уборѣ, какъ видѣли, называется поднизью. Наконецъ рясами зовутся жемчужныя серги и жемчужныя ихъ подвѣски (Арх. Волог., — Области. Словарь и Даля — Толковый Словарь).

Въ лѣтнее время при выѣздахъ въ богомольные и другіе походы царицы надѣвали *шляпы* бѣлыя поярковыя съ круглою тульею и съ полями вершка въ 2 и болѣе ширины, рис. IV, VI. Иностранцы находили эти шляпы сходными съ клобуками ихъ епископовъ. Дѣйствительно шляпы были мужскаго образца. Наружная ихъ сторона покрывалась обыкновенно левкасомъ изъ бѣнлаъ (въ обычныхъ случаяхъ изъ мѣлу) и рыбаго клеа, что придавало убору глянцовитый, лоснящійся видъ и сохраняло отъ дождя. Ихъ поля, называемыя *полками* съ исподи подбивались гладкимъ или золотнымъ атласомъ червчатого цвѣта, а по краямъ обшивались тафтиннымъ торочкомъ; внутри, въ тульѣ, шляпы подкладывались гладкимъ такимъ же атласомъ, если полки были золотныя, или тафтою, червчатою, зеленою и другихъ цвѣтовъ. Кромя того шляпа всегда украшалась *снуромъ*, атласною или тафтяною лентою, вышитою золотомъ, низанною жемчугомъ, убранною запанами съ дорогими каменьями. Эта лента огибала шляпу по вѣнцу тульи и черезъ полку двумя концами ниспадала къ плечамъ, съ боку, или по заду къ спинѣ. На концахъ сверхъ того висѣли низаные же *фуники* или *спичы* и кисти. Въ XVI ст. шляпы царицъ убирались съ особымъ богатствомъ. Въ 1585 г. мая 21, царицѣ Иринѣ Федоровнѣ была дѣлана шляпа большого наряду тремя золотошвеями мужчинами, Мартыномъ Петровымъ, Юрьемъ Андреевымъ и Богданомъ Григорьевымъ, которые за то получили въ награду по сукну въ 2 р. и деньгами по 2 р.¹ Довольно значительная награда показываетъ, что шляпа была устроена съ большимъ искусствомъ. Въ казнѣ царицы Шуйской хранились „шестеры снуры съ кистями шиты золотомъ и серебромъ съ шолки; 4 снуры шиты по бѣлой тафтѣ розными шолки, на концѣхъ кисти шолкѣ червчатѣ. Снуръ шляпочной дѣланъ картуanelю и трунцалы съ жемчуги, подложенъ тафтою зеленою“, 4 кружива снурныхъ, 2 низаны жемчугомъ, а 2 шиты золотомъ и серебромъ. 2 *фуника* отъ снуръ низаны жемчугомъ.

Въ числѣ уборовъ царицы Евдокин Лук. находилось всего только семь шляпъ: „*шляпа* валеная бѣла, у ней полки по отласу по червчатому низано жемчугомъ съ канителью, а въ ней подложено отласомъ же червчатымъ; вторая — полки подложены атласъ съ серебромъ; третья — полки — атласъ золотной,

¹ Доп. А. И. I, № 131.

четвертая подложена атласомъ золотнымъ по червчатой землѣ травы и опахала. (Въ 1631 г. мая 16 эту шляпу царца пожаловала своей сестрѣ Феодосѣ Луи. Матюшиной). Пятая — полки по отласу по червчатому дѣлану трундаломъ травы⁴; и еще двѣ шляпы подпушены полки отласомъ золотнымъ по червчатой землѣ, по одному отласѣ травки велики, а по другому травы мелковаты съ полки съ розными. Всѣ шляпы въ тульяхъ имѣли атласную червчатую подкладку. Къ нимъ принадлежали три шнура шляпочные: *Снуръ* по отласу по червчатому низанъ жемчугомъ большимъ съ канителью, въ немъ запоны золоты съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды, промежъ запонъ и сверху и съ исподи въ гнѣздѣхъ камень яхонты и лалы и изумруды. Другой такой же, съ тѣмъ только отличіемъ, что въ числѣ камней находились бирювы и не было лаловъ. Третій *снуръ* — по цѣвъ серебряной золоченой низанъ жемчугомъ, въ немъ 4 запоны золоты съ финноты и съ каменьи съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды, межъ запанъ три изумруда.

У царицы Марьи Ильичны находимъ въ первое время шесть шляпъ и три шнура, а по ея кончинѣ оставалось 4 шляпы и 2 шнура, которые перешли въ казну царицы Натальи Кпр.

Но всѣ эти шляпы и шнуры были устроены еще царицею Евдокѣею и вѣроятно при надобности только подновлялись или передѣлывались по мѣрѣ. Въ общей описи казны царицъ Марьи и Натальи, 1676 г., о шнурѣ перваго наряду, принадлежавшемъ и царицѣ Евдокѣѣ (см. выше) находится слѣдующая отмѣтка: 184 г. февр. 20 изъ сего шнура запона предняя вынета и *спицы* и кисти отняты, и нашиты на шнуръ большого наряду, что дѣланъ въ нынѣшнемъ во 184 г. къ троецкому походу. И 185 г. окт. 15 спицы низаны съ кистми золотными выданы изъ хормъ, а на кистяхъ жемчугу нѣтъ.

Наиболѣе обыкновеннымъ головнымъ нарядомъ особенно въ осеннее и зимнее время были *шапки*, а исключительно зимою, треухи и каптуры. *Шапка* состояла изъ *верха*, т. е. тульи и *пуха* или опушки, мѣховаго окола. Шапки, носимыя женщинами, отличались отчасти формою, а больше украшеніями верха отъ мужскихъ и потому назывались *женскими*. *Верхъ* или *вершокъ* шивался изъ шелковой, а чаще изъ золотной ткани или кругло (сферически) или конусообразно или дѣлался столбуномъ (цилиндромъ).

Въ мужскихъ шапкахъ круглый верхъ б. ч. дѣлался вдвое выше, чѣмъ у женскихъ, и притомъ конусообразно; между тѣмъ какъ женскій образецъ придерживался правильной полусферы. Другое отличіе женскихъ шапокъ отъ мужскихъ заключалось въ кройкѣ окола. Дѣвичьи шапки въ этомъ отношеніи мало отличались; но шапки замужнихъ женщинъ, кроились нѣсколько иначе, именно околы, или собственно пухъ, начиная съ боковъ опускался вершка на 2 на затылокъ съ тою цѣлью, чтобы и этимъ нарядомъ скрыть отъ людскихъ глазъ свои волосы. Спереди въ налобной части точно также оставался небольшой *мысокъ* вѣроятно съ цѣлью придать наряду большую красоту а лицу выразительность. Оттого у женскихъ шапокъ околы носилъ исключительное названіе *пуха*, ибо кроился не ровно, а смотря по фигурѣ выема, см. рис. V, 2 и др.

Вершокъ женскихъ шапокъ перваго наряда всегда украшался съ большимъ богатствомъ и съ большою затѣйливостью золотымъ шитьемъ, жемчужнымъ саженемъ съ камнями, переперами, запонами и тому подобными прикрасами. Естественно, что такія украшенія трудно было ставить на мягкой тульѣ, и потому было необходимо устроить ее подклеиную, какъ у шляпъ; *шапочные подклейки* дѣлались изъ александрійской (картузной) бумаги и заячины, или изъ клееной легкой ткани; для простыхъ шапокъ на это употреблялась клейная крашенная. Въ кроенье на вершокъ шапки выходило атласу подъ золотное шитье 5 вер., шириною около аршина, слѣд. тульѣ верха вышиною бывала не менѣе 4 вершковъ. *Пухъ* или опушка, околы, кроился изъ боброваго чернаго мѣха, на что выходило два бобра.

Для большей красоты между блестящемъ золотомъ или серебромъ, жемчугомъ и камнями тульею и ея брововымъ околomъ помѣщали почти всегда особую кайму изъ золотнаго *плетенька* или *полска*, который пришивался поверхъ пуха или окола, и изъ бобровой же *накладки*, или *накладнаго пуха*, узенькой мѣховой ленточки, которая отдѣляла плетенекъ отъ узоровъ и украшеній богатой тульи. Такое раздѣленіе мѣха отъ тульи золотно-мѣховою каемкою въ дѣйствительности придавало наряду не мало красоты и узорочности. На накладку выходило мѣху 2 звена, т. е. двѣ части или половина цѣлаго боброваго мѣха. Иногда вмѣстѣ съ этою каймою или взаменъ накладнаго пуха употреблялось золотное плетеное или кованое кружево. Мы го-

ворили, что въ шапкахъ перваго наряда тулья всегда украшалась богато и затѣйливо. Кромѣ золотого шитья съ канителью тундаломъ, бганью и т. п., и жемчужнаго низанья съ камнями, живыми репьями, переперами и пр. въ видѣ разнообразныхъ травъ и узоровъ, эти тульи очень часто украшались и низанными изъ жемчуга или шитыми золотомъ изображеніями различныхъ животныхъ, особенно птицъ. Бывали низаны орлы двояглавыя и даже осмиглавыя, нирогы (единороги), павы, птички, звѣрки.

Внутри тулья подкладывалась у холодныхъ шапокъ атласомъ червчатымъ, а у теплыхъ легкимъ мѣхомъ, обыкновенно черевыми бѣльями.

Для сохранности шапокъ съ богатыми уборами полагались на нихъ тафтяныя *челмы* и хранились онѣ въ Мастерской Палатѣ на шапочныхъ *столбунцахъ* или болванахъ.

Мы замѣтили, что шапки, носимыя дѣвцами походили на мужскія. Онѣ дѣлались съ *околоми* въ собственномъ значеніи, т. е. ихъ мѣховая опушка оглябала голову вѣнкомъ и не опускалась на затылокъ, какъ пухъ у женскихъ шапокъ. При томъ и околы ихъ бывали обыкновенно соболей, особенно у шапокъ нарядныхъ; околъ изъ боброваго пуха ставился на шапкахъ повседневныхъ, побѣднѣе. Кромѣ того, какъ дѣвчьи такъ и женскія шапки не имѣли, подобно мужскимъ *прорывъ*, передней и задней. Шапки царевны Ирины описываются слѣдующимъ образомъ: Шапка околъ соболей, тулея отласъ золотной по червчатой землѣ, по отласу низано жемчугомъ, межъ жемчугу репья золоты съ финифты съ разными, да репьяжъ канительные съ жемчуги, межъ репьевъ вшита запона золота, а въ ней 24 яхонтъ, червчаты. Шапка — околъ соболей, тулея отласъ серебрянъ по алой землѣ. Шапка — околъ соболей тулея отласъ золотной по зеленой землѣ. Шапка отласъ алъ съ пухомъ круживо золотное кованое. (И тоѣ шапку пожаловала государыня нѣмкѣ Дункѣ). Шапка шита по бѣлому отласу цѣпи золоты, звески (звѣздки) съ шелки съ розными, поверхъ пуху плетенежъ золотной; — и пр.

Кромѣ этого образца дѣвицы въ зимнее время носили шапки лисьи черныя, *горлатныя* и *черезыи*. Такъ исключительно назывались высокія прямыя шапки, у которыхъ вся тулья, выш. отъ 6 до 8 вершковъ, была мѣховая. Въ вершинѣ такія шапки дѣлались нѣсколько шире, чѣмъ въ вѣнцѣ. Въ нихъ обыкно-

венно являлись бояре при посольскихъ приѣмахъ, отчего овѣ и носятъ названіе шапокъ боярскихъ. На устройство ихъ тулья, на подлейку употреблялась ирка (выдѣланная кожа) и ролдуга или ролдуга—замша. См. рис. IV, 7; VI, 2; VII, 2, 4.

Черевья или горлатная шапка была необходима для новобрачной, ибо по свадебному чину, новобрачная должна была въ ней выходить въ хоромы на другой день свадьбы, когда ее торжественно подымали съ постели сваха и боярыни; поэтому мы находимъ такія лисья шапки и у царицъ въ казні¹.

¹ У царицы Евдокии Лук. описаны шапки: Шапка лисья горлатная. (135 г. марта 22, государь—взялъ сеѣ шапку и отдалъ въ свою г-ву Мастерскую Полату.) Шапка лисья черевья. (137 г. іюня 14, царица была въ своей государственной казнѣ и та шапка отнесена за нею государынею ко государю въ хоромы).

Шапка по отласу по червчатому низана жемчугомъ съ канителью, на ней 17 яхонтовъ лазоревыхъ, подъ низаньемъ поверхъ пуху плетенекъ золотной съ пухомъ. (И съ той шапки выпоротъ камень и взять къ царицѣ въ хоромы. 147 г. мая 25, сеѣ шапку царица пожаловала сыну своему царевичу Алексію Михайловичу.) Двѣ шапки по отласу червчатому низаны жемчугомъ съ канителью и съ трунцаломъ и съ перепелами. У шапокъ плетенки золотныя съ пухи; и изъ тѣхъ шапокъ одну шапку пожаловала царица — Ивановѣ жень Матюшкина Федосѣѣ. *Шапка* участокъ двойной по серебряной землѣ листья золоты круживо низано жемчугомъ съ пухомъ, подложена отласомъ червчатымъ. (145 г. авг. 20, тоѣ шапку царица пожаловала Семеновѣ жень Лукьяновича Стрешнева Марѣ Алексѣевнѣ.) *Шапка* участокъ по серебряной землѣ травы золоты въ цвѣтахъ шолкъ червчатъ да зеленъ, съ пухомъ. И тоѣ шапку царица пожаловала матери своей Аннѣ Костентиновнѣ. *Шапка* отласъ по зеленой землѣ травы и листья и репы золоты, въ травахъ и въ репяхъ шолкъ червчатъ да бѣлъ да зеленъ; поверхъ пуху поясокъ золотной плетеной съ пухомъ. (140 г. окт. 18, сеѣ шапку царица пожаловала матери своей Аннѣ Костентиновнѣ.) *Шапка* по червчатому отласу шита золотомъ да серебромъ волоченимъ травы и репы, подъ шитьемъ поясокъ золотной съ пухомъ, подложена отласомъ червчатымъ. (И тоѣ шапку царица пожаловала боярина кн. Ив. Борис. Черкаскаго княинѣ Овдотѣ Васильевнѣ.) *Шапка* отласъ червчатъ, круживо низано съ городами и съ переперы, въ круживѣ 9 яхонтовъ червчатыхъ да 9 изумрудовъ въ гнѣздѣхъ, пониже кружива плетенекъ золотной съ пухомъ. *Шапка* отласъ бѣлъ круживо низано по цѣкъ съ городами и съ перепелами въ круживѣ 10 яхонтовъ червчатыхъ да 8 изумрудовъ въ гнѣздѣхъ, пониже кружива плетенекъ золотной съ пухомъ.

Шапка дѣлана по цѣкъ серебряной золоченой репы живые низаны жемчугомъ съ перепелами, въ репяхъ камень розныя яхонты червчаты и лапы и изумруды; круживо у шапки низано жемчугомъ большамъ,

Столбулками назывались шапки цилиндрической формы съ прямою тульею, которая бывала или вся мѣховая, обыкновенно соболя, или изъ шелковыхъ и золотныхъ тканей, изъ атласа бархата, обьяря зорбава и т. п., съ пластинчатою соболюю опушкою. Вершокъ или *круш* въ обоихъ случаяхъ кроился также изъ шелковыхъ и золотныхъ тканей, и украшался иногда жем-

мень кружкомъ репей живьемъ низаны жемчугомъ, въ репьяхъ камень алмазы и яхонты червчаты и лалы и изумруды; да по шапкѣжъ межъ репьевъ и перепеловъ по цѣи низано жемчугомъ же, да вверху у шапки межъ репьевъ запона золота съ алмазы, подложена шапка отласомъ червчатимъ, у шапкѣжъ плетенекъ золотной съ пухомъ. (И 144 г. августа 14, изъ сей шапки въ хоромехъ выпоротъ репей съ яхонтомъ червчатимъ и съ жемчугомъ, а по сказкѣ казначей Анны Хитрые положенъ тотъ камень и съ жемчугомъ во соборной церкви на вѣнецъ къ образу Успенія Пречистыя Богородицы.) *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчугомъ орлы двоголавые да травы съ канителью да съ нацвѣты; поверхъ орловъ запаны золоты, а въ нихъ по 3 лалы да по 3 яхонтики лазоревы да по изумрудцу да въ золотыхъ гнѣздѣхъ 4 яхонты червчаты да 16 лалы да 18 изумрудовъ большихъ и малыхъ; поверхъ пуху поясокъ золотной. (144 г. авг. 14 изъ той шапки выпоротъ камень, а по сказкѣ Анны Хитрые положенъ тотъ камень на вѣнецъ въ соборъ Успенія Преч. Бды). *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчугомъ съ репей, межъ репьевъ бирюски въ золотыхъ гнѣздѣхъ, подъ низаньемъ поверхъ пуху плетенекъ золотной. (142 г. сей шапку царица пожаловала Ивановѣ женѣ Матюшкина.) *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчугомъ съ канителью и съ трунцаломъ и со бганию травы, межъ травъ вироги и птички, межъ вироговъ и птичекъ нацвѣты, поверхъ пуху плетенекъ золотной. И та шапка отдана царевнѣ Иринѣ М., а послѣ того та шапка отдана Аннѣ Костянтиновнѣ.

Шапка по отласу по червчатому низана жемчугомъ орлы да вироги съ канителью золоченою; межъ травъ искорки лаловые и изумрудные, поверхъ пуху плетенекъ золотной. *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчугомъ съ канителью и съ трунцаломъ и со бганию травы межъ травъ зерна жемчужные. *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчугомъ на проволоки травы съ зерны жемчужными, межъ травъ запанки золоты сѣчаты съ финиеты съ розными. *Шапка* по цѣи по серебряной золоченой травы низаны жемчугомъ поверхъ пуху плетенекъ золотной кружкомъ низано жемчугомъ. *Шапка* по цѣи серебряной золоченой травы низаны жемчугомъ, межъ травъ розцвѣчивано шолкъ червчатъ съ золотомъ. *Шапка* по лазорекому отласу низана жемчугомъ травы, въ травахъ павы съ канителью цвѣтною. (152 г. дек. 29 верхъ споротъ, а на пухъ нашить новой верхъ по отласу по червчатому шить золотомъ волооченымъ. И тогожъ числа къ царицѣ въ хоромы сей шапку приняла постельница Прасковья Скорятина, а сказала, что тоѣ шапку государыня пожаловала княгинѣ Аннѣ Ромадановской.) *Шапка*

чужнымъ низаньемъ съ заповани и каменьями. Судя по кройгѣ такихъ столбунцовъ маленькииъ царевнаиъ, тулья ихъ была не слишкомъ высока. Въ 1632 г. нятилѣтней царевнѣ Иринѣ „скроена шапочка столбунцовъ соболья, вышина 2½ вер., ширина 3½ вер., т. е. кругомъ 10½ вер.; на верху кругъ камка серебряна по алой землѣ 3½ вершка. Въ 1651 г. царевнѣ Ев-

по червчатому отласу орлы двоуглавые да птички низаны жемчугомъ и дѣлана канителью золоченою и цвѣтною, около орловъ чепочки дѣланы канителью, по отласу звѣздки золочены (150 г. еевр. 24, тоѣ шапку царица пожаловала матери своей Аннѣ Костянтиновнѣ.) *Шапка* по отласу по червчатому травы низаны жемчугомъ съ канителью и съ трунцаломъ, въ травахъ розцвѣчивано канителью цвѣтною, межъ травъ по отласу звѣздки. (И изъ подъ того верха пухъ выпоротъ. 150 г. еевр. 24, тоѣ верхъ царица пожаловала крестяницѣ своей дѣвкѣ нѣмкѣ Овдотѣ Капитановѣ ¹. *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчугомъ съ канителью цвѣтною кружки, въ кружкахъ орлики и звѣрки, межъ кружковъ птички. *Шапка* отласъ золотной по зеленой землѣ, круживо низано жемчугомъ, поверхъ пуху плетенекъ золотной. Верхъ пожаловала государыня матери своей Аннѣ Костянтиновнѣ. *Шапка* отласъ червчатъ, круживо низано по цѣлѣ съ городами и съ перепелы. *Дѣл шапки* отласъ золотной по лазоревой землѣ въ цвѣтахъ шолкъ алъ да зеленъ да бѣлъ, у шапокъ поверхъ пуху плетенки золотные. (147 г. мая 20, царица одну шапку пожаловала матери своей Аннѣ Костянтиновнѣ; 148 г. августа 18, другую шапку пожаловала Околыничеву Васильевѣ женѣ Ивановича Стрешнева). *Шапка* отласъ золотной по червчатой землѣ межъ травъ репейки шолкъ бѣлъ, поверхъ пуху плетенекъ золотной. (148 авг. 18, сеѣ шапку царица пожаловала княжнѣ Марьѣ Кованской). *Шапка* по отласу по бѣлому шита золотомъ да се-себромъ въ нацвѣтахъ шолкъ червчатъ да лазоревъ, у шапки поверхъ пуху поясокъ золотной. (И та шапка въ отдачѣ царевнѣ Иринѣ М.). *Шапка* по отласу по червчатому шита золотомъ да серебромъ съ нацвѣты, межъ травъ звѣздки золоты, поверхъ пуху плетенекъ золотной. (148 августа 18 сеѣ шапку царица пожаловала Семеновѣ женѣ Лукьяновича Стрешнева). *Шапка* по отласу по червчатому розвода и травки шиты золотомъ волоченимъ, около розводы въ обводѣ шито серебромъ волоченимъ, поверхъ пуху плетенекъ (въ отдачѣ царевнѣ Иринѣ М.). *Шапка* отласъ алъ гладкой, круживо кованое серебряное широкое, поверхъ пуху плетенекъ золотной (въ мовныхъ). 154 сент. 28 сеѣ шапку государь пожаловалъ казначей Варварѣ Униовской. Дѣл шапки отласъ червчатъ гладкой на соболяхъ. *Шапка* отласъ по серебряной землѣ травы

¹ Въ другой описи при этомъ находится слѣдующая отиѣтка: 153 г. авг. 30 тоѣ вершокъ въ Овдотѣ Капитановѣ отнесъ подычій Ивашка Взяиковъ. Стало быть назначенный подарокъ отданъ черезъ три съ половиною года и то, вѣроятно, по случаю смерти царицы Евдокии, 18 авг., а до того времени онъ лежалъ въ казѣ царевнѣ Иринѣ.

докія Аг. (около 2 лѣтъ) къ празднику Рождества Христова былъ сироевъ „*столбунецъ* соболей, въ вроење пошло пара соболей въ 35 р. да соболю въ 12 р. съ полтиною; да на тулейву (внутрь) пошло полсема пупка соболевхъ. Нашитъ *верха* по бархату турецкому золотному (пошло вершокъ съ четью во всю ширину тлани) низанъ жемчугомъ; да въ томъ же *кружечкѣ* вшито 8 запоновъ золоты, промежъ запоновъ вшивано по 4 жемчюжины, да среди кружка вшито запова золота въ ней 21 яхонтъ червчатъ.

Холодные столбунцы подкладывались отласомъ и тафтою, а теплые легини мѣхомъ. Въ царыцыномъ быту столбунцы употреблялись рѣдко; ихъ находимъ только у царицы Марьи Ильичны одной: столбунецъ—кругъ алтабасъ золотной розвода серебрена; тулея пупки, овокъ пластины соболя; и у ц. Агаѣи Сем. три, въ томъ числѣ: столбунецъ обьяръ серебряна по ней травы золоты съ шолки, подкладна отласъ жаркой цвѣтъ; опушка пластины соболя. Столбунецъ—зарбаеъ серебрянъ, по немъ травки золоты съ шолки; подкладна отласъ бѣлъ; безъ опушки“.

Въ числѣ болѣе употребительныхъ зимнихъ головныхъ нарядовъ, преимущественно у замужнихъ женщинъ и особенно у вдовъ, первое мѣсто принадлежало *каптуру*. О каптурѣ можетъ дать нѣкоторое понятіе его потомокъ, выходящій уже изъ употребленія, теперешній капоръ. Это былъ нарядъ, вполне защищавшій голову отъ стужи, отъ вѣтра и отъ всякой непогоды. Онъ весь былъ мѣховой и покрывалъ не только голову, но и облегалъ по сторонамъ лицо до самыхъ плечъ. Каптуръ кроился изъ соболей съ невысокою цилиндрическою тульею на подобіе кива, и съ тремя ушами, виспадавшими до плечъ на

золоты, поверхъ пуху плетенекъ золотной. (150 мар. 10 пухъ выпоротъ и отданъ князь Михайловъ князю Шеховскому).

Шапка низана жемчугомъ большимъ по отласу по червчатому, въ жемчугъ 44 запоны золоты съ каменья съ алмазы съ яхоты съ изумруды съ бирюзы, около жемчугу обшивано трянцаломъ золоченымъ; на шапкѣжъ круживо низано жемчюгомъ большимъ, а дѣлана шапка къ Свѣтлому Воскресенью въ 150 г. апр. 8. *Шапка* отласъ золотной по лазоревой землѣ обвода золота и серебрена, круживо низано жемчугомъ среднимъ, подъ круживомъ на шапкѣ плетенекъ золотной, дѣлана въ 152 г. дек. 12 (152 г. мая 2 круживо снято и положено на новую шапку, а старую шапку царица пожаловала матери своей Аннѣ Костянтиновнѣ).

затылкѣ и по сторонамъ головы. Рис. I, 8; II, 16; VI, 1. Въ кройку обыкновенно выходило соболей 2½ пары. По краямъ нарядъ опушался бобромъ, на что употреблялось или цѣлый бобръ или два бобра безъ трети, смотря по ширинѣ, какую желали дать опушкѣ. Изъ цѣлаго бобра выкраивалось опушки 4 ар. 3 в., шириною въ 2 вер. Въ опушкѣ около чела ставился особый бобровый мѣхъ, черненый, называвшійся пухомъ *переднимъ очельнымъ, челошнымъ*, для чего употреблялось полбобра (2 звена) и цѣлый бобръ. Кромѣ того этотъ очельный пухъ убирался поверхъ еще бобровою же накладкою, *накладнымъ пухомъ*, котораго выходило одно звено или четверть бобра. Исподъ каптура подбивался также мѣхомъ, соболями пухами, и такъ какъ онъ облегалъ кругомъ всю голову, то и назывался *оголовью, оголовьемъ*; при чемъ по краямъ ставилась также небольшая опушка, называемая *оголовочнымъ пухомъ*. На *ушки* ставилось треть бобра, самаго добраго. Простые каптуры, дѣланные только для образца, кроились изъ мерлушекъ (овчины); вмѣсто боброваго пуху на нихъ употреблялся козелъ черненой, а на оголовичный пухъ—барсукъ. Изъ этого сочетанія различныхъ мѣховъ нагляднѣе выступаетъ связь всего мѣховаго убора въ каптурѣ. *Верхъ* каптура покрывался арабскими миткалями, которыхъ въ кройку выходило 4 вершка широкихъ и 8 в. обыкновенныхъ. Кромѣ того для сохранности наряда всегда дѣлался изъ такихъ же миткалей особый верхъ—*чехолъ*, на что употреблялось миткалей 6 верш. широкихъ (въ 2 арш. ширины) и 12 вер. обыкновенныхъ (отъ 8 до 14 в. ширины). При каптурахъ употреблялась также и *повязка* изъ полотна, котораго выходило въ кройку поларшина литовскаго.

Каптуръ, соболій, упоминается еще въ духовной книгѣ Иуліаніи Волоцкой, 1503 г. — У царицы Евдокіи Лук. въ первое время было въ казнѣ только 4 каптура, потомъ ихъ было 6 и наконецъ число ихъ увеличилось до 8. У царицы Марьи находимъ ихъ 7, изъ которыхъ перешло къ царицѣ Натальѣ Кир. только 3. У молодой царицы Агаеи Сем. въ казнѣ вовсе не было каптуровъ.

Подержанные и повошенные старые каптуры царицы обыкновенно раздавали боярынямъ. Такъ въ 1631 г. сент. 10, царица Евдокія изъ числа своихъ каптуровъ одинъ, который былъ сдѣланъ еще ея предшественницѣ покойной царицѣ Марьѣ Влад. Долгорукихъ, подарила матери своей Аннѣ Константи-

новнѣ. Въ 1634 г. генв. 8, она пожаловала изъ своихъ же два каптура боярынямъ Оринѣ Минигичиѣ (Годуновой) да матери Аниѣ Конст. которой еще былъ подаренъ каптуръ въ 1641 г. февр. 20. Въ 1642 г. авг. 12 пожаловала каптуръ бояр. кн. Аниѣ Вас. Трубецкой, при чемъ относили каптуръ подъячій мастерской царицыной палаты да каптурникъ. Кромѣ того одинъ старый каптуръ царица пожаловала царевинѣ кормилицѣ Натальѣ.

Каптуры очень рѣдко украшались богато на подобіе нарядныхъ шапокъ. Такой находимъ только у царицы Натальи Кир. — каптуръ пластины собольи съ пухомъ; *верха* отласъ былъ низанъ жемчугомъ съ каменья съ олмазды и съ изумруды и съ яхонты червчатymi и съ искры. (Дѣланъ у царицы въ хоромѣхъ во 180 году).

Треухъ — зимняя шапка, съ тремя ушами, защищавшими уши и затылокъ. Его *верха* (тулья, покрывша) шился изъ шелковой или золотной ткани, изъ камки или атласу, и алтабасу, которыхъ въ кроеніе выходило 10, 12 и 16 вершковъ; но какой формы была эта тулья, въ видѣ ли столбунца или сугуеи, — неизвѣстно. Впрочемъ можно полагать, что это былъ по покрою тотъ же каптуръ, только крытый не мѣхомъ, а тканью. Исподъ у него какъ и у каптура кроился изъ собольихъ пупковъ или изъ пластинъ; выходило 5 пупковъ, а пластинъ 2 пары. Верхъ опушался также соболемъ, на что выходила пара; а кругомъ опушки поверхъ соболя треухъ украшался низаньемъ изъ жемчуга, или круживомъ, или запонами съ каменьями. Кромѣ того у треуха были, какъ и у кингъ *лепести*, на которыя выходило тафты 2 верш., во всю ширину (1½ арш.). Треухи принадлежали однакомъ къ такимъ нарядамъ, которые употреблялись довольно рѣдко.

У царицы Евдокии Лук. въ казнѣ находимъ только одинъ треухъ соболій, покрытъ атласомъ червчатымъ гладкимъ; у Марьи Ильичны также одинъ, у Натальи Кириловны 3. У царицы Агаѣи Сем. ихъ было 4, притомъ они шились уже изъ богатыхъ тканей и украшались жемчугомъ и каменьями, что заставляетъ предполагать, что въ концѣ XVII ст. треухи стали входить такъ сказать въ моду: „*Треухъ* отласъ виницейскій по золотной землѣ травы и розводы шолкъ червчатъ, исподъ и опушка пластины собольи; кругомъ опушки поверхъ низано жемчугомъ кафинскимъ. *Треухъ* алтабасъ по золотной землѣ травы

кубы серебряны; исподъ и опущва пластины соболя; вмѣсто кружива запаны золоты съ каменья съ алмазы и съ яхонты червчатыми, съ городы; кругомъ западъ обнизано жемчугомъ скатнымъ.

Уборы, извѣстные подъ общимъ именемъ *золота* и *саюсемля* или *ларечной кузны* заключались, кромѣ нѣкоторыхъ головныхъ, описанныхъ выше, въ нарядахъ шеи, каковы были *мокисто*, *цѣпочка*; *ожерелье*, также ушей — *серым*, и рукъ — *перстны*, *ожиковины*, *обручи*, *запастья*, *зарукавья*. Самымъ значительнымъ изъ этихъ уборовъ было *мокисто*.

Въ областномъ языкѣ до сихъ поръ словомъ *манисты*, *мокисто* обозначаютъ ожерелье изъ бусъ, гранатъ и т. п., также изъ монетъ; тѣмъ же словомъ обозначаютъ восынку шейную (Новг.), и вообще *связку* предметовъ, снизу, напр. связку ключей, *маниства* ключей (Тв.); называютъ такъ даже нижнюю челюсть *бѣлуги*, вѣроятно по сходству ея съ низкою бусъ.

Въ южномъ областномъ языкѣ *манистомъ* кромѣ того называютъ ожерелье изъ бусъ, на которомъ носятъ всегда *дукачь*, вѣроятно *дукать*, серебряная, мѣдная или оловянная бляха въ родѣ медали, величиною въ цѣлковый.

Обычай носить на шеѣ съ ожерельемъ монеты и особенно золотыя, а также и подобныя монетамъ бляхи, имѣвшія значеніе и амулетовъ, очень древенъ и къ намъ перешелъ съ незапамятныхъ временъ.

Можно полагать, что *мокисто* — слово испорченное изъ греческаго номисма — золотой, и что ближе къ нему стоитъ южное произношеніе: *намиста*, изъ котораго на сѣверѣ уже послѣдовала передѣлка въ *мокисто*. Какъ бы ни было, но *мокисто* въ древнемъ смыслѣ означало шейный уборъ, ожерелье исключительно золотое, т. е. состоящее изъ золотыхъ привѣсокъ, у котораго на гайтанѣ (снурѣ) помѣщались небольшія иконы, паннагіи, кресты, раздѣляемые въ низкѣ золотыми *прокисками*, т. е. бусами. Лѣтописецъ (Ипат. 219) рассказываетъ, что Владиміръ Васильковичъ Волынской на смертномъ одрѣ передъ своими очами перелилъ все свое золото и серебро въ гривны и разослалъ милостыню по всей землѣ: „и *мокиста* великая золотая бабы своей и матери своей, все поля“... Онъ же возложилъ на намѣстную икону Богородицы *мокисто* золото съ

орогимъ (1288 г.) Въ числѣ женскихъ уборовъ находится и въ Москвѣ, въ 1328 г., когда Иванъ Кавгаецъ своей дочери Фетиньи матери ее мантию, что есмь сковалъ“.

Вереѣйскій князь Михаилъ въ 1486 г. тоже отказываетъ своей жене: на мантиѣ икона животворящаго древа окована золотомъ, зерны съ великими да тринадцать хрестцевъ золотыхъ и зерны то и съ иконами...

Лодская княгиня Іуліанія (1503 г.) отказываетъ своей внучкѣ отъ нѣзъ дочеринна приданаго: мантию большое золото... мантию на гайтанѣ: четыре кресты золоты, да четыре нѣзъ золоты, да три кресты камены съ золотомъ да восемь нѣзъ золотыхъ...

Около тогоже времени первовѣнчанный московскій князь, внукъ Ивана Вас., Димитрій († 1509 г.) въ своей духовной обозначаетъ хранящіяся въ его казнѣ: мантию золото *ласка*... (Ср. четки — *лесенки*, Матер. 89) да мантию со кресты и иконы и прописки...

На мантиѣ казны царицы Шуйской было: икона золота Пр. Бды, 5 крестовъ золотыхъ съ каменья и жемчуги и 8 прописокъ золотыхъ. Въ той же казнѣ хранилось мантию золото на чѣпочкѣ золотой. Въ „книгахъ царицы Евдокии Лук. мастерскіе Палаты крестомъ и *манисту* и судамъ и платью и иной казнѣ“, царицыно мантию описано слѣдующимъ образомъ:

Ящикъ оболочень бархатомъ червчатымъ, а въ немъ мантию да кресты съ мощи, которыми благословила царицу и в. к. Евдокию Лукьяновну великая государыня инока Марѣя Ивановна. Мантию чепочка золота звенчата у чепочки наконечники золотыя рѣзъ грани съ чернью, а на чепочкѣ *ея мантия* на гайтанѣ понагѣя золота на четыре углы въ ней яхонтъ лазоревъ, на яхонтѣ рѣзъ Спасовъ образъ Вседержителя, по полямъ 2 яхонта червчаты да два изумруда; на переди на главѣ рѣзъ херувимъ, а на другой сторонѣ рѣзъ великомученикъ Дмитрей, навожено чернью; подъ главою въ закрѣпкѣ по концомъ два зерна гурмыцкихъ. (И 135 г. мая въ 3 д. сеѣ понагѣю взяла царица и в. к. Евдокию Лукьяновна къ себѣ въ хоромы. 136 г. апрѣля въ 12 д. сеѣ понагѣю выдала отъ царевны (Ирины) изъ хоромъ на гайтанѣ шоловомъ червчатомъ боярыня княгиня Марѣя Хованская, а сказала, что царица и в. к. Евд. Лук. *благословила* тою понагѣю царевну и в. к. Ирину Михайловну и велѣла еѣ держать въ царевнинѣ казнѣ. Да съ тоюжъ понагѣю княгиня Марѣя Хованская выдала отъ царевны изъ хоромъ двѣ *прописки* корольковы, одна бѣла, а другая червчата, а велѣла ихъ положить съ понагѣю вмѣстѣ). Два *креста* зо-

лоты съ мощи, въ нихъ животворящее древо Господне, на крестѣхъ Распятія Господня золоты литые; у крестовъ въ гвѣздѣхъ по два яхонта лазоревыхъ да по два лапа да по изумруду, около крестовъ обнизано жемчугомъ большимъ; у главъ въ закрѣпкахъ по концамъ по 4 зерна гурициднихъ, а въ крестѣхъ по подиясамъ мощей: мощи Ивана Предтечи, древо животворящее, мощи Якова Перскаго, мощи мученика Прова, мощи архидіакона Стевана, мощи мученика Артемїа, мощи преподобнаго Стевана Новаго, мощи Павла Исповѣдника, мощи мученика Еустратїа, мощи мученика Ивана Новаго. (И 136 г. апрѣля въ 29 д. наъ сихъ крестовъ крестъ золотъ съ камнями и съ жемчуги взяла царица и в. к. Евдокїа Лукьяновна *благослови* дочь свою царевну и в. к. Пелагїю Мих.) *Крестъ* золотъ на немъ Распятіе Господне вольчатное, у креста въ гвѣздѣхъ 3 яхонта лазоревы да яхонтъ червчатъ, да лапъ; около креста обнизано жемчугомъ, назади рѣзь снятія Господне со креста. *Крестъ* золотъ рѣшетчатъ, на немъ распятіе Господне литое, на главѣ Спасовъ Нерукотворенный образъ; да на крестѣ въ гвѣздѣхъ 4 яхонта лазоревы, около креста жемчуги на спняхъ да бирюзы въ гвѣздехъ, а назади бирюскинъ въ гвѣздѣхъ да подиасъ по гречески. *Крестъ* золотъ съ мощи, на немъ Распятіе Господне литое, въ крестѣ 3 яхонта лазоревы да лапъ, около креста обнизано жемчугомъ на главѣ Спасовъ Нерукотворенной образъ, въ закрѣпкахъ по концамъ по жемчугу; а въ крестѣ по подиясамъ мощей: риза Александра Сверскаго чудотворца, мощи Пантелѣямана, персть святаго Марка и иныхъ многихъ святыхъ мощи. *Крестъ* золотъ съ мощи, на немъ Распятіе Господне литое на главѣ рѣзь Нерукотворенный образъ Господень, да на крестѣхъ въ четырехъ гвѣздѣхъ яхонты лазоревы, а на зади у креста Предтечевъ образъ литой, да рѣзныхъ образовъ Ивана Богословъ, Никола чудотворецъ, святой мученикъ Георгій, святая мученица Ульяна.

Да на манистѣхъ промежъ понагїи и крестовъ на гайтанѣ двѣ прописки золоты рѣшетчаты да двѣ королковны бѣлые, да двѣ королковны червчаты, да прописка яшмовая зелена. И 135 г. марта въ 28 д. съ сего маниста золотую чепочку государыни царица и в. к. Евд. Лук. взяла въ себѣ государыни въ хоромы. Да маїа въ 3 д. съ сегожъ маниста государыни царица взяла двѣ прописки королковы. (138 г. мая 3, съ сего царицына маниста золотую чепочку съ наконечники, которая была во 135 г. съ тогожъ маниста снята, выдала отъ царицы изъ хоромъ боярыня Катерина Бутурлина, а велѣла на нее положить царицыно манисто по прежнему).

Изъ этой описи мы видимъ, что въ собственномъ значеніи манистомъ называлась связка иконъ, крестовъ и прописокъ и что цѣпочка, какъ и шелковый гайтанъ — шнуръ, представляли только составную и разумѣется необходимую его часть. Въ самомъ заглавіи описи крестамъ и манисту, кресты указаны отдѣльно по той только причинѣ, что послѣ крестовъ маниста описывается еще нѣсколько крестовъ, хранившихся особо.

Впрочемъ въ концѣ XVII ст. монистою называлась снѣзга бусъ, жемчугу или металлическая цѣпочка съ крестомъ, — который носили на этой снѣзгѣ или цѣпочкѣ. Само собою разумеется, что иногда такихъ снѣзгокъ и цѣпочекъ носили съ крестомъ по нѣскольку, а въ древности даже и мушкеры. Въ 1147 г. „бъюче Кіане Михаила отторгоша крестъ на немъ и съ чельми, а въ немъ гривна золота“ (Ип. 34). Въ XVII ст. у царевны Ирины Мих. находимъ „крестъ золотъ литое дѣло и три цѣпи золоты *воротные*“. Были ли носимы *воротными* цѣпи, какъ простое ожерелье, безъ креста, неизвестно.

Замѣтимъ въ заключеніе, что на свадьбахъ монистою или панагеею по обычаю благославляла новобрачную родная мать. Царицу Евдокию, какъ видѣли, монистою благословила ее свекровь, инока Марѳа Ив. — Должно также упомянуть, что упомянутые выше королевскія проишки на гайтанѣ мониста, приписывались къ монисту не безъ особой цѣли. Въ старинныхъ лѣтеписяхъ о королевкахъ между прочимъ говорится: еще который человекъ на манистѣ крапки носить, того колдованіе и иное никакое вѣдовство неиметь; а какъ тотъ человекъ цѣлнеможетъ, то крапки красныя бѣгутъ стануть, а какъ поздоровѣетъ тотъ же человекъ, такъ крапки опять стануть черны... Отъ тѣхъ же крапокъ духъ нечистый бѣгаетъ, понеже крапекъ крестообразно растеть“.

Ожерелье. Именемъ *ожерелья* (отъ слово горло, жерло) обозначался шейный нарядъ или уборъ, состоявшій собственно изъ атласнаго и рѣдко другой шолковой ткани, низаннаго жемчугомъ, стоячаго воротника. Отъ мужскаго подобнаго же ожерелья оно отличалось лишь своею длиною, также характеромъ низанья и другихъ украшеній. Мужское низалось обыкновенно въ шахматъ, а женское во—ревидъ. Шириною такое ожерелье бывало не болѣе 3 вершковъ и кроилось во всю ширину атласнаго полотнища (отъ 8 до 12 верш.). Эта лента ставилась на александрійскую (картузную) бумагу и подкладывалась киндякомъ, а по немъ алою тафтою, вѣроятно по настилкѣ изъ хлопчатой бумаги. Къ платью оно прикрѣплялось посредствомъ шелковаго *мутовья* или мутовоза, особой вздержки, которая сплеталась по нижнему его краю. Напередѣ ожерелье застегивалось богатыми пуговицами. Его носили какъ стоячій воротникъ; рис. I, II; но располагали также около шеи и нѣсколько отклонно

въ плечамъ; причемъ, разумѣется оно и выгранвалось иначе, въ нижней части шире, чѣмъ въ верху, въ самой горловинѣ. Рис. IV, 7; VII, 4.

Въ 1328 г. Иванъ Калита въ числѣ золота отказалъ своей дочери Фетиньи *ожерелье*, не обозначивъ подробно какое оно было; а двумъ меньшимъ дочерямъ Марьѣ и Федосьѣ отдалъ нарядъ съ двухъ своихъ кожуховъ съ аламы съ жемчугомъ — на ожерелья. Князь Верейскій, 1486 г., отдаетъ дочери ожерелье съ великими яхонты, сажено съ верны съ великими; другое ожерелье пристешное съ передци низано.

Кн. Волоцкая, 1503 г., отказываетъ сыну своему Ивану ожерелье сожено съ пугвицами съ большими, а своей внучкѣ Овдотѣ ожерелье сожено, а исподней рядъ снизонъ да 4 у него пугвицы жемчужны...

Въ казнѣ князя Дмитрія Ив. († 1509) находились: „ожерелье на цахъ на золотыхъ розрушано съ яхонты и съ жемчуги и съ плохимъ каменьемъ въ 13 жеребѣхъ и съ придѣльными жеребѣ; да ожерелейцо сажено жемчугомъ гурмыскимъ и новгородскимъ.

Описанія ожерелій царяцъ XVII ст. мы не встрѣчаемъ по той причинѣ, что ихъ *низанье* сохранялось всегда въ ларцахъ и шкатулахъ за хорошою печатью и не поступало въ руки дьяковъ для описи.

У царевны Ирины М. было ожерелье: по цѣв серебряной золоченой низано жемчугомъ рогатымъ большимъ; въ ожерельѣ межъ жемчугу 20 изумрудовъ въ золотыхъ гнѣздѣхъ; у ожерелья 6 пугвицъ зерна гурмыцкіе большіе на золотыхъ снпяхъ; у пугвицъ въ закрѣпкахъ 3 яхонты лазоревы да 3 лапы въ золотыхъ ногтяхъ, подложено тафтою аюю.

Болѣ употребительный узоръ низанья ожерелій, особенно во второй половинѣ XVII ст., былъ ревидъ, или аревидъ, рис. III, 2; V, 4.

Приводимъ нѣсколько описей женскихъ ожерелій изъ свадебныхъ рядныхъ записей XVII ст.: 1643 г. Ожерелье жемчужное низано в-ревидъ пугвицы золотые цѣна 150 р., другое ожерелье—обнизъ пугвицы серебряные позолочены цѣна 70 р.— 1667 г. Ожерелье жемчужное обнизъ пугвицы золоты съ искрами яхонтовыми. — 1674 г. Ожерелье жемчужное большое низано в-ревидъ съ пугвицы; другое ожерелейцо малое пришивное съ каменьемъ. — 1677 г. Ожерелье жемчужное низано в-ревидъ

пугвицы золотые съ яхонтовыми и съ изумрудами искрами и съ зерны бурминскими; ожерелье уское съ изумруды и съ зерны каемскими, у него три пугвицы да въ изумрудъ да яхонтъ съ зерны бурминскими.

Ожерелья — воротники составляли наиболее богатый и видный, уборъ этого рода, по той причинѣ, что обнзанные жемчугомъ, а нерѣдко и каменьями, представляли въ убранствѣ больше украшенія, чѣмъ ожерелья простые, нисанные въ низу на нитяхъ. Закрывая высоко шею и грудь, онѣ кромѣ того въ полной мѣрѣ отвѣчали требованіямъ постническаго идеала не раскрывать обольщеній женской красоты, а потому и составляли самый употребительный и обычный нарядъ не только для женщинъ, но и для дѣвицъ, которыя разумѣется употребляли и простые низки жемчугу на нитяхъ пользуясь свободою открывать по крайней мѣрѣ хотя одну шею. У царевны Анны М. находимъ два такихъ ожерелья, одно зерна гурмыцкіе, другое — жемчугъ рогатый большой. (См. т. I, Матер. № 446).

Серьги. Обыкновенная, наиболее употребительная и вѣроятно самая древнѣйшая форма серегъ состояла изъ кольца, вдѣваемого въ ухо, къ которому прикрѣплялась всякая булава или *спень* съ надѣтымъ на него дорогимъ камнемъ, всегда просверленнымъ для этой цѣли, ибо въ древности иначе неумѣли укрѣплять камни въ подобныхъ случаяхъ. Конецъ спня, остававшійся ниже камня, украшался кромѣ того двумя большими жемчужными зернами, точно также надѣтыми на спень одно къ другому. Взамѣнъ зеренъ ставились и золотые *бубенчики* (бусы дутыя), а также *каточки* (бусы литыя). Это были серьги *одинцы*, *одиначки*. Иногда такимъ же образомъ укрѣплялись два камня на двухъ спняхъ, тогда серьги назывались *двойчатыми*, *двойчатками*, *двоечками*, *двоинками*; если три — *тройчатыми*, *тройчатыми*.

Серьги — *лапки* назывались такъ, если ушное кольцо къ низу устраивалось въ видѣ лапки. Въ лапки вставлялись жемчужины или дорогіе камни.

Серьги — *колты*, серьги колодкою, состояли изъ ушнаго кольца, которое въ нижней части оканчивалось различной величины и различной формы бляхою, кубовастою, круглою, овальною, или на — углы, также сѣчатой островерхой и т. п., что собственно и называлось *колтомъ* (колодка, брусокъ). Къ этому колту снизу

прикрѣплялись *подельски* изъ жемчужныхъ зеренъ, а самый колтъ всегда украшался финифтью или каменьями. У древнѣйшихъ серегъ на такихъ колтахъ изображались финифтью птицы, звѣри, сирены, львы, цвѣтки и т. п.

Серьги—запоны состояли изъ ушнаго кольца, и прикрѣпленной къ нему запоны разнаго вида. Запоною называлась вообще бляшка въ видѣ репья, у которой въ срединѣ ставился дорогой камень, бѣльшаго размѣра, а вокругъ его нѣсколько камней меньшихъ, или же нѣсколько искорь. Внизу запоны почти всегда ставились три привѣски изъ жемчужинъ или изъ золотыхъ бусъ съ алмазами. Такія серьги составлялись иногда изъ нѣсколькихъ запоанъ разной величины, которыя отдѣлялись другъ отъ друга золотыми съ каменьями привѣсочками съ жемчужинами по концамъ.

И запоны, и колты, и каменья всегда украшались разнообразными привѣсками, каточками, трубочками, чепочками, репьями и т. п., которыя размѣщались по желаемой формѣ или образцу. Упоминаются серьги *орлички* или *орлики*, называемыя такъ по фигурамъ орловъ, служившимъ привѣсками. По свидѣтельству Флетчера обыкновенная длина серегъ бывала въ 2 дюйма и больше; но вообще тогда любили носить серьги длинныя.

Перстни—жиковины. Въ духовной в. в. Дмитрія (+ 1509) именемъ перстней обозначены жиковины: а перьстней моихъ золотыхъ: напалокъ да 14 жиковинъ съ лаломъ и съ яхонтцомъ и съ берюзами и жемчужки и съ переепти (перелефъ, халцедонъ) и съ плохимъ каменьемъ. Тамъ же упомянуты двадцать и три жиковины *жемскиязъ* золоты съ яхонтцы и съ лалцы и съ изумруты и съ жемчужки и съ плохимъ каменейцомъ“. Семнадцать жиковинъ золотыхъ“ отказываетъ своей дочери кн. Верейскій въ 1486 г.

Именемъ жиковины въ XVII ст. обозначалась большая дверная петля, вырѣзанная въ видѣ лапокъ жука или вообще въ формѣ, сходной съ цѣплястою лапою какаго либо подобнаго насѣкомаго. Такимъ образомъ можно полагать, что жиковиною называлось кольцо съ дорогимъ каменемъ, который былъ укрѣпленъ во вставкѣ или въ гнѣздѣ посредствомъ какой либо цѣплястой фигуры, охватывавшей его подобно лапкамъ жука. Въ XVII ст. при описаніи подобныхъ перстней такой способъ укрѣпленія камней, обозначался такъ: гнѣздо (съ алмазомъ) въ ногтяхъ, или въ

ножтахъ яхонтъ синь къ верху островатъ. Но точно также иковиною могъ обозначаться перстень древнѣйшаго устройства, который дѣлался не сплошнымъ слитымъ кольцомъ, а кольцомъ—согнутымъ или обогнутымъ около пальца, такъ что концы этой огни, приходившіеся съ исподней стороны, охватывали палецъ подобно лапкамъ жука или когтиамъ птицы.

Кромѣ того извѣстно, что у египтянъ, а потомъ и у древнихъ грековъ жукъ имѣлъ символическое значеніе, и очень нерѣдко изображался на перстняхъ. Эти перстни — скарабен устроивались обыкновенно такъ, что рѣзная въ видѣ жука печатка изъ дорогаго камня или металла вставлялась въ кольцо на вертлюгахъ или осяхъ, которыми служили концы самаго кольца. Вставка съ верхней стороны изображала энгуру жука, а съ исподней на ней вырѣзывалась печатка, т. е. какіе либо знаки, іероглифы или какое либо изображеніе. Перстень по верхнему изображенію жука именовался вообще скарабеемъ. Впрочемъ, судя по нѣкоторымъ узананіямъ жукомъ, жуковиною обозначалась вообще выпуклая часть чего либо, напр. на плоскости въ родѣ сука, суковины. Жуковиною называется выпуклая округлая часть верхней доски отъ распиленнаго бревна, въ отлѣчіе отъ плоской, которая называется запилѣнкомъ. Жучками назыв. особыя косточки на гладкой кожѣ нѣкоторыхъ рыбъ, у осетра, стерляди и т. п. Жуки — особыя металлическіе выпуклые рѣпши, *исподники*, родъ небольшихъ ножекъ, придѣлываемыхъ по угламъ къ нижней доскѣ переплета на книгахъ напрестольныхъ евангелій. Такимъ образомъ иковиною на самомъ дѣлѣ могла обозначаться различнаго вида выпуклая бляшка, составлявшая необходимую принадлежность перстни, который тѣмъ и отличался отъ простаго кольца.

Что царяцы носили перстни, въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться; къ сожалѣнію особаго описанія ихъ перстней намъ не встрѣтилось. Имѣемъ только описіа перстней царевенъ (см. Д. Бытъ Царей ч. 1 матер. № 446), гдѣ въ числѣ ларечной кухни царевны Анны М. обозначено 14 перстней; въ казнѣ царевны Ирины М. хранилось 25 перстней; но къ обзорнью казны царевенъ мы еще возвратимся въ своемъ мѣстѣ. Въ 1614 г. въ государеву казну поступило изъ *Маринкины* рухляди, присланной изъ Астрахани, 10 перстней, въ томъ числѣ: 1—съ яхонтикомъ червчатымъ, около его искорки алмазные, цѣна 8—р.; 2—съ звѣздой и камышки алмазными, 20 р.; 3—съ чернью

о семи алмаздахъ, 15 р.; 4—четвероуголенъ о четырехъ алмаздахъ, 20 р.; 5 и 6 съ яхонтомъ лазоревымъ, одинъ граненъ островатъ; другой гладокъ продолговатъ, цѣна по 3 р.; 7—съ финифтомъ съ бѣлымъ въ немъ яхонтикъ лазоревъ, 4 р.; 8—о шести алмаздахъ, 12 р.; 9—съ чернью и съ яхонтомъ лазоревымъ, 2 р.; 10—съ бирюзою, цѣна 1 р.

Перстни, серьги и другіе подобные предметы конечно хранились въ футлярахъ или особыхъ коробочкахъ, которыя и изготовлялись, смотря по надобности. Такъ въ маѣ 1692 г. царица Наталья Кир. было сдѣлано шесть *перстневиковъ*, длиною по 4 вер., въ ширину $1\frac{1}{2}$ вер., съ выдвигаемыми ящички; три *коробочки сережныя* длиною и шириною по $2\frac{1}{2}$, а вышиною по 1 верш., съ лица оклеенныя бархатомъ краснымъ, внутри тафтою, по краямъ серебрянымъ голуномъ.

Кромѣ перстней, къ золотымъ нарядамъ рукъ, именно ручной кисти, принадлежали *обручи, запястья и зарукавья*, соотвѣтствовавшіе нынѣшнимъ браслетамъ. *Обручи*, состоявшіе собственно изъ золотой и вообще металлической проволоки, болѣе или менѣе толстой, гладкой или свитой вдвое, втрое и т. д., были самою древнѣйшею формою такого наряда; по крайней мѣрѣ, въ отношеніи ихъ названія, они указываютъ такую древность, которая превосходитъ древность *обруча* уже въ переносномъ его значеніи, какъ связки для разной деревянной посуды, напр. бочекъ, кадокъ и т. п. Очень естественно, что и употребленіе обручей мы встрѣчаемъ въ болѣе старое время, чѣмъ описываемая нами эпоха. Такъ въ XIV в. они, по видимому, были еще очень любимымъ нарядомъ. Въ 1328 г. Калита отдаетъ своей дочери Фетиньѣ, изъ *золота* ея матери, 14 обручи. Княгиня Волоцкая въ 1503 г. отдаетъ своей внуцѣ уже только три обручи золоты, а своей снохѣ два обруча золоты. Затѣмъ въ XVII ст. объ обручахъ уже не поминается; ихъ замѣняютъ зарукавья и запястья, да и тѣ, сравнительно съ другими нарядами, въ видѣ браслетъ употребляются очень рѣдко. Быть можетъ бѣльшимъ и меньшимъ употребленіемъ этой части наряда рисуется самый переходъ женскаго быта отъ большей свободы общественнаго положенія женской личности къ большей его замкнутости, даже и въ отношеніи одежды. Болѣе открытая одежда требовала, конечно, и въ большей мѣрѣ такихъ нарядовъ, какъ обручи—браслеты; напротивъ того, когда одежда

становилась — покровомъ постыничества, то оказывались напичканы и разными ея принадлежности, возвышавшія красоту открытую.

Что касается *запястій*, то этииъ словомъ очень рѣдко обозначаются браслеты, въ родѣ обручей. Запястьемъ называлась у всякой одежды конечная часть рукава, противоположная *корею*, по той вѣроятно причинѣ, что она покрывала запястье руки, т. е. не только верхнюю часть ручной кисти, но и верхнюю ея сторону, противопологаемую ладони. На такое значеніе запястья указываетъ крайка рукавицъ, у которыхъ исподы полагались въ ладоняхъ изъ бѣличьяго мѣха, а запястья изъ собольяго; у холодныхъ рукавицъ *запястья*, собственно поверхность рукавицы надъ запястьемъ или вся поверхность кисти богато украшались золотымъ шитьемъ. У нѣкоторыхъ одеждъ, особливо у мужскихъ, запястья (абшлага) также украшались или круживомъ или шитьемъ и низаньемъ и даже дорогими камнями, какъ напр. у царскихъ становыхъ кастановъ. Въ женской одеждѣ подобнымъ образомъ украшались запястья верхнихъ сорочекъ. Прямыхъ извѣстій о томъ, что подобныя запястья носились на рукахъ отдѣльно отъ одежды, мы неимѣемъ. Запястье, упоминаемое въ духовной ии. Верейскаго 1486 г. и принадлежавшее къ ожерелью съ передци (тогожъ ожерелья запястье великимъ жемчугомъ низано) есть по всему вѣроятію, жемчужный спорокъ съ какой либо одежды, какъ и самое это ожерелье. О такомъ же запястьѣ упоминаетъ въ своей духовной и княгиня Волоцкая, 1503 г. — ожерелейной жемчугъ и передцевой и съ запястьемъ. Запястья съ значеніемъ браслетъ, т. е. носимыя не на рукавахъ только, а на рукахъ, назывались по большей части *зарукавьями*, какъ уборъ, котораго мѣсто на рукѣ было за рукавомъ, по конецъ рукава. Отъ *обручей* такіе браслеты отличались тѣмъ, что состояли изъ цѣпочки болѣе или менѣе широкой, или собственно изъ нѣсколькихъ звень, соединенныхъ цѣпочками или петельками, между тѣмъ какъ обручи дѣлались изъ цѣльной проволоки кольцомъ, и могли разниматься развѣ только посредствомъ вертлюга (шогнера), что вошло въ употребленіе уже впоследствии.

Богатыя зарукавья и запястья — браслеты находимъ въ царской казнѣ Шуйскихъ, Мат. стр. 50. У царевны Ирины было: *зарукавье* — двѣ цепочки золоты звенчаты навожены чернью; у зарукавья въ гнѣздѣхъ 10 алмазцовъ граненыхъ да 10 зеренъ

жемчужныхъ. Подъ это зарукавье для храненія сдѣланы двѣ колодки, обшитыя таетою алою, родъ футляровъ, на которые зарукавья надѣвались.

Въ описи казеннаго государева Двора 1663 г. упоминаются: зарукавье золото съ алмазы и съ черчеты яхонты, а въ нихъ 16 мѣстъ, цѣна 70 р.; челомъ ударилъ греченинъ Петръ Богдановъ, 168 г. іюл. 13; зарукавье золото съ каменья съ искры яхонтовыми червчаты, а въ нихъ 39 мѣстъ, а одного мѣста нѣтъ. Въ описяхъ частнаго женскаго имущества находимъ: 1674 г. зарукавье низаное по цѣѣ съ каменьемъ; 1677 г. зарукавье золотое съ яхонты; зарукавье жемчужное; 1681 г. зарукавье низаное жемчужное и съ каменьемъ.

Дорогія булавки, которыми закалывали на головѣ убрусы и съ этою цѣлью употребляли и въ другихъ уборахъ, упоминаются еще въ концѣ XV ст. съ именемъ *занозокъ*. Въ 1489 г. князь Верейскій отказываетъ своей дочери между прочимъ „троя заноскы золоты“. Въ царской казнѣ начала XVII ст. описаны. 3 булавки зерна гурмыжскіе на золотыхъ спняхъ большіе скатные; 4 булавки зерна невелики гурмыжскіежъ, три на золотѣжъ, а четвертая на серебрѣ“. Булавка такимъ образомъ состояла или изъ одного *спня*, какъ занозка, или изъ спня съ жемчужною головою. Простыя булавки назывались какетса *пелепелками*, и собирательно *пелепеломъ*, Матер. стр. 117. ¹

Въ духовной в. к. Дмитрія († 1509) упоминается 11 *заномъ* съ переперы съ яхонты и съ лалы и съ жемчугомъ и съ плохимъ каменьемъ, которыя по всему вѣроятію были ничто иное, какъ булавки.

Всѣ описанные предметы назывались общимъ именемъ *кузньо*, потому что были металлическіе, кованые; также *низаньемъ* и *саженьемъ*, потому что были жемчужные, такъ какъ въ низанье и саженье употреблялся одинъ лишь жемчугъ и небольшою

¹ Въ Серебряной Палатѣ состояли особыя мастера *переперщики*, *пелепелщики*, изъ которыхъ въ концѣ XVII ст. былъ извѣстенъ Матвей Даниловъ, получавшій въ годъ окладу 7 руб. жалованья и кормовыхъ по 6 денегъ на день. Въ 1661 г. переперщикомъ былъ Игнаша Фед. прозвищемъ Серебряникъ, которому дек. 16 дано дѣлать 1000 серебряныхъ пелепелковъ. Въ 1658 г. авг. 25 Грузинскому царю въ коретѣ употреблено пелепелковъ золоченныхъ 3½ золотника, въ пошукѣ за золотникъ по 8 алт. 2 д.

частью дорогие самоцветные камни, или просверленные или же утвержденные въ гнѣздахъ съ ушками.

Ларецъ, въ которомъ все это сохранялось, былъ вѣсть съ тѣмъ и уборнымъ ларцомъ, вполнѣ замѣнявшимъ для нашихъ прабабокъ уборный столикъ. Въ такомъ ларцѣ, величина котораго была различна, смотря по богатству и широтѣ потребностей, въ верхней кровельной его доскѣ устраивалось иногда и зеркало; но большую частью зеркала дѣлались въ особыхъ металлическихъ же влагалищахъ—футлярахъ, бывали небольшія, вершка въ 3 и 4 или меньше и больше, и всегда съ закрывною, т. е. всегда закрывались створкою своего футляра. Если же такое зеркало было вставлено только въ ободу, въ рамкѣ, то во всякомъ случаѣ его хранили тоже во влагалищѣ суконномъ или бархатномъ,

О различныхъ уборныхъ принадлежностяхъ мужскихъ и женскихъ, мы достаточно говорили въ первой части, Д. Быта Царей, стр. 208—213, и въ матеріалахъ помѣстили нѣсколько описаній, № 404—407 и др. Здѣсь въ дополненіе упомянемъ, что въ уборномъ ларцѣ, кромѣ бѣлилъ, руминъ, сурмиль и клею для подклеиванья волосъ, особенно бровей, сохранялись, по всему вѣроятію, и различныя другія снадобья, необходимыя для возвышенія всяческаго тѣлеснаго благолѣпія и красоты, какъ то: умыванья, ароматы или водки (духи), балсамы (помады), и т. п. Въ царскомъ быту такіе составы изготовлялись обыкновенно въ аптекарской палатѣ, смотря по надобности, по рецептамъ царскихъ врачей. Но нѣтъ сомнѣнія, что простыя не слишкомъ замысловатыя снадобья, особенно умыванья, готовились также и домашними лекарками, *комнатными бабками*.

Старинныя „Прохладные или избранныя *Вертограды*, изысканныя отъ многихъ мудрецовъ о различныхъ врачевскіяхъ вещахъ“; или врачевскія книги, лѣчебники, даютъ много совѣтовъ, какъ и чѣмъ наводить благолѣпіе и свѣтлость лицу, глазамъ, волосамъ и всему тѣлу. Всѣ они конечно вѣсть съ переведенными лѣчебниками, приходили къ намъ изъ средневѣковой Европы и тамъ значительною долею заимствованы еще отъ античной древности; но должно полагать, что отъ той же древности, чрезъ посредство Византіи, иное изъ этихъ совѣтовъ было и намъ извѣстно задолго до появленія въ нашей письменности упомянутыхъ Прохладныхъ Вертоградовъ. Силы естества въ растительномъ и минеральномъ царствѣ были знакомы и

нашимъ доморощеннымъ вѣдунамъ и знахарямъ, а по женской части—вѣдуньямъ и знахаркамъ, которыя, какъ мы уже и видѣли, стр. 529 и сл., сохраняли много способовъ и средствъ нравиться даже тайныхъ, въ собственномъ смыслѣ вѣдовскихъ.

Простыя средства приобрѣтать красоту всѣхъ родовъ и видовъ были дѣломъ самымъ обычнымъ и потому, быть можетъ, такъ мало намъ извѣстны; ибо небыло никакой надобности записываньемъ сохранять объ нихъ память. Такъ, изъ лѣчебниковъ и изъ доморощенной практики наши допетровскія красавицы должны были знать, что *овсяная* мука, смѣшанная съ добрыми бѣлилами и вареная въ водѣ доставляла умыванье, отъ коего лицо бывало бѣло и свѣтло; — *ячмень* толченый безъ мякины, вареный въ водѣ до великя клеести, потомъ выжатый сквозь платъ, доставлялъ умыванье (въ видѣ теплой воды) отъ загара. *Сорочинское пшено*, варено въ водѣ, выводило изъ лица сморщенье. Вода изъ *бобоваго цвѣта*, равно и изъ бобовой травы, когда ею умывали лице и тѣло, всякую нечистоту выгоняло, придавало тѣлу гладкость и свѣтлость. Тоже производили и бобовыя скорлупы, вареныя въ водѣ до клея. *Мука бобова*, мелко толчена (пудра), если потирать ею тѣло, какимыъ обычаемъ нибуди, лице и тѣло ставила гладкимъ. Сѣмя *дынное*, варено въ водѣ, давало умыванье для лица и рукъ, отчего тѣло бывало чисто и бѣло. Сѣмя дынное, высушенное на солнцѣ, толчено безъ чешуи мелко, смѣшано съ мукою бобовою, или ячменною, или пшеничною на гуляѣной водѣ (розовой водѣ) въ видѣ пресночка (лепешки), высушенное потомъ на солнцѣ, доставляло особый родъ мыла, отъ котораго, при умываньи лица и рукъ, тѣло становилось свѣтлымъ и всякая нечистота и лишай пропадали. Вода изъ дубоваго листвѣя, какъ умыванье, тоже очищала все тѣло и доставляла ему свѣтлость. Вода изъ *зори*, какъ умыванье, сгоняла нечистоту съ лица и угри черныя и прыщеватые, и свѣтлость наводила. Къ тому же служилъ сокъ кореня травы *бедренца*, отъ котораго лице дѣлалось чисто и молодо. Вода изъ травы *иссоповы*, какъ умыванье и питье, давала лицу свѣтлость; иссопъ въ винѣ наводилъ лицу благолѣпие, и т. п. Всякія подобныя травы въ достаточномъ количествѣ разводились въ царскихъ садахъ, московскихъ и подмосковныхъ, а также и въ аптекарскихъ огородахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ садахъ, по совѣту тѣхъ же врачейскихъ Вертоградовъ, собиралась дѣвицами съ цвѣтовъ роса, которая

тоже доставляла лицу свѣжесть и свѣтлость. „Платомъ чистымъ, говорятъ Вертоградъ о работѣ и угреватомъ лицъ, собирать росу съ цвѣту колосовъ пшеничныхъ зеленыхъ и съ цвѣтовъ всякихъ, и платъ выжимай (собирая воду), и тою росую умывать лице, чисто будетъ.

По совѣтамъ врачейскаго Вертограда многое благолѣпіе доставляли также приняя зелья. Онъ гаворать между прочимъ: кто часто *коричу* въ брашнѣ приемиетъ, у того блѣдность изъ лица выведетъ и благолѣпостенъ станетъ, также темноту очную стонитъ и свѣтлость творитъ; *воздика* часто прията—очамъ свѣтлость наводитъ; *мушкатный орѣхъ* на тошее сердце приять утре (полорѣха) благолѣпіе лицу наводитъ; *перевъ* еѳіопской, аще во ртѣ жуемъ, благовоіе рту наводитъ и смердящей духъ отгонитъ; *шафранъ* приять въ питіи благолѣпіе лицу наводитъ и сердце уврѣпляетъ, и т. д. Всѣ такія приности, какъ извѣстно, и въ дѣйствительности употреблялись въ допетровское время въ большемъ количествѣ во всякаго рода брашнахъ и свѣдяхъ и во всякихъ питьяхъ, въ водкахъ, медахъ, винахъ. Въ XVII ст. напр. во всеобщемъ употребленіи былъ аптекарскій „сыропъ коричной“, равно и *коричная водка* (вода), такъ какъ самымъ употребительнымъ лѣчебнымъ (предохранительнымъ), средствомъ была *водка апоплектика*, ароматическо-спиртуозная вода, въ составъ которой, кромѣ разныхъ сильно духовитыхъ, пріятныхъ растений, входили главнымъ образомъ *духъ*, т. е. спиртъ гладышевъ, коего шло около $\frac{3}{4}$, и водка гуляфная, около $\frac{1}{4}$; и которая по этому употреблялась и вообще какъ благовоіе для тѣла, ибо ею мыли голову.

Словомъ сказать благовоіныя, ароматическія и спиртуозныя воды различнаго состава во дворцѣ и особенно на женской половинѣ были въ большемъ употребленіи, какъ это видно по краткимъ указаніямъ рецептовъ напр. для царевенъ Екатерины Ал., Евдокіи Ал., и др. ¹ Такія воды и водки хранились у царевенъ въ особыхъ *погребчикахъ*, ящикахъ и коробочкахъ. Въ 1685 г. дек. 15 въ хоромы царевны Θεодосіи Ал. велѣно сдѣлать два погребчика къ 32 сулейкамъ (скляницамъ) измайловскаго дѣла, одинъ на четыре грани, другой на шесть граней о 16 мѣстахъ, гдѣ бытъ сулейкамъ.

¹ Исторія Медицины въ Россіи т. II, 169, 207.

Въ газнѣ царевны Ирины хранились: шкатулка деревянная нѣмецкое дѣло, писана золотомъ, съ замкомъ, а въ ней 8 скляницъ на аспидное дѣло, у скляницъ шурупцы (пробки — за-вертки) оловянные. Шкатулка оклеена бархатомъ червчатымъ, оправлена серебромъ, въ ней 5 скляницъ шурупы серебряны, *араматники* золотъ съ *балсами*, навоженъ финиеты розными, на верху ниже колца въ закрѣпѣ 8 алмазцовъ да въ стоянцѣ 12 пскорокъ алмазныхъ. *Араматники* золотъ съ финиеты съ розными, привязка золото съ серебромъ. У царевны Софьи Ал. былъ также *араматники* алмазной. Кромѣ того: *шкатулка* оправлена волоченымъ и сканнымъ серебромъ сдѣлана изъ благоуханнаго дерева съ зѣркаломъ и съ двумя ящички; въ той же шкатулкѣ ящикъ серебряной съ камешки, да блюдечко да малой ящикъ. *Попребеус* деревянной, оправленъ серебромъ, въ немъ 6 скляницъ, 2 достокана хрустальные.

Совсѣмъ убранная, наряженная и изукрашенная красота покрывала свое лицо *фатою*, тонкимъ сквознымъ покрываломъ огненнаго цвѣта, какъ замѣчаетъ Рейтенфельсъ, чрезъ которое можно было все видѣть и самой быть видимой. Флетчеръ говорить, что такое покрывало употреблялось особенно лѣтомъ и состояло изъ тонкаго бѣлаго полотна или батиста, было густо унизано дорогимъ жемчугомъ и завязывалось у подбородка съ двумя длинными висящими кистями. Фатою вообще назывался большой четырехугольный платъ — покровъ, сшитый изъ самой легкой ткани, каковы были напр. выбойки турецкія и индѣйскія, мяткали арабскіе, камки индѣйскія, бязи и т. п. Она бывала и цвѣтная, т. е. набивная разными цвѣтами, разноцвѣтная, и одноцвѣтная алая синяя, но больше бѣлая, нерѣдко полосатая. Напр. синяя полосы бѣлы, полосата розныя шолки. Въ 1645 г. у царевны Ирины была фата бѣлая полосата, кругомъ ѳаты кайма червчата. Ей же въ 1648 г. подано въ хоромы на ѳаты 7 арш. камки индѣйской серебряной по алой землѣ.

По порядку первую одеждою была *сорочка* и въ качествѣ бѣлья, какъ рубашка, и потомъ въ качествѣ теперешняго *платья*. Какъ бѣлье, рубашка, шитая обыкновенно изъ полотна, она называлась въ общемъ смыслѣ *бѣлою*. Собственно это была сорочка нижняя. Какъ платье, она шилась большею частію изъ

цвѣтныхъ тканей и потому носила общее названіе сорочки *красной*, т. е. верхней, болѣе красной и по матеріалу и по убору. Нижнія полотняныя или *бѣлыя* сорочки кроились равно широко и въ воротѣ и въ подолѣ, т. е. изъ прямыхъ полотнищъ, безъ клиньевъ въ подолѣ и съ обыкновенными короткими рукавами. Воротъ стягивался пояскомъ или снуркомъ и посредниѣ на груди имѣлъ небольшой разрѣзъ, дабы удобнѣе было надѣвать одежду.

Верхнія сорочки кроились также, какъ и нижнія полотняныя, съ тою разницею, что онѣ были шире и длиннѣе, и имѣли до чрезвычайности длинныя рукава, которые обыкновенно собирались на рукѣ во множество мелкихъ складокъ. О таковой длинѣ рукавовъ иностранцы свидѣтельствуютъ, что „складки ихъ едва можно было уложить отъ кистей рукъ до самыхъ плечъ, что множество складокъ такъ хорошо защищали руки и плеча отъ холода, что даже зимою небыло нужды надѣвать какую либо одежду въ рукава. Дѣйствительно, покрой вторыхъ или среднихъ одеждъ вполне соответствовалъ назначенію носить рукава сорочки наружѣ и даже какъ довольно замѣтный уборъ во всемъ нарядѣ. Вторыя одежды, хотя и шились тоже съ рукавами, но въ мышкахъ имѣли всегда проймы, въ которыя обыкновенно и продѣвалась рука, одѣтая въ сборчатый рукавъ сорочки, такъ что рукава вторыхъ одеждъ висѣли за плечомъ, и кроились больше для полноты наряда, а вовсе не для употребленія. Ниже увидимъ, что сорочечныя рукава украшались сверхъ того богатымъ золотнымъ шитьемъ и низаньемъ, какъ необходимымъ уборомъ для видной открытой части наряда.

По свидѣтельству Олеарія и Корба рукава сорочекъ бывали длиною въ 6, 8 и 10 локтей. Если считать обыкновенный локоть въ $10\frac{2}{3}$ вершковъ, какъ онъ переводился на русскую мѣру въ XVI и XVII ст., то выйдетъ что длины въ такихъ рукавахъ бывало 4 ар., $5\frac{1}{3}$ и $6\frac{2}{3}$ арш.

Коллинсъ, говоря объ одеждѣ царицы, замѣчаетъ, что ея нарядъ отъ другихъ особенно отличался длиною рукавовъ у сорочки, которые бывали отъ 30 до 36 англійскихъ футовъ. Чѣмъ тоньше была матерія тѣмъ длиннѣе дѣлались рукава и потому длина висейныхъ бывала больше 10 локтей.

Верхнія сорочки шились изъ легкихъ шелковыхъ тканей, преимущественно изъ тафты червчатой, алой, бѣлой, желтой; также изъ тафты полосатой—полосы бѣлы да червчаты, желты

да червчаты, зелены да червчаты; изъ *шиды*¹, полоски алы съ золотомъ, бѣлы съ золотомъ; изъ *кушакова*, тоже шелковой полосатой ткани, —полосы бѣлы, а другія желты съ золотомъ; изъ кисей, особенно изъ цвѣтной полосатой, шелкъ желтъ бѣлъ, — бѣлъ зеленъ червчатъ, —желтъ зеленъ, — бѣлъ червчатъ, и т. п. Нарядныя сорочки по швамъ вышивались мелкимъ жемчугомъ въ *сервочку*, причѣмъ рукава по запястью до локтя и по швамъ низались особымъ болѣе красивымъ способомъ *расою* или *раскою*, т. е. на подобіе бахромы.

Иногда вмѣсто жемчугу по швамъ бывали *кладены* пояски плетеные (тесмы), золотныя или серебряныя. Особенно богато всегда отдѣльвались рукава, преимущественно на плечахъ и у запястья; здѣсь они узорочно вышивались цвѣтными шелками, золотомъ, серебромъ, низались жемчугомъ съ мелкими золотыми дробницами или разнообразными бляшками. У сорочекъ, которыя надѣвались подъ вторую одежду, рукава богато украшались шитьемъ и низаньемъ только у запястій. Въ описяхъ царицыной казны времени Годуновыхъ и Шуйскаго находимъ достаточныя подробности о такихъ сорочкахъ, Мат. стр. 37. Упомянемъ также, что еще въ 1486 г. князь Верейскій въ своей духовной жалуетъ своей дочери въ числѣ прочаго наряда „сорочку шидену сажену съ дробницею, да четыре сорочки красны, да ларецъ желтъ съ сорочками съ шидеными; а княгиня Волоцкая (1503 г.) отказываетъ своей внукѣ между прочимъ сорочку—шита (шида?) червчата, рукава сажены.

Сорочка верхняя какъ мы замѣтили соотвѣтствовала въ употребленіи теперешнему *платью*. Это была исключительно комнатная повседневная одежда, носимая съ поясомъ, слѣд. обозначавшая станъ и грудь, что и ставило ее въ разрядъ одеждъ стыдливыхъ. Показать предъ посторонними людьми и особенно предъ мужчинами въ такой сорочкѣ, для женщины было величайшимъ неприличіемъ. По разсказу Поссевино изъ за такого именно обстоятельства совершилось при Грозномъ несчастное убійство царевича Ивана. „Всѣ благородныя и не совсѣмъ бѣдныя женщины, говоритъ онъ, носятъ здѣсь обыкновенно по

¹ *Шидою* или *шитою*, откуда *ситецъ*, называлась индійская бумажная набивная ткань. У насъ именемъ *шиды* могли обозначаться и различныя шелковыя ткани, особенно тонкія тафты, но также всегда набивныя, привозимыя тоже изъ Индіи.

три одежды, которыя, сообразно съ временемъ года и состояніемъ погоды, то легче, то тяжеле. Женщина, которая носитъ только одну одежду, навлекаетъ на себя дурную славу. Однажды во дворцѣ, въ Александровской слободѣ, въ жаркій лѣтній вечеръ, третья жена царевича Ивана, бывшая на послѣднихъ порахъ беременности, лежала, растянувшись на скамьѣ въ легкой одеждѣ, какъ вдругъ вошелъ свекоръ ея, великій князь. Она тотчасъ вскочила, но в. князь, видя себя отъ гнѣва, ударилъ ее рукою по щекѣ, а потомъ палкою (посохомъ), которую постоянно носилъ съ собою, до того ее отдѣлалъ, что она въ слѣдующую же ночь преждевременно разрѣшилась сыномъ. Царевичъ Иванъ прибѣжалъ на этотъ шумъ, вступился за жену и сталъ упрекать отца, что по его же жестокости онъ лишился своихъ прежнихъ двухъ жевъ, удаленныхъ въ монастырь. Тогда гнѣвъ отца обратился на него и онъ нанесъ ему посохомъ такой сильный ударъ въ високъ, что тотъ упалъ, смертельно раненый и, не смотря на всевозможную помощь, скончался по прошествіи пяти дней.

Мы видѣли что и былины, описывая зазорное поведеніе нѣкоторыхъ своихъ героинь, изображаютъ ихъ въ одной сорочкѣ и притомъ еще безъ пояса, дѣлая тѣмъ самымъ прямой намекъ на забвеніе необходимаго и обычнаго приличія. Покрой сорочекъ см. на рис. VI, 6; VII, 6; VIII, 4.

Изъ вторыхъ или выходныхъ одеждъ самую употребительную, была *тѣлогрѣя*. Это было платье распашное, застегиваемое по передамъ небольшими пуговками или нашивкою, т. е. завязкамъ. Она кроилась какъ и всѣ другія выходныя одежды въ длину почти до пять, при среднемъ ростѣ въ 2 арш., въ ширину въ плечахъ около аршина, въ подолѣ въ 3 арш. (или кругомъ въ 6 арш.), съ воротомъ въ 8 вер. ширины съ длинными до и ниже подолу рукавами, имѣвшими ширины въ корени вершковъ 6, въ запястьѣ около 3 вер., у которыхъ подъ мышками, въ ласткахъ дѣлались *проймы* вершковъ въ 5 длиною, въ разстояніи отъ ворота вершковъ на 6 и больше.

Въ эти *проймы* тѣлогрѣя и надѣвалась на сорочку, такъ что ея рукава всегда оставались висящими и ниспадали позади рукъ до подолу или связывались назади за спиною въ перекидку другъ на друга. По свидѣтельству иностранцевъ такіе рукава почитались необходимымъ украшеніемъ этого платья, какъ и

вообще обычнаго женскаго выходнаго наряда. Для тѣлогрѣй, какъ и вообще для выходнаго платья, употреблялись ткани болѣе тяжелыя, чѣмъ для верхнихъ сорочекъ, именно золотныя и простые немки, атласы, обьяри (гродетуръ), нарядка тафты, а иногда *зуфъ*, шерстяная ткань въ родѣ камлота, и т. п. По вороту, по поламъ, и по подолу эта одежда окаймлялась круживомъ, обыкновенно золотнымъ, также шелковымъ; полы, какъ мы сказали, застегивались пуговицами, число которыхъ бывало различно отъ 9 до 20 и даже до 30; обыкновенно бывало 15 и 17. Онѣ ставились по всей полѣ отъ ворота до подола.

Холодные или *лѣтнія* тѣлогрѣи подкладывались тафтою, а по подолу сверхъ того имѣли атласную или камчатную *подпушку*, вершина въ $1\frac{1}{4}$ шириною, которая во всѣхъ подобныхъ одеждахъ употреблялась для сохранности подольной части платья. Подпушка своимъ цвѣтомъ всегда болѣе или менѣе ярко отдѣлялась отъ подкладки. Къ лазоревой, червчатой, брусничной, зеленой подкладкѣ пришивалась подпушка желтая; къ бѣлой, лазоревой, желтой—червчатая; къ червчатой—свѣтлозеленая; къ желтой—зеленая, алая и т. п. Есть извѣстiе, что у тѣлогрѣй бывали и *земы* карманы, на которые царицѣ Агаевѣ Сем. вышло тафты алой четверть аршина (А. О. П. № 536). Подъ *теплыми тѣлогрѣями* подкладывался мѣховой *исподъ*, горностаевый, бѣлый, лисій, соболій, песцовый, а иногда и черевій заячій, съ *пухомъ*, т. е. съ бобровою опушкою, причемъ на полахъ оставался *подполокъ* изъ той же ткани, изъ коей былъ сшито верхъ. Бѣлые мѣха нередко *мамульчивались* черными, напр. бѣлый песцовый нацѣвчивался черными песцами, т. е. по мѣстамъ вшивались лапки, хвостики ¹.

Покрой тѣлогрѣи см. Рис. I, 2, 7, 8, 11, 12, 15, 16. Рис. II, 2, 5, 6, 8, 10; IV, 2.

При описаніи одной изъ тѣлогрѣй царицы Евдоіи Лук. упоминается — „*запастье*, по отласу по червчатому низано жемчугомъ съ канителью“. Но у тѣлогрѣй запастья ничѣмъ не украшались, а тѣмъ болѣе жемчугомъ, и это упоминаніе есть лишь описка вмѣсто слова круживо ².

¹ Мѣха по мездрѣ прокладывались ветошками: 153 г. іюля 15 наплечный мастеръ купилъ на 8 алт. 2 д. ветошекъ рубашечныхъ на царицву тѣлогрѣю киндичную черную на черевій заячій исподъ на настилку.

² Описаніе г. Саввантова, стр. 113 и 172.

Въ тому же отдѣлу вторыхъ или среднихъ одеждъ принадлежала *шубка накладная* или *столовая*, въ XV и XVI ст. обозначаемая просто *шубою*. Верейскій князь въ 1486 г. отказывается своей дочери: „шуба кована бархатъ червчатъ, шуба камна нисюрская, шуба червьчата, шуба зелена, шуба багряна, шуба рудожелта, шуба бѣла, да другая шуба бѣла“. Княгиня Іуліанія Волоцкая, 1503 г., отдаетъ своей внукѣ женскаго платья: двѣ шубы скорлатъ червьчетъ одна безъ тавты, да шуба белоголуба безъ тавты жъ, да шуба дини (цениннаго цвѣта) безъ тавтыжъ, да шуба червьчетая испская, да шуба свѣтлозелена лунская, да шуба багрецн.. Тагъ какъ наиболѣе обычною тканью для шубокъ было суніо, то въ этой росписи о немъ и не упоминается, а обозначается только его цвѣтъ, и иногда мѣстность, откуда привозилось, испское, лунское.

Шубка этого названія шилась покроемъ сорочки, безъ разрѣза на полы, и надѣвалась, какъ сорочка, съ головы, отчего, въ отличіе отъ другихъ верхнихъ одеждъ и называлась *накладною*, ибо не нашивалась на плеча по кафтанному, а накладывалась, какъ мы сказали съ головы. Въ этомъ ея различіе отъ тѣлогреби. Кроилась она длиною тоже до пятъ, при среднемъ ростѣ въ 2 арш., шириною въ плечахъ около аршина съ высокимъ прямымъ воротомъ, какъ у сорочки, т. е. съ небольшимъ разрѣзомъ на груди для надѣванья, который застегивался пуговкою съ петлею. Рукава ея ниспадали почти до подола и въ мышкахъ или ласткахъ имѣли проймы, въ которыя обыкновенно продѣвались руки, одѣтыя въ сорочку. Ширина подола разставлялась клиньями и обыкновенно бывала въ 3 арш. или кругомъ въ 6 арш.

Это платье быть можетъ потому называлось шубкою, что на него употреблялись ткани плотныя и тяжелыя, шелковыя, и болѣею частью золотныя бархаты, атласы, алтабасы, зарбафы, объири, камки (по преимуществу камка визылбашская и *бурская*, какъ самая дорогая и тяжелая). Изъ золотныхъ тканей кроились шубки парадныя, праздничныя, выходныя и ѣздовые. Онѣ подкладывались обыкновенно тафтою. Другой разрядъ накладныхъ шубокъ, назначаемый только для домашняго употребленія, кроился изъ сукна, бѣлаго, червчатаго, желтаго, безъ подкладки, только съ тафтяною подушкою по подола. Въ накладныхъ шубкахъ обыкновенно выходили за столъ, отчего онѣ и назывались также *столовыми*.

Такъ какъ накладная шуба не была одеждою распашною, то на ней и не встрѣчаемъ никакихъ наружныхъ уборовъ, ни кружива, ни нашивки, ни пуговицъ. Она оставалась *чистою*, т. е. безъ всякаго наряда и убора. На богатыхъ выходныхъ и ѣздовыхъ шубахъ всегда носили *накладное ожерелье*, круглый широкій воротникъ или пелерину изъ боброваго мѣха. Покрой накладныхъ шубокъ см. рис. I, 1, 4; V, 1.

Покрой шубки и дорогія тяжелыя ткани, изъ которыхъ она шилась, способствовали тому, что у царицы какъ и у большихъ даревенъ она, особо украшенная, пріобрѣтала значеніе царскаго платна, порфиры, или вообще одежды царственной. Тогда она дѣлалась распашною, съ рукавами длиною только по кисть и шириною въ запястьѣ вершковъ въ 7 или 8, и роскошно украшалась широкимъ круживомъ по запястью рукавовъ, по поламъ и по подолу. На полахъ кромѣ того ставились богатыя пуговицы, числомъ 13, 14 или 15. Круживо особенно по передамъ украшалось нерѣдко *аламами*, большими круглыми бляхами изъ басменнаго золоченаго серебра.

На плечахъ у такой шубки полагалось изъ той же ткани круглое широкое ожерелье, родъ пелерины, соответствовавшее царской діадимѣ и потому всегда богато украшаемое круживомъ съ аламами, обнизанными жемчугомъ.

Такъ украшена была царская шуба царицы Марьи Ильичны (Мат. стр. 97), и царицы Агаеи Симеон. (Мат. стр. 156), которая впоследствии въ 1681 г. марта 3 употребила весь этотъ богатый уборъ своей шубки на окладъ образа Пр. Богородицы, въ церковь на Потѣшномъ Дворѣ. На этой шубкѣ аламовъ было въ круживѣ и на ожерельи 46 мѣстъ, вѣсу въ нихъ 12 ф. 83 зол.

Подобныя шубки — платна передѣлывались иногда изъ готовыхъ уже шубокъ. Въ 1682 г. для новобрачной царицы Марьи Апраксиныхъ были „передѣланы платномъ съ широкими рукавы, двѣ шубки покойной царицы Агаеи Грушецкихъ, первая 28 марта — отлась виницейской по серебряной землѣ травки и репъ и золоты оксамичены изрѣдка, въ обводахъ шелкъ бѣлъ; подкладка тафта червчатая (кроено во 189 г. ноября въ 14 д.); вторая 30 марта — бархатъ виницейской золотной по немъ морхъ червчатъ да орлы двоглавыя оксамичены золотомъ и

серебрянъ; подкладка тафта ала^а ¹. Покрой царскихъ шубокъ см. рис. I, 7, 9; II, 14.

Изъ числа золотыхъ, шелковыхъ и суконныхъ столовыхъ или накладныхъ шубокъ царицы Евдокии Лук. описываются слѣдующія: *Шубка* бархатъ червчатъ, на ней круживо серебряно золочено басмьяное обиваемо жемчугомъ, подкладка тафта жолта; на ней 15 пугвицъ золоты съ чернью (144 г. іюня 10 съ себъ шубки у царицы въ хоромехъ около *аламовъ* жемчугъ на государскіе дѣла снять мѣстами). *Шубка* бархатъ венедацкой по червчатой землѣ круги серебряны, подъ вругами листье золото въ нихъ шолкъ зеленъ да червчатъ подкладка тафта двоелична шолкъ бѣлъ да алъ. *Шубка* алтабасъ по серебряной землѣ травы золоты подкладка тафта червчата. *Шубка* алтабасъ по серебряной землѣ травки розныя шолки съ золотомъ подкладка тафта вницейка червчата. (И 135 г. ноября 27, съ шубку царица — пожаловала княгинѣ Устинѣ Оболенской). *Шубка* отласъ по червчатой землѣ рѣки и листье шолкъ бѣлъ да зеленъ съ золотомъ другое листье серебряно съ лазоревымъ шолкомъ, подкладка тафта лазорева. *Шубка* камка кызылбашская по червчатой землѣ люди и звѣри золоты съ розными шолки, подкладка тафта вницейка жолта. *Шубка* сукно скорлатъ червчатъ, подпушка тафта лазорева. *Шубка* сукно скорлатъ бѣлъ, подпушка тафта червчата. *Шубка* сукно лундышъ свѣтлозелено, подпушка тафта червчата.

Лытки принадлежалъ къ одеждамъ накладнымъ, т. е. на дѣваемымъ подобно сорочкѣ съ головы, а не въ опашку и потому кроился также сорочкою безъ разрѣза на полы. Его покрій въ стану сходствовалъ съ покроемъ накладной шубки. Но онъ отличался отъ всѣхъ одеждъ особымъ покроемъ рукавовъ, которые и назывались даже не рукавами, а *накапками*. Въ длину эти рукава, начиная отъ плеча, равнялись длинѣ всего платья, слѣд. простирались нѣсколько, вершка на 4, ниже подола; среднія ихъ ширина была въ половину длины, причеиъ въ корени они дѣлались шире на вершокъ противъ запястья.

¹ А. О. П. № 148. Въ Описаніи старинныхъ царскихъ ѣтварей г. Саввантова отмѣтка объ этой передѣлкѣ у первой шубки не упомянута, стр. 135; а у второй, стр. 136, передана не совсемъ точно, съ обозначеніемъ: передѣлана *платіемъ*, вмѣсто — платномъ.

Онѣ спивались рукавами только до половины длины или нѣсколько болѣе; нижняя ихъ половина оставалась нешитою и украшалась вошвами, такъ что на рукѣ онѣ висѣли какъ перекинутое полотнище. Рис. I, 9, 10; II, 3; IV, 6; VI, 5. Нѣтъ сомнѣнія, что по этой кройкѣ и по особой ширинѣ рукавовъ, одежда и получила особое названіе лѣтника, какъ одежды открытой въ рукавахъ, прохладной. Станъ въ плечахъ также кроился на нѣсколько вершковъ просторнѣе, чѣмъ у другихъ лѣтникъ и даже зимнихъ одеждъ. Ширина подола была обыкновенная, 3 арш., или вокругъ 6 арш. Длина всего платья простиралась до пятъ и при среднемъ ростѣ имѣла около 2 арш., какъ и всѣ другія верхнія выходныя одежды, носимыя въ хоромахъ.

Въ кройкѣ составныя части лѣтника были слѣдующія: передъ, задъ или станъ, крыльца, клинья передніе и задніе поднапошные, воротъ (воротникъ), подольникъ. Передъ и накапикной разъ кроились изъ одной ткани, болѣе богатой, или узорчатой, а задъ и клинья изъ другой, разумѣется, подобранной подъ цвѣтъ и подъ узоръ; а если изъ гладкой, то въ этомъ случаѣ ее поддѣлывали вышиваньемъ, золотнымъ или шелковымъ, смотря по ткани переда. (М. стр. 44, 113).

Подольникъ составлялъ особую отъ платья кайму шириною съ небольшимъ въ 2 вершка, которая пришивалась по подолу, но не опушкою, въ накладку, а какъ прибавка къ длинѣ подола; она по большей части бывала атласная или изъ другой подобной же блестящей ткани и всегда другаго цвѣта съ платьемъ; такъ къ бѣлому атласному лѣтнику пришивался подольникъ алый или червчатый, къ червчатому — зеленый, свѣтлозеленый, празеленый; къ лазоревому или желтому — червчатый и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что въ выборѣ цвѣта на подольникъ руководились желаніемъ подобрать его къ лицу, т. е. возвысить имъ и собственную красоту и красоту всего наряда. Все платье шилось изъ золотныхъ и шелковыхъ тканей, по преимуществу изъ золотной камки бурской, визылбашской и подобныхъ, также изъ кушаковъ, золотной же тяжелой полосатой ткани, и изъ шелковыхъ — атласа, камки, тафты, дороговъ и пр. Подкладка ставилась подо всѣмъ платьемъ легкая тафтяная.

Особый нарядъ или уборъ лѣтника составляли *вошвы*. Это были небольшія полотнища или платы, скроенныя косынями длиною въ 1½ или въ 1¼ арш.; шириною въ верхнемъ концѣ вершковъ въ 8 и болѣе. Нижній же конецъ нѣсколько округ-

лись и срывался на нѣтъ ¹. Отъ дѣлались изъ болѣе тяжелой, плотной и дорогой ткани, обыкновенно парчевой, а болѣею частію и изъ гладкаго атласа или бархата, по которому роскошно и богато украшались золотныя и шелковыя шитьемъ и жемчужнымъ кивальемъ съ дорогими камешками и нередко съ металлическими дробинцами.

Этъ косыни своею долевою стороною пришивались къ нижнему концу рукавовъ или навапокъ, причеиъ широкій конецъ вошвы ставился къ передней части рукава, а острый къ задней, такъ что, при подъемѣ руки, широкій конецъ находился вверху, а острый виспадалъ къ подолу; въ этомъ положеніи вся вошва всегда оставалась открытою и служила самымъ виднымъ и роскошнымъ уборомъ одежды. Для того, чтобы вошвы всегда оставались пышными и не смятыми, ихъ поддеивали съ подкладки рыбьихъ клеекъ.

Разумѣется такой покрой и уборъ рукавовъ требовалъ, чтобы руки всегда были подняты или прижаты къ груди, дабы поддерживать вошву въ долевоиъ и открытоиъ ея положеніи. Въ чрезвычайно длинныхъ навапкахъ съ такими дорогими вошвами опускать руки было невозможно; тогда и навапки и вошвы волочились бы по землѣ. Но такъ какъ лѣтникъ и особенно богатый, нарядный, былъ всегда одеждою парадною, а извѣстно, что въ до петровское время во всякихъ парадныхъ, церемонныхъ, а порусски, во всякихъ чинныхъ случаяхъ держаніе рукъ у груди представлялось для женщинъ обычнымъ, самымъ необходимымъ приличіемъ, выразившимъ вообще кроткое и покоренное ихъ положеніе въ обществѣ, то это видимое неудобство въ покровѣ рукавовъ лѣтника вполне совпадало съ обычными и приличными формами умѣнья держать себя въ обществѣ.

Самое слово *вошва* указываетъ, что платъ вшивался въ навапку. Но оно же могло обозначать и то, что эти платы, въ богатомъ и достаточномъ быту украшались всегда вышиваньемъ, слѣд. означали предметъ наряда исключительно вышивной работы. Кроме вошевъ на рукавахъ, лѣтникъ украшался подобными же, но меньшими, косынями на груди у ворота, которыя повѣтому назывались *передцами*.

¹ Обыкновенно изъ полотнища въ 1½ и въ 1¼ арш. длины, въ аршинъ или больше шириною, кроилось съ-угла-на-уголъ двѣ вошвы косынями.

У царицы Евдокии Лук. былъ лѣтничъ отласъ бѣлъ, вошвы отласъ турецкой по червчатой землѣ развода и круги велики золоты, въ кругахъ шелкъ лазоревъ, листые шолкъ бѣлъ: по-дольникъ отласъ червчатъ, подкладка тафта бѣла. У лѣтника на вороту *передцы* по отласу по червчатому шиты золотомъ да серебромъ. — Въ духовной Верейскаго князя 1486 г. упоминаюто ожерелье пристѣжное съ *передцы* низано и съ запястьемъ; въ духовной княгини Волоцкой 1503 г. — ожерелейной жемчугъ и *передцовой* и съ запястьемъ. Все это принадлежало къ убору какой либо одежды.

Передцами вообще вазывались платы разнаго вида, вшиваемы въ платье для большей красоты на видныхъ переднихъ мѣстахъ. Самыя вошвы — запястья накапокъ украшались иной разъ тоже переддами, т. е. особыми нашивками. Въ царицыной казнѣ временъ Шуйскаго были вошвы столпчатныя, очень богато разшитыя золотомъ шипами и на чеканное дѣло, у которыхъ были пришиты передды — шиты по червчатому отласу золотомъ и серебромъ волоченымъ (Матер. стр. 36).

Для осеняго и зимняго времени лѣтничъ опушался бобровымъ пухомъ, т. е. мѣховою лентою около полвершка или меньше шириною, по вороту, по краямъ вошевъ и по подолу. Съ такою опушкою лѣтнички иногда носили и лѣтомъ.

Въ холодную пору съ лѣтниками носили накладное бобровое ожерелье; въ лѣтнее время, вмѣсто такого ожерелья подавалась *опашница*, родъ короткой мантии изъ богатой золотной ткани, украшенная золотымъ шитьемъ. На такихъ опашницахъ времени Шуйскаго были вышиты золотомъ и серебромъ на одной орлы, олени, павы; на другой орлы и олени, на третьей — орлы. Кромѣ того у одной изъ этихъ опашницъ были еще и *передцы*, шитыя тоже золотомъ и серебромъ и бархаченыя шелками. Четвертая опашница имѣла 14 пугвиць. Матер. стр. 36, 37, 43, 48.

Опашница царицы Евдокии Лук. была украшена вышитымъ золотомъ бѣлымъ атласнымъ круживомъ и червчатыми тафтяными переддами, шитыми также. Лѣтничная опашница иначе называлась лѣтничною *привоолокою*. Въ казнѣ Шуйскихъ сохранилась приволока изъ лазореваго золотнаго бархата съ горюстаевою опушкою. У царевны Ирины Мих. съ лѣтничкомъ *большаго карда* подавалась „привоолока тафта червчатая, съ пухомъ, вошвы по отласу по червчатому низаны жемчугомъ“.

Въ другой описи у той же приволоки иѣсто *вошевѣ* обозначено *ошлече*.

Въ августѣ 1648 г. молодой царицѣ Марьѣ Ильичнѣ была сшита приволока тоже изъ червчатой тафты, съ бобровою опушкою, съ 10 пуговицами и съ ошлечьемъ, по червчатому атласу визанннмъ жемчугомъ большимъ. У царицы Агафьи Сем. была приволока тафта червчатая; *марамки* низаны жемчугомъ по червчатому атласу; на рамкахъ жъ пухъ бобровый; на ней же нашито 5 пуговицъ съ ошлечью. Такимъ образомъ древнiе передцы въ XVII ст. стали обозначаться ошлечьемъ, а потомъ *марамками*, сохраняя и общее названiе *вошевѣ*, какъ частей *вшивныхъ*, *пришивныхъ*.

Нѣтъ сомнѣнiя, что подобная же одежда называлась и *подволокою*, которая съ этимъ именемъ употреблялась въ XV и XVI ст. и украшалась тогда богатымъ *запущьемъ*. Верейскiй князь въ 1486 г. отказываетъ дочери своей четыре *подволоки*: подволока на червьцѣ жолтѣ шелкѣ, подволока бѣлая, подволока желтая, подволока камка на золотѣ; а в. к. Ивану Вас. *запущье* подволочное сажено... Быть можетъ это же самое запущье подволочное сажено жемчугомъ гурмыскимъ зѣ дробникою на бѣлу на камкѣ на червчатой, — находимъ потомъ въ числѣ *саженья* въ казнѣ сына в. к. Ивана Вас. Дмитрiя Ив. (1509 г.). Но здѣсь это запущье могло обозначать нарядъ мужской подволоки.

Въ свадебныхъ чинахъ лѣтникъ прiобрѣталъ значенiе какъ бы штатной мундирной одежды, равно какъ и накладная шубка, надѣваемая съ нимъ вмѣстѣ. Свадебные чины, свахи, сидячiя боярыни по уставу должны были до совершенiя обряда наряжаться въ лѣтники желтые, въ шубки червчатые, въ убрусы и въ бобровыя ожерелья, а зимою, вмѣсто убрусовъ, — въ каптуры. Сама невѣста, готовясь къ обряду, была въ вѣнцѣ и также въ жолтомъ лѣтникѣ и въ червчатой шубкѣ. Съ этою цѣлью къ свадьбѣ царицы Агафьи Сем. постельницамъ было сшито 15 лѣтниковъ камчатыхъ жолтыхъ, вошвы атласъ золотной по таусинной землѣ, подложены киндякомъ; и столько же шубокъ накладныхъ суконныхъ червчатыхъ. (А. О. П. № 243). На другой день, по чину, и новобрачная и боярыни одѣвались въ бѣлые лѣтники. Кромѣ того свадебный чинъ уставляеть невѣстѣ прикрываться *накапкою*, когда являлся князь молодой женихъ и свдился подлѣ нея на мѣсто. На другой день, когда сваха съ боярынями, новобрачную подымали съ постели, одѣвали въ бѣлый лѣтникъ,

въ шубку золотную обышную и въ горлатную шапку, она, шествуя въ хоромы, должна была, по чину, тоже прикрывать себя накаптами ¹.

Лѣтникъ, разрѣванный на полы, распашной, назывался *роспашницею*, а иногда и *опашницею*. Роспашницу кроили изъ легкихъ шелковыхъ или золотныхъ тканей, изъ камки, тафты, атласу, большею частію бѣлаго или червчатого и алаго цвѣта; подкладывали или тафтою, или дорогами, и украшали круживомъ около ворота, на полахъ и по подолу; также дорогами пуговицами, числомъ 15 и 20, которыя пришивались на вороту, т. е. въ верхней поясной части полъ; рукава обшивали богатыми вошвами. Неизвѣстно, какъ длинны бывали рукава этой одежды. Отъ лѣтника она отличалась еще и тѣмъ, что не имѣла подольника, который замѣнялся круживомъ.

Въ 1627 г. царица Евдокиѣ Лук. была сшита роспашница, обозначенная также и опашницею и описанная въ числѣ лѣтниковъ слѣдующимъ образомъ: роспашница камка куфтеръ бѣла, вошвы по бархату по червчатому шиты золотомъ и серебромъ орлы оксамичены, круживо по атласу по червчатому шито золотомъ и серебромъ травы, въ травахъ орлы и ироги и львы и павы, на вороту 15 королковъ червчатыхъ рѣзныхъ, у королковъ репейки и спи золоты въ закрѣпкахъ искорки изумрудныя, подкладка у опашницы (sic) тафта (виницейка) бѣла. (И съ тое роспашницы королковые пуговицы сняты и положены въ казнь, а на роспашницу нашиты 15 пуговокъ серебряны золочены, снявъ съ царицыной съ тафтяной съ алой тѣлогрѣи, что на пупкахъ собольихъ. 144 г. сентябр. 3, съ роспашницу царица пожаловала боярина Ивановъ дочери Никитича Романова).

Другія роспашницы описаны такъ: Роспашница камка куфтеръ червчата травная, круживо по атласу по бѣлому шито золотомъ да серебромъ, вошвы по бархату по черному шиты золотомъ да серебромъ травы, межъ травъ орлы, и ироги и птицы и листь оксамичены, подкладка тафта виницейка желта; на роспашницѣ 15 пуговицъ золоты островаты съ чернью. Роспашница тафта виницейка ала, круживо по тафтѣ по зеленой шито золотомъ да серебромъ. На опашницѣ 15 пуговицъ серебряны золочены островаты, по нихъ полоски. (147 г. апр. 24 съ

¹ Временникъ Общ. Ист. и Др., кн. 26.

роспашицы верхъ царца пошалола нижнѣ Ростовской). Роспашица ланка бурская на червѣ травы и листѣ золото; вошвы по бархату по черному низаны жемчугомъ съ дробницы и съ каменья съ яхонты съ лазоревыми и съ червчатыми; круживо по бархату по червчатому низано жемчугомъ репши и косы, въ репшяхъ и въ косахъ въ золотыхъ гнѣдѣхъ зачеканивано каменье яхонты и лалы и изумруды и бирюзы; на *сороту* 15 пугвицъ серебряны золочены велики продолговаты сѣвичаты съ ояничоты съ розвыми, сверху и снизу репейки ояничотъ темнолазорецъ, въ закрѣпкахъ зеренчаты; подкладка свѣтлозелена таотная. (146 г. генваря 2, съ сеѣ роспашицы изъ кружива низаного выпорото 26 репшевъ, съ яхонтами червчатыми въ гнѣздахъ, 76 бирюзъ, 101 искорка яхонтовыхъ червчатыхъ, 29 косъ съ каменьемъ, всего 232 мѣста; — нашито каменье на государево круживо, которое платно было на государѣ на богоявленевъ день въ нынѣшнемъ 146 г.).

Покрой роспашицы см. рис. IV, 6.

Опашель, иначе *озобель*, верхнее лѣтнее роспашиное платье, изъ шелковой или золотной добротной ткани, а большею частію изъ червчатого сукна. Покрой его былъ такой же, какъ и у другихъ верхнихъ одеждъ, т. е. съ прямымъ станомъ и со вставкою по бокамъ обычныхъ клиньевъ. Какъ верхняя одежда, онъ дѣлался во всѣхъ частяхъ подлѣ; воротъ у опашня вродился скошеннымъ къ поламъ и служилъ ихъ продолженіемъ. Около шеи къ нему пришивалось вокругъ *ожсерелье* или *воротникъ* изъ ткани болѣе богатой, обыкновенно парчевой; ширина этого воротника бывала вершка въ полтора и къ концамъ свашивалась или закруглялась, а длиною онъ ставился вершковъ въ 20, такъ что концами опускался вершковъ на 5 или на 6 по груди по обѣимъ сторонамъ. Рукава бывали полные, обычной длины, т. е. невступно до подола. Пола и подолъ украшались круживомъ, золотнымъ, жемчужнымъ, а пола кромѣ того застегивались такими же петлями и серебряными пуговицами, украшенными ояничотью, каменьями и всегда великими, величиною съ грецкій орѣхъ и больше, иногда половинчатыми, которыя по своей величинѣ справедливо назывались также *чашками* (А. О. П. № 673). Круживо часто полагалось вдвойнѣ, одно широкое, другое узкое. На суконныхъ опашняхъ вмѣсто кружива дѣлалась строка, прострочка мелкая или крупная, или же обѣ вмѣстѣ, которыя бы-

вали и низаны жемчугомъ, одна въ рясную, другая въ одно зерно. Иногда вмѣсто строки полагался картулинь.

Съ исподу опашень подкладывался тафтою съ атласною подпушкою подъ передами, т. е. подъ полами; впрочемъ бывала и одна только подкладка безъ подпушки, или же одна подпушка безъ подкладки; суконные же по большей части дѣлались съ одною подпушкою.

Число пуговицъ, которыя ставились на опашень, бывало неодинаково, что зависѣло частію отъ ихъ величины (особенно крупныя, занимали мѣсто больше и разумеется ставились рѣже) а частію отъ роста, т. е. отъ длины полъ. Пришивали 5, 7, 9, 11 и 15, пуговицъ.

Опашни, какъ выходная верхняя одежда, въ царыцѣномъ быту всегда убирались съ большимъ богатствомъ. Къ свадьбѣ царицы Евдоимъ Лук., въ 1626 г., на ея опашень въ Серебряной палатѣ было сдѣлано въ круживо 53 золотыхъ гнѣзда, въ чемъ ставить каменье, вѣсомъ 12 зол.; да въ жемчужное круживо 64 гнѣзда золотыхъ же.

Покрой опашни см. рис. IV; 7, а описи и кроеніе въ матеріалахъ по указателю.

Опашень или охашень, положенный на мѣху, собольемъ, лисьемъ, горностаевомъ, и т. п. назывался *шубою*. Воротникъ (ожерелье) у шубы ставился бобровый, отворотный, какъ у опашни. На передачахъ или полахъ пришивались такія же большія пуговицы, числомъ 9, 11 и больше, съ петлями или нашивкою, всегда украшенною кистями съ золотными или жемчужными ворворками. Круживо на шубѣ не употреблялось. Въ царскомъ быту въ XVII ст. шубы проились только для дѣтей и очень рѣдко для взрослыхъ, ибо ихъ вполне замѣняли теплыя тѣлогрѣя, обозначаемыя иногда шубами; также кортели и торлоны. У царицъ въ числѣ платья даже вовсе не находимъ шубъ. Въ простомъ быту шубы употреблялись на образецъ мужскихъ. См. рис. V, 2.

Кортель, одежда зимняя мѣховая, соболья, бѣлья, горностаѣная, кунья, иногда нагольная, но обыкновенно покрытая легкою шелковою тканью, тафтою, камкою, кушаками. Кортель, даже и нагольный, украшался всегда богатыми вошвами и подольникомъ; эти его части указываютъ на сходство въ покроѣ съ лѣтникомъ, почему, за неизмѣніемъ другихъ, болѣе прямыхъ указаній, можно полагать, что это былъ по покрою тотъ же лѣт-

нить, только исключительно зимній, мѣховой. Сходство съ лѣтникомъ дополняется и тѣмъ, что у кортеля не было ни кружка, ни пуговицъ. Но были ли у него стольше длинныя и столь же широкіе рукава—ваканки, неизвѣстно. Можно полагать, что рукава кортели дѣлались въ обычную длину, но были широки во лѣтничному, а потому и обозначались въ описяхъ только именемъ вошевъ, какъ необходимой ихъ принадлежности. Впрочемъ тѣмъ же именемъ, какъ мы видѣли выше, могло обозначаться и оплечье, также передды, т. е. особые платы, вшиваемыя въ одежду по плечамъ для большаго ея убранства.

Кортель, какъ и всякая зимняя и вообще теплая одежда, опушался бобровымъ пухомъ, съ тѣмъ отличіемъ, что такой пухъ ставился у него гораздо шире, чѣмъ у другихъ одеждъ. Въ 1630 г. въ горностайному нагольному кортелю царицы Евдокии былъ скроенъ пухъ къ вороту въ 2 вершка безъ чети, а около вошевъ и подольника въ 3 вершка безъ чети. Этотъ и два другіе кортели изъ числа ея одеждъ описаны слѣдующимъ образомъ: Кортель горностайной нагольной опушенъ пухомъ чорнымъ. Кортель тафта была на черевахъ на бѣлыхъ, вошвы отласть туредкой по червчатой землѣ розвода и круги золоты въ цвѣтахъ шолки розныя, опушенъ пухомъ чернымъ. (143 г. авг. 23, сечь кортель царица пожаловала боярина князь Ивановъ княинъ Борисовича Черкаскаго). Кортель дороги алы, подкладка тафта нѣмецкая свѣтлозелена на черевехъ на бѣлыхъ, подольникъ тафта виницейка желта, вошвы по отласу по таусянному шиты золотомъ да серебромъ.

Торлопъ, судя по описанію, Матер. стр. 50, тоже, что и кортель, — мѣховая одежда крытая тафтою, украшенная вошвами на рукавахъ и подольникомъ. Быть можетъ отъ кортеля она отличалась воротникомъ стоячимъ или отворотнымъ, какъ у опашни и какъ у теперешняго тулупа, который происходитъ, по всему вѣроятію отъ торлопа. Употребленіе вошевъ указываетъ, что рукава его были широкіе, лѣтничные.

Въ числѣ одеждъ торлопы вообще встрѣчаются рѣдко. Въ царицыной казнѣ Марьи Ильичны, въ XVII ст. (1648—1676 г.) находился только одинъ торлопъ горностайной опушенъ пухомъ чернымъ, который и записанъ въ числѣ кортелей, а по другой описи даже и значится подъ именемъ кортля, А. О. П. № 146 и 204. Видимо, что этимъ именемъ названъ описанный

выше нагольный кортель царицы Евдокии Лук. Въ такомъ случаѣ можемъ заключить, что торлопомъ именовался кортель безъ покрышки, нагольный (тулупъ). Впрочемъ въ царской казнѣ Шуйскихъ описанъ торлопъ крытый таетою, Матер. стр. 50.

Поверхъ нѣкоторыхъ одеждъ, именно лѣтниковъ, шубокъ, плеча, даже и въ лѣтнее время, покрывались, какъ мы говорили, пуховымъ (бобровымъ) ожерельемъ, которое по особымъ способамъ кройки называлось *накладнымъ*, и (въ XVI ст.) *наметнымъ*. Такое ожерелье кроилось изъ боброваго пушистаго мѣха, непременно чернаго, т. е. подкрашеннаго въ самый черный цвѣтъ. Оно дѣлалось различной величины, смотря по желанію или по надобности, и потому кроилось иногда только изъ половины бобра, иногда изъ цѣлаго мѣха и самое полное изъ двухъ бобровъ. Хорошій, добрый, бобровый мѣхъ цѣнился въ половинѣ XVII ст. (1644 г.) въ 15 руб., такъ что полное ожерелье стоило 30 р. безъ приклада и безъ работы. Накладнымъ оно называлось по той причинѣ, что кроилось безъ разрѣза на полы, а цѣльнымъ круглымъ воротникомъ съ отверстіемъ въ срединѣ для надѣванья черезъ голову. Въ этомъ отверстіи для большаго удобства при надѣваньи дѣлался спереди небольшой разрѣзъ, который потомъ застегивался съ исподнѣ пуговками. Впрочемъ наметное ожерелье отличалось отъ накладнаго разрѣзомъ на полы. Въ этомъ послѣднемъ видѣ оно употребляется и теперь въ простомъ быту при короткихъ шубейкахъ. Наметкою въ старину вообще назывался нарядъ въ родѣ длиннаго воротника или пелерины (напр. наметка чернеческая).

Въ царицыномъ быту употреблялись пуховыя ожерелья только накладныя. Въ такомъ ожерельѣ на заглавной страницѣ этой книги изображена царица Марья Ильична. См. также рис. I и II, и др. Пуховое бобровое ожерелье вообще придавало старинному наряду, по преимуществу цвѣтному и золотному, весьма значительную долю красоты; оно же своимъ чернымъ цвѣтомъ много способствовало и возвышенію красоты лица, всегда набѣленнаго и нарумяненаго. По этимъ причинамъ оно надѣвалось довольно часто. Не смотря на то, количество такихъ ожерелій сохранившихся въ царицыной казнѣ не было значительно.

У царицы Евдокии Лук. въ первое время (1626—1628 г.) хранилось всего шесть ожерелій, изъ коихъ одно она подарила своей матери Аннѣ Константиновнѣ, а другое родной сестрѣ

Ободосъ, вышедшей замужъ за .Ив. Мелюшкина; третья прива-
зала написана въ отставку. Затѣмъ (1639—1642 г.) у царицы
употреблялось и сохранялось только 4 ожерелья, изъ которыхъ
одно поношенное отдано женѣ брата Семана и взаменъ слито
новое. У царицы Марьи Ил. сохранялось въ назвѣ 5 ожерелій,
у царицы Натальи Кир. 6 и съ оставшимися отъ царицы Марьи;
у царицы Агаеи Сем. одно.

Зимною для защиты рукъ отъ холода, кромѣ теплыхъ рукав-
новъ, царицы надѣвали иногда *рукасы* (муеты). Этотъ рукавъ
не былъ однако такъ пышенъ и полонъ, какъ дѣлаютъ муеты
теперь. Кроился онъ изъ бархата или атласа и разныхъ золот-
ныхъ тканей, длиною всего въ 5 вершковъ, съ опушкою изъ
собольихъ хвостовъ вершка по 2 шириною, слѣд. всей длины
имѣлъ не болѣе 9 верш. Внутри подкладывался также соболемъ
пушкани, полегче, или пластинами. потяжелее. Снаружи по про-
стой шелковой ткани украшался иногда золотнымъ круживомъ,
а въ особыхъ случаяхъ и жемчужнымъ низаньемъ съ каменьями.

Однако въ описяхъ казны царицы Евдокии Лук. въ числѣ
другихъ предметовъ наряда рукава не встрѣчаемъ.

Послѣ царицы Марьи Ил. оставался одинъ только „рукавъ
объеръ по серебряной землѣ травы золоты, исподъ и опушка
пластины соболья“. Но у царицы Агаеи Сем. находимъ 7 ру-
кавовъ собольихъ: бархатный червчатый съ круживомъ плетен-
нымъ съ городы золото съ серебромъ; атласный золотный
червчатый же травы и разводы шолкъ червчатъ; алтабасный —
по золотной землѣ травы кубы серебряны; атласный серебрянъ,
травы золоты съ серебромъ; алтабасный золотной — травы се-
ребрены съ горностаевымъ исподомъ, но съ опушкою соболь-
ною; атласный червчатый — рѣки и травы золоты; и рукавъ
низанъ жемчугомъ по алому бархату съ запаны алмазными и
съ яхонты червчатыми и съ изумруды¹. Можно полагать, что
въ концѣ XVII ст. употребленіе рукавовъ стало входить въ
моду.

Судя по тому, что въ описяхъ царицыной казны первыхъ
лѣтъ XVII ст. вовсе не упоминается о перчаткахъ или *рукав-
кахъ перчатыхъ*, даже и о простыхъ рукавакахъ, т. е. рукавич-
кахъ, можемъ полагать, что въ то время, а равно и въ XVI ст.

¹ Срав. Описаніе г. Саввантова, стр. 134.

въ царичиномъ быту онѣ еще не были въ употребленіи, по крайней мѣрѣ не принадлежали къ обычнымъ статьямъ женскаго наряда. Разумѣется въ простомъ трудовомъ быту въ зимнее время употреблялись, смотря по надобности, и рукавицы, и простыя и перчаткы; но въ общемъ нарядѣ въ нихъ не было даже и надобности, ибо ихъ вполне замѣняли длинные рукава одежды, которыми руки прикрывались и отъ холода и во всякихъ другихъ случаяхъ.

Вообще, какъ статья нарядная, перчатки употреблялись очень рѣдко. Царица Евдокія Лукьян. въ 1626 г. ноября 6 были сшиты теплыя рукави, на которыя употреблена пара соболей. Потомъ царь Михайлъ въ 1629 г. іюня 28 въ трюнкѣ богомольномъ походѣ подарилъ своей супругѣ *рукавки перчаткы* нѣмецкое дѣло вязены узоромъ шелкъ брусниченъ, запясые по отласу по алому дѣлано канителью и трунцалы. (Подробн. М. стр. 83). Затѣмъ въ періодъ времени 1629—1632 г. находимъ у царицы еще рукави теплыя бархатъ червчатъ на черевехъ на лисьихъ на чернобурыхъ опушены соболемъ. Въ послѣдующее время, 1633—1643 г., въ казѣ царицы хранились рукави бархатъ червчатъ на пупкахъ на собольихъ, запясыя по червчатому бархоту шиты канителью золоченою да серебряною съ картушиномъ да съ трунцаломъ въ нацвѣтѣ шолкъ зеленъ да лазоревъ, запясые подложено камкою жолтою кутеремъ, нѣмецкое дѣло. Эти рукави въ 1642 г. сент. 18 были подарены государемъ царевичу Алексѣю Мих.

Въ томъ же году у царицы находимъ новыя рукави везеныя шолкъ червчатъ нѣмецкое дѣло; запясыя шиты по отласу по червчатому канителью да трунцаломъ золоченымъ травы и звѣри и птицы и въ травахъ низано жемчугомъ мелкимъ, промежъ травъ звѣздки золоченыя пришиваны съ жемчугомъ, около запясей обдѣлывано золотомъ, подложены запясыя тѣстою червчатую.

Такимъ образомъ царица Евдокія Лук. имѣла собственно только одну пару перчатокъ, перемѣняя съ теченіемъ времени, съ 1629 по 1642 г., старую пару на новую. Это и показываетъ, что онѣ употреблялись очень рѣдко и вовсе не входили въ кругъ обыкновенныхъ потребностей наряда. У одной изъ дочерей царицы у царевны Ирины М. находимъ также только 2 пары рукавковъ, однѣ: „рукавки *ирманья* (лайковыя) нѣмецкое

дѣло, запястье шито золотомъ; другія: рукави таета черчатъ на соболѣхъ“.

Носили-ли перчатки царицы Марья Ил. и Наталья Кпр., неизвестно. Въ описаніи ихъ казанъ о рукавахъ не упоминается. У царицы Агаэи Сем. рукавовъ перчатыхъ было двѣ пары; однѣ: отласъ бѣлъ, исподъ пунжи, опушка властными соболѣи; кругомъ галузь золотной; другія: шелковые шемоханскіе низеные, запястье круживо золотное; по краямъ круживо золото съ серебромъ.

При выходахъ въ церковь или къ гостямъ и вообще въ парадныхъ случаяхъ царицы и царевны, какъ и всѣ женщины и дѣвицы, въ рукахъ всегда носили *ширинку*, носовой платокъ, роскошно вышитый золотомъ, серебромъ и шелками, а иногда и низанный жемчугомъ и *лакишеллы* по кайшамъ золотыми нитями. Изображеніе таковой ширинки см. на рис. VII, 1. Ширинки кроились изъ тонкихъ арабскихъ миткалей, а по большей части и особенно наиболѣе богатые изъ бѣлой виницейской таеты. Бывали также и кисейныя, которыя иногда присылались въ дарахъ изъ Крыма (М. 57). Особенная дѣйность ширинки заключалась въ шитьѣ, гдѣ со всею роскошью выказывалось женское рукодѣльное искусство, не только въ чистотѣ и тонкости работы, но и въ женскомъ замысленіи по отношенію къ сочиненію узора и всякихъ украшеній. Ширинка такимъ образомъ, всегда служила хвостовскимъ предметомъ домашняго рукодѣлья и указывала значеніе и высоту рукодѣльныхъ достоинствъ всякой доброй и порядливой домоводницы изъ женщинъ, и трудолюбивой и слѣд. добронравной невѣсты изъ дѣвицъ. Въ самомъ нарядѣ это была наиболѣе замѣтная статья въ этомъ отношеніи, и женщина и дѣвица, неся въ рукахъ ширинку, тѣмъ самымъ какъ бы доказывала, если не всегда собственные-рукодѣльные таланты, то всегда искусство и совершенство работъ своей свѣтлицы, слѣд. своихъ хозяйскіе таланты. Оттого ширинки, вмѣстѣ съ убрусами, волосниками, сорочками, какъ исключительные предметы домашняго рукодѣлья занимаютъ очень видное мѣсто и въ свадебныхъ дарахъ, гдѣ такими дарами всегда старались представить съ самой выгодной и похвальной стороны рукодѣльное прилежаніе и художество невѣсты и ея семьи. Чужой родъ, какъ и всѣ гости получали здѣсь наглядныя доказательства о такихъ достоинствахъ невѣстина рода и дома.

Описаніе ширинокъ царицыной казны (времени Шуйскаго), а также записки о ихъ заготовленіи въ свѣтлицѣ помѣщены въ отдѣлѣ Матеріаловъ. Тамъ же, стр. 156, находится указаніе и о цѣнѣ, по какой иногда покупались сработанныя ширинки и которая восходила отъ 2 до 8 руб. Сумма, сравнительно съ другими цѣнностями того времени, очень значительная, указывающая вообще какъ дорого цѣвилась такая работа. Иногда на ширинкахъ выставлялось даже имя хозяина дома, гдѣ она работалась. Олеарій рассказываетъ, что подобную ширинку онъ получилъ (1643 г.) отъ молодой супруги графа Шляковскаго, женившася на русской. Это былъ по его словамъ: „носовой платокъ изъ бѣлой тафты, вышитый золотомъ и серебромъ, съ длинною по концамъ бахрамою (накишенье); такими носовыми платками обыкновенно дарятъ невѣсту жены и дочери знатныхъ вельможъ: такъ на полученномъ мною мелкими буквами вышито было имя *Стрѣшнева*, брата отца великой княгини“ (царицы Евдокии Лук.).

Въ казнѣ царицы Евдокии хранилось „19 ширинокъ тафтяныхъ бѣлыхъ (поступившихъ къ ней изъ казны патриарха Филарета Никит.), и въ томъ числѣ: ширинка тафтяная *везена* золотомъ, реши низаны жемчугомъ; 18 ширинокъ по бѣлой же тафтѣ шиты золотомъ и серебромъ съ шолки розными; кисти у всѣхъ у 19 золотыя. (Взяты у столъника у князя Юрья Андреевича Спцково да у дьяка Тимофея Голосова, государевы патриарховы казны. И тѣ ширинки взялъ и отнесъ къ царицѣ въ хоромы окольничей В. Ив. Стрѣшневъ).

Въ казнѣ царевны Ирины находимъ: 25 *ширинокъ* шиты по тафтамъ по бѣлымъ золотомъ да серебромъ съ шолки съ розными; у ширинокъ кисти золотныя. *Ширинка* тафта бѣла безъ кистей; на ней въ кругу вышитъ орелъ двоеглавой, по угламъ шиты травы золотомъ да серебромъ съ шолки съ розными. *Ширинка* тафта бѣла безъ кистей, шита золотомъ да серебромъ, около ширинки обшивана веревочка золотная. *Ширинка* кисейная турецкое дѣло, по ней по всей шиты травы золотомъ да серебромъ волоченымъ съ шолки съ розными“.

Должно замѣтить вообще, что ширинкою назывался носовой платокъ болѣе или менѣе украшенный шитьемъ. Обыкновенные *платочки* носили свое обычное названіе и кроились въ царичьномъ быту тоже изъ бѣлой тафты или изъ миткалей, и рѣдко изъ тонкаго полотна.

При богомольныхъ выходахъ, царицы, по пригвѣру своихъ супруговъ, употребляли также жезлъ, нагъ знагъ царственнаго ихъ достоинства. Съ такииъ жезломъ въ рукѣ царица Марья Ильична шествовала въ Вознесенскій мон. въ панихидѣхъ, см. рис. I. Въ назиъ царицы Евдокии Лук. хранился: Жезлъ нѣмецкое дѣло дерево черное гладкое; въ рукоздѣ вѣшываны травы серебряны; мезъ рукозди въ дву шурупѣхъ серебряныхъ золоченыхъ шурупцы костяные, въ шурубцахъ составы арапатные; да тутъ же костяной ставишь съ кровлюю, а въ немъ зуботычки костяные. Да въ томъ же жезлѣ трубка зрителная; да поверху жезла и рукозди въ шурупѣхъ серебряномъ золоченомъ часы солнечны съ маточникомъ. Кровля серебряна золочена, на кровлѣ деретца левъ съ змѣею. Подковецъ у жезла серебрянъ золоченъ. (Омляныи: и тотъ жезлъ взятъ въ царцѣ въ хоромы, а изъ хоромъ выданъ въ казну; 146 г. мая 26, отъ царицы изъ хоромъ половиу того жезла принесть Родиомъ Стрѣшневъ; а другую половиу выдалъ бояр. Лук. Ст. Стрѣшневъ; и у того жезла въ шурупехъ попорчено и шурубцы костяные съ арапаты и костяной ставишь съ кровлюю съ зубочисти изъ того жезла вынаты).

Царицыну обувь составляли: чулки, башмаки, ичедыги, чеботы. Въ царскомъ быту чулки вязаные или вязеные употреблялись очень рѣдко и дѣла не изготовлялись, а покупались у нѣмцовъ готовые. У царицы Евдокии Лук. было трое такиихъ чулокъ: „чулки вязеные шолкъ лазоревъ съ серебромъ, нѣмецкое дѣло; двои чулки вязеные шолкъ алъ да жолтъ, нѣмецкоежъ дѣло. Обыкновенно чулки кроились изъ тафты, камки, атласа, дороговъ и даже изъ сукна. Атласу въ кройку выходило на пару 1 ар. 2 в. во всю ширину полотнища (12 вер.); такииъ образомъ длина женскихъ чулокъ была вершковъ въ 12 и болѣе. Ширина ихъ измѣрялась въ *верхахъ* и надъ *стрѣлками*, около щиколотки. Конечно ихъ кроили въ плотную по ногѣ, для чего и необходимы были острые влинья или стрѣлки. Холодные чулки подкладывались тафтою: червчатые — лазоревую, желтые — червчатую и т. п. Подъ теплые подкраивались мѣховые исподы лисьи и бѣлыи черевьи, соболюи пупчатые, песцовые. Въ особыхъ случаяхъ холодные украшались даже круживомъ. Такъ царцѣ Евдокии Лук. на камчатные червчатые чулки было нашито круживо серебряное съ пелепелы. (Матер.

стр. 82). При особой длинѣ всѣхъ одеждъ для чулокъ такого убора конечно вовсе и не требовалось; но здѣсь, вѣроятно, обнаружилось лишь общее требованіе богатаго убора въ соотвѣтствіе всему остальному. По свидѣтельству Рейтенсельса чулки носили безъ подвязокъ. Дѣйствительно, свидѣній о женскихъ подвязкахъ намъ не встрѣтилось.

Башмаки кроились изъ бархата, атласа и сафьяна. Бархату въ кройку выходило 6 вершковъ во всю ширину (12 вер.) полотнища, атласу 9 вер. (шир. около 8 вер.), сафьяна четверть кожи; на подкладку тафты широкой въ $1\frac{1}{2}$ арш.—3 вершка. По *швамъ* башмаки обшивались золотнымъ съ шелкомъ пояскомъ или круживомъ, котораго выходило $1\frac{1}{2}$ арш. и больше; *каблуки* или *закаблучье* всегда обшивались волоченымъ золотомъ, на что требовалось золотой нити 5 и 8 арш. Бархатные и атласные, какъ и сафьянные *переды* по большей части узорочно вышивались золотомъ, низались жемчугомъ иногда съ дорогими камнями. У сафьянныхъ переды ставились иногда бархатные, на что употреблялось ткани 2 вер. По верхнимъ краямъ башмаки опушались атласомъ или бархатомъ другаго цвѣта. Наиболѣе употребительный цвѣтъ башмаковъ въ царскомъ быту былъ червчатый; но шились также башмаки бѣлые, желтые, зеленые, алые, лазоревые. Подъ каблуки, которые бывали очень высоки, всегда ставились у простыхъ, повседневныхъ, скобы желѣзныя, а у нарядныхъ выходныхъ — серебряныя. *Стельки* ставились полстѣяныя и обшивались червчатою тафтою. Употреблялась подсть *старицкая* бѣлая. На поднарядѣ употреблялась иногда обьярь, шелковая ткань, а на подклейку *урха* и клей; подошвы ставились обыкновенныя. Башмаки кромѣ того всегда *строчились* волоченымъ золотомъ или серебромъ.

Съ башмаками, какъ ихъ принадлежность, носились нерѣдко *ичетыи* или *ичедои*. Это въ точномъ смыслѣ — сафьянные чулки, ибо всегда шились изъ сафьяна безъ поднаряда и безъ особой подошвы. По большей части они покрывались, оболакивались камкою, или атласомъ, а съ исподней стороны подкладывались какъ чулки, тафтою, тогоже цвѣта или червчатые—лазоревою, бѣлые — червчатою и т. п.; верхнему краю подпушались атласомъ другаго цвѣта. Въ комнатномъ быту ичетыги могли замѣнять спальные сапоги, такъ что ихъ носили и безъ башмаковъ, тогда къ нимъ ставили легкую подошву. Очень рѣдко они употреблялись безъ поволоки или оболки

шелковой тканью. Нѣтъ сомнѣнiя, что вчетыги съ самыми названiемъ ¹ заимствованы у татаръ и въ XVII ст. упоминаются вѣрнѣе вчетыги крымскiе, крымское дѣло. Упомянуты при башмакахъ еще и *черезилы*. М. 35, тоже крымскiе, быть можетъ обувь въ родѣ туфель или тѣхъ же вчетоговъ.

Женскiе *чеботы*, родъ сапогъ, кроились какъ и башмаки изъ савьяна, бархата и атласа. Это были башмаки съ голенищами, (которые назывались *прежниками*), а потому и въ кройкѣ, въ отдыжкѣ и въ украшенiяхъ они сходились съ башмаками. На чеботы выходило въ кройку: на савьянные полсавьяна, на бархатные, и атласные — этой ткани, на *полные* по 1 ар. 6 в.; на *полуполные* по аршину съ верхкомъ и съ 2 в., смотря по ширинѣ портища. На подкладку употреблялась тафта червчатая отъ 8 до 11 вер. Верхи обшивались атласомъ или бархатомъ другого цвѣта, выходило 3 вершка; по швамъ пришивался золотной поясокъ или кованое золотное узкое или широкое круживо, котораго выходило 3 арш. и больше. Иногда на переды вмѣсто кружива пришивались *образы*, называемые жемчугомъ или изображенiя, фигуры или узоры; тогда на остальныя части кружива выходило только 2 арш. Скобы ставились также у простыхъ — желѣзныя, у нарядныхъ — серебряныя.

Кромѣ указанныхъ украшенiй нарядныя чеботы всегда вышивались богато золотомъ, унизывались жемчугомъ съ камнями и по швамъ вмѣсто золотнаго пояса низались жемчугомъ же. Особенно узорочились ихъ *переды* и *задники*.

Чеботы бывали *кривые* и *прямые* относительно кройки подошвы; *полные* и *полуполные*, относительно длины голенища. *Строчились*, простые — шолкомъ, а нарядныя — золотомъ. Цвѣтъ употреблялся такой же, какъ и для башмаковъ, червчатый, бѣлый, желтый, зеленый, алый. По свидѣтельству Маржерета вышины каблуконъ была въ 3 пальца, т. е. вершка въ 1½. Олеарiй говоритъ, что женщины и преимущественно дѣвушки носили башмаки съ очень высокими каблуками, вышиною въ четверть аршина, такъ что носокъ едва касался земли, и ходить было очень затруднительно. Чрезмѣрную вышину каблуконъ подмѣтили даже и народныя былинны. У Дюка Степановича

¹ Ичь — итыкъ — внутрь — сапогъ, слѣд. чулокъ, см. Саввантова Описание стар. царскихъ утварей, стр. 178.

были сапожки зеленъ сафьянъ, подъ пяду-пяду воробей пролети, о пяду-пяду яйцо прокати.

Сапогами въ собственномъ значеніи называлась обувь кожаная, которая въ царскомъ быту въ женскомъ нарядѣ не употреблялась, а изготовлялась только для придворныхъ женщинъ. Они шились изъ опойка (телятинные) и изъ сафьяна (козловые и барановые) такихъ же цвѣтовъ, какихъ бывали и чеботы, т. е. червчатого, желтаго, зеленаго, лазореваго, бѣлаго и смирные — чернаго. Въ царскихъ владовыхъ, въ началѣ XVII ст. находимъ однакожь сапоги бархатные и атласные, низанные жемчугомъ съ каменьямъ, М. 39.

Мы видѣли, что царицыно платье большею частію шилось изъ тканей довольно тяжелыхъ, каковы были сукно и золотные и шелковые плотные скоба-скобой, камки, атласы, бархаты и т. п. Очень понятно, что женскія руки царицыныхъ мастерицъ не могли хорошо управляться ни съ кройкою, ни съ шитьемъ такихъ портищъ. Была необходима болѣе сильная и твердая мужская рука для того, чтобы съ успѣхомъ владѣть ножницами, иглою и утюгомъ для устройства изъ этихъ толстыхъ полотнищъ цѣлаго наряда. Такимъ образомъ мы и находимъ въ Мастерской царицыной палатѣ не портнихъ, а портныхъ мужчинъ, которые при томъ пользовались почетнымъ именемъ *наплечныхъ* мастеровъ, ибо одѣвали царское плечо.

Личный составъ Мастерской палаты указанъ выше, стр. 515. Кромѣ наплечнаго или портняжнаго дѣла мужскія работы заключались еще въ изготовленіи обуви и головныхъ покрововъ шапокъ, каптуровъ, столбунцовъ, треуховъ, тасей, шляпъ, а по однородности дѣла также мѣховыхъ ожерелій и т. п., требовавшихъ не одного шитья тканей, но ихъ подлейки и шитья разныхъ клеенокъ и кожи. Мастерская палата вообще занималась изготовленіемъ всякихъ нарядовъ какъ бы въ чернѣ. Все, что касалось украшенія, убора въ каждомъ такомъ нарядѣ, то принадлежало уже занятіямъ и работамъ царицыной Свѣтлицы.

Расходъ различныхъ матеріаловъ при употребленіи ихъ въ кройку или для другаго изготовленія очень подробно и обстоятельно, даже иногда съ раздѣлкою, записывался въ особую книгу, которая по главной статьѣ употребленія называлась книгою *кроельною*. Здѣсь записывалась также и мѣра кроенному

платью съ обозначеніемъ *слюмо* или *смыо* какая часть скроена, сколько оставлено въ запасъ и т. п. Изъ кроельныхъ книгъ, хотя и не сохранившихся вполне, мы узнаемъ, по крайней мѣрѣ приблизительно, какіе именно предметы наряда бывали въ болѣешемъ употребленіи, сравнительно съ другими, и потому чаще строились и расходовались, совсѣмъ изношенные, въ отставку, а годные и новые для подарковъ родственнымъ и служебнымъ лицамъ. Вотъ примѣрыя цѣны подобныхъ построекъ для царицъ Евдокіи Лук. 1627—1629 г. и Марьи Ил. 1648—1650 г.

	136 г.	137 г.	156 г.	157 г.	158 г.		136 г.	137 г.	156 г.	157 г.	158 г.
Шапка . . .	1	7	"	11	2	Госпашниц.	1	"	"	"	3
Баштуръ . .	1	1	"	"	"	Опошань . .	"	2	2	"	"
Треухъ . . .	"	1	1	2	"	Рукави . . .	1	"	"	"	"
Шуба	2	1	7	3	1	Чулки	2	3	3	"	"
Талогрѣя . .	9	14	25	18	20	Башмаки . .	8	4	6	"	4
Лѣтнякъ . . .	10	5	15	21	10	Ичедьки . . .	"	"	2	"	"
Приволака .	"	"	1	"	"	Чеботы . . .	11	15	17	2	15

Кромѣ значенія мастерской, которое было такъ сказать коренное, почему и самый Постельный царицынъ Приказъ болѣею частію назывался тоже Мастерскою палатою, эта Палата имѣла еще значеніе царицыной кладовой, иначе гардеробной, въ которой, въ особыхъ помѣщеніяхъ, въ поставцахъ, коробьяхъ, шкатулахъ, ларцахъ, ящикахъ и сундукахъ сохранялись всякіе предметы изъ платья и уборовъ, разумѣется, за исключеніемъ только тѣхъ, которые употреблялись всѣдневно и по этому хранились въ хоромахъ у самой царицы или у царевенъ. Выдавая наряды по назначенію, Палата вела точныя и подробныя объ этомъ записки, извѣстныя подъ именемъ *выходныхъ* книгъ, которыя по отношенію къ царицамъ и царевнамъ, къ сожалѣнію, не сохранились.

Изъ общихъ ея описей мы получаемъ любопытныя свѣдѣнія о количествѣ платья и уборовъ, какое за извѣстное время сохранялось въ казѣ и которое даетъ понятіе вообще о степени щегольства въ быту царицъ и царевенъ. Съ этою цѣлью помѣщаемъ здѣсь сводную роспись различныхъ одеждъ царицъ Евдокіи Стрѣшневыхъ, Марьи Милославскихъ, Агаѣи Грушецкихъ и взрослыхъ царевенъ Большихъ, отъ Стрѣшневой, и Меньшихъ, отъ Милославской.

УБОРЫ И ОДЕЖДЫ.	Ц А Р И Ц Ы .				Ц А Р Е В Н Ы (1873 г.)									
	Евдокии Лук.				Марья Ильич.	Агафья Сем.	Ирины.	Анны.	Татьян.	Евдоки.	Марем.	Софья.	Екатерин.	Марья.
	1626-8.	1632.	1642.											
Борумы	4	2								
Книги	5	—	—	4	1	—								
Расы	4	—	—	6	—	—								
Шапки	7	—	—	3	—	—								
Снурь шляпочные	3	—	—	7	—	—								
Каптуры	18	—	—	5	1	—								
Ожерелья бобровые	16	—	—	27	2	—								
Шапки	8	15	38	27	2	—								
Горлатные шапки	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Пухъ шапочн.	—	—	—	3	—	—								
Верхи шапочн.	—	—	5	11	1	—								
Треухи	1	1	1	1	4	3								
Столбушц.	—	—	—	—	—	—								
Приволага	—	—	—	1	1	—								
Опашни	2	5	6	7	—	—	2	2	1	1	1	1	1	2
Ляпки (вообще).	49	65	95	116	9	—	33	10	16	18	13	10	11	5
въ томъ числѣ:														
Золотные	—	—	33	50	—	—								
Атласные	—	—	11	20	—	—								
Камчатные	—	—	25	27	—	—								
Объяринные	—	—	14	11	—	—								
Тафтяные	—	—	11	8	—	—								
Дорогильные	—	—	1	—	—	—								
Роспашницы	—	3	9	9	—	—								
(Золотя., камч., объяр., тафт.).														
Борляи	—	3	5	4	—	—								
Шубки (вообще)	18	10	9	11	9	7	7	7
Бархатныя	5	5	—	—	4	—								
Алтабасныя	2	1	—	—	—	3								
Атласныя	5	4	—	—	—	—								
Камчатныя	2	2	—	—	—	—								
Суконныя	14	18	24	22	2	—								
Золотныя	—	—	11	14	—	—								
Объяринныя	—	—	—	—	1	—								
Тялогрѣи, теплыя и хо- лодныя (вообще)	35	52	124	—	—	—	37	15	30	43	47	25	23	27
въ томъ числѣ:														
Золотныя	—	—	27	—	35	—								
Атласныя	—	—	22	—	12	—								
Камчатныя	—	—	30	—	15	—								
Объяринныя	—	—	20	—	8	—								
Тафтяныя	—	—	23	—	2	—								
Дорогильныя	—	—	2	—	—	—								
Одѣялы	—	4	—	—	—	—	7	9	3	—	5	4	5	
Вошвы	13	12	—	—	—	—								
Рукавки	1	1	1	—	—	2								
Чепоты	12	20	42	—	—	—								
Башмаки	7	9	18	—	8	—								
Рукавъ	—	—	—	—	—	7								
Чулки вязен. и камчат.	—	—	13	—	6	—								

Здѣсь не поименованы изъоторые, особенно богатые уборы и вообще *кузь ларемляя*, всякія драгоценности, по той причинѣ, что, какъ мы уже говорили, и само вѣдомство Мастерской Палаты ничего не знало объ ихъ количествахъ, ибо они хранились всегда въ особыхъ ларцахъ, ящикахъ, шкатулахъ и коробьяхъ за царицыною печатью и въ такомъ видѣ сдавались дворецкими и дьяками при случаѣ новаго пересмотра и новой переписи. Такъ здѣсь нѣтъ описи царицыныхъ корунъ, вѣнцовъ, богатыхъ ошивокъ, убрусовъ, жемчужныхъ ожерелій, монистъ, серегъ, перстней и т. п. Въ казнѣ у царицы Евдокии Лук. въ числѣ ларцовъ находились: *Ларецъ* кипарисной съ костью, обложенъ серебромъ, во влагалицѣ въ суконномъ червчатомъ съ замкомъ за печатью царицы, а ключъ отъ замка у ней государыни въ хоромѣхъ. *Ларецъ* по зеленой землѣ травы писаны розными краски за печатью государыни великія старицы иноки Марѣы Ив. — *Ларецъ* зеленъ окованъ желѣзомъ за печатью царицы, а въ немъ государя (т.) нарядныя сорочки. — *Ларецъ* кипарисной за царицыною печатью, а въ немъ государы полотенеца. *Ларчикъ* кипарисной окованъ, а въ немъ царицыны ошивки. *Коробья* новгороцкая съ замкомъ за печатью царицы, а въ ней царицыны сорочки. *Коробья* новгороцкая окована желѣзомъ, замкнута, за царицыною печатью, а въ ней государы да царицыны отставныя сорочки. *Коробья* осиковая бѣла съ вислымъ замкомъ за царицыною печатью, а въ ней по ярлыку написано: *низанные убрусцы*; а ключъ того замка у царицы въ хоромѣхъ. (155 г. генв. 31, съ убрусцы взялъ государь (Алексѣй М.) и отнесъ къ себѣ въ хоромы). *Ларецъ* кипарисной окованъ, съ замкомъ, а ключъ отъ того замка у царицы въ хоромѣхъ. А по сказкѣ боярыни Анны Костянтиновны въ томъ ларцѣ сорочки царевны Ирины. *Ларчикъ* оболоченъ бархатомъ червчатымъ оковцы серебряны; во влагалицѣ суконномъ съ замочкомъ вислымъ, а ключъ отъ того замка въ хоромѣхъ. Точно также и отъ нѣсколькихъ другихъ ларцовъ, коробей и шкатулъ, въ коихъ неизвѣстно что хранилось, ключи тоже находились у царицы въ хоромяхъ.

Одежды и уборы царицъ, послѣ ихъ смерти, преемственно переходили со всею ихъ казною къ новымъ царицамъ, за исключеніемъ развѣ носильнаго повседневнаго платья, которое большею частію раздавалось на поминъ души родственницамъ бывшей царицы или же продавалось съ цѣлью роздать деньги

тоже на поминъ по церквамъ и монастырямъ. Такъ въ 1645г. по смерти царицы Евдокии продано было ея черное (траурное) платье съ предварительною оцѣнкою торговыхъ людей. Парадное выходное платье, вообще не часто надѣваемое, долго оставалось свѣжимъ и новымъ и потому долго сохранялось въ казнѣ; новыя царицы, изъ оставшагося запаса выбирали многое и для своего гардероба, передѣлывали и перешивали, что не было по плечу, а иное, что было въ пору, приказывали подавать себѣ и безъ передѣлки. Такъ, спустя 11 лѣтъ по смерти царицы Маріи Ильичны, нѣкоторыя ея одежды, 2 шубки, 5 лѣтниковъ 2 тѣлогрѣи, поступили даже къ молодой царицѣ Агаѣѣ Сем., а еще прежде вся ея казна перешла къ молодой царицѣ Натальѣ Кирил., которая къ оставшемуся гардеробу въ теченіи первыхъ 5 лѣтъ прибавила только 9 лѣтниковъ (къ оставшимся 116), 7 шубокъ (къ оставшимся 56) и до 40 тѣлогрѣй, конхъ послѣ царицы Марьи вѣроятно, оставалось около 70. Между тѣмъ и гардеробъ царицы Марьи заключалъ въ себѣ значительное количество одеждъ, перешедшихъ къ ней отъ царицы Евдокии, ея свекрови. Такимъ образомъ количество болѣе или менѣе богатыхъ одеждъ накоплялось въ царицыныхъ кладовыхъ постепенно въ теченіи десятковъ лѣтъ и даже цѣлаго столѣтія. Укажемъ на постепенное приращеніе одеждъ у царицы Евдокии, число которыхъ въ 20 лѣтъ увеличивалось вдвое и втрое, по той причинѣ, что тутъ же сохранялись и старыя, не изношенныя, но шитыя прежде. Не говоримъ о *выросткахъ*, т. е. о дѣтскомъ платьѣ, изъ котораго дѣти выростали и которое обыкновенно переходило послѣдовательно къ младшему поколѣнію иногда въ полномъ составѣ. Замѣтимъ также, что то богатство нарядовъ, какое мы находимъ въ царицыной казнѣ въ эпоху Смутаго времени, извѣстное намъ лишь по отрывочнымъ, не вполне сохранившимся описямъ (Матер. № 17), объясняется тою же обыкновенною бережливостію царскаго Двора. Здѣсь многіе предметы, особенно предметы свѣтличнаго рукодѣлья, каковы напр. лѣтничныя вошвы, могли оставаться еще отъ первыхъ царицъ XVI ст., такъ какъ въ концѣ XVII ст. оставались еще въ царицыной казнѣ уборы, напр. кики и одежды царицы Евдокии (+ 1645). Такая сохранность одеждъ и разныхъ другихъ предметовъ обнаруживала съ одной стороны великую бережливость и можно сказать великое скопидомство, какимъ отличалось государево и особенно царицыно ховяйство до послѣднихъ мелочей. Послѣд-

ній вершокъ тканя, остатокъ и обрѣзокъ сохранялся и шелъ въ дѣло или въ домовоиъ обиходъ или въ даръ. Въ расходныхъ царидыныхъ запискахъ часто встрѣчаются отиѣтки, что тому или другому ея родственному или служащему лицу выдавались именно вершки тканей, золотниии шелковъ и т. п.

Здѣсь старое хозяйство было вѣрно своему старому исконивѣчному Домострою, который училъ: „остатки и обрѣзки (отъ кройки тканей и др. предметовъ) ко всему пригожаются въ домовитомъ дѣлѣ: поплатить ветчаново товожъ портища или къ новому прибавить, или какое небуди починить; а остатокъ и обрѣзокъ какъ выручить; а въ торгу устанешь прибираючи въ то лицо, въ три — дорога купишь, а иногда и не приберешь. Этотъ добрый совѣтъ не оставался пустою рѣчью, или однимъ только поучительнымъ присловьемъ, а водворился въ дѣйствительности, даже и въ такомъ богатомъ и широкомъ обиходѣ, каковъ былъ обиходъ царицы. Въ казнѣ царицы Евдокии Лук. Стрѣшневыхъ находилось не мало коробей и ящичковъ, именно со всякими остатками и обрѣзками. Напр.: *Оулдумъ* капарисной кованой, а въ немъ шубка бархатъ червчатъ, круживо кованое ивано жемчугомъ и иная мелочь, камчатые и тафтяные остатки. *Коробья* лубеная, а въ ней остатки и всякое лоскутье бобровое и лисье. И тѣ остатки и лоскутье проданы, для того что излежалась. *Коробья* осиновая, а въ ней остатки тафтяные и шолкъ. *Коробья* бѣлая, а въ ней бобровые и лисьи остатки. И тѣ остатки проданы. *Коробка* ноугороцкая невелика съ замкомъ съ внутренимъ, а въ ней остатки золотные и отласные большіе и мелкіе. *Коробья* бѣлая осиновая, а въ ней остатки камчатые и тафтяные и пестредилные. *Коробья* невелика съ замкомъ съ внутренимъ, а въ ней отласные, да камчатые да тафтяные мелкіе остатки. Множество подобныхъ остатковъ, обрѣзковъ и лоскутьевъ сохранялось въ казнѣ времени Годунова и Шуйскаго.

Если съ такою бережливостью сохранялись мелкіе лоскутки, то очень естественно, что цѣлыя одежды, переживали иной разъ не одно поколѣніе. Ихъ береженье главнымъ образомъ поддерживалось тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время вовсе не были извѣстны модные покровы платья, которое кроилось по вѣковѣчнымъ неизмѣннымъ образцамъ, при томъ изъ такихъ тканей, что могло даже черезъ цѣлое столѣтіе вполне отвѣчать и потребностямъ и вкусамъ тогдашнихъ красавиць, и какой либо богатый и роскошный лѣтний, спитый въ началѣ XVI ст.

напр. вел. княгиня Еленя Глинская, могъ послужить въ концѣ столѣтія такимъ же богатымъ и роскошнымъ нарядомъ и для царевны Ксеніи Годуновой, лишь бы пришлось по плечу и въ ростъ ¹. Надо замѣтить, что Смутное время или московская Разруха опустошила царскія кладовыя до нитки, такъ что первыя царшцы XVII ст. должны были дѣлать себѣ все вновь, снова накоплять свою казну, которая въ дѣйствительности къ концу XVII ст. и наполнялась множествомъ различныхъ одеждъ, нашитыхъ разными царицами постепенно въ теченіи столѣтія.

Мы уже говорили (т. I, 28), что Свѣтлицею вообще, въ старинныхъ хоромахъ, называлась болѣе обширная, сравнительно съ другими, и свѣтлая хоромина, которая въ домовитомъ обиходѣ и особенно на женской половинѣ устроивалась по преимуществу для женскихъ рукодѣлій, была рабочею комнатою. Своимъ устройствомъ, т. е. большими красными окнами и ихъ количествомъ она походила на теремъ и отличалась отъ него лишь тѣмъ, что ставилась не въ самомъ верхнемъ ярусѣ древнихъ хоромъ, т. е. не входила въ составъ, жилаго хозяйскаго Верха, а принадлежала къ хороминамъ нижнимъ и въ смыслѣ мѣстоположенія и въ смыслѣ своего служебнаго, рабочаго назначенія. Впрочемъ свѣтлица всегда устроивалась только для чистыхъ работъ и если въ иныхъ случаяхъ занимала верхнее помѣщеніе, то и называлась теремомъ, каковъ, напр. въ царскомъ дворцѣ XVII ст. былъ *иконный теремъ*, находившійся въ верхнемъ этажѣ набережной стороны Дворца. Сохраняя общее значеніе свѣтлой, чистой и просторной рабочей комнаты, свѣтлица, конечно, бывала необходимою принадлежностью и для другихъ статей домовитаго хозяйства, напр. въ государевомъ дворцѣ были особыя свѣтлицы на Сытномъ дворѣ „у отпуску боярской водки и у винной раздачи въ столовое и вечернее кушанье“; на Хлѣбномъ—„у присмотру приказныхъ вѣствъ“, т. е. которыя бывали особо приказываемы и т. д. ² Но

¹ Упомянемъ, что въ государевой казнѣ 1645 года сохранялась, кажется еще старая сума в. к. Ивана Бялты. Въ крохльней книгѣ (А. О. П. № 1158), апрѣля 19 записано: сироеца сума камка индѣйская шолкъ голубъ да вишнева, противъ старыя сумы вел. кн. Ивана Даниловича Бялты.

² Въ 1667 г. ноябр. 10, на кормовой и на хлѣбный дворцы въ сѣвѣлицы отпущено на полавочники, на покрышку лавокъ, двѣ половинки сума краснаго лятчины.

частное такъ сказать специальное ея значеніе оставалось по преимуществу за комнатою женскихъ чистыхъ руководній, которая и носила названіе Свѣтлицы по преимуществу.

Сначала въ государевомъ дворцѣ Свѣтлица находилась въ деревянныхъ хорахъ и всегда обозначала совокупность нѣсколькихъ руководныхъ комнатъ. Въ 1625 г. позади дворцовыхъ зданій надъ Куретными дворцовыми воротами выстроена особая *свѣтличная каменная палата* (т. I, 55), которая посредствомъ крытыхъ и открытыхъ переходовъ или галлерей соединялась съ постельными хорами царицы и царевенъ, а слѣд. и со всѣми остальнымъ дворцомъ. — Но и въ это время подлѣ Свѣтличной палаты были поставлены я еще отдѣльныя деревянныя свѣтлицы, по той причинѣ, что вѣроятно одной каменной палаты было недостаточно для помѣщенія царицыныхъ руководныхъ комнатъ. Въ этихъ то зданіяхъ сосредоточивалась вся руководная статья царицыной жизни. Здѣсь постоянно работало болѣе пятидесяти женщинъ, мужскихъ женъ, вдовъ и дѣвицъ, — мастерицъ и ученицъ, изъ которыхъ одѣй занимались *большимъ шитьемъ*, т. е. шитьемъ всякаго *бѣлья*; другія — *золотымъ*, подлѣ именемъ котораго разумѣлось и шелковое шитье, т. е. всякое вышиванье золотомъ, серебромъ и шелками. Первые назывались по этому *большими швеями* и *большими мастерицами*; вторыя — *золотыми* и *золотыми мастерицами*.

Само собою разумѣется, что въ царскомъ дворцѣ, искусство вышиванья получало самое дѣятельное и обширное примѣненіе и всегда стояло на высшей степени своего совершенства, всегда славилось и лучшими во всей странѣ искусницами шитья и лучшими образцами произведеній, чѣму, конечно, очень много способствовали государскія дворцовыя средства, какъ въ отношеніи богатства, такъ и въ отношеніи сосредоточенія въ своихъ рукахъ всего лучшаго, всего наиболѣе достойнаго по искусству и наиболѣе цѣннаго по матеріалу. Царицына Свѣтлица была, въ своемъ родѣ, такою же художественною школою, какою на половинѣ государя была Иконописная палата и которой Свѣтлица ни въ чемъ не уступала, изображая тѣже иконы не красками, а шелками, съ такою тщательностію и отчетливостію, что онѣ и до сихъ поръ заслуживаютъ удивленіе археологовъ. Стиль иконописной раскраски, своего рода мозаики, давалъ полную свободу подражать ему въ воспроизведеніи иконописныхъ ликовъ такою же мозаикою шелковаго шитья, которое

притомъ исполняло свои работы по тѣмъ же иконописнымъ переводамъ, прорисамъ и образцамъ съ соблюденіемъ не только основныхъ линий но и колорита раскраски.

Царидына Свѣтлица, такимъ образомъ, представляетъ намъ цѣлый особый и забытый міръ художественной дѣятельности, въ которой художникомъ является русская женщина, приносившая рядомъ съ мужчиною, свой усердный и столькоже замѣчательный трудъ на возвышеніе красоты и великолѣпія Божьяго храма.

Начало шелкового и золотого шитья мы должны относить къ самымъ первымъ временамъ нашей исторіи, когда оно, по всему вѣроятію, служило лишь домашнимъ потребностямъ богатаго наряда и убора. Само собою разумѣется, что съ принятіемъ христіанства, благодаря потребностямъ Церкви и знакомству и близкимъ связямъ съ византійскою греціею, откуда безъсомнѣнія вѣстѣ съ образцами работы являлись къ намъ мастера и мастерицы, — это женское по преимуществу художество, получило обширнѣйшее примѣненіе, распространилось и утвердилось какъ особая отрасль художества, служившаго исключительно Церкви. Вѣроятнѣе всего, что въ первое время особому его распространенію способствовали женскія монастырскія общины. Мы видѣли, стр. 94, что уже первыя княжны основываютъ монастыри, собираютъ черноризицъ и съ богомольными пѣвчими путешествуютъ даже въ Греки, въ Царьградъ, гдѣ конечно, въ женскихъ же монастыряхъ знакомятся еще ближе съ искусствомъ. Женскій монастырь долженъ былъ существовать женскимъ же руководѣемъ; а какое же руководѣіе было соответственнѣе монастырскому настроенію мысли, какъ не то, которое прямо шло на украшеніе Божьяго храма. Очень естественно, что первые женскіе монастыри были и первыми мастерскими и первыми расадниками этого искусства. Татищевъ упоминаетъ, что первая монахиня изъ русскихъ княженъ, дочь Всеволода, Янка сама учила черноризицъ дѣвицъ грамотѣ, пѣть, шить. (Кар. 11. пр. 156.) Онъ же приводитъ свидѣтельство, что другая Анна Всеволодовна, жена Рюрика Ростиславича (1200 г.), „ни о чемъ болѣе прилежала, какъ о милости и милостыни; обидимыхъ и страждущихъ въ напастехъ охраняла и защищала, еще же и должность материнскую хранящи, научила чадъ своихъ словесамъ и закону Божію, также милости и благоуравнію. Сама прилежала трудамъ и руководѣіямъ, швеніямъ златомъ и

сребромъ, какъ для себя и своихъ дѣтей, паче же для монастыря Выдубицкаго, которому особенно усердствовала вѣствъ съ мужемъ¹. Припомнишь Февронію Муромскую, которая была крестьянкою тѣла красна, а ставши княгинею, а потомъ и монахинею, однажды „въ храмъ Пречистыи соборныи церква своиа рукама шила воздухъ, покровъ на св. сосуды, на немъ же бѣ лики святыхъ“. Въ это время бывший ея супругъ, также князь, князь Петръ, присылаетъ къ ней вѣстника, что приблизился часъ его кончины и ждетъ онъ ее, чтобъ вѣствъ „отъйти отъ тѣла“. Она отвѣтила: пожди—вотъ дошью воздухъ во святую церковь. Супругъ присылаетъ вторично, говоря, что остается мало ожидать; присылаетъ въ третій разъ, съ словами, что ожидать уже невозможно; „онаже остамошное дѣло воздуха святаго шіаше, уже бо единого святаго рязъ еще не дошивъ, лице же нашивъ, и преста, и воткне иглу и приверте нитею, ею же шіаше, послала къ блаженному супругу о преставленіи купнемъ и помолвившеся преставилася“.

Такииъ образомъ не будетъ и малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ одно время съ постройемъ у насъ первыхъ христіанскихъ храмовъ явились на украшеніе ихъ и первые памятники женскаго золотого и шелковаго шитья. Скупые на подробности лѣтописцы, рѣдко, и то уже въ позднее время, описываютъ самыя предметы вышиванія и обозначаютъ ихъ вообще именемъ церковной *круты*.

Въ 1146 г. онѣ упоминаютъ какъ князь Изяславъ взялъ городъ князя Святослава и церковь св. Вознесеніе всю облупиша, забралъ: сосуды, „видитьбѣ и платы служебныя, а все шито золотомъ“...

Въ 1183 г. въ градѣ Володимери Суздальскомъ сгорѣла соборная церковь, Богородица Златоверхая, а въ ней всѣ узорочья и въ томъ числѣ „портъ (одеждъ) шитыхъ золотомъ и женчюгомъ, яже вѣшали на празникъ въ двѣ верви отъ Золотыхъ воротъ до Богородицѣ, а отъ Богородицѣ до владычныхъ сѣній во двѣ же верви, чудныхъ“.

¹ Татищевъ кн. III, 329. Лѣтопись не говоритъ объ ученіи дѣтей рукодѣлю (Ип. 153); но прибавки нашего перваго историка вполне вѣроятны, оправдываются всѣми обстоятельствами и могли быть заимствованы изъ позднѣйшихъ сказаній, которыя обозначали подробности то, что разумѣлось вообще въ короткихъ словахъ лѣтописца.

Въ XIII вѣкѣ онѣ упоминаютъ: о церковныхъ сооруженіяхъ князя Владиміра Васильковича на Волыни, который между прочимъ устроилъ: „завѣсы золотомъ шиты, платцы (воздухи) оксамитны шиты золотомъ съ женчюгомъ — херувимъ и серафимъ, индѣтѣя золотомъ шита вся“...

Изъ предметовъ мірскаго наряда, упоминаютъ облежье золотомъ шито, какъ принадлежность одежды знатныхъ людей, и сапозы зеленого хѣза шиты золотомъ, что указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на мужское золотопшвейное искусство.

Но конечно не однѣ монастырскія мастерскія доставляли украшеніямъ церкви столько работъ и еще чудныхъ, какъ обозначаетъ ихъ лѣтопись. Впослѣдствіи, особенно, когда монастырскіе идеалы вполне водворились въ семейномъ быту, каждый княжескій и боярскій домъ, каждый достаточный домъ, направляемый благочестіемъ и особеннымъ усердіемъ къ Церкви, точно также приносилъ ей свои труды, или на поминъ души или исполняя свои набожные обѣты и моленія. — Это становится наконецъ святымъ обычаемъ, которому слѣдовали непременно и неизмѣнно въ теченіе всего допетровскаго вѣка, хранили его, какъ догматъ благочестивой семейной жизни.

Въ послѣдующее время, въ XVI и XVII ст. мы находимъ, что въ каждомъ домостройномъ и достаточномъ хозяйствѣ, золотное и шелковое *пяличное* дѣло принадлежитъ уже къ необходимымъ статьямъ общаго домоводства и занимаетъ самое видное мѣсто въ числѣ разныхъ другихъ руководѣлій. Каждая достаточная государыня и добрая домоводица, а главное, добрая руководѣльница всегда сама была искусницею въ этомъ пяличномъ дѣлѣ. Оно служило первымъ признакомъ хорошаго воспитанія и образованія въ женскомъ быту, лучшимъ украшеніемъ хозяйскихъ добродѣтелей дѣвицы и женщины. Къ тому же и самое положеніе женскаго быта, монастырски замкнутого и недоступнаго обществу, должно было особенно благопріятствовать укорененію и распространенію этого руководѣлія. Въ достаточной средѣ, трудно было найти занятіе, болѣе соотвѣтственное общему набожному настроенію мыслей и набожнымъ представленіямъ о наилучшемъ мірскомъ подвигѣ жизни, съ другой стороны нельзя также было найти занятія болѣе соотвѣтственнаго такъ сказать „изящному“ провозженію времени, покрайней мѣрѣ по понятіямъ вѣка и особенно для дѣвицъ. И дѣйствительно, это руководѣліе вполне могло удовлетворять самымъ возвышеннымъ по-

требностямъ тогдашнихъ стремленій и вкусовъ, создавая памятники на украшеніе Божьему храму, и производя множество предметовъ для красоты женскаго, а отчасти и мужскаго наряда. Словомъ сказать золотное и шелковое шитье всетамъ вводило людей въ міръ искусства вообще, приближало ихъ къ изящному въ жизни, и тѣмъ самымъ, быть можетъ, смягчало нравы, направляло ихъ къ лучшей по обстановкѣ вѣка жизни, т. е. къ жизни иноческой.

Какъ бы ни было, но еще и до сихъ поръ въ монастыряхъ и церквахъ сохраняется множество памятниковъ, которые показываютъ, что женскій трудъ вышивавья нисколько не уступалъ мужскому иконописному труду и въ такой же мѣрѣ обогащала Церковь своими болѣе разнообразными произведеніями. Въ этихъ памятникахъ, предъ лицомъ исторіи, женская личность свидѣтельствуетъ о своей многовѣковой дѣятельности, о своемъ независимомъ самостоятельномъ трудѣ, который былъ приносимъ съ единою цѣлю возвысить красотой и богатствомъ обстановку церковнаго служенія и молитъ о спасеніи души.

Нѣкоторые памятники въ своихъ надписяхъ или въ запискахъ послучаю ихъ построили краснорѣчиво рассказываютъ эти благочестивыя стремленія женской личности. Такъ на одной древней епитрахили въ Новгородскомъ Антоніевомъ монастырѣ читаемъ слѣдующія слова: „Госпоже Богородица, Пречистая Мати Божія, Милостивая Царице, пожалуй, Госпоже, помилуй рабу свою Марію, отдай ей грѣхъ; буди, Госпоже, помощница въ семь вѣцѣхъ и въ будущемъ рабѣ своей Маріѣ и раба своего Феодора. Спаси ее, Госпоже, Царица Пречистая. Пожалуй, Госпоже, помилуй!“¹ Въ запискахъ новгородскаго Софійскаго синодика XVI в. между прочимъ значится: 1541 г. шила *пелену* княгиня Анна Оболенская въ домъ св. Софіи неизрѣченныя премудрости Божія, къ ней же пелева и приложена бысть.—А за то поминати (княгиню) въ сенаниѣхъ и въ литейномъ поминаніи въ повседневномъ, докуда и храмъ св. Софіи стоитъ, а изъ поминанія не выгладити (не выскоблить имени) княгини Анны. — 1543 г. шила златомъ и серебромъ *пелену* княгиня Ксенія Шуйская въ домъ св. Софіи, а приложена къ Спасову образу. И какъ представится кн. Ксенія—поминати (ее) въ се-

¹ Арх. описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, соч. архим. Макарія, ч. II, стр. 337.

нанигъ и въ литейномъ поминаніи и въ повседневномъ, доуды и храмъ св. Софіи стоитъ. 1548 г. тая же княгиня Ксенія шила *покрогъ* десяти пядей образъ Іоанна архіепископа новгородскаго—златомъ и серебромъ и шолки различными цвѣты. И на праздникъ на св. Пасху положила на гробъ чудотворца Іоанна во храмъ св. Іоанна Предтеча—за здравіе князя Ивана Михайловича (ея супруга) и за свое и за своихъ благородныхъ чадъ. А по преставленіи князя Ивана и княгини Ксеніи поминати ихъ во всенаніи и въ литеи во вѣки въ церкви св. Софіи и въ храмъ св. Іоанна Предтеча, идѣже лежатъ мощи Іоанна новгородскаго“¹.

При настоящей задачѣ нашего труда, мы неимѣемъ намѣренія да и возможности дѣлать перечисленіе памятниковъ, какіе были совершены въ разное время искусствомъ вышиванья. Повторимъ только, что не смотря на утраты, ихъ много сохраняется и досихъ поръ, а въ прежнее время ихъ существовало великое множество, чему свидѣтелями могутъ служить всѣ древнія описи церквей и монастырей, въ которыхъ отдѣлы церковной „круты“, т. е. одеждъ разнаго наименованія и назначенія, шитыхъ и саженыхъ или низаныхъ жемчугомъ всегда бываетъ столько же полонъ и богатъ, какъ и другіе отдѣлы храмовой утвари. На памятникахъ наиболѣе замѣчательныхъ почти всегда вышивалась и лѣтопись ихъ сооруженія, иногда даже съ обозначеніемъ именъ трудившихся. Въ Антоніевомъ новгородскомъ монастырѣ хранятся ризы (1654 г.), у которыхъ на оплечья шиты золотомъ и серебромъ съ передней стороны обр. Богородицы на престолѣ, 8 Апостоловъ и 4 новгородскихъ чудотворца; а съ задней стороны: Спасъ и Богородица и Предтеча, т. е. денсусъ, и въ лѣтописи обозначено: „шила Ростквина (?) Катерина Петрова“².

Въ Сольвычегодскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ сохраняется пелена къ образу царевича Димитрія, шитая по малиновому атласу золотомъ, серебромъ и шелками, на которой изображенъ царевичъ во весь ростъ и событіе его убіенія, а въ поляхъ святыя и въ углахъ символы Евангелистовъ. На задней сторонѣ вышита лѣтопись: „7163 (1654) года октября 19 совершена бысть сія пелена къ образу святаго благовѣрнаго царе-

¹ Временникъ Общ. Истор. и Др. кн. 24, ст. 40.

² Арх. опис. Церк. Древн. Новгорода, Арх. Макарія II, 324.

вича и великаго князя Дмитрія московскаго и всея Русіи чудотворца, что на посадь у Соли Вычегодской въ церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы по обѣщанію имѣлиаго человека Дмитрія Андреевича Строганова, а труды и шиваніе сіа пелены шелкуомъ шены ево Дмитрія Андреевича Анны Ивановны, а въ лицахъ и въ ризахъ и во всякой утвари труды шлохими Маромъ, по реклу Веселки“¹.

Такимъ образомъ и въ царицыной Свѣтлицѣ главными и первыми самыми видными предметами золотого и шелковаго вышиванья были различныя церковныя утвари, исполняемыя точно также по обѣщанію, или въ ознаменованіе усердныхъ моленій и благодареній по случаю какихъ либо домашнихъ, семейныхъ событій, домашнихъ семейныхъ отношеній между царствующими супругами, за здравіе живущихъ и на поминъ души умершихъ, такъ что сооруженіе такихъ памятниковъ всегда олицетворяло въ нихъ внутреннюю задушевную исторію благочестивой жизни царскаго Дома.

Въ разное время, смотря по требованіямъ и по назначенію царицы или царевенъ, мастерицы изготовляли здѣсь слѣдующіе предметы церковной утвари: свѣтительскія шапки и саки (сангосы), омофоры, епитрахили, орары, оплечья ризныя и стихарныя, поручи; на церковныя сосуды покровцы и воздухи, пелены и застѣжки къ образамъ, убрусцы; хоругви, плащаницы, надгробныя покровы, и т. п.

Изъ домашнихъ мірскихъ вещей первое мѣсто въ свѣтличныхъ золотошвейныхъ рукодѣльяхъ принадлежало *вошвамъ*. Это были бархатные или атласные, вообще шелковые платы, о которыхъ мы уже говорили, стр. 625 и которые всегда роскошно разшивались узоромъ, травами и разными изображеніями; а потому изъ нихъ же очень часто устроивали оплечья у священническихъ ризъ и у дьяконскихъ стихарей и ихъ размѣръ вполне былъ пригоденъ для такого употребленія. Было въ обычаѣ богатые женскіе наряды, именно *причастные*, въ которыхъ причащались св. таинъ, и именно дѣтники съ богато шитыми вошвами жертвовать по смерти въ церковь на ризы. По всему вѣроятію эти то *вошвы-платы*, шиваемыя въ оплечья ризъ, и возбудили мнѣніе о неприличіи такого дѣла еще въ XII вѣкѣ, въ извѣстныхъ „вопросахъ“ Киррика.

¹ Сольвычегодская старина, рукопись; В. Попова.

Изъ другихъ частей стариннаго женскаго и мужскаго наряда мастерицы вышивали: шапочные вершки, особенно у женскихъ шапокъ, ожерелья или воротники, стоячія и отложныя, запястья, женскіе башмачные и чеботные переды изъ бархата и атласа; вышивали также женскія и мужскія сорочки, фаты и особенно много изготовляли вышивныхъ ширинокъ, фустокъ или платковъ, полотенецъ, убрусовъ, т. е. головныхъ покрововъ. Въ государеву мастерскую палату изготовляли такъ называемый *кречатій нарядъ*, уборъ ловчихъ птицъ и для собственнаго употребленія и для посланки въ даръхъ къ турецкому султану въ Царьградъ, въ Кизылбаша къ персидскому шаху и къ европейскимъ государямъ, особенно въ англійскимъ королямъ. Этотъ уборъ состоялъ изъ воротки, нагрудника, нахвостника, нагавокъ, штыхъ изъ атласа и клобучка изъ бархата, которые частію вышивались золотомъ, а преимущественно низались жемчугомъ, а также изъ обнажей, должика, силецъ и задерешекъ, которые украшались жемчужными низанными ворворками и княпышками.

Въ золотное дѣло употреблялось волоченое золото и серебро, нѣмецкое и отчасти турецкое, *сканое* и *пряденое* съ шелкомъ, а также золотая и серебряная бить разнообразнаго изготовленія, именно *канитель*, *трунцаль* или *струнцаль*, *картулинъ* или *картулень*, *картумель*; *банъ* или *збанъ*, и разные роды такъ называемыхъ блестокъ: *звѣздки*, *пеленелы*, *плащички*, *цѣпочки* и т. п. Больше всего употреблялась канитель и особенно нѣмецкая, которая была *тонкая* и *толстая*, *гладкая* и *грановитая*, *красная* собственно золотая, и *цвѣтная* (разныхъ цвѣтовъ), а также *бѣлая*, серебряная; трунцаль также былъ *красный* золотой и *бѣлый* серебряный, какъ и вообще словомъ бѣлый обозначалось серебро, въ отличіе отъ золота и золоченья.

Всѣ эти предметы покупались въ Серебряномъ ряду и у торговыхъ нѣмцовъ, за золотникъ по 5 алтынъ. Толстая канитель была дороже и покупалась по 6 алт. 4 д.; въ этой же цѣнѣ была канитель цвѣтная. Трунцаль, банъ и цѣпочки продавались также нѣсколько дороже, по 5 алт. по 2 и по 4 денги золотникъ. Волоченое или пряденое золото и серебро продавалось намотанное на цѣвки или катушки или же связанное кистями, и вѣсилось *литрами* (72 зол.) и цѣвками (6 зол.) отчего и называлось *литернымъ* и *цѣвочнымъ*; нитями въ золотникъ считалось 10 нитей, а въ цѣвкѣ 60.

Въ XVI ст. либра продавалась дешево по 4 р. и дорого по 6 р. Въ XVII ст. дешевая цѣна была 10 р. 80 к. (по 15 в. зол.) дорогая 14 р 40 к. (по 20 в. зол.). Тамъ самая цѣна стола и на всѣ другіе надѣлія изъ золотой и серебряной бити, поименованныя выше.

Такъ какъ волоочеваго золота и серебра и канители употреблялось много, а дома все это можно было готовить дешевле и выгоднѣе, то во Дворцѣ еще въ началѣ XVII ст. было заведено канительное производство, были вызваны нѣмцы мастера и устроенъ канительный станъ. Въ первой половинѣ XVII ст. находились при Дворцѣ и въ царицыну мастерскую палату поставляли канитель и подобные предметы канительные мастера: Иванъ Башеновъ 1614 г., Мура Гавриловъ 1614—1626 г.; Фредрикъ Гурикъ и Курикъ 1622—1632 г.; Юрій Яковлевъ, волоочильникъ 1623—1630 г.; Авраамъ Юрьевъ Кавригъ и Гарвинъ 1628—1633 г.; Ульяновъ Ульяновъ 1632—1636 г.; Иванъ Буковъ 1632—1633 г.; Французинъ Иванъ Бостигъ 1633 г.; Абрамъ Аршинъ 1634—1637 г. и др.

О способахъ и о самомъ производствѣ золотого шитья мы знаемъ мало свѣдѣній. По всему вѣроятію многое изъ старинной техники этого дѣла сохраняется и теперь, у нѣмѣшнихъ русскихъ золотошвеекъ, особенно по украиннымъ стариннымъ городамъ. О способахъ шитья въ XVII ст. встрѣчается нѣсколько указаній при описаніи шитыхъ вещей. Такъ обозначается шитье *гладью*, *высокимъ швомъ*, *на-чеканное дѣло*, т. е. на подобіе чеканной металлической работы; *на-канительное дѣло*, спиралью; шитье *въ петлю*, *въ большую петлю*, *въ круги*, *въ мелкіе кружки*, *въ цѣпки*, *въ вязъ*, *въ клопеца*, *въ ломъ*, *въ черенки*, *скамью*. Чаше встрѣчается обозначеніе шитья *на-аксамитное дѣло*, на подобіе аксамита, особаго рода парчи, въ которой узоры, травы и разводы ткались или возвышенно передъ полемъ или фономъ матеріи или же на оборотъ: поле ткалось возвышенно, а разводы углубленно, при чемъ поле бывало золотное, а разводы шелковые, или поле шелковое, а разводы золотные. Золотое и шелковое шитье подражало этому способу ткани, почему и самый способъ такого шитья опредѣлялся словомъ *аксамитить*, т. е. шить подобіемъ аксамита. Такимъ же образомъ шитье подобіемъ бархата обозначалось выраженіемъ: бархатить¹.

¹ Сравни. въ Описаніи г. Саввантова стр. 290.

Неразвѣдно съ золотошвейною работою стояло мнѣнье или *самселе* жемчугомъ, который цѣнился по величинѣ, оватности или скатности, особенной круглостѣ, и по чистотѣ воды, т. е. по ясностѣ (лоску) и близости зерна, вообще цѣна ему была „по верну смотря“, т. е. въ высшей степени различна. „Память, почему знать купить разныя всякія купеческія рухляди и товары“ на счетъ жемчуга совѣтуетъ такъ: покупай жемчугъ все бѣлый да чистый, а желтаго никакъ не купи: на Руси его никто не купитъ“. Напротивъ у восточныхъ народовъ предпочитался жемчугъ желтоватый, никогда не терявшій своей воды, между тѣмъ какъ бѣлый черезъ нѣсколько лѣтъ темнѣлъ и желтѣлъ.

Жемчугъ зерновой оватной, чистый и бѣлый, покупался въ XVI в. за зерно безъ малаго въ золотникъ вѣсомъ по 8 руб. По этому расчету съ нѣкоторымъ пониженіемъ цѣнились зерна и меньшей величины, такъ что зерно въ $\frac{1}{2}$ зол. стоило рубль.— Это былъ жемчугъ „великій, большой“. Жемчугъ средней и мелкій, сыпной, и при томъ *рядовой*, т. е. обыкновенный, не отличавшійся особенною чистотою и оватностью цѣнился также сообразно своей величинѣ: 15 зеренъ въ золотникъ стоилъ 1 $\frac{1}{4}$ р.; 30 зеренъ—1 р.; 50 зеренъ—полтина и т. д. Зубоватый, т. е. не гладкій, угольчатый, рогатый, но чистый, шелъ при гладкомъ въ полцѣны; а самый оватный или окатистый чистый при рядовомъ въ двѣ цѣны. *Зерляшка*, очень мелкій, и *буторь*, ломъ, продавался еще дешевле.

Лучшимъ, а слѣд. и болѣе дорогимъ почитался жемчугъ *гурмыцкій* или *буржицкій*, *буржискій*, вывозимый изъ Ормуза или Гурмыза (страна, городъ и островъ при Персидскомъ заливѣ) ¹ Затѣмъ слѣдовалъ жемчугъ каѣмскій, вывозимый изъ Каѣы (Теодосіи). Много жемчугу привозили и съ западной границы чрезъ Архангельскъ. Употреблялся также и русскій жемчугъ *варзужскій*, дабываемый въ р. Варзугѣ (Арханг. губ. Кемскаго уѣзда); онъ же, вѣроятно, въ началѣ XVI ст. назывался *новгородскимъ*.

Низали жемчугомъ *въ снизу*, *въ раску*, *въ раскую*, *расюю*, *въ перь*, *въ-рядь*, *въ одну*, *въ двѣ*, *въ три пряди*, *въ одно зерно*, *въ шахматы*, *въ реюидь*, *лсомь*, *зелы*, т. е. въ видѣ буквы зѣла, и т. п., вообще способъ низанья обозначался фигурою узора или какаго изображенія.

¹ Городъ Гурмызъ былъ центромъ южной азіатской торговли; о немъ Мавры говаривали: „аще бы свѣтъ былъ перстнемъ, Ормуздъ былъ бы его каменемъ“. Тамъ торгуютъ купцы всякаго народа.

Кромѣ жемчугу въ украшеніе золотого и серебрянаго шитья употреблялись и дорогіе камни разныхъ наименованій, всегда для низанья просверленные; а также и простыя камни изъ стеклянныхъ сплавовъ, называемыя *достокалами*, *варениками* и *смазлами*. Въ XVII ст. употреблялись въ низанье камни *черныя бирюзки*. *Промізки* или бусы и *бисеры* въ работахъ царичиной свѣтлицы употреблялись рѣдко, по той причинѣ, что это былъ нарядъ небогатый. Въ соотвѣтствіе камнямъ шитье украшалось перьями и металлическими, золотыми и серебряными *дроблячками*, т. е. дробными мелкими чешуйчатыми или рѣзными фигурами и *заячками* съ каменьями или съ ояннотью.

Всякія изображенія и узоры и надписи, назначаемыя для вышиванья или низанья, прорисовывали по тѣмъ обыкновенно бѣлымъ или чернилами состоявшіе при Свѣтлицѣ *эмалелюжники* или *рисовальщики*. Въ иныхъ случаяхъ рисунки изготовлялись и на бумагѣ, черченемъ и проназыванемъ. Мастерницы по рисунку выметывали очеркъ бѣлою и затѣмъ разшивали шелками или золотомъ и серебромъ. Въ свое время для царичиной Свѣтлицы много работалъ и знаменитый иконописецъ второй половины XVII ст. Симонъ Федоровъ Ушаковъ, состоявшій сначала *знаменщикомъ въ Серебряной палатѣ*.

По штату при Свѣтлицѣ *знаменщиковъ* было двое. Въ 1620 г. *знаменщиками* золотныхъ мастерницъ были Иванъ Некрасовъ, Иванъ Ивановъ, которые апр. 3 получили вѣроятно въ награду за труды по 4 арш. сукна. Потомъ упоминаются: Петръ Ремезовъ (съ 1625 г.), на мѣсто котораго 1652 г. февр. 29 поступилъ Карпъ Тимоѣевъ. Прося этого мѣста, онъ писалъ въ своей челобитной, 12 генв., что „при немъ Петръ Ремезовъ *знаменилъ* онъ многіе *дѣла* въ прибавку больши 10 лѣтъ, по иконному: святительскіи шапки и саки и амфоры и патрахели и удары и ризныя и стихарные оплечья и поручи; плащаницы и на церковныя сосуды покровцы и воздухи и гробныя покровы и на пеленахъ святыхъ отецъ дѣяніе и *столповыя слова* около покрововъ и воздуховъ и пеленъ и подписи; и всякое травное дѣло *знаменить*; а прежній де *знаменщикъ*, Петръ Ремезовъ, *знаменилъ* одно *травное дѣло*, а по иконному *знаменить* и *словописное дѣло* и подписей писать неумѣетъ; а *знаменивали* прежде сего, по иконному, его (Карповы) братья, *иконники*, изъ корму, а давано имъ отъ того дѣла по 2 алт. по 2 денги на день; а *словописецъ* де былъ жалованной; а ему

было денегъ 15 р. да хлѣба 20 чети ржи, овса тожь; и онъ Карпъ жалованьемъ передъ своею братьею, иконниками, скорбленъ; и живучи у государева дѣла безпрестани, оскудалъ и одождаль“, почему и просилъ сравнять его съ жалованными иконниками. Изъ этой челобитной видимъ, что свѣтличныя знаменщики знали только одно травное дѣло, а по иконному рисовать неумѣли. Для иконнаго знаменья, какъ увидимъ, призывались знаменщики—иконники изъ Серебряной и Оружейной Палаты. Въ концѣ XVII ст., 1660—1690 г., свѣтличными знаменщиками были: Петръ Симоновъ, Оника Онисеоровъ, Аванасій Резанцевъ, Григорій Лукьяновъ; писцами: Иванъ Ферапонтовъ, Дмитрій Третьяковъ.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе вообще о руководѣльной дѣятельности царицыной Свѣтлицы, приводимъ въ отдѣлѣ Матеріаловъ № 113 нѣсколько записокъ о *знаменныхъ* дѣлахъ, по которымъ исполняли свои работы мастерицы.

Само собою разумѣется, что руководѣлія царицыной Свѣтлицы Палаты не ограничивались только этими первостепенными богатыми и роскошными работами, вышиваньемъ и низаньемъ. Мастерицы занимались также шолковымъ и золотнымъ плетеньемъ, вязаньемъ, тканьемъ, сканьемъ (сученьемъ), изготовленіемъ кистей, снурковъ, поясковъ, тесемокъ и т. п. разными мелочными дѣлами, не говоря уже о *блломъ дѣлѣ*, о шитьѣ бѣлья и вообще о шитьѣ всякихъ предметовъ даже и куколъ маленькимъ царевнамъ и царевичамъ и разнаго потѣшнаго ихъ руководѣлья. Подробности обо всѣхъ такихъ работахъ можно найти въ приводимыхъ ниже запискахъ Верховому взносу и кроенью платья, въ отдѣлѣ Матеріаловъ.

Во второй половинѣ XVII ст. въ Москвѣ славились своими работами и свѣтлицы нѣкоторыхъ боярынь. Андрей Матвѣевъ говорить, что окольникій Василій Волюнскій, человекъ гораздо посредственнаго смысла и легкомысленной совѣсти и мужъ малограмотный, вошелъ у тогдашнихъ временщиковъ въ великое жалованье, а стало быть проложилъ себѣ путь и къ высшимъ мѣстамъ, по своему лицемѣрному похлѣбничеству и „сучручи своей по всехваляному въ Москвѣ въ тѣ времена всякаю золотомъ и серебромъ дорогаю шитья въ своемъ домѣ, гораздо *знаменитыя швей художеству*“; такимъ образомъ, не по разуму своему, но токмо по той льстивой и стеклянной «ортугѣ» приобрѣлъ зѣло свѣтлое благополучіе. Ему былъ данъ въ управ-

леніе даже Посольскій Приказъ, а онъ это управленіе и политическіе дѣла, столько остро знаетъ, сколько медвѣдь на органныхъ играть ¹.

Другая знаменитая боярская свѣтлица принадлежала боярынь Дарьѣ Прохоровнѣ Милославской, женѣ боярина Ивана Богдановича Милославскаго, у которой иногда покупались разныя вещи во дворецъ, въ государевы хоромы, Матер. стр. 156.

Не говоримъ о дѣвичьихъ монастыряхъ, гдѣ золотошвейное искусство всегда процвѣтало, особенно въ Вознесенскомъ, въ которомъ въ началѣ царствованія Михаила сосредоточена была даже и вся дворцовая свѣтличная работа, ибо тамъ жила великая инока Марѣя Ив., мать государя, управлявшая въ первое время всѣмъ царичьинымъ хозяйствомъ двора. Но и менѣе значительные монастыри также славились своими мастерицами. Въ 1651 г. (іюня 12) Варсоноѣевскаго монастыря старица Домнікія Волкова дѣлала и обвинявала жемчугомъ святительскую шапку въ Назаретъ назарейскому митрополиту Гаврилу.

Само собою разумѣется, что монастыри были наполнены такими рукодѣльницами, ибо туда поступали дѣвцы и вдовы, уже искусныя во всякихъ домашнихъ рукодѣліяхъ, а золотое шитье, какъ мы говорили, всегда было необходимымъ и почти исключительнымъ занятіемъ женщинъ достаточнаго, а особенно знатнаго круга, для котораго монастырь обыкновенно становился единственнымъ пріютомъ, какъ скоро, по какой либо причинѣ, должно было оставить кровъ домашній.

Петрей, обозначая вообще положеніе русскихъ женщинъ, говорить, что „въ домашнемъ хозяйствѣ лучшія и знатнѣйшія женщины имѣютъ мало значенія: мужа содержать ихъ, какъ невольницъ; онѣ сидятъ въ заперти въ своихъ комнатахъ и обыкновенно шьютъ, либо вышиваютъ на полотнѣ ширинки золотомъ, серебромъ и шелками; онѣ очень искусны въ этомъ дѣлѣ и мастерицы вышивать по всякому узору, нѣкоторыя даже до того, что перещеголаютъ иныхъ швей въ шитьѣ жемчугомъ, и рукодѣлья ихъ вывозятся въ дальніе края“.

¹ Исторія о Невин. заточ. боярина Матвѣева, изд. 2, стр. 388.

Именем *бѣлой казны* обозначался запасъ полотенъ и разныхъ другихъ льняныхъ издѣлій, изготовляемыхъ про царскій обиходъ. Какъ въ крестьянскомъ быту льняное дѣло находилось исключительно въ женскихъ рукахъ, такъ точно и въ государевомъ дворцѣ эта статья домашняго хозяйства принадлежала исключительно вѣдомству самой царицы. Здѣсь по обширности потребностей это дѣло было устроено въ широкихъ размѣрахъ. Изготовленіемъ разныхъ предметовъ бѣлой казны занимались двѣ большія городскія слободы, въ Москвѣ Кадашевская и въ Твери Константиновская (впослѣдствіи переведенная въ Москву), и два села Ярославскаго уѣзда Тихомирскаго стану, Брентово и Чернасово. И слободы и села назывались хамовыми по имени главнаго производства, которымъ занимались, т. е. тканья полотенъ, что въ собственномъ смыслѣ и называлось *хамовымъ дѣломъ*. Нельзя полагать, что это слово *хам* идетъ отъ шведскаго *ham* рубашка и вообще отъ нѣмецкаго, слѣд. отъ варяговъ. По всему вѣроятію оно идетъ, быть можетъ вмѣстѣ съ производствомъ, еще изъ Индіи, гдѣ *хаманъ* значитъ полотно бумажное бѣлое, очень тонкое и частое, уподобляющееся голландскому. Оттуда вмѣстѣ со многими индѣйскими тканями, напр. шидю (ситецъ), оно и привозилось въ древнѣйшее время; а послѣ, по его образцу, стали ткать его и у насъ.

Полотна въ царицыныхъ слободахъ ткались двойныя изъ двойной пряжи, гладкія и полосатыя; тройныя изъ тройной пряжи, потонше, тоже гладкія и полосатыя; тверскія, тоже тройныя, составлявшія третій сортъ, похуже первыхъ двухъ. Затѣмъ скатерти или сватертные столбцы — задѣйчатые, посольскіе, большіе, средніе и малые, тверскіе, хлопчатые; убрусы или полки убрусныя; утиральники, полотенца, и кромѣ того изготовлялись нити и бѣль.

Производствомъ занимались хамовники (ткачи) и дѣловицы: ткальи, пряльи, браальи, швейи, задѣльницы, бѣльницы или бѣляницы и бердники. Работа была распределена между ними на годовые уроки. Каждый урокъ назывался *дѣломъ*: дѣло ткалейное, дѣло придитье, дѣло бралейное, швейное, бѣляное, бердяное. Объемъ дѣла уравнивался болѣею или меньшею трудностью издѣлья; хамовники работали *на дѣло*, т. е. въ годовой урокъ по семи полотенъ тонкихъ (двойныхъ) и по семи полотенъ тверскихъ (тройныхъ), причемъ двойное полотно одно считали

на 1) полотна тройныхъ и такъ счетъ держали между собою при раскладѣ дѣла по общему тяглу.

Мастерицы — ткачи работали на дѣло по 6 полотенъ двойныхъ и по 8 тройныхъ. Мѣрою въ длину полотна ткались въ 14 арш. Для полотенъ пряжу готовили для каждаго сорта особья прядли и ставили пряжи на дѣло въ годовой урокъ для двойныхъ полотенъ 2 полотна, а для тройныхъ 3 полотна. Прядли тверскихъ полотенъ ставили пряжи на дѣло по 8 полотенъ тверскихъ. Убрusy или убрусныя полки и утиральнички готовили также бралья, прядли и швен. Бралья ставили на дѣло по 10 полочекъ, причемъ утиральничекъ бралья ставили *ее бралья* за три полочки убрусныхъ, слѣд. по работѣ онъ въ три раза былъ труднѣе убрусовъ. Для тогоже дѣла прядли ставили, т. е. пряди основки, называемыя по особому качеству пряжи убрусными. На дѣло въ годовой урокъ такихъ основокъ онѣ пряди по 20. Швен утиральничныхъ и убрусныхъ дѣлъ шли на дѣло по 5 убрусовъ, и утиральничекъ въ шитьѣ ставили по трудности работы за 4 убруса.

Такъ было въ московской хамовнои слободѣ Кадашовѣ. Въ ярославскихъ селахъ уроки убруснаго дѣла немного отличались отъ московскихъ. Тамъ убрусy работали тонкіе и двойные изъ двойной пряжи. Бралья брали такихъ убрусовъ по 8 на годовое дѣло; швен шли тонкихъ убрусовъ по 5, а двойныхъ по 6 на дѣло. Для двойныхъ убрусовъ прядли готовили пряжи въ годовой урокъ по 24 убруса. Двойному полотну по дѣлу равнялись 8 убрусовъ, а тройному—12 убрусовъ.

Полотна скатертныя или скатертные столбцы изготовлялись бральями, прядлями и бѣльницами. Эти столбцы также бывали двойныя и тройныя, мѣрою по 10 арш. Здѣсь, по особому способу работы, ткачей замѣняли бралья, которые готовили на дѣло въ годовой урокъ по 2 столбца двойныхъ и тройныхъ. Пряжу для нихъ ставили особья прядли, работавшія въ годовое дѣло пряжи для двойныхъ столбцовъ — по 2 столбца; для тройныхъ столбцовъ по 6 столбцовъ; для хлопчатыхъ скатертей по 8 столбцовъ. Бѣль для тѣхъ же скатертныхъ столбцовъ ставили прядли — бѣльницы: для двойныхъ столбцовъ по 4 столбца; для тройныхъ — по 8 столбцовъ. Двойные столбцы назывались также задѣйчатыми. Прядли этихъ задѣйчатыхъ скатертей работали пряжи на дѣло по 10 основокъ и по 10 утковъ. Такъ называемыхъ посольскихъ скатертей, украшае-

ныхъ кромѣ бражня еще и шитьемъ, изготовлялось всего 3 столбца въ годъ, на что требовалось бралейныхъ 4½ дѣла, а швейныхъ 9 дѣл.

Обыкновенно каждый скатертный столбецъ, т. е. подѣла, работала одна бражня, одна пряля пряла основы и утки и одна бѣляница давала бѣль. Но иногда два столбца работали три бражни, три пряли и двѣ бѣляницы.

Узоры, которые выбирались на скатертяхъ, известны слѣдующіе: 1) Ключатикъ, 2) Орѣховая развода по два оленя въ гнѣздѣ, 3) Орѣховая развода по оленю въ гнѣздѣ, 4) Лося подъ деревомъ, 5) Полтинни, 6) Пѣтухи, 7) Нѣмецкое колесо, 8) Чешуйки, 9) Листочки, 10) Мѣсецы, 11) Деревье, 12) Осмерногъ въ двазубъ, 13) Осмерногъ въ тризубъ, 14) Бараныя рога, 15) Безконечникъ, 16) Кривоногъ, 17) Красная развода, 18) Короваи, 19) Гусиная плоть — узоръ наиболѣе употребительный для расхожихъ скатертей, и др.

Годовой урокъ нитной пряжи, для нитей расхожихъ, а равно и бѣловой измѣрялся мѣрою полотна, т. е. количествомъ пряжи, какое ставилось на цѣлое полотно. На годовое дѣло нитныя пряли ставили нитей по 6 полотень. Кромѣ того дѣло нитное и бѣловое измѣрялось также мотами или пятинками. Бѣли цѣлое дѣло заключало въ себѣ 24 мота, а столбцами 8 столбцовъ, ибо столбецъ считался за 3 мота.

Бердники въ цѣлое годовое дѣло изготовляли бердъ на 100 дѣлъ различной бѣлой казны, ткалейныхъ, бралейныхъ, прядильныхъ.

На покупку необходимыхъ для производства работы припасовъ, на ленъ, мыло, золу, на ничаницы (тонкія веревки) и окончины для оконъ выдавалось изъ царицыной казны денежное жалованье, смотря по дѣлу. Въ ярославскихъ селахъ пряли получали въ годъ на дѣло 47 алт. 4 д.; ткали — 23 алт. 2 д.; брали убрусовъ—23 алт. 2 д.; брали скатертей—46 алт. 4 д.; швей—35 алт. 3 д.; бердники на ленъ на перевой 46 алт. 4 д.— Въ Кадашевской слободѣ хамовники и бердники по 30 алт., дѣловицы всѣ кругомъ по 17 алт.

Кромѣ того выдавалось еще хлѣбное жалованье также по размѣру дѣла. На цѣлое дѣло шло въ Кадашовѣ въ 1631 г. по 10 четвертей безъ полуосмины ржи и по 7 четвертей безъ полуосмины овса. Въ ярославскихъ селахъ въ 1670 г.—по 10 четв. съ осьминою ржи и по 6 четв. овса. Въ тверской Константв-

одъ въ 1659 г. 9 и 6 четв. ржи, 10 четв. съ осни-
 в. съ осинною овса и на квасы по четвернику овса.
 ждая хамовная слобода и ирославскія села были обложены
 ними количествомъ дѣлъ, соответственно количеству
 занимаемой дворами и для посѣва льна, а также и по-
 селахъ, отдѣляемой тоже для посѣва льна. Мѣра дѣло-
 юй земли называлась дворовою *загородкою* и равня-
 лась, 200 квадр. саж. Къ этому въ селахъ на дѣло
 для посѣва льна полевой земли по два *четвертачка*
 по десяти въ полѣ, а въ дву потокужъ.
 Въ Новгородѣ окладныхъ дѣлъ было 169 съ полудѣломъ
 (—1644 г.), занимавшихъ въ слободахъ 413 дворовъ да пус-
 тыи дѣлъ 7 дѣлъ. Въ тверской Константиновской
 юдѣ въ 1631 г. 29 дѣлъ; въ 1659 г. 28 дѣлъ, а въ 1682 г.
 80 дворахъ 37 дѣлъ безъ чети. Въ селахъ Брентовѣ и Чер-
 новѣ въ 1625 г. 154 дѣла безъ 12 доли дѣла. Въ 1638 г.
 дѣла и пол-пол-трети дѣла; а въ 1670 г. на 248 дворахъ
 дѣла съ третью. Также цѣра оставалась здѣсь и до по-
 нѣхъ годовъ XVII ст. (1696 г.), хотя число дворовъ къ
 у времени увеличилось до 300. Такимъ образомъ изъ этихъ
 свѣдѣній о числѣ дворовъ и числѣ дѣлъ мы видимъ, что жилой
 дворъ вовсе не былъ мѣрою цѣлаго дѣла.

Царицына Мастерская Палата, назначала въ слободы и села
 только общее количество окладныхъ дѣлъ и не входила въ по-
 подробности распредѣленія этихъ окладовъ между хамовниками
 и дѣловицами. Слободы и села сами уже разверстывали окла-
 дады по дворами и по людямъ, смотря потому, кто и какую долю
 общаго землянаго надѣла пользовался и какую долю хамовнаго
 дѣла работалъ. Въ этомъ случаѣ хамовному населенію была
 предоставлена полная свобода. Изъ окладныхъ дѣлъ всякій бралъ
 себѣ то, что умѣлъ сработать. Каждое дѣло при разверсткѣ
 дробилось не только на половины и четверти, но даже и на
 осмухи, и дворъ—семья могъ сидѣть и на полоторѣ дѣлѣ и на
 цѣломъ дѣлѣ, и на трехъ четвертяхъ, и на половинѣ, и на чет-
 верти дѣла, и къ тому еще даже и эту величину могъ соста-
 влять изъ мелкихъ долей различныхъ дѣлъ, смотря по тому,
 кто что умѣлъ въ семьѣ работать. Такъ бывали дворы или семьи,
 работавшіе напр. полдѣла съ осмухою или пять осмушекъ: 3
 осмушки дѣла прядитья двойныхъ полотень, осмуха дѣла прядитья
 тройныхъ полотень, осмуха прядитья двойныхъ убуру-

совъ. Или: дворъ — на три осмухи прядеть полотно двойное безъ четверти да на осмуху прядеть пол-полотна безъ осмухи тройныхъ да на осмуху прядеть два убруса съ четвертью двойныхъ убрусовъ. Или дворъ — три чети дѣла: полдѣла ткалейна тройныхъ полотенъ да четь прядить двойныхъ полотенъ; дворъ — цѣлое дѣло: полдѣла прядить тройныхъ полотенъ, четь прядить двойныхъ полотенъ, четь швейная тонкихъ убрусовъ; дворъ — цѣлое дѣло: полдѣла прядить тонкихъ убрусовъ, четь прядить тройныхъ полотенъ, четь бралейна двойныхъ столбцовъ. Такимъ образомъ каждый членъ семьи изъ женскаго племени избиралъ себѣ большую или меньшую долю того или другаго дѣла и работалъ эту долю на годовой урокъ. Иной бралъ четь шитья убрусную и шилъ убрусъ съ четью, ибо на цѣлое дѣло шитья убруснаго шло 5 убрусовъ; иной бралъ половину дѣла бралейную столбешную (двойныхъ столбцовъ) и бралъ столбець, ибо на цѣлое дѣло шло 2 столбца, иной — четь ткалейную двойныхъ полотенъ и ткалъ $1\frac{1}{2}$ полотна; иной — осмуху дѣла прядить двойныхъ полотенъ и прядъ четь полотна; иной — четь дѣла бѣляную и прядъ бѣли на столбець двойной или 6 мотовъ, и т. д. По такимъ дробямъ распредѣлялось и денежное и хлѣбное жалованье.

Въ ярославскихъ селахъ въ 1670—1696 годахъ 200 $\frac{1}{2}$ дѣлъ были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: двойныхъ полотенъ ткалей 18 $\frac{1}{2}$ дѣлъ; прядитыхъ 54 $\frac{1}{2}$ дѣла. Тройныхъ полотенъ ткалей 18 дѣлъ, прядей 48 дѣлъ. Тонкихъ убрусовъ бралей 5 дѣлъ, прядей пол-5 дѣла; швей пол-8 дѣла. Двойныхъ убрусовъ бралей пол-2 дѣла, прядей пол дѣла, швей 2 дѣла. Двойныхъ скатертныхъ столбцевъ бралей 8 дѣлъ, прядей 8 дѣлъ, бѣляницъ прядей 4 дѣла. — Тройныхъ скатертныхъ столбцовъ бралей 12 дѣлъ, прядей основкамъ и уткамъ 4 дѣла, бѣляницъ прядей 4 дѣла. — Бердныхъ 2 дѣла. Всего въ годовой урокъ готовилось: двойныхъ полотенъ 108, по 14 арш. длины, да полотно убрусное полосатое; тройныхъ — 144; тонкихъ убрусовъ 38; двойныхъ убрусовъ 12; скатертныхъ столбцовъ двойныхъ 16, мѣрою по 10 арш.; тройныхъ 24 столбца (22 столбца да за 2 столбца: 2 полотна нитяные по образцу, тонкое да ровное; до 20 мотовъ нитей тонкихъ и ровныхъ въ пятинку, по образцу). Денежнаго жалованья на всѣ дѣла выдавалось въ годъ 251 р. 24 алт. 5 д.

известно время первоначальнаго заведенія хамов-
 лъ с дъ и селъ. Знаемъ только, что московскія слободы
 существовали уже въ половинѣ XVI ст., именно за Москвою
 рѣку, гдѣ въ Кадашовѣ въ это время царемъ Иваномъ Вас.
 построена церковь Космы и Дамьяна, которая и содер-
 жь на государевой ругѣ. Въ той же мѣстности царица Ана-
 я Романовна устроила еще слободу *близкую*, которая по
 шь именовалась Екатерининскою (теперь церковь св. Ека-
 шь на Ордынкѣ) и поставила въ царицыну казну бѣле-
 пряжу. Впослѣдствіи эта слобода принадлежала царицѣ
 ѣ Федоровнѣ, а послѣ Московской Разрухи (въ Смутное
 я) снова была устроена по приказу иноки Марыи Ив.
 1626 г. со льготою на три года, изъ вольныхъ охочихъ
 ѣй. Въ 1643 г. царица Евдокія Лук. устроила подъ селомъ
 ѣдовымъ — Покровскимъ новую хамовную слободу, Введен-
 ю, съ церковью Введенія, которая была заложена 14 сент.
 3 года и освящена 17 ноября ¹.

Вѣроятно мысль объ устройствѣ новой слободы была ос-
 млена, ибо черезъ годъ, въ 1627 г. Екатерининская слобода
 ступила изъ вѣдомства царицына Постельнаго приказа въ
 яскій приказъ, т. е. въ число черныхъ слободъ. Вѣроятно
 также, что взаимнѣ новой слободы была въ это время переве-
 дена въ Москву изъ Твери хамовная тверская Константинов-
 ская слобода, поселенная тоже за Москвою рѣкою. Въ 1635 г. эта
 Константиновская слобода называется еще *новою*.

Нѣтъ сомнѣнія, что теперешнее урочище Хамовники (цер-
 ковь Николая въ Хамовникахъ), гдѣ также была хамовная сло-
 бода, упом. съ 1624 г., принадлежитъ къ первымъ хамовнымъ
 поселеніямъ Москвы.

Хамовныя слободы хотя и находились въ вѣдомствѣ Постель-
 наго Приказа царицъ, и были подсудны только этому приказу,

¹ Впослѣдствіи слобода Семеновская съ урочищемъ Введенскія горы.
 Въ расходной книгѣ царицыной мастерской палаты 152 г. между про-
 чимъ записано: сент. 14, какъ окладывали церковь Введенія Пречистыя
 Богородицы въ новой хамовной слободѣ и по приказу государыни ца-
 рицы Евдокіи Лук., идучи съ окладу, нищимъ и всякимъ бѣднымъ лю-
 демъ дано милостыни 15 алт. 23. Ноября 17, какъ г. царица пошла въ
 Рубцовскій объѣздъ и съ Москвы дорогою идучи и на освященіе церкви
 Введенія Пр. Богородицы нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ мило-
 стыни 42 алт.

но во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управлялись по старымъ обычаямъ собственными выборными людьми, мирскимъ сходомъ или совѣтомъ и старостою съ дѣловальниками и десятскими, которые всѣ выбирались обыкновенно на годъ. Эти служащіе лица утверждались въ своихъ должностяхъ особою записью, *выборомъ*, гдѣ прописывались и обоюдныя обязанности. Въ Кадашевской Хамовной слободѣ, въ концѣ XVII ст. по случаю большого населенія (больше 2000 дворовъ) выбирали двоихъ старостъ, 4 дѣловальниковъ, 16 десятскихъ и дьячка (писаря). Выбравшіе писали „и быть имъ старостамъ на Хамовномъ дворѣ и за нашими мирскими дѣлами ходить неоплошно и объ нашихъ мирскихъ дѣлѣхъ радѣть и о чемъ доведется бить челомъ великому государю; а намъ ихъ всею слободою слушать и въ челобитѣхъ ихъ не подавать и по ихъ присылкѣ на Хамовной дворѣ на *совѣтъ* приходите безъ ослушанія и не огуряться“... Въ ярославскихъ селахъ въ выборныхъ службахъ бывало: староста, три дѣловальника, два земскіе дьяка, два доводчика.

Центральною мѣстностью Слободы въ дѣловомъ отношеніи былъ Хамовный дворъ, на которомъ находилось нѣсколько хамовныхъ избъ, просторныхъ и свѣтлыхъ, съ большими окнами, для производства различныхъ работъ, ткацкихъ, брацкихъ и швейныхъ. Сюда то и собирались каждый рабочій день хамовники и дѣловицы, садились за станы, ткали полотна, брали скатерти и убрusy и шили въ пальцахъ. По дворамъ они работали только не очень сложныя дѣла, особенно пряжныя или прядильныя, и вообще такія, которыя не требовали обширнаго помѣщенія.

Въ Кадашевской слободѣ на Хамовномъ же дворѣ жила въ особомъ помѣщеніи кадашевская приказная боярыня и стоялъ особый анбаръ съ хамовною всякою казною, гдѣ хранился ленъ нечесаный, очесаный кушель, счески и т. п.; также берда простые и берда съ набилками, что берутъ посольскія скатерти, берда наметочныя полотняныя, утиральничныя, убрusныя, нитныя и пр. На томъ же дворѣ находилась и слободская *стожла* изба, въ которой слобожане собирались на мирскіе совѣты.

Въ 1658—1662 г. Кадашевской хамовной дворъ былъ построенъ каменный. Когда по царскому указу приступали къ постройкѣ дѣловыхъ палатъ, то прежде всего опросили приказную боярыню Татьяну Шилову, всѣхъ дѣловыхъ хамовниковъ и мастерицъ, какія именно палаты, какой величины и какого

твы будутъ надобны, чтобы дѣлать въ нихъ всякое ханное . Тѣ объяснили, что надобны 4 палаты поземныя, а ошесть ихъ сѣнн, а мѣрою длиннугу 24 саж., поперегъ 5 саж.; претивъ тѣхъ палатъ другія таковыяжъ мѣрою.

Около двора выстроена каменная ограда кругомъ на 157 въ вышину отъ бѣлокаменнаго фундамента въ 2 саж.; двуя воротами большими и малыми, шириною пол-5 саж.; ихъ до орла 6 саж.; и съ четырьмя наугольниками круглыми (къ башенъ) вышиною отъ ограды до яблота въ 1½ саж. Дѣвыхъ палатъ выстроено двѣ большихъ въ длину внутри кажда по 8½ саж., шириною внутри по 4½ саж., съ сводами пашными вышиною 2 саж. слишкомъ и каждая съ 20 окнами въ свѣту по 1½ ар. длины и по 1 арш. ширины. Межъ ими ии шириною 2½ саж., съ рундукомъ; а во второмъ ярусѣ палата надъ сѣнами съ 6 окнами и двѣ палаты по сторонамъ тогоже размѣра и съ тѣмъ же количествомъ оконъ, какъ въ пшнихъ палатахъ. Выходъ былъ сдѣланъ съ рундука лѣстницею съ 17 ступеней.

Въ палатахъ было построено 5 печей, 4 бѣлыхъ, а пятая *кѣсская мурамленал*. Кромѣ того подлѣ хамовнаго двора огороженъ рѣшеткою *бѣленной* дворъ для бѣленья полотень въ длину 34, а по перегъ 16 саж., съ рѣшетчатыми же воротами, а на межѣ бѣленнаго и хамовнаго дворовъ вырытъ колодезь. Впоследствии при Петрѣ изъ этого хамовнаго двора устроенъ Суконный дворъ, сохранившій и доселѣ свое имя въ такъ называемыхъ суконныхъ баняхъ, между большимъ и малымъ каменными мостами.

Кадашевская хамовная слобода, пользуясь большими льготами въ торговыхъ промыслахъ, была едвали не самая богатая слобода въ Москвѣ. Изъ ея жителей всегда пополнялась и Гостиная сотня. Однакожъ, для того, чтобы хамовное дѣло стояло всегда вполнѣ и не разстроивалось отъ выхода изъ слободы дѣловицъ, было крѣпко заказано (особенно съ 1670 г. окт. 25), чтобъ кадашевцы дочерей своихъ и племянницъ и внучать, не бивъ челомъ государю, за слободу и въ Кадашево инослободцовъ и гулящихъ людей замужъ отнюдь не выдавали и въ дома не принимали.

Управлявшая хамовнымъ дѣломъ слободы Кадашевская Боярыня заботилась главнымъ образомъ о томъ, чтобы бѣлая казна во всѣхъ своихъ видахъ работалась какъ возможно лучше, чище,

отчетливѣе. Когда она доставляла царяцѣ казну въ наиболѣе исправномъ видѣ, то обыкновенно получала въ награду портище сукна на опошень. Точно также хамовники и дѣловицы особенно отличавшіеся въ искусствѣ своего рукодѣлья, тоже получали отъ царицы награду, а ихъ рукодѣлье посылалось на хамовной дворъ, какъ образецъ для работы съ приказомъ дѣлать точь въ точь по такому образцу. Время отъ времени являлись большіе искусники въ томъ или другомъ родѣ хамовнаго рукодѣлья. Въ 1692 г. великимъ государямъ Іоанну и Петру билъ челомъ *сидѣлой* хамовникъ ткачъ Авдюшка Епифановъ и писалъ между прочимъ: работаю вамъ государямъ лѣтъ съ 15, и рукодѣльишко мое вамъ государямъ годилось и въ образцахъ съ Верху на хамовной дворъ сходило, чтобъ точь моеи руки было, слово въ слово; и моеи руки въ точи ни у кого не прибрали, только прибрали въ точи моеи же руки работу.

Въ ярославскихъ селахъ Брейтовѣ и Черкасовѣ хамовный дворъ назывался *семереннымъ* дворомъ отъ семеренныхъ избъ, въ которыхъ производилось хамовное дѣло, сидѣли мастерицы. Семернею именовалась изба или хоромина семи сажень длиною, съ свѣтлыми по обѣимъ стѣнамъ окнами, постройка, именно по своей длинѣ, необходимая для ткацкаго дѣла. Мы видѣли, что въ Кадашовѣ палаты имѣли каждая $8\frac{1}{2}$ саж. длины и по 10 оконъ въ стѣнахъ. Подобнымъ образомъ устроены были и семерни, т. е. помѣщенія деревянныя. Въ селахъ хамовнымъ дѣломъ и хамовниками завѣдывалъ прикащикъ, назначаемый отъ царицыной Мастерской палаты. Дворъ его стоялъ подлѣ семереннаго двора. Сельчане же между собою управлялись и разверстывали хамовное дѣло своими выборными людьми, мірскимъ сходомъ. На отвѣтственности прикащика, старость и дѣловальниковъ лежала исправная доставка бѣлой казны въ Москву, въ Приказъ царицыной Мастерской палаты, куда казну отвозили старосты съ дѣловальниками и сдавали ее въ коробыякъ за своею печатью. Когда на Семеренномъ дворѣ *ковую* казну въ дѣло заводили (каждогодно въ началѣ февраля, 9 числа, иногда въ началѣ апрѣля), то въ семеренныхъ избахъ попы всегда пѣли молебны Спасу, Богородицѣ и Ивану Предтечи и воду святили. Изготовление казны оканчивалось въ концѣ ноября и когда ее укладывали въ коробыякъ, дек. 1 или 10, чтобы везти въ Москву, то попы также пѣли молебенъ Рождеству Богородицы, Іоанну Предтечи, Алексѣю Человѣку Божію, за

на весь соборъ вобще давалось въ первомъ случаѣ
 , а во второмъ 4 ал. 2 д. и изъ образамъ свѣчь во-
 авилось на 6 денегъ.

ности этихъ селъ переписныя книги свидѣтельству-
 ютъ въ 1669 г. въ Брентовѣ находилось жилыхъ дворовъ 159,
 изъ нихъ 910 чел.; въ Черкасовѣ 89 дворовъ, людей
 90 ч. Въ 1671 г. мая 20, по случаю цѣлованья
 ой царичѣ Натальѣ Кириллов., въ Брентовѣ и на
 съ, на Зарудкомъ и на Воронедкомъ, хановниковъ и
 и племянниковъ и дѣтей и внучатъ было 233 чел.
 :наго и цѣ иль 234 ч. Въ Черкасовѣ муж.
 ч., ; и обоего ч.

МАТЕРІАЛЫ.

МАТЕРІАЛЫ.

Записи крестоприводныя. Записи расходныя матеріальныя и денежныя. Записи Верховому вносу, крохальныя, издѣльныя и др. Описи платья и всякой казны. Переписка дворецкаго и дьяковъ и пр.

1. КРЕСТОПРИВОДНЫЯ ЗАПИСИ.

По сей записи цѣлуютъ крестъ государыни царицы и великіе княгини Евдокѣи Лукьяновны истобничей и дѣти боярскіе и иные царицна чина дворовые люди. Язъ ѿмръ цѣлую сей святой и животворящій крестъ Господень государю своему царю и великому князю (зачерки. Михаилу Федоровичу) Алексѣю Михайловичу всеа русіи и матери его государынѣ своей царицѣ и великой княгинѣ Евдокѣѣ Лукьяновнѣ и ея (зач. ихъ) благороднымъ царскимъ дѣтемъ ѿмръ (зачерки. и которыхъ имъ государемъ дѣтей впредь Богъ дастъ) на томъ: служити мнѣ имъ государемъ своимъ и пріимти и добра хотѣти во всемъ безо всякіе хитрости и мимо мнѣ государя своего царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа русіи иного государя изъ нныхъ и ли изъ которыхъ разныхъ государствъ царей и царевичевъ и Литовскаго и Нѣмецкаго королей и королевичевъ и изъ Русскихъ родовъ никоу на Московское государство не хотѣти. Также мнѣ будучи у государя своего царя и великаго князи (зач. Михаила Федоровича) Алексѣя Михайловича всеа русіи и у государыни своей царицы и великіе княгини Евдокѣи Лукьяновны и у ея (зачерк. ихъ) царскихъ дѣтей въ ихъ царскомъ чину или у какова дѣла ни буди лиха ни котораго имъ государемъ своимъ не хотѣти и не мыслити и въ ѣствѣ и въ питъѣ и въ овощахъ и въ пріныхъ зельяхъ и въ платьѣ и въ полотенцахъ и въ постеляхъ и въ сорочкахъ и въ портахъ лиха жъ никакова не наговаривати и не попортити отнюдь ни въ чемъ никоу-

рыши дѣлы и во всемъ мнѣ имъ государемъ своимъ добра хотѣти и ихъ государскаго здоровья ото всякаго лиха оберегати по сему государеву крестному дѣлованью; а гдѣ услышу или свѣдаю на государя своего царя и великаго князя **Михаила Федоровича** всеа русіи и на государыню свою царицу и великую княгиню **Евдокью Лукьяновну** и на ихъ царскихъ дѣтей въ какихъ людехъ скоудъ или заговоръ или иной какой злой умыслъ и мнѣ на тѣхъ людей про то сказати государю своему дарю и великому князю (зач. **Михаилу Федоровичу**) **Алексѣю Михайловичу** всеа русіи или его государевымъ бояромъ и ближнимъ людямъ. — Такъ же мнѣ гдѣ государь царь и великій князь **Михаило Федоровичъ** всеа русіи велитъ быти на своей государевъ службѣ и мнѣ ему государю своему служить и прямити и добра хотѣти во всемъ безо всякіе хитрости и съ недруги его государевыми битися до смертцъ и безъ его государева указу ни о которыхъ дѣлехъ ни съ кѣмъ не ссылатися и лиха ему государю своему ни въ чемъ не хотѣти и не дѣлати и къ воровству ни къ которому не приставати никоторыми дѣлы и не измѣнати, въ Крымъ и въ Литву и въ Нѣмцы не отъѣхати. Цѣлую сей святой и животворящей крестъ Господень азъ иркъ на томъ **ѿа** всемъ, какъ въ сей записи писано.

По сей записи дѣлуютъ крестъ царицы и великіе княгини **Евдокьи Лукьяновны боярыни**. Цѣлую сей святой и животворящей крестъ Господень государю своему царю и великому князю (зач. **Михаилу Федоровичу**) **Алексѣю Михайловичу** всеа русіи и матери ево государевъ государынѣ (зач. своей царицѣ и великой княгинѣ **Евдокѣ Лукьяновнѣ** и (зач. ихъ) ея царскимъ дѣтемъ иркъ (зач. и которыхъ имъ государемъ впредъ Богъ дастъ) на томъ: служити мнѣ имъ государемъ своимъ и прямити и добра хотѣти во всемъ безо всякіе хитрости. А что мнѣ государь царь и великій князь (зач. **Михаило Федоровичъ**) **Алексѣй Михайловичъ** всеа русіи и мать его государева государыня царица и великая княгиня **Евдокья Лукьяновна** велѣла быти у своего государева дѣла въ боярыняхъ и мнѣ иркъ будучи у ихъ государскихъ дѣлъ ему государю своему царю и великому князю (зач. **Михаилу Федоровичу**) **Алексѣю Михайловичу** всеа русіи и матери ево государевъ государынѣ своей царицѣ и великой княгинѣ **Евдокѣ Лукьяновнѣ** и (зач. ихъ) ея царскимъ дѣтемъ служити и прямити и добра хотѣти во всемъ безо всякіе хитрости, а лиха мнѣ никотораго имъ государемъ (зач. и ихъ царскимъ дѣтемъ) не учинити и не испортити, зелья лихова и коренья въ вѣствѣ и въ питьѣ не подати и ни въ какіе ево государевы обиходы не класти и лихихъ волшебныхъ словъ не наговаривати и безъ ихъ государскаго вѣдома

ни съ кѣмъ ни о какихъ ихъ государскихъ дѣлахъ не ссылатись и надъ государевымъ и матери его государевы надъ парцпынымъ платьемъ и надъ сорочками и надъ портами и надъ полотенцами и надъ постелями и надо всякимъ государскимъ обиходомъ лиха некотораго не чинити и ото всякаго лиха мнѣ государя своего царя и великаго князя (зач. Михаила Федоровича) Алексѣя Михайловича всеа руси и матери его государеву государыню свою царицу и великую княгиню Евдокью Лукьяновну и (зач. ихъ) ея царскихъ дѣтей оберегати и надъ подругами своими и надо всякими людьми смотрити и беречи накрѣпко, чтобъ они лиха никакова государю и (зач. и матери его государевѣ) государынѣ и (зач. ихъ) ея царскимъ дѣтемъ не учинили; а что увижу или услышу отъ кого нибуди, кто учнетъ государю или государынѣ или ея (зач. ихъ) царскимъ дѣтямъ какое лихо дѣлати или мыслити и мнѣ про то ~~сказати~~ государю своему царю и великому князю (зач. Михаилу Федоровичу) Алексѣю Михайловичю всеа руси или его государевѣ матери государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Евдокѣ Лукьяновнѣ или ихъ (зач. еѣ) государевымъ бояромъ и ближнимъ людямъ; а не утаити мнѣ того никакъ ни которыми мѣрами ни которою хитростью, по сему государеву крестному цѣлованью. А что язъ будучи у государя своего царя и великаго князя (зач. Михаила Федоровича) Алексѣя Михайловича всеа руси и у матери его государевѣ государыни своей царицы и великіе княгини Евдокьи Лукьяновны и у ея (зач. ихъ) царскихъ дѣтей въ Верху какихъ ихъ государскихъ тайныхъ дѣлъ увижу или услышу и мнѣ про то отнюдь никому ничего не сказывати и не проносити. Цѣлую сей святыи и животворящій крестъ Господень язъ и мркъ на томъ на всемъ, какъ въ сей записи писано.

По сей записи цѣлуютъ крестъ царскихъ дѣтей *кормилицы*. Цѣлую сей святыи и животворящій крестъ Господень государю своему царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа руси и государынѣ своей царицѣ и великой княгинѣ Евдокѣ Лукьяновнѣ и ихъ царскимъ дѣтемъ и мркъ и которыхъ имъ государемъ дѣтей впередъ Богъ дастъ на томъ: служити мнѣ имъ государемъ и прияти и добра хотѣти во всемъ безо всякіе хитрости. А что мнѣ государь царь и великій князь Михаилу Федоровичъ всеа руси и государыни царица и великая княгиня Евдокья Лукьяновна велѣли быти у государыни царевны и великіе княжны Ирины Михайловны въ кормилицахъ и мнѣ имъ государемъ своимъ и ей государынѣ служити и прияти и добра хотѣти во всемъ безо всякіе хитрости, а лиха мнѣ ни котораго имъ государемъ не учинити и не испортити, и еѣ государыню отъ

соста своего дорипти съ великимъ береженьемъ и со опасеньемъ; а зелья лихово и коренья въ зветвь и въ пятъ не полати и ни въ какіе ихъ государскіе обиходы не класти и лихихъ волшебныхъ словъ не наговаривати и надъ государскимъ платьемъ и надъ сорочками и надъ портами и надъ полотняными и надъ постелями и надъ всякими ихъ государскими обиходы лиха ни котораго не чинити и ото всякаго лиха мнѣ ихъ государей оберегати и надъ подругами своими и надъ всякими людьми смотрити и беречи яврьво, чтобъ они лиха никакова мнѣ государемъ не учинили и не испортили; а что увижу или услышу отъ кого иибудь, кто учнетъ мнѣ государемъ какое лихо дѣлати или мыслити и мнѣ про то сказати государю своему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея руси и ли его государевъ царь и великой князь Евдокъ Лукьяновичъ и ли его государевымъ бояромъ и великимъ людямъ; и не утайтъ мнѣ того никакъ, ни которыми яврьво и ни которою хитростью по сему государеву крестному дѣлованью. А что язъ будучи при ихъ государехъ какихъ ихъ правихъ тайныхъ дѣлъ увижу или услышу и мнѣ про то ни кому ничего не сказывати и не проносить... (конца недостаетъ).

2. СВАДЪБНЫЕ ПРІЪЗДЫ КЪ ЦАРЮ БОЯРЬ.

124 г. ноября 6, государь ц. и в. к. Михаилъ Фед. пожаловалъ боярина Бориса Михайловича Салтыкова, какъ пріѣзжалъ къ государю челомъ ударити на завтрея своей свадьбы: образъ Пречистые Богородицы Воплошенье окладъ серебрянъ золоченъ басмянъ. въиенъ сканной съ винифты. Кубокъ серебрянъ золоченъ съ покрышкою на высокомъ стоянцѣ, по покрышкѣ и по пузу у кубка выбиваны травки, подъ пузомъ три дуги, на верху теремокъ, поверхъ теремка челоушкѣ стоячей литой, около правой руки обвилась змѣя ссеть за лѣвую титку; въ лѣвой рукѣ повъза; въсу 3 гривенки 41 зол. — 10 арш. бархату алого гладкого по 1½ р. арш.: 10 арш. отласу лазоревого по рублю по 10 ал. арш.: 10 арш. камки куфтерю червчетово по рублю 6 ал. 4 д.: 10 арш. камки куфтерю зеленой по рублю съ гривною арш. Сорокъ соболей, пѣна 40 р. Государыня и в. с. инока Марѣя Ив. пожаловала боярина Бориса Михайловича Салтыкова: 10 арш. камки куфтерю червчетово по 1 р. 6 ал. 4 д.: сорокъ соболей 35 р. Ноября 8, въ Верхъ къ иноку Марѣю Ив. въ

хоромы отпушенъ лѣтникъ кушачной золотной, вошвы шты по бѣлой камкѣ шелкомъ лазоревымъ зеленымъ червчатымъ съ золотомъ (пробѣлъ) Богдановскіе рухляди Бѣльсково; да на опушку пошелъ бобръ цѣна рубль 16 ал. 4 д.; а тѣмъ лѣтникомъ государыня пожаловала боярыню Марью Ивановну Салтыкову. Отнесъ казенной мастеръ Путилко Ѳоминъ. Ноября 9, въ Верхъ къ иноку Марѣвъ Ив. въ хоромы отнесъ дьякъ Будгакъ Миловановъ 10 арш. камки куфтеру червчатого по рублю 8 ал. 4 д. арш., да сорокъ соболей цѣна 25 р., а тою камкою и соболями государыня пожаловала боярыню Марью Ивановну Салтыкову.

124 (1616) г. іюля 16, государь пожаловалъ крайчево Михаила Михайловича Салтыкова, какъ пріѣзжалъ на третей день своей свадьбы государю челомъ ударилъ. И государь его благословилъ: образъ Троица Живоначальная обложенъ серебромъ золоченымъ басмяннымъ, вѣнцы сканные. Да емужъ государь пожаловалъ: кубокъ серебрянъ золоченъ съ покрывшкою на высокомъ стоянцѣ, по покрывшкѣ около ложечки короткіе гладкіе, межъ ложечекъ образинки человѣчьи литые, на верху человекъ литой, глядитъ на сторону, колпакъ искривя, въ правой рукѣ ратовище изогнулось, копье сломлено; подъ человекомъ кругъ, подъ нимъ яблоко, на немъ три образины человѣчьи литые не велики да древка чеканные; пониже ихъ дуги не велики завернулись литые; по кубку изнутри выбиваны грады и древа и травы и звѣри; подъ пузомъ три дуги завернулись литые, пониже дугъ три образинки бараньи и человѣчьи литые; по стоянцу ложечки гладкіе межъ ихъ земля комофарена; повыше стоянца яблоко гладко золочено, около его травки литые спускные вѣсу 4 гривени 8 зол.; взять съ поставца у погребного ключника у Ѳедора Красново. 10 арш. бархату чернаго гладкаго по 1½ р. арш.; 10 арш. отласу червчатого по 1 р. 6 ал. 4 д.; 10 арш. отласу лазоревого по 1½ р.; 10 арш. камки куфтеру червчатого по 1 р. 6 ал. 4 д. — Сорокъ соболей цѣна 40 р. — Отъ государыни и великой старицы иноки Марѣи Ив. крайчему Мих. Мих. Салтыкову: образъ Пречистыя Богородицы Смоленскіе окладъ серебрянъ золоченъ басмянной, вѣнецъ сканной, да 10 арш. камки куфтеру червчатого по 1 р. 6 ал. 4 д. Сорокъ соболей цѣна 20 р. — Іюля 17, государь крайчево Мих. Мих. Салтыкова жену Парасковью Ивановну благословилъ: образъ Троица Живоначальная обложенъ серебромъ вѣнцы сканные. Да ей же пожаловалъ 10 арш. камки куфтеру червчатого по 1 р. 13 ал. 2 д.; 10 арш. отласу лазоревого по 1 р. 10 ал.; сорокъ соболей цѣна 23 р. Государыня и великая старица иноки Марѣи Ив. крайчево Мих.

Мих. Салтыкова жену Парасковью Ивановну благословила образъ Преч. Богородицы Умиленіе, обложенъ серебромъ вънецъ сканной. Да ей же государыня пожаловала: 10 арш. камки кармазину мелко-травяны червчатые по 1 р. 11 ал. 4 д.

125 г. іюля 6, къ государю ц. и в. к. Мухангу Федоровичу при-
вѣжалъ на завтрае своей свадьбы стольникъ Борисъ Ивановичъ Мо-
розовъ челомъ ударити и государь его жаловалъ: образъ Спасовъ
обложенъ серебромъ золоченымъ вънецъ басмьянъ золоченъ. Кубокъ
серебрянъ золоченъ съ покрышкою на достоканное дѣло на высокомъ
стоянцѣ, на покрышѣ и по кубку выбиваны травы и звѣри, на по-
крышѣ три дуги лютыя у нихъ головы человѣчьи, на нихъ тере-
мокъ, на теремкѣ человекъ лютый въ правой рукѣ копье въ лѣвой
повѣза, вѣсу 4 гривенки 39 зал., что государю прислалъ аглицкой
король въ поминкахъ во 123 г.; — 10 арш. отласу червчетого, по
40 алт. арш.; 10 арш. отласу желтого по 20 алт. арш.; 10 арш.
камки куфтеру лазоревой по 30 алт.; сорокъ соболей, цѣна 40 р.
Отъ г. и в. старицы иноки Марѣи Ив. стольнику Борису Ив. Мо-
розову: образъ Пречистые Богородицы Одигитріе, окладъ и вънецъ
серебряны золочены басмьянны; 10 арш. камки кармазину червчетого
по рублю арш., да сорокъ соболей, 30 р. Отъ государя стольника
Борисовъ женѣ Ивановича Морозова: образъ Вознесеніе Господне
обложенъ серебромъ, въпы сканны; 10 арш. отласу кармазину
червчетово, по 23 ал. по 2 д.; сорокъ соболей 20 р. Отъ г. и в.
старицы иноки Марѣи Ив. стольника Борисовъ женѣ Ивановича Мо-
розова: образъ Пречистые Богородицы обложенъ серебромъ, вънецъ
сканной; да 10 арш. камки желтой адамашки по 20 ал. по 4 д.

156 г. генваря 27, по государеву указу и по приказу казначей
Богдана Минича Дубровского государева жалованья боярину Борису
Ивановичу Морозову: кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею чекан-
ной вѣсу 5 ф. 9 зол.; кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, ложки
большіе на кровлѣ трава цвѣтная, вѣсу 2 ф. 60 зол., по 10 р.
фунтъ; кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, ложки большіе, на
кровлѣ трава цвѣтная, вѣсу 4 гривенки 42 зол., по 8 р. фунтъ.
Отласъ золотной по серебряной землѣ травы золоты съ шолкомъ
съ зеленымъ да съ червчатымъ мѣроу 9 ар. 5 в., по оцѣнкѣ 30 р.,
а прежняя ему цѣна 35 р., а тѣмъ отласомъ государынѣ царцѣ
челомъ ударилъ боярникъ и дворецкой кн. Алексѣй Михайл. Львовъ
156 г. генв. 19. Отласъ турецкой по червчатой землѣ травы золоты
въ обводѣ шолкъ бѣлъ, мѣроу 9 ар. безъ 6 вер., 27 руб. Г. цар-
цѣ челомъ ударилъ боярникъ Мих. Мих. Салтыковъ 156 г. генв. 19.

Отласъ золотной турской по червчатой землѣ опакаламп въ обводѣ шолкъ бѣлъ, 9 ар. безъ вершка, 25 р. Отласъ золотной по червчатой землѣ въ травахъ шолкъ бѣлъ лазоревъ 8 ар. 9 вер., 25 р.; 10 арш. бархату червчатого гладкого кармазину по 2 р. по 5 алт. аршинъ: 10 арш. отласу червчатого по 30 алт. — 10 арш. отласу желтого по 29 алт.; 10 арш. отласу бѣлого по 28 ал. 2 д.; 10 арш. камки куфтеру червчатой по 29 ал.; 10 арш. камки куфтеру желтой по 28 ал. 2 д.; 10 арш. камки куфтеру двоеличной шолкъ аль жолтъ по 29 ал.; 10 арш. камки адамашки шолкъ бѣлъ да аль по 26 ал.; 10 арш. камки адамашки зеленой кружчатой по 26 ал.; сорокъ соболей 70 р., сорокъ соболей 50 р. сорокъ соболей 40 р. А явлено ему государево жалованье при государѣ въ Передней; являлъ дьякъ Захарей Онофріевъ. А пожаловалъ государь его, какъ онъ государю челомъ ударилъ на завтрея своей свадьбы. И то государево жалованье къ боярину на дворѣ дьякъ Захарей Онофріевъ (пробѣлъ). Да въ тожъ время государь благословилъ боярина Бориса Ивановича Морозова: образъ Спасовъ обложеть серебромъ. И тотъ образъ изъ образныя казны отъ крестового дьяка Ивана Семіонова. (Упомянемъ, что 25 гена. государь пожаловалъ Морозову къ свадьбѣ свою отцовскую постелю со всѣмъ уборомъ. См. томъ I, 203).

3. ЦАРИЦЫНЫ ПОХОДНЫЕ РАСХОДЫ.

144 года сентября 21, какъ государыня царица и великая княгиня Евдокья Лук. пошла съ Москвы въ Троецкой осенней объездъ и по еѣ государыинну приказу на Москвѣ и по дорогѣ нищимъ и всякимъ бѣднымъ людямъ роздано на милостыню рубль 29 ал. 2 д. Тогожъ дни по именному приказу (царицы) для ихъ государскихъ чадъ куплено всякихъ *яствъ* на 21 алт. Сен. 23 государыня царица шла мимо села Пушкина и по еѣ приказу села Пушкина попадѣ 2 р., подносила къ государынь *лырочи*. Сен. 24, какъ г. царица пошла изъ села Здвигенскаго и по еѣ приказу нищимъ и всякимъ бѣднымъ людямъ по дорогѣ на милостыню 31 ал.; да деревни Вихоревъ крестьянкѣ Устиньцѣ, которая подносила ко государынь *сыръ*, полтина. Сен. 25 у Троицы въ Сергіевъ монастырь троецкому крестьянину Якушку Семенову за 12 братниковъ красныхъ по 6 д. за братнику, за 5 братниковъ по 8 д. за братнику; емужъ за двѣ братники да за 6 ложекъ красныхъ 6 ал.: итого 24 ал. 4 д. Братники и ложки

взаты въ хоромы, приняла княгиня Соломонья Мозецкая... Сен. 26, какъ г. царица пошла отъ Троицы изъ Сергіева монастыря и по ея приказу въ богадельню нищимъ, что въ слободѣ у Троицы въ Сергіевъ монастырь, рубль; да нищимъ и всякимъ бѣднымъ людямъ роздано на милостыню рубль 16 ал. 2 д.

145 года сентабри 21, какъ государыня царица пошла съ Москвы въ Троецкой осеней объѣздъ и по ея государыниному приказу на Москвѣ и по дорогѣ нищимъ и всякимъ бѣднымъ людямъ роздано на милостыню рубль двѣнадцать алтынъ. Тогожъ дни по именному приказу для ихъ государскихъ чадъ торговому челоуѣку Микитѣ Павлову за *попильшой возокъ* съ конми деревянные (пробѣлтъ). деньги взялъ самъ. Тогожъ дни г. царицы по именному приказу для ихъ государскихъ чадъ куплено всякихъ потѣхъ на 6 алт. на 4 деньги. Сен. 22, какъ г. царица пошла изъ села Тонинского деревни Ядревы крестьянкѣ Овдотьицѣ Григорьевѣ по ея государыниному приказу полтина — подносила государынѣ блинны. Тогожъ дни г. царица шла мимо села Пушкина и по ея приказу села Пушкина попадѣ рубль — подносила къ государынѣ пироги. Тогожъ дни какъ г. царица пошла изъ села Тонинского и по ея приказу въ селѣ въ Тонинскомъ и плучи изъ села Тонинского до села Братошина по дорогѣ нищимъ и всякимъ бѣднымъ людямъ роздано на милостыню 27 алт. — Сен. 23, какъ г. царица пошла изъ села Братошина и по ея приказу по дорогѣ до села Здвиженскаго роздано на милостыню 18 алт. — Сен. 24, какъ г. царица пришла къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь и по ея приказу семи челоуѣкамъ вдовамъ новгородкамъ по полуполтинѣ челоуѣку. — Сент. 25, къ царицѣ въ хоромы полтина; приняла княгиня Марья Хованская, а сказала, что тѣ деньги дать за потѣхи царевны Ирины Мих. — Сен. 26, какъ г. царица пошла отъ Троицы и по ея приказу роздано нищимъ на милостыню 1 р. 14 алт. 2 д. — Сен. 28, какъ г. царица пошла изъ села Здвиженскаго и по ея приказу роздано нищимъ на милостыню 16 алт.; да села Рохманцова попу на молебень полтина, да проскурницѣ гривна; да въ селѣжъ Пушкинѣ куплено *колачииковъ* на 6 алт. на 4 денги. Тогожъ дни какъ г. царица шла къ селу Братошину и по ея приказу роздано по дорогѣ нищимъ на милостыню 2 гривны. Тогожъ дни государыня пожаловала села Братошина крестьянина Васку Матвѣева, велѣла ему дать полтину — подносила государынѣ прѣсной *медъ* сотовой да *рыбу*. — Сен. 29, какъ г. царица слушала молебень въ селѣ въ Братошинѣ у церкви Николы чудотворца съ своими государскими чады и по ея приказу дано на молебень 2 р.; да тогожъ села Братошина церкви Покрова Пречистые Бо-

городицы попу рубль. Какъ г. царица шла изъ села Братошина къ селу Тонинскому и по еѣ приказу роздано ишимъ на милостыню чернорпцамъ и вдовамъ 11 алт. Тогожъ дни г. царица пришла въ село въ Тонинское и по еѣ приказу села Пушкина попу рубль—поднеслъ съ попадьей государынѣ блинны.

146 г. сен. 21, какъ г. царица пошла съ Москвы въ Сергѣевской осенней походъ въ Троицкой монастырь и по еѣ приказу по дорогѣ нищимъ и всякимъ бѣднымъ людямъ роздано на милостыню 21 алтынъ. Тогожъ дни по еѣжъ государынину приказу къ образу Пречистые Богородицы, что на Никольскихъ воротехъ, на молебень рубль. Тогожъ дни куплено для государскихъ дѣтей *колачииковъ* и *орьховъ* и *ягодъ* и *моркови* и *рпвы* на 8 алт. — Сен. 22, какъ г. царица пошла изъ села Тонинского и по еѣ приказу дано нишимъ на милостыню 12 алт. 4 д. Тогожъ дни какъ г. царица шла изъ села Тонинского мимо деревни Андреевы и по еѣ приказу деревни Андреевы крестьянкѣ Огрофемкѣ двѣ гривны для того, что подносила къ государынѣ блинны. — Сен. 22, какъ г. царица шла изъ села Тонинского мимо монастырскіе деревни Тарасовки и по еѣ приказу деревни Тарасовки крестьянкѣ Марьицѣ полтина для того, подносила къ государынѣ *пирогы*. Какъ г. царица шла изъ села Тонинского мимо села Пушкина и по еѣ приказу села Пушкина попу съ попадьей рубль для того, подносилъ къ государынѣ *блинны* и *пирогы* и *бражку*. Какъ г. царица пришла въ село Братошино и по еѣ приказу села Братошина крестьянкѣ Дарьицѣ полтина да крестьянкѣ Огафьицѣ 6 ал. 4 д., для того, подносили къ государынѣ *пирогы*. Тогожъ дни по приказу г. царицы въ селѣ въ Братошинѣ бѣднымъ дѣтемъ боярскимъ и чернцомъ и черницамъ и нишимъ роздано на милостыню 26 ал. 2 д. — Сен. 30, какъ г. царица пошла съ Москвы въ село Рубцово и по еѣ приказу по дорогѣ нишимъ и всякимъ бѣднымъ людямъ на милостыню 24 алт., да куплено для потѣхи государскимъ дѣтемъ *моркови* и *рпвы* и *орьховъ* на 4 ал. на 4 д. Тогожъ дни въ Покровскую богадѣльню нишимъ задравные милостыни рубль. Нояб. 6. какъ г. царица пришла съ Москвы въ село Тонинское и по еѣ приказу тремъ человекомъ крестьянкамъ Марьицѣ да Парасковьицѣ да Зиновкѣ по 2 гривны человекѣ для того—подносили къ государынѣ *пирогы* и блинны; приказала крайчей книгиня Соломонидя Мезецкая. Тогожъ дни какъ г. царица шла изъ села Тонинского мимо деревни Ядреевы и по еѣ приказу тоѣ деревни крестьянкѣ Устиньицѣ 16 алт. 4 д. для того—подносила государынѣ блинны; приказалъ Семенъ Лук. Стрѣшневъ. Какъ государыня царица шла изъ села Тонинского къ селу Братошину мимо села Пушкина и по еѣ

приказу села Пушкина попу съ понадею рубль для того, подносили къ государыни пирожки. Какъ г. царица пришла въ село въ Братошино и по еѣ приказу села Братошина четырьмя человекѣмъ крестьянкамъ по 2 гривны человекѣ для того, подносили государыни пирожки. — Ноябрь. 7, какъ г. царица пришла въ село Воздвиженское и по еѣ приказу села Здвиженскаго понадеъ 13 алт. 2 ден., подносила государыни пироги. — Ноябрь. 9, какъ г. царица пришла къ Троицъ въ Сергіевъ монастырь и по еѣ приказу троецкому крылашеинну старцу Закхью по кияниъ Аниъ Ивановиъ Одоевской рубль. — Ноябрь. 13, какъ г. царица пришла изъ походу къ Москвѣ и по еѣ приказу по дорогѣ и на Москвѣ роздано бѣднымъ дѣтемъ боярскимъ и вдовамъ и черницѣмъ и черницамъ и нищимъ и на Москвѣ въ Микольской заставкѣмъ поломияникомъ и всякимъ бѣднымъ людямъ рубль 29 алт.

147 г. окт. 4, какъ г. царица пошла съ Москвы въ троецкой осенней объездъ и по еѣ государскому приказу проѣзжіе милостини въ тюрьму 2 рубли. Тогожъ дни чудотворному образу Пречистые Богородицы, что на Ильинскихъ воротехъ, черному попу на молебѣ рубль. Тогожъ дни Олексѣева приказу Полтева стрѣльцу Игвашку Маркову *за помышу, за деревянные конки и шендалы и за ямочки* 2 р.... Потѣха взята царевичу князю Олексѣю Михайловичу. — Окт. 9, Троицы Сергіева монастыря крестьянину Васкѣ Прокофьеву за четыре братинки писаны красками четыре алтына; взялъ братинки Ивѣд. Стрѣшневъ меньшей, а сказалъ, что тѣ братинки взяты царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ. Тогожъ дни Живоначальные Троицы Сергіева монастыря стрѣлецкимъ женамъ 3 человекѣмъ, Манкѣ да Аиюткѣ да Дунькѣ, по 2 гривны человекѣ для того, подносили государыни пироги. — Окт. 18, Переславля Залѣскаго торговому человекѣ Ивашку Дорову за лисицу красную 16 алт. 4 д., а лисицу принялъ бояринъ Лукьянъ Степ. Стрѣшневъ, а сказалъ, что тое лисицу государыня пожаловала ему подъ рукавицы.

148 г. сен. 22, какъ государыня шла изъ села Товинскаго мимо села Пушкина и по еѣ приказу села Пушкина попу рубль, подносила царицѣ пироги и блинны. Сент. 26 по приказу г. царицы села Клементьева крестьянкѣ Дарьницъ Ивановѣ полполтины, подносила государыни пироги. Тогожъ дни по приказу г. царицы деревни Корелиной двѣмъ крестьянкамъ по гривнѣ человекѣ; подносили государыни *пироги да брашку*. Сент. 29 села Братошина крестьянкѣ Марьонцъ Григорьевѣ полтина, подносила царицѣ пироги. Тогожъ дни г. царица пожаловала, велѣла дать села Братошина крестьянкѣ Марьонцъ 2 алт.

2 д., подносила государынѣ *квасъ*. Тогожъ дни царица пожаловала, велѣла дать села Пушкина попадѣ рубль, подносила государынѣ *пирогъ*. Тогожъ дни г. царица пожаловала деревни Ростоккина крестьянина Ивашка Тимоѣева, велѣла ему дать 16 алт. 4 д., подносила государынѣ *хлѣбъ*.

148 г. март. 8, какъ г. царица пошла съ Москвы въ монастырь къ Живоначальной Троицѣ и пожаловала за свое государское здорье на молебень Пречистой Богородицы Владимірской, что на Стрѣтенскихъ воротехъ 16 а. 4 д., да нищимъ роздано милостыни 6 а. 4 д. — Мар. 10, какъ г. царица пришла къ Троицѣ и проѣхавъ село Клементьево, пожаловала въ богадѣльню нищимъ проѣзжіе милостыни 16 ал. 4 д., да нищимъ же, которые сидѣли на мосту у Троицы подъ Сергіевскимъ монастыремъ, на милостыню 8 ал. — Мар. 11, г. царица пожаловала у Троицы въ Сергіевскомъ монастырь затворнику Никону на милостыню 3 р., да въ монастырѣжъ у Троицы роздано нищимъ милостыни 10 а. 2 д. — Мар. 13, какъ г. царица пришла отъ Троицы въ село въ Братошино и по еѣ приказу села Братошина тремъ человѣкомъ попомъ по 5 ал. челов., да тремъ человѣкомъ проѣзирникамъ по гривнѣ челов., для того, приходили къ государынѣ съ хлѣбомъ и съ пироги. — Мар. 14, какъ г. царица шла отъ Троицы мимо села Пушкина и пожаловала того села Пушкина попу Матвѣю 16 ал. 4 д. для того, приходилъ къ государынѣ съ пироги и съ *мѣтлемъ*.

150 г. сент. 23, г. царица пришла въ село Братошино и еѣ государыню встрѣчали села Братошина Благовѣщенской да Покровской попы Олексѣй да Григорей да попадѣ ихъ, подносили государынѣ *пирогъ*, и пожаловала государыня проѣзжіе милостыни попомъ и попадѣямъ по полтинѣ человѣку. — Сент. 24, г. царица пришла въ село Здвиженское и еѣ государыню встрѣчали села Здвиженскаго поппъ Гаврило съ попадѣю и подносили *пирогъ* и г—ня пожаловала велѣла дать проѣзжіе милостыни попу полтину, а попадѣ полтину. Сент. 26, какъ г. царица шла отъ Троицы въ село Здвиженское и еѣ государыню встрѣчала села Клементьева крестьянка *прличлива* Катеринка и поднесла ей государынѣ дѣланыя *прличливыя* рыбы, и государыня пожаловала, велѣла ей дать за тѣ рыбы 2 р. съ полтиною. — Сент. 29, г. царица шла мимо села Пушкина и еѣ государыню встрѣтили въ селѣ Пушкинѣ Никольской поппъ Иванъ съ попадѣю да съ дочерью и подносили ей государынѣ *пирогъ* и *мѣтль* и государыня пожаловала попу съ попадѣю по полтинѣ, а дочери рубль. Сент. 30, въ г. царцѣ въ село Тонянское прѣѣзжалъ села Пушкина

Никольской попь Иванъ и привозилъ пироги и ямье и по еѣ государыниному приказу дано ему рубль.

151 г. сент. 21, какъ г. царица пошла съ Москвы въ Троецкой походъ и по еѣ государыниному приказу на молебень полтина; пѣли молебень Пречистой Богородицы Казанской, что у Никольскихъ воротъ; да ямцимъ роздано, идучи дорогою, 27 ал. 2 д. — Сент. 22. г. царица шла мимо села Пушкина и по приказу боярина Лукьяна Степ. Стрѣшнева села Пушкина полу рубль за то, что онъ поднесъ государынѣ *сотовой медь*. — Сент. 23, г. царица изъ пошла изъ села Здвиженскаго и по еѣ приказу ямцимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ по дорогѣ милостыни 18 а. 4 д. Да у Троицы въ богадельню старикамъ и на мосту лежанкамъ 24 ал. — Сент. 24, села Здвиженскаго деревни Ереминой крестьянкамъ Дорофейковъ женъ Олексѣева да Матюшкинъ женъ Берсоватова полтина, за то что они поднесли государынѣ два сыра; приказалъ деньги дать Сем. Луи. Стрѣшневъ, деньги взяли сами. — Сент. 25, г. царица какъ шла отъ обѣдни на праздникъ Сергѣя Чудотворца и по еѣ приказу двѣ дряхлой милостыни на шубу полтину; да Троицы Сергѣева монастыря вдовой вепедь Матрѣя съ дѣтми самой — четвертой милостыни полтина. — Сент. 26 Троицы Сергѣева монастыря посацкому челоуѣку Якушку Иванову за семь братничекъ писанныхъ по 5 денегъ за братнику, да за семь ложекъ по 2 ден. за ложку. Тогожъ дни у Троицы въ Сергѣевъ монастырѣ затворнику въ келью милостыни рубль, — отнесилъ деньги протопопъ Никита. Тогожъ дни Троицы Сергѣева монастыря посацкому челоуѣку Омелькѣ Васильеву три алтына 2 денги, за то что онъ подносилъ царицѣ *бразу*. Тогожъ дни по челобитной сыну боярскому Семену Левашеву для его бѣдности и нищеты на шубу полтина. Приказала деньги дать княгиня Онисья Ромодановская. — Сент. 27, Переславля Залѣскаго посацкаго челоуѣка карлицы Аниуткинъ матери Овдотинѣ государева жалованья для того, что дочь еѣ взята въ Верхъ, семь рублевъ. Приказала деньги дать княгиня Марья Хованская.

152 г. сентября въ 21 день, какъ г. царица пошла съ Москвы въ Троецкой объѣздъ и идучи изъ города нишимъ милостыни 22 алт. Сент. 22, какъ г. царица пошла изъ села Тонинскаго и идучи дорогою и на рѣчкѣ Талицъ нишимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ и лежанкамъ милостыни рубль 20 ал. 2 д. Тогожъ дни дорогою идучи крестьянкамъ за пироги и за ягоды 7 ал. и за то, что подносили *яиво* и *бразу*. Сент. 23, села Пушкина полу 16 ал. 4 д., за то, что онъ съ попадѣю государынѣ царицѣ подносилъ пироги праженные да

сотовой медь, да нищимъ милостыни 5 ал. — Сент. 24, какъ государыня пошла изъ села Здвиженскаго и дорогою идучи и у Троицы нищимъ и всякимъ бѣднымъ людямъ милостыни 2 р. 2 ал. 2 д. Тогожъ дни села Здвиженскаго деревни Еремьиной крестьянкѣ Дорофейковѣ женѣ Домницѣ 6 ал. 4 д., за то что государыниѣ поднесла сырѣ. Сент. 26, у Троицы въ Сергѣевѣ монастырѣ нищимъ и всякимъ бѣднымъ людямъ милостыни по рукамъ 2 р. 27 алт. Тогожъ дни Троицы Сергѣева монастыря соборнымъ дву человекамъ чернымъ пономаремъ на шубы по полтинѣ человекѣ, приказъ боярина Лукьяна Степановича Стрѣшневъ. Сент. 27, какъ государыня шла отъ Троицы и въ селѣ Рюминскомъ крестьянкамъ пожаловала государыни 16 ал. 4 д., за то, что они подносили ей государыни хлѣбы и калачи и пироги. Сент. 28, въ Александровѣ слободѣ къ царщѣ въ хоромы 16 ал. 4 д. приняла дѣвка Овдотья нѣмка. Тогожъ дни, какъ г. царица пошла изъ Александровы слободы въ село Клины и дорогою идучи крестьянкамъ 15 ал. за то, что тѣ крестьянки подносили государыни пироги да сотовой медь. Того жъ дни карлицы Аиюткину отцу Васкѣ милостыни 3 ал. 2 д. — Окт. 1, въ селѣ Клинахъ нищимъ и всякимъ бѣднымъ людямъ милостыни 43 ал. 2 д. — Окт. 2, въ Юрьевѣ Польскомъ какъ государыня ходила молитца въ соборъ и за ихъ государское здорье нищимъ и всякимъ бѣднымъ людямъ милостыни 2 р. 30 ал. Окт. 3, какъ государыня пошла изъ Юрьева и въ ту пору нищимъ милостыни 25 ал. 2 д. да соборные церкви просвириницѣ гривна. Окт. 5, какъ государыня пошла изъ деревни Тютковы и идучи дорогою въ селѣ Андреевскомъ пятницкому попу на молебень гривна. Тогожъ дни дорогою жъ идучи по деревнямъ до Александровы слободы крестьянкамъ пожаловала государыни 21 ал. 4 д., за то, что онѣ государыниѣ подносили пиво и пироги и блины и *моды*. Окт. 8, Суздальскаго уѣзду изъ пустыни Покрова Прч. Богородицы Кукутцкаго монастыря игуменьѣ съ сестрами 20 человекамъ г. царица пожаловала милостыни 4 р.; да тогожъ монастыря попу да дьякону гривна. Того жъ дни разныхъ деревень крестьянскимъ женамъ бѣднымъ вдовамъ 8 человекамъ пожаловала государыни милостыни 26 ал. 4 д. Того жъ дни Александровы слободы протопопницѣ Марѣ рубль, за то, что она г. царщѣ подносила пироги. Тогожъ дни Александровы жъ слободы крестьянкѣ Палагѣйкѣ Трофимовѣ 8 ал. 2 д., за то, что у ней государыня стояла на дворѣ, какъ были въ Переславскомъ походѣ. Тогожъ дни ко г. царщѣ въ хоромы 2 ал., принялъ Ив. Ѳед. Стрѣшневъ большой, а сказалъ, что на тѣ деньги куплено *румяну* на потѣху. Тогожъ дни Александровы слободы крестьянину Богдашку Ива-

нову рубль; приказалъ деньги дать бояринъ Лукьянъ Степ. Стрѣшевъ, за то, что у него сгорѣла баня въ ту пору, какъ государыня пошла изъ слободы. Тогожъ дни, какъ г. царица пошла изъ Александровы слободы и идучи дорогою государыня пожаловала розныхъ сель попомъ 4 человекамъ да дячку милостыни рубль да черному старцу пустыннику да уродивому по 8 алт. по 2 д. человекъ; да нищимъ по рукамъ 18 алт. Того жъ дни изъ Александровы жъ слободы идучи дорогою по деревнямъ, пожаловала государыня царица крестьянскимъ женамъ 22 ал. 2 д. за то, что подносили ей государынь и царевнамъ хлѣбы и пироги и ягоды. Окт. 10. какъ г. царица пошла изъ села Слотина и идучи дорогою крестьянкамъ 9 ал: за то, что государынь подносили хлѣбъ и пироги. Окт. 11, какъ г. царица ходила изъ Воздвиженскаго на Городенскъ и слушала обѣдн и молебн и идучи съ Городенска милостыни всякимъ бѣднымъ людемъ 21 ал. — Окт. 12 какъ г. царица пошла изъ Воздвиженскаго въ Братошино и дорогою идучи крестьянкамъ за пироги и за ягоды 4 ал. Окт. 14, какъ г. царица пошла изъ села Тонинскаго и на Москвѣ дорогою идучи нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ и на мосту лежанкамъ милостыни полтора рубли 5 ал.

160 году іюня 2 г. царь и в. к. Алексѣй Мих. изволилъ ити молиться Живоначальне Троицы въ Сергіевъ монастырь съ своею царицею и в. к. Марьею Ильичною и съ государынями царевнами Приною, Аянкою, Татьяною Мих. и Евдокією Алекс. Г-ня царица и в. к. Марья Ильична, идучи съ Москвы жаловала дорогою нищимъ милостыни на Никольскомъ мосту и у Пречистые Богородицы Казанскіе 2 р. 22 ал. 4 д.; въ Неглиненскихъ воротѣхъ 4 ал. 2 д.; въ Тверскую богадѣльню сту челов. нишимъ по алтыну; приказалъ дать стольникъ Фед. Мих. Ртишевъ. У Тверской богадѣльни къ царицѣ въ колымагу 5 р., принялъ стольникъ Матв. Богд. Милославской. На Тверской въ Воскресенской монастырь царица пожаловала на молебень 2 р.. приказалъ дать Матв. Богд. Милославской. Дорогою идучи по Тверской улицѣ и за Тверскими вороты и за Землянымъ городомъ роздано нишимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ милостыни 2 р. 1 ал. 4 д. Приказалъ деньги давать бояр. Борис. Ив. Морозовъ, раздавалъ подьячей Офонасей Батмановъ. Іюня 3 въ селѣ Тонинскомъ изутра къ царицѣ въ хоромы 2 р., деньги приняла крайчая Анна Вельяминова, по деньги приходилъ подьячей Лукьянъ Годосовъ, относилъ подьячей Илья Федоровъ. Тогожъ числа, какъ пришла царица изъ села Тонинскаго на станъ въ село Братошино ввечеру и роздано нишимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ 2 р. 2 ал. 4 д.; приказалъ бояринъ Илья

Дан. Милославской. Того жъ числа царица пожаловала въ селѣ Пушкинѣ церкви Николаи Чуд. вдовой попадѣ Матрентъ рубль; подносила она къ царицѣ пироги; приказалъ деньги дать бояринъ Илья Дан. Милославскій. Юня 5, идучи изъ с. Воздвиженскаго къ Троицѣ, по дорогѣ и у монастыря роздано милостыни нищимъ и всякимъ бѣднымъ людямъ 8 р. 29 алт. Да царица, идучи отъ Троицы съ монастыря, пожаловала ручною милостынею нищихъ и роздано за монастыремъ нищимъ и всякимъ бѣднымъ людямъ 11 р. 2 ал.; приказалъ милостыню давать бояринъ Илья Данил. Милославской. Юня 7 царица и царевны въ с. Воздвиженскомъ въ церкви Воздвиженія слушали обѣдн и молебн и пожаловали на молебенъ 2 р., деньги взялъ дякъ Ив. Взимковъ. Да въ придѣлѣ Алексѣя Человѣка Божія попу Тимоѣю на молебенъ рубль, деньги взялъ крестовой дякъ Оома Борисовъ. — Да того жъ села Воздвиженскаго пожаловала государыня бобыльской женѣ Овдотыцѣ на похороны мужа еѣ полтину; да того жъ села нищимъ, что въ богадѣльнѣ, гривну. Юня 8 въ с. Братошинѣ въ церкви Николаи Чуд. царица слушала обѣдн и молебн и пожаловала на молебенъ попу Илья рубль; да идучи изъ села Братошина нищимъ роздано ручною милостыни и всякимъ бѣднымъ людямъ 2 р. 2 ал. 2 д. Въ селѣ Рохманцовѣ пожаловалъ государь дѣвкамъ полтину, подносили они государю *моду кляузу*; да нищимъ роздано 13 алт. 4 д.; да деревни Тарасковы дворнику полтину. Да по разнымъ подписнымъ челобитнымъ бѣднымъ вдовамъ жаловала государыня по алтыну и по гривнѣ, и того рубль 28 ал. 4 д. Да не по подписнымъ челобитнымъ приказывалъ бояринъ Илья Дан. Милославскій, 23 алт. 2. Того жъ числа, какъ пришла г. царица къ Москвѣ, роздано нищимъ у Фроловскихъ воротъ 3 р. 29 алт.; да въ богадѣльню нищимъ въ Кулижскую избу сту человекамъ 3 р.; да въ тюрьмы 812 чвк. 24 р. 12 ал. 4 д., по алтыну человекъ; приказалъ б. И. Д. Милославской. Ямщикамъ, которые на сытномъ и на кормовомъ и на хлебномъ дворцахъ были подъ обиходы, 121 подвода, кормѣ на лошадей и съ проводникомъ по алтыну на день, юня съ 2 и по 8 число, да 64 подвода юня на 8 число, — и того 27 р. 11 алт.

РОЗЫСКИ ГОСУДАРЬЕВОЙ КАЗНЫ У БЫВШЕЙ ЦАРИЦЫ МАРЬИ
ПЕТРОВНЫ ШУЙСКОЙ ¹.

4. Лѣта 7117 марта въ 14 день взято у дьяка у Ивана у Федорова къ государынѣ въ хоромы платнехъ денегъ 100 рублей безъ 10 алтынѣ. И тѣхъ денегъ государыня пожаловала свое государское жалованье 2 казначеемъ 7 руб., постельницамъ 25 р., золотнымъ мастерицамъ 44 р. съ полтиною, бѣлымъ швеямъ 18 р., комнатнымъ 4 р. съ полтиною, портономъ 7 р., кормилицѣ 2 р., Поснику подъячему 5 р., сыну боярскому Аннину брату Шестаковой 6 р. И въ расходѣ денегъ 118 р.

5. (119 года) Октября въ 11 день мастерицы Марфа Березникова да Люба ..имой ..ва сказали, что князь Васильева княгиня Шуйского..... матери своей княгинѣ Марфѣ Буйно..... сестрѣ своей князь Ивана Воротынского княгинѣ да князь Дмитріевъ княгинѣ Шуйского княгинѣ Катеринѣ платья низаное жемчугомъ и съ тѣхъ платьевъ пороли жемчугъ на подворьяхъ я тотъ жемчугъ продавали, а денги отдавали князь Васильевъ княгинѣ Шуйского, или нѣтъ, того не вѣдаютъ.

6. 119 года октября въ 27 день митрополитъ Пафотеѣ да архимандритъ Ферапонтъ да бояре князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ да князь Василей Михайловичъ Мосальской съ товарищи смотрели царянины казны по списку переписи Кузмы Безобразова да дьяка Ивана Федорова, и въ томъ списокѣ написано: *карадъ*: серги двоенки лалы съ яхонты на золотѣ, серги яхонты лазоревы на золотѣ, и тѣхъ серегъ на лицо нѣтъ, а въ росписѣ казначей Анна Шестакова сказала, что тѣ серги двоенки княжъ Васильева княгиня Шуйского отдала княжъ Васильевъ Буйносова княгинѣ Оринь, а другіе серги яхонты лазоревы отдала патчирицѣ ея княгинѣ Марфѣ; и бояре князь Иванъ Семеновичъ да князь Василей Михайловичъ съ товарищи говорили казначеемъ Аннѣ Шестаковѣ да Ульянѣ Орловѣ, чтобъ они сказали вправду, сколько княжъ Васильева княгиня Шуйского государевы

¹ Супруга царя Василя Шуйскаго, нареченная царскимъ именемъ Марья, а невестою Екаторина, Петровна, дочь князя П. И. Буйносова-Ростовскаго, потомъ вмѣстѣ съ несчастнымъ мужемъ насильно постриженная въ инокини съ именемъ Елены, оставалась въ Смутное время въ Москвѣ и принуждена была отдавать боярамъ подробный отчетъ въ царскихъ расходахъ своего супруга и собственныхъ своихъ. Она пережила свое несчастіе, пользовалась при царѣ Михаѣлѣ достойнымъ почетомъ и скончалась въ 1624 году.

казны покража и кому давала хоронити или и впрокъ кому давала, тобъ все сказали вправду, а не скажутъ правды и имъ быти пытанымъ. И бояре князь Иванъ Семеновичъ да князь Василей Михайловичъ съ товарищи, выслушавъ *памятей*, спрашивали казначей Анны Шестаковы да Ульяны Орловы, гдѣ та рухлядь нынѣ, что поставлена была у Фетиньи Великой да у Парасковьи Колычовы и естли у нихъ книги приходные и расходные противъ тѣхъ памятей, у ково что взято и кому сколько дано. И казначей Анна и Ульяна сказали, что тоѣ рухлядь, что поставлена была у Фетиньи, у Парасковьи, ставили какъ воры были сперва подъ Москвою, да тоѣ рухлядь она и взяла назадъ, а книгъ де приходныхъ и расходныхъ у нихъ нѣтъ; а тѣ росписцы писали себѣ для памяти. И бояре послали къ старицѣ Марьѣ Шуйской дьяка Семейку Еуфимьева да гостя Ивана Юрьева, а велѣли ей говорити: прежь того хотѣла она прислати роспись написавъ, у ково сколько какіе рухляди схоронено да и пося мѣста не присылывала; и оябъ нынѣ дала роспись, сколько у ково какіе рухляди схоронено или что кому дано и хто у нее какую рухлядь продавалъ и на какіе расходы денги шли и есть ли тому приходные и расходные книги? И тогожъ дни дьякъ Семейка Еуфимьевъ и Иванъ Юрьевъ къ старицѣ Марьѣ ѣздили и спрашивали и старица княгини Марья Шуйского сказала, что у Парасковьи Колычовы да у Фетиньи Великой была казенная рухлядь, а давала она въ тѣ поры какъ пришелъ Воръ сперва къ Москвѣ, да и опять назадъ взяла; а отдавала ту рухлядь и имала назадъ по ее приказу казначей Ульяна Орлова, а было у Фетиньи всего столовые сундуки да сорочки, а у Парасковьи ящикъ не великъ кипарисной со кресты, а болши де тово у нихъ ничево не было; да у Фетиньижъ де было 2 сорока сободей и она де тѣ два сорока отдала княжнамъ да именovala одну Прозоровскую; а другіе не сказала, а говорила: *мало ли ково мужь мой и я жаловали, да не у всѣхъ поимать! Рострица былъ не лутче насъ, да ея дачи ни у ково неемлютъ.* А межъ нами кому было у насъ третьему быти. А нынѣ что ее бояре и ояняваютьъ, просятъ росписи, а сами у всѣхъ, у ково что было положено, все поимали, а будетъ невѣрять и она скажетъ подлинно: у княгини Прозоровскіе была коробья съ золотомъ да съ шолки да платейцо дочери ее; у княгини Соломовиды Бахтеяровы 1300 золотыхъ да рясы да 3 серги; у княгини Анны Урусовы коробка съ рухлядью; и у тѣхъ у всѣхъ и поимано, а болши тово она ни у ково ничево отнюдь не харанивала, а и то взяла было, проча евоей дочери, надѣяся на то: *мояль Бориса жена мноую казну поимала, о чомъ не ссысывали?*

шкѣ съ камышками и у меня на той же недѣля украли. вѣсть нѣды. Да которые князны шли на свадьбу, Прозоровская и Ромодановская, и тѣмъ государь давали лѣтники и шубки золотныя и лѣтники камчатныя и тафтяныя и тѣлогрѣи и шубки суконныя и..... и по два ожерелья низанныхъ и вѣсны и жемчугъ на поднизю и серги лалы и яхонты на одномъ колцѣ, и все носили казенное. и вѣдаютъ государь казначеи, сколько которой дано, милымъ князьямъ; тремъ дано по ожерелью низаному, да..... шапки черныя да князь Гавриловъ Коркодиновъ эсендѣй черчату, аршпизъ сукна; да Аннинъ племянницъ фереи комчаты черчеты, да Аннѣ дано лѣтникъ отласенъ, а цѣвту не рассмотрѣла, да Бохтеяровой опашени да лѣтникъ; за свадьбу мѣтъ сама Анна, что ей пожаловала шубку отласну золотну..... ей невидала; да давали жемчугу на ожерелья Ульянѣ жемчугу, а невидаютъ сколько. да племянницъ Аннинѣ дали шапка черна; да дѣвчла дѣвку свою замужъ государыня давали лѣтники комчатые и тафтяныя и тѣлогрѣи комчатые и шапки и опашни и ожерелья жемчужныя, а вѣдаютъ государь казначеи, сколько ей дано; да Марьянѣ дочери Потребницъ видѣли — шубку бархатную, слухомъ слышала — лѣтникъ, невидаютъ што давано; а невидаютъ что.....ютъ казначеи. А сестрамъ да снохѣ что давано, яно все вѣдаютъ казначеи. Да дала Любовь Горихвостовъ лѣтникъ непор..... да двѣ наволоки черчаты комчаты и она шила..... боярынямъ давала каптуры, а инымъ соболы д.....; да казначеимъ и постельницамъ давали соболы и бобры на.....ры, да тремъ кормилицамъ дано платья и ожерелья низаны и серги. а вѣдаютъ казначеи, сколько давано, и шапки кружива низаныя да Кахановской дѣвкѣ давали, слухомъ слышала. платья и ожерелья, а иного не вѣдаю, казначеи вѣдаютъ; да постельницѣ и казначеимъ давала шапки старыя отставливанныя отласной золотныя; да на свадьбу государской дано четыремъ свахамъ..... по лѣтнику, да Марья Неустроевъ лѣтникъ. *Помѣта:* 119 года октября въ 31 день дала Фетинья Великая.

9. *Помѣть* Ульянѣ Орловѣ. Росходъ денгамъ пятидесяти рублемъ, что государыня взяла у Парасковьи Колычовы: дано по князь Петръ Ивановичъ 4 руб. 23 алт. 2 ден., декабря въ девятый на десять день; да ходила государыня Петру Чюдотворцу молиться, дала на молебень 2 руб.; да на милостыню полтину; да на Чюдотворцову память Петрову на молебень крестовымъ въ хоромехъ двѣ гривны; да Екатеринскимъ попомъ пожаловала царевна двѣ гривны; тогожъ дни на милостыню полполтины, да на молебень на Рождество Христово крестовымъ на молебень двѣ гривны, да Екатеринскимъ попомъ двѣ

гривны, Рождественскимъ попомъ на молебень же полполтины, да на милостыню полтора рубля да Фетинья Великая взяла полтину. Декабря въ 27 день государыня пожаловала мастерицъ на похороны рубль; да мастерицамъ полтину, да княгиня Соломонида взяла полполтины, Неустроеву сыну пять алтынь, да Аннину племяннику двѣ гривны. Генваря въ первый день на молебень четыре гривны да на милостыню 9 алт., Марья Звъякиной рубль; генваря въ третій день князю Ивану Петровичу два рубля: послѣ Крещенья на третій день милостыни 10 алт.; канунъ Крещенья, какъ пѣли часы царскіе, протопопу полполтины: въ тотъ же день на молебень 4 гривны; того же дни на румянецъ да на мыло 4 алтына: въ 12 день генваря взяла княгиня Овдотья Прозоровская на къ кукишную 3 рубл. Генваря въ 17 день на милостыню 2 гривны. Генваря въ 18 день дано князь Васильевъ княжѣ Ивановича Буйносова полтина, княжѣ Касаткинъ рубль, на молебень да на милостыню четыре гривны. — Генваря въ 27 день тѣхъ же денегъ Анна Шестакова взяла 5 рублей, а отслала Живоначальной Троицѣ, Волгѣ Борисьевнѣ; да Анна же взяла 2 рубл. дада князю Ивану Петровичю. — Генваря въ 29 день воскресенья на Златоустовъ день на милостыню 10 алт., тогоже дни на молебень полполтины. Генваря въ 30 день взяла княгиня Софья 18 алт. къ кишному очедью; да подѣ Стрѣтеньевымъ днемъ въ среду на милостыню 2 гривны, да на Стрѣтеньевъ день на молебень въ хоромехъ 10 алт., да назавтра воскресенья на молебень пять алтынь, да на милостыню 5 алтынь, на заговѣнной недѣли 30 алт. на пухъ, да 12 алт. за сани, да 2 руб. въ тюрьму на заговѣнной недѣлѣ передъ масленицою; да тѣхъ же денегъ на милостыню въ тюрьму 4 рубл.; да свѣтлицному сторожу 2 гривны, да тѣхъ же денегъ Ульяна отдала Парасковѣ Колычевы 9 руб., да 10 руб. летничимъ денегъ.

10. *Память Ульянѣ.* Взялъ у меня Гордуша ко государю царичинныхъ денегъ 16 руб. и 20 алт., а деньги тѣ, что Неустроева жена принесла; да взяла Ульяна у Фетиньи у Великіе 90 руб. и тѣмъ денгамъ расходъ: взялъ Иванъ Чепчюговъ 43 рубл.; да тѣхъ же денегъ государыня пожаловала княжѣ Оленѣ Скопиннѣ 50 безъ трехъ рублей; да взяла Ульяна у князь Василья Иваѣовича Буйносова 13 рубл. и 2 гривны, да взяла я у княжны у Ромодановскіе 6 руб. денегъ, и тѣмъ денгамъ расходъ: княжѣ Оленѣ Скопиннѣ додали 16 руб., да положила рубль и 4 алт. въ то сто, что Неустроева жена принесла не полна сто; да Иванъ взялъ Чепчюговъ государю 60 алт.; да князь Иванъ Петровичъ взялъ 15 руб. *На оборотъ:* продала Фетинья двои серги, а взяла 90 руб.; да лѣтничъ продала от-

ласной золотной, взяла пол-30 рубл., и тѣ денги отдала Ивану Федорову; да продала лѣтникъ отласной, а взяла 30 безъ рубля и тѣ денги отдала Ивану Федорову.

11. *Память* Ульянѣ, что она взяла у Ивана Чепчугова денегъ 56 руб. и тѣмъ денгамъ расходъ: Иванъ же взялъ къ государю 27 руб., да Анна Шестакова тѣхъ же денегъ государю дала 4 руб., да государыня къ государю взяла полтину, да государыня пожаловала Настасіѣ Ступишиной 5 руб., да государыня же пожаловала князю Ивану Петровичю полтора рубли, да съ правезу государыня пожаловала скупида полтретья рубли; дала княжѣ князь Васильевой дочери Буйносовѣ полтину, да княгинѣ Соломонидѣ Бахтеаровѣ дѣтемъ боярскимъ 2 дала, да Хитровой полтину; да тѣхъ же денегъ государыня пожаловала княгинѣ Соломонидѣ Бахтеаровѣ 2 руб., канунъ Михайлова дни; да Ѳетинья Великая взяла къ царевнинымъ сорочникамъ на мясо 2 руб.; да канунъ Михайлова дни государыня пожаловала жешинѣ.... рубль, да въ тотъ же день государыня пожаловала на роздачу рубль денегъ четыремъ человѣкомъ по полтинѣ; да къ сорочникамъ царевнинымъ протопопу полполтины, да въ недѣлю двѣ гривны на молебень, да на молебень на Михайловъ день 4 гривны; да на Михайловъ день на милостыню 10 алт., да въ тотъ же день князю Юрью Петровичю 3 алт., да на мыло 2 алт., да по.... днямъ 2 рубли съ четвертью; да Парасковія 5 алтынъ къ церкви

12. Юля въ 30 день, взялъ къ государю Гордѣй у казначей у Анны у Шестаковой 400 руб. Юня въ 1 день взялъ къ государю жъ князь Семень Прозоровской у казначей у Анны у Шестаковы 700 руб., а сказалъ отдалъ Томугу Луговскому на отдачу козакомъ мѣсечены. Августа въ 1 день Гордѣй взялъ къ государю 3 руб. Юня въ 8 день взялъ у казначей Иванъ Микифоровичъ Чепчуговъ, у Анны, 190 руб. Юля въ 31 день взялъ къ государю Гордѣй у казначей у Анны 3 руб.; да Гордѣй же взялъ 3 руближъ; да князь Семень Прозоровской взялъ къ государю у казначей у Анны 250 руб.; взялъ князь Иванъ Петровичъ къ государю у казначей у Анны Шестаковой 130 руб.; да Иванъ Микифоровичъ взялъ къ государюжъ 10 рублевъ. Ноября въ 5 день взялъ къ государю Иванъ Микифоровичъ Чепчуговъ у казначей у Анны 15 рублевъ; да ноябрьжъ въ 6 день къ государюжъ взялъ Иванъ Микифоровичъ Чепчуговъ 170 руб.; Заговъвъ на первой недѣль оспожина посту въ четвергъ взяла государыня у казначей Ульянѣ 30 руб., а отдала княгинѣ Марьѣ Воротынской; да князю Ивану Воротынскому 100 руб.; Прозоровскому

5 руб., отцу духовному 8 руб.; соборовали царевну масломъ дали 3 руб. 5 алт.; въ Вознесенской монастырь дано княгини Софьи 5 руб. съ полтнью; Пимину 5 р.; княгини Софьи Бохтеяровой 10 руб.; князь Ивану Петровичю 30 р. *На оборотъ:* Иванъ Чепчуговъ взялъ дѣтемъ боярскимъ 41 р. Да на Кузму Демьяновъ день Иванъ же Чепчуговъ взялъ 61 р.; да въ монастырь крылошникомъ 10 р.; дякомъ 5 р.; да Иванъ Чепчуговъ взялъ у Ульяны у казначей къ государю 26 р.; да къ государю взяли 4 р. Ноября въ 7 д. Иванъ Микифоровичъ Чепчуговъ взялъ 49 р. 15 алт.; ноябряжъ въ 19 д. взялъ Иванъ Микифоровичъ Чепчуговъ къ государю 280 р.; да ноябряжъ въ 21 д. взялъ князь Иванъ Петровичъ Буйносовъ къ государю 80 р. Да ноябряжъ въ 22 д. взялъ Иванъ Микифоровичъ Чепчуговъ къ государю 70 рублей.—2 сорока отдала княжнѣ Аисуфашевнѣ (?) на 12000 продала Чепчуговъ, Исмаиловы, Прозоровской, истобничей.

13. Ноября въ 1 день бояромъ князю Ивану Семеновичю да князю Василью Михайловичю съ товарищи Иванъ Зубатой подалъ челобитную, а въ челобитной пишетъ: Царю государю и великому князю Владиславу Жигимонтовичю всеа Русіи бьетъ челомъ и извѣщаетъ холопъ твой Ивашко Зубатой, старого Борисовского двора на Назара Блудова въ томъ, что дала государь за него царица Шуйская дѣвку свою приданку старого своего двора, а дала за нею твоей государевы казны лѣтникъ алъ комчатъ, да два лѣтника тафтяныхъ, одинъ червчатъ широкая тафта, а другой желтъ, да шубку накладную свѣтлозелену царицы Марьи Григорьевны плеча, да шубку холодную кизылбашская камка, да ожерелье низаное пугвицы съ яхонты, да серги яхонты лазоревы, да два перся золоты, одинъ съ яхонтомъ, а другой простой; да шапку золотную, да каптуръ соболей, да ожерелье накладное бобровое; да мужскихъ тому Назару два ожерелья жемчужныхъ, опраче кодашевскихъ полотенъ и убрусцовъ и сорочекъ, да опошень багреповой пугвицы серебряные. И выдавъ ту дѣвку царица Шуйская велѣла ей быти у себя въ постельницахъ. И тебѣ бы государю было вѣстно“. И бояре князь Иванъ Семеновичъ да князь Василей Михайловичъ съ товарищи, выслушавъ Ивана Зубатого челобитные, велѣли Назара Блудова поставити передъ собою, а во дворѣ рухлядъ ево и платье велѣли запечатъ (sic). И по Назара Блудова посыланъ Семень Челищевъ. И тогожъ дни передъ бояры Назаръ Блудовъ ставленъ и росирашиванъ: князь Васильева княгини Шуйского, что ему и женѣ ево давала хоронити и что ему за женою ево дано приданово платья и кузми и волотенъ и всякіе

рухляди? И Назаръ Блудовъ сказалъ, что князь Васильева княгиня Шуйского хоронить имъ ничево не даывала, а дала ему казначей Анна Шестакова продать золотняковъ со сто жемчюгу, а сказала ему, что княгиня Шуйского велѣла ему продать; и онъ тотъ жемчюгъ далъ продавать сторожю Юшкѣ, а сдѣять онъ въ серебряномъ ряду; и Юшка тотъ жемчюгъ продалъ невѣдомо кому, а взялъ по двадцати алтынъ съ гривною за золотникъ, а денги онъ отдалъ казначей Аннѣ Шестаковѣ; а князь Васильева княгиня Шуйского дала за женою ево приданова, опашень да три лѣтника, одинъ камчатъ, а два тафтяныхъ: да тѣлогрвю тафтяну, да шупку накладную сукно дундышъ свѣтлозелена, да двѣ шапки, одна отласъ золотной, а другая камчатая, да ожерелье женское да мужское да серги; и то платье и ожерелье у него на подворьѣ, а полотно давала жень ево тожъ, что инымъ постелинцамъ. И бояре князь Иванъ Семеновичъ и князь Василей Михайловичъ съ товарищи велѣли Назару Блудову то приданое принести передъ себя, а съ нимъ послали сына боярскаго Семена жъ Челншева. И тогожъ часу Назаръ Блудовъ и Семень Челншевъ принесли приданое платье и вузнь, а по смотру той рухляди: ожерелье жемчужное женское пугвици серебряные, а въ нихъ втирави искорки камней обышнихъ, забивави жемчюжки, серги двоечки на серебрь въ сергѣ по ахонтнику лазуревому, а вдругой по жемчюгу уроцу: перстень золотъ. а въ немъ искорка камешекъ червчатъ; 4 перстня серебряны позолочены, въ одномъ вставка жемчужная, а въ другомъ берюзишка; а въ дву смазни; лѣтникъ тафта червчатая вошвы атласъ на зеленой землѣ круги серебряны продолговаты; тѣлогрѣя тафта ала изношена подложена зенденью лазоревою круживо золотное; опашень сукно багрець, а у него 13 пугвици серебряныхъ; шубка накладная сукно дундышъ свѣтлозелена подпушка тафта ала: каптуръ сободей, ожерелье бобровое, шапка отласъ золотной на зеленой землѣ, шапенка камка червчатая. И Назаръ Блудовъ билъ челомъ бояромъ князю Ивану Семеновичю и князю Василью Михайловичю съ товарищи, а сказалъ, что прибавилъ онъ къ женскому ожерелью, купивъ, жемчюгу десять золотниковъ, да пугвици приложилъ, а четыре перстнишка серебряные ево. а не приданые; да емужъ князь Васильева княгиня Шуйская дала въ приданые лѣтникъ камка ала да лѣтникъ тафта жолта да ожерелье мужское жемчужное и лѣтникъ камчатъ; да ожерелье съ бѣдности онъ продалъ, а лѣтникъ тафтянъ жолтъ жена ево износила. А казначѣи Анна Шестакова да Ульяна Орлова сказали, что Назаръ Блудовъ прибавилъ къ женскому ожерелью свое ожерелье, что дала ему княгиня Шуйского къ свадьбѣ; а пугвици

къ тому ожерелью дѣлала Назарова жена своими денгами, а перстни серебряные Назаровыжъ. *На оборотъ*: 119 г. ноября въ 1 день приговорили бояре князь Иванъ Семеновичъ да князь Василей Михайловичъ съ товарищи тоѣ рухлядь у нихъ взяти, а чево въ лицахъ не-объявитца и ихъ поставити велѣли для сыску передъ собою.

14. 119 года ноября въ 1-й день митрополиту Пафнотью да архимариту Ферापонту да бояромъ князю Ивану Семеновичю Куракину да князю Василью Михайловичю Мосалскому съ товарищи сказывала казначея Анна Шестакова, что княгиня Соломонида Бахтеярова жила у княжъ Васильевы княгини Шуйского близко и государеву казну хоронила, а того не вѣдаетъ, вся ли та государева казна, которую она хоронила, у нее взята, а начаетца того, что она вѣдаетъ и иную хороненую казну. И по княгиню Соломониду посыланъ Шаверь Козаковъ. И бояре князь Иванъ Семеновичъ и князь Василей Михайловичъ говорили княгинѣ Соломонидѣ: княжъ Васильева княгиня Шуйского сколько государевы казны покрала и кому давала хоронити или впрокъ кому давала, тобъ все сказала вправду. И княгиня Соломонида въ роспросъ сказала, что князь Васильева Шуйского княгиня Марья давала ей хоронити государевы казны золотые и иную рухлядь и у нее то все и взято, а болши того у нее нѣтъ и гдѣ будетъ что схоронено или кому давано, тово не вѣдаетъ. И бояре князь Иванъ Семеновичъ и князь Василей Михайловичъ съ товарищи говорили княгинѣ Соломонидѣ: сказываетъ она, что княжъ Васильева княгиня Шуйского кому давала государевы казны хоронити и впрокъ, тово не вѣдаетъ, а ей самой многую казну давала? И княгиня Соломонида подала перстень золотъ, а въ немъ яхонтникъ червчатъ; и бояре князь Иванъ Семеновичъ и князь Василей Михайловичъ посылали на княгининъ дворъ Шавра Козака, а велѣли ему княгининыхъ людей взяти и привести къ собѣ для роспросу. И тогожъ дни Шаверь Козаковъ къ бояромъ ко князю Ивану Семеновичю да ко князю Василью Михайловичю съ товарищи привелъ княгини Соломониды жонку Фодоску, а сказавъ, что oprичъ тоѣ жонки у нее нѣтъ. И бояре князь Иванъ Семеновичъ и князь Василей Михайловичъ съ товарищи спрашивали жонку Фодоску накрѣпко и пыткою стращали, чтобъ сказала вправду: княгиня Соломонида ко князь Васильевѣ княгинѣ Шуйского ково посылавала и что у нее государевы казны жемчугу и каменя и платья и всякой рухляди схоронено, и старца Улея Баранова отъ княгини Соломониды ко княгинѣ Шуйской о чомъ посылавала и гдѣ нийъ племянникъ еѣ Данило Елизаровъ да человекъ ее Наушко? И Фодоска сказала, что княгиня Соломонида къ Шуйской княгинѣ

старшцы Улеи Барановы ко княгини Шуйской ни о чомъ не посылава, а тоу Улею видѣла она Федоска у церкви и ничего съ нею не говаривала; а Данило повѣхалъ на службу съ городомъ; а Наушко де княгининъ человекъ збѣгъ безвѣдома; а государевы казны никакіе рухляди она у княгини Соломонины невидала и ни у ково невидаетъ. И жонка Федоска дана держать сотнику стрѣльцокому Баушу.

16. Ноября въ 2-й день митрополитъ Павлотей да архимандритъ Ферапонть да бояре князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ да князь Василей Михайловичъ Масальской съ товарищи писали въ царпцихъ полать, что противъ мастерскіе, да въ той же палатѣ взяли въ ашикъ казначьи Анны Шестаковы да Ульяны Орловой приходные и расходные памяти и росписи государевъ казнь, у ково что схоронено а въ памятехъ пишеть.... И бояре князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ да князь Василей Михайловичъ Масальской съ товарищи, выслушавъ казначьи Ульяны Орловы приходныхъ и расходныхъ памятей велѣли изъ тѣхъ памятей приходъ и расходъ выписати. И въ тѣхъ памятехъ написано въ приходѣ: казначьи Ульяны Орлова взяла денегъ у казначьи у Анны Шестаковы 20 рублевъ 18 алт. 2 ден., у Ивана Чепчугова 56 рублевъ, у Парасковьи Колмычевы 50 рублевъ, у Фетиньи Великой взято 90 рублевъ, у князя Василья Буйкосова 13 рублевъ 2 гривны, у княжымъ Ромодановскіе 6 руб., у Ивана Федорова 99 руб. 23 алт. 2 ден., у Неустроевы жены 16 рубл. 20 алт.; а объявились тѣ денги въ расходѣ, что взялъ у нее Гордюша ко государю царицныхъ 16 рубл. 20 алт.; а денги тѣ, что Неустроева жена принесла; да на томъ же столбцѣ написано нижъ того подъ иными росходы положено рубль 4 алт. въ то сто, что Неустроева жена принесла, неполно сто; а въ приходѣ тѣ обѣ статьи написаны; и того невѣдомо, тѣхъ денегъ сто ли рублевъ у Неустроевы жены взято, или 116 рублевъ 20 алтынъ; а въ роспросѣ Ульяны Орлова сказала, что она у Неустроевы жены взяла 116 рубл. 20 алт., а у той де Неустроевы жены продажа была многая, а продавалъ де у нее дядя ее князь Васильева старова двора Богданъ Чулковъ. И по Неустроеву жену посланы Василей Толстой да гость Иванъ Сверчковъ. И Василей и Иванъ сказали, что они по Неустроеву жену ходили и ее де привести не lze, для того, что болна, родила недавно робенка; а привели мужа ее Неустройка Злобиня. А въ роспросѣ Неустройка Злобинъ сказалъ, гдѣ что схоронено или что кому дано государевы казны, то всево невѣдаетъ. И бояре князь Иванъ Семеновичъ и князь Василей Михайловичъ съ товарищи говорили Неустройку: сказываетъ онъ, что про государеву казну ничего

невѣдаетъ, а жена его была въ постельницахъ и жемчюгъ и каменья продавала многое, а продавала сама, а иную продавалъ дядя ее Богданъ Чюлковъ, а овъ то все вѣдаетъ же. И Неустройко всего того запырался, а послѣ того сказалъ: женѣ его княжъ Васильева княгини Шуйского жемчюгъ продавать велѣла и она по ее велѣнью и продавала и Богдану Чюкову продавать давала, а сколько денегъ за что взяла и тѣ денги отдавала назначемъ; а что будетъ нынѣ у княжъ Васильевы княгини Шуйского, что какіе рухляды скоронено, тово невѣдаетъ, потому что овъ живетъ своимъ дворомъ; у княгини де нынѣ живетъ Неустройко Зѣвакинъ съ женою, а жена де ево была въ постельницахъ же. И боаре князь Иванъ Семеновичъ и князь Василей Михайловичъ въ Ивановской дѣвичъ монастырь ко княжъ Васильевѣ княгинѣ Шуйского послали Васильякъ Толстово да гостя Ивана Сверчкова, а велѣли имъ взяти Неустройка Зѣвакина да жену ево Марью для роспросу. И тогожъ дни Василей Толстой да гостя Иванъ Сверчковъ къ бояромъ ко князю Ивану Семеновичю да ко князю Василью Михайловичю привели Неустроеву жену Зѣвакина Марью, а про Неустрой сказали, что ево несыскали. — И боаре князь Иванъ Семеновичъ и князь Василей Михайловичъ спрашивали постельницу Марью накрѣпко и пыткою страшали: сколько княжъ Васильева княгини Шуйского государевы казны покрапа и кому давала хоронити или впрокъ кому давала, тобъ все сказала вправду. И постельница Марья сказала, что она у княжъ Васильевы княгини Шуйского у Марьи была въ постельницахъ и кому она что давала государевы казны хоронити и впрокъ, тово она невѣдаетъ, а вѣдаютъ про государеву казну боярми и казначей, которме у нее близко жили. И постельница Марья дана держать (пробѣлъ). А Богданъ Чюлковъ сидитъ у пристава у стрелѣцкой головы у Ивана Толстово, и велѣно его привести къ роспросу къ бояромъ. И всего въ приходѣ у Ульяны Орловы 452 руб. 10 ден., и изъ того числа въ расходѣ князь Иванъ Буйносовъ взялъ 22 руб., Иванъ Челюговъ взялъ ко князю Василью Шуйскому 73 руб. 26 алт. 4 ден., Гордюшка Мандрыкинъ взялъ ко князю Васильюжъ Шуйскому 16 руб. 20 алт., Парасковѣ Колычовѣ 19 руб.; да въ мелкихъ статьяхъ въ расходѣ 121 руб. 21 алт. 2 денги, и всего въ расходѣ 253 рубл. 8 алтынъ. И нѣтъ въ расходѣ противъ приходу 198 руб. 27 алт. И казначей Ульяна Орлова была челомъ бояромъ князю Ивану Семеновичю да князю Василью Михайловичю съ товарищи, а сказала, что у ней въ расходѣ денги всѣ противъ приходу да не все записано, потому что записать было у ней некому. А у казначей у Аллы

было, почему имъ яматъ опять денги противъ серебра; а у него у Федора противъ тѣхъ росписей книги подлинныя были; да въ томъ сдѣлся на Ондра Юдина, что oprичъ росписей, какъ суды посмла..... отписей не даывали.

Описи платья и всякой казны времени царей Федора Ив.,
Бориса Годунова, Василья Шуйскаго.

17. Начала нѣтъ. Слѣдуетъ опись *шубокъ золотыхъ*: (17, въ томъ числѣ): шубка алтабасъ серебрянъ на червцѣ. Шубка камка бурская на червцѣ розныя шолки съ золотомъ. *Шубки суконныя* (числомъ 22).

Опашки. Опашень сукно скорлатъ червчатъ безъ ожерелья, за строки мѣсто положенъ картулянь, петля трунсальныя, безъ пугвиць, подложенъ тафтою голубою. Опашень сукно скорлатъ червчатъ безъ ожерелья и безъ пугвиць и безъ строки и безъ петель, подложенъ тафтою голубою. Опашень сукно скорлатъ червчатъ круживо колешчато золото съ серебромъ, а другое круживо золото кружки, петля золоты въ кружки, безъ пугвиць и безъ ожерелья, подложенъ тафтою голубою. Опашень сукно скорлатъ червчатъ строка желтая безъ пугвиць подложенъ тафтою голубою. *Кортели* (12, въ томъ числѣ). Кортель соболей, вошвы шнты золотомъ и серебромъ волоченымъ лученчаты и бархачены шолкъ зеленъ червчатъ. Кортель соболей, вошвы шнты золотомъ серебромъ волоченымъ аксамичены. Кортель бѣлей хрептовой, вошвы аксамичены по червчатому бархату золотомъ и серебромъ. Кортель бѣлей хрептовой, вошвы камка бурская на синей землѣ реки и листь. Кортель бѣлей черевей, вошвы камка кызылбашская люди стоячіе и сидячіе розныя шолки. Кортель камка еская жолта на горностаехъ, вошвы бархатъ венежитцкой шолкъ червчатъ съ золотомъ и съ петлями. Кортель камка цареградская на горностаехъ шолкъ бѣлъ червчатъ безъ вошевъ.... 2 пки кортельныя горностаины. 2 пки кортельныя бѣлы. *Тѣлогрѣи теплыя*: Тѣлогрѣя камка травинская мелкой узоръ розныя шолки, круживо нѣмецкое серебряно на горностаехъ, а у неѣ 15 пугвиць серебряныхъ. Тѣлогрѣя обьяръ човчата на горностаехъ, а у неѣ 17 пугвиць обнизаны жемчугомъ. Тѣлогрѣя камка кызылбашская полосата по полосамъ люди и птицы золото волоченное, на черевахъ на лисьихъ, а у неѣ 13 пугвиць серебряныхъ. Тѣлогрѣя отласъ ценниенъ венежитцкой на песповыхъ черевахъ. *Тѣлогрѣи холодныя* (12, въ томъ числѣ): Тѣлогрѣя отласъ зеленъ круживо плетовое и листь золото съ серебромъ, а у неѣ

13 пугвицъ раковинныхъ обложены золотомъ (*отмѣтка*: нѣтъ, всѣ сказ Иванъ, въ расходѣ). Тѣлогрѣя камка мисюрская на аѣ съ розными шолки круги золоты, у ней 28 пуговокъ зерна жемчужные. Тѣлогрѣя камка бурская на лазори съ злотоу, по ней попугаи, безъ пугвицъ. Спорки тѣлогрѣйныя (13). Спорки лѣтничныя (15). *Ящмы* дологъ оболочень кожей, а въ немъ: круживо низано по вишневому отласу переды съ дробницею съ золотою и съ яхоты и съ лалы и съ изумруды. Тогожъ портища подольнее круживо нашты дробницы золотые на вишневомъ отласѣ безъ жемчюгу. Тогожъ портища круживо на рукава, а на немъ дробницы золотые съ яхоты и съ изумруды да мѣсто порозжо. Перевезъ низана жемчюгомъ большимъ съ яхоты и съ лалы и съ изумруды, по краемъ бахрома золотая съ переперы. Образцы низаны большимъ жемчюгомъ съ капютелью, 6 воротныхъ да 2 прорѣшныхъ; 29 образцовъ литовское дѣло низаны жемчюгомъ; 2 узла жемчюгу, что споротъ съ рукавъ фerezей бархатныхъ червчатыхъ съ правого рукава 131 золотникъ да съ лѣвого рукава 138 золотниковъ. (Взяла де Шуйская княгиня въ хоромы весь жемчюгъ). Въ третьемъ узлѣ жемчюгу, что принесъ Кузма Безобразовъ, въ трехъ прядехъ 108 золотняковъ да 539 зеренъ жемчюгу скатново, 53 зерна большихъ и среднихъ да мелко жемчюгу 4 золотника. 7 колець да 9 гвоздей серебряныхъ. Остатки бархатныя и камчатныя (15, въ томъ числѣ: барх. 9 арш., а изъ него сдѣлано платенцо дитячье). Одѣяло недоѣлано камка бурская на червцѣ съ золотомъ цѣпи и листыя и звѣздки прошиваны серебромъ, опушка камка на сини съ золотомъ, грива камка бурская на бѣли съ золотомъ дерева.

Коробля не велика, а въ ней: крестъ золотъ съ мощи съ каменемъ и съ жемчуги. 5 иконъ воротныхъ золоты съ каменемъ и съ жемчуги рѣзаны на камени. *Ларецъ* кипарисной окованъ бѣлымъ желѣзомъ, а въ немъ: 7 убрисовъ тафтяныхъ по концомъ низаны жемчюгомъ. 2 бѣлиленки низаны жемчюгомъ съ кистыя (на полѣ отмѣтка: отданы князь Васильевой дочери Буйносова да 2 Прозоровской). Бѣлиленка шита золотомъ и серебромъ (отдать Ромадановской). 3 суменицы съ спицами низаны жемчюгомъ. Вошвы низаны жемчюгомъ съ картулиню (*sic*) полосы червчаты да вишневые отласные. 2 шапочки скроемы, а не сшиты, одна камка ала съ золотомъ, а другая рудожелта съ серебромъ. Вошвишка невелики камка бурская на бѣли шолкъ лазоревъ съ золотомъ. 2 *фуника* отъ снуръ низаны жемчюгомъ. 3 остатка участковыхъ золотныхъ въ мѣрѣ ихъ пол-2 арш. (Есть 1, а другой отданъ Ромадановской да Прозоровской). 55 арш. тафты бурскіе червчатые (изошла на сорокки). Остатокъ баибереку.....

32½ арш. тафты шамскіе (взята на сорочки). *Ларчики* писанъ мусеею, а въ немъ 25 пучковъ шолку лазоревого да зеленого. *Лареусъ* въ лагалинѣ въ черномъ серебрянѣ позолоченъ съ камнемъ нѣмецкое аѣло. (Есть, а въ немъ нывѣ понагѣя золота; на сорочкѣ крестъ низанъ жемчугомъ, да 2 запоны золоты съ алмазы и съ яхонты и съ лаумруды; сорочка образова низана жемчугомъ, да въ бумажкѣ въ гнѣздѣхъ въ золотыхъ 26 яхонтовъ и лаловъ, въ розни жемчужина да 21 искорка лаликовъ.) Гребенекъ костяной съ камнемъ. 2 *ларчика* писаны съ красками, въ одномъ 15 кружковъ мыла, другой порожонъ. *Коробля* ноугородцкая окована бѣлымъ желѣзомъ, а въ ней простыни и наволочки. (Есть, а въ ней 6 простынь да 50 полотенецъ да простынка мала). *Коробля* ноугородцкая окована бѣлымъ желѣзомъ, а въ ней простынки (въ ней 12 простынь да сорочка женская полотняна да 3 *бортики*, одни нарядные). *Коробля* ноугородцкая, а въ ней 7 полокъ, поясъ шолковъ, 17 сорочекъ полотняныхъ женскихъ, сорочка кисейная, сорочка лущачная полосата, сорочка тафта червчатая, 2 сорочки мускихъ нарядныхъ, 3 порты тафты.

Суддукъ инпариской невеликъ, а въ немъ сорочки женскіе; сорочка тафта ала, сорочка тафта бѣла выбиваны звѣздки золотомъ, 2 сорочки тафта желта, сорочка полосата тафта бѣла да червчатая; 2 сорочки тафта червчатая, у одной рукава низаны жемчугомъ, а у другой шиты золотомъ. Сорочка муская тафта двоелична была низана и жемчугъ съ неѣ снятъ. 8 поясковъ верхнихъ и нижнихъ шолковыхъ. 6 сорочекъ мускихъ, 6 порты полотняныхъ, 3 сорочки женскихъ полотняныхъ. *Коробочка* невелика, а въ ней рухлядка отставная царевны Феодосьи (нѣтъ, сказ... взяла въ хоромы совѣтъ). Чарка серебряна; и ту чарку отнесъ ко государю въ хоромы Кузма Безобразовъ. 5 покрывекъ братинныхъ серебряныхъ, 4 обложки серебряны. 21 пугвица золоты на закрѣпкахъ жемчуги. 12 пугвицъ обнизаны жемчугомъ. 2 круживца спорки узенки. Тафья отласъ червчатъ, тафейка скорлатная съ запаномъ, а въ запанѣ камень изумрудъ. 14 петель нашивки золотныя ворворки низаны; 14 пуговокъ канютельныхъ; въ бумажкѣ пуговка серебряна да дробинцы; 5 пугвицъ серебр. золочены; 13 нашивокъ серебряны съ кистями. 2 ножика да свайка рыбой зубъ окованы серебромъ золочено. Трубка серебряна воденая. *Ящичекъ* невеликъ окованъ серебромъ по бархату. Остатокъ круживца золото съ перепелки. 2 одвѣла зуфъ червчатая, 2 подушки тафта червчатая. 10 плащиковъ серебряны золочены, въ бумажкѣ 23 зерна жемчужныхъ. *Коробля* ноугородцкая съ мелкою рухлядью. Рукомойникъ да лаханъ серебряны золочены. *Коробля* ноугородцкая окована чернымъ

желѣзомъ, а въ ней: 18 сорочекъ женскихъ, 28 полокъ убрусовъ, пол—13 арш. кисен, 3 полотенца съ золотомъ кисейныхъ, утиральникъ бѣлой, 3 *волосники* съ ошивками везены золотомъ и серебромъ. Сорочка мужская скроена шита золотомъ, 2 пояса шолкъ червчатъ, полотно полосато. Остатки кисейные и миткальные и полотняные бѣлые. Аршинъ тафты шамскіе червчатые. 2 ставика нѣмецкіе съ бѣлыи. Да въ той же коробь: 2 сорочки мужскихъ одна тафта червчатая, порты тафтяные бѣлы, а нашивка на сорочки золотая, да сорочка полотняная нашивка торочковая зеленъ шолкъ съ золотомъ, рукава женскіе кисейные. *Коробья* ноугородцкая, а въ ней *потѣшныя суды* (тѣ коробьи взяты въ хоромы). 2 ящика серебряны съ бирюзками. Въ лагалишъ песочныя часы серебряны. Трой шахматы, 14 королковъ, поясъ шолкъ зеленъ. *Ларчики* кипарисной маленекъ порожень. *Ларчики* нѣмецкой писанъ, а въ немъ мелкая рухлядка. *Коробья* ноугородцкая невеличка (взята въ хоромы), а въ ней: 2 литры золота да въ розни цѣвки съ три золотажъ. 2 литры серебра да въ розни цѣвки съ четыре серебряжъ. Литры съ 2 шолку розныхъ цвѣтовъ. *Коробка*, а въ ней 2 псалтыри да *олександрья* (были четыре; у Фетиньи Великой есть псалтырь одна....) *Ларчики* кованъ желѣзомъ, а въ немъ очистики мыла (отданъ портомоямъ).

Коробья ноугородцкая, а въ ней: 64 волосники золотныхъ (нѣтъ, сказъ взяты у Бахарева); 3 волосники золото съ серебромъ (у Бахарева жъ сыскать). Волосникъ серебрянъ (у Бахаря жъ). 14 ширинокъ шиты золотомъ и серебромъ шолки (взяты въ хоромы); 29 полокъ шитыхъ и браныхъ. *Коробка*, а въ ней: пол—2 ансырю шолку. Литры съ 3 шолку бурского розныхъ цвѣтовъ. *Ящики* бѣлы, а въ немъ: тесма турецкая зелена дѣлана въ кружки; обрѣзки серебряны мелкіе басменные. Лѣтникъ тафта лазорева виницейка вошвы камка бурская шолкъ бѣлы съ золотомъ. Лѣтникъ тафта червчатая виницейка вошвы камка на зелени рыбки и копытца золоты и серебряны. Шубка сукно лундышъ зелена. Тѣлогрѣя камка венежитцкая червчатая на бѣлыхъ черевахъ, а у ней круживо золото съ серебромъ, 12 пугвиць серебряны золочены. Тѣлогрѣя камка венежитцкая лазорева, а у ней 13 пуговокъ серебряны золочены. Чеботы сафьянны червчаты.

Сундукъ кипарисной долгой ованъ бѣлымъ желѣзомъ, а въ немъ; вошвы низаны по червчатому отласу середнимъ жемчугомъ, межъ жемчугу дробницы золоты съ финифты да въ вошвѣ по 13 ахонтовъ лазоревы въ золотыхъ гвѣздехъ. (Нѣтъ, сказъ взяли въ хоромы). Вошвы низаны по черному бархату лученчатъ фряское дѣло съ канютелью и съ трунсаломъ большимъ и середнимъ и мелкимъ жемчугомъ. Вош-

вы низаны по черному бархату середнимъ жемчугомъ съ дробящей съ серебряною съ золоченою. Вошвы низаны по червчатому отласу тремя жемчуги большимъ и среднимъ и мелкимъ жемчугомъ съ канютелью и съ переперы, въ одной вошвѣ 15 лаликовъ въ золотыхъ гнѣздѣхъ, а въ другой вошвѣ 16 лаликовъ въ золотыхъ гнѣздѣхъ. Вошвы столпчатые полосые низаны тремя жемчуги большимъ и среднимъ и мелкимъ съ переперы фряское дѣло, а межъ низанныхъ полосъ прошиваны полосы круживо въмецкое золотомъ и серебромъ волоченымъ. (И съ одной вошвы снято 6 полосъ низанныхъ на омфоръ). Вошвы столпчатые полосы низаны жемчугомъ мелкимъ съ канютелью съ шипами и съ переперы, а другіе полосы шиты по червчатому отласу золотомъ и серебромъ волоченымъ съ переперыжъ. (Нашиты на гѣтнякъ на кушашиной полосы червчаты, а другіе зелены съ золотомъ). Вошвы шиты по червчатому отласу золотомъ орлы дѣланы канютелью золотою и серебряною. — Четверы вошвы бархатные и кашчатые съ золотомъ и съ серебромъ и съ петлями розные шолки. Вошвы дѣланы канютелью грановитю золотою и серебряною и кратульню и трусаломъ по полосамъ, одни полосы дѣланы по червчатому отласу, а другіе полосы по лазоревому отласу. Вошвы столпчатые двои полосы, одніе полосы шиты волоченымъ золотомъ *чекальное* дѣло, а другіе полосы шиты по червчатому отласу золотомъ и серебромъ волоченымъ съ переперы шипами; да у тѣхъ же вошевѣ пришиты *передцы* товожъ дѣла шиты по червчатому отласу золотомъ и серебромъ волоченымъ. Вошвы шиты по зеленому бархату золотомъ и серебромъ аксамичены. Вошвы шиты по червчатой камкѣ золотомъ и серебромъ волоченымъ круги большіе и травы. Вошвы шиты по червчатому бархату золотомъ и серебромъ аксамичены. Вошвы полосаты полосы розные цвѣты шиты золотомъ и серебромъ волоченымъ. Вошвы камка венежитская на червцѣ старое дѣло шолкъ бѣлъ да зеленъ съ золотомъ каймы кругъ вошевѣ шиты по зеленому отласу золотомъ съ червчатымъ шолкомъ. Вошвы камка бурская на алѣ розные шолки съ золотомъ рѣки и листьѣ. Вошва одна шита по бѣлой камкѣ золотомъ и серебромъ и шолки. Да что были вошвы большіе низаны большимъ жемчугомъ по червчатому отласу съ яхонты и съ лады и съ тѣхъ вошевѣ *Розстрина* снялъ жемчугъ и каменьа на вошвы, что съ запонами, самъ дѣлалъ, а остался на вошвахъ жемчугъ на каймахъ на однихъ и безъ веревокъ (взяты въ хоромы). *Олашмица* шита по червчатому отласу золотомъ и серебромъ въ розводахъ орлы и оленя и павы. 2 зеркала хрустальные, одно серебряно кругло золочено, травы на немъ серебряны гнутые, влагалище бархатное зо-

лотное; другое зеркало четверугольно съ затворомъ, влагалище и затворъ дѣлаю канютълю и трунсалою. (Есть одно первое, а другое отдано княгинѣ Катеринѣ). Опашица шита по лазоревому отласу золотомъ и серебромъ орлы и олени, у той же опашицы передны шиты золотомъ и серебромъ бархачены червчатимъ да зеленимъ шолкомъ, круживо широко дѣлаю въ кружки, середка золота съ лазоревымъ шолкомъ, кайма серебро съ червчатымъ шолкомъ. Круживо золото плетеное да серебро колешчато ветчано, въ мѣрѣ его 9 арш. и 7 вер.; круживо плетеное золото — $7\frac{1}{4}$ арш.; 2 спорка тафта червчата (какъ ожерелья мужскіе) у нихъ по 2 пуговики жемчужныхъ. Да изъ тогожъ сундука вынялъ государь: банбереку червчатого 17 арш. безъ вершка; попонку кизылбашскую дѣлаю золотомъ и серебромъ и шолки, а велѣлъ еѣ подложити тафтою да отдать на конюшню Ивану Измаилову.... Да государь же взялъ подпружку литовскую дѣлаю по вервамъ шолки.

Коробка ноугородцкая желта окована чернымъ желѣзомъ, а въ ней: 60 шириновъ тафтяныхъ съ золотыми кистями, 2 убрусца низаныхъ. 2 ширинки низаныхъ государскихъ. 4 ширинки тафтяныхъ шитыхъ безъ кистей. 2 убрусца низаны. 2 ширинки тафтяныхъ съ золотыми кистями, что государю челомъ ударили боярыни послѣ свадьбы. Ширинка старая шита на проемъ кисти шолкъ червчатъ съ золотомъ. *Коробля* ноугородцкая желта окована чернымъ желѣзомъ, а въ ней: 59 *убрусцовъ* низаныхъ. Убрусецъ шить серебромъ. 11 убрусцовъ жемчугъ съ нихъ спороть. *Коробля* ноугородцкая желта окована бѣлымъ желѣзомъ, а въ ней: сорочка полотняна нарядная полосата, нашивка и пояски червчатъ шолкъ съ золотомъ. 3 сорочки нарядныхъ полотняныхъ гладкихъ, нашивка и пояски червчатъ шолкъ съ золотомъ ветчаны. 6 сорочекъ полотняныхъ ветчанныхъ, нашивка торочковая. 4 порты. 3 чехлы полотняныхъ ношены. 3 сорочки полотняныхъ нашивка торочковая, двѣ новы, а третья ветчана. Порты. 10 простынь коленыхъ безиныхъ и полотняныхъ. Ожерелье мужское тесма стегана по вишневному отласу. *Коробля* ноугородцкая желта не окована, а въ ней Царицы и великіе княгини сорочки тафтяные: сорочка широкая тафта червчата рукава низаны жемчугомъ съ дробницами съ мелкими съ золотыми. Сорочка тафта полосата, полосы бѣлы да червчаты, по швомъ (пробѣлъ). Сорочка тафта полосата полосы желты да червчаты по швомъ низаны мелкимъ жемчужкомъ въ веревочку, а по рукавамъ и по швомъ низана ряскою (поправл. расюю). Сорочка тафта полосата полосы червчаты да зелены по швомъ владены пояски серебряны плетеные. Сорочка тафта червчата рукава были низаны

жемчугомъ и жемчугъ снятъ. Сорочка тафта желта. Сорочка тафта ала. Сорочка кушачная полосы бѣлы, а другіе желты съ золотомъ. Сорочка шидеяная полоски по ней шолкъ алъ съ золотомъ. Сорочка шидеяная бѣла полоски съ золотцомъ. Сорочка тафта бѣла рукава шиты золотомъ (нѣтъ сказ отдало княгини Катерини). Сорочка тафта бѣла. Сорочка тафта ала шамская. Сорочка тафтица ала тонкая, 2 сорочки тафтицы тоненькіе желты. *Судука* кипарисной окованъ бѣлымъ желѣзомъ, а въ немъ царя Федоровскіе сорочки: 13 сорочекъ полотняныхъ нашивка торочковая. 11 порты. *Коробка* лубеная, а въ ней: *наволока* злоговейная крымская шита по червчатому отласу серебромъ волоченымъ. Ичетыги да башмаки крымскіе шиты по червчатому отласу золотомъ волоченымъ, а въ травахъ шолкъ лазоревъ зеленъ (нѣтъ, взяла въ хоромы). Башмаки да черевники крымскіежъ сафьянъ алъ писаны золотомъ. Перстенъ золотъ крымскіе присылки, а въ немъ олмазъ не великъ (нѣтъ, сказ Иванъ отдалъ въ хоромы). Зуфъ амгульская зелена цѣла. 101 аршинъ тафты червчатые бурскіе. 2 косяка тафты, одинъ алъ, другой желтъ шемохѣйка. Косякъ тафты бѣлой китайки. Камка низылбашская цвѣтная шолкъ лазоревъ, цѣлая. Остатокъ бархату венежитцково гвоздичново съ золотомъ, по немъ звѣздки, 2 арш. безъ чети (нѣтъ данъ Буйбосовой на во....). 2 завѣса тафта червчата. Рукава женскіе тафта лазарева. Сорочка тафта бѣла ветчана, нашивка спорота.

Коробья ноугородцкая желта не окована, а въ ней отставочныхъ 7 сорочекъ полотняныхъ нашивка торочковая; 11 порты, 6 онучки. *Коробка* ноугородцкая окована бѣлымъ желѣзомъ, а въ ней: 32 литры съ цѣвкою золота. 7 литръ и 2 цѣвки серебра. 3 литры шолку червчатого шемохѣйского. (Нѣтъ, вся взята въ хоромы). *Коробка* ноугородцкая, а въ ней: сорочка миткалинная. 4 порты миткалинные (а троекъ портовъ нѣтъ). 2 сорочки безинные. 2 порты безинные. 4 сорочки полотняные съ пугвицами. Рукавца сарпатные. 4 порты полотняные. *Коробка* ноугородцкая, а въ ней по ерлыккомъ (нѣтъ той коробья, совсѣмъ взята въ хоромы): 77 аршинъ тафты червчатые шамскіе; 49 арш. 7 вер. тафты алые шамскіе. 47 аршинъ шиды алой выбиты по ней звѣздки, 14 арш. тафты желты бурскіе. Ост. доргоговъ двоеличныхъ, 14 арш. тафты желты китайки. Ширинка наблюдна миткалинная шита золотомъ и серебромъ на середкѣ орелъ. Остатокъ сарпату....

Коробья ясеновая большая, а въ ней: чеботы бархатъ червчатъ низаны жемчугомъ. Чеботы отласъ червчатъ, жемчугъ споротъ. 7 чеботы сафьянные шиты золотомъ и серебромъ. 11 чеботы сафьянные простые.

6 башмаки сафьянные. 2 чулки тафта желта. Чулки теплые тафта червчатая на лисицѣ. *Коробля* ясенная, а въ ней чеботы отставочные: 14 чеботы сафьянные желты. 15 башмаки сафьянные желтые. 2 чулки лѣтніе тафта желта. 2 чулки теплые одни на черевахъ на лисихъ, а другіе на черевахъ на бѣлыхъ. (Тутожъ сверхъ списка чулки алы да червчаты тафтяны, да сапоги бархатны съ золотомъ да сапоги низаны жемчугомъ съ каменемъ по червчатому отласу новые). *Коробля* ноугородская желта, а въ ней чеботы сафьянные зелены шиты золотомъ и серебромъ волоченымъ, по швомъ низаны жемчугомъ. 3 чеботы отласъ червчатъ шиты золотомъ и серебромъ. 2 чеботы бархатъ червчатъ, у однихъ образцы низаны жемчугомъ; чеботы бархатъ бурской съ золотомъ. 2 чеботы сафьянные одни алы, а другіе бѣлы. 4 башмаки желты сафьянные. *Коробля* ноугородская желта, а въ ней: 5 чеботы сафьянные желтые. 3 чеботы сафьянные бѣлые. Чеботы сафьянные черлены. Чулки тафтяные, 2 черчеты, а третьи алы. *Коробля* ясенная черна, а въ ней: 8 чеботы сафьянные желтые, 5 башмаки сафьянные желтые.

Сундукъ бѣлъ плосокъ, а въ немъ: Лѣтникъ камка кизылбашская на прзелени люди стоячіе и сидячіе, безъ вошевъ. Лѣтникъ камка козылбашская люди и птицы съ розными шолки, безъ вошевъ. Шубка бархатъ червчатъ полосатъ съ золотомъ. Шубка камка кизылбашская на прзелени розные шолки съ золотомъ. Шубка камка бурская шолкъ бѣлъ черчетъ съ золотомъ змѣйки. Шубка не додѣлана зелена сукно лундышъ. Телогрѣя обьяръ ценниная подпушена камкою червчатую. Ост. сукна зеленого лундышъ.... Запонъ полосатъ тафта ала полосы шиты по зеленой камкѣ золотомъ и серебромъ. 2 подкладки лѣтничные тафта червчатая. Ожерелье пуховое. Остатки кушачные полосы изъ нихъ вырѣзаны. 2 вотолки вретати шиты по червчатому отласу золотомъ и серебромъ. *Коробля* лубенная, а въ ней: 40 литръ шолку бурсково розныхъ цвѣтовъ, 3 литры шолку почеты; 21 ансыръ шолку розныхъ цвѣтовъ. 2 зеркала, на одномъ плащи серебряны позолочены. Нашивка золотная съ кистями. Шапка лисья черная. Полотно, 5 плоточковъ, 6 чеботы, 6 башмаки, 3-и ичетыги. *Коробля* ясенная бѣла, а въ ней ризы и потрахѣли и книги. *Коробля* лубенная, а въ ней лоскуты гнило. (Нѣтъ, роздано). *Ящичекъ* нѣмецкой съ бѣлыми (справитъ съ отдачею и съ продажею).

Коробля лубенная поволочена кожей, что изъ *Потѣшныя Полаты*, а въ ней лѣтники отставочные: (описано 8 лѣтниковъ, 12 шубокъ бархатныхъ, 5 камчатыхъ, суконныхъ 6). Опашень теплой сукно скорлатъ, а подъ нимъ песцы черные. 3 шапки золотыхъ. Спорозъ кафтан-

ной алтабась шолкъ червчатъ съ золотомъ. Ферезцы *выростокъ* камка бурская на бѣли шолкъ червчатъ багровъ съ золотомъ. Наволока отставочная камка червчата, съ государевы постели съ бумажника. 2 наволочки зголовешные, одна червчата, а другая желта. Вошвы кушачные ветчаны. Спорки вошерные отлась червчатъ. Цки бѣлыя хрептовые. 2 подкладки лѣтничные тафта ала; 2 подкладки опасные тафта лазорева; спорокъ лѣтничной камка бѣла. Подкладка шубочная тафта лазорева. 3 одѣла холодные зупные червчаты. Одѣло теплое камка кызылбаская на горнастаяхъ. 2 ожерелья пуховые. Одѣло соболье нагольное. Подушечка отлась червчатъ. Телогрѣи теплые: (Описано 10 телогрѣй камчатыхъ, тафтяныхъ на мѣху, 2 шубки). Телогрѣи холодные: (описано 4 и спорокъ). Шуба нагольная соболья. *Сундукъ* бѣлъ окованъ желѣзомъ, а въ немъ: 3 наволочки зголовешные бархатъ червчатъ съ золотомъ. 2 арш. 3 в. сукна багрецу червчатого. 2 суконца кровельныхъ. Аршинъ тафты алой. 3 чехла. 2 простынки. *Коробля* ясеновая ветчана, а въ ней обрѣзки бархатные и камчатые и тафтяные мелкіе. *Сундукъ* въ лагалищѣ оболочень кожей, а въ немъ *каптуръ* собольей да 7 ожерелей бобровыхъ. *Коробля* лубеная велика, что взята въ *Потѣмной Палатѣ* за государевою печатью, отослана на казенной дворъ, а въ ней: (описаны въ портищахъ и остаткахъ камки, бархаты, отласы, тафты, обѣяри, алтабась, дороги; камка крымская... камка гирѣйская лазорева цѣлая. Камка кызылбаская... нѣмецкая... Камка царегородцкая на лазори шолкъ бѣлъ змѣйки и копытечка, цѣлая. (И та камка изъ коробль вынята, а велѣлъ государь въ той камкѣ скронть себѣ шубу)... Кушакъ ценненъ шемохейской полосать полосы съ золотомъ и съ серебромъ съ розными шолки. Кушакъ полосать мисюрской золотной мелкіе полосы въ мѣрѣ 3 арш. безъ вершка. Остатокъ тесмяки бѣлы полоски съ золотомъ (3 вер.). Кутня цѣлая ала. Миткали арапскіе цѣлые. 9 пугвиць серебряныхъ золочены...

18. Въ палатѣ, что противъ Царицыны Золотые Полаты.

Лѣтники золотные (положены въ 1 сундукъ): Лѣтникъ камка бурская на зелени шолкъ червчатъ да бѣлъ съ золотомъ травы, вошвы низаны жемчугомъ по отласу по червчатому съ канителью грановитую и съ картулиню орлы и лвы и травы, а въ орлахъ по яхонту лазоревому (взять). Лѣтникъ камка бурская на зелени шолкъ червчатъ лазаревъ багровъ съ золотомъ и съ серебромъ круги и травы, вошвы шиты волоченымъ золотомъ по червчатому бархату аксаичены золотомъ, низаны жемчугомъ (взять). Лѣтникъ камка бурская на червцѣ шолкъ бѣлъ лазоревъ зеленъ съ золотомъ круги болшіе острые,

вошвы низаны жемчугомъ по синему отласу оксамичены золотомъ (взять). Лѣтникъ кушаки золотные полосы зелены, а другіе червчаты, а по полосамъ копытца и змѣйки, а въ *стану* кушаки съ золотомъ и съ серебромъ и съ розными шолки, вошвы шиты по червчатому бархату волоченымъ золотомъ низаны жемчугомъ змѣйки и репы (взять). Лѣтникъ камка кызылбаская на червцѣ розные шолки съ золотомъ люди стоячіе и сидячіе, вошвы бархатъ венединцкой синь съ золотомъ и съ петлями низаны жемчугомъ.... (Слѣдуетъ опись 6 лѣтниковъ). Лѣтникъ кушаки зелены съ розными шолки съ золотомъ, вошвы аксамичены золотомъ и серебромъ по червчатому бархату; дѣланъ 113 году въ Велику дни. (Есть во 2 палатъ).... Лѣтникъ камка кызылбаская на зелени розные шолки съ золотомъ лвы и барсы и козы, вошвы шиты по червчатому бархату золотомъ аксамичены серебромъ (взять). Лѣтникъ камка кызылбаская шолкъ алъ съ серебромъ звѣрки и травки мелкіе, вошвы шиты по синему бархату золотомъ и серебромъ почечки аксамичены. Лѣтникъ камка кызылбаская на ценнинной землѣ шолкъ черчатъ да синь съ золотомъ змеи крылатые и травы, вошвы бархатъ венединцкой шолкъ черчатъ да зеленъ съ золотомъ рѣки и листья. Лѣтникъ камка кызылбаская на серебряной землѣ шолкъ черчатъ мужички, вошвы бархатъ венединцкой на вишневой землѣ зеленъ шолкъ съ золотомъ и съ петлями. Лѣтникъ кушаки черчаты съ золотомъ и съ розными шолки, вошвы *ларевскіе* бархатные. (Всего описанъ 23 лѣтника).

Лѣтники золотные царевны Оксиньи. (А взятъ денъ у князя Василья Мосальскаго). Лѣтникъ камка бурская на лазори черчатъ да бѣлъ шолкъ съ золотомъ травы мелкіе, вошвы бархатъ венединцкой черчатъ съ золотомъ и съ петлями низаны жемчугомъ (взять). Лѣтникъ камка бурская на червцѣ шолкъ бѣлъ лазоревъ зеленъ съ золотомъ круги большіе вострые около нихъ бѣлъ шолкъ съ лазоревымъ, вошвы бархатъ венединцкой чернъ съ золотомъ и съ петлями низаны жемчугомъ цвѣточки бархачены шолкомъ черчатымъ. Лѣтникъ камка кызылбаская на золотой землѣ розные шолки мужички малые и птицы и травки, вошвы низаны двема жемчуги по зеленому по узорчатому бархату съ дробницею съ золотою. Лѣтникъ камка бурская на зелени шелкъ черчатъ алъ бѣлъ съ золотомъ травы мелкіе, вошвы аксамичены золотомъ и серебромъ по отласу по червчатому орды дѣланы конютеблю съ жемчугомъ. (Есть во 2 палатъ). Лѣтникъ кушаки полосаты розные шолки съ золотомъ, а въ стану съ золотомъ и съ серебромъ, вошвы аксамичены съ золотомъ и съ серебромъ по червчатому бархату. Лѣтникъ камка кызылбаская на зелени розные шолки

съ золотомъ и съ серебромъ львы и барсы, вошвы шиты золотомъ аксамичены серебромъ по черчатому бархату. Лѣтникъ камка казылбаская на алѣ розныя шолки съ золотомъ люди стоячіе и сидячіе, вошвы аксамичены золотомъ и серебромъ. Лѣтникъ камка бурская на червцѣ шолкъ зеленъ лазоревъ жолтъ съ серебромъ, вошвы шиты по черному бархоту золотомъ и серебромъ листыя и травы. Лѣтникъ камка бурская на серебряной землѣ черчатъ да жолтъ шолкъ копытца, вошвы бархатъ венецитской зеленъ двоєморхъ съ золотомъ и съ петлями. Лѣтникъ камка бурская на червцѣ полоски золоты, а другіе серебряны, вошвы шиты по черному бархату золотомъ и серебромъ и шолки кречаты и лебеди. Лѣтникъ камка бурская на бѣли черчатъ да лазоревъ шолкъ съ золотомъ клинцы, а въ клинцахъ змѣйки и копытца, вошвы бархатъ венецитской черчатъ да зеленъ шолкъ съ золотомъ и съ петлями. Лѣтникъ отласъ зеленъ съ волоченымъ золотомъ полоски, вошвы шиты по черчатому отласу золотомъ и серебромъ орлы аксамичены серебромъ. Въ хоромахъ лѣтникъ кушаки двойчаты съ розными шолки съ золотомъ, вошвы шиты по черчатому отласу золотомъ и серебромъ, дѣланъ 113 году. Лѣтникъ камка бурская на бѣли шолкъ зеленъ да алѣ съ золотомъ, вошвы шиты серебромъ по черчатому бархату аксамичены золотомъ. Лѣтникъ камка куфтеръ бѣла съ золотомъ, *мелемская*, вошвы бархатъ венецитской черчатъ двоєморхъ съ золотомъ и съ петлями. Лѣтникъ камка бурская на червцѣ кружки золоты, а въ кружкахъ шолкъ бѣлъ да лазоревъ, вошвы столбчатныя дѣланы въ кружки съ золотомъ и съ серебромъ; а взятъ изъ Ооонасьевы рухляди Власьева.

Лѣтники беззолотныя. Лѣтникъ камка куфтеръ бѣла, по ней купки розныя шолки, а въ купкахъ попугаи, вошвы аксамичены по черчатому бархату золотомъ и серебромъ (взятъ). Лѣтникъ другой таковъ же камка куфтеръ бѣла по ней купки травныя розныя шолки, а въ купкахъ попугаи, вошвы шиты золотомъ и серебромъ лученчеты бархочены черчатымъ да зеленымъ шолкомъ. И тотъ лѣтникъ государыня пожаловала Матвѣевѣ женѣ Годунова Марьѣ. Лѣтникъ камка кизылбаская полосата, а въ полосахъ розныя шолки и слова арапскіе, вошвы шиты золотомъ и серебромъ круги и репы аксамичены по синему бархату.... Лѣтникъ камка бурская на червцѣ бѣлъ шолкъ звѣздки суремницы шолкъ алѣ лазоревъ зеленъ, было въ нихъ золото да зашито шолки, вошвы по синему бархату шиты золотомъ аксамичены почки золотомъ и серебромъ.... Лѣтникъ камка на червцѣ бѣлъ шолкъ яблочка, вошвы шиты по синему бархату золотомъ и серебромъ коруны.... Лѣтникъ камка гирѣйская ала, по немъ полосы,

а въ полосахъ розныя шолки змѣи крылатые, вошвы аксамичены золотомъ и серебромъ и бархачены шолки, съ *ларивского* дѣла (отданъ деи на Казенной дворъ)... Лѣтникъ камка еская желта вошвы шиты по червчатому отласу золотомъ и серебромъ круги и репейки аксамичены, съ *опашницею*; опашница шита по отласу по черчатому золотомъ и серебромъ орлы. И нынѣ подь тотъ лѣтникъ подложены горностаи *для государевы радости*. (Есть, а горностаи выпороты). Лѣтникъ камка цареградская бѣль да черчатъ шолкъ, вошвы шиты по зеленому бархату золотомъ и серебромъ вретаты и лебеди (взять). Лѣтникъ камка кизылбаская на червцѣ бѣль шолкъ люди и барсы и птицы, вошвы камка бурская на зелени съ золотомъ.... Лѣтникъ камка кизылбаская на бѣли черчатъ шолкъ мелкой узоръ, вошвы камка бурская на лазори розныя шолки съ золотомъ мелкой узоръ.... Лѣтникъ камка кизылбаская черчатъ да бѣль шолкъ мужички малые вошвы камка бурская на синей землѣ шолкъ черчатъ лазоревъ зеленъ съ золотомъ и серебромъ.... Лѣтникъ камка кизылбаская шолкъ зеленъ да бѣль мужички и барсы, вошвы бархатъ кизылбаской съ золотомъ розныя шолки круги и травы и птицы.... Лѣтникъ камка еская малиновой цвѣтъ, вошвы шиты по зеленому бархату золотомъ и серебромъ вретаты и лебеди.... Лѣтникъ, камка кармазний черчатъ большой узоръ, вошвы камка бурская на лазори шолкъ зеленъ да черчатъ да бѣль съ золотомъ.... Лѣтникъ тафта широкая желта, вошвы бархатъ бурской черчатъ съ золотомъ.... Лѣтникъ камка бурская на лазори жолтъ шолкъ репыи денежки, вошвы бархатъ кизылбаской черчатъ съ серебромъ.... Лѣтникъ дороги прозелены, вошвы камка бурская на червцѣ шолкъ лазоревъ зеленъ бѣль съ золотомъ листьѣ большое (въ хоромехъ деи, а изъ хоромъ отданъ Катеринѣ)... Лѣтникъ камка венеитцкая зелена, вошвы камка бурская на лазори съ золотомъ. (Отданъ князь Васильевъ дочери Буйносова Ростовскаго)... Лѣтникъ отласъ полосатъ черчатъ да бѣль шолкъ, вошвы камка бурская по золотой землѣ рѣки. (Отданъ князь Васильевъ женѣ Буйносова Ростовскаго)... Лѣтникъ отласъ на чертатой землѣ полосы желты широкіе около желтыхъ полосъ полоски шолкъ бѣль, вошвы бархатъ *ларевской* розныя шолки съ золотомъ и съ петлями (отданъ деи на Казенной дворъ)... Лѣтникъ камка еская ценнина, вошвы шиты по отласу червчатому золотомъ и серебромъ въ кругахъ орлы серебряны. (Всего описано 72 лѣтника).

Государыни царицы и великіе князики шубки бархатныя. Шубка бархатъ венеитцкой; низана жемчугомъ узоры, круживо низано жемчугомъ по томужъ бархату съ дробницею съ золотою съ черныю съ

ихонты и съ изумруды, а въ круживъ 19 ихонтовъ да 21 изумрудъ въ гвѣздѣхъ; подложена тафтою лазревою (взята). Шубка бархатъ вене- дитцкой на черчатой землѣ кружки золоты, а около кружковъ трам шолкъ бѣлъ; подложена тафтою пеннинною. Шубка камка бурская на червцѣ шолкъ бѣлъ да лазоревѣ рѣки и листья золоты и серебряны, подложена тафтою желтою (взята)... (Всего описано 16 шубокъ камчатыхъ и бархатныхъ). *Шубки скорлатные*: 3 шубки черлены подло- жены тафтою лазревою. Шубка черлена подложена тафтою желтою (взята). Шубки лундышныя: 3 шубки брусничной цвѣтъ подложены тафтою зеленою. (Всего описано 27 шубокъ, всѣ подложены тафтою). *Опашни скорлатныя*: опашень черчатъ круживо низано *эмы* съ каменемъ съ рознымъ (а нынѣ въ казнѣ противъ Мастерской).

Опашни въ казнѣ противъ Золотой. Опашень черчатъ, около ево двѣ строки, одна низана въ *раскую*, а другая въ одинъ жемчюгъ, пет- ли низаны жемчюгомъ; у него 15 пуговицъ золото канительное на закрѣпкахъ низаны жемчюгомъ, а на закрѣпкахъ бирюзки (взять). Опашень черчатъ, около ево два кружива, оба кружива и петли фрязское дѣло съ картулиномъ и съ жемчюгомъ безъ пугвицъ. (Есть. Да 15 пугвицъ золоты съ зерны сняты съ инова опашни. Взять и съ пугвицы). Опашень черчатъ, а на нешъ два кружива золотныя ши- рокое да узкое нѣмецкое дѣло, петли золото съ серебромъ, у него 15 пугвицъ золотыхъ круглыя съ чернью. (Всего описано 7 опаш- ней, 5 подложены, а 2 подпушены тафтою лазревою).

Государыни царицы и великіе княгини тѣлогрѣи лѣтніе. Тѣло- грѣя камка бурская на червцѣ бѣлъ да лазоревѣ шолкъ съ золотомъ яблочка бѣлы, круживо низано жемчюгомъ по синему атласу съ ка- нитѣлю, пугвицы рѣзаны на проемъ съ жемчюги 14. Тѣлогрѣя кам- ка бурская на лазори шолкъ бѣлъ да червчатъ травы, круживо дѣ- лано канитѣлю и картуленью по червчатому атласу, пугвицы золо- ты рѣзаны съ чернью круглы 15. Тѣлогрѣя камка бурская на зелени копытца золоты, а змѣйки серебряны, круживо шолкъ черчатъ съ зо- лотомъ и съ серебромъ, пугвицы золоты съ жемчюги рѣзаны на про- емъ 15. Тѣлогрѣя камка кизылбаская на зелени розныя шолки люди стоячіе и звѣрки и птицы, круживцо нѣмецкое золото съ серебромъ пугвицы серебряны золочены рѣзаны грани прямые. (По ерлыку сеѣ телогрѣи пугвицы и круживцо снято на царицыну тѣлогрѣю, что *дѣлана къ радости*). Тѣлогрѣя камка бурская на бѣли розныя шол- ки травы чеканены, круживо золото плетено широкое. Тѣлогрѣя кам- ка венежитцкая агъ да бѣлъ шолкъ, круживо шито золотомъ по си- нему атласу аксамичено серебромъ и шолки, пугвицы серебряны зо-

лочки 13. Тълогръя камка венецицкая желта большой узоръ, круживо сдѣлано въ кружки черчатъ шолкъ съ серебромъ, пугвицы серебряны золочены гранн прямые рѣзаны, на забоехъ зерна бѣлы, 13. Тълогръя обьяръ зелена, круживо сдѣлано въ кружки черчатъ шолкъ съ золотомъ и съ серебромъ, пугвицы серебр. золочены шпшкою чеканены, 15. Тълогръя атласъ венецицкой цвѣтной на червцѣ шолкъ зеленъ бѣлъ рудожолтъ травы, круживо нѣмецкое серебрено кованое, пугвицы серебряны золочены рѣзаны черезъ грань. Пугвицы и круживо по ерлыку снято во 113 году къ царичной къ иной тѣлогръя, 15. (Всего описано 21 тѣлогръя).

Лѣтніе-жъ тѣлогръи. Тѣлогръя камка кызылбаская на зелени шолки розныя съ золотомъ листье и травы, круживо дѣлано въ цѣпки шолкъ черчатъ съ золотомъ и съ серебромъ лоси, пугвицы серебряны жлудики, 15. Тѣлогръя дѣлана изъ платна, камка кызылбаская полосата шолки розныя съ золотомъ, въ полосахъ слова арапскіе, круживо нѣмецкое дѣло серебряно, пугвицы серебр. золочены черезъ грань рѣзаны, 15. Тѣлогръя камка бурская на червцѣ шолки розныя змѣйки золоты мелкіе, круживо нѣмецкое шолкъ чернъ съ золотомъ съ волоченымъ узко, пугвицы серебряны золочены узлы. Тѣлогръя атласъ венецицкой черчатъ круживо съ неѣ снято, пугвицы серебряны съ чернью на миндальное дѣло, 15. Тѣлогръя новодѣлана отласъ черчатъ *шты* люди на конехъ и пѣшіе, лвы и птицы и травы золотомъ и серебромъ съ розными шолки безъ кружива и безъ пугвицъ. (Описано 20 тѣлогръя).

Тѣлогръи теплые. Тѣлогръя камка кызылбаская на червцѣ шолкъ бѣлъ мелкой узоръ на пупкахъ собольныхъ, круживо дѣлано въ кружки шолкъ зеленъ по краямъ черчатъ съ золотомъ и съ серебромъ, пугвицы серебр. золочены. Тѣлогръя отласъ цвѣтной на червцѣ шолкъ зеленъ да бѣлъ на черевахъ на бѣлыхъ, круживо золото нѣмецкое, пугвицы серебряны жлудики. (Описано 10 тѣлогръя).

Теплые-жъ Оксимыны. Тѣлогръя отласъ зеленъ полосатъ съ волоченымъ золотомъ на пупкахъ собольныхъ, круживо дѣлано въ кружки черчатъ шолкъ съ золотомъ и съ серебромъ лоси, пугвицы серебр. золочены черезъ грань рѣзаны. Тѣлогръя камка кызылбаская на червцѣ бѣлъ шолкъ мелкой узоръ на черевахъ на бѣлыхъ, круживо дѣлано въ кружки серебро съ золотомъ пугвицы серебряны золочены грановиты. Тѣлогръя камка кызылбаская полосата розныя шолки на черевахъ на лисныхъ, круживо дѣлано въ кружки черчатъ шолкъ съ серебромъ, пугвицы серебряны уголчаты съ чернью. Тѣлогръя отласъ жолтъ шолкъ огнива, безъ наряду, черева бѣлыя сня-

ты... Тѣлогрѣя обьярь бѣла, круживо ѣметцкое золото съ серебромъ, 14 пуговокъ королковыхъ въ репейнахъ въ серебряныхъ въ сканныхъ, въ закрѣвахъ жемчужки. (Описано 11 тѣлогрѣй).

Кортель тафта широкая червчата на черевахъ на бѣлыхъ, вошвы камка бурская на жолти червчатъ да лазоревъ шолкъ съ серебромъ. Кортель камка венецикая жолта чешуйчата, безъ вошевъ на черевахъ на бѣлыхъ. Кортель горностаея нагольной, вошвы бархатъ венецицкой червчатъ съ золотомъ и съ петлями.

Въ той же палатѣ: сундучекъ новъ невеликъ окованъ бѣлымъ желѣзомъ, а въ немъ: Вошвы шиты въ ряды серебромъ аксамичены золотомъ и шолки. Вошвы шиты по бѣлой камкѣ серебромъ въ ряды аксамичены золотомъ да червчатымъ шолкомъ..... Вошвы камка кизылбашская на празелени розныя шолки съ золотомъ люди на конехъ, а ныне пѣши..... Вошва одна шита по вишневому бархату золотомъ аксамичена золотомъ и серебромъ. (Описано 19 паръ вошевъ и одна). *Камки цѣлыя:* Камка гирѣйская бѣла. Камка кизылбашская полосати розныя шолки, по полосамъ слова арапскіе. Камка мисюрская шолкъ червчатъ да бѣлъ. Камка кизылбашская на алой землѣ музички и травы. (Описано 6 камокъ). *Остатки:* (бархату, камки, атласу, тафты, зухѣ). Зеркало хрустальное въ серебрѣ, нишени золочены, лагалище дороги алы на бумагѣ стегано.

Въ той же палатѣ: *Коробка* ноугородцкая, а въ ней выростки (Нѣтъ, сказ Анна згнали и выкинуты): 7 кафтанцовъ теплыхъ и холодныхъ тафтяны и камчаты. Черезцы холодныя тафтяны. 2 одѣяла холодное да теплое. 17 тафсекъ отласныхъ и камчатыхъ и суконныхъ отставочныхъ. Сапошки сафьянны жолты. Башмачки лазоревы. Выросткижъ сорочки и порты. (Всѣ сгнали выростки). *Сундучекъ* бѣлъ кипарисной окованъ желѣзомъ, а въ немъ широкіе бѣлыя тафты 26 арш., да 20 арш. съ полуаршиномъ кисей. 2 сорочки нарядныхъ. Порты. Чехоль. 4 сорочки съ пугвицы съ торочковымп. Поясъ шолкъ червчатъ съ золотомъ. 14 ширинокъ шиты золотомъ и серебромъ. 3 утиральника. 5 полотенець. Кисей съ шолки и съ золотомъ. 2 связки простыхъ бѣлыхъ. *Коробья* лубяная поволочена кожею, а въ ней отставочново платья: 5 шубокъ золотныхъ розныхъ цвѣтовъ.—Шубка цвѣтная камчатая беззолотная. 2 спорка камчаты цвѣтныя. Спорокъ алъ. Кафтанишко тафтянъ черлень. 2 узла остатковъ ветчаново платья бархатныхъ и отласныхъ и дорогильныхъ и тафтяныхъ. *Коробочка* ноугородцкая невелика окована желѣзомъ, а въ ней спорки образцовыя 32 гнѣзда. 14 кистей кляпушныхъ золотыхъ ворворки низаны жемчюгомъ. 7 кляпушей золотыхъ съ кистия ворворки ни-

заны жемчугомъ. 16 кистей розныхъ портищъ золотыхъ и серебряныхъ. 5 портищъ завязокъ ветчанныхъ съ золотомъ и съ серебромъ и съ розными шолки. Кисть золота ворворка низана жемчугомъ. 4 кружива спурныхъ, 2 низаны жемчугомъ, а 2 шиты золотомъ и серебромъ. Мошна бархатъ червчатъ аксамитена съ кистями шолкъ зеленъ. *Коробочка* таковажъ, а въ ней: 6 литръ шолку розныхъ цвѣтовъ. *Ларчикъ* красной окованъ желѣзомъ, съ мелочью, а въ немъ: сорочки со крестовъ и ожерельные. Сорочка отставная пошевная ветха. *Коробка* ноугородцкая окована, а въ ней отставочные сорочки и порты: 18 сорочекъ мужскихъ, 5 чехловъ. 29 порты. 12 сорочекъ женскихъ. 2 сорочки тафтяныхъ. *Коробля* ноугородцкая неокована, а въ ней отставочные сорочки: 26 сорочекъ мужскихъ. 3 чехлы. 39 порты. 37 онучекъ. Спорокъ ко(л)пачной орданской. *Коробка* ноугородцкая окована бѣлымъ желѣзомъ, а въ ней: 6 сорочекъ мужскихъ отставочныхъ. 2 чехла. 7 порты. Сорочка женская. Поясъ шолкъ червчатъ ворворки низаны жемчугомъ. 10 полотенецъ бѣлыхъ. 2 кики. Въенецъ съ городками. 3 судна серебряны золочены. 2 чаши паникадильныхъ серебряныхъ. *Коробка* ноугородцкая окована чернымъ желѣзомъ, а въ ней: 3 сорочки мужскихъ, 4 порты, чехолъ, 2 сорочки кисейныхъ бѣлыхъ, 3 пояски шолковыхъ красныхъ, 3 онучки, 3 простыни, тесма муская черная. *Коробка* ноугородцкая долга окована желѣзомъ бѣлымъ, а въ ней: 2 сорочки мускихъ кисейныхъ нарядныхъ, порты нарядные кисейные, чехолъ кисейной нарядной, 3 порты обычные, 2 сорочки женскихъ, 3 полотенца, простыня. *Коробка* ноугородцкая желта не окована, а въ ней: 15 сорочекъ женскихъ, 2 сорочки дражныхъ мускихъ, 10 онучки, 6 ширинокъ да полотенца шиты золотомъ и шолки, 2 полотенца бѣлыхъ, 2 рукава женскихъ кисейныхъ полосатыхъ, 4 кисти шолкъ багровъ съ золотомъ и съ серебромъ. *Коробля* желта ноугородцкая неокована, а въ ней ларчикъ раковинной, а въ немъ: *переды* шиты по червчатому отласу золотомъ и серебромъ. 2 платочка тафтяныхъ, 2 остатка отъ кружива струнданью (sic) по верхку. 20 полотенецъ бѣлыхъ; 2 волосника шолкъ червчатъ да зеленъ съ золотомъ; ошивка шита золотомъ; 6 простынь; ширинка шита золотомъ и шолки; 4 связки косынныхъ. *Коробка* ноугородцкая желта окована чернымъ желѣзомъ, а въ ней: 6 спуры съ кистями шиты золотомъ и серебромъ съ шолки; образцы початы шить по червчатому отласу, 3 простыни, полотно нитей, 2 наволоки бѣлыхъ, скатерть шитая; 6 спорковъ покровныхъ шиты золотомъ и серебромъ по черному и по таусивному отласу, жемчюгъ снятъ. *Коробка* ноугородцкая невелика желта, а

въ ней: 5 сорочекъ мускихъ обычныхъ; 10 полотенецъ; 12 полочекъ; простыня; полполотна нитей. *Коробка* иугороδικая желта неокована, а въ ней: 100 полотенецъ бѣлыхъ роздаточныхъ; 19 спорковъ пѣлыхъ и дравыхъ съ тафтяныхъ и дорогильныхъ розныхъ цвѣтовъ. Зеркало обнизано жемчугомъ, лагалище у него бархатъ черной, оковы и наковки у лагалища серебряны, колечко серебряножъ (взято).

Коробка дубеная взята изъ *поташской полаты*, а въ ней: опашень черчатъ недожѣрокъ сукно багрецъ, а у него 10 пугвицъ серебряны. Рукавка шита по бѣлому отласу золотомъ и серебромъ. (И тотъ рукавку взяли ко государю). Поясъ тесна шолкъ лазоревъ оковы и пряжи и наконечники золоты. И тотъ поясъ взяли ко государю. *Торлоля* черева бѣлыя. Опашень чернъ сукно настрафилъ. *Лѣтникъ* олтабасъ на серебряной землѣ съ золотомъ, *опашмица* у него шита по черчатой камкѣ золотомъ и серебромъ волоченникъ, безъ вошевъ; а у ней 14 пугвицъ серебряны. (Нѣтъ сказъ Иванъ. Есть въ сундукѣ во 2 полатѣ, въ сундукѣ, что изъ сѣняника). *Лѣтникъ* тафта бѣлая, вошвы камка черчата съ золотомъ. *Лѣтникъ* камка желта, вошвы камка на червцѣ съ золотомъ. Шубка камочка на червцѣ съ золотомъ вѣчана. Зуѣн черчаты 7 ар. безъ 2 в., зуѣн желтые 3 ар.; 2 чеботи женскіе бархатные черчаты, у одѣхъ по швомъ пояски серебряны (взяты); 4 чеботи сафьянные желтые; чеботи мешинные желты. Башмаки сафьянные желтые опушены бархатомъ черчатымъ. 2 сафьянъ одинъ алъ, а другой желтъ (взяты). Полсафьяна черчатого да полсафьяна алого. Чеботы скроены сафьянные бѣлы (взяты). Шириночки тафта бѣлая съ кистми съ золотыми. 11 полотень. Мешечикъ невеликъ, а въ немъ остатки суконные. 2 коробочки нѣмецкіе маленькіе, въ одной коробкѣ четки королковыя (нѣтъ взятъ въ хоромъ.) 2 простыни. Лаханъ виницейская скляничная въ лагалищѣ въ деревянномъ. Ларецъ бѣлъ не окованъ, а въ немъ ящичокъ невеликъ, а въ ящичкѣ въ пяти бумажкахъ жемчугу не по мношку да камышки мелкіе разныхъ цвѣтовъ да дробницы серебряны золочены. 5 иконъ серебряны золочены рѣзаны на нихъ двисусы. Цата невелика золота съ чернью, а въ ней лалъ да 2 бирюзы. 2 золотыхъ угорскихъ и тѣ золотые взяты въ хоромы. 2 литры золота. Шолку рудожелтого турскіе скани 113 золотникъ съ полузолотникомъ. Шолку черчатого турскіе скани шеморхансково 120 золотниковъ. Шолку таусинного турскіе скани 274 золотника. Шолку черчатого бурсково литрѣ и 60 золотникъ. Спорки, веревки и бахромы съ золотомъ. Ширинка шита шолки съ золотомъ. Въ мѣшечкѣ по ярлыку 7 рублей и 2 алтыны съ денгою. (Нѣтъ сказъ взятъ въ хоромъ.). Мѣшечикъ киндя-

чень черчатъ, а въ немъ: 47 пугвицъ золотыхъ и серебряныхъ. 8 сорочекъ иконныхъ черчатыхъ бархатныхъ. Покровецъ тафта черчата шита золотомъ. *Коробля* лубеная обшита кожею, а въ ней: 2 кортеля нагодные бѣлы черевья. Ожерелье пуховое. Лѣтникъ отлагъ черчатъ, вошвы камка бурская на бѣлы съ золотомъ травы и листья. Лѣтникъ *моркосъ* лазоревъ, вошвы камка бурская на червцѣ розные шолки съ золотомъ. Лѣтникъ камка венеитцкая шолкъ бѣлъ желтъ, безъ вошевъ. Лѣтникъ камка голуба чешуйчата, вошвы шиты на черни золотомъ и серебромъ, ветчанъ. — Восемь подволокъ камчатыхъ и тафтяныхъ розныхъ цвѣтовъ, дѣлны *на игрицъ*. 2 шубки черчатыхъ, одна подпушена тафтою лазоревою, а другая зеленою. Шубка с. зелено лундышъ, подпушена тафтою алою. Кортель дороги бѣлы. Чеботы сафьянные черчаты строчены шолкомъ зеленымъ. Чулки теплые на черевахъ на лисьихъ поволочены тафтою алою. Наволока постелная камка черчата. Подкладка одѣльная зендѣнь желта. 4 одпорядки черчаты выростки. 3 шубки выростки камочка цвѣтная. Спорокъ шубной лазоревъ тафта шамская. Кортель кушачной мелкіе полосы на черевахъ на бѣлыхъ, вошвы бархатъ венеитцкой на червцѣ ¹.

19. 119 года.... Цата образова золота чеканная (съ камень). Крестъ золотъ литой тѣлникъ наведенъ чернью, гойтанъ шолкъ черчатъ, на немъ 2 королка невелики. 2 блюда серебр. золоч. Лоханъ. Солонка серебряная вѣнецъ золоченъ подписано имя Царя Ивана. Росолникъ серебр. Часы боевые круглые ободы меденые золочены рѣзаны травы. 2 Шапки. *Колмакъ* ардынской подложенъ камкою золотною въ цвѣтахъ шолки черчатъ да лазоревъ да зеленъ, на прорѣхахъ по двѣ петли низаны жемчугомъ. *Ложечка* серебряная складная рѣзаны травы золочена, ложечникъ бархатъ кизылбашской золотной, поцѣпка шолкъ черчатъ съ золотомъ. *Торчъ* булатной черенъ каменной сизъ, шлякъ и оковы золоты, ножны по хзу по черному, оковы серебряные позолочены съ рѣзью, поцѣпка шолкъ черчатъ съ золотомъ. На поясу на шолковомъ на червчатомъ *связемки* въ 4 ножнахъ въ хозовыхъ въ черныхъ окованы серебромъ, ножикъ, шило, трубка, ножницы, свайко, сверло.

¹ Перепись писана столбцомъ на листнахъ, у конхъ по склейканъ на оборотѣ скрѣпа: діакъ Иванъ Федоровъ. При каждой статьѣ или при каждой предметѣ съ боку на подѣ находятся отиѣтки: *имѣе, есть, справитца* и т. п., изъ конхъ наиболее любозытныи имъ указаван въ своихъ мѣстахъ.

Въ *Задней Повалыши* рухлядь смотрена и переписана, а привезена та рухлядь на Старой дворъ съ Верху въ ларцѣ въ ивдариномъ. Зеркало хрустальное влагалище въ бархатѣ въ червчатѣ петелька и крючекъ, серебряны, исподъ поддѣланъ серебромъ бѣлъ рѣзаны травы, ободъ чюдень золочень, на верху орелъ двоеглавой; одного наугольничка вътъ. Солоница. 3 булавки зерна гурмыжскіе на золотыхъ спиныхъ большіе скатные. 4 булавки зерна невелики гурмыжскіе съ, три на золотѣ съ, а четвертая на серебръ. Чарка винная хрустальная поддолье и по верху обложено золотомъ съ чернью, подпись ния царя Василья. Гребень кость чюбара на одной сторонѣ 5 искоръ яхонтовыхъ червчатыхъ да 4 бирюзки, а на другой сторонѣ 4 искры яхонтовыхъ червчаты да 5 бирюзъ врѣзаны въ золото. Дагалище оболочено кожей красном. Зарукавы золоты плащи кованые.... Два запястница въмецкое дѣло золоты, дѣлано около костей по золоту наведено травы ѣнниктомъ (sic) чернымъ да бѣлымъ, по 8 звень въ запястейцѣ. Зарукава золото розсыпано 8 звень, на верху рѣзаны травы на проемъ, а съ исподи наведено чернью. 16 плащиковъ золотыхъ.... Наузолыникъ круголь да 2 плащика золоты рѣзаны на проемъ. 18 образцовъ серебряныхъ литыхъ золочены рѣзаны травы. Печать серебряна индрогъ кругомъ писано ния царя Василья, гоитанъ шолкъ червчатъ. Орелъ двоеглавой иланъ жемчугомъ. 36 зерень жемчугу большово уродовать.

Въ *коробль въ кованой ноуородукой*. 4 сорочки мужскихъ, на дву нашивка и плетенекъ шолкъ червчатъ съ золотомъ, а на дву нашивка тафтяная съ тесмами. 2 порты съ тесмами. 4 убруса, 3 шиты серебромъ, 4 съ золотомъ; 2 полки убрусные простые. Съ четверть гривенки дробницъ серебряныхъ басменныхъ; 2 моченки маленки въмецкое дѣло. Педепелочекъ серебряныхъ золочены съ четверть гривенки. Застѣнокъ по отласу таусинному бывалъ низанъ жемчугомъ, а жемчугъ снятъ. 4 образцы бывали низаны по таусинному отласу жемчугомъ. 10 образцовъ бывали низаны по червчатому отласу жемчугомъ. Наволока постельная да наволока взголовенная камка червчата да желта, шахмочены. Въ *коробль бѣлой: торлопъ* бѣлей черевей подъ тафтою подъ лазоревою подъ широкою, вошвы бархатъ на золотъ шолкъ червчатъ да зеленъ, подольникъ червчатъ. Одѣяло отласъ золотной по червчатой землѣ около шито золотомъ и серебромъ съ шолки, грива шиты арабскіе слова золотомъ да серебромъ волоченымъ. *Ферези* женскіе отласъ червчатъ подложены дороги алы подушка отласъ зеленъ около плетенекъ золотъ, 14 пуговокъ серебряныхъ съ рѣзью. Завѣсъ шитъ полосами, 8 полосъ шито по камкѣ по таусинной да

по зеленой золотомъ да серебромъ, да промежъ ихъ 7 полосъ отла-
сныхъ и камчатыхъ, подложенъ тафтою розными цвѣты. Одѣяло со-
болѣе покрыто камкою золотною княмльбашскою, грива отласть золот-
ной по бѣлой землѣ въ цвѣтахъ шолкъ червчатъ да зеленъ да чертъ.
Въ коробьѣ оболочена кожейю: постели бумажная, наволока дѣлана
клинцами отласть червчатъ зеленъ бѣлѣ жолтъ лазоревъ. 2 ковра со-
рочинскихъ по бѣлой землѣ. 3 свѣчника мѣденыхъ.

Государева Старою двора: 28 образовъ да 2 складни обложены
серебромъ басмою. Понагея рѣзъ на кости Распятіе Христово, обло-
жено серебромъ, сорочка бархатъ зеленъ. Понагея рѣзъ на кости
Троица Живоначальная да Пречистая Знаменіе, обложено серебромъ;
сорочка бархатъ цвѣтной. Понагея Троица Живоначальная за хру-
сталемъ, обложена серебромъ, въ закрѣпкахъ 2 жемчуга. 2 креста зо-
лоты невелики, на обѣихъ Распятіе Христово, у одного въ закрѣп-
кахъ 4 жемчюжка невелики. 5 камшковъ простыхъ, 3 бауси да хру-
сталь, да *леники*. 191 образъ неокладныхъ. 3 складни въ мѣди.
Стопа ценниная. Налоець коженой. *Книги:* Евангеліе толковое въ
дестъ, печать литовская. Апостолъ писменой въ поддестъ. Книга въ
дестъ, печать литовская, Василья Кесарѣйскаго. Псалтыря писменная
въ поддестъ толковая. Книга Правила писменная въ поддестъ ветчана.
Книга въ затылкѣ въ годыхъ доскахъ писменная Лѣтописецъ въ пол-
дестъ. Книга въ поддестъ писменная, выписано изъ Правилъ святыхъ отецъ
целътки. Книжка въ затылкѣ въ доскахъ въ четверть, выписано изъ
Правилъ же святыхъ отецъ. Книжка въ четверть литовская, писмо
польское, святаго Кирила патріарха о Вѣрѣ, страница русскаго писма,
а другая польского. Книга въ поддестъ ветчана Измарагдъ. Книга
треодъ цвѣтная въ дестъ печать московская. Книга въ поддестъ пис-
менная Треодъ посная. Книга въ четверть печать литовская Часосло-
вецъ. Книга въ поддестъ писменная Охтанъ 4-хъ гласовъ, начало 5
гласа. 2 тетрати въ дестъ изъ Бытїи съ знаменемъ. 4 тетради въ
кожахъ Житїе и кануны Пречистые Знаменья да Онтонїя Римлянина
да Николы Чюдотворца, а 4 выписана изъ Златоуста о нравѣ чело-
ческомъ; всѣ въ поддестъ. 5 тетратей польскихъ печатныхъ въ пол-
дестъ. Книжка въ четверть ветха, выписано изъ лѣтописца. 4 Книжки
въ четверть польскіе, печать литовская. Тетратъ въ поддестъ *прав-
лики* нѣмецкой печатной. 5 тетратей въ поддестъ выписано изъ Звѣздо-
четья. 2 книги въ дестъ польскіе, печать литовская. 11 миней мѣсеч-
ныхъ: Сентябрь писменой въ дестъ. Октябрь, Ноябрь, Декабрь, Генварь
въ поддестъ. 2 Матра, одна въ дестъ, а другая въ четверть. Апрель,
Май, Іюнь, въ поддестъ, всѣ писменные.

Старую же двора, положено въ основую коробью съ государевымъ: 2 ожерелья отложные низаны одно большихъ жемчюгомъ, а въ немъ въ гнздахъ взуирудъ да 2 бирюзы, а другое низано обычнымъ жемчюгомъ безъ камня (Ростригина данья). Отлась золотной цѣлой по червчатой землѣ шолки бѣль да лазоревъ (Растригина данья). Наурузъ отлась золотной по червчатой землѣ шелкъ бѣль да зеленъ, на немъ двѣ кисти шолкъ лазоревъ съ золотомъ, ворворки низаны жемчюжкомъ мелкимъ. Тысмлѣй съ горностаги бархатъ шолкъ червчатъ да зеленъ съ золотомъ, нашивка пуговки серебряны на петляхъ. Орячочъ тонкой, завязки шолкъ голубъ. Мощна шита золотомъ да серебромъ по отласу червчатому, подѣвка шолкъ червчатъ, ворворки низаны жемчюжкомъ мелкимъ. Оата цвѣтная выбойка турецкая. Рубашенка жевская метчяна тафта червчатая. Наколенки пагаичные шиты по отласу червчатому золотомъ да серебромъ. 4 полотенечка шиты розными шолки. Рубашка мужская нашивка пуговицы шолку червчатого. Штаны метчяны бархатъ вшивевъ, наставки лимчатые. Шапка рысья. Шапка черная лисья. Шапочка санная канка багрова на пупкахъ собольихъ. Часы мѣденые боевые на 4 угла мѣдечкіе въ лагалицѣ. 2 скляночки питья, одна лазорева, а другая бѣла. Скляница водяная. 9 братянокъ тронцкихъ съ вѣнцы. 3 достокалчяны. 4 снаторти бранихъ. 10 трубокъ свѣчныхъ. Фонарь паюсной большой круглой свѣдебной. Фонарь паюсной большой 4 угольной. 3 ковра сорочинскихъ по червчатой землѣ травы бѣлы лазоревы зелены желты. Коверъ бѣль по немъ крапинны черны. Попона бѣла черкаская. Шатеръ кизылбаской безинной бѣль, полы безинные бѣлы, подложенъ шатеръ и полы бязью вишневою. Кровать складная. Шкатула порозжа. Лоханъ мѣденая большая. Лоханка мѣденая невелика. Кунганъ мѣдяной большой. Ламбикъ мѣдяной. Рукомоинчикокъ мѣдяной невеликъ. Иготъ мѣдяная. Оловяничокъ маленькой чарки въ три. Сковоротка мѣдяная съ носкомъ. Кубикъ мѣдяной винной невеликъ съ трубою. Сулея оловяная въ лагалицѣ въ деревянномъ. Миса большая оловяная. Фляшка тыквяная съ шурупомъ. Миндѣрь кожаной.

И 119 г. февраля въ 25 день по приказу думнаго дворянина и казначея Федора Ивановича Андронова изъ тое рухляди взято на Казенной дворъ и отдано дьякомъ Меньшому Булгакову да ...вѣю Коробейникову серебра: 2 блюда — лоханъ — солонка — кровелька — росольникъ, 2 рукомоинника — 2 таза — лоханъ — солоница — 17 образовъ. Печать — чѣпъ — 2 ошейника. Достоканецъ. Да денегъ — 12 р. Еще рублевъ съ 11.

20. (Слѣдуетъ, кажется, опись мониста)... икона золота въ средѣхъ образъ Пр. Богородицы, рѣзная.... 3 креста золотыхъ съ каменья и жемч. 2 креста золотыхъ съ каменья и жемчюги. На монистѣ 8 пронизокъ золотыхъ. Ожерелье жемчужное муское, жемчугъ бурминской. 2 перстня золоты навожены фянифтомъ, а въ нихъ 2 алмазда. Чичакъ золотъ на немъ яхонтъ лазоревъ, вверху и внизу 2 зерна бурминскихъ. Чепочка золота дольки витые, а другіе тригранные. Печочница да чернилица серебряна. Тесма муская. Шапка отласъ червчатъ низана жемчугомъ съ конютелю. 16 полотень двойныхъ. 12 полотень тройныхъ. 2 подотна тверскихъ. 2 сорочки шиты золотомъ да 2 порты; сорочка кесейная шита золотомъ; сорочка жъ да порты тафтяные червчаты съ пояски золотыми. Зеркало булатное обдѣлано конютелю. Крестъ серебрянъ золоченъ съ мощи, на немъ Распятіе литое. Чепъ золота кольца ребристые; пронизка золота дѣлано.... Крыжъ золотъ съ фянифтомъ.... 2 колотки рясны золоты навожены фянифтомъ, а въ нихъ 6 яхонтовъ червчатыхъ. Коробочка серебряна съ кровлею золочена по ней рѣзаны травы. Монисто золото на чепочкѣ золотой.... Паннакидло мѣдяное съ часами. Жаровня мѣдяна, а въ книгахъ написана серебряна золочена, для духовъ. Вѣски и фунтъ серебряны во влагалишѣ. Часы мѣдяны золочены стоячіе, стоянца борань. Чернилица серебряна, въ ней свистѣлка серебряна съ зуботычками да съ ухверткою. Лысна серебряна съ камешки по раковинѣ. 2 пера серебряны. Чепочка серебряна золочена межъ звенъ бубенчики. Зуботычка серебряна золочена. 2 зуботычки серебряны бѣлы. 2 остроги серебряны золочены. 19 пугвицъ золоты съ чернью, съ опашня царя Федора. Ларецъ мѣдяной, а въ немъ (пуговицы). 3 самопала короткихъ навожены золотомъ съ костями. Стопа ценнина. Шахматы хрустальные. Зеркало булатное испорчено обдѣлано серебромъ съ раковинами. 21 звено чѣпи гремачей золотой. Застежка серебряна отъ книги. Печать государева серебряна въ мѣшечкѣ въ отласномъ въ золотномъ. Шкатулка, а въ ней блюдечко да солонка да перешница да блюдечко малое да ложка большая да середняя да малая да вильца серебряны золочены да ножикъ стальной. Часы мѣдяны круглые указныя да ящикъ на кости. Тесемка шелкова зелена жуи и назадъ коцца и крюкъ и наконечникъ золоты. Ножъ булатной. Ложечка серебряна золочена складная, лжиченъ бархатъ съ золотомъ. Сумочка, въ ней 5 полотенецъ. Чулочки дорогильны подъ ними бѣлки. Брусикъ скляной. Зголовье 2. Коверъ сорочинской. Зеркало булатно. Чотки рыбей зубъ. Панагея золота. Палашъ стальной. 5 золотыхъ угорскихъ. Шахматы ентарны. 2 шахматы одна рыбей зубъ, а другіе

костяные. Тавлен, въ нихъ втирки ситарные. 2 доски шахматные. 8 самопаловъ короткихъ. Натрушникъ серебрянъ *склячей*. Фляшка капова. Палашикъ малой. Сабля стальная. Ножъ булатной.... *Шкатула* обложена бархатомъ чернымъ, а въ ней: 2 креста золоты съ алмазы, а у нихъ 5 жемчюговъ. — Камень белуй въ коробочкѣ. — Запона золота (съ каменъ). Гиздо золото, дѣлано на проемъ.... 3 запоны золоты (съ каменъ). 2 запоны (съ каменъ). 2 кляпышка золоты въ ихъ берюзки. 30 пронизокъ винисовыхъ. Запона въ ней звѣрокъ коза подъ нею изумрудъ.... 13 пронизокъ золоты рѣзаны на проемъ. Рѣса, а въ ней 9 веревочекъ жемчужныхъ на спляхъ и на кольцахъ золотыхъ. 5 крестовъ золоты.... Икона ишма зелена на ней вырѣзаны 3 свитыхъ, одинъ подписанъ: царь Костянтинъ, обложена золотомъ съ яхонты и съ изумруды и съ лалы, назади наведено чернью мученикъ Христовъ Феодоръ да пророкъ Еремей; сорочка бархатъ червчатъ низана жемчюгомъ. Крестъ золотъ съ мощи на немъ 3 берюзы да 2 червца да 2 жемчюга. Понагелъ золота, на ней чернью наведенъ образъ Вседержителя, а назади мученикъ Феодоръ; а въ понагелъ Троицы Живоначальна вырѣзано на кости, обложена золотомъ. Запона серебряна кругла дѣлана склянью камень сизовъ. Дробница серебряна кругла съ финифты. Въ *коробочкѣ* серебряной 31 перстень съ алмазы, а иные съ яхонты и съ берюзами да 3 запяты золоты въ одной 2 человека, въ другой птица, въ 3 два яхонта, всѣ съ жемчюги. Чепочка золота гоитанная кольчата, промежъ еѣ звенца скатные.

Въ *коробль* въ ноугородской въ связкѣ сорочка съ ожерельемъ жемчужнымъ; пугвицы жемчужные бурминскіе, въ закрѣпкахъ лаліки да изумруды. Порты. — Чехолъ. — Простыня. — Онучки. Утиральникъ. Коверъ сорочинской. *Чертежъ по харать*. 7 лоханей меншихъ да 2 лохани болшихъ. 2 лохани столчаковы мѣдны. 3 шандана мѣдны. Рукоойникъ мѣднъ. Столчакъ. Въ *коробкѣ* дубяной: 4 простыни. Часы боевые. Фонарь слядяной. 2 трубы мѣдяные водопускные. 2 скляницы водяныхъ. Кругъ желѣзной, ставять надъ свѣчами. *Коробль* осиновая съ писмомъ запечатана. Ладонница да шипецъ мѣдны. 2 стула бархатъ червчатъ окомы серебряны. Стулъ путной. Шахматы каменные донца серебряны золочены. Доски аспидные обложены серебромъ на ножкахъ на серебряныхъ. Подсвѣчникъ мѣднъ. Зеркало нѣмецкое съ часы. Самопалъ колесной съ костью. Сабля московская безъ пояса. Зеркала залочены. Зеркала турскіе на тесмахъ залочены съ мишени, подложены выбойкою пестрою. Фонарь слядяной во влагалищѣ. 2 фонаря паюсныхъ. 5 столчаковъ, 2 суконные. 3 бархатные. 4 лохани столчаковые да 8 лоханей меншихъ и серед-

нихъ да лохань стѣнная. 7 свѣчниковъ мѣдннхъ, 8 кунгановъ луженыхъ. Шанданъ стѣнной булатной. 2 шандана мѣдннхъ стоячихъ. 3 шандана желѣзныхъ стѣнныхъ. 2 скляницы водяныхъ. 2 кувшинца оловяныхъ. Тазъ мѣднн. Чемоданъ столчаковой. Охобень зуфъ багрова столовой. Посохъ царской золотъ, двланъ съ финифтомъ и съ яхонты и съ жемчюги. Рукавки замшанные подложены горностаи, по запястьямъ шито золотомъ съ шолки по червчатому отласу по узору низано жемчюгомъ. Рукавка ястребья... Карманецъ сафьянъ червчатъ подложенъ тафтою китайкою зеленою. Рогъ корольковой красной. Осонъ посошной серебряной. Мѣсто царское кизылбаское... Мѣсто сандальное складное оковы серебряны... Мѣсто писано золотомъ по бакану подушка и застѣнокъ и налокотникъ сафьянные. Мѣсто бархатъ червчатъ съ бахрамами рѣшетчатыми... Стулъ серебряной, на немъ 7 кистей золотныхъ, у нихъ ворворки жемчюжны, поволочень камкою золотною. Стулъ сафьянъ червчатъ деревяной золочень. Стулъ деревяной золочень поволочень бархатомъ червчатымъ, оковцы серебряны. Стулъ дерев. поволочень сафьяномъ черчатымъ (Всего 5 стуловъ). 2 стула кожаные. Ящикъ съ перьемъ струцовымъ.

Часы золочены сырчаты съ планидами во влагалищѣ. 2 часы флягою планидныешъ на стоянцѣ. Часы столпчатые золочены планидныешъ, на нихъ орелъ. Часы столпчатые боевые. Часики воротные боевые старые испорчены, у нихъ гойтанъ и кисть серебряны, ворворка жемчюжная. Часы боевые башня съ планидами. Часы боевые сыромъ испорчены. Часы боевые ходячіе на колосѣхъ колымага. Часы боевые струнные круглые башенка. Часы ходовые съ нигаломъ образника. Часы медвѣдъ съ боемъ. Часы трубные. Часы кубокъ серебрянъ боевые. Часы боевые съ четвертьми на гойтанѣ шолкъ свѣтлозеленъ съ серебромъ, ворворка низана жемчюгомъ, кисть серебряна. Часики боевые малые круглые. Часы книжкою планидные. Часики мѣднны кубчикомъ обложены боевые попорчены. Часы боевые сыръ большой. Памя ходячая. Зеркало нѣмецкое во влагалищѣ. Зеркало кругло съ рукоядкою. 2 ковра причастные золотные. 4 посоха сандальныхъ у одного рога и подковецъ серебряны золочены, а у трехъ рога рыбой зубъ. 2 посоха съ настругою каповою, рога рыбой зубъ. Кровать сандальная дорожная. Знамя видѣніе Ивана Богослова, въ кругу образъ Господень на лошади изю усть его изыде оружіе, избывая язкы, а за нимъ воинство небесное, а передъ нимъ въ кругу архангелъ Михаилъ; шито по тафтѣ по червчатой золотомъ и серебромъ, опушка тафта таусинна; ещо неходѣлаю. Зголовейцо мѣстное бархатъ червчатъ съ золотомъ, а на другой сторонѣ камка жолта, одѣ-

яло отлась жолтъ, подкладка тафта червчати. Бумажникъ и зголовейцо бархатъ червчатъ, застѣнки кругомъ камка золотная на лазорѣ. 2 подушечки, одна камка червчата, а другая отлась зеленъ. Связка шолкъ червчатъ, кольцо серебрено. 2 ковра сорочнянскихъ. 2 одѣяла бѣлыхъ, одно подъ камкою бурскою, а другое подъ кизылбаскою съ золотомъ. Одѣяло обѣяръ червчата, грива камка на зелени съ золотомъ, подкладка тафта жолта. 2-я *коробля* постельная, а въ ней 4 сукна червчаты настрапиль возковыя. Наволока постельная бѣлая, въ ней бумага хлопчатая по смѣтъ гривенокъ съ 5. 4 колодки подможные, одна позолочена отлась золотной червчатой, а три поволочены сукномъ червчатымъ. Миндери сафьянъ червчатъ. Коробля съ простынями купѣльными. Суддукъ, что взять въ сѣнникъ, а въ немъ сорокъ соболей. Стуликъ поволочень бархатомъ червчатымъ. Кубокъ раковинной бѣлъ обдѣланъ серебромъ. Кубокъ раковинной буйволъ на стоянцѣ... Судно хрустальное. Обломокъ хрусталу на три угла. Ларчикъ оболочень бархатомъ червчатымъ, обить серебромъ, въ немъ рогъ королевой красной. Ящикъ костяной черной, въ немъ прибаваны мишени серебряны, а въ немъ 4 ящика серебряныя съ кровелькамп. Шапочка *царевинна* отлась серебренъ по рудожелтой землѣ.

Платья: спорокъ съ тѣлогрѣи. *Спорокъ* съ шубки. Лѣтникъ алтабасъ золото и серебро волоченное безъ вошевъ, опашинца шита золотомъ и серебромъ волочнымъ, подложенъ камкою червчатою. Опашень бархатъ кизылбаской. Лѣтникъ камка венецикая. Кортель тафта червчата. Пола кровати аглинскіе бархатъ алъ по швамъ и кругомъ каймы серебряны, подложено тафтою червчатою. Чеботы женскіе отлась червчатъ, кривые. 4 шнуры шиты по бѣлой тафтѣ разными шелки, на кощѣхъ кисти шелкъ червчатъ. Камень яшмовой змѣины головы съ одну сторону, а на другой сторонѣ рѣзи нѣтъ. Сорочка бархатъ червчатъ, крестъ низанъ жемчугомъ. *Коробля* осиновая бѣла, а въ ней: 2 блюдечка ценинные, одно бѣло, а другое пестро. 2 блюдечка бѣлы яшмовые. 3 чашки скляничныя. Чашка янтарная. 2 чарки скляничныхъ по нихъ полосы бѣлы. 3 братники съ кровлями скляничными. 4 достакана скляничныхъ, 9 склянницъ достоканцами розное дѣло. Кувшинецъ скляничной полосатъ кровля серебряна (описано 4). Скляница съ травами на стоянцѣ съ серебромъ.

Коробка наугороцкая, а въ ней: 6 сорочокъ полотняныхъ нашивка шолковая частая. 4 поргы полотняныя пошевыя. Сорочка женская полотняная. Рукава рубашечныя кисейныя полосаты. Веретенцо серебрено, другое костяное. Уломокъ сурмы. Блюдечко серебрено чеканное по немъ выбиваны люди и травы. Въ другой *коробль* наугороц-

кой: Полотенцо шито шолкомъ чернымъ. Прокладка дѣдимная тафта ала съ бумагою. 6 полокъ убранныхъ шитыхъ. Застѣжки къ постелѣ и къ подушкамъ шиты по отласу по бѣлому. Снуръ шляпочной дѣланъ картунѣлю и трунцалы съ жемчюги, подложенъ тафтою зеленою. 7 арш. сарпату. Ожерелье отласъ золотной по зеленой землѣ. Въ перѣ зеленомъ стекло зеркальное.

21. *Взято съ Каземнаго двора изъ нижніе полаты, гдѣ сидятъ дѣвки.* 2 суеи серебр. золоч. съ чепми. 84 чарка серебр. бѣлыхъ гладкихъ, что дѣланы были на роздачу. 8 образцовъ низаны жемчюгомъ по таусинному бархату дѣланы лапою на трое. 10 образцовъ дѣланы лапою на пятеро (дѣланы на проемъ и т. п.). Образы складни на кипарисѣ рѣзные 2 цки о Тебѣ радуется да Единородный Сынъ — поля обложены серебромъ сканью съ финифты. Зеркало круглое булатное въ лагалищѣ. Ложка рыба: бѣлая. Коробочка ноугородская окована худенька, а въ ней мыла грецково 25 брусковъ. 2 сатыни по портишу; мухояръ червчатъ. Фата выбойка турецкая. Фата безинная синя полосы бѣлые. Зеркало хрустальное нѣмецкое кругомъ врѣзваны раковины. Приволока бархатъ венецицкой лазоревъ съ золотомъ опущена горностаия, подкладка дороги алы безъ пугвиць..... 4 кафтаниска лядовскихъ, згнили. Коробья лубяная, а въ ней 70 фатъ золотныхъ и беззолотныхъ и бумажныхъ. Коробья осиновая, а въ ней: (остатки тканей), кіотчпшко, ящищекъ да цениненка да ставичекъ съ камышки плохими. Лучишко карасалской да 2 саблишка *дильчицъ*, оболочены ножны бархаты. Коробья лубяная, а въ ней: 2 зеркала мѣдьяны золочены съ камышки съ бирюзки; 2 шита мѣдьяны золочены съ камышки плохими и съ бирюзками; 2 наручи мѣдьяны золочены съ камышки плохими и съ бирюзки; 4 булавы оправлены мѣдью золочены съ камышки плохими и съ бирюзки; сабля черенъ и ножны окованы мѣдью золоченой съ каменьемъ, ножны оболочены бархатомъ черленнымъ; 2 сабли; 14 попонокъ да покровецъ конскихъ нарядовъ. 10 стремена. Чашки желѣзные испорчены; колокольчикъ мѣдьянъ...

Саянъ нѣмецкой съ подольникомъ шитъ по черному бархату алтабасомъ, около алтабасовъ веревочки золотныя. 7 барсовъ большихъ пожежали, 8 барсовъ погнили, 3 барсы гнилыхъ. 4 волчишка. Скатерть турецкая на золотой землѣ шолкъ алъ зеленъ лазоревъ багровъ жолтъ съ серебромъ. 7 швринокъ кисейныхъ шиты золотомъ и серебромъ крымскіе присылки.

Коробья ноугородская, а въ ней: 12 литръ золота, 2 литры серебра, 30 колодочекъ серебра волоченово, въ чомъ дѣлаютъ конягѣль, 2 цѣвки золота, 3 цѣвки серебра. Треухъ лядовской рысей.

Курта парьянъ червчатъ, подкладка отласъ цвѣтнѡй. Курта сукно тмозелено, подкладка бирхатъ косматъ. Полотенцо литовское шито золотомъ и серебромъ съ шелки. Тебенакъ литовской.

Изъ подъ палаты, что подъ Благовѣщеньемъ, подъ навѣсомъ. у рѣшотки: Соболъ, куницы. 6 волковъ. 6 ризамахъ. 16 черевесей. Въ мѣху 1060 бѣлокъ. Исподнишко черно коты морскіе. 4 колокольчики очепныхъ невелики. 11 ковровъ сорочинскихъ розными цвѣты. Попонка волоסקи бѣлая. 180 зубовъ рыбьихъ.

Въ большомъ погребѣ: 3 книги Мѣсеи мѣсячные въ десть, Сентябрь, Октябрь, Іюль. Да книга въ полдѣсть Онтонія Печерского. Посохъ костяной склѣдной испорченъ. 2 мѣста оболочены бархатомъ червчатымъ гладкимъ съ бахрамами, гвоздѣ мѣдныя золочены, у одного орелъ шить золотомъ въ травахъ. Столчакъ походной оболочень бархатомъ червчатымъ ветчанъ. Столчакъ походной оболочень сукномъ червчатымъ ветчанъ, и въ немъ лохань мѣдная (взялъ Коститианъ Михалковъ къ государю и съ лоханью). 2 рога мамонтовые, одинъ цѣлъ, и другой перетертъ на двое. Сундучекъ желѣзной порожень.

119 г. Февраля въ 9 день выдано изъ полаты, что позадь Благовѣщенья: (Описаны камки, отласы, участка, бархаты, и между прочимъ): 19 наволокъ двойныхъ золотыхъ и беззолотыхъ розныхъ шолковъ, 11 наволокъ одинакихъ. Моркосъ вишневъ шолкъ съ золотомъ. 2 шиды азы съ мишюрою. Фата полосата розные голки. Фатажъ мѣди казинная. Налатникъ выбойка по мѣткалямъ. 8 пуговиць азиндныя на спиыхъ на мѣденыхъ. Съ поргпца пуговици каменные обложены серебромъ. Да Февр. 21 отдано на кунетцкой дворъ изъ полаты, что позадь Благовѣщенья: Два посоха серебряныхъ черезъ грань золочены. *Коробейка* ноугородцкая, а въ ней: Осмеры подвязки кружчаты золото и серебро съ шолки, прѣжи и наконечники и запряжинки серебряны. Четверы подвязки нахтермянныя строчены, прѣжи и наконечники серебряны....

ЗАПИСКИ ВЕРХОВОМУ ВЗНОСУ.

22. 7123 года *Верхней отнѡсѣ*. — Сентября 3 въ Верхъ къ государынѣ и великой старицѣ инокѣ Марѣ Ивановнѣ въ хоромы отнесъ дьякъ Жданъ Шиповъ спицу сахару леденцу, вѣсу въ ней фунтъ 42 зол. — Окт. 1 въ хоромы иноки Марѣ Ив. въ избушку на обивку на двери и на окончины 7 арш. сукна аглинского лазаревского, 2 р. 3 ал. 2 д. — Окт. 16 въ Верхъ къ государю въ

хоромы сорокъ соболей 30 р., другой сорокъ соболей 25 р., а тѣмъ собольми государь пожаловалъ цари Висильеву царицу иноку Олену Петровну въ Новой дѣвич монастырь на новоселье. — Окт. 17 къ иноку Марѣю Ив. въ хоромы сорокъ соболей 100 р., сорокъ-80 р., сорокъ 60 р., сорокъ 50 р., сорокъ—37 р., сорокъ 30 р., а тѣ соболи посланы въ Литву преосвящ. митр. Филарету. — Окт. 20 къ иноку Марѣю Ив. въ хоромы: охобенекъ обѣрь таусинная подкладка киндякъ темносинь, нашивка тафтяная, цѣна 11 р. 30 ал.; да шуба объяръ вишнева на соболахъ, цѣна 109 р. 15 ал.—послано въ Литву къ преосвящ. митр. Филарету. На обертку на платьѣ 4½ арш. сукна пибарского зеленого, да двоимъ сумы вычюные, по 1½ р. — Ноябрь. 2 къ иноку Марѣю Ив. литру золота пряденого да литру серебра, по 6½ р., взяла Марья Головина. — Ноября 6, въ Верхъ къ иноку Марѣю Ив. пара соболей 4 р.; государыня пожаловала Орину Никитичну на новоселье. — Въ Верхъ къ государю сорокъ соболей 25 р., государь пожаловалъ князь Юрья Яншича (sic); да сорокъ соболей 20 р., государь пожаловалъ Орину Никитичну на новоселье. — Дек. 13 по приказу иноки Марѣю Ив. дано еѣ государыни жалованья крестовому пѣвчему дяку Васькѣ Максимову 2 арш. сукна аглинского багрового цѣна 1 р. 10 ал. — Генв. 9 въ Верхъ къ иноку М. И. сорокъ соболей 25 р., государыня пожаловала постельничаго и намѣстника третя Московскіе Костянт. Ив. Михалкова. — Генв. 17 къ нейже въ хоромы—одѣяло хребты песковыя поволочено зелденью тмосинною огривокъ зелденъ тмозелена, 8 р. 22 ал. — Генв. 26 снесено съ Верху медвѣдно, и въ томъ медвѣднѣ здѣлано двѣ шапки, одна *дураку* Мосягѣ, а другая *дулочкѣ*, да на прибавку пошло двѣ кошки, цѣна 4 ал. 2 д.; да двѣ прхи 6 ал. 2 д. — Марта 9, къ иноку М. И. въ хоромы взялъ Глѣбъ Ивановичъ Морозовъ 4½ арш. сукна багрецу да 5 арш. сукна багрецужъ, 10 арш. тафты широкой зеленой, а относилъ за нимъ истопникъ Сенка Михайловъ. — Марта 30 къ иноку М. И. въ хоромы боранъ синь, а пожаловала государыня тѣмъ бораномъ Марью Головину. — Апр. 3 въ Верхъ къ государю въ хоромы отнесъ дякъ Шиповъ *очки*, что въ нихъ много видитца. — Апр. 7 въ Верхъ къ иноку М. И. въ хоромы отнесъ дякъ Шиповъ шубу тафту черную подъ горностаи, цѣна 14 р. Да опашенекъ киндякъ багровъ, цѣна 1 р. 21 ал. 4 д. Длина 2 арш. безъ 2 вершковъ; въ плечехъ 1½ арш., рукава съ полустану 1½ арш., въ запястьѣ 2½ верш., въ локти 4½ вер., въ корени 6 верш., воротъ 10 верш., въ подолѣ 3 арш. 6 вер.; на немъ 33 пугвицы хамъявныя, цѣна 12 ал. 2 д. — Апр. 29 къ иноку М. И. въ хоромы полотенцо коленское 4 р. — Юня 7 къ государю

въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ трубку ямецкую, что иль не видѣть далеко. — Юля 11, къ государю въ хоромы три ожерелья бархатныхъ и отличныхъ золотныхъ съ розными шолки, по 16 ал. 4 д. ожерелье. А тѣмъ ожерелья пожаловалъ государь крайчегю Мих. Мих. Салтыкова да столыника Глѣба Иванов. Морозова, да стряпчегю Федора Мих. Толочанова. — Юля 26 къ иноку М. И. два сорока соболей по 12 р. да 10 арш. камки одамашки зеленой, по 26 ал. 4 д.; пожаловала государыня князи Дмитрей Салтаншевича да книжню его. — Августу 29 къ иноку Марѣю Ив. полотеницо кропивное шито шелкомъ лазоревымъ зеленымъ червчатымъ да вишневымъ съ золотомъ и серебромъ золоченымъ, да тѣмъ шита по отласу по червчатому золотомъ золоченымъ, что государю прислала въ поминкахъ царева мать во 123 г.

23. 124 г. Книги, а внихъ писанъ *верхней отлосъ*. — Сент. 29 государь пожаловалъ на стану на Мытищѣ села Здвиженского врьстьянина Ивашка Федорова дано ему 4 арш. безъ чети сукна настрафилю лазоревого, цѣна 2 р. съ полтиною, а пожаловалъ государь его за то, что онъ нашелъ государевъ перстень съ олмазомъ. — Сент. 30 въ хоромы иноки Марѣю Ив. пол-литры шолку рудожолтово да пол-литры шолку бѣлово 3 р.; взяла боярыня Марья Головиня. — Ноябрь. 27 государыня и в. ст. инока Марѣю Ив. пожаловала молодого подьячево Ивашка Титова, *что у мастерицъ*, дано ему вершокъ шапочной суконной аглинской 6 ал. 4 д. — Генв. 1. въ Верхъ въ мастерскую палату отпушено на *шахматные доски* аршинъ сукна настрафилю червчатого цѣна 18 алт., взялъ знаменщикъ Ивашъ Некрасовъ. — Генв. 24 въ Верхъ къ иноку Марѣю Ив. въ хоромы, 10 арш. камки адамашки червчатой по 25 алт., а тою камкою государыня пожаловала кн. Ованася Васильевича Лобанова Ростовсково племянницу. — Февр. 15 государь пожаловалъ крайчегю Мих. Мих. Салтыкова, дано ему 4 арш. сукна лундышу вишневого по рублю по 10 ал., а приказалъ государевымъ словомъ Борисъ Ив. Морозовъ. — Февр. 21 къ иноку Марѣю Ив. въ хоромы отнесъ дьякъ Жданъ Шиповъ три литры золота, одна 10 р., а двѣ по 9½ р., да полотеницо коленское 4 р., да миткали арапскіе 2 р. — Февр. 26. тудаже 3 литры золота по 10 р., да двѣ литры золота по 8 р. 3 ал. 2 д. — Марта 1. тудаже двѣ литры шелку, одна лазорева, другая зелена, по 3 р. — Мар. 7, тудаже литра шелку шемархансково, 3½ р. — Марта 11. къ государю въ *потъшную* полчетверта арш. сукна настрафилю лазоревого по полтинѣ аршинъ, взялъ *цымбальникъ* Томяло Михайловъ. — Марта 15 послано въ конюшенной приказъ на госу-

дареву аргамачью конюшню къ государынной каптавъ литра шелку чернаго $3\frac{1}{2}$ р.; $1\frac{1}{2}$ пуда бумаги хлопчатой по 4 р. пудъ, 18 арш. камки адамашки багровой по 26 ал. 4 д.; 46 ар. 2 вер. сукна лундышу черново по $1\frac{1}{2}$ р.; 10 арш. сукна настрафилю казенново черненья по 18 ал. 4 д.; да на подбивку въ каптану пошло 14 сороковъ безо шти соболей, цѣна 199 р. 18 алт. 2 д. — Марта 17, къ инокъ М. И. въ хоромы сорокъ соболей 20 р., а тѣмъ соболями государыня пожаловала князя Юрья Еншича (sic) княжню Марѳу Миханловну на новоселья, да пару соболей цѣна 2 р. — Марта 21, въ Верхъ къ государю въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ три камня *безуръ*, въсу въ нихъ 24 золотника безъ деньга цѣна 215 руб. — Марта 25 къ инокъ Марѳѣ Ив. въ хоромы отнесъ дьякъ Булгакъ Миловановъ крестъ золотъ обнизанъ жемчугомъ, что государя благословилъ печерскій архимаритъ Іакимъ во 124 г. — Апр. 3 къ инокъ Марѳѣ Ив. въ хоромы $11\frac{1}{2}$ арш. камки куфтеру тмосинего по рублю по 20 ал. по 4 д., а тою камкою государыня пожаловала царя Васильеву царицу княжню Олену Петровну. — Мая 1, къ инокъ Марѳѣ Ив. 4 арш. сукна англійсково зеленово по 29 ал. $4\frac{1}{2}$ д. а тѣмъ сукномъ государыня пожаловала Ильину дочь Судимантову да 3 арш. алтабасу полосатова по 5 р. — Инокъ М. И. въ хоромы на поклонную колодочку поларшина сукна шебедянскаго черново, 4 ал. — Мая 8, государыня и в. ст. инока Марѳа Ив. пожаловала боярыню Анну Замыцкую, дано ей пару соболей, $2\frac{1}{2}$ р. — Мая 16, отпущено въ походъ къ Троицъ Живоначальной подь образы на подстилку $2\frac{1}{2}$ арш. сукна настрафилю лазоревого по 18 ал. 4 д., взялъ крестовой дьякъ Овдѣй Васильевъ. Отпущено въ мастерскую палату на станъ въ Тавинское аршинъ 3 вер. камки адамашки червчатой 29 ал. 1 д.; государыня на изголовейцо на наволоку. — Мая 10 въ оружейной приказъ отпущена сабля булатная Тевриская, ножны хозъ черной, окова булатные цѣна 5 руб.; отнесъ молодой подъячей Семейка Костентинновъ. — Мая 29 отнесено къ государыня въ хоромы 9 арш. 3 в. отласу турецкого на червцѣ розные шолки съ золотомъ цѣна 50 р., 9 арш. отласу турецково по червчатой землѣ съ золотомъ 60 р.; 10 арш. алтабасу по серебряной землѣ по 5 р. аршинъ, 15 арш. отласу по червчатой землѣ круга и травы золоты по 5 р. арш.; 10 арш. 3 вер. отласу на зелени шолкъ алъ красно-лазоревъ мелкіе травки золоты 65 р.; косякъ отласу бурсково на червцѣ шолкъ бѣлъ жолтъ зеленъ лазоревъ круги островаты съ золотомъ, въ кругѣхъ змѣйки и древца, мѣры 9 арш. безъ чети, по 3 руб.; четыре участка серебряныхъ цѣлыхъ по 7 р. участокъ; 7 арш. объяри по серебряной землѣ травки

шолкъ зеленъ вишневъ 33 р. съ гривною; камка князьбаская на одно лицо, по ней люди стоячіе и птицы и древа и кони и головы звѣрины шолкъ алъ бѣль красновишневъ сплъ цѣнья (sic) съ золотомъ. по верхъ людей солночники, цѣна 40 р.; камка князьбаская на одно лицо по ней люди стоячіе съ саблями и съ щиты и луны и мечети на нихъ по два человекъ по угломъ я барсы и птицы и люди на слонѣхъ и сулейки, шолкъ празеленъ алъ бѣль зеленъ свѣтлозеленъ съ золотомъ, цѣна 30 р.; 14½ арш. камки адамашки жолтой по 26 ал. 4 д.; 18 арш. безъ чети камки адамашки багровой цѣна по 26 ал. 4 д.; камочка еская багрона 4 р.; двѣ камочки нѣмецкихъ по 5½ р. камочка; 10 арш. камочки князьбаской жолтой по 23 ал. 2 д., 10 арш. камки кармазину червчатого травной на одно лицо по рублю 6 ал. 4 д.; 10 арш. камки кармазину мелкотравной по рублю 6 ал. 4 д. — Мая 30, инока Марѣа Ив. пожаловала боврина князя Юрья Еяшевичу Сулешева княжню Марѣу Михайловну, дано ей онашенъ червчатъ съ круживомъ серебрянымъ пугвицы серебряны золочены елкою, цѣна 17 р., Богдановской рухляди Бѣльсково. — Юня 1 отпущено въ мастерскую полату 6 косяковъ тафтъ нѣмецкихъ розныхъ цвѣтовъ, по 2 р. съ полтиною. Въ Верхъ къ государю въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ перстень золотъ наведенъ чернью, въ немъ олмазъ четвероуголенъ, 40 рублей. — Юня 2, въ Верхъ въ хоромы иноки Марѣы Ив. 17 арш. камки адамашки лазоревой, по 30 ал.; 10 арш. тафты червчатой кармазину по рублю 11 ал. 4 д.; 8 арш. тафты жолтой широкой по 26 ал. 4 д.; 40 арш. камки адамашки червчатой по 23 ал. 2 д.; взяла Марья Головина. — Юня 6, государь пожаловалъ стольника Бориса Ив. Морозова, дано ему 10 арш. отласу кармазину червчатого, по рублю 20 ал. — Юня 8, къ инокъ М. И. въ хоромы аршинъ сукна аглицкаго вишневого 29 ал. 4½ д., взялъ истобникъ Ортемъ Спасеной, у него взяла казначея Анна Сумина. — Юня 9, государыня царева (царевна) и великая княгиня *Настасья* Ивановна всеа Русіи государыни и великой старицъ инокъ Марѣѣ Ивановнѣ на новоселья челомъ ударила два сорока соболей, одинъ 30 руб., другой 25 руб. — Юня 10, въ Вознесенской дѣвичь монастырь къ государыни и в. ст. инокъ Марѣѣ Ив. отнесъ дьякъ Жданъ Шиповъ сорокъ соболей 20 р., да 4 пары соболей по 1½ р. пара. — Юня 12, въ Верхъ къ инокъ Марѣѣ Ив. въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ запонку золоту въ ней виниса долга съ камышки изумруды цѣна 15 р.; запонка съ тумпазомъ, а около 4 винисы. 20 р.; запонка съ винисою, а около 4 зерна да 4 камышка, 8 р.; запонка съ тумпазомъ, а около 4 искорки яхонтовые червчаты 8 р., запонка съ

винисою граненою рогата 15 р., запонка съ хрусталежь рогата 10 р.; запонка съ бирюзами 6 р., 5 запонокъ маленькихъ 10 р.: да аршинъ безъ чети бархату черново 26 ал. 4 д. — Юня 14 инока Марѳа Ив. пожаловала золотную мастерицу Микитину жену Тяпина Анну дано ей 4 арш. сукна настрафилю червчатого по 21 ал. 4 д., а приказала государынинымъ словомъ казначея Анна. — Тогожь дни государь пожаловалъ боярина кн. Овонася Васильевича Лобанова Ростовсково дано ему *шлык* бархатъ венецицкой шолкъ червчатъ съ золотомъ двоєморхъ петлевать, Псковского Вора. Въ Верхъ къ инокъ Марѳѣ Ив. въ хоромы отнесъ дякъ Шиповъ четыре завязки съ ворворки шолкъ зеленъ съ золотомъ, ворворки низаны жемчугомъ, да плащи низаны жемчугомъ по отласу по таусинному; спороты съ платна Псковского Вора. Къ пей же дякъ Шиповъ отнесъ: платно бархатъ венецицкой шолкъ червчатъ съ золотомъ двоєморхъ петлевать, завязки шолкъ червчатъ съ золотомъ; а то платно государыня пожаловала боярина кн. Аѳон. Вас. Лобанова Ростовскаго за сто рублевъ, что было ему взяти на ней на государыни; а то платно прислано изъ стрѣльцекко приказу. — Юня 17, на конюшенный дворъ на обивку къ Дмитровскимъ санемъ 29 арш. алтабасу по серебряной землѣ шолкъ зеленъ червчатъ багровъ съ золотомъ, по 5 р. арш. Тогожь дни въ конюшенной приказъ 29 арш. крашенины лазеревой на подкладку въ Дмитровскіе сани по 9 ал., да на миNDERъ шесть сафьяновъ червчатыхъ по 23 ал. 2 д., взялъ миNDERной мастеръ Микитка Ивановъ. Въ Верхъ къ государю въ хоромы двѣ запоны шитые на бѣли, индѣйскіе розные шолки, по 10 р. запона, да одѣяло бархатъ алъ шито золотомъ и шолки, 20 р. — Юня 20 въ конюшенной приказъ на кровлю къ Дмитровскимъ санемъ 12 арш. бархату кизылбасково червчатого по 26 ал. 4 д.; на подкладку 12 арш. камки нѣмецкой зеленой по 20 ал. 2½ д. — Юня 26 въ мастерскую палату отпушено двои цки собольи съ рукавы, одни сто рублевъ, другіе 150 руб. Одни отпушены подъ государеву подъ русскую шубу да подъ терликъ. Память прислана Юля (sic) въ 6 числѣ, взялъ портной мастеръ Ѳеодоръ Кейковъ. — Юня 27 въ конюшенной приказъ пудъ 32 гривенки бумаги хлопчатые по 4½ р. пудъ. — Юня 28, тудаже на мѣстное изголовойцо 2 арш. бархату по серебряной землѣ шолкъ алъ, по рублю 23 ал. 2 д.; на подкладку 1½ арш. камки адамашки червчатой по 20 ал.; да пудъ бумаги хлопчатые, 4½ р.; взялъ конюхъ Илья Одинцовъ. Тудаже на скамейку 4 ар. 7 в. бархату кизылбасково червчатого гладково по 26 ал. 4 д.; да на 12 попонъ 30 арш. сукна багрецу по рублю 6 ал. 5 д. Въ Верхъ къ инокъ М. И. въ хоромы поставъ сукна

настрафилю свѣтлозеленого 22 р., взялъ истобиниѣ Жданко Мясникъ. Тудаже отнесъ дьякъ Булгакъ Миловановъ кисею цѣна 2 р.; тудаже на изголовейцо аршинъ бархату явмедково полосатого шолкъ бѣлъ зеленъ съ серебромъ, рубль. — Юля 5 на конюшню къ колымагаѣ 4½ арш. сукна багрецу моченово на теѣи и на мелкіе снасти, по рублю 5 ал. 2 д. да подѣ 12 попоѣ на подкладку 9 косяковъ тафтѣ явмедкиныхъ зеленыхъ и лазоревыхъ по 2½ р. косячекъ. — Юля 10, государь пожаловалъ бодрипа кн. Овоя. Вас. Лобанова Ростовскаго дню ему *полотеку* кисейное по немъ шито шолки въ круги разными цвѣты. Въ Верхъ къ государю въ хоромы отнесъ дьякъ Булгакъ Миловановъ тафѣйку шита по отласу по червчатому золотомъ и серебромъ водоченымъ, веревочка на прекресткахъ и кругомъ шита золотомъ приденымъ, цѣна 25 алт. — Юля 23, къ иноку Марѣѣ Ив. въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ 50 литръ золота и серебра приденого, по 6½ р. литра; да ожерелейцо нязяно по отласу по бѣлому половничатымъ жемчугомъ, счетомъ 145 жемчужинъ. — Августа 26 государыня и в. стар. инока Марѣя Ив. пожаловала бѣлую мастерицу Лукерью Хлѣбникову дано ей 5 арш. сукна настрафилю червчатого по 23 ал. 2 д., а приказала государынинымъ словомъ боярыня Марья Юрьевна Головина. Авг. 28 дано подѣ понагею, что у Благовѣщенья, что къ государю носитца, аршинъ безъ 3 вершковъ камки червчатой кармазину мелкотравной, 30 ал. съ денгою.

24. 7125 г. Верхней отнесъ. Сент. 26 въ государынины хоромы къ семерымъ дверемъ, къ пяти вставнымъ большимъ да къ шести вокнамъ да подѣ пятеры крюки и подѣ мелкое гвоздѣ на подбивку 43 арш. безъ чети сукна настрафилю червчатого, по подтинѣ аршинъ. — Окт. 10 къ иноку Марѣѣ Ив. въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ крестъ золотъ взять съ блюда изъ мошей, розымастна на двое, на одной сторонѣ Распятіе, а на другой Богоявленіе; въ главѣ червецъ кругль, у вертлюга два зернышка жемчужныхъ, около креста по бокамъ слова греческія; а въ немъ четверы моши разныхъ святыхъ, а подписи на нихъ нѣтъ. А благословила тѣмъ крестомъ государыня князь Дмитреву князю Пожарсково, какъ родила дочь Пелагью. — Окт. 15 въ Верхъ къ г. и в. с. иноку Марѣѣ Ив. въ хоромы отпушено: Покровъ — Пофнотей Боровскій, шитъ по камкѣ по вишневой, надъ главою во облацѣ Пречистая Воплощеніе, кругомъ шитъ трепарь серебромъ, подкладка киндякъ синь, недоѣланъ. Да отъ пелены шито по камкѣ по таусинной тропарь золотомъ, около словъ шито *вклопеув*. — Пелена шита по камкѣ по червчатой куфтерной Пречистая Воплощеніе, около херувими, поля камка таусинна, подкладка зеленъ тмозе-

лена. — Застѣнокъ недоѣланъ шить по камкѣ по багровой розными шолки съ золотомъ Господь Саваоѣ, царь Давидъ, царь Соломонъ Пророкъ Илья да Семіонъ Богопримецъ да Иванъ Воинникъ; около святыхъ и по краемъ шито золотомъ *вклопецъ*. — Пелена по камкѣ кармазину червчатому почета шить шолки, недоѣлано, около трепарь Богоявленію выметанъ бѣлью и почетъ шить серебромъ, подкладка крашенна. — Покровъ-благовзрній князь Гаврилъ, шить по отласу по таусинному золотомъ и серебромъ съ розными шолки, недоѣланъ. — Пелена, на ней шита Живоначальная Троица золотомъ и серебромъ съ розными шолки по отласу по таусинному. — Оплечья бархатъ вишневь, по немъ выметано бѣлью травы и узлы, около бѣды шито золотомъ, 12 дробницъ кіотцами, на нихъ рѣзаны святые; да дробницы мелкіе на нихъ рѣзаны рѣши и слова и травы, третьи дробницы лапочки, на нихъ рѣзаны травки золочены; ѣлано въ Суздаль Дѣвичъ монастырь къ преподобной Евфросиніи; подкладка киндякъ синь. — Оплечья по бархату по черному низано середнимъ жемчюгомъ листочки, большой жемчюгъ и дробницы сняты, около жемчюгу веревочка золото приѣное. — Окт. 21 въ Верхъ къ государю въ хоромы отнесъ діакъ Жданъ Шиповъ птицу гамаюнь. — Окт. 25 отпушено въ Вознесенской монастырь къ иноку Марѣѣ Ив. въ хоромы на книгу на молитовникъ доскутъ сафьяну 6 ал. 4 д., взялъ старецъ Іосифъ. — Окт. 30 къ иноку М. И. въ хоромы отпушено книга печатная въ дестъ Василя Кисарейского обочена въ кожѣ въ борамъ да Псалтырь писменная съ слѣдованьемъ, обочена сафьяномъ синимъ. — Окт. 31 государь пожаловалъ стольниковъ Борнса да Глѣба Ивановичевъ Морозовыхъ — по 10 арш. камки кармазину червчатого по рублю арш., а пожаловалъ государь ихъ, какъ государь былъ и государня въ Казнѣ. — Декабря 15 дано государева жалованья *кадашевской болыи* Аннѣ Замыцкой на опашень 4½ арш. сукна фрясково черново по 2 р. арш. — Къ иноку Марѣѣ Ив. въ хоромы отпушено (между прочимъ): Покровъ Іоны митрополита камка куфтеръ багрова, около шить тропарь: „ото юности своа“ серебромъ, образъ его назнаменень бѣдильи, подкладка холстъ бѣлъ. Покровъ бархатъ червчатъ по полямъ шито серебромъ, около слова: „покоини каа житейская пища печали пребываетъ не причастна“. — Дек. 16 къ государю въ хоромы сорокъ сободей 40 р., а тѣ сободы государь пожаловалъ царя Васильевъ царичѣ княинѣ Марѣѣ Петровнѣ на новоселье, что въ Кремлѣ городѣ. Относилъ стольникъ Ив. Ив. Ромодановской. — Февр. 15 послано въ мастерскую полату къ иноку Марѣѣ Ив. на постели и на изголовенцо на яволоки два киндяка тмосинихъ по 26 ал. 4 д. киндякъ. — Мар-

та 17 въ Вознесенской монастырь къ иноку Марѣю Ив. отнесъ діалъ Шиповъ: запона золота въ ней 73 алмаза, у ней три зерна висачихъ на спиѣхъ цѣна 400 р. — Запона золота, въ ней 76 алмазовъ цѣна 500 р., у ней внизу три зерна висачихъ на спиѣхъ, назади у запоны наведено розными финиѣты кіотцомъ. — Запона золота съ розными финиѣты, въ ней въ середнѣи хонть лазоревъ граневъ да 6 хонтовъ червчатыхъ, 4 изумруда, 22 хонта лазоревы; у ней 3 зерна висачихъ на спиѣхъ назади запона сдѣлана полаткою съ розными финиѣты, цѣна 100 р. — Запона золота, а въ ней алмазъ большой, да 19 алмазовъ середнихъ, да хонть червчатъ съ московку, да 53 хонта червчатыхъ меншихъ; въ середнѣи сдѣлано кіотомъ, а въ ней жена стоитъ выплечася, у ней въ правой рукѣ травка, на лѣвой рукѣ младенецъ, а другой младенецъ подгѣ еѣ стоитъ прагою рукою вверхъ подниавъ, а другую назади загнувъ, наведено финиѣты; у ней зерно висачее велико на спиѣ да у плечъ два зерна на запоиѣ. Отписной казны, что отписаво у боярина у ки. Бориса Мих. Лыкова съ товарищи. — Марта 22 инока Марѣя Ив. пожаловала старцу Феодилу дано еѣ рукавъ бѣлей хребтовой цѣна 2 гривны. — Апр. 10 государь пожаловалъ духовника своего благовѣщенскаго протопопа Кирила — зуѣ ангурская свѣтлобагорова цѣна 7 р., за то, что онъ чель на стояніе Похвалы Преч. Богородицы икосы. — Апр. 20 къ государю въ хоромы 10 арш. отласу червчатого гладкого кармазину по 23 ал. 2 д. арш.; а пожаловалъ государь тѣмъ отласомъ боярина Ивана Никитича дочеръ Парасковью. — Апр. 29 къ иноку Марѣю Ив. 12 арш. камки черной чешуйчатой по 26 ал. 4 д.; а пожаловала государыня тою камкою царя Васильеву царицу княжню Олену Петровну. — Юля 31 въ серебряную полату подъ образъ св. апостола Архипа на подкладку 7 вер. камки адамашки червчатой по 26 ал. 4 д. арш.; взялъ серебряной мастеръ Данилко Степановъ. Приказала инока Марѣя Ив. своимъ словомъ крайчечу Мих. Мих. Салтыкову. — Авг. 25 къ иноку Марѣю Ив. въ Вознесенской м. отнесъ дьякъ Шиповъ: *Застынокъ* Пречистые Умиленіе, окладъ и вѣнецъ сканной съ красками истрапез (sic); середина камка червчатая, поля камка адамашка таусинна; около середины и поль круживо шито золотомъ пряденымъ, жемчугъ спороть, подкладка тафта шамская червчатая. — *Поля* отъ пелены камка таусинна, по ней шиты слова золотомъ пряденымъ, тропарь и кондакъ Успенію Преч. Богородицѣ, около словъ шито золотомъ *вклопецъ*, подкладка зендѣя зелена. Принесено отъ г. и в. стар. иноки Марѣя Ив.: *застынокъ* середина камка адамашка червчатая, на ней шиты слова серебряномъ, Пречистые Воротынского; 16 кіотцовъ круглыхъ, на нихъ свя-

тые наведены чернью; да 30 дробницъ серебряныхъ сканныхъ рзаны на проемъ; поля камка адамашка таусинна; около середины и поль шито золотомъ *въ петлю*; по немъ низано жемчугомъ середнимъ; вверху меншіе дробницы нѣтъ; подкладка тафта бурская червчата ветха. *Застылокъ* Пречистые *Рублева* писма, на немъ 20 кіотцовъ серебряныхъ на нихъ рзаны святые наведены чернью; да 40 дробницъ троеугольныхъ рзаны на проемъ, наведены финифтомъ; середина камка кармазинъ червчата, поля камка таусинна; около кіотцовъ и дробницъ низано жемчугомъ середнимъ; около середины и поль шито золотомъ *въ петлю*. *Застылокъ* Пречистые князя Васильевского Гагина, середина камка кармазинъ червчата, 16 кіотцовъ круглыхъ, на нихъ рзаны святые; да 37 дробницъ сканныхъ; поля камка таусинна, около кіотцовъ и дробницъ низано жемчугомъ середнимъ, около середины и поль шито золотомъ *въ петлю*; по немъ низано жемчугомъ, подкладка тафта бурская червчата избилась. *Застылокъ* Благовѣщеніе Сценіевскаго, на немъ 16 кіотцовъ серебряныхъ на нихъ наведены святые чернью, мелкіе дробницы всѣ цѣлы. Середина камка кармазинъ червчата, поля камка таусинна, около середины и поль шито золотомъ *въ петлю* низано жемчугомъ, подкладка тафта червчата избилась. *Застылокъ* Пречистые милостивые Куртагинскіе....

25. 133 г. Книги, а въ нихъ писанъ *верхней отмосъ*, что отпущаетца къ государю ц. и в. к. Михаилу Федоровичу в. р. въ хоромы, и что отпущено къ его царской радости и къ великой государниѣ въ новыя хоромы и къ великой государниѣ старицѣ иноцѣ Марѣѣ Ивановнѣ и къ постельничему къ Костянтину Михалкову и къ боярынь къ Марѣѣ Головиннѣ и въ мастерскую Полату 133 да по 134 годъ.

Сент. 9 къ государевѣ радости отпущено въ Верхъ въ мастер. Полату бархатъ турецкой золотной по червчатой землѣ, въ мѣрѣ 10 арш. безъ чети, цѣна 120 р.; бархатъ золотной по червчатой землѣ 10 ар. 100 руб.; отласъ по бѣлой землѣ травы золоты 9¼ арш. 45 р.; отласъ турецкой по червчатой землѣ круги золоты островаты 40 руб.—Тогожъ дни къ государевой къ его царской радости отпущено къ в. государниѣ иноцѣ старицѣ Марѣѣ Ивановнѣ въ Вознесенской дѣвичь монастырь 20 арш. отласу жолтого по 31 ал. 4 д. аршинъ; 20 арш. отласу бѣлого по 27 алт. по 5 д.; 20 арш. отласу пеннинного по 31 алт. 4 д.; 10 арш. отласу малинового по 31 алт. 4 д.; 10 арш. отласу темноолаго по 43 алт. по 4¼ д.; 10 арш. отласу алаго нѣмецкаго по 31 алт. 4 д.; 10 арш. отласу красноолаго по 43 алт. 4¼ д.; 10 арш. отласу зеленого по 31 алт. 4 д.; 10 арш. отласу свѣтлозеленого по 26 алт. 4 д.; камки *нуотери червчатого травного на одно*

липо по 35 ал.; 10 арш. камки кармазину мелко травного по рублю; 10 арш. камки куестерю червчатого по рублю; 10 арш. камки куестерю желтого по 26 алт. 4 д.; 10 арш. камки куестерю травной свѣтло зеленой на одно лицо по 35 алт.; 10 арш. камки куестерю рудожелтого на одно лицо по рублю; 10 арш. камки адамашки травной двослнчичной шолкъ червчатъ да жолтъ по 26 алт. по 4 д.; 10 арш. тафты виницѣйки зеленой по 25 ал.; 10 арш. тафты виницѣйки жолтой по 24 ал.; 10 арш. тафты кармазину червчатого по рублю; 10 арш. тафты виницѣйки алой по 31 ал. 4 д.; 10 арш. тафты виницѣйки свѣтло зеленой по 21 ал. 4 д.; отнесъ дякъ Жданъ Шиповъ. — Сент. 10 въ Вознесенской дѣвичь монастырь къ г. и в. старицѣ ннокѣ Марѣ Ивановѣ отнесъ дякъ Жданъ Шиповъ серебра волоченого золоченого 99 золот., цѣна турецкая 13 р. 17 ал. 3 д. — Тогожъ дни въ Мастер. Полату отпушено на шубу русскую 10 арш. безъ чети бархату по червчатой землѣ золото съ серебромъ, цѣна 110 р. — Сент. 11 въ Верхъ къ бояринѣ къ Марѣ Головиной отпушено полсунта бумага хлопчатой битой 2 ал. 3 д.

Сент. 13 къ его царской радости, къ двумъ свѣчамъ сдѣланы кошелки въ бархатъ золотномъ, по немъ травы шолкъ червчатъ, пошло аршинъ — 5 р.; да къ тѣмъ же кошелкамъ на шлем товожъ бархату пошло 3 арш. безъ чети; на подкладку подъ кошелки пошло 2 арш. безъ чети киндяку свѣтлозеленого по 3 ал. по 2 д.; да къ кошелкамъ же на круги пошло четь арш. сукна кострышу червчатого 6 ал. 4 д.; къ шлямъ на подкладку пошло 12 арш. покроей по 3 д. — А государеву свѣчу несли стольники Мих. Вас. Олферьевъ, да Вас. Ив. Стрѣшневъ. А государынину свѣчу несли стряпчие Ив. Вас. Олферьевъ да Ив. Петр. Чихачовъ. Фонарь несли надъ государевою свѣчею Дмитрей Баймовъ Воейковъ да Нефедъ Кузинъ сынъ Мининъ; а другой фонарь несли Федоръ Андреевъ Олябевъ да Мих. Ив. Ларионовъ. — Тогожъ дни къ государевъ радости скроенъ терликъ въ плати въ отласъ крымскомъ по червчатой землѣ круги золоты въ цвѣтахъ шолкъ бѣлъ до рудожолтъ, 8 р., — а старой верхъ олтабасной съ того терлика снять и положенъ въ казну.

Сент. 16 въ Шатерной Приказъ къ его царской радости на полавочники 19½ арш. бархату травного по серебряной землѣ травы шолкъ алъ, по 60 ал.; да 51 арш. 5 в. бархату травного по бѣлой землѣ травы шолкъ черлень, по 2 р.; 9 арш. безъ 2 вер. бархату по бѣлой землѣ травы шолкъ червчатъ, по 2 р. съ полтнюю; 22 арш. бархату по серебряной землѣ травы шолкъ черлень, по 2 р. съ полтнюю; взялъ Шатерничей Савинъ Обрютинъ. — Тогожъ дни отпушено къ государю въ хоромы брусъ мыла гретцкого, 2 ал. 4 д.; взялъ пѣвчей дякъ Вас.

Семеновъ. Въ Верхъ къ постельничему къ Костянтину Михалкову отпушено $12\frac{1}{2}$ пудъ бумаги хлопчатой битой по 4 р. пудъ. — Въ Шатерной Приказъ 20 зол. шолку рясого червчатого, по 6 д. зол., а шить тѣмъ шолкомъ государевы бархатные полавочники; да на подкладку подъ полавочники 11 киндяковъ жолтыхъ по 23 ал. 2 д; взялъ Степанъ шатерникъ. — Въ Верхъ къ государю въ хоромы отнесъ дѣякъ Жданъ Шиповъ на *одѣяло* отгласъ турецкой двойной золото съ серебромъ, цѣна турецкая 75 р., а московская 100 р.; соболей пошло въ исподъ четыре сорока, по 100 р. сорокъ; да на опушку казенныхъ бобровъ пошло 2 бобра, по 4 р. 10 д.; да 2 бобра черныхъ по 8 р.; взяты изъ ряду. — Отпущена въ Верхъ къ государю въ хоромы *пелена* низана жемчюгомъ дробницы круглыя на нихъ чеканены святые, а въ крестѣ и по полемъ дробницы сканые съ финифты позолочены; отнята отъ пречистыя Богородицы Владимирской, а приложена та пелена ко Пречистой Богородицѣ Барловской; взялъ крестовой дѣякъ Ив. Семеновъ. — Въ государынины въ новыя хоромы на двери и на окна отпушена половинка сукна багрецу червчатого въ мѣрѣ $19\frac{1}{2}$ арш., 20 р.; да въ прибавку 10 арш. сукна по 36 ал. 4 д.; да 9 юфтей сафьяновъ черленыхъ по 26 ал. 4 д.; да 3 барана черленыхъ 16 ал.; взяты изъ ряду. — По памяти за печатми шатерничихъ Савина Обрютина да Олексѣя Карбышева отпушено въ шатерной приказъ на шесть зголовець да на полуторной столъ $11\frac{1}{2}$ арш. сукна багрецу червчатого, по 40 ал.

Сент. 17 къ государеву *спиннику* на дверь $3\frac{1}{2}$ арш. сукна багрецу червчатого по 2 р. — Въ Верхъ въ государынины въ новыя хоромы на обтирку аршинъ сукна лятчины лазоревой 8 ал. 2 д., взялъ истопникъ Проня Ушаковъ. — Отпущено въ государевъ *спинникъ* для его царской радости 4 сорока соболей по 20 р.; и тѣ сороки отнесены къ государынѣ в. стар. инокъ Марѣ Ив. въ монастырь. — Въ Коношенный приказъ на государевъ приступъ пол-сема арш. бархату червчатого гладкого по $2\frac{1}{2}$ р.; да государынины колымаги на завѣспы 12 арш. тафты виницѣйки жолтой по 24 ал.; да государынной колымаги на огиби на подушечки $3\frac{1}{2}$ ар. тафты виницѣйки червчатой кармазину, по рублю. Въ Верхъ въ мастер. полату на государево меншое *одѣяло* 6 арш. отгласу золотного по черленой землѣ, по 6 р.; въ подкройку пошло двои цки соболя пупчатые одинъ съ рукавы, а другіе безъ рукавъ, 48 р.; да на опушку пошло пола да два рукава горносталя, 5 р. 19 ал. 1 д.; взяты изъ подъ навѣса. *Одѣяльцо* взялъ постельничей Кост. Михалковъ. — Сент. 16 къ государской радости отпушено въ коношенной приказъ два ковра золотныхъ, одинъ ковер-

чать, а другой бархатной съ розными шолки и съ серебромъ; напущены у одного шолкъ зеленъ съ золотомъ, а у другого кисти золото и серебро съ розными шолки; одному цѣна 40 руб.; а другому 100 рублей.

Сент. 18 въ государеву въ новую мыленку къ дверемъ и къ окнамъ и подъ крюки и подъ жиковныи 12 ар. сукна настрафилю червчатого, по полтинъ; взялъ плотникъ дворцовой Гаяка Степановъ. — Скроено къ носиламъ коровайнымъ 8 шлей въ участкѣ золотномъ, по немъ травы шелкъ черленъ, пошло 6 ар. 1 в., по 6 р.; да на подкладку подъ шлеи пошла кожа сыромятная цѣлая 30 ал., да 24 арш. покромеи, по 4 д.; длина всѣмъ шлеямъ 24 аршина. Да къ тѣмъ же шлеямъ сдѣлано 8 пражъ желѣзныхъ посеребренны, цѣна рубль 8 ал. Да на короваи пошло 50 пенезей большихъ серебряны позолочены, взяты изъ серебряного приказа. А короваи государевъ несли кн. Федоръ да кн. Петръ князь Федоровы дѣти Волконскіе; Осипъ да Иванъ Ивановы дѣти Чемадановы. А государынии короваи несли Богданъ Мусинъ, Юрьи да Степанъ Телепиевы. — Тогожъ дни на государево и государыни ц. и в. к. Марьи Володимировны на *обручальное мѣсто* пошло 22 арш. бархату кармазину черленомъ по рублю 26 ал. 4 д.; да на приступъ къ томужъ обручальному мѣсту бархату нѣмецкого черленого гладкогожъ 8½ ар. по 40 ал.; да къ двумъ коровайнымъ носиламъ на ручки бархату червчатого гладкого кармазину 3 арш. по 1 р. 26 ал. 4 д. — А обручальныя свѣчи неси Микита Федоровъ сынъ Шушеринъ; а съ богоявленскою свѣчею шолъ Илья Кузминъ сынъ Безобразовъ. Тогожъ дни къ его царской радости на осыпало пошло 3 участка по серебряной землѣ, по 8 р. участокъ; а вымѣрено изъ нихъ 54 лоскута; да двжды по тридевять соболей, итого 54 соболя, 28 р. съ полтиною; да двжды по тридевять бѣлки илѣти, итого 54 бѣлки по 6 денегъ бѣлка; да двжды по девяти золотыхъ угорскихъ, итого 18 золотыхъ, по 30 алт. золотой (золотые взяты съ Денежнаго двора); да тридцать маковницъ, цѣна 10 денегъ; да гривенка хмелю 4 д.; да двжды по 18 пенезей серебряныхъ позолочены; пенези взяты отъ государыни изъ монастыря. Отпущено въ хоромы. — Тогожъ дни на государево и в. государыни ц. и в. к. Марьи Волод. подножейцо 6 арш. камки куфтеру червчатого, по рублю; да сорокъ соболей 30 р. А пожаловалъ государь тою камкою и соболями протопопу Максима. — Тогожъ дни отпущено въ Верхъ къ государю въ хоромы 45 арш. отласу червчатого, по рублю. А сланъ тотъ отласъ передъ государемъ по пути и государь пожаловалъ тѣмъ отласомъ стольниковъ и страдчихъ, которые передъ государемъ ѣдутъ слани,

Петра Микитина сына Измайлова, Ондreja Ив. Чепчюгова, Ив. Ив. Карамышева, страпчихъ кн. Дмитрея князь Олександрова Ростовского, Ивана Озѣва сына Олупхтина, Михаиля Ефимова Телепнева. — Въ государеву новую избушечку на двери и на окна 9 арш. сукна настраѣлю червчатого по 16 ал. 4 д. — Въ Грановитую Полату на окна 12 арш. сукна багрецу червчатого по 36 ал. 4 д.; 12 арш. сукна аглинского черленого по 20 ал.

Сент. 20 въ Верхъ къ государыни ц. и в. к. Марьѣ Волод. три пары соболей, двѣ пары по 3 р., пара 3 р. съ полтиною: да три золотыхъ угорскихъ по 30 ал. золотой. — Сент. 22 послѣ государевой радости въ третій день въ среду у государя отецъ его и богомолецъ великій государь свят. патриархъ Филаретъ Никитичъ москов. и в. р. въ Грановитой Полатѣ ѣлъ и послѣ стола в. государь... отца своего... дарилъ для своей царской радости. А рѣчь говорилъ и дары являлъ дѣякъ Жданъ Шиповъ, а рѣчь была такова: А великій государь святѣйшій Филаретъ Никитичъ Божіею милостію патриархъ московскій и всеа Русіи! По милости Божіи и по твоему в. г. отца нашего благословенію сынъ твой в. г. ц. и в. к. Михаило Федоровичъ всеа Русіи сочеталъ законнымъ бракомъ и на своей царской и пресвѣтлой радости и дарить тебя в. г. отца своего и богомольца: кубокъ серебрянъ золоченъ съ покрышкою на достоканное дѣло... вѣсу 7 гривенокъ 36 зол., по 5 р. гривенка. Кубокъ серебрянъ золоч. съ покрышкою... вѣсу 4 гривенки 18½ зол. — Кубокъ... вѣсу 4 гривенки. Отгласъ золотной турецкой 60 р.; 10 арш. бархату черного по рублю по 23 ал. 2 д.; 10 арш. бархату багроваго, по 1¼ р.; 10 арш. бархату лазоревого, по рублю; 10 арш. отгласу вишневого, по 31 ал. 4 д.; 10 арш. отгласу зеленого, по 31 ал. 4 д.; 10 арш. камки багровой по 35 ал.; камка кизылбашская 6 р.; 10 арш. камки адамашки двоеличной по 23 ал. 2 д., 10 арш. камки адамашки свѣтлозеленой по 23 ал. 2 д.; 12 арш. обьяри лазоревой, по рублю; дороги кашанскіе свѣтлозелены 3 р. 20 ал.; сорокъ соболей 65 р., сорокъ соболей 60 р., сорокъ соболей 40 р. — Сент. 23 отпушено въ Сергіевской походъ къ государевымъ образомъ на простилги 3 арш. сукна латчины лазоревой, по 8 ал. 2 д., взялъ крестовой дѣякъ Вас. Семіоновъ. — Сент. 24 на государевъ обиходъ (къ погребному ключнику Офанасью Родіонову) пудъ бумаги хлопчатые на свѣтила въ свѣчи вошаные цѣна 4 р.

Сент. 28 въ Верхъ къ государю въ хоромы отпушенъ образъ Живоначальныя Троицы окладъ серебряной золоченъ на поляхъ преподобныя Сергей да Никонъ, въ вѣнцахъ у Троицы 5 изумрудцовъ да 4

ладки; на поляхъ 6 пупышковъ рѣзныхъ; кольцо серебряно золочено; подкладка камка адаманшка свѣтлозелена мелкотравная. Да крестъ золотъ съ мошнѣ обнизанъ жемчужомъ въ одну веревочку; въ немъ во главѣ камень изумрудъ да 4 зерна гурмыскіе; на крестѣ Распятію лѣтое да два лада да два яхонта лазоревы. А въ немъ мошнѣ по подписи: древо животворишее, мошнѣ Ивана Предотечи, м. Іакова Перскаго, м. мученика Прова, м. архидіакона Стефана, м. муч. Артемія, м. преп. Стефана Новаго, м. Павла Исповѣдника, м. муч. Еустратія, м. муч. Ивана Новаго. На крестѣ сорочка бархитъ червчатъ. Крестъ и около креста веревочка низаны жемчужомъ крупнымъ; трость и копіе жемчужъ средней; подпись мелкой жемчужъ. У сорочки жъ два клыпшишка обшиты золотомъ волоченымъ. А благословилъ тѣмъ образомъ и крестомъ в. государя послѣ его царской радости въ третей день отецъ его и богомолецъ в. г. свят. патр. Филаретъ Никитичъ моск. и в. р. Образъ и крестъ взялъ крестовой дьякъ Иванъ Семеновъ.

Сент. 30, въ Верхъ къ государю въ хоромы отнесъ дѣлякъ Жданъ Шиповъ судки столовые серебряные; по вѣнцомъ у кровель и у подороговъ по краемъ и подъ лузамъ и кружечкѣ и каемкѣ и птички рѣзные золочены; у руковедей на узлу по лепестку лѣтой золоченой; у солонки повыше стоянца подъ лузомъ два релья дорожчаты на кровляхъ у судковъ и у солонки и у перешняцы по маковкѣ чешуйчатой золоченой; у вѣка по краю дорожчато золочено; по срединѣ вѣка столбикъ, на немъ кольцо. Вѣсу въ судкахъ и съ вѣкомъ 6 гривенокъ, по 5 р. гривенка. 5 блюду сереб. золоченыхъ на оба лица 21½ гривенка; шесть блюду маленькихъ глубокихъ, сереб. золоч. 5 гривенокъ 43 зол. — Лоханъ сербр. золоч. угольчата, 21 грив.; рукомоѣникъ чеканной, 7 грив. 6 зол.; лоханъ сереб. золоч. 15 грив. 19 зол. (по 5 р. гривенка у всѣхъ предыдущихъ); рукомоѣникъ сереб. золоч. чеканной, 8 грив., по 5 р. гривенка. — Ноября 4, въ Верхъ къ государю въ хоромы 5 арш. сукна лундышу вишневаго по рублю по 26 ал. 4 д., а пожаловалъ государь тѣмъ сукномъ князь Василья Долгоруково. — Отпущено къ г. парицѣ и в. к. Марѣ Волод. кистя тонкая, 5 р.; поллитры золота 3 р. 4 ал. 1 д.; 87 зол. шолку бурского всякихъ цвѣтовъ, по 8 д. золот.; взялъ князь Богданъ Долгоруково. — Ноября 12, къ парицѣ Марѣ Волод. отпущено къ новой избушечкѣ на дверь да на окна да подъ крюки 6½ арш. сукна настрафилю червчатого по 16 ал. 4 д. — Ноября 14, въ Верхъ къ г. парицѣ отпущено 54 портища тафтъ вьяницѣекъ широкихъ розныхъ цвѣтовъ по 5 арш. въ портищѣ, четырнадцать по 26 ал. 4 д.;

сорокъ портищъ по 21 ал. 4 д.; шесть косячковъ тафтъ нѣмецкихъ зеленыхъ по 60 ал. — Въ Вознесенской монастырь къ г. и вел. стар. инокъ Марейъ Ив. отпушено 10 арш. камки кармазину червчатого мелкотравного по 26 ал. 4 д.; 19 портищъ камокъ адамашекъ розныхъ цвѣтовъ по 10 арш. въ портищъ, по 21 ал. 4 д.; 37 портищъ тафтъ внищѣекъ розныхъ цвѣтовъ по 5 арш. въ портищъ, по 21 ал. 4 д., два портища тафты кармазину червчатого по 5 арш., по 26 ал. 4 д.; два портища камки куфтеру желтого по 10 арш., по 28 ал. 2 д. — Дек. 9, въ Верхъ къ царицѣ отпушено полтора аршина бархату травного по зеленой землѣ травы шелкъ чернѣ, по рублю арш.; приняла боярыня Татьяна Степановна Долгоруково. — Дек. 11, въ Верхъ къ царицѣ М. В. въ хоромы два участка двойныхъ золотные по зеленой землѣ, по 14 р.; два участка двойныхъ золото съ серебромъ, 26 р.; кафтанъ по червчатой землѣ круги золоты въ разводѣ шолки розныя 12 р.; приняла боярыня Татьяна Степановна Долгоруково да казначея Варвара Уиковскова. — Дек. 14, къ в. г. свят. патр. Филарету Никитичу — отпушено два зуба рыба доброй кости шадрую вѣсу 3 ф. 85 зол. по рублю фунтъ. А дѣлать въ той кости у списковъ харатейныхъ наконечники. — Дек. 18 къ государю въ хоромы отнесъ дьякъ Булгакъ Миловановъ: пѣтушекъ да склышку деревяную круглую, въ ней подъ стекломъ мужикъ съ женкою, склышкѣ цѣна 10 алт.; а пѣтушкомъ государю челомъ ударилъ Михайло Смываловъ. — Дек. 27, въ Верхъ къ государю въ хоромы 10 паръ соболей по 3 р. пара; а даны тѣ пары государева жалованья государыни и в. старицы иноки Марейъ Ив. десяти старицамъ крылошанкамъ за славлене. Дек. 28 въ Вознес. м. къ в. старицѣ инокъ Марейъ Ив. отнесъ дьякъ Жданъ Шиповъ сто золотниковъ пелепелковъ бѣлыхъ, 200 золотниковъ пелепелковъ золоченыхъ по 5 алт. золотникъ.

Генв. 7, отпушено на преставленіе государыни царицы и в. к. Марьи Володимеровны аршинъ шесть вершковъ камки куфтеру бѣлого, по 40 алт.; взялъ дьякъ Сурьянинъ Торокановъ. — Генв. 9, въ Вознесенской м. государыни царицѣ и в. к. Марьѣ Волод. на гробницу подъ покровецъ 4 арш. сукна багрецу по 40 ал. — Генв. 12, въ конюшенной приказъ на иналцовскіе сани на подбивку 15 арш. отласу червчатого, по рублю; на кровдю 6 арш. сукна багрецу червчатого по 60 алт. — Генв. 13, на гробъ царицы М. В., отпушено аршинъ сукна аглинского червчатого, рубль; взялъ крестовой дьякъ Васил. Семеновъ, приказалъ кн. Богданъ Долгоруково.

Февр. 28, къ в. г. свят. патр. Филарету Никитичу 10 арш. сукна аглинского да кострышу темносинего меншіе земли, по 20 ал.; а

быть тому сукну у патр. Ф. Н. въ крестовой палатѣ на двери и на окнахъ, какъ бывають при немъ государѣ нине земли власти. — Марта 27, къ свят. патр. Филарету Никит. отпушено на Господлю срачицу, что прислако отъ Шах-аббаса аршинъ съ вершкомъ камочки кизылбаской 2 р. съ полтиною. — Марта 31, въ Вознесенской м. къ иноку Марѣѣ Ив. отпушено 7 кистей шолковыя съ золотомъ по 5 ал. 2 д.; 16 кистей шолковыхъ розиниъ цвѣтомъ по 8 д. — Къ в. г. свят. патр. Фил. Ник. отпушена миса ценниная большая 13 ал. 2. д.; два блюда ценниныхъ, по 6 ал. 4 д.; 5 чашъ середнихъ ценниныхъ по 5 ал.; три тарели ценниныхъ по 3 ал. 2 д.; а присланы тѣ суды къ государю въ дарехъ отъ кизылбаскаго отъ Шах-Аббаса. — Апр. 3, въ Вознесенской м. къ г. и в. старицѣ иноку Марѣѣ Ив. 10 арш. камки куфтеру жолтого по 31 ал. 4 д.; аршинъ участку двойного золото съ серебромъ 7 р.; застѣнокъ, на середниъ подпись: „сїи застѣнокъ Преч. Богородицы Умиленіе на празелени Борисоглѣбской съ Устья“; середина камка кармазинъ, поля камка таусинна; около пелены и середины камка золотая по ней низано жемчугомъ мелкимъ; на ней 14 дробницъ круглыхъ золоченыхъ, на нихъ рѣзаны святые, а другіе дробницы мелкіе басмянные; подложена тафтою бурскою червчатою. А дѣлать въ томъ застѣнкѣ г. царицѣ и в. к. Марѣѣ Волод. на гробъ пелена. — Апр. 9, въ Верхъ въ мастерскую палату отпушено 3 арш. сукна лятчины лазеревой по 7 алт., а обтирать тѣмъ сукномъ царицны хоромы. — Апр. 15, въ Верхъ къ государю въ хоромы отпушена губка грецкая да щотка да брусикъ мыльца грецкого, цѣна всему 7 алт.; чистить образы, взялъ крестовый дьякъ Яковъ Дмитреевъ. — Тогожъ дни къ г. и в. старицѣ иноку Марѣѣ Ив. отпушенъ застѣнокъ, середина камка кармазинъ, поля низаны жемчугомъ мелкимъ по таусинной камкѣ; около середины и подъ круживо шито золотомъ дробницы большіе круглые золочены на нихъ рѣзаны святые, а мелкіе басмянные золочены; на середниъ шита подпись: „сїи застѣнокъ Пречистыя на престоля со младенцомъ передъ нею два преподобныхъ“; подложена тафтою черленою шамскою. Взялъ истопникъ Рюма. — Апр. 29, въ Верхъ къ боярыниъ къ Марѣѣ Головиной ансырь шолку черного ряского, 2 р., взялъ свѣтличной сторожъ Оеонка Харитоновъ. — Мая 18, въ Вознес. м. къ госуд. и в. старицѣ иноку Марѣѣ Иван. отнесъ дьякъ Булгакъ Миловановъ жемчугу 134 зерна скатныхъ по 2 р. съ полтиною зерно, — 335 р.; 91 зерно по 2 р.; 599 зеренъ по 30 ал. 2 д., — 539 р. 3 ал. 2 д.; — 550 зеренъ по 7 алт. 3 д. зерно; 900 зеренъ по 4 алт. зерно; 1468 зеренъ по 3 ал. 2 д.; 622 зерна по 2 алт.; 1713 зеренъ по 10

денегъ; всего 6077 зеренъ, а денегъ за нихъ 1557 р. 20 алт. 4 д.; купленъ у аглинского гостя у Тамоса Рыцерева. — Юня 8, въ Троецкомъ походѣ вышло на Господню срачицу четверть аршина бархату черленого гладкого, 16 ал. 4 д. — Юля 29 въ Вознес. м. къ г. и в. стар. ин. Марейъ Ив. отнесъ дьякъ Булгакъ Миловановъ судовъ пениныхъ: двѣ чашки глубокихъ среднихъ по 5 алт.; 6 чашекъ поменши по 3 алт. 2 д.; 5 чашекъ маленькихъ по 10 д.; три блюда среднихъ по 6 ал. 4 д.; 4 блюдечка маленькихъ по 3 ал. 2 д.; двѣ чары большихъ по 10 алт. — Авг. 13, въ мастер. палату 7 арш. сукна черленого гранату, парьянъ тожь, цѣна турецкая по 3 р. съ полтиною, а московская по 2 р. съ полтиною. — Авг. 17, въ Вознес. м. къ инокъ Марейъ Ив. 4 литры золота по 7 р., да литра шолку шемоханскаго, 2 р. 10 алт.; приняла старица Олена Языкова. — Авг. 24, туда же отпущено на полену подъ низанье 10 верш. отласу зеленого, 18 алт. 5 д.

26. Книги, а въ нихъ писанъ *сержлей отласъ*. 134 г. окт. 11, отпущено въ Верхъ къ государевымъ *аршамъ* аршинъ 2 вер. дороговъ черленыхъ глянскихъ 10 ал.; взялъ потѣшной сторожъ Патрекейка Лукьяновъ. — Окт. 18, крестовой дьякъ Иванъ Семіоновъ взялъ книгу харатейную, въ ней писано Правила апостольскія въ доскахъ въ десть. — Окт. 21, въ Вознес. м. къ инокъ Марейъ Ив. 50 литръ золота и серебра по 7 р. литра. — Ноября 6, въ Верхъ къ государю въ хоромы отпущенъ орѣхъ индѣйской; взялъ Борисъ Иван. Морозовъ, а другой орѣхъ индѣйской государь велѣлъ розбить предъ собою. — Дек. 31, въ Вознесенскій м., къ инокъ Марейъ Ив. отпущено пол-сема аршина камня кустерю таусинного по 30 алт., да на подкладку зедець дымчата 16 ал. 4 д.; а шить на той камкѣ покровъ на Максима Христа ради уродивого, что на Варварскомъ крестцѣ, покровъ. — Генв. 3, въ Верхъ ко княгинѣ Овдотѣ Коркодиновой 3 арш. княдику темносинего по 3 ал. 2 д. — Генв. 20, отпущено въ Большой дворець ко кн. Олексѣю Мих. Львову 11 паръ соболей по 3 р. пара, да 11 кунницъ по 11 ал. кунница, а пожаловалъ государь тѣми собольми и кунницами иноки Марейъ Ив. крылошанокъ старица за рождественское славенье. — Генв. 28, изъ Вознесенскаго м. отъ в. г. иноки Марейъ Ив. принесенъ подкладывать покровъ Максима Блаженнаго шитой старой, пошло тафты виницѣйки черленой 3 арш. 1 вер. по 23 ал. 2 д. — Генваря въ 31 день великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіа, къ его царской радости изошло на *осыпало* три участка по серебряной землѣ травы золотыне, цѣна по четырнадцати рублевъ участокъ, а вымѣрено изъ

нихъ пятьдесятъ четыре доскута. — Февраля въ 5 день въ Верхъ къ государю въ хоромы отпущено на *осмыало* двенадцать золотыхъ угорскихихъ по тридцати алтыгъ золотой; золотые взяты съ денежного двора; да двоижды по осминадцати пенезей серебряныхъ позолочены, пенези взяты изъ серебряного приказа; пятьдесятъ четыре бѣлки шѣсти цѣна по осми денегъ бѣлка; тридцать маковицъ цѣна осми денегъ; гривенка хмелю цѣна шесть денегъ; отнесли діяки Гаврила да Булгакъ. — Февр. 5 отпущено въ конюшенной приказъ въ государыинну на нарядную большую каптану на 4 зголовенца два отласа турецкихъ по червчатой землѣ шолкъ бѣлъ зеленъ лазоревъ кубы и травы золоты, цѣна 100 р.; да на мѣстное зголоуенцо на подиладку 3 арш. камки кармазиу черленого по 30 алт.; на двѣ скамейки на обѣвку 4 арш. сукна багрецу по 1½ р.; да на каптану въ моченье дано 38 арш. сукна полушарлату, а моченого стало 33½ арш. по 2 р. 21 ал. ¼ д.; на подбывку 18 сороковъ соболей; да подноженцо соболе, цѣна сорокамъ и подноженцу съ дѣломъ 1145 р.; 7 киндиковъ розныхъ цвѣтовъ по полтиннѣ. А въ меншую каптану отпущено на подбывку 16 сороковъ соболей, цѣна 405 р., да на окна 5 соболей по 41 ал. 4 д. соболей; да подноженцо соболе, пошло 62 соболя, цѣна 39 р.; 15 арш. камки кармазиу по 45 ал. — Февр. 5 къ государынѣ въ хоромы 3 золотыхъ угорскихихъ по 30 алт.. 3 пары соболей по 2 р. пара. Тогожь дни въ Верхъ къ государынѣ на *кашу* отпущено двѣ пары соболей цѣна 5 р.

Февр. 8 в. г. свят. патр. Филаретъ Никитичъ — дарилъ сына своего в. г. ц. и в. к. Михаила Федоровича в. р., и в. г. царицу и в. к. Евдокью Лукьяновну послѣ ихъ царской радости, благословеніе: Образъ Спасовъ, окладъ и вѣнецъ чеканной, въ вѣницѣ 4 камени лазоревы яхонты, около вѣнца низано жемчугомъ; вмѣсто цаты 8 чепочекъ золотыхъ; пелена камка ала, по ней крестъ и слова низаны жемчугомъ съ дробницами. Крестъ золотъ съ мощми съ камнемъ обнизанъ жемчугомъ съ зерны гурмышскими. Кубокъ серебрянъ золоченъ съ покрывкою, вѣсу 14 гривенокъ 16 зол., по 5 р. Кубокъ 14 грив.; кубокъ 10 грив. 6 зол.; бархоть турецкой золотной 95 р.; отласъ турецкой двойной по серебряной землѣ золото 60 р.; 10 арш. безъ вершка олтабасу золотного 50 р.; въ отласу мѣсто, что отласу въ казнѣ небыло, 8 арш. безъ чети бархату жолтого кызылбаского 7 р., бархатъ 8 р., 10 арш. отласу черленого по 1 р. 11 ал. 4 д., 10 арш. камки куфтеру червчетого по 1 р. 20 ал.; 10 арш. камки куфтеру жолтого по 1 р. 20 ал.; 10 арш. камки куфтеру лазоревого по 36 ал. 4 д. Сорокъ соболей 140 р., сорокъ — 130 р., сорокъ — 37 р.;

сто золотых угорских по 30 ал. золотой. Государный царичъ и в. к. Евдокъ Лукьяновъ благословеніе: образъ Спасовъ обложенъ серебромъ, вѣнецъ и цата и поля чеканные золочены, оплечье съ чернью. Крестъ золотъ съ мощи, и съ жемчугомъ. Кубокъ серебр. золоч. съ крышкой, вѣсу 9 грив. 49 зол., по 5 р. Кубокъ 9 грив. 12 зол., кубокъ 8 грив. безъ 10 зол.; отласъ турецкой двойной по серебряной землѣ листьѣ золото 50 р., отласъ по лазоревой землѣ золото 50 р., бархатъ жолтъ 4 р., 10 арш. отласу алого по 31 ал. 4 л., 10 арш. камки куфтеру черленого по 1 р. 20 ал., 10 арш. камки куфтеру жолтой по 1 р. 20 ал., 10 арш. камки куфт. лазоревой по 36 ал. 4 л. Сорокъ соболей 140 р. сорокъ 130 р., сорокъ 37 р.; сто золотых угорских по 30 ал. Образы и кресты патриарши казны, а кубки, бархаты и отласы и камки и соболи государевы казны, съ казенного двора... и принесены на казенной дворъ. А государевъ образъ и кресты отданы въ казну крестовому дяку Ивану Семіонову; а царичинъ образъ взялъ царичинъ дякъ Сурьянинъ Торгановъ. Послѣ государской радости въ третій день въ среду у государя отецъ его — свят. Патр. Филаретъ Никитичъ — въ грановитой полатѣ влѣ; и послѣ стола в. государь отца своего — дарилъ для своей парской радости. А рѣчь говорилъ и дары являлъ дякъ Гаврило Облезовъ (подобно предыдущему, см. выше стр. 71).

Февр. 9 въ конюшенной приказъ на подъемные на десять капитанъ 160 арш. сукна настрафилю червчатого по 20 ал. — Къ государный царичъ и в. к. Евдокъ Лукьяновъ на поставецъ отнесъ дякъ Булгакъ Миловановъ три кубочка серебр. золоч. съ кровлями ложечки мелкіе по вѣнцамъ городочки бѣлы, въ одномъ вѣсу гривенка 5½ зол., въ другомъ гривенка 15 зол., въ третьемъ — гривенка 12 зол., по 5 р. гривенка.

Февр. 17, в. г. царица и в. к. Евдокья Лукьяновна в. государыню иноку Марѳу Иван. дарила послѣ своей радости: Кубокъ серебр. золоч. съ крышкой вѣсу 7 грив. 22 зол., по 5 р. гривенка. Кубокъ — 5 грив. 12 зол. Кубокъ — 5 грив. 2 зол.; 10 арш. бархату черного гладкого по 1½ р.; 10 арш. бархату лазоревого по 1 р.; 10 арш. отласу вишневого по 40 ал.; 10 арш. отласу черного по 1 р.; 10 арш. камки куфтеру багрового по 40 ал., 10 арш. камки куф. таусинного по 30 ал., 10 арш. камки куф. черного по 1 р.; 10 арш. камки адамашки красновишневой по 1 р., 10 арш. камки адам. зеленой по 26 ал. 4 л.; 10 арш. камки адам. черной по 23 ал. 2 л., 10 арш. камки адам. таусинной по 30 ал.; 12 арш. обьярия гвоздичной по 23 ал. 2 л.; 12 арш. байбереку шолкъ зелевъ чернъ по 13 ал.

2 д.; 5 арш. тафты винищѣйки таусяной по 23 ал. 2 д. Сорокъ соболей 65 р., сорокъ -- 60 р. сорокъ — 40 р. А дары отвозили діакъ Гаврило Облезовъ да Булгавъ Миловановъ, а за ними несли тѣ дары царичины дѣти боярскіе. А въ Вознесенскомъ м. въ передней принялъ тѣ дары у нихъ кн. Алексѣй Мих. Львовъ и являлъ тѣ дары оиъ же. И февр. 21, отъ в. г. иноки Марѣы Ив. дьякъ Сурьянинъ Торокановъ на казенной дворъ въ государеву казну принесть изъ тѣхъ даровъ (три кубга; бархатъ лазоревъ и соболи). — Тогожъ дни на государеву на поклонную колодочку отпушено 2 арш. бархату кизылбаского червчатого, по 1 р. 5 ал. — Къ царичѣ отпушено въ хоромы на столъ $1\frac{1}{2}$ арш. сукна багрецу да на колодочку аршинъ безъ вершка сукна багрецу, по 2 р. аршинъ. — Февр. 28, къ царичѣ отнесть дьякъ Булгавъ Миловановъ три запоны золоты съ камешемъ цѣна 300 р., да отлась турецкой 50 р.; приняла государыни иноки Марѣа Ивановна. — Въ Вознес. м. къ госуд. и вел. инокѣ Марѣѣ Ив. къ ризамъ подъ низанье скроено оплечье въ камкѣ кармазинѣ, пошло $1\frac{1}{2}$ арш., да на опушку къ стихарю 2 ар. безъ 5 вер. камки кармазину шъ, по 40 ал., приказалъ государынинымъ словомъ Василій Иванов. Стрѣшневъ. — Марта 1 отпушено въ конюшенной приказъ г. царичы и в. к. Евдокѣи Лукьяновы на мешую каптану дано въ моченье 39 арш. сукна багрецу, а стало 34 арш. 6 вер., по 60 ал.; да подъ доброе сукно и въ каптану подъ соболи 45 арш. сукна лятчины черленой по 6 ал. 4 д.; да на тушь каптану на чехоль 45 арш. сукна настрафилю черленого по 16 ал. 4. д. Да государыни великіе иноки Марѣы Ив. на двѣ коптанки черного англійского сукна дано 39 арш., а моченаго стало $35\frac{1}{2}$ арш. и отпушено 30 арш., по 30 ал.; взялъ приказшикъ Василей Блудовъ. — Матра 2, въ Верхъ къ государынинымъ мастерницамъ отпушено на столъ $1\frac{1}{2}$ арш. сукна аглінского червчатого по 30 ал. — Марта 7, въ мастер. палату 12 ар. сукна настрафилю черленого по полтинѣ, а подбивать тѣмъ сукномъ царичина постельная коробья. — Къ панагеѣ сдѣлана сорочка въ сукнѣ багрецѣ, пошло пол-вершка шапочнаго, 8 ал. 2 д. да гайтанъ шолкъ шемоханской съ золотомъ 23 ал. 2 д.; понагею и гойтанъ взялъ Рожественской діаконъ Онкидинъ. — Тогожъ дни въ Вознесенской монастырь къ государынѣ и великой инокѣ Марѣѣ Ивановнѣ къ ризамъ подъ низанье на опушку аршинъ безъ 3 вер. камки куфтерю черленого 43 ал. 2 д. — Марта 11, въ Верхъ въ свѣтлицу ко княгинѣ Овдотѣ Каркадиновой подъ низанье къ стихарю на опушку аршинъ безъ чети камки кармазину 17 ал. 3 д.; взялъ знаменшикъ Петръ Ремезовъ. — Марта 12 въ Верхъ къ ца-

рицѣ къ ризамъ подѣ низанье на опушку аршинѣ съ четью камки кармазины черденого рубль. — Марта 20, въ Вознеся. м. къ иноку Марѣѣ Ив. шуба тафта нѣмецкая черная, пошло 10 арш. по 8 ал. 2 д.; въ подкройку пки черева бѣлья 46 ал. 4 д.; на пухъ пошолъ бобръ рубль; подѣ переды крашенины 2 арш. 2 ал. 4 д.; нашита нашивка тафтяная 8 ал. 2 д. Всего шубѣ цѣна 5 р. 7 ал., а пожаловала государыня тою шубою старицу уродивую Марѣю. — Мар. 30, отпушено къ мастерипамъ на яблоко къ поникадильной кисти 2 вер. атласу червчатого, 4 ал. — Апр. 7, къ государю въ хоромы на обтирку 3 арш. безъ чети сукна латчины лазоревой по 6 ал. 4 д.; взялъ сторожъ комнатной Григорій Носѣ. — Къ патр. Филарету Никитичу въ келью на обтирку 3 арш. сукна такого же, взялъ истопникъ Кузма Быковъ. — Къ царицѣ въ хоромы на обтирку аршинѣ сукна такого же взялъ парипынѣ сынъ боярской Степанъ Перепечинѣ. — Апр. 8, въ Верхъ къ царицынѣ *качелью* отпушено пол-аршина бархату черденого гладкого 12 ал. 3 д., взялъ истопникъ Жданъ Ивановъ. — Апр. 22, на парипынѣ на постельной возокъ отдано въ моченье 16 ар. сукна аглинского черденого, и убыло въ моченьѣ 3 ар. безъ 2 вер., взялъ истопникъ Субота Демидовъ. — Въ конюшенной приказѣ въ царицыны въ сорокъ колымажекъ на постельки и на тѣжи и на обшивку 90 арш. сукна настрафилю черденого по полтнѣ, да 90 арш. покровей настрафильныхъ черденыхъ по 3 д. — Апр. 23, въ конюшенный приказѣ на парипыны на малыя на три колымажки 36 арш. сукна багрецу по 1¼ р.; взялъ нарядчикъ Борисъ Горяиновъ. — Апр. 24, къ царицѣ на *столѣ* на обертку 10 арш. сукна латчины лазоревой по 6 ал. 4 д. — Къ государынѣ на образную простилку 9 арш. сукна латчины лазоревой по 6 ал. 4 д., взялъ крестовой дякъ Овдѣй Васильевъ. Того жъ дни въ конюшенный приказѣ въ парипыну въ золотную *колымаку* на зголовье 10 арш. бархату черденого по 60 алт., да 8 арш. настрафилю черденого по 20 ал.; да иноку Марѣю Ив. колымаги на шлеи на подѣлку 4 арш. сукна аглинского темносинего по рублю, да на парипыну на малую колымажку 13 ар. сукна по 60 алт. — Мая 12, къ царицѣ въ хоромы отнесъ дякъ Гаврило Облезовъ *братину* серебряную большую съ кровлею, въ ней бражникъ сидитъ у бочки, вѣсу 7 грна. 24 зол. по 6 р. гривенка. Принялъ Ѳедоръ Степ. Стрѣшневъ. И та братыня снесена въ казну. — Мая 20, въ государеву въ мастерскую палату бобръ чорнѣ 5 р. 10 д., да пки горносталя съ рукавы 8 р. 3 ал. 2 д., да на тѣ же пки на натирку пошло четь фунта анису 10 д. — Іюня 11, къ государю въ хоромы отнесъ дякъ Гаврило Облезовъ два со-

рока соболей, одинъ 70 р., другой 50 р., приналъ Вас. Ив. Стрѣшневъ; и пошли тѣ соболи оъ государя и отъ царицы къ в. г. иноку Марѣю Ив. на новоселье; и юня въ 15 д. в. г. инока Марѣя Ив. указала тѣ соболи взяти на казенной дворъ. — Юня 26, къ Екаториѣ Христовой мученицѣ отпущена чаша ценниная 16 ал. 4 л.; взялъ царицѣ крестовой дѣякъ Овдей Васильевъ. — Авг. 10, къ царицѣ носилъ въ смотрѣ дѣякъ Будгакъ Миловановъ пару соболей 6 р. и государыни оставила у себя въ хоромѣхъ соболя, а другою соболя государыни указала дать государева жалованья Семену Лукьяновичу Стрѣшневу подѣ шапочку. — Авг. 14, въ Верхъ въ царицѣну въ мастерскую палату отнесъ дѣякъ Гаврило Облезовъ литру золота да литру серебра, по 7½ р.; приналъ царицѣ дѣякъ Сурьянинъ Торокановъ, а сказалъ, что отнесъ де онъ то золото и серебро къ царицѣ.

27. 136 г. Окт. 15, изъ свѣтлицы ото княгини Овдотьи Коркодиновы принесены *вошвы* шиты по бархату по черному золотомъ да серебромъ. И по государеву княжину приказу тѣ вошвы отославы на казенной дворъ на церковное строеніе къ ризамъ на *олмечѣ*. — Март. 25 отъ государя изъ хоромъ принесъ Ѳ. Ст. Стрѣшневъ камку куцетеръ жолту, иърою 10 арш., а сказалъ: государь пожаловалъ тоѣ камку царицѣ на лѣтникъ. И марта 31 камку изъ царицѣны изъ Мастерскія полаты взялъ къ царицѣ въ хоромы В. И. Стрѣшневъ. — Апр. 10, отъ царицы изъ хоромъ принесъ дѣякъ Сурьянинъ Торокановъ кованова кружива 27 *басемъ* серебряны позолочены, а про тѣ басмы Сурьянину приказала боярыня Катерина Бутурдина царицѣнымъ словомъ, велѣла тѣ басмы держати въ царицѣнѣ казнѣ до указу. — Апр. 17 отъ царицы изъ хоромъ выдала Катерина Бутурдина камку золотную бурскую по червчатой землѣ въ цвѣтахъ шолкъ лазоревъ да бѣлъ, 9 ар. 3 в., а сказала что тоѣ камку поднесла государю мати ево государева в. г-ня инока Марѣя Ив. на Великъ день апрѣля 13, а государь тоѣ камку пожаловалъ царицѣ на лѣтникъ. — Мая 19, отъ царицы изъ хоромъ выдала крайчая Удьяна Сабакина двѣ постели да два изголовья, подушечка, одѣяло горнистальное подѣ камкою золотною, другое одѣяло холодное подѣ камкою серебряною, коверъ цвѣтной. Юня 11 тѣ двѣ постели и изголовье и подушечка и коверъ взяты къ царицѣ въ хоромы.

28. 136 г. Сент. 2, г. царицы къ двоимъ сергамъ на *чемоданы* 3 вер. отласу червчатого да на подкладку 1½ в. тафты виницейки лазоревой. — Сент. 29, къ царицѣ въ хоромы къ государевымъ сорочкамъ да къ портамъ на тачки 5 арш. тафты виницейки червчатой принесла боярыня Катерина Бутурдина. — Ноябрь. 9, въ свѣтлицу на государевы

сорочки 5 арш. тафты вилицейки червчатой приняла б. кн. Овдотья Коркодинова. — Февр. 7, въ свѣтлицу къ государевымъ сорочкамъ на тесмы пол-сема арш. тафты вилицейки червчатой, приняла б. кн. Овд. Коркодинова. — Февр. 28, царица Евдокья Лукьяновна пожалова отцу своему Лукьяну Степановичу Стрѣшневу *четки* рыбей зубъ, а ударилъ челою царицѣ тѣми четками Свского монастыря игуменъ Иона. — Февр. 29, портнымъ мастеромъ къ царицыну платью на шитье $1\frac{1}{2}$ арш. полотна нитей да ползолотника шолку червчатого. — Мар. 5 въ свѣтлицу на ширинку 6 вер. тафты вилицейки бѣлой, приняла б. кн. Овд. Коркодинова. — Мар. 15 государыни царицы къ стѣннымъ окнамъ на завѣску $2\frac{1}{2}$ арш. сукна настрафилю черленого. — Апр. 4 царица пожаловала Лукьяну Степ. Стрѣшневу вершокъ отласу червчатого гладково. — Мая 12 въ свѣтлицу на шитье государевыхъ сорочекъ полотно нитей тонкихъ. — Мая 26. царица пожаловала Микхфора Сабаккина, велѣла ему дати на шапку соболь; пожаловала Лук. Ст. Стрѣшнева, велѣла ему дати къ шапкѣ пухъ четверть бобра.

29. Книги, а въ нихъ писано царицы Е. Л. кроеніе платью 136 г. — Сент. 27, царицѣ скроена распашница въ камкѣ бѣлой куфтерѣ, пошло $11\frac{1}{2}$ арш. — Окт. 26 царицѣ скроенъ бумажникъ да зголовейцо въ камкѣ червчатой мелкотравной, пошло 11 ар. 1 в., да въ простилку пудъ бумаги хлопчатой битой; а на зголовейцо камки 3 арш. 10 в., да пуху лебамія бѣлого 17 фунт. — Ноябрь. 9 царицѣ скроены рукавки въ бархотѣ червчатомъ, пошло 9 в., на исподъ 4 черева лисьи чернобуры, на опушку соболь. — Ноября 12 няокѣ Марѣ Ив. скроены рукавки въ бархатѣ черномъ гладкомъ, пошло 9 вер., на исподъ 4 черева лисьи буры, на опушку соболь. — Генв. 30 царицѣ скроенъ лѣтникъ въ отласѣ золотномъ по лазоревой землѣ травы и деревья золоты въ нихъ шолкъ червчатъ, пошло 9 ар. безъ 5 в.; на подкладку тафты вилицейки червчатой пол-7 арш., на подольникъ отласу червч. 1 ар. безъ 3 вер., на опушку $1\frac{1}{2}$ бобра: вошвы бархатѣ червчатѣ шиты золотомъ да серебромъ. А что остался остатокъ того отласу и тѣмъ остаткомъ, царица пожаловала матери своей Аннѣ Костянтиновнѣ на шапку. — Февр. 6, къ царицыну каптуру скроенъ верхъ въ миткаляхъ, пошло 12 вер. — Марта 24 царицѣ къ камчатой къ куфтерной бѣлой *опашницѣ* на прибавку 6 вер. камки бѣлой да на подкладку 7 арш. тафты бѣлой вилицейки да на опушку 2 бобра безъ чети. — Мар. 26 по нмянному приказу царицы скроена къ Оитилю Вич. къ чудотворному образу пелена въ объяряхъ серебряныхъ, пошло 1 ар. 2 в.; на опушку камки жолтой травной

1½ ар., на крестъ 2 ар. кружива золотного; на подкладку 3½ ар. киндяку свѣтлозеленого. — Март. 28 царичъ сшита *малорча* въ отласъ въ празеленомъ, пошло 9 ар.; подшито для черева бѣлы, на опушку 1½ бобра. Нашите кружива золотное плетеное широкое, да 23 пуговицы золоты сшаты съ шпиготы съ розинны въ закрѣнкахъ по искоркѣ по алмазной. — На царичьну на камчатую бѣлую *сламичу* нашито 15 корольковъ розинныхъ на золотыхъ снпяхъ по краевъ репейки золоты, у репейковъ на снпяхъ въ закрѣнкахъ въ гвѣздахъ по искоркѣ изумрудной. — Март. 30 къ царевичи къ *качели* обшита *сдалка* тафтою червчатой, пошло 4½ вер. — Мая 11, царичъ сшита чюлки въ намаѣ въ кармазинѣ червчатой, пошло 2 арш. безъ чети. На чюлки нашито 2½ ар. кружива серебряного съ пеленелы; подложены тафтою лазорвою веницейкою, пошло 1 ар. — Мая 18 царичъ сшита чюлки въ сукнѣ въ червчатомъ въ багрецѣ, пошло 9 вер.; подложены киндякомъ лазоревымъ, пошло 2 ар.; и тогожъ дни сказалъ дьякъ Сурьянинъ Торокановъ: царича гѣни чюлками пожаловала Анну Костентиновну. — Мая 20 царичъ починены прежнѣе чюлочки камкою желтою, пошло 3 вер. — Мая 25 подложена пелена шита золотомъ и серебромъ Знаменіе Пр. Бды тафтою лазорвою, пошло 11 в. — Юня 21 царичъ сшита башмаки въ сафьянѣ въ желтомъ. Прикладу къ башмакамъ кружива нѣмецкого узкого шолкъ червчатъ съ серебромъ 1½ арш., на обивку къ коблукамъ золота 8 ар., на мелкой на всякой прикладъ 3 алт. 2 д. — Авг. 9 сшита къ образу Пр. Богородицы Казанскіе пелена подъ шитье въ тафтѣ въ дымчатой, пошло полтротья вершка. — Авг. 26 царевичъ Ирнѣ подъ *зарукавѣ* двѣ колодки обшита тафтою алою, пошло 2 вершка.

30. 137 года *Приносъ* отъ г. царичи изъ хоромъ и изъ г-вы Мастерскіе палаты. — Сент. 16, отъ царичи принесено изъ хоромъ шесть холстовъ дяныхъ толстыхъ, и въ тѣхъ холстахъ шить дуракамъ рубашки. — Окт. 7, отъ г-ря изъ хоромъ принесъ Ѳ. Ст. Стрѣшневъ три камки золотныя кизылбашскіе... а сказалъ, государь пожаловалъ одну 7 ар. 3 в. царичѣ, другую 7 ар. 4 в. царевичъ Ирнѣ, третью 7 ар. 3 вер. царевичъ Пелагѣ. — Окт. 9, отъ царичи изъ хоромъ принесъ Ѳ. Ст. Стрѣшневъ отласъ золотной по червчатой землѣ розвода и травы и межъ разводъ рыбки золоты въ розцвѣтахъ шолкъ зеленъ да бѣлъ, 9 ар. пол-4 вер., *за обьими истки*. — Окт. 12, отъ царичи изъ хоромъ принесъ Ѳ. Ст. Стрѣшневъ миткали арабскіе, а сказалъ, что царичу дарила г-ня инока Марѣя Ив. — Окт. 19, отъ царичи изъ хоромъ принесъ дьякъ Сурьянинъ Торокановъ 2 ф. канители золоченой, да въ слѣдѣхъ серебра 27½ зол., да на *внѣшнѣ* во-

лоченого золоченого серебра въсомъ и съ витейкою 38½ зол. — Окт. 12 взято изъ государевы изъ Мастерскіе полаты полтретья золотыхъ угорскихъ, отданы на канительное дѣло канительному мастеру Юшкѣ. — Окт. 29 принесъ дьякъ Сур. Торок. 75 дробницъ золоты съ чернью за печатью царицы. — Февр. 23 отъ государя изъ хоромъ принесъ Ѡ. Ст. Стр. сафьянъ кизылбашской по червчатой землѣ писаны травы золотомъ да серебромъ. — Марта 1 государь пожаловалъ царицѣ на еѣ государынины имянны на лѣтникъ отласъ турецкой по серебряной землѣ круги велики золоты, въ кругѣхъ по 3 кружки золоты съ репьями, межъ круговъ по краемъ листые золото, 10 ар. 1 вер. — Юня 28 государь пожаловалъ царицѣ въ тронцоу походъ *рукавки персчаты* нѣмецкое дѣло вязены узоромъ шолкъ брусничентъ, запасе по отласу по алому дѣлано канителью и трупцалы, репыи и около деревъ змѣйки, въ репьяхъ и въ змѣйкахъ шолки розныя, межъ репьевъ и дровъ звѣздки золоты, запасе подложено тафтою алоу.

31. Книги расходныя 137 г. Ноябрь. 4 въ свѣтлицу подъ низанье къ ризамъ на оплечь и на патрахель и на поручи да на дьяконскій стихарь на оплечьи и на уларь и на поручи 7 арш. безъ 2 в. камки куфтеру червчатой. — Ноябрь. 27 къ царицѣ въ хоромы на лавочныя стирки двѣ *истки* сукна настрафилю лазоревого, отнесъ Ѡед. Ст. Стрѣшневъ. — Дек. 1 къ царицѣ въ хоромы подъ государево ожерелейцо полтретья вершка отласу червчатого, 2½ вер. тафты виницейки червчатой, приняла бояр. Катер. Бутурлина. — Дек. 15 къ царицѣ въ хоромы къ лавкамъ на стирки 7 вер. сукна червчатого настрафилю. — Генв. 14 царица пожаловала отцу своему Лукьяну Степановичу 10 золотниковъ шолку червчатого. — Генв. 21 въ свѣтлицу подъ низанье къ камчатому къ бѣлому стихарю на зарукавье 1 ар. безъ 2 в. камки куфтеру червчатой, отнесъ В. И. Стрѣшневъ. — Генв. 22 въ свѣтлицу для государевыхъ дѣлъ ансырь 8 зол. шолку бѣлого приняла б. кн. Овд. Коркодинова. — Генв. 28 въ свѣтлицу для государевыхъ дѣлъ фунтъ безъ полчетверта зол. шолку свѣтлозеленого, 1 ф. 20 зол. шолку рудожелтого, 1 ф. 10 зол. вишневаго, 1 ф. 1 зол. желтого, 1 ф. безъ 4 зол. гвоздичного, да 3 ф. червчатого, лазоревого, зеленого, приняла онаже. — Февр. 18 къ царицѣ въ хоромы подъ государево ожерелейцо подъ низанье вершокъ съ четью отласу червчатого приняла кн. Ульяна Троекурова. — Февр. 19 въ свѣтлицу къ царицынымъ 2 пѣлкамъ на пояски цѣвка золота, приняла кн. Овд. Корк. — Февр. 23 тудаже на ширинки 1 ар. 3 вер. тафты виницейки бѣлой; прии. кн. Ов. К. — Февр. 25 къ царицѣ въ хоромы на еѣ государынины полотеяда на стрепню 5 вер. сукна ба-

грецу червчатого, приняла казначея Варвара Унковская. — Марта 6 къ царицѣ въ хоромы на еѣ государыннымъ полотенца на стрепню вершокъ сукна багрецу. — Марта 11 царицы съ отласного съ желтого лѣтника вошвы по червчатому отласу шты золотомъ да серебромъ отнесены на казенной дворъ, а по государеву указу велѣно въ нихъ сдѣлать къ Рожѣству Пр. Богородицы, что на сѣнхъ, къ ризамъ оплечь. — Марта 20 къ царицѣ въ хоромы 82½ арш. объяри таусинной да 1½ арш. камки желтой адамашки, принялъ В. И. Стрѣшневъ, а сказалъ объярѣи царица пожаловала комнатныхъ боярынъ Ирину Никитичну съ товарищи осми человекъ, а клмку пожаловала ему Василью. — Марта 22 къ царицѣ въ хоромы на царевичевы крестины двѣ пары собелей изю 63 рублей (сорокъ), принялъ В. И. Стрѣшневъ. Марта 27 царица пожаловала Ѡ. С. Стрѣшневу на шапку 9 вер. бархату черново. — Апр. 21 къ царицѣ въ хоромы 5 арш. сукна настрафилю червчатого — царица пожаловала портомъ Соломонидъ Одинцовъ. — Апр. 21 царицѣ Евдокѣ Лукьяновѣ обшита качель сукномъ багрецомъ червчатымъ да по верхъ сукна бархатомъ червчатымъ гладкимъ, на обшывку сукна пошло аршинъ, а бархату аршинъ полшеста вершка. Апр. 27 къ царицѣ въ хоромы 3 арш. сукна червчатого настрафилю, а тѣмъ сукномъ покрыта въ переднихъ сѣнхъ царицына качель. — Мая 12 къ царицѣ въ хоромы полотно сарпату розными цвѣты царевичу Алексѣю М. на положекъ. — Мая 13 къ царицѣ въ хоромы изъ кипарисного изъ большого ларца ларчикъ обложень серебромъ золоченымъ, а въ него врѣзваны кости рыбьи, съ золотыми, отнесъ Ѡ. С. Стрѣшневъ. Мая 21 къ царицѣ въ хоромы коробья новгородская съ еѣ съ государыннымъ вѣвцомъ да съ косникомъ; приняла кн. Овд. Коркодинова. — Юня 3 къ царицѣ въ хоромы 3 вершка отласу золотного по червчатой землѣ травы и опахалы золоты отнесъ дьякъ Сурьянинъ Торакановъ, а сказалъ: царица пожаловала Ульяны Ст. Собакиной сыну на ожерелье. — Юня 4 къ царицѣ въ хоромы 4 пары собелей изъ сорока изъ 20 р., приняла б. Ульяна Собакина, а сказала: царица пожаловала новымъ постельницамъ на каптуры. Юня 6 въ царицынѣ въ мастерской полатѣ на поставецъ, на которомъ дѣлають царицыно платье, наслано 4 арш. сукна настрафилю червчатого. — Юня 12 къ царицѣ 7 вер. бархату червчатого гладкого отнесъ д. Сур. Торок., а сказалъ: царица пожаловала брату своему Семену Лук. на шапку. — Юня 18 въ государевъ въ Троицкой въ вешней походъ къ ларцомъ на связки 4 ар. поक्रमей лазоревыхъ (и къ коробьемъ на связки еще 4 ар. Юня 21). — Юня 19 къ царевнѣ Ирѣнѣ въ хоромы на потѣшныя куклы 2 вер. отласовъ и камокъ

розныхъ цвѣтовъ.—Юля 7 къ парицѣ въ хоромы два ставчика да ложечка троецкихъ отнесъ Ѡ. Ст. Стрѣшневъ.

32. Книги платью кроенье 137 г.—Сентября въ 12 день, Ивановъ женѣ Матюшкина Ѡдосѣ Лукъяновнѣ подложена *шляпа* полки отласомъ червчатымъ, а внутри тафтою зеленою винницейю; отласу пошло 11 вер., тафты 7 вер., да на торочекъ вершокъ тафты свѣтлозеленой. Сент. 23 парицѣ на большой опашень въ помочъ нашито 15 пугвиць сереб. гладкихъ.—Окт. 4 къ образу Пр. Богородицы, что у государя въ хоромѣхъ, скроено подъ пату серебряну бумажникъ въ отласъ червчатомъ, пошло пол-аршина. Окт. 6 скроенъ другой такой же бумажникъ къ тому же образу подъ пату въ отласъ червч. въ гладкомъ, пошло 8 в.—Ноябр. 5 парицѣ скроено въ отласъ въ червчатомъ шапочной вершокъ подъ низанье, пошло 5 в.—Ноябр. 12 парицы перселевая шкатулка обочена бархатомъ зеленымъ, 2 в., да бархатомъ червчатымъ, 2 в., да отласомъ зеленымъ гладкимъ 3 ар. 7 в.—Генв. 10 парицѣ въ чеботы да въ башмаки обшиты шестеры стельки тафтою винницейю червчатую, пошло 1 ар.—Генв. 28 въ крымскую посылку къ рукавкѣ запасе подъ шитье въ отласъ червч. гладкомъ, пошло 5 вер. Апр. 9 къ рукавкамъ зарукавке подъ шитье въ отласъ червч. гладкомъ.—Февр. 18 парицѣ скроены двѣ *ошмаки* въ отласъ червчатомъ подъ низанье, пошло 6 вер.—Февр. 25 на парицыны на большіе на золотные и на серебряные на лѣтники и на тѣлогрѣи скроено въ десяти киндякахъ розными цвѣты шесть чоховъ.—Апр. 29 парицѣ скроено *модножье* въ розныхъ въ аглинскихъ сукнахъ, въ желтомъ, въ зеленомъ, въ вишневомъ да въ темновишневомъ — пошло всякого цвѣту по полуаршину да на подкладку поларшина сукна червчатого багрецу да на пояски и на шитье 4 зол. шолковъ розныхъ цвѣтовъ.—Мая 11 подложена пелена визана жемчугомъ да шита золотомъ да серебромъ, образъ Пр. Богородицы Казанскіе, отласомъ червчатымъ, пошло 10 вер.—Мая 29 подложена готовая шляпа вдовская отласомъ чернымъ въ отдачу, пошло 9 в.—Юня 13 парицѣ на кипарисной ларецъ, что съ еѣ государыниными полотены, скроено влагалише въ сукнѣ багрецъ червчатомъ, пошло 1 ар., на подкладку 2 арш. 1 вер. киндяку свѣтлозеленого.—Августа въ 31 день парицѣ Евдокій Лукъяновнѣ подложена *шляпа* внутри отласомъ червчатымъ гладкимъ, а полки подложены отласомъ золотнымъ по червчатой землѣ опашала и травы золоты, въ нацвѣтахъ шолки бѣлы лазоревъ зеленъ, на подкладки пошло отласовъ золотного 7 вер., гладково аршинъ безъ чети.

33. 138 г. Ноября 1, отъ парицы изъ хоромъ принесъ Ѡд. Ст. Стрѣшневъ фонарь слудень теремчатъ о девяти верхахъ съ нацвѣты

съ розными, по немъ писаны розными краски травы въ кругахъ, на травахъ птицы розныя, а велѣлъ тотъ фонарь поставитъ въ паричный казвъ до ея государынина указа. — Мая 12 отъ царевны Ирины изъ хороми принесъ дѣля Сурьянинъ Торокановъ достоканъ виницейской бѣлы по немъ полосы лазоревы косы; да качель обита тафтою червчатую виницейскою, поцѣпка у качели обшита сукномъ да бархатомъ червчатымъ. — Юня 29, отъ царицы изъ хороми принесъ дѣля Сур. Торокановъ ларчикъ ветчавъ окованъ желѣзомъ бѣлымъ съ замкомъ съ нутренѣмъ, а по сказкѣ боярина Катерины Бутурлины въ томъ ларцѣ царицы ошники.

34. *Климъ расходные* 138 г. — Сент. 16 въ свѣтлицу на царицыны на лѣтничныя вошвы подъ назанье 1½ арш. съ вершкомъ бархату червчатого гладкого. Приняла кн. Ов. Корк. — С. 20 къ царицѣ въ хороми царевнѣ на ~~потажи~~ 30 доскутковъ золотныхъ отласныхъ и камчатыхъ розныхъ цвѣтовъ. — С. 23 въ свѣтлицу ко государевымъ сорочкамъ да къ портанъ на тачки 2 арш. тафты виницейки червчатой. — С. 25 царица пожаловала матери своей Аннѣ Костянтиновнѣ на починку къ дорожнялой изъ зеленой тѣлогрѣи 7 черевъ лисныхъ бурныхъ, да въ рукавицѣ на роставку 4 хребта бѣлыхъ, да 9½ верш. кружива кованого золото съ серебромъ, да на опушку бобрискъ, да 15 пуганицъ серебряныхъ. — Окт. 9 въ свѣтлицу къ опашницѣ на круживо подъ шитье 2 ар. 2 в. отласу бѣлого. — Окт. 27 къ царицѣ въ хороми 5 арш. сукна аглинского черново отнесъ Ѳ. Ст. Стрѣшневъ, а сказалъ, то сукно царица пожаловала Аннѣ Замыцкой для того, что она привезла государеву бѣлую казну лучше прошлыхъ лѣтъ бѣлой казны. — Ноября 7, въ свѣтлицу на царевнины на потѣшныя куклы вершокъ отласу золотного по лазоревой землѣ, приняла кн. Овд. Коркодинова. — Н. 20 въ свѣтлицу подъ низачье потрахлакъ камка кармазинъ червчата, приняла кн. Овд. Коркодинова. — Н. 30 канительщику Юшкѣ Яковлеву для государева дѣла въ передѣлъ гривенка канители золоченой. — Дек. 9, къ г. в. старицѣ инокѣ Марѣ Ивановнѣ въ Вознесенской дѣвичь монастырь царевнѣ Иринѣ на потѣшныя куклы 20 доскутковъ отласныхъ золотныхъ и серебряныхъ и камчатыхъ и тафтинныхъ, приняла старица Олена Изькова. — Дек. 21, въ свѣтлицу на ширинки 12 вер. миткалей, приняла кн. Овд. Коркодинова. — Генв. 23, къ царицѣ въ хороми подъ государево ожерельце вершокъ тафты лазоревой виницейки. — Февр. 9, ко государеву ожерелью вершокъ отласу червчатого, да на подкладку 1 в. тафты виницейки лазоревой. — Дек. 7, къ царицѣ въ хороми полтретья вершка отласу таусинного ей государынѣ подъ ожерелье. — Марта 7, въ

свѣтлицу на парицны на ошивки подъ шитье 5 вер. атласу червчатого. — Марта 26, къ парицѣ въ хоромы отласныхъ и камчатыхъ золотныхъ и камокъ цвѣтныхъ и камчатныхъ кизылбашскихъ 58 лоскутовъ большихъ и середнихъ и малыхъ приняла Ульяна Сабакина. Того жъ дня парица пожаловала дьяка Сурьянина Тороканова велѣла ему дати на ожерелье 3 вер. отласу золотного по червчатой землѣ травы и опахала золоты въ цвѣтахъ шолки бѣлы да лазоревъ. — Апр. 20 въ свѣтлицу подъ шитье на ризное оплечье 1 ар. 10 вер. бархату таусинного. — Май 21 въ парицны мастерской палатѣ къ еѣ государынину стулу на кровлю 1½ ар. сукна багрецу червчатого. — Май 26, къ парицѣ въ хоромы къ *суремницю* на подкладку полтретья вершка камки лазоревой куштеру да 2 арш. бархатели по бѣлой землѣ съ поталью, приняла бояр. Катерина Бутурлина. — Юля 25 царевны Анны М. на крестины на *кашу* пара соборей изъ сорока изъ 20 р.

35. *Кроешь* 138 г. — Ноябрь. 7 въ свѣтлицу къ парицны опашницѣ скроены *переды* подъ шитье въ тафтѣ въ червчатой вилицейкѣ, пошло аршинъ. — Н. 8 парицы на слюдовой на бодышѣ на теремчатой фонарь скроенъ чехоль въ сукнѣ въ стамедѣ въ червчатомъ, пошло 6 арш. безъ 2 вер. — Марта 28, царевнѣ Иринѣ скроенъ охобень въ объяряхъ червчатыхъ, пошло 3 арш. безъ вершка, на подпушку 12 в. тафты вилицейки желтой, на ожерелье поларшина отласу зеленого гладкого; на охобень нашито полпята аршина кружива серебр. кованого, да въ 9 мѣстѣхъ нашивка серебряна съ кистями ворворки низаны жемчугомъ да 9 пуговицъ золоты съвачаты съ алмазы. — Юня 19 парицы къ горностойному нагольному кортелю скроенъ пухъ къ вороту въ 2 вершка безъ чети, а около вошевъ и подольника въ 3 вершка безъ чети, на пухъ пошло 6 бобровъ.

36. 139 года. — Окт. 9 отъ государя изъ хоромъ принесъ В. И. Стрѣшевъ блаженные памяти г. царя и в. к. Ивана Васильевича в. Русіи *тахтуѣ* по бѣлой тафтѣ шить золотомъ да серебромъ клѣтчатъ, по немъ по всемъ делепелы серебряны золочены, на одномъ углу по той же тафтѣ въ каймахъ решь шить золотомъ да серебромъ. И въ томъ тахтуѣ сдѣланы лѣтничные вошвы, а положены тѣ вошвы на парицны камчатой на травной на червчатой лѣтничкѣ.

Ноября 4, парица пожаловала Ивановѣ женѣ Матюшкина Федосьѣ Лукьяновнѣ велѣла ей дати къ тѣлогрѣѣ на починку въ остаткахъ 3 соболя. — Дек. 3, въ парицны въ мастерской палатѣ въ *переднемъ улу* обиты стѣны и лавки сукномъ летчиною зеленымъ, пошло 8 аршинъ. — Генв. 27, къ парицѣ въ хоромы на потѣшныя царевнины

иуклы хвостъ бобровой приняла кн. М. Хованская. — Гельв. 29, къ парицѣ и къ паревичу и къ паревнамъ въ хоромы къ лавкамъ на стирки 2 арш. сукна летчныя зеленой. — Февр. 11 къ парицѣ въ хоромы на кровлю и на подстилку къ еѣ государскому платью полтретья арш. сукна багрепу, приняла кн. Солом. Мезецкая. — Февр. 23, въ свѣтлицу на ширины 1½ арш. тафты вишневыя бѣлой да подъ шитье на подкладку три сорочки крашенныя съ суконъ. — Марта 24, царевны Анны кормилицѣ подъ шапку, по отласу червчатому шитье золотомъ да серебромъ, исподъ цки черева бѣлыя; да ей же кормилицѣ на *подубруски* 6 вер. дороговъ червчатыхъ гилинскихъ. — Марта 24 къ парицѣ въ хоромы къ окнамъ на завѣску аршинъ сукна англійского червчатого. — Августа 17, царицы къ постелячъ на кровлю 4 арш. сукна багрепу. — Того жъ дни царица пожаловала двѣ пары соболей комнатнымъ боярынямъ кн. Марьѣ Провской да Аннѣ Пушкинѣ.

37. 150 г. апр. 6, съ кизеннаго двора шолку таусяннаго шесть золотникъ съ четью, взято по приказу боярина Бориса Ивановича Морозова; и тогожъ дни по егожъ боярскому приказу въ семь шолку здѣлана государынь царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ *кисть къ космылу*; и тогожъ часу сю кисть взялъ бояринъ Борцъ Ивановичъ и отнесъ въ хоромы къ государынь, парицѣ.

38. 153 г. Сент. 14, въ свѣтлицу 5 арш. тафты червчатой, приняла Татьяна Скобелцына, а сказала что на государскіе сорочки. — Сент. 17, къ парицѣ въ хоромы 3 арш. сукна червчатого англійсково, приняла Скобелцына, а сказала, что государыня пожаловала золотной ученицѣ дѣвкѣ Варварѣ Ладоженской. — Сент. 27, къ парицѣ въ хоромы 5 арш. тафты вишневой да 1 арш. 11 вер. бархату рытого чорного, приняла боярыня кн. Марья Ав. Хованская, а сказала, что государыня пожаловала Степановой жень Стрѣшнева на лѣтнякъ. — Сент. 30, отъ дву бобровъ *побочны* приняла постельница Катерина Соколова, а сказала, что государыня пожаловала Ивашку карлу на опушку къ кафтану. — Окт. 12, къ парицѣ въ хоромы 5 арш. тафты двоеличной *вдовской* принялъ стол. Ив. Фед. Стрѣшневъ Большой. — Окт. 15—15 ар. сукна червчатого англійсково приняла Татьяна Скобелцына, а сказала, что г-ня пожаловала тремъ дѣвкамъ золотнымъ ученицамъ Манкѣ Волковой, Катеринкѣ Мироновой, Матренкѣ Петровой, по 5 арш. — Окт. 18, въ хоромы поларшинна бархату червчатого принялъ окольнич. Вас. Ив. Стрѣшневъ, а сказалъ, что г-ни пожаловала дочери его на тафью; отнесилъ Гаврило шапошникъ. — Ноябри 4, въ свѣтлицу 2 вер. тафты алой приняла Тат. Скобелцына, а сказала, что подъ царицыно ожерелье.

Ноября 6 къ царцѣ въ хоромы 10 вер. камки таусинной мелко-
 травой да 5 пупковъ собольихъ приняла боярыня княгиня Марья
 Аванасьева Хованская, а сказала, государыня пожаловала ей на
 треухъ. — Ноября 11, государыня царица и в. к. Евдокья Лукъ-
 яновна пожаловала матери своей Аннѣ Костянтиновнѣ восемь золот-
 никовъ шолку бѣлово. Относилъ къ Аннѣ Костянтиновнѣ на дворъ че-
 ботникъ Вас. Васильевъ. — Ноября 17 къ царцѣ въ хоромы коверъ
 мѣрою въ длину 2 ар. 10 в., въ ширину 2 ар. безъ чети, принялъ
 стол. Ив. Фед. Стрѣшневъ Большой, а сказалъ, что г-ня пожаловала
 дщери своей царевнѣ Иринѣ. — Дек. 2, царица пожаловала матери
 своей Аннѣ Костянтиновнѣ 21 зол. шолку бѣлово. Относилъ на дворъ
 Гаврило Савельевъ шапочникъ. — Дек. 9, г-ня пожаловала отцу сво-
 ему бояр. Лукьяну Степановичу Стрѣшневу ции хребтовые бѣлы
 съ рукавы, плечкіе. Относилъ на дворъ шапочникъ Гаврило Савель-
 евъ. — Тогожъ дни къ царцѣ въ хоромы 2 зол. шолку таусинного да
 3 вер. отласу таусинного, да 5 арш. тафты двоеличной шолкъ вш-
 невъ да зеленъ. Шолкъ и атласъ приняла боярыня Ульяна Степ. Со-
 бакина, а сказала, что царцѣ на ожерелье подъ низанье; а тафту
 приняла казначея Анна Хитрово, а сказала, что г-ня пожаловала ма-
 стерницъ Марья, что учить царевну Татьяну Миханловну грамотѣ. —
 Дек. 12 къ царцѣ въ хоромы полтретья вершка отласу червчатого
 да 4 зол. шолку шемоханского приняла бояр. Ул. Ст. Собакина, а
 сказала, что шолкъ царевнѣ Аннѣ къ ожерелью на *мутовысь* (sic). —
 Генв. 4, ко государю царевичу князю Алексѣю Мих. въ хоромы
 двои чотки рыбъ да шесть *лесенокъ* принялъ бояринъ Б. И. Моро-
 зовъ. — Генв. 8. къ царцѣ въ хоромы зеидень зелена приняла дѣв-
 ка вѣжка Овдотья Копитонова, а сказала, что г-ня пожаловала кре-
 стовому Ѳомѣ Борису. — Генв. 28, къ царцѣ въ хоромы 10 ф.
 ладону принялъ ок. В. И. Стрѣшневъ, а сказалъ, что г-ня послала
 въ Соловецкой монастырь съ соловецкимъ же игуменомъ — Мар-
 та 13 къ царцѣ въ хоромы семь зеиденей лазоревыхъ да зеленыхъ,
 приняла казначея Анна Хитрово, а сказала, что г-ня пожаловала кре-
 стовымъ. — Марта 20 въ свѣтлицу 10 зол. шолку личново (sic) да
 5 арш. тафты червчатой доброй приняла Тат. Скобелцина, а сказала,
 что шолкъ для государевыхъ дѣлъ на всякой расходъ, а тафта на
 государевы сорочки. — Марта 31 къ царцѣ въ хоромы 5 арш. кра-
 шенны лазоревой да 5 арш. холстины, да 3 ар. снурку красново
 нитного, да 15 пугвацъ оловяныхъ, приняла бояр. кн. Марья Ив. Прои-
 ская, а сказала, что то все г-ня пожаловала на тѣлогрѣю карлицъ
 Ѳеколѣ. — Мая 3, г. царица пожаловала отцу своему бояр. Д. Ст.

Стрѣшневу 2 вершка бархату чорново да полтретѣя вершка камни чорной. — Мая 4, къ парица въ хоромы 10 ар. камки двоядичной шолкъ червчатъ да таусицея да шару соболей цѣною 2 руб. Приняла дѣвка мамка Овдотѣя Кокинтонова, а сказала, что тоѣ камку в соболя г-ня пожаловала мастерицѣ Марѣ, которая учитъ грамотѣ царевну Татьяну Мих. — Юня 20 въ свѣтлицу 5 арш. тафты червчатой доброй, 10 ар. крашенины лазоревой толстой; приняла Тат. Скобелцына, а сказала, что тафта на государскіе сорочки, а крашенина въ пальцамъ на мешечки. — Юня въ 29 день, отъ царицы Евдокѣи Лукьяновны изъ хоромъ прииесъ дѣвкѣ Петръ Арбеневъ *фату* бѣлу полосату кругомъ оятъ кайма червчата, и сказалъ что тоѣ фату выдала ему боярыня нягня Марѣ Обоимасьева Хованская, а сказала де ему, что та фата царевны Ирины Михайловны. — Авг. 18 къ государю въ хоромы 16½ ар. камки бѣлой нуותרю да 18 арш. бархату чорново принялъ ок. В. Н. Стрѣшевъ, а сказалъ, что камка бѣлая государницѣ д. и в. к. Евдокѣи Луи. на савань, а бархатъ чорной на выносные сани на покрывну.

39. 153 г. — Сент. 14 по приказу бояр. кн. М. А. Хованской царевны Ирины шкатулка шитая золотомъ, хоромная, обита кружиковомъ кованымъ серебрянымъ узоромъ, пошло 3 зол. — Дек. 27 на шкатулку скроено лагалище въ сумѣ червчатомъ багрецѣ. — Сент. 27 по приказу казначей Ани Хитрой на казенномъ дворѣ сдѣлано два *лѣтника* въ дорогахъ желтыхъ гиланскихъ, подложены крашениною лазоревую, вошвы нашиты бархатъ рыть по бѣлой землѣ морхъ червчатъ, подольники пришиты киндикъ червчатъ (опушены пухомъ бобровымъ); мѣрою одинъ лѣтникъ — въ длину 2 ар., въ плечехъ аршинъ съ четью, въ подолѣ 3 арш. безъ вершка; другой — въ длину 2 ар. 1½ в., въ плечехъ 1 ар. 2 в., въ подолѣ 3 ар. безъ 3 вер.... Да сдѣлана тѣлогрѣя въ крашенинѣ лазоревой, подложена холстиною, пугвицы нашиты оловянные; мѣрою въ длину 1½ арш., въ плечехъ 1 ар.; и сент. 30 парица пожаловала дѣвкамъ Марѣ Скобелцынѣ да Марѣ Колычовѣ, а тѣлогрѣю карлицѣ Алекѣ. — Ноября 9 по приказу Тат. Скобелцыной скроена подъ шитье херуговъ — середина въ камкѣ червчатой мелкотравой, каймы въ камкѣ лазоревой мелкотравой. Да генв. 27 къ херугови скроены крыльца подъ шитье, два крыльца въ тафтѣ червчатой, а третье крыльцо въ тафтѣ бѣлой. Мая 4 къ херугови прикроена опушка въ отласѣ золотномъ по червчатой землѣ. И мая 20 сеѣ херуговъ государница пожаловала въ соборную церковь Успенія Богородицы, взялъ ключарь Иванъ. — Ноября 18 по приказу бояр. кн. М. А. Хованской царевны Ирины на бархатную

червчатую *хоромную подушку* скроено лагалище въ сукнѣ червчатомъ багрецѣ, пошло $\frac{3}{4}$ ар., да на подкладку $2\frac{1}{4}$ ар. киндяку желтого. — Ноября 28 по приказу казначей Анны Хитровой на казенномъ дворѣ сдѣланы ризы въ тафтѣ бѣлой, подложены зеендью лазоревой опущены дорогами полосатыми, подпушены зеендью зеленою; а оплечье нашито, снявъ съ царяцыня тафтяного лѣтника алого вошвы-отласъ золотой полосатой. Мѣрою ризы въ длину 2 ар. 2 в. И тѣ ризы царяца пожаловала въ церковь Николаи чуд. Явленсково декабря 1, какъ она государыня ходила молитца. — Дек. 21 по приказу б. кн. М. А. Хованской сдѣланы двѣ шубы въ дорогахъ червчатыхъ глянскихъ ожерелья пришиты бобровыя, опущены пухомъ бобровымъ, круживо и петли нашито плетеные серебряные, да по 9 пугвицъ серебр. бѣлыхъ; исподы подложены черева бѣлыя. А мѣрою въ длину по 1 ар. 5 в., въ плечехъ по 1 ар. безъ 5 в., въ подолѣ по 2 ар. 3 в. И тѣ шубы приняла въ хоромы казначей Анна Хитрово, а сказала, что царяца пожаловала *колматукимы* дѣвкамъ, которыя взяты въ Верхъ. — Февр. 3 сдѣлано 4 шапки черевьи лисьи черныя по образцу, да пятая шапка въ вышину шести вершковъ; государыня пожаловала дѣвкамъ. — Марта 31 скроена въ отдачу тафья въ бархатъ черномъ, пошло 4 вер., на подкладку киндяку лазоревому 4 в., нашито кружива кованого серебр. на нижнюю кайму 1 ар. безъ 2 вер. на верхнюю кайму кружива такогомъ узкого 1 ар. безъ 3 в., въ хоромы приняла Анна Хитрово. — Апр. 15 скроены въ цареградскую посылку подъ шитье два запясыя въ отласъ червчатомъ. Пошло пол-7 вер. Шитье запясыя золотомъ и серебромъ. — Апр. 27 по приказу казначей Анны Хитрой сдѣланы три лѣтника въ сорочкахъ крашенинныхъ съ *поталью*. И тѣ лѣтники государыня пожаловала дурамъ Аринкѣ да Дункѣ татаркѣ, да Манкѣ. — Юля 1 по приказу боярина Б. И. Морозова скроена подъ шитье плащеница середина въ камкѣ лазоревой куфтерѣ, каймы въ камкѣ зеленой куфтерѣжъ. — Юля 9 по его же приказу скроена подъ шитье другая плащеница (такая же). — Юля 10, по приказу Тат. Скобелцной подложенъ покровецъ шитой, церковныхъ сосудовъ, камкою зеленою мелкотравомъ, а на покровецѣ вышито въ лицахъ Агнецъ. — Юля 29 по приказу дѣвки Овдотьи Копитоновы скроенъ въ отдачу бумажникъ да изголовье, верхніе наволоки въ дорогахъ черныхъ, а исподніе въ полотнѣ тверскомъ, пошло по 15 арш.; да бумага хлопчатой въ настилку пошло 10 ф., да въ зголовье пуху сѣрого 5 ф. Юля 30 приняла въ хоромы нѣмка жъ Овдотьи Копитонова, а сказала, что государыня пожаловала бояринѣ Ульянѣ Фед. Романовой. — Юля 30 по приказу Тат. Скобелцной

скроешь покровецъ подъ шитье середина въ камкъ червчатой куотерѣ, каймы въ камкъ лазоревой куотерѣшъ. — Авг. 17 по памяти изъ приказу Большого Дворца скроено подъ шитье въ крымскую посылку запасе въ отласъ червчатомъ; шито золотомъ и серебромъ.

40. 155 г. февр. 7 дуркѣ Катеринѣ сдѣлана тѣлогрѣя въ выбойкѣ по лимонной землѣ, пошло 8 ар. 1 вер., по 5 алт.; на подкладку 8 арш. холста по 4 денги арш.; пришито 15 пугвиць оловяныхъ, 2½ денги, петли сиурокъ гарусной 2½ денги; около круживо мскимъ (истки?) съ суковъ (sic) мшурные 10 д. — Февр. 11 по приказу бояр. Б. И. Морозова сдѣланъ лѣтникъ въ камкъ черной клѣтчатой, пошло 11 ар., по рублю, подолиникъ 6½ вер. тафты зеленой, на подкладку 14½ арш. киндяку вшиневого; въ опушкѣ пухъ 2 р.; на вошми 1 ар. 1 в. бархату таусинного мѣстами травки золоты круглыя и копытца. Шубка столовая сукно черно оряское, пошло 5 арш. по 2 р., на подпушку тафты тмозеленой... Каптуръ соболей, пошло пара сосолей 10 р., пара—7 р., соболь 3 р., да бобръ 5 р. колскихъ; два звена пуху черныхъ, да звенцо накладки; на вершокъ миткалей широкихъ 6 вер., да на *подлаку* поларшина полотна литовского 6 денегъ. И тотъ лѣтникъ и шубку и каптуръ занесъ въ государеву мастерскую подату дякъ Гр. Панкратьевъ, а принялъ постельничей Михайло Алекс. Ртищевъ, а сказалъ, что тѣмъ лѣтникомъ и шубкою и каптуромъ пожаловалъ государь дочь его.

155 г. февр. 9 къ царицынымъ санямъ на станячные шлеи и на побочи и на узды и на обшивку да на дыхло и на приступъ и на колодку на обивку 62 ар. бархату червчатого. На стулы въ тѣже сани 4 ар. сукна багрецу, на подстилку половинка сукна лятчны черденной, на миндери шесть сафьяновъ черденныхъ. Въ государынины сани на зголовенцо въ прибавку 2 арш. отласу золотного.

41. Верхній относъ 156 г. — Сент. 2, ко государынѣ царевнѣ и в. к. Аниѣ М. въ хоромы 7 вершковъ тафты червчатой приняла боярыня княгиня Марья Ивановна Пронская, а сказала, что тое тафту царевна пожаловала ей. — Сент. 13, къ царевнѣ Аниѣ въ хоромы вершокъ съ четью отласу золотнаго по червчатой землѣ приняла кн. Марья Ив. Пронская, а сказала, что царевнѣ *на потѣху*. — Сент. 18, къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы хребтовъ бѣлыхъ въ длину 2½ вершка, поперегъ 3 арш. приняла дѣвка Марѳа Голохвастова, а сказала, что тѣ хребты бѣлыя царевна пожаловала ей. — Окт. 8, для государевыхъ дѣлъ въ свѣтлицу 18 зол. шолку шемаханского да аршинъ киндяку лазоревого приняла княгиня Овдотья Коркодинова. — Окт. 26, въ свѣтлицу для государевыхъ дѣлъ 4 сорочки крашенинныхъ съ суковъ

приняла кн. Овд. Коркодинова. — Къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы шапка горлатная лисья черная, цѣною въ 12 руб., приняла казначая Василиса Пятово, а сказала, что тое шапку царевна пожаловала дѣвкѣ Марѣ Голохвостовѣ. — Окт. 27, къ царевнѣ Аннѣ въ хоромы литра золота приняла боярыня кн. М. И. Пронская. — Ноября 17, въ свѣтлицу для государевыхъ дѣлъ 30 зол. шолку темновишневого, по 20 зол. шолку темнолимонного, зеленого, 10 зол. шелку таусинново да по четверти вершка бархату да отласу червчатого да сорочка съ суконъ крашенияная. Тогожъ дни въ свѣтлицу по 30 зол. шолку темновоздичного да зеленого, да 45 зол. шолку сѣрого приняла кн. Овд. Коркодинова, а сказала, что тотъ шолкъ на покровъ, для шитья, Савы Сторожевского. — Нояб. 20, въ свѣтлицу 4 цѣвки золота да 8 зол. шолку рудожелтого приняла кн. Овд. Коркод. а сказала, что золото и шолкъ на каймы къ покрову Савы Сторожевского. — Ноябр. 24, въ свѣтлицу 20 зол. шолку темновоздичного, приняла кн. Овд. Корк. — Нояб. 25, въ свѣтлицу 4 цѣвки золота да 8 зол. шолку рудожелтого приняла кн. Овд. Коркодинова, а сказала, что на каймы для шитья къ покрову Савы Сторожевского. — Нояб. 27, къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы $1\frac{1}{2}$ вер. отласу таусинного да 2 зол. шелку таусинного приняла Анна Травина государю подъ ожерелье. Тогожъ дни въ свѣтлицу 2 ар. 9 вер. камки лазоревой куфтеру да 3 ар. 3 вер. тафты червчатой да по два зол. шолку темновишневого да зеленого, да по золотнику шолку рудожелтого да лазоревого приняла кн. Овд. Корк., а сказала, что на камку нашита середина старая покрыва Савы Чуд-Сторож., тафта на подкладку подъ тотъ же покровъ, а шелки на шитье къ покрову жъ. — Дек. 13, въ свѣтлицу 2 ар. тафты червчатой приняла кн. Овд. Корк., а сказала, что та тафта на государскія сорочки. — Дек. 15, въ свѣтлицу 5 зол. шолку бѣлого, рудожелтого, червчатого, и въ томъ шолку соткано 10 ар. безъ чети поясковъ къ царевнинимъ телогрѣямъ на снурки и на петли. — Дек. 19, къ царевнѣ Аннѣ въ хоромы пол-шеста вершка бархату зеленого да 2 зол. шелку шемоханского, приняла бояр. кн. М. И. Пронская, а сказала, что бархатъ подъ образъ Николы чуд. *моленіа* царевны Анны. — Дек. 26, въ свѣтлицу 6 ар. тафты бѣлой, приняла кн. Овд. Корк., а сказала, что та тафта на *ширинки*. — Генв. 5, въ свѣтлицу 6 литръ золота приняла кн. Овд. Корк., а сказала, что то золото къ ширинкамъ на кишенья. — Генв. 8, въ свѣтлицу цѣвка золота да 2 зол. шолку червчатого, и въ томъ золотѣ и въ шолку царевнамъ на чеботы соткано 9 арш. понсковъ. — Генв. 9, въ паричну мыленку для обивки вставней и втулокъ окошечныхъ и дверей 7 ар. 6 вер.

сукна червчатого аглицкого, взял истобничей Александръ Борковъ. Тогожь дни постельничей Михаило Алексѣевичъ Ртищевъ взял на царницыно на запасное столычковое мѣсто аршинъ 5 вер. сукна червчатого аглицкого. — Генв. 14, въ свѣтлицу пара соболей цѣною въ 7¼ руб. да аршинъ 2 вер. тафты червчатой. приняла кн. Овд. Корк., а сказала, что соболы на царницыны бѣлыя на двѣ кнѣи на *задки*, а тафта къ тѣмъ же кнѣямъ на *лежесты*. — Генв. 15, къ царицѣ Марьѣ Ильичнѣ въ хоромы фунтъ 14½ зол. мыла гречкого принялъ постельничей Михаило Алексѣевичъ Ртищевъ, а сказалъ, что то мыло про государыню царицу. — Генв. 16 къ царицѣ въ хоромы аршинъ тѣхъ червчатой принялъ постельничей М. А. Ртищевъ. — Генв. 17, къ царицѣ въ хоромы поларшина сукна багрецу принялъ постельничей, — а сказалъ, что то сукно на страпню казначей. Тогожь дни къ царицѣ въ хоромы 2 ар. 10 в. сукна багрецу приняла кравчая Анна Мих. Вельяминова, а сказала, что на покрываше государыни царицы платья. — Генв. 24, къ царицѣ въ хоромы три сорока соболей цѣною одинъ въ 70 р., другой въ 50 р., третій въ 30 р., принялъ околичнѣй Илья Данил. Милославской, а сказалъ, что тѣмъ соболми царица пожаловала боярина Б. И. Морозова да жѣну его Анну Ильичну. — Генв. 26, къ царевнѣ Аннѣ въ хоромы аршинъ полжеста вершка дороговъ черчатыхъ глянскихъ да сукна багрецу въ длину 2 ар. 2 вер., поперегъ аршинъ съ четью, приняла бояр. кн. М. И. Пронская, а сказала, что дороги къ писаному царевнину ларцу на подкладку, а сукно на столъ для покрывашья. — Февр. 22, къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы 7 арш. камки индѣйской серебряной по алой землѣ да 5¼ зол. шодку шемоханского, приняла казначая Василиса Пятово, а сказала, что камка на *фаты*. — Февр. 23, къ царицѣ въ хоромы 20 арш. тафты *вдовской* разными цвѣтами да киндякъ зеленъ да бобръ цѣною въ 6 р. приняла кравчая Анна Мих. Вельяминова. Тогожь дни по приказу (царницына) *дворецкого* Прокофья Ѳеодор. Соковнина взяли истобничие Александръ Борковъ да Иванъ Скорятинъ два ковра, одинъ золотной, а другой цвѣтной, золотной мѣрою въ длину 4 арш. безъ чети, поперегъ 2 ар. 3 вер.; цвѣтной въ длину 4 ар. 5 вер., поперегъ 3 ар., а сказали, что тѣ ковра постлать подъ мѣсто государыни царицы Марьи Ильичны, какъ она государыня бываетъ у церкви у пѣнія. Тогожь дни въ свѣтлицу 7 арш. 3 вер. крашенины лазоревой приняла кн. Овд. Корк., а сказала, что крашенина къ пальцамъ на мешечки. — Февр. 24, по приказу Прокофья Ѳеодор. Соковнина судовой Иванъ Текутьевъ взял ложку каповую, а сказалъ, что та ложка крайчей, чѣмъ накушивать передъ

государынею царицею кушенье. — Февр. 29, къ царевнѣ Аннѣ въ хоромы по 2 зол. шолку бѣлого да рудожелтово приняла бояр. кн. М. И. Пронская, да онажъ приняла 10 зол. шолку шемаханского, а сказала, что тотъ шолкъ царевнѣ на *юлса*. Къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы 27 арш. 6 вер. тафты бѣлой приняла казначея Василиса Пятово, а сказала, что тафта царевицѣ на сорочки, да онажъ приняла 2 зол. шолку бѣлого. — Марта 5, къ царицѣ въ хоромы полбобра (а потому цѣлый бобръ) приняла Пр. Фед. Соковнинъ, а сказалъ, что г. царица пожаловала околы. Ив. Андр. Милославскому. — Тогожъ дни въ свѣтлицу для государевыхъ дѣлъ 48 зол. шолку *мичлоо* приняла кн. Овд. Федор. Коркодилова. — Марта 13, къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы 14½ зол. шолку шемаханского приняла казначея Вас. Пятово, а сказала, что царевнѣ на поясъ. — Мар. 15, къ царицѣ въ хоромы 12 ар. тафты алой да 10 ар. камки червчатой куфтеру, да 7 вер. отласу червчатого, приняла кравчая Анна Мих. Вельяминова, а сказала, что тафта государынѣ на сорочки, отлась подь два шляпочные *смуры* подь визанье. — Марта 18, къ царицѣ въ хоромы двѣ ложки каповыя принялъ Прокофей Фед. Соковнинъ. Тогожъ дни къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы ложка каповая; приняла казначея Василиса Пятово. — Марта 19, къ царицѣ въ хоромы ложка каповая, да двѣ ложечки красныхъ маленькхъ да братинка корьлчатая; принялъ Пр. Фед. Соковнинъ, а сказалъ, что то все государыня пожаловала Татьянѣ Григорьевнѣ Милославской. — Марта 20, въ свѣтлицу цѣвка золота да 3 зол. шолку червчатого; и въ томъ золотѣ и въ шолку соткано поясковъ царевицѣ на чоботы мѣрою 10 арш. — Марта 22, въ свѣтлицу 2 вершка отласу червчатого приняла кн. Овд. Корк., а сказала, что тотъ отлась государю подь ожерелье. — Март. 23, къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы 15 киндаковъ розными цвѣтами, да 3 верш. тафты алой, приняла казн. Вас. Пятово, а сказала, что тѣ киндаки царевны пожаловали верховнымъ дѣвкамъ и карлицамъ. — Мар. 30, къ царевнѣ Аннѣ въ хоромы 1 ар. 6 вер. кружива кованово-серебряного да золотникъ шолку зеленого, да четь арш. камки алой куфтеру, да четь арш. бархату зеленого. Круживо и шелкъ и камку приняла ^{кн.} княжна Марья Шеховская, а бархатъ приняла казначея Гликерья Торжнева, а сказала, что подь образъ Воскресенія Христова *молеми* царевны Анны Мих. — Юля 11, къ царицѣ въ хоромы 6 литръ золота; Юля 13, литра серебра; приняла кравчая Анна Мих. Вельяминова. — Юля 2, къ царевнѣ Аннѣ въ хоромы 2 ар. безъ 3 вер. отласу золотного по червчатой землѣ, да 3 ар. безъ 6 вер., отласу золотного по серебряной землѣ, да аршинъ кружива кованова-сереб-

реного голону, да иршняѣ тафты жолтой, приняла княгиня Марья Шеховская, а сказала, что то все на два покровца. — Юля 11, въ свѣтлицу для государева дѣла 3 вер. отласу червчатого да цѣвка золота; отласъ приняла боярыня княгиня Овд. Коркодинова, а цѣвку — мастерица Ульяна Яхонина, а сказала, что то золото на покровъ на шитье къ Савѣ Чуд. Сторожевскому. — Юля 24, въ свѣтлицу по полуонта шолку бѣлово да рудожолтово приняла бояр. кн. Овд. Корк., а сказала, что тотъ шолкъ на покровъ Савы Чудотворца. — Юля 27, въ свѣтлицу 2 ар. безъ чети отласу бѣлого приняла б. кн. Овд. Корк., а сказала, что тотъ отласъ г. царицѣ на вошвы подъ шитье. — Авг. 8, въ свѣтлицу 6 вер. отласу бѣлово приняла б. кн. Овд. Коркод. и сказала, что тотъ отласъ г. царицѣ къ чеботамъ переды подъ шитье. — Авг. 9, въ свѣтлицу 10 зол. шолку гвоздичного да цѣвка серебра, шолкъ приняла мастерица Катерина Заверова, серебро мастерица Домна Волкова, а сказала что шолкъ на Спасову пелену на шитье, а серебро на покровъ Савы Чуд. — Авг. 12, въ свѣтлицу 5 вер. отласу жолтого, приняла б. к. Овд. Коркод, а сказала, что царицѣ на чеботные переды подъ шитье. — Авг. 13, къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы четь арш. кимки червчатой куфтеру, да пол-девата верш. кимки куфтеру зеленово; приняла казначея Вас. Пятово, а сказала, что та кимба на покровецъ.

42. Книга кроляная государыни царицы и в. к. Марья Ильичны 156 года. — Генваря 9, государынѣ царицѣ и в. к. Марьѣ Ильичнѣ сдѣлано стольчаковое судно, сукна багрецу на то *судно* на оболочку пошло 2 арш. безъ 2 вер., да въ настилку пошло 2 ф. бумаги хлопчатой да на шитье пошло золотникъ шолку. — Генв. 12, царицѣ скроены трои *башмаки* да двои *ичедоги* въ отласѣ червчатомъ, въ бѣломъ, въ аломъ. Отласу въ кроенье въ башмаки и въ ичедоги червчатого и алово пошло по аршину по 6 вер., а въ бѣлые башмаки отласу пошло 9 верш. Да на червчатые и алые башмаки и ичедоги нашито круживо кованово серебряное узкое, пошло полсема аршина; на бѣлые нашито круживо золотное кованое, пошло 1 ар. 10 вер.; да на обвивку къ коблукамъ по 5 арш. золота; къ башмакамъ да на верхи къ ичедогомъ пошло 6 вер. отласу жолтово; да на подкладку подъ башмаки и подъ ичедоги пошло аршинъ 9 вер. тафты червчатой. Да подъ башмаки подбиты скобы серебряные бѣлые. Да на шитье пошло 3 зол. шолку. Тогожъ дни царицѣ скроены четверы *чулки*, двои въ камкѣ червчатой мелкотравой, да двои чулки въ отласѣ червчатомъ. Камки и отласу въ кроенье пошло по 2½ арш. Одни камчатые подложены тафтою лазоревою пошло 9 вер.; подъ другіе камчатые подложены

исподъ черева бѣльи; подъ отласныя одинъ подложенъ исподъ пупчатой соболей, пупковъ пошло 42 пупка; а другіе подложены тафтою лазревою, пошло 9 вер.; да на шитье пошло 3 зол. шолку. — Генв. 13, царицѣ скроенъ *лѣтникъ* въ отласѣ бѣломъ, отласу въ кроенье пошло 10 ар. 9 вер. да на подкладку пошло 6 ар. съ полуаршинномъ тафты бѣлой; да на подольникъ пошло аршинъ безъ 2 вер. отласу червчатого; да на тотъ же *лѣтникъ* нашиты вошвы шиты по отласу червчатому золотомъ и серебромъ травы, межъ травъ косы, въ травахъ и въ косахъ аксамичено въ цвѣтахъ шолкъ зеленъ и лазоревъ, а выданы тѣ вошвы изъ хоромъ въ прошломъ во 155 г. Сент. 11; да на пухъ скроено полтора бобра; да на шитье полтретья зол. шолку. — Генв. 14, на бархатную червчатую *шубку* нашивано круживо съ олами; около оломовъ низано жемчугомъ; шолку пошло на шитье $1\frac{1}{2}$ зол. Да на тоежъ шубку нашито 14 пугвицъ золоты съ чернью въ закрѣпкахъ по искоркѣ алмазной. Тогожъ дни царицѣ скроены *чюлки* въ отласѣ бѣломъ; отласу пошло $1\frac{1}{2}$ арш.; да исподъ подкроено черева бѣльи. Тогожъ дни царицѣ скроена *тѣлогрѣя* въ отласѣ рудожелтомъ, по немъ травки невелики; отласу въ кроенье пошло 9 арш., да исподъ подкроенъ черева лисьи съ рукавы; да на тоѣже тѣлогрѣю нашито 9 арш. 6 вер. кружива кованова золото съ серебромъ; да на пухъ скроено бобръ; да 15 пугвицъ серебряныхъ золоченыхъ съ финифты. Тогожъ дни царицѣ скроены двѣ *тѣлогрѣи*, одна въ отласѣ червчатомъ, другая въ отласѣ бѣломъ, пошло по 9 ар.; на червчатую нашито круживо плетеное золото съ серебромъ широкое, пошло 10 ар.; на бѣлую нашито круживо кованое золотное, пошло 9 ар. 6 вер.; подъ червчатую исподъ подложенъ цки горностайный, а подъ бѣлую пупки соболей; да на пухъ скроено на обѣ тѣлогрѣи два бобра; да нашито по 15 пугвицъ серебр. золоч. съ финифты. Тогожъ дни царицѣ скроены *чеботы* въ отласѣ бѣломъ, отласу въ кроенье пошло 1 ар. 6 вер. да на верхи нашито 3 верш. отласу червчатого; да по швамъ нашито 3 арш. съ четью кружива кованова золотново узково, да къ коблукомъ на обивку пошло 5 арш. золота да на подкладку пошло 11 верш. тафты червчатой; да скобы подъ чеботы серебряныя. — Генв. 16, царицѣ скроенъ *лѣтникъ* въ тафтѣ бѣлой, пошло полшеста арш., да на подкладку полсема арш. тафты лазревой, да на подольникъ 7 вер. желтой тафты, да на пухъ скроено бобръ, да на вошвы пошло 1 арш. 2 вер. отласу золотново по серебряной землѣ. Тогожъ дни царицѣ скроена *тѣлогрѣя* въ тафтѣ бѣлой, пошло полпята арш.; подкроенъ исподъ червей бѣлей; нашито 9 арш. кружива кованое серебряное узкое, да 15 пугвицъ се-

ребрены золочены, да на пухъ скроено полбобра. — Генв. 22, царичъ скроены двои чеботы, одни въ бархатъ по золотной землѣ травы шолки розныя цвѣтныя, а другіе въ бархатъ цвѣтномъ по желтой землѣ травы и звѣри и птицы шелкъ червчатъ; на подкладку пошло подъ обои чеботы аршинъ тафты червчатой, да на верхи пошло по 3 верш. отласу, на золотыя червчатого, на цвѣтныя желтого, да по швамъ 6 арш. кружива серебр. узкого, да (на) обвивку къ каблукамъ 10 арш. золота; да подъ тѣмъ чеботы подбиты скобы серебряныя. — Генв. 23, скроена *шубка накладная* въ камки кизылбаской по золотной землѣ травы шолкъ червчатъ, былъ, лазоревъ пошло 7 арш. безъ 2 вер.; на подкладку — 7 арш. 7 вер. дороговъ ряскихъ. Тогожъ дни скроены *льшники* въ обьери по бѣлой землѣ по ней травки золотныя, пошло 10½ арш., на подкладку полсема арш. тафты червчатой; на подольникъ 1 ар. безъ 2 вер. отласу червчатого; на пухъ скроены бобръ съ четью; вошвы нашиты *льмеукое дѣло* дѣлами по отласу червчатому золотомъ волооченымъ съ канделью золоченою гладкою цвѣтною въ травахъ низано жемчугомъ мелкимъ, межъ травъ нашиты звѣздки и репейки кандельныя цвѣтныя, въ репяхъ зерна жемчужныя. — Генв. 24, царичъ скроены *чеботы* въ бархатъ червчатомъ гладкомъ; пошло 1 ар. 2 в.; на подкладку пошло пол-аршинна тафты червчатой да на верхи 3 вер. отласу желтого; нашито по швамъ 3 ар. кружива кованово узково, на обвивку къ каблукамъ 5 ар. золота; подъ чеботами скобы серебряныя. Тѣ чеботы къ царичъ въ хоромы принялъ постельничей Михайло Олексѣевичъ Ртищевъ, а сказалъ государыня пожаловала боярина Борисовъ женѣ Ивановича Морозова Аннѣ Ильичнѣ. — Генв. 27, въ церкви Христовы Мученицы Екатерины, что въ Верху обито *льсто* сукномъ, государыни царицы, гдѣ она государыня ставитца; сукна багрецу пошло въ длину 3 арш. безъ 3 вер., поперегъ 2 ар. безъ 6 вер. — Февр. 2, царичъ скроена *шубка* накладная въ отласъ по алой землѣ, по немъ травы золоты, промежъ травъ листки и репейки серебряныя; пошло 10 ар. безъ 5 в., въ запасъ 1 в., на подкладку 4 ар. 6 в. тафты желтой, на шитье 2 зол. шолку. — Февр. 2, царичъ скроена *тѣлоурыя* въ обьери по серебряной землѣ листыя и травы золоты въ травахъ шолки разныхъ цвѣтовъ: въ кроенье пошло 10 ар.; на подкладку 4½ ар. тафты червчатой; на подпушку 1½ ар. камки желтой мелко-травой; нашито 10 ар. безъ 5 в. кружива кованово золотново широко Воробьева дѣла, да 20 пугвиць серебр. золоч. съ финифты розныя. — Февр. 14, царичъ скроены *треузы* соболей, верхъ въ отласъ червчатомъ, пошло 1 ар. безъ четь, да на *лепестки* пошло 2 в.

тафты червчатой, а исподъ выданъ соболей въ хоромъ. — Марта 6, парицѣ скроены *башмаки* въ сафьянѣ жолтомъ, пошло четверть сафьяна; на тачку золотникъ шолку червчатого; на обвивку къ каблукамъ 15 арш. золота; а кружива не нашивано. Государыня пожаловала матери своей боярыни Катеринѣ Федоровнѣ Милославской. — Марта 12 на бархатную червчатую *шкатулу* (царицы) скроено лагалище въ сукнѣ багрецѣ, пошло 1½ ар., на подкладку 3 ар. 5 в. киндяку зеленого, на шитье золотникъ шолку. — Апр. 23, парицѣ скроенъ *оашень* въ сукнѣ скорлотѣ червчатомъ, сукна моченого пошло 4 ар. 9 в.; на подкладку 6 ар. тафты лазоревой; нашито 9 ар. 3 вер. кружива кованова серебряного широкого съ пелепеды; да такого-же узкого 9½ ар., да на петли тогожъ кружива пошло 15 арш. (На другой подобный же нашито 15 пугвицъ серебр. золоч. чеканное дѣло). — Мая 2, парицѣ скроены на *чеботы* образцы подъ низанье въ отласѣ червчатомъ, пошло 5 вер. — Скроены чеботы въ отласѣ жолтомъ, пошло 1 ар. 1 в.; на верхи 3 вер. отласу червчатого по швамъ нашито опричь передовъ 2 ар. кружива кованого серебр. широкого; на подкладку пошло полдевята вершка тафты червчатой. На переды нашиты образцы по отласу червчатому низаны жемчугомъ. — Мая 11 скроена *тльогрѣя* въ отласѣ бѣломъ, пошло 10 ар., на подкладку 4½ ар. тафты бѣлой; подпушки 1½ ар. камки червчатой мелкотравой; нашито 10 ар. кружива кованого золотного широкого съ пелепеды; 20 пугвицъ серебр. золоч. съ финяфты въ закрѣпкахъ по искоркѣ червчатой. Государыня пожаловала боярина Борисовѣ женѣ Ивановца Морозова Аннѣ Ильичнѣ. — Юля 5, скроенъ парицѣ *лѣтники* въ отласѣ золотномъ виницейскомъ по червчатой землѣ травы и листье золоты да серебряны, пошло 10 ар. безъ вершка; на подкладку 6½ арш. тафты жолтой, на подольникъ 1 ар. 1 в. отласу жолтово, вошвы пришиты по бархату черному дѣланы канителью и трунцаломъ и бганью травы, промежъ травъ звѣри и птицы да вшиваны звѣздки золоченны. Да на тотъ же лѣтникъ скроенъ чехоль въ киндякѣ лазоревомъ, пошло 13 арш. — Юня 25, царицы у отласнаго бѣлово лѣтника перемѣнены *крыльца* для вошевь, что малы, отласу на крыльца пошло аршинъ безъ 2 вер. — Авг. 12, царицѣ скроена *приволака* въ тафтѣ червчатой, пошло 4 ар. безъ 3 вер.; 10 пугвицъ серебр. золоч. вольячныя, да на *отлечь* нашито по отласу червчатому низаны жемчугомъ большимъ; на духъ скроенъ бобръ безъ чети.

43. Книга *королевая* царевнѣ Ирины, Анны, Татьяны Мих. 156г. — Сент. 14, государынямъ царевнамъ скроено по *чулкамъ* въ тафтѣ червчатой, пошло 2 ар., исподы подкроены черевы бѣлыя, на шитье пошло

3 зол. шолку. — Окт. 23, царевны Ирины починивано одъяло пупчатое соболье, что подъ тафтою червчатою, грива тафта была. — Нояб. 22, царевнамъ Аниѣ и Татьянѣ скроено по чеботамъ въ сафьянѣ; золотомъ, нашито по швамъ по 3 ар. поляску шолкъ красной съ золотомъ, на верхи по 3 в. атласу червчатого, на обвявку къ каблучкомъ по 5 арш. золота. — Генв. 10, царевнѣ Иринѣ на старой пуховникъ вмѣсто старой камчатой червчатой мелкотравой наволоки скросна новая яволока въ камкъ червчатой мелкотравой, пошло 12 ар. да къ исподней подкладкѣ въ прибавку пошло 4 ар. полотна тверского; на шитье золотникъ шолку. — Марта 11, царевнѣ Татьянѣ Мих. на *перевязку* низваную, что (съ) города скроено логалише въ тафтѣ червчатой, пошло 2 и., да на подкладку киндяку зеленого 4½ вер. — Апр. 29, царевны Анны Мих. на столъчакое новое судно сукна багрецу на оболочку 2 арш. безъ чети да въ настилку пошло 2 ф. бумага хлопчатой. — Мая 15, царевнѣ Татьянѣ Мих. скроены на пуховникъ да на зголовье, да на подушку наволоки въ камкъ червчатой мелкотравой, пошло 16 ар., въ пуховникъ въ прибавку 3½ ф. пуху гусьянаго бѣлаго.

44. 156 г. ноября 2, по приказу казначей Василямъ Пятово велѣно нашить на казенномъ дворѣ на шубу тафтяную рудожелтую, что на черевехъ бѣлыхъ, круживо и нашпвку серебряное плетеное, да вычинить двѣ шапки черевьи лисьи, а сказала, что шуба княжны Прасковьи Колмыцкой, а шапка одна Настки Поповой, а другая Манки карлицы. — Дек. 8, по приказу казначей Вас. Пятово сдѣлана на Казенномъ дворѣ тѣлогрѣя въ крашенинѣ лазоревой на черевехъ заячьихъ опушена пухомъ бобровымъ, пугвицы нашиты оловяныя; мѣрою въ длину аршинъ съ верхкомъ, въ плечехъ 11 вер., въ подолѣ 1½ ар., а сказала, что тое тѣлогрѣю царевна пожаловала дѣвкѣ карлицѣ Аюнкѣ Быку. — Дек. 19, по приказу Анны Борисовны Травины сдѣлано на портомойные сани *сукно*, въ сукнѣ червчатомъ моченомъ настрафилѣ, подложено крашениною лазоревую; на сукно нашито образцы сафьянные; мѣрою въ длину пол-шеста аршина, поперекъ межъ покромей 2¼ арш. — Дек. 24, по приказу казначей Вас. Пятово сдѣлано 4 *тѣлогрѣи*, одна въ зендени лазоревой, а три въ крашенинѣ лазоревой, исподы черевьи заячьи, опушены пухомъ бобровымъ, пугвицы оловяныя, приняла казн. В. П., а сказала, что зенденниную тѣлогрѣю царевна Ирина пожаловала княжнѣ Прасковѣ Колмыцкой, а крашенинныя карлицамъ Аленкѣ, Манкѣ, Аюнкѣ Быку. — Ген. 13, скроена шубка накладная въ отдачу въ сукнѣ скорлатѣ бѣломъ, пошло 4½ ар., на подпушку 1½ ар. тафты червчатой. Тое шубку

государь пожаловалъ стряпчего Іева Голохвастова жепъ Матренѣ. — Февр. 4, по приказу боярина Ильи Данил. Милославскаго матери его Марьи Семеновны къ кантуру сдѣланъ новой *пухъ*, пошло бобръ безъ трети; на тотъ пухъ нашито звено пуху накладново. — Марта 3, по приказу кравчей Анны Мих. Вельяминовы сдѣланы двой *ризы* дорогильные зеленые, да два стихаря подризныхъ киндячныхъ, да стихарь дякоиской въ дорогахъ зеленыхъ, да двѣ потрахели, трои поручи, ударь, въ камкѣ двоеличной индѣйской, пугвицы сереб. бѣлые, кисти шолковые. И то все принялъ бояринъ Илья Дан. Милославской, а сказалъ, что то все государыня пожаловала въ церковь Преч. Богородицы Страстной, что за Тверскими вороты. — Марта 4, по приказу боярыни Ульяны Степановны Собакины сдѣлано 2 *тѣлогрѣи* въ камкѣ индѣйской двоеличной шолкъ червчатъ да жолтъ, подложены крашениною; кружива плетеные сереб., пугвицы сереб. бѣлыя. Мѣрою одна въ длину 2 ар. безъ вершка; въ плечехъ 1 ар. безъ $1\frac{1}{2}$ в., въ подолѣ 3 ар. безъ чѣти; другая дл. 1 ар. $14\frac{1}{2}$ в., въ плечехъ 1 ар. безъ $1\frac{1}{2}$ в., въ подолѣ 2 ар. 12 в., а сказала, что царевны пожаловали дѣвкамъ княжѣ Марьѣ да княжѣ Аннѣ Шеховскимъ. — Марта 24, по приказу боярыни кн. Марьи Ив. Пронской царевны Анны на писаной ларець скроено *лазалище* въ сукнѣ аглинскомъ червчатомъ, пошло поларшина, на подкладку аршинъ киндяку зеленого. — По приказу казначей Вас. Пятово сдѣлано 7 *тѣлогрѣи*, одна въ камкѣ, круживо серебряное плетеное, 10 пугвиць сереб. бѣлыхъ; другая въ дорогахъ, круживо мишурное, пугвицы оловяныя; 5 въ киндякахъ розныхъ цвѣтовъ подложены крашениною и холстиною, пугвицы оловяныя; да 2 *тѣлогрѣи* въ киндякахъ исподы черевьи бѣлыя, да двѣ *тѣлогрѣи* въ крашенинѣ подложены холстиною, пугвицы оловяныя. Госуд. царевны пожаловали верховымъ дѣвкамъ. — Марта 27, по государеву указу сдѣлана *шубка накладная* въ отласѣ золотномъ по сереб. землѣ, подложена дорогами червчатыми гиллянскими; *лѣтники* въ камкѣ кизылбаской золотной по червчатой землѣ, подложены киндякомъ, подольникъ пришить дороги жолты гиллянскія, опушенъ пухомъ бобровымъ; вошвы нашиты отласѣ золотной по серебряной землѣ. Да двѣ *тѣлогрѣи*, одна въ камкѣ червчатой травной нѣмецкой, другая въ камкѣ двоеличной индѣйской шолкъ червчатъ да жолтъ, подложены киндякомъ, подпушены дорогами; нашито по 15 пугвиць сереб. бѣлыхъ; на червчатую нашито круживо кованое сереб. узкое, а на двоеличную — сереб. плетеное; и то все государь пожаловалъ *крестницу* своей дѣвкѣ нѣмкѣ Овдотѣ. — Апр. 17, по приказу кравчей Анны Мих. Вельяминовы ца-

риды на *хоромное Евангеліе* скроено лагалище въ сукнѣ аглинскомъ червчатомъ, пошло 3 вер., взялъ крестовой Ома Борисовъ. — Мая 2 по приказу кравчей Анны Мих. Вельяминовы подкладываны отдаточные 4 шлям, двѣ отласомъ червчатымъ, полки отласомъ золотымъ, а двѣ тафтою червчатою, полки отласомъ червчатымъ. Отласу пошло 2½ ар., тафты 1 ар.

Іюня 13 царца пожаловала Аннѣ Ильичнѣ Морозовой: двѣ тѣлогрѣи въ тафтѣ лазревой, одна холодная, а другая теплая, хребты бѣлыя, по 20 пугвиць; сапоги да ичелоги да башмаки въ сафьянѣ червчатомъ. — Іюня 26, шубка накладная въ сукнѣ зеленомъ аглинскомъ: — Іюля 5 — лѣтникъ въ тафтѣ лазревой — вошвы отласъ золотой по червчатой землѣ развода и круги золоты съ шолкомъ бѣлымъ.

Іюля 6, по приказу кравчей А. М. Вельяминовы сдѣлано два завѣса къ парскимъ дверемъ, одинъ въ тафтѣ жолтой, другой въ зеленой, пришито 16 пугвиць желѣзныхъ. Царца пожаловала въ перковъ Екатерины да въ придѣлъ Прп. отца *Олофрея*. — Іюля 24, по приказу назначен Василісы Пытово подложенъ Спасовъ образъ нерукотворенного, что стоитъ въ Верху у Спаса въ церкви, *молелія* царевны Ирины Мих., кашкою червчатою куфтеремъ, пошло 1 ар. 2 в. — Авг. 5, по приказу кравчей Анны Мих. Вельяминовы сдѣлано къ образамъ подъ чаты семь подушечекъ въ отласѣ червчатомъ гладкомъ насланы бумагою хлопчатою. Государыня пожаловала въ п. Благовѣщенія Преч. Богородицы, что у государя на сѣнехъ — Авг. 7, для ученія каптурнаго дѣла скроены *каптуры* въ мерлушкахъ, мерлушекъ пошло 4, да вмѣсто пуху козелъ черненой, да на оголовичный пухъ пошло пол-барсука. — Авг. 29, по приказу боярыни Матрены Семеновны Милославской на отдаточной *бумажники* да на зголовье скроены исподніе наволоки въ полотнѣ тверскомъ, въ настилку бумаги хлопчатой 14 ф. 12 зол. Въ изголовье пуху гусиного всыпано 10 ф., наволоки верхнія нашиты камка жолта куфтеръ: а сказала, что тотъ пуховикъ и зголовье царца пожаловала матери своей Катеринѣ Ѳеодоровнѣ.

45. 157 г. фев. 4, отъ царцы изъ хоромъ принесъ дьякъ П. Арбенева три тесемки шолковые ткани въ кружки — мѣра гроба Господня; да пять кружечковъ персти отъ святыхъ мѣсть; фунтъ 79 золотниковъ измирна, чотки араматыне да 5 свѣчъ воску ярова — отъ гроба Господня; да двѣ коробочки сахару леденцу, да полотенпо кисейное шито золотомъ волоченымъ, да 9 арш. 2 вер. обьяри по серебреной землѣ по ней травы золоты съ шолки розными; да мыла

грецкого въ дву брускахъ, да въ десяти кружкахъ, въсомъ 2 ф. 29 зол., а сказалъ, что то все выдала ему крайчая Анна Вельям., а сказала, что то все парицѣ поднесъ Еросалимской патриархъ Понсей. Тогожъ дни отъ парицы изъ хоромъ принесъ дьякъ П. Арбенева крестъ деревянной складной по нежъ на обѣ стороны вырѣзано двонадцатные Господскіе праздники, да икра гроба Господня — тесемка шелковая, да чотки ароматныя, да 5 свѣчъ воску ярова отъ гроба Господня, да коробочка сахару леденцу, полотенцо кисейное шито золотомъ и серебромъ волоченымъ на оба лица, да 3 арш. безъ 2 вер. алтабасу по серебряной землѣ листьѣ золоты — то все царевичу Дмитрію Алек. поднесъ Еросалимской патриархъ Понсей. Тогожъ дни отъ царевны Анны Мих. изъ хоромъ принесъ дьякъ П. Арбенева три кружка перста отъ святыхъ икъствъ, тесемка шелковая — икра гроба Господня: чотки ароматныя; 50 зол. намирна да 6 свѣчъ воску ярова отъ гроба Господня, да мыла грецкого въ 4 брускахъ да въ 12 кружкахъ въсомъ 4 ф. 21 зол.; — то все царевичъ Авиѣ поднесъ Еросалимской патриархъ Понсей.

Марта 24 отъ царевны Анны М. изъ хоромъ принесъ дьякъ П. Арбенева *вошвы* по отласу червчатому дѣлано бгавню и картулиномъ травы, около травъ низано жемчугомъ, промежъ травъ пеленелы, у пеленелъ въ закрѣпкѣ по 3 зернышка жемчужныхъ; да въ травахъ же шиты птицы низаны жемчугомъ на проволокъ; выдала ему изъ хоромъ княжна Марья Шеховская, а сказала, что тѣми вошвами дарила царевну Анну М. парица Марья Ильична. Нашиты на лѣтникъ отласной золотной по червчатой землѣ въ травахъ шолкъ зеленъ.

Марта 27 отъ парицы изъ хоромъ принесъ онъ же *шапку* по отласу червчатому низана жемчугомъ мелкимъ орлы и дѣлано канителью золоченою и цвѣтною съ трупцаломъ золоченымъ и звѣздками; да въ шапкѣ жъ шито 40 запонъ съ искорками яхонтовыми червчатыми и съ лазурными и съ зерны жемчужными, запоны съ финыфты розныи, межъ орловъ и запонъ шивваны зерна жемчужныя, около вершка и по швомъ низано жемчугомъ *еъ слизку*, по верхъ пуху плетенеиъ золотной. Тою шапкою дарила парицу царевна Ирина Мих.

Апр. 2 отъ парицы изъ хоромъ принесъ онъ же двои чеботные *переды* да *задники* да *прежняки* хозовые, одни червчатые, а другіе рудожелтые. Переды и задники шиты золотомъ и серебромъ волоченымъ. А сказалъ, что тѣ переды и задники и прежняки выдала ему Анна Вельяминова, а велѣла положить въ кайну до указа, а шиты въ Оружейной полатѣ.

Мая 2 царицы крестовой дьякъ Оома Борисовъ принесть 8 ковшей каповыхъ, а сказала, что тѣмъ ковшами государю и царицѣ и царевнѣмъ челомъ ударили крутишкой жупрополить да симоновской архинарять.

46. 157 г. Окт. 23 къ царицѣ въ хоромы 2½ вершка сукна багрецу да пола хребтовъ бѣлыхъ, приняла Анна Мих. Вельяминова. Да онажъ приняла пару соболей, а сказала, что та пара положена на каму государя царевича на *родимахъ*. — Окт. 30 къ царицѣ въ хоромы пол-осма вершки сукна багрецу приняла Анна кормилица, а сказала, что то сукно государю царевичу на куйгавъ, въ чемъ воду носить. — Ноября 1, къ царицѣ Аннѣ М. отъ бобра *лобочелы* приняла кн. М. И. Прояская, а сказала, что царевна пожаловала дѣвкѣ Насткѣ Колмыцкой къ тѣлогрѣвѣ на пухъ. — Нояб. 18 къ царицѣ въ хоромы 20 паръ соболей по 5 р. приняла А. М. Вельяминова, а сказала, что тѣмъ парами царица пожаловала боярныи дворяныхъ для роженья царевича Дмитрія Ал. — Генв. 8 къ царицѣ Иринѣ М. приняла казначея Василкса Пятово 7 арш. 9 вер. камки евской шолкъ алъ да жоать; Соболя да Смиръ на двѣ шубы на верхи. — Марта 28 къ царицѣ въ хоромы 20 арш. камки евской червчатой да 10 арш. желтой, да 10 ар. камки травной червчатой, приняла Анна М. Вельяминова, а сказала что государыня пожаловала *иръзжисимъ дѣлкамъ*. — Юня 6 къ царицѣ въ хоромы 5 ар. 6 в. отласу таусинного приняла Оксинья Григорьевна Еропкина, а сказала, что подъ оефорные образцы подъ шитье. — Юня 15 въ свѣтлицу для государевыхъ дѣлъ золотникъ шолку свѣтлозеленого да дѣвка серебра, приняла Оксинья Григорьевна Еропкина да онажъ приняла фунтъ бумаги хлопчатой да 2½ арш. киндяку лимонного, а сказала, что киндякъ на подкладку подъ амфоръ патриарховъ подъ шитье. — Юня 30 къ царицѣ въ хоромы двѣ лохани сереб. золочены съ рукомоѣнники приняла Анна М. Вельяминова, а сказала, что одною лоханью и рукомоѣникомъ царица дарила царевну Анну, а другою дарила царевну Татьяну. — Юля 24 къ царицѣ Аннѣ М. въ хоромы еѣ государынины казны 9 ар. 3 в. камки бурской на червцѣ, да пол-9 арш. безъ вершка объари бѣлой съ серебряною струею травы золоты съ розными шолки, корешки у травъ шолкъ зеленъ, да кафтанъ турской отласъ золотной по червчатой землѣ, подложенъ отласомъ зеленымъ; приняла кн. М. Ив. Прояская, а сказала что кафтаномъ царицѣ дарить государя, а камкою государыню, а объарью царевича Дмитрія на свой государыниинъ ангель юля въ 25 день.

47. 157 г. Окт. 17 скроенъ царицѣ *шапочной пухъ*, пошло два бобра безъ чети, на тотъ пухъ нашить вершокъ по отласу червчатому

низанъ жемчугомъ съ канителью, на верхкѣ 17 яхонтовъ лазоревыхъ ... исподъ подкроенъ черевей бѣлей, поверхъ нашить плетенекъ золотой. — Окт. 22 царицы на отласной золотой *лытничкѣ*, что по червчатой землѣ травы и листье золоты скроенъ новой пухъ, пошло бобръ, да нашиты вошвы по бархату черному дѣланы канителью и трунцаломъ и бганью травы, промежъ травъ звѣри и птицы. И тотъ *лытничкѣ* царица пожаловала боярина Б. И. Морозова женѣ Аняѣ Ильичнѣ. — Дек. 22 царицѣ скроенъ *каптуръ* соболей, пошло полтретья пары: на пухъ 2 бобра безъ трети; въ *ооловье* семь пупковъ собольныхъ, на чехолъ 6 верхковъ мяткалей широкихъ, на пухъ *чолошной* подбобра; поверхъ пуху нашито звено пуху накладного. — Августа 22 царицѣ на двѣ шляпы подъ низанье скроены полки въ отласѣ червчатомъ, пошло 1 ар. — Авг. 24 царицѣ на бархатную червчатую хорожную шватулку скроено нагалище, пошло сукна червч. багрецу 5 вер., на подкладку 1 ар. 3 в. киндяку лазоревого. — Дек. 27 на казенномъ дворѣ собрано царевнамъ Иринѣ, Аниѣ, Татьянѣ на три *подможья* теплые три пластины хребты соболя, одна въ длину и поперегъ по $1\frac{1}{2}$ арш. съ верхкомъ, а двѣ по 1 ар. 6 вер. пластина; первая цѣною 40 р., а двѣ по 30 р.; подложены сукномъ багрецомъ добрымъ, да въ тѣже подножья пошло 2 войлока толстыхъ. — Февр. 10 царевнѣ Аниѣ сдѣлана къ коснику кисть, пошло 3 цѣвки съ четью золота да $1\frac{1}{4}$ зол. шолку шемоханского. — Марта 19 царевнѣ Татьянѣ сдѣланъ въ серебрѣ косникъ, пошло 3 цѣвки да шолку шемохансково $1\frac{1}{2}$ зол. — Апр. 6 царевнѣ Аниѣ сдѣланъ косникъ въ серебрѣ, пошло 3 цѣвки да золотникъ шолку шемаханского.

48. Сент. 19 сдѣланы ризы, стихарь дьяконской, стихарь подрпзный, на престолъ целена, воздухъ, 2 покрѣвца, заповъ къ царскимъ дверемъ—царица пожаловала въ греки въ Офонскую гору въ Пантелеймоновъ монастырь. Еще нобр. 3 пятахель, уларь, поручи. — Окт. 21 по приказу казначен Василисы Пятово подложенъ Спасовъ образъ хорошой моленія царевны Ирины М. камкою червчатою мелкотравною, пошло 6 вер. — Дек. 31 скроены два треуха въ тафтѣ червчатой, исподы кунья—царевна Ирина пожаловала дѣвкамъ Соболю да Смирѣ. — Мая 28 скроенъ сакъ—царица пожаловала Еросалинскому патріарху Поисею. — Юня 8 по приказу боярыни Аксиныи Григор. Еропкиной подложена целена, а на ней вышить образъ вел. чудотворца Николы камкою евскою мелкотравною. — Юня 17 по приказу тойже боярыни подложенъ воздухъ шитой въ лицахъ положеніе Господне во гробъ тафтою зеленою — Юля 17 по приказу казначен Василисы Пятовой скроенъ подъ низанье покрѣвъ, середина въ бархатѣ червчатомъ, пошло 4 ар.

безъ чети, на вайну 3 ар. безъ 5 вер. отласу зеленого. Приняла онаже, а сказала, что тотъ покровъ св. праведного Артемія Вердуского на покровеніе на гробницу его.

49. 157 г. сент. 13 къ царевнѣ Аниѣ въ хоромы 1 ар. 10 вер. дороговъ червчатыхъ приняла казначей Глидерея Торжнева, а сказала, что къ царевиницу *умывальному* ларцу на обивку.—Ноябр. 22 къ царицѣ поларшина сукна червчатого аглинского, приняла кравчая Анна Вельяминова, а сказала что тѣмъ сукномъ обить мѣсто въ церкви Христовы муч. Екатерины, гдѣ ставитца государыня царица. — Генв. 15 къ царицѣ въ хоромы двѣ шапки черевьи лисьи, одна въ 22 р., другая въ 4 р., приняла кравчая Анна Вел., а сказала, что лутчюю шапку царица пожаловала княжизъ Аниѣ Шеховской, а другую—дѣвкѣ Овдотьѣ нѣмкѣ.—Февр. 2 къ царицѣ въ хоромы шапка черевья лисья въ 8 р.—государыня пожаловала нѣмочкѣ Овдотьѣ. — Марта 7 въ свѣтлицу 1½ вер. отласу червчатого, 2 зол. безъ чети шолку шемоханского, 1½ зол. шолку бѣлого, вершокъ безъ чети тафты лазоревой, вершокъ тафты алой, 2 вер. киндяку лазоревого. Приняла бояр. Аक्सинья Еропкина, а сказала, что то все на государево ожерелье.—Марта 21 въ свѣтлицу 11 цѣвокъ золота приняла золотная мастерица Степанида Петрова, а сказала, что на покровъ Алексѣя митрополита.—Апр. 3 въ свѣтлицу 13 зол. шолку шемоханского да 10 арш. безъ 3 вер. холстины; приняла бояр. Акс. Еропкина, а сказала, что въ шолку царевнѣ Татьянѣ велѣно соткать *полясь*, а холстина на нѣшки въ пяльца.—Апр. 23 къ царевнѣ Татьянѣ 7 ар. безъ вершка камки кизылбаской по брусничной землѣ травки золоты въ цвѣтахъ шолкъ таусиненъ. Сею камкою царица Евдокѣя Лук. пожаловала дщерь свою царевну Татьяну, какъ было новоселье въ селѣ Рубцовѣ въ еѣ государынинѣ избушкѣ.—Мая 20 къ царицѣ въ хоромы 5 ар. 2 в. сукна чорново да колыбель сукно полуаглинское червчато—сукно государыня пожаловала новокрещеной нѣмкѣ Аленѣ, а колыбель дочери еѣ Алениной.—Мая 24 къ царицѣ въ хоромы 10 зол. шолку бѣлого, приняла бояр. Матр. Милославская, а сказала, что тотъ шолкъ государыня пожаловала б. Б. Ив. Морозова женѣ Аниѣ Ильичнѣ.—Юля 16 въ свѣтлицу 5 ар. тафты червчатой приняла б. Аксинья Еропкина, а сказала, что на государевы сорочки. Авг. 7 въ свѣтлицу 3 вер. отласу таусинного, 3 зол. шолку таусинного, пол-7 вер. киндяку зеленого, 2 вер. тафты алой, приняла бояр. Акс. Еропкина, а сказала, что то все на ожерелье подъ низанье государыни царицы.

50. Книга кройная г. царицы и в. к. Марья Ильичны 158 г. Сент. 9, царицъ скроевъ шапочной верхъ подъ шитье въ отласъ бѣломъ, пошло 5 вер. — Сент. 17, царицъ скроена тѣлогрѣя въдовая въ камкѣ кызылбаской по алой землѣ травы золоты съ шолкомъ зеленымъ, пошло 6½ ар.; исподъ подкроевъ горностаиной; вмѣсто вѣтоши на настялку пошло 9 ар. полотна тройного; нашито пол-осма аршина съ вершкомъ кружива плетеного нѣмецкого золото съ серебромъ звѣздки серебр.; 20 пугвицъ серебр. золоч. съ оянфты съ бѣлымъ, лазоревымъ чорнымъ. — Генв. 5, царицъ скроено ожерелье накладное, пошло пол-бобра. — Февр. 5, царицы оболочено два каптурные *лазалища* сафьяномъ червчатымъ пошло 4 сафьяна, на подкладку 5 ар. дороговъ гилянскихъ зеленыхъ, а на другое 3 ар. кивдаку желтого; да на жуки на серебряные пошло 2 ефимка. — Февр. 14, на ожерелье низаное жемчужное скроено лагалище въ тафтѣ алой, пошло 5 в. и на подкладку. — Марта 2, царицъ скроено подъ круживо подъ низанье въ отласъ таусинномъ, пошло 1 ар. 7 вер., приняла Акс. Гр. Вропкина. — Марта 8, царицъ на шапку низаную, что по ней низаны орлы *осмилавые* положена накладка два звена пуху. — Апр. 11, царицъ скроено ожерелье накладное, пошолъ бобръ въ 14 р. — Тогожъ дни скроены два ожерелья накладные, пошло два бобра въ 25 р. — приняла Анна Вельяминова, а сказала, что однимъ царица дарила царевну Ирину, а другимъ царевну Анну. — Апр. 12, царевичъ Евдокѣй Ал. скроена шубка накладная въ тафтѣ алой, по ней *мисамы* травы золотомъ, пошло 1 ар., на подкладку 1 ар. безъ 3 вер. тафты желтой. — Апр. 26 царицъ скроено два лагалища на рясы низаные жемчужные, въ тафтѣ червчатой, пошло тафты по 9 вер., на подкладки тафты желтой по 9 в., на настялку бумаги хлопчатой ¼ ф. На три шляпы скроены чехлы пошло пол-5 ар. полотна тверского. — Мая 2 царицъ скроевъ шапочной пухъ пошло 2 бобра, на пухъ положена накладка 2 звена пуху; подложенъ исподъ черевей бѣлей. Да на сесь же пухъ нашить верхъ по отласу бѣлому низанъ жемчугомъ и канителью цвѣтною кружки, въ кружкахъ орлики и звѣрки и межъ кружковъ птички; да поверхъ того нашить плетенокъ золотной. — Мая 21, царицъ на шапку, что вершокъ по бѣлому отласу дѣланъ канителью и струнцаломъ кружки, въ кружкахъ орлы и нирогы, около кружковъ розвода низана жемчугомъ, скроевъ чохолъ въ тафтѣ червчатой, пошло ¼ арш. — Юля 10, царицъ на хоромное зеркало, что оправлено серебромъ съ камени и съ искорками яхонтовыми червчатыми изумрудными, скроено лагалище въ бархатѣ червчатомъ гладкомъ, пошло 5 верш., на подкладку

2½ вер. тафты алой. — Июля 16, царяцѣ скроены вошвы въ отласѣ бѣломъ подѣ шитье, пошло 2 ар. безѣ полу-4 вер. на подкладку 2½ ар. полотна тверского. И тѣ вошвы подѣ шитье приняла бояр. Акс. Еропкина (въ свѣтлицу). Тогожѣ дни царяцѣ подѣ шитье скроены вошвы въ бархатѣ червчатомъ гладкомъ, пошло 2 ар. безѣ полу-4 вер. И тѣ вошвы подѣ шитье приняла б. Акс. Еропкина. — Июля 18, царяцѣ скроено на распашниду круживо подѣ шитье въ отласѣ червчатомъ гладкомъ, пошло 2 ар. 2 в., приняла б. Акс. Еропкина. — Июля 29, царяцѣ скроены вершокъ шапочной подѣ шитье въ отласѣ червчатомъ, пошло 5 вер., на подкладку 1 ар. безѣ 2 в. киндаку червчатого; приняла б. Акс. Еропкина.

51. 158 года сент. 14, царевнѣ Иринѣ скроено лагалище въ сукнѣ багрецѣ червчатомъ на ларчикѣ кипарисной, что съ костями на косяхъ рѣзаны птицы и травы. — Сент. 21, царевнѣ Татьянѣ на зеркало скроено лагалище въ сукнѣ багрецѣ червчатомъ, пошло 1½ вер. на подкладку тафты лазоревой 1½ вер. — Царевнѣ Аннѣ на умывальной ларецѣ скроено лагалище въ сукнѣ аглинскомъ червчатомъ, пошло 9 вер., на подкладку 1½ арш. крашениннмъ лазоревой. — Дек. 12, царевны Анны обшиваны качельные веревки бархатомъ червчатымъ, пошло 3 ар. 2 в. — Дек. 29, царевнѣ Иринѣ на двои серги скроено лагалище въ отласѣ червчатомъ гладкомъ, пошло 3 вер., на подкладку тафты желтой 1½ вер. — Генв. 8, царевнѣ Иринѣ скроены *запань* въ камкѣ индѣйской полосатой, пошло 11 арш. на подкладку 12½ арш. дороговъ зеленыхъ. — Мая 17, царевны Татьяны М. въ ящикѣ кипарисномъ внутри, что кладетца еѣ государынина поднизь, оклеено бархатомъ червчатымъ, пошло 13 вер.

52. 158 г. сент. 15, по приказу крайчей Анны Вельяминовой на казенномъ дворѣ сдѣланъ кафтанъ поповской въ камкѣ куфтерѣ зеленой, подложенъ исподѣ черевей лисей краснобурой, нашивка нашита шелковая, пуговицы серебр. золоченныя; и тотъ кафтанъ приняла онажѣ, а сказала, что царица Марья Ильична пожаловала духовнику Стефану. — Сент. 20, по приказу крайчей Анны Вельяминовой подложена пелена Рождества Пречистые Богородицы шитая въ лицахъ съ дѣйствомъ по камкѣ червчатой, тафтою лазоревую, пошло 1 ар. 5 в.; тое пелену царица пожаловала въ церковь Рождества Пр. Богородицы, что у ней государыни на сѣнхъ. — Сент. 25, по приказу крайчей А. В. для ученя каптурного дѣла ученику скроены *каптуръ*, пошло полтретья пары соболей, на пухъ пошелъ бобръ, на *очелошной* пухъ пошло полъ-бобра черногого да звено пуху накладного, да на чехолъ пошло 6 вер. миткалей. 158 г. февр. 15 сесь каптуръ приняла боярыня Мат-

рена Милославкая, а сказала, что царица пожаловала (его) бабкѣ Иривѣ. — Окт. 21, подложены воздухъ да два покровца церковныхъ сосудъ, шитые въ лицахъ, камкою червчатою мелкотраною, приняла кравчая Анна Вел., а сказала что въ церковь Пр. Богородицы Казанскіе.

53. 158 г. апр. 20, отъ царицы изъ хоромъ крестовой дьякъ Ѳома Борисовъ принесъ 10 ковшей каповыхъ, а сказалъ, что тѣми ковшами царицѣ и царевнамъ челомъ ударили крутицкой митрополитъ, да симоновской архимаритъ. — Юня 30, государевъ крестовой дьякъ Ив. Степановъ принесъ 5 стаканчиковъ съ подписью да 5 ложечекъ, да 5 ножичковъ, а сказалъ, что царицѣ и царевнамъ челомъ ударили Кирилова монастыря власти въ Братошинѣ.

54. 158 г. февр. 12, отъ царицы изъ хоромъ выдала кравчая Анна Вельям. *вершокъ шапочной* по отласу алому низаны жемчугомъ и канителью и трунцаломъ орлы осмиглавые; промежъ орловъ вшиваю зерна гурмыпкіе; да въ томъ же верху вшито 30 запанъ золоты съ искорками яхонтовыми червчатыми, около вершка обнизано въ одну вить зернами жемчужными каффискими. А велѣли тотъ верхъ нашить на старой пухъ, что былъ подъ отласнымъ червчатымъ вершкомъ круживо низано жемчугомъ по цѣкъ серебряной золоченой съ городы и съ пелепелы.

55. 159 г. Дек. 27, государыни царевны Татьяны Михайловны въ хоромехъ скроемъ *запанъ* въ сукнѣ аглинскомъ червчатомъ, сукна пошло 8 арш. 10 вер.; тогожъ дни государыни царевны Анны Мих. въ хоромехъ скроемъ *запанъ* въ сукнѣ червчатомъ аглинскомъ, сукна пошло 9 арш. 6 вер.

56. Книга сноскѣ отъ царицы и отъ царевнъ изъ хоромъ 160 года.

Сент. 5, отъ г. царевны Анны Мих. изъ хоромъ принесъ дьякъ Петръ Арбенева 15 пугвицъ золоты сѣнчаты съ финиоты съ бѣлымъ да съ лазоревымъ да съ зеленымъ, а сказалъ, что тѣ пугвицы выдала ему изъ хоромъ кн. Марья Ивановна Пронская, а сказала, что тѣми пугвицами царевну дарила царица, а велѣла нашить на царевнинѣ опошень. — Сент. 9, отъ царицы изъ хоромъ выдала Матрена Семеновна Милославская 15 сороковъ сободей, а сказала, что тѣ соболи царицѣ Марьѣ Ил. принесены на новоселье, какъ было въ хоромехъ новоселье 160 г. сент. 8, а велѣла тѣ соболи положить въ казну. — Окт. 8, отъ царевны Татьяны изъ хоромъ выдала казначей Марья Петрова вошвы по черному бархату шиты золотомъ и серебромъ травы, а сказала, что тѣми вошвами царевну дарила царица, а велѣла тѣ вошвы нашить на царевнинѣ лѣтниківъ. — Окт. 9, отъ ца-

ревны Анны изъ хорошъ выдала казначея Лукерья Торжнева вошвы по червчатому отласу шиты золотомъ и серебромъ травы, въ травахъ косы и кубы, въ кубахъ и въ травахъ оксамичены, а сказала, что тѣмъ вошвами царевну дарила царица, а велѣла положить въ казну. — Окт. 28, отъ царевны Ирины изъ хорошъ выдала казначея Василиса Пятово 5 сороковъ соболей съ хвосты, а сказала что царевнѣ принесены на новоселье. — Окт. 30, отъ царевны Татьяны изъ хорошъ выдала казначея Марья Петрова 5 сороковъ соболей съ хвосты, а сказала, что царевнѣ принесены на новоселье. — Окт. 31, отъ царевны Ирины выдала изъ хорошъ Анна Борисовна Травниа 7 арш. камки кизылбаской по серебряной землѣ травки золоты съ шолки розными, а сказала, что тою камкою царевну дарилъ государь, а велѣла въ той камкѣ скронтъ шубку накланную. — Ноябри 27 отъ царицы — двои вошвы по червчатому бархату шиты золотомъ и серебромъ травы — выдала изъ хорошъ кравчая Анна Вельяминова, а велѣла одинъ яшить на ризы отласныя бѣлыя гладкіе, которые скрорены рожественскому протополу Овдряню; другіе на стихарь дяковской. — Апр. 2, отъ царицы — два бархата кизылбаскіе, одинъ по червчатой землѣ, другой по желтой землѣ травы шолки розныхъ цвѣтовъ, мѣрою по 7 арш. безъ вершка — выдала кравчая А. В., а сказала, что бархаты государь пожаловалъ царицѣ, а велѣла положить царицѣ въ казну.

57. 160 г. сент. 2, въ Свѣтлицу для государева дѣла по 6 зол. шолку таусинного да рудожелтого, до 4 цѣвки золота приняла боярыня Оксинья Еропкина, а сказала, что все на шитье Савы Сторожевского на пелену. — Сент. 9 въ Истобничью Полату 2 арш. летчины принялъ истобничей Степанъ Давыдовъ, а сказалъ, что къ царицѣ и къ царевнамъ въ хоромы на стирки. — Сент. 10, къ царицѣ въ хоромы 5 арш. тафты зеленой да два киндяка лазоревыхъ, приняла казначея Матрена Блохина, а сказала что царица пожаловала боярынѣ Катеринѣ Ѳедоровнѣ. — Сент. 12, къ царицѣ въ хоромы 3 вершка отласу червчатого гладкого приняла боярыня Оксинья Еропкина, а сказала, что царицѣ на *ошивку* подъ шитье. — Сент. 24, къ царевнѣ Евдокѣ въ хоромы 5 верш. сукна багрецу да фунтъ бумаги хлопчатой приняла кн. Ѳет. Вол. Сицкая, а сказала, что въ царевниныхъ хоромѣхъ обиваны у оконъ *кобылки*. — Сент. 25, къ царицѣ въ хоромы 2 арш. пол-6 вер. сукна багрецу приняла кравчая Анна Вельяминова, а сказала, что царицѣ на столъ. — Окт. 3, къ царицѣ въ хоромы 2 арш. безъ чети бархату черного приняла б. Акс. Еропкина, а сказала, что царицѣ на вошвы на шитье. Она же приняла

къ царевнѣ Аниѣ — чулки червчи лисья подъ камкою червчатою мелкотравною, а сказала, что царевна пожаловала княжнѣ Марьѣ Пронской. — Окт. 30, къ царицѣ въ хоромы коверъ кызылбаской приняла казначея Матрена Блохина, а сказала, что государыня пожаловала къ Рожеству, что на сѣняхъ. — Ноября 6, къ царицѣ въ хоромы аршинъ бархату червчатого приняла кравчая А. В., а сказала, что рожественскому дякону на ударъ подъ низанье. — Ноября 19, въ Свѣтлицу цѣвка золота да 3 зол. шолку червчатого, и въ томъ золотѣ и въ шолку царицѣ и царевнамъ соткано поясковъ на чеботы 9 арш. — Дек. 10, къ царицѣ въ хоромы — аршинъ бархату червчатого, приняла кравчая А. В., а сказала, что на ударъ подъ шитье. — Дек. 14, къ царевнѣ Аниѣ въ хоромы аршинъ съ четью отласу золотного по лазоревой землѣ травы золоты приняла бояр. кн. Марья Ив. Пронская, а сказала, что царевна пожаловала своей комнаты постельницамъ на шапочные верхи. — Дек. 15, къ царицѣ въ хоромы полчетверта аршина бархату червчатого приняла боярыня Акс. Еропкина, а сказала, что подъ низанье на оплечья. — Дек. 16, къ царицѣ въ хоромы 21 арш. сукна амбурского червчатого приняла кравчая А. В., а сказала что тѣмъ сукномъ обивано у царицы въ золотой полатѣ въ окна вставни и окна и втулки. — Дек. 19, къ царевнѣ Татьянѣ М. въ хоромы лѣтникъ тафтяной алой, подкладка дороги зелены; вошвы отласъ золотной по серебряной землѣ листьѣ золото травы шолкъ зеленъ, приняла казначея Марья Петрова, а сказала, что лѣтникъ царевна пожаловала княжнѣ Марьѣ Шеховской, а вошвы княжнѣ Палагеѣ Друцкой. — Дек. 23, въ свѣтлицу для государева дѣла 20 зол. струнцалу золотного да 47½ зол. струнцалу серебряного приняла б. Акс. Еропкина; а тотъ трупцалъ дѣланъ въ золотой полатѣ. — Генв. 13, въ свѣтлицу 20 зол. шолку шемоханского да пол-3 зол. зеленого, да 10 зол. лазоревого приняла б. Акс. Еропкина, Ионы митрополита на покровъ. — Марта 10, къ царицѣ въ хоромы пудъ бумаги хлопчатой, приняла кравчая А. В., а сказала, что та бумага новгородскому митрополиту. — Мар. 16, къ царевнѣ Аниѣ М. въ хоромы 7 арш. тафты алой, приняла б. кн. М. И. Пронская, а сказала, что царевнѣ на сорочки. — Мар. 29, ей же въ хоромы 9 арш. кружка серебр. кованого; царевна пожаловала дѣвкѣ Парашкѣ на тѣлогрѣю. — Марта 31, къ царевнѣ Татьянѣ М. въ хоромы три шапки лисьяхъ высокихъ приняла казначея Марья Петрова, а сказала, что одное шапку царевна пожаловала княжнѣ Марьѣ Шеховской, другую княжнѣ Друцкой, третью Савинѣ. — Апр. 5, къ царицѣ въ хоромы 2 арш. безъ 2 в. бархату таусяного гладкого, приняла кравчая

А. В., а сказала, что на оплечье подъ визанье. — Апр. 27, къ ней же въ хоромы 1 арш. 2½ вер. камки кутерю червчатой приняла казначея Matr. Блохина, а сказала, что камка подъ шитье. — Май 10, къ ней же 2 арш. безъ чети бархату таусиняго гладкого, приняла казначея Matr. Блохина на оплечье подъ шитье.

58. Книга крольшая платью. 160 г. сент. 3, царицы на шапку низаную жемчужную ссроешь *чехолъ* въ тафтѣ червчатой, пошло 3 вершка. — Сент. 5, государыни царицы *колодочка* поклонная оклеена бархатомъ черичатымъ, пошло 1 ар. 5 в. — Сент. 6, царицы у мѣста, что у Рождества, обивано подножья сукномъ багредомъ, пошло 2 ар. да къ тому же мѣсту на покрыванье пошло 1 ар. 5 в. — Сент. 10 царицъ скроены подъ шитье башмаки въ бархатъ виницейскомъ по золотной землѣ травы шолкъ розныхъ цвѣтовъ, пошло 6 вер. — Окт. 5, царицъ скроена *шубка накладная* въ сукнѣ лундышъ свѣтлозеленомъ, пошло 5 арш., въ мочень свло 5 вер.; на подпушку пошло 1 арш. 11 вер. тафты червчатой, на шитье шолку 3 зол. — Окт. 22, царицъ скроено два *чохла* на два каптура въ ниткалахъ, пошло ½ ар. — Ноября 14, царицъ скроены чеботы въ сафьянъ блломъ, пошло полсафьяна; на подкладку 9 вер. тафты червчатой, на верхи 3 вер. отласу червчатого; по швомъ нашито 3 арш. поясковъ шолкъ червчатъ съ золотомъ, на обивку около коблукровъ 5 арш. золота да золотникъ шолку. — Дек. 11, царицы зголовенные двѣ колодочки, обита одна бархатомъ турскимъ золотнымъ по червчатой землѣ репыи золоты, межъ репьевъ травки серебряны, пошло 1 ар 1 вер.; другая обита бархатомъ по серебряной землѣ по немъ травы шолки розные, пошло 15 вер. — Дек. 13, царицъ скроена *роспашница* въ отласѣ бѣломъ гладкомъ, пошло 11 ар. ¼ вер., подкладка тафта бѣла; круживо нашито по камкѣ червчатой мелкотравной шито золотомъ и серебромъ съ шолки розными; 20 пугвицъ серебр. золоч. съ финифты; пухъ нашить старой; вошвы по отласу червчатому шиты волоченымъ золотомъ въ цвѣтахъ шолкъ бѣлъ лазоревъ зеленъ. — Дек. 30, подъ каптуръ скроень кружечикъ въ отласѣ червчатомъ пошло пол-пята вершка; да въ настилку пошло 6 зол. бумаги хлопчатой, на шитье шолку ½ зол. — Марта 10, на шапку низаную по червчатому отласу съ запаны перемѣнена накладка, пошло на накладку два звена пуху. — Мар. 11, у трехъ шапокъ, у одной низана по алому отласу, другая по червчатому отласу низаны на обнхъ орлы, промежъ орловъ запаны, у третьей, что по ней низано *льсомъ*, починиваны накладки, пошло два звена пуху накладново. — Апр. 29, шапка, вершокъ низанъ жемчугомъ по алому отласу орлы двоеглавые, вмѣсто теплова

испода подложена отласомъ червчатымъ. — Мая 13, скроено изъ наволоки отласной золотой по червчатой земль розвода большая къ лѣтнику *передь* да *накапки*, отласу пошло на передь и на накапки 5 арш. Да къ тому же лѣтнику скроено подь шитье *задь* да *клинъ* въ отласъ червчатомъ гладкомъ, пошло 4 арш. — Мая 21, скроены башмаки въ сафьянъ жолтомъ, пошло четверть сафьяна; нашито на передки 2 в. бархату алово, по швамъ нашито 1½ арш. поясковъ шолкъ червчатъ съ золотомъ, на подкладку 3 вер. тафты червчатой, на обивку около коблукъ 5 арш. золота. — Мая 31, на четыре ожерелья жемчужные низанные скроены лагалица въ тафть бѣлой, пошло 1 ар.; на подкладку 1 ар. тафты лазоревой. — Юня 1, парницы столчаковое судно оболочено сукномъ червчатымъ, пошло 2 ар. безъ чети; въ настилку пошло 2 ф. безъ чети бумаги хлопчатой, да на обивку по краямъ пошло 10½ арш. кружива серебряного галуну. — Юня 14, на зеркальное лагалище судонное червчатое нашито 3 пугвицы серебр. золоч. съ фиццеты.

59. 160 г. дек. 30, царевны Татьяны М. столчаковое судно обито сукномъ червчатымъ, пошло 1½ арш.; въ настилку 2 ф. бумаги хлопчатой, около судна на обивку пошло пол-9 арш. кружива кованого серебряного узкого. — Февр. 14, царевнъ Иринъ Мих. скроены на ичедоки сафьянные верхи камчатые червчатые мелкотравые, пошло 1 ар. 1 в., на подкладку 11 вер. тафты червчатой. — Марта 3, царевнъ Аннъ на подушечку скроеца наволока въ отласъ червчатомъ, пошло пол-7 вершка. — Марта 23, царевнъ Аннъ М. сдѣлано въ государевъ мастерской палатъ два *космика*, одинъ серебряной, другой золотной съ шолкомъ, серебра пошло 3 цѣвки, да на *пожмылки* и на *снурокъ* пошло золотникъ шолку бѣлого, а на другой пошло 2 цѣвки золота, 4½ зол. шолку шемоханского. — Мар. 26, царевнъ Аннъ скроена *таляръ умывална* изъ лѣтника отласного червчатого гладкого, дъ кроенье пошелъ весь, на подкладку пошло того жъ лѣтника подклада тафта жолта; на подпушку ½ ар. тафты зеленой; нашито 9 арш. кружива серебр. кованого узкого, да 17 пугвицъ серебр. золоченыхъ свичатыхъ да 3 арш. снурку шолкового. — Апр. 12, царевнъ Аннъ скроены наволоки на пуховникъ да на зголовь въ камкъ червчатой мелкотравной (на исподнѣ наволоки — полотно тверское да киндакъ зеленой). Да въ тотъ же пуховникъ всывано 10 ф. духу гусиного. — Апр. 15, аи же на бумажникъ наволока въ камкъ жолтой мелкотравой 10½ арш., на исподнюю наволоку 12 арш. полотно тверского, въ настилку 14 ф. бумаги хлопчатой. — Апр. 16, царевнъ Аннъ сдѣланы въ государевъ мастерской палатъ два *космика*

золотые, на одинъ пошло 3 цѣвки золота, на другой 2 цѣвки. Да къ той же кисти пошло 1½ зол. шолку вишневого да на обѣ кисти шолку алого 2 зол. И тѣ косники приняла княжна Марья Шеховская. — Апр. 30, царевнѣ Аннѣ скроена на *перевалочку* вязаную жемчужную съ камешь логалше въ отласѣ червчатомъ гладкомъ, пошло 3½ вер., на подкладку 2 в. тафты алой. — Мая 30, царевнѣ Ирины ичедоки оболочены камкою червчатою травною, пошло 1 ар. 5 в. на подкладку ¾ арш. тафты червчатой. — Юня 1 царевны Аннѣ столчакое судно оболочено сукномъ червчатымъ багредомъ, пошло 1½ арш., въ настилку 1 ф. бумаги хлопчатой, по краямъ на обивку 10 ар. безъ чети кружива сереб. галуку.

60. 164 г. сент. 13 къ царичѣ въ хоромы 10 ар. камки червчатой куфтерю да сорокъ соболей въ 40 р. приняла кравчая Анна Мих. Вельяминовъ, а сказала, что государыня пожаловала стольнику Борису Гаврилову Юшкову. — Сент. 20 къ царичѣ въ хоромы 10 ар. камки куфтерной червчатой, сорокъ соболей въ 40 р., два княдка лазоревыхъ, да княдикъ зеленой, 2 зол. шолку желтого приняла кравчая А. М. Вольяминова, а сказала что государыня пожаловала голицу Алексю Матриву Колтовского. — Сент. 26 круживного дѣла мастеру Федору Коридьяру дано 3 литры серебра, а велѣно ему въ томъ серебрѣ сдѣлать круживо аксамитное. — Окт. 8 по приказу кравчей Анны Мих. Вельяминовы скроены двѣ тафьи въ бархатѣ черномъ, пошло 10 в., подъ тафьи подложены горностаинные исподы. — Окт. 9 къ царичѣ въ хоромы 10 ар. отласу червчатого да сорокъ соболей въ 50 р. приняла казначея Матрена Блохина, а сказала, что государыня пожаловала за прѣздъ стольнику Петру Иванову Матюшкину. — Окт. 25 къ царичѣ въ хоромы бобръ цѣлой приняла кравчая А. М. Вельям., а сказала, что тѣмъ бобромъ государыня пожаловала племянницамъ. — Окт. 29 въ свѣтлицу для государевыхъ дѣлъ 12 зол. шолку рудожелтого, мотъ бѣли, 10 зол. шолку бѣлого, 10 зол. червчатого, 10 зол. рудожелтого, 2 мота бѣли приняла казначея Матрена Блохина. — Нояб. 2 по приказу кравчей А. М. В. подложенъ амфоръ вязанъ жемчугомъ по полотну золотному тканому, — обьярью по серебряной землѣ по немъ травы шолкъ розныхъ цвѣтовъ съ золотомъ, пошло 6 ар. да на подушечку отласу виницейского золотного по бѣлой землѣ травы золоты 11 вер.; да томужъ амфору скроенъ чехолъ въ тафтѣ зеленой, пол-9 арш.; да на постилку бумаги хлопчатые 2 ф. А тотъ амфоръ дѣланъ великому государю (sic) святѣйшему Никону патриарху; къ царичѣ въ хоромы приняла кравчая.

ДЕНЕЖНЫЕ РАСХОДЫ ЦАРИЦЫНОЙ МАСТЕРСКОЙ ПАЛАТЫ.

61. 124 г. марта 28 казеннымъ портнымъ мастеромъ Путилку Фомину съ товарищи, четырехъ человѣкомъ, да рядовымъ мастеромъ Якушку Никитину съ товарищи, десяти человѣкомъ корму на день по 6 денегъ человѣку, а одному 8 денегъ, и всего 15 ч. корму на день 15 алт. 2 д. Дѣлали государевымъ потѣшникамъ Москью однорядку въ покрояхъ, а дурѣ лѣтникъ въ сорочкахъ.

62. 130 г. марта 18 въ Вознесенской дѣвичь монастырь къ государынѣ и великой старицѣ иноцѣ Марѣ Ивановѣ въ хоромы дѣвѣ дуркѣ Манкѣ на шапку 6 вер. камки червчатой, цѣна 7 алт. 3 д. да аршинъ 2 вер. кружива мишюрново цѣна 3 алт. съ деньгою.

63. 133 г. сент. 15 къ государынѣ великой старицѣ иноцѣ Марѣ Ив. въ хоромы для еѣ государынина дѣла 100 рублей отнесъ дѣлкѣ Сурьянинѣ Торакановѣ, а у него приняла старица Олена Языкова.— Окт. 3 судового ряду торговому человѣку за три ставчика деревянные золоченые на торѣлкахъ по 5 алт. за ставчикъ; взяты ставчики про государя.— Ноября 25-го знаменщику Олдришкѣ Москѣву за 300 листовъ золота сусального торгомъ 2 р. 23 ал. 2 д.; да емужъ на олфу и на клей 10 денегъ; а взято то золото и олеа и клей на позолоту къ царьцину *столу*.— Ноября 28 по приказу г. и в. старицы иноки Марѣ Ивановны стольникомъ, которые были на государевой радости у государя въ свѣчничехъ Василью Стрѣшневу да Михайлу Олѣереву за обручи серебряны золочены, которые были на государевѣ свѣчѣ, вѣсомъ за четыре гривенки; да стряпчимъ Ивану Чихачову да Ивану Олѣереву, которые были у царицы въ свѣчничехъ, за обручи серебряны вѣсомъ за три гривенки, и обоего за семь гривенокъ серебра 30 руб., взяли сами.— Дек. 17 серебрянымъ мастеромъ Давыду Омелянову да Остаѣю Иванову 21 алт. 4 д.; а они на тѣ денги купили въ ряду къ серебряному дѣлу пять гривенокъ воску, по гривѣ гривенка; да 15 гривенокъ смолы по двѣ денги гривенка; окладываютъ серебромъ образъ пречистыя Богородицы Казанскіе отъ царицы изъ хоромъ.— Дек. 30 за столбцы клевоны 2 алт., взяты столбцы на царьцинь стулъ.— За войлокъ ордынской 10 алт., взять на царьцино подножье. Посошнику Тимохѣ Федорову за доски липовны 3 алт; въ тѣхъ доскахъ дѣлалъ подь государеву новую *дядиму* кругъ да на рукавки *правилца*.— Генв. 22 по приказу г. в. старицы иноки Марѣ Ивановны въ серебряной приказъ Кузьмѣ Титову пять гривенокъ серебра по счету денгами 21 рубль 2

гривны; а въ томъ серебрѣ велѣно Кузьмѣ здѣлать ко гробу блаженныя памяти царицы и в. в. *Мары Володымеровны* на *покровъ* крестъ съ дробинцами; взялъ денги Кузьма самъ. — Генв. 26 царицыну чоботнику Ивану Галкѣ 2 гривны: купилъ въ коробейномъ ряду коробью оснговую писаную съ замкомъ; взята коробья на дары государыни царицы. — Генв. 30 жалованья на 133 г. въ Кадашово приказной Аннѣ Замыцкой 8 р.; приказала государыниимъ словомъ старика Олена Языкова. — Маѣ 20 овошного ряду торговому челоуѣку за два стекла хрустальныя, за одно полтина, а за другое двѣ гривны; а взяты тѣ стекла одно въ царицыно зеркало, а другое въ государево ошахало. — Маѣ 23 по приказу иноки Мары Ив. ученицамъ золотныхъ дѣлъ Марьѣ Волковѣ да Аннѣ Архимаритовѣ въ приказъ для свадьбы по 3 рублѣ. — Государынину серебряному мастеру Давыду Омельянову на 30 золотыхъ червоныхъ и угарскихъ по 30 алт. за золотой, на позолоту къ образному окладу Богородицы Казанскіе, которыми образомъ благословила государыня царицу Марью Володымеровну. Да смужъ къ тому окладу на позолоту на 2 ф. ртути по 12 алт.; да къ тому же дѣлу на шеть мѣденую 3 алт. — Юня 8 волногорцу Ивану Носу за ошахало съ зеркаломъ перье струцово розинныя цвѣты 8 р.; взято въ мастеровую подлату. — Августа 7 книжникомъ Юрью Евсевьеву да Улану Насонову на киноварь да на чернила двѣ гривны: пишуть государеву *воинскую книгу*. — Авг. 10 пососнику Тимохѣ отъ большіе десные *караксы*, къ писомъ, которые пишуть государеву *воинскую книгу*.

64. 134 г. Сент. 18 серебряного ряду за перстень серебрянъ золоченъ съ лазерою печатью навоженъ финифты 10 алт., отданъ государеву потышнику Юрью Проскурѣ. — Окт. 29 серебр. мастеръ Давыдъ дѣлалъ ко государыни въ Казенную печать серебряную. — Ноября 20 книжному пиѣцу Юрью Евсевьеву на киноварь двѣ гривны; а взять тотъ киноварь писати государева *воинская книга*. — Дек. 5 знаменщику Ивану Панстыну на чернила да на уголье, чѣмъ знаменить государеву воинскую книгу, 3 алт. — Дек. 27 по приказу иноки Мары Ив. Петру Безобразову въ приказъ 10 руб.: относилъ подьячей Ондрей Ивановъ. — Генв. 3 по государеву имянному приказу Петру Яковл. Безобразову дочери его на приданое 20 руб.; относилъ тотъ же подьячий. — Генв. 19 куплены: ножичекъ булатной черенъ рыбей вубъ 5 алт., ножикъ желѣзной 2 алт.; взяты къ царицѣ въ хоромы. За коробью дубяную большую 30 алт.: взята къ царицѣ на постелю. За коробью оснговую большую писаную съ замкомъ: взята въ мастеровую на царицыну казку. Генв. 23 куплены къ государевымъ

дѣламъ въ мастерскую полату ножицы желѣзные большіе турское дѣло. Къ парицнымъ кичнымъ лагалищамъ на вертлюги и на крюки и на петли 30 алт. — Апр. 20 серебряному мастеру Давиду Полочевину къ золотому парицнику дѣлу на 5 золотниковъ сулемы по 3 денги за золотникъ; да сторожу Ондришкѣ Степанову за три коробы осиновыхъ бѣлыхъ, которые взяты къ казначеемъ 15 алт. 2 д.; да къ парицнымъ чеботамъ да къ башмакамъ на иркладъ 8 алт.; да къ парицнымъ же шитымъ сафьяннымъ червчатымъ чеботамъ на подлейку, на ирху и на клей 10 д. Да канительнику Мурзѣ Гаврилову къ кречатымъ рукавамъ на запястья на шитье за 2 зол. серебра золоченого да за золотникъ серебра бѣлого игольное по 5 алт. за золотникъ. Да къ боярмъ къ княгинѣ Овдотѣ Коркодиновѣ на мѣль да на клей 8 денегъ. Да шляпочнику Осипку Фатлямову на парицны шляпы на бумагу и на зайчину двѣ гривны. — Юня въ 19 день мыльнику Ларьѣ Олксеву за брусъ мыла индѣйскаго да за 3 бруса мыла грецкаго, что взято къ парицѣ, 25 алт.; да овошнаго ряду торговому человѣку за фунтъ да за вѣски, что взяты въ свѣтлицы, 20 алт.; да ветошнаго ряду торговому человѣку за шеть, что взята въ парицнику въ мастерскую полату, 5 алт. Да июньнику Иванку Яковлеву за крестъ, на немъ Распятіе Господне писаное, промѣну пять алтынъ: а приводить къ тому кресту Государевыхъ дворовыхъ людей, которыхъ во дворѣ емлютъ вновь.

65. 135 г. сент. 2, за стекло зеркальное въ парицнику омахало полполтины, да стекло закрѣпливать на булавки 2 ден. — Сент. 13, къ каменной казенкѣ, что у парицнымъ мастерскіе палаты въ свѣхъ, на замокъ 10 д. — Сент. 14, за фунтъ бѣлыя 5 алт.; отнесены въ парицны хоромы. — Сент. 28, за стекле хрустальное, что взято въ парицнику серебряное зеркало, 13 алт. 3 д.; да отъ того стекла отъ вставляванья на *меленел* часовнику Москю Терентьеву 4 алт. — Ноября 6, овошнаго ряду торговому человѣку за шесть золотниковъ румянцу лекового по шти денегъ за золотникъ, да за пять золотниковъ румянцу же ступичнаго бакану турскаго, по осми денегъ за золотникъ; купленъ къ парицѣ въ хоромы. — Дек. 15, овошнаго ряду торговому человѣку за десять золотниковъ румянцу лекового по алтыну за золотникъ; купленъ къ парицѣ въ хоромы. (Была покупка еще февраля 14 столько же, марта 25 лекового 5 золотниковъ; мая 9, лекового 2 зол.; юня 25 лекового 10 золотн.; по 10 денегъ.) — Дек. 15 за коробью большую ноугородскую красную съ замкомъ 13 алт. 2 д.; куплена на парицнику на бѣлое платенно. — Февр. 14, парицнымъ иреотовымъ дякомъ Овдѣю Васильеву, Ивану Семенову,

Гаврилу Парфевьеву, Кирилу Григорьеву по рублю челоуѣку; а пожаловалъ ихъ государь за то, что они славили у царицы въ хоромахъ на Рождество Христово. — Февр. 27 за двѣ чѣши желѣзныхъ луженыхъ 3 алт., за замокъ 2 алт. 2 д.; куплены къ полаткѣ къ судебной, гдѣ судять судные дѣла. За коробейку лубяную 4 д. куплена на леки. — Апр. 12 за коробью бѣлую осиновою съ пробой 13 алт. 2 д., куплена къ царицѣ въ хоромы на полавочки. — Апр. 22 овошного ряду торговому челоуѣку за погребчакъ бумажный въ немъ четыре склянки маленькіе зелены, 3 алт. 2 д.; купленъ къ царицѣ въ хоромы на водки. — Мая 4 портному мастеру Ивану Александрову на провозъ 3 алт., вездилъ съ полотенечками къ Спасу на Новое къ в. г. няюкъ Марѣвъ Ив., какъ ходила молитца въ монастырь; и изъ монастыря наскоро (вздилъ). — Мая 22 дворцовому старостѣ Дмитрею Свѣрчкову за лохань мѣденую зеленую ручную вѣсу въ ней три гривенки безъ четъ, по 5 алт. гривенка; да за кумганецъ маленькой мѣденой луженой на оба лица 8 алт. 3 д.; куплено къ царицѣ въ хоромы. — Авг. 21, мыльного ряду торговому челоуѣку за косякъ мыла простого добраго 36 алт., куплено въ царицыну портомоиню къ платью на мытьѣ. — (Мая 22, овошного ряду за три бруса мыла грецкаго 22 алт.; въ царицѣ въ хоромы. Тудаже юня 12 косякъ мыла Костромскаго добраго большаго 23 алт. 2 д.; Юня 15 три бруса мыла костромскаго 15 алт. — Юня 25 мыльного ряду за косякъ мыла простого добраго большаго 30 алт.; въ царицыну портомоиню къ государеву и къ царицыну платью на мытьѣ).

66. 136 г. Окт. 26 овошного ряду за гребень большой костяной слоновой 6 алт.; къ царицѣ въ хоромы. — Окт. 28 за 4 войлока бѣлыхъ коровятинныхъ по 5 алт., въ царицыну въ нижнюю полату, гдѣ ходять судить; на двери и на окна на обивку къ судебной полатѣ (въ которой судять кодашовцовъ) 117 ременьевъ, 12 колодокъ гвоздя лужнаго. — Окт. 31 на 10 ф. пуху лебязья бѣлого добраго по 13 алт. 2 д.; за 20 ф. пуху сѣрого лебязья добраго 10 алт.: про царицынѣ обиходъ въ постели. — Дек. 3 за 2 фунта бѣлилъ 13 алт. 2 д.; къ царицѣ въ хоромы. — Дек. 18 за чернилицу глиненую 6 д., да за песошницу жестянную 3 д., — въ судебную палату. За двѣ колодки гвоздей луженыхъ 5 д.; къ царицѣ въ хоромы на прибывку къ полавочникомъ. — Дек. 28 царицынымъ крестовымъ дѣякомъ Ивану Семенову съ товарищи шти челоуѣкомъ по рублю — за то, что они славили у царицы въ хоромахъ на Рождество Христово. — Дек. 29 за 6 зол. румянцу лековаго по 8 ден.; къ царицѣ въ хоромы. (Покупано еще: марта 27 — семь золотн. по 10 д.; авг. 13

три золоты 2 алт.). — Генв. 2 епанечнаго ряду за полсть бѣлую 20 алт.; парицѣ на стелечки. — Марта 26 часовнику Потапку за два замка нѣмецкаго дѣла съ пружинами и съ орлики 20 алт.; къ парицynu да къ царевнинымъ кипариснымъ ларцамъ. — Марта 27 за два аршина волоченой мѣди, да за 4 колечка мѣденыхъ 10 д., въ парицыны въ задніе сѣни къ окончинамъ къ завѣсомъ. — Апр. 10 царевны Ирины кормилицynu сыну Степану къ ожерелью 2 камышка достоканца да виниска 4 алт. — Апр. 26 парицynu бѣлильному мастеру Микифору Карпову за свинець и за дрова, за солодъ, хмель, медъ, что имано у него къ государеву бѣлильному дѣлу во 134 и 135 г. — Авг. 13 фунтонному мастеру Макару Васильеву въ парицыны въ серебряной фунтъ на латѣ ползолотника серебра и за дѣло 3 алт.

67. 137 г. Сент. 11 къ парицѣ въ хоромы отнесъ Фед. Ст. Стрѣшневъ 10 руб., а сказалъ, пожаловала государыня крайчей Ульянѣ Степановнѣ Сабакинѣ. — Сент. 16 парицыны мастерскіе палаты портнымъ мастеромъ къ чишенью къ парицynu платью на *голички* и отъ точенья отъ ножицъ 6 денегъ. — Сент. 21, куплено въ ряду старицѣ *Марѣ уродивой* сарафанъ крашенинной да шапка изуфреная гвоздичная да сапоги телятинные черные, а за все 20 алт. 2 д. — Ноября 14 золотнаго ряду торговому человѣку за два аршина за серебряной поясочекъ 4 алт., а взять тотъ поясокъ къ царевнинымъ къ червчатымъ къ отласнымъ чоботомъ. — Дек. 17 посошнику Тим. Федорову на уголье, на клей и на свѣчи 4 алт. 2 д., дѣлалъ царевнѣ Пелагѣвѣ Мих. на платьѣ *сундукъ* кипарисной. — Дек. 18 токарной мастеръ Ондрюша Ондрѣевъ дѣлалъ парицѣ подъ шапки и подъ каптуры и подъ царевнины шапочки 14 *столбучковъ*, да царевнѣ точилъ двѣ колыбели, и ему на кормъ на недѣлю 7 алт. — Марта 21 карлицѣ Аютокѣ подѣлываны серги да на тѣжъ серги прикупленъ камень, а по уговору за дѣло и за камень два алтына. — Март. 24 парица Евдокѣ Лук. пожаловала велѣла дати Васильевской женѣ Исупова вдовѣ Оленѣ на дорогу до Колуги 2 р.; пріѣзжала къ Москвѣ для государева дѣла. — Апр. 29 шляпочному мастеру Осипку за двѣ шляпы бѣлые 13 алт. 2 д., а взяты тѣ шляпы къ парицѣ въ хоромы къ боярныямъ въ отдачу. — Мая 5 манатѣйново ряду торговому человѣку за шапку черническую камчатую подложена крашениною съ овчиною, черною 5 алт.; а взята та шапка старицѣ *Марѣ* дуркѣ. — Юня 13, каптурнику на парицыны шляпы къ левкасеню на клей рыбей и на мѣлъ 3 алт. 4 д. — Авг. 14 коробеннаго ряду торговому человѣку Ивашку Онисимову за *коробью* осиновою бѣлую 4 алт. 4 д.; а взята у него *коробья на ерданскіе полотна*.

68. 138 г. Сент. 8 къ царицѣ шлѣтъ къ левкасенью на клей 6 лентъ. — Сент. 30 серебряному мастеру Ивашѣ Колугѣ за золото и за серебро басмное 32 алт. 5 д.; а взято то золото и серебро царевны Ирины къ шапкѣ, что сдѣлана съ городи. — Ноябрь 29 бѣлѣльному мастеру Микиѣору Карпову за 5½ зол. румянецъ рускаго по 4 л. золотникъ, къ царицѣ въ хоромы. — Дек. 23 сапожникову ряду торговому челоуѣку за сапоги жолтые саеянныя 8 алт. 3 д.; взяты сапоги карлицѣ Офумкѣ. — Генв. 17 серебряного ряду старостѣ Оксенку Чориншову за 3 свѣйки серебряныя 12 алт.; а взяты тѣ свѣйки къ царицѣ въ хоромы. — Февр. 10 за 8 сажень проволоки желѣзной да за 20 колецъ бронныхъ 5 алт. 2 д.; въ перковь муч. Екатерины къ запону. — Февр. 11 за коробью красную съ внутреннимъ замкомъ 6 алт.; корыто липовое большое да три лопаты липовыя 5 алт. 3 д.; въ портомойню къ государеву къ бѣлому платейцу. — Февр. 15 за замокъ вислой 10 д.; въ нижней поддѣлѣтъ, гдѣ кладутъ царицыны мастерскіе полаты дрова.

69. 139 г. Сент. 5 шляпочному мастеру отъ трехъ шляпъ за валежье по 10 алт. отъ шляпы; а дѣлами тѣ шляпы въ отдачу комнатнымъ боярынямъ. — Сент. 25 трюбцкому казначею старцу Микитѣ за трюбцкіе сосуды, которме трюбцкіе власти привесли къ царицѣ, 5 руб. — Дек. 20 извощику Богдашку Софонову отъ провозу отъ 2 коробей 10 ден.; а возилъ онъ тѣ коробки въ тюрьму съ отставными съ простынями на раздачу тюремнымъ сидѣльцомъ. — Дек. 27 торговкѣ Окулинѣ Юрьевѣ за рубашки да за портки холщевныя 10 алтынѣ 2 д.; а взята та рубашка и портки дураку Мосѣйку. — Авг. 10 екатеринскіе попы на Царяборисовскомъ на старомъ дворѣ въ полатѣ пѣли молебень и святли воду; и на молебень государь пожаловалъ имъ 16 алт. 4 д. — Мая 23 сапожникову ряду торговому челоуѣку за двой сапоги ветчаные за подшивки 6 алт. 4 д.; сапоги взяты къ царицѣ въ хоромы Ивановѣ дочери Стрѣшнева да карлицѣ Анюткѣ. — Мая 24 холщевного ряду торговому челоуѣку за 20 арш. холстыны толстой льняной за аршинѣ по алтыну; а взята та холстына дуракомъ на рубашки. — Мая 29 по приказу Вас. Ив. Стрѣшнева села Рубцова садовнику Ивашку Васильеву на воскъ и на варъ въ селожъ въ Рубцово ко государеву саду къ яблонямъ на прививки, 3 алт. 2 д. — Юня 6 въ портомойнѣ поддѣлывалъ коробейнаго ряду торговой челоуѣкѣ Максимка Софоновъ мовную коробью, въ которой возятъ на рѣку государское платье, и ему за пробой да отъ подѣлки и за желѣзо и за гвоздь 3 алт. 2 д.; денги взялъ царицынъ сынъ боярской

Игнатей Молчановъ. — Авг. 21 за 25 скобъ желъзанныхъ 10 алт. 2 д.; подъ царницы чеботы и башмаки.

70. 140 г. Ноября 8 японечново ряду торговому челоуѣку за шляпу валеную 23 алт. 2 д., да сапожново ряду (торг. чел.) за сапоги мужскіе да за двои сапоги женскіе сафьянныя да телятинныя 29 алт. 4 д. взята шляпа царевны Анны Мих. кормилицъ, а сапоги карлашъ Стенкѣ да Аиюткѣ, да дуркѣ двѣи Орникѣ. — Ноября 20 японечново ряду торговому челоуѣку за войлокъ коровятинной 2 алт. 4 д.; а взять войлокъ дуркѣ Оркѣ. — Дек. 24 манатейново ряду торговому челоуѣку за опостольникѣ старицой 4 алт. 2 д., а взять тотъ апостольникѣ старицѣ Марѣ уродивой. — Декабря 24 за 10 ф. пуху гусина бѣлово по 11 алт. по 4 д. за фунтъ; а пухъ взять въ царцину да въ царевини постели. — Генв. 18 торговому челоуѣку за 13 арш. сатыни цвѣтной, за аршинѣ по 8 алт. по 2 д.; а взята та сатынь кроить лѣтячныя образцовыя приволоки. Тогожъ дни сапожново ряду торговому челоуѣку за сапоги барановыя зеленыя 13 алт. 2 д.; а взяты тѣ сапоги дуркѣ двѣи Орикѣ. — Марта 1 манатѣйново ряду торговому челоуѣку за наметку старикую 3 алт. 2 д., а наметка взята старицѣ Марѣ уродивой. — Мая 13 шапочному мастеру на приклады къ отласной къ червчатой шапкѣ на накладной пухъ да на подклейку да на нити 6 алт. 2 д.; шапка дѣлана новой карлицѣ двѣи. — Юня 9 государини царницы Евдокѣи Лукьяновны по имянному приказу потѣшнику домрачею Гаврилку слѣпому въ приказѣ рубль дано.

71. 141 г. Окт. 2, чеботнику Василью Васильеву къ отдаточнымъ къ двоимъ сапогамъ на прикладѣ 8 алтынѣ: а дѣланы тѣ сапоги въ отдачу княжѣ Марѣ Ромодановской да Ивановѣ дочери Стрѣшнева. — Ноября 17 къ парицѣ въ хоромы рубль приняла болынья Соломонида Мезецкая, а сказала, что тѣ деньги царница пожаловала свиному сторожу Ондрушкѣ прозвище Сапегѣ на похоронѣ. — Ноября 18, японечного ряду торговому челоуѣку Варѣломѣю Иванову промѣну за образъ св. мч. Антѣпы 10 алт.; образъ отлещенъ къ парицѣ въ хоромы, а денги взялъ крестовый Оша Борисовъ. — Ноября 21, овецного ряду за шеть нѣмецкое дѣло обложена мѣдью волоченою 5 алт.) къ царцину платью. — Дек. 12 за окончину слюденую большую 30 алт.; взята въ судную (зачерк. судную) полату, гдѣ судать царницы чинѣ. — Марта 5, государини царницы Евдокѣи Лукьяновны казначеѣ къ ключачѣ на пощивку отослалъ Борисъ Ивановичъ Мерозовъ съ компаньнымъ сторожемъ съ Васкою Ивановымъ два золотника съ четью шолку червчатого. — Марта 12, завѣсочного ряду

торговому человеку Ивашку Семенову за 37 пугвицъ обдѣлывавимъ золотомъ приденныхъ по 8 д. за пугвицу; а взяты тѣ пугвицы къ потѣшному къ нѣмецкому къ бархатному платью. — Апр. 16, за десять золотниковъ воску крого бѣлого по 2 д. за золотникъ. къ царницѣ въ хоромы приняла казначея Анна Хитрово. — Юня 22, сапожново ряду торговому человеку за сапоги сафьянные желтые 18 алт. да сапоги телятинные красные 8 алт.; взяты сапоги сафьянные княжнѣ Марьѣ Друцкой, а телятинные карлицѣ дѣвкѣ Марфуткѣ.

72. 142 г. ноября 12, шапочному мастеру къ отдаточной къ отласной къ червчатой шапкѣ на накладной пухъ да на поясокъ золотной, да на влейную крашенину 13 алт. 2 д., и шапка дѣлана карлицѣ дѣвкѣ. — Мая 18, каотанного ряду торговому человеку за сарафанъ крашенинной 13 алт. 2 д., да за шапку чернеческую холодную 4 алт. 2 д.; а сарафанъ и шапка взята старицѣ Марѣѣ уродивой. — Юня 14, за полсть валеную бѣлую 25 алт.; взята въ царницы да въ царевиннымъ чеботы на стельки и на колодки. — Юня 17, дано портнымъ мастеромъ на свадьку, чѣмъ у государевыхъ зипуновъ прокалывать втычные пуговицы, 6 д., да на нити, чѣмъ шить на поставецъ простыня, 6 д. — Юля 16, торговому человеку за шляпу валеную бѣлую 13 алт. 2 д. да къ той шляпѣ куплено выбойки русской аршиной, а дано 10 денегъ; а шляпа взята въ отдачу слѣпой бабѣ, которая живетъ у царницы въ хоромѣхъ, Марьѣ.

73. 143 г. Окт. 1 сапожного ряду торговому человеку за сапоги телятинные красные 14 алт.; а взяты тѣ сапоги дуркѣ дѣвкѣ татаркѣ. — Окт. 29, москотинного ряду торговому человеку за шестнадцать нитей бисеру бѣлого и цвѣтного 6 алт. 4 д.; а взять тотъ бисеръ на нарядъ дуркѣ бабѣ слѣпой. — Февр. 12, къ царницѣ въ хоромы полтина. приняла крайчая княгиня Соломонида Мезецкая, а сказала, пожаловала государыня царница тѣ деньги на похороны Ивашку карлу. — Февр. 19, боярынь княгинѣ Марьѣ Пронской за двои чотки кородковые красные, а въ нихъ 200 проиизокъ, 7 руб.: да за 44 арш. тесемъ шолковыхъ алыхъ по 2 ал. 1 д. арш. — Мая 8. сапожного ряду торговому человеку за трои сапоги телятинные красные рубль 8 алт. 2 д.; сапоги отданы потѣшнымъ палатамъ слѣпымъ Якушу съ товарищи. — Юня 5 ко государынь царницѣ Евдокьи Лукьяновнѣ въ хоромы взялъ окольникѣй Ѳед. Степ. Стрѣшневъ 6 алт. 4 д.; а сказалъ, что онъ отдалъ тѣ деньги потѣшнымъ полатамъ слѣпымъ игроцомъ Якушу да Лукѣ на струны. — Юля 11. потѣшнымъ полатамъ домрачеемъ Лукашу слѣпому съ товарищи на струны 4 алт., приказалъ окольникѣй Ѳед. Степ. Стрѣшневъ. — Юля 21 по приказу боярина Бориса Ивановича

Морозова дано печатново двора книжнымъ переплетчыкомъ тремъ чело­вѣкомъ поденново корму на недѣлю по алтыну на день чело­вѣку; дѣлали государыни царниѣ къ шапкамъ два *власища* набивали су­сальнымъ золотомъ и серебромъ по сафьяну по червчатому. — Авг. 17, торговому чело­вѣку за вѣнецъ литовской жемчужной чотыреста трид­цать рублевъ, взялъ деньги околицей Вас. Ив. Стрѣшневъ; а вѣнецъ по государеву указу отдалъ въ царицыну въ мастерскую полату дя­ку Сурьянну Тороканову, а велѣно ему передѣлать вѣнецъ царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ.

74. 144 г. Окт. 17, япанешного ряду торговому чело­вѣку Мака­ру Иванову за мѣшокъ шерсти оленья мягкіе 8 алт. 2 д.; взята въ царицыну мастерскую полату къ царицынѣ сафьянной колодкѣ. То­гожь дни, къ царицѣ въ хоромы 2 р. приняла крайчая княгиня Со­ломанида Мезецкая, а сказала, что тѣ деньги пожаловала государы­ня постельницѣ Феодорѣ Нестеровой на постриганье. — Окт. 29 шубного ряду торговому чело­вѣку за шубу баранью одѣвальную рубль 20 алт., шуба отдана старицѣ Марѣ юродивой. — Ноября 8, къ ца­рицѣ въ хоромы 5 р. 25 алт.; приняла княгиня Соломонида Мезец­кая, а сказала, что она тѣ деньги дала торговымъ людямъ за 6 мѣ­ховъ заечныхъ, въ которыхъ дѣланы тѣлогрѣи *болышимаъ* да за *по­тѣшной тазъ*. — Дек. 4, къ царицѣ въ хоромы рубль 16 алт. 4 д. приняла княгиня Соломонида Мезецкая, а сказала, что дала она тѣ деньги за холодные тѣлогрѣи торговымъ, людямъ, что взяты въ Верхъ боярышнямъ. — Декабря 13, потѣшные полаты домрачею Лукашу слѣпому на струны гривна, дано. — Генваря въ 31 день, кузнецу Ивашку Трофимову 5 алт., а овъ за тѣ деньги здѣлалъ въ царицы­ну мастерскую полату *утюгъ* желѣзной. — Февр. 16, канительного дѣла мастеру Ульяну Ульянову за 76 зол. проволоки посеребрива­ной, по 2 алт. за золотникъ; взята къ двумъ *корунамъ*, которые *коруны* дѣланы въ мастерской полатѣ царевнѣ Аннѣ да царевнѣ Софѣ. — Февр. 17, за *короблю* осиновою бѣлую съ пробой 4 алт.; взята на деревянные суды царевны Татьяны Мих. — Марта 28, по приказу околицега Фед. Степ. Стрѣшнева потѣшные полаты Явусу *слѣпому* на струны гривна, взялъ самъ. — Апр. 8, сѣпожного ряду торговому чело­вѣку за сапоги женскіе телатинные лазоревые 14 алт.; сапоги отданы старицѣ Марѣ юродивой. — Апрѣля въ 9 день, по приказу околицега Фео­дора Степанов. Стрѣшнева часовничному мастеру Потапку Моисѣву за желѣзной аршинъ, за желѣзо и за дѣло 4 алт.; отнесенъ къ царицѣ въ хоромы. — Мая 5, отпущено къ государыни царниѣ въ хоромы пять рублевъ, а была въ тѣ поры государыня у

Рождства Пречистые Богородицы, что на стѣнѣхъ, у обѣднѣ; взялъ деньги подъячей Левонтей Лазоревской, а сказалъ: велѣлъ же ему деньги взять околицей Федоръ Степановичъ Стрѣшневъ. — Мая 7, по приказу околицнаго Фед. Степ. Стрѣшнева потѣшныя палаты Якушу слѣпому на струны 3 алт. 2 д. дано.

75. 145 г. Окт. 10 потѣшному Лукъ слѣпому на домерные струны 3 алт. 2 д., деньги взялъ самъ. — Генв. 9, потѣшному слѣпому Лукашу Никифорову на струны 3 алт. 2 д., деньги взялъ самъ. — Генв. 23, за пять сажень желѣзной проволоки 3 алт. въ царичьихъ хоромахъ къ завѣсу. — Генв. 26, тудаже девять сажень проволоки желѣзной, 5 алт. — Генв. 27, за корелчатый ставецъ да пять блювъ красныхъ 16 ал. 4 д.; къ царницѣ въ хоромы. — Апр. 22, москательнаго ряду торговому человѣку за *бурсы* 16 ал. 4 д.; къ царницѣ въ хоромы принялъ околиц. Ф. С. Стрѣшневъ. — Августа 29, потѣшныя палаты Якушу слѣпому на струны 3 алт. 2 д., деньги взялъ самъ.

76. 146 г. Сент. 15 токарю Леонкѣ Семенову на 10 дней корку по 10 д. на день; дѣлалъ царницѣ 8 болвановъ шарочныхъ, 5 болвановъ калтурныхъ, на тазы влагалише; на корону, на чарку, на мушкатной кубокъ да на сурь — во влагалишу. — Окт. 18 овошного ряду за травеной вѣнчикъ, чѣмъ чистять государское платье, 8 д.; взять въ царичьину мастерскую палату. — Окт. 19, руковишнаго ряду торговому человѣку за треухъ пестрой суконной 4 алт., государыня царица Евдокья Лукьяновна пожаловала потѣшной дѣвкѣ Орникѣ. — Ноября 4, государыня царица пожаловала велѣла дать казначеѣ Аннѣ Хитрой да ларешницѣ Матренѣ Кобелевѣ по полтиннѣ. — Ноября 5, царица пожаловала велѣла дать нѣмкѣ дѣвкѣ Овдотѣ въ Вознесенской монастырь на свѣчи 16 алт. 4 д. Тогожь дни часовнику Моисью Терентьеву за хрустальное *стекло* 6 алт. 4 д.; вставлено царичи Евдокѣ Лук. въ турецкое опахало. — Февр. 2, суровского ряду за четверы гиланскіе дороги да за двое желты по 2 р. 13 ал. 2 д.; да кишного ряду торговкѣ за три рубашки мускихъ шиты золотомъ да серебромъ по 2 р.; въ хоромы къ царницѣ принялъ околиц. Вас. Ив. Стрѣшневъ. — Апр. 10, дано по приказу боярина Бориса Ивановича Морозова иконнику Ивашку Данилову за икону промѣну преподобнаго Семіона 30 алт.; отданъ образъ уродивому Елисейю, что живеть въ монастырѣ у Спаса на Новомъ. — Авг. 15, взято за платишка за обноски всякіе, что носили дураки и карлишка, три рубли 4 алт. 4 д.; продано всякимъ людемъ, а кому что продано и на комъ что денегъ взято и то писано имянно въ продажной книгѣ.

77. 147 г. Сентября въ 23 день суровского ряду торговому человеку Тимошкѣ Михайлову за четыре тѣтиды персидскіе 4 р. съ полтиною; взяты царевнамъ на *полою*. — Сент. 30 къ парицѣ въ хоромы полтина; взялъ столыникъ Вас. Голохвастовъ, а сказалъ, что тѣ деньги парица пожаловала ему Василью на сапоги. — Окт. 31 по приказу околичного Фед. Степ. Стрѣшнева потѣшнымъ Якову да Лукьяну слѣснымъ на струны 3 алт. 2 д.; деньги взяли сами. — Дек. 3 за двѣ *коробы* осиновыхъ бѣлыхъ 13 алт. 2 д.; взяты въ парицѣну въ мастерскую полату на *кисем*, что государь пожаловалъ дочерямъ своимъ царевнѣ Иринѣ да царевнѣ Аннѣ на *кладовѣ сорочки*. — Февр. 8 овошного ряду — за три гребни слоновыя, по 2 гривны гребень; къ парицѣ въ хоромы приняла княгиня Ульяна Троекурова. — Марта въ 11 день овошного ряду торговому человеку за четыре бруса *мыла* грецкого 20 алт., къ парицѣ въ хоромы приняла бабка Аносыя. — Іюля 23 за сундукъ дубовой съ оковы желѣзными 3 р. 4 ал. 4 д.; въ парицѣну мастерскую полату на государское платье.

78. 148 г. Сент. 20 къ парицѣ въ хоромы 3 руб.; приняла княгиня Марья Пронская, а сказала, что тѣ деньги на милостынную раздачу, какъ бывають государынямъ царевнамъ въ соборъ и въ Чудовъ монастырь походы молиться. — Окт. 31 коробейнаго ряду торговому человеку за полпуда пуку гусинова по 10 алт. за гривенку; да за *мерину* со вземловьемъ 4 р. 6 алт. 4 д.; пухъ взять въ государскіе посылки, а перина отдана въ отдачу княжнѣ Овдокѣ Шербатовой. — Ноября 8 кошному сторожу парицѣны мшленн Омельяну Григорьеву на похороны 16 алт. 4 д.; деньги взялъ парицѣны истопникъ Ортюха Гудокъ. Тогожъ дни, овошного ряду торговому человеку за три стакачика стеклянныкъ на стоянкахъ 7 алт., стакачки принесть въ парицѣ въ хоромы Иванъ Федоровичъ Стрѣшневъ меньшей. — Ноября въ 11 день серебряного ряду торговому человеку за *сѣрги* серебряныя позолочены двойчатки съ каменьемъ и съ жемчюгомъ рубль 14 алт.; сѣрги принесть къ парицѣ въ хоромы княгиня Марья Хованская. — Ноября 23 шапочного ряду торговому человеку за десять бѣлашомъ точныхъ, въ бѣлашѣ по 10 денегъ; бѣлашны взяты парицѣ лодъ шапки. — Генв. 11 къ парицѣ въ хоромы рубль; принесть крайчея княгиня Соломониды Месяцкая, а сказала, что тѣ деньги Ематеринскому пономарю Оленикѣ за двѣ сапоги желтые сѣбянные женскіе, а сапоги государыня парица пожаловала двумъ дѣвкамъ, Голохвастовѣ да Марьѣ Ермеевѣ. — Генв. 19 взято къ государынь парицѣ въ хоромы сто рублей, отнесеть Ив. Мих. Анчиковъ, приняла де у него деньги у хоромъ боярыня Анна Пущаева,

а велѣла записать: взяты деньги въ роздачу по старицѣ по Марѣ уродливой. — Генв. 28 овошного ряду торговому человѣку за двѣ братнички стекляныхъ 16 алт. 4 д., братникъ принелъ въ хоромы Иванъ Федоровичъ Стрѣшневъ меньшей. — Февр. 23 серебряного ряду торговому человѣку за серги серебряны позолочены рубль 16 алт. 4 д.; серги принела къ царицѣ въ хоромы княгиня Марья Хованская, а сказала, что тѣмъ сергамъ государыня царица пожаловала дѣвку Голохвастову. — Марта 30 овошного ряду торговому человѣку за три стакана стекляныхъ за стоканъ по 2 алт.; взяты въ царевнѣ Иринѣ въ хоромы, принела боярыня княгиня Марья Хованская. — Юня 25 яповечного ряду торговому человѣку за полсть бѣлую рубль 12 алт. 4 д.; полсть взята въ государскіе чеботы на колотки и на стельки. — Юля въ 10 день государыня царица Евдокѣя Лук. пожаловала старицѣ Стрѣшневѣ на сквиленье и на тазъ мѣдвой 26 алт. 4 д.; отосланы тѣ деньги царицѣны мастерскіе полаты съ портнымъ мастеромъ со Власомъ Кешеневымъ.

79. 149 г. Сент. 6 къ царицѣ въ хоромы рубль; приняла княгиня Соломонида Межецкая, а сказала, что тѣ деньги государыня пожаловала дурнѣ дѣвкѣ Полагейкѣ, которую привезъ изъ Пскова околячей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ. — Ноября 8 по росписи за поѣткою дѣяка Сурьянина Тороканова царицѣны мастерскіе полаты шапочнику Гаврилу Савельеву на два мѣсяца и на 12 дней корму на день по 10 денегъ, а дѣлалъ овъ въ тѣ дни царицѣ *шапки и рукавки* и накладные ожерелья. — Ноября 11 ветошного ряду торговому человѣку за опашень суконный черный 2 р. 30 алт.; опашень государыня пожаловала Псковской бабкѣ Аниѣ. — Ноября 27 чемоданному мастеру Семейкѣ Яковлеву на ременья и на верви 23 алт. 2 д.; тѣми ременьями и вервями обшивалъ царицѣну постельную большую дубяную коробью. — Дек. 9 взято къ государынѣ царицѣ въ хоромы рубль, взялъ Василей Голохвастовъ, а сказалъ; взять въ отдачу къ Спасу на молебень. — Дек. 30 царица пожаловала дѣвцѣмъ боярышнямъ и княгинямъ, которые у ней государыня и у царевнѣ на сѣнѣхъ, въ жалованье 50 руб. — Генв. 9 отпушено государынѣ царицѣ въ хоромы 4 р. относилъ деньги Иванъ Михайловичъ Анничковъ, принела де у него деньги княгиня Марья Хованская, а сказала; взяты въ отдачу рудометницѣ. — Февр. 28, взята въ серебряномъ ряду гривна серебрена золочена чеканная вѣсу въ ней рубль 2 д., да за дѣло... велѣно тоѣ гривну по приказу государыни приложить къ образу Препод. мч. Евдокѣи. — Юля 12 коробейного ряду торговому человѣку на *коробью* большую окованую желѣзомъ чернымъ

ошфеленымъ 7 р. съ полтиною, да за три коробья осиновыхъ бѣлыхъ полтина; большая коробья взята государыни царицы большого наряда на платье, а осиновые коробья взяты на книги и на столпы въ царицыну въ мастерскую полату.

80. 150 г. ноября 2, серебряного ряду торговому челоѡвѣку отъ спня серебряного булавочного и съ тѣмъ, что за дѣло, 2 ал. 2 д.; булавку принялъ Иванъ Ѳеодоровичъ Стрѣшневъ меньшей, а сказалъ, что та булавка царицына, а зерно гурмыцкое на тоѡ булавку изъ хоромъ выдалъ онъ же. — Генв. 15, сапожного ряду торговому челоѡвѣку за башмаки прямыя телатинныя красныя 6 алт.; башмаки государыня пожаловала дѣвкѣ дуркѣ Орюткѣ. — Марта 18, къ царицѣ въ хоромы 4 ал. 2 д. приняла Катерина Бутурлина — куплено тремъ дуркамъ дѣвкамъ по *перевалкѣ*. — Мая 24, кафтанного ряду торговому челоѡвѣку за сарафанъ крашенной лазоревой 8 алт. 2 д., сарафанъ государыня пожаловала дѣвкѣ дуркѣ Дуныкѣ. — Авг. 16, государыня царица пожаловала Переславлѣ Залѣского посацкому челоѡвѣку карлицы Анюткину отцу Васкѣ Миняеву 2 р. взялъ деньги самъ; приказалъ царицынымъ словомъ Сем. Лук. Стрѣшневъ. — Августа въ 17 день, сапожного ряду торговому челоѡвѣку за трои сапоги, за двои желтыя мешинныя да за красныя телатинныя, 23 алт. 2 д. сапоги государыня пожаловала желтыя да красныя карлицамъ Анюткѣ да Соболкѣ, а другіе желтыя новокрещеной дѣвкѣ Дуныкѣ. — Авг. 29, куплено 6 вер. отласу золотного турецкого по червчатой землѣ, по немъ травы золоты въ цвѣтахъ шолки розныя 3 р.; царицѣ къ бѣлымъ шляпкамъ на подпушки къ полкамъ. — Авг. 31, къ царицѣ въ хоромы рубль 6 алт. 5 д. привела комнатная Овдотья Рукина, а сказала, что тѣ деньги дати скорияшного ряду торговымъ людемъ за два занчыи мѣхи, а мѣхи взяты карлицамъ на тѣлогрѣи, которыя у царевны Ирины Мих. живутъ въ комнатѣ.

81. 151 г. сент. 5, ко государынѣ царицѣ въ хоромы 3 р. 8 алт. 2 д.; привела деньги княиня Ульяна Троекурова, а сказала, что тѣ деньги дати торговкѣ Орникѣ Гавриловѣ за мускую рубашку да за портки, фубанка шита золотомъ въ петлю по кисеѣ; а та де рубашка и портки въ отдачу. — Царицыны мастерскіе полаты бѣдильнику Минифорку за ящикъ дубовой съ пробойцы 2 ал.; взять ящикъ изъ коробейного ряду на царицыны бѣдильны. — Сент. 9, царицыну сыну боярскому Прохору Перепечину 2 ал.; а онъ Прохоръ тѣ деньги далъ извознику отъ провозу, какъ ѣздилъ по карлицу въ Огородную слободу. — Сент. 10, ко государынѣ царицѣ въ хоромы 14 алт., отнесъ деньги дьякъ Петръ Арбеневъ, а сказалъ, что тѣ деньги при-

вила Овдотья Пирова, а на тѣ де деньги куплены двои сапоги да двои чюлки карлицамъ Парашкѣ да Алюткѣ. — Окт. 30, ко государный царикъ въ хоромы 16 алт. 4 д.; приняла назначеня Анна Хитрово, а сказала, что на тѣ деньги куплены двѣ тѣлогрѣи, зачѣи подѣ крашенною карлицѣ Каткѣ, другая крашенниная карлицѣ Палагѣйкѣ. — Ноября 2, шубного ряду торговому человѣку за два кафтала шубныхъ рубль 26 алт. 4 д.; куплены тѣ кафталы дурмакѣ. — Ноября въ 7 день ко государный царикъ въ хоромы 20 алтынѣ приняла комнатная Овдотья Румина, а сказала, что на тѣ деньги куплена тѣлогрѣя зачѣи новокрещеной извѣкѣ двѣи дуркѣ. — Декабря 29, въ хоромы жѣ полтина; приняла боярыня княгиня Марья Офонасьевна Хованская, а сказала, что на тѣ деньги купить два сарафана двѣи дурмакѣ Думкѣ да Мамыкѣ. — Февр. 1, ко государный царикъ въ хоромы 40 алтынѣ, приняла Анна Хитрово, а сказала, что тѣ деньги дати торговымъ людемъ за сапоги черныя телатинные да за башмаки красныя женскіе да за рубашку да за портки, да за исподъ зачѣи; сапоги государныя пожаловала Ивановского монастыря старикѣ уродливой Алисѣ, а башмаки дуркѣ двѣи Орюткѣ, а рубашку и портки и исподъ пожаловала карлу Иванкѣ. — Апр. 18, коробейного ряду торговому человѣку за *поспелю* да за изголовье пуховое 2 р. 30 алт.; да за 4 ф. безъ чети за пухъ гусиной по 10 алт. за фунтъ; перина и пухъ государныя царика пожаловала за двѣи кою Марью Стрѣшневою, какъ она выдана за мужъ. — Апр. 20, въ серебряномъ ряду взяты двѣ чари винныхъ рѣзныхъ, одна золочена, вѣсу 32 зол.; къ царикѣ въ хоромы принялъ окольн. В. И. Стрѣшневъ.

82. 152 г. Сент. 1 соборному рождественскому попу Ансѣфору 10 денегъ; пѣлъ въ царикѣ въ мастерской податѣ молебень на Семенъ день Лѣтоначатца нынѣшняго 152 году. — Сент. 14, какъ окладывали церковь Введеніе Преч. Богородицы въ новой Хамовной Слободѣ и по приказу государыни царика, идучи съ *окладу*, нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ дано милостыни 15 ал. 2 д. — Ноября 17, какъ государыня царика пошла въ Рубцовскій объездъ и съ Москвы дорогою идучи и на освященіе церкви Введенія Пр. Богородицы нынѣшнѣи и всякимъ бѣднымъ людемъ милостыни 42 ал. — 152 г. Февр. 13 коробейного ряду торговому человѣку за двѣ *перны* и за дѣло и отъ крашеня рубль 3 алт.; куплены тѣ перны ко государскимъ княжамъ на подзоръ. — Мая 5 серебряного ряду торговому человѣку за серебряныя серьги 9 алт. 2 д.; и тѣ серьги государыня пожаловала двѣи дуркѣ Орютѣ. — Мая 18 ко государеву указу и по приказу Ивана

Федоровича Меншово Стрѣшневѣ куплено *домришко* по цѣнѣ восемь денегъ; и сю домришку взялъ онъ же Иванъ Федоровичъ и отнесъ ко государю въ царицыны хоромы, а сказала играть въ домришку дуркѣ. — Юня 2 къ царицѣ въ хоромы полтнина, приняла кн. М. Хованская, а сказала, что тѣ деньги государыня пожаловала карлицы Манкиной матери. — Юня 5 государыня царица пожаловала на погребеніе сторожа Сенки Аверкѣева рубль, взялъ деньги сторожъ Андришка Степановъ. — Юня 12 государыня царица пожаловала на погребеніе золотные мастерицы Оксиньи Кривцовы рубль. — Юля 20 къ царицѣ въ хоромы 2 р. приняла Анна Хитрово; царица пожаловала царевичу Алексѣю рубль, а другой рубль царевнамъ Аннѣ и Татьянѣ на мелкой расходѣ.

83. 153 г. Окт. 22 кафанного ряду торговому человѣку за двѣ тѣлогрѣи теплыя заечы 2 р. 10 алт.; тѣми тѣлогрѣями государыня пожаловала татарокъ дву дѣвокъ колмацкого полону. — Дек. 14 ко государыни царицѣ въ хоромы рубль приняла казначыя Анна Хитрово, а сказала, что тѣ деньги государыня пожаловала постельницѣ Марьѣ Парской на постриганье. — Дек. 19 по государеву указу за станокъ, что дѣланъ станъ къ кованымъ круживамъ, круживному, мастеру Федкѣ Корнильеву, за дерево липовое и за подножки и за рѣшетку и за бердо 40 алт. 4 д.; да за свинцовыя гири за полтора пуда за свинець и за дѣло рубль 20 алт.; да за веревки посконныя за 900 саж. по 6 алт. за сто сажень; да за 10 прутовъ желѣза 11 алт.; за 10 вьюшекъ 2 алт. съ денгою, за 60 колесъ деревянныхъ 10 алт., да за гнѣздо костяное, что класть въ бердо, 5 денегъ, за сто клинчиковъ мѣдныхъ 5 алт., за тридцать за три трости стальные 33 алт.; и всего по цѣнѣ 6 р. 10 алт. — Дек. 19 по челобитной и по помѣтѣ дьяка Петра Арбенева безвѣстной старицѣ Евфимьѣ Толмачевой, для ея бѣдности, что она заложила три образы, и ей на выкупъ 2 р. Тогожъ дни по челобитной и по помѣтѣ дьяка Петра Арбенева Вознесенскаго дѣвча монастыря старицѣ Федулѣи Жамайлово для ея бѣдности на келейное строеніе рубль.

84. 156 г. Февр. 1 овошного ряду торговому человѣку за три *трубки зрительныя* полтора рубля; къ царевнѣ Аннѣ въ хоромы приняла боярыня княгиня Марья Ивановна Пронская. — Февр. 22 царицына чина сыну боярскому Любиму Пирову 2 алт. 4 д.; а онъ на тѣ деньги купилъ двѣ сажени проволоки желѣзной да колець желѣзныхъ къ завѣсу, чѣмъ завѣшивать царевинны горлатныя лисьи шапки. — Февр. 27 сапожному мастеру отъ жолтыхъ сафьянныхъ сапоговъ отъ дѣла и за прикладъ 5 алт., сапоги царевни Ирина Мих.

пожаловала карлицъ Манкѣ. — Февр. 29 овошного ряду торговому челоуѣку за два кувшина полосатые стеклянные съ носочка 16 алт. 4 д.; къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы приняла казначея Василиса Пятово.

85. 157 г. Ноября 18 овошного ряду торговому челоуѣку Сеикъ Филиппеву за двѣ трубки зрительные рубль; къ царевнѣ Аннѣ въ хоромы приняла княжна Марья Шеховская. — Ноября въ 26 день зелейного ряду торговому челоуѣку за восемь золотниковъ струйки бобровой да сала барсучья 7 алт.; ко государынѣ царницѣ въ хоромы приняла кравчая Анна Михайловна Вельямнинова. — Генв. 1 коробейного ряду торговому челоуѣку за коробью бѣлую 6 алт. 4 д. коробью приняла казначея Василиса Пятово, а сказала, что тоу коробью царевна Ирина Мих. пожаловала Катеринѣ дурѣ. — Генв. 14 ко государынѣ царницѣ въ хоромы 1023 р. 30 алт. принялъ бояринъ Илья Даниловичъ Милославской, а сказалъ, что тѣ деньги изъ хоромъ дати торговымъ людямъ за жемчугъ да за вѣнецъ съ камнями да за серги золотыи съ запонм да за перстень съ алмазомъ. — Марта 20 мыльного ряду за брусь мыла бѣлого нижегородского гривна, приняла казначея Марья Старинская, а сказала, что то мыло на умыванье царницѣ. — Апр. 18 овошного ряду торговому челоуѣку за *трубку зрительную* въ черной басмянной кожѣ полтина; къ царевнѣ Татьянѣ Мих. въ хоромы приняла княжна Марья Шеховская.

86. 158 г. Дек. 29 ко государынѣ царницѣ въ хоромы рубль 6 алт. 4 д. приняла кравчая Анна Вельямнинова, а сказала, что тѣ деньги государыня царица указала изъ хоромъ отдать кодашовской дѣловицѣ Федосьницѣ Ивановѣ за дѣло отъ скатерти задѣвчатой. а дѣлала она тоу скатерть блаженные памяти государя царевича князя Дмитрія Алексѣевича за кормилицу Улиту.

87. 159 г. Окт. 20 коробейного ряду торговому челоуѣку за два изголовья, наволоки крашения лазорева, 15 алт. 4 д.; изголовья приняла постельница Марья Елизарова, а сказала, что тѣ изголовья государыня царица пожаловала новымъ карлицамъ Аклиниѣ да Праксковь. — Окт. 30, ветошного ряду торговому челоуѣку Симонку Кириллову за *запону* по отласу бѣлому шита золотомъ и серебромъ волоченымъ и приденымъ съ шолки розными и дѣлана кантелью, девяносто рублей; запона положена у государыни царицы въ казнѣ. — Шатерному мастеру Ивану Янышеву кормовыхъ на 4 дни 6 алт. 4 д.; въ тѣ дни оклеивалъ киотъ Преч. Богородицы камкою червчатой, что стоитъ у Екатерины Христовы Муч., что у царицы на сѣняхъ, да на тотъ же киотъ сдѣлалъ тафтяную запону.

88. 160 г. Мая 31 государыня царица мастерскіе полаты каптурнику Іевку Федотову 4 алт. 4 д.; а онъ на тѣ деньги купилъ для бѣленья шляпъ государыни царицы полуунта бѣлль, да кичной болванъ; а тотъ болванъ въ хоромы приняла казначея Матрена Блохина.

89. 161 г. Сент. 3 серебряного ряду торговому человѣку за серги съ жемчюги каменье вареники рубль 16 ал. 4 д.; тѣ серги царпа пожаловала дѣвкѣ Огрофевѣ Лопухиной. — Февр. 28 кичново ряду торговому человѣку за *паворозы* шолковые червчатые 10 алт. 2 д.; а тѣ паворозы ко государынѣ царцѣ Маріи Ильичѣ въ хоромы приняла казначея Матрена Блохина. — Апр. 28 овошного ряду торговому человѣку за *зрительную трубку* 17 алт.; ко государынѣ царевнѣ Аннѣ Мих. приняла боярыня Марья Ивановна Пронская. — Апр. 28 серебряного ряду—за 62 пелепеда серебряныхъ позолочены 25 алт.; къ царевнѣ Аннѣ Мих. приняла княжна Марья Шеховская. — Мая 22 кичного ряду—за омерелье женское жемчюжное съ пугвицы 27 р. 26 ал. 4 д.; царица пожаловала дѣвкѣ татаркѣ Татьянѣ. — Юня 9 царица пожаловала околыничему Ив. Андр. Милославскому 300 руб.; стольникомъ Семейю Юр. да Матвѣю Богд. Милославскимъ по 100 руб.

90. Счеты денежнаго прихода и расхода царицыной мастерской палаты съ 1624 по 1653 годъ.

	Рубли. Алтыны. Денъги.			Рубли. Алтыны. Денъги.			
Въ 133 г. Приходъ	2156	4	5½	Расходъ	1982	11	1
Въ 134 г. —	1315	12	½	—	1312	16	1½
Въ 135 г. —	494	12	1	—	381	14	2
Въ 136 г. —	263	17	5	—	199	17	½
Въ 137 г. —	298		6½	—	278	11	2
Въ 138 г. —	370	12	1	—	334	32	2
Въ 139 г. —	958	24	3½	—	277	6	1
Въ 140 г. —	1167	18	1	—	660	„	7
Въ 141 г. —	1648	21	2	—	1238	6	6
Въ 142 г. —	1059	26		—	964	23	1
Въ 143 г. —	1226	14	3	—	1210	14	3
Въ 144 г.				—	944	30	5
Въ 145 г. —	1252	19	4	—	781	11	2
Въ 146 г. —	1099	3	½	—	1089	„	3
Въ 147 г. —	491	21	4½	—	456	7	„
Въ 148 г. —	371	29	4½	—	331	32	5
Въ 149 г. —	643	5	5½	—	627	32	1

		Рубл.	Алтын.	Деньг.		Рубл.	Алтын.	Деньг.
Во 150 г.	Приходъ	441	28	3½	Расходъ	429	25	4
Въ 151 г.	—	424	28	1	—	410	27	3½
Въ 152 г.	—	533	8	3	—	528	6	4
Въ 153 г.	—	810	13	3½	—	786	20	3
Въ 156 г.	—	778	26	2	—	763	17	4
Въ 157 г.	—	7590	17	3	—	7556	26	1
Въ 158 г.	—	3531	17	2	—	3530	25	5
Въ 159 г.	—	6275	26	3½	—	6247	32	3½
Въ 160 г.	—	3964	4	3	—	3884	20	½
Въ 161 г.	—	10612	20	2½	—	8665	33	

Переписка дворцоваго и дьяковъ.

91—1. Федоръ Петрович! Указагъ великій государь прислать свой великаго государя рукавъ бархатной зеленой, а сыскивать его въ хоромахъ и въ мастерской; а будетъ не сыщется, изволь прислать новой, сдѣлавъ на спѣхъ; шарпетокъ, штановъ, чулковъ теплыхъ, сукна кармазиноваго красного половинку — великіе расходы, что станъ, то расходъ. Башмаковъ желтыхъ. Да взять изъ Оружейной Полаты доски шахматныя, тавлейныя, сачныя, бирковыя, шахматы, саки, тавлен, бирки и прислать наскоро сегожъ числа; изволь великій государь самъ приказать. Да сдѣлать шубку женскую въ тафтѣ двоеличной цвѣтной на хребтахъ бѣлыхъ, пухъ положить хорошей, пуговицы пришить серебряныя золоченыя на женское дѣло; въ длину 2 арш. безъ 2 вершковъ; ширина въ плечахъ аршинъ безъ 3 вер.; а сдѣлавъ прислать съ иными дѣлы тотъ же часъ. Пожалуй государь Федоръ Петровичъ не поплошисъ, здѣ спрашиваютъ въ мгновеніи ока. Ивашка Чапыгинъ челомъ бьетъ, 188 г. сент. 13.

2. Федоръ Петрович! По указу великаго государя приказала боярыня Анна Петровна Хитрово взять тебѣ въ Свѣтлицѣ у боярыни у Орини Вельяминовой полотенцы всѣ, что ей приказано нашить и приготовить въ Троицкой монастырь, и прислать въ Воздвиженское въ понедѣльникъ безо всякаго замедленія; а велѣтъ ѣхать днемъ и ночью на спѣхъ. Да и съ Архимомъ, что писано, противъ того писма всежъ присылать. Ивашка Чапыгинъ челомъ бьетъ.

3. Федоръ Петрович! Писано къ тебѣ по указу в. государя и велѣно тебѣ сходить въ Свѣтлицу къ боярыни къ Орини Вельяминовой и взять у неѣ монастырскіе полотенцы, сколько ей приказано шить

и сдѣлать; и тебѣ тѣ полотенцы взявъ у неѣ, прислать тотчасъ въ Воздвиженское въ поведѣльникъ и велѣть ѡхвать днемъ и ночью на спѣхъ безо всякаго замедленья, для того къ тебѣ посланъ стрѣлецъ нарочно. Ивашка Чаплыгинъ челомъ бьетъ, 188 г. сент. 21. Въ государеву Мастерскую Палату дяку Ѳедору Казанцову.

4. Корнило Петровичъ, Ѳедоръ Петровичъ! Того часу пошлите къ сусальщикамъ къ Семену съ товарищъ, хотя ночью; возьмите у нихъ тетрадь сусального золота самого добраго безъ серебра и пришлите съ тѣмъ же стрѣльцомъ тогожъ часу. Да покупаемъ товары, неосматривая, лише деньги тераемъ; красная тафта вся въ пятнахъ, осматривайте. Старость велѣлъ сыскать противъ вчерашняго писма и выслать въ походъ. И посемѣсть не высланы. О всякомъ дѣлѣ будетъ десята писать, истерно (sic) будетъ писму. Завтра бы тѣ старосты высланы были ко мнѣ. Иванъ бы Невѣжинъ прѣѣхалъ ко мнѣ, съ чѣмъ ему приказано, завтра въ десятомъ часу дни. Дѣла вели принимать у подъячихъ Ондрею Озерову, осматривая. Да послано 5 портницъ, и вы велите сдѣлать одну отласную теплую Домнушкѣ да и прикладъ весь, Ивану Артемьеву и Василью Качалкину, имъ даны дѣлать. Да вели утре рано ѡхвать Ивану Невѣжину и взять у тѣхъ старость книги ихъ году расходима тотчасъ, а буде поноровить, на себѣ приметъ. А шолъ бы на дворъ съ старостами съ Иваномъ Гусятниковымъ да съ Кяриломъ Пороцкимъ, чтобъ приклепу небыло. Неучините того, чтобъ не въ отдачу часовъ онъ шелъ для того. А съ золотомъ стрѣльца прислать тотчасъ. О семъ Никитка челомъ бью. 189 г. мая 17, привезъ стремяного приказу стрѣлецъ Яковъ Воронинъ. *Надпись:* Отдать государыни царицы въ Мастерскую Полату.

5. Корнило Петровичъ, Ѳедоръ Петровичъ!... Образъ Пресвятыя Богородицы и камень отдай Богдану Сялину и запиши, и золото у тебя есть кое, отдай емужъ; да пришли ко мнѣ росписъ дѣламъ, кои отданы въ серебряную и въ золотую полату. Да послагъ я Якова Молчанова, сходи ты и возми съ собою его къ царевнамъ Большимъ и къ Меншимъ и роспиши по комнатамъ постельницъ въ черныхъ кингахъ, тѣхъ, у коихъ дворы есть, и тѣхъ же комнатъ бездворныхъ къ нимъ на большіе дворы и пропиши; а на малые дворы не пиши, а напиши только большихъ да меншихъ царевенъ да царевича Юанна Ал.; а которые до сего времени на тѣхъ дворахъ живутъ и иныхъ комнатъ, и тѣхъ не ссылатъ. Да велите сыскать Марьюшкину постель, у Ивана Пояркова осталась въ Мастерской, и пришли завтра съ Иваномъ портнымъ. О семъ Никитка Акняфовъ челомъ бьетъ. 189 г. мая 18.

6. Корнило Петровичъ! Въ хороми г. царевнѣ Ме. А. да к царевнѣ Ев. А. чего нѣтъ просили, подать, что я приказалъ. А что просить Орна Вельяминова бархату на пошвы Марья Матвеевнѣ посмотреть въ расходной книгѣ, бархатъ черной взять изъ Государевой Мастерской Палаты и подать; и справясь съ книгою и съ немъ отписать ко мнѣ завтра, чтобъ тѣмъ дѣла не постановить. А будетъ бархатъ не подать, подать, смыскавъ въ казѣ тотчасъ. А что они просить дву аршинъ тафты да шолку и про то еѣ спросить, на какое дѣло просить и отписать ко мнѣ завтра подлинно. Калибѣли петашими прислать всѣ. Да коробью родилую, которая зашечатана прислать съ добрымъ сторожемъ завтра, увязавъ въ сукнѣ и запечатавъ. А кружкомъ новымъ прислать покунку и расходъ нашить. Къ Петру Аврамовичу пошли съ памятиою съ моею, приказано Андрюшѣ, и отпиши ко мнѣ, что онъ скажетъ. У Федора Сидина взять скажу и про поручниковъ розыскать кто ихъ свободилъ, а держатъ ихъ не велѣтъ, только про нихъ розыскать кто свободилъ. Однозначно прислать, кто изъ Кадашова пойдетъ къ Макарыю, пора деньги давать имъ. Исподъ соболой лущетей худой старой лежалъ въ казѣ въ сундукѣ, гдѣ соболы лежать, недавно я его видѣлъ; посмотри, гдѣ онъ; и спрашайте съ расходомъ, куда въ расходъ пошло, и отписать. 189 года мая 21, привезъ Андрей Озеровъ.

7. Корнило Петровичъ, Федоръ Петровичъ! Пришлите отласу бѣлого да тафты бѣлой же и камокъ, шолку бѣлого и красного и алого, — прислать все тотчасъ. Федоръ Петровичъ будь въ походе утре на первомъ часу. Пугвицъ золоченыхъ прислать тотчасъ, круживъ шире тѣхъ, на царевнины тѣлогрѣи; шире тѣхъ нѣтъ, велите поискать въ ряду тотчасъ и показать имъ государынямъ и кои велѣтъ взять, тѣ и возьмите. Книдяковъ купить вишневыхъ да темно-зеленыхъ; болванъ каптурной большой велѣтъ выточить и прислать накладку на каптуръ хорошую; прислать нитей, шеть, миткалей пол-аршина. Никитка Акинфовъ челомъ бьетъ. 189 г. мая 27.

8. Корнило Петровичъ, Федоръ Петровичъ! Пришлите въ походе Ивана Артемьева тотчасъ и сыщите, кто отдавалъ круживо на тѣлогрѣю княгинѣ Феодѣ Семеновнѣ, а нашаты разные кружива, и о томъ отписать ко мнѣ тотчасъ.... Да ножницы новые, чѣмъ кроить платье, нитокъ, мѣлу, мыла простого. Никитка Акинфовъ челомъ бьетъ. 189 г. мая 28.

9. Княгини Агаеи Романовны лѣтникъ объяривной, что дѣлалъ Иванъ Артемьевъ, да Федосья Невловой шубку, что онъ же дѣлалъ, прислать завтра. Княгини Анны Семеновны платье, которое отдаю

было дѣлать портнымъ мастерамъ по рукамъ, справясь по кроельной книгѣ, прислать все: наволочку камчатную алую, которая послана изъ походу, набить пухомъ и прислать въ походъ же.... Корнилу Петровичу утре до обѣдни итти въ Чудовъ м. и велѣть отпѣть понахиду по Семенъ Ивановичъ, а дать денегъ 2 р., а кутью и медъ и свѣчу взять изъ дворца.

10. Корнило Петровичъ государь! Изволь прислать въ походъ мыла грецково хорошево, а которое, государь, въ походъ было, и то, государь, худо, ростирать нельзя для того, что розно разваливаетца по слоямъ; и то государь, мыло послалъ къ тебѣ съ Макаромъ, изволь его принять, а вмѣсто того прислать хорошево. Рабъ милости твоей Андришко Озеровъ челомъ бьетъ. А въ походъ государь ни одного наряду нѣтъ, изволь ростерши прислать нарядами, не помѣшкавъ; безпрестанно, государь, спрашиваютъ. *На оборотъ:* съ кружевникомъ Макаромъ 189 г. мая 28, послано мыла 20 нарядовъ. Да съ нимъ же послано пять иконъ окладныхъ, взяты государыни царицы у крестоваго у уставщика у Григорья.

11. Корнило Петровичъ! Которую челобитную подписную послалъ я къ тебѣ съ чеботникомъ.... и ты по той челобитной пошли память въ стрѣлцкой приказъ, чтобъ того стрѣльца прислали въ мастерскую полату тотчасъ; а какъ его пришлютъ, тотчасъ пришли ко мнѣ его; а противъ подпиши, что на той челобитной подписано ничего не дѣлай и къ Степану Якову не посылай ни зачѣмъ.... Послалъ я зеркало съ чеботникомъ, вели стекло перемѣнить и закрѣпить и прислать завтра. Федора Алабердеева съ чѣпи свободы, а скажи ему, если онъ впредь гулять станетъ, поймавъ, опорю батоги. Якову Молчанову для ангела государыни царевны кафтанъ вели отдать. Сукна истопникамъ и сторожамъ, которымъ недано, вели давать.... Да вели поискать ширябату самого доброго аршинъ съ 20 и пошли въ нѣмецкую слободу къ нѣмцамъ для ширябату, хотя самъ съѣзди, нужно, надобно на наметки. Да прїѣдь завтра ты Корнило Петровичъ въ походъ къ обѣдни. Да у нѣмецъ же посмотри самъ объярей дикихъ цвѣтовъ, осинової, коричной, лимонной и нныхъ цвѣтовъ; и въ нѣмецкую слободу пошли, ково разумного человека или самъ съѣзди, чтобъ такихъ объярей сыскать и пришли въ походъ завтра къ обѣду; нужно, надобно; а буде къ обѣду не поспѣеть, хотя и позже. Смурковъ розныхъ цвѣтовъ и шелковъ. Да сыщи перья черныя опахальныя боярина Ильи Даниловича Милославского и пришли въ походъ съ Онофреемъ чеботникомъ. Да вели сдѣлать г. царидѣ

башмаки сафьянъ бѣлы, а наковы мѣроу и о томъ приказано Опофрею. Никитка Акинфовъ. 189 г. мая 29.

12. Корняло Петровичъ, Федоръ Петровичъ! Государыни царевны и великіе князи Софіи Алекс. съ сестрами, кои изволили быть въ походъ въ селъ Воробьевъ, платье все, что есть пришлите въ походъ, чтобъ посылкъ меньше было, и башмаковъ и что пристойно къ походу.... Тысечъ своей, что у тебя былъ расходъ, очистку привези въ походъ завтра, а живучи въ походъ сдѣлаешь. А Федору Петровичу остатца на Москвѣ; а какъ поѣдешь въ походъ, побывайте оба въ палатъ, чтобъ въдалъ Федоръ Петровичъ пошто пришлютъ изъ походу и московской расходъ, и завтра прѣбати оба въ походъ въ третьемъ часу дни.... Да писалъ ты ко мнѣ о ширанбатъ, что по 40 алтынъ съ гривною и по 1½ рубли аршинъ; чаю штука по 1½ р.; нестатки, что по 1½ р. аршинъ. Отпиши ко мнѣ подлинно.... а безъ сторожабъ у подьячихъ въ палаткѣ не было, и подьячиебъ ходили безпрестаян.... Никитка Акинфовъ челомъ бьетъ. 189 г. мая 29.

13. Федоръ Петровичъ! Пришли въ походъ въ село Воробьево г. парицы сундучокъ желтой, а стоятъ въ большой казѣ въ передней. Отласу червчатого 10 ар., камки цвѣтной тожъ, тафты цвѣтной 6 арш.; денегъ 10 р. приказъ о семъ изъ хоромъ в. г. парицы, а приказывала боярыня кн. Аг. Ром. Горчакова. Изволь, государь, утре рано къ Никитѣ Ивановичу на дворъ съездить и о томъ доложи, по конхъ мѣстъ въ деревню вхаты неизволить.... Корнялка Петровъ челомъ бьетъ. *Въ другомъ письмѣ....* Пришли сафьянъ, чтобы былъ алъ пушоной, а чаять лежитъ въ рундукъ царевны Екатерины Ал. или царевны Маріи Ал., или въ сафьянехъ; а будетъ ятъ, вели, государь, купить.... Послана съ Григоріемъ чеботникомъ обьярь таусинна мѣроу 5 арш. съ лишкомъ, пошли еѣ къ Марѣ Матвѣевнѣ на дворъ и вели сказать, что пожаловала г. царица ей на тѣлогрѣю; и вели скронить и сдѣлать тотчасъ, чтобъ поспѣло къ государскому ангелу.... Пожалуй благодѣтель мой поберегѣи домишку моего во время нужды. 189 г. мая 31.

14. Федоръ Петровичъ, государь! Изволь прислать въ походъ съ утра рано чеботника Ивана Григорьева, да съ нимъ прислать сафьянъ бѣлой. Да онъ же бѣ съ собою привезъ чеботные деревья всѣ. Г. царица указала ему себѣ дѣлать башмаки на мужское дѣло въ походъ и государынямъ царевнамъ. И на прикладъ, государь, вели дать башмаковъ на пятеры или на шестеры денегъ и отласу, чтобъ ни зачѣмъ дѣло не стало. Одноличнобъ колыбель сдѣлать, обшить

бархатомъ червчатымъ, а ременя обшить, чѣмъ пристойно; а будетъ деревья нѣтъ, прикажи купить въ ряду тотчасъ; и яблоки обшить, а какъ обшить, и то мастера знаютъ. А какъ поспѣетъ, и о томъ отписать съ нарочнымъ ѣздокомъ. Спроси, государь, у подьячего у Андрея Озерова: Никито Ивановичъ подносилъ г. царицы образцы объярей золотныхъ цвѣтныхъ и тѣ образцы кто къ нему приносилъ? и по тѣ образцы послать, чтобъ прислали въ походъ. Приказывалъ Никито Ивановичъ, чтобъ платье развѣшивать и ты государь изволь развѣшивать. А портнойню вели одну чистить и топить, чтобъ не очень жарко было. *Надпись:* писано по приказу думн. двор. Василья Савича Нарбекова. 189 г. іюня 1.

15. Федоръ Петровичъ! Съѣзди самъ въ сибирской приказъ и возми сорокъ соболей съ хвосты цѣною во сто рублей; приказала боярыня княгиня Агаея Горчакова: и пришли, запечатавъ, тотчасъ. Васка Нарбековъ челомъ бьетъ; чтобъ поспѣлъ въ объѣднн. Колыбелью спѣшить. *Надпись:* въ царицину мастерскую палату. 189 г. іюня 1. *Въ другомъ ясьмѣ:*... И противъ вчерашняго писма изволь прислать все, надобно на родину.... Государынямъ царевнамъ, которыя въ походъ нынѣ, а дѣлають имъ тѣлогрѣи на Москвѣ за поставцомъ, прислать въ походъ утре рано....

16. Федоръ Петровичъ! Пришли сего іюня 2 числа въ походъ кн-сею тотчасъ, а лежать они къ рундукъ въ верхнемъ г. царевны Софіи Ал.; да вели у колыбели и ремни обшить бархатомъ такимъ же, какаа колыбель. Васка Нарбековъ челомъ бьетъ. *Надпись:* въ царицину мастерскую палату.

17. Федоръ Петровичъ! Будетъ поспѣли тѣлогрѣи государыни царевны и великія княжны Екатерины Алексѣевны роспошивочные, изволь прислать съ чеботникомъ съ Анофреемъ тотчасъ; а будетъ непоспѣли, однолично ихъ сдѣлавъ, прислать утре съ закройщикомъ; zelo спрашиваютъ ихъ. Пожалуй государь всѣ дѣла отставъ.... Васка Нарбековъ челомъ бьетъ. 189 г. іюня 3.

18. Благодаритель государь мой Федоръ Петровичъ! Умиловивисъ надо мною, не сдѣлай въ великой печали, пришли бѣли подъ жемчюгъ такой же, что вчерась прислалъ, а купи еѣ алтынь на десять или на полтину; а хорошобъ взять у старость прошлаго 188 году. А пришли утре рано. У истопничаго въ чуланѣ вели вынять горшокъ ивд-ной большой съ кровлею и пришли тотчасъ съ истопникомъ съ Борискомъ; а замокъ вели сбить, будетъ истопничаго нѣтъ. 189 іюня 6.

19. Федоръ Петровичъ, государь! Изволь прислать въ походъ: государыни царевны и в. к. Анны Мих. завѣсъ тафтяной зеленой. Къ

пирогамъ приважныя боярынямъ роспись. Бѣль прислать подѣ женчюгъ. Писано іюня въ 6 числѣ. Шолку бѣлого и рудожелтого и красково по фунту. 189 г. іюня 7.

20. Ѳеодоръ Петровичъ, государь! Пришли съ Москвы въ походѣ на Воробьево государыни царевны Софьи Алексѣевны тѣлогрѣю обьярь жаркой цвѣтъ или ала, холодная. Г. царевны Маріи Ал. ларець сафьянной, червчатой. Г. царевны Екатерины Ал. тѣлогрѣю тафта цѣпими нового дѣла. Сдѣлать вновь: г. царевнѣ Софѣи Ал. двѣ тѣлогрѣи тафта червчата, холодная, съ голуномъ золотымъ; тафта основа, теплая, бѣлая. безъ кружива. Прислать тотчасъ; пуговицъ золоченыхъ гладкихъ. Ивана Артемьева вели государь въ палатѣ подержать до Никиты Ивановича; велѣно ему сточать обьярь червчата и онъ ничего не сдѣлалъ и уѣхалъ. Василья Кочалкина вели сыскать, также его подержать, спился съ ума, и нынѣ изъ походу ушолъ. Портного мастера Гаврила выслать тотчасъ. Да чеботника выслать же, которому въ походѣ жить, да съ ними прислать вышеписанное. Взять въ ряду косякъ кисей самой тонкой и чистой, чтобъ тоѣ лучше не было. Да князякъ черной. Зуѣю коричюю или зеленую. (П) о томъ княгиня Горчакова именно и запиши въ смотрѣ, а денегъ не плати, когда пойдетъ, тогда и отпьемъ. А до Никиты Ивановича не подать. Пришли государь пера съ три лебяжьихъ, и глининыхъ чернилицъ маленькихъ. Нитей суровыхъ три патины. — Государыни царицы: лѣтникъ съ низаными вошвы середнего наряду, а часть съ орлы вошвы. Пришли 2 тѣлогрѣи золотныя самыя лучше холодныя. Рукавъ низаной. Скобъ и гвоздей вели купить Анофрію. Шолку бѣлого. 189 г.

21. Ѳеодоръ Петровичъ! Пришли тотчасъ съ мастеровымъ челоувѣкомъ да съ истопникомъ, который напередъ его посланъ, да съ симъ стрѣльцомъ: государыни царицы каруну второго наряду да государыни царевны Евдокіи Алексѣевны одѣяло холодное золотное, подѣ чѣмъ она государыня ходитъ. Государыни царевны Марьи Алексѣевны ларець оклеенъ бархатомъ, другой сафьянной красной. И ларцы прислать завтра, какъ будетъ иная посылка. Никитка Акинфовъ челоувѣкъ бьетъ. Чтобъ каруну прислать за часъ. 189 г. іюня 8. За два часа до свѣту. *Надпись:* въ царицыну мастерскую палату.

22. Ѳеодоръ Петровичъ, государь! Думный дворянинъ Никита Ивановичъ Акинфовъ приказалъ тебѣ сего дня ѣхать къ себѣ въ село Коломенское и хотѣлъ съ тобою переговорить кое о чемъ. Да послано государь, изъ села Воробьева къ Москвѣ четыре ковра, колыбель большая, да двѣ колыбели маленькихъ, судно большое, которое ты прислалъ съ

Москвы. Я вчерашній день въ Коломенскомъ былъ, а нынѣ на Воробьевѣ. Пришли пожалуй въ походъ желѣзныхъ аршинновъ, а память въ большой приходъ писана, а хотя и другую память послать. Буеима вышли, государь, нынѣ же, да пришли на Воробьево изъ остатковъ камокъ, тафтъ, дорогъ. Корнило Петровъ челомъ бьетъ. 189 г. іюня 9.

23. Корнило Петровичъ государь! Ц. Мр. А. (царевны Марьи Ал.) изъ комнаты Мавра Ильина спрашиваетъ гарца сафьянного красного, я его искалъ въ мастерской и въ образной казнѣ да не могъ сыскать. Пожалуй изволь ты поискать, въ которыхъ мѣстехъ знаешь, я буде его сыщешь изволь прислать съ Иваномъ съ чеботникомъ не замѣшкавъ, а буде не сыщешь, изволь отписать. Да пожалуй изволь прислать песошницу. Да о чемъ тебѣ людишка мои будутъ бить челомъ, пожалуй не презри ихъ прошенія, о семъ рабъ твой Федка Казанцевъ челомъ бьетъ. 189 г. іюня 9.

24. Корнило Петровичъ! Заповъ алмазныхъ поищи въ ряду или у иѣмцовъ, самъ съѣзди съ утра, въ золотой или больши золотого. Или въ золотой полатѣ у Назара Шншкина спроси; да поищи обьярей серебряной по алой землѣ въ рядужъ или у иѣмцевъ же.... Знаменщика Анику завтра въ отдачу вышли въ походъ тотчасъ. Никитка Акинфовъ челомъ бьетъ. Обьяри черной лоскутокъ принжи и привези съ собою. 189 г. іюня 9.

25. Корнило Петровичъ! Послана камка осниова травная, принжи въ казнѣ портище и пришли въ походъ; а будетъ въ казнѣ нѣтъ, купить въ ряду и прислать въ походъ тотчасъ, не замѣшкавъ. О семъ Никитка Акинфовъ челомъ бьетъ. *Примиска:* да приказалъ думной дворянинъ Никита Ивановичъ Акинфовъ дать государева жалованья свѣтлицной бояринѣ на новоселье портище камки; а образъ ей данъ на Воробьевѣ. Да изволь завтра выслать на Воробьево Ивана Невъжина съ кормовыми денгами постельницамъ. Да изволь прислать тотчасъ денегъ 20 р. Да прикажи мастерицъ для государскаго ангела напоить и накормить, а достальныхъ девяти человекъ мастерицъ велѣно напоить и накормить въ походъ. Да изволь прислать подножье суконное. 189 г. іюня 9.

26. Корнило Петровичъ! Послалъ я къ тебѣ дѣло Игнашка Кирилова съ Федоромъ Силиннымъ, помѣчено; велѣи противъ той помѣты все очисти то дѣло привезать на Воробьево Ивану Невъжину сего іюня 10 числа. Ларецъ сафьянной красной ц. Мр. А. пришли на наемной подводѣ тотчасъ. Анику знаменщика на Воробьево вышли тотъ же часъ. Портныхъ мастеровъ выслать всѣхъ въ походъ тотчасъ,

а вместо ихъ въ мастерской приложи днзвать чеботникомъ. 189 г. юня 10.

27. Корнило Петровичъ! Серги государыни царевны Феодосиѣ Ал. посланы къ тебѣ запечатаны, вели ихъ тотчасъ въ золотой полатѣ, сдѣлавъ, привезти съ собою. Гребель въ оружейной полатѣ взять таковъ же, каковъ къ тебѣ посланъ, ей же государынѣ царевнѣ.... Вошвы казначей Овдотьи Горяиновы прислать.... Микиту Иванова сына Беклемишева вели привести къ Вѣрѣ, быть ему у г. царицы въ столыникахъ. По денги послай тотчасъ въ приказъ, товаровъ набрано много, надобно заплатити.... Никитка Акинфовъ челомъ бьетъ. 189 г. юня 11, въ субботу.

28. Никита Ивановичъ, государь! Изволь приказати купить въ ряду камни красной небольшой травы, такой же, какая есть на Воробьевѣ въ дву остаткахъ; надобно государынѣ царицѣ на тѣлогрѣю. Приказала о томъ княгиня Агафья Романовна Горчакова. Да онажъ приказала взять въ ряду и прислать на Воробьево въ смотръ обърѣй самыхъ добрыхъ рудокопныхъ и таѣтъ гладкихъ и битыхъ рудокопныхъ же, обърѣй же и отласовъ и камокъ травныхъ и таѣтъ гладкихъ и битыхъ брусничного цвѣту и китайскихъ тахъ же цвѣтовъ отласовъ и камокъ, чтобъ государь прислать сегодня, будетъ слышати. Федка Казанцевъ челомъ бьетъ. 189 г. юня 15.

29. Никита Ивановичъ, государь! Изъ хоромахъ государыни царевны и в. к. Марѣи Ал. выдала княгиня Мещерская треухъ соболей подъ отласомъ зеленымъ, а сказала, что тотъ треухъ еѣ г. царевны, чтобъ вместо того треуха сдѣлать новой треухъ пластичатой съ опушкою доброю. Изволь государь приказати для соболей послати въ Сибирской приказъ и тѣ соболей взявъ и образцовой треухъ прислать на Воробьево сегодня. О томъ къ тебѣ государю велѣла отписать нарочно и треухъ образцовой послати княгиня Мещерская. Федка Казанцовъ челомъ бьетъ. Да буди тебѣ государю извѣстно: великій государь и государыня царица сегодня съ Воробьева идутъ въ село Коломенское вскорѣ; велѣла къ тебѣ о томъ отписать княгиня Горчакова. 189 г. юня 16.

30. Корнило Петровичъ государь! Изволь, купи, прислать на Воробьево тотчасъ нитей бѣлыхъ тонкихъ среднихъ и ровныхъ пять пятинъ. Нужно; спрашиваютъ въ свѣтлицу на шитье государевыхъ дѣлъ. Федка Казанцовъ челомъ бьетъ.

31. Корнило Петровичъ! Пожалуй вели взять алексиру пропрятити изъ аптеки да миндаливо молока, а вели взять миндальное по-

лого во дворцѣ и пришли то все къ Михаилу Собакину на дворъ, не мѣшкая. 189 г. іюня 16.

32. Корнило Петровичъ государь! Изволь прислать на Воробьево мыла простово, а на Воробьевѣ чѣтъ ни одного наряду; а для того мыла послалъ я лубяную корбью съ сторожемъ.... Да пожалуй, государь, изволь меня сегодня переимѣнить, извѣстно тебѣ самому, что людишекъ моихъ изъ судного приказу приставы заволочили, а безъ меня людишкамъ нечего дѣлать. А есть либѣ не та нужда и ябъ жилѣ и другую недѣлю. А какъ тебѣ годно и я на переимѣну готовъ. Федка Казанцовъ челомъ бью. 189 г. іюня 17. Привезъ сторожъ Ермошка Венедиктовъ.

33. Федоръ Петровичъ! Пришли въ походъ в. государыни царицы и в. г. царевенъ платью кроильную книгу, списокъ царицына чину дѣтей боярскихъ и листъ дневальной, что у стѣны; и истопникомъ и сторожамъ г. царицы и г. царевенъ большихъ и меньшихъ росписъ по недѣлю. Да вели Прохору Чередѣеву походить за дѣломъ Оеимы Ларионовны Орловы въ Доимочномъ Приказѣ. Никитка Акинфовъ челомъ бьетъ. 189 г. іюня 19.

34. Федоръ Петровичъ, государь! Пришли тотчасъ пуговицъ золоченыхъ гладкихъ, бумаги хлопчатой битой, снурковъ алого, червчатого, желтого. Непомѣшкай, кормилецъ мой! Торочковъ бѣлого, жарково, червчатого, алого, — въ большой казѣ, въ шелковомъ ящикѣ. Да и шелковъ, которые есть въ казѣ противъ вчерашняго писма. А нине и послѣ пришли. А за тѣлогрѣи золотные на меня гнѣвъ великой. А чеботника Ивана, кой съ симъ писмомъ прїѣдетъ, домовъ не отпускай. 189 г. іюня 24.

35. Никита Ивановичъ государь! Къ великой государыни царицѣ и в. в. Агаеи Симеоновнѣ въ хоромы спрашивали круживъ, чтобъ были узорочны, нашивать на тѣлогрѣи. И я государь подалъ ящикъ съ круживы, которой присланъ съ Москвы, а денегъ за тѣ круживы не плачено. И она государыня изволила сама выбрать и велѣла нашивать на тѣлогрѣи. И тѣ, государь, круживы нашиваютъ, изъ преж. А ко государынямъ царевнамъ круживъ спрашиваютъ въ хоромы въ смотрѣ непрестанно. И я, государь, подавалъ круживы средней руки прежнихъ покупокъ и они, государь, сказали что тѣ круживы уски. И государыня царевна и в. княжна Евдокья Алексевна съ сестрами указали послать въ рядъ, чтобъ взять круживъ золотныхъ и серебряныхъ, чтобъ были узорочны, а шириною бѣ были вершка въ 2 и въ 1½, и всѣ бѣ были цѣлыя портища, а въ портищѣ бѣ было по 12 аршинъ. Корнило Петровъ челомъ бьетъ. Пожалуй, государь при-

кажи прислать шолку алого да червчатого да золота и серебра литерного, спрашиваютъ къ государынѣ царницѣ. Да извѣстно, государь, тебѣ буди, ко государынѣ царевнѣ и в. к. Марья Алекс. въ хоромы спрашиваютъ отласу зеленого портище. Да къ государынѣ царевнѣ и в. к. Татьянѣ Михайловнѣ спрашиваютъ въ хоромы на тѣлогрѣи въ смотрѣ кажки ценянной да кажки зеленой мелкотравой по портищу. А рукавицы государь першетые посольскіе на Воробьевѣ не дѣлаютъ и княгиня Агаѣи Романовны въ походѣ нѣтъ, а Федора Ивановна Плещеева сказала, что она не вздаетъ. А мастерицы, государь, сказали, что отдали рукавица Анякѣ знаменщику. Изволь государь приказать дѣлать на Москвѣ. Іюня 24. 189 г.

36. Федоръ Петровичъ, государь! По писъму твоему писма всѣ посланы запечатаны въ сукнѣ, и кормовыя деньги. Тутъ же писма и Якова Молчанова. Да пришли пожалуй съ симижъ вздохами мыла грецково и простова и шолковъ алого и червчатого и круживъ. А о круживахъ я писалъ къ Думному дворянину къ Никитѣ Ивановичу Акинфову, и ты, государь, пожалуй съѣзди къ нему на дворъ для круживъ и его доложи. А который у насъ круживы и я тѣ въ хоромы въ смотрѣ носилъ, и про тѣ сказали, что негодятца. Аняка знаменщикъ съ образцами съ рукавицею въ походѣ при мнѣ не бывалъ, изволь спросить про него въ свѣтлицѣ и доложи о томъ Никитѣ Ивановичу, чтобъ дѣлать на Москвѣ. А на Воробьевѣ боярыни княгиня Агаѣи Романовны Горчаковы нѣтъ, а Федора Ивановна Плещеева сказала, что ей приказу никакова нѣтъ и мастерицы никакой рукавицы не дѣлаютъ, а только дѣлаютъ оплечья одни. Корнилко Петровъ челомъ бьетъ. Іюня 24. 189 г.

37. Корнилко Петровичъ! Прикажи Федору Петровичу, чтобъ утребылъ въ походѣ, а ты пошли память въ Большую казну и роспись товаровъ. Да вели ходитъ къ Степану Ловчикову о писцѣ, чтобъ прислалъ не мѣшкавъ. А думному дворянину Сергѣю Матвѣвичу Заборовскому по указу в. государя велѣно дать отласу, и онъ приискалъ въ ряду, и того отласу поторгуй, чтобъ цѣны не испортить. Онъ сказываетъ, что по 30 алтынъ аршинъ, а мы по той цѣнѣ николи не купивали, буде по осми гривенъ аршинъ и ты купи и деньги давай. Да выдай человѣку Сергѣя Матвѣвича на тѣлогрѣю портище пугвицъ серебряныхъ золоченыхъ и снурокъ и подпушку подъ тоѣ тѣлогрѣю, что спорокъ пожаловала государыня царица женѣ его Овдотѣ Никитичнѣ, зарбавъ по бѣлой землѣ. Никитка Акинфовъ челомъ бьетъ. Іюня 26 189 г. *Надпись:* Сіе писмо пожалуй государь мой пришли назадъ.

38. Корнила Петровичъ государь! Выходили изъ хоромъ боярыни, отъ большихъ царевенъ княгиня Мещерская, отъ меньшихъ Дарья Мясово и приказывали, чтобъ ты приказалъ истопнику Володимеру Шилу и велѣлъ собрать истопниковъ и сторожей и въ хоромехъ и въ чардакахъ государынь царевенъ большпхъ и меньшихъ вычистить и выместь, а въ иныхъ и вымыть; а для указыванья и для наряду въ хоромы меньшихъ царевенъ присланы будутъ двѣушки изъ походу; а къ хоромамъ большихъ царевенъ прикажи сыскать постельницъ Боранцову, Колюхову и иныхъ, которые есть на Москвѣ. Изволь Государь, приказать истопнику не оплошно, чтобъ онъ въ хоромехъ и въ чардакахъ присмотрилъ всего самъ неоплошно для того, что государева пришествія совсѣмъ чаять вскорѣ, Федка Казанцовъ челомъ бьетъ. Тѣлогрѣя у Макара кружевника Ц. Ѳ. А. принята и онъ отпушонъ. 189 г. юня 29. Привезъ Макаръ въ отдачи часовъ дневныхъ.

39. Корипло Петровичъ! Многажды къ тебѣ пишу, что съ Мокемъ Масловымъ въ товарехъ справитца, что держитъ на себѣ долгъ. Съѣздн самъ и справся съ нимъ. Дано денегъ 200 рублей, росписки не взято, достальныя на насъ стоятъ, все Приказу не очистка. Доверши сегодняшняго дня. А пишешь ты, что взяли 1000 рублей. Я и прежнимъ деньгамъ расходу невидалъ. Андрей писалъ и держитъ у себя и привозилъ ко мнѣ все неочищено порознь, что у кого куплено. Мочноль съ него кафтанъ снять и въ тетратяхъ имянно очистить. Да онъ же привезъ ко мнѣ тетрадь и онъ тово путново дѣла не сдѣлалъ по моему; вели ему передѣлать порозь бы написалъ приходъ въ мастерскую полату мелкимъ приходомъ и взятыя изъ Приказовъ и расходъ имъ. Чево дѣлница сдѣтъ. А пишешь ты ко мнѣ о долгахъ, я неведая, за что платить. Пришли ко мнѣ долгамъ роспись, за что и почему денги платитъ. Я отпишу за кои платитъ. Кумачи отдай, дороги. Бумаги хлопчатой поторгуй самъ и вели взять три пуда и по пудно веди завязать, одинъ пудъ вели держать, а два пуда заплатитъ. Дѣло Игнашкино вели прислать; шуму не могу обратца; а Иванъ Невѣжинъ и о писцахъ неходитъ; чтобъ сего дня Игнашкино дѣло прислать.... 189 г. юля 1.

40. ...Съ Андрея Озерова вели снять кафтанъ, чтобъ ко мнѣ прислалъ приказу мастерскіе палаты приходъ деньгамъ, что взято по суднымъ.... дѣламъ, и что онъ принялъ у подьячихъ остаточныхъ наличныхъ денегъ и что въ приходъ и въ расходъ прошлаго и нынешнего году и вели ему привезть въ среду.... Два гребня противъ образца купить и прислать сегодня, будетъ не бышутъ, вели сдѣлать,

а образцовые прислать сегодня въ походъ Ц. Ек. А. — Подъячьхъ нижня длатки для чего для государскаго ангела накормить и напоить не приказали. Купить крашенины 50 арш. по грошу, а другую 50 по алтыну.... Одноконечно приходъ и расходъ Андрею вели приготовить и прислать. О семь Никитка Акинѣевъ челомъ бьетъ. 189 г.

41. Корнило Петровичъ! Дневать у хоромахъ вели по два истощива да по два сторожа, а будутъ дневать не стануть, вели бить. А княдяка прислалъ ты, а расходу, кои на Москву въ расходъ, того не прислано; а дѣлаете самовольствомъ, Корнило Петровичъ. Я велѣлъ Сергѣю Матвѣевичу деньги за отласъ за аршинъ по осми гривнеи отослать, а ты отласъ отослалъ; хотя бѣ соты прислалъ, дѣлалъ бытъ что я тебѣ приказалъ. Впередъ не буду ни о чемъ писать; дѣлайте, какъ начали; хорошо бы дѣлать по совѣту.... 189 г. юля 1.

42. Митрофанъ Петровичъ! Гаврила Федоровичъ! Пожалуйте сходите или каво пошлите въ Верхъ въ каменную комнату на окоинѣхъ подъ образомъ, подъ скамейкою, прикажи взять Киевской часасловъ пожалуйте благодатели мои пришлите ко мнѣ въ походъ. Искатель вашего жалования Антипка Пятово челомъ бьетъ. 190 г. сент. 4.

43. Иванъ Петровичъ государь! Извольте великій государь приказатъ во всемошную у своего государева суконного лисьего кафтана, что съ узкими рукавы, прибавить пугвицу да петлю; а у насъ въ запасъ ни пугвицъ, ни снурковъ никакныхъ нѣтъ и мы и извѣстали, что съ Москвы отъ васъ ничего не прислано и отъ государя былъ за то введенкой гнѣвъ; а насъ сдѣлали дураками. И ты, Иванъ Петровичъ, изволь приказатъ наскоро прислать въ походъ хотя портище пугвицъ такихъ же канительныхъ большихъ, каковы на томъ суконномъ кафтанѣ, да снурку золотного и серебряного, да шелку желтого, золотникъ, съ тѣмъ же стрѣльцемъ, который съ симъ писмомъ къ тебѣ прїдетъ. Да изволь приказатъ на скоро сдѣлать стулъ да подушку, а писано къ тебѣ марочно о томъ съ стрѣльцомъ, чтобъ одноконечно прислать утре на 1 часу. Да у тогожъ суконнаго кафтана воротъ только сдѣланъ въ пол-аршина, а надобно было въ девять вершковъ, и то знатно, что закройщикъ бываетъ пьянъ, кафтановъ въ мѣрѣ не осматриваетъ; и на прибавку къ тому вороту изволь прислать кружива таковажъ, каково нашито на кафтанѣ да соболь на опушку. Да изволь прислать запасное все, что ни есть, которое у тебя приготовлено, исподы и снурки, пугвицы и кружива и иные всякіе мелочи утре на первомъ часу, для того, что у насъ спрашиваютъ многова, а у насъ ничего нѣтъ. Пронка Деревининъ челомъ бьетъ. А прибавочное что писано выше сего изволь прислать съ симъ

же стрѣльцомъ. 190 г. сент. 8. *Надпись*: отдать Ивану Петровичу Чаплыгину, а дворъ его на Знаменкѣ въ приходѣ у церкви Антивы чудотворца, что у большихъ конюшенъ.

44. Иванъ Петровичъ, Митрофанъ Петровичъ! Указагъ в. государь прислать въ походъ наскоро Прологъ во весь годъ печатной да книгу Иоасафа царевича да псалтырь со возсѣдованіемъ, да псалтырь на виршахъ, а чтобъ прислать сегожъ числа къ вечеру, да прислать книгу Минею общую да часословъ. Ивашко Дашковъ челомъ бью. — Да извольте прислать стопу бумаги пищей, да купить два ножичка съ ножами съ мѣдною оправою и прислать въ походъ мышьжъ; чернилъ скляницу. Да приказалъ Иванъ Васильевичъ прислать въ походъ всѣхъ суконовъ, что ни есть въ казѣ, образцы; да взять изъ сибирскаго п. на опушку ихъ кафтановъ 2 бобра, прислать въ походъ же. 190 г. сент. 8.

45. Митрофанъ Петровичъ, Гаврило Федоровичъ! Великій гнѣвъ носимъ за кафтанъ суконной коричной песцовой голубой и за башмаки и за кровельные сукна. Сентября съ 9 числа по 14 число присылки никакой небывало, а чеботниковъ на Москвѣ трое. Для Всемогущаго Бога пришлите башмаковъ, что есть сдѣлано, и кафтанъ (съ) стольникомъ или съ стряпчимъ. Да отласу желтого 10 арш. да три юти сафьяновъ желтыхъ про государя на башмаки, бумаги хлопчатой 10 ф., суконъ на кровельные сукна аршинъ 20, да чулки портяные всѣ что есть сдѣлано. Мѣсяцъ октябрь, лимонный цвѣтъ и шапки бархатные лимонныя сысканьль, а у насъ ихъ нѣтъ. А платье сдѣлавъ прислать въ сундукъ въ корунной телѣгѣ, а буде корунной телѣги нѣтъ, велѣть телѣгу обить краснымъ сукномъ. Да половинку сукна анбурскаго краснаго. Приказъ о томъ постельничего Алексѣя Тимофеевича Лихачева. Ивашка челомъ бью. 190 г. сент. 16. Въ государеву мастерскую полату.

46. Митрофанъ Петровичъ, Гаврило Федоровичъ! Приказалъ Алексѣй Тимофеевичъ сходить въ аптеку и взять пять или шесть скляницъ водяныхъ, и устроить въ коробочкѣ, отыкавъ бумагою хлопчатою прислать въ походъ съ дневальщикомъ нарочно. Да изъ сибирскаго приказу взять 20 исподовъ песцовыхъ хрептовыхъ изъ тѣхъ, которые остались за крымскою кладью, а вѣдомо подлинно у насъ, что осталось за кладью больше ста исподовъ, — и прислать виѣсть съ склянницами. Да прислать съ тѣмъ же дневальщикомъ государю башмаковъ, а у насъ ни однихъ нѣтъ. А Иванъ чеботникъ у насъ, почитай, скवानъ сидитъ дежно и ночью дѣлаетъ башмаки. А на всякъ день подаются по двои и по трои башмаки. И мы Алек-

сю Тимофеевичу и Михаилу Тимофеевичу докладывали, что въ тебѣ, Митрофанъ Петровичъ, писали нѣдо сотю, и ты къ намъ въ походъ ил каэтана государева суковного съ узкими рукави, ни башмаковъ не присылывалъ. И тебѣ, Гаврило Петровичъ, приказали они, велили противъ преждѣхъ писемъ все исправить. и башмаковъ прислать наскоро, съ тѣмъ же дневальщикомъ, которой съ скляницы повдѣтъ въ походъ. И нине статьи, которые послали писма въ мастерскую съ станомъ. А лимонной цвѣтъ отдаивать велите, не мѣшкавъ и пришлите въ походъ же съ стольники и съ стряпчими. Ивашка Чаплыгинъ челомъ бѣю. Писано на стану въ Александровѣ слободѣ сентября въ 14 д., а съ 16 числа пойдемъ въ Переславль, а изъ Переславля въ Ярославль, а изъ Ярославля во Фролишеву пустыню. — *На оборотъ*: 190 г. сент. 16. Въ мастерскую палату.

47. Митрофанъ Петровичъ, Гаврило Ѳедоровичъ! Здравствуйте приятели мои о Господь Божь! А естли бы вы не прислали башмаковъ того часа я умедлилъ бы малымъ часомъ, конечная бѣ была на насъ государова кручина и гѣвъ. А послѣдніа башмаки вчерась взяты, извольте надѣлать еще двадцатеры башмаки, въ томъ числѣ на меньшее дерево десатеры, на среднее пятеры, на большое пштеры. Чулокъ песцовыхъ пятеры, черевыхъ пятеры. На досходъ суковъ аглинскихъ половинку, кармазиновыхъ портищъ пять; а которыя были— всѣ въ роздачѣ. Бумаги хлопчатой десять фунтовъ. Бумажникъ, о которомъ писано, мѣсяць октябрь, лимонной цвѣтъ, кушаки, подвязки, заячыи мѣхи,—противъ письма всебѣ прислать тотчасъ, что поспѣло. Десять книдаковъ. Иванъ Семеновичъ челобитныа мои не забуди къ сыномъ моимъ съ Тимошкой; пособствуй ему побить челомъ. 190 г. сентября 18.

48. Митрофанъ Петровичъ, Гаврило Ѳедоровичъ! Которые исподы песцовые хрептовые вы въ походъ по писму прислали и тѣ всѣ исподы приказалъ Алексѣй Тимофеевичъ по прежнему послать къ Москвѣ, а вмѣсто тѣхъ приказалъ вамъ прислать, взявъ изъ сибирского приказу 20 исподовъ заетчяныхъ хрептовыхъ; а прислать вмѣстѣ съ платьемъ лимонного цвѣту, съ Кузьмою Микулинимъ. Да что писано къ вамъ съ нимъ Кузьмою въ письмѣ, и вы все, что ни есть исправте и пришлите съ нимъ же Кузьмою. Да что истрясъ дорогою Максимъ Ѳедоровъ, и то ему велите заплатитъ. Да пришлите въ походъ съ вздокомъ илп нарочно съ посыльщикомъ образъ Иверскіе Богородицы въ бархатномъ кіотѣ. въ взицѣ у Пресвятыа Богородицы запаны, цка менши штилистой. А искать ее

въ мастерской въ казвъ, а будетъ нѣтъ, искать въ Грановитой въ сундукѣ съ иными, а сундукъ стоять у органовъ; а буде въ сундукѣ нѣтъ, искать въ Спасской и въ Воскресенской ризницахъ; а была она въ походѣ въ Воробьевѣ. Да мыла грецково брусковъ 40, да брусъ костромского, Ивашка Чаплыгинъ челомъ бью. 190 г. сент. 22. Подалъ завязочникъ Максимъ Федоровъ. *Надпись:* въ Мастерскую полату.

49. Митрофанъ Петровичъ, Гаврило Федоровичъ! Указалъ великій государь три образа, писанные на полотнѣ, которые посланы къ вамъ изъ Ярославля съ ярославцы посадскими людьми, поставить въ мастерской полатѣ въ казвъ. А образы сіе: обр. Распятія Господня, обр. Сятіе Господня со креста, обр. Авраама, егда сына своего принесъ на жертву, всѣ въ рамахъ; а посланы къ вамъ всѣ въ цѣлости. Ивашко Дашковъ челомъ бью. 190 г. окт. 13.

50. Иванъ Петровичъ, государы! Приказалъ Михайло Тимофеевичъ къ тебѣ отписать, что великого государя шествіе изъ села Алексеевскаго будетъ утре рано. А прислалъ ты, государь, въ запасъ запасовъ немного, противъ прежней росписи ничего неисполнено. И чернилицъ и ножницъ и ножичковъ и золотыхъ и соболей и сургучу и иныхъ многихъ статей противъ писемъ ничего не прислано; а на станы будетъ присылать медленно, потому что походъ дальней. Пожалуй государь Иванъ Петровичъ прикажи и досталь всякую мелочь прислать нынѣже. Да изволь прислать сафьяновъ на башмаки, колець мѣдныхъ, на подвязки круживъ, башмачного дерева. Да изволь прислать сто золотыхъ. Да изволь выслать шапочника Ивана Тимофеева, а побѣхалъ онъ Иванъ по болваны и по шеть вчера въ полдень. Да прикажи прислать чернилъ. Ей ничего нѣтъ, oprичъ родной чернилицы, ни ножницъ, ни клея, ни ножичка, ничего нѣтъ. Да прислать же нынѣ: стопу бумаги писчей, 5 перей, и иныхъ всякихъ мелочей, которые писаны въ семь писмѣ. Пронка челомъ бью. 190 г.

51. Митрофанъ Петровичъ, Гаврило Федоровичъ! спрашивали къ государю часовъ зепныхъ и часовника, а у насъ нѣтъ. Изволь съзвать на дворъ къ боярину ко князю Петру Алексеевичу и чтобъ часы выдать изволилъ и часовника выслать, и прислать нынѣже. Ивашка челомъ бью. 191 г. сент. 4. *Надпись:* въ мастерскую.

52. Митрофанъ Петровичъ, Гаврило Федоровичъ! государь! По указу в. государей приказалъ бояринъ кн. Петръ Ивановичъ Прохоровской выслать въ походъ въ село Воздвиженское подъячего Прокофья Федоровича, также и портныхъ мастеровъ, шапочника, чеботника, и сторожей, которымъ доведетца быть по очереди въ Троецкомъ походѣ. Да извольте

одѣяло в. государю п. и в. к. Петру Алексѣевичу тафтяное зеленое, адѣлавъ, прислать тотчасъ; а бархату червчатого 3 арш. приказалъ б. кн. Петръ Ивановичъ купить изъ ряду и прислать въ походъ тотчасъ. Да приказалъ окольникей Тихомъ Микитичъ Стрѣшневъ прислать въ походъ же Книгу Царственную, въ которой писаны персоны благочестивыхъ князей и царей россійскихъ. Да извольте прислать бумаги пять дестей, да чернилицу мѣдную, 3 пера лебязьихъ, чернилъ, песку. Рабъ милости вашей Федка Тверитиновъ челомъ бѣю. Часы извольте прислать Ростовскіе столовые, что за стеклы. Да извольте прислать кармазъ кафтаны теплые сукоинные. 191 г. сент. 15. Съ часовникомъ съ Дмитріемъ. *Надмись*: великихъ государей въ мастерской палатѣ.

53. Митрофанъ Петровичъ, Гаврило Федоровичъ! Здравствуйте вы многіе лѣта! Да по указу в. государей приказалъ боярникъ кн. Петръ Ивановичъ Прозоровской прислать в. государю два испомъ пластичатые собольи фerezейные, да царя Федора Алексѣевича чулки песцовые и черевьи бѣлыя, всѣ, что есть изъ розвѣски. Да рукавицъ теплыхъ несцовыхъ и пластичатыхъ сукоинныхъ, а буде сукоинныхъ нѣтъ, бархатные есть. Да егожъ государя платокъ верхней лисей, которой испомъ посредній. А платье въ золотой платъ въ розвѣскѣ снять и положить въ сундуки и поставитъ въ той же золотой палатѣ. Да взять съ казенного двора камокъ и тафтѣ швытныхъ и смирныхъ аршинъ со сто, буде въ казну дѣяки ходять и буде не за казначеевою печатью; а буде дѣяки за казначееву печать не ходять, о томъ отписать. Да взять изъ ряду по двѣ юфти сафьяновъ желтыхъ да черныхъ. да по юфтѣ алыхъ да рудоюлтыхъ и подошевь и скобъ и гвоздей и вервей и шилья; да чеботника, чья очередь, съ деревьемъ съ чеботнымъ да съ башмачнымъ и совсѣмъ. какъ дѣлать прислать, да и готво что ни есть, все чеботное прислать же. Да полсти на стельки, мыла грецкого 20 брусковъ, мыла костромского, стопу бумаги писчей, а въ монастырь нѣтъ.... Три пѣвки серебра на обшивку каблуконъ. А прислать съ подьячимъ съ Федоромъ Тверитинымъ, а буде его на Москвѣ нѣтъ, съ Иваномъ Нѣгоморскимъ. и послать провожатыхъ мастеровыхъ людей, кружевниковъ и нашивочниковъ, человекъ 5 или 6. А изъ Москвы, доложу бояръ, ведѣть выпроводитъ до Алексѣевского надворной пѣхотѣ. Да прислать двѣ чернилицы мѣдные, да двѣ глинныя, да 5 перей хорошихъ, двой ножницы, клей, чернилъ. Склянку, смурковъ шолковыхъ: у насъ въ походѣ ничего нѣтъ, всѣмъ изошло, а безъ того быть нельзя и въ хоромы емлютъ безпрестанно. Да прислать отгласовъ на

поднаряды алаго, желтого, рудожолтого аршинъ по 5; да три пояса шолковыхъ въ штаны. Да увезь Ѳедоръ 4 р. денегъ, привезь бы съ собою.... А противъ сего писма все исполнить, просто его не положить, а напередъ сего о томъ писывано, и вы ничего противъ писемъ не исполняли, и мы за то великой гнѣвъ на себя приняли. Да прислать двѣ обушки, буде наружъ, да взять изъ оружейной три подобушника, строчены по хозу. Да прислать Книгу Царственную, откуда произыде корень великихъ государей, спрашиваютъ въ хоромы къ царю Петру Алексѣевичу. Ивашко Чаплыгинъ челомъ бью. Песку прислать. А подводы взять конюшенныя, а буде нѣтъ взять ямскіе.... 191 г. сент. 23.

54. Дмитрій Самсонович! Приказалъ думной дворянинъ Михаила Петровичъ прислать завѣсы, о которыхъ писано вчерашняго числа. Да изъ аптеки водки отъ головной боли.... масла миндальнаго сладкаго Е..... бѣлого безую съ ироговою..... по наряду. Да ковчежицъ, которой тебѣ отд... бархатомъ, а на верху того ковчежца крестъ. Да возми изъ государевы мастерской палаты бархату красного 5 вершковъ и въ томъ бархатѣ вели сдѣлать *рукавъ* длина 5 вершковъ, ширина, какъ пристойно, исподъ подложить пупчатой, опустить хвостами собольими въ два хвоста, каковы есть въ мастерской, а сдѣлавъ, пришли въ походъ. Въ судномъ приказѣ о денгахъ вели говорить, и что скажутъ, отпиши. Государыни царицы въ малой новой комнатѣ прикажи полъ затвердить, чтобы нескрипѣлъ и доски бы были тверды. Посланъ съ симъ писмомъ портной мастеръ Макаръ Алексѣевъ, и его прикажи оставить на Москвѣ, а вмѣсто его прикажи быть въ походѣ иному кому изъ портныхъ же. Писавый Тараска Невъжинъ челомъ бьетъ. Писано апрѣля 29 числа. 194 г. апрѣля 29 подавъ въ 5 часу дни.

55. Гаврило Ѳедоровичъ! Бояринъ князь Борисъ Ивановичъ Прозоровскій велѣлъ къ тебѣ отписать, чтобы ты сказалъ Савина монастыря стряпчему, чтобы ихъ Савина монастыря власти къ великимъ государемъ для челобитья къ празднику къ Москвѣ не ѣздил; а скажи имъ, что великимъ государемъ пришествіе къ празднику къ Савѣ Чудотворцу будетъ, а походъ съ Москвы ноября съ 27 числа, а прежде пойдутъ въ Воскресенской монастырь; и ты изволь сказать стряпчимъ, чтобы онъ то ѣздил. Васка Тарбѣевъ челомъ бьетъ. Да прислать двои чулки холодныя, буде нѣтъ — сдѣлать тотчасъ. — Поясовъ къ штанамъ шолковыхъ или тафтяныхъ. Да высвѣчь чеботника Коврашку батоги, за то, отпустилъ онъ башмаки, не отдѣлавъ, и за то Кирьяку Ивановичу былъ отъ великаго государя гнѣвъ. Про-

стыни пришли тотчасъ. Ивашко Чапыгинъ челомъ бью. *Надпись:* великихъ государей въ мастерскую палату.

56. Дмитрій Самсонович! Пришли въ походъ государыни царны пуховикъ которой остался въ малой комнатѣ. Да бумаги хлопчатой фунтъ. Доски шахматныя, которые остались въ хоромехъ, а будетъ въ хоромехъ не отынешь, изъ мастерскіе. — Да посланъ ключикъ въ-жецкой и ты съ тѣмъ ключикомъ сходи къ хоромамъ и передъ старою комнатою изъ поставца вынь лешки, попугая чѣмъ кормить, и пришли въ походъ. Приказъ о томъ о всемъ боярыни Парасковья Алексеевны. Писавый Тараска Невъжинъ челомъ бьетъ. Посланъ съ сими писмомъ чеботникъ Данило Трофимовъ. *На оборотъ:* 194 г. апрѣля въ 30 день подалъ чеботникъ Данило Трофимовъ.

57. Дмитрій Самсонович государь! Приказалъ думный дворянинъ Михаило Петровичъ праслатъ съ Москвы отласу коричнеого аршинъ да по полъ хребтовъ и черевъ бѣлыхъ, бумаги пишіе дестъ, или грещкого бруска два или три. Да приказалъ думной же дворянинъ Михаило Петровичъ, чтобъ вамъ однолично безо всякой меледы радѣ въ серебряной полатѣ о надилкахъ и о передачахъ. И въ оружейной палатѣ о судукахъ и объ идицкахъ, и въ приказѣ большіе казни объ денгахъ и въ судномъ московскомъ приказѣ и о всякихъ дѣлахъ радѣтельно ходитъ и про все въ походъ о семъ отписать писмию, зѣчѣмъ чело не отпустятъ или не сдѣлано. Писавый Ивашко Самороцкой челомъ бьетъ. И для того посланъ нарочно чеботникъ Дмитрій Шепетной. 194 г. мая 4, подалъ въ 5 часу дни.

Записки товарнаго расхода, издѣльныя и др.

92. 127 г. марта 27 по приказу государыни и великой старицы иноки Марфы Ивановны дано дуркѣ Манкѣ *лытникомъ* въ сорочкахъ отъ суконъ, сорочекъ пошло писанныхъ шесть. цѣна по 3 алт. по 2 д. сорочка, да на подкладку пошло три сорочки цѣна по 10 д. сорочка, да на опушку пошло медвѣденко цѣна 20 алт. — 128 г. мая 3 послано въ шатерной приказъ на государевъ *солмочникомъ* въ походъ къ Николѣ Чюдотворцу на Угрѣшю 14 арш. сукна шарлату червчатого да на подкладку 5 киндяковъ цвѣтныхъ; да государыни и великой старицы иноки Марфы Ивановны на *солмочникомъ* 15 арш. сукна аглинского гвоздичного, на подкладку 5 киндяковъ; взялъ шатерничей Юрьи Мартюхинъ. — 135 г. іюня 9 государева жалованья дуркѣ Манкѣ опашень въ сукнѣ въ летчинѣ въ червчатой да въ желтой,

сукна пошло 10 арш. по 8 ал. по 2 д. арш., подъ переды пошло на подушку 2 арш. крашенны лазоревой по 7 д. арш., на петли на нашивку пошло 11 арш. кружива машурного широкого по 2 алт. арш.; пришито 15 пугвицъ оловяныхъ, цѣна 6 алт. 4 д.; да ожерелье накладное медвѣдокъ молодой цѣна 5 алт., пришито три пугвицы оловяныхъ большихъ, 4 д.; а приказалъ государевымъ словомъ дьякъ Сурьянинъ Торокановъ дьяку Гаврилу Облезову. — 137 г. апр. 4 государева жалованья, Вознесенского дѣвичья монастыря старицѣ Марѣ уродивой ряска камка нѣмецкая, таусинна, пошло пол-9 ар., на подкладку пол-9 ар. киндяку зеленого, подъ нашивку на постилку $1\frac{1}{2}$ ар. крашенны лазоревой, нашита нашивка тафтяная торочковая таусинна 32 гнѣзда, около ряски на обшивку пошло пояска шолкъ гвоздиченъ 10 арш., 5 ал.; а приказалъ государь дьяку Гаврилу Облезову, отнесъ ряску въ Вознесенской монастырь портной мастеръ Богданъ Яковлевъ. — 138 г. генв. 28 государыня царица указала, а велѣла сдѣлать для своихъ государскихъ нарядовъ 250 *пеленеловъ* серебряныхъ золочены съ чашками и съ трубками; а каковы пеленелы и чашки и трубки дѣлать и тому посланъ образецъ; велѣти сдѣлати тотчасъ и прислати государыни царицы въ Постельный Приказъ къ Фед. Ст. Стрѣшневу да къ дьяку Сурьянину Тороканову. — Марта 20 великой государыни иноки Марфы Ивановны скроена *ряска* въ камкѣ въ куфтеру въ черномъ; пошло 9 арш.; на подкладку и на корманцы аршинъ пол-4 вер. тафты виницейки багровой; около ряски обшито 12 арш. поясковъ шолкъ чоряъ; да на ряску нашито мѣсты 36 гнѣздъ нашивки торочечной тафта чорнаяжъ; да на шитье 3 зол. шолку черново. — 138 г. юня 9 скроено въ Турскую посылку на кречеть подъ низанье вотолка да нагрудникъ да нагавки да нахвостникъ да къ рукавкѣ запасе въ отласѣ въ червчатомъ, пошло $1\frac{1}{2}$ арш. съ верхкомъ; да на коблучокъ 2 вер. бархату червчатого.

93. 141 г. сент. 28 по имянному приказу государыни царицы старицѣ Марѣ уродивой здѣлана *шуба* въ крашеннѣ лазоревой пошло 10 арш., на опушку 9 арш. пуху, нашито три нашивки хамьянные, въ подкройку подъ переды полмѣха заячяинного хребтового, а задъ и рукава старые, — всего шубѣ цѣна рубль 15 ал. — Двумъ *стѣннымъ дѣвицамъ* сдѣланы двѣ *тѣлогрѣи* въ зендени лазоревой пошло 19 арш. безъ чети, въ подкройку полтора мѣха заечьихъ черевьихъ, на настилки ветошекъ на 2 алт., на опушки пуху 16 арш., пришито двѣ нашивки шелкъ лазоревъ на ремешкахъ, всего *тѣлогрѣямъ* цѣна 3 р. 5 ал. $1\frac{1}{2}$ д.; а приказалъ царицынымъ словомъ дьякъ Сурьянинъ Торокановъ дьяку Гаврилу Облезову. — 141 г. окт. 31 государева жа-

лованья княжѣ Иринѣ Ивановнѣ Мстиславской *зѣланъ сарафанъ* въ тафтѣ вилицѣйкѣ гвоздичной; пошло 5 ар., по 1 р. арш.; въ подкройку пошли два черева бѣлыхъ съ рукавы 2 р., да въ прибавку пошло 30 черевъ бѣлыхъ по 2 д.; на опушку 8 арш. пуху 1 р.; пришито четыре пуговки шелкъ гвоздичекъ на ремешкахъ 4 д.; всего 8 р. 10 ал. 4 д. — А приказалъ государевымъ словомъ столникъ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ дьяку Гаврилу Облезову; в тотъ сарафанъ отвесъ дьякъ Гаврило Облезовъ въ Верхъ; принялъ столникъ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ. — 141 г. генв. 31 государева жалованья *станнымъ дѣломъ* зѣланъ двѣ шубки зеленѣ лазорева пошло 15 арш., въ подкройку иѣхъ заечей черевей, на опушку треть ярца, пришиты двѣ нашивки втычные шелкъ лазоревъ, всего шубкамъ цѣна 2 р. 10 д.; а приказалъ государевымъ словомъ дьякъ Сурьянинъ Торокановъ дьяку Гаврилу Облезову, вазлъ шубки царскими мастерскія полаты портной мастеръ Яковъ Трофимовъ.

94. 141 г. юня 16 по имянному приказу государыни царицы съ государыниина жалованья *карныхъ зѣлана шубка* накладная въ сукнѣ аглицкомъ черленомъ, пошло и съ ночевьемъ 4 арш., на подпушку полтора аршина княдику лазореваго, всего шубкѣ цѣна 4 р. 7 ал. 3 д. *Станной дѣломъ зѣланъ лѣтникъ* въ выдѣлкѣ желтомъ, пошло 6 арш., на вышивки пошло бархатѣи съ ноталю аршанъ 5 вер., на подкладку 9 арш. холста, на опушку пуху пол-9 арш., пришиты пуговки шелкъ жолтъ; всего лѣтнику цѣна 2 р. 13 ал. 5 д. Старицѣ Марѣ уродной сарафанъ зѣланъ въ камкѣ адамашкѣ черной мелкотравной, пошло 8 ар. 5 вер., на подкладку 9 арш. крашенины лазоревой, нашито три гвѣзда нашивки тафтяной; всего сарафану цѣна 7 р. 8 д.; другой сарафанъ крашенинной лазоревъ, пошло 8 ар. по 8 д.; на подолку пошло аршинъ съ четью холста, по 6 д.; пришиты пугвицы втычные шелковые 4 д.; всего сарафану цѣна 11 ал. 2 д. А приказалъ царицынымъ словомъ дьякъ Сурьянинъ Торокановъ дьяку Гаврилу Облезову. — 141 г. августа 19 государыни царицы по имянному приказу скроевъ старицѣ княжѣ Иринѣ Мстиславской *сарафанъ* въ обьарехъ въ таусинныхъ, къ сарафану на подкладку 2 зеленѣ кирничной цвѣтъ да въ плетенкахъ 7 зол. шолку гвоздичного.

95. 143 г. мая 31 государева жалованья потѣшанку Науму Слѣвному зѣлано платье: однорядка сукно аглицкое зелено, на подпушку 1 ар. безъ чети княдику лазореваго, на строку пошло золотникъ шолку багрового, нашиты петли хамьяные, пришито 12 пугвицъ серебряныхъ бѣлыхъ, на отлошки доскутъ отласу золотного; всего однорядка цѣна 3 р. 1 алт. 4½ д.; *фѣрези* княдикъ лимонной, на подпушку

зедени черленой 1 ар. безъ чети, на подкладку пол-5 аршина крашенины лазоревой, на настилку бумаги хлопчатой полфунта, нашивка шолкъ черлень съ мишурою, всего фerezямъ цѣна рубль 3 алт. 3 д.; *кафтаны* дороги глянскіе черлены, на подпушку 9 вер. киндяку лимонново, на ожерелье вершокъ отласу золотного по черленой землѣ, на подкладку пол-4 ар. крашенины лазоревой, на простилку полфунта бумаги хлопчатой, нашита нашивка на снуркъ шолкъ рудо-жолтъ, всего кафтану цѣна рубль 28 алт. пол-6 д.; сапоги сафьянные жолты, 15 ал.; шапка сукно черлено съ пухомъ, 26 ал. 4 д.; а пожаловалъ государь ево въ приказъ, приказалъ государевымъ словомъ бояринъ Бор. Ив. Морозовъ. — 143 г. юля 11 государева жалованья потѣшникомъ слѣпымъ Якункѣ да Лукашку по однорядкѣ сукно настрафилъ, одинцовые, татарскіе, съ круживы и съ завязки по 3 р. по 11 алт. однорядка; по кафтану крашенинному по 23 алт. 2 д. кафтанъ; взялъ однорядки комнатной сторожъ Тимоха Омеляновъ, а кафтаны потѣшной сторожъ Персія Гурьевъ; а прислалъ ево государевымъ словомъ бояр. Бор. Ив. Морозовъ. — 144 г. окт. 22 государева жалованья Янкѣ слѣпому *шапка* сукно вишнево съ пухомъ, 26 ал. 4 д.; *сапоги* сафьянные жолты 16 ал. 2 д.; *штаны* сукно аглинское зелено 21 ал. 4 д.; *кафтаны* крашенинной холодной, ожерелье бархатѣль съ мишурою 30 ал.; а приказалъ государевымъ словомъ стряпчей съ ключемъ Ив. Мих. Ояничковъ. — 144 г. марта 31 въ хоромы сдѣлано шутнхѣ жонкѣ Манкѣ слѣпой сарафанъ крашенинной лазоревъ, крашенины пошло пол-9 ар. по 9 д. арш., на подкладку пошло пол-8 ар. холста по 4 д. арш., пришита пугвица нитная, денга; ей же *сукля* сукно настрафилъ черлено, сукна пошло 3½ арш. по 20 алт. арш., на подоплеку 2 арш. крашенины лазоревой; на опушку около ворота 7 верш. киндяку зеленого 1½ алт.; нашита нашивка шолкъ зеленъ, пугвицы оловяные 9 алт.; всего *сукиль* цѣна 2 р. 12 алт. съ деньгою; а приказывалъ царичинымъ словомъ дьякъ Сурьянинъ Торокановъ.

96. 145 г. Окт. 31 по имянному приказу государыни царицы *уродивому Елисю* сермяга сукно муравское бѣлое, пошло съ мочельемъ 7 арш. 7 вер., на подкладку 9 арш. крашенины лазоревой, пришита нашивка втычная шелкъ бѣлъ, на петли пошло 10½ арш. снурка шелкъ бѣлъ; всего сермягѣ цѣна 2 р. 29 ал. пол-5 д., а приказалъ царичинымъ словомъ дьякъ Сурьянинъ Торокановъ, взялъ игольникъ Карпъ Кириловъ. — 148 г. дек. 30 по приказу стольника Ивана Федоровича Стрѣшнева Меншова велѣно сдѣлать на Казениномъ дворѣ двѣ тафьи суконные настрафилыне одну червчету, а другую желтую; и тѣ

таѣи принялъ къ царницѣ въ хоромы онъ же Иванъ Ѳедоровичъ, а сказалъ, что тѣ таѣи государыня пожаловала дѣканичъ дурманъ Орюткѣ да татаркѣ Дуикѣ. — 168 г. іюня 28 государева жалованья *богомолу* Исаю здѣлать *чюфай* изъ дороговъ кармазиновыхъ; пошли цѣлм дороги, въ прибавку 2 арш., на подушку аршинъ дороговъ зеленыхъ глянскиххъ, на подкладку 10 арш. крашенныи, пришито 25 пугвицъ серебряныхъ. Ему жъ здѣлать *чюфай* киндяшной, въ кроенье пошло киндякъ узкой, на подкладку 8½ арш. холста; емужъ здѣлана шапка вершокъ вишневъ соболь полтора рубли, на подборъ пупокъ соболей, на тулю 8 хребтовъ бѣлыхъ; рубашка да порты тонкіе 40 ал. сапоги да башмаки саѣянные 1½ р.; а приказалъ о томъ Ѳед. Ал. Полтевъ дьяку Данилу Панкратьеву; и то платье взялъ потѣшныи хоромъ сторожъ Сава Максимовъ. — 169 г. окт. 10, въ потѣшную полату сдѣлано *молуаю* на постилку изъ киндяка красного длина ½, ширина пол-аршина; полфунта бумаги хлопчатой; взялъ постилку потѣшной палаты сторожъ Сава Максимовъ.

97. 175 г. фев. 9, государь указалъ сдѣлать въ оружейной палатѣ царницѣ Марьѣ Ильичѣи *колымагу дѣревянну* рѣзную противъ образца бумажнаго и росписать по золоту цвѣтными краски; вмѣсто сукна покрыть бархатомъ и подложить желтою таетомъ, а въ *колымагѣ* вмѣсто кожи золотной подбить отласомъ червчатымъ съ голунами, а шлеи обшить бархатомъ и положить круживо кованое серебряное. — Марта 21 столповой прикащикъ Лукьянъ Оболюевъ сказалъ: въ новую *колымагу* надобно: 4 креста съ мощи въ серебрѣ или въ золотѣ, а на чемъ ставить и укрѣпить надобно 20 крючковъ серебряныхъ. Мнидеръ бархатной, а на мнидеръ изголовейцо мѣстное да опричь зголовейца надобно назадн подушка поперегъ всюю *колымагу*, да по обѣ стороны по подушкѣ, золотные. Въ дверяхъ 2 запоны во всю *колымагу* или какіе укажутъ; у запонъ 24 колечка сереб. на снуркѣ желтомъ; рундукъ обить бархатомъ червчатымъ, да 4 стульцы для боярынъ малые выносные обить бархатомъ червч. и наслатъ стульцы бумагою хлопчатою. Да на постилку коверъ золотной большой, а подъ тотъ коверъ послать тюшачекъ или полсть и покрыть краснымъ сукномъ. Да лѣсницу сукномъ червч. багредомъ обить. На другомъ мѣстѣ, гдѣ садятся боярыни, здѣлать сундукъ поперегъ во всю *колымагу* и обить. А по опискѣ у *колымаги* станъ дубовой съ колесы выкрашенъ краскою и окованы желзномъ. На сохахъ и на крюку положены каймы дерев. рѣзн. золоч. Двѣ подпоры и отгужины желзныи витые съ рѣпьями по золоту росписаны краски. На стану 8 коробокъ желзныхъ золоченыхъ. У *колымаги* на задней доскѣ вырѣзана съ *жсие-*

ства пѣнца да 6 маковицъ дерев. золоч. У ящика на задней доскѣ вырѣз. орелъ въ клеймѣ съ коруною, около орла 4 птицы и виноградныя вѣтви золоч. и сереб. и росписаны красками. На передней доскѣ вырѣзанъ кунганъ и изъ него виноградныя вѣтви, а на вѣтвяхъ 4 птицы розныя. На задней каймѣ два льва съ жвѣства, на дву углахъ вырѣзано по главѣ львовой. Внутри повсюду писаны всякіе птицы и травы розными цвѣтными краски. Лестница деревянная золочена росписана краски. — Марта 16 записано: сдѣланы царницъ Марья Ильичѣ двѣ колымаги деревянныя золоченыя, одна рѣзная, другая гладкая, и по золоту росписываны розными цвѣтными красками; а вмѣсто сукна одна покрыта бархатомъ червчатымъ, а другая сукномъ багрецомъ алымъ и подложены желтою тафтою; а въ колымагахъ вмѣсто кожи золотной подбито атласомъ червчатымъ съ серебрянымъ голуномъ, а шлеи у одной колымаги обшиты всѣ бархатомъ червчатымъ и на нихъ положены кружива серебряныя кованыя. А писали тѣ колымаги по золоту и по серебру розными цвѣтными краски жалованныя и кормовыя иконописцы. (Изъ жалованныхъ работою завѣдывали Фед. Евтѣеєвъ и Иванъ Леонтьєвъ).

98. 183 г. Окт. 17 скроены къ государынѣ царницъ Наталіи Кириловнѣ въ хоромы *потѣшныя рукавицы* сукно скорлатъ червчатъ, исподъ черева лисья, опушены соболемъ; въ кроенье вышло сукна $\frac{1}{4}$ арш., испода 5 черевъ, на опушку пара соболей. Приняла боярыня Матрена Блохина, а сказала пожаловала де г. царица боярынѣ Дарьѣ Мясной для походу. — 183 г. окт. 25 скроены къ царницъ Наталіи Кириловнѣ въ хоромы треухъ маленькой тафта червчата, исподъ хребты бѣлыя, опушены цухомъ бобровымъ, приняла боярыня Матрена Блохина, а сказала пожаловала де государыня царица царевны Марфы Алексѣевны *дѣвочки безногой*. — 183 г. окт. 25 скроены госуд. царницъ Наталіи Кириловнѣ въ хоромы *рукавицы потѣшныя* сукно червчатъ багрець, исподъ черева лисья, опушены обочина бобровая; въ кроенье вышло сукна 3 вер., на исподъ 4 черева.

99. 184 г. марта 22 въ соборъ Рожества Пресвятыя Богородицы, что на сѣняхъ государыни царицы, къ мѣсту на починку верхняго столпа кованого золоченого, серебра 4 зот., да въ горошчатомъ гвоздѣ $2\frac{1}{4}$ золоты. — 184 г. августа 14 боярынѣ и дворецкой и оружейничей Богданъ Матѣєвичъ Хитрово выдалъ изъ хоромъ великіе государыни царевны Ирины Михайловны шесть сулеекъ хрустальныхъ во влагалѣшѣ. оболочено бархатомъ алымъ; а приказалъ къ тѣмъ сулейкамъ дѣлать оправки серебряныя сканныя, а къ затычкамъ цѣпочки и гвоздики серебряныя. И тогожъ числа къ тѣмъ ко шти

судейкамъ на оправки и на цѣпочи и на гвоздникъ мастеру Осипу Астраханцу серебра 37 зол.; принято у него въ дѣль 33½ зол., наудѣлокъ золотникъ съ четью. Къ тѣмъ судейкамъ оправки прикрѣплены и къ великой государыни царевнѣ Иривъ Мих. въ хоромы отнесъ аптекарскіе полаты дохтуръ Степанъ Фанъ-Гадоновъ.

100. 185 г. іюля 9 въ церковь Екатерины Христовы Муч. въ чюланъ, гдѣ ставитца государыня царица Наталія Кирилловна, къ двери на завѣсь тафты желтой аршинъ съ четью. — 187 г. ноября 30 боярину Ивану Богдановичю Милославскому за товары, которые у него взяты въ прошломъ во 186 г. въ розныхъ числѣхъ: за вошвы шитые по червчатому бархату золотомъ и серебромъ травы оксампчены 40 р.; за вошвы по красному бархату да за трои по черному бархату шиты золотомъ и серебромъ высокииъ швомъ съ звѣздки по 30 р. за вошвы; да за вошвы земли зашивная золотомъ и серебромъ съ розными цвѣты 25 р.; за вошвы по черному бархату шиты глядю золотомъ и серебромъ 18 р.; да за патрахѣль, да за два удара, шитые по червчатому бархату золотомъ и серебромъ высокииъ швомъ 47 р.; всего 250 р. — 187 г. августа 24, по указу великого государя боярина Ивана Богдановича Милославского жень его бояринъ Даръ Прохоровиъ за ширинки тафтяные шитые золотомъ и серебромъ. наикшеиъ золотомъ же, которые у нейъ взяты въ его государевы хоромы, за пять ширинокъ по осми рублевъ, за двадцать за девять ширинокъ по пяти рублевъ, за десять ширинокъ по три рубли, за шестнадцать по два рубли, — всего за шестьдесятъ ширинокъ двѣсти сорокъ семь рублевъ. — 189 г. генв. 6 царицы Агаѣи Симеон. шубку, распашная, бархатъ червчатъ гладкой съ аламами серебряными золочеными чеканными, выдала изъ хоромъ боярыни кн. Агаѣи Горчакова, а сказала: жемчюгъ которой около тѣхъ аламовъ былъ обнизанъ весь снятъ и пугвицы отяиты въ хоромѣхъ у г. царицы и отъ ожерелья нижней аламы отнять въ хоромехъ же. И марта въ 3 д. съ сей шубки аламы всѣ шетомъ сорокъ шесть шѣсть, вѣсу въ нихъ двѣнадцать фунтовъ 83 золотника. сняты и отданы въ серебряную полату.

101. 189 г. іюля 14 въ 14 часу дни въ послѣдней чети по изволенію Великаго Бога великая государыня царица и в. к. Агаѣи Симеоновна преселися въ вѣчныя обители. (Подлинно о всемъ писано въ чювовой книгѣ). А по преставленіи еѣ в. г. царицы подано въ хоромы: на саванъ камки бѣлова куфтеру 13 арш., на вѣнецъ отласу бѣлово 2 верш., да на шитье золота шестерного цѣвка. На подушку и на онучки камки бѣлой травной пол-4 арш.; на калити бархату

червчатого 6 верш., дѣлали чеботники. На кровлю гроба, чѣмъ покрыто было въ хоромахъ, сшито въ два полотнища не разрѣзавъ обьярь золотная по червчатой землѣ 10 арш.; взята изъ государевы мастерскіе полаты. Тогожъ дни на верхнюю гробовую доску на покровъ, подъ чѣмъ несли въ Вознесенской монастырь, сшито въ два полотнища не разрѣзавъ алтабасъ по серебряной землѣ травы золоты 11 арш. съ четью, по 7 руб. арш. — На сани покровъ сшить въ два полотнища не разрѣзавъ аксамитъ по золотной землѣ травы золоты и травки серебряны, за обьяи истки, 12 арш.; выданъ былъ изъ хороми г. царицы августа въ 31 д. 189 году (цифра 9 замазана, смазана пальцомъ) снесъ думной дворянинъ Никита Ив. Акинеовъ. Тогожъ дни скроенъ на гробницу въ Вознесенской монастырь покровъ бархатъ червчатъ, въ кроенье вышло 7 арш.; на крестъ и кругомъ покрова по краямъ кружива золотного ковоново широково мѣроу 18 арш., въсомъ 98 зол. На подкладку таеты жолтой 4 арш. 2 вер.

102. 192 г. генв. 9, какъ изволилъ в. г. царь и в. к. Иоаннъ Алексѣевичъ вѣнчатися законнымъ бракомъ съ благочестивою государынею царицею и в. к. Парасковьею Федоровною въ соборной апостолской церкви Успенія Пресвятыя Богородицы и въ церквѣ по полу было послано отъ царскихъ дверей до западныхъ въ два ряда сукнами алыми полукармазиновыми, вышло двѣ половинки мѣроу по 30 по 7 ар. въ половинкѣ, да въ прибавку 10 ар. аглинского червчатого. И тѣ сукна пожаловалъ великій государь большого Успенского собору ключарей; приказалъ записать бояринъ князь Петръ Ивановичъ Прозоровской.

103. 192 г. марта 21 въ хоромы къ царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ стольникъ Михаилъ Васильевъ сынъ Сабакинъ приказалъ сдѣлать шесть *шалошниковъ* круглыхъ, въ нихъ болваны точеные и оклентъ съ лица сафьяны желтыми, внутри дорогами красными; и сдѣлавъ ихъ окрѣпить оправою луженою желзною, противъ прежнихъ. — Апр. 10 къ великому государю въ хоромы на качель, 12 саж. покромей да на обшивку 4 ар. 5 вер. бархату червчатого московскаго дѣла. — Апр. 10, шатернымъ мастеромъ 6 человекомъ подеенного корму 11 алт. 4 д.; дѣлали великихъ государей въ мастерской полатѣ качель, обшивали бархатомъ червчатымъ, да починивали другую качель бархатную желтую.

194 г. апр. 10 за воровнну за 35 сажень 16 алт. 4 д., за нити 3 алт. 2 д.; воровина въ хоромы на качели, нити на обшивку качели сукномъ и на шитье половыхъ суконъ. — Апр. 15 шатерные полаты портнымъ мастеромъ подеенного корму на 3 дни да 2 чел. на 2 дни по 10 д. человекъ; за дѣло къ царицѣ Прасковѣ Федоровнѣ

въ хоромы трехъ качелей да миндере; да на шитье тѣхъ качелей за шелкъ и за нитки 6 алт. 4 д.—Ноября 15 Душ. дворянинъ Михаилу Тимофеевичъ Дыхачевъ приказалъ въ *посулы* двѣ кѣтки, которые велѣно сдѣлать въ хоромы къ царевнѣ Екатеринѣ Алекс. сентабря 4 числа, (сдѣлать) водопоилки жестяные съ перегородкою.

195 г сент. 13, въ хоромы царицы Прасковіи Федоровны двѣ веревки посконныхъ мѣрою по 10 сажель обшиты сукномъ, а въ кроенье пошло 4 ар. сукна анбурскаго червчатого.

104. 196 г. окт. 8 по указу великихъ государей велѣно сдѣлать въ казенномъ приказѣ въ хоромы царевны Екатерины Алексѣевны *богомолницами*, которые живутъ у ней великой государынѣ въ верхней комнатѣ, двѣдцѣ Катеринѣ рясу теплую киндячную, *одѣяло* крашенниное; двѣдцѣ Аннѣ Григорьевой рясу киндячную холодную, другую теплую киндячнуюжъ; старухѣ Алеевѣ Микитиной тѣлогрѣю китайчетую теплую; двѣдцѣ Прасковѣ тѣлогрѣю крашенниную, два одѣяла киндячные теплые: двѣдцѣ Дарѣ двѣ расы, теплая да холодная, киндячные; двѣдцѣ Натальѣ рясу теплую киндячную, другую крашенниную респощивную, подушку покрыть киндякомъ; двѣдцѣ Аннѣ Деяисовой тѣлогрѣю киндячную теплую; двѣдцѣ Феклѣ слѣдой двѣ тѣлогрѣи, теплая да холодная, киндячные, а *верхи кроевы и исподы завѣшанные* и на подушку перье въ исподней *наволочѣ* выдано изъ хоромъ, а достальной прикладъ положить изъ казеннаго приказа.

106. 196 г. Авг. 16 къ царицѣ Наталіи Кирилловны въ хоромы изъ Мастерскіе полаты серебра 4 фунта ефимковъ приняла боярыня Парасковья Алексѣевна Нарышкина, а сказала: въ томъ же серебрѣ сдѣлано въ приданые дѣвкамъ Акулинѣ да Аграфенѣ Софмановымъ, да Аграфенѣ Левонтьевой три доски зеркальныхъ, три тазика, три бѣлизницы, три румяницы, три суремницы.

106. 200 г. іюля 6 велѣно сдѣлать въ комнату къ царевнѣ Аннѣ Михайловнѣ вѣко мѣдное, гдѣ ставить ковшъ передаточной, длиною въ вѣкѣ аршинъ, шириною 10 вершковъ, вышиною въ четверть аршина, по сторонамъ скобы, въ немъ и снаружи вылудить; да ковшъ передаточной мѣдной новой по образцу, двѣ кружки по образцу жъ чистаго олова. Іюня 28 велѣно купить въ село Коломенское для подаванья въ хоромы изъ Коломенскихъ садовъ ягодъ смородины и малины на дѣло ставниковъ съ кровлями 20 липинъ облыхъ.— 201 г. декабря 12 велѣно подрадать сдѣлать въ хоромы царицѣ Наталіи Кирилловнѣ мѣдной посуды: лохань 2 арш. безъ четв, двѣ лохани 1½ арш., три лахани одна въ аршинъ съ четью, двѣ по аршину; кунганъ въ три ведра, кунганъ въ полтора ведра, два кунгана по 6 кружекъ, 24 таза, мѣрою 2 большіе

одинъ въ поларшина. другой 9 вер., а достальныя тазъ въ тазъ. — 201 г. февраля 14 велѣно купить къ царицѣ Наталіи Кириловнѣ въ портомойную полату двѣ бадьи съ скобами желѣзными лужеными и съ обручами; два заслона желѣзныхъ, два ношника мѣдныхъ, 5 сковородъ желѣзныхъ, чѣмъ меденникъ покрывать. — Марта 15 велѣно переимѣнить въ хоромы къ царицѣ Наталіи Кириловнѣ лохань мѣдную старую... горшокъ мѣдной съ крышкою, другой горшокъ мѣдной съ крышкою, горшокъ вылудить, къ горшку сдѣлать крышку и вылудить, къ горшку сдѣлать ручки по образцу, двѣ сковороды вылудить на оба лица, солонку оловяную починить, лахань мѣдную вычинить и вылудить, ендову переимѣнить на новую, кувшинъ мѣдной съ крышкою переимѣнить.... кунганъ вылудить и крышка придѣлать, сковороду вылудить. Да къ царевнѣ Маріи Алексѣевнѣ въ хоромы три воронка промѣнить на новыя добраго олова аглинскаго, кружку промѣнить, а вымѣнить таковажъ олова, и на тѣхъ воронкахъ и на кружкѣ вырѣзать титла; сковороду, ковшикъ мѣдной — вылудить; да купить вновь горшечекъ мѣдной луженой съ кровлею и съ ушками въ полторы кружки, ставчикъ олова аглинскаго въ кружку; тазъ мѣдной луженой, мѣрою во двѣ въ поларшина. — 202 г. генв. 15 велѣно переимѣнить въ хоромы царевны Маріи Алексѣевны старой оловяникъ на новой, а вымѣнить новой безъ носка нѣмецкаго дѣла аглинскаго олова; ставчикъ оловяной аглинскагожъ олова; миску старую на новую, а вымѣнить по мѣрѣ съ кровлею, а у миски и у кровли былибъ ножки, ширина миски въ 6 вершковъ: старой кунганъ вычинить за ново; старой тазъ переимѣнить, вмѣсто таза ядову, мѣрою противъ таза съ подъемными скобами; старая ядова переимѣнить на тазъ; старой кувшинъ вычинить заново. Да вновь купить двѣ лохани мѣдныя круглыя, шириною по три четверти, глубиною по 2 вершка, въ нихъ вылужено; горшечикъ мѣдный луженой съ руковаткою и съ кровлею въ двѣ кружки, а крышка былабы съ поддономъ вылужена на оба лица. — 202 г. генваря 24 велѣно сдѣлать въ хоромы къ царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ жаровню желѣзную длиною въ аршинъ съ четвертью, шириною въ $\frac{3}{4}$ аршина, въ глубину въ четверть аршина толстую: да таганъ длиною въ аршинъ съ 2 вер., шириною въ 10 вер., вышиною въ три чети аршина; да два прута желѣзныхъ, на чемъ рыбу жарить, да два мѣшечка дутныхъ.

107. Государыня царица и в. к. Наталія Кириловна пожаловала дьяка Ивана Взимкова жепѣ его на поминъ мужа еѣ: съ сытнаго дворца — 5 ведръ вина, 5 ведръ меду, 10 ведръ пива, четверть солоду ячного,

четверть солоду ржаного. Съ кормового двора—везиги, икры, рыбы бялужины и осетрины зема по 3 и по 4; соленой по 2 зема, сѣжей. Съ хлѣбнаго двора четверть муки пшеничной, четверть крупы грешневыхъ, муки ржаной десять четъ. Приказала княгиня Ульяна Ивановна Голыцина.

БѢЛАЯ КАЗНА.

108. Книги государевѣ Кадашевской слободѣ дворовые и дѣловые цѣлыхъ дѣлъ и полудѣлъ и четверти дѣлъ, кто на чомъ живетъ и какое Государево (дѣло) кто дѣлаеть, 139 года.

(Слѣдуетъ перепись дворовъ, а затѣмъ общій счетъ:)

И всѣхъ дворовъ: Въ Перепелкинѣ улицѣ: 3 двора на цѣлыхъ дѣлахъ; 2 двора безъ четверти на дѣлахъ; 17 дворовъ на полудѣлахъ; 12 дворовъ на четвертяхъ: четверть земли въ пустѣ. — Въ Воскресенскомъ переулкѣ: 2 двора на цѣлыхъ д.; 19 дв. на полудѣлахъ; 9 дв. на четвертяхъ; цѣлое дѣло въ пустѣ лежитъ земля. — Въ Алминовѣ улицѣ: 2 д. на цѣлыхъ д.; 18 дв. на полудѣлахъ; 15 дв. на четвертяхъ; цѣлое дѣло земли лежитъ въ пустѣ. — Въ Воскресенской улицѣ: 14 дв. на полудѣлахъ, 19 дв. на четвертяхъ. — Въ Хохловѣ улицѣ: 2 дв. на полуторѣ дѣлѣ; 3 дв. на цѣлыхъ д.; 2 дв. безъ четверти на дѣлахъ; 26 дв. на полудѣлахъ; 10 дв. на четвертяхъ. — Въ Мухинѣ улицѣ: 2 дв. на цѣлыхъ д.: дворъ безъ четверти на дѣлѣ; 18 дв. на полудѣлахъ, 20 двор. на четвертяхъ: два дѣла безъ четверти пустыхъ мѣсть. — Въ Приказной улицѣ: 3 дв. на цѣлыхъ д.: 22 двора на полудѣлахъ; 10 дв. на четвертяхъ: цѣлое дѣло земли лежитъ въ пустѣ. — Въ Козмодемьянской улицѣ: 5 дворовъ на цѣлыхъ д.; 3 дв. безъ чети на дѣлахъ; 35 дв. на полудѣлахъ; 26 дв. на четвертяхъ: пол-2 дѣла земли пустыхъ мѣсть. — Въ Якиманской улицѣ: дворъ на полуторѣ дѣлѣ; 3 дв. на цѣлыхъ дѣлахъ; 2 дв. безъ чети на дѣлахъ; 45 дв. на полудѣлахъ; 42 дв. на четвертяхъ: пол-дѣла впустѣ.

И обоего:—3 дв. на полуторѣ дѣлѣ; 23 дв. на цѣлыхъ дѣлахъ: 10 дв. безъ четверти на дѣлахъ; 214 дв. на полудѣлахъ; 163 дв. на четвертяхъ: Всего 413 дворовъ, да пустыхъ мѣсть цѣлыхъ 7 дѣлъ. А людей во дворѣхъ жильцовъ тоже. А полныхъ государевыхъ всякихъ хамовныхъ 189 дѣлъ съ полудѣломъ, всѣхъ, что и съ пустыхъ дѣлъ всякіе государевы хамовныя дѣла дѣлають.

109. — 139 года. Въ Кадашовѣ на государевѣ Хамовномъ дворѣ государевыхъ хамовныхъ дѣлъ по государеву указу въ заводъ: *пралей* убрусныхъ оснований 6 дѣлъ съ четыю дѣла, а на дѣло прядуть по 20 оснований убрусныхъ; а всѣхъ оснований прядуть на годъ 125 оснований; и изъ того числа тѣхъ же убрусныхъ оснований ходять въ государевы утиральнички и въ посольскіе скатерти на годъ по 29 оснований. А въ полочки убрусныя ходять на годъ 96 оснований подъ шитье и въ грузныя. *Бралей* утиральничныхъ и убрусныхъ 10 дѣлъ съ полудѣломъ, а на дѣло берутъ по 10 полочекъ убрусныхъ. А всѣхъ полочекъ на годъ берутъ 93 полочки въ шитье да 3 полочки грузныхъ; да 3 утиральнички, а утиральничекъ брали ставить во брань за три полочки убрусныхъ. *Швей* утиральничныхъ и убрусныхъ 21 дѣло, а на дѣло шьютъ по 5 полочекъ; а всѣхъ полочекъ на годъ шьютъ 93 полочки да 3 утиральнички; а утиральничекъ въ шитье ставятъ швей за 4 полочки убрусныхъ. *Бралей* посольскихъ скатертей полпята дѣла, а берутъ 2 столба на годъ; а длина по 10 аршинъ въ столбцѣ. А *швей* у тѣхъ же у дву столбцовъ посольскихъ 9 дѣлъ. *Пралей* основныхъ полотень одно дѣло; а прядуть по 2 полотна на годъ, а въ полотно ходять по 10 оснований. Да *пралей* убрусныхъ же оснований чети дѣла, а прядеть на годъ по 5 оснований: оставляются у бралей и у швей въ лишкѣ сверхъ указныхъ дѣлъ; и въ государево дѣло тѣ 5 оснований ходять, перемежняючись, по государскому указу, съ докладу, въ полочки и въ полотна, какъ государской указъ учинитца.

Двойныхъ полотень *пралей* 20 пол-2 дѣла, а на дѣло прядуть по 2 полотна; а всѣхъ двойныхъ полотень прядуть на годъ 43 полотна. Тройныхъ полотень *пралей* 39 дѣлъ безъ трети дѣла; а на дѣло прядуть по 3 полотна; а всѣхъ тройныхъ полотень на годъ прядуть 116 полотень. *Пралей* основку и утку задѣйчатыхъ скатертей 5 дѣлъ безъ получети дѣла; а на дѣло прядуть по 10 оснований и утковъ по тому же; а всѣхъ оснований скатертныхъ прядуть на годъ 26, а утковъ тоже. *Бралей* задѣйчатыхъ скатертей 13 дѣлъ; а на дѣло берутъ по 2 столба; а всѣхъ столбцовъ задѣйчатыхъ на годъ берутъ 26 столбцовъ. Нитныхъ *пралей* 5 дѣлъ; а на дѣло прядуть по 6 полотень; а всѣхъ на годъ прядуть по 30 полотень нитей. *Пралей* тверскихъ полотень 22 дѣла безъ получети дѣла и съ бѣлью; а на дѣло прядуть по 8 полотень тверскихъ: а всѣхъ на годъ прядуть 173 полотна тверскихъ; да изъ тверскіежъ пряжи на годъ ходять по 2 полотна бѣлы, съ тѣхъ же тверскихъ дѣлъ. *Пралей* хлопчатыхъ скатертей пол-4 дѣла; а на дѣло прядуть по 8 столбцовъ;

а всѣхъ на годъ прядуть 28 столбцовъ хлопчатыхъ. *Хамовныхъ* всѣхъ 26 дѣлъ, а на дѣло ткуть русскіе хамовники и иноземцы всѣ ровню, по семи полотень тонкихъ да по семи полотень тверскихъ. А двойное полотно хамовники ставятъ въ дѣлѣ за пол-2 полотна тройныхъ и потому межъ себя въ полотнахъ къ хамовнымъ дѣлаютъ и шоть держатъ, кому сколько на годъ доведетца сдѣлать. А всѣхъ полотень на годъ сдѣлають тонкихъ и тверскихъ всѣ хамовники 334 полотна. А коли бываетъ государской указъ, сдѣлать полотно въ тѣхъ основкахъ, что оставляются въ лишніе (см. выше) сверхъ указныхъ дѣлъ, и изъ тѣхъ лишнихъ основокъ въ два годы бываетъ одно прибылое полотно основное. *Бердниковъ* 2 дѣла; а дѣлають берда всѣмъ хамовникамъ и дѣловцамъ бравшимъ и ткавшимъ, межъ себя считаючись, на всякіе государевы дѣла. *Ткалей* хлопчатыхъ 1 дѣло, а ткуть 28 столбцовъ на годъ. И всѣхъ государевыхъ дѣлъ въ Кадашовской слободѣ 189 дѣлъ съ полудѣломъ. Годоваго жалованья хамовникомъ и русскимъ и иноземцамъ и бердникамъ на 27 дѣлъ съ полудѣломъ по 30 алт. на дѣло, да дѣловцамъ, приймаиъ и браймаиъ и швейиъ и ткаймаиъ на 162 дѣла, по 17 алт. на дѣло. Хамовнаго двора дьяку 2 руб. И всего 109 р. 12 ал. 2. Хлѣбнаго годоваго жалованья всѣмъ ровню по 10 четвертей безъ полуосиним ржи, по семи четьи безъ полуосиним овса на дѣло. Дьяку 16 четвертей ржи, 6 четвертей овса.

110. — Приходъ бѣлой казны. Въ первомъ 7134 году показаны цѣри всей наличности, какая находилась въ казнѣ и съ годовымъ приходомъ послѣ дворцоваго пожара въ этомъ году.

Годы 7134. 135. 136. 137. 138. 139. 140. 141. 142. 143. 144.

Полотень:

Двойныхъ гладкихъ . . .	433	42	88	102	102	121	79	127	98	130	97
полосатыхъ . . .	57	4	3	21	5	5	4	6	4	5	3
Тройныхъ гладкихъ . . .	748	110	244	251	273	284	171	20	214	261	226
полосатыхъ . . .	74	12	—	11	15	15	7	21	9	12	12
Тверскихъ	635	307	191	285	297	375	180	422	272	337	173
Полотно основное	1	3	—	3	1	2	1	2	—	3	1
Убрусовъ или пологъ убрусныхъ	749	104	76	125	125	164	66	215	148	176	141
Полотенце полосатое убрусное	9	—	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Середочникъ убрусной браной	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Угиральниковъ шитыхъ	23	2	3	3	3	3	3	2	—	17	—
Столбцовъ скатертныхъ и скатертей	123	56	78	102	105	145	56	147	92	117	85
посольскихъ	—	—	—	—	—	2	2	—	—	16	2

Годы 7134. 135. 136. 137. 138. 139. 140. 141. 142. 143. 144.

Скатертей посольскихъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15	—
дѣланныхъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	—
Скатерти убрусная	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Полотенъ нитей	8	15	8	12	12	5	7	12	11	13	10½
Мотовъ нитей	1										
Мотовъ бѣли	11	4	—	2	2	—	—	—	—	—	—
Связка бѣли	1	—	—	—	—	4	—	4	2	—	—
Полотенъ бѣли	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1

111. — *Расходъ*. 134 г. мая 25, по приказу великія старицы Марѣи Ив. въ Убогихъ дома 9 полотенъ тверскихъ, отнесъ на Патріарховъ дворъ портной мастеръ Ив. Гудокъ. Юня 15, дуркѣ Манкѣ на рубашку полотно тверское.

135 г. въ Свѣтлицу къ боярынѣ Овдотѣ Коркодиновѣ для государевыхъ дѣлъ на *простыни*, 10 полотенъ тверскихъ. Дек. 13, на кормовой дворецъ про государя на *скатерти* 8 столбцовъ скатертей шитыхъ, взягъ судовой Олексѣй Комснѣ. Дек. 29, на казенной дворъ 200 полотенъ двойныхъ, 600 полотенъ тройныхъ, 500 полокъ убрусныхъ — продати двойное по 2 р., тройное по 1½ руб., полку убрусную по 1½ рубли. Марта 23, на кормовой дворецъ *поворомъ* на *назрудники* полотно тверское. — Туда же про г-въ обиходъ на скатерти 4 столбца скатертей задѣйчатыхъ двойныхъ, 2 столбца скатертей тверскихъ. — Туда же на 2 скатерти царицы Евдокѣи столбецъ двойной; про боярынѣ на 4 стола скатертей два столбца *гусиные плоти*. Апр. 10, въ Свѣтлицу къ боярынѣ Коркодиновѣ для г-ва дѣла на скатерти три утиральника. Апр. 12, къ царицѣ въ хоромы ученицамъ на *ширинки* полотно тройное. Апр. 24, на сытной дворецъ на полотенца и на *ситки* 3 полотна тверскихъ. Мая 11, въ *Убогихъ дома* 10 полотенъ тверскихъ, взягъ крестовой дѣякъ. Юня 5, на *поребенье* кормилицыну мужу 2 полотна тверскихъ. Юля 8, на кормовой дворецъ для г-выхъ роскожихъ скатертей столбецъ скатертной гусиная плотъ, мѣрою 11½ арш.

136 г. марта 10, къ царицѣ 5 полокъ убрусныхъ да полка *пруз-кал*. Апр. 2, на кормовой дворецъ на государевы скатерти 4 столбца скатертиныхъ задѣйчатыхъ; да передъ властей настлать 4 столбца гусиной плоти; да на царицынѣ *обиходе* про боярынѣ 2 столбца гусиной плоти. Мая 17, въ Иконный Приказъ для иконныхъ починковъ 5 арш. полотна тверского. Мая 28, въ Убогіе дома на покровы, на усопшіе, 9 полотенъ тверскихъ; взягъ патріаршъ Тиуѣ Тимофѣй

Потаповъ. Юля 20, къ шатерничинъ въ государеву въ *ердадь* на *кладезь* 12 полотень тверскихъ.

137 г. сент. 16, на роздаточные полотенца въ Сергіевъ монастырь архимандриту съ братьею 33 полотна тройныхъ гладкихъ. Окт. 1, къ патриарху Филарету Никитичу на столовые скатерти 3 скатерти дѣланые задѣйчатые да 6 столбцовъ гусиной плоти. Окт. 19, въ Свѣтлицу на роздаточные полотенца въ монастыри 13 полотень тройныхъ гладкихъ. Нояб. 29, на Кормовой Дворецъ про государя на зеленой столъ на скатерть столбецъ задѣйчатой скатертной; да про бояръ на столы 10 столбцовъ гусиной плоти; взялъ судовой Ивагъ Елдезинъ. Дек. 1, царица пожаловала дѣла Сурьянина Тороканова: 2 полотна тройныхъ гладкихъ, отъ царевны Ирины полотно, да отъ царевны Пелагеи полотно; приказъ сказала Ульяна Степановна Собакина. Дек. 12, на Кормовой Дворецъ царицинымъ судовымъ про боярынь на скатерти два столбца гусиной плоти. Дек. 15, въ Свѣтлицу про государя и про царицу на простыни 16 полотень тверскихъ, приняла боярыня Коркодинова. Февр. 1, въ Свѣтлицу для государевыхъ дѣлъ: 4 мота бѣлы, 2 клуба нитей сканыхъ; приняла бояр. Коркодинова. Апр. 19, къ царицѣ 100 полотень тверскихъ, а тѣмъ полотнами государыня жаловала постельяницъ своихъ и царевичевыхъ и царевниныхъ и мастерицъ золотныхъ и бѣлыхъ и ученицъ и портомой и карлицъ, которые во 137 году на Святой недѣлѣ погорѣли. Мая 19, въ Убогіе дома на кровлю, на усопшіе, 9 полотень тверскихъ; взялъ патриаршъ стряпчей. Юня 1, къ царицѣ 13 полотень двойныхъ гладкихъ, ко государю на полотенца; приняла боярыня Катерина Бутурлина. Юня 9, на Кормовой Дворецъ про государя на круглые столы: 4 утиральника, да про бояръ въ столы на большіе скатерти 20 столбцовъ задѣйчатыхъ. Юля 31, въ Свѣтлицу на простыни іерданскіе въ село въ Рубцово 5 полотень тверскихъ; приняла боярыня Коркодинова.

138 г. окт. 14, къ патриарху Филарету Никитичу про его обиходъ: 3 скатерти шитые задѣйчатые, да на 4 скатерти 6 столбцовъ скатертныхъ задѣйчатыхъ, да на расхоіе на 6 скатертей 6 столбцовъ скатертныхъ хлопчатыхъ. Ноября 20, къ няокѣ Марѣ Ив. въ Вознесенской монастырь про нее на столы на скатерть 2 столбца скатертныхъ задѣйчатыхъ, да про старицъ и про боярынь на столы 6 столбцовъ хлопчатыхъ. Генв. 7, къ царицѣ на простыни въ мыленку и въ портомойню 33 полотна тверскихъ. Марта 12, въ царицну Мастерскую полату на поставецъ, гдѣ дѣлають царицино платье, на простыню 2 полотна тверскихъ. — На Сытной дворецъ на поло-

тенцы и по погребомъ на ситки 5 пол. тверскихъ. Мая 13, государыня царицы словомъ приказала боярыня Ульяна Собакина послать въ *Убогіе дома* 10 полотень тверскихъ сверхъ 9 полотень, которые отпущены на Патриарховъ дворъ.

139 г. дек. 4, въ Свѣтлицу, а изъ Свѣтлицы сдѣлано въ государеву въ новую мыленку на простыни, 50 полотень тверскихъ; приняла Коркодянова.

140 г. марта 2, царевна Ирина была въ царицынѣ казнѣ, а съ нею были окольничій В. И. Стрѣшевѣ да боярыня княгиня Марья Хованская и взяли изъ казны въ хоромы 2 полотна двойныхъ да семь полотень тройныхъ гладкихъ. Мая 15, въ Ковюшенной Приказъ къ государевымъ лошадямъ и къ санникамъ на простыни 111 полотень тверскихъ, а въ нихъ мѣрою 1320 аршинъ.

141 г. ноябр. 3, въ Свѣтлицу для государевыхъ мыленныхъ простынь 30 полотень тверскихъ. Генв. 4, въ Шатерной Приказъ въ *срдаць* на кладезь 11 полотень тверскихъ, 6 полотень тройныхъ гладкихъ.

142 г. ноябра 19, къ царицѣ въ хоромы ношена Кадашевская бѣлая казна 140 году смотреть и по смотру тое казны у ней г-ни въ хоромѣхъ вышето: 20 полокъ убрусныхъ шитыхъ, 2 полки убрусныхъ грузныхъ и т. д. Мая 22, въ Убогіе дома на усопшихъ на кровлю 14 полотень тверскихъ, отвозилъ крестовой Ив. Семеновъ.

143 г. сент. 9, на Кормовой Дворецъ про государя, про царицу, царевичей и царевенъ на столовые скатерти: столбцы скатертные задѣйчатые шитые, столбцы тверскіе, столбцы хлопчатые. Окт. 23, царевны Ирины и Анны къ *потѣшнымъ постелемъ* на наволоки дано полотно тверское. Нояб. 15, по приказу боярина Бориса Иван. Морозова дано ко государю въ хоромы на царевичевы *потѣшныя жгуты* полотно тверское.

145 г. іюня 9, на государеву Аргачью конюшню государева сѣдла лошадямъ и санникамъ на простыни, на 170 простынь, 140 полотень тверскихъ.

146 г. сѣнт. 13, къ царицынымъ шапкамъ на покрывальныя полотенца полотно двойное гладкое. Апр. 22, дворовымъ боярынямъ на пуховики скроено 10 наволокъ, пошло 15 полотень тройныхъ гладкихъ. Іюля 14, на освященіе церкви Ильи, что за Чертольскими вороты, полотно тверское да столбець скатертной хлопчатой.

148 г. апр. 30, царица пожаловала полотно тверское на рубашки боярышнямъ, которые живутъ въ комнатахъ у царевны Ирины.

149 г. сент. 6, полотно тверское царца пожаловали околыничево — Васильевъ Дурда Ивановича Стрешнева. Окт. 8, царца смотрит своей Брейтовской казны и оставила у себя въ хоромехъ 50 полотъ убранныхъ. Апр. 30, къ царцѣ въ хоромы 3 столбца скатертныхъ тройныхъ — тѣмъ столбцами царевнамъ жаловать тронцаго келара Александра Буматникова. Авг. 17, бояринъ Борисъ Ив. Морозовъ взялъ полотно тверское, а сказалъ, что царевичу Алексѣю М. не поможу. Юля 11, бояринъ Борисъ Ив. Морозовъ взялъ пять полотень тройныхъ гладкихъ, а сказалъ, что тѣмъ полотнами на празники Аванасія Аюлскаго царевичъ Алексѣй жаловалъ мастеровъ (учителей) своихъ Василья Сергѣева съ товарищи. Авг. 31, къ царцѣ въ хоромы полка убранныхъ; приняла боярина кн. Марья Хованская, а сказала, что тѣмъ полками царевичъ Алексѣй жаловалъ мастеровъ своихъ Василья Прокофьева съ товарищи.

150 г. царца смотрала казну, окт. 19 Брейтовскую, ноября 3 Кадашовскую. Номбр. 26, стольникъ Богданъ Хитрой взялъ ко гарн на пластыри 4½ арш. полотна двойнаго. Генвар. 23, послали изъ Убогихъ домъ для погребенія двухъ мертвыхъ, которые нисли по Тверской дорогѣ, 2 полотна тверскихъ. Февр. 23, къ царцѣ въ хоромы 15 полотень двойныхъ гладкихъ; приняла б. кн. Марья Хованская, а сказала, что тѣ полотна на государскіе сорочки. Мая 26, къ Убогимъ домамъ на покрыванье мертвымъ 14 полотень тверскихъ.

ЗАПИСКИ КРѢВЛЬНЫХЪ КНИГЪ.

112.—7135 г. марта 12, скроены государынѣ Марѣ Ивановѣ *охабень*—отласъ багровъ; длина: по передомъ аршинъ 14 верш., а по заду аршинъ и 13 верш. съ полувершкомъ. Въ плечѣхъ: аршинъ и 2 верш. Рукава съ полустану аршинъ 12 верш.; въ корени *въ ласткахъ* 7 верш. съ полувершкомъ. Въ запястьѣ 2 верш. съ полувершкомъ, сыто.—Воротникъ въ корени длина 10 в., ширина пол—2 в.—По подолу 3 ар. 10 в.—отласу пошло 9 ар. съ полуаршиномъ. На таченье дано шелку гвоздичнаго 2 зол., на *плетемекъ* шелку багроваго 6 зол.; подъ-нашивку подъ переды тиндяку.... На подкладку тавты виницѣйки шелкъ зелень да таусиенъ 5 ар.; на *подмышку* камки зеленой травной 2 ар.; на нашивку пошло торочковъ....

135 г. марта 23, скроена государынѣ Марѣ Ивановѣ *шуба* объяръ таусиенна, исподъ черевей лясей чернъ. — Длина по передомъ 1 ар. и 13 верш., да въ запасъ 1 вер.; а по заду длина 1 арш. и

12 вер., да въ запасъ пущенъ вершокъ; *въ плечехъ* аршинъ и 2 вер.; *рукава* съ полустану аршинъ и 11 вер.; *въ ласткахъ въ корени* 7 вер. съ полувершкомъ; въ *запасть* 2 вер. съ полувершкомъ, сыто;—*воротникъ* въ *корени* длина 10 вер.; *ширина* $1\frac{1}{4}$ вер.; по подолу 3 ар. и 10 вер. объяри пошло 12 ар. съ четью. На нашивку торочковъ.... шелку таусиннаго на шитье 2 золотника.

136 г. апр. 7, скроенъ государынѣ Марѣ Ивановѣ *охабень* въ камкѣ въ травной въ черной. Длина 2 ар. безъ полутретья вер.; *ширина* въ плечѣхъ аршинъ 3 в.; въ подолѣ пол-четверта аршина; *рукава*хъ длина аршинъ съ четью; *ширина* въ корени 6 вер.; въ *запасть* волтретья вершка, сыто; *камки* пошло 9 ар. безъ вершка. А кроенъ государынѣ тотъ охобень противъ еѣмъ государынина стараго камчатого травного черного охабня, безъ подкладки. На подпушку вышло тафты широкіе двоеличные шелкъ зеленъ да таусиненъ $1\frac{1}{4}$ ар.; на нашивку и на пугвицы торочковъ 38 ар. съ четью; а нашивана нашивка 36 гиздъ; *длина* нашивкѣ 3 вер.; въ пугвицу торочковъ по 5 вер. (въ нашивку торочковъ 27 ар., а въ пугвицы 11 ар. съ четью).

138 г. мая 6, скроенъ царевнѣ Иринѣ Мих. опашень отласъ золотной по червчатой землѣ розвода и лпстѣ и травы золото да серебро въ цвѣтахъ шелки розные; *подложень* тафтою винцейною червчатую; *подпушенъ* отласомъ желтымъ; *ожерелье* у опашня отласъ по серебряной землѣ травы золоты съ шелки розными; *подложено* отласомъ червчатымъ; на *охабень* нашито 5 пуговицъ золоты съ чернью; да на *опашень* же нашито 10 петель низаны жемчугомъ; да на ожерелье круживо низано жемчугомъ же. А на тотъ охобень пугвицы и петли и круживо положено съ прежняго опашня.

139 г. Апр. 19, скроена царевнѣ Иринѣ Мих. шуба тафта червчатая; *исполъ* пупчетъ соболей, изъ покъ прежніе же тафтяные червчатые шубки; *длина* по переду и по заду аршинъ съ вершкомъ; *ширина* въ плечѣхъ 11 вер.; по подолу аршинъ 12 вер.; *рукава*хъ *длина* отъ стану 14 вер., *ширина* въ корени 3 вер. съ полувершкомъ, въ *запасть* 2 вершка безъ чети.

140 г. декб. 24, скроена царевнѣ Иринѣ Мих. *тылоторья* камка двоелична, шелкъ червчетъ да желтъ, елки въ кругахъ, на пушкахъ на соболяхъ. *Длина* аршинъ съ вершкомъ да въ запасъ вершокъ; *ширина* въ плечѣхъ 11 вер. да въ запасъ вершокъ. По подолу аршинъ 14 вер., *воротъ* пол-сема вершка, *рукава* отъ стану 15 вер. да въ запасъ вершокъ; въ корени 4 вер., сыто; въ *запасть* 2 вер.; *проймы* пол-четверта вершка.

141 г. февр. 6, царевнѣ Иринѣ Мих. скроена *кортема* въ тѣлѣ въ *виницейкѣ* въ *бѣлой*, тѣты пошло 3 арш.; на *подольникѣ* 5 верш. тѣты *виницейской* червчатой, да на исподъ *подилено* задѣ черва бѣлыя. Вошвы *нашиты* съ *прежняго* съ *царевнина* *лѣтнина*.

143 г. дек. 14, царницѣ Евдокѣ Лукьяновнѣ скроена *малоран* *кама* *кизылбашская* по *бѣлой* *землѣ* *травы* и *цвѣты* *розахъ* *шолковъ*, алы *брусниченъ* *зеленъ* *голубъ*, *променъ* *травъ* *цвѣтники* *рѣны* *золотыя*. *Длина шубы* по *передомъ* 2 арш.; по *заду* *длина* 2 арш. *безъ* *вершка*, *ширина* въ *плечѣхъ* 1 арш. съ *полувершкомъ*, въ *подолѣ* *ширина* 3 арш.; *рукавамъ* *длина* съ *полуставу* 2 арш. съ *вершкомъ*, въ *корени* *рукавамъ* *ширина* 6 верш.; въ *запасѣ* *ширина* *полтретья* *вершка*; *проймы* на *мышкахъ* отъ *передовъ* *поларшина*: *воротъ* 9 верш., *проймы* *длинною* 5 верш.; *исподъ* *горвостайной*; на *нуку* *бобръ* *цѣна* 7 *рублемъ* съ *полтиною*. *Кама* *вышла* въ *кромелью* *вса* *нѣроу* 7 арш. *Скроена* *противу* *шубы* *бѣлой* *отласной*, что на *горвостайхъ*, *кружнво* *положено* по *новое*, *взято* съ *Казениново* *Дворе*; 15 *пугвицъ* *положены* *сѣчеты* *продолговаты* *двоелощеты*.

144. декабр. 4. царевнѣ Иринѣ Мих. скроена *арисолока* въ *тѣлѣ* въ *червчатой*; въ *кромелью* пошло *тѣты* 3 ар., да на *нуку* 1½ *бобра*; да *нашиты* *вошвы* по *атласу* по *червчатому* *низамъ* *жемчугомъ*.—*Мартъ* 29, царевнѣ Иринѣ Мих. скроена *шубка* *накладная* въ *бархатѣ* въ *червчатомъ* въ *гладкомъ*; въ *кромелью* пошло *бархату* 7 ар., да на *полкладку* 3 ар. 6 вер. *тафты* *желтой*; да *нашиты* *аламы* *кованые* *серебряны* *золочены*, *обнизано* *около* *аламовъ* *жемчугомъ*; да *нашито* 12 *пуговицъ* *золоты* *островаты* съ *чернью*, что *сняты* съ *царицыны* *рошпашницы*.

145 г. дек. 21, скроена *государынѣ* *царицѣ* *тѣлогрѣя* *отласъ* *цвѣт* *ной* по *немъ* *травы* *куфтерные* *шолкъ* *червчатъ* да *свѣтлозеленъ*. *Длина шубы* по *передомъ* 2 арш. съ ¼ *верш.*, въ *плечѣхъ* *ширина* 1 ар. 2 вер., въ *подолѣ* 3 ар. *безъ* *вершка*, *рукавамъ* *длина* съ *полуставу* 2 арш. *безъ* *вершка*. *Проймы* отъ *ворота* 6 верш., а *про* *нато* *проемъ* 5 вер. *Исподъ* *подложенъ* *пупки* *соболя...* *Кружнва* *серебр.* *широкого* 10 арш., *вѣсомъ* 80½ *золот.* *Пугвицы* *серебр.* *золоч.* съ *финяфты*. *Юля* 6, *скроена* *государынѣ* *царицѣ* *лѣтникъ* *отласъ* *черв* *чатъ*, по *немъ* *травы* *золоты*. *Длина* по *передомъ* до *подольнику* 2 ар. *безъ* *чети*, *позади* *длина* *тожъ*. *Ширина* *арш.* съ 5 *вер.* *Накапкамъ* *длина* съ *полуставу* 2 ар. *безъ* *чети*; *ширина* *накапкамъ* 13 *вер.*, въ *корени* *ширина* *аршинъ* *безъ* *вершка*; у *вошевъ* *ширина* 13 *в.*, въ *подолѣ* *ширина* 3 ар.; въ *запасѣ* *пушено* по 2 *в.*; *отласу* *вышло* въ *кромелью* 13 ар. 2 *в.* *Подольникъ* *отласъ* *желтъ*; въ *подольникъ* *отласу*

вышло аршинъ; подкладка тафта желта, тафты вышло 7 ар. Вошвы по черному бархату низаны жемчугомъ съ камнемъ. На пухъ вышло 2 бобра опрочъ обочинъ.

152 г. генв. 15, царевичъ Иринъ Мих. скроенъ *кортезь* въ отласть рудожелтомъ въ травномъ; въ кроенье пошло 12 ар. съ 1 вер.; да подкроенъ исподъ горностаѣной, исподу пошло 2 мѣха; и отъ одного остались рукава; да на пухъ скроены 2 бобра.

188 г. царицѣ Агаѳи Симеоновнѣ скроено *шубка* алтабась по сереребряной землѣ травы золоты велики; подкладка тафта желта; въ длину по передамъ и съ запасомъ 2 арш. 3 вер., въ подолѣ 5 арш., рукавамъ длина 2 арш. безъ 2 вер.; въ кроенье вышло алтабась цѣлой, шврою 9 арш. 11 вер., да отъ другаго 2 арш.. На подкладку тафты полсема аршина. Авг. 26. въ хоромы къ царицѣ скроена тѣлгрѣя тафта зелена, полпушка тафта червчата, подкладка киндянъ лазоревъ; въ длину 2 арш. 1 вер., въ плечахъ 1 арш. безъ вершка, проймы отъ 5 верш., воротъ въ семь верш., въ подолѣ ширина 3 ар. 6 вер.; вышло тафты полшеста арш., червчатой аршинъ. 17 пугницъ; на петли свурку зеленого полтретья аршина; отдана боярынь Ѳеклѣ Семеновнѣ. Ноября 3, Аниѣ Семеновнѣ Грушецкой въ приданое скроена *шубка* столовая суконная, въ длину по передамъ 2 ар. 3 вер.; позади 2 ар. 2 в., воротъ 1 арш. безъ 3 вер.; въ подолѣ 5 арш.

Свѣтлицыя знаменныя дѣла.

113. — Въ концѣ XVI ст. знаменными работами во дворцѣ занимался знаменщикъ Посникъ Дмитривъ сынъ Ростовецъ. Въ 1584 г. марта 30 онъ получилъ въ награду сукно английское доброе, за то — знаменовалъ онъ на гробъ государевъ царевъ и в. к. Ивана Васильевича, во иноцехъ Іону, покровъ бархатъ венеδικой чернъ гладкой, *садили* жемчугомъ съ дробницами. Въ XVII ст. въ царицной Свѣтлицѣ производились слѣдующія знаменныя дѣла:

1625 г. февр. 6, знаменщикъ Иванъ Некрасовъ знаменилъ бѣлками *покрова* на гробъ блаженныя памяти царицы Марьи Володимировны, а около того покрыва подпись; да у ризъ оплечья. Марта 5, знаменщикъ Андрыша Моисеевъ знаменилъ около *покрыва* царевича Дмитрія тропарь да кондакъ. Окт. 20, знаменщикъ Насонъ знаменилъ на покрывѣ инокъ Маремъ Ивановны подпись. Дек. 5, знам. Петруша Ремезовъ знаменилъ бѣлками у ризъ оплечье. Декабр. 28, выдано Ив. Некрасову къ знаменнымъ дѣламъ на бѣлки 2 денги.

1626 г. февр. 6, знаменщикъ Насонъ чернилами и бѣлками знаменилъ покровъ блаженнаго Максима. Іюня 7, выдано къ царицному дѣлу для знаменья на бѣлки 4 д. Сент. 12, знаменщикъ Иванъ Володимировъ

знаменнѣ бѣлѣани покровѣ царевича Дмитрія Углицкаго, а Иванъ Некрасовъ да Петръ Ремезовъ знаменнѣ къ царичицѣ онашицѣ ирочно томе бѣлѣани.

1637 г. севр. 14, знаменщикъ Петръ Ремезовъ знаменнѣ черниланѣ къ царичинѣ одѣялу ирису, а севр. 17, знаменнѣ бѣлѣани засталою отдасѣ черчатѣ, который указатъ низатъ жемчугомъ къ царичицѣ костелѣ. Марта 21, Иванъ Некрасовъ бѣлѣани знаменнѣ къ царичинѣ одѣялу ирису. Апр. 12, Иванъ Некрасовъ сурникомъ знаменнѣ царичинѣ чоботы. Июна 2, знаменщикъ Серебряной Палаты Иванъ Гомулинъ знаменнѣ покровцы да воздухъ въ соборѣ къ Благовѣщенью Бдм, на стѣнхъ. Авг. 31, Иванъ Некрасовъ знаменнѣ сурникомъ *мелесу* къ Спасову Нерукотворенному образу, что у государини (иконы Марем Ив.) въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

1638 г. авг. 10, иконописецъ (знаменщикъ Серебряной Палаты) Иванъ Палсѣинъ знаменнѣ подѣ шитье покровцу да *мѣлсу* къ Казанской Пречистой Богородицѣ.

1629 г. окт. 20, Петру Ремезову да Ивану Некрасову выдано на саяу и на кивоварѣ и на шимѣ краски на знаменье къ государевымъ дѣламъ 3 ал. 2 д.

1630 г. мая 18, икольникъ Ив. Палсѣинъ знаменнѣ образъ Знаменія Богородицы на олександрѣйской бумгѣ. Мая 29, Ив. Гомулинъ знаменнѣ около образа Знаменія Бдм на бумгѣ трошарѣ да кондакѣ. Июна 19, Ив. Палсѣинъ знаменнѣ образъ Знаменія Бдм на бѣлой тафтѣ. Въ тотъ же день ему выдано на розниа краски 3 ал. 2 д., а платѣ тѣ краски на розцѣйтъ къ образу Знаменія Бдм, который назнаменованъ былъ на олександрѣйской бумгѣ.

1631 г. мая 18, Серебряного приказу знаменщику Дружинѣ на бѣлѣа 2 алт., а тѣмъ бѣлѣамъ онъ Дружина знаменнѣ княгини Татьяны Федоровны къ бархотному къ червчетому къ готовому къ покрову на кайму слова.

1632 г. окт. 2, Ив. Гомулинъ знаменнѣ къ *покрову* умершей царевны Марем Мих. на каймѣ слова. Окт. 25, Ив. Гомулинъ знаменнѣ около *мелеса* на каймахъ слова. Тоже самое онъ дѣлалъ и еще 7 ноября, всего работалъ 11 дней.

1633 г. авг. 24, Ив. Гомулинъ знаменнѣ на блюдахъ царевны Иривы подписные слова, 4 дни. Окт. 8, знаменщикъ Иванъ Гомулинъ четыре дни знаменнѣ великого государя святѣйшаго Филарета Никитича патриарха московского и всеа руси къ покрову кайму. Ноябр. 4, Иванъ Гомулинъ знаменнѣ (4 дни) въ свѣтлицѣ государевы розниа дѣла.

1634 г. мая 30, знаменщикъ Иванъ Гомулинъ четыре дни знаменнѣ въ свѣтлицѣ на *мелесахъ* да на покрывахъ государево образное дѣло. Авг. 26, знаменщикъ Иванъ Палсѣинъ да Иванъ Гомулинъ шесть дней знаменнѣ въ царичинѣ полатѣ и въ свѣтлицѣ иконное и словесное писъмо. Ноября 24, знаменщикъ Иванъ Гомулинъ два дни знаменнѣ на пеленахъ подписные слова.

1635 г. окт. 30, Ив. Гомулинъ знаменнѣ (7 дней) въ свѣтлицѣ пелены и воздуха и святые да въ Мастерской Палатѣ покровъ Антонія Римлянина.

1636 г. марта 12, словописецъ Ив. Гомулинъ знаменилъ 7 дней въ царичинѣ Мастерской Полатѣ хаймы около покровъ царя Ивана Васильевича да около пелены тропарь Преч. Бцы Казанскіи. Марта 18, словописецъ и знаменщикъ Ив. Гомулинъ знаменилъ (3 дни) около хоруговъ тропарь да лѣтописецъ, которая хоруговъ дѣлана въ монастырѣ Николаи чуд., что на Угрѣшѣ. Іюня 21, Ив. Гомулинъ знаменилъ туше херуговъ да покровъ на царевну Соєю. Окт. 27, Ив. Гомулинъ знаменилъ крестъ на *покрове* умершей царевны Соєи Мих. и *лаженисецъ* справлявалъ на *серуосе* къ Николаѣ чудотворцу, что на Угрѣшѣ, да *покрове* на Еуеросинью Донскую да ко Пречистой Казанской на пеленѣ *тремаръ* (работалъ 7 дней).

1637 г. генв. 11, иконникъ Марко знаменилъ къ Рождеству Богородицы, что у государя на снѣжѣ, *пелену съ дѣльсели* (работалъ 4 недѣли со днѣмъ). Августа 14, иконникъ Маркъ Петровъ 9 дней знаменовалъ анеоръ по огласу и по бумагѣ да Богоявленіе Господне по камѣи и по бумагѣ. Дек. 6, знаменщикъ Иванъ Гомулинъ 9 дней дѣлалъ государевы розныя дѣла.

1638 г. февр. 20, иконникъ Маркъ Матвѣевъ 9 дней знаменилъ по бумагѣ и по камѣи Богоявленіе Господне 3 дни, анеоръ по огласу по таушинному знаменовалъ 6 дней. Іюля 1, Ив. Памѣинъ да Маркъ Матвѣевъ съ образа Богородицы Казанскіи на листу писали дѣянцы (6 дней). Іюля 6, знам. Иванъ Гомулинъ 9 дней знаменилъ государевы розныя дѣла. Авг. 24, онъ же 4 дни дѣлалъ государевы дѣла.

1639 г. Генв. 14, Ив. Гомулинъ дѣлалъ 7 дней государевы дѣла и еще Марта 2. Мая 31, Маркъ Матвѣевъ дѣлалъ 14 дней государевы розныя дѣла. Іюля 26, икон. Маркъ Матвѣевъ да Третьякъ Гавриловъ знаменили (14 дней) образъ Б-цы Владимірскае, а около образа Дванадцятые праздники, по бумагѣ знаменовали и красками цвѣтныи и по таѣтѣ знаменовали. Ноября 23, Серебряныя палаты знаменщикъ Иванъ Гомулинъ знаменовалъ (10 дней) анеоръ да покровъ на царицу Настасю Рамановиу да на царевича Ивана Михайловича покровъ же да на томъ же покровѣ крестъ. Дек. 10, иконникъ Марко Матвѣевъ да Сидорко Осиповъ—знаменили (7 дней) государеву деядину да на гробъ блаженныя памяти госуд. ц. и в. к. Ивана Васильевича всеа русіи покровъ. Дек. 10, иконники Маркъ Матвѣевъ да Сидорка Осиповъ знаменили государеву діядину да на гробъ царя Ивана Васильевича покровъ (7 дней).

1640 г. февр. 24, иконникъ Марка Матвѣевъ двѣ недѣли да онъ же съ Сидоркою Осиповымъ три дни—дѣлали знаменили въ соборную апостольскую церковь большого собору къ настоящему образу Преч. Богородицы къ Успенію пелену и на пригѣрь съ того образа знаменовали на бумагу и красками розцвѣчивали и съ бумаги на таѣтѣ знаменовали (sic). Мая 4, знаменщикъ Ив. Гомулинъ 8 дней знаменилъ государевы розныя дѣла. Іюля 3 иконники Баженко Савннѣ, Маркъ Матвѣевъ, знаменовали образъ Богородицы Владимірскае, что велѣно по государеву указу послать въ Астрахань; да властелинскую полицу по таѣтѣ и на бумагѣ.

1641 г. генв. 13, знаменщ. Ив. Гомулинъ 8 дней знаменовалъ великіе государевы розныя дѣла. Генв. 16, иконописецъ Федька Тимошеевъ знаменилъ подъ шитье около пелены Богородицы Одогитрея кайлимъ (что послана въ Астрахань), 6 дней. Юля 10, икон. Маргъ Васильевъ знаменилъ (20 дней) образъ Богородицы настоящей, что въ Вознесенскомъ монастырѣ, да образъ Зачатія Аліи и Алимъ, да церковныя покровы.

1642 г. апр. 5, Ив. Гомулинъ знаменилъ (5 дней) въ Алексѣевскій дѣвичь монастырь воздухъ да 2 пелены. Мая 30 Ив. Гомулинъ 3 дни знаменилъ въ святлицѣ государевы дѣла. Юля 31, икон. Марго знаменилъ (6 дней) по тѣлѣ золотой, въ Рождству Богородицы, что на сѣняхъ, на убрусѣ денсусъ, да трехъ святителей Петра, Алексѣя, Іоанн Моислов. Чудотворцовъ да Θεогноста митрополита. Окт. 20, Ив. Гомулинъ знаменилъ на убрусѣ Пречистой Богородицы трепарь да Кирилу блговѣрскому чудотворцу на покровъ водниевъ. Нояб. 11, шатерные мастера Ив. Янышевъ съ товарищи три человека дѣлали покровъ на гробъ Кирилу блговѣрскаго Чудотворца и слова переходили на новую ланку, работали съ 4 по 19 сентября и получили за работу по два орена на день человѣку, всего 80 алт.

1643 г. Юня 4, Ив. Гомулинъ на покровцахъ писалъ слова, а икон. Марго знаменилъ воздуха (работ. 6 дней). Нояб. 10, Ив. Гомулинъ знаменилъ крестъ на гробъ Цца Ивана Мил., да въ стѣшарю ослонце подѣ иланья, что въ Верху въ соборъ Пречистыя Богородицы; да трепарь, да кондакъ Александру Смерскому чудотворцу (6 дней).

1644 г. Юля 21, Маргъ Матвѣевъ знаменилъ по каймѣ на двои сосуди покровы (6 дней). Авг. 4, икон. Маргъ знаменилъ покровы. Окт. 27, Ив. Гомулинъ знаменилъ 9 дней воздуху и покровы и на каймахъ слова у херугови Успенія Богородицы. Нояб. 10, Маргъ Матвѣевъ съ товарищемъ два дни знаменили воздуху.

1645 г. Юня 21, шатерные мастера Ив. Янышовъ да Васко Орееевъ 9 дней починивали старую херуговь и перешивали на тѣту изъ большаго собору Успенія Богородицы. Юля 7, Оруж. Пал. знаменщикъ Иванъ Матвѣевъ знаменилъ (6 дней) херуговное дерево въ соборную церковь Успенія Богородицы, для чего ему выдано на масло скандарное да на левкашенье 3 алт. Юля 7, Оруж. Пал. иконописцы Сидоръ Поспѣевъ, Иванъ Соловей, Ив. Муравей, Ив. Борисовъ, Козма Чертенюкъ, Кириллъ Ивановъ знаменили образецъ на плащеницу въ монастырь въ Спасу, что на Новоимъ. Авг. 19, Серебр. Пал. словописецъ Ив. Гомулинъ, писалъ (8 день) на херугови новой, въ Успенскій соборъ, тропарь да кондакъ да на пелену Рождства Богородицы, что на сѣняхъ, тропарь да кондакъ; да на покровъ царя Михаила Федоровича подпись.

1648 г. дек. 11, Серебр. Пал. знаменщикъ Симанка Федоровъ (Ушановъ) знаменилъ на покровъ подъ шитье Спасовъ Нерукотворенный образъ да на покровъ свъ Николаи Чудотв. образъ.

1649 г. апр. 6, иконоп. Карпунка Тимошеевъ знаменилъ (20 дней) подъ шитье пелену Рождства Богородицы въ девятнадцати вѣстѣхъ да воздухъ да два покровца церковныхъ сосудовъ да съ того воздуха и

покрывцовъ знаменилъ и цвѣтилъ красками на бумагу. Апр. 16, Серебряныя палаты словописецъ Андрюшка Гомулинъ знаменилъ 17 дней (по алтыну на день кормовыхъ) подъ шитье на трехъ воздухахъ да на дву покрывцахъ да на плащаницѣ подписи съ лѣтописцомъ; да на трехъ пеленахъ Пречистыя Богородицы Одигитріе, да Животворящего креста да Николая Чудотворца тропари да Алексѣя Чудотворца на покровѣ тропарь да кондакъ съ лѣтописцомъ. Апр. 27, Симанъ Федоровъ (Ушаковъ) знаменилъ (29 дней) подъ шитье покровъ Алексѣя Митрополита Моск. Чуд., да на иконали деисусъ, да поверхъ деисуса херувимы, да пелену Рождества Богородицы съ дѣйствы пѣ камкѣ, подъ шитьемъ, да цвѣтилъ съ тою пеленою красками ластъ да воздухъ по камкѣ знаменилъ. Мая 22, Серебр. Палаты знаменщикъ Симонъ Федоровъ 3 дни знаменилъ покрывцы и воздухъ и Спасовъ образъ на Патриаршеской сакъ подъ шитье. Юня 7, иконоп. Мина Якимовъ знаменилъ (5 дней) воздухъ да покрывецъ да на амѣоръ образцы по бумагѣ и цвѣтилъ краски; да Рождества Богородицы дѣйство по бумагѣ во шти мѣстехъ и цвѣтилъ краски. Юня 8, Симонъ Федоровъ знаменилъ (3 дни) на амѣоръ по бумагѣ образцы да Рождества Богородицы дѣйство по бумагѣ и цвѣтилъ краски, съ иконописцемъ Миною Яковлевымъ. Юня 12, иконоп. Карпунька да Поликарпикъ Тимофеевы да Андрюшка Кирилловъ знаменили (1 день) по атласу таусинному подъ шитье на два амѣора кресты страстныя. Юля 1, иконоп. Поликарпикъ Тимофеевъ да Андрюшка Кирилловъ знаменили (2 дни) по атласу таусинному подъ шитье амѣорныя образцы. Юля 8, Серебр. Пал. словописецъ Андрюшка Гомулинъ знаменилъ (9 дней) бѣлками на дву воздухахъ да на четырехъ покрывцахъ тропари и кондаки, подъ шитье. Авг. 11, Симанъ Федоровъ знаменилъ (7 дней) подъ шитье по камкѣ образъ преподобнаго Савы чудотв. Сторожевскаго съ чудесы. Авг. 17, словописецъ Андрюшка Гомулинъ знаменилъ (7 дней) тропарь да кондакъ да лѣтописецъ на покровѣ святаго Артемія Веригульскаго, подъ шитье. Окт. 4, Петръ Ремезовъ купилъ еунтъ бѣлилъ за 3 ал. 2 д. для знаменія всякихъ государевыхъ дѣлъ. Окт. 30, Оруж. Пал. Травщикъ Ив. Соловей знаменилъ (2 дни) на дву покрывцахъ, Алексѣя митрополита да Савы чудотворца Сторожевскаго, на поляхъ травы. Ноябрь. 9, иконоп. Карпъ Тимофеевъ подписывалъ (11 дней) водосвященную чашу да два покрывца да воздухъ да на пеленѣ Пречистыя Богородицы тропарь да кондакъ, подъ шитье; да знаменилъ крестъ и подписи на покровѣ умершаго Царевича Дмитрія Алексѣевича.

1650 г. авг. 30, шатерныя мастера Ивашка да Федька Янышевы 5 дней перешивали двѣ пелены шитыя въ лицѣхъ Рождество Преч. Богородицы да Христовы мученицы Парасковѣи, нарицаемыя Пятницы, на новую камку для того, что на чомъ шиты и тѣ камки въ шитьѣ позамарались. Окт. 30, шатерный мастеръ Ив. Янышевъ наклеивалъ на полотно Савы чудотворца образецъ съ шитьемъ, на бумагѣ писанъ. Ноябрь 19, оружейныя полаты знаменщикъ Ивашка Матвѣевъ знаменилъ (6 дней) подъ шитье на сакъ по бархоту червчатому оплечье и зарукавье и кружнво, да съ того переводилъ образцы на бумагу. Ноябрь. 30, икон-

никъ Степ Резанецъ знаменилъ (5 дней) подъ житье по мангѣ попова Алексѣя да Юмъ нитрополитомъ.

1652 г. мая 12, шатери, мастера Ив. да Фед. Ямшенинъ знамен (16 недѣль, по 10 д. на день, всего 12 р. 20 ал.) на поленяхъ обр. Рюмства Богородицы, образъ Спасова, да Вич. Парасковѣи, наричма Пятницы да хоругвь Архангела Михаила да поручи. Да въ три дни они здѣлали царицы Маріи Ильичимъ подножье. Дек. 28, Оу Пал. знаменщикъ Ив. Матѣевъ знаменилъ (11 дней) ошлечья да пог. подъяческія.

1653 г. генв. 26, Ив. Матѣевъ подѣлю и 6 дней *волола узору шапме и ошлечиме и ширимечиме*, за что получилъ кормовыхъ по 8 ден. на день. Марта 17, Оружейнике Полаты знаменщикъ Иванша Сомшесть дней знаменилъ ошлечья да поручи.

Въ 1659 г. апр. 22, Золотой и Серебряной Палаты знаменщикъ, вѣстѣйшій и искусѣйшій иконописецъ своего времени, писалъ на прочимъ въ одной изъ своихъ челобитныхъ: знаменитъ онъ (черти рисуеть) на сосудахъ и на дробницахъ, и къ нимъ дѣлають оидко иконописникъ, и для чертенныхъ дѣлъ, и государини царицы Мастерскую Палату оидко знаменитъ поелам и утвари...

Указатель предметовъ, упомяну. въ Исторіалахъ.

Аланъ 97. 156. 168. Алексиръ 140. Анеоръ 36. 104. 114. Анисъ 79. А столыникъ 131. Аптека 145. 149. Арганы 75. 147. Аршинъ 123. 139.

Бадья 159. Баранъ 59. Барсучье сало 130. Барсы 57. Басмы 80. Б кам. 51. Башмаки 38. 39. 46. 48. 82. 85. 96. 99. 112. 113. 117. 121. 128. 136. 145. 146. 147. 149. Бганъ 103. Безуй. 54. 61. 149. Бирки Бисеръ 122. Благословеніе 72. 76. Блинки 10. 11. 12. 15. Баюдо 49. 72. Бобровомъ струйка 130. Богодѣльни 10. 11. 13. 16. 17. Богомолы 23. 91. 118. 124. 149. Богомольцы 154. 158. Болваны 124. 125. 131. 147. Бортка 34. Боярыни 84. 139. 143. Боярышни 123. 126. Брага 11 14. Братники 52. 56. 79. 95. Брусикъ 53. Булава 57. Булавка 50. 127. Бумага писчая 145. Бумага хлопч. 64. 63. 69. 71. Бумажникъ 81. 85. 91. 102. 113. 146. Бурса 124. Бывалы 39. 117. 119. 127. 131. Б ленка 33. 39. 48. 57. 158. Бѣлки 58. Бѣлая казна 160—166. Бѣлое пл 117. Бѣль 65. 114. 137.

Вареникъ 131. Вдовская тафта 88. 94. Веретенцо 56. Вершокъ и верхъ. 85. 105. 107. 108. 109. 111. Ваносы: 58—62. 64. 67—69. 71—75 93. 115. 117. Витейка 82. Водка 149. Водопойка 158. Воздухъ 105. Возомъ 79. Войлокъ 118. 121. Волосникъ 35. 47. Воли 57. 58. Ворот 159. Воскъ 122. Вотолка 39. Вошвы 33. 35. 36. 40. 46. 80. 84. 86. 87 98. 103. 108. 109. 110. 134. 140. 156. Выростокъ 40. 46. 49. Вѣно Вѣнецъ 22. 47. 84. 123. 130. 156. Васки 53. 117. 119.

Гамаюнъ 65. Гирѣйская камка. 42. Гнѣздо 54. Голочки 119. Горы 137. 159. Гранать (парпынъ) 75. Гребенекъ 34. 50. 118. 125. 140. Гривна 126. Гробъ, гробница 73. 74. 116 157. Губка 74.

Дары, подарки, пожалованья 12. 16. 59. 60. 71. 76. 77. 80. 81. 82. 83. 84. 88—95. 98. 99. 100. 101. 102. 103. 104. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 114. 116. 119. 121. 122. 123. 125. 126. 128. 129. 131. 136. 139. 159. Дворъ старый 51. 52; царьборисов. 120. Дядина 115. Дневаны 144. Домра 129. Домрачей 121—125. 152. 153. Доска аспид. 54. Достоканы 52. 56. 86. Дробница 41. 50. 54. 65. 74. 83. Дрова 120. Дыхлой 14. Дуракъ 59. 82. 120. 124. Дурка 59. 91. 92. 115. 119. 121. 122. 126. 127. 128. 129. 130. 150. 154. Духовникъ 66. 70. 108. Дьяки крест. 59. 61. 71. 75. Дзвуща, дзвца 124. 143. 151. 152. 155. Дзловяца хамовн. 130. Дзло хамовн. 160.

Жаровня 53. 159. Жемчугъ 20. 21. 33. 50. 74. 130. Жлудная пугов. 45. Завязки. 47. 63. Завѣсь 50. 81. 88. 102. 119. 124. 129. 137. 149. 156. Задъ лѣтн. 113. Задокъ кни 94. Задники чебот. 103. Замки 119. Записи крестныя 3—5. Запона 54. 62. 66. 78. 139. Запонъ 39. 63. 105. 108. 109. 120. 130. Запястье 50. 91. 92. Зарукавые 50. 82. Застежка 53. Застѣнокъ 12. 50. 57. 65. 66. 67. 74. Затворникъ 13. 14. Зголовье, см. изголовье. Зеркало 36. 37. 39. 46. 48. 50. 53. 54. 55. 57. 107. 116. 117. 135. 158. Зерцала 54, 57. Зилы 44. Знамя 55. Знаменщики 60. 78. 115. 116. 139. 142. 169—174. Знаменить 65. Золото волоч. 35. 38. 57; сусальн. 133. Золотые 19. 48. 53. 76. Зуботычка 53. Зубы рыбы 58.

Иготъ 52. Игрыцы 49. Игрушки 57. Избушка 71. 106. Изголовье 53. 55. 56. 61. 63. 64. 65. 69. 80. 81. 91. 100. 102. 113. 125. 128. 130. Измиро 102. Икона 33. 48. 54. 124. 135. (см. образъ.) Ирогова кость 149. Ирха 59. Исти. 82. 83. 92. Истрапезъ 66. Ичетыги 38. 39. 96. 113. 114.

Кадашово 160—166. Кадилка 150. Казенка 117. Калмычка 91. 100. 104. 129. Камка 46. 59. Канитель 83. 86. 117. 123. Каптана 61. 76—78. Каптуръ 22. 25. 40. 81. 92. 101. 102. 105. 108. 112. 134. Каракса 116. Каряцки 14. 15. 89. 90. 95. 100. 119. 122. 127—130. Карлы 88. 89. 121. 124. 128. 148. Карманецъ 55. Каргулякъ 103. Каетанъ 46. 57. 88. 108. 128. 144. 145. 148. 153. Качель 79. 82. 84. 86. 108. 157. 158. Каша 76. 87. 104. Квасъ 13. Кяна 23. 47. 94. 128. Кисей 35. 46. 64. 125. 136. 138. Кисти 46. 47. 74. Бищенье 93. Клей 117. Клянны 113. въ-Клопецъ 64—66. Клятка 158. Клюква 17. Ключи 121. Кляпуши 46. 54. Книги 35. 39. 51. 58. 65. 75. 102. 116. 141. 145. 148. 149. Кобылки 110. Коверъ 51—56. 58. 69. 72. 60. 89. 94. 111. 138. Ковчегъ 149. Ковшъ 104. 109. 158. 159. Колачки 10. 11. 15. Колода 53. 56. 61. 78. 112. 122. 123. Колокольчикъ 57. 58. Колпакъ 49. Колыбель 106. 119. 136—138. Колымага 64. 69. 79. 154. Конюшня 61. Коробья 19. 33—35. 37—40. 46—51. 54. 56—58. 78. 84. 116. 117. 119. 120. 123. 125—127. 130. 134. Коробочка 34. 53. 54. Коровай 70. Кормилца 130. Кортель 32. 46. 49. 56. 87. 168. 169. Коруна 123. 138. Кормто 119. Косникъ 84. 88. 105. 113. 114. Коты морскіе 58. Крайчая 94. 119. Крестины 84. 87. Крестница Авдотья Капитонова 15. 89—91. 101. 106. 124. Крестовые дьячки 89. 109. 117, 118. Крестъ 49. 51. 53. 54. 61. 64. 76. 77. 117. Кровать 52. 55. Кругъ связч. 54. Крушиво 33. 37. 45. 47. 107. 108. 111. 114. 129. 141. Кружка 159. Ермакъ 53. Ерыльца херугови. 90; лѣтнич. 99. Кубикъ 52. Кубокъ 56. 76. 77. Кувшикъ 55. 56. 159. Куклы 84. 86—88. 92. Кунганъ 52. 55. 104. 118. 158. 159. Куницы 58. Курга 58. Кушакъ 40. 146.

Лагалище 90. 91. 99. 101. 107. 108. 113. 117. 123. 124. Ладоница 54. Ладохъ 89. Ланбикъ 52. Ларевскія вошны 41. 43. Ларацъ 33. 34. 35. 47. 48. 50. 53. 56. 84—86. 94. 101. 106. 108. 111. 119. 128. 139. Ляхахъ 34. 48. 49. 52. 54. 55. 72. 104. 118. 158. 159. Левкасеньё 119. 120. Лешина 14. Лешеть 94. 98. Лешки 150. Лески 89. Деть дивалы. 141. Леникъ 51. Ложка 49. 53. 57. 85. 94. 96. 109. Лучишко 57. Лысна 53. Лысомъ назаньё 112. Лыткинъ 20—26. 36. 38. 39—43. 48. 49. 56. 81. 88. 90—92. 97—99. 101. 103. 105. 113. 115. 134. 138. 150. 152. 168.

Масло шид. 149. Мастеричы 18. 63. 64. 78. 79. 88—90. 96. 116. 129. 139. 142. Мастеръ сереб. 66. 115—117. 120. Медъ 10. 14. 15. Медвядо 59. 150. 151. Милостыня 9—17. 22—24. 125. 128. 129. Миндери 52. 56. 63. 158. Миса 52. 159. Миткаль 35. 40. 60. 82. Молебень 10—17. 22—24. 120. 128. 128. Молоко шид. 140. Мошисто 55. Морковь 11. Моркось 49. 58. Мошна 47. Мусей 34. 52. Мутовмы 89. Мыленка 70. 93. Мыло 23. 34. 35. 57. 68. 74. 94. 102. 118. 125. 130. 134. 135. 141. 147. 148. 150. Мъдениъ 159. Мъль 117. 134. Мъра Гроба Г-ня 102. Мъсто 55. 58. 70. 94. 98. 106. 112. 155. Мъхъ дутей 159. Мъшечинъ 48.

Наволока 22. 34. 38. 40. 47. 49. 50. 56. 58. 65. 91. 100. 102. 103. 135. Нагалище 107. Наканки 113. Наколени 52. Наконечьяя 73. Налавникъ 58. Налосцъ 51. Наметка 121. Наручи 57. Нарядъ большой 127. Нарядъ вратей 151. см. Вотолка. Наувоальникъ 50. Наурузъ 52. Нашишка 34. 85. 89. Нерпы 128. Нивашьё 75. 78. 79. Нити 48. 81. 134. 140. Новосельё 69. 81. 80. 106. 108. 110. 139. Номинъ 24. 53. 54. 109. 116. 150. Номинцы 50. 134. Номинцы 159.

Обертка платя 59. Обноски 124. Образъ (шюна) 51. 57. 71. 74. 76. 77. 93. 95. 102. 103. 115. 116. 121. 130. 133. 146. 147. Образцы 33. 47. 50. Обтирка хоромъ 69. 74. 79. Обушекъ 149. Обядни 16. 17. Оdnорядка 49. 115. 152. 153. Одыло 33. 40. 46. 50. 51. 55. 56. 59. 63. 69. 80. 100. 138. 148. 158. Ожерелье жемч. 21. 22. 25—27. 37. 52. 53. 57. 60. 64. 83. 84. 86—89. 93. 95. 106. 107. 113. 119. 131. Ожерелье пуховое 25. 26. 39. 40. 49. 107. 151. Окладъ 128. Оловинникъ 52. 159. Овучки 38. 47. 54. 156. Опахало 116. 117. 124. 135. Опахень 22. 25. 26. 32. 39. 44. 48. 56. 59. 62. 65. 99. 126. 150. 167. Опашница 36. 37. 43. 48. 81. 82. 86. 87. Оплечье 65. 78. 80. 87. 99. 111. 112. 142. Орелъ 50. 57. 104. Ормякъ 52. Оръхи. 11. Оръхъ Индѣйск. 75. Осонъ 55. Остатки 33. Остроги 53. Осыпало 70. 75. 76. Охобень 55. 59. 87. 166. 167. Очки 59. Ошывка 35. 47. 85. 86. 87. 110.

Паворозы 131. Палата 40. 57. 58. 71. 84. 87. 111. 118. 121. 127. 131. 143. 147. Палашъ 53. 54. Панагея 34. 51. 53. 54. 64. 78. Паникадило 53. Паны 55. Пелена 64. 65. 69. 74. 75. 81. 82. 85. 98. 105. 108. 110. Пенези 70. Перевязка 100. 114. 127. Перевязъ 33. Передача 150. Передцы 36. 37. 47. 87. Переды чебот. 103. Перина 125. Перо 53. 138. Перекрестки 64. Переперы, перепелки 34. 36. 50. 73. 82. 117. 131. 151. Персть св. 102. Перстень 21. 25—27. 38. 53. 54. 60. 62. 116. 130. Песочница 53. 118. 139. въ—Петлю 67. 127. Печать 50. 53. 116. Пиво 14. 15. Пирогы 9—17. 138. Писцы 116. Письмен. принадлежи. 145. 147. 148. Питьё 13. 14. Платно 63. 68. Платочки 39. 47. Платье 122. 136. 137. Плащики 34: Плащаница 91. Побочины 88. 104. Повалыша 50. Повязка капт. 92. Погребчикъ

118. Подводы 17. Подволока 49. Подвязки 58. 146. 147. Подкладка 40. 49. Поднарядъ 149. Поднизъ 22. 108. Подножье 70. 85. 105. 115. Подпруга 37. Подсвѣчникъ 54. Подстилка 61. Поддубрусникъ 88. Подушка 34. 40. 56. 80. 91. 100. 102. 113. 156. 158. Подъячій свѣтлч. 60. Покровецъ 49. 57. Покровецъ (воздухъ) 91. 96. 105. 109. Покровъ, 64. 65. 75. 93. 96. 105. 106. 111. 116. 157. Покрыватье платья 94. Пола 56. Полавочникъ 68. 69. 118. Полка убрус. 34. 35. 48. 50. 57. Пологъ 84. 125. Полотенце 34. 35. 46. 47. 48. 52. 53. 57—60. 64. 83. 84. 102. 118. 132. Полотно 25. 53. 119. 160—166. Поля 149. Поля пелены 66. Полясть 119. 122. 126. Поминъ 12. 22—24. 135. Попонка 37. 52. 57. 58. 63. 64. Попугай 150. 154. 158. Портмояна 118. 120. 137. 159. Порты 34. 37. 38. 46. 47. 50. 53. 54. 56. 80. 86. 120. 127. 128. 154. Посохъ 55. 58. Поставецъ 77. 84. 150. Поставъ сумна 63. Постельницы 133. Постеля 51. 65. 80. 88. 116. 118. 121. 128. Постой цариды 15. Поталь 91. Потрахель 39. 86. 156. Потѣхи (игрушки) 9. 10. 12. 14. Потѣшная палата 39. 40. 48. 60. 154. Потѣшникъ 115. 116. 121. Подѣшка 121. Пояски 34. 35. 47. 48. 93. 95. 111. Поясъ 46. 95. 106. 149. Правильца 115. Прѣжники 103. Приволока 21. 57. 99. 121. 168. Приданое 25. 26. 116. Приступъ 69. 70. Прокладка 57. Пронизка 54. Простыня 34. 37. 47. 48. 54. 120. Пруть 159. Пряники 13. Псалтырь 35. Пуговицы 21. 34. 40. 53. 54. 58. 109. 122. 132. Пустышникъ 16. Пуховникъ 100. 113. 150. Пухъ (мѣхъ) 102. 104. 107. Пухъ (перье) 118. 125. Пѣтушекъ 73. Пяльцы 90. 94. 106.

Радость (свадьба) 43. 44. 61. 62. 63. 67.—72. 75. 77. 115. 157. Развѣска платья 148. Разсамахи 58. Расходъ денегъ 23—25. 28. 29. 131. Рязи 39. 78. 79. 83. 84. 91. 101. 105. 110. Рогъ 55. 58. Родины 137. Росольникъ 49. Роспашница 81. 112. Рубашка 52. 56. 82. 120. 124. 127. 128. 154. Рублевъ 67. Рудометница 126. Рукава 35. 38. 47. 56. Рукавицы, рукави 48. 55. 81. 83. 85. 117. 142. 148. 155. Рукавъ 66. 132. 138. 149. Румошникъ 34. 52. 54. 72. 104. Румянецъ 15. 23. 117. 118. 120. Румяница 158. Рундукъ 136. Рѣпа 10. 11. Рѣчи 71. 77. Рѣса (одежда) 54. 107. 151. 158. Рясю, въ ряснюю названье 37. 44. Рясю, уборъ 19. 53.

Сабля 54. 57. 61. Саванъ 90. 156. Садъ 120. Сахи 132. Салъ 105. Самопаль 53. 54. Сани 63. 79. 90. 92. 100. 157. Сапоги 39. 46. 120—123. 127—129. 153. Сараянъ 119. 122. 127. 128. 152. 153. Сатынь 57. 121. Саянь 83. Сахаръ 102. Саянъ 57. Свадьба см. Радость. Свайка 34. 120. 122. Свистѣлка 53. Свѣтлица 80. 132. 140. 142. Свѣчи 68. 70. 102. Свѣчникъ 51. 55. Связки 46. 47. 49. 56. 84. Святыни 102. Серебро волоч. 35. 38. 57. Сермяга 153. Серьги 18—23. 25. 26. 30. 80. 108. 119. 125. 126. 128. 130. 131. 140. Смайка 63. Скатерть 47. 52. 57. 160—166. Складни 51. Склишка 73. Складницы 52. 54. 55. 56. 125. 126. 130. 145. 155. Скворода 52. 159. Славенье 73. 75. 118. Слобода Кадаш. 160. Слѣпая 122. въ Сивну 103. Снуръ 47. 56. 57. 95. Соболи 58. Солнчникъ 150. Солонка 49. 50. 159. Сорочка жен. 19. 25. 34. 35. 37. 38. 47. 56. 95. 111. 125; муж. 34. 35. 37. 38. 46—48. 50. 53. 54. 56. 80. 81. 86. 88. 89. 90. 93. 106. Сорочка покрывша 47. 49. 56. 78. 92. 93. Спорки 21. 33. 39. 46—49. 56. Срачница Г-ня 74. 75. Ставникъ 35. 57. 85. 115. 158. 159. Стаканъ 109. Старица 66. 73. 75. 129. Стельки 85—119. 122. 126. Стирки 83. 88. 110. Стихарь

78. 83. 105. 110. Столбунецъ 119. Столчанъ 54. 58. Столъ 69. 78. 79. 84. 110. Столъ, обѣдъ 71. Стольничъ 116. Стопа 61. 53. Стѣржи 74. 75. Стрѣмена 57. Стрѣниа 83. 94. Стрѣчице 115. Струнникъ 111. Стулъ 54—56. 87. 115. 144. Судебная Пал. 118. Судно, сосудъ 35. 47. 56. 72. 74. 75. 129. 123. 124. Судно 100. 113. 114. 138. Судно провол. 40. 145. Суняя 153. Сулея 52. 57. Сумочка 53. Сувдучъ 19. 34. 85. 38. 39. 40. 46. 56. 58. 119. 19. 125. 136. 150. Суреница 33. 87. 158. Сурка 56. Сыръ 9. 14. 15. Сядалка 82. Саян 119. Сѣвникъ 69.

Тавлекъ 54. 132. Таганъ 159. Тавъ 55. 123. 158. 159. Таеъя 21. 34. 46. 60. 64. 88. 91. 114. 115. Тахтуй 87. Тачка 86. Тебенникъ 58. Телѣга 145. Терликъ 68. 63. Тесна 35. 47. 53. Тигляй 58. Торлонъ 21. 48. 50. Торчъ 49. Трѣухъ 57. 89. 98. 105. 124. 140. 155. Трубка вод. 84. 54; свѣчи 52; подвори. 60. 129. 130. 131. Тѣлограмъ 21. 22. 26. 32. 35. 39. 40. 44. 45. 46. 82. 86. 87. 89. 90. 92. 93. 97—101. 107. 111. 113. 123. 127—129. 137. 138. 141. 142. 151. 158. 167. 169.

Убрусцы 25. 33. 35. 37. 50. Уголь передній 88. Уларъ 111. Уродливые 16. 79. 119. 121—124. 128. 151. 153. Утаральникъ 35. 46. 54. Утучъ 123. Уховертка 53.

Фѣта 52. 57. 58. 80. 94. Фѣрала 22. 40. 46. 50. 152. Фѣресен 148. Фляшка 52. 54. Фоларъ 52. 54. 68. 85. 87. Фуликъ 33. Фунтъ 119.

Хановское дѣло 160—166. Харугова 80. Холсты 82. Хорони, чистка 143. Цѣта 48. 49. 85. 102. Цѣппиенка 57. 80. (ск. суди). Цѣк, мѣх. 32. 63. 79. 89. Цѣмбальникъ 60. въ-цѣпки 45.

Чарка 34. 50. 56. 57. 128. Часъ 35. 49. 52. 55. 147. 148. Чаша 47. Чашка 56. 57. Чеботы 35. 38. 39. 48. 49. 58. 85. 93. 96—100. 103. 112. 117. 119. 121. 122. 126. 136. Чеканъ шитье 36. Чемоданъ 55. 80. Чѣпъ чѣпочка 53. 54. 118. Чердаки 143. Черевеси 58. Черевинки 38. Чернялица 53. 118. 138. Чертежъ 54. Четки 48. 53. 81. 89. 102. 122. Чехлы 37. 40. 46. 47. 54. 85. 107. 112. 114. Чинъ царичинъ 18. Чичакъ 53. Чюлянъ 158. Чюлки 39. 49. 53. 82. 96. 99. 111. 132. 145—146. 148. 149. Чюфай 154.

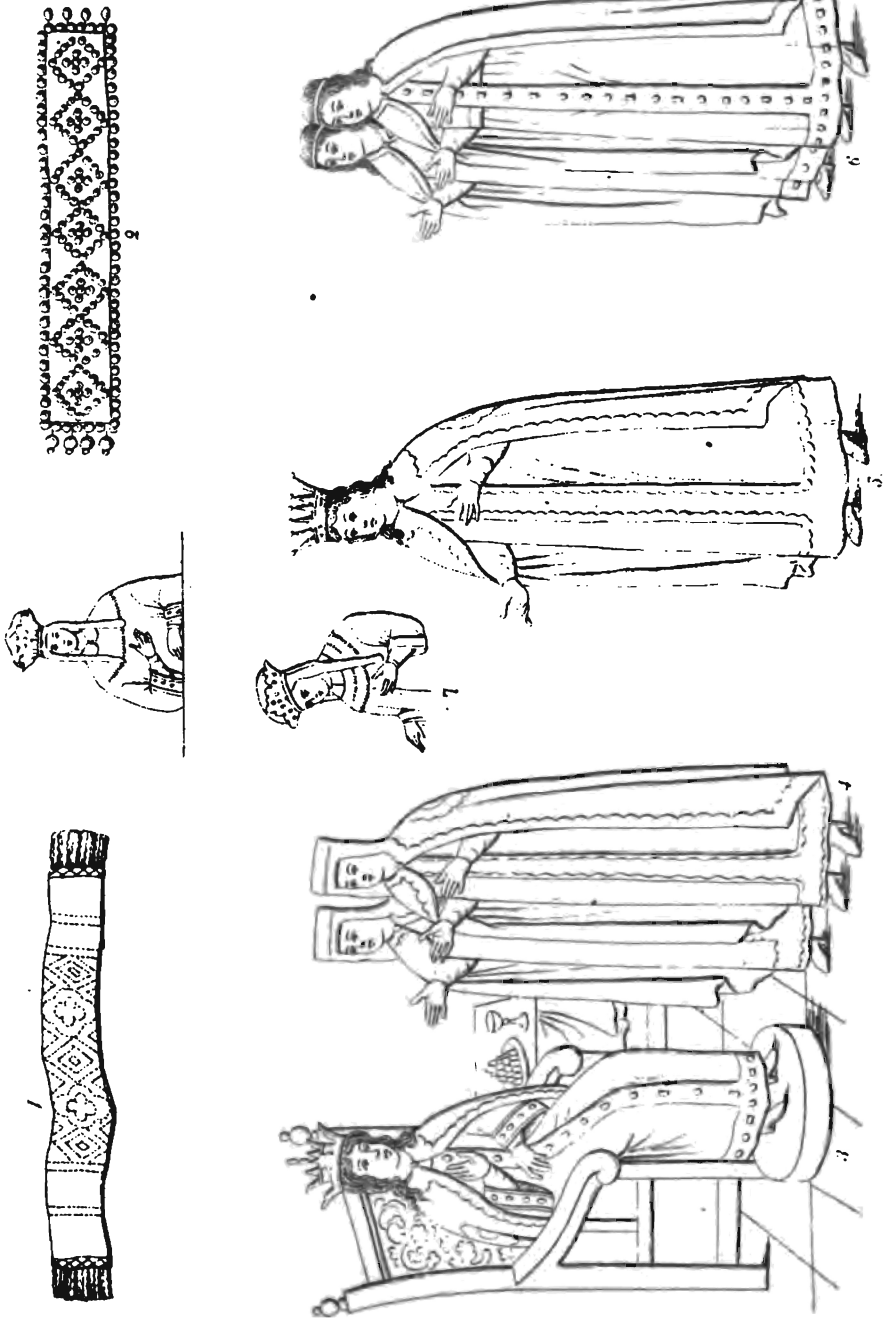
Шанданъ 54. 55. Шапка 22. 25. 26. 39. 49. 52. 53. 83. 84. 88. 91. 93. 103. 106. 107. 111. 112. 115. 119—122. 129. 153. 154. Шапочка 33. 56. Шапочникъ 126. 157. Шатеръ 52. Шахматы 35. 53. 54. 60. 132. 150. Шерсть оленья 123. Шида 38. Ширябать 135. Ширинка 35. 37. 38. 46—48. 57. 81. 83. 86. 88. 93. 156. Шитье 45. 88. 156. Шкатула 21. 52. 53. 54. 85. 90. 99. Шкарпетки 132. Шлыкъ 63. Шляпа 85. 102. 105. 107. 117. 119—121. 127. 131. Шолакъ 34. 35. 38. 48. 83. 89. 92. 93. 95. Штаны 52. 132. 149. 153. Шуба 21. 40. 59. 63. 68. 79. 91. 100. 104. 123. 151. 166. 167. Шубка 21. 22. 25. 26. 32. 35. 39. 40. 43. 44. 46. 48. 49. 92. 97. 98. 100. 107. 112. 132. 134. 152. 156. 168. 169. Шутиха 153.

Щетка 74. 117. 121. Щипецъ. 54. Щигъ. 57.

Яблоко ппикад. 79. Явки 118. Ягоды 11. 14. 17. Яндова 159. Яшма 56. Ящикъ 19. 33—35. 39. 48. 55—57. 108. 127.

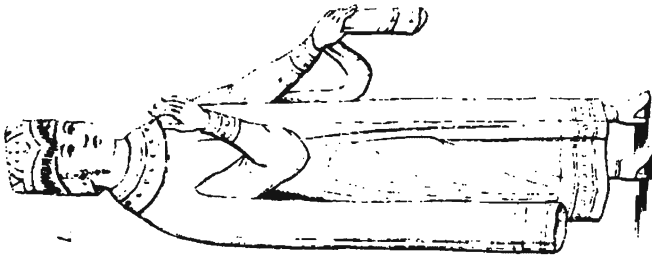
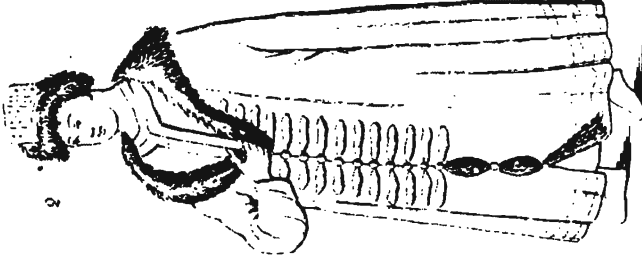
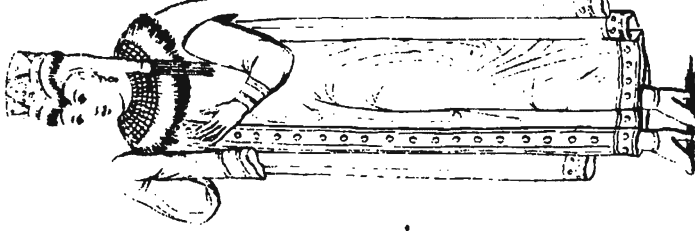
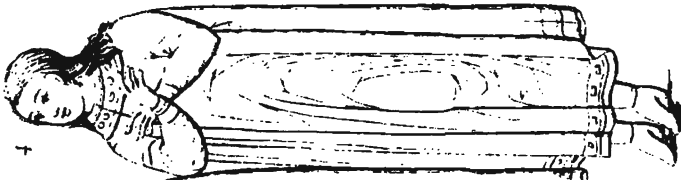
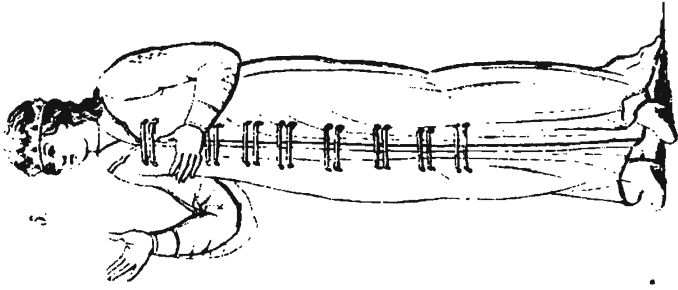

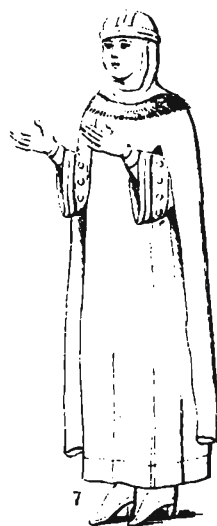
См. Шенников, с. 100.

См. Шелестникова, в. М. 1910.

С. И. Давыдов, 1914 г.

Лит Шелковицкая, р. Москва

Лет Шакоуникова, из Мускань